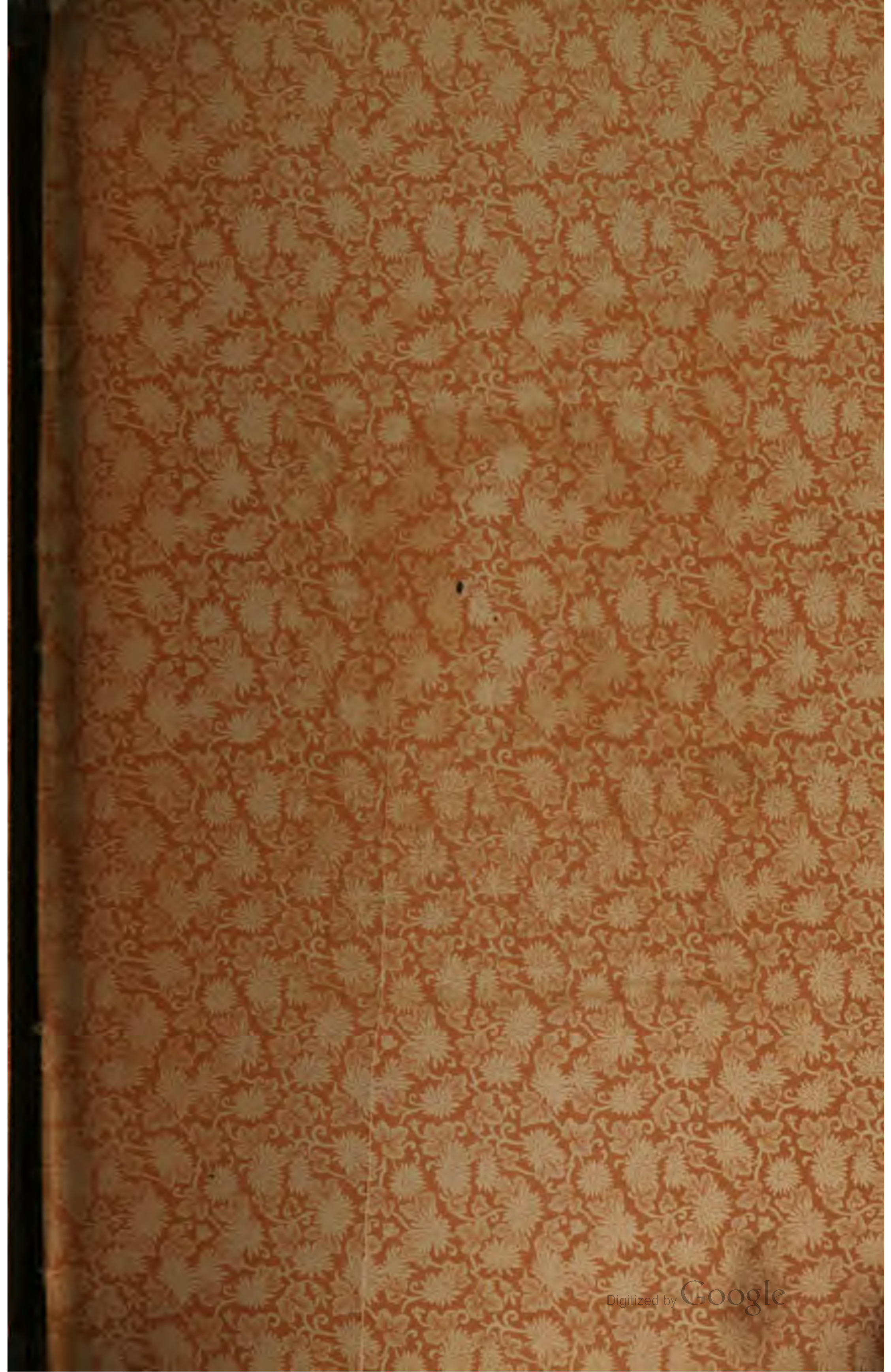

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI
TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928



ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1857.

ІЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ XCV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1857.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ

ОТЧЕТА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА 1856 ГОДЪ.

Имѣю счастіе всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству Отчетъ по Министерству народнаго просвѣщенія за 1856 годъ.

Отчетъ сей содержитъ въ себѣ: 1) обозрѣніе общихъ распоряженій, относящихся ко всѣмъ или только къ нѣкоторымъ частямъ Министерства; 2) описаніе состоянія каждой части отдѣльно; 3) таблицы статистическія по учебной части Министерства, и 4) вѣдомости объ оборотахъ суммъ и движеніи дѣлопроизводства.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

Осмотръ учебныхъ заведеній. Съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія, въ-теченіе сентября и октября 1856 года, осмотрѣны мною университеты:

Харьковскій и св. Владиміра въ Кіевѣ; лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ; Харьковское ветеринарное училище; институты: Варшавскій благородный и Виленскій дворянскій; двадцать гимназій, именно: въ Тулѣ, Орлѣ, Курскѣ, двѣ въ Харьковѣ, въ Полтавѣ, Нѣжинѣ, двѣ въ Кіевѣ, въ Житомирѣ, Ковно, Люблинѣ, Радомѣ, двѣ въ Варшавѣ, въ Бѣлостокѣ, Гродно, Вильнѣ, Динабургѣ и Псковѣ, съ благородными пансіонами при однѣхъ и съ общими ученическими квартирами при другихъ; четырехклассныя отдѣленія при гимназіяхъ въ Бѣлостокѣ, Гродно и Вильнѣ, при Раввинскихъ училищахъ въ Житомирѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; конвиктъ для бѣдныхъ при Виленской гимназіи, институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ (близъ Варшавы), институтъ для приготовленія учителей начальныхъ училищъ въ Радзиминѣ, художественная, воскресныя коммерческая и ремесленная школы въ Варшавѣ, а также нѣкоторыя изъ лежавшихъ на пути дворянскія, уѣздныя и начальныя училища.

Независимо отъ того, во время пребыванія моего въ Москвѣ, по случаю Священнаго Коронованія Вашего Величества, были посѣщаемы мною находящіяся тамъ университетъ и другія учебныя заведенія. Изъ принадлежащихъ къ Московскому учебному округу гимназій осмотрѣны мною Тульская съ благороднымъ при ней пансіономъ.

На время моего отсутствія для обозрѣнія учебныхъ заведеній, управленіе Министерствомъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, возложено было на Товарища моего, сенатора князя *Вяземскаго*.

Главное правленіе училищъ.

Признавая одною изъ самыхъ важныхъ заботъ образованіе народное, какъ залогъ благоденствія государства, Ваше Императорское Величество

изволили изъявить желаніе, чтобы учебныя заведенія вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, наблюденіемъ и попеченіемъ. Въ этихъ видахъ 5 мая данъ Правительствующему Сенату Высочайшій указъ, которымъ начертаны правила для дѣйствій Главнаго правленія училищъ.

Для усиленія способовъ Главнаго правленія училищъ, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было къ наличному числу членовъ онаго присовокупить: начальника главнаго штаба Вашего Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ, генералъ-адъютанта *Ростовцова*, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона *Корфа*, генералъ-адъютанта *Игнатьева*, тайныхъ совѣтниковъ: *Титова*, *Сербиновича*, ректора С. Петербургскаго университета *Плетнева*, ректора С. Петербургской духовной академіи епископа *Макарія* и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа *Демидова* и *Постельса*.

Ученый комитетъ.

Тѣмъ-же указомъ возстановленъ ученый комитетъ, какъ отдѣльная часть Главнаго правленія училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упразднёнъ состоявшій при Министерствѣ комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ.

О законоучителяхъ.

При данномъ основаніи образованію отечественному воспитаніемъ дѣтей въ святыхъ истинахъ нашей Божественной вѣры, Министерство, обращая преимущественное и неусыпное вниманіе на сей важный предметъ, не можетъ довольствоваться развитіемъ въ учебныхъ заведеніяхъ одной стороны законоученія, нерѣдко предлагаемой юношамъ въ слишкомъ отвлеченной и схоластической формѣ. Оставляя не-

прикосновеннымъ все, что распоряженіемъ св. Сvнода введено въ преподаваніе учебныхъ заведеній относительно коренныхъ началъ вѣры, Министерство заботится о томъ, чтобы самая метода преподаванія закона Божія приняла свойство нравственно-назидательнаго, одушевляющаго ученія, способнаго дѣйствовать на воспріимчивыя и мягкія сердца юношей и направлять христіанскій образъ мыслей къ практическому развитію на жизненномъ поприщѣ. Главное для этого средство—выборъ законоучителей. Съ этою цѣлію, съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, я вошелъ въ сношеніе съ духовными властями, прося ихъ содѣйствія къ тому, дабы преимущественно для университетовъ и для другихъ учебныхъ заведеній назначаемы были въ преподаватели закона Божія лица съ строгою разборчивостію, вполнѣ образованные, съ высокимъ нравственнымъ направленіемъ, способные какъ примѣромъ, такъ и изложеніемъ ученія разогрѣвать сердца юношей.

О преподаваніи закона Божія.

При личномъ осмотрѣ моемъ многихъ учебныхъ заведеній, обращая ближайшее вниманіе на программы и на способъ преподаванія, я замѣтилъ, что въ первомъ классѣ уѣздныхъ училищъ преподается священная исторія ветхаго завѣта, а во второмъ — священная исторія новаго завѣта, отъ-чего дѣти въ первый годъ ихъ ученія вовсе не ознакомлены даже съ главнѣйшими событіями земной жизни Спасителя, и мальчикъ, приходя въ церковь къ слушанію божественной литургіи въ двунадесятые праздники, не можетъ объяснить себѣ событія, въ память котораго установленъ праздникъ. Посему, не касаясь настоящей программы, доколѣ она не будетъ измѣнена св. Сvнодомъ, я указывалъ на необходимость, чтобы

дѣтямъ, съ самаго поступленія ихъ въ училища, были объясняемы главныя черты новаго завѣта, тѣмъ болѣе, что въ уѣздныхъ училащахъ, въ первомъ классѣ, среди дѣтей нѣжнаго возраста встрѣчаются также пятнадцатилѣтніе юноши. Сіи замѣчанія сообщены чрезъ оберъ-прокурора святѣйшему Правительствующему Сѵноду, съ тѣмъ, что не будеть-ли признано нужнымъ дополнить програму преподаванія закона Божія.

О прекращеніи преподаванія военныхъ наукъ.

Во исполненіе Высочайшей воли и для удовлетворенія по бывшимъ военнымъ обстоятельствамъ особенной потребности въ офицерахъ, введено было, съ начала 1855 г., въ столичные университеты и гимназіи преподаваніе военныхъ наукъ, съ цѣлію приготовленія въ возможно скоромъ времени практическихъ офицеровъ, на военное время.

Имѣя въ виду, что съ заключеніемъ мира преподаваніе военныхъ наукъ должно быть прекращено, я всеподданнѣйше испрашивалъ на сіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, и повергалъ на всемилостивѣйшее воззрѣніе слѣдующее обстоятельство:

На основаніи Высочайше одобренныхъ въ 1855 г. правилъ, обучавшимся военнымъ наукамъ были дарованы на военное время особыя преимущества при опредѣленіи въ военную службу. Принимая во вниманіе, что воспитанники учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія, воспользовавшіеся сими преимуществами, показали себя на опытѣ достойными оныхъ, и что готовившіеся въ минувшемъ году къ выпуску въ-теченіе двухъ курсовъ занимались военными науками, я полагалъ, что было-бы справедливымъ вознагражденіемъ ихъ усиленныхъ трудовъ, оставленіе имъ тѣхъ-же правъ,

которыми воспользовались товарищи ихъ предшедшаго выпуска.

Оба сіи предположенія въ 12 день апрѣля удостоены Высочайшаго утвержденія.

О правахъ въ военной службѣ воспитанниковъ институтовъ и гимназій.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Военнаго Министра о правахъ въ военной службѣ лицъ, поступающихъ въ оную изъ учебныхъ заведеній, полагалъ, между прочимъ, постановить одинъ годъ срокомъ выслуги для производства въ первый офицерскій чинъ воспитанниковъ дворянскихъ институтовъ и гимназій, выпускаемыхъ по окончаніи курса съ правомъ на чинъ XIV класса, кромѣ института Виленскаго, сравненнаго въ семъ отношеніи съ университетами.

Такое мнѣніе Высочайше утверждено въ 28 день іюля.

О траурныхъ доскахъ.

Изложенное въ ст. 924 т. III *Воен. пост.* правило относительно внесенія на траурныя доски именъ убитыхъ или умершихъ отъ ранъ офицеровъ, воспитывавшихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, 20 сентября Высочайше повелѣно распространить и на офицеровъ, вступившихъ въ военную службу по окончаніи воспитанія въ университетахъ и другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, учредивъ для сего траурныя доски въ церквахъ тѣхъ гражданскихъ училищныхъ заведеній, въ которыхъ окончили курсъ наукъ сіи офицеры, или-же въ актовыхъ залахъ тѣхъ изъ заведеній, которыя не имѣютъ собственныхъ церквей.

Объ училищахъ для дѣвицъ.

Въ системѣ народнаго образованія по сіе время преимущественное вниманіе правительства обращено было на образованіе мужескаго пола. Институты для дѣвицъ, обязанные существованіемъ своимъ попеченіямъ Особъ Августѣйшаго Дома, предназначены

для ограниченнаго числа дочерей дворянъ и чиновниковъ; лица-же средняго состоянія, особенно въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, лишены возможности дать дочерямъ своимъ даже скромное образованіе. Вникая въ эту существенную потребность, я имѣлъ счастіе повергнуть на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе предположеніе мое объ открытіи школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ. Ваше Величество, соизволивъ одобрить мысли мои, Высочайше повелѣли приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ таковыхъ школъ на первый разъ въ губернскихъ городахъ, *по мѣрѣ способовъ*, какіе могутъ къ тому представиться.

Для осуществленія сего предположенія, собраны уже въ Министерствѣ необходимыя данныя, и можно надѣяться, что мало-по-малу образованію дѣвицъ средняго сословія положится доброе начало. Предвидится только затрудненіе въ способахъ содержанія училищъ, если дворянство и городскія общества не примутъ въ семъ дѣлѣ дѣятельнаго участія, о чемъ я войду въ ближайшее совѣщаніе съ Министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ Государыня Императрица Марія Александровна, принимая особенное всемилостивѣйшее участіе въ успѣхѣ сего дѣла, по поводу предположенія мѣстнаго начальства объ обращеніи на дѣвичье училище въ Нижнемъ-Новгородѣ 2071 руб., отпускаемыхъ тамошнимъ приказомъ общественнаго призрѣнія Казанскому Родіоновскому институту благородныхъ дѣвицъ, благоволила Высочайше повелѣть: производимую на институтъ сумму оставить, а на содержаніе Нижегородской школы

отпускать по 2071 р., изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній.

О посылкѣ молодыхъ людей за границу.

Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представлять Вашему Императорскому Величеству о необходимости, чтобы каждый профессоръ по своей каѳедрѣ, внимательно слѣдуя за лучшими студентами, если они окажутъ расположеніе къ ученому званію, подготовлялъ ихъ спеціально къ профессорскимъ обязанностямъ и доводилъ о послѣдующемъ, чрезъ посредство своего начальства, до свѣдѣнія Министерства, съ тѣмъ, чтобы молодыхъ людей, отличныхъ по способностямъ, посвящающихъ себя наукамъ и уже испытанныхъ Министерствомъ чрезъ порученіе имъ преподавательскихъ должностей, посылать за границу для усовершенствованія въ избранныхъ предметахъ и для полнаго приготовленія къ профессорскому званію. При чемъ всеподданнѣйше доложено, что такимъ-же способомъ надлежитъ имѣть въ виду и приготовленіе учителей новѣйшихъ языковъ для нашихъ учебныхъ заведеній. Предположенія сіи въ 5 день марта удостоены Высочайшаго одобренія.

О комплектованіи аудиторіатскаго вѣдомства студентами.

Ваше Императорское Величество, признавъ полезнымъ утвердить временно-допущенную мѣру комплектованія аудиторіатскаго вѣдомства студентами университетовъ, духовныхъ академій и семинарій, Высочайше повелѣть соизволили: принимать въ аудиторіатское вѣдомство кандидатовъ и студентовъ, окончившихъ полный курсъ съ правами на классные чины, опредѣляя ихъ первоначально для практическаго приготовленія къ аудиторскимъ должностямъ, соотвѣтственными ученымъ званіямъ ихъ чинами въ аудиторіатскій департаментъ, въ полевые аудиторіаты и въ штабы корпусовъ.

О производствѣ въ чины домашнихъ наставниковъ и учителей.

Въ 16 день іюля Высочайше постановлены правила о порядкѣ производства въ чины домашнихъ наставниковъ и учителей вообще, не исключая и студентовъ главнаго педагогическаго института, которые, получивъ на службѣ въ этомъ званіи чинъ, перейдутъ въ общую гражданскую службу.

Объ описаніи губерній.

Для распространенія вѣрныхъ географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о Государствѣ, въ особенности полезныхъ для учениковъ того края, въ которомъ они родились или воспитываются,—сдѣлано распоряженіе о приглашеніи преподавателей географіи въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ къ составленію описанія губерній, въ которыхъ тѣ учебныя заведенія находятся, съ тѣмъ чтобы о каждомъ такомъ трудѣ, признанномъ за лучшій по дирекціи, доводимо было до свѣдѣнія Министерства съ приложеніемъ экземпляра онаго для того, чтобъ имѣть возможность изъ сихъ брошюръ составить полную географію Россіи для руководства или пособія при преподаваніи оной въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства народнаго просвѣщенія.

О Славянскихъ единовѣрцахъ нашихъ.

Ваше Императорское Величество, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ Болгарамъ, Сербамъ и другимъ Славянамъ, нашимъ единовѣрцамъ, прибывающимъ въ Россію для образованія не имѣя къ тому способовъ, Высочайше повелѣть соизволили оказывать имъ всевозможное содѣйствіе къ поступленію въ учебныя заведенія Министерства народнаго просвѣщенія. Во исполненіе сего предложено попечителямъ Кіевскаго, Харьковскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ сдѣлать распоряженіе: 1) чтобы освобождать ихъ по бѣдности отъ платы за слушаніе лекцій и обученіе въ гимназіяхъ; 2) чтобы при необходимости помѣщенія кого-либо изъ нихъ на ка-

зенный счетъ, они были принимаемы въ число казенныхъ студентовъ и воспитанниковъ гимназій, если окажется къ тому возможность и будутъ вакансіи за размѣщеніемъ дѣтей Русскихъ подданныхъ.

О формѣ одежды.

По всеподданнѣйшему докладу моему, въ 22 день іюля, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 1) студентамъ и воспитанникамъ имѣть, кромѣ шинелей, пальто изъ темнозеленаго сукна, двубортное по общей формѣ; 2) студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній, кои до того носили треугольныя шляпы, дозволить носить въ обыкновенные дни при сюртукахъ фуражки, шляпы-же и шпаги носить въ праздничные дни и вообще при мундирныхъ полукафтанахъ.

Управленіе учебными заведеніями Министерства народнаго просвѣщенія раздѣлено на десять округовъ: С. Петербургскій, Московскій, Кіевскій, Харьковскій, Казанскій, Дерптскій, Одесскій, Виленскій, Варшавскій и Сибирскія училища. Кавказскій учебный округъ, по особому распоряженію, изъятъ отъ управленія Министерства народнаго просвѣщенія.

Учебныя заведенія дѣлятся на *высшія*, *среднія* и *низшія*.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I. Университетъ С. Петербургскій.

Вашему Императорскому Величеству, по всеподданнѣйшему докладу моему, благоугодно было всемилостивѣйше разрѣшить совѣту С. Петер-

бургскаго университета поднести Государю Наследнику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу дипломъ на званіе почетнаго члена сего университета, которое угодно было принять Его Императорскому Высочеству.

Начальство. Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату 6 апрѣля сенаторъ, тайный совѣтникъ *Мусинъ-Пушкинъ* Всемилостивѣйше пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники съ увольненіемъ отъ должности попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, которымъ управленіе продолжалъ онъ до 17 мая. Особымъ Высочайшимъ рескриптомъ дѣйствительному тайному совѣтнику Мусину-Пушкину выражена совершенная признательность Вашего Императорскаго Величества за тридцатилѣтнее полезное служеніе его въ званіи попечителя, первоначально Казанскаго, а потомъ С. Петербургскаго учебнаго округа.

22 апрѣля отставной статскій совѣтникъ князь *Щербатовъ* опредѣленъ помощникомъ попечителя. Высочайшимъ указомъ 26 августа онъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и всемилостивѣйше повелѣно ему быть исправляющимъ должность попечителя округа.

Составъ. С. Петербургскій университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и восточныхъ языковъ. Факультетъ физико-математическій раздѣляется на разряды наукъ математическихъ и естественныхъ. Юридическій факультетъ составляютъ разряды наукъ юридическихъ и камеральныхъ.

Факультетъ восточныхъ языковъ заключаетъ въ себѣ пять разрядовъ: Арабско-Персидско-Турецко-Татарскій, Монголо-Калмыцко-Татарскій, Китайско-Маньчжурскій, Арабско-Еврейскій и Армяно-Грузино-Татарскій.

Чиновниковъ и преподавателей въ университетѣ 75; учащихся 463, изъ нихъ: въ факультетѣ историко-филологическомъ 27, физико-математическомъ 117, юридическомъ 274, восточныхъ языковъ 45. Въ общемъ числѣ дѣтей дворянъ и чиновниковъ 314, духовнаго званія 17, купцовъ 42, податнаго состоянія 90; постороннихъ лицъ, слушающихъ лекціи 52.

Учебныя пособія.

Въ библіотекѣ университета состояло 52,666 томовъ; къ пріобрѣтеніямъ библіотеки относятся 1049 нумеровъ по духовному завѣщанію профессора *Мейера;* это собраніе составляютъ по преимуществу юридическія книги. При университетѣ находятся кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій, технологическій, коллекція моделей и машинъ для прикладной математики и химическая лабораторія.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

По случаю нахожденія ректора университета, тайнаго совѣтника *Плетнева*, съ 19 мая 1856 г., въ заграничномъ отпуску, продолженномъ съ Высочайшаго соизволенія до сентября текущаго года, должность его исполняетъ деканъ физико-математическаго факультета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ленцъ*.

Во время отсутствія дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя *Щербатова* для обозрѣнія нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, съ 11 іюля по 10 октября управленіе округомъ, съ моего разрѣшенія, поручено было также дѣйствительному статскому совѣтнику *Ленцу*, а отправленіе должности ректора

возложено на ординарнаго профессора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Буняковскаго.*

Профессоръ богословія, логики и психологіи, протоіерей Андрей *Райковскій*, по прошенію, уволенъ; на его мѣсто поступилъ священникъ магистръ Іоаннъ *Янышевъ*. Ординарный профессоръ Дерптскаго университета *Жиряевъ* перемѣщенъ въ С. Петербургскій университетъ на каѳедру Россійскихъ гражданскихъ законовъ; но въ концѣ года, къ общему сожалѣнію, скончался. Ординарный профессоръ Россійскихъ уголовныхъ законовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Баршевъ* уволенъ отъ службы при университетѣ, за выслугою лѣтъ. Магистръ *Астафьевъ* опредѣленъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи.

Возведеніе въ ученыя степени и званія.

Ученыхъ степеней и званій удостоено 93 человѣка: доктора — 3, магистра — 5, кандидата — 70, дѣйствительнаго студента — 15.

Практическіе преподаватели восточныхъ языковъ.

Находя необходимымъ для успѣшнаго изученія восточныхъ языковъ имѣть особыхъ преподавателей практическихъ уроковъ, я разрѣшилъ допустить способныя лица къ практическому упражненію студентовъ изъ платы по найму, по Ново-Арабскому, Китайскому и Монгольскому языкамъ.

Испытанія частныхъ лицъ.

Въ испытательномъ комитетѣ удостоены: званія домашнихъ учителей — 12, домашнихъ учительницъ — 36, учителей казенныхъ учебныхъ заведеній — 15.

Публичныя лекціи.

Ординарный профессоръ Степанъ *Куторга* читалъ для публики курсъ о природѣ и человѣкѣ.

Отправленіе ученыхъ въ путешествіе.

На основаніи Высочайшаго соизволенія, отправлены въ путешествіе для усовершенствованія въ наукахъ: адъюнктъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, докторъ историческихъ наукъ *Стасюлевичъ* — въ Германію, Францію, Англію и Италію, на одинъ годъ и

четыре мѣсяца; экстраординарный профессоръ ботаники *Ценковскій* — на одинъ годъ, съ предоставленіемъ ему выбора мѣстъ путешествія; экстраординарный профессоръ чистой и прикладной математики *Чебышевъ*—въ Германію, Францію и Бельгію на семь мѣсяцевъ, для распространенія свѣдѣній своихъ по практической механикѣ; ординарный профессоръ по каѳедрѣ законовъ царства Польскаго *Кржижановскій* — на одинъ годъ, въ Германію и Францію, для ознакомленія съ юриспруденціею и судебною практикою въ западной Европѣ, имѣющими связь съ преподаваемымъ имъ предметомъ; ординарный профессоръ Степ. *Куторга* — для геогностическихъ изслѣдованій по С. Петербургской и Псковской губерніямъ; исправляющій должность адъюнкта по каѳедрѣ Калмыцкаго языка *Голстунскій*—въ Калмыцкіе улусы Саратовской, Астраханской и Ставропольской губерній, на пять мѣсяцевъ, съ цѣлію практическаго усовершенствованія въ Калмыцкомъ языкѣ и изученія тамошняго края.

Ученые труды преподавателей.

Ординарный профессоръ *Устряловъ* приступилъ къ печатанію первыхъ трехъ томовъ «Исторіи царствованія Петра Великаго». Ординарный профессоръ Мих. *Куторга* занимался приведеніемъ къ окончанію труда, начатаго уже за нѣсколько лѣтъ, подъ заглавіемъ: «Критическія разысканія о событіяхъ во время Персидскихъ войнъ въ древней Греціи». Экстраординарный профессоръ *Штейнманъ*, кромѣ изданія вновь найденной рѣчи древняго Греческаго оратора Иперида, занимался составленіемъ Греческой грамматики. Экстраординарный профессоръ *Касторскій* написалъ: 1) обширную статью, подъ заглавіемъ: «Нравственныя стихіи въ человѣческомъ обществѣ»; 2) перевелъ и объяснилъ сочиненіе Ари-

стотеля: «Категорія», сдѣлавъ предварительный обзоръ Греческой философіи до Аристотеля. Ординарный профессоръ *Казембекъ* занимался составленіемъ послѣдней части своего сочиненія: «Біографіи ученыхъ и примѣчательныхъ мужей востока», и печатаніемъ «Полнаго конкорданса Корана». Ординарный профессоръ *Поповъ* приготовлялъ «Калмыцкую христоматію». Ординарный профессоръ *Мухлинскій:* 1) написалъ для университетскаго акта разсужденіе «О происхожденіи Литовскихъ Татаръ»; 2) печаталъ въ Варшавскомъ журналѣ матеріалы изъ восточныхъ писателей для Польской исторіи; 3) приготовляетъ изданіе Турецко-Русскаго словаря, и 4) напечаталъ книгу для упражненія въ Русскомъ чтеніи для Еврейскихъ училищъ. Исправляющій должность ординарнаго профессора *Березинъ* печаталъ Турецкую христоматію; помѣстилъ нѣсколько статей въ періодическихъ изданіяхъ, и приготовилъ къ печати переводъ съ Персидскаго введенія въ исторію Монголовъ, сочин. Рашидъ-Эддина. Исправляющій должность ординарнаго профессора *Васильевъ* напечаталъ: «Notices sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale»; оканчиваетъ печатаніемъ 1-й томъ сочиненія: «Буддизмъ, его догматы, исторія и литература», и привелъ къ окончанію графическую систему Китайскихъ іероглифовъ, составляющую совершенно новую методу. Исправляющій должность экстраординарнаго профессора *Хвольсонъ* составлялъ каталогъ Арабскимъ рукописямъ Азіатскаго музея Академіи наукъ, и приготовлялъ къ изданію переводъ рукописи съ древняго Халдейскаго языка на Арабскій: «Liber de agricultura Nabathaeorum». Экстраординарный профессоръ *Чубиновъ* занимался критическимъ разборомъ законодательствъ Грузинскихъ ца-

рей и владѣтельныхъ князей. Ординарный профессоръ *Гофманъ* издалъ описаніе своего путешествія, подъ заглавіемъ: «Сѣверный Уралъ или береговой хребетъ Пай-хой». Ординарный профессоръ *Воскресенскій* приготовилъ для военно-учебныхъ заведеній «Курсъ неорганической химіи». Экстраординарный профессоръ *Сомовъ* занимался составленіемъ для тѣхъ-же заведеній «Руководства аналитической геометріи». Ординарный профессоръ *Ивановскій* напечаталъ для тѣхъ-же заведеній «Руководство статистики Европейскихъ государствъ». Ординарный профессоръ *Горловъ* издалъ статью «О производствѣ, распредѣленіи и цѣнности дорогихъ металловъ». Ординарный профессоръ *Чайковскій* занимался обработкою исторіи Польскаго права. Ординарный профессоръ *Краннхфельдъ* приготовилъ новое изданіе «Руководства по гражданскому праву». Адъюнктъ *Скобликовъ* занимался редакціею журнала «Мануфактурныя и горнозаводскія извѣстія». Преподаватель *Красовскій* приготовлялъ 2-ю часть «Курса гражданской архитектуры».

Строительный расходъ.

На ремонтъ зданія и на разныя подѣлки въ кабинетахъ и лабораторіяхъ разрѣшено употребить 3,851 р., изъ собственныхъ способовъ университета.

Приношеніе.

Въ званіи камергера, статскій совѣтникъ *Шебеко*, 15 лѣтъ состоявшій почетнымъ смотрителемъ Конысскаго уѣзднаго училища, а потомъ три года почетнымъ попечителемъ Могилевской гимназіи, и въ продолженіе всего этого времени содѣйствовавшій пожертвованіями и личными трудами благосостоянію и устройству учебныхъ заведеній, пожертвовалъ 1000 рублей сер. въ пользу факультета восточныхъ языковъ.

Замѣчанія.

С. Петербургскій университетъ, при нынѣшнемъ его составѣ и средствахъ, представляетъ важные недостатки:

1) Современное состояніе наукъ требуетъ, чтобы число каѳедръ было увеличено, такъ-какъ нѣкоторые необходимые предметы или вовсе не преподаются или-же преподаются не въ полномъ объемѣ. 2) Внутреннее управленіе университета нуждается въ увеличеніи средствъ для успѣшнаго хода дѣлъ. Значительное умноженіе числа студентовъ въ-сравненіи съ тѣмъ, какое было при составленіи штата 1835 г., и большее развитіе дѣятельности университета, вслѣдствіе умноженія числа факультетовъ, неизбѣжно влекутъ за собою увеличеніе занятій по канцеляріямъ правленія и совѣта университета. Посему настоитъ надобность назначить нѣсколько новыхъ чиновниковъ.

II. Университетъ Московскій.

Посѣщеніе университета.

Вашему Императорскому Величеству, въ 22 день сентября, благоугодно было осчастливить Высочайшимъ посѣщеніемъ Московскій университетъ съ принадлежащими къ нему клиниками, и за найденное въ оныхъ благоустройство выразить начальству университета Всемилостивѣйшее удовольствіе. Студенты университета, собранные въ актовой залѣ, удостоились услышать изъ устъ Вашего Императорскаго Величества высокомилостивое слово и Монаршее наставленіе, пролившія живѣйшее утѣшеніе въ ихъ юныя сердца. Этотъ день останется навсегда памятнымъ для университета.

Его Королевское Высочество, наслѣдный принцъ Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ съ князьями *Радзи-*

вилами также удостоили посѣщеніемъ университетъ и осматривали во всѣхъ подробностяхъ университетскую библіотеку, минцкабинетъ и кабинетъ минералогическій.

31 августа Московскій университетъ имѣлъ чрезвычайное торжественное собраніе по случаю священнаго Коронованія и помазанія на царство Вашего Императорскаго Величества и Государыни Императрицы.

Начальство университета. На мѣсто генералъ-адъютанта *Назимова*, получившаго другое назначеніе, попечителемъ Московскаго учебнаго округа, Высочайшимъ указомъ 15 апрѣля, назначенъ сенаторъ, тайный совѣтникъ *Ковалевскій*.

Составъ. Университетъ Московскій состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго.

Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 117; учащихся 1,456; изъ сего числа въ факультетахъ: историко-филологическомъ 63, физико-математическомъ 160, юридическомъ 290 и медицинскомъ 943; въ общемъ числѣ учащихся находилось: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 954, духовнаго званія 156, почетныхъ гражданъ и купцовъ 124, податнаго состоянія 222. Сверхъ того 115 постороннихъ лицъ посѣщали университетскія лекціи.

Перемѣны въ личномъ составѣ. Исправлявшій должность адъюнкта кандидатъ *Швейцеръ* опредѣленъ директоромъ обсерваторіи университета съ правами и окладомъ жалованья ординарнаго профессора. Утверждены: исправлявшій должность адъюнкта по каѳедрѣ Санскритскаго языка *Петровъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, и исправлявшій должность адъюнкта по каѳедрѣ физики *Любимовъ* — адъюнктомъ. Орди-

нарный профессоръ статистики *Вернадскій* перемѣщенъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ.

Учебныя пособія.

Въ библіотекѣ университета находилось всего 117,278 томовъ. При университетахъ имѣются: физическій кабинетъ, богатый музеумъ естественной исторіи, два минералогическіе кабинета, гербарій, въ которомъ 10 разныхъ собраній, ботаническій садъ, вмѣщающій до 7,475 растеній, астрономическая обсерваторія, химическая лабораторія, и кабинеты: анатомическій, сравнительной анатоміи, анатомико-патологическій, фармацевтическій, сельско-хозяйственный и древностей.

Клиники.

Факультетская: въ терапевтическомъ отдѣленіи состояло 60 кроватей; больныхъ было 458; за совѣтами приходило 3,438 человѣкъ; въ хирургическомъ отдѣленіи находилось 60 кроватей съ 222 больныхъ; приходящихъ больныхъ было 1,939; операцій сдѣлано: большихъ 18, малыхъ 148; въ отдѣленіи акушерскомъ было 694 женщины; за совѣтами являлось 213.

Госпитальная: въ терапевтическомъ отдѣленіи пользовалось 1,316, въ хирургическомъ — 684 человѣка; большихъ операцій произведено 80.

Воспитательныя заведенія.

Въ педагогическомъ институтѣ находилось 12 штатныхъ воспитанниковъ, въ институтѣ медицинскомъ — 109.

Испытанія частныхъ лицъ.

По надлежащемъ испытаніи удостоено званія учителей: гимназій—9, уѣздныхъ училищъ—8, приходскихъ—3. На основаніи положенія 1 марта 1846 г., предоставлены званія: домашнихъ учителей—10, домашнихъ учительницъ—57, учителей черченія и рисованія — 9 человѣкамъ.

Возведеніе въ ученыя степени и званія.

Въ ученыя степени и званія возведено: доктора—1, магистра—5, кандидата—43, дѣйствительнаго сту-

дента — 61, доктора медицины — 3, лекаря — 80, провизора — 38, аптекарскаго помощника — 45, зубнаго врача — 1, инспектора врачебной управы — 2, члена врачебной управы — 9, уѣзднаго врача — 66; всего 354.

Ученые труды. Кромѣ прямыхъ обязанностей по преподаванію, профессоры и преподаватели занимались еще особыми трудами. Ординарный профессоръ *Шевыревъ*, по случаю священнаго Коронованія Вашего Императорскаго Величества, имѣлъ счастіе поднести стихотвореніе, подъ заглавіемъ: «26 августа 1856 г. въ Кремлѣ» и заслужить выраженіе Высочайшаго благоволенія. На чрезвычайномъ торжественномъ актѣ университета 31 августа, по случаю Коронованія Вашего Императорскаго Величества, тотъ-же профессоръ произнесъ рѣчь: «Объ истинѣ и любви»; въ «Извѣстіяхъ» втораго отдѣленія Академіи наукъ напечаталъ стихотвореніе: «Царское слово 26 августа 1856 г.»; имъ-же произнесено нѣсколько рѣчей и стихотвореній на Московскихъ празднествахъ въ честь защитниковъ Севастополя; онъ продолжалъ заниматься редакціею лекцій исторіи Русской словесности, для чего и работалъ въ библіотекахъ сунодальной и Іосифова Волоколамскаго монастыря. Изъ денегъ, вырученныхъ отъ распродажи «Исторіи Московскаго университета,» сверхъ 1,200 рублей, отправленныхъ въ прошломъ году, послалъ еще въ пользу раненныхъ при Севастополѣ 315 рублей. Ординарный профессоръ *Баршевъ*, на торжественномъ актѣ 31 августа, произнесъ рѣчь: «О правѣ помилованія». Ординарный профессоръ *Брашманъ* приготовляетъ къ изданію курсъ механики; первый томъ уже литографированъ. Ординарный профессоръ *Анке*, на торжественномъ

актѣ 31 августа, произнесъ рѣчь: «Diei festi atque solennis gratulatio», и издалъ двѣ статьи: 1) «Объ отравленіи опіемъ» и 2) «О чернобыльникѣ». Ординарный профессоръ *Армфельдъ*, участвуя въ занятіяхъ учебнаго комитета, состоящаго при IV отдѣленіи Собственной Вашего Величества канцеляріи, сочинилъ конспектъ и программу преподаванія иностранныхъ языковъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ординарный профессоръ *Калиновскій* помѣстилъ нѣсколько оригинальныхъ статей своихъ въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» и «Русскомъ вѣстникѣ», литографировалъ большую часть своихъ лекцій и приступилъ, по собственному желанію, къ составленію «Бесѣдъ о сельскомъ хозяйствѣ,» которыя, по напечатаніи, будутъ служить руководствомъ для его слушателей; сверхъ того, занимается составленіемъ «Руководства къ практическому огородничеству». Ординарный профессоръ *Зерновъ* готовитъ къ изданію свои лекціи объ интегральномъ исчисленіи. Ординарный профессоръ *Спаскій* производилъ непрерывныя метеорологическія наблюденія и печаталъ ихъ въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» и въ «Bulletin de la Société de Naturalistes de Moscou». Для торжественнаго акта 31 августа написалъ рѣчь: «О современномъ направленіи физическихъ изслѣдованій и о значеніи законовъ природы». Ординарный профессоръ *Полунинъ* издавалъ «Московскій врачебный журналъ»; печаталъ 4-й томъ «Курса патологіи и терапіи», переводъ сочиненія *Сканцони*, и для торжественнаго акта 31 августа приготовилъ рѣчь: «О нѣкоторыхъ современныхъ вопросахъ науки о жизни больнаго человѣка». Ординарный профессоръ *Поль* написалъ статью, подъ заглавіемъ: «О нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, встрѣчающихся при литотритіи и о мѣ-

рахъ, къ которымъ нужно прибѣгать въ такихъ случаяхъ». Ординарный профессоръ *Щуровскій* написалъ: 1) для торжественнаго акта 31 августа рѣчь, подъ заглавіемъ: «Колебательное движеніе Европейскаго материка»; статьи: 2) «О происхожденіи антрацита и каменнаго угля» и 3) «Объ эрратическихъ явленіяхъ». Сверхъ того, продолжалъ составлять каталогъ университетскаго минералогическаго кабинета. Ординарный профессоръ *Менщиковъ* написалъ: 1) для акта 31 августа гимнъ на Греческомъ языкѣ по случаю торжества 22 августа; 2) на Греческомъ-же языкѣ: «Элегію на смерть графа Уварова», напечатанную въ январской книжкѣ Журнала Министерства народнаго просвѣщенія, и приготовляетъ статью: «Взглядъ на Платоновы доказательства безсмертія души, изложенныя преимущественно въ Федонѣ». Ординарный профессоръ *Орнатскій* написалъ рѣчь для университетскаго акта, бывшаго 12 января 1856 г.: «О единствѣ всеобщаго высшаго закона правды въ сравненіи съ множествомъ и разнообразіемъ положительныхъ законовъ въ разныхъ человѣческихъ обществахъ,» и для торжественнаго акта 31 августа рѣчь: «О внѣшнихъ отличительныхъ знакахъ верховной власти». Ординарный профессоръ *Лешковъ* напечаталъ въ Журналѣ Мин. н. пр. статью: «Общинный бытъ древней Россіи,» и помѣстилъ въ «Русскомъ вѣстникѣ» рецензію на сочиненіе г. Лукина: «Памятная книга полицейскихъ законовъ». Ординарный профессоръ *Соловьевъ* издалъ VI томъ «Исторіи Россіи» и занимался приготовленіемъ къ печати VII тома; перепечаталъ II-й томъ вторымъ изданіемъ, приготовилъ ко-второму изданію III-й томъ и къ третьему изданію I-й томъ того-же сочиненія. Ординарный профессоръ *Глѣбовъ* написалъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ,

произнесенную 12 января 1856 г. на актѣ Московскаго университета; кромѣ того занимался составленіемъ «Руководства къ физіологіи здороваго человѣка». Ординарный профессоръ *Бодянскій* напечаталъ статью, подъ заглавіемъ: «Новыя открытія въ области глаголицы»; кромѣ того, печатаетъ «Изборникъ Святославовъ 1073 г.», съ Греческимъ подлинникомъ, разнословіями, примѣчаніями, изслѣдованіемъ и многими снимками, въ нѣсколькихъ частяхъ. Исправляющій должность экстраординарнаго профессора *Ершовъ* налитографировалъ «Курсъ практической механики» для ремесленнаго учебнаго заведенія и написалъ статьи: 1) «Объ успѣхахъ механики въ области сельскаго хозяйства» и 2) «Дымосгараніе». Исправляющій должность экстраорданарнаго профессора *Капустинъ* напечаталъ для руководства студентовъ: «Обозрѣніе предметовъ международнаго права,» выпуски 2 и 3, и участвовалъ статьями юридическаго содержанія въ журналахъ. Экстраординарный профессоръ *Давидовъ* приготовилъ къ печати лекціи изъ математической теоріи вѣроятностей и издалъ въ свѣтъ: 1) «Употребленіе нѣкоторыхъ выводовъ теоріи вѣроятностей въ статистикѣ», 2) «Замѣчаніе къ теоріи капиллярности» и 3) «О наибольшемъ числѣ положеній равновѣсія плавающей трегранной призмы». Исправляющій должность экстраординарнаго профессора *Пѣховскій* издалъ написанное имъ на Латинскомъ языкѣ сочиненіе: «De Ironia Iliadis». Исправляющій должность экстраординарнаго профессора *Петровъ* написалъ для Журнала Министерства народнаго просвѣщенія статью: «Древній и новый Кашемиръ въ географическомъ отношеніи». Адъюнктъ *Любимовъ* издалъ сочиненіе: «Основной законъ электро-динамики и его приложеніе къ теоріи магнитныхъ явленій». Исправляющій дол-

жность адъюнкта *Бѣляевъ* издалъ два тома «Временника Общества исторіи и древностей Россійскихъ», напечаталъ статьи: въ «Извѣстіяхъ» Академіи наукъ— «Даніилъ, митрополитъ Московскій и всея Россіи», и въ Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія— «О гражданскомъ значеніи духовенства и церковныхъ учрежденій въ Россіи». Исправляющій должность адъюнкта *Гивартовскій* занимался: 1) производствомъ анализовъ, преимущественно патологическихъ отдѣленій; 2) приготовленіемъ непромокаемыхъ и пропускающихъ воздухъ суконъ для военнаго министерства. Опыты, которые были производимы въ-теченіе двухъ лѣтъ надъ непромокаемыми шинелями, приготовленными по способу, имъ изобрѣтенному, по отзыву коммиссаріатскаго департамента военнаго министерства, оказались удовлетворяющими цѣли. Хранитель университетскаго зоологическаго музеума *Ренаръ* занимался редакціею «Бюллетеня», издаваемаго Московскимъ Обществомъ испытателей природы, и ученою корреспонденціею по званію перваго секретаря этого Общества.

О раздѣленіи 1 медицинскаго курса.

Ваше Императорское Величество, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ общему стремленію юношества къ высшему образованію, въ 1855 г., по всеподданнѣйшему моему представленію, Высочайше повелѣть соизволили принимать во всѣ факультеты университетовъ неограниченное число студентовъ. Не смотря на это разрѣшеніе, которое могло направить слушателей по различнымъ факультетамъ, большинство студентовъ осталось (вѣроятно, временно) за медицинскимъ факультетомъ, такъ-что число ихъ въ 1-мъ курсѣ возрасло до 350. Между-тѣмъ въ самой большой аудиторіи университета, предоставленной студентамъ сего курса, можетъ помѣ-

ститься до 290, а въ анатомическомъ театрѣ—до 250 слушателей. Такимъ-образомъ отъ 60 до 100 студентовъ не могли имѣть даже возможности быть на лекціяхъ, не говоря уже о трудности для профессоровъ слѣдить за успѣхами многочисленныхъ слушателей и неудобствѣ для самихъ студентовъ при слушаніи особенно тѣхъ предметовъ, преподаваніе и изученіе которыхъ производится по препаратамъ. Къ отвращенію сего важнаго затрудненія, самымъ удобнымъ средствомъ оказалось раздѣленіе студентовъ 1-го курса медицинскаго факультета на два отдѣленія, съ порученіемъ профессорамъ читать каждую лекцію вдвойнѣ, послѣдовательно. Въ бытность мою въ Москвѣ, я разрѣшилъ мѣру эту привести въ исполненіе, съ употребленіемъ до 3,708 р. на вознагражденіе за лишній трудъ профессоровъ изъ экономической суммы университета.

Посылка ученыхъ за границу.

Съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія, отправлены, для усовершенствованія въ наукахъ за границу, на иждивеніи университета: исправляющій должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ общенароднаго права *Капустинъ*—на два года, въ Германію и Англію; докторъ естественныхъ наукъ *Гремяченскій*—для каѳедры ботаники, на три года, въ Европу и Африку; докторъ медицины *Захарьинъ* — на одинъ годъ, въ Германію и Бельгію.

О Финляндскихъ студентахъ.

Озабочиваясь какъ распространеніемъ вообще знанія Русскаго языка въ Финляндіи, такъ и приготовленіемъ для Финдлянскихъ училищъ способныхъ учителей сего языка, правительство посылало прежде на казенный счетъ въ разные наши университеты молодыхъ Финляндцевъ для изученія Русскаго языка; но въ послѣднее время найдено болѣе удобнымъ по-

сылать студентовъ только въ Москву. Находясь въ университетѣ, Финляндскіе студенты слушали лекціи Русскаго языка и словесности, и, при многочисленныхъ занятіяхъ профессоровъ, не имѣли возможности непосредственно пользоваться ихъ наставленіями, для ближайшаго-же руководства и успѣшнѣйшихъ занятій должны были брать частные уроки насчетъ ограниченнаго своего содержанія. Посему университетское въ Финляндіи начальство испрашивало дозволеніе имѣть для Финляндскихъ студентовъ въ Москвѣ преподавателя, который-бы особо занимался съ ними Русскимъ языкомъ, съ назначеніемъ за сей трудъ по 500 р. изъ Финляндскихъ суммъ. Послѣдовавшее по сему въ 1855 г. Высочайшее соизволеніе въ минувшемъ году приведено въ исполненіе на основаніяхъ, сообщенныхъ мнѣ статсъ-секретаремъ графомъ *Армфельтомъ*.

Замѣчанія. Аудиторіи университета вообще стѣснены; учебныя-же пособія, какъ-то: библіотека и кабинеты естественной исторіи, находятся въ положеніи, требующемъ непремѣннаго измѣненія; особенно въ семъ отношеніи заслуживаетъ вниманія превосходный зоологическій кабинетъ, въ которомъ рѣдкіе экземпляры животныхъ и птицъ видимо подвергаются порчѣ отъ сырости. Все это возбуждаетъ вопросъ о перемѣщеніи библіотеки и богатыхъ кабинетовъ по части естественной исторіи въ особое зданіе, въ которомъ-бы они были размѣщены приличнымъ образомъ и могли служить ученымъ пособіемъ не для учащихся только, но и для публики.

III. Университетъ св. Владиміра, въ Кіевѣ.

Начальство. На основаніи Высочайшаго указа 27 декабря 1855 г., коимъ признано за благо управленіе учеб-

ными округами возложить на особыхъ попечителей, Кіевскій военный, Подольскій и Волынскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ князь *Васильчиковъ* освобожденъ отъ обязанностей управленія округомъ. Высочайшимъ рескриптомъ 12 апрѣля Ваше Императорское Величество изволили изъявить ему полную признательность за полезные труды и попеченіе, въ-теченіе болѣе трехъ лѣтъ, о благосостояніи университета св. Владиміра и учебныхъ заведеній Кіевскаго округа.

Высочайшимъ указомъ того-же числа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Ребиндеру* повелѣно быть исправляющимъ должность попечителя сего округа. 5 ноября Ребиндеръ всемилостивѣйше утвержденъ въ званіи попечителя округа.

Высочайшимъ приказомъ 12 іюня, помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Юзефовичъ*, уволенъ отъ службы, по прошенію.

Вмѣсто его, Высочайшимъ приказомъ 21 августа назначенъ помощникомъ попечителя директоръ лицея князя Безбородко, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Могилянскій*.

Составъ университета. Университетъ св. Владиміра состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Факультетъ физико-математическій раздѣленъ на два разряда: наукъ естественныхъ и математическихъ.

Въ университетахъ чиновниковъ и преподавателей 92, учащихся 881; по факультетамъ: историко-филологическому 72, физико-математическому 106, юридическому 93 и медицинскому 610. Въ числѣ учащихся: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 713, духов-

наго званія 45, почетныхъ гражданъ и купцовъ 34, податнаго состоянія 89. Сверхъ того допущено къ слушанію лекцій 28 частныхъ лицъ.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Ординарный профессоръ астрономіи въ Харьковскомъ университетѣ *Шидловскій* перемѣщенъ на каѳедру астрономіи въ Кіевъ; адъюнктъ по каѳедрѣ исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій магистръ *Яроцкій* назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора; исправлявшій должность адъюнкта по каѳедрѣ астрономіи магистръ *Федоренко* утвержденъ въ званіи адъюнкта; исправлявшій должность адъюнкта по каѳедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ *Цвѣтковъ* уволенъ отъ службы по болѣзни; исправлявшій должность адъюнкта *Вигура* умеръ.

Учебныя пособія.

Въ библіотекѣ университета находится 96,170 томовъ книгъ. Въ 1856 г. продолжаемо было начатое въ 1853 изданіе алфавитнаго каталога библіотеки, служащаго предварительнымъ трудомъ для составленія каталога систематическаго. Четырнадцать первыхъ выпусковъ уже изданы и приготовлены матеріалы для остальныхъ. При университетѣ состоятъ кабинеты: зоологическій, минералогическій, физическій, химическая лабораторія, технологическій кабинетъ съ лабораторіею, сравнительной анатоміи, патологическій, архитектурный; астрономическая обсерваторія, минцкабинетъ, музей древностей и изящныхъ искусствъ, кабинетъ физіологической анатоміи; собранія: художественныхъ произведеній, агрономическое, фармакологическое; гербарій и ботаническій садъ съ 4,862 видами въ 35,394 экземплярахъ.

Клиники.

Въ *терапевтической* факультетской клиникѣ положено имѣть 20 кроватей. Въ терапевтическомъ отдѣленіи Кіевскаго военнаго госпиталя число крова-

тей было отъ 50 до 70; больныхъ находилось: въ госпитальной клиникѣ 865, въ факультетской 140 человѣкъ; въ послѣднюю за совѣтами являлось 448.

Въ *хирургической* факультетской клиникѣ полагается 20 кроватей; въ госпитальной до 160. Въ первой было больныхъ 154, за совѣтами приходило 1694; во второй больныхъ было 1030 человѣкъ. Операцій произведено: въ факультетской клиникѣ 129, въ госпитальной — 28.

Въ *акушерской* факультетской клиникѣ на 8 кроватяхъ пользовалось 43 женщины; операцій сдѣлано 6.

Находящеюся при университетской аптекѣ лабораторіею пользовались фармацевты, слушавшіе лекціи въ университетѣ и готовившіеся къ испытанію для полученія фармацевтическихъ званій.

Институты. Въ устроенныхъ при университетѣ институтахъ находилось студентовъ-стипендіатовъ и на казенномъ содержаніи: въ *педагогическомъ* — 25, *юридическомъ* — 22, *медицинскомъ* — 95 и въ *заведеніи для недостаточныхъ студентовъ* — 54.

Возведеніе въ ученыя степени и званія. Въ-теченіе 1856 г. университетомъ удостоено 134 лица разныхъ ученыхъ степеней и званій, именно: магистра — 1, кандидата — 14, дѣйствительнаго студента — 17, лекаря — 34, уѣзднаго врача — 7, провизора — 11, аптекарскаго помощника — 43, повивальной бабки — 6, зубнаго врача — 1.

Особые ученые труды. Профессоръ богословія протоіерей *Сиворцевъ* написалъ нѣсколько проповѣдей и другихъ статей духовнаго содержанія, которыя напечатаны въ «Воскресномъ чтеніи»; кромѣ того пополнялъ записки свои по церковному законовѣдѣнію. Ординарный профессоръ *Селинъ*, по званію члена коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, учрежденной при генералъ-губернаторѣ, приступилъ къ изданію «Матеріаловъ

для исторіи Малороссіи» (переведенныхъ имъ съ Польскаго и Латинскаго языковъ), относящихся къ 1663—1664 годамъ. Ординарный профессоръ *Гогоцкій* продолжалъ заниматься составленіемъ втораго тома философскаго лексикона и приготовилъ къ печати нѣсколько статей педагогическаго и философскаго содержанія. Ординарный профессоръ *Бунге* напечаталъ: 1) «Изслѣдованіе о желѣзной промышлености въ губерніяхъ Кіевскаго учебнаго округа» и 2) «О добываніи руды и выплавкѣ изъ нея чугуна и желѣза», и написалъ для торжественнаго собранія университета рѣчь: «О мѣстѣ, занимаемомъ политическою экономіею въ системѣ народнаго образованія и объ отношеніи ея къ практической дѣятельности». Ординарный профессоръ *Фонбергъ*, по распоряженію начальства, анализировалъ воду 95 колодцевъ Кіевской крѣпости, при содѣйствіи адъюнкта *Чугаевича* и лаборанта химіи *Ковальскаго*. Исправляющій должность профессора *Деллень*, по порученію академіи наукъ, написалъ разборъ сочиненія *Ешевскаго:* «Аполлинарій Сидоній», представленнаго для соисканія Демидовской преміи, и получилъ за оный золотую медаль. Кромѣ того продолжаетъ заниматься составленіемъ «Руководства къ исторіи Римской литературы». Адъюнктъ *Страшкевичъ* продолжалъ составлять «Руководство къ изученію Греческихъ древностей», и приступилъ къ составленію «Греческой христоматіи для студентовъ». Адъюнктъ *Шульгинъ* составилъ и литографировалъ записки по всеобщей исторіи для воспитанницъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. Адъюнктъ *Лининченко* напечаталъ рѣчь: «Очеркъ развитія важнѣйшихъ идей отечественнаго языкознанія отъ возникновенія ученыхъ изслѣдованій Русскаго языка до утвержденія ихъ на началахъ сравнительно-истори-

ческой науки о языкѣ». Ординарный профессоръ *Касслеръ* издалъ статью о рыбахъ, находимыхъ въ водахъ губерній Кіевскаго учебнаго округа, и напечаталъ нѣсколько статей въ «Бюллетенѣ» Московскаго Общества естествоиспытателей. Ординарный профессоръ *Ѳеофилактовъ* продолжалъ составленіе геогностической карты Кіевской губерніи. Ординарный профессоръ *Ходецкій* напечаталъ: 1) «Обозрѣніе успѣховъ сельскаго хозяйства въ Россіи, съ историческимъ изложеніемъ правительственныхъ мѣръ по улучшенію хозяйства»; 2) статью «Объ описаніи имѣній въ хозяйственномъ отношеніи». Ординарный профессоръ *Роговичъ* открылъ нѣсколько новыхъ видовъ ископаемыхъ рыбъ и приготовилъ статью о нихъ для печати. Исправляющій должность адъюнкта *Федоренко* написалъ диссертацію: «О среднихъ видимыхъ движеніяхъ звѣздъ», которая составляетъ часть полнаго, уже оконченнаго сочиненія его: «О среднихъ движеніяхъ звѣздъ». Ординарный профессоръ *Ѳедотовъ-Чеховскій* продолжалъ заниматься изученіемъ формы и содержанія 163 правыхъ грамотъ, списанныхъ имъ въ Петербургскихъ книгохранилищахъ и архивахъ. Ординарный профессоръ *Митюковъ* перевелъ на Русскій языкъ нѣсколько отдѣловъ изъ «Corpus juris civilis» и занимался составленіемъ руководства по Римскому гражданскому судопроизводству. Исправляющій должность адъюнкта *Пилянкевичъ* составилъ руководство къ изученію внѣшней исторіи Французскаго законодательства. Ординарный профессоръ *Беккеръ* обработывалъ краткій очеркъ общей терапіи и фармакологіи и литографировалъ лекціи общей терапіи. Ординарный профессоръ *Матвѣевъ* напечаталъ два выпуска «Курса акушерства».

Отправленіе профессоровъ за границу.

Съ Высочайшаго соизволенія отправлены за границу ординарные профессоры: ***Митюковъ*** — на полтора года, въ Германію и Италію, для изученія источниковъ Римскаго права и обозрѣнія уцѣлѣвшихъ памятниковъ Римской жизни; ***Павловъ***—тоже на полтора года, въ Германію, Италію, Францію, Грецію и Славянскіи земли, для обозрѣнія историческихъ памятниковъ; ***Чугаевичъ*** — на два года, во Францію, Германію, Бельгію, Голландію и Англію, для болѣе практическаго изученія технологіи вообще и въ-особенности тѣхъ отраслей промышлености, примѣненіе которыхъ въ южномъ краѣ нашемъ можетъ быть особенно полезно.

Путешествія съ ученою цѣлію.

Ректоръ университета ***Траутфеттеръ***, воспользовавшись свободнымъ отъ лекцій временемъ, изслѣдовалъ въ западной части Подольской губерніи и собиралъ весеннюю флору той страны. Ординарный профессоръ ***Кесслеръ*** совершилъ поѣздку въ губерніи Подольскую и Херсонскую и въ Бессарабскую область, съ цѣлію пополнить свѣдѣнія о позвоночныхъ животныхъ юго-западной Россіи и въ-особенности о рыбахъ Днѣстра. Ему удалось собрать значительный запасъ новыхъ справокъ и сдѣлать любопытныя наблюденія надъ ихтіологическою фауною Днѣстра. Ординарный профессоръ ***Роговичъ*** ѣздилъ въ Полтавскую губернію для сбора луковицъ и корневищъ раннихъ весеннихъ растеній, коихъ онъ доставилъ университетскому гербарію и ботаническому саду до 800 экземпляровъ. Ординарный профессоръ ***Ѳеофилактовъ*** командированъ былъ для геогностическихъ изслѣдованій уѣздовъ Чигиринскаго, Черкасскаго, Каневскаго и Радомысльскаго. Ординарный профессоръ и директоръ терапевтической клиники ***Цыцуринъ*** отправленъ былъ на пять мѣсяцевъ въ

Германію и Францію, гдѣ онъ посѣтилъ замѣчательнѣйшія медицинскія учрежденія и госпитали, присутствовалъ въ собраніяхъ медицинскихъ обществъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ принималъ дѣятельное участіе, такъ напр. въ бывшемъ въ Вѣнѣ 32-мъ собраніи естествоиспытателей и врачей Германіи, въ которомъ онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ. Профессоръ *Цыцуринъ* пишетъ отчетъ о своемъ путешествіи. Ординарный профессоръ *Ходецкій* совершилъ поѣздку въ Менонистскія колоніи Таврической губерніи для осмотра тамошняго хозяйства. Этотъ профессоръ имѣлъ случай ознакомиться съ благоустроеннымъ хозяйствомъ въ степяхъ, особенно съ замѣчательнымъ тамъ лѣсоразведеніемъ. Ординарный профессоръ *Алферьевъ* и экстраординарный *Мерингъ* находились въ командировкѣ съ начала марта по 20 іюня. Первоначально, по Высочайшему повелѣнію, они прикомандированы были къ южной арміи для пользованія нижнихъ чиновъ отъ тифа. Проведя шесть недѣль при временныхъ госпиталяхъ въ Одессѣ, они занимались, кромѣ исполненія практическихъ обязанностей, наблюденіемъ и изученіемъ господствовавшихъ болѣзней. Результатъ ихъ изслѣдованій помѣщенъ въ военно-медицинскомъ журналѣ. Впослѣдствіи, для дальнѣйшаго наблюденія тифа въ другихъ мѣстахъ, они находились въ Николаевѣ, Херсонѣ, Перекопѣ, Симферополѣ, Бахчисараѣ, посѣтили въ Крыму союзный лагерь, Балаклаву и Камышъ, и наконецъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, отправлены для той-же цѣли въ Константинополь, гдѣ имѣли случай обозрѣть, кромѣ туземныхъ, военно-временные госпитали Французскіе, Англійскіе и Сардинскіе. Алферьевъ и Мерингъ занимаются составленіемъ отчета о своей

командировкѣ, первая часть котораго уже представлена.

Командированіе студентовъ.

По недостатку врачей въ войскахъ бывшей южной арміи, съ профессорами Алферьевымъ и Мерингомъ отправлены были въ Одессу восемь казеннокоштныхъ студентовъ 8 полугодія.

Практическія занятія студентовъ медицинскаго факультета.

Практическія занятія студентовъ медицинскаго факультета составляютъ существенную часть ихъ образованія и всякое упущеніе въ сихъ занятіяхъ невозвратимо. Посему вмѣнено казеннокоштнымъ студентамъ и стипендіатамъ въ непремѣнную обязанность постоянно посѣщать практическія занятія, при чемъ опредѣлена и мѣра взысканія за неисполненіе сего распоряженія.

Курсы для публики.

Ординарный профессоръ *Вальтеръ* читалъ публично общепонятную физіологію человѣка; слушателей было до ста. Въ университетѣ читали: техническую химію — ординарный профессоръ *Фонбергъ*, технологію—ординарный профессоръ *Ходецкій* и прикладную механику—адъюнктъ *Рахманиновъ*. Для готовившихся къ званію повивальной бабки, ординарный профессоръ *Матвѣевъ* прошелъ курсъ акушерства.

Центральный архивъ.

Въ центральномъ архивѣ для древнихъ актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской находилось древнихъ книгъ 5,657 и книгъ текущаго столѣтія 1,069, всего 6,726. Впродолженіе года засвидѣтельствовано документовъ и выдано выписей 137, составлено описей актамъ 38,051.

Зданіе университета.

Въ-теченіе 1856 г. на ремонтъ въ зданіяхъ университета ассигновано 4000 р. изъ строительныхъ суммъ министерства.

Замѣчанія объ университетѣ.

Во время пребыванія моего въ Кіевѣ я осмотрѣлъ въ-подробности всѣ принадлежности университета, клиники, анатомическій театръ, библіотеку, музеи,

кабинеты, астрономическую и метеорологическую обсерваторіи, ботаническій садъ, оранжереи и проч. и присутствовалъ на 30 лекціяхъ.

Зданіе университета, по красотѣ и удобству размѣщенія, занимаетъ первое мѣсто между зданіями прочихъ университетовъ не только Русскихъ, но и иностранныхъ. Библіотека и кабинеты составляютъ богатыя пособія по всѣмъ отраслямъ наукъ. Анатомическій театръ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ науки въ современномъ ея состояніи, есть лучшее въ своемъ родѣ учрежденіе въ Европѣ. Астрономическая обсерваторія снабжена хорошими снарядами, хотя и требуетъ нѣкоторыхъ исправленій. Кабинетъ моделей и машинъ нужно пополнить. При каѳедрѣ патологической анатоміи необходимо опредѣлить особаго прозектора. Но въ-особенности ощутителенъ недостатокъ въ клиникахъ. Факультетская клиника помѣщается въ университетскомъ зданіи очень тѣсно. Госпитальная клиника находится въ военномъ госпиталѣ и хотя собственно госпиталь удовлетворяетъ цѣли науки, но представляетъ два важныя неудобства: 1) отдаленность отъ университета и 2) недостатокъ секціоннаго зала, такъ-что демонстраціи на трупахъ, производимыя въ небольшой деревянной палаткѣ, недоступны значительному числу студентовъ. Эти недостатки составляютъ предметъ особенной заботливости моей, и я не оставлю принять мѣры къ устраненію оныхъ.

IV. Университетъ Харьковскій.

Составъ.

Харьковскій университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Фа-

культетъ математическій раздѣляется на разряды: наукъ математическихъ и наукъ естественныхъ.

Чиновниковъ и преподавателей въ университетѣ 72; учащихся 453; изъ нихъ въ историко-филологическомъ факультетѣ 22, въ физико-математическомъ 93, юридическомъ 124 и медицинскомъ 214. Въ общемъ числѣ учащихся: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 310, духовнаго званія 16, почетныхъ гражданъ и купцовъ 49, податнаго состоянія 78. Кромѣ того 19 постороннихъ лицъ допущены были къ слушанію лекцій.

Перемѣны въ личномъ составѣ. Ординарный профессоръ астрономіи *Шидловскій* перемѣщенъ тѣмъ-же званіемъ въ университетъ св. Владиміра. Заслуженый профессоръ *Черняевъ* по прошенію уволенъ отъ званія директора ботаническаго сада; на его мѣсто опредѣленъ адъюнктъ *Щеглеевъ*.

Учебныя пособія. Университетскую библіотеку составляютъ 58,656 томовъ. Университетъ имѣетъ кабинеты: астрономическій, физическій, минералогическій, зоологическій, технологическій, агрономическій, архитектурный, анатомическій и минцкабинетъ; лабораторіи: химическую и фармацевтическую; ботаническій садъ съ 18,947 экземпляровъ и собраніе рисовальныхъ пособій.

Клиники. Въ *терапевтической* клиникѣ 15 кроватей; больныхъ находилось 123, за совѣтами являлось 692; въ *хирургической* клиникѣ на 21 кровати больныхъ было 149, приходящихъ 1,172, операцій произведено 177; въ клиникѣ *акушерской* 6 кроватей; больныхъ состояло 39, за совѣтами приходило 21.

Институты. Въ педагогическомъ институтѣ находилось 23 воспитанника, въ медицинскомъ — 63.

Возведеніе въ ученыя степени. Ученыхъ степеней и званій удостоено 129 человѣкъ, а именно: доктора — 1, магистра — 1, кан-

дидата — 24, дѣйствительнаго студента — 28, лекаря — 32, оператора, какъ члена врачебной управы — 4, уѣзднаго врача — 12, магистра фармаціи — 1, провизора — 4, аптекарскаго помощника — 21, зубнаго врача — 1.

Особые труды преподавателей.

Ректоръ университета *Фойгтъ* помѣстилъ въ Журналѣ Министерства читанную имъ въ ученомъ собраніи историко-филологическаго факультета статью: «Мысли объ истинномъ значеніи и содержаніи риторики». Ординарный профессоръ *Шидловскій* представилъ 2 отдѣлъ отчета объ астрономическомъ путешествіи 1847—1848 годовъ. Ординарный профессоръ *Рославскій-Петровскій* напечаталъ: 1) «Критическій обзоръ исторіи трехъ послѣднихъ Римскихъ царей»; 2) «Очеркъ исторіи Персидскихъ войнъ», и 3) «Руководство къ статистикѣ». Ординарный профессоръ *Метлинскій* написалъ нѣсколько рецензій новѣйшихъ Русскихъ сочиненій и собиралъ произведенія народной южно-Русской словесности, въ дополненіе къ напечатанному имъ въ 1854 г. изданію: «Народныя южно-Русскія пѣсни». Ординарный профессоръ *Зеркинъ* приготовилъ сочиненіе: «Судьба мѣстничества при первыхъ трехъ государяхъ дома Романовыхъ». Ординарный профессоръ *Валицкій* составилъ статью о баснописцѣ Бабріѣ и вновь открытомъ сборникѣ его басенъ. Ординарный профессоръ *Лукьяновичъ* составилъ «Характеристику сочиненій Тацита», изложенную въ формѣ вступительной лекціи. Ординарный профессоръ *Протопоповъ* приготовилъ статью: «Философскій взглядъ на науку политической экономіи». Экстраординарный профессоръ *Лавровскій* для торжественнаго акта напечаталъ рѣчь: «О педагогическомъ значеніи Екатерины Великой». Адъюнктъ *Петровъ* написалъ по источникамъ историческую мо-

нографію «О Германикѣ». Ординарный профессоръ *Лапшинъ* представилъ въ Академію наукъ и въ географическое Общество описаніе устроеннаго имъ анемографа, который опредѣляетъ перемѣны направленія вѣтра и чертитъ посредствомъ флюгера. Ординарный профессоръ *Черпай* составилъ статью: «Ueber das variiren der Artenzeichen der Fische in der Umgegend von Charkow». Ординарный профессоръ *Кочетовъ* приготовилъ статью: «О различныхъ способахъ сохраненія яроваго хлѣба». Ординарный профессоръ *Куницынъ* продолжалъ составленіе «Руководства къ изученію законовъ гражданскихъ въ историко-догматическомъ видѣ». Ординарный профессоръ *Палюмбецкій* написалъ статью: «Джонъ Говардъ и состояніе тюремъ въ Европѣ въ концѣ XVIII столѣтія». Ординарный профессоръ *Платоновъ* напечаталъ сочиненіе: «Вступительныя понятія въ ученіе о благоустройствѣ и благочиніи государственномъ» и приготовилъ 2-ю часть сочиненія: «Сельское благоустройство въ Россіи». Экстраординарный профессоръ *Каченовскій* напечаталъ статьи: 1) «Успѣхи науки международнаго права въ Германіи и Англіи»; 2) «Жизнь и сочиненія Дан. Вебстера»; 3) «Война за наслѣдство Испанскаго престола», и 4) «Международное право древней Греціи». Экстраординарный профессоръ *Станиславскій* издалъ статью: «Объ огражденіи имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ по древнему Русскому праву», и для торжественнаго акта написалъ рѣчь: «О происхожденіи положительнаго права». Ординарный профессоръ *Калениченко* напечаталъ статью: «Современное физіологико-патологическое изслѣдованіе желчи». Ординарный профессоръ *Иллинскій* написалъ рѣчь для торжественнаго акта: «О животныхъ клѣточкахъ», и статьи о болѣзняхъ,

господствовавшихъ въ военно-временномъ № 3 госпиталѣ въ г. Николаевѣ. Экстраординарный профессоръ *Свиридовъ* приготовлялъ къ печати «Отчетъ о вскрытіяхъ мертвыхъ тѣлъ съ 1843 по 1857 г.»

Путешествія съ ученою цѣлію.

Ректоръ университета *Фойгтъ* ознакомился въ С. Петербургѣ съ устройствомъ публичной библіотеки, для примѣненія онаго къ библіотекѣ университета. Въ С. Петербургскомъ университетѣ собралъ данныя, нужныя для разъясненія предположенія объ учрежденіи въ Харьковскомъ университетѣ камеральнаго отдѣленія. Онъ осмотрѣлъ также здѣшній ботаническій садъ и установилъ сношенія съ начальствомъ онаго касательно пріобрѣтенія растеній необходимыхъ для сада Харьковскаго университета. Ординарный профессоръ *Наранович*ъ совѣщался въ С. Петербургѣ и Москвѣ съ опытнѣйшими хирургами относительно успѣшнаго производства операцій раненнымъ, пользовавшимся въ Харьковскомъ военно-временномъ госпиталѣ. Ординарный профессоръ *Иллинскій* и адъюнктъ *Питра* и при нихъ восемь лекарей были командированы въ южную армію для леченія воиновъ отъ повальныхъ болѣзней. Экстраординарный профессоръ *Лавровскій* находился въ С. Петербургѣ для ученыхъ изслѣдованій по занимаемой имъ каѳедрѣ Славянскихъ нарѣчій. Ординарный профессоръ *Демонси* осматривалъ въ Москвѣ клиники университета по поводу предположеннаго возведенія въ Харьковѣ новаго зданія для клиникъ.

Юридическая практика.

По представленію окружнаго начальства, разрѣшено открыть въ университетѣ, въ видѣ опыта, преподаваніе практическаго дѣловодства и судопроизводства, съ назначеніемъ для сего предмета въ IV курсѣ юридическаго факультета по двѣ лекціи въ недѣлю.



Конкурсъ.

Для замѣщенія вакантной каѳедры астрономіи объявленъ конкурсъ.

Распоряженія по университету.

1) Въ 1853 г. разрѣшено было назначать студентамъ физико-математическаго факультета, для соисканія наградъ медалями, ежегодно двѣ темы, по одной для каждаго изъ составляющихъ этотъ факультетъ разрядовъ: математическаго и естественныхъ наукъ. Находя недостаточнымъ годичный срокъ для сочиненій по естественнымъ наукамъ на темы, задаваемыя съ цѣлію награжденія медалями, потому-что въ этотъ срокъ не представляется полной возможности дѣлать наблюденія въ природѣ во всѣ времена года, — что̀ большею частію, по свойству темъ, бываетъ необходимо, — я, согласно ходатайству факультета, назначилъ двухгодичный срокъ для темъ по естественнымъ наукамъ.

2) По возникшему вопросу о необходимости поступающимъ въ медицинскій факультетъ студентамъ знать хотя одинъ изъ иностранныхъ живыхъ языковъ, разрѣшено требовать отъ нихъ основательнаго знанія Нѣмецкаго *или* Французскаго языковъ: потому-что и Французскій языкъ также полезенъ для образованнаго врача, который съ знаніемъ онаго можетъ слѣдить за современнымъ состояніемъ медицинскихъ наукъ.

3) Для согласованія статей: 103-й—общаго устава университетовъ, 21-й—положенія о производствѣ въ ученыя степени, 23-й — инструкціи инспектору студентовъ университета и 19-й—положенія о взиманіи платы за ученіе, принято за правило, впредь до пересмотра постановленій по Министерству народнаго просвѣщенія, чтобы при удостоеніи студентовъ степени кандидата отмѣтка въ поведеніи была *отличная*, а при удостоеніи званія дѣйствительнаго студен-

та — *хорошая*. То-же самое означеніе поведенія отличнымъ и хорошимъ должно быть и при награжденіи соискателей, представляющихъ диссертаціи на задаваемыя университетомъ темы и при избраніи студентовъ для удостоенія стипендій и пособій. Для перевода-же студентовъ въ слѣдующіе курсы найдено возможнымъ ограничиться *одобрительнымъ* поведеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ первыхъ курсахъ, при вступленіи молодыхъ людей въ число студентовъ, университетскому начальству было-бы преждевременно давать вполнѣ похвальный отзывъ о нравственности, которая можетъ выказаться только при постоянномъ четырехлѣтнемъ продолженіи курса.

Публичные курсы.

Публичные курсы читали: ординарный профессоръ *Соколовъ* — прикладной математики, экстраординарный профессоръ *Коссовъ* — технологіи и адъюнктъ *Бекетовъ*—технической химіи. На лекціяхъ прикладной математики слушателей было 25, технической химіи — 275, технологіи — 139.

Ремонтъ зданій.

Разныхъ передѣлокъ и исправленій по зданіямъ университета произведено на 8,624 р.

Приношенія.

Отставной коллежскій секретарь *Бецкій* пожертвовалъ университету сто семдесять картинъ, писанныхъ масляными красками и собранныхъ имъ въ Италіи. По свидѣтельству непремѣннаго секретаря Академіи художествъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Григоровича*, который по моему приглашенію осматривалъ эту коллекцію, въ ней не оказалось превосходныхъ произведеній, но есть нѣсколько хорошихъ, и это уже даетъ цѣну собранію. Ординарный профессоръ *Нарановичъ* принесъ въ даръ книгъ на 700 р., для библіотеки и кабинета хирургической клиники.

Засѣданія.

Находясь въ Харьковѣ, я выслушалъ 43 лекціи,

Независимо отъ посѣщенія лекцій, я не упускалъ случаевъ ближе узнать лица, коимъ ввѣрено воспитаніе, привлекая ихъ къ частой съ собою бесѣдѣ о предметахъ, къ кругу ихъ обязанностей относящихся. Результаты, выведенные изъ моихъ наблюденій, вообще утѣшительны, дѣятельность Харьковскаго университета имѣетъ надлежащее направленіе и приноситъ ту пользу, которой правительство ожидаетъ отъ высшаго учебнаго заведенія вообще и отъ университета въ-особенности. Начальствующія лица и наставники, понимая святость ихъ призванія, съ полныхъ усердіемъ трудятся для блага общаго.

За всѣмъ тѣмъ университету Харьковскому еще необходимо преподать нѣкоторые способы для полнаго развитія его дѣятельности. О нуждахъ университета я собралъ свѣдѣнія и принимаю мѣры къ пополненію недостатковъ. Дѣло первой важности — устройство *новыхъ клиникъ*. Составленный на этотъ предметъ проектъ, по сдѣланнымъ на оный замѣчаніямъ, передѣлывается; я-же съ своей стороны, осмотрѣвъ мѣстность, назначаемую подъ постройку, сдѣлалъ необходимыя указанія. Университетъ нуждается также въ *обсерваторіи;* для постройки оной я избралъ во всѣхъ отношеніяхъ удобное для такого сооруженія мѣсто на землѣ, принадлежащей университету внѣ городскихъ строеній, близъ ветеринарнаго училища и Московскаго шоссе. *Ботаническій садъ* требуетъ лучшаго устройства; я далъ нужныя приказанія по сему предмету.

Ветеринарное училище.

Харьковское ветеринарное училище, имѣющее особенное значеніе въ томъ краѣ, найдено мною въ отличномъ положеніи и едва-ли не превосходитъ всѣ подобныя заведенія въ Европѣ. Вновь выстроенное прекрасное зданіе снабжено достаточнымъ коли-

чествомъ учебныхъ пособій; личный составъ равномѣрно удовлетворителенъ. Высочайше утвержденные въ 1849 г. уставъ и штатъ училища нынѣ пересматриваются; въ нихъ будутъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, польза и необходимость которыхъ дознаны опытомъ.

Составъ ветеринарнаго училища. Въ училищѣ находилось чиновниковъ и преподавателей 15, кромѣ десяти преподавателей, приходящихъ изъ другихъ учебныхъ заведеній. Учащихся было 81, и допущенныхъ къ слушанію лекцій 7.

Возведенія въ ученыя званія. Ученыхъ званій удостоено: ветеринара—22, ветеринарнаго помощника — 8.

Учебныя пособія. Въ библіотекѣ ветеринарнаго училища состоитъ 1,047 томовъ; въ гербаріи 1,320 видовъ растеній; Въ зоологическомъ кабинетѣ и театрѣ 1,265 препаратовъ и 1,649 инструментовъ; въ кабинетахъ: хирургическомъ — 694 инструмента, 116 образцовыхъ подковъ и 8 экземпляровъ упряжи; физическомъ — 116 приборовъ; кромѣ того при училищѣ есть отлично-устроенная кузница и аптека.

Клиника. Въ клиникѣ пользуемо было 983 животныхъ: 748 большихъ и 235 малыхъ (155 болѣе, нежели въ 1855 г.). Кромѣ того клиника лечила около 20,000 домашнихъ животныхъ по уѣздамъ Харьковской губерніи. Увеличивающееся такимъ образомъ постепенно практическое упражненіе воспитанниковъ въ заведеніи и внѣ училища доказываетъ, что годъ-отъ-году распространяется въ жителяхъ убѣжденіе о пользѣ и необходимости практическаго примѣненія ветеринарной науки. Изъ повальныхъ болѣзней, три преимущественно составляли предметъ изслѣдованій: чума рогатаго скота, тифозная горячка у лошадей и оспа у коровъ. Операцій сдѣлано 314, изъ нихъ 189 большихъ и 125 малыхъ.

Командировка. Чума, оспа и чесотка всего чаще вызывали командировку ветеринаровъ, въ мѣста даже отдаленныя отъ города; такъ напримѣръ въ Богуславскомъ имѣніи графини Орловой-Денисовой, Изюмскаго уѣзда, было излечено 5000 овецъ отъ чесотки.

Окончившіе курсъ воспитанники 1-го разряда, до времени опредѣленія ихъ на службу, съ разрѣшенія начальника губерніи, посылаются постоянно для прекращенія повальныхъ болѣзней въ разныхъ уѣздахъ. О занятіяхъ своихъ они представляютъ училищу рапорты и получаютъ отъ онаго наставленія.

Директоръ училища *Галицкій* командированъ былъ въ С. Петербургъ и Дерптъ для осмотра ветеринарныхъ учебныхъ заведеній, съ цѣлію примѣненія къ Харьковскому училищу всего, что могло быть найдено въ нихъ болѣе полезнаго и лучшаго.

V. Университетъ Казанскій.

Составъ. Казанскій университетъ составленъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Факультетъ физико-математическій дѣлится на разряды наукъ математическихъ и естественныхъ, факультетъ юридическій—на разряды собственно-юридический и камеральный.

Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 76, учащихся 322; изъ нихъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ 14, физико-математическомъ 36, юридическомъ 114 и медицинскомъ 158. Въ общемъ числѣ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 119, духовнаго званія 21, почетныхъ гражданъ и купцовъ 33, податнаго состоянія 69.

Перемѣны въ личномъ составѣ. Помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Антроповъ*,

къ общему сожалѣнію, скончался. Докторъ медицины *Козловъ* опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Экстраординарные профессоры: политической экономіи *Бабстъ* и энциклопедіи законовѣдѣнія и Русскихъ государственныхъ законовъ *Пахманъ* повышены въ званіе профессоровъ ординарныхъ. Ординарный профессоръ Санскритской словесности *Болленгенъ* уволенъ, за штатомъ. Отправлённому въ 1854 г., въ Москву и С. Петербургъ, для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ кандидату *Вицыну*, выдержавшему въ Московскомъ университетѣ испытаніе на степень магистра и потомъ возвратившемуся въ Казанскій университетъ, поручено преподаваніе законовъ государственнаго благоустройства и благочинія.

Учебныя пособія.

Въ главной библіотекѣ состояло 54,640 томовъ (*). При университетѣ находятся кабинеты: нумизматическій, физическій, минералогическій, зоологическій, сравнительной анатоміи, анатомико-хирургическій, формакологическій и техническій; ботаническій садъ съ 4,328 названій растеній; анатомическій театръ, и лабораторіи химическая и фармацевтическая.

Астрономическая обсерваторія.

Иструменты астрономической обсерваторіи раздѣляются: на назначаемые для ученыхъ работъ профессора, на служащіе для упражненія студентовъ и на инструменты магнитные. Первый отдѣлъ содержитъ 24 главныхъ инструмента; но наблюденія производились доселѣ только двумя—рефракторомъ и по-

(*) По-случаю упраздненія въ Казанскомъ университетѣ факультета восточныхъ языковъ, всѣ Буддійскія рукописи и книги отправлены въ С. Петербургскій университетъ въ числѣ 3,812 томовъ; но онѣ еще не исключены оффиціально, потому что въ 1856 г. продолжалась отправка мусульманскихъ рукописей, которая нынѣ окончена, и общее исключеніе ихъ изъ каталога войдетъ въ отчетъ за 1857 г.

луденнымъ кругомъ Репсольда. Прекрасный инструментъ Эртеля, совершенно равный Пулковскому, оставался безъ дѣйствія за неимѣніемъ помѣщенія. Въ 1855 г., осматривая обсерваторію и видя необходимость особаго помѣщенія для сего иструмента и для Вѣнскаго полуденнаго круга, также остававшагося безъ употребленія, я разрѣшилъ выстроить особый павильйонъ, который и выстроенъ вчернѣ въ 1856 г.

Клиники. Въ *терапевтической* клиникѣ находилось 26 кроватей и перебывало 142 больныхъ, за совѣтами приходившихъ было 132; въ *хирургической* — 26 кроватей, больныхъ 118, за совѣтами являлось 140, операцій произведено 137; въ *акушерской* — 18 кроватей, больныхъ было 61, за совѣтами приходило 124.

Возведеніе въ ученыя степени. Возведено въ ученыя степени: магистра—1, кандидата — 19, дѣйствительнаго студента — 10, лекаря—38; кромѣ того, удостоены званій: уѣзднаго врача—30, инспектора врачебной управы—1, оператора — 3, повивальной бабки — 2, аптекарскаго помощника — 3, провизора 3; всего 109.

Испытанія частныхъ лицъ. Подвергались испытаніямъ: на право причисленія ко 2 разряду по воспитанію — 2, на званія учителей казенныхъ учебныхъ заведеній—20, на право обученія въ частныхъ домахъ—18.

Публичные курсы. Въ университетѣ читались для публики: практическая механика, техническая химія и технологія. Профессорамъ университета *Бабсту*, *Буличу*, *Пахману* и адъюнкту *Ешевскому*, за готовность прочитать десять публичныхъ лекцій, съ цѣлію назначить вырученныя отъ чтенія деньги на одного изъ Севастопольскихъ сиротъ, объявлена Высочайшая благодарность.

Ученые труды. Университетъ продолжалъ издавать ученые труды

членовъ своихъ, подъ названіемъ: «Ученыя записки». Въ память пятидесятилѣтняго существованія университета изданъ «Сборникъ ученыхъ статей», написанныхъ профессорами онаго. Заслуженый профессоръ *Эверсманъ* продолжалъ сочиненіе: «Орнитологія Волго-Уральскаго края». Ординарный профессоръ *Вагнеръ* составилъ геогностическія карты Симбирской и Самарской губерній. Ординарный профессоръ *Блосфельдъ* напечаталъ статью: «Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Казани». Ординарный профессоръ *Бабстъ* помѣстилъ въ Московскихъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько статей по политической экономіи и издалъ рѣчь, произнесенную въ торжественномъ собраніи университета: «О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала». Ординарный профессоръ *Аристовъ* написалъ статью: «О способѣ образованія краснаго слоя на печенкѣ крови». Ординарный профессоръ *Ковалевскій* приготовилъ къ печати первый томъ астрономическихъ наблюденій телескопическихъ звѣздъ, содержащихся въ зонѣ между 8° и 12° сѣв. широты». Ординарный профессоръ *Киттары* издалъ: 1) «Альбомъ полезныхъ машинъ»; 2) «Описаніе Вятской выставки сельскихъ произведеній»; 3) «О сушкѣ овощей»; 4) второй выпускъ публичныхъ лекцій; 5) «О Русскихъ техническихъ новостяхъ»; 6) «О Казанской сѣрѣ», и 7) «Матеріалы для Русскаго заводско-фабричнаго словаря». Ординарный профессоръ *Струве* напечаталъ: «Opuscula posthuma Cl. Tchorzewski cum vita et scriptis ejus». Исправляющій должность ординарнаго профессора *Фогель* напечаталъ: «Постановленія уголовнаго уложенія императора Карла V и позднѣйшей практики и законодательства о самоубійствѣ». Экстраординарный профессоръ *Бутлеровъ* помѣстилъ

въ «Журналѣ садоводства» статью: «О значеніи культуры,» и занимался составленіемъ учебника органической химіи. Экстраординарный профессоръ *Мейковъ* трудился надъ «Руководствомъ къ Римскому гражданскому праву». Исправляющій должность адъюнкта *Вагнеръ* напечаталъ статьи: «Летучія мыши» и «Воскобойный прессъ». Исправляющій должность адъюнкта *Ленстремъ* помѣстилъ въ «Ученыхъ запискахъ» статью: «О мирныхъ договорахъ между Россіею и Швеціею». Исправлявшій должность экстраординарнаго профессора, нынѣ состоящій въ томъже званіи при С. Петербургскомъ университетѣ *Березинъ*, составилъ каталогъ монетъ и медалей минцкабинета, — трудъ, требовавшій продолжительныхъ занятій и многочисленныхъ ученыхъ изысканій. Настоящимъ изданіемъ открыто полное удобство для ученыхъ справокъ нашимъ университетамъ.

Командировка. По настоятельной потребности снабдить технологическій кабинетъ Казанскаго университета продуктами отечественной заводско-фабричной промышлености, командированъ былъ въ Москву ординарный профессоръ *Киттары*.

Зданія. На производство построекъ и ремонтныхъ исправленій въ зданіяхъ университета разрѣшено употребить до 8,046 р. изъ собственныхъ средствъ онаго.

Общее замѣчаніе. Въ Казанскомъ университетѣ оставалось нѣсколько вакантныхъ каѳедръ, предметы которыхъ хотя поручены наличнымъ преподавателямъ, но требуютъ скорѣйшаго опредѣленія профессоровъ. Министерство прилагаетъ попеченіе, чтобы, по мѣрѣ возможности, пополнить въ университетѣ недостатокъ профессоровъ.

VI. Университетъ Дерптскій.

Составъ университета.

Дерптскій университетъ составляютъ пять факультетовъ: богословскій, юридическій, историко-филологическій, физико-математическій и медицинскій.

Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 76, учащихся 573. Изъ нихъ въ факультетахъ: богословскомъ 107, юридическомъ 71, историко-филологическомъ 45, физико-математическомъ 66, медицинскомъ 284; въ общемъ числѣ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 224, духовнаго званія 66, купцовъ 34, податнаго состоянія 249.

Учебныя пособія.

Въ университетской библіотекѣ находилось 90,338 томовъ; университетъ имѣетъ кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій, математическій, технологическій, химическій, анатомическій, хирургическій, сравнительной анатоміи и патологическій; музей искусствъ и древностей, астрономическую обсерваторію и ботаническій садъ съ 14,380 растеній.

Клиники.

Въ *терапевтическомъ* отдѣленіи клиники находилось 25 кроватей, больныхъ было 165, пользовалось въ домахъ и приходило за совѣтами 3,689; *хирургическая* клиника, на 24 кровати, пользовала 151 больнаго, приходящихъ было 790, операцій произведено 103; въ *акушерскомъ* отдѣленіи 14 кроватей, больныхъ было 70, оперативныя средства употреблены 16 разъ. Кромѣ практическихъ упражненій въ клиникѣ, студенты безпрерывно посѣщали также Дерптсткую окружную лечебницу, изъ которой доставлялись въ анатомическій кабинетъ трупы и поучительные препараты для употребленія при чтеніи лекцій и для сохраненія послѣднихъ въ подлежащихъ собраніяхъ.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Уволены по прошенію отъ службы ординарные профессоры: терапіи и клиники—*Краузе* и зоологіи и сравнительной анатоміи—*Грубе*. Утверждены: ординарными профессорами экстраординарные профессоры: чистой математики—*Гельмлингъ*, догматики и богословскаго нравоученія—*фонъ-Этингенъ* и уголовнаго права—*Циглеръ;* штатный частный преподаватель *Бульмерингъ*—экстраординарнымъ профессоромъ государственнаго и народнаго права и политики; исправлявшій должность экстраординарнаго профессора *Гейснеръ*—экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи. Опредѣлены: докторъ *Грассъ* —исправляющимъ должность ординарнаго профессора камеральныхъ, финансовыхъ и коммерческихъ наукъ, и титулярный совѣтникъ *Вейрихъ* — штатнымъ частнымъ преподавателемъ терапіи и клиники.

Возведеніе въ ученыя степени и званія.

Въ ученыя степени и званія возведено 183 лица, именно: доктора—3, магистра—4, кандидата—35, дѣйствительнаго студента—33, доктора медицины—20, лекаря—18, уѣзднаго врача—8, акушера—1, оператора—1, провизора — 17, помощника провизора—29, повивальной бабки—14.

Объ утвержденіи новыхъ плановъ ученія.

Для студентовъ богословія, правовѣдѣнія и догматики утверждены новые учебные планы на четырехлѣтіе.

О правилахъ испытанія на учительскія званія.

Для производства испытаній на званія учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ также утверждены новыя правила.

Объ актѣ университета.

По случаю открытія при университетѣ собственной церкви, въ которую въ высокоторжественные дни собираются члены онаго, признано за лучшее въ сіи дни не совершать особыхъ университетскихъ актовъ, какъ это было прежде. Посему разрѣшено мною, чтобы въ университетѣ совершаемъ былъ тор-

жественный актъ, подобно другимъ университетамъ нашимъ, одинъ только разъ въ году, 12 декабря, въ день рожденія августѣйшаго основателя университета, блаженныя памяти Императора Александра I.

Публичныя лекціи.

Съ начала перваго полугодія до конца марта продолжались въ университетѣ техническія и агрономическія лекціи. Профессоръ *Кемтцъ* читалъ о законахъ равновѣсія и движенія жидкостей, профессоръ *Шмидтъ*—о техникѣ алкалій и земель, профессоръ *Петцольдтъ*—о техническомъ добываніи и обработкѣ растительныхъ веществъ, въ агрономическихъ же лекціяхъ излагалъ агрономическую химію. Слушателей было до 80 человѣкъ.

Испытанія частныхъ лицъ.

На званіе домашнихъ учителей и учительницъ подвергались испытаніямъ 22 лица и 18 на званіе учителей казенныхъ училищъ.

Ученыя путешествія.

Ординарный профессоръ догматики и богословскаго правоученія *фонъ-Этингенъ* изучалъ въ Германіи источники, касающіеся издаваемаго имъ сочиненія: «Ueber die Sacramentlehre»; экстраординарный профессоръ хирургіи *фонъ-Этингенъ* путешествовалъ въ Германію для изученія офтальмологіи; экстраординарный профессоръ минералогіи *Гревингъ* производилъ геогностическія изслѣдованія въ Курляндіи и прилегащихъ къ ней частяхъ Лифляндской и Ковенской губерній; экстраординарный профессоръ камеральныхъ наукъ *Грассъ*, до прибытія въ Дерптъ, путешествовалъ въ сѣверной Германіи и Бельгіи для наблюденія развитія промышлености; лаборантъ химическаго кабинета магистръ *Гебель* объѣзжалъ съ ученою цѣлью Финляндію и изслѣдовалъ минералы и источники Лифляндіи и острова Эзеля; прозекторъ при анатомическомъ театрѣ докторъ *Купферъ* отправленъ на счетъ университета на полтора года въ

Германію, для усовершенствованія по части анатоміи.

Ученые труды. Профессоръ *Куртцъ* напечаталъ: 1) «Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte». I. Abth. des zweiten Bandes. Mitau, 1856; 2) «Abriss der Kirchengeschichte. Ein Leitfaden für den Unterricht in höheren Lehranstalten». 3-te Aufl. Mitau, 1856. 3) «Biblische Geschichte der heiligen Schrift nacherzählt und erläutert». 4-te Aüfl. Berlin, 1856. Профессоръ *Кейль* напечаталъ: 1) «Haverlink's Handbuch der historisch-kritischen Einleitung in das alte Testament». 2-te Abth. des ersten Bandes, neu bearbeitet. 2-te Aufl. Frankfurt, 1856. 2) «Der Fall der Engel», въ повременномъ изданіи: «Lutherische Zeitschrift von Rudelbach und Guerike». 1856. 3) «Die Opfer des alten Bundes». 1-ter Artickel, въ томъ-же журналѣ. Профессоръ *Христіани*: «Aphorismen über die praktische Bedeutsamkeit des Studiums der Apokalypse», въ журналѣ: «Berkholz's Mittheilungen für die evangelische Geistlichkeit Russlands». Профессоръ *фонъ-Этингенъ*: «De peccato in Spiritum Sanctum». Dorpat, 1856. Профессоръ *Циглеръ*: обсужденіе новѣйшаго сочиненія М. фонъ-Вольфельдта: «Mittheilungen aus dem Strafprocesse in Liv.-Ehst-und Kurland».; напечатано Академіею наукъ. Профессоръ *Бульмерингъ* издалъ: 1) «De natura principiorum juris inter gentes positivi»; 2) «Ueber die Organisation des Armenwesens», въ газетѣ Rigasche Stadtblätter. Профессоръ *Адельманъ*: 1) «Bemerkungen zu Dr. Büchler's Schrift: Exstirpation eines Milztumors», въ журналѣ «Göschen's deutsche Klinik». 2) «Bemerkungen zu Wildberger's Schrift: Neue orthopädische Behandlungsweise veralteter spontaner Lupationen im Hüftgelenke», въ томъ-же журналѣ. Профессоръ *Биддеръ*, вмѣстѣ съ докторомъ *Купферомъ*:

«Untersuchungen über die Textur des Rückenmarkes und die Entwickelung seiner Formelemente», mit 3 Kupfertafeln. Leipzig, 1856. Профессоръ *Бухгеймъ*: «Lehrbuch der Arzneimittellehre». Zweite Hälfte. Leipzig, 1856. Профессоръ *Клаусъ*: «Ueber einige Rhodan verbindungen», въ журналѣ «Liebih's Annalen der Chemie und Pharmacie». Профессоръ *Адельманъ* продолжалъ составлять: «Annalen der chirurgischen Klinik», а профессоръ *фонъ-Самсонъ*—«Jahresbericht für 1855 — 1856 über die Witterungsverhältnisse und Krankheitsconstitution Dorpat's», отсылаемый въ общество врачей въ С. Петербургѣ. Профессоръ *Клаусъ* собиралъ матеріалы для сочиненія: «Flora astrachanensis». Лекторъ *Павловскій* занимался составленіемъ пространнаго Нѣмецкаго словаря; сверхъ того печаталъ «Сокращенную Славянскую грамматику для Нѣмцевъ». Профессоръ *Шмидтъ* напечаталъ статью: «Ueber die Borium fumerolen Toskana's», въ журналѣ «Liebich's Annalen der Chemie». Профессоръ *Медлеръ* окончилъ сводъ исчисленій для 13 и 14 томовъ наблюденій на университетской обсерваторіи. Профессоръ *Миндинъ* напечаталъ разсужденіе: «Ueber einige Lehrsätze der Statik», въ журналѣ «Grunerts Archiv für Mathematik und Physik», а другую, подъ заглавіемъ: «Ein Blick aüf die Geschichte der Dampfmaschine, insbesondere des Dampfwagens», въ газетѣ «Inland». Штатный частный преподаватель *Асмусъ* напечаталъ статью, подъ заглавіемъ: «Das vollkommenste Hautskelet der bisher bekannten Thierreiche». Dorpat..

Преподаваніе. Попечитель свидѣтельствуетъ, что преподаваніе въ университетѣ производится весьма тщательно. Объ успѣхахъ студентовъ въ Русскомъ языкѣ имѣются самыя удовлетворительныя данныя. Попечитель самъ

присутствовалъ на всѣхъ испытаніяхъ по сему предмету.

Академическая мусса.

По поводу выразившагося желанія къ возобновленію существовавшихъ прежде при университетѣ собраній, подъ названіемъ: «Akademische Musse», я разрѣшилъ возстановить сіи собранія, съ цѣлію доставить студентамъ благоприличное общественное увеселеніе и случаи къ образованію ихъ въ бесѣдахъ.

Осмотръ

Товарищъ мой два раза остатривалъ университетъ и учебныя заведенія Дерпта.

Князь *Вяземскій* выводомъ своего обозрѣнія дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: хотя, въ слѣдствіе мѣстныхъ причинъ, *внѣшній* порядокъ учебныхъ заведеній Дерптскаго округа (въ Дерптѣ и Митавѣ), особенно въ отношеніи къ одеждѣ и, такъ-сказать, къ выправкѣ молодыхъ людей, не вполнѣ соотвѣтствуетъ *наружному и форменному* порядку, водворенному въ другихъ округахъ; но несправедливо было-бы выводить изъ того заключеніе, что есть вредное упущеніе и во *внутреннемъ* благоустройствѣ. Мѣстныя причины вышеупоминаемаго суть: преданія университетской жизни съ своими льготами; бѣдность многихъ родителей, не имѣющихъ средства всегда щеголевато и опрятно одѣвать дѣтей своихъ, и вообще отсутствіе утонченности, которая господствуетъ въ нашихъ столицахъ и проявляется болѣе или менѣе и въ другихъ нашихъ губернскихъ городахъ, и которая въ Дерптѣ не извѣстна. Дерптъ даже мало и похожъ на городъ. Но ученіе въ этомъ краѣ имѣетъ и крѣпкое основаніе, и обширное развитіе, и дѣятельное примѣненіе къ общественной жизни. Дерптскій университетъ не только содѣйствуетъ распространенію образованности и полезныхъ свѣдѣній на потребность туземныхъ жителей, но дѣй-

ствуетъ благотворно и на все государство. Многіе изъ тамошнихъ питомцевъ оказались впослѣдствіи времени отличными профессорами другихъ нашихъ университетовъ; посредствомъ Дерптскаго университета проникаютъ живительною струею въ Балтійскій край и Русскія стихіи. Если Русскій языкъ тамъ еще мало употребителенъ—и нельзя ожидать, чтобы онъ когда-нибудь вытѣснилъ Нѣмецкій, природный языкъ — то изученіе Русской исторіи, Русской словесности распространяется тамъ постепенно.

Постройки. Въ 1856 г. перестроена большая теплица ботаническаго сада; подведенъ подъ крышу флигель при главномъ университетскомъ зданіи, предназначенный для кабинетовъ физическаго и химическаго; положенъ фундаментъ подъ зданіе университетской церкви; выкопанъ фундаментъ подъ второй университетскій флигель, предназначаемый для присутственныхъ мѣстъ. Закладка университетской церкви совершена въ приснопамятный день священнаго Коронованія Вашего Императорскаго Величества.

Ветеринарное училище. Въ Дерптскомъ ветеринарномъ училищѣ чиновниковъ и преподавателей 16, учащихся 21; возведено въ ученую степень ветеринара 4; выпущено 4 воспитанника, кончившіе свое образованіе.

Учебныя пособія. При училищѣ находятся: библіотека, физическій кабинетъ, собраніе зоохирургическихъ инструментовъ, минералогическій кабинетъ, гербарій, кабинетъ зоотомическій, кузница, аптека и коллекція подковъ и копытъ.

Въ клиникѣ было 940 домашнихъ животныхъ, въ томъ числѣ 751 лошадь и 70 головъ рогатаго скота; операцій произведено 442.

Командировки. Профессоръ *Брауэль*, командированный съ ученою цѣлію за границу, посѣтилъ въ Германіи и Франціи

ветеринарныя училища и анатомическо-физіологическіе иституты; профессоръ *Унтербергеръ*, командированный по Высочайшему повелѣнію въ царство Польское и въ чужіе краи для вспомоществованія Лифляндскому дворянству при закупкѣ жеребцовъ Арабской породы для конныхъ заводовъ въ имѣніяхъ, пожалованныхъ для того Лифляндскому дворянству, посѣщалъ многія ветеринарныя заведенія и конные заводы и участвовалъ въ Вѣнскомъ собраніи естествоиспытателей.

Покупка домовъ.

Для помѣщенія ветеринарнаго училища разрѣшено пріобрѣсть два частные дома за 25 тысячъ рублей. Въ сихъ домахъ произведены разныя исправленія, оказавшіяся необходимыми при переводѣ въ истекшемъ году училища въ новое помѣщеніе.

Общее замѣчаніе.

Училище теперь во многихъ отношеніяхъ расположено выгоднѣе, нежели прежде; съ окончаніемъ-же построекъ, оно будетъ имѣть приличное и удобное помѣщеніе. Къ-сожалѣнію, доселѣ мало представлялось желающихъ поступить въ первый разрядъ училища, такъ-что сдѣлалось нужнымъ допускать при пріемныхъ испытаніяхъ нѣкоторое снисхожденіе, чтобы привлечь и то малое число воспитанниковъ, которое нынѣ въономъ находится. Съ утверденіемъ новаго устава (нынѣ находящагося въ разсмотрѣніи Министерства), можно надѣяться на большее развитіе круга дѣйствій училища.

VII. Главный педагогическій институтъ.

Составъ.

Главный педагогическій институтъ состоитъ изъ двухъ факультетовъ: историко-филологическаго и физико-математическаго. Оба факультета подраздѣляются на четыре курса: курсы 1-й и 2-й, которыми

начинается педагогическое образованіе, предназначены для общаго факультетскаго ученія; курсы 3-й и 4-й, которыми оканчивается педагогическое образованіе, предназначены для спеціальнаго приготовленія преподавателей по особеннымъ отраслямъ науки, и для того оба факультета въ сихъ курсахъ подраздѣлены: историко-филологическій — на два отдѣленія: историческихъ и филологическихъ наукъ, и физико-математическій—также на два отдѣленія: математическихъ и естественныхъ наукъ.

Въ институтѣ чиновниковъ и преподавателей 44; учащихся 106, въ томъ числѣ дворянъ и дѣтей чиновниковъ 32, духовнаго званія 60, купцовъ 8, податнаго состоянія 6.

Учебныя пособія.

Въ библіотекѣ иститута состояло 17,741 томъ; при немъ находятся кабинеты: физическій, минералогическій, ботаническій, зоологическій, химическая лабораторія и нумизматическая коллекція.

Число выпущенныхъ воспитанниковъ.

Въ-теченіе года выпущено по окончаніи курса на службу 29 воспитанниковъ; выбыло по разнымъ причинамъ 5.

Ученые труды преподавателей.

Профессоръ педагогики *Вышнеградскій* съ Высочайшаго разрѣшенія посланъ былъ въ Германію, Бельгію и Швейцарію для ближайшаго ознакомленія съ существующими въ тѣхъ странахъ педагогическими учрежденіями. Любопытный отчетъ о семъ путешествіи приготовленъ къ помѣщенію въ «Русскомъ педагогическомъ вѣстникѣ», на изданіе котораго *Вышнеградскій* получилъ разрѣшеніе. Профессоръ Латинской словесности *Благовѣщенскій* помѣстилъ въ періодическихъ изданіяхъ статьи: «О педагогическомъ сочиненіи Кехли» и второй отдѣлъ критическаго разбора 18-й части повременнаго изданія «Пропилеи». Профессоръ Польской словесности *Дубровскій*

занимался составленіемъ народнаго Польскаго словаря по отношенію къ древнимъ памятникамъ Русской письменности; въ «Извѣстіяхъ втораго отдѣленія Академіи наукъ» помѣстилъ «Грамматическія замѣтки о Польскомъ языкѣ», а въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія—статью: «О Миллеровыхъ запискахъ касательно царствованія Стефана Баторія». Профессоръ всеобщей исторіи *Лоренцъ* написалъ для акта рѣчь: «О цѣли учрежденія главнаго педагогическаго института»; кромѣ того приготовилъ къ 3-му изданію исправленную 1 часть своего «Руководства къ всеобщей исторіи». Профессоръ математики *Остроградскій* издалъ «Начальную геометрію». Профессоръ астрономіи *Савичъ* напечаталъ въ «Морскомъ Сборникѣ» разсужденіе: «О неизмѣняемости среднихъ температуръ», и въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія — статью: «Объ изслѣдованіяхъ Цеха и другихъ астрономовъ относительно вычисленія древнихъ затмѣній луны и солнца, для повѣрки исторической хронологіи». Профессоръ минералогіи и геогнозіи *Куторга* во время лѣтнихъ вакацій изучалъ: 1) эпохи паденія водопада Наровы; 2) образованіе фигурныхъ камней, находимыхъ въ рѣкахъ и на поляхъ, и 3) турфы на разныхъ мѣстностяхъ. Издалъ: 1) «Einige Verhältnisse der gebirgsarten Finnland»; 2) «Fucus въ известнякахъ С. Петербургской губерніи», и 3) «Mineralogische Berichte über Russland für die Jahre 1854 — 1856». Профессоръ ботаники *Рупрехтъ* напечаталъ третью часть «Flora Ingrica» и статью: «О деревьяхъ и кустарникахъ рѣки Амура». Адъюнктъ *Михайловъ* издалъ диссертацію: «Русское гражданское судопроизводство въ историческомъ его развитіи отъ Уложенія 1649 г. до изданія Свода Законовъ». Кромѣ того напечаталъ со-

чиненія: 1) «Связь исторіи законодательства съ исторіею вообще и юридическія условія послѣдней» и 2) «О раздѣльности и нераздѣльности поземельныхъ имѣній въ Германіи». Исправляющій должность адъюнкта *Будаевъ* напечаталъ диссертацію: «Теорія разновѣсія твердыхъ тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость».

Медаль. По всеподданнѣйшему докладу моему, Высочайше утвержденъ новый рисунокъ медали, для награжденія при выпускѣ отличнѣйшихъ студентовъ института. На одной сторонѣ находится изображеніе Вашего Величества, на оборотѣ-же, подъ Императорскою короною—надпись: «Основанный въ 1828 г. Императоромъ Николаемъ I-мъ Главный педагогическій институтъ: достойнѣйшимъ».

Зданія. На ремонтъ зданія употреблено до 5,375 р. изъ хозяйственной суммы института.

Осмотръ. Я и Товарищъ мой неоднократно посѣщали институтъ, присутствовали на лекціяхъ и принимали участіе въ испытаніяхъ студентовъ. По случаю-же предстоящаго пересмотра устава института, признавъ нужнымъ имѣть подробныя и точныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи сего заведенія въ учебномъ, хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ, я поручилъ Товарищу моему произвести осмотръ института по всѣмъ частямъ.

ЛИЦЕИ.

I. Демидовскій лицей, въ Ярославлѣ.

Составъ. По уставу 22 ноября 1845 года, Демидовскій лицей состоитъ изъ трехъ отдѣленій, обнимающихъ трехлѣтній курсъ камеральныхъ наукъ, преподаваемыхъ въ связи съ отечественнымъ законовѣдѣніемъ.

На мѣсто уволеннаго по прошенію отъ службы

дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Коншина*, назначенъ директоромъ лицея и училищъ Ярославской губерніи статскій совѣтникъ *Ляпуновъ*.

Въ лицеѣ чиновниковъ и преподавателей 16, учащихся 57. По окончаніи курса выпущено 20 студентовъ: 12—съ правомъ на XII и 8-мъ—съ правомъ на XIV классъ.

Учебныя пособія. Въ библіотекѣ состояло 7,580 томовъ. При лицеѣ имѣются кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій, технологическій, минцкабинетъ и химическая лабораторія.

Ученые труды. Профессоръ *Львовъ* написалъ статью: «О промышленыхъ товариществахъ и значеніи ихъ въ народномъ хозяйствѣ». Исправляющій должность профессора *Никольскій* занимался историческимъ изслѣдованіемъ вопроса «О наслѣдованіи по закону съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи до Іоанновъ». Исправляющій должность профессора *Гладковъ* собиралъ матеріалы для мѣстной статистики. Исправляющій должность профессора *Головачевъ* печатаетъ «Изслѣдованіе о хрящевыхъ рыбахъ Каспійско-Уральской фауны»; написалъ статью: «О рыболовствѣ по рѣкѣ Уралу», и приготовляетъ къ изданію «Описаніе рыбъ Ярославской губерніи».

Посѣщеніе лицея. Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій 24 и 25 сентября удостоилъ лицей своимъ посѣщеніемъ.

Съ 28 сентября по 3 октября попечитель Московскаго учебнаго округа обозрѣвалъ лицей по части учебной, хозяйственной и административной.

II. Лицей князя Безбородко, въ Нѣжинѣ.

Цѣль и составъ. Преобразованный по уставу 24 апрѣля 1840 г., лицей князя Безбородко главною цѣлію имѣетъ рас-

пространеніе свѣдѣній по части отечественнаго законовѣдѣнія и образованіе юношества для гражданской службы.

Въ лицеѣ, съ состоящимъ при немъ пансіономъ, находилось чиновниковъ и преподавателей 20; учащихся 55, въ томъ числѣ дѣтей дворянъ и чиновниковъ 37, духовнаго званія 3, купеческаго 3, податныхъ состояній 12. Выпущено по окончаніи курса 15 студентовъ: 9 — съ правомъ на XII и 6 — съ правомъ на XIV классъ.

На мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Могилянскаго*, назначеннаго помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, директоромъ лицея и Нѣжинской гимназіи опредѣленъ инспекторъ казенныхъ училищъ округа, статскій совѣтникъ *Стеблинъ-Каминскій*. На вакансію профессора Русской словесности поступилъ старшій учитель Бѣлоцерковской гимназіи кандидатъ *Бѣлобровъ*.

Учебныя пособія.

Въ библіотекѣ находилось 10,043 книгъ, періодическихъ изданій и эстамповъ; лицей имѣетъ кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій и минцкабинетъ.

Командировка съ ученою цѣлію.

Профессоръ Русской исторіи магистръ *Лашнюковъ* командированъ былъ въ Москву съ ученою цѣлію, для осмотра тамъ значительнаго числа памятниковъ археологическихъ, для сношенія съ тамошними учеными, посвятившими себя изслѣдованіямъ по части нашей исторіи, и для ознакомленія съ источниками, коими такъ богаты Московскія библіотеки и архивы.

Осмотръ.

Лицей князя Безбородко, содержимый на счетъ пожертвованій государственнаго канцлера князя Безбородко, осмотрѣнъ мною во всей подробности. Зданіе лицея заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя

условія для помѣщенія учебнаго и воспитательнаго заведеній, но по недостатку средствъ приходитъ въ ветхость и требуетъ капитальныхъ исправленій. Лицейская библіотека, состоящая почти вся изъ книгъ пожертвованныхъ, не соотвѣтствуетъ назначенію высшаго учебнаго заведенія: она наполнена книгами безполезными и нуждается въ сочиненіяхъ, составляющихъ необходимую принадлежность подобнаго книгохранилища.

Преподаватели всѣ почти молодые люди не безъ дарованій. Направленіе преподаванія юридическое; но составъ предметовъ, входящихъ въ курсъ лицейскаго ученія, а также самое распредѣленіе ихъ между преподавателями, требуетъ пересмотра съ одной стороны для того, чтобы юридическое образованіе получило болѣе полноты, а съ другой, чтобы правильное распредѣленіе преподаванія между преподавателями болѣе обезпечивало успѣхи студентовъ.

III. Ришельевскій лицей, въ Одессѣ.

Начальство. Состоящій въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Демидовъ* по болѣзни уволенъ отъ должности попечителя Одесскаго учебнаго округа съ оставленіемъ членомъ главнаго правленія училищъ. На его мѣсто опредѣленъ исправляющимъ должность попечителя дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пироговъ*.

Составъ. Ришельевскій лицей состоитъ изъ трехъ отдѣленій: физико-математическаго, юридическаго и камеральнаго. Въ немъ чиновниковъ и преподавателей 33; учащихся 96, изъ нихъ по отдѣленіямъ: физико-математическому 33, юридическому 20 и камеральному 43. Изъ общаго числа: дѣтей дворянъ и чинов-

никовъ 70, купеческаго званія 10, податныхъ состояній 16.

Выпущено изъ лицея, по окончаніи курса, 35 студентовъ съ правомъ на XII классъ.

Учебныя пособія

Библіотека состояла изъ 17,632 томовъ, включая въ то число періодическія изданія, брошюры, карты, чертежи, эстампы и рукописи. При лицеѣ находятся кабинеты: физическій, астрономическо-геодезическій, минералогическій, зоологическій и минцкабинетъ; гербарій, химическая лабораторія и собранія: технологическихъ моделей и земледѣльческихъ орудій.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Учитель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской Реальной гимназіи *Акимовъ* переведенъ исправляющимъ должность профессора лицея на каѳедру физики и физической географіи. Исправлявшій должность адъюнкта *Лохвицкій* утвержденъ былъ адъюнктомъ, а по пріобрѣтеніи степени магистра назначенъ профессоромъ по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и исторіи Русскаго права.

Особые труды преподавателей.

Директоръ лицея *Мурзакевичъ* написалъ: «Воспоминаніе объ услугахъ, принесенныхъ наукамъ почетнымъ президентомъ Одесскаго Общества исторіи и древностей, генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Воронцовымъ» и «Описаніе церкви св. Іоанна въ Керчи». Инспекторъ лицея *Михневичъ* издалъ «Новороссійскій календарь на 1857 годъ». Профессоръ *Беккеръ* написалъ сочиненіе: «Die Herakleotische Halbinsel in achaeologischer Beziehung». Leipzig. Профессоръ *Зеленецкій* печаталъ статьи свои въ періодическихъ изданіяхъ и занимался особымъ историко-этнографическимъ трудомъ относительно Новороссійскаго края, по порученію бывшаго попечителя округа *Демидова*. Профессоръ *Сокальскій* написалъ статью: «О внѣшней торговлѣ Новороссійскаго края

и Бессарабіи въ 1853 году». Профессоръ *Лукьяновъ* составилъ для лицейскаго акта разсужденіе: «О распредѣленіи неподвижныхъ звѣздъ на видимомъ небѣ и въ пространствѣ». Профессоръ *Лохвицкій* напечаталъ статьи: 1) «Швейцарская община», 2) «Молдавія и Петръ Великій», 3) «Поѣздка въ Бессарабію» и 4) «Церковная администрація въ древней Россіи». Исправляющій должность адъюнкта *Палимпсестовъ* занимался изданіемъ «Записокъ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи», гдѣ помѣщалъ и собственныя статьи; написалъ рѣчь: «О трудахъ князя Воронцова, употребленныхъ для развитія сельской промышлености Новороссійскаго края и Бессарабіи», и приготовлялъ къ печати дополненіе къ составленному имъ словарю «Сельско-хозяйственныхъ растеній».

Мѣра для усиленія камеральнаго и математическаго отдѣленія. По представленію начальства лицея, разрѣшено допустить и въ 1856 г. дозволенную въ два предшедшіе года мѣру объ освобожденіи отъ экзамена въ Латинскомъ языкѣ тѣхъ молодыхъ людей, желающихъ поступить въ лицей, кои изберутъ науки камеральнаго или математическаго отдѣленій.

Строгость испытанія изъ Русской словесности. По представленію окружнаго начальства, при испытаніи студентовъ изъ Русской словесности разрѣшено мною руководствоваться правиломъ 1843 г., принятымъ въ гимназіяхъ округа, для усиленія изученія Русскаго языка, т. е., чтобы студенты были переводимы изъ курса въ курсъ и получали выпускные аттестаты не иначе, какъ съ экзаменною отмѣткою, въ которой, по общей сложности, за письменный и словесные отвѣты, будетъ не менѣе трехъ.

Допущеніе къ лекціямъ постороннихъ. По всеподданнѣйшему докладу военнаго министра, Высочайше разрѣшено офицерамъ и юнкерамъ войскъ, квартирующихъ въ Одессѣ, посѣщать без-

платно, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, лекціи въ лицеѣ.

Опредѣленіе помощника инспектора.

По Высочайше утвержденному положенію комитета Министровъ, въ слѣдствіе моего представленія, для усиленія надзора за учащимися, разрѣшено опредѣлить третьяго помощника инспектора, а должность сверхштатнаго педеля упразднить.

О дозволеніи преподавателямъ имѣть пансіонеровъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пироговъ*, обративъ вниманіе на положеніе преподавателей, убѣдился, что, при господствующей въ Одессѣ дороговизнѣ, существованіе большей части изъ нихъ рѣшительно не обезпечено, и потому ходатайствовалъ о дозволеніи имъ держать пансіонеровъ и давать частные уроки въ лицеѣ, при отвѣтственности съ его стороны. Разрѣшивъ таковое представленіе, я предоставилъ исправляющему должность попечителя представить мнѣ подробный проектъ правилъ по сему предмету.

СРЕДНІЯ И НИЗШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I. С. Петербургскій учебный округъ.

Составъ.

Въ составъ С. Петербургскаго учебнаго округа входятъ училища осьми губерній: С. Петербургской, Новгородской, Псковской, Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Витебской и Могилевской.

Въ округѣ находится: 15 гимназій; уѣздныхъ училищъ: дворянскихъ пятиклассныхъ 5, трехклассныхъ 59; приходскихъ училищъ: въ городахъ 78, въ уѣздахъ 19; приходскихъ классовъ при уѣздныхъ училищахъ 18, училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій 21, частныхъ учебныхъ заведеній 232, — всего 447.

Воспитательныхъ заведеній (пансіоновъ при гимназіяхъ и училищахъ, конвиктовъ и общихъ ученическихъ квартиръ) 15.

Чиновниковъ и преподавателей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ 864.

Число учащихся.

Въ 1856 г. изъ учебныхъ заведеній С. Петербургскаго округа *выбыло* 4,758, въ томъ числѣ: *по окончаніи курса* наукъ 1,877; изъ гимназій, съ правомъ на XIV классъ, 29, съ одобрительными аттестатами 107; изъ дворянскихъ училищъ съ аттестатами 58, изъ уѣздныхъ училищъ со свидѣтельствами 310, изъ приходскихъ училищъ со свидѣтельствами 581.

Изъ выбывшихъ по окончаніи гимназическаго курса учениковъ, 93 поступили въ высшія учебныя заведенія.

Общее число *поступившихъ* въ 1856 г. въ училища округа было 4,718: въ гимназіи 877, въ дворянскія училища 139, въ уѣздныя 1,124, въ приходскія 2,578.

Въ-теченіе учебнаго года, всѣхъ учившихся въ С. Петербургскомъ учебномъ округѣ было: 21,418 мужескаго и 7,377 женскаго пола; всего 28,785. *Наличное-же число* къ 1857 году составляетъ: 16,097 мужескаго и 6,853 женскаго пола; всего 22,950. Изъ нихъ: въ гимназіяхъ 3,057, въ дворянскихъ училищахъ 479, въ уѣздныхъ 3,034, въ приходскихъ 5,431 (4,636 мужескаго и 795 женскаго пола); въ училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій и нѣкоторыхъ другихъ 4,123 (2,586 мужескаго и 1,537 женскаго пола); въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ 6,022 (1,832 мужескаго и 4,190 женскаго пола).

Въ общемъ числѣ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ

8,528, духовнаго званія 727, дѣтей почетныхъ гражданъ и купцовъ 2,743, податныхъ состояній 10,952.

Открытіе и закрытіе училищъ.

По Высочайше утвержденному положенію комитета Министровъ, подъ надзоромъ совѣта Евангелическо-Лютеранской церкви св. Петра въ С. Петербургѣ учреждено особое воспитательное заведеніе для малолѣтныхъ бѣдныхъ мальчиковъ на правилахъ, предложенныхъ Обществомъ призрѣнія бѣдныхъ, съ тѣмъ-чтобы заведеніе это состояло въ вѣдѣніи Министерства народнаго просвѣщенія на тѣхъ-же основаніяхъ, на коихъ подчинены оному всѣ училища, существующія при церквахъ иностранныхъ исповѣданій.

Въ-продолженіе года дано разрѣшеніе на открытіе одного приходскаго училища въ помѣщичьемъ имѣніи и десяти пансіоновъ и школъ. Закрыто шесть частныхъ учебныхъ заведеній, по желанію содержателей.

Преподаваніе.

Для пансіонеровъ состоящаго при гимназіи въ Петрозаводскѣ особаго пансіона для дѣтей канцелярскихъ служителей, оканчивавшихъ курсъ ученія четырьмя классами гимназіи, прибавленъ еще одинъ годъ т. е. пятый классъ.

Существенныя измѣненія курса гимназическаго, послѣдовавшія чрезъ исключеніе нѣкоторыхъ предметовъ, входившихъ въ программу гимназическаго ученія по Уставу 1828 г. и чрезъ прибавленіе другихъ, было въ-подробности изложено въ предшедшихъ отчетахъ; въ истекшемъ-же году измѣненій не произошло.

По ходатайству совѣта училища при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Анны, разрѣшено въ мужскомъ отдѣленіи училища подраздѣлить курсъ

ученія въ двухъ высшихъ классахъ на два разряда: классическій и реальный.

Имѣя въ виду сблизить болѣе и болѣе между собою членовъ, составляющихъ гимназическое начальство, и побуждать ихъ къ постоянному наблюденію за ходомъ преподаванія, исправляющій должность попечителя учебнаго округа нашелъ нужнымъ предложить директорамъ училищъ учредить постоянные педагогическіе совѣты для обсужденія всѣхъ мѣръ, могущихъ содѣйствовать къ полнѣйшему развитію гимназическаго образованія, — каковое предложеніе принято съ живѣйшимъ участіемъ.

Испытанія.

При экзаменахъ изъ закона Божія въ С. Петербургѣ присутствовали: главный наблюдатель за преподаваніемъ сего предмета, преосвященный *Макарій*, или его помощникъ. На испытаніи учениковъ VII класса первой гимназіи присутствовалъ мой Товарищъ.

Въ-теченіе 1856 г. выдано свидѣтельствъ на званія: домашняго наставника — 3, домашняго учителя — 13, домашней учительницы — 86 (*), иностранцамъ на право домашняго обученія — 12, на право обучать въ частныхъ домахъ только чтенію, письму и ариѳметикѣ — 140.

Подвергались испытаніямъ: на право производства въ первый классный чинъ — 94, на званіе учителя казенныхъ училищъ — 24, на званіе аптекарскаго ученика — 13.

Учрежденіе званія почетнаго блюстителя.

По положенію комитета Министровъ, на мое представленіе, послѣдовало Высочайшее соизволеніе: при Динабургскомъ приходскомъ училищѣ имѣть почетнаго блюстителя преимущественно изъ купече-

(*) Въ томъ числѣ 40 воспитанницъ учебныхъ заведеній, состоящихъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

скаго сословія, съ предоставленіемъ начальнику Витебской губерніи утвержденія въ семъ званіи лицъ, избираемыхъ училищнымъ начальствомъ съ согласія городскаго общества.

Пособія бѣднымъ ученикамъ.

Для содѣйствія успѣхамъ, сдѣлано начальствомъ округа распоряженіе, чтобы бѣднымъ ученикамъ, при доброй ихъ нравственности, были выдаваемы безденежно учебныя пособія. Воспитанниками пансіона Псковской гимназіи дано было театральное представленіе, за которое вырученный сборъ обращенъ на вспомоществованіе бѣднымъ ученикамъ. Въ Вологодской гимназіи, въ уѣздныхъ училищахъ: Велико-Устужскомъ, Сольвычегодскомъ, Тотемскомъ и Яренскомъ, кромѣ книгъ и другихъ учебныхъ пособій, учащимся доставляется хозяйственныхъ способомъ даже платье и обувь; въ бѣднѣйшихъ городахъ — Тотьмѣ и Яренскѣ часто ученики посѣщаютъ училища болѣе съ цѣлію получать вспомоществованіе, чѣмъ для самаго ученія. Въ Тотьмѣ, процентами съ капитала купца *Колычева*, пожертвованнаго съ этою цѣлію, спасаютъ многихъ мальчиковъ отъ нищенства и бродяжничества. Въ Устьсысольскѣ, самомъ сѣверномъ пунктѣ Вологодской губерніи, штатный смотритель, изъ состраданія къ бѣдности и отдаленности жительства учениковъ, иногда приходящихъ изъ-за нѣсколькихъ верстъ, въ зимніе мѣсяцы отводитъ имъ въ училищахъ для ночлега комнату, доставляя имъ, при помощи преподавателей, пищу и освѣщеніе. Женскія училища въ Вологдѣ, Грязовцѣ, Кадниковѣ, Устюгѣ и Яренскѣ, заботливостію и отчасти средствами штатныхъ смотрителей, также служатъ къ улучшенію состоянія бѣдныхъ дѣвочекъ. Въ послѣднихъ двухъ городахъ онѣ своимъ рукодѣліемъ снискиваютъ средства со-

держанія себя и своихъ родителей. Въ Вытегорскомъ приходскомъ училищѣ жена учителя обучаетъ дѣвочекъ шитью и вышиванію безмездно.

Постройки. Для Витебскаго уѣзднаго училища и состоящаго при тамошней гимназіи конвикта Гильзено-Шадурскихъ возводятся каменныя надворныя строенія, на сумму 7,775 р. Значительнѣйшіе ремонтные расходы были по здѣшнимъ гимназіямъ: первой —на 1,460, второй—на 3,750, третьей—на 1,133, Ларинской—на 1,175, Могилевской на 3,770 р.

Приношенія. Дворянство Псковской губерніи, желая выразить вѣрноподданническія чувства ознаменованіемъ съ своей стороны дня священнаго Коронованія Вашего Императорскаго Величества, опредѣлило содержать на свой счетъ въ благородномъ при гимназіи пансіонѣ двухъ сыновей изъ бѣднѣйшихъ дворянъ, съ наименованіемъ ихъ *пансіонерами* 26 *августа года*, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Въ 1856 г. важнѣйшія приношенія въ пользу училищъ сдѣлали: почетный смотритель Андреевскаго училища *Бенардаки*, который внесъ на содержаніе въ пятой гимназіи учителя естественной исторіи 300 р. и на исправленіе дома Андреевскаго училища 500 р. Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ С. Петербургскаго округа внесли по обязательствамъ 7,175 р., а почетные блюстители, по обязательствамъ-же,— 1890 р.

Законоучитель Римско-католическаго исповѣданія Мстиславскаго дворянскаго училища *Волчацкій*, по совершенной бѣдности нѣкоторыхъ учениковъ, обмундировалъ восьмерыхъ изъ нихъ на свой счетъ, и одного крайне бѣднаго содержитъ на своемъ иждивеніи.

Осмотръ училища.

Мною осмотрѣны С. Петербургскія гимназіи первая и третья. Возвращаясь изъ путешествія для обозрѣнія учебныхъ заведеній, посѣтилъ я гимназіи и училища въ Динабургѣ и Псковѣ. Успѣхъ въ наукахъ какъ въ Динабургской, такъ и въ Псковской гимназіяхъ, найдены очень хорошими, а въ Псковской и матеріальная часть въ самомъ удовлетворительномъ состояніи; но общая ученическая квартира въ Динабургѣ потребовала, чтобы я на мѣстѣ-же указалъ первоначальныя мѣры къ необходимому ея улучшенію. Училищами уѣзднымъ и приходскимъ въ Псковѣ я остался очень доволенъ.

Всѣ С. Петербургскія гимназіи и нѣкоторыя изъ уѣздныхъ училищъ неоднократно обозрѣваемы были Товарищемъ моимъ.

С. Петербургскій военный генералъ-губернаторъ посѣтилъ училища въ Лугѣ и Гдовѣ.

Исправляющій должность попечителя обозрѣвалъ училища въ Витебскѣ, Могилевѣ и Псковѣ. По распоряженію бывшаго попечителя, инспекторомъ казенныхъ училищъ осмотрѣны учебныя заведенія въ тѣхъ-же городахъ.

II. Московскій учебный округъ.

Въ 1856 г. учебныя заведенія Московскаго округа, и въ-особенности столичныя, удостоились незабвенныхъ для нихъ посѣщеній.

18 сентября Московская третья гимназія имѣла счастіе принимать Его Императорское Высочество Государя Великаго Князя Константина Николаевича, изволившаго посѣтить гимназію, 3-е уѣздное и Мясницкое начальное училища, и Его Императорское Высочество Великаго Князя

Николая Константиновича, посѣтившаго гимназію 21 августа. Его Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, по всемѣстномъ и продолжительномъ осмотрѣ гимназіи, изъявилъ Свое полное удовольствіе.

Въ 3-мъ уѣздномъ училищѣ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ пройти по классамъ, осматривалъ тетради черченія и чистописанія; въ присутствіи Его ученикъ 3 класса чертилъ на-память карту Россіи. Его Высочество изволилъ дѣлать вопросы изъ географіи, и какъ чертежемъ карты, такъ и отвѣтами остался доволенъ и изъявилъ Свою благодарность.

Въ Мясницкомъ начальномъ училищѣ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ самъ спрашивать учениковъ изъ ариѳметики и слушалъ упражненіе по методѣ преподаванія умственныхъ вычисленій, и остался доволенъ какъ методою, такъ и отвѣтами.

Московская четвертая гимназія въ началѣ протекшаго учебнаго года имѣла честь принимать Его Императорское Высочество Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и сыновей Его Высочества, Принцевъ Ольденбургскихъ Николая и Александра, обратившихъ особое вниманіе на классныя занятія въ гимназіи.

24 сентября Ярославская гимназія и благородный пансіонъ гимназіи также удостоены были посѣщеніемъ Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Въ залѣ гимназическаго совѣта Его Высочество привѣтствованъ былъ рѣчью, произнесенною на Русскомъ языкѣ воспитанникомъ 5 класса благороднаго пансіона

и изволилъ благосклонно принять поднесенную Его Высочеству директоромъ училищъ историческую записку, составленную изъ протоколовъ совѣта гимназіи, подъ названіемъ: «Воспоминаніе о посѣщеніи въ 1811 году Ярославской гимназіи Ихъ Императорскими Высочествами Великою Княгинею Екатериною Павловною и Принцемъ Георгіемъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ».

Составъ округа. Въ составъ Московскаго учебнаго округа входятъ училища девяти губерній: Московской, Владимірской, Калужской, Костромской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской.

Въ округѣ состоитъ: гимназій 12, уѣздныхъ училищъ 84, приходскихъ 206, городскихъ начальныхъ въ Москвѣ 13, училищъ для дѣвицъ 18, воскресныхъ классовъ рисованія 4, реальныхъ курсовъ при уѣздныхъ училищахъ 3, частныхъ учебныхъ заведеній 83; всего 425.

Воспитательныхъ заведеній при гимназіяхъ, при уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ и отдѣльныхъ для дѣвицъ — 17.

Чиновниковъ и преподавателей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ 1,241.

Число учащихся. Изъ учебныхъ заведеній Московскаго округа въ учебномъ году выбыло 7,420, въ томъ числѣ: *по окончаніи курса наукъ* въ гимназіяхъ: съ аттестатами и съ правомъ на XIV классъ 42, съ аттестатами 100; въ уѣздныхъ училищахъ: съ свидѣтельствами 537; изъ числа выбывшихъ 102 человѣка поступили въ высшія учебныя заведенія.

Въ-теченіе 1856 г. *поступило* 8,978; къ 1857 г. находилось *всѣхъ учащихся* въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ 23,169 (въ томъ числѣ 2,998 женскаго пола). Въ общемъ числѣ—дѣтей дворянъ и

чиновниковъ 6,248, духовнаго званія 322, почетныхъ гражданъ и купцовъ 3,203, податныхъ состояній 13,396.

Открытіе и закрытіе училищъ.

Въ 1856 г. число приходскихъ училищъ увеличилось восемью, а число частныхъ учебныхъ заведеній — двѣнадцатью.

Преподаваніе.

Число и объемъ учебныхъ предметовъ и способы преподаванія сохраняли въ-сущности порядокъ, доселѣ установленный, съ нѣкоторыми маловажными отступленіями; такъ напримѣръ по второй Московской гимназіи признано было нужнымъ ввести, въ видѣ опыта, новое распредѣленіе уроковъ Греческаго языка, болѣе приспособленное къ пользѣ учащихся.

Начальство округа обращало постоянное вниманіе на методу преподаванія и слѣдило за улучшеніемъ онаго, наблюдая, чтобы излагаемое преподавателями было понято и усвоено учениками въ достаточной степени.

Состоящіе при уѣздныхъ училищахъ въ Рыбинскѣ и Ростовѣ дополнительные курсы торговаго счетоводства и бухгалтеріи идутъ успѣшно.

Испытанія.

Въ-теченіе 1856 г. въ гимназіяхъ подвергались испытаніямъ: на званіе домашнихъ учителей и учительницъ — 8, на право первоначальнаго обученія — 12.

Выдано свидѣтельствъ отъ попечителя на званія: домашняго наставника—2, домашняго учителя—19, домашней учительницы—80.

На право полученія перваго классного чина подвергались испытаніямъ 58 человѣкъ, на званіе учителя — 2.

Пособія бѣднымъ ученикамъ.

Пособія бѣднымъ ученикамъ, въ-особенности изъ приходящихъ, оказываются постоянно. Не упоминая о содержаніи экономическихъ воспитанниковъ при

пансіонахъ гимназій, нуждающіеся снабжаются книгами.

Строенія. Для Данковскаго уѣзднаго училища купленъ деревянный на каменномъ фундаментѣ домъ за 3,500 р. Въ домахъ гимназій и уѣздныхъ училищъ произведено перестроекъ и починокъ на 12,305 р. 97 к. На постройку новаго дома для уѣзднаго и приходскаго училища въ Новосилѣ разрѣшено употребить 4,729 р.

Приношенія. Почетными смотрителями и благотворителями въ пользу училищъ внесено по обязательствамъ 16,223 р. 89 к. Почетный смотритель Дмитровскаго уѣзднага училища *Волковъ* заплатилъ 2,468 р. 93 к. за купленные для первой Московской гимназіи физическіе снаряды. Купецъ *Чикинъ* внесъ 435 р. 38 к. на платье, обувь и книги, для бѣдныхъ учениковъ Воскресенскаго приходскаго училища. Для физическаго кабинета четвертой Московской гимназіи ученики трехъ старшихъ классовъ пріобрѣли ахроматическій микроскопъ со всѣми къ нему принадлежностями, цѣною въ 129 р. Почетные блюстители *Сытовъ* и *Рогаткинъ* въ пяти казенныхъ домахъ начальныхъ училищъ произвели разныхъ подѣлокъ, исправили и окрасили классную мебель во всѣхъ 13-ти училищахъ въ Москвѣ, всего на 4,500 р. Почетный смотритель Сольгаличскаго уѣзднаго училища *Купріяновъ* выстроилъ новый на каменномъ фундаментѣ флигель при домѣ училища въ 500 р. Почетный смотритель Сычевскаго уѣзднаго училища *Геннади* при училищномъ домѣ выстроилъ заборъ и ворота на 268 р. 80 к.

Осмотры. Изъ принадлежащихъ къ Московскому учебному округу гимназій осмотрѣны мною всѣ гимназіи въ Москвѣ и гимназія въ Тулѣ съ пансіономъ при ней. Успѣхи учениковъ найдены удовлетворительными;

но помѣщеніе Тульской гимназіи крайне неудобно. Для удовлетворенія этой потребности, предположено купить принадлежащій духовному вѣдомству домъ, который по исправленіи будетъ соотвѣтствовать новому его назначенію. Въ Тулѣ замѣченъ мною недостатокъ въ начальныхъ училищахъ: при населеніи, простирающемся до 55 т. человѣкъ, там̆ъ только два приходскія училища—одно для мальчиковъ и одно для дѣвочекъ. Я просилъ начальника губерніи оказать содѣйствіе къ увеличенію числа таковыхъ училищъ.

Бывшій Витебскій, Могилевскій и Смоленскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ *Игнатьевъ*, посѣтивъ Смоленскую гимназію и состоящій при оной благородный пансіонъ, нашелъ заведенія сіи въ отличномъ состояніи.

Состоящія въ Москвѣ учебныя заведенія постоянно и многократно были обозрѣваемы; изъ прочихъ училищъ попечитель осматривалъ Ярославскую и Тверскую гимназіи и училища Ярославскія, Ростовскія, Тверскія и Владимірской губерніи въ Переславлѣ-Залѣсскомъ.

III. Кіевскій учебный округъ.

Составъ.

Къ Кіевскому учебному округу принадлежатъ училища пяти губерній: Кіевской, Полтавской, Черниговской, Волынской и Подольской. Въ немъ находилось: 11 гимназій, 9 для дворянъ училищъ, 32 уѣздныхъ и 109 приходскихъ училищъ, 27 частныхъ учебныхъ заведеній и 8 школъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій; всего 186; воспитательныхъ заведеній (пансіоновъ при гимназіяхъ и дворянскихъ училищахъ и общихъ ученическихъ квартиръ) 25; чиновниковъ и преподавателей 625.

Число учащихся. Въ учебномъ году *выбыло* изъ заведеній Кіевскаго округа 3,422 человѣка, въ томъ числѣ *по окончаніи курса* 1,064 (изъ нихъ 12 съ правомъ на XIV классъ); до окончанія курса 2,358. Въ-продолженіе учебнаго года *поступило* 3,992. *Наличное число* учащихся 10,303; въ томъ числѣ дворянъ и дѣтей чиновниковъ 7,356, духовнаго званія 166, купеческихъ 863, податнаго состоянія 1,918.

Испытанія. Испытаніямъ въ гимназіяхъ округа подвергались: на право первоначальнаго обученія — 5, на право производства въ первый классный чинъ — 50, на должности учителей — 16, на званіе аптекарскаго ученика — 13.

Строенія. Окончено постройкою и принято зданіе второй Кіевской гимназіи, на которое употреблено 173,000 р. изъ суммъ округа. Продолжалось возведеніе зданія для Полтавской гимназіи: постройка съ подряда отдана за 54,800 р., изъ которыхъ 51,000 р. отнесены на пожертвованія дворянства Полтавской губерніи.

Выстроенъ новый деревянный домъ для Кролевецкаго уѣзднаго училища за 8,440 р.

На починки въ домахъ гимназій и уѣздныхъ училищъ употреблено 8,863 р. 8 к.

Приношенія. Въ пользу учебныхъ заведеній округа пожертвовано всего 2,393 р. 90 к. Значительнѣйшія изъ пожертвованій: почетнаго смотрителя Черноостровскаго дворянскаго училища *Сельковскаго* — 980 р. для бѣдныхъ учениковъ, и почетнаго смотрителя Луцкаго дворянскаго училища *Оржешко* — 400 р., на исправленіе училищнаго дома.

Возвышеніе платы съ пансіонеровъ. При учрежденіи въ 1841 г. благороднаго пансіона при Полтавской гимназіи опредѣлено было взимать за содержаніе своекоштныхъ пансіонеровъ по 150 р.

въ годъ. По случаю возвысившихся впослѣдствіи цѣнъ на съѣстные припасы, плата эта оказалась недостаточною для покрытія всѣхъ расходовъ по содержанію воспитанниковъ. Посему, вслѣдствіе представленія попечителя, разрѣшено увеличить плату съ пансіонеровъ 25 рублями съ тѣмъ, чтобы при первой возможности плата была понижена до прежняго размѣра.

Осмотръ. Лично мною осмотрѣны: въ Кіевѣ — обѣ гимназіи съ благородными пансіонами при первой и общими ученическими квартирами при послѣдней, а также уѣздныя и приходскія училища; гимназіи: Полтавская съ благороднымъ пансіономъ, Житомирская и Ровенская съ общими ученическими квартирами. Гимназіи (кромѣ Кіевской второй и Полтавской) нуждаются въ помѣщеніяхъ, не исключая и Кіевской первой, которой только классы находятся въ собственномъ, впрочемъ уже ветхомъ домѣ, а для пансіоновъ нанимаются частные дома. Посѣщеніе общихъ ученическихъ квартиръ въ Житомирѣ и Ровно до крайности бѣдно и неудобно. Изъ низшихъ училищъ Кіевскаго округа, я остался совершенно доволенъ уѣздными училищами въ Лубнахъ и Хоролѣ; прочія видѣнныя мною училища сего рода въ довольно удовлетворительномъ состояніи.

Попечитель округа обозрѣвалъ гимназіи: обѣ Кіевскія, Черниговскую, Полтавскую, Житомирскую, Каменецъ-Подольскую и Немировскую; уѣздныя для дворянъ училища: Кіевоподольское, Новградволынское, Черноостровское и Роменское; уѣздныя: Кіевское, Полтавское, Черниговское, Нѣжинское, Переяславское, и многія приходскія училища и частныя учебныя заведенія.

IV. Харьковскій учебный округъ.

Составъ.

Харьковскій учебный округъ состоитъ изъ училищъ пяти губерній: Харьковской, Курской, Орловской, Воронежской и Тамбовской и Земли войска Донскаго.

Въ округѣ находится: 7 гимназій, 2 реальные класса при гимназіяхъ (Курской и Новочеркасской), 1 отдѣленіе восточныхъ языковъ (при Новочеркасской гимназіи), 67 уѣздныхъ и окружныхъ училищъ (при двухъ изъ нихъ элементарные классы землемѣрія и при трехъ — реальные классы), 113 приходскихъ училищъ и 37 частныхъ учебныхъ заведеній; всего 227; пансіоновъ при гимназіяхъ 6.

Чиновниковъ и преподавателей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ 829.

Число учащихся.

Изъ училищъ Харьковскаго округа *выбыло* 4,324 *по окончаніи курса:* съ правами на XIV классъ 4, съ аттестатами 1,733; *до окончанія курса* 2,587; въ-теченіе года *поступило* въ учебныя заведенія 4,582; *наличное число* 11,430 (10,317 мужескаго и 1,113 женскаго пола); изъ нихъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 4,090, духовнаго званія 282, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1,303, податныхъ состояній 5,755.

Открытіе и закрытіе училищъ.

Впродолженіе года открыто 3 новыя частныя учебныя заведенія и 1 приходское училище; закрыто 7 учебныхъ заведеній.

Преподаваніе.

Порядокъ преподаванія основанъ на общемъ училищномъ уставѣ и на позднѣйшихъ распоряженіяхъ. Только нѣкоторыя училища имѣютъ особенности, допущенныя по мѣстнымъ надобностямъ. Такъ въ Новочеркасской гимназіи преподаются: артиллерія, фортификація, тактика, сельское хозяйство, практи-

ческое счетоводство и фехтованіе; въ отдѣленіи при той-же гимназіи — Арабскій, Татарскій и Аварскій языки; въ нѣкоторыхъ училищахъ Земли войска Донскаго — практическое счетоводство; въ реальныхъ классахъ при Курской гимназіи—техническая химія, технологія, практическая механика, торговое счетоводство и черченіе и рисованіе, примѣненное къ искусствамъ и ремесламъ; въ четырехъ уѣздныхъ училищахъ—живые иностранные языки; въ элементарныхъ классахъ землемѣрія двухъ уѣздныхъ училищъ — геодезія, алгебра, межевые законы, ситуаціонное и линейное черченіе.

По Высочайше утвержденному положенію военнаго совѣта, ученики отдѣленія восточныхъ языковъ при Новочеркасской гимназіи освобождены отъ слушанія въ гимназіи практическаго счетоводства, сельскаго хозяйства и высшихъ частей математики, въ видахъ доставленія имъ болѣе времени для изученія восточныхъ языковъ.

Испытанія частныхъ лицъ. Въ 1856 г. испытаніямъ подвергались: на право первоначальнаго обученія — 15, на званія: домашняго учителя — 3, домашней учительницы — 6, на производство въ первый классный чинъ — 51 человѣкъ.

Форма одежды. Въ утвержденной въ 1837 г. формѣ одежды воспитанниковъ училищъ Земли войска Донскаго, по Высочайше утвержденому положенію военнаго совѣта, сдѣланы нѣкоторыя измѣненія.

Зданія. На значительныя подѣлки и исправленія въ училищныхъ домахъ разрѣшено употребить 6,831 р. 47 к. изъ собственныхъ средствъ учебныхъ заведеній.

Приношенія. Въ пользу учебныхъ заведеній округа сдѣлано разныхъ пожертвованій на 6,192 р. 26 к.; важнѣйшія изъ нихъ почетныхъ попечителей гимназій: Кур-

ской — *князя Салтыкова* на 230, Воронежской — *Корсуна* на 1,800, Новочеркасской — *Ефремова* на 355 р.; почетныхъ смотрителей уѣздныхъ и окружныхъ училищъ: Ахтырскаго — *Бразоля* на 341, Аксайскаго — *Иловайскаго* на 200, Донецкаго — *Полякова* на 200 р., Калмыцкаго — *Жирова* на 250 р. Купецъ *Кукольникъ* подарилъ Новочеркасской гимназіи коллекцію минераловъ въ 172 экземпляра на 750 р.

Дворянство Орловской губерніи на бывшихъ въ 1856 г. выборахъ постановило: 1) Пожертвовать изъ доходовъ съ имѣній своихъ, въ-теченіе пяти лѣтъ, полагая въ годъ по 1 к. съ души. Изъ такого сбора часть назначена на содержаніе, впродолженіе семи лѣтъ, двѣнадцати воспитанниковъ изъ бѣдныхъ дворянъ, остальное-же—на устройство и поддержку службъ при гимназіи. 2) Принять въ пансіонъ гимназіи двухъ сиротъ изъ дѣтей родственниковъ убитыхъ или раненныхъ офицеровъ Черноморскаго флота, — для чего назначить сбора по 1 к. съ души; остатки-же отъ сего сбора обратить на содержаніе недостаточныхъ дворянъ Орловской губерніи въ учебныхъ заведеніяхъ и въ арміи, до производства ихъ въ офицеры.

Осмотръ. Изъ принадлежащихъ къ Харьковскому учебному округу гимназій и благородныхъ пансіоновъ осмотрѣны мною такія заведенія въ Орлѣ, Курскѣ и двѣ гимназіи въ Харьковѣ. Изъ нихъ только Курская помѣщена вполнѣ удовлетворительно; прочія, въ этомъ отношеніи, требуютъ болѣе или менѣе улучшеній; Орловская-же стѣснена до неудобства, такъ-что въ зданіи гимназіи и пансіона безотлучно бываютъ только дежурные надзиратели, но ни директоръ, ни инспекторъ не имѣютъ помѣщенія, — что необходимо

въ-отношеніи наблюденія за постоянно-точнымъ исполненіемъ правилъ сего заведенія. Нравственность учащихся одобрительная; успѣхи, говоря вообще, удовлетворительны.

Попечитель обозрѣлъ 5 гимназій и въ 13 городахъ уѣздныя и приходскія училища.

V. Казанскій учебный округъ.

Составъ.

Казанскій учебный округъ состоитъ изъ училищъ десяти губерній: Казанской, Нижегородской, Пензинской, Астраханской, Саратовской, Симбирской, Самарской, Оренбургской, Пермской и Вятской. Въ округѣ 11 гимназій, 2 дворянскіе института, 79 училищъ уѣздныхъ, 164 приходскихъ и 23 частныхъ учебныхъ заведеній; всего 269. Воспитательныхъ заведеній при гимназіяхъ, институтахъ и уѣздныхъ училищахъ 10. Чиновниковъ и преподавателей въ казенныхъ училищахъ 1,016.

Число учащихся.

Изъ училищъ округа *выбыло* въ истекшемъ году 7,132, въ томъ числѣ изъ гимназій съ правами на классный чинъ 29, съ аттестатами 103; изъ уѣздныхъ училищъ съ свидѣтельствами 206; до окончанія курса, по разнымъ причинамъ, 4,523. Изъ числа выбывшихъ изъ гимназій 62 поступили въ Казанскій университетъ. Въ-теченіе года *принято* въ учебныя заведенія 7,114. *Наличное число* учащихся 17,116 (16,513 мужескаго и 603 женскаго пола), изъ нихъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ 3,698, купцовъ и мѣщанъ 5,946, разночинцевъ и другихъ состояній 7472.

Открытіе гимназіи.

5 августа открыта гимназія въ Самарѣ. На содержаніе оной ассигновано изъ государственнаго казначейства 6,961 р. 45 к. и на наемъ дома 1,300 р. въ годъ.

Преподаванiе. Преподаванiе въ гимназiяхъ и уѣздныхъ училищахъ Казанскаго округа происходило на основанiи общаго устава и распоряженiя Министерства. Только въ нѣкоторыхъ изъ училищъ преподавались особые предметы, именно: Татарскiй языкъ — въ 1-ой Казанской, Оренбургской и Астраханской гимназiяхъ, Персидскiй — въ Астраханской, коммерческiя науки и бухгалтерiя — въ Нижегородской; въ уѣздныхъ училищахъ: Казанскомъ — бухгалтерiя и технологiя, Екатеринбургскомъ — горнозаводскiя науки, наука о торговлѣ, бухгалтерiя, начала алгебры и физики, языки Французскiй и Нѣмецкiй, Астраханскомъ Армянскомъ Агабабовскомъ — бухгалтерiя и Чембарскомъ — Французскiй и Нѣмецкiй языки. Въ приходскихъ училищахъ, состоящихъ при частныхъ горныхъ заводахъ Пермской губернiи, преподаются нѣкоторые предметы училищъ уѣздныхъ.

Испытанiя частныхъ лицъ. Подвергались испытанiямъ: на званiе домашняго учителя — 4, домашней учительницы — 6, на право первоначальнаго обученiя — 1, на званiе учителя — 49.

Строительные расходы. На разныя починки въ зданiяхъ гимназiй и уѣздныхъ училищъ разрѣшено употребить 10,897 р. 50 к. изъ собственныхъ средствъ учебныхъ заведенiй.

Приношенiя. Дворянство Симбирской губернiи, желая выразить вѣрноподданническiя чувства по случаю священнаго Коронованiя Вашего Императорскаго Величества, пожертвовало 6,575 р. для воспитанiя на проценты съ оныхъ одного воспитанника изъ недостаточныхъ дворянъ въ благородномъ пансiонѣ гимназiи, съ наименованiемъ его *«воспитанникомъ»* Вашего Императорскаго Величества».

Дворянство Пензинской губернiи, съ Высочайшаго соизволенiя, внесло въ кредитное установленiе сумму, отъ которой проценты назначено упо-

треблять на содержаніе въ Пензинскомъ дворянскомъ институтѣ одного воспитанника, подъ названіемъ *«воспитанника Панчулидзева»*.

Въ пользу учебныхъ заведеній сдѣлано приношеній деньгами 6,659 р. 10 к., вещами, книгами и пр. на 1,181 р. 65. Болѣе значительныя пожертвованія были: Кунгурскаго 1-ой гильдіи купца *Кузнецова* — 5,000 р., и почетныхъ гражданъ Аникія и Ивана *Рязановыхъ* — 1,300 р., на постройку при домѣ Пермской гимназіи зданія для благороднаго пансіона и на устройство въ немъ церкви.

Осмотръ. Инспекторъ казенныхъ училищъ *Чашниковъ* осмотрѣлъ въ-подробности Саратовскую и Симбирскую гимназіи съ благородными при нихъ пансіонами, Нижегородскій Александровскій дворянскій институтъ и Нижегородскую гимназію съ мѣстными уѣздными и приходскими училищами; учебныя-же заведенія Казани онъ посѣщалъ ежедневно и нерѣдко въ гимназіяхъ давалъ самъ уроки вмѣсто тѣхъ учителей, которые по-причинѣ болѣзни не могли присутствовать.

Попечитель округа постоянно посѣщалъ учебныя заведенія Казани, при чемъ каждый разъ преподавалъ личные совѣты и наставленія, клонившіяся къ улучшенію преподаванія и вообще къ увеличенію благосостоянія сихъ заведеній.

VI. Дерптскій учебный округъ.

24 мая 1856 г. Ваше Императорское Величество осчастливили Митавскую гимназію Высочайшимъ посѣщеніемъ. Ваше Императорское Величество не изволили остаться довольны наружнымъ видомъ учениковъ. Сдѣланныя Вашимъ Величе-

ствомъ замѣчанія были приняты къ точному впредь наблюденію. Въ память сего незабвеннаго для гимназіи событія, въ публичной залѣ оной устроена бѣлая мраморная доска съ надписью.

14 іюля Ваше Величество, прибывъ съ Государынею Императрицею въ Гапсаль, всемилостивѣйше изволили пожаловать денежное пособіе училищу для дѣтей Эстонцевъ. Смотритель тамошняго уѣзднаго училища имѣлъ счастіе представить Вашему Величеству 35 учениковъ, которые, при прибытіи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, были выстроены предъ Гапсальскимъ замкомъ и удостоились получить подарки изъ рукъ Государя Великаго Князя Владиміра Александровича.

24 іюля Государь Наслѣдникъ Цесаревичь, въ сопровожденіи Великихъ Князей Александра, Владиміра и Алексѣя Александровичей, удостоили посѣщеніемъ Гапсальское уѣздное училище. Въ ознаменованіе благоволенія, Его Императорскому Высочеству благоугодно было пожаловать смотрителю училища подарокъ, а всѣмъ ученикамъ—книги и карты изъ собственной Его Высочества библіотеки.

Въ августѣ отъ имени Ея Императорскаго Величества препровождены къ Дерптскому директору училищъ 100 р. сер., для ученика Дерптскаго уѣзднаго училища *Вебера*, оказавшаго особенныя способности къ рисованію.

Къ смотрителю Гапсальскаго уѣзднаго училища въ ноябрѣ мѣсяцѣ отъ генералъ-адъютанта *Зиновьева* препровождены часы, которые Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Владиміръ Александровичъ изволилъ пожаловать

ученику того училища *Петерсу*, за поднесенное Его Высочеству изображеніе развалинъ Гапсальскаго зàмка.

Составъ.

Дерптскій учебный округъ составляютъ училища трехъ Прибалтійскихъ губерній: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской. Въ округахъ находится: 4 гимназіи, Рыцарское и Домское училище въ Ревелѣ съ курсомъ гимназіи, 1 семинарія для первоначальныхъ учителей, 24 уѣздныя, 85 приходскихъ училищъ и 145 частныхъ учебныхъ заведеній. Воспитательныхъ заведеній въ Дерптскомъ учебномъ округѣ не существуетъ. Чиновниковъ и учителей въ казенныхъ училищахъ 302.

Число учащихся.

Изъ публичныхъ училищъ *выбыло* 2,599 (1,938 муж. и 661 женск. пола); изъ первыхъ 4 съ правомъ на XIV классъ и 588 съ аттестатами. До окончанія курса оставили училища по разнымъ причинамъ 1810 (1348 муж. и 462 женск. пола). *Поступило вновь* 2681 (1985 муж. и 696 женск. пола). *Наличное число* учащихся въ публичныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ 12,080, изъ нихъ 4,826 учениц; въ общемъ числѣ 3,593 дѣтей дворянъ, 1,642 купцовъ и 6,845 податнаго состоянія.

Открытіе и закрытіе училищъ.

Въ-теченіе 1856 г. открыто 3 городскія начальныя и 4 частныя училища; закрыто 17 частныхъ учебныхъ заведеній, по домашнимъ обстоятельствамъ содержателей и содержательницъ

Преподаваніе и мѣры къ улучшенію онаго.

Учебныя заведенія Дерптскаго округа руководствуются доселѣ уставомъ 1820 года. Во всѣхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ учители Русскаго языка преподаютъ на Русскомъ языкѣ отечественную исторію, а въ гимназіяхъ и географію Россіи. Сверхъ общихъ предметовъ, во 2-мъ уѣздномъ училищѣ въ Ригѣ преподаются механика, химія, техно-

логія и рисованіе. Въ видѣ опыта утверждены на четыре года новыя программы для преподаванія математическихъ наукъ въ гимназіяхъ.

Въ Ригѣ открыто начальное училище съ цѣлію приготовленія къ поступленію въ гимназіи.

При Дерптской гимназіи разрѣшено открыть одинъ низшій параллельный классъ и дозволено открывать потомъ, по мѣрѣ надобности, еще три высшіе параллельные класса, съ-тѣмъ-чтобы переходы въ сіи классы могли производиться впредь ежегодно, а не по семестрамъ, какъ было доселѣ.

При уѣздныхъ училищахъ также разрѣшено, въ видѣ опыта, открывать параллельные классы для приготовленія учениковъ къ поступленію въ 3-й классъ гимназій.

По-случаю поступленія въ низшій классъ Дерптскаго уѣзднаго училища болѣе ста учениковъ, классъ сей раздѣленъ временно на два отдѣленія.

По неимѣнію положительныхъ правилъ о порядкѣ испытанія учителей, опредѣляемыхъ въ гимназіи, составлены таковыя правила и предписаны къ исполненію. Равномѣрно даны правила о производствѣ полугодовыхъ и годовыхъ испытаній въ гимназіяхъ.

Директорамъ гимназій вмѣнено въ обязанность: 1) чтобы пріемныя испытанія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ были производимы съ надлежащею строгостію и 2) чтобы, входя въ сношенія съ родителями, директоры гимназій отклоняли отъ посѣщенія гимназій тѣхъ дѣтей, коимъ не предположено давать дальнѣйшаго образованія, направляя ихъ преимущественно въ уѣздныя училища.

Съ цѣлію избранія лучшихъ руководствъ для начальныхъ училищъ, учрежденъ особый комитетъ и приготовленнымъ учебникамъ понижена цѣна.

О воспитанникахъ лѣснаго отдѣленія Митавской гимназіи.

Въ исполненіе Высочайшей воли, поставлено въ обязанность мѣстному начальству, дабы воспитанники лѣснаго отдѣленія Митавской гимназіи, поступающіе для окончательнаго образованія въ лѣсной и межевой иститутъ и по окончаніи въономъ курса переводимые въ Лисинское учебное лѣсничество на практику, помѣщаемы были въ комплектъ положенныхъ по штату 24 казеннокоштныхъ кандукторовъ, и наравнѣ съ ними содержимы на счетъ штатныхъ суммъ лѣсничества, съ-тѣмъ-чтобы воспитанники сіи за данное имъ образованіе, обязывались прослужить по лѣсной части установленный четырехлѣтній срокъ.

Испытаніе частныхъ лицъ.

Въ гимназіяхъ Дерптскаго округа подвергались испытаніямъ на право заниматься домашнимъ обученіемъ 146 лицъ обоего пола.

Обозрѣніе училищъ.

Товарищъ мой обозрѣвалъ учебныя заведенія въ Дерптѣ и Митавѣ. Попечитель округа постоянно посѣщалъ находящіяся въ Дерптѣ училища и принималъ личное участіе въ испытаніи учениковъ. Кромѣ того, обозрѣлъ училища: въ Феллинѣ, Перновѣ, Аренсбургѣ, Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ, Газенпотѣ Гольдингенѣ, Ревелѣ и Везенбергѣ.

Попечитель свидѣтельствуетъ, что всѣ гимназіи, особенно Дерптская, значительно улучшились; что въ уѣздныхъ училищахъ усматриваются ощутительные успѣхи, хотя и медленные; что начальныя и дѣвичьи училища находятся въ весьма хорошемъ положеніи. Преподаваніе Русскаго языка, выведеннаго изъ методы преподаванія мертвыхъ языковъ, идетъ успѣшно во всемъ, что относится до книжнаго изученія, хотя въ сочиненіяхъ и въ разговорѣ нельзя еще требовать той легкости, того живаго усвоенія осо-

бенностей языка, которыя пріобрѣтаются только постоянною практикою.

VII. Одесскій учебный округъ.

Начальство округа.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Демидовъ*, согласно прошенію, всемилостивѣйше уволенъ по разстроенному здоровью отъ должности попечителя Одесскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ въ званіяхъ члена главнаго правленія училищъ и потомственнаго почетнаго попечителя Демидовскаго лицея.

Высочайшимъ указомъ 3 сентября, совѣщательный членъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, заслуженый профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пироговъ* назначенъ исправляющимъ должность попечителя сего округа.

Составъ.

Одесскій округъ составленъ изъ училищъ губерній: Херсонской, Екатеринославской, Таврической, области Бессарабской и градоначальствъ Одесскаго и Таганрогскаго.

Въ округѣ находится 7 гимназій, 31 уѣздное и 61 приходское училища, 9 школъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій и 42 частныя учебныя заведенія. Въ казенныхъ училищахъ чиновниковъ и преподавателей 496, пансіоновъ при гимназіяхъ и другихъ воспитательныхъ заведеній 7.

Число учащихся.

Впродолженіе года *выбыло* изъ учебныхъ заведеній 2,588, въ томъ числѣ по окончаніи курса: съ правомъ на XIV классъ 14, съ одобрительными аттестатами 732; *вновь поступило* 3,567, *наличное* число 8,372, въ томъ числѣ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 3,345, духовнаго званія 227, почетныхъ гражданъ и купцовъ 947 и людей податныхъ состояній 3853. Въ числѣ учащихся 6,776 мужескаго и 1,596 женскаго пола,

Открытіе и закрытіе училищъ.

Открыто 10 частныхъ пансіоновъ и школъ. Закрыты: уѣздное и приходское училища въ Измаилѣ, приходскія въ Киліи, Рени и Кагулѣ, по случаю новаго разграниченія Бессарабіи; приходское училище въ Верхнеднѣпровскѣ и 5 частныхъ учебныхъ заведеній.

Испытанія частныхъ лицъ.

Подвергались испытаніямъ для полученія званій: учителя казенныхъ училищъ—6, домашнихъ учителя и учительницы—5, первоначальнаго учителя — 28, на право производства въ первый классный чинъ — 31, аптекарскаго ученика—5.

Приношенія.

Въ пользу казенныхъ училищъ пожертвовали: почетный попечитель Екатеринославской гимназіи *Кохъ*—500 р., Бессарабской области предводитель дворянства *Бальшъ*—для Кишиневской гимназіи физическихъ инструментовъ на 400 р., разныя лица—505 р. 99 к.

Осмотръ.

Бывшимъ попечителемъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ *Демидовымъ*, осмотрѣны всѣ учебныя заведенія города Одессы и училища Херсонской и Екатеринославской губерній, при чемъ Херсонская гимназія съ состоящимъ при ней пансіономъ найдена въ неудовлетворительномъ состояніи. Къ устраненію замѣченныхъ безпорядковъ приняты надлежащія мѣры.

VIII. Виленскій учебный округъ.

Начальство округа.

Высочайшимъ указомъ 22 января директору Петровско-Полтавскаго кадетскаго корпуса, генералъ-лейтенанту *Врангелю* 2-му всемилостивѣйше повелѣно быть попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Исправляющимъ должность его помощника назначенъ директоръ реальной Минской гимназіи, надворный совѣтникъ князь *Ширинскій-Шихматовъ*.

Составъ. Виленскій учебный округъ составленъ изъ училищъ четырехъ губерній: Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской. Въ округѣ находится: 1 дворянскій иститутъ, 7 гимназій, 3 четырехклассныя отдѣленія гимназій, 2 реальная отдѣленія, 19 уѣздныхъ для дворянъ училищъ, 69 приходскихъ, 25 училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, 1 образцовый пансіонъ, 2 начальныя дѣвичьи школы и 23 частные пансіона и школы для дѣвицъ; воспитательныхъ заведеній 24. Въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ чиновниковъ и преподавателей 602.

Число учащихся. Въ-теченіе учебнаго года *выбыло* изъ училищъ 3,400, въ томъ числѣ съ правомъ на XIV классъ 60, съ гимназическими аттестатами 90; *вновь поступило* 3,013, *наличное* число учащихся 8,191 (6,937 муж: и 1,254 женск. пола); изъ нихъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 5,844, гражданъ, купцовъ и мѣщанъ 750, иностранцевъ, однодворцевъ и крестьянъ 1,597.

Испытанія частныхъ лицъ. Испытаніямъ подвергались: на званіе домашняго учителя—2, на право первоначальнаго обученія—93, на званіе учителя казенныхъ училищъ—11, на право производства въ первый классный чинъ—37.

Архивъ актовыхъ книгъ. Въ центральный архивъ древнихъ актовыхъ книгъ губерній Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской въ-теченіе 1856 г. доставлено актовыхъ книгъ 2,156; всѣхъ книгъ находится нынѣ въ архивѣ 11,256. Выдано выписей по дѣламъ казеннымъ, уголовнымъ, слѣдственнымъ и частнымъ 80; всѣхъ описанныхъ актовъ находилось въ архивѣ 25,400.

Археологическая коммисія и музеумъ. Въ высокоторжественный день рожденія Вашего Императорскаго Величества, 17 апрѣля, происходило открытіе музеума древностей въ Вильнѣ, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 1855 г.

Положенія. Въ истекшемъ году изданъ уже первый выпускъ «Записокъ археологической коммиссіи». Въ кабинетахъ музеума находилось: въ нумизматическомъ—2,976 монетъ и медалей, археологическомъ—2,491, достопамятностей—100 предметовъ, археографическомъ—124 документа, геральдическомъ—269 печатей; гравюръ и политипажей — 139, портретовъ, бюстовъ и пр.—151. Въ библіотекѣ 3,837 названій въ 9,365 томахъ. Пожертвованій деньгами поступило 2,885 р.

Зданія. Значительнѣйшія починки произведены въ зданіяхъ: Виленской гимназіи—на 2,713 р. 8 к., Дрогичинскаго дворянскаго училища — на 927 р. 87 к. и приходскихъ: Борисовскаго—на 317 р. 19 к. и Жемелянскаго—на 996 р. Училищныя зданія Виленскаго учебнаго округа требуютъ значительныхъ исправленій. Причину разстройства зданій, по свидѣтельству попечителя, главнѣйше слѣдуетъ отнести къ недостатку способовъ, по штату опредѣленныхъ на содержаніе оныхъ, и къ несвоевременному исправленію поврежденій. Для полученія положительныхъ свѣдѣній, какія изъ зданій требуютъ скорѣйшаго исправленія, попечитель потребовалъ описи онымъ, съ точнымъ указаніемъ разстройства частей зданій.

Приношенія. Директоръ Виленскаго музеума графъ *Тышкевичъ* пожертвовалъ для кабинета дворянскаго института коллекцію раковинъ и менераловъ. Печетный попечитель Ковенской гимназіи графъ *Огинскій* содержалъ на собственномъ иждивеніи въ первую половину года 52, а во вторую 35 бѣдныхъ учениковъ гимназіи, и на ремонтъ дома внесъ 100 р. Содержатель аптеки въ Бобруйскѣ *Биневичъ*, по примѣру прежнихъ лѣтъ, снабжалъ больныхъ учениковъ та-

мошняго дворянскаго училища медикаментами безмездно. Почетный смотритель училищъ Волковысскаго уѣзда графъ *Чапскій* внесъ на разныя надобности училищъ 170 р. Помѣщикъ *Старчевскій* завѣщалъ въ пользу Виленской гимназіи капиталъ въ 300 р., которые причислены къ суммѣ конвикта для бѣдныхъ учениковъ.

Осмотръ. Изъ учебныхъ заведеній Виленскаго округа осмотрѣны мною въ-подробности: Виленскій дворянскій институтъ, Виленская гимназія съ конвиктомъ для бѣдныхъ дѣтей, четырехклассное отдѣленіе при сей гимназіи и общія ученическія квартиры при оной; гимназіи въ Гродно и Бѣлостокѣ съ отдѣленіями оныхъ, общія квартиры и пансіонъ при гимназіи въ Гродно, дворянскія училища въ Вильнѣ и Вилькомирѣ, раввинское училище въ Вильнѣ, образцовый для дѣвицъ пансіонъ тамъ-же и нѣкоторыя низшія казенныя и частныя учебныя заведенія. Сверхъ того я посѣтилъ находящіяся въ Вильнѣ астрономическую обсерваторію, археологическій музей, центральный архивъ древнихъ актовыхъ книгъ и мидицинскее Общество.

Въ осмотрѣнныхъ мною училищахъ учебная часть, за немногими исключеніями, найдена въ удовлетворительнымъ состояніи, успѣхи въ Русскомъ языкѣ хороши; хозяйственная-же и административная части требуютъ улучшенія. Недостатки первой, конечно, зависятъ отъ ограниченныхъ средствъ, которыми Министерство народнаго просвѣщенія располагаетъ; причины-же неудовлетворительнаго состоянія административной части теперь устранены.

Виленскій дворянскій институтъ и гимназіи въ Вильнѣ, Гродно и Бѣлостокѣ помѣщены довольно хорошо; четырехклассное отдѣленіе при Гродден-

ской гимназіи оказывается заведеніемъ совершенно безполезнымъ и по числу учениковъ и по слабымъ ихъ успѣхамъ, и потому, что нѣтъ никакого затрудненія перевести учащихся въ соотвѣтствующіе классы гимназіи. Находящійся въ Вильнѣ казенный образцовый пансіонъ для дѣвицъ найденъ во всѣхъ отношеніяхъ заведеніемъ благоустроеннымъ.

IX. Варшавскій учебный округъ.

14 мая 1856 года Варшавскій благородный институтъ осчастливленъ Высочайшимъ посѣщеніемъ Вашего Императорскаго Величества.

Осмотрѣвъ это заведеніе во всѣхъ подробностяхъ, Ваше Величество, при оставленіи института, въ милостивыхъ выраженіяхъ изволили обратиться къ воспитанникамъ, ободряя ихъ къ хорошему поведенію и къ успѣшному ученію.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна, во время пребыванія въ Варшавѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, благоволила изъявить желаніе видѣть труды учениковъ художественной школы; вслѣдствіе чего попечитель округа повергалъ на воззрѣніе Ея Высочества планы, составленные учениками архитектурнаго отдѣленія, и рисунки учениковъ отдѣленія живописи. Ея Императорское Высочество, по тщательномъ разсмотрѣніи плановъ и рисунковъ, соизволила милостиво отозваться о трудахъ учениковъ и одобрить оные.

Начальство округа.

Въ 5 день марта 1856 г., попечитель Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мухановъ* всемилостивѣйше назначенъ

главнымъ директоромъ-предсѣдательствующимъ въ правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ царства Польскаго, съ производствомъ, за отлично-усердную службу въ званіи попечителя, въ тайные совѣтники и съ оставленіемъ временно въ должности попечителя округа.

Составъ

Варшавскій учебный округъ состоитъ изъ училищъ пяти губерній: Варшавской, Радомской, Плоцкой, Люблинской и Августовской. Заведенія онаго раздѣляются на *общія*, *специальныя* и *частныя*.

Къ *общимъ* принадлежатъ: благородный институтъ въ Варшавѣ, 6 филологическихъ гимназій, 17 уѣздныхъ филологическихъ училищъ (въ томъ числѣ 6 пятиклассныхъ), 1,135 начальныхъ, 93 воскресно-ремесленныя и 5 Еврейскихъ начальныхъ училищъ.

Къ разряду *специальныхъ* заведеній относятся: институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ, реальная гимназія въ Варшавѣ, художественная школа тамъ-же, институтъ первоначальныхъ учителей въ Радзиминѣ, 2 высшія реальныя учебныя заведенія, 9 реальныхъ уѣздныхъ училищъ, раввинское училище въ Варшавѣ и воскресно-коммерческое училище.

Въ разрядъ *частныхъ* учебныхъ заведеній входятъ 180 пансіоновъ и училищъ.

Вообще учебныхъ заведеній въ округѣ 1,454; учащихся обоего пола 71,112.

Отдѣльныя учрежденія.

Отдѣльныя для пособія по учебной части учрежденія суть: экзаменаціонный комитетъ, завѣдывающій и частными учебными заведеніями; главная библіотека округа, въ которой 91,800 книгъ и 4,613 медалей и монетъ; кабинеты, астрономическая обсерваторія и ботаническій садъ.

Домашнее воспитаніе.

Въ частныхъ домахъ занимались преподаваніемъ: домашнихъ учителей—100, домашнихъ учительницъ — 105. Выдано свидѣтельствъ на званіе домашнихъ учителей и учительницъ 65.

Число учащихся.

Въ-теченіе учебнаго года *выбыло* изъ учебныхъ заведеній учащихся обоего пола 21,059; изъ нихъ окончило курсъ въ казенныхъ, спеціальныхъ и общихъ среднихъ училищахъ 813; *вновь поступило* вообще 20,405; затѣмъ *состояло* къ 1857 году *на лицо* 71,112, изъ нихъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 9,287, дѣтей духовныхъ лицъ разныхъ исповѣданій 157, купцовъ 570, мѣщанъ и поселянъ 61,098.

Русскій языкъ.

На Русскомъ языкѣ, кромѣ Русской словесности, преподаются Русская и Польская исторія и законовѣдѣніе, въ нѣкоторыхъ училищахъ — математика, химія и технологія, естественныя науки и исторія всеобщая.

Открытіе училищъ.

Въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 1849 году, учреждаются постепенно приходскія училища при Греко-унитскихъ церквахъ и монастыряхъ; въ истекшемъ году вновь открыто два такія училища.

Кромѣ того открыто: первоначальныхъ училищъ 12, воскресно-ремесленное училище 1, частныхъ учебныхъ заведеній 9. Закрыто: первоначальныхъ училищъ 62, частныхъ учебныхъ заведеній 22. Причина закрытія значительнаго числа первоначальныхъ училищъ объясняется отчасти тѣмъ, что съ 1851 г. сельскія общины освобождены отъ обязательной складки на содержаніе таковыхъ училищъ, и отъ обязанности посылать дѣтей въ оныя.

О неограниченномъ числѣ учениковъ въ Варшавской губернской и реальной гимназіи.

По всеподданнѣйшему докладу моему въ 12 день ноября 1856 г. Высочайше повелѣно: 1) пріемъ учениковъ въ Варшавскую губернскую гимназію не ограничивать комплектомъ, допуская, въ случаѣ надобности и возможности, открытіе параллельныхъ классовъ; 2) распространить такую-же мѣру и на Варшавскую гимназію.

О мѣрахъ къ развитію учебной части.

По совѣщанію съ намѣстникомъ царства Польскаго, при личномъ посѣщеніи моемъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа, предположено, для большаго развитія учебной части и вообще распространенія образованія въ царствѣ, принять, когда позволятъ денежныя средства, слѣдующія мѣры: 1) преобразовать филологическія гимназіи, съ устройствомъ въ оныхъ, начиная съ 5 класса, двухъ отдѣленій: историко-филологическихъ и физико-математическихъ наукъ; 2) учредить въ Варшавѣ казенный для дѣвицъ пансіонъ, для котораго я предложилъ 3,000 р. изъ суммы, въ распоряженіи Министерства состоящей; 3) учредить нѣсколько сельскихъ школъ съ учебными фермами; 4) назначить стипендіи для приготовленія способныхъ архитекторовъ, гражданскихъ инженеровъ, агрономовъ, механиковъ, химиковъ, скульпторовъ, живописцевъ и преподавателей по симъ предметамъ, и 5) назначить стипендіи для бѣдныхъ и отличающихся поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ учениковъ всѣхъ училищъ округа.

Какъ потребныя на приведеніе сихъ предположеній въ исполненіе суммы оказалось возможнымъ внести въ бюджетъ царства Польскаго на 1857 годъ, то предложено попечителю округа представить проекты правилъ и положеній по означеннымъ предметамъ.

О преподаваніи Латинскаго языка въ высшихъ реальныхъ училищахъ.

Въ виду предположеннаго учрежденія въ Варшавѣ медико-хирургической академіи и пріема въ оную молодыхъ людей, кончившихъ курсъ наукъ въ высшихъ реальныхъ училищахъ, или-же прошедшихъ съ успѣхомъ шесть классовъ въ Варшавской реальной гимназіи, введено въ помянутыхъ заведеніяхъ преподаваніе Латинскаго языка, въ свободные отъ классна-го ученія часы, для желающихъ посвятить себя медицинѣ.

Объ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства.

При личномъ моемъ осмотрѣ въ истекшемъ году учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, я нашелъ необходимымъ безотлагательное улучшеніе института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ, почему сдѣлано распоряженіе о снабженіи сего заведенія необходимыми учебными пособіями, а составленный для института проектъ новаго устава подвергнутъ разсмотрѣнію.

О библіотекѣ Туркула.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть пріобрѣсть на счетъ суммъ царства Польскаго оставшуюся послѣ покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *Туркула* значительную библіотеку и пожаловать оную въ даръ Варшавскому благородному институту, въ ознаменованіе удовлетворительнаго состоянія, въ коемъ изволили найти сіе заведеніе, въ первое Свое, по восшествіи на Престолъ, пребываніе въ Варшавѣ.

Вслѣдствіе сего сдѣлано распоряженіе о разборѣ сей библіотеки и о составленіи каталога оной и оцѣнки.

О снабженіи Хелмской семинаріи Русскими книгами.

Вслѣдствіе просьбы ректора Греко-унитской Хелмской семинаріи, о снабженіи сего заведенія Русскими книгами, разрѣшено мною отправить въ эту семинарію по одному экземпляру таковыхъ книгъ изъ книжнаго магазина департамента народнаго просвѣ-

щенія и сдѣлано сношеніе съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго сvнода о томъ, не признано-ли будетъ возможнымъ снабдить это заведеніе находящимися въ распоряженіи сvнода книгами духовно-нравственнаго содержанія.

О новыхъ стипендіальныхъ записяхъ.

Судья апелляціоннаго суда царства Польскаго *Цѣслинскій* завѣщалъ 6,000 р. на содержаніе изъ процентовъ двухъ учениковъ въ губернскихъ гимназіяхъ или университетахъ.

Помѣщикъ *Гавликовскій* завѣщалъ 7,510 р. на содержаніе изъ процентовъ одного ученика въ Люблинской гимназіи.

Помѣщикъ *Стржешевскій* пожертвовалъ 3,600 р. на содержаніе изъ процентовъ одного ученика въ Плоцкой гимназіи.

Путешествія съ ученою цѣлію.

Директоръ Варшавской художественной школы *Волковъ* посланъ за границу для пріобрѣтенія машинъ, инструментовъ и моделей, для устройства при Варшавской реальной гимназіи механической мастерской и для пріисканія механика, который могъ-бы управлять работами; вмѣстѣ-съ-тѣмъ поручено ему сдѣлать выборъ нужныхъ этюдовъ для Варшавской художественной школы.

Бывшій воспитанникъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ *Милошъ* отправленъ въ Гогенгеймскій земледѣльческій институтъ, на два года, для приготовленія къ преподаванію сельскаго хозяйства въ Маримонтскомъ институтѣ.

Бывшій воспитанникъ реальной гимназіи *Мечниковскій* посланъ въ Бельгію, на два года, для приготовленія къ преподаванію механики.

Осмотръ.

Въ Варшавѣ осмотрѣны мною всѣ казенныя ученыя и учебныя заведенія и многія частныя. Первое заведеніе по своему значенію и преимуществамъ

есть *благородный институтъ.* Заведеніе это помѣщается въ собственномъ зданіи; матеріальная часть заведенія въ превосходномъ порядкѣ; при устройствѣ зданія, какъ видно, обращено было вниманіе на всѣ подробности, все очень вѣрно обдумано и ничего не упущено изъ виду, что можетъ служить къ удобству и красотѣ зданія. Я посѣщалъ заведеніе и вечеромъ, когда меня не могли ожидать, и находилъ все въ отличномъ порядкѣ.

Въ *губернской гимназіи* успѣхи учащихся не стоятъ на той степени, которой можно было-бы желать, и помѣщеніе заведенія неудобно.

Реальная гимназія есть лучшее заведеніе въ Варшавѣ какъ по составу преподавателей, такъ и по успѣхамъ учениковъ, число которыхъ простирается до 540. Помѣщеніе хорошо, лабораторія,. кабинеты и другія пособія соотвѣтствуютъ назначенію и въ достаточномъ числѣ. Въ этой гимназіи въ-особенности замѣчательна равномѣрность успѣховъ во всѣхъ классахъ, что̀ и составляетъ важное условіе для основательнаго изученія предмета. Хорошо обдуманное распредѣленіе наукъ по классамъ также много тому содѣйствуетъ. Высшіе классы дѣлятся, по спеціальности обученія, на отдѣленія химическое и механическое. Успѣхи въ Русскомъ языкѣ удовлетворительны.

Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ Маримонтѣ (въ пяти верстахъ отъ г. Варшавы) не соотвѣтствуетъ своему громкому названію и не достигаетъ своего важнаго назначенія. Не говоря о прочихъ недостаткахъ, онъ не имѣетъ самыхъ необходимыхъ учебныхъ пособій: кабинеты его существуютъ только по названію, а между тѣмъ въ ин-

ститутѣ учащихся 168, что̀ составляетъ значительное число для такого спеціальнаго заведенія.

Институтъ первоначальныхъ учителей въ Радзиминѣ —заведеніе, устроенное на правильныхъ началахъ; при институтѣ находится школа, въ которой воспитанники института, подъ руководствомъ своихъ наставниковъ, даютъ уроки въ предметахъ приходскихъ училищъ.

Уѣздныя училища, одно пятиклассное и два четырехклассныя, по успѣхамъ учениковъ, находятся въ весьма удовлетворительномъ состояніи; но матеріальная часть и въ-особенности помѣщеніе, за исключеніемъ перваго, требуютъ улучшенія.

Въ *раввинскомъ училищѣ* успѣхи какъ въ общихъ предметахъ, такъ и въ изученіи языковъ удовлетворительны.

Я посѣтилъ нѣкоторыя изъ *частныхъ учебныхъ заведеній* и въ числѣ ихъ пансіонъ, содержимый монахинями ордена Визитокъ. Многія изъ сихъ заведеній весьма хороши, а вообще удовлетворительны. Успѣхи въ Русскомъ языкѣ почти вездѣ заслуживаютъ похвалы.

Внѣ Варшавы я осмотрѣлъ губернскія *гимназіи въ Люблинѣ и Радомѣ* съ уѣздными реальными при нихъ училищами. Успѣхи учениковъ вообще удовлетворительны. Помѣщаются всѣ сіи заведенія въ зданіяхъ, оставшихся послѣ упраздненныхъ Римско-католическихъ монастырей, съ крайнимъ неудобствомъ.

Сообразно съ основными по предмету народнаго образованія видами правительства и особенными потребностями края, сдѣланы нынѣ распоряженія: во-1-хъ, объ устраненіи тѣхъ недостатковъ, которые замѣчены мною при обозрѣніи учебныхъ заведеній; во-2-хъ, о строгомъ соблюденіи на будущее время болѣе равномѣрнаго употребленія тѣхъ способовъ,

которыя отъ казначейства царства могутъ быть ассигнуемы на учебную часть, дабы, употребляя суммы преимущественно на одно заведеніе, не оставлять другихъ при тѣхъ важныхъ лишеніяхъ, которыя, къ крайнему моему сожалѣнію, я замѣтилъ при настоящей моей визитаціи.

X. Училища въ Сибири.

Управленіе

Училища Сибирскаго края управляются начальниками губерній на правахъ попечителей училищъ округовъ,—подъ главнымъ наблюденіемъ генералъ-губернаторовъ восточной и западной Сибири.

Число училищъ и учащихся.

Въ *Иркутской* дирекціи находилось: 1 гимназія съ благороднымъ при ней пансіономъ, 4 уѣздныя училища, 17 приходскихъ и 1 частная школа; въ нихъ чиновниковъ и преподавателей 48.

Въ-теченіе года выбыло 415 учениковъ, въ томъ числѣ 107 кончившихъ курсъ; вновь поступило 411; къ 1857 г. на лицо состояло 1,231; въ общемъ числѣ дѣтей дворянъ и чиновниковъ 431, духовнаго званія 18, купцовъ 77, податныхъ состояній 705.

Въ *Тобольской* дирекціи: 1 гимназія съ пансіономъ при оной, 8 уѣздныхъ и 13 приходскихъ училищъ; чиновниковъ и учителей 89.

Выбыло впродолженіе года 819 учениковъ, въ томъ числѣ 184 по окончаніи курса; вновь вступило 687; общее число учащихся 1,447, изъ нихъ дворянъ и дѣтей чиновниковъ 218, духовнаго званія 44, купцовъ 58, податныхъ состояній 1,127.

Въ *Томской* дирекціи—1 гимназія съ пансіономъ, 3 уѣздныя, 5 приходскихъ училищъ и 2 частныя учебныя заведенія. Въ нихъ чиновниковъ и учителей 44.

Выбывшихъ изъ учебныхъ заведеній было 53, изъ коихъ съ аттестатами 16; вновь поступило 73; наличное число учащихся 610; изъ нихъ дворянъ и дѣтей чиновниковъ 174, купцовъ 18, прочіе податныхъ состояній.

Въ *Енисейской* губерніи 3 уѣздныя и 8 приходскихъ училищъ; въ нихъ чиновниковъ и учителей 34; выбыло всего 166 человѣкъ, изъ числа коихъ 51 съ аттестатами. Наличное число учащихся 464: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 45, духовнаго званія 5, купцовъ и мѣщанъ 221, другихъ податныхъ состояній 193.

Въ *Забайкальской* области 2 уѣздныя и 9 приходскихъ училищъ; чиновниковъ и учителей 21. Выбывшихъ въ-теченіе года было 89, изъ нихъ 14 съ свидѣтельствами; вновь поступило 119; общее число учащихся 359; въ томъ числѣ 46 дѣтей дворянъ, чиновниковъ и духовнаго званія; прочіе податныхъ состояній.

Въ *Якутской* области 1 уѣздное и 2 приходскія училища; въ нихъ чиновниковъ и преподавателей 8. Выбыло 67 учениковъ, въ томъ числѣ 9 со свидѣтельствами; вновь вступило 89; состоитъ на лицо 182; изъ нихъ дѣтей дворянъ, чиновниковъ и духовнаго званія 24, почетныхъ гражданъ и купцовъ 10.

Всего въ Сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ: 3 гимназіи, 21 уѣздное, 51 приходское училища и 3 частные пансіона и школы; воспитательныхъ заведеній 3. Чиновниковъ и учителей 244, учащихся 4,191.

Открытіе училищъ. Въ Томскѣ открыто одно частное учебное заведеніе для дѣвицъ на степени приходскаго училища.

Учрежденіе званія блюстителей. По Высочайше утвержденному положенію Сибирскаго комитета, согласно съ моимъ представленіемъ, при приходскихъ училищахъ въ городахъ Енисейскѣ,

Красноярскѣ, Ачинскѣ, Минусинскѣ и Канскѣ, разрѣшено имѣть почетныхъ блюстителей преимущественно изъ купеческаго сословія, съ-тѣмъ-чтобы лица, избираемыя въ таковыя должности училищнымъ начальствомъ, съ согласія городскихъ обществъ, утверждаемы были въ сихъ званіяхъ, по представленію начальника Енисейской губерніи, генералъ-губернаторомъ восточной Сибири.

Перемѣна срока испытаній. Въ 1851 г., по представленію мѣстнаго начальства, разрѣшено было временно въ гимназіяхъ Тобольской и Томской производить годичныя испытанія предъ наступленіемъ лѣтнихъ вакацій, тогда-какъ уставомъ положено подвергать учениковъ такимъ испытаніямъ послѣ вакацій. По свидѣтельству генералъ-губернатора западной Сибири объ удобствѣ и полезности сей мѣры, оная оставлена въ дѣйствіи впредь до усмотрѣнія.

Отнесеніе уроковъ на утренніе часы. Въ 1854 г., въ видѣ опыта, дозволено было въ Красноярскомъ и Енисейскомъ уѣздныхъ училищахъ ввести преподаваніе только въ предобѣденное время; по ходатайству начальника Енисейской губерніи, дозволеніе это продолжено впредь до усмотрѣнія.

Пожертвованія. Тюменскій 1-ой гильдіи купецъ, потомственный гражданинъ *Шешуковъ* возобновилъ на свой счетъ погорѣвшій въ 1854 г., имъ-же пожертвованный въ 1851 г. для Тюменскаго уѣзднаго училища домъ; исправленія оцѣнены въ 5,505 р. Онъ-же предпринялъ на свой счетъ постройку новаго каменнаго двухэтажнаго дома для Тюменскихъ приходскаго и женскаго училищъ, что по исчисленію обойдется въ 15,000 р.

Баргузинскій 3 гильдіи купецъ *Цывилевъ* пожертвовалъ 1,500 р. на содержаніе приходскаго училища Забайкальской области въ городѣ Баргузинскѣ.

МЕДИЦИНСКАЯ ЧАСТЬ.

Число студентовъ.

Въ пяти медицинскихъ факультетахъ университетовъ состояло 2,209 студентовъ, именно: въ Московскомъ—943, св. Владиміра—610, Харьковскомъ — 214, Казанскомъ — 158 и Дерптскомъ — 284.

Выпускъ.

Изъ нихъ въ 1856 г. выпущено разными медицинскими званіями 222, въ томъ числѣ на службу въ военное и морское вѣдомства 57 казеннокоштныхъ и 15 своекоштныхъ, всего 72 врача. Выпускъ на службу, по требованію обстоятельствъ, произведенъ былъ по-примѣру прежнихъ двухъ лѣтъ, изъ IV курса: слѣдовательно, при обыкновенномъ порядкѣ преподаванія медицинскихъ наукъ, новый выпускъ можетъ быть не ранѣе 1858 г.; въ текущемъ-же году выйдетъ изъ университетовъ только нѣкоторое число казенныхъ воспитанниковъ, которые по разнымъ причинамъ не могли быть выпущены въ 1856 г.

О своекоштныхъ студентахъ, поступающихъ въ военную службу.

По возникшему вопросу—могутъ-ли своекоштные медицинскіе студенты 4 и 5 курсовъ, по-выдержаніи лекарскаго экзамена, поступать въ военно-медицинскую службу съ представленіемъ свидѣтельстъ о врачебныхъ практическихъ занятіяхъ отъ медицинскихъ факультетовъ и о поведеніи — отъ университетскихъ начальствъ, военный министръ увѣдомилъ, что Высочайшимъ повелѣніемъ 5 октября 1855 г. опредѣлено: при пріемѣ вольнопрактикующихъ врачей на службу по военно-медицинскому вѣдомству, на основаніи повелѣнія 19 апрѣля того-же года, только тѣмъ изъ нихъ назначать жалованья по 100 р. въ мѣсяцъ, которые представятъ доказательства, что занимались съ успѣхомъ врачебною практикою не менѣе пяти лѣтъ со времени выхода изъ учебныхъ заведеній и которые притомъ будутъ опредѣляться

на мѣста старшихъ ординаторовъ, или въ другія, симъ соотвѣтствующія должности; всѣмъ-же прочимъ вольнопрактикующимъ врачамъ, которые занимались практикою менѣе пяти лѣтъ и будутъ опредѣляться въ должности младшихъ ординаторовъ, или баталіонныхъ лекарей, производить жалованья по 50 р. въ мѣсяцъ, съ-тѣмъ-чтобы, по удостовѣреніи объ отличномъ усердіи ихъ къ службѣ и о пользѣ, ими приносимой, а также при поступленіи на высшія мѣста, начальству предоставлено было ходатайствовать о назначеніи имъ высшаго жалованья сообразно ихъ заслугамъ. Это распоряженіе отнесено и къ своекоштнымъ студентамъ медицинскихъ факультетовъ съ опредѣленіемъ ихъ на мѣста не по собственному ихъ выбору, а по усмотрѣнію военно-медицинскаго начальства тамъ, гдѣ во врачахъ окажется болѣе надобности.

Командировка студентовъ въ армію.

Выше упомянуто о командированіи въ бывшую южную армію нѣсколькихъ профессоровъ университетовъ Кіевскаго и Харьковскаго въ пособіе врачамъ военнымъ, съ нѣкоторымъ числомъ казеннокоштныхъ и своекоштныхъ воспитанниковъ. Кромѣ того, до тридцати своекоштныхъ студентовъ, соревнуя пользѣ общей, ходатайствовали о посылкѣ ихъ туда-же, дабы дѣлить труды съ своими товарищами. По всеподданнѣйшему моему о семъ докладу, Вашему Императорскому Величеству, 23 марта, благоугодно было объявить симъ молодымъ людямъ Высочайшую благодарность за ихъ похвальное усердіе, и что надобности въ ихъ помощи уже не настоитъ. Прежде отправленные изъ Кіева восемь студентовъ, состоя при военно-временныхъ госпиталяхъ, во время продолжавшейся еще эпидеміи тифозной горячки, имѣя на своемъ попеченіи до 800 боль-

ныхъ, исполняли всѣ обязанности ординаторовъ съ отличнымъ усердіемъ и способствовали профессорамъ къ открытію и изученію особенностей тифа, помогая имъ при вскрытіи труповъ. Основываясь на засвидѣтельствованіи начальника штаба арміи, я имѣлъ счастіе испросить у Вашего Императорскаго Величества соизволеніе на объявленіе симъ молодымъ людямъ за похвальное усердіе и полезныя ихъ дѣйствія Монаршаго благоволенія.

О стипендіатахъ приказовъ общественнаго призрѣнія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1855 г., излагалъ, что, для обезпеченія общественнаго здравія, необходимо умножить число стипендіатовъ, которые, кончивъ курсъ медицины, заняли-бы въ губерніяхъ должности уѣздныхъ и городовыхъ врачей. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть сообразить это мнѣ совокупно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ медицинскихъ факультетахъ пяти университетовъ положено имѣть 320 казеннокоштныхъ студентовъ. Число выпускаемыхъ лекарей, по десятилѣтней сложности, было 32-65; но это число далеко не удовлетворяло надобности военнаго, морскаго и гражданскаго вѣдомствъ во врачахъ, и потому Министерство народнаго просвѣщенія не встрѣтитъ препятствія къ опредѣленію университетскихъ студентовъ на службу по вѣдомству Министерства внутреннихъ дѣлъ, если въ то-же время по Высочайшимъ повелѣніямъ не будетъ на нихъ требованій отъ Министерствъ военнаго и морскаго.

При дальнѣйшихъ соображеніяхъ сего дѣла, между министромъ внутреннихъ дѣлъ и мною положено предоставить нѣкоторое число казенныхъ вакансій медицинскихъ студентовъ воспитанникамъ приказовъ общественнаго призрѣнія, кончившихъ курсъ въ

гимназіяхъ, съ-тѣмъ-чтобы они, по окончаніи университетскаго курса, были опредѣляемы врачами *только* по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, если воспослѣдуетъ на то Высочайшее соизволеніе, испрошеніе котораго зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Образованіе Евреевъ.

Училища отъ правительства.

Въ учебныхъ округахъ: С. Петербургскомъ, Кіевскомъ, Виленскомъ, Дерптскомъ и Одесскомъ, подъ ближайшимъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія, находится 105 Еврейскихъ учебныхъ заведеній: 2 раввинскія училища, въ Вильнѣ и Житомирѣ, съ приготовительными классами и общими ученическими квартирами; 13 училищъ 2-го разряда, на степени уѣздныхъ училищъ; 87 училищъ 1-го разряда, на степени приходскихъ училищъ; два училища для дѣвицъ, и общественное училище въ Ригѣ, состоящее на степени училища 1-го разряда. Всѣ означенныя училища, кромѣ Рижскаго, содержались изъ особаго съ Евреевъ сбора, подъ названіемъ *свѣчнаго*. Въ нихъ находилось чиновниковъ и учителей изъ Христіанъ и Евреевъ 435, учащихся 3,118.

Частныя учебныя заведенія.

Частныхъ убечныхъ заведеній состояло: эшиботовъ 11, хадаримовъ первостепенныхъ 1214, второстепенныхъ 390, талмудъ-торъ 42, а всего 1657; бетъ-медрашей, или клаузъ 920; учителей какъ въ училищахъ, такъ и въ частныхъ домахъ считалось 2,323, учащихся 18,372.

Выпускъ воспитанниковъ изъ раввинскихъ училищъ.

Въ 1856 году послѣдовалъ въ Виленскомъ раввинскомъ училищѣ пятый выпускъ учителей и третій выпускъ раввиновъ. Пять воспитанниковъ пе-

дагогическаго курса опредѣлены учителями Еврейскихъ предметовъ въ казенныя Еврейскія училища втораго разряда и семь въ училища перваго разряда. Изъ Житомирскаго раввинскаго училища сдѣланъ третій выпускъ педагогическихъ воспитанниковъ, въ числѣ шести, которые назначены также учителями въ казенныя Еврейскія училища.

Объ опредѣленіи воспитанниковъ раввинскихъ училищъ учителями общихъ предметовъ.

На основаніи Высочайшаго указа 13 ноября 1844 г. и правилъ объ испытаніи Евреевъ на званіе учителей казенныхъ Еврейскихъ училищъ, разрѣшено воспитанниковъ раввинскихъ училищъ опредѣлять учителями общихъ предметовъ въ казенныя Еврейскія училища 2 разряда, если не найдется для нихъ вакансій учителей Еврейскихъ предметовъ.

Женскія училища.

Высочайше утвержденнымъ 5 іюня 1856 г. положеніемъ комитета объ устройствѣ Евреевъ, разрѣшено выдавать содержателямъ частныхъ женскихъ Еврейскихъ школъ какъ изъ Евреевъ, такъ и другихъ исповѣданій, если заведенія ихъ будутъ имѣть успѣхъ, денежныя пособія до 600 р. сер. въ годъ, изъ свѣчнаго сбора, и поручено министерству озаботиться учрежденіемъ казенныхъ Еврейскихъ училищъ для женскаго пола, коль-скоро представятся къ тому достаточныя денежныя средства.

Изданіе учебниковъ.

Въ минувшемъ году продолжалось печатаніе назначенной для употребленія въ казенныхъ Еврейскихъ училищахъ «Исторіи Еврейскаго народа» и окончено изданіе «Книги для чтенія и упражненія Евреевъ въ Русскомъ языкѣ».

Мѣры о частныхъ Еврейскихъ училищахъ.

Высочайше утвержденнымъ 5 ноября 1856 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, въ дополненіе подлежащихъ статей Св. Зак. и Уложенія о наказаніяхъ, постановлены подробныя правила дли наблюденія за частнымъ обученіемъ Еврейскихъ дѣтей.

О Евреяхъ, имѣющихъ ученыя степени.

Высочайше утвержденнымъ 5 іюня журналомъ Еврейскаго комитета дозволено, на существующихъ въ Св. Зак. основаніяхъ, принимать на службу Евреевъ, имѣющихъ ученыя медицинскія степени, или степени доктора по другимъ факультетамъ, съ тѣми ограниченіями въ отношеніи къ врачамъ изъ Евреевъ, какія въ законахъ постановлены касательно службы ихъ въ губерніяхъ, для постоянной осѣдлости Евреямъ назначенныхъ, и производить ихъ въ чины лишь по медицинской части. Равно предоставленъ усмотрѣнію подлежащихъ министерствъ и пріемъ на казенный счетъ въ медицинскіе факультеты и въ медико-хирургическую академію Евреевъ, которые будутъ того заслуживать отличными успѣхами.

Раздача учебныхъ книгъ.

Принявъ въ уваженіе, что въ казенныхъ Еврейскихъ училищахъ обучаются большею частію дѣти бѣдныхъ родителей, сдѣлано мною распоряженіе о безденежномъ отпускѣ во всѣ казенныя училища по 12 экземпляровъ изданныхъ министерствомъ Еврейской Библіи и «Извлеченій изъ Маймонида», съ-тѣмъ-чтобы книги оставались въ училищахъ и употреблялись въ оныхъ, какъ учебныя пособія для бѣдныхъ учениковъ.

О свѣчномъ сборѣ.

По Высочайше утвержденному 30 октября положенію комитета министровъ, дѣйствовавшія правила о взиманіи съ Евреевъ свѣчнаго сбора на устройство Еврейскихъ училищъ продолжены еще на одинъ—1857 годъ.

Осмотръ.

Раввинское училище въ Житомирѣ я нашелъ въ довольно удовлетворительномъ состояніи, и, пользуясь прибытіемъ въ сей городъ многихъ значительныхъ Евреевъ, я пригласилъ ихъ къ себѣ и объяснилъ заботливость правительства содѣлать ихъ единовѣрцевъ полезными членами общества, что можетъ

быть достигнуто только путемъ образованія. Указавъ имъ на то, что въ Талмудическомъ ученіи оказывается вреднаго, и что не составляетъ принадлежности закона, даннаго Моисеемъ, а проникло въ Талмудъ изъ произвольныхъ толкованій Еврейскихъ учителей, я вразумилъ ихъ, что только предлагаемое правительствомъ образованіе можетъ извлечь Еврейскій народъ изъ того бѣдственнаго нравственнаго состоянія, въ которомъ онъ донынѣ находится. Собранные мною Евреи были убѣждены моими доводами, и значительнѣйшіе изъ нихъ, въ знакъ своей признательности и въ доказательство готовности своей слѣдовать въ точности указаніямъ правительства, объявили желаніе сдѣлать денежныя пожертвованія на содержаніе въ Житомирскомъ раввинскомъ училищѣ нѣсколькихъ учениковъ.

Евреи, обитающіе въ губерніяхъ Кіевскаго учебнаго округа, въ Одессѣ и въ царствѣ Польскомъ, болѣе расположены пользоваться ученіемъ въ казенныхъ училищахъ, нежели Евреи, живущіе въ губерніяхъ Виленскаго округа, а также въ Витебской и Могилевской, принадлежащихъ къ округу С. Петербургскому.

Въ Вильнѣ я также собиралъ значительнѣйшихъ Евреевъ, и, въ присутствіи генералъ-губернатора, попечителя учебнаго округа и гражданскаго губернатора, дѣлалъ имъ внушенія въ смыслѣ болѣе обширномъ, какъ того требовала настроенность Евреевъ Виленской, Ковенской, Минской и Гродненской губерній, и, сколько я могъ видѣть, внушенія мои были приняты большею частію Евреевъ съ полнымъ сочувствіемъ,—что они и выразили мнѣ впослѣдствіи письменно отъ лица всего ихъ общества.

Императорская Академія наукъ.

Составъ Академіи.

Академію наукъ составляютъ три отдѣленія: физико-математическое, Русскаго языка и словесности и историко-филологическое. Въ нихъ состоитъ дѣйствительныхъ членовъ: по 1-му отдѣленію — 21, по 2-му — 20 и по 3-му — 9.

Его Великогерцогское Высочество Герцогъ *Георгій* Мекленбургъ-Стрелицкій удостоилъ принять званіе почетнаго члена Академіи.

Перемѣны въ личномъ составѣ.

Экстраординарный академикъ *Бетлингъ* утвержденъ третьимъ ординарнымъ академикомъ по части восточной словесности. Повышены въ экстраординарные академики адъюнкты: по астрономіи — *О. Струве* и по прикладной математикѣ — *Чебышевъ*.

Кандидатъ *Вагнеръ* назначенъ помощникомъ астронома Николаевской главной обсерваторіи.

Директоръ Ситхинской обсерваторіи въ Новоархангельскѣ *Миддендорфъ* уволенъ отъ сей должности, на мѣсто-же его опредѣленъ студентъ главнаго педагогическаго института *Рыдзевскій*.

Библіотека и кабинеты.

Библіотека Академіи состоитъ изъ двухъ отдѣленій — Русскаго и иностраннаго. Въ Русскомъ отдѣленіи 34,218, въ иностранномъ 87,487, всего 121,705 книгъ, рукописей, брошюръ и періодическихъ изданій. При Академіи находятся кабинеты: физическій, минералогическій, зоологическій и минцкабинетъ; музеи: ботаническій, азіатскій и этнографическій.

Умноженіе библіотеки.

Президентъ Академіи, согласясь съ мнѣніемъ общаго собранія о пользѣ и необходимости пріобрѣтенія для Академіи библіотеки, оставшейся послѣ академика *Шёгрена*, состоящей болѣе чѣмъ изъ 5,600 печатныхъ сочиненій, 95 рукописей и 25 картъ и

плановъ, разрѣшилъ купить это собраніе за 6,000 р. на счетъ экономической суммы Академіи.

Опредѣленіе помощника хранителя библіотеки.

Личный составъ 2-го (иностраннаго) отдѣленія библіотеки оказался недостаточнымъ для исполненія обязанностей, на него въ послѣднее время возложенныхъ: посему въ помощь къ имѣющимся уже помощникамъ библіотекаря опредѣленъ еще помощникъ хранителя библіотеки.

Обсерваторіи.

Въ *Николаевской главной* астрономической обсерваторіи (въ Пулковѣ) главныхъ астрономическихъ и геодезическихъ инструментовъ 28, принадлежащихъ къ нимъ снарядовъ 168, часовъ и хронометровъ 18, приборовъ для измѣренія линій 21, метеорологическихъ инструментовъ 36, общихъ вспомогательныхъ снарядовъ 87; въ механической мастерской инструментовъ 64; въ библіотекѣ 7,050 книгъ и 6,711 диссертацій.

Въ *малой* обсерваторіи (при академіи) 90 инструментовъ (большею частію ветхіе), книгъ и брошюръ 689, рукописей 58.

Въ *Виленской* обсерваторіи инструментовъ и приборовъ 104, книгъ и диссертацій 1,488.

Занятія Николаевской обсерваторіи.

Николаевская главная обсерваторія имѣетъ три цѣли: 1) совершенствовать астрономію, какъ науку; 2) содѣйствовать географическимъ и геодезическимъ трудамъ въ Имперіи, и 3) доставлять молодымъ ученымъ способы къ практическимъ упражненіямъ въ астрономіи.

Въ первые годы существованія обсерваторіи, цѣль ученая, какъ главная, первенствовала, и трудамъ сего періода она обязана тою высокою знаменитостію, какою она пользуется въ просвѣщенномъ мірѣ. Въ послѣдніе-же десять лѣтъ потребности государства дали другое направленіе дѣятельности

обсерваторія: прикладныя науки мало-по-малу истощили всѣ ея силы до того, что изслѣдованія собственно ученыя совсѣмъ почти пріостановились, и значительный запасъ наблюденій, сдѣланныхъ собственно впродолженіе 17-ти лѣтъ при пособіи совершеннѣйшихъ инструментовъ, лежитъ въ архивѣ безъ разработки въ ущербъ наукѣ.

Честь учрежденія требовала не оставлять оное долѣе въ такомъ положеніи. Съ другой стороны, потребности, являющіяся въ частныхъ требованіяхъ содѣйствія обсерваторіи морскаго министерства, генеральнаго штаба военной академіи, межеваго вѣдомства, географическаго Общества и другихъ отраслей государственнаго управленія, такъ настоятельны и важны, что невозможно было оставлять и ихъ безъ удовлетворенія.

При такомъ положеніи обсерваторіи, для доставленія ей возможности содѣйствовать, безъ ущерба наукѣ, трудамъ другихъ учрежденій, для которыхъ прикладная математика составляетъ цѣль ихъ занятій, оказалась необходимость увеличить, насколько нужно, денежныя ея средства, о чемъ я имѣлъ счастіе всеподданнѣйшее докладывать Вашему Императорскому Величеству уже въ текущемъ году.

Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ, дорожа содѣйствіемъ обсерваторіи морскому вѣдомству, изволилъ изъявить готовность принять на смѣту морскаго министерства часть предположеннаго вновь расхода,—на что, равно какъ и на отнесеніе другой части издержекъ на способы военнаго министерства, послѣдовало уже Всемилостивѣйшее Вашего Величества соизволеніе. Офицеры состоящаго при Николаевской военной академіи главнаго штаба геодезическаго отдѣленія слушали спеціаль-

ный курсъ практической астрономіи и высшей геодезіи при главной обсерваторіи. На этотъ конецъ построена небольшая практическая обсерваторія для упражненія сказанныхъ офицеровъ и снабжена всѣми потребными инструментами. Должность профессора ввѣрена астроному *Деллену*.

Въ числѣ важныхъ ученыхъ трудовъ главной обсерваторіи слѣдуетъ поставить новый каталогъ библіотеки обсерваторіи, составленный директоромъ оной. Этотъ трудъ, непосредственно столь полезный для чиновниковъ обсерваторіи, въ то-же время имѣетъ большую важность въ отношеніи къ самой наукѣ. Каталогъ представляетъ собою полнѣйшую астрономическую библіографію, расположенную въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, и чрезвычайно облегчаетъ труды посвятившимъ себя изученію астрономіи.

Астрономъ *О. Струве* представилъ въ диссертаціи результаты своихъ разысканій о туманной атмосферѣ Оріона. Онъ-же сообщилъ Академіи результаты хронометрической экспедиціи, исполненной въ 1854 г. подъ его вѣдѣніемъ между Пулковскою и Дерптскою обсерваторіями.

Подробности экспедиціи, послужившей дополненіемъ къ измѣренію большой дуги меридіана между Дунаемъ и Ледовитымъ моремъ, появятся въ начатомъ уже печатаніемъ астрономомъ *Струве* (старшимъ) полномъ описаніи этой знаменитой операціи.

Помощникъ астронома *Вагнеръ* доставилъ Академіи пространный трудъ свой объ отклоненіяхъ, которыя испытываетъ планета Веста дѣйствіемъ притяженія большихъ планетъ солнечной системы. Авторъ довершаетъ этимъ трудомъ разысканія, исполненныя имъ за нѣсколько лѣтъ, подъ руководствомъ г. Энке, по этому-же самому предмету.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, главная обсерваторія снова принимала весьма дѣятельное участіе во всѣхъ астрономическо-географическихъ работахъ Имперіи, которыя съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ болѣе и болѣе важности и обширности.

Назначеніе 3-го академика для восточной словесности.

По Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, согласно моему представленію, разрѣшено при историко-филологическомъ отдѣленіи имѣть третьяго ординарнаго академика для восточной словесности, съ производствомъ ему содержанія изъ экономической суммы Академіи.

Засѣданія.

Кромѣ многочисленныхъ засѣданій коммиссій, составленныхъ для обсужденія разныхъ предметовъ, собственно академическихъ засѣданій было 55, въ томъ числѣ общихъ 16.

Труды I и III отдѣленій.

Въ-теченіе 1856 г. напечатаны Академіею:

а) *Общія изданія:*

1. Mémoires. Sciences naturelles, т. VII.

2. Mémoires. Sciences politiques, histoire et philologie, т. VIII.

3. Bulletin physico-mathématique, т. XIV (avec les Mélanges tirés de ce Bulletin).

4. Bulletin historico-politique, т. XIII. (avec les Mélanges tirés de ce Bulletin).

5. Le compte rendu de l'académie pour les années 1854 et 1855.

6. Отчетъ о двадцать пятомъ присужденіи учрежденныхъ Демидовымъ премій.

7. Le catalogue des nouvelles acquisitions faites par la bibliothèque de l'académie pendant l'année 1855.

8. Catalogue des papillons diurnes qui se trouvent au musée de l'académie, livr. 1-ère.

9. Сборникъ академиковъ *Бэра и Гельмерсена*, подъ заглавіемъ: «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches». Кн. XVIII и XX.

б) Отдѣльные труды членовъ академіи:

1. *Abich*, Les recherches chimiques sur l'eau de la mer Caspienne, comparées à l'eau des lacs Van et Urmia.

2. *Brosset*, Histoire gorgienne, 1 sect. du 2 vol.

3. *Middendorff*, Sibirische Reise (послѣдній выпускъ ботанической части, составленный *Мейеромъ*, *Траутфеттеромъ* и братьями *Борщовыми*).

4. *Böhtlingk und Roth*, Sanskritwörterbuch, 1 и 2 выпуски 2-го тома.

5. *Alex. Castrén's* Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre, nebst kurzem Wörterverzeichniss. Im Auftrage der Akademie der Wissenschaften, von *Schiefner*.

в) Труды постороннихъ ученыхъ:

1. *Chwolson*, Die Sabäer, т. II.

2. *Лерхъ*, Изслѣдованія объ Иранскихъ Курдахъ и ихъ предкахъ, сѣверныхъ Халдеяхъ.

Въ продолженіе года дѣлаемы были отъ разныхъ министерствъ и управленій ученыя порученія и поступали отъ частныхъ лицъ просьбы, которыя Академія исполняла безъ отлагательства особыми коммиссіями, наряжаемыми по мѣрѣ надобности. Сюда принадлежали, между прочимъ: мнѣнія о трудахъ отечественныхъ и иностранныхъ ученыхъ; разсмотрѣніе и обсужденіе разныхъ приборовъ, инструментовъ и машинъ или проектовъ и моделей; указаніе

способовъ къ отвращенію разныхъ мѣстныхъ неудобствъ при устройствѣ на казенныхъ зданіяхъ громоотводовъ; мнѣнія въ совѣщаніяхъ кавалерійскаго отдѣла коммиссіи для улучшеній по военной части; указаніе на средства къ предохраненію отъ вреда, причиняемаго посѣвамъ разными насѣкомыми и т. п.

Къ числу стороннихъ порученій относятся третныя донесенія о произведеніяхъ литературы, признанныхъ Академіею достойными Монаршаго вниманія. Въ 1856 г. оказалось такихъ сочиненій пять:

1. Князя *Р. Эристова*, статья о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ въ географическомъ, историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ спеціальною картою (помѣщена въ III т. «Записокъ Кавказскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества»).

2. *Бартоломея*, Путешествіе въ вольную Сванетію (тамъ-же).

3. *Турчанинова*, Flora Baicalensi-Dahurica. Vol. II, fasc. 1 et 2.

4. *Траутфеттера* и *Мейера*, Florula Ochotensis phaenogama. С. Петербургъ, 1856.

5. *Мерклина*, Vergleichende anatomische Untersuchungen fossiler Hölzer aus Russland. Спб., 1856.

Труды II-го отдѣленія.

Дѣятельность втораго отдѣленія Академіи наукъ въ истекшемъ году продолжалась въ томъ-же направленіи, какъ и въ годы предшедшіе. Направленіе это было филологическое. Отдѣленіе старалось приводить въ извѣстность памятники какъ нашего старо-Славянскаго, такъ и Русскаго языковъ, уясняло и обсуживало свойства, богатство и духъ послѣдняго со всѣми его мѣстными и другими видоизмѣненіями, чтобы такимъ-образомъ собрать матеріалы и приготовить способы къ полному историческому и теоретическому его уразумѣнію.

Словари составляютъ одно изъ важныхъ условій правильнаго хода филологическихъ начинаній. Настоятельная потребность отечественнаго языковѣдѣнія заключается въ общемъ словарѣ; но не менѣе необходимы и славари спеціальные. Отдѣленіе, приготовляя постепенно матеріалы и средства къ составленію «Общаго словаря», который, по обширному и многосложному объему своему, требуетъ немало времени и труда, прилагало попеченіе и о второстепенныхъ пособіяхъ этого рода: съ сею цѣлію изданъ уже отдѣленіемъ «Словарь областныхъ словъ Велико-Русскаго языка». Это изданіе составляетъ какъ-бы вступленіе въ полный обширный «Словарь областныхъ словъ», который долженъ расширяться, по мѣрѣ вновь добываемыхъ матеріаловъ. Этихъ *Дополненій* напечатано, подъ редакціею академика *Востокова*, 14 листовъ. Отдѣленіе обратило вниманіе и на цѣлыя нарѣчія и пріобрѣло значительные матеріалы для «Словарей Малорусскаго и Бѣлорусскаго». Начато также печатаніе «Словаря Болгарскаго», составленнаго *Геровымъ*. Но главнѣйшій лексикологическій трудъ, занимающій почетнѣйшее мѣсто въ лѣтописяхъ втораго отдѣленія, есть «Словарь Церковно-Славянскаго языка», составленный академикомъ *Востоковымъ*; этого словаря отпечатано уже 10 листовъ. Академикъ *Срезневскій* представилъ полную и подробную оцѣнку сего монументальнаго ученаго труда, который есть плодъ тридцатилѣтнихъ изысканій. Начатаго *Коссовичемъ* «Санскрито-Русскаго словаря» отпечатано 13 листовъ.

Возможное усовершенствованіе грамматическаго изученія отечественнаго языка служитъ также предметомъ постояннаго вниманія втораго отдѣленія. «Обще-сравнительной грамматики» академика *Давы-*

дова напечатано три изданія. Отдѣленіе возложило на него составить *сокращеніе* изъ сей грамматики, удобоприлагаемое къ потребностямъ учащихся. Въ этотъ новый трудъ войдутъ тѣ пополненія и измѣненія, которыя вызываются дальнѣйшимъ опытомъ самого составителя грамматики и критическими наблюденіями людей, занимающихся постоянно отечественнымъ языкомъ.

Изданія, служившія органами и проводниками въ публикѣ фактовъ втораго отдѣленія, суть:

1. «Извѣстія академическія» (вышло 6 тетрадей).

2. «Ученыя записки» (печатались 3 и 4-й томы). Обѣ эти изданія состоятъ подъ редакціею академика *Срезневскаго*.

3. «Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики» (3 томъ оконченъ и печатается 4-й).

4. «Дополненіе къ областному словарю».

5. «Памятники и образцы народнаго языка и словесности».

Демидовскія премія. Къ сроку закрытія 25 конкурса на Демидовскія преміи въ состязаніе вошли 25 сочиненій; изъ нихъ девять увѣнчаны *второстепенными преміями*, а именно:

1. *Бодянскаго*, «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ», съ 19-ю снимками. Москва, 1855.

2. *Ундольскаго*, «Историко-критическое изысканіе о временникѣ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой лѣтописи» (рукопись).

3. *Ланкіера*, «Русская геральдика». С. Пб. 1855. 2 тома.

4. *Небольсина*, «Очерки торговли Россіи въ средней Азіи» (въ «Запискахъ Русскаго географическаго Общества», книга X).

5. *Соловьева* «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи». Москва, 1855.

6. *Северцова*, «Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ въ Воронежской губерніи». Москва, 1855.

7. *Жиряева*, «Теорія уликъ». Дерптъ, 1855.

8. *Зарубина*, «Планиметръ-самокатъ и трансформаторъ» (съ описаніемъ сихъ инструментовъ).

9. *Круселя*, «Внутреннія средства противъ рака и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней».

Признаны заслуживающими *поощрительныхъ премій:*

1. *Ешевскаго*, «Аполлинарій Сидоній», — эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка. Москва, 1855.

2. *Безсонова*, «Болгарскія пѣсни». 2 выпуска. Москва, 1855.

3. *Каченовскаго*, «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ. Москва», 1855.

4. *Павловскаго*, «Полный Нѣмецко-Русскій словарь». 2 части. Рига, 1856.

Сочиненіямъ симъ, по ограниченности бывшихъ въ распоряженіи Академіи суммъ, не могли быть присуждены преміи, и въ-замѣнъ того они удостоены *почетныхъ отзывовъ*.

Ученыя путешествія.

Академикъ *Брандтъ* обозрѣвалъ зоологическія коллекціи въ Германіи, Франціи, Англіи и Голландіи. Академикъ *Купферъ* находился въ отпуску для присутствованія на съѣздѣ Великобританскихъ ученыхъ въ Чельтенгамѣ. Академикъ *Стефани* посѣтилъ музеи древностей въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ и Венеціи. Академикъ *Фрицше* совершилъ поѣздку въ Вѣну, гдѣ онъ присутствовалъ на съѣздѣ Германскихъ естествоиспытателей, и въ Парижъ,

для ознакомленія съ нѣкоторыми химическими процессами. Экстраординарный академикъ *Чебышевъ* въ Германіи, Франціи и Бельгіи осматривалъ главнѣйшія заведенія по части прикладной математики. Экстраординарный академикъ *Струве* въ Германіи, Бельгіи и Голландіи заказывалъ и пріобрѣлъ инструменты для астрономическихъ и геодезическихъ работъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Академикъ *Гельмерсенъ* объѣхалъ Олонецкую губернію для начертанія геологической карты Петрозаводскаго горнаго округа. Адъюнктъ *Кокшаровъ* командированъ былъ на Уральскій хребетъ для обозрѣнія мѣстоположенія замѣчательнѣйшихъ минераловъ. Академику *Беру* продолжена командировка, для изслѣдованія улова рыбы въ Каспійскомъ морѣ и его притокахъ, и для собранія свѣдѣній о рыболовствѣ на Дону и по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Академикъ *Срезневскій*, желая ближе ознакомиться съ литературными памятниками, хранящимися въ Новгородской Софійской библіотекѣ, осмотрѣлъ сію сокровищницу древней нашей словесности, обращая преимущественное вниманіе на тѣ памятники, которые находятся въ ближайшемъ соотношеніи съ сказаніями лѣтописей и грамотъ и съ вопросами филологіи. Академикъ *Гамель* возвратился изъ двухлѣтняго своего путешествія въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ онъ наблюдалъ льняную промышленость и подводную телеграфію.

Всѣ поименованные члены академіи представили болѣе или менѣе подробныя донесенія о результатахъ своихъ изслѣдованій или возложенныхъ на нихъ порученій.

Типографія. По причинѣ постояннаго увеличенія заказовъ и работъ академическихъ, къ числу имѣющихся уже

въ типографіи скоропечатныхъ машинъ пріобрѣтена еще одна, большая, за 4,000 р.

Частное и домашнее воспитаніе.

Число частныхъ училищъ. Частныхъ учебныхъ заведеній въ Имперіи находилось 615, въ томъ числѣ мужескихъ пансіоновъ 54, пансіоновъ для дѣвицъ 223, школъ 338; учащихся въ нихъ обоего пола 21,353.

Надзоръ. По особому Высочайшему повелѣнію, надзоръ за частными пансіонами и школами, подъ ближайшимъ наблюденіемъ попечителей учебныхъ округовъ, ввѣренъ инспекторамъ, о назначеніи коихъ доводится до Высочайшаго свѣдѣнія.

Образцовые пансіоны. Образцовые пансіоны для дѣвицъ существуютъ въ Вильнѣ, Минскѣ, Кіевѣ, Житомирѣ, Витебскѣ и Полоцкѣ. На содержаніе ихъ производится 10,500 р. изъ государственнаго казначейства ежегодно и 1,000 р. особо на Виленскій пансіонъ изъ процентовъ съ капитала на усиленіе женскаго воспитанія въ Виленскомъ учебномъ округѣ.

Открытіе училищъ. Въ 1856 г. разрѣшено открыть 47 частныхъ учебныхъ заведеній, именно: 18 пансіоновъ и 29 школъ, въ округахъ: С. Петербургскомъ—8, Московскомъ—13, Кіевскомъ — 3, Харьковскомъ — 2, Казанскомъ — 1, Дерптскомъ — 5, Одесскомъ — 12, Виленскомъ — 3.

Домашніе учители. Домашнимъ воспитаніемъ въ Имперіи занималось 1,480 лицъ обоего пола. Въ теченіе года выдано свидѣтельствъ на званія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ 318. Занимающихся первоначальнымъ обученіемъ 987

По представленіямъ министерства, на основаніи Положенія 1 іюля 1834 г., правительствующимъ

сенатомъ утверждено въ службѣ по учебной части домашнихъ учителей 33, изъ нихъ: съ исключеніемъ изъ купеческаго званія—5, изъ подушнаго оклада—24 и съ освобожденіемъ отъ избранія рода жизни—4.

Публичныя библіотеки.

Число библіотекъ.

Въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ находятся публичныя библіотеки; число ихъ простиралось до 47. Ближайшее завѣдываніе оными возложено на губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства. Существованіе библіотекъ зависитъ отъ пожертвованій частныхъ лицъ и платы, взимаемой за право пользоваться книгами. Пособія получаютъ только три библіотеки: Одесская—по 1,000 р. изъ городскихъ доходовъ, Кишиневская—по 285 р. изъ суммъ Бессарабской области и Тифлисская — по 1,570 р. изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи намѣстника Кавказскаго.

Открытіе библіотекъ.

Въ минувшемъ году даны разрѣшенія на открытіе двухъ новыхъ публичныхъ библіотекъ: 1) при Смоленскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ и 2) Тверскому 3-ей гильдіи купцу *Черенину*, въ Твери.

Ученыя Общества.

Пособія Обществамъ.

Изъ 17 существующихъ въ разныхъ концахъ Имперіи ученыхъ и литературныхъ Обществъ, нѣкоторыя получаютъ пособія отъ правительства: въ С. Петербургѣ — археологическое по 3,000 и минералогическое по 2,857 р.; въ Москвѣ — исторіи и древностей по 1,428 и испытателей природы по 2,857 р.; въ Одессѣ—исторіи и древностей по 1428 р.

Труды Обществъ.

Общество испытателей природы (въ Москвѣ) имѣетъ значительную библіотеку, въ 10,694 названія; подъ наблюденіемъ перваго секретаря, *Ренара*, оно издало въ 1856 г. четыре книги своихъ «Извѣстій». Всѣ статьи оныхъ оригинальныя и касаются предпочтительно естественной исторіи Россіи. Кромѣ того, подъ редакціею члена общества *Рулье*, издавался «Вѣстникъ естественныхъ наукъ», назначенный для распространенія между большинствомъ читателей естественно-историческихъ свѣдѣній.

Общество исторіи и древностей Россійскихъ (въ Москвѣ) издало, подъ редакціею секретаря своего и члена *Бѣляева*, 24 книгу «Временника», составляющую болѣе 27 листовъ компактной печати большаго формата, въ коихъ помѣщены оригинальныя сочиненія, изслѣдованія и вновь открытые источники для Русской исторіи. Сверхъ того продолжалась 25 книга «Временника» и оканчивался обширный 4 и послѣдній томъ «Повѣствованія о Россіи» (съ 1698 г.) — тридцатилѣтній трудъ покойнаго члена *Арцыбышева*.

ЦЕНСУРА.

Ценсура въ Имперіи.

О дѣйствіяхъ главнаго управленія ценсуры.

Главное управленіе ценсуры, слѣдя постоянно за духомъ и направленіемъ литературной дѣятельности въ Россіи и наблюдая, какъ непосредственно, такъ и при пособіи опредѣленныхъ къ нему чиновниковъ особыхъ порученій, за точнымъ исполненіемъ правилъ ценсурнаго устава, разрѣшало возникавшіе, въ кругу дѣйствій подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ, недоумѣнія и вопросы, и вообще руководствовало ценсоровъ въ сомнительныхъ случаяхъ.

О возложеніи на Товарища Министра нѣкоторыхъ обязанностей по цензурнымъ дѣламъ.

Въ 3 день декабря послѣдовало Высочайшее соизволеніе: по многосложности обязанностей, лежащихъ на Министрѣ народнаго просвѣщенія, возложить на Товарища его, тайнаго совѣтника князя *Вяземскаго*, переписку по текущимъ цензурнымъ дѣламъ и непосредственное наблюденіе за дѣйствіями цензурныхъ учрежденій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (кромѣ Еврейскихъ).

О закрытіи комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ.

Съ учрежденіемъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ, существованіе комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ (Высочайше учрежденнаго 13 марта 1850 г.) прекращено, и цензурныя его обязанности отошли къ цензурѣ, а часть педагогическая и учебная сосредоточены въ ученомъ комитетѣ.

Число вышедшихъ книгъ.

Число вышедшихъ въ свѣтъ въ 1856 году сочиненій оригинальныхъ простирается до 1,405, переводныхъ — до 131; всего 1,536.

Періодическія изданія.

Въ 1855 году издавалось, подъ наблюденіемъ внутренней цензуры вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, журналовъ и газетъ 104. Въ 1856 г. начали выходить въ свѣтъ, на основаніи Высочайшихъ соизволеній: «Художественный журналъ для юношества», «Музыкальный и театральный вѣстникъ», «Живописная Русская библіотека», «Русскій вѣстникъ», «Русская бесѣда» и «Сынъ Отечества», возобновленное періодическое изданіе, и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на изданіе двадцати двухъ новыхъ періодическихъ изданій.

Сравнительные выводы.

Число оригинальныхъ сочиненій 1856 г. ученаго и учебнаго содержанія, сравнительно съ 1855 годомъ, значительно увеличилось, какъ по числу названій, такъ и по объему. Сличеніе частныхъ итоговъ по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній показы-

ваетъ, что въ 1856 г. особенно увеличился объемъ сочиненій по части географіи, этнографіи и путешествій; по грамматикамъ и другимъ пособіямъ къ изученію языковъ; по теоріи и исторіи словесности и другихъ изящныхъ искусствъ; по наукамъ юридическимъ и государственнымъ, естественнымъ, математическимъ, военнымъ и медицинскимъ; уменьшился-же по сельскому хозяйству и технологіи, а также по исторіи всеобщей и иностранныхъ государствъ. Между оригинальными сочиненіями собственно-литературнаго содержанія, сравнительно съ 1855 годомъ, оказывается увеличеніе въ романахъ и повѣстяхъ, въ книгахъ для дѣтскаго чтенія и въ собраніяхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ; уменьшеніе-же усмотрѣно въ энциклопедическихъ словаряхъ, альманахахъ и сборникахъ, въ стихотвореніяхъ лирическихъ и въ драматическихъ сочиненіяхъ.

Число изданныхъ въ 1856 г. книгъ на Еврейскомъ языкѣ значительно превышаетъ число вышедшихъ въ 1855 году.

Ввозъ книгъ.

Общее число ввезенныхъ изъ-за границы въ Россію въ 1856 году книгъ составляло 1,282,240 томовъ. Въ 1855 году число это простиралось до 1,191,745 томовъ. Посему привозъ иностранныхъ книгъ въ 1856 г. увеличился 90,495 томами.

Разсмотрѣніе иностранныхъ книгъ.

Изъ числа ввезенныхъ книгъ неизвѣстнаго цензурѣ содержанія, разсмотрѣно въ комитетѣ цензуры иностранной 1,238 сочиненій въ 2,334 томахъ; а иногородными комитетами въ Ригѣ, Одессѣ, Вильнѣ и Кіевѣ и отдѣльнымъ цензоромъ въ Ревелѣ—1,128 сочиненій въ 1,755 томахъ. Въ 1856 году подвергались запрещенію преимущественно полиграфиче-

скія изданія, романы, повѣсти и сочиненія политическія.

Высылка книгъ за границу. По прошеніямъ книгопродавцевъ и другихъ лицъ, выслано обратно за границу 6,434 тома запрещенныхъ, позволенныхъ съ исключеніями и неизвѣстныхъ еще цензурѣ сочиненій.

Цензура въ царствѣ Польскомъ.

Цензура внутренняя. На разсмотрѣніе Варшавскаго цензурнаго комитета представлено въ 1856 г. по цензурѣ внутренней, рукописей и печатныхъ книгъ 544 (противъ 1855 г. 188 болѣе). Изъ этого числа одобрено къ печатанію 459; возвращено авторамъ для исправленій 31; осталось къ разсмотрѣнію на 1857 годъ 47.

Ввозъ книгъ изъ-за границы. Въ 1856 году привезено изъ-за границы 30,650 сочиненій въ 105,169 томахъ. Этотъ годъ превосходитъ предыдущій въ привозѣ иностранныхъ книгъ, по числу названій — на 8,022, а по количеству томовъ — на 33,261.

Департаментъ народнаго просвѣщенія.

Усиленіе департамента. По Высочайше утвержденному 11 Іюня мнѣнію государственнаго совѣта, вслѣдствіе моего представленія, для уравненія занятій въ распорядительныхъ отдѣленіяхъ департамента народнаго просвѣщенія, учреждено въономъ особое отдѣленіе. Посему департаментъ состоитъ нынѣ изъ канцеляріи и пяти отдѣленій, кромѣ частей, къ общему его составу принадлежащихъ. Распредѣленіе занятій между распорядительными отдѣленіями утверждено мною на осно-

ванія того-же Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта.

Дѣлопроизводство

Въ-теченіе 1856 года поступило въ департаментъ 15,104 бумаги; къ 1857 г. оставалось не исполненныхъ 10. Исходящихъ нумеровъ было 11,160.

Отчетъ объ оборотахъ суммъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія отправленъ въ государственный контроль своевременно, т. е. 1 іюля.

Въ архивѣ департамента къ 1856 г. находилось дѣлъ 122,294; въ 1856 г. поступило 4,470; всего состоитъ въ архивѣ 126,694 дѣла.

Смѣта расходовъ.

По государственной росписи на 1856 г. ассигновано было министерству народнаго просвѣщенія на всѣ расходы 2,917,462 р. 26½ к.

Капиталы и суммы съ особыми назначеніями.

Общаго экономическаго капитала гражданскихъ учебныхъ заведеній къ 1856 году было 888,238 р. 9½ к., а за отпускомъ изъ оныхъ 20,070 р. 99½ к. въ число суммы, разрѣшенной къ употребленію на строительныя надобности, по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ департамента экономіи государственнаго совѣта и комитета министровъ въ 1853 и 1854 годахъ, оставалось къ 1857 году 868,167 р. 10 к.

Капитала *призрѣнія домашнихъ наставниковъ и учителей* 95,278 р. 18 к.

Пенсіоннаго капитала для приходскихъ учителей 86,172 р. 82⅔ к.

Капитала *на содержаніе Еврейскихъ училищъ* 377,084 р. 14½ к.

Еврейскаго пенсіоннаго капитала 7,095 р. 26¾ к.

Капитала *на учрежденіе ветеринарныхъ училищъ* 116,015 р. 2 к.

Хозяйственной суммы департамента 35,738 р.

Учебники. Въ-теченіе 1856 г., по распоряженію департамента, напечатано учебныхъ книгъ 46,000 экземпляровъ; сдѣлано распоряженіе о напечатаніи 20,000 и пріобрѣтено покупкою отъ авторовъ, издателей и книгопродавцевъ 54,564 экземпляра на 16,143 р. 43½ к. Въ расходѣ 254,279 экземпляровъ. Къ 1857 г. оставалось въ наличности книгъ и учебныхъ пособій 234,968 экземпляровъ.

Рынокъ. Съ отданныхъ по контрактамъ лавокъ Щукина рынка причиталось дохода за 1856 г. 66,043 р. 98 к.

Въ то число поступило — 63,657 р. 58 к.

За тѣмъ къ 1857 году оставалось въ недоимкѣ 2,386 р. 40 к.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, не смотря на ограниченность своихъ средствъ и на крайне недостаточное вознагражденіе, предоставляемое имъ своимъ сотрудникамъ, старался, по возможности, удовлетворять требованіямъ науки и литературы, и въ-особенности доставлять учителямъ нашимъ въ провинціяхъ способы слѣдить за настоящимъ движеніемъ ученыхъ и педагогическихъ идей. Редакція дѣятельно заботилась о пріобрѣтеніи для журнала постоянныхъ спеціальныхъ сотрудниковъ по главнѣйшимъ отраслямъ наукъ изъ лицъ, уже пріобрѣтшихъ извѣстность въ ученомъ кругу. Нѣкоторыя статьи обратили на себя вниманіе знатоковъ. Въ истекшемъ году изданъ «Указатель къ неоффиціальной части повременныхъ изданій министерства за 1803—1853 годы», который, совокупно съ изданнымъ въ 1854 году такимъ-же «Указателемъ къ части оффиціальной», служитъ необходимымъ пособіемъ для пользованія множествомъ разнообразныхъ

материаловъ, заключающихся въ повременныхъ изданіяхъ министерства.

Археографическая коммиссія.

Археографическая коммиссія въ прошедшемъ году продолжала печатаніе изданій, нынѣ оконченныхъ, а именно: 1) VII тома «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», 2) VI тома «Дополненій къ актамъ историческимъ», 3) I тома «Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи» и 4) «Грамотъ, касающихся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами XII, XIII и XIV вѣка». Сверхъ того приготовлялись ею къ печати: 1) VIII томъ «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», 2) VII томъ «Дополненій къ актамъ историческимъ», 3) II томъ «Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи», 4) «Собраніе актовъ на иностранныхъ языкахъ, относящихся къ исторіи Чермной Руси», 5) второе изданіе сочиненія *Котошихина:* «О Россіи, въ царствованіе Алексія Михаиловича», 6) «Алфавитный указатель къ Русскимъ лѣтописямъ» и 7) «Хронологическій указатель старинныхъ актовъ», напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ.

Канцелярія Министра.

Въ 1856 году бумагъ было: входящихъ—2,559, исходящихъ — 2,227.

На основаніи Высочайше одобреннаго 8 февраля 1854 г. предположенія о представленія Вашему Императорскому Величеству вѣдомостей о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ учено-литературной дѣятельности въ Россіи, представлено Вашему Величеству о семнадцати сочиненіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ-теченіе перваго полугодія.

Поднесено Вашему Величеству 19 сочиненій; въ эрмитажную библіотеку препровождено 4.

Въ числѣ поднесенныхъ Вашему Величеству сочиненій было нѣсколько замѣчательныхъ стихотвореній, написанныхъ въ воспоминаніе послѣдне-совершившихся въ нашемъ отечествѣ важныхъ событій.

Общій выводъ. Въ 1856 году въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія находилось въ Имперіи 2,345 учебныхъ заведеній, съ 125,577 учащихся.

Изъ числа учащихся было: въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 4,564, въ гимназіяхъ 19,098, въ уѣздныхъ училищахъ 27,690, въ приходскихъ 49,934, въ частныхъ 21,353, въ Еврейскихъ казенныхъ училищахъ 3,118.

Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ: училищъ 1,454, учащихся 71,112; въ томъ числѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 2,887, въ уздныхъ училищахъ 4,583, въ начальныхъ 56,656, въ частныхъ 6,986.

Затѣмъ совокупное число учебныхъ заведеній составляетъ 3,789, а число учащихся 196,689. Воспитательныхъ заведеній было 101, въ томъ числѣ 54 пансіона при гимназіяхъ.

Ученыхъ степеней и разныхъ медицинскихъ званій удостоено 1,034 человѣка.

Въ-сравненіи съ 1855 годомъ, число учащихся въ Имперіи увеличилось: въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — на 437, въ дворянскихъ институтахъ и гимназіяхъ—на 1,281, въ училищахъ уѣздныхъ—на 291, въ приходскихъ—на 834, всего—на 2,842; въ царствѣ-же Польскомъ общее число учащихся уменьшилось на 643 человѣка,—по причинѣ, изъясненной

въ предыдущемъ отчетѣ, т. е. за освобожденіемъ съ 1851 г. сельскихъ обществъ отъ сбора на содержаніе сельскихъ училищъ. Затѣмъ общая прибыль учащихся простирается до 2,199 человѣкъ.

Заключеніе. Изъ всеподданнѣйше представляемаго отчета, Ваше Императорское Величество соизволите усмотрѣть, что Высочайше ввѣренное мнѣ министерство, какъ осмѣливаюсь надѣяться, не смотря на крайне стѣсненныя матеріальныя средства свои, слѣдуетъ неуклонно къ Высочайше указанной ему цѣли. Просвѣщеніе, которое почерпаютъ юноши въ заведеніяхъ вѣдомства сего министерства, есть просвѣщеніе не поверхностное, а прочное, основанное на святыхъ началахъ нашей народной жизни, уваженіи къ святости вѣры, безпредѣльной готовности жертвовать всемъ для блага отечества и полной преданности своему Государю. Жажда пріобрѣтенія познаній, нужныхъ для пользы общественной, повсемѣстна. Удовлетвореніе этому благородному стремленію составляетъ существенную потребность настоящаго времени. По этому одна изъ главнѣйшихъ моихъ заботъ состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, поддержать это общее стремленіе къ образованію, а съ другой — сообразить дѣйствующіе нынѣ уставы учебныхъ заведеній съ дѣйствительными потребностями государства и времени и съ современнымъ состояніемъ наукъ.

Съ этою цѣлію я лично ознакомился съ состояніемъ ввѣренныхъ мнѣ учебныхъ заведеній и собралъ на мѣстѣ нужныя для предлежащаго труда данныя.

Замѣченные въ устройствѣ университетскихъ факультетовъ недостатки исправляются отдѣльными распоряженіями, для замѣщенія каѳедръ достойными преподавателями приготовляются молодые люди, которые для полноты образованія посылаются за границу.

Устройство среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ первыхъ разсадниковъ воспитанія, составляетъ также предметъ особенныхъ попеченій министерства. Оно, наблюдая постоянно за успѣхами ученія въ сихъ заведеніяхъ, и за тѣмъ дѣлая выводы, въ какой степени они соотвѣтствуютъ какъ требованіямъ общаго образованія, такъ и мѣстнымъ нуждамъ, обусловливающимъ благосостояніе народное, собрало достаточныя данныя, на основаніи которыхъ, руководимое указаніями Вашего Императорскаго Величества, можетъ нынѣ обновить полную систему народнаго образованія, очистить ее отъ тѣхъ частныхъ положеній, которыя вошли въ нее разновременно и не составляютъ съ нею ничего органическаго цѣлаго, и, напротивъ, дополнивъ тѣмъ, на что указываетъ настоящее положеніе вещей и современный взглядъ на воспитаніе, дать ей надлежащее единство въ цѣломъ и необходимую гармонію въ отдѣльныхъ частяхъ.

Къ этому главному вопросу присоединяются другіе, частные — изданіе новыхъ учебниковъ, соглашеніе испытанія преподавателей для учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ со значеніемъ сихъ должностей и начертаніе для того правилъ, по возможности единообразныхъ, какъ едино и само истинное образованіе, при всемъ многоразличіи его частныхъ явленій.

Этими вопросами занятъ въ настоящее время уче-

ный комитетъ и изготовляетъ ихъ для обсужденія въ Главномъ правленіи училищъ, и потому истекшій годъ, посвященный, такъ-сказать, приготовленію къ работѣ, не представляетъ еще особенныхъ распоряженій; съ-тѣмъ-вмѣстѣ начала, въ немъ положенныя благотворными указаніями Вашего Величества, зрѣютъ и въ свое время должны принести полезные плоды; но для этого нужно время и устраненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ затруднять достиженіе предположенной цѣли.

Съ преобразованіемъ училищъ необходимо дать имъ и новые штаты. Я уже имѣлъ случай всеподданнѣйше докладывать Вашему Императорскому Величеству, какъ о крайне стѣсненномъ, во всемъ пространствѣ этого слова, положеніи большей части настоящихъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія (учителей среднихъ и низшихъ заведеній) и вообще о чрезвычайно ограниченныхъ матеріальныхъ способахъ министерства народнаго просвѣщенія, и Ваше Величество соизволили убѣдиться въ необходимости помочь со-временемъ министерству.

Въ дѣлѣ объ учрежденіи заведеній для образованія дѣтей женскаго пола, министерство, положивъ на мѣру общія черты предпринятаго дѣла, встрѣтило надобность создать и средства. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріѣ Александровнѣ благоугодно было положить первое тому основаніе отъ своихъ щедротъ, а нынѣ министерство должно вызвать къ содѣйствію въ настоящемъ дѣлѣ мѣстное дворянство и городскія сословія, на что уже послѣдовало Высочайшее Вашего Величества соизволеніе.

Я твердо увѣренъ, Всемилостивѣйшій Госу-

дарь, что съ помощію Божіею, при томъ ближайшемъ участіи, которое Вашему Величеству благоугодно было принять въ дѣлахъ министерства, и при пламенномъ усердіи какъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ управленія, такъ и воспитывающагося юношества, о чемъ святымъ долгомъ поставляю себѣ свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, дѣло образованія пойдетъ вѣрнымъ путемъ во благо нашего возлюбленнаго Отечества.

Подписалъ: Министръ народнаго просвѣщенія *А. Норовъ.*

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЧТО ТАКОЕ ВЫРАЖЕНІЯ:

РУБЛЬ, РУБЛЬ МОСКОВСКІЙ, РУБЛЬ НОВГОРОДСКІЙ?

Conor ne fallar.

Въ первой части изданнаго нами въ 1854-мъ году сочиненія: *О цѣнностяхъ въ древней Руси*, мы изложили, въ возможной полнотѣ, о монетной системѣ до Петра Великаго. Изслѣдованія наши были результатомъ, если не вполнѣ, можетъ-быть, обширнаго, по-крайней-мѣрѣ, — позволяемъ себѣ это сказать, — строго-добросовѣстнаго изученія предмета и пониманія его такъ, какъ намъ кажется наиболѣе справедливымъ понимать каждый историческій фактъ и исторію вообще, т. е. безъ предубѣжденій, безъ напередъ-составленныхъ себѣ понятій о томъ или другомъ быломъ предметѣ. Мы искали и ищемъ истины, и только истины, не заботясь къ чему она приведетъ насъ, — къ тому-ли, напримѣръ, что предки наши были бѣдны, промышлено-недѣятельны, или обладали и богатствомъ, и умѣньемъ создавать его, и проч. Мы знаемъ, что только истина, непокровенная истина, можетъ наставлять насъ; только она, какъ-бы горька ни была, можетъ быть для насъ спасительна. Съ другой стороны, мы знаемъ, что даже горечь исторической

истины добывается не легко, не въ одинъ присѣстъ; потому напередъ, сознательно обрекли себя на трудъ, по существу избраннаго нами предмета, сухой и утомительный. Добытыя нами этимъ путемъ истины обратились въ наши, собственно намъ принадлежащія, убѣжденія; но по объему своему, предметъ не исключалъ и не исключаетъ еще бо̀льшихъ разъясненій, даже, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, оспориванія.

Это-то обстоятельство, не безъ благихъ окончательно последствій для самаго предмета, было причиною появленія въ томъ-же году попытки одного изслѣдователя дать объясненіе 216-денежнаго рубля, и вызванныхъ ею нашихъ объ этомъ розысканій.

За тѣмъ, древняя наша монетная система вызвала также нѣсколько словъ о себѣ въ помѣщенной, въ майской и іюньской книжкахъ (1855 года) Журнала мин. народ. просв. статьѣ г. Прозоровскаго: *О древнемъ Русскомъ вѣсѣ.* Слова эти, хотя сказанныя мимоходомъ, не могутъ остаться безъ отголоска съ нашей стороны: предметъ слишкомъ близокъ къ намъ, чтобы оставить ихъ безъ вниманія. Потому-то, предупреждая появленіе дальнѣйшаго нашего труда вполнѣ, считаемъ, въ собственную даже свою защиту, изложить теперь-же наши, такъ-сказать, дополнительныя изысканія о древней нашей монетной системѣ.

Мы знаемъ уже (*), что̀ такое были рубли: 100-денежный или Новгородскій, 200-денежный или Московскій и наконецъ — третій рубль, — другой Московскій, — 216-денежный. Именно: Новгородскій рубль состоялъ изъ 100 денегъ вдвое болѣе вѣсомъ противъ тѣхъ денегъ, которыхъ въ Московскомъ рублѣ было 200. Другими словами: Новгородскій рубль состоялъ изо 100 денегъ почти 18-дольныхъ, а Московскій — изъ денегъ 9-дольныхъ съ дробью; 216-денежный-же рубль, какъ показали мы, былъ изъ тѣхъ-же Московскихъ денегъ, но вѣсившихъ менѣе, нежели деньги, которыхъ въ рублѣ было

(*) См. «О цѣнностяхъ въ древней Руси»; и 49 № С. Петерб. Вѣд. 1855 г.



200, т. е. изъ денегъ, вѣсившихъ $8^{8}/_{15}$ долей. Мы знаемъ также, что Московскій рубль имѣлъ преобладательный, оффиціальный характеръ; Новгородскій-же и 216-денежный рубли были мѣстные. Мало того: мы нашли, что счетъ на 216-денежный рубль находится исключительно только въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ конца XV и начала XVI столѣтій. Главнѣйшій источникъ, откуда можно съ бо̀льшимъ обиліемъ добывать свѣдѣнія о древнихъ денежныхъ нашихъ счетахъ — «Акты юридическіе», представляютъ только два мѣста, указывающія, и то косвенно, на существованіе въ Новгородѣ 216-денежнаго рубля; въ другихъ-же, изданныхъ доселѣ, актахъ, мы не встрѣчаемъ вовсе разсчета на этотъ рубль. Но и сказанные два документа изъ «Актовъ юридическихъ», косвенно, какъ упомянули мы, указывая на существованіе въ Новгородѣ 216-денежнаго рубля, указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на главный характеръ, даже въ Новгородѣ, рубля 200-денежнаго. Именно, одинъ изъ этихъ актовъ, относящійся ко времени прежде 1485 года (№ 101), есть мѣновная Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича и отчинника Өедора Судокова на деревни въ Бѣлозерскомъ княжествѣ; второй изъ нихъ (1508 года, № 13) — правая грамота объ отсужденіи отъ княгини Анны Кемской села Гридинскаго съ деревнями, въ пользу князей Даніила и Давида Кемскихъ. Слѣдовательно, оба какъ по дѣйствующимъ въ оныхъ лицамъ, такъ и по предмету дѣйствія, принадлежатъ къ Новгородской области. Въ нихъ именно обозначается счетъ: *столько-то рублей по пяти гривенъ за полтину*. Мы изъяснили, что это выраженіе указываетъ, съ одной стороны, на существованіе рубля не въ 5 гривенъ, т. е. на 216-денежный рубль, имѣвшій, какъ тогда-же было показано нами, полтину въ 7 гривенъ и 10 денегъ; а съ другой, что этотъ рубль не въ 5 гривенъ также былъ изъ Московскихъ денегъ.

Но, разсматривая послѣдній документъ, мы можемъ заключать еще и о томъ, что хотя это объясненіе считалось необходимымъ въ письменныхъ актахъ, для должной точности и ясно-

сти ихъ, но въ обыкновенномъ, разговорномъ языкѣ, оно и опускалось. Въ этомъ документѣ именно говорится, что князья Данило и Давидъ Кемскіе, представъ предъ судью, изъясняли ему, что дядя ихъ, князь Ѳедоръ, продалъ имъ свою отчину за *тридцать рублевъ*. Судья велѣлъ прочесть купную, въ которой и оказалось дѣйствительно обозначеннымъ, что они дали за ту вотчину *тридцать рублевъ Московскими деньгами по пяти гривенъ за полтину*. Слѣдовательно, это намѣкаетъ на господствовавшій характеръ 200-денежнаго рубля даже въ Новгородской области въ означенную эпоху (когда существовали въ ней другіе рубли).

Чтобы прояснить себѣ однакожь, какъ это, такъ и вообще значеніе рубля Московскаго и Новгородскаго еще болѣе, и окончательно, прибѣгнемъ къ источникамъ. Въ этомъ отношеніи, по количеству документовъ, въ которыхъ упоминаются денежные счеты, на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить «Акты юридическіе». Затѣмъ, для большей полноты обзора и большей прочности выводовъ, мы присоединимъ находимые въ I томѣ «Актовъ археографической экспедиціи» документы, въ которыхъ упоминаются также денежные счеты.

Разсматривая документы этихъ двухъ источниковъ, мы находимъ въ первомъ изъ нихъ 264 акта, относящіеся къ нашему предмету, а въ послѣднемъ — 110 актовъ. Они заключаютъ въ себѣ пространство времени отъ 1434 года по 1705 годъ.

Сдѣланное въ первой части нашего труда изслѣдованіе уже показало намъ, какъ слѣдуетъ вообще понимать счетъ на *рубль Московскій* въ отношеніи къ *рублю Новгородскому*. Теперь, чтобы окончательно прояснить себѣ эти выраженія, постараемся въ подробности разсмотрѣть, какое значеніе имѣли въ этихъ актахъ слова: *рубль*, *рубль Московскій* и *рубль Новгородскій*.

Для этого приведемъ въ нижеслѣдующей таблицѣ всѣ сказанные акты въ хронологическомъ порядкѣ, съ показаніемъ: а) ихъ наименованія, б) годовъ ихъ составленія и в) того, какъ именно въ каждомъ изъ нихъ обозначены счеты.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Жалованная гр-та Углицкаго князя Димитрія Юрьевича Троицкому Сергіеву монастырю о дачѣ въ княжескую казну оброка съ Углицк. деревень.	1434—1447. Э. (*) Т. I. № 28.	рубль.
Данная Новгородская грамота вел. князю Василью Васильевичу на черный боръ по Новоторжск. волостямъ, около	1437 или 1456—1462. Э. Т. I. № 32.	гривна новая.
Жалованная Новгородская грамота Троицкому Сергіеву монастырю, о несборѣ пошлинъ съ монастыр. неводовъ и лодей, отправляемыхъ на Вологду и Двину.	1448—1454. Э. Т. I. № 42.	50 рублевъ.
Купчая Кириллова монастыря на рыбную ловлю въ Островск. оз.	1448—1468. Ю. № 73.	полтора рубля Новгородскіе.
Грамота отъ имени Новгородск. подлейскихъ..... объ уплатѣ в. к. Василью Вас-чу залоговъ, по Демонск. докончанью.	1456. Э. Т. I. № 59.	1,000 рублевъ; 100 рублевъ.
Жалованная Новгород. гр-та Соловецкому монастырю, на Соловецкій и другіе острова.	1459. Э. Т. I. № 62.	рубль.
Жалован. гр-та Бѣлозерскаго князя Мих. Андреевича Кириллову монастырю.	1460. Э. Т. I. № 65.	рубль.
Жалован. гр-та Тверск. Вел. князя Бориса Александровича, на Сергіевск. село, проданное имъ Колязину монастырю..... прежде.	1461. Э. Т. I. № 68.	рубль.
Жалован. гр-та Дмитровскаго князя Юрія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю.	1461. Э. Т. I. № 69.	рубль.
Жалован. гр-та Углицкаго князя Андрея Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю.	1466—1478. Э. Т. I. № 81.	рубль.
Купчая Кириллова монастыря на рыбную ловлю въ р. Шекснѣ.	1469. Ю. № 74.	рубль ходячой.
Договорная гр-та Новгорода съ Польск. королемъ Казиміромъ IV.	1470—1471. Э. Т. I. № 87.	рубль; гривна; деньга.
Срочная Новгородск. гр-та объ уплатѣ, по мирному до-	1471. Э. Т. I. № 90.	полуосмынадцати тысячи рублевъ ден-

(*) Буквою *Э* мы будемъ означать «Акты археогр. экспедиціи», а буквою *Ю* — «Акты юридическіе».

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
кончанью, в. князьямъ Іоанну Васильевичу и Іоанну Іоанновичу, 15,500 рублей.		гами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ.
Судная Новгородская гр-та.	1471. Э. Т. I. № 92.	рубль; гривна; деньга.
Духовная Александра Белеутова	1472. Ю. № 410.	рубль; алтынъ.
Духовная Степана Лазарева.	1473. Ю. № 411.	рубль; полтина; полполтина; алтынъ.
Жалованная гр-та Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Череповскому Воскресенскому монастырю.	1473—1486. Э. Т. I. № 100.	рубль; деньга.
Запись Новогородская о церковномъ судѣ...... прежде.	1477. Э. Т. I. № 103.	рубль; деньга.
Жалован. Новгород. гр-та Троицкому Сергіеву монастырю.	1477. Э. Т. I. №. 104.	50 рублевъ.
Договорная гр-та Полоцка съ Ригою.	1478. Э. Т. I. № 106.	рубль.
Духовная Панкрата Ченѣя.	1482. Ю. № 412.	рубль; полтина; полполтина; гривна.
Духовная Ив. Ив. Салтыка.	1483. Ю. № 413.	рубль.
Заемная и закладная Негодяевыхъ.	1483. Ю. № 233.	12 рублевъ Московскимъ серебромъ ходечимъ.
Мѣновная Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича и отчинника Ѳедора Судокова на деревни въ Бѣлозерск. княжествѣ...... прежде.	1485. Ю. № 101.	30 рублевъ серебра Московскими деньгами, по пяти гривенъ за полтину.
Жалованная гр-та В. кн. Іоанна Вас-ча о дачѣ Троицкому Сергіеву монастырю пристава.	1485. Э. Т. I. № 112.	рубль.
Правая гр-та по спорному дѣлу между Ѳерапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Южской волости.	1485—1505. Ю. № 3.	рубль.
Губная (уставная) Московск. запись, прежде.	1486. Э. Т. I. № 115.	рубль; деньга.
Жалованная гр-та В. кн. Іоанна Васильевича Глядящему, на половину села въ Муромскомъ уѣздѣ.	1487. Э. Т. I. № 120.	рубль; деньга.
Уставная Бѣлозерская гр-та.	1488. Э. Т. I. № 123.	рубль; гривна; алтынъ; деньга.
Жалованн. гр-та Волоцкаго князя Бориса Васильевича на Подкинскую деревню, отданную въ оброкъ Троицкому Сергіеву монастырю.	1493. Э. Т. I. № 129.	рубль.
Грамота в. кн. Іоанна Васильевича Юрьевскому намѣстнику.	1493. Э. Т. I. № 130.	рубль; деньга.
Купчая неизвѣстнаго отчинника на деревни.... въ Волоцкомъ княжествѣ...... прежде.	1494. Ю. № 75.	рубль.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Таможенная Бѣлозерск. гр-та.	1497. Э. Т. I. № 134.	рубль; алтынъ; полденьга.
Закладная Двинянина Власья Степановича, на полсело въ двинскомъ уѣздѣ.	1499. Ю. № 234.	рубль.
Духовная Акинѳіева.	начала XVI-го в. Ю. № 414.	рубль; рубль ходячей; гривна; алтынъ; деньга.
Духовная Дмитріева.	начала XVI. в. Ю. № 415.	рубль; полтина; полполтина.
Купчая отчинника Стогинина на деревни.... въ Бѣлозерск. уѣздѣ.	1501. Ю. № 76.	рубль.
Судный списокъ о выдачѣ головою Евѳиміеву монастырю крестьянина.	1503. Ю. № 10.	рубль; полполтина.
Судный списокъ по спорному дѣлу между Ѳерапонт. монастыремъ и крестьянами Словенскаго волока.	1504. Ю. № 11.	рубль.
Судный списокъ о правѣ владѣнія Московскихъ митрополитовъ Голяновскою деревнею.	1505—1511. Ю. № 12.	рубль.
Отводная на земли Вяжицкому и Юрьеву монастырямъ.	1505. Ю. № 145.	рубль Ноугородцкой.
Отдѣльная Вяжицкаго монастыря и отчинника Апрѣлева на земли.	1505. Ю. № 153.	рубль. Ноугородцкой.
Духовная Толызина.	1506. Ю. № 416.	рубль; полтина.
Жалованная гр-та в. кн. Василія Іоанновича Галицкимъ рыболовамъ, на рыбную ловлю въ Галицкомъ озерѣ.	1506. Э. Т. I. № 142.	рубль.
Уставная гр-та Переславскимъ рыболовамъ.	1506. Э. Т. I. № 143.	рубль; алтынъ; деньга.
Уставная гр-та Марининской трети, Артемоновскаго стана крестьянамъ.	1506. Э. Т. I. № 144.	рубль; алтынъ; деньга; деньга Московская; рубль Московскій.
Жалованная гр-та в. кн. Василія Іоанновича Переславскимъ сокольникамъ.	1507. Э. Т. I. № 147.	рубль; рубль денегъ.
Правая гр-та объ отсужденіи отъ княгини Анны Кемской села Гридинскаго, въ пользу князей Даніила и Давида Кемскихъ.	1508. Ю. № 13.	30 рублевъ Московскими деньгами, по пяти гривенъ за полтину.
Разъѣзжая князей Ухтомскаго и Шелешпальскаго.	1509. Ю. № 146.	рубль.
Уставная гр-та Дмитровскаго князя Юрія Іоанновича.	1509. Э. Т. I. № 150.	рубль; рубль Московскій; алтынъ; деньга.
Правая гр-та объ отдачѣ во владѣніе рыбнаго закола, на р. Лямѣ.	1510. Ю. № 14.	рубль.
Правая гр-та о неотдачѣ на вы-	1511. Ю. № 15.	рубль Ноугородцкой.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
купъ....деревни Шуклинской, заложенной Кириллову монастырю.		
Жалованная гр-та в. кн. Василія Іоанновича о ....дачѣ Череповскому монастырю по 50 рублей изъ Бѣлозерск. тамож. дох.	1512. Э. Т. I. № 158.	рубль.
Жалованная гр-та в. кн. Василія Іоанновича о дачѣ руги.	1512. Э. Т. I. № 155.	рубль.
Данная отчинника Монастырева Кириллову монастырю.	1515. Ю. № 112.	рубль; гривна; алтынъ.
Жалованная гр-та в. кн. Василія Іоанновича Троицкому Сергіеву монастырю.	1517. Э. Т. I. № 164.	деньга; деньга Московская; полденьга.
Духовная Алферьева.	1518. Ю. № 417.	рубль; полтина; гривна; алтынъ.
Мировая Пеструхина съ старцами Прилуцкаго монастыря.	1518. Ю. № 269.	рубль.
Купчая Кириллова монастыря на деревни въ Вологодск. уѣздѣ.	1519. Ю. № 77.	рубль.
Жалованная гр-та Дмитровскаго князя Юрія Іоанновича, объ освобожденіи отъ пошлинъ товаровъ Кириллова монастыря.	1521. Э. Т. I. № 170.	рубль; алтынъ; деньга.
Жалованная гр-та в. кн. Василія Іоанновича Кассіано-Учемскому монастырю.	1522. Э. Т. I. № 171.	рубль.
Духовная Молечкина.	1524. Ю. № 418.	рубль; гривна.
Правая гр-та митрополичьимъ крестьянамъ Юрьевскаго уѣзда новой слободки.	1525. Ю. № 17.	рубль; гривна; алтынъ.
Разъѣзжая (третейская) на земли Кириллова монастыря.	1526. Ю. № 149.	рубль.
Купчая кн. Ив. Кемскаго на деревни, проданныя ему Корниліевымъ Комельскимъ монастыремъ.	1526. Ю. № 78.	рубль Московскій.
Мѣновная отчинниковъ Повадина и Рожнова на села Рѣткино и Михалково, въ Сурожск. и Дмитровскомъ уѣздахъ.	1527. Ю. № 102.	рубль.
Заемная и закладная Истомина.	1529. Ю. № 236.	рубль.
Заемная и закладная Фрязинова.	1529. Ю. № 237.	рубль Московскими ходячими.
Раздѣльная князей Кемскихъ и.	1529. Ю. № 264.	рубль.
Правая гр-та Николаевскому Корельскому монастырю на морскую тоню въ устьѣ р. Малокурьи.	1530. Ю. № 18.	рубль.
Отдѣльная Ферапонтова мон.	1530. Ю. № 154.	рубль.

Наименованія актовъ.	Какъ составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
и крестьянъ Есюнинской волости.		
Отдѣльная Кириллова и Вяжицкаго монастырей, на пожню.	1532. Ю. № 155.	рубль Ноугородцкой.
Правая гр-та Кологривову на владѣніе полудеревнею.	1532. Ю. № 19.	рубль; рубль Московскимъ числомъ; полтина.
Уставная Онежская гр-та.	1536. Э. Т. I. № 181.	рубль Ноугородцкой; деньга Ноугородцкая; въ одномъ-же мѣстѣ говорится нѣсколько разъ просто: деньга; но за то прибавлено: *«а деньги за то за все имать... Ноугородцкія»*; полтина Ноугогородцкая.
Уставная гр-та Владимірскаго уѣзда Ильмехотскаго стана бобровникамъ.	1537. Э. Т. I № 183.	рубль; гривна; алтынъ; деньга.
Заемная и закладная Трушевскихъ.	1537. Ю. № 238.	рубль Московскихъ денегъ ходячихъ.
Купчая кн. Ухтомскаго на деревни въ Пошехонск. уѣздѣ.	1539. Ю. № 79.	рубль.
Купчая Савво-Сторожевскаго мон. на деревни въ Звенигородскомъ уѣздѣ.	1539. Ю. № 80.	200 рублевъ денегъ.
Мѣновная Рясина на деревни въ Кашинск. и Бѣлоозерск. уѣздахъ.	1540. Ю. № 103.	рубль.
Вкладная Охлопковыхъ Кириллову монастырю.	1540. Ю. № 123.	рубль.
Жалованная гр-та в. кн. Іоанна Васильевича Успенской Зосимской пустынѣ.	1540. Э. Т. I. № 189.	рубль.
Правая гр-та о двухъ бѣглыхъ дѣвкахъ.	1541. Ю. № 21.	рубль съ четвертью.
Раздѣльная князей Угольскихъ на княжескій дворъ и село Покровское.	1541. Ю. № 265.	рубль.
Рядная (сговорная) на приданое княгини Пронской.	1542. Ю. № 392.	рубль денегъ.
Уставная гр-та митрополита Макарія о пошлинахъ съ сельск. церквей Пѣсношскаго монастыря.	1542. Э. Т. I. № 197.	алтынъ; гривна; деньга.
Купчая Кириллова монастыря на анбаръ на р. Онегѣ.	1544. Ю. № 81.	рубль.
Уставная гр-та Звенигородскаго уѣзда... крестьянамъ.	1544. Э. Т. I. № 201.	рубль; алтынъ; деньга.
Жалованная несудимая гр-та Канинскимъ и Тіунскимъ Самоѣдамъ.	1545. Э. Т. I. № 204.	рубль; полтина.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Разрядный и разметный списки, о сборѣ съ Новгорода и Новгородскихъ пятинъ ратныхъ людей... по случаю похода Казанскаго.	1545. Э. Т. I. № 205.	рубль; 107 рублевъ и 28 алтынъ съ полуденьгою въ Московское число.
Духовная кн. Беззубцевой.	1546. Ю. № 419.	рубль.
Купчая кн. Хованскаго, на с. Курьяново, въ Волоцк. уѣздѣ.	1546. Ю. № 82.	рубль.
Грамота в. кн. Іоанна Васильевича къ Каргопольцамъ и Онежанамъ.	1546. Э. Т. I. № 211.	рубль.
Отписка Юрьева и Бухарина въ Соловецкій монастырь.	1547. Э. Т. I. № 212.	рубль; алтынъ; деньга; а въ итогѣ сказано: *«и всего есмя послали 7 рублевъ и 8 денегъ въ Московское число».*
Правая гр-та о выдачѣ головою бѣглаго человѣка.	1547. Ю. № 22.	рубль.
Выкупная на дворъ и пр. въ Яренск. волости.	1547. Ю. № 134.	рубль денегъ Московскимъ числомъ.
Платежная.	1547. Ю. № 208.	рубль; полтина; деньга.
Духовная кн. Ростовскаго.	1548. Ю. № 420.	рубль; 40 алтынъ
Жалованная гр-та Старицкаго князя Владиміра Андреевича Троицк. Серг. монастырю.	1548. Э. Т. I. № 217.	рубль; алтынъ.
Царская жалован. гр-та Арскимъ князьямъ на помѣстье въ Вятск. уѣздѣ.	1548. Э. Т. I. № 220.	рубль.
Уставная гр-та отчины Соловецкаго монастыря.	1548. Э. Т. I. № 221.	деньга Московская; Московка; съ рубля по 10 денегъ по Московскую; алтынъ; полденьга; гривна Московская; полтина.
Царск. жалован. гр-та Переславскому Данилову мон.	1548. Э. Т. I. № 222.	рубль.
Царск. гр-та въ Дмитровъ.	1549. Э. Т. I. № 223.	рубль.
Заемная разныхъ крестьянъ Поморской Шунгской волости.	1549. Ю. № 239.	полтина Московская.
Рядная (сговорная) о женитьбѣ Сульменева на Ржевской.	1549. Ю. № 398.	рубль.
Отступная Кологривову на 12-ю часть соляной варницы.	1550. Ю. № 135.	рубль денегъ Московскимъ числомъ.
Заемная и закладная кн. Ухтомскаго въ 10 рубляхъ.	1550. Ю. № 240.	10 рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ.
Купчая Дьяконова на пожни... въ Бѣлозерск. уѣздѣ.	1550. Ю. № 83.	50 рублевъ денегъ; сто рублевъ денегъ.
Рядная кн. Кемскихъ о раздѣлѣ ихъ отчины по третейск. приговору Кирилловскаго игумена.	1551. Ю. № 259.	полтораста рублевъ; триста рублевъ.
Царская гр-та Холопенскимъ	1551. Э. Т. I. № 228.	рубль.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
таможникамъ, объ освобожденіи отъ пошлинъ судна Кириллова мон.		
Соборные приговоры по жалобницамъ Новгородскихъ священниковъ.	1551. Э. Т. I. № 229.	алтынъ; деньга; гривна Новгородская; гривна; рубль; полполтина.
Таможен. Бѣлозерск. гр-та.	1551. Э. Т. I. № 230.	рубль; полтина; гривна; алтынъ; деньга; полденьга.
Отпись дьяка Ноугородова въ пріемѣ посошныхъ денегъ съ Важскаго посада и уѣзда.	1552. Э. Т. I. № 233.	рубль; алтынъ; деньга.
Уставная Важская гр-та.	1552. Э. Т. I. № 234.	рубль; алтынъ; деньга; полполтина.
Царск. жалов. гр-та Арскимъ князьямъ, на бобровыя рѣки и озера въ Вятск. уѣздѣ.	1553. Э. Т. I. № 236.	рубль; деньга.
Докладная гр-та.	1553. Э. Т. I. № 237.	рубль.
Уставная гр-та.	1554. Э. Т. I. № 240.	рубль; гривна; алтынъ; деньга.
Актъ объ отпускѣ въ Казань тамошняго архіепископа Гурія.	1555. Э. Т. I. № 241.	рубль.
Уставная гр-та Переславскимъ рыболовамъ.	1555. Э. Т. I. № 242.	рубль; алтынъ; деньга; полденьга.
Уставная гр-та Устюжскаго уѣзда крестьянамъ.	1555. Э. Т. I. № 243.	рубль; алтынъ; деньга.
Приговорная грамота Троицко-Сергіевскаго монастырскаго собора.	1555. Э. Т. I. № 244.	рубль.
Царская гр-та о дозволеніи Кириллову монастырю купить отчину въ 2,000 рублей.	1556. Э. Т. I. № 246.	рубль.
Царская жалованн. гр-та Владимірскому дѣвичу мон-рю.	1556. Э. Т. I. № 249.	рубль.
Уставная Двинская гр-та.	1556. Э. Т. I. № 250.	рубль въ Московское число; рубль Московскій; алтынъ.
Отступная..................	1556. Ю. № 136.	рубль денегъ Московскимъ числомъ.
Сотная на волость Ивановъ Борокъ.	1557. Ю. № 228.	рубль; полтина; гривна; алтынъ; деньга.
Заемная и закладная кн. Пронскаго въ 300 рубляхъ.	1559. Ю. № 241.	300 рублевъ денегъ; сто рублевъ.
Отрывокъ Уставной гр-ты селамъ Троицкаго Сергіева монастыря.	1560. Э. Т. I. № 255.	рубль; гривна; алтынъ; деньга.
Оброчная гр-та Замосковной Вохонской волости.	1561. Э. Т. I. № 256.	рубль; полтина; алтынъ.
Судная гр-та удѣльнаго князя Владиміра Андреевича Замосковной Вохонской волости.	1561. Э. Т. I. № 257.	рубль; полтина; алтынъ.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Уставная гр-та Соловецкаго монастыря Бѣжецкаго Верха крестьянамъ.	1561. Э. Т. I. № 258.	рубль: алтынъ; гривна Московская; деньга Московская; деньга; полполтина.
Заемная и закладная кн. Ухтомскаго въ 30 рубляхъ.	1561. Э. Т. I. № 242.	80 рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ; деньги вдвое 60 рублевъ
Заемная Павлова въ 14 рубляхъ четверти.	1562. Ю. № 243. I.	14 рублевъ денегъ безъ четверти Московскихъ ходячихъ.
Сотная изъ писцовыхъ книгъ на Переславскую рыболовную волость.	1562. Э. Т. I. № 261.	рубль; алтынъ; деньга; полтина.
Царская гр-та Бѣжецкаго Верха въ Городецкій уѣздъ.	1563. Э. Т. I. № 262.	рубль; алтынъ.
Таможенная Весьегонск. гр-та.	1563. Э. Т. I. № 263.	рубль; гривна; деньга; полденьга.
Заемная и закладная кн. Ухтомскаго во 120 рубляхъ.	1563. Ю. № 244.	120 рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ.
Заемная Павлова въ 14 рубляхъ безъ четверти.	1563. Ю. № 243. II.	14 рублевъ безъ четверти Московскихъ ходячихъ.
Данная кн. Нѣмова Іосифову Волоколамскому монастырю на с. Локнышъ, въ Рузскомъ уѣздѣ.	1563. Ю. № 115.	50 рублевъ; 700 рублевъ.
Оброчная наддаточная гр-та Юрьеву монастырю, на Усть-Волховскую тоню.	1564. Э. Т. I. № 265.	рубль Московской; рубль; гривна Московская; Московка; деньга; алтынъ.
Уставная гр-та Соловецк. мон. Сумской вол. крестьянамъ.	1564. Э. Т. I. № 268.	рубль; Московка; полуденьга.
Рядная о принадлежности имущества.	1566. Ю. № 394.	рубль.
Купчая на деревню въ Волоцкомъ уѣздѣ.	1567. Ю. № 84.	70 рублевъ.
Купчая Кириллова монастыря на земли въ Двинск. уѣздѣ.	1568. Ю. № 85.	800 рублевъ.
Купчая Каргопольца на землю блузъ Турчасовскаго посада.	1568. Ю. № 86.	40 рублевъ денегъ Московскую; 40 рублевъ денегъ; по 15 алтынъ деньгами.
Духовная Вислаго. I.	1568—1570. Ю. № 421.	рубль денегъ; гривна; полтина.
Духовная Вислаго. II.	1568—1570. Ю. № 421.	рубль денегъ; алтынъ; деньга.
Правая гр-та о возвратѣ во владѣніе Николаевскому Корельскому монастырю деревни.	1571. Ю. № 23.	три рубля; десять рублевъ денегъ Московскихъ; пол-8 рубля денегъ въ Московское число; 8 рублевъ денегъ въ Московское число.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актахъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Купчая на сельцо Михайловское.	1571. Э. Т. I. № 280.	рубль; алтынъ; деньга.
Царскій наказъ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ.	1571. Э. Т. I. № 281.	рубль.
Таможенная Новгородская гр-та о сборѣ пошлинъ на торговой сторонѣ.	1571. Э. Т. I. № 282.	рубль Московскій; полторы Московки; полуденьга Новгородская; рубль; деньга Новгородская; алтынъ; съ рубля съ Новгородскаго по семи денегъ Новгородскую; съ Московскихъ рублевъ Московскими деньгами.
Богомольная гр-та въ Кирилловъ мон.	1571. Э. Т. I. № 283. II.	рубль; алтынъ.
Купчая Каргопольца на землю въ Турчасовск. посадѣ.	1571. Ю. № 87.	рубль денегъ Московскую.
Сотная на Муромскій посадъ.	1574. Ю. № 229.	рубль; алтынъ; деньга.
Царская гр-та Галицкимъ городовымъ прикащикамъ.	1574. Э. Т. I. № 286.	рубль; алтынъ; гривна.
Царская гр-та Новгородскимъ дьякамъ.	1576. Э. Т. I. № 295.	рубль.
Порядная крестьянъ съ Вяжиц. мон.	1576. Ю. № 178.	рубль Московскій.
Заемная и закладная.... въ 16 рубл.	1576. Ю. № 248.	рубль денегъ.
Купчая Кириллова монастыря на землю въ Поморской волости Умбѣ.	1577. Ю. № 88.	11-ть рублевъ Московскую.
Оброчная Лужецкому монастырю на мельницу.	1577. Ю. № 171.	рубль; деньга.
Порядная... съ Кирилловымъ монастыремъ на рыбную ловлю въ у. р. Умбы.	1677. Ю. № 179.	сто рублевъ Московская.
Таможенная гр-та Новгородскихъ дьяковъ тамошнимъ цѣловальникамъ.	1577. Э. Т. I. № 298.	рубль; деньга; алтынъ; деньга Московская; гривна Московская; полтретья алтына.
Купчая Кириллова мон. на землю въ Двинск. уѣздѣ.	1578. Ю. № 89.	рубль.
Купчая Кириллова мон. на дворъ въ Ненокскомъ посадѣ.	1578. Ю. № 90.	100 рублевъ денегъ Московскимъ числомъ.
Порядная о поселеніи на землѣ Вяжицк. мон-ря.	1578. Ю. № 180.	рубль Московскій.
Купчая Скобельцына на мѣсто въ Новѣгородѣ.	1579. Ю. № 91.	рубль Московскій.
Заемная и заклади. въ 15 рубляхъ.	1579. Ю. № 249.	15 рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ.
Явка о наѣздѣ на с. Хрепелево и др.	1579. Ю. № 46.	рубль; полтина; гривна; алтынъ.
Богомольная царская гр-та въ Соловецкій монастырь.	1579. Э. Т. I. № 302.	рубль денегъ.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Богомольн. царск. гр-та въ Соловецк. мон.	1580. Э. Т. I. № 306.	рубль денегъ.
Оброчная гр-та Троицко-Сергіевскаго мон. собора села Соболева крестьянамъ.	1580. Э. Т. I. № 307.	рубль; гривна; алтынъ; деньга.
Данная Скобельцына Вяжицкому мон-рю на мѣсто въ Новѣгородѣ.	1580. Ю. № 117.	30 рублевъ.
Царская гр-та къ Мурманскаго моря даньщикамъ.	1581. Э. Т. I. № 309.	рубль.
Богомольная цар. гр. въ Соловец. мон.	1581. Э. Т. I. № 311.	рубль.
Откупная гр-та на сборъ рыбы на р. Варгузѣ.	1582. Э. Т. I. № 312.	рубль.
Порядная о жительствѣ за Прилуцкимъ монастыремъ.	1582. Ю. № 182.	рубль денегъ; полтина.
Платежная..................	1582. Ю. № 211. I.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1582. Ю. № 211. II.	рубль; алтынъ; деньга.
Купчая на право выварки соли.	1583. Ю. № 92.	20 алтынъ денегъ Московскихъ числомъ.
Купчая на право выварки соли.	1583. Ю. № 93.	4 рубля денегъ Московскимъ числомъ.
Купчая Вяжицкаго монастыря на дворовое мѣсто въ Новг.	1583. Ю. № 94.	40 рублевъ Московскую.
Грамота вдовствующей супруга царевича Іоанна Іоанновича въ Устюжну Желѣзопольскую.	1583. Э. Т. I. № 320.	рубль.
Царск. жалов. гр-та Свіяжскому Богородиц. монастырю.	1584. Э. Т. I. № 322.	рубль.
Царск. жалов. гр-та Соловецк. мон-рю.	1584. Э. Т. I. № 323.	рубль.
Уставная гр-та Борисоглѣбской слободы крестьянамъ.	1584. Э. Т. I. № 324.	рубль; гривна; алтынъ; деньга.
Правая гр-та объ отдачѣ во владѣніе Терехову монастырю мытной пошлины и пр.	1584. Ю. № 24.	рубль.
Порядная на крестьянство.	1585. Ю. № 183.	5 рубевъ; по рублю; 2 рубля; 10 рублевъ Московскую.
Поручная по крестьянамъ.	1585. Ю. № 290. I.	рубль.
Выписка изъ Бѣлозерской писцовой книги.	1585. Ю. № 230.	рубль; алтынъ; деньга; полтина; полуполтина.
Платежная..................	1585. Ю. № 214. I.	306 рублевъ; алтынъ; деньга.
Царская гр-та въ Галичъ.	1585. Э. Т. I. № 326.	рубль; гривна.
Грамота Новгородскаго дворцоваго дьяка... Ладожскимъ рыбнымъ сборщикамъ.	1585. Э. Т. I. № 327.	по три деньги Новгородцкую, а въ Московское число по алтыну.
Приговорная гр-та Казанскаго воеводы.... о пошлинахъ за складку товаровъ на землѣ Илантовскаго монастыря.	1585. Э. Т. I. № 328.	рубль; полтина; полуполтина; гривна; деньга.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Таможенная откупная гр-та Новгородцу... Филатову о сборѣ пошлинъ въ Велик. Новѣгородѣ.	1586. Э. Т. I. № 331.	рубль; полтина; полуполтина; алтынъ; деньга; полденьга.
Таможенная откупн. гр-та Новгородцу.... Филатову о сборѣ явчей и пр. въ Вел. Новгородѣ.	1586. Э. Т. I. № 332.	рубль; алтынъ; Московка; рубль Московскій; деньга Новгородская; полденьга; полтина Московская; Московка; рубль Ноугородской; гривна.
Таможенная гр-та Новгородцу о сборѣ вѣсчей пошлины въ Вел. Новѣгородѣ.	1587. Э. Т. I. № 334.	рубль; алтынъ; деньга; деньга Московская; деньга Новгородская; гривна Новгородская; Ноугородскими деньгами въ Ноугородское число; рубль Ноугородской.
Таможенная... гр-та Новгородцу... о сборѣ померной.... пошлины, въ Вел. Новѣгородѣ.	1587. Э. Т. I. № 335.	рубль; рубль Ноугородской; а въ Московское число два рубли пять алтынъ и двѣ деньги; полтина Ноугородская безъ гривны; а въ Московское число рубль два алтына и четыре деньги.
Мировая въ земскихъ раскладкахъ.	1587. Ю. № 272.	80 рублевъ съ полтиною.
Царская гр-та Двинскимъ таможеннымъ цѣловальникамъ.	1588. Э. Т. I. № 338.	рубль; полтина; гривна; алтынъ; деньга; полденьга.
Царская жалов. гр-та Переславскимъ рыболовамъ.	1588. Э. Т. I. № 341.	рубль; алтынъ; деньга; полденьга.
Таможен. гр-та Ярославскаго спаскаго монастыря села Еремѣйцова.	1588. Э. Т. I. № 342.	рубль: гривна; деньга; полденьга.
Царск. гр-та въ Соль Вычегодскую.	1589. Э. Т. I. № 343.	рубль; алтынъ; деньга; полденьга.
Царск. гр-та въ Тверь.	1589. Э. Т. I. № 344.	рубль.
Платежная	1589. Ю. № 214. II.	8 рублевъ и 32 алтына.
Платежная	1590. Ю. № 215. I.	рубль денегъ.
Платежная	1590. Ю. № 214. III.	рубль; алтынъ; деньга.
Порядная крестьянъ о поселеніи на пустоши Вяжицкаго монастыря.	1590. Ю. № 186.	10 рублевъ Московская.
Царск. гр-та въ Соль Вычегодскую.	1590. Э. Т. I. 349.	рубль; алтынъ; деньга.
Царск. гр-та о неверстаніи крестьянъ..... съ Вычегодцами и пр.	1591. Э. Т. I. № 350.	рубль; полтина; алтынъ.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Уставная гр-та Соловецкаго монастырскаго собора.	1591. Э. Т. I. № 351.	рубль; гривна; алтынъ: деньга.
Таможей. гр-та Соловецкому мон.	1591. Э. Т. I. № 352.	рубль; деньга.
Отчинная гр-та Соловецкому мон.	1591. Э. Т. I. № 353.	рубль; алтынъ; деньга.
Царск. тамож. гр-та Боярину Годунову.	1592. Э. Т. I. № 356.	рубль; полтина; гривна; алтынъ; деньга; полденьга.
Платежная..................	1592. Ю. № 216. I.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1593. Ю. № 217. I.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1593. Ю. № 216. I.	рубль; алтынъ; деньга.
Уставная гр-та Кирилло-Бѣлозерскаго монр-скаго собора.	1593. Э. Т. I. № 357.	рубль; гривна; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1594. Ю. № 218. I.	рубль; алтынъ.
Платежная..................	1594. Ю. № 219. I.	рубль.
Таможенная откупная гр-та Ярославскаго Спаскаго монастыря села.	1595. Э. Т. I. № 362.	рубль; гривна; деньга; полденьга.
Таможенная гр-та о сборѣ въ пользу Троицко-Сергіева монастыря пошлинны въ Радонежскомъ городкѣ.	1595. Э. Т. I. № 363.	рубль; алтынъ; деньга.
Таможенная откупная гр-та о сборѣ пошлинъ въ Мещевскомъ уѣздѣ.	1596. Э. Т. I. № 366.	рубль; деньга; полденьга.
Царская окружная гр-та въ Устюжну Желѣзопольск.	1596. Э. Т. I. № 367.	рубль; полтина; гривна.
Мѣновная митрополичьихъ дѣтей боярскихъ.	1596. Ю. № 107.	30 рублевъ Московская.
Купчая Куковина на варницу Ненокшанъ Костылевыхъ.	1596. Ю. № 95.	рубль денегъ Московскимъ числомъ.
Заемная служилая кабала.	1596. Ю. № 252.	серебра 8 рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ.
Платежная..................	1596. Ю. № 216. II.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1597. Ю. № 216. III.	рубль; алтынъ; деньга.
Купчая Кириллова монастыря на пожню Каргопольца	1598. Ю. № 96.	рубль; алтынъ.
Порядная разныхъ крестьянъ съ Вяжицкимъ монастыремъ.	1598. Ю. № 188. I.	рубль; алтынъ; Московка.
Платежная..................	1598. Ю. № 220.	рубль; алтынъ; полденьга.
Платежная..................	1598. Ю. № 214. V.	рубль; алтынъ; геньга.
Порядная о жительствѣ въ крестьянахъ за Вяжицкимъ монастыремъ.	1599. Ю. № 189.	10 рублевъ Московская.
Порядная о жительствѣ на участк. за Вяжицк. мон.	1599. Ю. № 190.	10 рублевъ Московская.
Порядная съ Вяжицк. монастыремъ,	1599. Ю. № 188. II.	рубль.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Платежная..................	1599. Ю. № 216. IV.	рубль; алтынъ; деньга.
Порядная о жительствѣ въ крестьянахъ за Важицкимъ монастыремъ.	1601. Ю. № 191.	рубль Московскій.
Платежная..................	1601. Ю. № 214. VI.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1601. Ю. № 216. V.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1602. Ю. № 221. I.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1602. Ю. № 221. II.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1604. Ю. № 214. VII.	рубль; алтынъ; деньга.
Поручная..................	1605—1609 Ю. № 294.	рубль.
Платежная..................	1606. Ю. № 222.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1606. Ю. № 221. III.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1607. Ю. № 221. IV.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1607. Ю. № 228. I.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1608. Ю. № 215. III.	рубль.
Заемная крестьянъ Прилуцкаго монастыря въ 4-хъ съ полтиною рубляхъ.	1608. Ю. № 258.	пол-пята рубли денегъ Московскихъ ходячихъ.
Духовная Прилуцкаго монастыря старца.	1608. Ю. № 423.	рубль.
Поручная..................	1608. Ю. № 290. II.	рубль.
Поручная..................	1608. Ю. № 290. III.	рубль.
Платежная..................	1608. Ю. № 215. II.	рубль.
Платежная..................	1608. Ю. № 208. I.	рубль; полтина.
Платежная..................	1608. Ю. № 208. II.	рубль.
Платежная..................	1608. Ю. № 215. IV.	рубль.
Платежная..................	1608. Ю. № 215. V.	рубль.
Платежная..................	1609. Ю. № 216. VI.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1609. Ю. № 216. VII.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1609. Ю. № 216. VIII.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1610. Ю № 214. VIII.	рубль; алтынъ; деньга.
Поручная..................	1611. Ю. № 290. IV.	рубль.
Платежная..................	1611. Ю. № 215. VI.	рубль; алтынъ.
Платежная..................	1611. Ю. № 215. VII.	рубль.
Платежная..................	1611. Ю. № 216. XI.	рубль.
Платежная..................	1611. Ю. № 216. XII.	рубль; алтынъ; деньга; гривна; полуполтина.
Купчая на дворовое мѣсто въ Архангельскѣ.	1611. Ю. № 97.	рубль; полтина.
Рядная (сговорная).	1612. Ю. № 895.	рубль.
Правая гр-та Архангельскому мон.	1612. Ю. № 26.	рубль; полтина; алтынъ; гривна Московская.
Платежная..................	1612. Ю. № 219. II.	рубль; алтынъ; деньга.
Порядная крестьянамъ Прилуцкаго монастыря.	1613. Ю. № 192.	рубль.
Наказная память.	1613. Ю. № 343. II.	рубль.
Слѣдственное дѣло о колодникѣ въ Бѣлозерской тюрьмѣ.	1613. Ю. № 27.	рубль.
Явка.	1613. Ю. № 50.	рубль; полтина; алтынъ.
Роспись (разводъ) кормовымъ припасамъ.	1613. Ю. № 373.	рубль; алтынъ.
Платежная.	1614. Ю. № 215. VIII.	рубль.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Платежная..................	1615. Ю. № 221. V.	алтынъ; гривна.
Судный списокъ о корчемствѣ.	1615. Ю. № 26.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1615. Ю. № 225.	алтынъ; деньга.
Платежная..................	1616. Ю. № 215. IX.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1616. Ю. № 216. XIII.	рубль.
Платежная..................	1617. Ю. № 216. XVI.	деньгами 30 алтынъ.
Поручная..................	1618. Ю. № 300.	рубль; полтина.
Явка..................	1619. Ю. № 52.	рубль; гривна; алтынъ.
Платежная..................	1619. Ю. № 214. IX.	алтынъ; деньга.
Поручная..................	1621—1640. Ю. № 301. I.	рубль.
Поручная..................	1622. Ю. № 221. VI.	рубль; алтынъ; деньга.
Мировая..................	1622. Ю. № 273.	рубль.
Мировая..................	1623. Ю. № 214. XI.	рубль; алтынъ.
Порядная..................	1624. Ю. № 193.	рубль.
Мировая..................	1625. Ю. № 274.	рубль.
Порядная о жительствѣ въ крестьянахъ за Тихвинскимъ монастыремъ.	1626. Ю. № 194.	денегъ 50 рублевъ Московскимъ числомъ.
Платежная..................	1627. Ю. № 214. XII.	алтынъ; деньга.
Платежная..................	1627. Ю. № 223. II.	денегъ 3 рубля двѣ гривны Московскую.
Правая грамота.	1627—1633. Ю. № 29.	рубль.
Заемная и закладная.	1628. Ю. № 254.	рубль.
Порядная..................	1628. Ю. № 195. I.	рубль.
Челобитная..................	1629. Ю. № 39.	рубль.
Платежная..................	1629. Ю. № 217. II.	рубль; алтынъ.
Порядная о посел. на участк. Тихв. мон.	1630. Ю. № 196. I.	рубль Московскій.
Порядная о посел. на участк. Тихв. мон.	1630. Ю. № 196. II.	рубль Московскимъ числомъ; рубль Московскій.
Купчая Вяжицкаго монастыря на мѣсто въ Новѣгородѣ.	1631. Ю. № 99.	рубль денегъ.
Платежная..................	1632. Ю. № 215. X.	рубль; алтынъ; деньга.
Выпись изъ писцовыхъ книгъ на угодья, отданныя на оброкъ Желтоводскому монастырю.	1632. Ю. № 165.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1633. Ю. № 216. XVII.	алтынъ; деньга.
Платежная..................	1633. Ю. № 216. XVIII.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1635. Ю. № 215. XI.	рубль.
Платежная..................	1636. Ю. № 216. XIX.	рубль; алтынъ; деньга.
Цѣновная память по городовому дѣлу.	1637. Ю. № 224. III.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1638. Ю. № 223. III.	алтынъ; деньга.
Наказная память..................	1641. Ю. № 345.	рубль.
Поручная..................	1642. Ю. № 311. I.	рубль; алтынъ; гривна.
Поручная..................	1643. Ю. № 312.	рубль.
Заемная..................	1643. Ю. № 255.	рубль Московскимъ числомъ.
Заемная..................	1645. Ю. № 217. III.	рубль; алтынъ.
Раздѣльная Тихвинцевъ.	1646. Ю. № 267.	рубль; алтынъ.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Щѣновная память.	1647. Ю. № 224. IV.	рубль; алтынъ; гривна; деньга.
Поручная..................	1647. Ю. №. 316. II.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1648. Ю. № 210. VI.	рубль; алтынъ.
Поручная..................	1651. Ю. № 317.	рубль.
Вкладная Обонѣжанина.......	1651. Ю. № 127.	рубль.
Память Губному старостѣ.	1652. Ю. № 348.	рубль.
Наказная память Тихвинскимъ церковнымъ причетникамъ.	1653. Ю. № 349. I.	рубль; алтынъ; деньга.
Наказная память Тихвинскимъ церковнымъ причетникамъ.	1653. Ю. № 349. II.	рубль.
Приставная память.	1653. Ю. № 55.	рубль.
Приставная память.	1653. Ю. № 56.	рубль; алтынъ; деньга.
Платежная..................	1653. Ю. 223. V.	алтынъ; деньга.
Приговоръ Тихвинск. монастырскаго собора.	1653. Ю. № 63.	рубль.
Платежная..................	1655. Ю. № 223. VI.	рубль.
Порядная объ отвозѣ изъ Новгорода въ Витебскъ хлѣбныхъ запасовъ.	1655. Ю. № 198.	рубль.
Порядная..................	1655. Ю. № 199.	рубль; полтина.
Порядная..................	1655. Ю. № 200. I.	рубль; гривна.
Порядная..................	1656. Ю. № 200. II.	рубль.
Мѣновная Иверскаго монастыря на пустоши въ Новгородскомъ уѣздѣ.	1656. Ю. № 108.	рубль.
Поручная.	1656. Ю. № 319. II.	рубль.
Поступная запись Углицкихъ помѣщиковъ.	1657. Ю. № 109.	рубль.
Платежная..................	1657. Ю. № 218. II.	рубль; алтынъ; деньга.
Вкладная..................	1659. Ю. № 128.	рубль.
Вкладная..................	1659. Ю. № 129.	рубль.
Платежная..................	1660. Ю. № 223. VII.	алтынъ; деньга.
Рядная..................	1661. Ю. № 396.	рубль.
Порядная..................	1661. Ю. № 201.	рубль; полтина.
Приговиръ Углицкаго Покровскаго монастырскаго собора.	1663. Ю. № 65.	рубль; полполтина; алтынъ; деньга.
Порядная..................	1663. Ю. № 202. I.	50 рублевъ серебреныхъ денегъ.
Порядная..................	1664. Ю. № 202. II.	сорокъ алтынъ серебреныхъ денегъ; 50 рублевъ серебреныхъ денегъ; шесть денегъ; сто рублевъ серебреныхъ денегъ.
Приговоръ Тихвинскаго монастырскаго собора.	1666. Ю. № 69.	рубль; алтынъ; деньга.
Поручная..................	1666. Ю. № 290. XIII.	рубль.
Платежная..................	1667. Ю. № 223. IV.	руаль.
Порядная..................	1669. Ю. № 203. I.	рубль.
Мытная Ковалева монастыря на дворовое мѣсто въ Новгородѣ.	1671. Ю. № 133.	рубль; полполтина.
Духовная..................	1671. Ю. № 427.	рубль; алтынъ; деньга.
Поручная..................	1672. Ю. № 309. IV.	рубль; полтина.

Наименованія актовъ.	Годы составленія актовъ.	Какъ обозначены счеты въ актахъ.
Поручная.	1674. Ю. № 322.	рубль; гривна.
Выписка изъ Бѣлозерскихъ писцовыхъ книгъ.	1674. Ю. № 231.	рубль.
Поручная	1675. Ю. № 307. IV.	рубль; полтина.
Поручная	1675. Ю. № 324.	рубль; алтынъ; деньга.
Разводная	1675. Ю. № 404. I.	рубль.
Порядная	1678. Ю. № 203. II.	рубль; алтынъ.
Поручная	1678. Ю. № 316. III.	рубль.
Обыскъ	1679. Ю. № 61. I.	рубль.
Вкладная Тихвинца	1679. Ю. № 130.	рубль.
Оброчная	1679. Ю. № 174.	рубль.
Рядная	1679. Ю. № 399.	рубль.
Роспись расходамъ	1683. Ю. № 376.	рубль; алтынъ; деньга.
Порядная	1684. Ю. № 204.	рубль.
Мировая Тихвинца	1684. Ю. № 276.	рубль.
Рядная	1691. Ю. № 400.	рубль.
Память Пушкарскаго приказа.	1693. Ю. № 347. VI.	рубль.
Раздѣльная Новгородскаго Софійскаго дома.	1694. Ю. № 268.	рубль.
Вкладная	1696. Ю. № 131.	рубль; алтынъ; деньга.
Мировая	1697. Ю. № 277.	рубль.
Рядная	1699. Ю. № 401.	рубль.
Порядная	1700. Ю. № 206.	рубль.
Поручная	1700. Ю. № 321. III.	рубль.
Порядная	1705. Ю. № 207.	рубль.

Прежде всего, не забудемъ сказать, почему мы ограничились, въ нашей таблицѣ, приведеніемъ актовъ, не восходящихъ, по своей древности, далѣе второй четверти XV столѣтія. Именно къ этому времени относится начало княженія Василія Темнаго; а мы уже знаемъ, что въ это княженіе произошла та порча денегъ, которая породила различіе между существовавшимъ дотолѣ, въ Москвѣ и Новгородѣ, единственнымъ 100-денежнымъ рублемъ, и возымѣвшимъ теперь, вслѣдствіе той порчи, начало въ Москвѣ, 200-денежнымъ рублемъ. Въ самомъ дѣлѣ, выраженій *Московскій* и *Новгородскій* рубль мы не встрѣчаемъ до этого княженія, занимающаго собою время отъ 1425 до 1462 года; а собственно въ лѣтописяхъ не находимъ ихъ даже прежде 1478 года, т. е. до покоренія Іоанномъ Новгорода (*), или до того времени, когда Новгородцы,

(*) См. Полн. собр. Русск. лѣтоп. т. III, Новгородская вторая лѣтопись. стр. 142. — Въ Псковскихъ-же лѣтописяхъ рубль *Новгородскій* упоминается не прежде 1510 года. (Полн. собр. Русск. лѣтоп. Псковск. первая лѣтоп.).



волей-неволей, должны были войти въ тѣснѣйшія отношенія къ Москвѣ.

При разсмотрѣніи этой таблицы, слѣдующія обстоятельства останавливаютъ на себѣ наше вниманіе:

1) Отсутствіе, въ чрезвычайно большомъ числѣ актовъ, опредѣленія: какой разумѣлся рубль, или вообще, какія разумѣлись деньги: Московскія, или Новгородскія: изъ 374 актовъ, составляющихъ эту таблицу, въ 304 актахъ счетъ опредѣляется просто рублемъ, или, смотря по надобности, рублемъ, рублемъ ходячимъ, полтиной, полполтиной, гривной, алтыномъ, деньгой, полденьгой.

2) Относительная рѣдкость обозначенія, въ остальныхъ затѣмъ актахъ, счета на деньги Новгородскія въ-сравненіи со счетомъ на деньги Московскія: изъ 70 актовъ, только въ 12 находимъ обозначеніе: рубль Новгородскій, гривна Новгородская, Новгородка. При чемъ, это обозначеніе находится въ такихъ только актахъ, которые относятся или прямо къ Новгороду, или къ мѣстностямъ, бывшимъ отъ него не въ дальнемъ разстояніи.

3) Довольно раннее исчезновеніе и этого не многочисленнаго обозначенія денегъ *Новгородскихъ* и *Московскихъ*, и именно: сперва исчезновеніе обозначенія *Новгородскими* деньгами, а затѣмъ и *Московскими*, и окончательное обозначеніе просто *рублемъ*. Такъ, въ послѣдній разъ обозначеніе денегъ *Новгородскими*, является въ 1587 году (Э. Т. I. № 335); а послѣднее означеніе денегъ *Московскими* относится къ 1643 году (Ю. № 255) (*).

(*) Изъ числа 910 актовъ, заключающихся во II, III и IV томахъ А. А. Э., еще въ двухъ, относящихся — одинъ къ 1615 году (т. III. № 67), а другой къ 1679 году (т. IV № 232), встрѣчаетъ выраженія: «*рубль Московскій, гривна Московская, деньга Московская*»; но обозначенія денегъ *Новгородскихъ* не встрѣчаемъ уже ни разу, и итоги показываютъ, что счетъ вездѣ ведется на 200-денежный рубль. — Перевода рублей Новгородскихъ на Московскіе, или наоборотъ, въ этихъ трехъ томахъ также не встрѣчаемъ ни разу, равно какъ во множествѣ разсмотрѣнныхъ нами другихъ актовъ.



4) Употребленіе выраженій, для означенія Московскаго счета: «столько-то рублей Московскимъ серебромъ *ходячимъ;* столько-то рублей Московскими *ходячими;* столько-то рублей Московскихъ денегъ *ходячихъ»,*—и совершенное отсутствіе подобныхъ выраженій въ-отношеніи къ деньгамъ Новгородскимъ.

5) Обозначеніе различія денегъ Московскихъ отъ Новгородскихъ выраженіями: «столько-то рублей Московскимъ *числомъ,* столько-то рублей въ Московское *число»;* или: «Новгородскими деньгами въ Новгородское *число»* (Э. Т. I. № 334, 1587 года).

6) Совершенное отсутствіе того, что можно было-бы назвать переводомъ рублей, и вообще денегъ, Новгородскихъ на Московскія и обратно, выключая двухъ актовъ: одного 1585 года (Э. Т. I. № 327), гдѣ три деньги Новгородскія показаны равными Московскому алтыну, и другаго — 1587 года (Э. Т. I. № 335), о которомъ будетъ рѣчь послѣ.

7) Употребленіе въ однихъ и тѣхъ-же актахъ выраженій: «рубль, рубль Московскій», какъ напр. въ актѣ 1509 года (Э. Т. I. № 150), или: «деньга, деньга Московская» (1517 года, Э. Т. I. № 164); или: «алтынъ; деньга; гривна Новгородская; гривна; рубль», — какъ напримѣръ въ актѣ 1551 года (Э. Т. I. № 229); или: «рубль Новгородскій; деньга Новгородская» и просто: «деньга», но за то съ оговорками: «а деньги... имать... Новгородскія», какъ въ актѣ 1536 года (Э. Т. I. № 181); «имати съ Московскихъ рублей Московскими деньгами», какъ въ актѣ 1571 года (Э. Т. I. № 282); — или наконецъ совершенно безразличное употребленіе выраженій: «рубль, рубль Московскій, рубль Новгородскій», — какъ напримѣръ въ актахъ: 1571 года (Э. Т. I. № 282) и 1586 года (Э. Т. I. № 332).

8) Отсутствіе исчисленія на алтыны при обозначеніи исключительно Новгородскаго рубля; и напротивъ, весьма частая встрѣча алтыновъ тамъ, гдѣ счетъ опредѣляется или Московскимъ рублемъ, или просто рублемъ.

9) Встрѣча выраженія: «деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ».

10) Обозначеніе въ двухъ актахъ: «столько-то рублевъ Московскими деньгами по пяти гривенъ за полтину».

11) Встрѣча въ двухъ актахъ выраженія: «столько-то серебреныхъ денегъ».

Соображая всѣ эти обстоятельства, мы необходимо приходимъ къ слѣдующимъ убѣжденіямъ:

Первое, и самое главное, убѣжденіе, есть то, къ которому мы пришли уже въ первой части нашего труда вѣрнымъ путемъ изслѣдованія монетъ и свидѣтельства лѣтописей; именно, что рубли: *Московскій* и *Новгородскій* различались между собою не вѣсомъ, но только *числомъ* денегъ, входившихъ въ тотъ и другой рубль. На это ясно указываютъ находимыя повсюду выраженія для обозначенія разности того и другаго рубля: «столько-то рублей Московскимъ, или Новгородскимъ *числомъ*, въ Московское, или Новгородское *число*». Мы знаемъ, что существеннѣйшую принадлежность всякой монеты составляетъ вѣсъ ея. Но значеніе *вѣса* не сдѣлалось отличительнымъ признакомъ того и другаго рубля, а сдѣлалось имъ *число* денегъ, входившихъ въ тотъ и другой рубль. Въ нашемъ убѣжденіи, одинъ этотъ фактъ дѣлаетъ невозможными какія-бы то ни было основательныя сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Но разсмотрѣніе таблицы представляетъ намъ и другое, въ равной мѣрѣ сильное и неопровержимое доказательство вѣсоваго равенства обоихъ рублей. Это именно отсутствіе перевода одного рубля на другой. Предположимъ, какъ нѣкоторые хотятъ еще доселѣ утверждать, что вѣсовая цѣнность Новгородскаго рубля превосходила-бы собою вдвое такую-же цѣнность рубля Московскаго. Естественно, что, при непрерывныхъ взаимныхъ сношеніяхъ Новгорода и Москвы, такое превосходство Новгородскаго рубля непремѣнно должно было-бы повлечь за собою переводъ его стоимости въ цѣломъ и, еще болѣе, въ частяхъ, на Московскій рубль, и обратно; почти въ четырехъ-стахъ приведенныхъ нами ак-

товъ, и тщательно пересмотрѣнныхъ еще девятистахъ, заключавшихся нерѣдко между лицами, или управленіемъ Москвы и Новгорода, и касающихся часто весьма значительныхъ суммъ, подобный переводъ долженъ-бы былъ встрѣтиться непремѣнно. Но мы его не находимъ, выключая двухъ случаевъ, изъ которыхъ одинъ, заключающій въ себѣ переводъ трехъ денегъ Новгородскихъ на Московскій алтынъ (т. е. шесть денегъ), служитъ только къ подтвержденію извѣстнаго положенія о томъ, что собственно *деньги* Новгородскія превосходили собою вдвое болѣе *деньги* Московскія; а другой случай, единственный и уравнивающій Новгородскій рубль двумъ рублямъ пяти алтынамъ и двумъ деньгамъ Московскимъ, а полтину Новгородскую безъ гривы Московскому рублю двумъ алтынамъ и четыремъ деньгамъ, — по своей единственности и исключительности, безсиленъ служить сколько-нибудь опроверженіемъ общаго, повсюднаго свидѣтельства фактовъ въ пользу одинаковости, по вѣсу, обоихъ рублей, и долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ, иногда встрѣчающихся явленій, которыя объясняются произволомъ, недоразумѣніями, или скорѣе ухищреніями сторонъ, заключающихъ актъ (*).

Но мало того, что мы не встрѣчаемъ перевода рублей одного на другой; мы видимъ даже повсюдное, совершенно безразличное употребленіе ихъ одного вмѣсто другаго: рядомъ съ обозначеніемъ счета просто рублемъ, мы видимъ обозначеніе его рублемъ Новгородскимъ и Московскимъ; рядомъ со счетомъ гривнами, видимъ счетъ на гривны Новгородскія и Московскія; рядомъ съ разсчетомъ на полтины и гривны, составлявшія принадлежность обоихъ рублей, видимъ обозначеніе разсчета и алтыномъ, составлявшимъ принадлежность исключительно Московскаго рубля. И понятно почему? Всякому, конечно, не могло не быть извѣстно (какъ и теперь извѣстна каждому разность, напримѣръ, ассигнаціоннаго и серебрянаго

(*) Въ первой части нашего труда мы упомянули о переводѣ, имѣя въ виду эти два мѣста актовъ.



рубля), что значитъ рубль Новгородскій и Московскій, т. е. извѣстно было, что они въ-сущности были равны другъ другу, хотя и состояли изъ разнаго количества денегъ. Иное дѣло, когда нужно было обозначить счетъ на *деньги:* деньга Новгородская была вдвое больше деньги Московской; поэтому, необозначеніе того, какая разумѣлась деньга, могло вести къ запутанности и недоразумѣніямъ; но и тутъ мы часто видимъ опущеніе этого обозначенія, и далѣе увидимъ почему.

Другое убѣжденіе, въ равной степени важное, состоитъ въ томъ, что рубль Новгородскій, и по времени и по территоріальному пространству, имѣлъ весьма ограниченное существованіе, и что счетъ на 200-денежный рубль Московскій, даже во время существованія рубля Новгородскаго, имѣлъ не только преобладающій, но даже господствующій, или, правильнѣе, оффиціальный характеръ. На это указываютъ намъ какъ приписываемое въ актахъ исключительно Московскому рублю названіе *ходячаго*, такъ и безпрестанно встрѣчающееся отсутствіе опредѣленія какъ рублей, такъ полтинъ, гривенъ, и даже денегъ: при недоумѣніи долженъ былъ пониматься Московскій рубль, какъ *ходячій*. Подтвержденіемъ этого служитъ еще и третье обстоятельство: мы знаемъ, что *алтынъ* былъ принадлежностію исключительно 200-денежнаго Московскаго рубля; между-тѣмъ мы во множествѣ случаевъ замѣчаемъ счетъ алтыномъ при счетѣ просто рублемъ; какой-же иной рубль могъ разумѣться въ этихъ случаяхъ, какъ не Московскій 200-денежный?

Далѣе, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ о частой встрѣчѣ выраженія: *по вѣсу и по счету*, при дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ о денежныхъ разсчетахъ,—мы не встрѣтили этого выраженія ни въ актахъ, составляющихъ нашу таблицу, ни въ другомъ, значительномъ количествѣ актовъ, нами разсмотрѣнныхъ. Только въ одномъ актѣ, именно въ срочной Новгородской грамотѣ объ уплатѣ, по мирному докончанью, великимъ князьямъ Іоанну Васильевичу и Іоанну Іоанновичу 15,500 руб-

лей, 1471 года, (Э. Т. I. № 90), мы встрѣчаемъ выраженіе: «*деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ*». Но это выраженіе только подкрѣпляетъ наше утвержденіе, что въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ древней Руси, спустя долгое время по введеніи монеты въ собственномъ смыслѣ — *денегъ*, ходили въ обращеніи серебряные рубли—слитки; и первая часть встрѣченнаго нами выраженія, безъ-сомнѣнія, относится къ деньгамъ, а вторая—къ слиткамъ. Однакожь, что *деньги*, по ихъ разновѣсности, были, при пріемѣ ихъ по-крайней-мѣрѣ въ казну, взвѣшиваемы, въ томъ удостовѣряетъ найденная нами въ одной изъ приходо-расходныхъ книгъ посольскаго приказа, 1647 года, отмѣтка о покупкѣ для приказа вѣсовъ для взвѣшиванія денегъ, изъ коей не безъ основанія можно заключать о существованіи подобныхъ вѣсовъ и въ другихъ присутственныхъ тогдашнихъ мѣстахъ, т. е. приказахъ. Именно: въ хранящейся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ «*Книгѣ* (№ 1) *посольскаго приказа о доимкѣ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ съ посадскихъ и другихъ чиновъ людей разныхъ городовъ и объ отпускѣ изъ оныхъ на жалованье, кормовые и канцелярскіе расходы*», на стр. 68 (на оборотѣ), читаемъ: «куплены въ овошномъ ряду у торговаго человѣка у Василья Семенова *вески да фунтъ для денежнаго приему*, за фунтъ и за вески рубль шесть алтынъ четыре деньги».

Выраженіе: «столько-то рублей Московскими деньгами по пяти гривенъ за полтину», — мы объяснили выше.

Встрѣченное нами въ двухъ актахъ (1663 и 1664 г. № 202. I и II) выраженіе: «столько-то серебреныхъ денегъ»,—относится къ противоположенію разности серебряныхъ денегъ съ мѣдными, тогда упавшими въ цѣнѣ.

Важный вопросъ, котораго наше изслѣдованіе также обойти не можетъ, состоитъ въ слѣдующемъ: какъ далеко простиралось территоріальное господство 200-денежнаго или Московскаго рубля, хотя всегда имѣвшаго, какъ мы видѣли, преобладательный характеръ, но не исключавшаго, въ нѣкоторое

время, какъ намъ уже извѣстно, существованія рублей другихъ счетныхъ размѣровъ? Другими словами: не существовало-ли, въ нѣкоторыхъ частяхъ Московскаго государства, кромѣ извѣстныхъ уже намъ рублей 100-денежнаго и 216-денежнаго, имѣвшихъ своимъ мѣстопребываніемъ Новгородъ и мѣстности отъ него зависѣвшія, и слѣдовательно частный характеръ, — рублей другихъ размѣровъ, имѣвшихъ или также мѣстный характеръ, или которые оспоривали-бы преобладательный, общій характеръ 200-денежнаго рубля?

Имѣющіяся у насъ данныя, на основаніи которыхъ мы можемъ положительно отвѣчать на означенный вопросъ, по времени, относятся къ періоду отъ 1614 по 1669 годъ; по мѣстности-же обнимаютъ собою пространство, западнымъ пунктомъ котораго были Луки и Вязьма, восточнымъ—Вятка и Нижній-Новгородъ, сѣвернымъ—Архангельскъ, а южнымъ—Кіевъ. На всемъ этомъ пространствѣ, которое слѣдуетъ продолжить на сѣверо-западѣ до Пскова съ зависѣвшими отъ него городами и далѣе до Финскаго залива, и которое слѣдовательно обнимало собою бо̀льшую часть площади тогдашняго Московскаго государства, въ сказанный періодъ времени, мы не видимъ существованія никакого другаго счета, кромѣ какъ на 200-денежный рубль (*).

Вопросъ о различныхъ выраженіяхъ, до рублевой денежной системы относящихся, казался намъ уже достаточно яснымъ, и мы хотѣли покончить рѣчь о рубляхъ, — какъ появленіе нѣсколькихъ словъ, возводящихъ сомнѣніе на все нами сказанное, не могло не остановить на себѣ нашего вниманія. Слова эти,

(*) См. хранящіяся въ Моск. главн. архивѣ мин. ин. дѣлъ: Смѣтный списокъ о приходѣ и расходѣ окладныхъ и неокладныхъ денежныхъ пошлинныхъ доходовъ, города Вятки (1625 года); Нижегородской четверти приходную книгу всякимъ денежнымъ доходамъ (1615 года); книгу Кіева города кружечнаго двора о сборѣ денегъ съ продажнаго вина (1669 года); а также акты, относящіеся къ Сольвычегодску, Устюжнѣ-Желѣзопольской, Можайску, Вязьмѣ, Лукамъ и проч.



какъ упомянули мы выше, находятся въ майской книжкѣ Жур. Мин. нар. просв. 1855 года, въ статьѣ г. Прозоровскаго, подъ заглавіемъ: *Древній Русскій вѣсъ.* На страницѣ 150 г. Прозоровскій именно говоритъ: «Напрасно изыскатели продолжаютъ утверждать, что въ Новгородскомъ рублѣ было 100, а только въ Московскомъ 200 денегъ». (Цитата автора: Зап. арх. Общ., т. I., отд. I, стр. 146, 147. Замѣтимъ кстати, что цитата невѣрна: слѣдовало-бы какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ статьи, ссылаться на Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи Имп. Русскаго археологическаго Общества: такъ какъ это изданіе и то, на которое ссылается авторъ, совершенно различныя. *О цѣн. въ др. Руси*, стр. 55—65). «Они забываютъ, что существовало три монетные счета: Московскій, Псковскій и Новгородскій, изъ коихъ первый, съ XVI вѣка, сдѣлался повсемѣстнымъ, и что Новгородскій рубль вещественно, а потому и счетно, былъ больше Московскаго»; напримѣръ: «съ ловца по 3 деньги Новгородцкую, а въ Московское число по алтыну»; (цитата: Акт. арх. эксп., т. I, № 327); «т. е. 6 денегъ Московскихъ = 3 деньгамъ Новгородскимъ»; или: «рубль Новгородской, а въ Московское число 2 рубля 5 алтынъ 2 деньги». (Цитата автора: Ак. арх. эксп. т. I, № 335). «Если Новгородскій рубль считать во 100, а Московскій въ 200 денегъ, то это значитъ считать его, вопреки очевидности, меньше Московскаго. Если-же считать его равнымъ послѣднему, то и это сдѣлаетъ безсмысленными тѣ оговорки, коими они, при столкновеніяхъ, отличались другъ отъ друга. А разсчеты на гривны и алтыны, безпрерывно встрѣчаемые въ актахъ, показываютъ, что Новгородскій рубль, со времени перваго слитія обѣихъ системъ (въ XVI в.), самъ въ себѣ раздѣлялся, также какъ и Московскій и всѣ другіе *ходячіе* денежные рубли, но не рублевые слитки. Если-же рубль считали во 100 денегъ, то это не что-иное, какъ Московскій рубль въ Новгородскихъ деньгахъ; собственно-же 100 Новгородокъ, относительно къ своему рублю, составляли Новгородскую полтину. Словомъ, рубль по-

всюду былъ въ 200 денегъ своей системы. Но въ прежнее время Новогородскій рубль имѣлъ свое особое раздѣленіе, отличное отъ Московскаго и Псковскаго; онъ имѣлъ въ себѣ 216 денегъ, по 14 денегъ въ гривнѣ». (Цитата автора: Врем. Моск. Общ. ист. и древн. Рос., кн. II. Изслѣд., стр. 80. Акт. арх. эксп. Т. I, стр. 404. 1587 года).

Во-первыхъ, утвержденіе о *трехъ* монетныхъ счетахъ, различавшихся по мѣстности въ Москвѣ, Псковѣ и Новгородѣ, высказано авторомъ несогласно съ требованіями науки, т. е. бездоказательно. Въ Новгородѣ и Москвѣ, мы видѣли, дѣйствительно было это различіе и знаемъ уже, въ чемъ оно состояло. Но на чѣмъ авторъ основываетъ свое утвержденіе объ отличіи отъ этихъ двухъ рублей (Новгородскаго и Московскаго) еще рубля Псковскаго? Все, что составляетъ отвѣтъ его на этотъ вопросъ, это слова его, на стр. 142: «Что касается Псковскаго рубля, то онъ былъ отличенъ отъ рублевой гривенки: такъ въ одной изъ Псковскихъ лѣтописей, подъ 1434 годомъ, сказано, что зобница ржи стоила 9 денегъ, а въ другой, что 13 зобницъ давали на полтину (П. С. Л. Т. 4, стр. 208 и Т. 5, стр. 28); очевидно, въ полтинѣ было 117 денегъ, слѣдственно, въ рублѣ 224 деньги; древнѣйшія-же Псковскія деньги вѣсили 13 гранъ».

Но основывать на этомъ извѣстіи выводъ не только о точномъ, но даже приблизительномъ размѣрѣ рубля въ Псковѣ, и основывать такъ, какъ сдѣлалъ это г. Прозоровскій, есть то-же самое, еслибы кто-нибудь изъ нашихъ современниковъ сталъ выводить размѣръ рубля нашего времени изъ слѣдующихъ, полученныхъ имъ, свѣдѣній: одна вещь куплена за *три* копейки серебромъ; а на рубль такихъ вещей даютъ 45. Очевидно, что онъ сдѣлалъ-бы ошибку, заключивъ изъ этого, что рубль состоитъ изъ 135 серебряныхъ копеекъ. Почему? по весьма простой причинѣ; именно, что эти два извѣстія, могущія быть вѣрными сами въ себѣ, не заключаютъ въ себѣ необходимаго

условія для построенія того силлогизма, который имѣется въ виду. На этихъ свѣдѣніяхъ можно было-бы строить выводъ о размѣрѣ рубля въ томъ случаѣ, еслибы справедливо было слѣдующее умозаключеніе: цѣны товара при покупкѣ его оптомъ и въ-раздробь не заключаютъ въ себѣ никакой разницы въ своей силѣ; слѣдовательно, зная ту и другую, можно дѣлать заключеніе о размѣрѣ монеты, выражающей эти цѣны. Но извѣстно, что между оптовою и разничною цѣнами, кромѣ прогрессивной разности, зависящей отъ выражаемой ими массы товара, есть еще разница, зависящая отъ существующаго всегда желанія возмѣстить незначительность оборотнаго капитала, выражаемаго цѣною въ-раздробь, поднятіемъ силы этой цѣны. И по этому-то, указанное авторомъ извѣстіе изъ Псковскихъ лѣтописей о дешевизнѣ хлѣба въ Псковѣ въ 1434 году, служитъ,—если уже основывать на немъ какіе-нибудь выводы о размѣрѣ рубля,—напротивъ, подтвержденіемъ того, что лѣтописцы, передавшіе намъ эти извѣстія, разумѣли рубль Московскій, т. е. 200-денежный, потому-что полтина разумѣется, въ этомъ мѣстѣ лѣтописей, во 100 денегъ. Именно, упомянутое извѣстіе говоритъ, что въ 1434 году, въ Псковѣ хлѣбъ продавался 13 зобницъ на полтину; въ другомъ-же спискѣ лѣтописей, какъ-бы въ поясненіе этого извѣстія, сказано, что хлѣбъ продавался по 9 денегъ зобница. Если мы примемъ здѣсь полтину за Московскую, т. е. во 100 денегъ, и раздѣлимъ это число на 13, то получимъ $7^9/_{13}$ денегъ на зобницу. Разница, значитъ, съ извѣстіемъ варіанта лѣтописи въ одной деньгѣ съ дробью. Но очевидно, что послѣднее извѣстіе указываетъ на цѣну при продажѣ въ-раздробь, по мелочамъ; а въ этомъ случаѣ, по одинаковости во всѣ времена законовъ оборота и роста капиталовъ, существуетъ и, безъ-сомнѣнія, существовала надбавка, — которая и выразилась означенною деньгою съ дробью.

Древнѣйшія Псковскія деньги, т. е. того именно періода, къ которому относится приводимое извѣстіе лѣтописей о цѣнѣ

хлѣба, — дѣйствительно вѣсятъ отъ 12 до 13 гранъ (*), т. е. отъ 17 до 18 долей. А такихъ денегъ, по приведеннымъ нами доводамъ въ первой части нашего труда, входило въ рубль сто. Слѣдовательно, мы, далѣе, заключаемъ, что выраженіе лѣтописцами сказанной цѣны хлѣба 200-денежнымъ рублемъ, или принадлежитъ собственно лѣтонисцамъ, и слѣдовательно ничего не говоритъ о размѣрѣ собственно Псковскаго рубля, или служитъ новымъ подтвержденіемъ нашего положенія о томъ, что и въ Псковѣ, и даже во время существованія тамъ денегъ одинаковаго размѣра съ Новгородскими, — *медячныи* рублемъ былъ 200-денежный Московскій.

Утвержденіе свое о томъ, что «Новгородскій рубль вещественно, а потому и счетно, былъ больше Московскаго», — авторъ основываетъ на двухъ мѣстахъ актовъ (Э. Т. I. № 327, и Э. Т. I. № 335), намъ уже извѣстныхъ. Но мы изъяснили и то, и другое мѣсто, и потому предоставляется каждому судить, въ какой степени прочно основаніе довода г. Прозоровскаго. Иное дѣло, еслибы авторъ привелъ еще другіе примѣры переложеній Новгородскаго счета на Московскій, и обратно; но г. Прозоровскій, поборникъ мнѣнія о большемъ размѣрѣ рубля Новгородскаго сравнительно съ Московскимъ, сознающій конечно, также какъ и мы, что сильнѣйшимъ доказательствомъ его мнѣнія могли-бы быть примѣры перевода этихъ рублей одного на другой, — не могъ также отыскать другихъ примѣровъ этого перевода, кромѣ указанныхъ двухъ. Притомъ, первое изъ приводимыхъ имъ мѣстъ, уравнивающее *три* Новгородскія деньги Московскому алтыну, — служитъ, напротивъ, опроверженіемъ мнѣнія г. Прозоровскаго о томъ, что и Новгородскій рубль состоялъ изъ 200-же денегъ, но вдвое большаго размѣра противу Московскихъ денегъ: потому-что еслибы онъ дѣйствительно состоялъ изъ 200 денегъ, то не за чѣмъ было-бы тогда переводить трехъ денегъ Новгородскихъ на

(*) См. Опис. др. Рус. мон. А. Черткова, стр. 151.

Московскій алтынъ, который, какъ извѣстно, состоялъ изъ шести денегъ, а просто слѣдовало-бы сказать: по алтыну Новгородскому. Но такого выраженія нигдѣ никто еще не встрѣчалъ.

«Если Новгородскій рубль считать во 100, а Московскій въ 200 денегъ, то это значитъ считать его, вопреки очевидности, меньше Московскаго». Но мы знаемъ уже, какъ, и при этомъ счетѣ, Новгородскій рубль могъ быть, и дѣйствительно былъ, равенъ Московскому. Излишне сказано также: «вопреки очевидности». Значитъ, не очевидно, если нужно это еще доказывать.

«Если-же считать его (Новгородскій рубль) равнымъ последнему (Московскому), то и это сдѣлаетъ безсмысленными тѣ оговорки, коими они, при столкновеніяхъ, отличались другъ отъ друга». Что разумѣетъ авторъ подъ именемъ оговорокъ? Мы видѣли уже всѣ, встрѣчающіяся въ актахъ оговорки, и потому если онъ разумѣетъ подъ ними находимое въ актахъ обозначеніе: «Московскій и Новгородскій рубль, Московская и Новгородская деньга»,— то намъ уже извѣстно, имѣло-ли оно, и въ какихъ случаяхъ, существенное значеніе? Самая неоспоримая, въ пользу автора, оговорка, состояла-бы, безъ сомнѣнія, все-таки въ переводѣ одного рубля на другой; но мы знаемъ, сколько этихъ оговорокъ.

«А расчеты на гривны и алтыны, безпрерывно встрѣчаемые въ актахъ, показываютъ, что Новгородскій рубль, со времени перваго слитія обѣихъ системъ (въ XVI в.), самъ въ себѣ раздѣлялся, также какъ и Московскій и всѣ другіе ходячіе денежные рубли, но не рублевые слитки». Но алтынъ былъ принадлежностію исключительно Московскаго 200-денежнаго рубля, съ тѣмъ, повидимому, соглашается и самъ авторъ, какъ-бы противорѣча себѣ и говоря въ примѣчаніи 136: «къ Московскому счету, между прочимъ, относились и алтыны»; — слѣдовательно, Новгородскій рубль не вполнѣ такъ раздѣлялся, какъ 200-денежный Московскій, не говоря уже о 216-денежномъ

рублѣ, о которомъ мы знаемъ уже нѣчто и о которомъ будетъ еще рѣчь впереди. Затѣмъ намъ не безъизвѣстно также и то, какъ слѣдуетъ понимать выраженіе: *ходячій* рубль.

«Если-же считать во 100 денегъ, то это не что иное, какъ Московскій рубль въ Новгородскихъ деньгахъ: собственно-же 100 Новгородокъ относительно къ своему рублю, составляли Новгородскую полтину. Словомъ, рубль повсюду былъ въ 200 денегъ своей системы». Нужно-ли говорить, что это слова, не находящія никакого для себя подтвержденія въ актахъ, и высказанныя только для того, чтобы какъ-нибудь выйдти изъ лабиринта противорѣчій, въ который завело автора недостаточное изученіе предмета? Вопреки высказанному имъ *мнѣнію*, что рубль Новгородскій, какъ и Московскій, состоялъ изъ 200-же денегъ «своей системы», т. е. какъ надо догадываться, вдвое большаго размѣра противъ денегъ Московскаго рубля,— онъ находитъ, что рубль Новгородскій считался во 100 денегъ; но что «это не что иное, какъ Московскій рубль въ Новгородскихъ деньгахъ». Но гдѣ-же хотя одно этому доказательство?

«Но въ прежнее время Новгородскій рубль имѣлъ свое особое раздѣленіе, отличное отъ Московскаго и Псковскаго; онъ имѣлъ въ себѣ 216 денегъ, по 14 денегъ въ гривнѣ».

Мы знаемъ уже отчасти, что̀ такое былъ 216-денежный рубль, о которомъ говоритъ авторъ, и потому можемъ судить, во-первыхъ, о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо его выраженіе: «въ прежнее время»: рубль Новгородскій 100-денежный, или, какъ автору желательно, 200-денежный, существовалъ, какъ мы видѣли не прежде, но одновременно съ рублемъ 216-денежнымъ, т. е. въ концѣ XV и первой половинѣ XVI столѣтія. Во-вторыхъ, придавать 216-денежному рублю значеніе общее Новгородской денежной системы, значитъ не изслѣдовать актовъ въ достаточномъ ихъ количествѣ. Гдѣ находимъ мы счетъ на 216-денежный рубль? Только въ писцовыхъ Новгородскихъ книгахъ конца XV (не прежде однакожъ присоединенія Новгорода къ Москвѣ), и первой половины XVI

столѣтій. Чѣмъ-же объяснимъ это? Ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что 216-денежный рубль былъ слѣдствіемъ необходимости для Московскаго правительства устранить, при описи земель въ новопріобрѣтенномъ владѣніи, съ одной стороны — жалобы на несправедливость, и съ другой — убытки, какіе должны были проистекать, при сборѣ оброковъ, отъ существовшаго, безъ-сомнѣнія, во множествѣ случаевъ, недовѣса 200-денежнаго рубля, противъ Новгородскаго 100-денежнаго, которому первый по вѣсу долженъ былъ быть равенъ. Этотъ недовѣсъ имѣлъ свой источникъ, какъ мы видѣли, преимущественно въ злоупотребленіяхъ денежниковъ, а за тѣмъ въ недостаткѣ искусства выдѣлки монеты и въ обращеніи денегъ въ народѣ, т. е. заключался въ томъ, что деньги ходили въ обращеніи въ народѣ вмѣсто 9-дольныхъ съ дробью 8-дольныя. И чтобы восполнить недостатокъ вѣсоваго равенства 200-денежнаго рубля со 100-денежнымъ Новгородскимъ и возстановить такимъ образомъ полную справедливость во взыманіи оброковъ, правительство должно было надбавить на Московскій рубль еще 16 восьми-дольныхъ денегъ.

Что касается до выводовъ г. Прозоровскаго о древнемъ нашемъ вѣсѣ, — выводовъ, по которымъ количество золотниковъ въ фунтѣ въ разное время измѣнялось отъ 97 до 112, а количество фунтовъ въ пудѣ отъ 40 до 46, — то, не говоря уже о томъ, что всѣ выводы о древнемъ Русскомъ вѣсѣ, по сознанію самого-же автора, только приблизительны, такъ какъ «о точности, при тогдашней скудости и разбросанности данныхъ, нечего хлопотать» (стр. 148), — авторъ даже противорѣчитъ самъ себѣ, говоря на страницѣ 140: «безъ-сомнѣнія, никто не споритъ, что древнія отношенія между золотникомъ, фунтомъ, пудомъ и берковцемъ были тѣ-же, что и нынѣ; хотя отношенія сіи являются фактически и ясно съ XVI вѣка, однако никакой актъ не говоритъ, чтобы они измѣнились тогда противъ древности». Какимъ-же образомъ вывелъ онъ сказанную разность? Но изслѣдованія автора лишены точности и достовѣр-

ности, не только о древнѣйшемъ періодѣ, но даже о второй половинѣ прошедшаго столѣтія; такъ, сказавши, на страницѣ 171, что въ половинѣ XVIII вѣка «вѣсъ былъ уже теперешній и дѣлился такъ, какъ и нынѣ», — на слѣдующей страницѣ онъ прибавляетъ: «съ другой стороны, есть поводъ и сомнѣваться въ совершенномъ сходствѣ тогдашняго вѣса съ нынѣшнимъ». Чему-же вѣрить?

Однакожъ всѣмъ этимъ мы вовсе не хотимъ отвергать достоинство труда г. Прозоровскаго; нѣтъ, трудъ его не безполезенъ, какъ первая попытка разработки сферы, доселѣ почти еще не тронутой: извѣстно, какъ первый шагъ важенъ въ каждомъ дѣлѣ. Въ-особенности могутъ быть полезны для соображеній, если не для построенія выводовъ, сравнительныя таблицы, приложенныя имъ въ концѣ статьи.

Но мы имѣли въ виду только защиту себя.

И. Малецкій.

ОЧЕРКЪ
СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ ПОЗНАНІЯ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ ФАУНЫ
ОКРЕСТНОСТЕЙ С. ПЕТЕРБУРГА.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА II.

Историческій очеркъ успѣховъ изученія С. Петербургской фауны.

Предметъ энтомологіи огроменъ, необъятенъ. Хотя совокупности всѣхъ энтомологовъ недостаточно для изслѣдованія 1,500,000 существующихъ видовъ насѣкомыхъ, но и ни одна наука не можетъ похвалиться такимъ числомъ послѣдователей. Изъ нихъ весьма немногіе — энтомологи по званію. Большая часть состоитъ изъ любителей, имѣющихъ кромѣ того другія обязанности и занятія, и посвящающихъ энтомологіи только свободное время.

За-то нѣтъ науки, которая-бы была такъ доступна каждому. Отъ стара до мала, всякій можетъ присовокупить результатъ трудовъ и наблюденій своихъ къ массѣ матеріаловъ, разработываемыхъ впослѣдствіи энтомологомъ-спеціалистомъ; всякій можетъ имѣть коллекцію, составленіе и содержаніе которой не требуетъ почти никакихъ издержекъ.

Въ большей части городовъ Германіи и Франціи существуютъ болѣе или менѣе значительные энтомологическіе круги.

Естественно, что они обращають преимущественно вниманіе на фауну своего мѣстопребыванія. Такимъ-образомъ составилось въ Германіи множество перечней мѣстныхъ фаунъ, заключающихъ богатые матеріалы для изслѣдованія законовъ распредѣленія насѣкомыхъ.

Петербургъ въ этомъ отношеніи не отсталъ отъ другихъ Европейскихъ городовъ. Постараемся дать краткій очеркъ исторіи нашей энтомологіи т. е. постепенныхъ успѣховъ изслѣдованія фауны здѣшнихъ насѣкомыхъ.

Поколѣніе энтомологовъ въ С. Петербургѣ не прекращалось, кажется, ни разу со временъ императрицы Екатерины II, но число и рвеніе ихъ не всегда были одинаковы. Проходили цѣлыя десятилѣтія, неоставлявшія никакихъ слѣдовъ ихъ дѣятельности. Но вдругъ, при появленіи на этомъ поприщѣ какого-нибудь новаго лица, одареннаго особеннымъ талантомъ или болѣе другихъ воодушевленнаго любовью къ предмету, прочіе энтомологи, группируясь около него, дѣйствовали согласнѣе и успѣшнѣе, опытность каждаго дѣлалась немедленно достояніемъ общимъ; являлось желаніе пріобрѣтенныя познанія предохранять отъ забвенія: печатались энтомологическія статьи и сочиненія.

Такихъ эпохъ успѣшной энтомологической дѣятельности можно насчитать три:

1. Послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II — время Лаксмана, Бёбера и Цедергіельма.

2. Цвѣтущая эпоха отъ 1820 до 1830 г., золотое время энтомологіи нашей — время Гуммеля, Маннергейма и Фальдермана.

3. Настоящая эпоха, начало которой можно положить около 1846 г.

Свѣдѣнія о первой эпохѣ самыя скудныя. Въ описаніи С. Петербурга Георги (Versuch einer Beschreibung der russisch-Kaiserlichen Residenzstadt St. Petersburg etc. v. J. G. Georgi. St. Petersburg, 1790) есть глава, посвященная здѣшней

энтомологіи (томъ II, стр. 543), и заключающая въ себя отчетъ о современныхъ успѣхахъ этой науки въ С. Петербургѣ и первый перечень здѣшнимъ насѣкомымъ. Глава эта заслуживаетъ быть переведенною цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что сочиненіе Георги не многимъ доступно.

«Здѣшнія насѣкомыя—говоритъ Георги — нашли многихъ ревностныхъ изслѣдователей въ числѣ нашихъ ученыхъ, въ-особенности-же въ господахъ надворныхъ совѣтникахъ Лаксманѣ и Бёберѣ. Г. Лаксманъ описалъ въ «Запискахъ» здѣшней Академіи наукъ многихъ новыхъ насѣкомыхъ, невошедшихъ въ составъ системы природы Линнея».

«Но еще большее число описалъ г. Бёберъ въ сочиненіяхъ Фабриція и Эспера; съ тѣхъ-поръ онъ, впрочемъ, значительно увеличилъ свою коллекцію».

«Для любителей энтомологіи я предлагаю ниже списокъ насѣкомыхъ, найденныхъ до 1790 г., г. надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Бёберомъ въ разныхъ мѣстностяхъ С. Петербургской губерніи. Списокъ составленъ по сообщенному имъ перечню, и заключаетъ, при каждомъ Линнеевомъ родовомъ названіи, означеніе числа найденныхъ видовъ».

А. *Насѣкомыя съ твердыми надкрыліями. Coleoptera L.*

1—23. Scarabaeus. Жукъ (по-Чухонски *сондикайненъ*). У насъ 23 вида, изъ коихъ 5 не описаны въ Fauna Suecica, а два описаны лишь Фабриціемъ. Scarabaeus melolontha. Въ нѣкоторые годы весьма рѣдокъ; въ другіе личинка его поѣдаетъ коренья хлѣбовъ, а жукъ портитъ зелень многихъ деревьевъ. — 24. Lucanus. Туръ. Небольшой новый видъ. — 25—38. Dermestes. 14 видовъ. Dermestes lardarius почти во-всѣхъ домахъ; но вредитъ мало. — 39—40. Ptinus. Два вида. — 41—43. Hister. Три вида. — 44. Gyrinus. Одинъ видъ. — 45—48. Byrrhus. 4. вида. — 49—58. Silpha. 10 видовъ. — 59—60. Cassida. 2 вида. — 61—78. Coccinella.

Божья коровка. 18 видовъ. — 79—112. Chrysomela. 34 вида. Chr. Oleracea; въ садахъ и парникахъ; обыкновенна и вредна.— 113—132. Curculio. Носатикъ 20 видовъ. C. granarius, котораго личинки пожираютъ зерна въ амбарахъ; впрочемъ, у насъ онъ не слишкомъ вреденъ, потому-что нашъ хлѣбъ большею частью овинный. C. argentatus разрушительно дѣйствуетъ на ольхѣ и разныхъ кустарникахъ. Личинки другихъ видовъ пагубны для нашихъ плодовыхъ деревьевъ и цвѣтовъ. — 133 — 136. Atellabus. 4 вида. — 137 — 155. Cerambyx. Усачь. 19 видовъ, изъ которыхъ 5 не означены въ Fauna Suecica; изъ нихъ 3 описаны Фабриціемъ. Особенно вреденъ Cer. aedilis, разрущающій бревна въ деревянныхъ сроеніяхъ. — 156—169. Leptura 14 видовъ.—170—179. Cantharis. 10 видовъ.—180. Lampyris noctiluca. Свѣтлякъ. У Шлиссельбурга онъ встрѣчается на кустахъ можжевельника, и свѣтится въ лѣтнія ночи.— 181—192. Elater. Скачокъ. 12 видовъ.—193—195. Cicindela. Пѣвунъ. 3 вида.—196—201. Buprestis. 6 видовъ.—202—209. Dytiscus. Водяной тараканъ. 8 видовъ. — 210—221. Carabus. 12 видовъ. — 222—226. Tenebrio. 5 видовъ; въ томъ числѣ Ten. molitor, котораго личинка иногда до того размножается въ мукѣ, что надобно просѣвать ее чрезъ сито; не смотря на это, по привычкѣ, ее потомъ ѣдятъ безъ отвращенія. — 227—229. Mordella. 3 вида.—230. Necydalis. 1 видъ.—231—239. Staphylinus. 9 видовъ. — 240. Forficula. 1 видъ.

B. *Насѣкомыя съ полутвердыми надкрыліями. Hemiptera.*

241. Blatta. Три вида. Bl. orientalis. Таракавъ. Бичъ многихъ, но не всѣхъ домовъ. Холодъ, отчасти и чистота, въ которой содержатся комнаты, препятствуютъ, кажется, большому его распространенію. — 242. Bl. lapponica, встрѣчается въ крестьянскихъ избахъ. — 243. Bl. asiatica, перевезенная изъ Китая въ Сибирь и распространившаяся далѣе на западъ, до самаго С. Петербурга, гдѣ, по замѣчанію Палласа, уже попа-

дается во многихъ домахъ Коломны. — 244—250. Gryllus 7 видовъ; въ томъ числѣ Gr. domesticus, обыкновенный сверчокъ (по-Чухонски *сирка*). Въ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ; рѣже въ столицѣ. Саранча (по-Чухонски *гейма сирка*, по-Нѣмецки Feldgrille), встрѣчается повсемѣстно, но въ небольшомъ числѣ. 251—256. Cicada. Травяная кобылка. 6 видовъ.—257. Notonecta. 1 видъ. — 258. Nepa. 1 видъ. — 259—274. Cimex. 16 видовъ, въ томъ числѣ *клопъ* (по-Чухонски *люта кайпенъ*). — 275—284. Aphis. Тля. 10 видовъ. Особенно вредны во многихъ оранжереяхъ.—289—286. Chermes. 2 вида.—287—288. Coccus. 2 вида; въ томъ числѣ Coc. polonicus, *червякъ* (Европейская кошениль), котораго куколки попадаются на кореньяхъ Hypericum, Fragaria, Potentilla и проч., но довольно рѣдко по причинѣ нашей почвы и короткаго лѣта. — 289—290. Thrips Два вида.

C. *Lepidoptera. Чешуекрылыя.*

291—346. Papilio. Бабочка дневная (по-Чух. *пиргойненъ*). 56 видовъ. Многіе не были описаны Линнеемъ, нѣкоторые приняты съ тѣхъ-поръ Фабриціемъ и Эсперомъ, другіе-же новы. — 347—357. Sphinx. 11 видовъ. — 358. Phalaena. Ночная бабочка. — 359—360. Phal. Attaci. 2 вида. — 361—392. Ph. Bombyces. 32 вида. — 393—456. Ph. Noctuae. 64 вида; нѣкоторые новые. — 457 — 503. Ph. Geometrae. 57 видовъ. Многіе новые. — 504—521. Ph. Tortrices. 18 видовъ. — 522—528. Ph. Pyrales. 7 видовъ. — 529—565. Ph. Tineae. Моль (по Чух. *кой*). 37 видовъ.—566—568. Alucitae. 3 вида. Гусеница, уже нѣсколько лѣтъ весьма вредившая хлѣбамъ нашимъ, еще не изслѣдована съ точностью. Г. Бёберъ полагаетъ, что это Ph. segetum Вѣнскихъ энтомологовъ. Ph. Bombyx pigra, antiqua, caja, и др., пожираютъ ежегодно листву тополей, березъ и другихъ деревъ и кустарниковъ. Опустошенія ихъ,

впрочемъ, незначительны. Огороды наши страдаютъ отъ Ph. brassicae и humuli, Papilio brassicae, rapae, crataegi и проч.

D. *Насѣкомыя сѣтчатокрылыя. Neuroptera.*

569—579. Libellula. 11 видовъ.—580—584. Ephemera. 5 видовъ; одинъ новый.—585—593. Phryganea. 9 видовъ.—594. Panorpa. 1 видъ.

E. *Перепончатокрылыя. Hymenoptera.*

595—598. Cynips. 4 вида.—599—617. Tenthredo. 19 видовъ.—618—619. Sirex. 2 вида.—620—626. Jchneumon. 7 видовъ.—627. Chrysis. 1 видъ.—628—631. Vespa. Оса. 4 вида; въ томъ числѣ Crabro, трутей (Чух. *нейтiайненъ*); vulgaris, шершень (Чух. *маанъ майлайненъ*).—632—642. Apis. Пчела. 11 видовъ.—643—646. Formica. Муравей. 4 вида.

F. *Двукрылыя. Diptera.*

647—648. Oestrus. Дрокъ (Чух. *паарма*). 2 вида.—649—657. Tipula. 9 видовъ.—658—689. Musca. Муха (Чух. *карпа*). 32 вида.—690—692. Culex. Комаръ (Чух. *итика*). 3 вида.—Въ томъ числѣ C. pipiens, обыкновенный комаръ. Многочисленныя куколки его въ стоячихъ водахъ служатъ пищею нашимъ водянымъ птицамъ.—693. Bibio. Sanguisuga. Мошка. (Чух. Sääski). Весьма тягостная для людей и скота въ болотныхъ мѣстахъ (*).

Эта выписка изъ Георги—явное доказательство тому, что въ то время вкусъ къ энтомологiи былъ развитъ у многихъ любителей, кромѣ Бёбера и Лаксмана.

Надворный, впослѣдствiи дѣйств. ст. сов. *Бёберъ*, инспекторъ артиллерiйскаго училища, оказалъ услуги не только здѣшней, но и вообще Русской энтомологiи. Ежегодныя поѣздки

(*) Всѣ Русскiя, Латинскiя и Чухонскiя названiя списка взяты изъ Георги и оставлены безъ перемѣны. № 693 Bibio нынѣ называется Simulia; настоящiе Bibio совершенно безвредны для людей и скота.

его, во время каникулярнаго времени, по разнымъ частямъ Россіи, напр. внизъ по Волгѣ, до Астрахани, обогащали его коллекцію рѣдкими жесткокрылыми и бабочками. Многія Русскія насѣкомыя, описанныя Фабриціемъ, были доставлены ему Бёберомъ. Бёберъ умеръ въ 1822 г. Коллекція его принадлежитъ нынѣ Императорскому С. Петербургскому университету (*).

Первый перечень здѣшнимъ насѣкомымъ вышелъ въ 1790 г., а въ 1798 уже изданъ первый опытъ полнаго сочиненія о здѣшней фаунѣ. Это «Prodromus faunae ingricae» etc. Іоганна Цедергіельма (печатанъ въ Лейпцигѣ).

Намъ не удалось узнать никакихъ подробностей о жизни *Цедергіельма*, кромѣ собственныхъ словъ его въ предисловіи «Prodromus»:

«Четыре года прошло съ-тѣхъ-поръ, говоритъ онъ, какъ, окончивъ курсъ наукъ въ университетѣ и возвратившись въ отечество, я съ величайшею ревностью предался изученію природы, и въ-особенности изслѣдованію здѣшней фауны. Кромѣ небольшихъ поѣздокъ по разнымъ частямъ губерніи, большую пользу мнѣ принесло посѣщеніе птичьихъ и рыбныхъ рынковъ, также богатыя коллекціи насѣкомыхъ гг. Штелина и Прамманна. Съ увеличеніемъ матеріаловъ, давно возникшая у меня мысль объ изданіи здѣшней фауны со-дня-на-день стала болѣе занимать меня. Сообщивъ о намѣреніи своемъ Нѣмецкому книгопродавцу, мужу ученому и благородства рѣдкаго, и заключивъ съ нимъ условіе, я началъ всѣ свободныя отъ другихъ занятій часы посвящать этому труду. Непредвидѣнныя препятствія

(*) Это вторая коллекція Бёбера, пережившая его; первая-же была уничтожена, еще при его жизни, довольно необыкновеннымъ образомъ. По тогдашней модѣ, она была развѣшана по стѣнамъ комнаты, въ красивыхъ ящикахъ, подъ стекломъ, окруженнымъ мѣдною оправою. Однажды, ночью, молнія ударила въ комнату, прошла чрезъ металлическія оправы всѣхъ ящиковъ, сообщилась булавкамъ, и вмигъ обратила въ прахъ всю коллекцію. Такъ-какъ ничего не загорѣлось отъ удара, то причиненное имъ разрушеніе было замѣчено только утромъ.



неожиданно положили конецъ моему ночному труду (nocturnae diligentiae), и фаунѣ нашей, едва родившейся, угрожалъ близкій конецъ».

«Слова эти легко будутъ разгаданы тѣми, кому извѣстна судьба сочинителя; прочимъ-же достаточно знать, что противъ воли своей, вслѣдствіе необходимости, онъ принужденъ былъ оставить и работу, до половины уже оконченную, и множество рисунковъ, стоившихъ издержекъ. Не желая, впрочемъ, чтобы пріобрѣтенныя о здѣшней фаунѣ свѣдѣнія были снова преданы забвенію, и соотвѣтствуя желанію тѣхъ, которые не хотятъ быть чуждыми собственной родинѣ, я рѣшился издать эту книгу и проч.».

Далѣе изъ предисловія этого видно, что, не смотря на непредвидѣнное обстоятелество, воспрепятствовавшее ему продолжать трудъ свой, Цедергіельмъ предполагалъ современемъ окончить начатое, и издать здѣшнюю фауну въ трехъ томахъ.

Вышедшій въ свѣтъ «Prodromus» былъ-бы *вторымъ томомъ* этого сочиненія. Къ нему приложенъ перечень позвоночныхъ животныхъ, описаніе которыхъ находилось-бы въ *первомъ томѣ*. *Третій* содержалъ-бы прочіе классы.

Prodromus заключаетъ въ себѣ краткія описанія 1055 видовъ, всѣхъ отрядовъ, расположенныхъ по системѣ Фабриція. Къ сожалѣнію, кажется, что Цедергіельмъ (несмотря на нѣкоторыя выраженія предисловія), мало зналъ здѣшнюю фауну изъ собственнаго опыта, а составилъ свой перечень отчасти по коллекціямъ, въ которыхъ здѣшнія насѣкомыя не были строго отличены отъ иностранныхъ, отчасти по догадкамъ, подобнымъ той на-примѣръ, что насѣкомое обыкновенное въ большей части Европы должно встрѣчаться и у насъ. Иначе трудно объяснить, какъ онъ могъ упоминать о многихъ видахъ, которые у насъ совсѣмъ не водятся (напр. Copris lunaris, Carabus auratus, calosoma sycophanta и др.) Вслѣдствіе этого, фауна Цедергіельма ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить авторитетомъ.

До насъ дошло еще нѣсколько именъ энтомологовъ этого времени первыхъ годовъ царствованія императора Александра I, именно коммерціи совѣтника *Мольво*, профессора медико-хирургической академіи *Стéфана* (*) и доктора *Геннинга*, умершаго въ 1831 г., и потому принадлежащаго отчасти ко второй эпохѣ. (Богатая коллекція его — нынѣ собственность Гельсингфорскаго университета).

Не осталось слѣдовъ энтомологической дѣятельности въ нашей столицѣ отъ 1800 до 1820 г., хотя, вѣроятно, она не прекращалась, потому-что еще жили Геннингъ и Бёберъ, и, безъ-сомнѣнія, продолжали свои занятія.

Въ 1820 г. вышло «Supplementum ad faunae ingricae prodromum» Гуммеля (въ Bulletin des naturalistes de Moscou.), первый энтомологическій опытъ этого замѣчательнаго человѣка.

Давидъ Арвидъ *Гуммель* родился въ Шведскомъ городѣ Готенбургѣ, въ 1778 году (**). О жизни его до пріѣзда въ Россію почти ничего неизвѣстно; даже современники, знавшіе его лично, имѣли самое темное понятіе о первыхъ его похожденіяхъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ предисловіе къ «Supple-

---

(*) Сохранился любопытный анекдотъ о двухъ страстныхъ энтомологахъ Стефанѣ и другѣ его, Бёберѣ. Въ коллекціи послѣдняго находилась рѣдкая бабочка, но въ одномъ лишь экземплярѣ. Долго упрашивалъ его Стефанъ уступить ее; получая постоянные отказы, онъ рѣшился овладѣть ею, какими-бы то средствами ни было. Однажды, во время одной изъ поѣздокъ Бёбера по Россіи, жена его получила отъ него письмо, въ которомъ онъ поручалъ ей *вынуть изъ коллекціи и передать Стефану бабочку подъ такимъ-то нумеромъ*, что́ и было исполнено ею безпрекословно. Вскорѣ по возвращеніи своемъ въ С. Петербургъ, Бёберъ съ испугомъ замѣтилъ отсутствіе изъ коллекціи драгоцѣнной своей бабочки. Спрошенная имъ его супруга предъявила собственноручное его приказаніе выдать бабочку Стефану. Бёберъ объявилъ на-отрѣзъ, что такого письма не писалъ, хотя сознавался въ сходствѣ почерка; подозрѣнія пали на Стефана, который и признался въ поддѣлкѣ. Говорятъ, что Бёберъ, въ-вознагражденіе друга за ловкую шутку, подарилъ ему бабочку. (Сообщеніемъ этого анекдота и любопытныхъ обстоятельствъ разрушенія первой коллекціи Бёбера я обязанъ г. Менетріе).

(**) См. Ess. VII, p. 7 «Мнѣ было 15 лѣтъ, говоритъ Гуммель, когда я издалъ Шведскій переводъ «Characteres generum insectorum» Тунберга». Это было въ 1793 г., присовокупляетъ онъ въ примѣчаніи.

mentum», въ которомъ онъ говоритъ, хотя весьма коротко, о томъ времени. Приведемъ этотъ отрывокъ во Французскомъ оригиналѣ, чтобы представить въ то-же время образчикъ характеристическаго слога Гуммеля:

«Depuis mon enfance, l'entomologie fut pour moi un plaisir; des occupations hétérogènes et les viccissitudes d'une vie peu tranquille m'ont rarement permis d'en faire une étude. J'avais commencé à former une collection d'insectes pendant mon séjour à l'université d'Upsale en 1792—1794; j'ai été forcé de l'abandonner à Gothenbourg, ma ville natale, en 1800, lorsque les devoirs d'une place laborieuse y absorbèrent tout mon tems et toutes mes forces. Appelé à d'autres fonctions auprès du roi Gustave Adolphe en 1802—1807, j'eus à peine quelques loisirs à donner aux belles-lettres, qui exigeaient de moi un culte de reconnaissance. Je leur devais le bonheur d'être protégé par le meilleur et le plus malheureux des monarques.—Jeté par le sort sur les bords de la Néva, conduit momentanément sur ceux du Bosphore, j'ai été trop tourmenté par l'infortune ou trop agité par les bouleversements politiques, pour pouvoir vouer quelque attention suivie aux sciences. C'est depuis que je me vois placé, pour ainsi dire, au centre de la littérature et que les productions scientifiques du monde entier viennent passer sous mes yeux (Гуммель служилъ въ цензурномъ комитетѣ), que j'ai senti renaître en moi l'ancien amour de l'histoire naturelle, et que j'ai retrouvé un peu de tranquillité, si nécessaire aux observations entomologiques».

Объяснимъ одно выраженіе этого отрывка. Въ 1811 г. Гуммель, будучи еще въ Шведской службѣ, былъ отправленъ курьеромъ въ Константинополь съ тѣми именно депешами, которыми Швеціи удалось склонить султана на заключеніе Бухарестскаго мира.

Итакъ, въ 1820 г. Гуммель былъ уже въ Русской службѣ при комитетѣ цензуры иностранной.

Съ-этихъ-поръ началась неутомимая энтомологическая

дѣятельность его, продолжавшаяся до 1830 г. Вскорѣ по изданіи «Supplementum», Гуммель убѣдился въ томъ, что «Prodromus» Цедергіельма не заслуживаетъ довѣрія, что дополнять его не стоитъ, а лучше начать трудъ сызнова. («La faune des insectes de St. Pétersbourg ne peut pas être corrigée, elle est à refaire», говоритъ онъ въ Essais II, стр. 2). Съ этою цѣлью онъ началъ издавать съ 1821 г., подъ названіемъ «Essais entomologiques», періодическое изданіе, предназначенное преимущественно для помѣщенія трудовъ С. Петербургскихъ энтомологовъ. Содержаніе Essais касалось нетолько здѣшней фауны, но и насѣкомыхъ другихъ областей Россіи, и даже другихъ частей свѣта. Они выходили разъ въ годъ, небольшою тетрадью, начинавшеюся обыкновенно перечнемъ замѣчательнѣйшихъ насѣкомыхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ столицы въ-теченіе истекшаго года; кромѣ того, помѣщались описанія новыхъ видовъ, монографіи и т. д. Всего вышло 7 тетрадей Essais. (Первыя шесть отъ 1821 до 1827 г., послѣдняя въ 1829).

Въ 1827 г., стѣсненныя обстоятельства заставили Гуммеля продать свою коллекцію и часть библіотеки; а три года спустя онъ навсегда покинулъ С. Петербургъ, и поселился въ Финляндскомъ городѣ Экенесѣ, гдѣ, удрученный бѣдностью и и болѣзнью, умеръ въ 1836 г. Оставшаяся при немъ небольшая часть его коллекціи была куплена однимъ жителемъ Экенеса.

Бурная, богатая внезапными переворотами жизнь Гуммеля, представляетъ много загадочнаго, даже для современниковъ и близкихъ его знакомыхъ. Характеръ этого замѣчательнаго человѣка былъ полонъ противоположностей. Нельзя отказать ему, кажется, въ истинной любви къ наукѣ, соединенной съ прекрасными дарованіями, обширными познаніями и большою начитанностью. Не берусь рѣшить, истинна-ли или притворна была набожность, которая выражается на каждой страницѣ Essais; во всякомъ случаѣ, ее трудно помирить съ тѣмъ рас-

путствомъ, которымъ Гуммель былъ нѣкоторое время извѣстенъ.

Два знаменитые энтомолога, графъ Маннергеймъ и Фальдерманнъ, были современниками Гуммеля и сподвижниками его по изученію здѣшней фауны, хотя далеко превзошли его трудами своими по части общей энтомологіи.

Баронъ (въ послѣдствіи графъ) *Маннергеймъ*, пріобрѣтшій Европейскую извѣстность своими энтомологическими сочиненіями, родился въ 1797 г., въ имѣніи своего отца, Абовской губерніи. По окончаніи курса въ Абовскомъ университетѣ, въ 1820 г., онъ прибылъ въ С. Петербургъ, гдѣ оставался до тридцатыхъ годовъ, служа въ статсъ-секретаріатѣ великаго княжества Финляндскаго. Впослѣдствіи онъ былъ Выборгскимъ губернаторомъ, и наконецъ президентомъ уголовнаго суда (Hofgericht) въ Выборгѣ. Онъ умеръ въ Стокгольмѣ, въ 1854 г.

Фальдерманъ, Швейцарскій уроженецъ, былъ садовникомъ въ Императорскомъ ботаническомъ саду. Сочиненія его о Закавказской и Монгольской фаунахъ пользуются заслуженою извѣстностью. Онъ умеръ въ 1838 году.

О заслугахъ Маннергейма и Фальдермана по части С. Петербургской фауны часто упоминаютъ Essais. Въ сочиненіяхъ Маннергейма (напр. о семействѣ Brachelytra, о родѣ Lathridius, и проч.) также замѣтны плоды его изслѣдованій здѣшней мѣстности.

Кромѣ этихъ трехъ здѣздъ первой величины — Гуммеля, Маннергейма и Фальдерманна, явились въ то время, поощряемые ихъ примѣромъ и совѣтами, многіе другіе энтомологи, хотя не достигшіе Европейской извѣстности, но тѣмъ не менѣе достойные оставаться въ памяти любителей нашей Фауны. Большая часть этихъ именъ упоминается въ Essais, и потому нѣкоторыя подробности о нихъ будутъ, кажется, умѣстны.

Щегловъ, бывшій профессоромъ зоологіи при С. Петербургскомъ университетѣ, имѣлъ значительную коллекцію насѣ-

комыхъ, иностранныхъ и здѣшнихъ. Изъ послѣднихъ, особенно занимали его Hymenoptera. Послѣ смерти его, эта коллекція переходила изъ рукъ въ руки, и, кажется, пропала окончательно.

Іегеръ (Iäger), бывшій, сначала въ Австрійской военной службѣ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ С. Петербургѣ, и совершилъ поѣздку въ южную Россію (описанную съ энтомологической точки зрѣнія въ Essais). Впослѣдствіи онъ отправился на островъ Сенъ-Доминго, гдѣ вѣроятно и умеръ (*).

Маттесъ (Matthes), рисовальщикъ при Императорскомъ ботаническомъ садѣ, имѣлъ коллекцію здѣшнихъ и иностранныхъ насѣкомыхъ.

Грундштрёмъ, кандидатъ философіи и богословія, человѣкъ съ рѣдкими способностями и разнообразными познаніями, но горькій пьяница. Онъ давно умеръ.

Прескоттъ, Англійскій негоціантъ, хорошій ботаникъ и энтомологъ. Умеръ въ С. Петербургѣ въ 1836 или 1837 году.

Докторъ *Бартельсъ*, посѣтившій Грецію, и составившій донынѣ существующую коллекцію жесткокрылыхъ, кажется, мало занимался здѣшнею фауною. Онъ умеръ въ Гамбургѣ, въ 1836 г.

Многіе другіе любители энтомологіи, нерѣдко и посторонніе лица, неимѣвшія коллекцій, особенно изъ сослуживцевъ Гуммеля, доставляли ему рѣдкія насѣкомыя; имена ихъ также упоминаются въ Essais. Таковы, напр. служившіе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *Мартини* и при цензурномъ комитетѣ, *Яковлевъ* и *Тилъ*, медицинскій студентъ *Край*, имѣвшій небольшую коллекцію здѣшнихъ насѣкомыхъ; главнаго штаба полковникъ

(*) Во время печатанія этой статьи, *К. Г. Гернетъ* сообщилъ въ редакцію слѣдующее: «Сочинитель, считавшій Іегера умершимъ, во время пребыванія своего въ 1856 году въ Америкѣ, случайно съ нимъ встрѣтился. Переселившись въ Америку лѣтъ 30 тому назадъ, Іегеръ нынѣ живетъ въ предмѣстьи Нью-Іорка, въ Броклинѣ, въ весьма хорошихъ обстоятельствахъ, и сообщилъ сочинителю много интересныхъ фактовъ изъ временъ Гуммеля».



Стефани (сынъ профессора, о которомъ упомянуто выше), *Ридеръ*, садовникъ при Императорскомъ паркѣ въ Павловскѣ, *Букъ*, садовникъ на Елагиномъ острову, и проч.

Съ 1830 до 1846 г.—опять промежутокъ, не оставившій слѣдовъ энтомологической дѣятельности. Послѣ отъѣзда Маннергейма (въ 1833 или 1834 г.), изъ любителей здѣшней фауны, кромѣ нѣкоторыхъ второстепенныхъ энтомологовъ, остался одинъ Фальдерманнъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, В. И. *Мочульскій* провелъ нѣкоторое время въ С. Петербургѣ и изслѣдовалъ преимущественно здѣшнихъ microcoleoptera (т. е. микроскопическихъ жесткокрылыхъ).

Въ 1846 г. весьма способный молодой энтомологъ, Богемецъ *Коленати*, посѣтилъ С. Петербургъ и немало способствовалъ къ распространенію вкуса къ энтомологіи.

Вообще въ послѣдніе годы (1847—1853) занятія здѣшнею фауною шли непрерывно и успѣшно. Кромѣ чешуекрылыхъ и жесткокрылыхъ, которыми въ прежнее время занимались почти исключительно, начали обращать вниманіе и на другіе отряды.

Нынѣ въ С. Петербургѣ до 20 человѣкъ, основательно занимающихся энтомологіею. Считаю излишнимъ распространяться о ихъ занятіяхъ и коллекціяхъ. Энтомологи большею частью между собою знакомы, а для постороннихъ такія подробности незанимательны.

Съ 1852 г. у насъ снова издается энтомологическій журналъ. Это Etudes entomologiques, издаваемые г. Мочульскимъ, и заключающіе, кромѣ монографическихъ статей и описаній новыхъ видовъ, многія свѣдѣнія касательно нашей фауны, отчеты о ежегодныхъ экскурсіяхъ, энтомологическую метеорологію и проч.

Въ этомъ-же 1852 году многіе изъ здѣшнихъ энтомологовъ рѣшились устроить общими силами коллекцію, долженствующую сдѣлаться со временемъ *полною коллекціею насѣкомыхъ окрестностей столицы*, и которая, не принадлежа никому

исключительно, была-бы общимъ достояніемъ всѣхъ здѣшнихъ любителей энтомологіи, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе и дополняясь постепенно (*).

Цѣль этой коллекціи двоякая:

Во-1-хъ, облегчить энтомологамъ, въ-особенности начинающимъ, трудъ опредѣленія насѣкомыхъ. Для этой цѣли коллекція, поставленная въ зоологической лабораторіи Академіи наукъ, ежедневно доступна для всѣхъ любителей энтомологіи, которые кромѣ того, благодаря любезности и всегдашней готовности быть полезнымъ хранителя музеума Академіи г. Менетріе, могутъ пользоваться тамъ-же богатою библіотекою энтомологическихъ сочиненій.

Вторая цѣль коллекціи — *способствовать къ достиженію современемъ полнаго познанія нашей фауны, сохраняя результаты трудовъ каждаго поколѣнія энтомологовъ для поколѣнія послѣдующаго*, избавляя его такимъ-образомъ отъ необходимости начинать изслѣдованіе фауны съизнова.

Человѣческой жизни не достанетъ для открытія и опредѣленія 10,000 видовъ насѣкомыхъ, составляющихъ нашу фауну. Это задача нѣсколькихъ поколѣній: необхомо, чтобы они передавали другъ другу результаты своихъ изслѣдованій. Передавать одни перечни недостаточно; опредѣленія могли быть ошибочны, а нѣтъ средства ихъ повѣрить. Притомъ, при всей вѣрности опредѣленій, наука идетъ впередъ; въ монографическихъ сочиненіяхъ, издаваемыхъ безпрестанно, нерѣдко оставляются прежнія разграниченія видовъ и вводятся новыя; насѣкомыхъ, соединенныхъ прежде подъ однимъ видовымъ названіемъ, распредѣляетъ въ два, три вида. (Такъ напр. Buprestis viridis L. подраздѣлено въ новѣйшіе время на множество видовъ).

(*) Слѣдующія лица приняли участіе въ состоявшейся въ то время складчинѣ, и сдѣлали денежныя пожертвованія на устройство коллекціи: К. Г. Гернетъ, Ф. П. Кеппенъ, Я. А. и А. А. Кушакевичи, А. К. Мандерштернъ, В. И. Мочульскій, Р. Р. Остенъ-Сакенъ, И. И. Рееръ и Г. Сиверсъ.



Вотъ причина, почему познаніе С. Петербургской фауны мало подвинулось впередъ, несмотря на то, что надъ нею трудятся уже болѣе 60 лѣтъ. Бёберъ, Цедергіельмъ и Гуммель оставили намъ перечни, не оставивъ коллекцій (*). Всѣ современники Гуммеля, о которыхъ было упомянуто выше, имѣли свои коллекціи; но куда дѣвались онѣ?

Перечни Гуммеля имѣли-бы весьма условное значеніе, еслибы нынѣшніе энтомологи не открыли снова въ здѣшней мѣстности большую часть упомянутыхъ имъ видовъ, и тѣмъ-же подтвердили точность его опредѣленій. Значитъ, собственно говоря, трудъ Гуммеля былъ возобновленъ нами.

Не то было-бы, еслибы существовали не одни перечни, но и коллекціи его. Намъ пришлось-бы въ такомъ случаѣ только продолжать имъ начатое. Съ этимъ согласится каждый, кто обсудитъ предметъ безпристрастно. Но что изъ этого слѣдуетъ? Не выходитъ-ли отсюда, что каждый, занимающійся энтомологіею нетолько для развлеченія, но какъ наукою, имѣющій слѣдовательно постоянно въ виду ея пользы, для обогащенія познанія мѣстной нашей фауны, будетъ считать *обязанностію своею жертвовать въ пользу общей коллекціи всѣми найденными рѣдкими видами, которые еще не находятся въ оной.* Коллекція есть общее достояніе всѣхъ здѣшнихъ энтомологовъ: жертвуя для нея насѣкомымъ, энтомологъ нисколько не лишается его, а только переставляетъ въ такое мѣсто, гдѣ и другіе могутъ имъ пользоваться.

Не смотря на убѣдительность этихъ доводовъ, бываютъ примѣры, что энтомологи отказываются отъ такого пожертвованія; «они предпочитаютъ, говоритъ Гуммель (Essais VI, стр. 2), храненіе въ своихъ жалкихъ коллекціяхъ, часто подъ

(*) Коллекція Гуммеля была куплена Академіею наукъ. До-сихъ-поръ слѣды ея замѣтны въ коллекціи музеума. Даже можно насѣкомыхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ столицы, отличить отъ другихъ, по особымъ значкамъ, которыми обозначалъ ихъ Гуммель. Но это небольшая часть видовъ, упомянутыхъ въ Essais въ числѣ здѣшнихъ.



неточными названіями, насѣкомыхъ рѣдкихъ, иногда неизвѣстныхъ, великодушному пожертвованію въ пользу науки. Не смѣшенъ-ли такого рода эгоизмъ этихъ мнимыхъ знатоковъ»?

Послѣдствія-же столь односторонняго взгляда на науку вотъ какія! Такой энтомологъ уѣзжаетъ изъ Петербурга, умираетъ, или просто перестаетъ заниматься энтомологіею. Коллекція его въ такомъ случаѣ обыкновенно пропадаетъ; найденныя въ здѣшней мѣстности насѣкомыя, переходя въ другія руки, смѣшиваются съ иностранными и теряютъ всякое значеніе для нашей фауны. (Такъ пропалъ напр. рѣдкій Elater elegantulus, видѣнный мною въ одной коллекціи, пропадутъ и многія другія рѣдкости). Остаются, можетъ быть, въ перечняхъ названія этихъ видовъ; но, какъ было замѣчено выше, нельзя безусловно вѣрить перечнямъ, не имѣя средствъ повѣрить опредѣленія.

Къ чести здѣшнихъ энтомологовъ нужно сказать, что подобные примѣры весьма рѣдки. Пожертвованія, поступившія въ коллекцію, были довольно значительны; многіе энтомологи изъявили даже готовность предоставить ей виды, имѣвшіеся у нихъ въ одномъ лишь экземплярѣ, если только и другіе согласятся послѣдовать ихъ примѣру. Такое требованіе совершенно справедливо: цѣль коллекціи будетъ достигнута только тогда, когда по-крайней-мѣрѣ *большинство* энтомологовъ согласится на подобное пожертвованіе; пока этого нѣтъ, нельзя во-зло употреблять готовность нѣкоторыхъ, болѣе просвѣщенныхъ лицъ.

Нынѣ въ коллекціи приведены въ порядокъ жесткокрылыя (около 1000 видовъ), часть двукрылыхъ и полужесткокрылыхъ (hemiptera), и кромѣ того собраны матеріалы для составленія, со-временемъ, коллекцій другихъ отрядовъ.

Надѣемся, что дѣйствительность убѣжденій нашихъ выразится въ быстромъ приращеніи общей коллекціи С. Петербургской энтомологической фауны.

ГЛАВА III.

Перечень насѣкомыхъ окрестностей С. Петербурга, доселѣ найденныхъ.

ОТРЯДЪ COLEOPTERA.

(*Жесткокрылыя*).

§ 1. Раздѣленіе насѣкомыхъ каталога на четыре разряда.

Отъ перечня насѣкомыхъ извѣстной мѣстности требуется не только *полнота*, но и *точность*. Другими словами, перечень долженъ, во-первыхъ, заключать названія *всѣхъ* видовъ насѣкомыхъ, найденныхъ въ этой мѣстности; во-вторыхъ, не долженъ давать ошибочныхъ показаній о видахъ, ей не свойственныхъ. Соединить эти два качества не совсѣмъ легко. Еслибы составитель перечня, имѣя въ виду одну точность, внесъ въ оный единственно виды, найденные имъ самимъ, то онъ не достигъ-бы желаемой полноты. Еслибы, на-оборотъ, заботясь о возможной полнотѣ, онъ присоединилъ къ собственнымъ, наблюденія постороннихъ лицъ, разбросанныя въ разныхъ сочиненіяхъ, или сообщенныя изустно, то списокъ его легко могъ-бы утратить необходимую точность. Не предполагая даже умышленно-ложныхъ показаній, недостатки въ-отношеніи точности легко могутъ произойти отъ ошибокъ въ опредѣленіяхъ, недоразумѣній вслѣдствіе многосложной синонимін, наконецъ, въ изустно передаваемыхъ свѣдѣніяхъ, просто отъ недостатка памяти, или отъ безпорядка въ коллекціи.

Чтобы соединить, сколько возможно, полноту съ точностію, мы раздѣлили насѣкомыхъ нашего каталога на четыре разряда, смотря по роду авторитета, на основаніи котораго они внесены въ оный.

Въ первомъ разрядѣ помѣщены виды, имѣющіе представителей въ коллекціи С. Петербургской фауны, находящейся нынѣ

въ зоологическомъ музеумѣ Академіи наукъ. Здѣсь ручательствомъ достовѣрности служитъ существованіе экземпляровъ, по которымъ опредѣлены были видовыя названія: въ случаѣ сомнѣнія, опредѣленіе всегда можетъ быть повѣрено по тѣмъже самымъ экземплярамъ.

Ко второму разряду отнесены такіе виды, представители которыхъ въ коллекціи С. Петербургской фауны еще не внесены, а находятся въ частныхъ коллекціяхъ здѣшнихъ энтомологовъ. Сюда помѣщены, впрочемъ, только виды, которые намъ удалось повѣрить, сравнивъ ихъ съ описаніемъ. И здѣсь, въ случаѣ сомнѣнія, можно убѣдиться въ точности опредѣленія, обратившись къ владѣльцу экземпляра.

Жесткокрылыя *третьяго разряда* внесены въ перечень на основаніи чужаго авторитета, т. е. другихъ сочиненій. Такимъобразомъ помѣщены въ этотъ отдѣлъ нѣкоторые виды, упомянутые въ Essais Гуммеля, но еще не найденные въ наше время. Эти виды рано или поздно будутъ снова открыты, и поступятъ въ такомъ случаѣ, при новомъ изданіи каталога, въ 1 или 2 разрядъ.

Гуммелю, какъ всякому другому, случалось ошибаться въ опредѣленіяхъ. Тамъ, гдѣ ошибки могли быть поправлены, это было сдѣлано (*), въ другихъ случаяхъ видовое названіе оставлено безъ перемѣны, хотя-бы и казалось сомнительнымъ.

Кромѣ Essais Гуммеля, я почерпнулъ многія свѣдѣнія изъ каталога Русскихъ насѣкомыхъ г. Мочульскаго. Трудъ этотъ

(*) Такъ напр., по разсмотрѣніи сохранившихся въ Академіи экземпляровъ Гуммеля, оказалось, что описанный имъ Catops punctatostriatus не есть новый видъ, а только видоизмѣненіе sericeus F., и что Anobium denticolle, упомянутые въ Essais, должно называться Anobium carpini. Даже не имѣя передъ собою экземпляровъ Гуммеля, можно было иногда сдѣлать такія поправки. Въ Essais упоминается напр. Necrophorus vestigator Illig, но Гуммель опредѣлялъ своихъ насѣкомыхъ преимущественно по Гилленгалю. Гилленгаль-же сдѣлалъ ошибку, описавъ подъ именемъ vestigator Illig. видъ совершенно отличный, называемый нынѣ ruspator Er., нерѣдко встрѣчающійся и у насъ. Этотъ-то видъ и имѣлъ Гуммель, и узнавъ его въ описаніи Гилленгаля, по винѣ послѣдняго, придалъ ему неправильное названіе.



еще не изданъ вполнѣ; часть его, заключающая семейства Cicindelae и Carabi, напечатана въ Bulletin des Naturalistes (въ Москвѣ); продолженіе вышло въ 1853 г. въ Гельсингфорсѣ, подъ заглавіемъ: «Hydrocanthares de Russie». Наконецъ, остальная часть этого сочиненія, еще не напечатанная, была сообщена мнѣ г. Мочульскимъ въ рукописи. Свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ каталоговъ г. Мочульскаго, тѣмъ важнѣе, что коллекція его находится въ С. Петербургѣ, и всѣ видовыя названія, заимствованныя мною оттуда, могутъ, въ случаѣ надобности, быть повѣрены по экземплярамъ этой коллекціи.

Въ четвертомъ разрядѣ помѣщено небольшое число насѣкомыхъ, о существованіи которыхъ въ окрестностяхъ столицы мнѣ извѣстно единственно изъ достовѣрныхъ изустныхъ показаній здѣшнихъ энтомологовъ. Всѣ эти виды такъ отличаются формою и цвѣтомъ, что ошибки въ опредѣленіи произойти не могло.

Такое раздѣленіе на разряды примѣнено въ перечнѣ къ каждому *роду* (Genus) отдѣльно, т. е. такъ, что сначала поставлены виды, принадлежащіе къ первому разряду, потомъ ко второму, третьему и четвертому. Начало каждаго разряда отмѣчено соотвѣтствующимъ числомъ звѣздочекъ.

Отъ этого раздѣленія я принужденъ былъ отступить, по недостатку матеріаловъ, въ семействѣ Staphilini, перечень которыхъ принадлежитъ въ цѣлости къ 3 разряду, т. е. составленъ по Essais Гуммеля, Précis d'une nouvelles distribution des Brachélytres Маннергейма, и въ-особенности, по рукописному каталогу г. Мочульскаго.

§ 2. ФАУНА ГУММЕЛЯ.

Хотя Гуммелю не удалось осуществить постоянную мечту свою изданіемъ сочиненія о С. Петербургской фаунѣ, не смотря на это, въ его Essais разбросаны немаловажные матеріалы для составленія каталога здѣшнимъ жесткокрылымъ. Большая

часть видовъ, упомянутыхъ въ представляемомъ нами спискѣ, были уже открыты Гуммелемъ или его современниками.

Вотъ почему, по нашему мнѣнію, было-бы несправедливостію представить нашъ перечень, какъ результатъ изслѣдованій одного лишь современнаго поколѣнія, забывъ о трудахъ предшествующихъ. Для избѣжанія такой несправедливости, мы отмѣтили въ перечнѣ звѣздочкою всѣ виды, не упомянутые у Гуммеля, и составляющія по этой причинѣ новыя пріобрѣтенія нашей фауны. Но, какъ не всегда легко было разъяснить синонимію многихъ видовыхъ названій, употребленныхъ Гуммелемъ, нынѣ-же оставленныхъ, то встрѣтившіяся въ этомъ отношеніи сомнѣнія объяснены въ особыхъ примѣчаніяхъ.

§ 3. Система.

Въ раздѣленіи отряда жесткокрылыхъ на семейства и въ расположеніи сихъ послѣднихъ, я слѣдовалъ порядку, принятому съ сочиненіи Редтенбахера: «Fauna austriaca». Это сочиненіе, лучшее въ своемъ родѣ, находится въ рукахъ здѣшнихъ энтомологовъ.

§ 4. Названія мѣстностей и лицъ; числа для означенія относительной рѣдкости насѣкомыхъ; русскія названія.

Мѣстность, гдѣ найдено насѣкомое, упомянута мною только у видовъ рѣдкихъ, или такихъ, границу распространенія которыхъ любопытно опредѣлить въ-точности. Эти свѣдѣнія весьма неполны; но ихъ достаточно, чтобы обратить вниманіе энтомологовъ на этотъ важный предметъ. При новомъ изданіи каталога найдется болѣе такихъ данныхъ; во всякомъ случаѣ, полезно собирать и сохранять ихъ, а то они легко предаются забвенію. Многія названія мѣстностей покажутся, можетъ быть, слишкомъ малоизвѣстными; но здѣшнимъ энтомологамъ они хорошо знакомы.

Фамиліи лицъ, нашедшихъ рѣдкія насѣкомыя, или сообщившихъ мнѣ свои наблюденія, для постороннихъ интереса не представляютъ. Но онѣ важнѣе для круга здѣшнихъ энтомологовъ, которымъ такимъ образомъ доставляется ручательство въ точности сообщаемаго и средство повѣрки.

Числа, поставленныя вслѣдъ за видовыми названіями, означаютъ, считается-ли насѣкомое рѣдкимъ или обыкновеннымъ. (См. ниже значеніе каждаго изъ нихъ). Отмѣтки эти, разумѣется, только приблизительныя; то или другое насѣкомое попадалось мнѣ часто, а другому энтомологу — рѣдко, и на-оборотъ.

Русскія названія насѣкомыхъ бываютъ двухъ родовъ: народныя и придуманныя энтомологами. Первыя составляютъ богатство языка; собирать ихъ любопытно и полезно. Придумываніе-же названій есть трудъ большею частію неблагодарный и не приносящій пользы ни языку, ни наукѣ. Такія названія рѣдко удачны, а большею частію очень неблагозвучны, напр. насѣкомыя *булавосяжковыя* (Clavicornia), *пилосяжковыя* (Serricornia) и проч. Я привелъ, гдѣ слѣдуетъ, небольшое число извѣстныхъ мнѣ народныхъ названій, а изъ придуманныхъ сообщалъ только тѣ, которыя показались мнѣ болѣе удачными.

По мѣрѣ имѣвшихся свѣдѣній, въ перечняхъ обозначены *мѣстности*, гдѣ найдены насѣкомыя (*), кромѣ видовъ самыхъ обыкновенныхъ, встрѣчающихся повсемѣстно. *Время года* рѣдко обозначено въ отрядѣ жесткокрылыхъ; они преимущественно появляются весною и осенью; при изслѣдованіи другихъ отрядовъ, особенно двукрылыхъ, замѣчать оное необходимо. Для означенія мѣсяца, когда какой-либо экземпляръ пойманъ, энто-

(*) Для предупрежденія недоразумѣній, объясняемъ здѣсь, что подъ именемъ *Лопухинки* въ перечняхъ постоянно обозначается мѣсто, находящееся въ 15 верстахъ отъ Гостилицъ, и извѣстное водолечебнымъ заведеніемъ, *а не Осиновая роща*, которую иногда называютъ тѣмъ-же именемъ.

мологи обыкновенно употребляютъ цвѣтные кусочки бумаги, продѣтые на булавку, носящую насѣкомое. Полезно было-бы всѣмъ энтомологамъ согласиться между собою на-счетъ *формы* и цвѣта этихъ значковъ. Самая удобная форма четыреугольная; гораздо легче нарѣзать большое множество бумажныхъ четыреугольничковъ, нежели треугольничковъ или кружковъ. Въ коллекціи насѣкомыхъ здѣшней фауны, находящейся въ Академіи наукъ, употреблены слѣдующіе цвѣта, для обозначенія мѣсяцевъ: ранняя весна (апрѣль, май) — *розовый* (*красноватый*), іюнь — *зеленый*, іюль — *голубой*, августъ — *желтый*, осень (сентябрь, октябрь) — *свѣтлофіолетовый*, зима — *бѣлый*.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ.

I. Малая звѣздочка (*), налѣво отъ видоваго названія, означаетъ, что о видѣ этомъ *не упоминается* въ Essais Гуммеля.

II. Большія звѣздочки (*), смотря по числу ихъ, означаютъ, къ какому разряду принадлежатъ слѣдующіе за ними виды.

III. Числа, поставленныя вслѣдъ за видовыми названіями, означаютъ: 1 — весьма рѣдкій, 2 — рѣдкій, 3 — довольно рѣдкій, 4 — нерѣдкій, 5—обыкновенный, 6 — весьма обыкновенный.

IV. Motch. Cat. означаетъ печатные, а Motch. Cat. man.— рукописный каталогъ г. Мочульскаго.

(*Продолженіе впредь*).

III.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ВѢДОМОСТИ

ОБЪ

УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА 1855 И 1856 ГОДЫ.

№ 1.

УЧЕНІЯ И ВОСПИТА

Въ имперіи:

Университетовъ. . . . .
Главный педагогическій институтъ. . . . .
Лицеевъ . . . .
Ветеринарныхъ училищъ. . . . .
Дворянскихъ институтовъ . . . .
Гимназій . . . .
Уѣздныхъ училищъ. . . . .
Училищъ приходскихъ и при церквахъ иностранныхъ исповѣданій. . . . .
Частныхъ учебныхъ заведеній . . . .
Еврейскихъ казенныхъ училищъ . . . .

—

Учебныхъ заведеній въ царствѣ Польскомъ. . . . .

Пансіоновъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ . . . . . .
Конвиктовъ и общихъ ученическихъ квартиръ. . . . .

Учащихся:

Въ имперіи:

Въ университетахъ. . . . .
» главномъ педагогическомъ институтѣ. . . . .
» лицеяхъ. . . . .
» ветеринарныхъ училищахъ . . . .
» округахъ (безъ Еврейскихъ училищъ). . . . .
» Еврейскихъ казенныхъ училищахъ . . . .

—

Учащихся въ царствѣ Польскомъ. . . . .

[illegible]

	1855.	1856.
....	6	6
....	1	1
....	3	3
....	2	2
....	3	3
....	76	77
....	439	438
....	1,106	1,085
....	614	615
....	106	105
....	1,516	1,454
Всего . .	3,872	3,789
....	54	54
....	47	47
Всего . .	101	101
....	3,659	4,148
....	112	106
....	254	208
....	102	102
....	116,120	117,895
....	3,488	3,118
....	71,755	71,112
Всего . .	194,490	196,689

№ 2.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ

	Универси-теты.		Лицеи.		Ветеринарныя училища.		Гимназіи.	
	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.
Главный педагогическій институтъ. . . .	1	1	—	—	—	—	—	—
Въ учебныхъ округахъ:								
С. Петербургскомъ	1	1	—	—	—	—	15	15
Московскомъ. .	1	1	1	1	—	—	12	12
Кіевскомъ . . .	1	1	1	1	—	—	11	11
Харьковскомъ.	1	1	—	—	1	1	7	7
Казанскомъ . .	1	1	—	—	—	—	12	13
Дерптскомъ . .	1	1	—	—	1	1	4	4
Одесскомъ. . .	—	—	1	1	—	—	7	7
Виленскомъ . .	—	—	—	—	—	—	8	8
Въ Сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ. . .	—	—	—	—	—	—	3	3
И того . .	7	7	3	3	2	2	79	80

ВЪ ИМПЕРІИ.

Училища				Частные пансіоны и школы.		Еврейскія казенныя училища.		Всего.	
Уѣздныя.		Приходскія.							
1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
64	64	139	139	230	232	19	19	468	470
84	84	239	246	71	83	—	—	402	427
41	41	117	117	31	27	38	38	240	236
68	68	121	118	39	37	—	—	237	232
79	79	164	164	23	23	—	—	279	280
25	25	91	85	161	145	6	6	289	267
33	32	76	70	35	42	17	16	169	168
24	24	115	95	22	23	26	26	193	186
21	21	50	51	2	3	—	—	76	78
439	438	1,106	1,085	614	615	106	105	2,356	2,345

№ 3.

ЧИСЛО ЧИНОВНИКОВЪ, УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ

Въ университетахъ:

С. Петербургскомъ. . . . .

Московскомъ . . . .

Харьковскомъ. . . . .

Казанскомъ. . . . .

Св. Владиміра. . . . .

Дерптскомъ. . . . .

Въ главномъ педагогическомъ институтѣ . . . .

Въ лицеяхъ:

Ришельевскомъ. . . . .

Демидовскомъ . . . .

Князя Безбородко. . . . .

Въ ветеринарныхъ училищахъ:

Дерптскомъ. . . . .

Харьковскомъ. . . . .

ВЪ ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

	Учащихъ и должностныхъ лицъ.		Учащихся.	
	1855.	1856.	1855.	1856.
. . . .	77	75	399	463
. . . .	128	117	1,203	1,456
. . . .	78	72	483	458
. . . .	77	76	340	322
. . . .	94	92	616	881
. . . .	74	76	618	573
. . . .	44	44	112	106
. . . .	35	33	110	96
. . . .	14	16	85	57
. . . .	21	20	59	55
. . . .	17	16	26	21
. . . .	15	15	76	81
Всего . .	674	652	4,127	4,564

№ 4.

ЧИСЛО УЧИЛИЩЪ, УЧАЩИХЪ И УЧА

По учебнымъ округамъ:
С. Петербургскому . . . .
Московскому. . . . .
Кіевскому . . . .
Харьковскому . . . .
Казанскому . . . .
Дерптскому . . . .
Одесскому . . . .
Виленскому . . . .
По Сибирскимъ губерніямъ и областямъ. . . . .

щихся по округамъ, въ Имперіи.

	Училищъ.		Учащихъ и должностныхъ лицъ.		Учащихся.	
	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.
. . . .	467	469	869	864	22,634	23,421
. . . .	400	425	1,239	1,241	23,088	23,169
. . . .	238	234	784	625	11,196	11,258
. . . .	235	230	818	829	11,423	11,430
. . . .	278	279	1,006	1,016	16,315	17,116
. . . .	287	265	282	302	12,646	12,234
. . . .	168	167	487	496	9,616	9,203
. . . .	195	186	594	602	8,344	8,991
. . . .	76	78	229	244	4,346	4,191
И того . .	2,344	2,333	6,308	6,219	119,608	121,013

№ 5.

ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

	1855.	1856.
С. Петербургскій округъ.		
Въ С. Петербургѣ: первая гимназія	120	134
вторая »	415	480
третья »	391	424
четвертая (Ларинская)	331	378
пятая	262	263
Въ Псковѣ	192	212
» Новгородѣ	166	183
» Вологдѣ	170	196
» Петрозаводскѣ	78	77
» Архангельскѣ	115	113
» Могилевѣ	287	295
» Витебскѣ	284	310
» Динабургѣ	122	115
	2,933	3,180
Московскій округъ.		
Въ Москвѣ: первая гимназія	427	498
вторая »	276	289
третья »	343	363
четвертая »	247	312
» Владимірѣ	190	207
» Костромѣ	218	242
» Калугѣ	257	262
» Рязани	308	304
» Смоленскѣ	186	199
» Твери	222	210
» Тулѣ	237	248
» Ярославлѣ	330	329
	3,241	3,473
Казанскій округъ.		
Въ Казани: первая гимназія	230	237
вторая »	177	193
» Нижнемъ-Новгородѣ: Александровскій дворянскій институтъ	82	84
гимназія	178	188
» Симбирскѣ	216	249

	1855.	1856.
Въ Пензѣ: дворянскій институтъ........	115	111
гимназія................	194	213
» Саратовѣ..................	245	258
» Вяткѣ..................	150	149
» Перми..................	162	206
» Уфѣ..................	160	170
» Астрахани..................	148	150
» Самарѣ..................		64
	2,057	2,272
Харьковскій округъ.		
Въ Харьковѣ: первая гимназія.........	224	245
вторая »	164	170
» Курскѣ..................	188	187
» Воронежѣ..................	245	228
» Орлѣ..................	139	134
» Тамбовѣ..................	189	196
» Новочеркасскѣ..............	284	364
	1,433	1,524
Кіевскій округъ.		
Въ Кіевѣ: первая гимназія...........	210	213
вторая »	712	738
» Житомирѣ..................	462	519
» Каменцѣ-Подольскомъ............	320	335
» Ровно..................	258	249
» Черниговѣ..................	239	232
» Новгородѣ-Сѣверскомъ..........	215	223
» Полтавѣ..................	257	290
» Немировѣ..................	462	507
» Бѣлой-Церкви..............	155	161
» Нѣжинѣ..................	240	263
	3,530	3,730
Дерптскій округъ.		
Въ Дерптѣ: гимназія..............	170	182
» Ригѣ..................	214	187
» Митавѣ..................	237	231
» Ревелѣ..................	173	162
	794	762

	1855.	1856.
Виленскій округъ.		
Въ Вильнѣ: дворянскій институтъ	135	157
гимназія.	347	370
» Ковнѣ	239	250
» Гроднѣ.	216	217
» Шавляхъ.	333	357
» Бѣлостокѣ.	209	246
» Минскѣ.	317	317
» Слуцкѣ.	288	329
	2,084	2,243
Одесскій округъ.		
Въ Одессѣ: при Ришельев. лицеѣ гимназія .	121	128
вторая гимназія	251	312
» Херсони	208	210
» Симферополѣ	66	109
» Екатеринославѣ.	262	258
» Кишиневѣ.	277	299
» Таганрогѣ.	137	149
	1,322	1,465
По Сибирскимъ управленіямъ.		
Въ Иркутскѣ: гимназія	180	186
» Тобольскѣ.	136	151
» Томскѣ.	107	112
	423	449
По округамъ:		
С. Петербургскому	2,933	3,180
Московскому.	3,241	3,473
Казанскому.	2,057	2,272
Харьковскому	1,433	1,524
Кіевскому	3,530	3,730
Дерптскому	794	762
Виленскому	2,084	2,243
Одесскому	1,322	1,465
По Сибирскомъ управленіямъ	423	449
И того . .	17,817	19,098

№ 6.

ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ ВЪ НИЗШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

По округамъ:	Въ уѣздныхъ училищахъ.		Въ приходскихъ училищахъ.	
	1855.	1856.	1855.	1856.
С. Петербургскому	4,277	4,518	6,401	6,863
Московскому	5,068	5,025	13,415	13,540
Харьковскому	3,190	3,208	6,140	6,166
Казанскому	3,750	3,680	8,995	9,054
Кіевскому	3,317	3,558	4,011	4,424
Дерптскому	1,477	1,368	3,813	3,617
Виленскому	2,490	2,350	1,416	1,321
Одесскому	2,250	2,448	2,695	2,832
По Сибирскимъ управленіямъ	1,490	1,445	2,215	2,117
И того	27,309	27,600	49,101	49,934

№ 7.

ЧИСЛО. УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И

	Число заведеній.	
	1855.	1856.
1) Общія:		
Благородный институтъ въ Варшавѣ.	1	1
Филологическихъ гимназій	6	6
» уѣздныхъ училищъ	17	17
Начальныхъ училищъ.	1,185	1,135
Ремесленно-воскресныхъ училищъ.	92	93
Еврейскихъ начальныхъ училищъ.	5	5
	1,306	1,257
2) Специальныя:		
Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства.	1	1
Реальная гимназія	1	1
Художественная школа	1	1
Институтъ первоначальныхъ учителей. . . .	1	1
Реальныхъ высшихъ училищъ.	2	2
» уѣздныхъ »	9	9
Воскресно-коммерческое училище	1	1
Училище раввиновъ	1	1
	17	17
3) Частныя:		
а) *Высшія:*		
Мужскихъ	9	9
Женскихъ	52	52
б) *Низшія:*		
Начальныхъ для обоего пола.	132	119
	193	180
Итого . .	1,516	1,454

УЧАЩИХСЯ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

	Число учащихся.	
	1855.	1856.
Въ Варшавскомъ благородномъ институтѣ. .	239	247
» филологическихъ гимназіяхъ.	1,504	1,634
» » уѣздныхъ училищахъ.	2,649	2,704
» начальныхъ училищахъ.	52,256	50,481
» ремесленно-воскресныхъ училищахъ . . .	5,530	5,455
» Еврейскихъ начальныхъ училищахъ. . .	470	473
	62,648	60,994
» Институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, съ находящеюся при немъ сельскою школою.	198	203
» реальной гимназіи	508	560
» художественной школѣ.	106	88
» институтѣ первоначальныхъ учителей. .	32	31
» реальныхъ высшихъ училищахъ	567	544
» » уѣздныхъ »	1,209	1,304
» воскресно-коммерческомъ училищѣ. . . .	236	239
» училищѣ Раввиновъ.	174	163
	3,030	3,132
Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.	6,077	6,986
И того . .	71,755	71,112

№ 8.

ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

	1855.	1856.
Въ Варшавской губернской гимназіи.	304	339
» » реальной »	508	560
» Радомской губернской гимназіи.	140	170
» Люблинской » »	340	337
» Плоцкой » »	221	241
» Сувалкской » »	179	193
» Петрковской » »	320	354
И того . .	2,012	2,194

№ 9.

ЧИСЛО УЧИЛИЩЪ, УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Въ губерніяхъ:	Публичныя заведенія. Филологическихъ гимназій.		Публичныя заведенія. Специальныхъ, реальныхъ, уѣздныхъ и первоначальн. училищъ.		Частныхъ учебныхъ заведеній.		Учащихъ и надзирающихъ.		Учащихся вообще.	
	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.
Варшавской	2	2	804	756	137	132	1,491	1,444	45,889	44,972
Радомской .	1	1	168	168	21	20	308	316	9,790	9,877
Люблинской	1	1	153	152	13	13	287	292	6,397	6,481
Плоцкой. . .	1	1	124	121	18	14	229	224	6,351	6,417
Августовской	1	1	68	71	4	1	145	143	3,328	3,365
И того . .	6	6	1,317	1,268	193	180	2,460	2,419	71,755	71,112

№ 10.

числа лицъ, возведенныхъ

	Въ универси						
	С. Петербургскомъ.		Московскомъ.		Харьковскомъ.		Казан
	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.
Докторовъ по разнымъ факультетамъ	2	3	2	1	—	1	—
Магистровъ	11	5	4	5	1	1	—
Кандидатовъ	65	70	38	43	19	24	21
Дѣйствительныхъ студентовъ	23	15	40	61	20	28	13
Докторовъ медицины	—	—	5	3	—	—	—
Лекарей	—	—	89	80	32	32	33
Уѣздныхъ врачей	—	—	41	66	8	12	—
Акушеровъ, какъ членовъ врачебной управы	—	—	4	3	—	—	—
Операторовъ, какъ членовъ врачебной управы	—	—	7	6	1	4	—
Инспекторовъ врачебной управы	—	—	1	2	1	—	—
Магистровъ ветеринарныхъ наукъ	—	—	—	—	—	—	—
Ветеринарныхъ врачей	—	—	—	—	—	—	—
Ветеринарныхъ помощниковъ	—	—	—	—	—	—	—
Магистровъ фармаціи	—	—	5	—	—	1	—
Провизоровъ	—	—	38	38	5	1	—
Аптекарскихъ помощниковъ	—	—	58	45	12	21	—
Зубныхъ врачей	—	—	3	1	—	1	—
Повивальныхъ бабокъ	—	—	—	—	1	—	—
Итого	101	93	335	354	100	126	67

[illegible]

…тетахъ.					Въ ветеринарныхъ училищахъ.				Всего.	
…скомъ.	Св. Владиміра.		Дерптскомъ.		Дерптскомъ.		Харьковскомъ.			
1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.
—	—	—	—	3	—	—	—	—	4	8
1	2	1	7	4	—	—	—	—	25	17
19	20	14	30	35	—	—	—	—	193	205
10	13	17	30	33	—	—	—	—	139	164
—	2	—	24	20	—	—	—	—	31	23
38	70	34	13	18	—	—	—	—	237	202
30	7	7	5	8	—	—	—	—	61	129
—	—	—	1	1	—	—	—	—	5	4
3	—	—	—	1	—	—	—	—	8	14
1	—	—	1	—	—	—	—	—	3	8
—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
—	—	—	—	—	8	4	31	22	39	26
—	—	—	—	—	—	—	3	8	3	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1
3	11	11	21	17	—	—	—	—	75	70
3	26	43	24	29	—	—	—	—	120	141
—	—	1	1	—	—	—	—	—	4	3
2	9	6	1	14	—	—	—	—	11	22
110	160	134	158	183	9	4	34	30	964	1,032

№ 11.

СОСТОЯНІЕ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ

	Кабин							
Въ университетахъ:	Математическій.	Физическій.	Минералогическій.	Зоологическій.	Патологическій.	Анатомическій.	Сравнит. анатоміи.	Хирургическій.
С. Петербургскомъ.	—	413	6,955	10,412	—	—	—	—
Московскомъ	—	432	11,722	66,350	—	7,234	1,773	369
Харьковскомъ. . . .	130	491	11,457	16,610	—	—	—	—
Казанскомъ	—	576	10,130	6,114	—	3,125	933	3,826
Св. Владиміра. . . .	—	480	16,402	38,455	1,268	—	2,491	—
Дерптскомъ	129	985	17,347	11,308	1,099	1,443	2,076	—
Въ главномъ педагогическомъ институтѣ	—	267	4,510	3,159	—	—	—	—
Въ лицеяхъ:								
Ришельевскомъ . . .	54	307	3,501	11,799	—	—	—	—
Демидовскомъ. . . .	—	149	5,600	1,417	—	—	—	—
Князя Безбородко .	—	188	697	1,227	—	—	—	—

ВЪ ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

н е т ы.						Астрономич. обсерваторіи.	Собранія.		Ботаническіе сады.
Анатомико-патолог.	Анатом.-хирург.	Фармакологич.	Древностей.	Нумизматическій.	Архитектурный.		Моделей и машинъ для прикладн. матем.	Технологическія и агрономическія.	
—	—	—	—	—	—	—	47	479	—
740	—	2,212	16,515	—	32	36	—	1,790	7,475
2,635	—	—	—	22,320	—	—	—	933	18,947
—	246	879	524	11,494	322	72	—	1,481	4,328
1,865	—	1,524	1,334	26,716	769	75	374	284	35,394
—	—	1,023	2,936	—	78	152	—	1,225	14,380
—	—	—	—	1,391	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1,711	—	—	—	111	—
—	—	—	721	—	—	—	—	175	—
—	—	—	—	428	—	—	—	—	—

№ 12.

СОСТОЯНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ БИБЛІОТЕКЪ [illegible]

	Число томовъ.	
	1855.	1856.
Въ Академіи наукъ	110,456	121,705
» университетахъ:		
Московскомъ	121,504	124,949
Св. Владиміра	94,720	96,170
Харьковскомъ	57,210	58,656
Казанскомъ	53,891	54,640
С. Петербургскомъ	49,592	52,666
Дерптскомъ	89,283	90,396
» Главномъ педагогическомъ институтѣ	17,736	17,741
» Варшавской главной	91,167	91,800
» лицеяхъ:		
Ришельевскомъ	15,128	17,632
Князя Безбородко	9,782	10,043
Демидовскомъ	7,379	7,580

№ 13.

СОСТОЯНІЕ ГИМНАЗИЧЕСКИХЪ БИБЛІОТЕКЪ.

	Число томовъ.	
	1855.	1856.
С. Петербургскій округъ.		
Въ С. Петербургской первой гимназіи	3,183	3,237
» » » второй »	3,626	3,715
» » » третьей »	2,918	2,963
» » » четвертой »	1,952	2,157
» » » пятой »	1,112	1,200
» Псковской	4,207	4,300
» Новгородской.	3,158	3,241
» Вологодской.	4,351	4,573
» Петрозаводской.	2,793	2,869
» Архангельской	3,946	4,115
» Могилевской.	5,527	5,607
» Витебской	12,957	12,984
» Динабургской.	2,762	2,816
Московскій округъ.		
Въ Московской первой гимназія. . . .	4,525	4,418
» » вторая »	1,381	1,445
» » третьей »	3,302	3,469
» » четвертой »	5,221	5,253
Въ Владимірской	2,453	2,536
» Костромской	4,544	4,585
» Калужской.	4,774	4,821
» Смоленской	4,675	4,694
» Тверской.	3,377	3,378
» Тульской.	1,789	1,818
» Ярославской.	2,959	2,980
» Рязанской	3,055	3,099
Казанскій округъ.		
Въ Казанской первой гимназіи.	1,631	1,631
» » второй »	2,649	2,728

	Число томовъ.	
	1855.	1856.
Въ Нижегородскомъ Александровскомъ дворянскомъ институтѣ. . .	2,896	3,044
» Нижегородской гимназіи	3,763	3,785
» Симбирской	3,065	2,890
» Пензинскомъ дворянскомъ институтѣ.	2,651	2,708
» Пензинской гимназіи	2,987	3,058
» Саратовской.	1,675	1,832
» Пермской.	2,225	2,319
» Вятской	2,617	2,657
» Уфимской	2,028	2,095
» Астраханской.	2,637	2,620
» Самарской.	—	54
Харьковскій округъ.		
Въ Харьковской первой гимназіи . . .	5,245	5,281
» » второй » . . .	2,091	2,158
» Курской	7,383	7,457
» Воронежской	3,391	3,469
» Орловской.	3,893	3,860
» Тамбовской	4,217	4,386
» Новочеркасской	6,773	7,416
Кіевскій округъ.		
Въ Кіевской первой гимназіи.	5,511	5,520
» » второй »	2,596	2,699
» Волынской.	7,879	7,944
» Каменецъ-Подольской.	3,712	3,791
» Черниговской.	1,540	1,652
» Новгородсѣверской	2,543	2,563
» Полтавской	5,922	5,930
» Немировской	3,456	3,637
» Бѣлоцерковской	7,764	7,811
Ровенской.	5,863	5,985

	Число томовъ.	
	1855.	1856.
Дерптскій округъ.		
Въ Дерптской гимназіи	5,690	5,785
» Рижской.	7,158	7,283
» Митавской.	29,288	29,421
» Ревельской	6,660	6,886
Виленскій округъ.		
Въ Виленскомъ дворянскомъ институтѣ.	6,127	6,129
» Виленской гимназіи	4,602	4,624
» Ковенской.	4,426	4,506
» Гродненской	8,137	8,183
» Шавельской.	2,778	2,837
» Бѣлостокской.	4,689	4,703
» Минской.	2,988	3,002
» Слуцкой	7,764	7,780
Одесскій округъ.		
Въ Одесской второй гимназіи	1,129	1,150
» Херсонской	2,562	2,578
» Симферопольской.	2,900	2,971
» Екатеринославской.	3,928	4,003
» Кишиневской	4,610	4,677
» Таганрогской	3,036	3,071
По Сибирскимъ управленіямъ.		
Въ Иркутской гимназіи	5,037	5,052
» Томской	1,220	1,231
» Тобольской	4,313	4,313

№ 14.

ЧИСЛО ЛИЦЪ, ПОЛУЧИВШИХЪ ВЪ 1856 ГОДУ СВИДѢТЕЛЬСТВА

По учебнымъ округамъ:	Домашніе наставники. 1855.	Домашніе наставники. 1856.
С. Петербургскому	5	3
Московскому	8	2
Харьковскому	—	—
Казанскому	1	1
Кіевскому	—	—
Дерптскому	—	5
Виленскому	1	2
Одесскому	5	3
И того	15	16

на право занятія домашнимъ обученіемъ.

Домашніе учители и учительницы.		Исправляющіе должности домашнихъ учителей и учительницъ.		Всего.		Получившіе право на начальное обученіе.	
1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.
134	99	11	12	150	114	122	140
24	97	98	2	125	101	13	12
9	7	—	2	9	9	—	15
11	10	4	—	16	11	—	1
—	1	—	—	—	1	—	5
42	65	—	—	42	70	102	98
6	3	—	—	7	5	66	58
6	3	2	1	13	7	3	28
232	285	115	17	362	318	306	357

№ 15.

ОБЩЕЕ ЧИСЛО ЛИЦЪ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ДОМАШ

По учебнымъ округамъ:	Домашнихъ наставниковъ.		Домашнихъ учителей.	
	1855.	1856.	1855.	1856.
С. Петербургскому	25	28	153	166
Московскому	6	8	132	150
Харьковскому	—	—	25	28
Казанскому	3	4	34	38
Кіевскому	—	—	—	—
Дерптскому	—	5	67	75
Виленскому	10	12	22	25
Одесскому	8	11	13	15
И того	52	68	446	497

нымъ воспитаніемъ въ Имперіи.

Домашнихъ учительницъ.		Исправляющихъ должность домашнихъ учителей.		Исправляющихъ должность домашнихъ учительницъ.		Занимающихся первоначальнымъ обученіемъ.				Всего.	
						Мужескаго пола.		Женскаго пола.			
1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.	1855.	1856.
200	286	12	15	10	19	23	39	208	332	631	885
130	209	3	4	6	7	33	42	41	44	351	464
21	25	—	—	—	2	12	—	31	46	89	101
37	43	1	—	—	—	27	—	24	25	129	138
—	1	—	—	—	—	—	4	—	1	76	82
239	296	17	—	8	—	79	—	208	306	674	786
—	—	—	—	—	—	4	6	58	114	94	157
4	5	2	3	1	—	9	—	6	28	43	72
631	865	35	22	25	28	151	91	556	896	2,087	2,685

ШВЕДСКАЯ ШКОЛА ВЪ ТОБОЛЬСКѢ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Теперь, когда просвѣщеніе сдѣлало такіе гигантскіе шаги, когда педагогія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается, когда потребность народныхъ школъ не подлежитъ болѣе сомнѣнію, не безъ интереса будутъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Шведской школѣ, существовавшей въ Тобольскѣ въ 1700 годахъ, и устроенной плѣнными Шведскими офицерами, съ такими ничтожными средствами, что мы, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, невольно должны удивляться, какъ это было возможно. Когда уже нынче предпріятіе подобнаго рода встрѣчаетъ столько затрудненій, что иногда не знаешь даже, какъ и отстранить ихъ, то не изумительно-ли, что въ то время нашлись люди, которые, изъ одной любви къ ближнимъ, рѣшились посвятить свое время и свои труды воспитанію дѣтей. Школа эта, заслужившая вниманіе и одобреніе Петра Великаго и существовавшая около 10 лѣтъ, служитъ яснымъ доказательствомъ, что̀ можно сдѣлать съ твердою волею и искреннимъ желаніемъ добра.

Послѣ битвы подъ Полтавою 27 іюня 1709 года, Шведскіе военноплѣнные отправлены были въ разные города внутри Россіи, какъ-то: въ Муромъ, Владиміръ, Коломну, Сѣвскъ и такъ далѣе, гдѣ уже и прежде находилось не малое число плѣнныхъ, взятыхъ Русскими съ 1702 года, въ сраженіяхъ, происходившихъ въ Лифляндіи, Курляндіи, Польшѣ, Литвѣ и Финляндіи. Находясь въ странѣ, языка которой они не знали, и между людьми, которыхъ считали варварами и врагами, они, конечно, должны были испытать много огорченій; но, къ-счастію ихъ, случилось обстоятельство, которое совершенно неожиданно вдругъ измѣнило ихъ судьбу, и вотъ какимъ-образомъ. Чтобы придать болѣе пышности торжественно-

му входу въ Москву, назначенному по-случаю побѣды подъ Полтавою, Петръ Великій повелѣлъ собрать туда всѣхъ Шведскихъ плѣнныхъ, которые и должны были въ день въѣзда, 22 декабря 1709 года, слѣдовать за царемъ по всей Москвѣ. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, плѣнные имѣли случай познакомиться и сблизиться съ многими Нѣмцами, жившими тамъ и принимавшими въ нихъ живѣйшее участіе. Болѣе-же всѣхъ заботился объ нихъ главный пасторъ Нѣмецкой слободы Ульрикъ Ѳома Ролофъ (Ulrich Thomas Roloff); онъ не только постоянно навѣщалъ ихъ, чтобы облегчить ихъ сердца утѣшеніями вѣры, но и снабжалъ ихъ назидательными книгами, и всячески старался о томъ, чтобы прихожане его по-возможности помогали имъ платьемъ, бѣльемъ и шубами, въ чемъ они крайне нуждались.

Причиною столь отраднаго для нихъ участія было то, что многіе изъ живишихъ въ Москвѣ Нѣмцевъ, а въ томъ числѣ и пасторы Ролофъ и Юстусъ Самуилъ Шаршмидтъ (Iustus Samuel Scharschmidt), слѣдовали ученіямъ Спенера (Speners) и Франке (Franke), также какъ и не малое число плѣнныхъ офицеровъ, а особенно тѣхъ, которые были родомъ изъ Германіи. Видя по этому въ плѣнныхъ своихъ братій по религіознымъ вѣрованіямъ, Московскіе Нѣмцы и впослѣдствіи оказывали имъ всевозможныя пособія не только собственными средствами, но склоняя къ тому-же многихъ въ Германіи через профессора Франке, который, узнавъ объ учрежденіи школы въ Тобольскѣ, доставлялъ изъ Галле (Halle) значительныя денежныя суммы, для поддержанія этого истинно-полезнаго заведенія.

Въ концѣ января и началѣ февраля 1710 года, всѣ почти плѣнные снова отправлены были изъ Москвы въ разные города. Когда-же въ 1711 году открытъ былъ въ Казани замыселъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, хотѣвшихъ съ товарищами своими бѣжать, то большая часть Шведскихъ плѣнныхъ отправлена была въ Сибирь, куда по этому, къ концу лѣта этого-же года, прибыло не малое число офицеровъ, чиновниковъ гражданскаго вѣдомства, пасторовъ, нижнихъ чиновъ, а также женщинъ и дѣтей, послѣдовавшихъ за своими мужьями и отцами. Болѣе половины этихъ несчастныхъ оставлены были въ Тобольскѣ, остальныхъ-же размѣстили по близлежащимъ городамъ и слободамъ. Солдаты употреблены были для казенныхъ работъ, офицерамъ-же и чиновникамъ предоставлена была полная свобода заниматься чѣмъ кому угодно.

Только Шведскому министру графу Пиперу, сосланному однакожь впослѣдствіи неизвѣстно по какимъ причинамъ въ крѣпость Нотенбургъ (Шлиссельбургъ), фельдмаршалу Рейншильду (Reinschild) и высшимъ офицерамъ дозволено было оставаться въ Москвѣ; въ числѣ ихъ былъ и подполковникъ фонъ Изендорфъ (von Isendorff), замѣчательный потому, что всѣ письма плѣнныхъ и всѣ пособія, для нихъ назначаемыя, шли чрезъ его руки.

Въ числѣ офицеровъ, оставшихся въ Тобольскѣ, былъ одинъ капитанъ Альбедильскаго драгунскаго полка, по имени Куртъ Фридерикъ фонъ-Врехъ, который принадлежалъ къ піетистамъ, и за свою набожность и примѣрно-нравственное поведеніе былъ уважаемъ всѣми своими товарищами. Недѣли черезъ четыре послѣ прибытія плѣнныхъ въ Тобольскъ, къ нему обратился одинъ изъ его товарищей, бѣдный ротмистръ, съ просьбою, взять къ себѣ на воспитаніе его 6-лѣтняго сына, на что тотъ охотно согласился; но какъ капитанъ фонъ-Врехъ жилъ не одинъ, а съ товарищемъ, и очень въ небольшой комнаткѣ, то при этомъ онъ объявилъ, что долженъ предварительно переговорить съ послѣднимъ и узнать, согласится-ли онъ, чтобы мальчикъ жилъ у нихъ. Товарищъ его дѣйствительно сталъ его отговаривать, стараясь доказать, что должность учителя совершенно неприлична для офицера; но фонъ-Врехъ не обратилъ на это никакого вниманія, во-первыхъ, потому, что считалъ предполагаемую услугу свою бѣдному товарищу богоугоднымъ дѣломъ, а во-вторыхъ потому, что находилъ, что еслибы ему и дѣйствительно пришлось снискивать себѣ пропитаніе, занимаясь воспитаніемъ дѣтей: то это, при настоящихъ обстоятельствахъ, когда и всѣ прочіе плѣнные офицеры должны были трудиться для своего существованія, нисколько не могло быть предосудительнымъ или неприличнымъ. Мальчикъ поступилъ къ нему въ сентябрѣ 1711 года.

Благодаря заботливости Русскаго правительства и великодушію тогдашняго генералъ-губернатора, плѣнные, во время пребыванія своего въ Сибири, не терпѣли большой нужды. Кромѣ того, что они получали денежныя вспоможенія, имъ еще дозволено было заниматься охотою и рыбною ловлею, и вообще трудами пріобрѣтать средства къ обезпеченію и улучшенію своего существованія. Пользуясь этимъ, многіе изъ нихъ взяли на-откупъ продажу пива и меду, другіе дѣлали карты, разныя изящныя вещи изъ серебра,

красивые кошельки, вытачивали изъ мамонтовой и слоновьей кости табакерки, коробочки и тому подобное, шлифовали драгоцѣнные камни, вырѣзывали печати и дѣлали всякія галантерейныя безделки. Все это они не только выгодно продавали въ Тобольскѣ и ближайшихъ городахъ, но даже отсылали въ Москву, гдѣ работы ихъ имѣли очень хорошій сбытъ. Тѣ-же изъ офицеровъ, которые не могли заниматься никакимъ ремесломъ, опредѣлялись къ коменданту и другимъ значительнымъ лицамъ учителями Нѣмецкаго языка, или экономами и управляющими, такъ-что каждый плѣнный имѣлъ какое-нибудь занятіе, обезпечивавшее его существованіе; по этому капитану фонъ-Вреху очень прилично было завести школу, хотя онъ, впрочемъ, вѣроятнѣе всего рѣшился на это изъ человѣколюбія, а не изъ нужды. Вскорѣ послѣ поступленія къ нему мальчика, товарища его перевели въ другой домъ, и мѣсто его занялъ офицеръ, который принялъ живѣйшее участіе въ планахъ капитана фонъ-Вреха.

Изъ вышесказаннаго видно, что уже при самомъ основаніи школы встрѣтились нѣкоторыя затрудненія; но это еще не все: вскорѣ капитанъ фонъ-Врехъ, главною цѣлію котораго было образовать изъ своего воспитанника добраго христіанина, которому онъ по этому желалъ передать основанія вѣры, къ немалому огорченію, замѣтилъ, какъ поверхностны были собственныя его познанія относительно этого предмета. Конечно, онъ, какъ и всякій, въ молодости учился катихизису и священной исторіи, но потомъ очень мало занимался религіозными книгами, библіи-же онъ почти вовсе не зналъ; ему до самаго того времени, когда онъ попался въ плѣнъ и отосланъ былъ въ Сѣвскъ, никогда не случалось даже читать ее. Теперь онъ усердно принялся за Библію, вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей своихъ корнетомъ Поулемъ; ознакомившись таким-образомъ съ главнѣйшимъ ея содержаніемъ, онъ вскорѣ былъ въ-состояніи передавать истины ея своему воспитаннику. Когда это сдѣлалось гласнымъ и товарищи его узнали, какъ усердно и добросовѣстно онъ занимался своимъ воспитанникомъ, то многіе изъ нихъ стали просить его, чтобы онъ взялъ къ себѣ и ихъ дѣтей, и такимъ образомъ у него скоро образовалась школа, въ которой уже въ 1714 году было 7 человѣкъ полныхъ пансіонеровъ и 3 наставника (Imformatorius) и 5 человѣкъ полупансіонеровъ. Въ это-же время назначенъ инспекторомъ школы полковой пасторъ Біернеборгскаго полка Гавріилъ Лауреусъ (Gabriel

Lauraeus), который 11 октября дѣлалъ воспитанникамъ первый публичный экзаменъ.

Между-тѣмъ одно непредвидѣнное обстоятельство, случившееся въ іюнѣ 1713 года, чуть не уничтожило этой школы въ самомъ ея зародышѣ. Кромѣ тѣхъ 100 человѣкъ офицеровъ, которымъ сначала назначено было жить въ Тобольскѣ, туда впослѣдствіи прибыло еще значительное число плѣнныхъ, такъ-что наконецъ помѣщеніе въ городѣ сдѣлалось чрезвычайно тѣсно; посему тогдашній губернаторъ Сибири, князь Гагаринъ, и отдалъ приказъ, чтобы всѣ неженатые плѣнные были отосланы въ Томскъ. Хотя капитанъ фонъ-Врехъ и былъ женатъ, но какъ жены его не было съ нимъ (она находилась въ Германіи и жила въ маленькой деревнѣ въ Пруссіи), то его назначено было также отправить вмѣстѣ съ холостыми; онъ уже хотѣлъ-было распустить своихъ учениковъ, какъ вдругъ получилъ радостное извѣстіе, что губернаторъ, снисходя къ просьбамъ матери одного изъ его учениковъ, позволилъ ему остаться въ Тобольскѣ. Видя въ этомъ перстъ Божій, онъ еще ревностнѣе сталъ стремиться доставить тамошнему юношеству христіанское и нравственное воспитаніе. У него былъ свой особенный взглядъ на начала воспитанія. Человѣкъ, по его мнѣнію, отъ природы болѣе расположенъ ко злу, чѣмъ къ добру; онъ ничего не можетъ сдѣлать добраго самъ-по-себѣ, безъ непосредственнаго содѣйствія Божія, и поэтому онъ долженъ всячески искать съ Нимъ соединенія. Но какъ свѣтская жизнь казалась ему одною изъ главнѣйшихъ причинъ, отклоняющихъ людей отъ Бога, то онъ считалъ необходимымъ, чтобы дѣти были совершенно отстранены отъ всякаго сношенія со свѣтомъ, могущаго имѣть вредное вліяніе на ихъ впечатлительные умы. Будучи къ тому-же убѣжденъ, что, не смотря на его старанія, дурные примѣры, которые многія изъ дѣтей ежедневно видѣли у себя дома, непремѣнно должны были препятствовать его стараніямъ, онъ рѣшилъ, чтобы впредь всѣ учащіеся жили у него въ школѣ. Онъ нанялъ близъ своей квартиры большую комнату за 3 рубля на-полгода и переѣхалъ туда съ своими воспитанниками и работникомъ, а прежнюю свою комнату употребилъ для кухни и столовой; кромѣ того, въ ней жилъ еще квартирмейстеръ Іоганъ Христофоръ фонъ-Руденъ, который занимался хозяйственною частію школы и вмѣстѣ съ тѣмъ училъ дѣтей чистописанію и ариѳметикѣ. Стряпнею занимался старый унтеръ-офицеръ, котораго капитанъ фонъ-Врехъ.

по добротѣ своей, пріютилъ у себя. Въ то-же время поступилъ въ школу учителемъ еще одинъ офицеръ, адъютантъ Михаилъ Шлегель, для обученія дѣтей чтенію. Фонъ-Врехъ радовался, что сдѣлалъ еще важный шагъ для улучшенія своей школы; но радость его была непродолжительна. Гораздо раньше окончанія срока найма, хозяинъ продалъ домъ, и воспитанники и наставники снова остались безъ крова. Это было новое испытаніе, но капитанъ фонъ-Врехъ не упалъ духомъ.

Чтобы навсегда отстранить подобнаго рода затрудненія, съ общаго согласія родителей и наставниковъ рѣшено было купить для школы домъ, собравъ нужную для этого сумму съ воспитанниковъ и учителей. Деньги, слѣдующія очень съ бѣдныхъ родителей, капитанъ фонъ-Врехъ, по добротѣ своей, обѣщалъ внести самъ. Скоро отысканъ былъ удобный домъ, состоящій изъ четырехъ комнатъ, и сторгованъ за 45 руб.; но когда пришлось вносить деньги, то ихъ не оказалось достаточнаго количества въ наличности, и все предпріятіе кончилось-бы ничѣмъ, еслибы одинъ изъ друзей капитана фонъ-Вреха не принялъ участія въ этомъ дѣлѣ, и не досталъ-бы въ-займы нужной суммы. Домъ былъ купленъ и капитанъ фонъ-Врехъ переѣхалъ туда въ апрѣлѣ 1715 года.

Но теперь явился новый врагъ, бороться съ которымъ было уже гораздо-труднѣе, чѣмъ съ недостаткомъ денегъ и всѣми прежними препятствіями. Клевета самая черная коснулась своимъ ядовитымъ жаломъ Тобольской школы и ея учредителя. Капитанъ фонъ-Врехъ и многіе изъ плѣнныхъ офицеровъ были піетисты. Раза три въ недѣлю собирались они у него, и послѣ общей молитвы, пропѣвъ одинъ или нѣсколько псалмовъ, занимались чтеніемъ сочиненій Арендта (Arendts), Спенерса (Speners) или Франке (Frankes), и потомъ бесѣдовали о религіозныхъ предметахъ. Это въ-сущности благое и полезное занятіе скоро обратило на себя вниманіе, и возбудило очень невыгодныя для школы подозрѣнія. Иные насмѣхались надъ этими собраніями и надъ филантропическою идеею капитана фонъ-Вреха и его сотрудниковъ посвятить себя воспитанію дѣтей; другіе-же, не вникая въ духъ школы, опасались, чтобы она не имѣла вреднаго вліянія на воспитанниковъ; были даже и такіе, которые приписывали лицамъ, къ ней принадлежащимъ, и болѣе серьезную цѣль и подозрѣвали, что они искажаютъ догматы лютеранской вѣры, хотятъ основать расколъ, и тѣмъ непремѣнно навлекутъ на плѣнныхъ неудовольствіе правительства.

Такъ-какъ нѣкоторые изъ пасторовъ раздѣляли это невыгодное мнѣніе, то опасенія и безпокойство все болѣе и болѣе возрастали. Многіе изъ родителей намѣревались взять уже дѣтей своихъ изъ школы, слѣдствіемъ чего, безъ-сомнѣнія, было-бы совершенное ея уничтоженіе. Но твердая воля капитана фонъ-Вреха восторжествовала и на этотъ разъ надъ всѣми затрудненіями. Такъ-какъ сомнѣнія насчетъ его религіозныхъ понятій были главнѣйшимъ пунктомъ взведенныхъ на него обвиненій, то онъ назначилъ публичный экзаменъ, на который пригласилъ не только родителей своихъ воспитанниковъ, но и духовныхъ и всѣхъ офицеровъ, чтобы всякій самъ могъ слышать, чему учились дѣти и убѣдиться, что ихъ не учили ничему такому, что хотя сколько-нибудь противорѣчило-бы догматамъ лютеранской вѣры. Экзаменъ удался какъ нельзя-лучше, дѣти отвѣчали совершенно удовлетворительно на всѣ дѣлаемые имъ вопросы, и выказали такія познанія въ священной исторіи и катихизисѣ, которыхъ, по ихъ малолѣтности, даже и ожидать нельзя было; всѣ остались очень довольными, клевета была уничтожена; и въ школу прибыло еще нѣсколько воспитанниковъ. Это было въ 1715 году. Уже за годъ передъ этимъ одинъ изъ друзей капитана фонъ-Вреха, капитанъ баронъ Карлъ фонъ-Крейцъ (Creutz), писалъ по поводу пересудовъ и клеветы, происшедшихъ вслѣдствіе ихъ собраній, къ придворному пастору Нордбергу (Hofpredikant Nordberg), находившемуся въ то время въ Москвѣ, и просилъ его наставленій относительно этого предмета. Пасторъ Нордбергъ отвѣчалъ ему, что онъ и товарищи его могутъ быть совершенно покойны: такъ-какъ собранія подобнаго рода, сколько ему извѣстно, не воспрещены никакимъ закономъ. И вотъ все опять пошло какъ-нельзя-лучше; но скоро случилось новое несчастіе, которое чуть не уничтожило всѣхъ ихъ радостныхъ надеждъ. Пять недѣль послѣ экзамена, а именно въ ночь съ 12 на 13 мая, въ Тобольскѣ произошелъ большей пожаръ, отъ котораго сгорѣло болѣе половины города, при чемъ и школа сдѣлалась жертвою пламени. Это новое испытаніе было тѣмъ чувствительнѣе, что при покупкѣ дома истощены были послѣднія средства школы. Несмотря на это, вѣра въ благость Божію поддерживала фонъ-Вреха и его сотрудниковъ; они безропотно перенесли постигшее ихъ несчастіе.

При тѣснотѣ помѣщеній въ городѣ, происшедшей вслѣдствіе пожара, не было никакой возможности найти какое-нибудь убѣжище для школы, а потому капитанъ фонъ-Врехъ съ благодарностію при-

нялъ предложеніе одного плѣннаго ротмистра, вызвавшагося отдать для ней свою комнату, и перебрался туда съ 5 сотрудниками, старымъ унтеръ-офицеромъ, исправлявшимъ при школѣ должность повара, и 3 воспитанниками; остальныя дѣти до-времени должны были жить у своихъ родителей. Но вскорѣ, 1-го іюня, не желая употребить во зло услужливости ротмистра, онъ перевелъ школу на сѣнникъ, который одинъ изъ товарищей уступилъ ему по дружбѣ, и условился съ родителемъ одного изъ своихъ учениковъ, чтобы онъ, за извѣстную плату, взялъ его, сотрудниковъ его и 2 воспитанниковъ къ себѣ на хлѣбы.

Представлялось однакожь средство выйти изъ затрудненія и пріобрѣсти новый домъ для школы; но излишне-щекотливая совѣсть мѣшала капитану фонъ-Вреху воспользоваться имъ. Дня черезъ два послѣ пожара, получена была отъ профессора Франке, изъ Галле, посылка, состоявшая изъ 48 библій, 100 евангелій, 50 молитвенниковъ (Gesang-Bücher) и 500 разныхъ другихъ книгъ и брошюръ духовнаго содержанія; кромѣ того, прислано было изъ Москвы 20 библій и не малое число книгъ духовнаго содержанія и 500 рублей денегъ, которыя вмѣстѣ съ книгами пожертвованы были разными благотворительными лицами для раздачи бѣднѣйшимъ изъ плѣнныхъ въ Сибири. Изъ денегъ этихъ, конечно, можно было-бы взять, въ видѣ займа, нужную для покупки дома сумму; но въ письмѣ совершенно положительно было сказано, чтобы ихъ раздать нуждающимся, и потому фонъ-Врехъ долго не могъ на это рѣшиться. Между-тѣмъ скоро оказалось, что сѣнникъ, въ который вода при малѣйшемъ дождѣ проникала отовсюду, не могъ служить классною комнатою даже и лѣтомъ, и что холодная изба, въ которой жилъ капитанъ фонъ-Врехъ и его воспитанники, не могла служить убѣжищемъ для зимы. Послѣ долгихъ совѣщаній, наконецъ рѣшено было взять изъ присланныхъ денегъ столько, сколько нужно было для уплаты долга, сдѣланнаго при покупкѣ сгорѣвшаго дома, и потомъ постараться опять достать денегъ въ-займы, чтобы купить или нанять нужный для школы домъ. Занявъ у кого 2, у кого 3 рубля и такъ далѣе, собрали 24 рубля; болѣе-же денегъ въ настоящую минуту достать было не-гдѣ, а зима была на дворѣ, и домъ надобно было пріобрѣсти во что-бы-то ни стало или уничтожить школу.

Думали, думали и наконецъ рѣшили попытаться пріобрѣсти за эти деньги гдѣ-нибудь въ деревнѣ удобный для школы домъ, и

потомъ, разобравъ его, перевезти въ городъ и поставить на мѣсто, гдѣ стоялъ недавно сгорѣвшій. Капитанъ Табберть (Tabbert) вызвался похлопотать объ этомъ дѣлѣ, и получивъ собранные 24 рубля, къ которымъ фонъ-Врехъ прибавилъ еще 7 рублей собственныхъ денегъ (все, что у него въ то время было), отправился изъ Тобольска, надѣясь, что Господь поможетъ ему въ предпріятіи, отъ котораго зависѣло счастіе стольких дѣтей. Двѣ недѣли прошло въ самомъ мучительномъ ожиданіи; наконецъ 29 іюня возвратился капитанъ Таббертъ, и привезъ съ собою домъ и прочій нужный строительный лѣсъ на 8 плотахъ, которые пригнаны были внизъ по теченію рѣки. Плоты были привязаны и прикрѣплены надлежащимъ образомъ къ берегу, и, возблагодаривъ Бога, всѣ отправились съ капитаномъ фонъ-Врехомъ, чтобы переговорить, какъ-бы скорѣе и лучше построить домъ, не дѣлая при этомъ излишнихъ издержекъ. Но испытаніе было еще не окончено. Ночью быстрота теченія, происходящая у Тобольска отъ сліянія рѣкъ Тобола и Иртыша, оторвала плотины и унесла ихъ съ-полмили внизъ по теченію рѣки, гдѣ наконецъ съ неимовѣрнымъ трудомъ удалось ихъ остановить. Тащить ихъ противъ теченія обратно въ городъ казалось совершенно невозможнымъ; но наконецъ нашлось нѣсколько Русскихъ, которые за 10 рублей взялись за это трудное дѣло.

Такъ-какъ мѣсто, на которомъ находился старый домъ, было невелико, то, обсудивъ хорошенько, рѣшились продать его и купить большое мѣсто, на которомъ впослѣдствіи можно-бы было построить еще и другія строенія: потому-что фонъ-Врехъ и его друзья надѣялись, что школа со-временемъ увеличится и понадобится большее помѣщеніе. 15 іюля нашелся наконецъ покупщикъ, которому и продали мѣсто за 36 руб. 50 к., а къ половинѣ августа (1715) домъ, купленный для школы, былъ уже готовъ; но какъ онъ оказался слишкомъ тѣсенъ, то и рѣшили употребить его для кухни и хозяйственныхъ потребностей, и построить для школы другой изъ лѣса, привезеннаго капитаномъ Таббертомъ. Рѣшеніе было тотчасъ-же приведено въ-исполненіе и къ 19 сентября въ новомъ домѣ, для постройки котораго снова сдѣланъ былъ значительный заемъ, готовы были 2 комнаты, въ которыхъ 20 того-же мѣсяца въ первый разъ начались классы.

Въ то-же время Іоганъ Габерманъ (Iohan Haberman) поступилъ въ школу учителемъ Латинскаго языка, и какъ онъ былъ чело-

вѣкъ истинно-замѣчательный, то-мы не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ объ немъ. Онъ былъ родомъ изъ деревни Перно, въ Финляндіи, гдѣ отецъ его былъ токаремъ, а учился въ Выборгской городской школѣ или гимназіи, но по бѣдности не могъ продолжать заниматься науками, а долженъ былъ опредѣлиться лакеемъ къ одному офицеру, съ которымъ и отправился впослѣдствіи на войну, былъ взятъ въ плѣнъ, и удаленъ вмѣстѣ съ господиномъ своимъ въ Сибирь. По заключеніи мира, онъ возвратился на родину, въ Перно, гдѣ и намѣревался жить частнымъ человѣкомъ. Но друзья его, и, какъ кажется, преимущественно баронъ Карлъ Крейцъ, знавшіе его удивительныя способности къ проповѣдыванію, его благочестіе и кроткій нравъ, уговорили его идти въ духовное званіе; посему онъ въ 1729 году отправился въ Або, и поступилъ на 38 году отъ роду студентомъ въ тамошній университетъ, а въ слѣдующемъ году посвященъ въ пасторы въ городѣ Борго. Потомъ онъ назначенъ былъ младшимъ пасторомъ въ Сиббо-кирхшпиль и наконецъ пробстомъ (Propst, Prost) и главнымъ пасторомъ (Pfarrer Kyrkoherde) въ Прено. Но не успѣлъ онъ туда прибыть, какъ началась снова война и онъ былъ вынужденъ удалиться съ семействомъ своимъ въ Швецію, гдѣ онъ исправлялъ должность пастора въ домовой церкви государственнаго совѣтника Нилсъ Біелке (Nils Bjelke). По окончаніи войны, онъ возвратился въ свой приходъ, гдѣ умеръ въ 1756 году, оставя по себѣ память, долго сохранявшуюся въ благодарныхъ сердцахъ его прихожанъ, которыхъ онъ впродолженіе столькихъ лѣтъ дѣломъ и словомъ училъ благочестію.

Къ концу октября 1715 года окончены были еще 2 комнаты въ домѣ школы, и работы производились такъ быстро, что уже къ 15 декабря всѣ постройки, стоившія до 240 руб., были окончены и можно было отслужить благодарственный молебенъ, который и былъ совершенъ при многочисленномъ собраніи инспекторомъ школы, плѣннымъ пасторомъ Біернсборгскаго пѣхотнаго полка Гавріиломъ Лауреусомъ (Gabriel Lauraeus).

Съ-этихъ-поръ школѣ, въ которая имѣла теперь удобное помѣщеніе какъ для воспитанниковъ, такъ и для классовъ, число учащихся начало прибывать съ каждымъ мѣсяцемъ. Въ 1713 году у капитана фонъ-Вреха было только 7 учениковъ; къ концу 1714 года (съ котораго, можно сказать, началась собственно школа) она съ учителями и прислугою состояла изъ 18 человѣкъ, а именно въ

въ ней было 3 учителя, 11 воспитанниковъ, 1 экономъ, 1 работникъ и 1 служанка. Но уже въ 1715 году въ ней было 55 человѣкъ, а именно: директоръ и 6 учителей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ исправляли и должность гувернеровъ, и учили дѣтей закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ и Латинскому языку, а въ рекреаціонные часы имѣли за нами надзоръ. Всѣ эти лица, исключая одного, были офицеры. При Русскихъ мальчикахъ былъ еще особый гувернеръ, тоже плѣнный поручикъ, 1 надзирательница для дѣвочекъ, 4 Русскіе мальчика, въ числѣ ихъ сынъ полковника, 18 мальчиковъ, сыновей плѣнныхъ, 12 дѣвочекъ, дочерей плѣнныхъ, 4 плѣнные работника, которые прислуживали дѣтямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учились, 1 экономъ (поручикъ), 2 помощника эконома (тоже поручики) и 3 работника для черной работы. Изъ нихъ 34 человѣка обѣдали въ школѣ, въ томъ числѣ 16 воспитанниковъ. Въ 1716 году школа состояла изъ 86, изъ которыхъ 57 жили въ школѣ. Въ 1717 году, въ которомъ въ февралѣ мѣсяцѣ при школѣ основана была больница, для больныхъ и дряхлыхъ плѣнныхъ, школа состояла изъ 96 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 38 воспитанниковъ и 18 воспитанницъ, и между прочимъ 3 Русскіе дворянскіе мальчика изъ Украйны, и маленькій Монгольскій мальчикъ, купленный однимъ плѣннымъ генераломъ. Что касается до больницы, существовавшей, также какъ и школа, до ноября 1721 года, то она устроилась слѣдующимъ образомъ: въ 1717 году къ капитану фонъ-Вреху приведенъ былъ одинъ больной плѣнный солдатъ, котораго онъ изъ человѣколюбія принялъ; вслѣдъ за тѣмъ привезено было еще нѣсколько больныхъ, которыхъ съ начала помѣстили въ банѣ, принадлежавшей школѣ. Но когда число больныхъ увеличилось, то 12 іюня купленъ былъ, за 10 руб., небольшой домъ о двухъ комнатахъ, куда и перевели больныхъ, приставивъ къ нимъ для прислуги 2 работниковъ, а для леченья—фельдшера. Надзоръ за этою больницею (Krancken-Haus) поручили одному изъ друзей капитана фонъ-Вреха. Но какъ число больныхъ и дряхлыхъ, призрѣваемыхъ капитаномъ фонъ-Врехомъ, все болѣе увеличивалось, то уже въ 1718 году нашлись вынужденными купить другой домъ, за который заплачено 30 рублей. Лекарства для этой больницы большею частію присылаемы были изъ Галле отъ профессора Франке. Впродолженіе четырехъ лѣтъ, въ ней безплатно лечилось до 74 больныхъ, изъ которыхъ умерло 17 человѣкъ; остальные-же, кромѣ нѣсколькихъ стариковъ, оставшихся по

дряхлости постоянно въ больницѣ, выздоровѣли. Въ 1718 году въ школѣ, считая и тѣхъ, которые были въ больницѣ, было уже 134 человѣка, въ 1719 году—130 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 Русскихъ мальчиковъ; въ 1720 г. было 128 человѣкъ, въ томъ числѣ сынъ одного Русскаго князя, за содержаніе и воспитаніе котораго отецъ платилъ, и одинъ маленькій Тунгузъ. Въ 1721 году, когда школа, по случаю мира, была закрыта, въ ней было 139 человѣкъ. Замѣчанія достойно то, что въ школѣ этой учились не одни дѣти, но и много взрослыхъ, работниковъ и служанокъ, которые, бывъ движимы набожностію, добровольно опредѣлялись туда, чтобы учиться чтенію и закону Божію.

Изъ вышесказаннаго видно, что число воспитанниковъ въ послѣдніе годы увеличивалось съ изумительною быстротою, а какъ поэтому помѣщеніе скоро сдѣлалось слишкомъ тѣснымъ, то въ 1720 году и куплено было еще небольшое мѣсто, смежное со школою, и на немъ построенъ домъ о трехъ комнатахъ; но едва былъ оконченъ этотъ домъ, какъ пришло извѣстіе о мирѣ, вслѣдствіе чего учители и воспитанники возвратились въ свое отечество.

Въ это время (въ 1721 году) все помѣщеніе школы состояло изъ 5 домовъ (въ томъ числѣ 3 двухэтажные), въ которыхъ жили воспитанники со своими гувернерами, бывшими вмѣстѣ-съ-тѣмъ и учителями. Днемъ комнаты, служащія спальнями, превращались въ классы; тутъ-же была еще большая зала, въ которую собирались для общей молитвы, и гдѣ воспитанники и всѣ получавшіе по бѣдности пищу отъ школы, обѣдали за четырьмя большими столами—одноэтажнаго дома, гдѣ жили дѣвочки со своею гувернанткою, и гдѣ онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ учились и обѣдали. Пятый домъ, тоже двухъ-этажный, занятъ былъ подъ кухни, кладовыя и людскія. Кромѣ этого, было еще два небольшіе зданія для больницы, и одно, въ которомъ была конюшня, сѣнникъ, а тоже комната для работниковъ, небольшая баня и огородъ величиною въ 20 саженъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и садомъ для воспитанниковъ. Когда школа въ 1721 году уничтожилась, то всѣ эти зданія, стоившія плѣннымъ до 500 рублей, куплены были Тобольскимъ губернаторомъ для гарнизоннаго лазарета за 150 рублей.

Читая все это, нельзя не почувствовать живѣйшаго уваженія и удивленія къ людямъ, съ такимъ истинно-христіанскимъ самоотверженіемъ заботившимся о воспитаніи бѣдныхъ дѣтей, за-

брошенныхъ судьбою въ Сибирь. Но это еще не все; кромѣ этого, они неусыпно заботились о больныхъ и дряхлыхъ своихъ соотечественникахъ, и вообще всячески старались облегчить участь плѣнныхъ, дозволяя напримѣръ бѣднѣйшимъ изъ нихъ безплатно обѣдать въ школѣ и т. д.

Невольно рождается вопросъ: какъ бѣднымъ плѣннымъ въ такой глуши, лишеннымъ по большей части самыхъ необходимыхъ потребностей жизни, могла прійти мысль устроить школу и богадѣльню (Lazarett) въ такихъ большихъ размѣрахъ, что въ наше время подобнаго рода предпріятіе врядъ-ли было-бы возможно безъ содѣйствія со стороны правительства. Откуда они брали значительныя суммы необходимыя для поддержки школы, въ которой большая часть воспитанниковъ принималась безплатно, а также, что могло побудить этихъ храбрыхъ людей добровольно переносить самыя тяжкія лишенія и труды, чтобы содѣйствовать успѣху дѣла, которое было совершенно внѣ круга ихъ прежней дѣятельности.

Нѣтъ важнаго событія, причиною котораго не была-бы великая и геніальная мысль; настоящее значеніе ея, правда, вначалѣ часто не совсѣмъ понимаютъ; но впослѣдствіи времени, послѣ борьбы, трудовъ и препятствій, она дѣлается наконецъ ясною. Все это точно такъ-же относится къ человѣку въ-частности, какъ и къ человѣчеству вообще.

Несправедливо было-бы думать, что мысль эта впервые явилась въ Сибири. Нѣтъ! Возбужденная Спенеровою и Франке Collegia pietatis, она уже успѣла обойти всю Германію, Данію и Швецію, и дойти до Москвы, гдѣ первая ея искра вызвала въ нашихъ плѣнныхъ потребность нравственной и духовной жизни, и Тобольская школа была только ея проявленіемъ.

Люди, преданные одной высокой идеѣ, всегда всячески стараются поддерживать другъ друга, и охотно дѣлаютъ все, для достиженія общей цѣли, что и объясняетъ намъ возможность содержать впродолженіе столькихъ лѣтъ школу одними пожертвованіями благотворительныхъ лицъ. Профессоръ Франке учредилъ въ 1695 году въ Галле, на собственныя средства, школу для бѣдныхъ, которая впослѣдствіи послужила основаніемъ знаменитому дѣтскому пріюту, который, бывъ поддерживаемъ однѣми частными пожертвованіями, такъ быстро увеличивался, что въ немъ уже въ годъ смерти профессора Франке, въ 1727 году, было 2,200 уча-

щихся бѣдныхъ дѣтей и 130 учителей; кромѣ этого 600 человѣкъ получали тамъ ежедневно два раза безплатно пищу. Лишь только этотъ замѣчательный своею благотворительностію человѣкъ узналъ объ учреждающейся въ Тобольскѣ школѣ, тотчасъ-же богатыми пожертвованіями, собранными съ помощію друзей его въ Германіи, сталъ поддерживать это предпріятіе, которому глубоко сочувствовалъ. Кромѣ книгъ духовнаго содержанія, высланныхъ въ различное время на нѣсколько тысячъ талеровъ, и значительныхъ денежныхъ пособій, для раздачи бѣднымъ въ Сибири, въ 1715 году собственно для школы прислано было чрезъ посредство Франке 630 рублей, въ 1716 году 50 гульденовъ и наконецъ въ 1720 400 рейхсталеровъ Точно такое-же теплое участіе приняли въ этомъ дѣлѣ и братья ихъ по вѣрѣ (Christliche Freunde, Riligions-vänner) въ Москвѣ, которыми въ разное время переслано было для школы 3,306 рублей, собранныхъ ими какъ въ Россіи, такъ и за границею. Даже многіе Русскіе не разъ оказывали въ этомъ случаѣ теплое участіе. Такъ напримѣръ однимъ богатымъ Русскимъ вдругъ прислано было плѣннымъ значительная сумма; небольшія-же денежныя пособія, присылка одного и двухъ быковъ, съѣстныхъ припасовъ и т. д. было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ,—что служитъ яснымъ доказательствомъ всеобщаго довѣрія и уваженія, которымъ пользовались фонъ-Врехъ и его сотрудники, а также и славы, которую заслужила Тобольская школа.

Если взять теперь въ соображеніе дешевизну того времени и тогдашнія понятія объ удобствахъ жизни, а также разсчетливость, соблюдаемую въ самыхъ малѣйшихъ вещахъ, и безкорыстіе тѣхъ, которымъ поручено было управленіе хозяйственною частію, то понятно будетъ, какъ возможно было, чтобы когда школа при заключеніи мира была закрыта, на ней были только такіе незначительные долги, что они тотчасъ-же по прибытіи капитана фонъ-Вреха въ Москву могли быть уплачены. Фонъ-Врехъ долженъ былъ именно товарищамъ своимъ и еще разнымъ другимъ лицамъ до 800 руб.; у пастора-же Рейхмута (Reichmutt) въ Москвѣ для школы уже собрано было 950 рублей. Что касается до учителей, то они всѣ служили безъ всякаго возмездія, чисто изъ христіанской любви къ ближнимъ, и за всѣ свои труды получали только отъ школы столъ да кое-что на одежду. О довѣріи, которыхъ Тобольская школа пользовалась вообще, вѣрнѣе всего судить по тому, что многіе Русскіе изъ отдаленныхъ мѣстъ, даже изъ

Украйны, отдавали туда своихъ дѣтей учиться иностраннымъ языкамъ и прочимъ наукамъ,—что, конечно, чрезвычайно-важно, если взять въ соображеніе предубѣжденіе, которое въ тотъ вѣкъ имѣли противъ иновѣрцевъ. Къ чести школы служитъ еще и то, что Императоръ Петръ I, узнавъ объ ея учрежденіи и о томъ, какъ тщательно въ ней заботились, кромѣ ученія, еще и о нравственномъ воспитаніи дѣтей, изъявилъ капитану Фонъ-Вреху и его сотрудникамъ монаршее свое благоволеніе, обѣщавъ вмѣстѣ съ тѣмъ впредь ежегодно давать извѣстное пособіе для содержанія школы, что впрочемъ не осуществилось, потому-что вслѣдъ за тѣмъ былъ заключенъ миръ и школа уничтожилась.

Вначалѣ и пока число дѣтей было еще не велико, капитаномъ Фонъ-Врехомъ не было еще составлено какого-нибудь опредѣленнаго плана для преподаванія; дѣтей учили только читать, писать и заставляли учить наизустъ священную исторію и краткій катихизисъ, придерживаясь сколько возможно методѣ, введенной въ школѣ, которая была учреждена профессоромъ Франке въ Галле. Но когда число воспитанниковъ увеличилось, то нашли нужнымъ написать школьный уставъ, которымъ впредь можно-бы было руководствоваться при преподаваніи и воспитаніи (1715). Согласно этому школьному уставу, учреждено было 5 классовъ: въ первыхъ четырехъ учили закону Божію, читать и писать, въ 5-же или высшемъ, кромѣ этого еще Латинскому, Нѣмецкому и Французскому языкамъ, географіи, ариѳметикѣ и рисованію. Урокъ пѣнія былъ для всѣхъ классовъ общій и ограничивался духовнымъ пѣніемъ. Науки преподавали на Нѣмецкомъ языкѣ: потому-что большая часть воспитывающихся были дѣти Нѣмцевъ и вообще находили, что знаніе этого языка было не менѣе полезно и для Шведовъ. Инспекторомъ школы, какъ уже выше сказано, назначенъ былъ съ 1714 года полковой пасторъ Гавріилъ Лауреусъ, который и присутствовалъ постоянно при экзаменахъ, назначаемыхъ имъ раза два и три въ годъ, и на которыхъ онъ обыкновенно говорилъ какую-нибудь назидательную рѣчь, стараясь возбуждать воспитанниковъ къ благочестію и прилежанію. Число учителей, повидимому, не было ограничено, и ихъ обыкновенно брали столько, сколько требовали обстоятельства, наблюдая между-тѣмъ при выборѣ ихъ высшую осмотрительность, и не допуская никогда, чтобъ человѣкъ, не извѣстный вполнѣ чистотою нравовъ и самымъ строгимъ благочестіемъ, могъ занять мѣсто учителя или гувернера.

Такъ-какъ эти учители или, какъ ихъ тогда называли, наставники (Praeceptor), всѣ жили въ школѣ, то они вмѣстѣ-съ-тѣмъ исправляли и должность гувернеровъ, а именно каждый изъ нихъ имѣлъ подъ своимъ присмотромъ извѣстное число мальчиковъ, при которыхъ онъ находился безотлучно, съ которыми спалъ въ одной комнатѣ, и за прилежаніемъ, нравственностію и поведеніемъ которыхъ долженъ былъ особенно наблюдать. Въ школьномъ уставѣ кромѣ этого подробно изложено было, чѣмъ дѣти въ каждый часъ дня должны были заниматься, и какъ вообще вести себя. Помѣщаемъ здѣсь главнѣйшія статьи этого устава. «Зимою, когда дни коротки, экономъ (которымъ до сентября 1716 года былъ поручикъ Шенингъ, а потомъ полковой квартирмейстеръ Дувингъ), за 2 часа до разсвѣта будилъ всю прислугу и всѣхъ наставниковъ; потомъ всѣ собирались въ залу на общую молитву, послѣ чего вслухъ читали главу изъ Библіи или другой духовной книги, пѣли псалмы и приготовлялись такимъ образомъ къ занятіямъ настоящаго дня. Экономъ при этомъ долженъ былъ наблюдать, чтобы хозяйственныя занятія не могли помѣшать кому-нибудь изъ прислуги присутствовать при этой общей утренней молитвѣ. Въ 7 часовъ будили всѣхъ дѣтей, которыя по первому-же знаку должны были вставать и одѣваться скоро и аккуратно, на что имъ давалось полчаса времени. Въ половинѣ 8 мальчики, съ наставниками своими, шли въ залу на молитву, послѣ чего они садились по своимъ мѣстамъ и читали священную исторію до начала классовъ. Дѣвочки-же собирались въ свою классную комнату, гдѣ тоже молились и занимались чтеніемъ священной исторіи. Въ 8 часовъ начинались классы, и вотъ какимъ образомъ: тотъ изъ воспитанниковъ, за которымъ была очередь, читалъ вслухъ нѣсколько страницъ изъ Библіи или молитвенника (Psalm-Buch), и всѣ прочіе повторяли про себя то-же, а потомъ имъ объясняли читанное. Затѣмъ слѣдовала общая молитва, пѣли который-нибудь изъ утреннихъ псалмовъ и дѣти шли завтракать. Послѣ этого начинались разныя занятія, которыя и продолжались до 11 часовъ, когда мальчики снова собирались въ залу для общей молитвы; послѣ сего имъ давалось полчаса для отдыха, въ которые учители обязаны были бесѣдовать съ ними о поучительныхъ предметахъ. Въ 12 часовъ обѣдали: мальчики—вмѣстѣ съ наставниками своими въ общей столовой, а дѣвочки—со своею гувернанткою (Pflege-Mutter) и своимъ наставникомъ въ особой комнатѣ. Передъ обѣдомъ читали молитву, а потомъ кто-нибудь изъ старшихъ

воспитанниковъ или одинъ изъ наставниковъ читалъ главу изъ Библіи; по субботамъ-же какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ, читали Евангеліе и посланіе Апостола слѣдующаго дня; обѣдъ заключался общей молитвой, и потомъ дѣтямъ дозволено было, подъ надзоромъ своихъ наставниковъ, проводить время до половины 2 въ назидательныхъ разговорахъ другъ-съ-другомъ. Въ половинѣ 2 дѣти снова, какъ и утромъ, собирались въ залу на молитву, а ровно въ 2 часа начинались послѣобѣденные классы, которые и продолжались до 5 часовъ; тогда снова читали молитву и дѣти въ-сопровожденіи своихъ наставниковъ отправлялись въ дортуары. Въ 7 часовъ ужинали и потомъ всѣ шли по спальнямъ, гдѣ дѣти еще полъ-часа должны были ходить по комнатѣ, а потомъ садились повторять уроки къ слѣдующему дню, на что имъ давалось только полчаса времени. Въ половинѣ 9 всѣ дѣти должны были осматривать свое платье, чистить башмаки, штопать чулки и заниматься всѣмъ тѣмъ, что относится до чистоты и порядка. Въ 9 часовъ все должно было быть окончено: всякій изъ гувернеровъ молился тогда со своими воспитанниками, послѣ чего всѣ въ домѣ ложились спать». Чтобы замѣнить стѣнные часы, которые только въ 1720 году присланы были изъ Москвы, каждый часъ били въ доску, что и слышно было по всему дому.

Кромѣ этого школьнаго устава, капитаномъ фонъ-Врехомъ и его сотрудниками въ 1719 году были изданы разныя дополненія, касающіяся того, какъ дѣтямъ вести себя во время классовъ и въ остальное время дня. Правила эти еженедѣльно два раза читали дѣтямъ, и кромѣ этого всѣ воспитанники, умѣвшіе писать, должны были списать ихъ себѣ въ особую тетрадь. Правила эти состояли изъ 44 пунктовъ, и какъ они характеризуютъ понятія того времени о томъ, какъ надобно воспитывать дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ нравственныхъ, учтивыхъ и набожныхъ людей, то мы и выписываетъ здѣсь вкратцѣ главнѣйшія изъ нихъ.

«По первому знаку, поданному утромъ, дѣти тотчасъ-же должны вставать и не заставлять будить себя по нѣскольку разъ».

«Они должны одѣваться скоро, но аккуратно, и не подавать повода къ неудовольствію чрезъ обнаруженіе привычекъ къ тщеславію, каковы: завивка волосъ, вычурныя прически и т. д.»

«Одѣваясь, они должны соблюдать приличіе, чтобы не оскорблять ни чьей скромности, не начинать разговоровъ со своими товарищами и вообще не говорить громко. Съ наставниками-же дозволяется говорить о божественныхъ предметахъ, но только безъ гордости и дерзости».

«Умываясь, дѣти должны тщательно мыть свои руки и чистить зубы, и, когда нужно, обстригать ногти».

«Безъ дозволенія наставника никто не смѣетъ выходить изъ комнаты, а тѣмъ менѣе уходить изъ школы. Дозволеніе-же должно просить съ почтительнымъ поклономъ, и въ случаѣ отказа ни подъ какимъ-видомъ не смѣть показывать неудовольствія. При этомъ еще обращать вниманіе, чтобы не мѣшать учителю, если онъ занятъ какимъ-нибудь дѣломъ или говоритъ съ другимъ воспитанникомъ».

«За нѣсколько времени до начатія молитвы, всякій долженъ окончить свои занятія, чтобы имѣть время собраться съ мыслями и приготовиться къ молитвѣ. Поэтому запрещается строго: передъ молитвою разговаривать, ходить по комнатѣ или дѣлать что-нибудь такое, что можетъ сдѣлать человѣка разсѣяннымъ и неспособнымъ къ столь важному дѣлу».

«Во время молитвы всякій долженъ стоять скромно, чтобы неприличными ужимками не нарушать благочинія и не мѣшать другимъ молиться. Никто тоже не долженъ оглядываться, если откроютъ дверь, смотрѣть въ окна, зѣвать по сторонамъ, шаркать ногами, плевать, почесываться и т. д.»

«Пѣть должно медленно и плавно и не измѣнять своего голоса неприличнымъ образомъ».

«Въ церковь дѣти должно итти скромно, и безъ особаго позволенія не отдаляться ни на шагъ отъ своихъ наставниковъ, а также воздерживаться отъ всякой пустой болтовни».

«Всѣ, имѣющіе Евангеліе и молитвенники, должны брать ихъ съ собою въ церковь и собираясь въ залу на молитву».

«Пришедши въ церковь, дѣти тотчасъ-же должны садиться по своимъ мѣстамъ, и не смѣютъ вставать раньше, чѣмъ начнется пѣніе, до-тѣхъ-же-поръ они должны прочитать Евангеліе того дня, и если есть время, то еще и нѣсколько псалмовъ. Во время молитвы всѣ должны становиться на колѣна, но дѣтямъ запрещается головами прислоняться къ скамейкамъ или заслонять лице шляпами. При пѣніи извѣстныхъ псалмовъ всѣ тоже должны вста-

вать; пѣть-же должно по молитвенникамъ, еслибы даже дѣти знали наизусть тѣ псалмы, которые слѣдуетъ пѣть. Когда-же читаютъ Евангеліе или Апостола, то дѣти должны по книгамъ своимъ слѣдить за тѣмъ, что читаетъ пасторъ».

«Такъ-какъ дѣти въ церкви сидятъ отдѣльно отъ своихъ наставниковъ, то всякій разъ назначать двоихъ изъ старшихъ воспитанниковъ, чтобы они имѣли надзоръ за прочими; замѣченные безпорядки они обязаны въ воскресенье вечеромъ записать, а въ понедѣльникъ утромъ передать свою записку директору школы капитану фонъ-Вреху».

«Если кто-нибудь изъ старшихъ воспитанниковъ почувствуетъ особое желаніе причаститься св. тайнъ, то онъ тотчасъ-же долженъ сообщить объ этомъ своему наставнику».

«Дѣти должны любить и уважать всѣхъ наставниковъ безъ исключенія, никогда не осмѣливаться отвѣчать имъ колко или двухсмысленно, не облокачиваться въ ихъ присутствіи, не сидѣть подперши голову рукою, не прислоняться къ стѣнѣ; говорить со своими наставниками не иначе, какъ съ непокрытой головой, и ни въ какомъ случаѣ не ослушиваться ихъ, или позволять себѣ противъ нихъ малѣйшую дерзость. Кромѣ этого, дѣти должны быть почтительны со старшими и вѣжливы со всѣми вообще».

«Дѣти должны любить другъ друга, стараться угождать другъ другу и охотно прощать обиды. Встрѣчаясь поутрамъ въ залѣ, они должны кланяться другъ другу и желать добраго утра».

«Глупыя шутки и ужимки и все носящее на себѣ отпечатокъ шутовства строго запрещается дѣтямъ».

«Чтобы дѣти не могли отговариваться тѣмъ, что они забыли то, что разъ приказано или запрещено, то всѣмъ тѣмъ, которые умѣютъ писать, приказывается по-вечерамъ записывать въ особую тетрадь все, что было запрещено или приказано во время дня».

«Когда кого-нибудь изъ воспитанниковъ объ чемъ-нибудь спрашиваютъ, то онъ долженъ тотчасъ-же встать и отвѣчать учтиво.

«Тѣ, которые учатся по-Латыни, должны всегда съ учителями и между собою говорить на этомъ языкѣ».

«Всякій воспитанникъ, умѣющій писать, долженъ составить опись всѣмъ своимъ вещамъ, и передать ее своему гувернеру; если-же что-нибудь изъ его вещей потеряется, то онъ тотчасъ-же обязанъ извѣщать объ этомъ».

«Воспитанникамъ строго запрещается безъ особаго дозволенія продавать что-нибудь своимъ товарищамъ, или покупать что-нибудь, безъ вѣдома своихъ наставниковъ, а также безъ особаго разрѣшенія занимать у кого бы то ни было деньги, или что-либо другое».

«Во время обѣда строго наблюдать за тѣмъ, чтобы никто первый не совался съ ложкою или вилкою въ блюдо или миску, но чтобы начинали всегда старшіе, а также, чтобы дѣти не смѣли выбирать куски, но брали всегда тотъ, который ближе къ нимъ лежитъ. Когда кто-нибудь захочетъ пить, то онъ долженъ встать, и, поклонившись, попросить объ этомъ позволенія. Запрещается класть локти на столъ и облокачиваться, но приказывается всѣмъ воспитанникамъ сидѣть прямо и держать себя за столомъ прилично».

«Во время обѣда одинъ изъ мальчиковъ, за которымъ очередь, долженъ прочитать двѣ или три главы изъ Библіи».

«Никакихъ писемъ и записокъ не позволяется отсылать, не показавъ ихъ предварительно своему гувернеру».

«Бѣгать, смѣяться безъ толку и затѣвать шумныя игры также строго запрещается».

Этого довольно, чтобы дать читателямъ полное понятіе о томъ, что въ то время считалось полезнымъ и необходимымъ при воспитаніи дѣтей. Разсуждать здѣсь о томъ, какъ ложны были понятія того вѣка, было-бы совершенно излишнимъ; время и опытъ уже достаточно доказали, что въ школѣ, гдѣ самостоятельное развитіе дѣтей стѣснено до крайней степени, они мыслятъ не иначе, какъ по предписаннымъ правиламъ; нисколько не удивительно, что въ такихъ школахъ особенныя наказанія были почти совершенно не нужны. Такъ и въ Тобольской школѣ тѣлесное наказаніе было чрезвычайною рѣдкостію; но если, послѣ многихъ увѣщаній, наконецъ видѣли необходимость прибѣгать къ нему, то виновный послѣ наказанія обязанъ былъ благодарить своихъ наставниковъ за наказаніе.

5-го ноября 1721 года Тобольскій генералъ-губернаторъ получилъ извѣстіе, что миръ между Россіею и Швеціею заключенъ 30 августа, а потому всѣ плѣнные, которые не поступили въ Русскую службу, предались радостной надеждѣ, что имъ скоро дозволено

будетъ возвратиться въ свое отечество. Поэтому школа была закрыта, воспитанники распущены, и домъ и все домашнее заведеніе продано. Успѣла-ли школа эта, по кратковременности своего существованія, принести какую-нибудь пользу для образованія этой отдаленной страны, трудно опредѣлить. Она принадлежитъ къ числу блестящихъ метеоровъ, которые являются, горятъ нѣсколько времени яркимъ свѣтомъ и потомъ исчезаютъ.

Изложенныя выше свѣдѣнія почерпнуты большею частію изъ книги, изданной капитаномъ фонъ-Врехомъ по возвращеніи его въ Германію въ 1725 году, подъ заглавіемъ: «Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Von Lurt Fridrich von Wreech. Sorau, 1725.

Капитанъ фонъ-Врехъ былъ Нѣмецъ и только служилъ въ Шведской службѣ. По окончаніи войны, онъ вышелъ въ отставку и возвратился въ свое отечество Пруссію, гдѣ въ небольшой деревнѣ жила его жена и его пятнадцатилѣтній сынъ, котораго ему теперь въ первый разъ удалось обнять, такъ-какъ тотъ родился въ то время, когда капитанъ фонъ-Врехъ былъ съ полкомъ своимъ въ Россіи.

А. М.

V.

ИСТОРІЯ

ПРОСВѢЩЕНІЯ И ГРАЖДАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

УЧЕНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

БАЛЬИ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ АРАГО (*).

ВВЕДЕНІЕ.

Прошло уже полвѣка съ того времени, какъ Франція лишилась знаменитаго ученаго, о которомъ теперь хочу я говорить. Спѣшу замѣтить, что многіе не одобряли моего намѣренія, называли его несвоевременнымъ; но это несправедливо. Слава членовъ старой академіи есть наслѣдство новой; мы должны уважать ее такъ-же, какъ уважаемъ и гордимся славой нашихъ товарищей. Для насъ слово «давность» — синонимъ неблагодарности.

Если академикъ, одинъ изъ нашихъ предшественниковъ, прославившійся своими трудами и брошенный не личнымъ честолю-

(*) Хотя предлагаемая здѣсь біографія написана ранѣе напечатанныхъ въ предшедшихъ нумерахъ нашего журнала и не входитъ въ составъ посмертнаго сочиненія Араго; но по имени лица, коего жизнь она изображаетъ, и по прекрасному изложенію, она принадлежитъ вполнѣ къ превосходной коллекціи портретовъ знаменитыхъ астрономовъ, съ которымъ мы уже познакомили нашихъ читателей, и потому сочли неизлишнимъ присоединить и ее къ этой коллекціи.

Примѣчаніе Редакціи.



біемъ, но силою обстоятельствъ, въ бездну страстей необузданныхъ, погибъ въ буряхъ политическихъ, то непростительно не изучить событія. Современники жертвы не могли объяснить его честными и безпристрастными воспоминаніями: въ страшное время революцій нельзя имѣть довѣрія къ свирѣпствовавшимъ партіямъ.

Вотъ почему я рѣшился составить подробную картину жизни и трудовъ одного изъ членовъ старой академіи. Послѣдующія біографіи докажутъ, что, изучая жизнь Карнó, Кондорсè и Бальи, я не забылъ и современныя знаменитости. Воздавать имъ честную и справедливую похвалу обязанъ секретарь академіи; я свято исполню мой долгъ, но не буду слѣдовать хронологическому списку ея членовъ.

Древніе говорили, что похвалы должно откладывать до того времени, когда умершіе потеряютъ свою мѣру: тогда смѣло можно превращать пигмея въ гиганта. Я думаю иначе: біографію должно ускорять по-возможности, потому-что знающіе люди могутъ исправлять неизбѣжныя ошибки. Сожалѣю, что прежніе секретари академіи не слѣдовали этому правилу. Откладывая годъ-за-годъ подробное описаніе ученой и политической жизни Бальи, они допустили свободное дѣйствіе предубѣжденій и страстей, которыя, въ глазахъ общества, запятнали ее самыми несправедливыми обвиненіями, и которыя много затрудняютъ мое предпріятіе. Такъ-какъ мои изслѣдованія происшествій 1789 г. привели меня къ заключеніямъ, противнымъ мнѣніямъ писателей, пользующихся наибольшей славой, то я не могу требовать, чтобы мнѣ вѣрили на-слово; не могу просто, категорически предложить мои убѣжденія: я долженъ опровергнуть то, что считаю ложнымъ; отъ этого мое сочиненіе вышло, можетъ быть, изъ мѣры, назначаемой временемъ публичнаго засѣданія академіи. Прошу ея снисхожденія, и надѣюсь получить его, потому-что буду говорить объ ученыхъ и литературныхъ заслугахъ знаменитаго нашего предшественника; изображу благородный характеръ перваго президента національнаго собранія; опишу дѣйствія перваго Парижскаго мера, встрѣчавшаго препятствія, превосходящія силы человѣческія; послѣдую за нимъ даже до эшафота, на которомъ онъ кончилъ жизнь; наконецъ упомяну о важнѣйшихъ и страшныхъ событіяхъ нашей революціи.

Дѣтство и юношество Бальи; его опыты литературные; его занятія математическія.

Жанъ-Сильвенъ Бальи родился въ Парижѣ въ 1736 г. отъ Жака Бальи и Сесиліи Гилюнъ. Отецъ будущаго астронома былъ хранителемъ королевскихъ картинъ. Эта должность въ неизвѣстномъ, но честномъ семействѣ Бальи, переходила изъ-рода-въ-родъ болѣе ста лѣтъ.

Молодой Сильвенъ никогда не оставлялъ отеческаго дома; его мать не хотѣла съ нимъ разставаться, не потому, что могла замѣнять необходимыхъ учителей, но изъ одной чрезмѣрной и неблагоразумной любви. И такъ Бальи образовалъ самъ себя. Обыкновенно думаютъ, что подражаніе имѣетъ большое вліяніе на умственныя способности и на нравственность юношества. Юношество Бальи противорѣчитъ этому мнѣнію, и, кажется, можетъ послужить основаніемъ мысли тѣхъ, которые захотятъ доказывать, что дѣти пріобрѣтаютъ привычки, противныя окружающимъ ихъ примѣрамъ.

Жакъ Бальи имѣлъ характеръ легкій и неосновательный. Молодой Сильвенъ, съ самаго начала, обнаруживалъ умъ твердый и страсть къ ученью. Жакъ Бальи любилъ шумныя удовольствія; сынъ его любилъ тишину и уединеніе. Отецъ не могъ жить безъ общества; для него были необходимы остроумныя бесѣды, праздники и вечерніе пиры, по обычаямъ того времени. Сынъ цѣлые дни проводилъ въ полномъ одиночествѣ; довольствуясь самимъ собой, онъ не искалъ общества своихъ сверстниковъ. Онъ не любилъ разгула, и пріучилъ себя къ умѣренности и трезвости. Хранитель королевскихъ картинъ рисовалъ очень хорошо, но совсѣмъ не занимался основными правилами искусства. Сильвенъ изучилъ ихъ глубоко, сдѣлался первоклассныхъ теоретическимъ художникомъ, но не умѣлъ рисовать даже посредственно.

Приходитъ время, когда юноши начинаютъ уклоняться отъ надзора своихъ родителей. Противное было въ семействѣ Бальи. Старикъ часто говорилъ своимъ служителямъ и друзьямъ: «Не напоминайте моему сыну о моей власти; онъ лучше меня; его нравственность строже моей. Не смотря на его почтительность, его поведеніе служитъ мнѣ укоризной; его молчаливость тягостнѣе открытой брани». Такіе два противоположные характера сходились только въ томъ, что оба любили поэзію; но и тутъ мы находимъ большое

различіе. Отецъ сочинялъ пѣсенки, стансы и небольшіе фарсы, которые разыгрывались на «Италіянской комедіи». Сынъ, на шестнадцатомъ году своего возраста, написалъ трагедію. Она называлась «Клотарій». Замѣчательно, что ея содержаніе, взятое изъ первыхъ вѣковъ нашей исторіи, заставило молодаго автора описать пытку и мученическую смерть одного Парижскаго пера. Трагедію свою представилъ Бальи актеру Лану, который похвалилъ дарованія автора, но не совѣтовалъ подвергать его сочиненіе случайностямъ театральнаго представленія. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ, по указанію актера, молодой поэтъ принялся за другую трагедію — за «Ифигенію въ Тавридѣ», и трудился такъ усердно, что чрезъ три мѣсяца написалъ послѣдніе стихи пятаго дѣйствія, и немедленно отправился въ Пасси, чтобъ услышать своему произведенію приговоръ отъ автора «Магомета II». Въ-этотъ-разъ, Лану показалось, что его молодой другъ не имѣетъ призванія къ театру, и онъ безпощадно выразилъ свое рѣшительное мнѣніе. Бальи выслушалъ роковой судъ съ такой покорностью, которой нельзя было ожидать отъ юноши, сильно оскорбленнаго въ его самолюбіи. Обѣ трагедіи онъ тотчасъ бросилъ въ огонь. Въ подобномъ случаѣ, молодой Фонтенель поступилъ не такъ, какъ Бальи: его трагедія «Аспаръ» также была сожжена, но не по совѣту друга, а послѣ шумнаго паденія на театрѣ.

Конечно, ни одинъ астрономъ не пожалѣетъ, что справедливая или неосновательная оцѣнка первыхъ литературныхъ трудовъ Бальи заставила его вступить на поприще наукъ; но, кажется, можно не согласиться съ тѣми, которые хвалили и предвидѣніе и совѣты Лану. Какимъ образомъ, по двумъ посредственнымъ трагедіямъ шестнадцати-лѣтняго юноши можно рѣшительно опредѣлять его будущность? Надобно вспомнить, что Расинъ, будучи уже двадцати-двухъ лѣтъ, началъ «Теогеномъ и Хариклеею» и «Братьями врагами». Кребильону было сорокъ лѣтъ, когда онъ написалъ «Смерть дѣтей Брута». Наконецъ, первыя комедіи Мольера: «Три доктора» и «Школьный учитель» извѣстны только по названіямъ. Приведемъ здѣсь замѣчаніе Вольтера: «Прежде тридцати лѣтъ «нельзя сдѣлать успѣховъ въ томъ родѣ литературы, который требуетъ знанія свѣта и человѣческаго сердца».

Счастливый случай открылъ Бальи поприще наукъ. Монкарвиль обязался учить его математикѣ за тѣ уроки рисованія, которые

хранитель королевскихъ картинъ давалъ его дѣтямъ. Успѣхи Сальвена были быстры и блестящи.

Бальи — ученикъ Лакаля и участникъ въ его астрономическихъ трудахъ.

Послѣ того Бальи встрѣтился съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ, которые рѣшаютъ судьбу людей. Дѣвица Лежёнё занималась живописью; у этой художницы, извѣстной послѣ подъ именемъ госпожи Шенэ, Лакаль увидалъ Бальи. Внимательность, сурьезность и скромность молодаго человѣка понравились знаменитому астроному, и онъ, несмотря на то, что много дорожилъ своимъ временемъ, прямо предложилъ ему быть руководителемъ въ наблюденіяхъ и познакомить его съ Клеро.

Говорятъ, что съ первыхъ наставленій Лакаля, Бальи почувствовалъ рѣшительное призваніе къ астрономіи. Я считаю это справедливымъ, потому-что онъ участвовалъ въ самыхъ тяжелыхъ трудахъ великаго астронома.

Тяжелые труды! — Эти слова покажутся необыкновенными только тѣмъ, которые науку о свѣтилахъ знаютъ изъ древнихъ сочиненій, въ стихахъ или прозѣ.

Халдеи, лежа на высокихъ и благовонныхъ террасахъ Вавилона, подъ вѣчно-свѣтлымъ небомъ, простыми глазами слѣдовали за величественнымъ и общимъ обращеніемъ небесной сферы, съ ея блестящими звѣздами; увѣрившись въ движеніи планетъ, луны и солнца, они замѣчали дни и часы затмѣній, и старались открыть періоды, по которымъ можно было-бы предсказывать эти явленія. Такимъ-образомъ Халдеи положили основаніе астрономіи, называемой *созерцательною;* ихъ наблюденія были и не многочисленны и не точны; имъ не трудно было разбирать ихъ и выводить приблизительныя заключенія.

Не таково положеніе новыхъ астрономовъ. Наука требуетъ, чтобы движенія небесныхъ свѣтилъ изучались въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ, необходимыхъ для теоріи; эти подробности или разрушаютъ или утверждаютъ теоретическія предположенія. Въ астрономіи, важнѣйшія истины, удивительные выводы основываются на измѣреніи чрезвычайно-малыхъ величинъ; измѣренія требуютъ необыкновенной внимательности и трудовъ, на которые не рѣшится ни одинъ ученый, если у него нѣтъ надежды



на какое-нибудь капитальное открытіе, если нѣтъ въ немъ неопреодолимаго и упорнаго постоянства.

Если новый астрономъ захочетъ не даромъ называться этимъ именемъ, то онъ долженъ отказаться отъ удовольствій общества и даже отъ непрерывнаго сна впродолженіе нѣсколькихъ часовъ. Въ нашихъ климатахъ, въ суровыя времена года, небо покрывается густыми облаками. Если астрономъ не захочетъ отложить на многіе годы повѣрку того или другаго теоретическаго ученія, то долженъ стеречь каждое мгновеніе, въ которое прочищаются нѣкоторыя части неба. Когда вѣтеръ разгонитъ облака тамъ, гдѣ астрономъ надѣется видѣть явленіе, продолжающееся нѣсколько секундъ, тогда онъ, не смотря на дурную погоду, спѣшитъ къ своей трубѣ, положенной на кругъ, раздѣленный на градусы, минуты и секунды, сгибается передъ нею въ самое безпокойное положеніе, даже ложится на холодные камни и терпѣливо ожидаетъ желаемое мгновеніе. Его напряженный взоръ устремленъ на тонкія паутины. Если этотъ взоръ ошибется на половину одной изъ нихъ, то весь трудъ потерянъ; наблюденія какъ не было. Посудите-же объ его безпокойствѣ: въ самое критическое, рѣшительное мгновеніе, порывъ вѣтра можетъ поколебать огонь лампы, освѣщающей паутины, и сдѣлать ихъ невидимыми; самое свѣтило, котораго лучи пробиваются чрезъ густые слои атмосферы, претерпѣвая различное преломленіе, кажется прыгающимъ, и нѣтъ возможности уловить истинное его положеніе; для надежнаго измѣренія надобно, чтобъ изображеніе свѣтила было ясно, обрѣзисто; но въ то время оно дѣлается смутнымъ или отъ паровъ, покрывшихъ стекло, или отъ слезъ, выступающихъ изъ глаза, приставленнаго къ холодному металлу. Итакъ бѣдный наблюдатель долженъ или отложить наблюденія до благопріятныхъ обстоятельствъ, даже предоставить его другимъ счастливѣйшимъ труженикамъ, потому-что многія небесныя явленія нельзя видѣть въ цѣлую жизнь, или надобно внести въ науку наблюденіе сомнительное. Наконецъ, замѣтить свѣтило въ истинномъ его мѣстѣ не значитъ еще кончить наблюденіе; надобно обратиться къ микроскопу, посредствомъ котораго читаются дѣленія на кругѣ: новыя затрудненія, требующія необыкновеннаго напряженія глаза, оттого слабѣющаго и лишающагося своей неоцѣненной способности.

Вышедши изъ этой нравственной и физической пытки, астрономъ желаетъ узнать результатъ своего труда: тогда онъ долженъ

приняться за вычисленія, устрашающія своею продолжительностью. Наблюденія произведены въ минуты, а для ихъ вычисленія часто бываютъ нужны цѣлые дни и недѣли.

Такую перспективу представилъ Лакаль своему новому другу; вотъ поприще, на которое вступилъ стихотворецъ безъ предварительнаго и постепеннаго приготовленія.

Одно полезное вычисленіе было началомъ его трудовъ и обратило на него вниманіе ученыхъ.

1759 годъ достопамятенъ однимъ изъ тѣхъ великихъ событій, которыя наука съ благоговѣніемъ вноситъ въ свои лѣтописи. Комета 1682 года возвратилась во время и въ страны неба, назначенныя теоретическими вычисленіями Клеро. Исполненіе предсказаннаго теоріею навсегда исключило кометы изъ числа подлунныхъ метеоровъ, подчинило ихъ общему закону тяготѣнія, назначило имъ пути по коническимъ сѣченіямъ, и наконецъ онѣ перестали стращать боязливое невѣжество. Но надобно было строго увѣриться, что возвратившаяся комета дѣйствительно описываетъ предварительно вычисленный путь, и потому астрономы принялись за точное опредѣленіе этого пути изъ наблюденій, производившихся въ 1759 г. во всей Европѣ. Бальи былъ въ числѣ этихъ прилежныхъ изслѣдователей. Нынѣ о подобномъ трудѣ почти не говорятъ; но тогда способы вычисленія кометныхъ путей были такъ затруднительны, что неискусный астрономъ не могъ пользоваться ими съ успѣхомъ.

Бальи жилъ въ Луврѣ, и, желая вести теоретическую астрономію вровень съ практическою, онъ, въ 1760 г., устроилъ обсерваторію, — гдѣ-бы вы думали? — въ одномъ окнѣ верхняго этажа южной галереи. Но слѣдуетъ-ли называть *обсерваторіею* нѣсколько снарядовъ, поставленныхъ въ тѣсномъ окнѣ? Правда, не слѣдуетъ; но не называйте-же обсерваторіею и огромную кучу камней, которой удивляются гуляющіе по большой Люксамбургской аллеѣ. Въ этой кучѣ астрономы такъ-же тѣснились въ окнахъ, и такъ-же, какъ Бальи, говорили, что они не могутъ повѣрять своихъ снарядовъ ни по зениту, ни по горизонту, потому-что не видали ни того, ни другаго. Вопреки двумъ или тремъ писателямъ, горячимъ патріотамъ, да будетъ извѣстно, что Франція не имѣетъ обсерваторіи, достойной великой націи, достойной науки и способной соперничать съ наблюденіями въ другихъ земляхъ.

Самыя старшія наблюденія Бальи въ его окнѣ относятся къ

1760 г., когда ему не было еще и двадцати четырехъ лѣтъ. Онъ наблюдалъ тогда противоположенія (относительно солнца) планетъ Марса, Юпитера и Сатурна, и сравнивалъ свои выводы съ ихъ таблицами.

Въ слѣдующемъ году онъ помогалъ Лакалю въ наблюденіяхъ прохожденія Венеры чрезъ солнце. Не всякой астрономъ бываетъ такъ счастливъ, какъ Бальи, который, при самомъ началѣ своихъ трудовъ, былъ свидѣтелемъ двухъ важныхъ явленій: возвращенія кометы Галлея и прохожденія Венеры чрезъ солнце; первая описываетъ свою орбиту въ 76 лѣтъ, вторая-же появляется на солнцѣ чрезъ сто десять лѣтъ; это появленіе есть то-же, что частное затмѣніе солнца и дало астрономамъ средство опредѣлить среднее разстояніе солнца отъ земли.

Чтобы дополнить астрономическіе труды Бальи до его поступленія въ академію наукъ, должно упомянуть о его наблюденіяхъ и вычисленіяхъ кометы 1762 г., о разборѣ сорока двухъ наблюденій Лагира надъ луною, и о вычисленіи мѣстъ 515 зодіакальныхъ звѣздъ, по наблюденіямъ его учителя Лакаля отъ 1760 до 1761 г.

Бальи — членъ академіи наукъ. Его изслѣдованія о спутникахъ Юпитера.

Въ члены академіи наукъ Бальи былъ избранъ 29 января 1763 г. Съ этого времени его усердіе въ астрономическихъ занятіяхъ не имѣло предѣловъ. Къ нему нельзя примѣнить стиха одного сердитаго поэта; о немъ нельзя сказать, что, послѣ избранія въ академики,

Il s'endormit et ne fit plus qu'un somme (*).

Напротивъ, надобно удивляться числу литературныхъ и ученыхъ трудовъ, совершенныхъ имъ впродолженіе немногихъ годовъ.

Къ 1763 г. относятся первыя его изслѣдованія спутниковъ Юпитера. Избравъ столь занимательный предметъ, Бальи доказалъ, что онъ калькуляторъ неутомимый, геометръ проницательный и наблюдатель искусный. Изслѣдованія Бальи спутниковъ Юпитера навсегда останутся главнымъ основаніемъ его ученой славы. Прежде него, Маральди, Брадлей и Варгентинъ эмпирически открыли нѣкоторыя возмущенія въ этихъ маленькихъ свѣтилахъ; но они не

(*) Онъ заснулъ, и только-что спалъ.

могли подчинить ихъ закону тяготѣнія. Это важное дѣло первый началъ Бальи, и честь такого труда нимало не уменьшается усовершенствованіями, полученными наукою изъ рукъ Лагранжа и Лапласа.

Познаніе движеній спутниковъ основывается на точныхъ наблюденіяхъ тѣхъ мгновеній, въ которыя каждый изъ нихъ скрывается въ тѣни, отбрасываемой огромнымъ и темнымъ тѣломъ Юпитера, освѣщаемаго солнцемъ. Разсмотрѣвъ множество такихъ затмѣній, Бальи тотчасъ замѣтилъ, что составители ихъ таблицъ употребляли весьма неточныя данныя, и даже неспособныя для ихъ взаимнаго сравненія. Когда не существовала еще теорія, тогда и труды эмпирическихъ астрономовъ имѣли значеніе; но, по открытіи аналитическихъ изслѣдованій возмущеній, понадобилась и точная оцѣнка ошибокъ наблюденій и средства исправлять ихъ. Въ этомъ-то состояла главная цѣль важной работы Бальи, которую представилъ онъ академіи въ 1771 г.

Въ своей запискѣ, знаменитый астрономъ излагаетъ систему опытовъ, посредствомъ которой изъ каждаго наблюденія можно выводить мгновеніе истиннаго закрытія спутника, при всякой силѣ зрительной трубы, при всякой высотѣ затмѣвающагося свѣтила, т. е. при всякой прозрачности атмосферы, при всякомъ его разстояніи отъ солнца и планеты и при всякой чувствительности органа зрѣнія, словомъ—при всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ зависитъ видимое закрытіе спутника. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ, авторъ, помощію своихъ остроумныхъ и тонкихъ наблюденій, достигъ до опредѣленія дѣйствительныхъ діаметровъ спутниковъ, т. е. блестящихъ точекъ, въ которыхъ употребляемыя тогда трубы не показывали никакихъ діаметровъ.

Я удовольствуюсь этимъ общимъ понятіемъ о трудѣ Бальи, и прибавлю только одно замѣчаніе: діафрагмы, которыя употреблялъ Бальи для уменьшенія свѣта, окружающаго изображенія свѣтилъ, значительно и разнообразно увеличиваютъ ихъ діаметры, по-крайней-мѣрѣ, когда наблюденія производятся надъ звѣздами. И такъ вопросъ надобно подвергнуть новымъ изслѣдованіямъ.

Геомеры и астрономы, которые пожелаютъ узнать всю обширность трудовъ Бальи, должны справляться не съ однѣми записками академіи: потому-что, въ началѣ 1766 г., онъ издалъ особое сочиненіе, подъ скромнымъ названіемъ: «Опытъ теоріи Юпитеро-

выхъ спутниковъ». Это сочиненіе начинается астрономическою ихъ исторіею, содержащею почти полный разборъ открытій Маральди, Брадлея и Варгентина. Но труды Галилея и его современниковъ описаны недостаточно и неточно. Я думаю, что этотъ пропускъ надобно дополнить по драгоцѣннымъ документамъ, недавно изданнымъ, и которые были неизвѣстны Бальи. Такое дополненіе я сдѣлаю въ отдѣльномъ небольшомъ сочиненіи, безъ всякаго предубѣжденія и съ совершеннымъ безпристрастіемъ. Я никогда не забуду, что честный человѣкъ ни на кого не долженъ клеветать, даже на агента инквизиціи. (См. біографію Галилея).

Литературные труды Бальи: біографіи Карла V, Лейбница, П. Корнеля и Мольера.

При вступленіи Бальи въ академію, секретаремъ ея былъ Гранъ-Жанъ Фуши, человѣкъ почтенный, но весьма слабаго здоровья; ожидали, что мѣсто секретаря скоро сдѣлается празднымъ. Даламберъ обратилъ вниманіе на Бальи, намекнулъ, что онъ можетъ сдѣлаться преемникомъ Фуши и пригласилъ его испытать себя въ составленіи біографій. Бальи послушался совѣтовъ великаго геометра и выбралъ предметы, предложенные разными академіями, особенно академіею Французскою.

Отъ 1671 по 1758 г., Французская академія объявляла задачи, касающіяся благочестія и нравственности, и, по желанію пожертвовавшаго капиталъ для премій (Бальзака), каждое разсужденіе должно было оканчиваться краткою молитвою. Въ 1758 г. Дюкло подалъ мнѣніе, что этотъ предметъ совершенно истощенъ, и потому академія рѣшила, что впредь будетъ задавать предметы изъ жизни великихъ людей Франціи. Первая очередь пала на маршала Сакса Дюгэ-Труэня, Дагессо и Декарта; потомъ академія позволила себѣ предложить для преміи похвальное слово даже одному изъ царствующихъ особъ, и въ 1767 г. выбрала Карла V. Бальи принялъ участіе въ конкурсѣ; но сочиненіе его удостоилось только почетнаго отзыва.

Весьма любопытно и полезно знать, въ какое время начали обдумывать основанія, на которыхъ должно судить о дѣлахъ людей, игравшихъ важныя роли на политической сценѣ. Но, къ-сожалѣнію, нѣтъ достаточныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса. Впрочемъ, это сожалѣніе мы выразили не ради Бальи: въ каждомъ его сочиненіи видна душа ясная, цѣломудренная и исполненная любовью къ че-

явѣчеству. Какъ на первоначальномъ трудѣ, относящемся къ этому роду литературы, остановимся на его похвальномъ словѣ Карлу V.

Сочиненія, увѣнчанныя Французскою академіею, являлись въ свѣтъ послѣ строгой цензуры четырехъ докторовъ богословія; даже частное одобреніе высшихъ духовныхъ особъ, бывшихъ всегда членами академіи, не принималось въ-уваженіе. Если мы точно знаемъ похвальное слово Карлу V, если мысли автора остались почти безъ перемѣны, то за это должны благодарить строгость академіи, не удостоившей его награды. Панегиристъ съ чувствомъ и силой рисуетъ картину ужасныхъ несчастій Франціи въ царствованіе короля Іоанна. Дерзость, непредусмотрительность этого государя, постыдныя страсти короля Наварскаго, его предательства, варварство вельможъ, буйство народа, безумныя, кровопролитныя войны и наглость Англіи описаны ясно, увлекательно, но съ крайней осторожностью. Въ панегирикѣ не найдется ни одного слова, которое открывало-бы въ авторѣ будущаго президента національнаго собранія, и особенно мера Парижа въ самый сильный взрывъ революціи. Авторъ между прочимъ заставляетъ говорить Карла V, что онъ не по строгому выбору, но по достоинству назначаетъ представителей своей власти, и что налоги должны быть взимаемы съ богатыхъ.

Нельзя не уважать осторожности автора: умѣренность и твердость составляютъ истинную силу. Но, въ одномъ случаѣ, Бальи слѣдовало-бы обнаружить гораздо большій патріотизмъ. Когда, въ краснорѣчивой прозопопеи, которою оканчивается похвальное слово, король Англіи съ неслыханной гордостью вспоминаетъ роковой день при Пуатье; тогда авторъ долженъ былъ ввести эту гордость въ истинные предѣлы, и быстрымъ взглядомъ обозрѣть составъ войска Чернаго принца и объяснить, что между солдатами изъ Бордо и рекрутами изъ Гіенны было болѣе Гасконцевъ, нежели Англичанъ. Франція, заключенная нынѣ въ естественныя границы, приведенная къ единству, знаменитое сраженіе при Пуатье должна считать боемъ междоусобнымъ; даже король Іоаннъ былъ взятъ въ плѣнъ рыцаремъ, Дени-де-Морбокъ, изгнаннымъ изъ Артуа.

На поляхъ сраженій, увѣренность въ самомъ себѣ есть первое условіе успѣха. Но какая могла быть увѣренность въ то время, когда самые знатоки событій думали, что поколѣніе Франковъ, по природѣ своей, ниже всѣхъ другихъ народовъ? Это замѣчаніе не ребячество: великія событія зависятъ отъ мнѣнія народовъ о сво-

емъ достоинствѣ. Таковы наши сосѣди за Ламаншемъ; ихъ примѣръ заслуживаетъ подражанія.

Въ 1767 г. Берлинская академія предложила на конкурсъ похвальное слово Лейбницу. Ученые и литераторы удивились задачѣ, потому что они думали, что послѣ Фонтенеля нечего было писать объ этомъ предметѣ. Когда сочиненіе Бальи, увѣнчанное въ Берлинѣ, явилось въ свѣтъ, тогда всѣ оставили это общее мнѣніе и увидали, что и послѣ Фонтенеля можно было сказать много поучительнаго и пріятнаго. Но вездѣ крайность: похвальное слово Бальи не могло привести въ забвеніе краснорѣчивое твореніе перваго секретаря академіи; слогъ Бальи слишкомъ натянутъ, слишкомъ отзывается декламаціею. Знаменитому автору «Исторіи астрономіи» надобно отдать преимущество только въ подробностяхъ разбора трудовъ Лейбница; особенно замѣчательны примѣчанія, въ которыхъ *всеобъемлющій* Лейбницъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ.

Въ 1768 г., Руанская академія предложила на конкурсъ похвальное слово П. Корнелю, и сочиненіе Бальи признала *подходящимъ.* Читая это сочиненіе, нельзя безъ удивленія видѣть неизмѣримое разстояніе между скромнымъ, робкимъ, чувствительнымъ Бальи и важнымъ, могучимъ Корнелемъ.

Въ конкурсѣ 1768 г. Французской академіи Бальи побѣжденъ былъ только однимъ Шамфоромъ. Академія требовала похвальнаго слова Мольеру, творцу «Тартюфа», о которомъ даже нынѣ не можемъ наговориться до-сыта. Осмѣливаюсь утверждать, что если слогъ Бальи слабѣе слога его соперника, то оцѣнка великаго комика гораздо точнѣе, основательнѣе, глубже, нежели въ сочиненіи увѣнчанномъ.

Споръ о мѣстѣ непремѣннаго секретаря академіи наукъ.

Мы видѣли, что въ 1763 г. Даламберъ приглашалъ Бальи заниматься тѣмъ родомъ литературы, который тогда всѣмъ нравился, и обольщалъ его надеждой получить мѣсто секрекаря академіи наукъ. Спустя шесть лѣтъ, великій геометръ совѣтовалъ то-же, и, можетъ быть, тѣмъ-же обнадеживалъ молодаго маркиза Кондорсѐ. Повинуясь голосу своего покровителя, молодой геометръ издалъ одну за другою біографіи Гюйгенса, Маріотта, Рёмера, и пр.

Въ началѣ 1773 г., больной секретарь академіи, Фуши, просилъ, чтобы Кондорсѐ былъ сдѣланъ его помощникомъ по-смерть

и потомъ секретаремъ. Даламберъ сильно поддерживалъ эту просьбу. Бюффонъ съ такою-же живостью стоялъ за Бальи. Нѣсколько недѣль академія представляла два непріятельскіе лагеря. Наконецъ начался настоящій бой, и кончился въ пользу Кондорсè.

Жаль, что о чувствахъ побѣжденнаго Бальи мы знаемъ только отъ его приверженцевъ, которыхъ гнѣвъ выражался въ неприличныхъ словахъ. «Даламберъ—говорили они—низко измѣнилъ дружбѣ, чести и первымъ условіямъ честности».

Этими укоризнами напоминали объ обѣщенномъ покровительствѣ за шесть лѣтъ. Но обѣщаніе было-ли безусловное? Даламберъ подавалъ Бальи надежду на такое мѣсто, которое могло сдѣлаться празднымъ чрезъ двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ; не отступая отъ обязанностей академика, могъ-ли онъ дать слово, что мѣсто останется за Бальи, не смотря на то, какихъ бы достоинствъ не представлялся соискатель? Могъ-ли онъ обѣщать, что никакія дарованія не перемѣнятъ его слова?

Вотъ вопросы, которые надобно было рѣшить прежде жестокихъ обвиненій.

Не естественно-ли, что Даламберъ, какъ геометръ, склонился на сторону Кондорсе, въ которомъ онъ видѣлъ достойнѣйшаго представителя высшей матетатики? Притомъ, похвальныя слова Кондорсе отличались гармоническимъ слогомъ, который нравился академіи впродолженіе трехъ четвертей столѣтія. До открытія ваканціи 27 февраля 1773, Даламберъ говорилъ Вольтеру: «Если кто-нибудь спроситъ меня, что я думаю о сборникѣ рѣчей Кондорсе, то я скажу, что на его фронтисписѣ надобно написать: *справедливость*, *знаніе*, *ясность*, *точность*, *вкусъ*, *изящество и благородство*». Вольтеръ отъ 1 марта написалъ: «Умирающій, я прочиталъ книжку Кондорсе; она въ своемъ родѣ такъ-же хороша, какъ похвальныя слова Фонтенеля. Въ ней вижу философа благороднаго и скромнаго; но онъ смѣлѣе Фонтенеля».

Кто слѣдовалъ такимъ убѣжденіямъ, того нельзя обвинять въ предательствѣ.

Изъ всѣхъ похвальныхъ словъ Бальи, только одно было написано не по задачамъ академій, — похвальное слово его учителю Лакалю. Въ немъ нѣтъ слѣдовъ надутости, декламаціи, и, кажется, оно можетъ спорить съ похвальными словами Кондорсè; но эта самая біографія, вмѣстѣ съ Даламберомъ, была, можетъ быть, главной причиной неудачи Бальи, хотя онъ началъ ее слѣдующими

словами: «Фуши, какъ секретарь академіи, уже исполнилъ свои обязанности относительно Лакаля; но мнѣ кажется непредосудительнымъ приняться за то-же самое дѣло; никогда не предосудительно повторять похвалу знаменитому человѣку». Можно-бы удовлетвориться этою оговоркою; но Фуши скрылъ оскорбленіе своего самолюбія; не измѣнивъ скромности, потребовалъ себѣ въ помощники человѣка, который не находилъ недостаточными его біографіи. Думаю, что тутъ скрывается истинная причина побѣды Кондорсе.

Еслибы Бальи сдѣлался секретаремъ академіи, то онъ не могъ-бы жить внѣ Парижа; но какъ члену астрономическаго отдѣленія не было препятствія удалиться въ деревню и скрыться въ ней отъ нападенія похитителей времени, которые, по словамъ Байрона, кишатъ въ столицахъ; то Бальи поселился въ Шальо, и здѣсь написалъ свои сочиненія, которыя перейдутъ въ потомство.

Природа одарила Бальи счастливою памятью. Похвальныя свои слова онъ сперва оканчивалъ въ своей головѣ, и потому его рукописи всѣ были написаны на-бѣло. Каждое утро Бальи рано выходилъ изъ своего скромнаго дома, и, прогуливаясь въ Булонскомъ лѣсу, работалъ памятью, соображалъ и одѣвалъ свои мысли великолѣпнымъ слогомъ, который будетъ нравиться потомкамъ. Біографы увѣряютъ, что такимъ-же образомъ Кребильонъ сочинялъ свои трагедіи, и оттого, по мнѣнію критиковъ, происходила жесткость его слога. Но сочиненія Бальи, особенно послѣднее отдѣленіе его «Исторіи асрономіи», противорѣчатъ толкованію критиковъ. Могу еще указать на примѣръ,—на поэта изящнаго, до-сихъ-поръ незабытаго во Франціи. Казимиръ Делавинь, подобно Бальи, до-тѣхъ-поръ не писалъ на бумагѣ своихъ стиховъ, пока въ памяти не сообщилъ имъ гармоніи, восхищающей всѣхъ людей со вкусомъ. Простите мнѣ это воспоминаніе: сердцу пріятно сближать имена Бальи и Делавиня; таланты соединялись въ нихъ съ добродѣтелью и постояннымъ патріотизмомъ.

Исторія астрономіи. Письма о Платоновой Атлантидѣ и о древности исторіи Азіи.

Въ 1775 г. Бальи издалъ томъ in-4, подъ заглавіемъ: *Древняя исторія астрономіи, отъ ея начала до основанія Александрійской школы.* Исторія астрономіи отъ Александрійской школы до 1730 г.

вышла въ свѣтъ въ 1779 г., въ двухъ томахъ. Третій томъ, изданный чрезъ три года, содержитъ исторію новой астрономіи до 1782 г. Наконецъ пятый томъ этого обширнаго труда, посвященный астрономіи Индійской, былъ изданъ въ 1787 г.

Когда Бальи началъ трудиться надъ общей исторіей астрономіи, тогда наука не имѣла ничего подобнаго. Ученые занимались только нѣкоторыми отдѣльными вопросами, но никто не предпринималъ общихъ изслѣдованій. Книга Вейдлера, изданная въ 1741 г., содержитъ только списокъ астрономовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, съ означеніемъ времени ихъ рожденія и смерти, и съ заглавіями ихъ сочиненій. Польза этой книги неоспорима; однакожь въ ней нѣтъ исторіи.

Планъ сочиненія Бальи очерченъ мастерски и въ немногихъ строкахъ: «Любопытно, говоритъ онъ, перенестись во времена, когда началась астрономія; любопытно видѣть, какимъ образомъ шли открытія одно за другимъ, и какимъ образомъ успѣхи ихъ останавливались заблужденіями. Наконецъ не любопытно-ли изображеніе того зданія, которое основано вѣками, трудами всѣхъ народовъ?»

Такой обширный планъ, естественно, требовалъ подробнаго разсмотрѣнія и сравненія множества историческихъ замѣтокъ древнихъ и новыхъ писателей. Еслибы эти подробности были включены въ самый текстъ, то трудъ автора годился-бы только для однихъ астрономовъ; наоборотъ, когда-бы онъ совсѣмъ ихъ уничтожилъ, тогда его читали-бы одни только любители. Для избѣжанія такихъ неудобствъ, Бальи рѣшился на непрерывный разсказъ результатовъ своихъ изслѣдованій; а самыя розысканія помѣстилъ отдѣльно, подъ названіемъ: *поясненія историческія и критическія.* Такимъ образомъ исторія Бальи, не потерявъ своего ученаго достоинства, сдѣлалась доступною для всѣхъ читателей, и содѣйствовала распространенію астрономическихъ знаній и между учеными и между людьми свѣтскими.

Бальи, объявивъ, что обратится къ началу астрономіи, заставилъ думать, что читатели увидятъ краснорѣчивыя мечты; они, думаю, даже не воображали, что въ первомъ томѣ будетъ помѣщена глава, подъ названіемъ: *допотопная исторія.* Послѣ всѣхъ внимательныхъ изслѣдованій, авторъ дошелъ до того заключенія, что древняя астрономія Халдеевъ, Индіи и Китая состояла только изъ обломковъ отъ астрономіи древнѣйшей. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ

онъ опровергаетъ Плюша и замѣчаетъ: «область возможностей обширна; въ ней заключаются и истины, но ихъ трудно отличить отъ ложнаго».

Эти благоразумныя слова заставляютъ обратиться къ вопросу: точно-ли мнѣніе Бальи объ отдаленной древности Индійскихъ астрономическихъ таблицъ не подлежитъ никакой критикѣ? Но этотъ вопросъ достаточно изслѣдованъ въ «Изложеніи системы міра», и все, что сошло съ пера Лапласа, отличается и глубокомысліемъ и очевидностью (*)».

Въ первыхъ строкахъ своего великолѣпнаго труда, замѣтивъ, что «исторія астрономіи составляетъ существенную часть исторіи человѣческаго ума», Бальи прибавляетъ, что «она даже измѣряетъ его силу и показываетъ, къ чему онъ способенъ». Къ этимъ словамъ позволяю себѣ прибавить, что для мыслящихъ исторія астрономіи должна быть источникомъ самыхъ любопытныхъ, самыхъ неожиданныхъ выводовъ о нашихъ успѣхахъ и заблужденіяхъ въ общей образованности.

Посредствомъ измѣреній, по способу очевидному и точному, найдено, что объемъ земли по-крайней-мѣрѣ въ милліонъ разъ меньше солнца; это самое свѣтило, перенесенное въ страну звѣздъ,

---

(*) Вотъ то мѣсто у Лапласа, на которое ссылается Араго:

«Начало астрономіи въ Персіи и въ Индіи, какъ у всѣхъ народовъ, теряется въ темныхъ временахъ ихъ исторіи. Индійскія таблицы предполагаютъ уже нѣкоторые успѣхи въ астрономіи; но все заставляетъ думать, что онѣ принадлежатъ не глубокой древности. Касательно этого предмета, я съ сожалѣніемъ долженъ не согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго и несчастнаго моего друга, котораго вѣчно оплакиваемая смерть доказываетъ непостоянство народной любви: Бальи ознаменовалъ свою жизнь трудами, полезными наукѣ и человѣчеству и, жертва кровожаднаго самоуправства, умеръ съ достоинствомъ и спокойствіемъ праведника. Справедливо, что астрономическія таблицы Индійцевъ относятся въ двухъ эпохамъ: къ 3102 и 1491 г. до Х. Р. Движенія солнца, луны и планетъ связываютъ эти эпохи такъ, что если отъ второй перейдемъ къ первой, то увидимъ, что тогда всѣ планеты находились *соединеніи*, т. е. на одной прямой линіи съ солнцемъ относительно земли. Бальи, въ своей «Индійской астрономіи», старался доказать, что время такого явленія было опредѣлено дѣйствительными наблюденіями. Несмотря на его доказательства, я считаю вѣроятнымъ, что это время придумано единственно для того, чтобы начать движенія планетъ отъ одной точки зодіака. Наши новыя астрономическія таблицы, значительно усовершенствованныя сравненіемъ теоріи съ наблюденіями, не позволяютъ допускать упомянутаго соединенія планетъ.»

займетъ также довольно скромное мѣсто между милліардами свѣтилъ, открываемыхъ телескопомъ; тридцать восемъ милліоновъ льё, содержащихся въ разстояніи между землей и солнцемъ, не могутъ служить основаніемъ для опредѣленія размѣровъ видимаго міра; скорость свѣта (77,000 льё въ секунду) едва достаточна для приблизительнаго пониманія величины этихъ размѣровъ; наконецъ, изъ нѣкоторыхъ вѣроятныхъ изслѣдованій надобно заключить, что существуютъ звѣзды, отъ которыхъ свѣтъ доходитъ до насъ въ милліонъ лѣтъ. Послѣ всего этого спрашивается: что мы такое во вселенной? Не правда-ли, что успѣхи астрономіи превратили насъ въ совершенное ничтожество?

Но посмотримъ на вопросъ съ другой стороны. Всѣ великіе астрономическіе вопросы разрѣшены посредствомъ ничтожныхъ матеріальныхъ средствъ; чтобъ усовершенствовать ихъ и приспособить къ измѣренію величинъ, на которыхъ основываются астрономическія вычисленія, человѣкъ долженъ былъ усилить свое зрѣніе, составить снаряды для измѣренія времени съ точностью десятой доли секунды, уничтожить микроскопическія погрѣшности, производимыя расширеніемъ металловъ отъ температуры, и защитить себя отъ ошибокъ, происходящихъ отъ теплой или холодной, отъ сухой или влажной атмосферы: человѣкъ все это сдѣлалъ, несмотря на свое слабое и ничтожное тѣло, несмотря на малость своей планеты, которая во вселенной менѣе песчинки.

Вопросы, на которые астрономія даетъ опредѣлительные и блестящіе отвѣты, раздѣляются на двѣ категоріи: одни представляются нашему уму естественно, сами собою, и уму надобно было только найти средства для ихъ рѣшенія; другіе-же, по прекрасному выраженію Плинія, погружены въ величіе природы. Бальи, въ своей книгѣ, тѣ и другіе предлагаетъ съ глубокимъ знаніемъ астрономіи, и возможность и обширность ихъ открываетъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Если, съ одной стороны, астрононія уничтожаетъ человѣка, то съ другой она даетъ ему самое почетное мѣсто въ неизмѣримой области идей. Такимъ-образомъ наука, возвышающая насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ имѣла и всегда будетъ имѣть горячихъ и благодарныхъ почитателей.

Въ 1775 г., первый томъ своей исторіи Бальи отослалъ къ Вольтеру. Благодаря за подарокъ, остроумный и прославленный старецъ написалъ къ астроному одно изъ тѣхъ писемъ, которыя

только онъ умѣлъ писать, и въ которыхъ умныя похвалы кажутся совершенно естественными.

«Я — писалъ Фернейскій философъ — много вамъ благодаренъ, потому-что, получивъ въ одинъ день вашу книгу и толстое медицинское разсужденіе, я не разскрывалъ послѣдняго: я прочиталъ почти всю вашу исторію, и здоровье мое поправилось».

Дѣйствительно, Вольтеръ прочиталъ исторію Бальи съ перомъ въ рукѣ, и предложилъ ему возраженія, доказывающія и необыкновенную проницательность и удивительное разнообразіе знаній. Тогда Бальи нашелъ необходимымъ развить свои идеи, которыя въ его «Исторіи древней астрономіи» не составляли главнаго предмета. Вотъ происхожденіе и цѣль его сочиненія, изданнаго въ 1776 г., подъ названіемъ: *Письма къ Вольтеру о происхожденіи наукъ, особенно у народовъ Азіи.* Здѣсь авторъ предваряетъ читателя, что письма къ автору «Меропы» написаны для доказательства, что онъ не имѣлъ намѣренія забавляться парадоксами.

По мнѣнію Бальи, современные народы Азіи наслѣдовали астрономію отъ народа древнѣйшаго. Китайцы и Индійцы, славящіеся своими астрономическими знаніями, только-что сохранили полученное ими наслѣдство, но не имѣютъ права называться изобрѣтателями. Нѣкоторыя астрономическія явленія, находящіяся въ лѣтописяхъ этихъ южныхъ народовъ, относятся къ географическимъ широтамъ, болѣе сѣвернымъ. Слѣдуя за этими явленіями, можно дойти до первобытнаго народа и доказать, что образованность распространялась отъ сѣвера къ югу.

Бальи также утверждалъ, что древнія басни, разсматриваемыя физически, принадлежатъ сѣвернымъ странамъ нашей земли.

Въ 1779 г. Бальи издалъ второе собраніе писемъ, подъ названіемъ: *Письма о Платоновой Атлантидѣ и о древней исторіи Азіи.* Вольтеръ умеръ прежде, нежели получилъ эти письма; но Бальи не хотѣлъ перемѣнить принятой имъ формы, и новыя свои письма попрежнему адресовалъ къ Фернейскому философу.

На первыя письма Вольтеръ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о древнемъ народѣ, который былъ учителемъ Индійцевъ. Астрономъ, чтобъ уничтожить это возраженіе, старался доказать, что народы исчезаютъ и объ ихъ существованіи остаются только преданія. Въ-примѣръ онъ приводитъ пять народовъ, и между ними Атлантовъ.

Аристотель говорилъ объ Атлантидѣ, что ее выдумалъ Пла-

томъ. «Онъ ее выдумалъ и уничтожилъ, какъ Гомеръ построилъ и разрушилъ стѣны Трои». Бальи не принималъ этого скептицизма. Онъ думалъ, что Платонъ не шутя разсказывалъ Аѳинянамъ о народѣ ученомъ, цивилизованномъ, но уничтожившемся и забытомъ. Бальи не соглашался съ Платономъ только въ томъ, что Канарійскіе острова остались отъ древняго отечества Атлантовъ, поглощеннаго моремъ. Бальи помѣщалъ этотъ народъ на Шпицбергенѣ, въ Гренландіи и на Новой Землѣ, измѣнившихся въ ихъ климатѣ. Также и Гесперидскіе сады надобно искать близъ полюса. Наконецъ самая басня о Фениксѣ перешла къ намъ съ устья Оби, которое шестьдесятъ пять дней въ году не освѣщается солнцемъ.

Во многихъ мѣстахъ своего сочиненія, Бальи самъ удивляется странности своихъ заключеній и опасается, чтобы читатели не приняли ихъ за игру воображенія; однако онъ сказалъ: «мое перо не можетъ находить выраженій для мыслей, которыя кажутся мнѣ ложными». Бальи, для утвержденія ихъ, призывалъ въ-помощь астрономію, исторію, филологію и системы Мерана и Бюффона о собственномъ теплѣ земли. Онъ не забылъ также, «что людямъ, любящимъ удовольствіе болѣе, нежели науки, всего болѣе нравится красивый слогъ, а сухая истина убиваетъ ихъ скукой». Несмотря на все это, Бальи не имѣлъ послѣдователей; по какому-то инстинкту ученые отвергли плоды труда упорнаго; Даламберъ даже называлъ его пустымъ, лишеннымъ всякой здравой мысли, и самого автора—*иллюминатомъ*. Но Вольтеръ велъ себя гораздо приличнѣе. Онъ любилъ браминовъ и доказательства астронома удостоивалъ основательнаго разбора. Такъ-же должно поступать и въ наше время, когда съ востока снята бо̀льшая часть таинственнаго покрова. Нынѣ мы хорошо знаемъ астрономію Китайцевъ и Индійцевъ; даже знаемъ, до чего достигли они въ наукахъ математическихъ. Теорія внутренняго тепла земли сдѣлала неожиданные успѣхи. Наконецъ, сравнительная филологія, много расширенная трудами Сильвестра-де-Саси, Ремюза, Катрмера, Бюрнуфа и Станислава Жюльена, освѣтила историческіе и географическіе вопросы, покрытые мракомъ во время Бальи. Пользуясь новыми изслѣдованіями, не трудно доказать, что гипотеза о древнемъ, неизвѣстномъ народѣ, основателѣ всѣхъ человѣческихъ знаній и объ отечествѣ Атлантовъ, не имѣетъ никакихъ твердыхъ основаній. Впрочемъ, еслибы Бальи жилъ съ нами, то, руководствуясь справедливостью, мы должны были-бы повторить слова Вольтера, перемѣнивъ *настоящее* въ *прошедшее:*

«Ваши обѣ книги *были* наполнены глубокою ученостью и остроумными выводами, украшенными истиннымъ краснорѣчіемъ, всегда приличнымъ предмету».

Первое свиданіе Бальи съ Франклиномъ. — Вступленіе въ академію Французскую въ 1783 г. — Рѣчь при вступленіи. — Разрывъ съ Бюффономъ.

Въ концѣ 1777 г., Бальи сдѣлался задушевнымъ другомъ Франклина. Связь между ними началась весьма страннымъ образомъ.

Одинъ изъ знаменитыхъ членовъ института, Вольней, возвратившись изъ новаго свѣта, сказалъ: «Англо-Американцы считаютъ Французовъ легкомысленными, нескромными, болтунами». Съ этимъ мнѣніемъ, по-моему, весьма ложнымъ, посланникъ Франклинъ пріѣхалъ во Францію. Всѣ знаютъ, что онъ остановился въ Шальо. Какъ житель этой общины, Бальи почелъ обязанностью немедленно сдѣлать ему визитъ. Франклинъ зналъ Бальи, какъ знаменитаго ученаго, принялъ его дружески и размѣнялся съ нимъ осьмью или десятью приличными словами, послѣ которыхъ Бальи сѣлъ подлѣ Американскаго философа и, изъ-скромности, ожидалъ отъ него вопроса. Прошло полчаса, но Франклинъ молчалъ. Бальи вынулъ свою табакерку и поднесъ ее къ безмолвному хозяину, также не говоря ни слова. Франклинъ сдѣлалъ знакъ, что не нюхаетъ табаку. Безмолвіе продолжалось цѣлый часъ. Наконецъ Бальи всталъ, и тогда Франклинъ, какъ-бы отъ удовольствія, что встрѣтилъ Француза, умѣвшаго молчать, вскрикнулъ: «Прекрасно, г. Бальи, прекрасно»!

Я разсказалъ анекдотъ точными словами Бальи, и боюсь, что потребуютъ объ немъ моего мнѣнія. Но вотъ что я думаю. Еслибы Бальи и Франклинъ, при первой встрѣчѣ, начали разговаривать о какомъ-нибудь ученомъ вопросѣ, то они поступили-бы приличнѣе, чѣмъ разыгрывать комическую сцену. Я даже соглашусь, что и геніальные люди бываютъ смѣшными. Но я прибавлю, что такіе примѣры не заразительны: нѣмыми сценами нельзя выказывать своего достоинства и странности не всегда бываютъ полезны.

Бальи былъ избранъ въ члены Французской академіи на мѣсто Трессана, въ ноябрѣ 1783 г. Въ тотъ-же день Шуазѣль-Гуффье получилъ кресло Даламбера. Благодаря этому случаю, Бальи не

испыталъ сарказмовъ, которые обыкновенно падаютъ на счастливцевъ, удостоившихся чести принадлежать двумъ академіямъ: сарказмы, мимо Бальи, разразились надъ вельможею, и буря пролетѣла, не коснувшись астронома. Мы постараемся собрать все пріятное для нашего сотоварища, потому-что скоро будемъ говорить о жестокихъ его страданіяхъ; однакожь вступленіе во Французскую академію краснорѣчиваго историка астрономіи не было такъ легко, какъ многіе думаютъ, видя, что эта почесть достается многимъ писателямъ почти за ничто. Бальи три раза не имѣлъ успѣха. Прежде него, Фонтенель терпѣлъ также неудачи; но Фонтенель переносилъ ихъ безъ ропота и не терялъ надежды. Бальи, напротивъ, думая, что неблагопріятныя для него слѣдствія баллотировки происходили отъ непріязненности Даламбера, сильно оскорблялся и обнаруживалъ неприличное малодушіе.

Балотировки Бальи были не безъ шума, и Бюффонъ постоянно и чистосердечно заступался за него.

Рѣчь, по случаю своего вступленія во Французскую академію, Бальи произнесъ въ февралѣ 1784 г. Заслуги Трессана были оцѣнены съ искусствомъ, и избранная публика изъявляла свое удовольствіе при тѣхъ мѣстахъ рѣчи, гдѣ мысли истинныя и глубокія были украшены слогомъ сильнымъ и гармоническимъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, никто не говорилъ такъ краснорѣчиво о могуществѣ науки, по поводу современнаго открытія, по поводу опыта Монгольфьера. Вотъ что сказалъ Бальи: «Теперь, когда я говорю, науки возвысили умъ человѣческій чрезвычайнымъ открытіемъ: онѣ распространили владычество человѣка въ природѣ. Воздухъ, кажется, «сдѣлался столько-же доступнымъ, какъ море, и самая дерзость «человѣка въ его путешествіяхъ сравнялась съ дерзостью его «идей. Имя Монгольфьера, безстрашнаго плавателя въ новой стихіи, «будетъ жить въ потомствѣ. Взирая на чудесные опыты, кто изъ «насъ не чувствовалъ, что душа возвышается, идеи расширяются, «умъ возрастаетъ гигантски?»

Я не могу рѣшить, успокоилось-ли сердце Бальи отъ претерпѣнныхъ имъ огорченій на литературномъ поприщѣ, послѣ удовлетвореннаго самолюбія титломъ двойнаго академика и успѣхомъ въ блестящемъ и избранномъ обществѣ. Но дружескія его связи съ Бюффономъ укрѣпились, хотя, должно сказать, не надолго. Новый академическій выборъ разорвалъ ихъ. Вы знаете, что между нами каждый выборъ есть яблоко раздора. Несмотря на разногла-

сіе, каждый думаетъ, что дѣйствуетъ для пользы наукъ или словесности; каждый считаетъ себя справедливымъ и каждый старается составить партію. Это естественно и даже законно. Но не должно забывать, что голосъ при выборѣ есть *судъ*, а судья всегда говоритъ просителю: «Я поставленъ для приговоровъ, а не для услугъ».

Гордый и независимый Бюффонъ не могъ этого помнить. Великій естествоиспытатель хотѣлъ выбрать аббата Мори, а его товарищъ, Бальи, былъ на-сторонѣ Седеня. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, такое разногласіе кажется недостаточнымъ для разрыва дружбы между людьми высшаго достоинства. *Неблагоразумный закладъ* и *философъ безъ знанія* много перетягивали еще весьма легкій литературный запасъ Мори. Комическому поэту было почти семдесятъ лѣтъ, аббатъ-же только выходилъ изъ юношества. Высокій характеръ и безукоризненная жизнь Седеня, не безъ выгоды могли быть сравниваемы съ характеромъ и съ публичною и частною жизнью будущаго кардинала. И такъ, откуда знаменитый естествоиспытатель почерпнулъ неопреодолимую склонность къ аббату и антипатію къ поэту? Не изъ предразсудковъ-ли своего дворянства? Нельзя считать невозможнымъ, что графъ Бюффонъ не хотѣлъ имѣть товарищемъ стараго каменьщика; но и Мори былъ сынъ башмачника. Этотъ случай нашей исторіи литературы оставался необъясненнымъ; но, кажется, я открылъ тайну.

Вспомните знаменитый афоризмъ Бюффона: «слогъ—человѣкъ». Я случайно узналъ, что Седень не уважалъ этого изрѣченія. Авторъ «Ричарда—львиное сердце» и «Дезертера» говорилъ: «слогъ ничто, или почти ничто».

Теперь, вообразите, что такая ересь попалась въ глаза писателю, который дни и ночи проводилъ за полированіемъ своего слога, и вы поймете, почему Бюффонъ возненавидѣлъ Седеня; а если не поймете, то вы не знаете человѣческаго сердца.

Бальи твердо противился настояніямъ прежняго своего покровителя, даже не согласился на его просьбу не быть въ академіи въ день выбора. Онъ не хотѣлъ для дружбы и выгодъ пожертвовать должностью; въ отвѣтъ на повелительный тонъ онъ сказалъ: «Я хочу быть свободнымъ». Нельзя не похвалить твердости Бальи. Примѣръ его научитъ робкихъ, что должно уступать не просьбамъ, но доказательствамъ. Нѣкоторые мало думаютъ о своемъ спокойствіи и при выборахъ не довольствуются однимъ безмолв-

нымъ и тайнымъ голосомъ; но они становятся виновными, если покоряются авторитету, а не убѣжденію, если голосу совѣсти предпочитаютъ голосъ благодарности.

При подобномъ разногласіи, астрономъ Лемонье сказалъ Лаланду, своему товарищу и прежнему своему ученику: «Я прошу васъ не ходить ко мнѣ впродолженіе полуоборота луннаго узла», т. е. впродолженіе девяти лѣтъ. Лаландъ исполнилъ требованіе съ астрономическою точностью; но приказаніе, выраженное ученымъ языкомъ, публика считала слишкомъ строгимъ: что-же скажемъ о Бюффонѣ, который свой гнѣвъ на Бальи выразилъ гораздо рѣшительнѣе: «Мы болѣе не увидимся». Эти слова и слишкомъ строги и слишкомъ торжественны, потому-что они сказаны по разногласію о Седенѣ и Мори. Бальи безмолвно переносилъ разрывъ съ Бюффономъ и никто не слыхалъ его жалобъ. Скажу болѣе: съ того времени Бальи не упускалъ ни одного случая, когда могъ изъявить свое уваженіе къ знаніямъ и краснорѣчію Французскаго Плинія.

Донесеніе о животномъ магнитизмѣ.

Мы видѣли Бальи астрономомъ, изслѣдователемъ древностей и литераторомъ; теперь увидимъ его въ борьбѣ съ различными страстями, возбужденными преславутымъ вопросомъ о животномъ магнитизмѣ.

Въ началѣ 1778 г. поселился въ Парижѣ Нѣмецкій врачъ, который не могъ не сдѣлать успѣховъ въ такъ-называемомъ высшемъ обществѣ, потому-что онъ былъ иностранецъ, и потому-что правительство выгнало его изъ отечества за обманы и безпримѣрное шарлатанство. Успѣхи его даже превзошли ожиданіе; самые Глюкисты и Паччинисты забыли свои споры и занялись единственно новымъ пришлецомъ.

Месмеръ, такъ называли его, утверждалъ, что онъ открылъ въ природѣ дѣятеля, до него неизвѣстнаго ни врачамъ, ни физикамъ,— всеобщую жидкость, посредствомъ которой сообщаются между собою всѣ міры; жидкость, способную для приливовъ и отливовъ, входящую въ нервы и дѣйствующую въ нихъ съ большою пользою; по этому послѣднему свойству назвали ее *животнымъ магнитизмомъ*.

«Животный магнитизмъ — говорилъ Месмеръ — можетъ скоплятъся, концентрироваться и пореноситься безъ помощи тѣлъ по-

«средствующихъ; онъ отражается, какъ свѣтъ; его распространяютъ и усиливаютъ музыкальные тоны».

Казалось, что такія опредѣленныя свойства можно было повѣрить опытами, и Месмеръ принялъ вѣрное средство оградить себя отъ нареканія въ шарлатанствѣ, въ случаѣ ихъ неудачи; онъ объявилъ: «Хотя жидкость разлита во всей природѣ, однако одушевленныя тѣла принимаютъ ее въ различныхъ степеняхъ; даже нѣкоторые люди уничтожаютъ ея дѣйствіе однимъ своимъ присутствіемъ». Съ такимъ основаніемъ, Месмеръ смѣло могъ утверждать, что «животный магнитизмъ исцѣляетъ нервныя болѣзни непосредственно, другія-же—чрезъ нервы; онъ есть самое «дѣйствительное средство узнавать начало, натуру и ходъ самыхъ «сложныхъ болѣзней; словомъ — животный магнитизмъ есть универсальное лекарство и спаситель человѣческаго рода».

До отъѣзда своего изъ Вѣны, Месмеръ сообщилъ свое открытіе главнымъ ученымъ обществамъ въ Европѣ. Академія наукъ Парижская и Лондонское Королевское Общество почли неприличнымъ отвѣчать ему; но академія Берлинская разсмотрѣла его представленіе и писала къ нему, что онъ ошибается.

По пріѣздѣ въ Парижъ, Месмеръ снова попробывалъ взойдти въ сношеніе съ академіею, которая согласилась даже на свиданіе съ нимъ, но потребовала отъ него не словъ, а опытовъ. Месмеръ назвалъ это ребячествомъ, и засѣданія прекратились.

Медицинское королевское Общество, приглашенное для сужденія о чудесныхъ исцѣленіяхъ Австрійскаго врача, объявило, что его коммиссары не могутъ дать мнѣнія, не изслѣдовавъ предварительно состояніе больныхъ. Месмеръ отвергнулъ и это законное и благоразумное требованіе; онъ хотѣлъ, чтобы вѣрили одному честному слову его больныхъ и собственному его свидѣтельству. По этой причинѣ, особенно на основаніи строгихъ и умныхъ писемъ Викъ-д'Азира, всѣ сношенія съ Обществомъ остались безъ послѣдствій.

По моему мнѣнію, медицинскій факультетъ поступилъ не совсѣмъ благоразумно. Онъ рѣшительно отказался отъ изслѣдованія вопроса, и даже одного изъ своихъ членовъ обвинилъ въ содѣйствіи Месмерову шарлатанству.

Такіе споры и уклоненія Месмера отъ справедливыхъ требованій ученыхъ ясно доказывали, что онъ не былъ увѣренъ ни въ своей теоріи, ни въ дѣйствительности исцѣленій. Но публика оста-

валась слѣпою и пришла въ необыкновенное волненіе; она раздѣлилась на магнитизеровъ и магнитизируемыхъ. Во всѣхъ концахъ Франціи явились агенты Месмера и собирали хорошую подать съ легкомысленныхъ.

Магнитизеры ловко увѣряли, что *магнитическіе кризисы* происходятъ только въ людяхъ, одаренныхъ извѣстною степенью чувствительности; мужчины и женщины никакъ не хотѣли казаться безчувственными и приближаясь къ ваннѣ, впадали въ эпилепсію.

Патеръ Гервье, конечно, въ параксизмѣ написалъ слѣдующія слова: «Еслибы Месмеръ жилъ во времена Декарта и Нью«тона, то онъ избавилъ-бы ихъ отъ большаго труда: Декартъ и «Ньютонъ подозрѣвали существованіе всеобщей жидкости, — Ме«смеръ открылъ законы ея дѣйствія».

Куръ-де-Жебеленъ пошелъ еще далѣе: новое ученіе соблазнило его сходствомъ съ нѣкоторыми таинствами древнихъ, и авторъ «Первобытнаго міра» не ограничился тѣмъ, что хвалилъ месмеризмъ съ одушевленіемъ Пиѳіи; страшныя болѣзненныя страданія сдѣлали для него жизнь невыносимою; хотя онъ съ удовольствіемъ видѣлъ ихъ конецъ, однако настоятельно требовалъ, чтобъ его перенесли къ Месмеру, гдѣ онъ «надѣялся не умереть, а исцѣлиться». Просьбу его не исполнили, а только магнитизировали, и онъ умеръ подъ *пассами* магнитизера.

Живописцы, скульпторы и граверы наперерывъ воспроизводили образъ новаго томатурга; стихотворцы сочиняли надписи къ его бюстамъ и портретамъ. Стихи Палиссо представляютъ замѣчательный примѣръ поэтической свободы:

Le voilà, ce mortel, dont le siècle s'honore,
Par qui sont replongés au séjour infernal
Tous les fléaux vengeurs que déchaina Pandore;
Dans son art bienfaisant il n'a pas de rival,
Et la Grèce l'eut pris pour le dieu d'Epidaure (*).

Стихотворцы приходили въ безвредный восторгъ; но изступленіе прозаиковъ проявилось насиліемъ. Бергассъ писалъ: «Враговъ животнаго магнитизма должно предать проклятію и мстящему пре-

(*) Вотъ смертный, слава нашего вѣка; онъ опять прогналъ въ адъ тѣ бѣдствія, которыя были выпущены на свѣтъ Пандорою. Въ его благодѣтельномъ искусствѣ нѣтъ соперника, и Греція признала-бы его за бога Эпидавра.

зрѣнію потомства». За словами слѣдовало дѣло. Изступленные поклонники Месмера напали на Бертоле въ одномъ закоулкѣ Пале-Рояля и хотѣли задушить его за то, что онъ опыты прошлеца назвалъ неубѣдительными.

Гордость и требованіе Нѣмецкаго шарлатана возрастали съ числомъ его приверженцевъ. Министръ Морепа, отъ имени короля, предложилъ ему пожизненный пансіонъ въ 20 тысячъ франковъ и еще половину этой суммы на наемъ дома за позволеніе тремъ ученымъ присутствовать при его *сеансахъ*. Месмеръ отвергнулъ предложеніе и потребовалъ *національной награды:* одинъ изъ лучшихъ замковъ близъ Парижа со всѣми принадлежащими ему землями.

Когда на нелѣпое требованіе не согласились, тогда Месмеръ осердился и оставилъ Францію, призывая на нее потокъ всѣхъ золъ, отъ которыхъ онъ избавилъ-бы ее. Въ письмѣ къ Маріи-Антуанетѣ томатургъ объявилъ, что отъ предложенія правительства онъ отказался «par austérité».

Par austérité!! — Надобно полагать, что Месмеръ совсѣмъ не зналъ нашего языка; онъ зналъ только знаменитый стихъ:

Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs (*).

Впрочемъ, l'austérité Месмера не помѣшала ему прійти въ жестокій гнѣвъ, когда онъ узнавъ въ Спа, что Делонъ въ Парижѣ продолжаетъ магнитическое леченье. Онъ немедленно возвратился въ Парижъ, гдѣ его поклонники приняли его съ восторгомъ, открыли подписку по 100 луидоровъ съ человѣка и скоро собрали 100 тысячъ франковъ. Въ числѣ подписавшихся съ удивленіемъ встрѣчаемъ имена Лафайета, Сегюра и Эпермениля.

Месмеръ во второй разъ уѣхалъ изъ Франціи въ концѣ 1781 г., потому-что правительство, всегда и вездѣ вѣрный цѣнитель достоинствъ, начало собирать объ немъ надлежащія справки. Онъ оставилъ послѣ себя множество горячихъ и упорныхъ адептовъ, которыхъ наглые поступки заставили правительство подвергнуть мнимое открытіе строгому изслѣдованію четырехъ медиковъ факультета. Отличные врачи потребовали, чтобы къ нимъ присоединили нѣсколько членовъ академіи наукъ. Бертель назначилъ Леруа, Бори, Лавуазье, Франклина и Бальи, изъ которыхъ послѣдняго избрали докладчикомъ коммиссіи.

Донесеніе Бальи явилось въ свѣтъ въ августѣ 1784 г. Никогда

(*) Дураки подлуннаго міра сотворены для нашей забавы.



важный вопросъ не былъ разбираемъ съ такою тонкостью и тактомъ въ оцѣнкѣ его сущности; никогда и никто не сохранялъ такой умѣренности и благоразумія среди личныхъ, разнообразныхъ страстей; ни одинъ ученый предметъ не былъ написанъ столь достойнымъ его слогомъ, чистымъ, прозрачнымъ.

Въ дѣлѣ здоровья человѣческое легковѣріе выходитъ изъ предѣловъ. Этотъ афоризмъ есть вѣчная истина. Онъ объясняетъ, почему общество пристрастилось въ месмеризму, и почему подробный разборъ знаменитаго труда Бальи, написаннаго за шестьдесятъ лѣтъ, считаю приличнымъ и нашему времени. Сверхъ-того, этотъ разборъ обнаружитъ смѣлость тѣхъ членовъ одной академіи, которые недавно сдѣлались защитниками старыхъ бредней, казавшихся навсегда забытыми.

Коммиссары сначала посѣтили лечебницу Делона, осмотрѣли преславутую ванну, описали ее вмѣстѣ со средствами, употребляемыми для возбужденія и направленія магнитизма. Потомъ Бальи излагаетъ истинно-необыкновенную картину состоянія больныхъ; его вниманіе болѣе всего было обращено на конвульсіи, называемыя *кризисомъ*. Въ числѣ подвергавшихся кризисамъ было много женщинъ и мало мужчинъ. Впрочемъ, онъ не подозрѣваетъ обмана, считаетъ явленія несомнѣнными и переходитъ къ изслѣдованію ихъ причины.

По мнѣнію Месмера и его послѣдователей, причина кризисовъ и другіе менѣе характерическія явленія заключаются въ особенной жидкости. Коммиссары прежде всего должны были собрать доказательства ея существованія. «Дѣйствительно — говоритъ Бальи — животный магнитизмъ можетъ существовать и быть безполезнымъ; но онъ уже совершенно безполезенъ, если не существуетъ».

Животно-магнитная жидкость не свѣтитъ и не видима, какъ электричество; на тѣла неодушевленныя она не дѣйствуетъ, какъ магнитъ обыкновенный; наконецъ, она не имѣетъ вкуса. Нѣкоторые магнитизеры утверждали, что она имѣетъ запахъ; но многіе опыты доказали ихъ ошибку. Итакъ предполагаемое существованіе жидкости можетъ быть дознано только по ея дѣйствіямъ на существа одушевленныя.

Явленія исцѣленія привели-бы коммиссію къ заключеніямъ совершенно невѣрнымъ, потому-что многіе больные выздоравливаютъ безъ леченія, дѣйствіемъ одной природы. Тутъ нѣтъ возможности опредѣлить съ точностью участіе магнитизма, или это потре-

бовало-бы и продолжительнаго времени и безчисленныхъ опытовъ. Итакъ коммиссары должны были ограничиться непосредственнымъ дѣйствіемъ жидкости на животный организмъ. Они сперва самихъ себя подвергли опытамъ, принявъ однакожь нѣкоторыя предосторожности. «Нѣтъ—говоритъ Бальи—ни одного человѣка, который бы, обративъ небольшое вниманіе на свое тѣло, не чувствовалъ какихъ-нибудь перемѣнъ, напримѣръ, тепла, холода и пр., при самомъ лучшемъ состояніи здоровья. Эти перемѣны мы всегда чувствуемъ; онѣ нимало не зависятъ отъ магнитизма. Итакъ коммиссары не должны были обращать на нихъ вниманія. Если магнитизмъ существуетъ, то онъ подѣйствуетъ и на того, кто объ немъ не думаетъ; онъ заставитъ обратить на себя вниманіе даже того, кто съ намѣреніемъ не думаетъ объ немъ и пренебрегаетъ имъ (*)».

Коммиссары, магнитизированные Делономъ, ничего не чувствовали. Послѣ здоровыхъ людей, начали опыты надъ больными разныхъ возрастовъ и изъ разныхъ классовъ общества. Изъ четырнадцати такихъ больныхъ, только пять что-то чувствовали; на прочихъ-же магнитизмъ совсѣмъ не дѣйствовалъ.

Животный магнитизмъ, вопреки настойчивымъ и великолѣпнымъ описаніямъ, не можетъ считаться и указателемъ болѣзней. Бальи предлагаетъ важное замѣчаніе: магнитизмъ не дѣйствовалъ на дѣтей и на людей, которые подвергались опытамъ съ недовѣрчивостью. Не позволительно-ли думать, что дѣйствія животнаго магнитизма происходили отъ предубѣжденія въ его силѣ, и не можно-ли приписать ихъ воображенію? Отсюда начался новый рядъ опытовъ, чтобъ подтвердить или уничтожить это подозрѣніе. «Надобно было опредѣлить, до какой степени воображеніе имѣетъ

(*) Переводчикъ этой біографіи безъ предосторожностей подвергался магнитизированію, которое возбудило въ немъ только смѣхъ надъ усиліемъ и кривляніями магнитизера, кончившаго тѣмъ, что онъ сказалъ: «ты самое безчувственное животное!» Кто не вѣритъ месмеризму, на того онъ не дѣйствуетъ. Но переводчикъ былъ свидѣтелемъ одного замѣчательнаго случая. Одинъ господинъ, увидѣвъ опыты сильнаго дѣйствія на нервы магнитной машины Кларка, приписалъ ихъ воображенію и безсилію подвергавшихся опытамъ, и надѣясь на свою силу тѣлесную и умственную, похвалился, что онъ ничего не почувствуетъ; но при первомъ прикосновеніи къ спиралямъ лице его исказилось. Тогда онъ согласился, что истинно-существующая сила природы дѣйствуетъ на всѣхъ безъ исключенія.



вліяніе на наши ощущенія, и можетъ ли оно вполнѣ или отчасти производить то, что видимъ при магнитизированіи».

Эта часть труда коммиссаровъ вполнѣ убѣдительна. Сперва они отправились къ доктору Жюмеленю, который производилъ такіе же кризисы, какими славились Делонъ и Месмеръ, магнитизируя другимъ способомъ и не принимая различія въ полюсахъ. Они выбрали людей, наиболѣе чувствующихъ дѣйствіе магнитизма, и чтобъ воспрепятствовать вліянію воображенія, завязывали имъ глаза.

Что-же открылось?

Когда глаза не были завязаны, тогда дѣйствіе магнитизма они чувствовали въ томъ мѣстѣ своего тѣла, которое магнитизировали; но съ завязанными глазами указывали на разныя мѣста, на тѣ члены, которые были далеко отъ магнитизируемыхъ. Съ завязанными глазами субъекты разсказывали о сильныхъ ощущеніяхъ даже въ то время, когда не производилось магнитизированіе, и наоборотъ, ничего не чувствовали, когда магнитизеръ истощался въ своихъ усиліяхъ.

Такимъ ошибкамъ подвергались люди, принадлежавшіе къ разнымъ классамъ общества. Одинъ даже ученый врачъ весьма часто чувствовалъ дѣйствіе магнитизма безъ магнитизированія и, обратно, ничего не чувствовалъ, когда его магнитизировали. Одинъ разъ, думая, что его магнитизируютъ около десяти минутъ, онъ увѣрялъ, что чувствуетъ жаръ въ поясницѣ, какъ-бы отъ печки.

Никто не будетъ спорить, что ощущенія безъ магнитизированія, дѣйствительно, происходятъ отъ воображенія.

Коммиссары, какъ строгіе логики, не остановились на этихъ опытахъ. Они увѣрились, что въ нѣкоторыхъ людяхъ воображеніе можетъ возбуждать болѣзненныя ощущенія, напримѣръ, жаръ во всѣхъ частяхъ тѣла; но месмеристы производятъ не одни эти ощущенія: они доходятъ до того, что многіе впадаютъ въ конвульсіи или кризисы. Можетъ-ли воображеніе доводить до такого состоянія?

Новые опыты совершенно уничтожили сомнѣніе. Одного молодаго человѣка привели въ Пасси, въ садъ Франклина, и сказали ему, что приведшій его Делонъ намагнитизировалъ одно дерево. Молодой человѣкъ пробѣжалъ по саду и упалъ въ конвульсіяхъ, но подъ деревомъ не намагнитизированнымъ. Такой-же кризисъ схватилъ его и подъ другимъ деревомъ, также не магнитизированнымъ.

Изъ числа своихъ больныхъ, Делонъ выбралъ двухъ наиболѣе чувствительныхъ женщинъ и привелъ ихъ въ Пасси. Эти женщины каждый разъ впадали въ кризисы, когда онѣ думали, что ихъ магнитизируютъ, хотя этого не дѣлали. У Лавуазье, знаменитый опытъ съ чайною чашкою приводилъ къ такимъ-же результатамъ. Обыкновенная вода часто производила кризисы, а вода магнитизированная оставалась безъ дѣйствія.

Надобно совсѣмъ отказаться отъ разсудка, чтобы въ этихъ опытахъ, благоразумно и систематически произведенныхъ, не видѣть доказательства, что одно только воображеніе есть причина явленій около Месмеровой ванны, и что съ уничтоженіемъ дѣйствій воображенія магнитизмъ не существуетъ. Однако коммиссары сочли нужнымъ разсмотрѣть вопросъ и съ этой новой стороны. Послѣ многихъ новыхъ опытовъ съ возможными предосторожностями, доведенными до строгости математической, они достигли до рѣшительнаго заключенія, что воображеніе можетъ и прекращать и возбуждать кризисы.

Предвидя, что люди съ недѣятельнымъ, лѣнивымъ умомъ могутъ не повѣрить дѣйствію воображенія въ опытахъ коммиссаровъ, Бальи напомнилъ, что внезапность разстроиваетъ пищевареніе, огорченіе производитъ желтуху, пожаръ возвращаетъ ноги паралічнымъ, сильное вниманіе останавливаетъ икоту, отъ страха въ минуту сѣдѣютъ волосы, и пр.

Прикосновенія, употребляемыя въ практикѣ магнитизеровъ, не требовали никакого прямаго опыта, когда исчезъ главный дѣятель — магнитизмъ. Касательно этого предмета, Бальи ограничивается только нѣкоторыми разсужденіями анатомическими и физіологическими, замѣчательными по своей ясности и опредѣленности. Въ его донесеніи, также съ живѣйшимъ любопытствомъ читаемъ замѣчанія о дѣйствіи подражательности въ собраніи магнитизируемыхъ. Бальи сравниваетъ его съ театральными представленіями. «Посмотрите, говоритъ онъ, какъ сильно и быстро передаются впе«чатлѣнія между зрителями, пользующимися свободой апплодиро«вать. Движеніе одного возбуждаетъ общее движеніе, которое вы«ражается по мѣрѣ чувствительности каждаго зрителя. То-же самое «замѣчаемъ въ войскѣ въ день сраженія, когда энтузіазмъ и па«ническій страхъ распространяются мгновенно. Звукъ барабана и «военной музыки, пушечные и ружейные выстрѣлы, крики, безпо«рядокъ потрясаютъ органы, всѣхъ направляютъ къ одной цѣли

«и воображеніе напрягаютъ до высшей степени. Въ такомъ со«стояніи человѣческаго духа одно непредвидимое движеніе стано«вится общимъ; оно ведетъ или къ побѣдѣ или къ бѣгству.» Весьма любопытными примѣрами Бальи оканчиваетъ эту часть своего донесенія.

Наконецъ коммиссары изслѣдовали, могутъ-ли конвульсіи, происходящія отъ воображенія или магнитизма, быть полезными; могутъ-ли онѣ вылечивать или облегчать больныхъ? «Нѣтъ сомнѣ«нія, говоритъ докладчикъ, что воображеніе больныхъ имѣетъ «большое вліяніе на излеченіе болѣзней. Во многихъ случаяхъ на«добно все возмущать, чтобъ все привести въ порядокъ; но потря«сеніе должно сохранять единство; публичное врачеваніе магни«тизмомъ, привычка къ кризисамъ могутъ быть весьма гибельны».

Эта мысль касалась весьма тонкихъ соображеній; она была изложена въ донесеніи королю и долго оставалась тайной. Донесеніе напечатано недавно, и не должно сожалѣть о томъ: леченіе магнитизмомъ нравилось многимъ; теперь извѣстны всѣ его опасности.

Словомъ, донесеніе Бальи совершенно уничтожаетъ укоренившіяся заблужденія. Эта услуга велика, но донесеніе тѣмъ не ограничивается. Изыскивая воображаемую причину животнаго магнитизма, коммиссары доказали существованіе дѣйствительнаго вліянія одного человѣка на другаго безъ посредства физическаго дѣятеля; они утвердили, что «жесты и самые простые знаки производятъ «сильныя впечатлѣнія; способы дѣйствія на воображеніе могутъ «быть превращены въ искусство.» Наконецъ сочиненіе Бальи научаетъ, какимъ образомъ должно изслѣдовать наши способности путемъ опыта, и что психологія можетъ нѣкогда занять мѣсто между науками точными.

Я всегда сожалѣлъ, что коммиссары не прибавили къ своему труду главы исторической. Обширная ученость Бальи много украсила-бы его донесеніе. Месмеризмъ не новость; пріемы этого томатурга находимъ въ древности за двѣ тысячи лѣтъ; публикѣ было-бы любопытно знать, почему *столь полезное открытіе* возобновлено по истеченіи такого продолжительнаго времени. Ограничиваемся немногими замѣтками.

Плутархъ, напримѣръ, облегчилъ-бы трудъ докладчика, который могъ читать въ древнемъ біографѣ, что Пирръ отъ болѣзни въ селезенкѣ вылечился треніемъ большаго пальца правой ноги. Та-

кое леченіе, конечно, можно отнести къ месмеризму, еслибы не мѣшалъ этому бѣлый пѣтухъ, принесенный на жертву предъ началомъ операціи.

Потомъ Веспасіанъ также можетъ считаться предшественникомъ Месмера, по необыкновеннымъ излеченіямъ въ Египтѣ своею ногою.

Къ месмеристамъ принадлежали Гомеръ и Ахиллесъ. Іоакимъ Камераріусъ свидѣтельствовалъ, что въ одномъ древнемъ экземплярѣ Иліады онъ видѣлъ стихъ, пропущенный непонимавшими переписчиками; въ этомъ стихѣ поэтъ упоминаетъ не о пяткѣ героя, прославляемой болѣе трехъ тысячъ лѣтъ, но о необыкновенныхъ цѣлительныхъ свойствахъ большаго пальца его правой ноги.

Болѣе всего я сожалѣю, что Бальи не разсказалъ о томъ, что нѣкоторые адепты Месмера магнитизировали луну, и отъ того падали въ обморокъ всѣ астрономы, наблюдавшіе это свѣтило. Такое вліяніе луны стóитъ всѣхъ возмущеній въ ея движеніи, вычисляемыхъ геометрами отъ Ньютона до Лагранжа.

Донесеніе Бальи сильно досадило месмеристамъ; они прогнѣвались, и бѣдный астрономъ нѣсколько мѣсяцевъ терпѣлъ отъ нихъ страшные нападки. Во всѣхъ Французскихъ провинціяхъ появились опроверженія его донесенія, иногда спокойныя, благопристойныя и умѣренныя, вообще-же ожесточенные памфлеты. Нынѣ не стоитъ труда вытаскивать пыльныя брошюры съ полокъ нѣкоторыхъ частныхъ библіотекъ. Но я достигну своей цѣли, когда остановлюсь на двухъ этого рода сочиненіяхъ, заслуживающихъ воспоминанія по ихъ слогу или по извѣстности автора.

Первое мѣсто занимаетъ брошюра Сервана, подъ заглавіемъ: «Сомнѣнія провинціала, предложенныя гг. коммиссарамъ, разсматривавшимъ животный магнитизмъ по повелѣнію короля». Месмеристы приняли ее съ восторгомъ, какъ торжество ихъ дѣла. Въ ноябрѣ 1784 г., Гриммъ писалъ: «Ни въ чемъ не должно отчаиваться. Казалось, что месмеризмъ уничтожился подъ ударами врачей, «философовъ и предъ лицомъ здраваго смысла. Но Серванъ, бывшій прокуроръ въ Греноблѣ, доказалъ, что съ умомъ можно освободиться отъ всякаго непріятнаго положенія, даже избавиться «отъ насмѣшекъ».

Брошюра Сервана, въ свое время, была якоремъ спасенія месмеристовъ; да и нынѣ адепты пользуются ею и заимствуютъ изъ

нея главные свои аргументы; посмотримъ-же, точно-ли она поколебала донесеніе Бальи.

Въ первыхѣ строкахъ видимъ, что знаменитый прокуроръ предложилъ вопросъ неточно. Онъ думаетъ, что обязанность коммиссаровъ состояла въ разсмотрѣніи магнитизма относительно медицины; они «должны были оцѣнить ошибки и опасности того и другаго способовъ леченія, и, послѣ благоразумнаго разбора, показать, что должно удержать и что отвергнуть изъ обоихъ способовъ». Это значитъ, что Серванъ хочетъ заподозрить безпристрастіе врачей, причемъ онъ напоминаетъ вѣчное правило: никто не можетъ быть судьей своего дѣла. Такимъ образомъ прокуроръ, какъ законовѣдецъ, уничтожаетъ силу свидѣтельства врачей.

Потомъ слѣдуетъ очередь академиковъ. «Предъ Франклиномъ «и Бальи, говоритъ авторъ, всякой долженъ преклонить колѣни: «одинъ много изобрѣлъ, другой-же много возобновилъ; Франклинъ «принадлежитъ двумъ мірамъ, а Бальи всѣмъ вѣкамъ». Введеніе не дурно; но авторъ ловко, хотя и несправедливо, хватается за слова докладчика: *Коммиссары, особенно врачи, производили множество опытовъ*, и лукаво даетъ знать читателямъ, что академики играли страдательную роль. Такою уловкою Серванъ ставитъ противъ себя только одних противниковъ—заподозрѣнныхъ членовъ факультета, и даетъ полную свободу своей сатирѣ. Онъ даже не скрываетъ причины своихъ предубѣжденій. «Медики меня убили; «ничего не значитъ та жизнь, которую они оставили мнѣ; я не нахожу «приличнаго слова для выраженія ихъ поступковъ. Около двадцати лѣтъ я страдаю отъ ихъ лекарствъ болѣе, нежели отъ болѣзни. Еслибы животный магнитизмъ былъ мечта, то и тогда его «должно терпѣть, потому-что онъ многихъ спасаетъ отъ несомнѣнной опасности глотать лекарства. Желательно, чтобъ медицина, «привыкшая обманываться, обманулась и нынѣ, и чтобъ знаменитое «донесеніе оказалось совершенно ложнымъ.» Всѣ эти остроумные, но неосновательные нападки на медицину не новость. Если медицинское сословіе когда-нибудь старалось внушить къ себѣ уваженіе утайкой шаткости своей науки, непрочности теорій, и закрывало ихъ темнымъ языкомъ и педантизмомъ: то оно достойно было наказано веселыми и незабвенными сарказмами Мольера. Но всякая вещь имѣетъ свое время; въ концѣ XVIII вѣка, самые трудные вопросы науки разсматривались уже добросовѣстно, выражались ясно и такимъ слогомъ, который многихъ членовъ факультета по-

мѣстилъ въ число лучшихъ нашихъ прозаиковъ. Притомъ, Серванъ выходитъ изъ предѣловъ ученой полемики, утверждая, что врачи противятся месмеризму по духу своего сословія и — что еще хуже — изъ жадности къ пріобрѣтеніямъ.

Серванъ имѣетъ на своей сторонѣ справедливость, когда говоритъ, что основательнѣйшія теоріи производятъ продолжительные споры; нѣкоторыя лекарства сперва употребляются съ какою-то страстью, и потомъ совсѣмъ бросаются. Этотъ предметъ заслуживаетъ глубокаго изслѣдованія. Здѣсь насмѣшки неприличны. Напримѣръ, совсѣмъ не идетъ сюда разсказъ о двухъ Англійскихъ медикахъ, Мидѣ (Mead) и Вудвордѣ, которые ученый споръ о слабительномъ кончили дуэлью. Вудвордъ, проколотый насквозь и валяющійся на землѣ въ своей крови, сказалъ замирающимъ голосомъ: «Ударъ тяжелый, но я предпочитаю его твоему лекарству».

Истина не должна возбуждать страсти. Но я спрашиваю: остроумный адвокатъ, пристрастный къ месмеризму, слѣдовалъ-ли этому афоризму?

Если исключимъ всѣ личные нападки, всѣ обвиненія служителей науки, имѣвшихъ несчастіе не возстановить разстроеннаго здоровья адвоката,—что̀ останется въ его брошюрѣ? Только двѣ главы, въ которыхъ донесеніе Бальи расматривается какъ слѣдуетъ. Коммиссары-медики и академики видѣли въ месмеризмѣ одно дѣйствіе воображенія. «Можетъ быть—говоритъ авторъ—кто-нибудь «подумаетъ, что коммиссары пользовали и вылечивали или много «облегчали воображеніемъ застарѣлые завалы, подагру и парали- «чи.» Эти слова означаютъ, что Серванъ вѣритъ чудеснымъ исцѣленіямъ посредствомъ магнитизма; но въ этомъ-то и вопросъ: допустите исцѣленія, — тогда прекратятся всѣ споры. Но на чемъ основывается такая увѣренность? На многочисленныхъ свидѣтеляхъ? А развѣ бывшія чудеса на кладбищѣ Сентъ-Медара не имѣли свидѣтелей? Развѣ парламентскій совѣтникъ Монжеронъ не написалъ три тома in—4°, въ которыхъ онъ собралъ имена всѣхъ свидѣтелей, утверждавшихъ, что могила дьякона Париса возвращала зрѣніе слѣпымъ, слухъ — глухимъ, ноги — разбитымъ параличемъ, излечала ревматизмы, водянку, эпилепсію, чахотку, раны и пр.? Несмотря на именитыхъ свидѣтелей, развѣ цѣлая Европа не смѣялась надъ этимъ кощунствомъ? Даже герцогиня дю-Мень осмѣяла его умнымъ куплетомъ:

Un décrotteur á la royale,
Du talon gauche estropié
Obtint pour grace spéciale,
D'etre boiteux de l'autre pié.

Наконецъ, когда толпа начала надѣяться даже на воскресеніе мертвыхъ, правительство должно было вмѣшаться въ это дѣло и запретить чудеса.

Серванъ, какъ законовѣдѣцъ, долженъ знать, что въ дѣлахъ сомнительныхъ имѣетъ силу не количество, но качество свидѣтелей; достоинство-же ихъ не зависитъ отъ титуловъ, богатства и знаменитости; въ свидѣтелѣ надобно искать безстрастіе, образованность и—что всего рѣже—здравый смыслъ; особенно опасны свидѣтели съ врожденной склонностью къ необыкновенному, чудесному, противному общей логикѣ. Серванъ, разбирая донесеніе Бальи, забылъ эти предосторожности.

Вспомнимъ, что коммиссары академіи и факультета не отрицаютъ кризисовъ при ваннѣ; они только утверждаютъ, что магнитная жидкость не существуетъ, и на ея мѣсто ставятъ воображеніе. Самъ Серванъ не чуждъ этого мнѣнія; онъ только даетъ ему другой оборотъ. — «Вы, пишетъ адвокатъ, отвергаете существова«ніе жидкости, которой Месмеръ приписывалъ великія дѣйствія. «Я также утверждаю, что она существуетъ и управляетъ всею «нашею жизненностью; и что ея присутствіе въ томъ и другомъ «нашемъ органѣ можетъ измѣнять нормальность умственнаго состоянія.»

Всѣмъ извѣстно, что приливъ крови къ мозгу производитъ разстройство умственныхъ способностей. Очевидно, что то-же можетъ производить жидкость тонкая, невидимая, невѣсомая, если она существуетъ. Коммиссары не спорятъ противъ этого; они только утверждаютъ, что ни одинъ опытъ не доказываетъ существованія животнаго магнитизма. Въ ихъ опытахъ нимало не участвуетъ воображаніе; напротивъ, Серванъ все свое опроверженіе написалъ подъ его вліяніемъ.

Опыты коммиссаровъ всего очевиднѣе приводятъ къ сомнѣнію въ дѣйствіи жидкости магнитизма на жидкость субъекта.

Магнитъ минеральный, магнитъ собственно, старательно изучаемый физикомъ, дѣйствуетъ постоянно. Производимыя имъ явленія не измѣняются въ своей формѣ, продолженіи и количествѣ,

если соблюдаются одни и тѣ-же условія опытовъ. Въ этомъ состоитъ существенное свойство всякаго дѣйствія матеріальнаго и механическаго. Но то-ли видимъ въ животномъ магнитизмѣ? Нынѣ кризисъ происходилъ чрезъ нѣсколько секундъ, а завтра не дождемся его и чрезъ нѣсколько часовъ, хотя обстоятельства опыта одни и тѣ-же; въ другой день, при тѣхъ-же условіяхъ, совсѣмъ нѣтъ кризиса. Магнитизмъ на одного больнаго дѣйсвуетъ съ успѣхомъ, а надъ другимъ напрасно трудятся; приходитъ другой магнитизеръ, —и тотъ-же больной впадаетъ въ конвульсіи отъ первыхъ штриховъ. Для объясненія этихъ аномалій, надобно допустить не одну жидкость, но столько разныхъ жидкостей, сколько въ свѣтѣ людей или предметовъ неодушевленныхъ.

Такое предположеніе уничтожаетъ весь месмеризмъ. Но его адепты думаютъ иначе. Всѣ тѣла суть фокусы особенныхъ истеченій, болѣе или менѣе тонкихъ, болѣе или менѣе обильныхъ, болѣе или менѣе разнородныхъ. Тутъ еще нѣтъ невозможности для самыхъ строгихъ умовъ; но эти особенныя, личныя истеченія получаютъ отъ адептовъ способности иногда взаимно-противодѣйствовать, взаимно-уничтожаться, а иногда — помогать другъ другу. Этого мало: предполагаемыя таинственныя, но матеріальныя истеченія становятся причиною самыхъ скрытныхъ душевныхъ движеній: тутъ привыкшій судить о явленіяхъ не по однимъ словамъ, но по опытамъ очевиднымъ, станетъ въ-тупикъ, ничего не пойметъ и справедливо отвергнетъ все ученіе.

Корнель сказалъ:

Il est des noeuds secrets, il est sympathies,
Dont par les doux rapports les ames assorties
S'attachent l'une à l'autre.... (*)

Испанскій іезуитъ Бальтазаръ Граціанъ также писалъ о сродствѣ умовъ и сердецъ; но ни Корнель, ни іезуитъ не объясняли ихъ взаимнымъ проницаніемъ двухъ истеченій.

«Я не люблю тебя, Сибидусъ,—писалъ Марціалъ—но не знаю за «что; могу сказать одно: я не люблю тебя».

Жаль, что Марціалъ, Корнель и Граціанъ жили прежде Месмера и его адептовъ. Они тотчасъ-бы объяснили дѣло: Марціалъ

(*) Существуютъ тайныя связи и симпатіи, отъ которыхъ избранныя души привязываются одна къ другой.

не любилъ Сибидуса потому, что ихъ атмосферы, соединяясь, производили бурю.

Плутархъ свидѣтельствуетъ, что побѣдитель Арминія падалъ въ обморокъ при видѣ пѣтуха. Древность удивлялась такому явленію. Но что можетъ быть его проще? Истеченія изъ Германика и пѣтуха взаимно отталкивались. Знаменитый Херонейскій біографъ прибавляетъ: названный сынъ Тиверія падалъ въ обморокъ и отъ пѣтушьяго пѣнья; пѣнье же слышится издалека; слѣдственно оно переноситъ истеченія храбраго владѣльца курятника. Можетъ быть, многіе этому не повѣрятъ; но тутъ нечего затрудняться: перепрыгиваютъ не чрезъ такія препятствія, да еще съ завязанными ногами.

Маршалъ Альбре былъ еще несчастливѣе Германика: онъ приходилъ въ безпамятство отъ атмосферы, окружающей голову поросенка. Поросенокъ живой, цѣлый не производилъ на него никакого дѣйствія; но, увидавъ одну голову, маршалъ падалъ, какъ пораженный громомъ. Видите, на какіе печальные опыты будутъ осуждены герои, если повѣрятъ ученію Месмера о противодѣйствіи животныхъ атмосферъ. Военачальники, подвергающіеся вихрю этихъ атмосферъ, должны всячески остерегаться отъ хитрыхъ людей, которые могутъ подсунуть имъ или пѣтуха или голову поросенка. Тогда бѣда войску; что оно сдѣлаетъ безъ полководца? Монтань справедливо замѣчаетъ, что «тому не должно поручать войска, кто боится яблока болѣе, нежели самострѣла».

Месмеризмъ принимаетъ противодѣйствіе атмосферъ, истекающихъ не изъ однихъ живыхъ существъ; атмосферы мертвыхъ также между собою сражаются. Древніе думали, что струну изъ волчьихъ кишекъ нельзя настроить со струною изъ кишекъ ягненка. Что тутъ удивительнаго? Разнородность атмосферъ объясняетъ наблюденіе древнихъ. Отъ той-же разнородности видна причина и другаго подобнаго наблюденія одного также древняго философа: барабанъ изъ волчьей кожи заглушаетъ барабанъ изъ кожи овечьей.

Остановимся. Брошюра Сервана, остроумная и колкая, написанная съ увлеченіемъ и легкостью, не могла не имѣть успѣха къ публикѣ, обыкновенно потѣшающейся учеными спорами; но она не поколебала ни одной части труда Бальи — труда благороднаго, чистаго, величественнаго, изящнаго. Самъ Гренобльскій прокуроръ говорилъ, что онъ встрѣчалъ два рода людей; одни размышляютъ

безъ смѣха, а другіе любятъ смѣяться, не размышляя. Донесеніе Бальи написано для первыхъ, а *сомнѣнія провинціала* — для послѣднихъ.

Чрезъ нѣсколько времени, и опять для потѣхи легкомысленныхъ Серванъ издалъ новую брошюру, подъ заглавіемъ: *Вопросы доктора Рубарбини де-Пургандисъ*. Впрочемъ, можно сомнѣваться, что этотъ памфлетъ принадлежитъ Сервану.

Для Рубарбини, донесеніе Франклина, Лавуазье и Бальи въ ученомъ мірѣ есть то-же, что *монады* Лейбница, *вихри* Декарта и *объясненіе Апокалипсиса* Ньютона. Этого замѣчанія о содержаніи брошюры достаточно для того, чтобъ я болѣе не говорилъ объ ней.

Донесеніе Бальи совсѣмъ уничтожило систематическія идеи и практику Месмера и его адептовъ; но надобно признаться, что на немъ нельзя основываться для опроверженія новѣйшаго сомнамбулизма. Это явленіе въ 1783 году было неизвѣстно. Безъ-сомнѣнія, когда магнитизеръ говоритъ, что въ сомнамбулизмѣ можно видѣть въ совершенной темнотѣ, и можно читать чрезъ стѣну и совсѣмъ не глазами, тогда онъ говоритъ совершенно невѣроятное; однако донесеніе Бальи молчитъ объ этой невѣроятности; о та-такихъ чудесахъ нѣтъ въ немъ ни худаго, ни добраго. Если физикъ, врачъ или простой любитель знаній захотятъ узнать, точно-ли, при особенномъ раздраженіи нервовъ, можно получать неестественныя способности, напримѣръ, способность читать животомъ или пяткой; если они захотятъ узнать, сколько въ разглашаемыхъ магнитизерами необыкновенныхъ явленіяхъ участвуетъ обманъ и мошенничество, то они захотятъ проникнуть въ новый міръ, о которомъ Франклинъ, Лавуазье и Бальи даже не слыхали.

Я не понимаю тайны, въ которую облекаются важные ученые, желая присутствовать при опытахъ сомнабулизма; сомнѣніе есть признакъ скромности и никогда не вредило успѣхамъ науки; совсѣмъ другое—полное невѣріе. Кто, внѣ круга математическихъ знаній, произноситъ слово *невозможно*, тотъ поступаетъ неразсудительно. Когда дѣло идетъ о животномъ организмѣ, тогда надобно быть чрезвычайно осторожнымъ.

Наши чувства, несмотря на двадцать четыре столѣтія, проведенныя въ ихъ изученіи и наблюденіяхъ, составляютъ еще предметъ для многихъ изслѣдованій. Возьмемъ въ примѣръ ухо. Имъ занимался знаменитый физикъ Волластонъ. Мы узнали отъ него, что существуютъ люди, которые совершенно одинаково чувстви-

тельны къ тонамъ низкимъ и высокимъ; и напротивъ, нѣкоторые, имѣя совершенно здоровые органы, никогда не слышатъ чириканья сверчка, а слышатъ весьма острый визгъ летучихъ мышей. Обративъ вниманіе на самихъ себя, многіе наблюдатели увѣрились, что они однимъ ухомъ слышатъ иначе, нежели другимъ, и пр. и пр.

Въ зрѣніи также много любопытнаго; оно также представляетъ обширное поле для изслѣдованій. Напримѣръ, опытъ доказалъ, что нѣкоторые люди совсѣмъ слѣпы для цвѣтовъ краснаго и зеленаго, но хорошо видятъ желтый и голубой. Если Ньютонова *система истеченія* справедлива, то лучъ перестаетъ свѣтить, когда его скорость уменьшится на десяти-милліонную долю. Отсюда происходятъ весьма естественныя заключенія, достойныя особенныхъ опытовъ: не всѣ люди видятъ посредствомъ однихъ и тѣхъ-же лучей, и потому, въ этомъ отношеніи, могутъ быть различныя явленія въ одномъ и томъ-же человѣкѣ въ его нормальномъ состояніи и при нервическомъ раздраженіи. Весьма возможно, что для одного лица темные лучи тепла становятся лучами свѣтлыми, и обратно. Лучи тепла свободно проходятъ нѣкоторыя вещества, называемыя *теплопрозрачными;* эти вещества вообще извѣстны подъ именемъ *темныхъ*, потому-что они не пропускаютъ ни одного луча свѣта: нынѣ слова: *теплопрозрачный* и *темный* не выражаютъ уже понятій абсолютныхъ; тѣла теплопрозрачныя пропускаютъ свѣтлые лучи одного тѣла и останавливаютъ такіе-же лучи другаго. Можетъ быть, по этой дорогѣ дойдемъ до многихъ явленій, которыя до-сихъ-поръ остаются совершенно непонятными.

Въ чудесахъ сомнамбулизма всего удивительнѣе способность нѣкоторыхъ людей, во время кризиса, читать письма въ-разстояніи и прикасаясь къ нимъ ногою, затылкомъ и желудкомъ. Это явленіе законно называютъ *невозможнымъ*. Однако я думаю, что самый строгій физикъ поколеблется произнести рѣшительный ему приговоръ, когда размыслитъ, что недавно Мозеръ успѣлъ произвести изображенія всякихъ предметовъ на всѣхъ другихъ предметахъ въ совершенной темнотѣ.

Вспомнимъ еще, что дѣйствіе электричества и магнита много увеличиваются отъ движенія; слѣдственно не совсѣмъ должны смѣяться надъ усиленными и быстрыми тѣлодвиженіями магнитизеровъ.

Всѣ эти замѣчанія предлагаю въ той мысли, что нельзя отвергать сомнамбулизма a priori; особенно не должны этого дѣлать

люди, стоящіе вровень съ успѣхами новѣйшей физики. Мои замѣчанія могутъ служить упрекомъ для тѣхъ ученыхъ, которые даже не хотятъ присутствовать при опытахъ сомнамбулизма. Хотя я совершенно увѣренъ, что дѣло не обходится безъ обмана, когда читаютъ письмо пяткой или затылкомъ; хотя не позволительно слѣпо вѣрить и другимъ чудеснымъ разсказамъ о сомнамбулахъ, однако я, какъ академикъ, не имѣю права отказаться быть свидѣтелемъ того или другаго обѣщаемаго явленія, если мнѣ дано будетъ право распоряжаться опытами по моему произволу. Я не захочу быть жертвою обмана, но не долженъ и уклоняться отъ изслѣдованія явленій, какъ-бы они не казались несбыточными.

Франклинъ, Лавуазье и Бальи не вѣрили месмеризму, но не отказались отъ коммиссіи, составленной по желанію правительства. Принявъ препорученіе, они исполнили его добросовѣстно и производили опыты разнообразные и съ возможными подробностями. Истинные ученые всегда должны помнить слѣдующіе два прекрасные стиха:

Croire tout decouvert est une erreur profonde,
C'est prendre l'horison pour les bornes du monde (*).

(*Окончаніе впредь*).

(*) Нельзя считать все открытымъ; это значило-бы принимать горизонъ за предѣлы міра.

VI.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Буддизмъ, его догматы, исторія и литература. Часть первая. Общее обозрѣніе. Сочиненіе *В. Васильева*, профессора Китайскаго языка при Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ. С. Петербургъ, 1857.

Буддійская религія, составляющая реформу брахманской и исповѣдуемая значительнѣйшею частію обитателей земнаго шара, долгое время была предметомъ, почти совершенно не извѣстнымъ Европейскимъ ученымъ: за то, когда явились первыя свѣдѣнія объ этой новой для запада религіи, сильно было возбуждено любопытство и родились огромныя ожиданія отъ буддизма, какъ религіи по преимуществу философской. Конечно, эти ожиданія не исполнились: буддизмъ оказался несостоятельнымъ въ разрѣшеніи глубокихъ и важныхъ вопросовъ мірозданія и самопознанія — да и странно было-бы требовать рѣшенія этихъ задачъ изъ Азіи, гдѣ точныя и опытныя науки, столь необходимыя и предшествующія разгадкѣ вопросовъ, не процвѣтаютъ; но тѣмъ не менѣе буддизмъ, какъ искреннее исповѣданіе многихъ милліоновъ разумныхъ существъ, не переставалъ привлекать къ себѣ любознательность ученыхъ, и безспорно, Русскіе оріенталисты принимали дѣятельное и плодотворое участіе въ разработкѣ этого вѣро-

ученія, хотя и по переводнымъ Монгольскимъ, Китайскимъ или другимъ источникамъ, но имѣющимъ особенную важность для «Махаяны» новѣйшаго буддизма, приведеннаго въ систему.

Первыя основательныя свѣдѣнія о буддизмѣ западная Европа получила изъ враждебнаго этой религіи источника — отъ брахманскихъ ея критиковъ: то, что говорили о буддизмѣ мимоходомъ Китайскіе миссіонеры, представляло мало удовлетворительнаго (1). Если мы не ошибаемся, Англійскій знаменитый санскритологъ Кольбрукъ первый заговорилъ обстоятельно о буддизмѣ въ отдѣльномъ мемуарѣ, читанномъ въ 1827 году въ королевскомъ Великобританскомъ и Ирландскомъ Азіатскомъ Обществѣ (2). Нельзя сказать, чтобъ этотъ отличный санскритистъ попалъ на счастливую дорогу, потому что свѣдѣнія свои о буддизмѣ и анализъ буддійскаго отвлеченнаго ученія онъ заимствовалъ изъ опроверженій, написанныхъ заклятыми врагами буддизма — брахманскими учеными (это все равно, что изучать католицизмъ по сочиненіямъ о немъ протестантовъ); но, по-крайней-мѣрѣ, при всей своей похвальной осторожности въ выводахъ, г. Кольбрукъ усвояетъ буддизму Индійское происхожденіе. Съ этого несомнѣннаго положенія, Санскритскій языкъ и изученіе брахманизма получаютъ новое, обширнѣйшее значеніе, какъ предшественники и отчасти зиждители самой распространенной Азійской религіи; съ этого-же положенія утверждается первостепенная важность Санскритскихъ источниковъ для буддизма и второстепенная всѣхъ остальныхъ, какое-бы значеніе ни придавали имъ впослѣдствіи. Кромѣ того Кольбрукъ знакомитъ съ четырьмя главными школами буддистовъ и съ теоріей Нирваны, которую онъ считаетъ принадлежностью не цѣлаго буддизма, а только секты буддійской; но, къ-сожалѣнію, на этомъ и останавливаются источники и свѣдѣнія, которыми располагалъ Англійскій ученый, не пользовавшійся ни однимъ подлиннымъ буддійскимъ сочиненіемъ, хотя ему и извѣстно существованіе ихъ на Санскритскомъ и Палійскомъ языкахъ. Кольбрукъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній ни о жизни Будды,

(1) Георги въ своемъ Alphabet. Tibet. приводитъ имена буддійскихъ божествъ по Тибетскимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ миссіонеромъ Гор. де ла Пенна. Слѣдуетъ также упомянуть о Палласѣ (Samml. hist. Nachrichten) и нѣкоторыхъ другихъ.

(2) Miscellaneous Essays, by H. T. Colebrooke, 2 тома, Лондонъ, пятый мемуаръ объ Индійской философіи, относящійся къ джайнамъ и буддистамъ.



ни о реформѣ, произведенной имъ въ Индійскомъ мірѣ, ни о времени и мѣстѣ его проповѣди, ни объ отношеніяхъ ея къ брахманскому ученію: для Англійскаго санскритолога Шакьямуни, котораго онъ называетъ Буддамуни, есть только философъ, сектантъ, а не великій и смѣлый реформаторъ, потрясающій цѣлое зданіе брахманизма и воздвигающій на мѣстѣ его новое, если во многихъ отношеніяхъ и не лучшее, то по-крайней-мѣрѣ свое. Впрочемъ, Кольбрукъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать ученый при тѣхъ источникахъ, которыми онъ располагалъ. Послѣдующему времени достались важнѣйшія открытія въ буддизмѣ.

И только одинъ какой-нибудь годъ отдѣляетъ эти открытія отъ изслѣдованій Кольбрука! Въ 1828 году Англійскій резидентъ въ Катманду, столицѣ Непала, г. Годсонъ, обнародовалъ результаты своихъ тщательныхъ и долгихъ поисковъ въ буддійскихъ монастыряхъ: этотъ счастливецъ открылъ множество сочиненій, писанныхъ на Санскритскомъ языкѣ, и составлявшихъ, по словамъ монаховъ, съ которыми совѣщался г. Годсонъ, изложеніе ученія Будды его учениками (3). Познакомившись съ этими сочиненіями, Англійскій резидентъ, съ рѣдкимъ великодушіемъ, предоставилъ ихъ, въ числѣ восьмидесяти восьми, въ распоряженіе ученыхъ обществъ Калькутты, Лондона и Парижа. Тогда оказалось, что эти книги составляли подлинники переводовъ Китайскихъ, Тибетскихъ, Монгольскихъ и другихъ, принадлежащихъ позднѣйшему времени, когда гонимый въ Индіи буддизмъ нашелъ себѣ прибѣжище на сѣверѣ (4).

Почти одновременно съ важнымъ открытіемъ г. Годсона, молодой Венгерскій врачъ Чома изъ Кёрёса въ Трансильваніи, достойный предшественникъ Венгерскаго странствователя на нашемъ сѣверѣ Регули, воодушевленный безкорыстнымъ и безпомощнымъ энтузіазмомъ любознательности, проникнулъ съ юга въ

(3) Hodgson, Notices of the languages, literature and religion of the Bauddhas of Nepal and Bot, въ Asiat. Researches, т. XVI, и Sketch of Buddhism derived from the Banddha scriptures of Nipal, въ Transact. of the Royal Asiat. Society, т. II.

(4) Г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, за неимѣніемъ знатоковъ-оріенталистовъ, составляющій оффиціальнаго критика Буддійскихъ сочиненій въ Journal des Savants, относитъ къ первымъ вѣкамъ нашей эры и Монгольскіе переводы буддійскихъ сочиненій (Journal des Savants, Mai, 1854 года, стр. 276); но это явный недосмотръ со стороны Французскаго критика.



Тибетъ и занялся въ одномъ изъ монастырей изученіемъ Тибетскаго языка. Кромѣ грамматики и словаря Тибетскаго, плодомъ этого изученія было подробное изложеніе Ганджура и Данджура, въ журналѣ и въ изслѣдованіяхъ Азіатскаго Бенгальскаго Общества, въ 1834 году (5). Эти два отличныя собранія, нѣкоторое время считавшіяся даже чудовищными, состоятъ изъ переводовъ, излагающихъ ученіе Будды и сдѣланныхъ буквально по Санскритскимъ подлинникамъ, открытымъ г. Годсономъ въ Непалѣ. Такимъ-образомъ получилось изъ вторыхъ рукъ болѣе полное понятіе о буддійскомъ ученіи, нежели то, что было доставлено Санскритскими восемьюдесятью восемью подлинниками, содержаніе которыхъ вошло въ «Ганджуръ». Слѣдуя прекрасному примѣру г. Годсона, Бенгальское Азіатское Общество, желая споспѣшествовать изученію буддизма въ Европѣ, принесло въ даръ Парижскому Азіатскому Обществу этотъ знаменитый «Ганджуръ».

Какъ, съ одной стороны, происходили открытія относительно буддизма на сѣверѣ отъ Индіи, такъ, съ другой, югъ не могъ оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ: Англичанинъ, Турнеръ обрѣлъ буддійскія сутры на Палійскомъ языкѣ, выработкѣ Санскритскаго, на островѣ Цейлонѣ, и перевелъ ихъ (6). Оказалось, что эти сутры излагаютъ иначе жизнь и проповѣдь Будды, нежели Санскритскіе оригиналы, и поэтому ихъ нельзя было считать переводами, но въ сущности онѣ представляютъ только варіанты того-же ученія и равно могутъ служить источниками къ изученію буддизма.

Безъ всякаго спора, никто столько не оказалъ заслуги этому изученію на западѣ, какъ знаменитый Французскій оріенталистъ г. Бюрнуфъ, систематическое и полное Буддійское изложеніе котораго, ожидавшееся съ нетерпѣніемъ всѣмъ ученымъ міромъ, было неожиданно прервано смертію. Европа успѣла получить только два капитальные труда Французскаго оріенталиста — Introduction à l'histoire du Bouddhisme Indien (7) и Le Lo-

---

(5) Abstract of the contents of the Dul-va въ Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal, т. I., Analysis of the Kuh-gyur, тамъ-же; Analysis of the Dul-va, въ Asiat. Resear. т. XX и тамъ-же; Analysis of the Sherchin.

(6) Examin of pali Buddhist Annals въ Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal, т. VI и VII.

(7) Introduction à l'histoire du bouddhisme indien par E. Burnouf, de l'Institut de France etc. Tome premier. Paris, 1844, in 4°, V и 647.

tus de la bonne fois (8); послѣднее издано уже по кончинѣ автора, попеченіями друга его г. Моля и ученика Т. Павье. Знаменитый санскритологъ предполагалъ, исчерпавъ Непальско-Санскритскіе источники, представить ученіе буддизма по Сингалезскимъ сочиненіямъ, и заключить результатами, извлеченными изъ сравненія этихъ двухъ источниковъ, такъ-какъ переводы Тибетскіе и другіе не представлялись ему столь доступными; но уже и то, что успѣлъ сдѣлать Французскій санскритистъ, составляетъ громадную заслугу въ изученіи буддизма и доставляетъ опредѣленное понятіе объ этой религіи.

Подобно тому, какъ Санскритскіе Буддійскіе тексты были переведены на сѣверѣ на Тибетскій, Палійскіе тексты Цейлана оказались переведенными на Бирманскій языкъ, и такимъ образомъ прибавляется еще второстепенный источникъ къ изученію буддизма, которымъ часто пользовался г. Бюрнуфъ.

Въ послѣднее время одинъ изъ Французскихъ ученыхъ Фуко, занимающійся Тибетскимъ языкомъ, обратился къ изученію буддизма по Тибетскимъ переводамъ сравнительно съ Санскритскими подлинниками; прекраснымъ плодомъ этого изученія было жизнеописаніе Будды, извлеченное изъ Тибетскаго «Ганджура» и провѣренное по Санскритскому подлиннику (9).

Реформа Будды была принята торжественно въ Китаѣ еще въ 61 году нашей эры, и съ-тѣхъ-поръ начались переводы Буддійскихъ сочиненій на Китайскій языкъ и дѣятельныя сношенія Китайскихъ неофитовъ съ родиной буддизма — Индіей. Между-прочимъ, этимъ сношеніямъ мы обязаны путешествіями нѣскольких буддійскихъ монаховъ, въ которыхъ подробно описаны пройденныя ими страны Азіи и которыя составляютъ превосходный географическій матеріалъ. Разработкой Китайскаго

---

(8) Le lotus de la bonne fois, traduit du Sanscrit, accompagné d'un commentaire et de vingt et un mémoires relatifs au bouddhisme, par M. E. Burnouf, secretaire perpétuel de l'Académie des Inscriptions et belles-lettres. Paris, 1852, 1 vol. in 4⁰, IV—897 стр.

(9) Rgya tch'er Rol Pa, ou Développement des jeux, contenant l'histoire du Bouddha Çakya-Mouni, traduit sur la version tibetaine du Bkah-Hgyour et revu sur l'original sanscrit (lalitavistara), par Ph. Ed. Foucaux, membre de la Sotiété asiatique de Paris. 1-e partie, II — 388 стр., 2-e partie, LXV — 425 стр. Paris. 1847—1848.

буддизма между западными оріенталистами занимались: Дезотерай (10), Клапротъ (11), Абель-Ремюза (12) и Станиславъ Жульенъ (13). Абель-Ромюза посвятилъ много времени изученію буддизма, такъ-что даже возбудилъ о томъ сожалѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ.

Говоря о трудахъ по части изученія буддизма западными изслѣдователями, не должно забывать превосходныхъ изысканій Нѣмецкаго санскритолога Лассена (14), а также и А. Вебера (15). Упоминать о другихъ мемуарахъ и ученыхъ, касавшихся буддизма въ безчисленныхъ Англійскихъ изданіяхъ въ Индіи или въ разныхъ изданіяхъ Европы, мы не имѣемъ возможности; довольно указать на главные труды, которые служатъ къ оріентированію въ этой многосложной религіи.

Въ нашей имперіи находится довольно инородцевъ, исповѣдующихъ буддизмъ (Монголы и Калмыки), и поэтому изученіе этой религіи не могло оставаться для Русскихъ дѣломъ совершенно постороннимъ. Систематическое ознакомленіе съ буддизмомъ, по Монгольскимъ переводамъ, въ помощь къ которымъ призывались и Тибетскіе тексты, начато и развито двумя Русскими Монголистами — гг. Шмидтомъ и Ковалевскимъ. Западные писатели, при обозрѣніи трудовъ оріенталистовъ по части буддизма, обыкновенно не отдаютъ должной справедливости послѣднему ученому: потому-что большая часть трудовъ его, какъ писанныхъ по-Русски, осталась имъ неизвѣстна, но мы не можемъ забыть о примѣчаніяхъ, полныхъ новости и интереса, къ Монгольской хрестоматіи этого ученаго (16), о буддійской космологіи (17) и другихъ его изданіяхъ. Г. Шмидтъ работалъ отчасти и по Тибетскимъ источ-

---

(10) Recherches sur la religion de Fo, par Des Hautesrayes.

(11) Foe koue ki.

(12) Foe koue ki и Essai sur la cosmogr. et la cosmogon. Buddh. въ Journal des Savants 1831 г.

(13) Histoire de la vie de Hiouen-thsang, 1853 и Путешествіе этого буддиста.

(14) Indische Alterthumskunde. Zeitschrift für die Kunde des Morgenland.

(15) Die neuern Forschungen über das alte Indien. — Также заслуживаетъ вниманія Indien, статья Бенфея въ Энциклопедіи Эрша и Грубера.

(16) Монгольская хрестоматія, изданная Императорскаго Казанскаго университета экстраординарнымъ профессоромъ Осипомъ Ковалевскимъ. Казань, 1836 и 1837. Два тома.

(17) Въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета».

никамъ, и плодомъ этихъ работъ было нѣсколько мемуаровъ (18) и переводовъ съ примѣчаніями (19). Превосходными пособіями для работъ о буддизмѣ служили богатыя собранія Буддійскихъ сочиненій въ библіотекахъ Академіи наукъ и Казанскаго университета (20). По какому-то странному случаю, богатое собраніе печатныхъ и рукописныхъ книгъ, Тибетскихъ и Монгольскихъ, Шиллинга-фонъ-Канштадта, было пожертвовано владѣльцемъ, въ 1837 г., Французскому институту, гдѣ оно, впрочемъ, не могло оставаться безъ пользы.

Въ послѣднее время Русскіе ученые обратились къ изученію буддизма и по Китайскимъ источникамъ: на этотъ разъ мы можемъ особенно указать на три замѣчательные сочиненія о. Палладія и о. Гурія, помѣщенные въ «Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ» (21). Отъ мусульманскихъ писателей мы не можемъ ожидать большихъ свѣдѣній о буддизмѣ.

Западные оріенталисты занимались преимущественно изученіемъ Индійскаго буддизма, наши-же ученые ограничивались сообщеніемъ отрывочныхъ свѣдѣній о сѣверномъ буддизмѣ, такъ что труду г. Бюрнуфа «Introduction à l'histoire du Buddisme indien», нечего было противопоставить относительно сѣвернаго буддизма. Этотъ недостатокъ вполнѣ устраняется теперь появленіемъ книги г. Васильева. Занимаясь изученіемъ буддизма сначала по Монгольскимъ источникамъ, нашъ ученый, во время пребыванія въ Пекинѣ, имѣлъ возможность познакомиться съ богатою буддійскою литературою Китая и Тибета и соединить въ одномъ лицѣ знаніе Тибетскаго и Китайскаго языковъ, что недоступно западнымъ оріенталистамъ. По возвращеніи изъ Пекина, г. Васильевъ напечаталъ небольшую записку о сочиненіяхъ, относящихся къ исто-

---

(18) Ueber einige Grundlehre des Buddhism, въ Mémoires des l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, т. I.; а также во II т. этихъ же Mémoires и послѣдующихъ.

(19) Переводъ одной сутры въ IV т. Mémoires de l'Acad. des Sciences de Saint-Pétersbourg; Der Weise und der Thor; Index des Kandjur; Geschichte der Ost-Mongolen и друг.

(20) Нынѣ это собраніе принадлежитъ С. Петербургскому университету. — Въ Азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть также свое собраніе буддійскихъ сочиненій.

(21) Жизнеописаніе Будды, въ I томѣ «Трудовъ», стр. 385—489; «Историческій очеркъ древняго буддизма», во II томѣ, стр. 96—169, и «Обѣты буддистовъ и обрядъ возложенія ихъ у Китайцевъ», тамъ же, стр. 195—357.

ріи буддизма, изъ которой уже можно было судить о важности и богатствѣ матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи профессора (22). Настоящая книга еще болѣе обнаруживаетъ превосходство источниковъ для изученія сѣвернаго буддизма, которыми пользовался г. Васильевъ, такъ-что «Буддизмъ» этого автора должно признать отличнымъ и возможно-полнымъ собраніемъ свѣдѣній о понимааіи этого ученія у сѣверныхъ народовъ, преимущественно Тибетцевъ и Китайцевъ, изъ коихъ первые особенно доставляютъ матеріалы къ методическому изученію догматовъ вѣры, а Китайцы знакомятъ насъ болѣе съ содержаніемъ буддійскихъ сочиненій и съ значеніемъ терминовъ.

Сочиненіе г. Васильева начинается предисловіемъ, въ которомъ авторъ знакомитъ съ методомъ своего изученія буддизма: г. Васильевъ откровенно признается, что онъ работалъ по подлиннымъ источникамъ, не принимая въ руководство трудовъ западныхъ оріенталистовъ. Конечно, изучая сѣверный буддизмъ, авторъ имѣлъ полную возможность поступить такимъ образомъ, но, безъ сомнѣнія, книга его не потеряла-бы, еслибъ онъ присоединилъ къ знакомству съ сѣвернымъ буддизмомъ изученіе южнаго, по тѣмъ Европейскимъ сочиненіямъ, о которыхъ мы выше говорили. Г. Васильевъ убѣжденъ, что источники, которыми онъ располагалъ, были гораздо обширнѣе, нежели у другихъ ученыхъ; но не мѣшаетъ замѣтить, что большая часть этихъ источниковъ суть переводы съ Санскритскаго, а подлинниками этихъ переводовъ пользовался, съ неподражаемымъ знаніемъ дѣла, для своихъ сочиненій о буддизмѣ, Французскій санскритологъ Бюрнуфъ. Превосходство Санскритскихъ текстовъ для изученія первоначальнаго буддизма равняется превосходству подлинниковъ передъ переводами, и поэтому г. Васильевъ никакъ не могъ избѣжать пособія санскритистовъ въ возстановленіи нѣкоторыхъ словъ Тибетскихъ переводовъ. Притомъ-же и самъ г. Васильевъ признаетъ въ одномъ примѣчаніи (стр. 43), что сѣверные буддисты смѣшиваютъ

(22) О нѣкоторыхъ книгахъ, относящихся къ исторіи буддизма, въ библіотекѣ Казанскаго университета. Эти сочиненія вывезены изъ Пекина самимъ г. Васильевымъ и составляютъ вмѣстѣ съ другими огромную библіотеку, драгоцѣнную для изучающаго восточную Азію. За нѣкоторыми сочиненіями уже обращался въ С. Петербургскій университетъ, которому принадлежатъ нынѣ это собраніе, г. Станисл. Жюльенъ, текъ напавшій на г. Васильева въ послѣднемъ своемъ трудѣ — переводѣ путешествія Сюань-Дзана.



въ одно лицо двухъ Ашокъ, раздѣленныхъ между собою двумя столѣтіями (по извѣстіямъ Индійскимъ).

За предисловіемъ слѣдуетъ общее обозрѣніе (стр. 1—8), въ которомъ излагается взглядъ автора на буддизмъ вообще. Г. Васильевъ думаетъ, что исторія развитія буддизма состоитъ преимущественно изъ догматовъ, а не изъ фактовъ, и что не стоитъ знакомить публику со всѣми буддійскими сочиненіями, какъ не знакомятъ насъ оріенталисты съ мусульманскими богословскими сочиненіями. Послѣдняя параллель намъ кажется невѣрною: съ какой-бы стороны мы ни взяли обѣ религіи, всегда превосходство останется на сторонѣ буддизма, и посему изученіе его представляетъ болѣе важности и пользы, такъ-что на одну богословскую мусульманскую книгу можно положить десять буддійскихъ, и тогда равновѣсіе въ интересѣ чтенія едва-ли будетъ нарушено.

За общимъ обозрѣніемъ г. Васильевъ излагаетъ хинаяну или первоначальный буддизмъ. Авторъ прежде всего говоритъ, что буддизмъ развивался не столько изъ собственныхъ своихъ началъ, сколько подъ постороннимъ вліяніемъ, перенимая у другихъ, вводя или передѣлывая ихъ идеи у себя, и такимъ-образомъ эта религія служитъ превосходнымъ мѣриломъ для аналогическихъ выводовъ на-счетъ умственныхъ перемѣнъ, совершавшихся въ Индіи по-крайней-мѣрѣ впродолженіе тысячи лѣтъ. Такое важное положеніе требовало-бы обширныхъ доказательствъ; авторъ-же ограничивается приведеніемъ весьма немногихъ и, можно сказать, незначительныхъ. Буддизмъ, при самомъ появленіи своемъ, не ограничивается принятіемъ или передѣлкою чужихъ идей: какъ реформа брахманизма, онъ съ перваго шага вступаетъ въ войну съ главнымъ догматомъ Индійскаго вѣроученія — раздѣленіемъ на касты, и отрицаетъ его на дѣлѣ. Конечно, это уже не заимствованіе и не передѣлка.

Изложивъ свой взглядъ на біографію основателя буддизма, Шакъя-муни, которую г. Васильевъ признаетъ чуть не вполнѣ баснословною, хотя и не отвергаетъ историческаго существованія Шакъя-муни, авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ критической исторіи буддизма: какъ въ біографіи Шакъ я-муни, такъ и въ очеркѣ г. Васильевъ держится самаго крайняго скептицизма и во многихъ случаяхъ, кажется намъ, переступаетъ предѣлы справедливаго сомнѣнія. Какъ-бы то ни было, за тѣмъ слѣдуетъ подробная исторія первоначальнаго буддизма, съ кончины Шакъя-муни, по

Тибетской лѣтописи, составленной въ XVII столѣтіи Даранатой. Г. Васильевъ, во время пребыванія въ Пекинѣ, перевелъ съ Тибетскаго всю эту хронику, а въ настоящемъ сочиненіи приводитъ только извлеченія изъ нея. Главное вліяніе на распространеніе буддизма во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Индіи, имѣлъ, по мнѣнію автора, Кашемиръ: отсюда буддизмъ распространяется въ Кандагарѣ и Кабулѣ, переходитъ въ Бактрію и, обогнувъ Гиндукушъ, занимаетъ весь такъ-называемый Туркестанъ, изъ Кашемира-же главнымъ образомъ распространился буддизмъ и въ Тибетѣ. Въ Индіи буддійское ученіе было истреблено брахманизмомъ, а въ другихъ странахъ — исламомъ. Тибетская лѣтопись, излагающая исторію буддизма, упоминаетъ не разъ о царяхъ Кашемирскихъ, Турушкахъ и Турушканскихъ царькахъ; по словамъ г. Васильева, подъ этимъ разумѣются мусульмане. Надобно замѣтить, что Турушка упоминается и въ Кашемирской хроникѣ Раджа-Тарангина и, повидимому, составляетъ одно съ собственнымъ именемъ Турокъ.

По изслѣдованіямъ почтеннаго профессора нашего и Французскаго санскритиста Бюрнуфа, первоначальный буддизмъ находился почти въ кочевомъ состояніи, за отсутствіемъ храмовъ и монастырей; только оба автора не совсѣмъ согласны во времени продолженія этого состоянія: г. Васильевъ полагаетъ, что буддисты очень долго не имѣли храмовъ, а еще долѣе монастырей, между-тѣмъ-какъ г. Бюрнуфъ видитъ въ «вихарахъ» (мѣстахъ нахожденія) общія жилища духовныхъ, существовавшія довольно рано, почти съ первыхъ временъ буддизма. Оканчивая историческій обзоръ распространенія буддійскаго ученія, г. Васильевъ, какъ-бы сознавая неполноту Тибетскихъ источниковъ, прибавляетъ: «нѣтъ сомнѣнія, что многое можно отыскать и въ другихъ странахъ на югѣ, въ которыхъ и понынѣ находится буддизмъ. Можетъ-быть, въ Цейлонѣ есть и другія исторіи, независимо отъ обнародованныхъ уже на Англійскомъ языкѣ *Upham'омъ;* но еще болѣе должно ожидать отъ Сіама и Бирмана». Такимъ-образомъ авторъ невольно долженъ былъ прійти къ совѣщанію съ южно-буддійскими источниками, о важности которыхъ мы говорили выше.

Подробный разсказъ о распространеніи буддизма (стр. 37—80) сопровождается изложеніемъ главнѣйшихъ пунктовъ ученія хинаяны или первоначальнаго буддизма (стр. 81—118). Если разсматривать буддизмъ, какъ религію, то мы найдемъ здѣсь отсут-

ствіе главнаго догмата всякой религіи — ученія о божествѣ: буддизмъ замѣняетъ его теоріей уничтоженія, къ которой все должно стремиться и которая составляетъ цѣль всякаго существованія. Этотъ догматъ отрицанія систематически является въ цѣломъ буддизмѣ: мораль этого ученія есть также отрицательная; поступающій въ новое общество не обязывается дѣлать что-нибудь доброе, но отрѣкается отъ всего дурнаго. Конечно, разсматривая мораль буддистовъ, которая приводится г. Васильевымъ отрывочно, а вполнѣ изложена г. Бюрнуфомъ, мы видимъ въ ней, со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, много превосходныхъ правилъ, не можемъ не сознать господствующаго въ ней духа гуманности, но въ то-же время видимъ, что система отрицанія недостаточна для опредѣленія человѣческаго поведенія, какъ-скоро идетъ рѣчь о высшей морали, учреждающей и поддерживающей общества. Нечего и говорить о важности такого недостатка въ вѣроученіи.

Философскія основанія буддизма, объясняющія мірозданіе и міроуправленіе, состоятъ въ-связи съ этою системою отрицанія: всѣ предметы не представляютъ ничего постояннаго, потому-что видоизмѣняются, а слѣдовательно нѣтъ ничего подлинно-существующаго, т. е. матерія отрицается. Всѣ явленія основаны на связи причинъ съ послѣдствіями, которая и управляетъ вселенной, взамѣнъ судьбы. Понятіе о душѣ въ томъ видѣ, какъ мы ее разумѣемъ, не доступно буддизму, хотя вмѣстѣ-съ-тѣмъ онъ принялъ изъ брахманизма догматъ о переселеніи душъ, которымъ, можетъ быть, онъ хотѣлъ объяснить то, что не доставало въ его теоріи причинъ и послѣдствій: поспѣшимъ прибавить, что въ этомъ переселеніи подъ именемъ души разумѣется утонченный составъ пяти «скандъ» (атрибутовъ), составляющихъ человѣка. Этимъ переселеніемъ отчасти замѣняется и рай другихъ религій, котораго въ буддизмѣ тоже не существуетъ, а высшимъ блаженствомъ поставлено послѣдователю Шакъ я-муни конечное освобожденіе отъ узъ «Сансары» міра съ переходомъ въ «Нирвану» абсолютное ничто.

Ученіе буддійское излагается безъ всякаго искусства, въ трехъ отдѣлахъ книгъ: «виная» (дисциплина), «сутры» (поученія Шакъямуни) и «абидарма» (метафизика). Французскій оріенталистъ Бюрнуфъ первыми ставитъ сутры, въ которыя уже должна была войти виная (Introduction à l'histoire du Buddisme Indien, 43), и нельзя не согласиться, что истина на его сторонѣ, тѣмъ-болѣе, что

Санскритскіе источники говорятъ то-же самое, и только сѣверные буддисты ставятъ винаю на первомъ мѣстѣ. Подробное раздѣленіе буддійскихъ книгъ у г. Васильева (стр. 109) также не сходится съ раздѣленіемъ г. Бюрнуфа (Introduction, стр. 52 — 66), даже въ самыхъ названіяхъ: такъ «ітьюкта» послѣдняго является у г. Васильева подъ формою «итивриттика», джетака — подъ формою джатакамъ. Равнымъ-образомъ въ объясненіи этихъ названій оба автора нѣсколько разногласятъ, потому что г. Васильевъ основывается на Китайскихъ или Тибетскихъ объясненіяхъ, а г. Бюрнуфъ ищетъ этимологіи этихъ Санскритскихъ словъ въ Санскритскомъ языкѣ, призывая Китайскія объясненія въ видѣ пособія. Очевидно, преимущество должно оставаться на сторонѣ г. Бюрнуфа. Краткое заключеніе г. Васильева о сравнительной новизнѣ длинныхъ сутръ (стр. 110 — 111) у Французскаго оріенталиста развито и обставлено гораздо удовлетворительнѣе, но за то въ книгѣ г. Васильева мы находимъ перечисленіе семи главныхъ и древнѣйшихъ сочиненій Абидармъ (стр. 107), сохранившихся у сѣверныхъ буддистовъ только въ Китайскомъ переводѣ.

Изложеніемъ «махаяны», или новаго буддизма, куда относится и мистицизмъ (стр. 118—200) оканчивается общій обзоръ буддизма, включая сюда равно исторію, догматы и литературу этого ученія, какъ постоянно дѣлаетъ г. Васильевъ. Впрочемъ, на этотъ разъ нашъ авторъ принужденъ отступить отъ своего порядка и даетъ исторію махаяны въ концѣ (стр. 200—209), разумѣется, за недостаткомъ матеріаловъ. Такимъ образомъ мы находимъ сначала изложеніе ученія махаяны (стр. 118—145), а потомъ обозрѣніе сочиненій, относящихся къ этому отдѣлу буддизма (стр. 145—200). Отличительные признаки новаго буддизма состоятъ въ развитіи понятія пустоты, замѣняющемъ мученіе, какъ причину къ выходу изъ существованія, во введеніи догмата подаянія, т. е. жертвованія, и въ усложненіи миѳологіи. Идея о буддійской пустотѣ, отрицая всякое возможное существованіе, по изложенію г. Васильева, облекаетъ въ форму ничтожества и самую абсолютную идею о Буддѣ, говоря, что его силы и разумъ также существуютъ только относительно. Весьма справедливо замѣчаетъ почтенный профессоръ, что новый буддизмъ нисколько не разнится отъ того плана, который былъ начертанъ въ старомъ: онъ только развиваетъ еще въ бо́льшихъ размѣрахъ тѣ идеи отверженія, которыя въ послѣднемъ относились болѣе къ окружающему матеріальному

міру. Въ новомъ ученіи не должно имѣть не только привязанности къ міру житейскому, къ предметамъ обладанія, но даже и не допускать въ свою мысль никакого понятія о предметахъ внѣшнихъ или внутреннихъ: не должно думать, что вотъ это — то, а то — то, или, какъ буддисты выражаются: не должно имѣть понятія о различіи, потому что абсолютно ничто не одно и нераздично. Отверженіе понятій всякаго умствованія и есть высокій, самый чистый разумъ, который только омрачается всѣми субъективными разсужденіями и размышленіями. Въ этомъ-то умственномъ отверженіи и будетъ проявлена высочайшая мудрость, которая составитъ тѣло Будды или «Боди» — святость, замѣняющую у новыхъ буддистовъ Нирвану. Обойдя кругъ махаяны, мы дѣйствительно возвращаемся къ ученію хинаяны, т. е. новый буддизмъ соединяется со старымъ.

Новый буддизмъ преимущественно принадлежитъ сѣверу, и потому мы не находимъ достаточныхъ о немъ свѣдѣній у Европейскихъ изслѣдователей южнаго буддизма. Изъ этого замѣчанія становится ясно, что отдѣлъ махаяны въ книгѣ г. Васильева есть интереснѣйшій и обильнѣйшій новыми фактами: таково занимательное обозрѣніе въ 23 отдѣлахъ литературы махаяны. Хотя нѣкоторыя части новаго буддійскаго ученія и были въ разное время разработаны Европейскими оріенталистами (такъ въ книгѣ г. Бюрнуфа мы находимъ большое изслѣдованіе о тантрахъ, съ извлеченіями изъ дарани), однако еще никто не представлялъ въ такой связи и полнотѣ ученіе махаяны, какъ сдѣлалъ это г. Васильевъ, подвигъ тѣмъ болѣе трудный, что буддизмъ идетъ на пути философскаго развитія со множествомъ особенныхъ терминовъ. Мистицизмъ, въ который впалъ буддизмъ, кромѣ трудностей, представляетъ въ изученіи скуку и отвращеніе, и не смотря на то, г. Васильевъ приводитъ очень подробно буддійское ученіе о чарахъ. Въ видѣ образца махаянической литературы мы приведемъ содержаніе слѣдующей сутры, принадлежащей новому буддизму:

Махаберихаракапариварта. Великій барабанъ. Собраніе разсуждаетъ о томъ, что значитъ фраза: есть и не есть; въ это время является царь Прасена при звукѣ барабановъ и трубъ. Будда говоритъ: «я сегодня долженъ разсказать сутру Великаго барабана ученія», приказываетъ Кашьяпѣ удалить тѣхъ, которые не въ состояніи выслушать ее, и тогда безчисленное множество Шрава

ковъ, Пратъекъ и первоначально занимающихся Бодисатвъ удаляются, какъ оглашенные. Начинается разсужденіе о томъ, что Татагата обладаетъ постояннымъ блаженствомъ, чистымъ я, не имѣетъ Нирваны; что всѣ одушевленныя существа имѣютъ природу Будды, нѣтъ трехъ Янъ, а только одна; что въ сутрахъ, толкующихъ о пустотѣ, заключается чрезмѣрность, и что только одна эта сутра содержитъ въ себѣ несравненную проповѣдь.

Не смотря на разумныя основанія, на которыхъ стремится поставить себя буддизмъ, толкователи ученія Шакъя-муни увлеклись, для поддержанія блеска достоинства религіи, въ ритуализмъ и нелѣпыя фантазіи. Слѣдующая тантра можетъ дать отчасти понятіе о тѣхъ крайностяхъ и суевѣріяхъ, къ которымъ пришло буддійское ученіе:

Татагата Вайрочана, живущій за предѣлами міра формъ, окруженный безчисленнымъ множествомъ Бодисатвъ, является въ формахъ тѣла блаженства предъ сидящимъ въ Бодимандалѣ Бодисатвой Артасидуа (т. е. Шакъя-муни), научаетъ его Самади, говоритъ о четырехъ великихъ разумахъ, наконецъ даетъ ему алмазное благословеніе или посвященіе, и тогда-то онъ пріобрѣтаетъ истинную Боди (т. е. только черезъ это дѣлается настоящимъ Буддой), приходитъ на вершину Сумеру, во дворецъ, лежащій на алмазной скалѣ; здѣсь погружается онъ постепенно во всѣ Самади и рождаетъ изъ себя 16 великихъ алмазныхъ Бодисатвъ. Будды Акшобъя, Ратнисамбова, Вайпашъя и Амогасидди даютъ ему также алмазное благословеніе. Вайрочана, погрузившись снова въ Самади, производитъ четырехъ богинь разума и потомъ четырехъ алмазныхъ Бодисатвъ: крюка, веревки, замка и колокольчика (которые назначены захватить демона, связать, запереть, или созвать боговъ и духовъ); затѣмъ однимъ щелчкомъ сзываетъ онъ всѣхъ Татагатъ, и, произнеся 108 именъ Ваджрадары, верховнаго министра всѣхъ Татагатъ, безначальнаго, безконечнаго, у котораго душа алмазная (Ваджрасатва), восхваляетъ его и проситъ сообщить свои свѣдѣнія. Ваджрадара учитъ, какъ совершать различныя мандалы: алмазнаго міра, алмазныхъ тайнъ, разума, дѣла и проч. (всего 22 мандалы), распространяется о таинственномъ ученіи; далѣе идутъ различные гимны, и Шакъя-муни возвращается снова на землю.

Буддійская литература богата произведеніями такого рода, въ которыхъ стремленіе къ идеализму и объясненію самыхъ отвлечен-

ныхъ истинъ сталкивается съ грубѣйшими матеріальными чертами. Это столкновеніе можно объяснить отсутствіемъ Верховнаго существа, и слѣдовательно желанія придать чему-бы то ни было одни духовные признаки совершенства.

Значительную часть книги г. Васильева составляютъ приложенія, имѣющія чрезвычайную цѣну по своей новости и важности. Они заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

1) «Біографіи Ашвагоши, Нагарджуны, Арьядевы и Васубанду» (стр. 210—222). Это знаменитые буддійскіе учители. Жизнеописанія ихъ переведены авторомъ съ Китайскаго языка и представлены здѣсь въ-сокращеніи.

2) «Колесо, утверждающее различіе главныхъ мнѣній» (стр. 222—258). Въ этомъ сочиненіи изложены раздѣленія разныхъ буддійскихъ школъ и предметы ихъ споровъ. Г. Васильевъ перевелъ его съ Тибетскаго, дополнилъ сравненіями по тремъ Китайскимъ переводамъ и обогатилъ обширными примѣчаніями. Съ возрастающимъ интересомъ является послѣднее приложеніе.

3) «Изложеніе философскихъ системъ буддизма» (стр. 258—335). Объ этихъ школахъ доселѣ имѣлись только весьма краткія свѣдѣнія, и покойный Бюрнуфъ весьма желалъ знакомства съ ними, какъ познакомилъ Европу Англичанинъ Годсонъ съ южными буддійскими философскими школами. Превосходное изложеніе г. Васильева говоритъ о четырехъ школахъ: Вайбашикахъ (стр. 265—273), Саутрантикахъ (стр. 273—286), Іогачарьяхъ (стр. 286—317) и Мадьямикахъ (стр. 335). Въ послѣдней школѣ заключается и ученіе Прасанговъ, признаваемое нынѣшними Тибетцами и вообще Ламаистами за единое, вполнѣ вѣрное буддійское. Замѣтимъ, что Вайбашиковъ и Сутрантиковъ авторъ, въ одномъ изъ предыдущихъ мемуаровъ, называетъ Вэйбашиками и Сутрантиками.

Разбирая философскія системы буддизма, мы видимъ въ нихъ, наряду съ отвлеченными вопросами, разрѣшеніе религіозныхъ, но нельзя сказать, чтобы спекулятивная часть буддизма была удовлетворительна. Причину такого явленія, при широкомъ и вѣковомъ развитіи умозрѣнія, надобно искать въ отсутствіи естествознанія, безъ метода и свѣдѣній котораго трудно приступать къ рѣшенію вопросовъ, занимающихъ буддизмъ.

Представленное нами обозрѣніе книги г. Васильева, кажется, несомнѣнно должно удостовѣрить каждаго въ важности и цѣнности такого пріобрѣтенія для Европейской литературы: теперь по-

полненъ въ ней большой пробѣлъ, представлявшійся недостаткомъ свѣдѣній о сѣверномъ буддизмѣ. Надѣемся, что почтенный профессоръ не остановится на этой книгѣ и будетъ продолжать обнародованіе своихъ частныхъ изслѣдованій о буддійскомъ вѣроученіи; вмѣстѣ-съ-тѣмъ мы не можемъ не выразить желанія, чтобъ онъ имѣлъ досугъ для приведенія этихъ изслѣдованій въ строгое систематическое изложеніе, чего въ настоящей книгѣ онъ не успѣлъ сдѣлать за недостаткомъ времени.

В. [illegible]

Очеркъ Русскаго вексельнаго права. Чтенія *Д. И. Мейера* въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, изданныя по запискамъ слушателей, подъ редакціею *А. Вицына.* Казань, 1857.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ человѣкъ перестаетъ производить исключительно для самого себя всѣ предметы нужные для его существованія, коммерческія связи необходимо должны были установиться между людьми. Введенное раздѣленіе труда дозволило каждому предаться по преимуществу одному какому-либо роду занятій, и результаты этихъ занятій, выражающіеся въ различныхъ произведеніяхъ, стали промѣниваться одни на другіе, что породило въ-свою-очередь многообразное обращеніе цѣнностей, добытыхъ трудами отдѣльныхъ лицъ. И тогда, легко понять, какъ важно сдѣлалось для общества вообще, что бы ни что не нарушало этого обращенія, чтобы оно происходило безъ замѣшательства и безпорядка, ибо при мгновенной остановкѣ обращенія, самое производство, котораго оно сдѣлалось необходимымъ условіемъ, должно неизбѣжно, если не совершенно прекратиться, то значительно замедлиться. Дабы мѣна (échange) находилась въ нормальномъ своемъ положеніи, необходимо прежде всего отстранить всѣ обстоятельства, замедляющія ходъ ея, для чего самое существенное и главное — доставить всѣмъ товарамъ, пущеннымъ въ оборотъ, самый легкій и, по возможности, мгновенный сбытъ; сбытъ-же этотъ, съ-своей-стороны, зависитъ отъ трехъ обстоятельствъ: отъ соразмѣрности спроса съ предложеніемъ товаровъ, отъ легкости и свободы доставки ихъ въ мѣста требованія и, наконецъ, отъ способности каждаго упла-

тить за предлагаемыя произведенія эквивалентомъ ихъ цѣнности. Такимъ-образомъ, требованіе тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе число требователей, легкость сбыта тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большей свободой пользуется торговля и чѣмъ обильнѣе и лучше устроены средства сообщенія между мѣстностями, находящимися въ торговыхъ сношеніяхъ; но всего этого недостаточно, чтобы придать обращенію размѣры, къ которымъ оно способно: необходимо, кромѣ всего вышесказаннаго, чтобы всякая обращающаяся въ торговлѣ цѣнность была дѣйствительно вымѣнена въ моментъ ея предложенія и требованія, а для этого необходимо, чтобы пріобрѣтатель обладалъ другою цѣнностію, которую-бы предлагающій согласился принять, взамѣнъ своей. И какъ мѣна въ обществахъ, болѣе развитыхъ, происходитъ посредствомъ особыхъ представителей цѣнностей, называемыхъ деньгами: то, дабы сбытъ могъ произойти, необходимо, чтобы способность уплаты, или количество денегъ, равнялось требованію. А какъ извѣстно, что большею частію цѣнность товаровъ, обращающихся въ каждой странѣ, превосходитъ количество денежныхъ цѣнностей, тамъ находящихся: то очень можетъ случиться, что человѣкъ, обладающій и значительнымъ состояніемъ, будетъ находиться въ данный моментъ въ невозможности сдѣлать непосредственную уплату за произведенія, которыя его средства дозволяютъ желать пріобрѣсти. Отсюда можетъ образоваться застой въ обращеніи, и дѣятельность его уменьшиться.

Съ другой стороны, извѣстно, что каждое промышленое предпріятіе предполагаетъ капиталъ; даже самые первобытные промыслы обусловливаются существованіемъ извѣстныхъ матеріальныхъ средствъ для ихъ производства, такъ-что человѣкъ не можетъ даже собрать уже готовыя, находящіяся предъ нимъ въ природѣ цѣнности, безъ предварительнаго обладанія болѣе или менѣе значительнымъ запасомъ средствъ,—фондомъ, который облегчилъ-бы ему возможность приложить свои силы къ пріобрѣтенію или созданію той или другой вещи. Но лице, готовое предпринять что-либо, не всегда имѣетъ эти средства подъ рукою, и для промышленаго предпріятія нисколько не существенно, чтобы этотъ запасъ средствъ, необходимыхъ для производства, или *капиталъ*, составлялъ собственность лица, совершающаго операцію; оно всегда можетъ найдти возможность распорядиться чужимъ капиталомъ, обратиться къ другимъ лицамъ, имѣющимъ ихъ въ избыткѣ;

къ капиталистамъ; но послѣдніе никогда не согласились-бы *безусловно* удѣлить часть своего имущества, ввѣрить плоды своего труда и бережливости другому лицу, не находящемуся ни въ какихъ особыхъ съ ними отношеніяхъ. И слѣдовательно, лице, намѣревающееся что-либо предпринять, лишено было-бы возможности исполнить свое намѣреніе, чрезъ что и всѣ другіе, нуждающіеся въ предметѣ его производства, не могли-бы удовлетворить своимъ потребностямъ, и самое производство, а слѣдовательно и мѣна пріостановились-бы.

Дабы помочь всѣмъ этимъ затрудненіямъ и поставить на твердыхъ основаніяхъ какъ производительную, такъ и мѣновую дѣятельность, люди прибѣгли къ *гражданской добродѣтели*, извѣстной подъ именемъ *кредита*, или общественной довѣренности, и этотъ-то кредитъ и составляетъ самый могущественный двигатель промышлености и торговли.

Если таково значеніе кредита въ экономическомъ быту народа, то правительства, поставляющія для себя священною обязанностію содѣйствовать всестороннему развитію человѣка въ обществѣ, въ которомъ матеріальное преуспѣяніе занимаетъ такое важное мѣсто, и различными учрежденіями отстранять препятствія, замедляющія правильный ходъ его, обязаны поддержать этотъ кредитъ. И правительство, дѣйствительно, создаетъ мѣры какъ къ охраненію кредита вообще, такъ и кредита промышленаго, какъ имѣющаго особую важнось для государства, въ-частности,—и это охраненіе послѣдняго достигается особыми мѣрами, заключающими въ себѣ нѣкоторое отличіе, состоящее въ быстротѣ и строгости взысканія при нарушеніи оказаннаго довѣрія. Съ этими отличіями въ охраненіи промышленаго кредита связывается потребность въ особомъ знакѣ, который-бы свидѣтельствовалъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ охраненіи этого послѣдняго рода кредита; и такимъ знакомъ признается *вексель*, а совокупность правилъ, облеченныхъ въ форму закона и относящихся къ совершенію, движенію и уплатѣ по векселямъ, составляетъ особый отдѣлъ общаго гражданскаго права, называемый: «*вексельнымъ правомъ*».

По тѣмъ громаднымъ успѣхамъ промышлености и развитію торговыхъ сношеній, свидѣтелемъ которыхъ суждено быть нашему вѣку, и въ которыхъ кредитъ играетъ такую важную роль, — вексельное право постоянно обращало на себя вниманіе ученыхъ и было предметомъ обширныхъ и тщательныхъ изслѣдованій Евро-

пейскихъ юристовъ. Литература западной Европы очень богата произведеніями, касающимися вексельнаго права: сборники вексельныхъ узаконеній, изложеніе началъ, добытыхъ наукою, изслѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ, представляющихся въ вексельномъ правѣ, словари и наконецъ особая вексельная журналистика суть свидѣтельства многочисленныхъ изысканій по этому предмету въ Европѣ. Къ-сожалѣнію, мы не можемъ сказать того-же относительно нашего отечества. Вексельное право оставалось почти совершенно неразработаннымъ у насъ до послѣдняго времени. Только покойный Д. И. Мейеръ, занимая въ 1855 г. каѳедру общихъ гражданскихъ законовъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, обратилъ особое вниманіе на этотъ важный отдѣлъ юридической науки и изъ двухгодичнаго курса посвятилъ 22 лекціи изложенію вексельнаго права. Г. Вицынъ принялъ на себя нынѣ трудъ познакомить публику съ изслѣдованіями профессора, и издалъ записанныя слушателями лекціи, почти въ томъ-же видѣ, въ какомъ онѣ изустно были изложены. Этотъ «Очеркъ русскаго вексельнаго права» былъ предварительно напечатанъ въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета» (книжка II, 1857) и недавно появился отдѣльною книгою, съ которою мы и намѣрены познакомить нашихъ читателей.

Все сочиненіе «О вексельномъ правѣ» раздѣляется на два отдѣла: въ первомъ излагается значеніе вексельнаго права и его происхожденіе, во второмъ — догма Русскаго вексельнаго права. Остановимся на весьма интересномъ и спорномъ вопросѣ о происхожденіи вексельнаго права, который породилъ многоразличныя мнѣнія между учеными. Хотя выше мы замѣтили, что охраненіе промышленаго кредита есть побудительная причина тѣхъ обширныхъ и подробныхъ узаконеній, совокупность которыхъ составляетъ вексельное законодательство; однакожь такой взглядъ на вексельныя учрежденія образовался только тогда, когда вполнѣ уже поняли, какое могущественное орудіе промышленаго кредита составляетъ это учрежденіе. Начало-же вексельнаго права сложилось подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ обстоятельствъ средневѣковой Европы. Таково общепринятое нынѣ мнѣніе относительно начала векселей, и честь распространенія этого мнѣнія принадлежитъ двумъ извѣстнымъ Нѣмецкимъ юристамъ: Митермайеру и Мартенсу, которые своими изслѣдованіями о началѣ вексельнаго права разсѣяли прежде бывшія предположенія о

существованіи векселей еще въ древнія времена и особенно у Римлянъ. И дѣйствительно, не говоря уже о недостаткѣ положительныхъ свѣдѣній объ обращеніи векселей у древнихъ народовъ, — что, между прочимъ, послужило главнымъ аргументомъ опроверженія прежде бывшаго мнѣнія, — достаточно остановиться на состояніи торговли въ древнихъ обществахъ, чтобы убѣдиться въ невѣроятности подобнаго предположенія, особенно относительно векселей въ современной ихъ формѣ. Болѣе или менѣе распространенное пользованіе векселями предполагаетъ какъ полное уваженіе личности, такъ и совершенное обезпеченіе собственности каждаго; но въ древнемъ обществѣ собственность, особенно движимая, мало была обезпечена, и отыскиваніе ея предъ судомъ было дѣломъ почти невозможнымъ; съ другой стороны, и самая личность не была достаточно уважаема, чтобы побудить ввѣрить свои сбереженія другому, получить отъ котораго обратно не было никакой гарантіи. Наконецъ, по словамъ извѣстнаго Ж.-Б. Се, чтобы пользоваться векселемъ, необходимо существованіе значительныхъ сношеній, которыя-бы допускали производство мѣны въ болѣе развитой формѣ. Это пользованіе предполагаетъ развитіе почтовыхъ учрежденій, общій языкъ, нѣкоторое сходство въ нравахъ, словомъ — болѣе тѣсныя связи между торгующими націями, чего мы не находимъ въ древнія времена.

Замѣтимъ при этомъ, что существовало еще мнѣніе, будто векселя введены впервые Евреями, которые, по изгнаніи ихъ изъ Франціи, желая высвободить оттуда свои капиталы, дѣлали это посредствомъ перевода ихъ на своихъ соотечественниковъ въ другихъ странахъ Европы. Впрочемъ, объ этомъ мнѣніи г. Мейеръ только упоминаетъ, не разбирая его въ-подробности и не опровергая достаточно; тогда-какъ очень естественно, что Евреи, какъ народъ, съ давняго времени отличавшійся духомъ коммерціи и особенно игравшій такую важную роль въ торговлѣ средневѣковыхъ обществъ, нѣкоторымъ образомъ участвовали въ созданіи вексельныхъ учрежденій.

Но какъ-бы то ни было, упомянутые выше ученые, въ своихъ изысканіяхъ, пришли къ тому, что вексель впервые появился въ Италіи, въ средніе вѣка. Это подтверждается, по ихъ словамъ, исторіею торговли у новыхъ народовъ и особенно обиліемъ Италіянскихъ техническихъ выраженій, встрѣчающихся въ вексельномъ правѣ. Извѣстно, что въ государствахъ мало-развитыхъ, при

недостаткѣ общественнаго порядка, при дурномъ состояніи дорогъ, при отсутствіи сообщеній между городами, торговля производится преимущественно посредствомъ ярмарокъ; такъ производилась она и въ государствахъ Европейскихъ въ-теченіе среднихъ вѣковъ. При опасности путешествій, купцы перевозили съ мѣста на мѣсто одни товары и безъ крайности не желали возить съ собою денежные капиталы; далѣе, разнообразіе въ монетной системѣ представляло новое затрудненіе въ переводѣ денегъ, тогда-какъ потребность въ переводѣ должна была возникнуть. И вотъ для удовлетворенія этой потребности появились въ Италіи мѣнялы (campsores) и стали заниматься переводомъ денегъ, принимая ихъ отъ купцовъ въ одномъ городѣ, съ-тѣмъ-чтобы выдать ихъ въ другомъ ходящею тамъ монетою. Какъ-скоро купецъ отдавалъ деньги мѣнялѣ, чтобы получить ихъ на ярмаркѣ, то мѣнялѣ, очевидно, нужно было писать письмо своему прикащику или товарищу, живущему на мѣстѣ ярмарки, и просить его выдать деньги купцу. Это-то письмо и получило названіе «cambio или lettera di cambio» (письмо о размѣнѣ), ибо въ-первое-время платежъ производился не только въ другомъ мѣстѣ, но и другою монетою. Такимъ-образомъ мы видимъ, что первоначальная форма долговаго обязательства, о которомъ идетъ рѣчь, была переводный вексель, и только впослѣдствіи, какъ объясняетъ г. Мейеръ, изъ желанія примѣнить строгости вексельнаго права и къ другимъ долговымъ обязательствамъ, объявляли всякій долговой актъ векселемъ, хотя-бы въ немъ и рѣчи не было о переводѣ. Строгость-же и быстрота взысканій, составляющіе характеристическую черту вексельнаго учрежденія, вытекли изъ стремленія мѣстныхъ властей видѣть у себя процвѣтаніе торговли, для чего весьма важно немедленное и полное удовлетвореніе по предъявляемому векселю. Отъ этого примѣненія строгости вексельнаго права къ другимъ долговымъ обязательствамъ образовались и простые векселя, которые, замѣтимъ, только у насъ считаются главными, тогда-какъ въ западной Европѣ, гдѣ получили начало свое эти акты, первое мѣсто занимаетъ переводный вексель.

Мы привели только вкратцѣ прекрасныя изслѣдованія автора о происхожденіи векселей, при чемъ опущены всѣ подробности, не менѣе важныя и любопытныя, о дальнѣйшемъ развитіи этого учрежденія, — подробности, всѣ проникнутыя глубокимъ смысломъ и составляющія плодъ тщательнаго изученія предмета.

Другой важный вопросъ, котораго касается профессоръ въ своихъ чтеніяхъ, относится къ сущности переводнаго векселя, какъ главной формы этого кредитнаго знака. Тогда-какъ простой вексель считается векселемъ, ради строгости вексельнаго права, а въ существѣ своемъ не отличается отъ другихъ родовъ долговаго акта, вексель переводный представляется самостоятельнымъ юридическимъ учрежденіемъ и разсмотрѣніе природы сдѣлки, заключающейся вь немъ, породило много различныхъ мнѣній, главнѣйшія между которыми и разбираетъ г. Мейеръ.

Первое мнѣніе принадлежитъ Французскому юристу Потье и выражено имъ въ его «Traité du contrat de change» Оно заключается въ томъ, что *вексель есть актъ вексельнаго договора*, состоящаго въ обязательствѣ одного лица доставить другому, за извѣстную цѣнность, равную сумму денегъ въ другомъ мѣстѣ. Противъ такого мнѣнія г. Мейеръ дѣлаетъ весьма важное возраженіе. Если признать вексель за актъ вексельнаго договора — говорить онъ — то только двѣ договорившіяся стороны могутъ быть обязаны по этому договору, а между-тѣмъ мы знаемъ, что векселедержатель очень часто обращается съ своими требованіями къ стороннему лицу. Какимъ-же образомъ это стороннее лицо можетъ быть обязано по векселю? Оно является таковымъ только послѣ *акцепта*; не будетъ такого акцепта—и обязательства не существуетъ, и слѣдовательно вексель, въ которомъ существенное—платежъ, ничѣмъ не обезпеченъ до принятія его третьимъ лицемъ и является какимъ-то призрачнымъ долговымъ актомъ. Да и самая форма векселя нисколько не соотвѣтствуетъ существу обязательства, заключающагося въ немъ. Она должна-бы быть такая: «я обязываюсь такому-то лицу такимъ-то дѣйствіемъ», между-тѣмъ переводный вексель преставляется письмомъ къ стороннему лицу.

По мнѣнію Нѣмецкаго юриста Эйнерта, занимавшагося изслѣдованіемъ существа переводнаго векселя, при обсуживаніи учрежденій торговаго права, преимущественно должно имѣть въ виду тѣ воззрѣнія, которыми руководствуются лица, производящія торговлю. А какъ въ торговомъ мірѣ не дѣлается различія между векселями и деньгами, и даже вполнѣ надежный вексель принимается охотнѣе, чѣмъ деньги, то слѣдовательно вексель представляется эквивалентомъ денегъ: должникъ выдачею векселя производитъ платежъ. Если и дѣйствительно въ торговомъ мірѣ существуетъ подобный взглядъ на вексель, взглядъ въ практи-

ческомъ отношеніи, пожалуй, и справедливый, то съ юридической точки зрѣнія ученіе Эйнерта ничего не объясняетъ, и изъ того, что вексель есть эквивалентъ денегъ, не видно, какой родъ сдѣлки заключается въ этомъ актѣ, а для науки права въ томъ-то и заключается вся важность, чтобы раскрыть существо переводнаго векселя, какъ юридическаго учрежденія.

Наконецъ, третье ученіе, принадлежащее Либе, видитъ существо переводнаго векселя въ *порученіи* стороннему лицу заплатить векселедержателю извѣстную сумму денегъ, — въ порученіи, соединенномъ съ обязательствомъ удовлетворить по векселю сумму векселедателю въ случаѣ неудовлетворенія стороннимъ лицемъ.

При этомъ мы, къ-сожалѣнію, должны замѣтить, что г. Мейеръ, заканчивая обозрѣніемъ ученія Либе разборъ воззрѣній ученыхъ на существо переводнаго векселя, недостаточно выразилъ свой собственный взглядъ на природу означеннаго акта. Опровергнувъ теорію Потье, съ которой ученіе Либе нѣкоторымъ образомъ сходится (ибо оба они признаютъ обязательство векселедателя въ отношеніи къ векселедержателю), авторъ, касательно взгляда Либе, ограничивается только словами, что «онъ *больe* соотвѣтствуетъ существу переводнаго векселя и не даетъ тѣхъ странныхъ выводовъ, къ которымъ приводитъ теорія Французскаго юриста». Самое-же существо акта, какъ понимаетъ его авторъ, остается тайной для читателя. Сейчасъ приведенныя слова профессора доказываютъ, что онъ соглашается съ ученіемъ Либе въ конечномъ его выводѣ, а между-тѣмъ, при разборѣ теоріи Потье, рѣшительно не хотѣлъ признать за ней никакой состоятельности, тогда-какъ самъ говоритъ, что обѣ эти теоріи расходятся только въ началѣ, а подъ конецъ все-таки сходятся. Подобная непослѣдовательность у такого дѣльнаго и строгаго ученаго, какимъ былъ покойный Мейеръ, можетъ быть, по нашему мнѣнію, объяснена только тѣмъ, что такъ-какъ разсматриваемый «Очеркъ» изданъ по запискамъ слушателей, то очень естественно предположить, что мысль профессора была или неотчетливо понята или невѣрно записана.

Обращаясь ко второму отдѣлу изслѣдованія о вексельномъ правѣ — къ Русскому вексельному праву, изложенію котораго посвящена большая часть чтеній, мы позволяемъ себѣ остановиться на изысканіяхъ автора о началѣ нашихъ вексельныхъ учрежденій. Ограничиваясь однимъ предположеніемъ объ употребленіи векселей въ древней Россіи иностранными купцами,

поселившимися въ Архангельскѣ, Новгородѣ и Москвѣ, Мейеръ прямо переходить ко времени Петра В., когда правительство нашло возможнымъ примѣтить векселя къ переводу казенныхъ денегъ, отчего въ вексельномъ уставѣ Петра II, 1727 г., которымъ вексельныя учрежденія во всей ихъ цѣлости впервые введены въ систему нашего законодательства, векселя уже раздѣляются на казенные и частные; но первые скоро исчезли изъ обращенія, и вексель по прежнему сдѣлался принадлежностію преимущественно частныхъ сдѣлокъ. Упомянутый уставъ Петра II дѣйствовалъ до 1832 г., когда былъ изданъ новый уставъ, имѣющій силу и понынѣ. Этотъ послѣдній носитъ на себѣ отпечатокъ вліянія Французскаго вексельнаго законодательства. Показавъ, какимъ образомъ въ нашъ юридическій бытъ внесены были первыя начала вексельныхъ учрежденій, авторъ превосходно разъясняетъ значеніе ихъ въ Русскомъ правѣ и вліяніе на практику. Далеко неподробныя изслѣдованія его по этому предмету могутъ служить образцомъ научной разработки дѣйствующаго законодательства. Быстрота и скорость взысканія, какъ мы замѣтили выше, составляютъ характеристику вексельнаго права; но въ-дѣйствительности у насъ въ большей части случаевъ мы ничего подобнаго не находимъ: причина этого та, что многія лица, которымъ ввѣрено взысканіе по векселямъ, рѣшительно не сознаютъ различія между ними и другими долговыми актами и съ другой стороны нерѣдко всякій долговой актъ называютъ векселемъ. А такое воззрѣніе на вексель, въ-свою-очередь, произошло оттого, что все наше вексельное право есть заимствованіе; мы получили его изъ западной Европы, гдѣ оно явилось не какъ нѣчто готовое, но возникло изъ особыхъ обстоятельствъ и развилось путемъ историческимъ, тогда-какъ у насъ все это произошло только дѣятельностію законодательной власти, безъ всякаго участія народнаго, юридическаго сознанія. Но мы не хотимъ болѣе приводить глубокоученыхъ положеній автора: они такъ интересны, что намъ пришлось-бы дѣлать слишкомъ большія выписки. Скажемъ въ-заключеніе объ изложеніи самой догмы нашего вексельнаго права. При этомъ не можемъ не замѣтить, что въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, являвшихся въ послѣднее время и посвящаемыхъ начертанію нашихъ дѣйствующихъ законовъ, авторы ограничивались большею частію перифразомъ статей свода законовъ, нисколько не заботясь о научномъ объясненіи смысла того или другаго узако-

нenія. Изложеніе Русскаго вексельнаго устава, которое представилъ Мейеръ, нисколько не подходитъ подъ вышеозначенныя компиляціи, неимѣющія никакого серьезнаго значенія. Очеркъ его носитъ характеръ строгой науки. Смыслъ каждаго отдѣльнаго постановленія, всякой болѣе или менѣе значительной статьи свода раскрытъ во всей сущности и полнотѣ и освѣщенъ строго-юрическимъ взглядомъ, — что̀ въ свою очередъ чрезвычайно способствуетъ ясному пониманію этого смысла и оставляетъ въ умѣ читателя не темное и безсознательное понятіе о томъ или другомъ законоположеніи, но живое, ясное и проникнутое полнымъ сознаніемъ уразумѣніе мысли законодателя, — такъ-что вексельное право, можно сказать, принадлежитъ теперь къ небольшому числу отдѣльныхъ частей нашего права, болѣе или менѣе удачно разработанныхъ. И потому нельзя не привѣтствовать съ радостію вновь изданныхъ чтеній Д. И. Мейера и не пожелать, чтобы и впредь слушатели знакомили публику съ извлеченіями изъ лекцій достойнаго профессора, къ-сожалѣнію, рано похищеннаго смертію у науки, которой онъ служилъ такъ ревностно и честно.

Д. М.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ПЕРВУЮ ТРЕТЬ 1857 ГОДА.

I. Богословіе.

Изъ писаній св. отцевъ и учителей церкви напечатаны слѣдующія сочиненія: блажен. Θеодорита, епископа Кирскаго, *Толкованіе на видѣнія пророка Даніила* (Тв. св. отц. въ Рус. пер. кн. 1); блаж. Θеофилакта, архіепископа Болгарскаго, *Толкованіе на св. Евангеліе отъ Марка* (Прав. собес. кн. 1); преп. Іосифа, игумена Волоцкаго, *Просвѣтитель, или обличеніе ереси жидовствующихъ* (ibid.); св. Кирилла, епископа Туровскаго, *Молитвы на всю седмицу* (ibid.); св. Іоанна Златоуста, *Бесѣды на дѣянія апостольскія*, 11—21—2 (Христ. чт. янв.—апр.); *О вдовицѣ и второбрачіи* (Воскр. чт. № 41); *О томъ, что должно всегда памятовать грѣхи свои и не отлагать покаянія* (ibid. № 42); *Слово о послѣднемъ судѣ* (ibid. № 44); *О покаяніи* (ibid. № 46); блаж. Симеона, *Толкованіе о храмѣ* (Хр. чт. янв.); его-же, *Толкованіе о символѣ вѣры* (ibid. февр.—апр.); св. Діонисія Ареопагита, *О крещеніи младенцевъ* (Воскр. чт. № 39); св. Кирилла Александрійскаго, *Объ искушеніи Іисуса Христа въ пустыни* (ibid. № 40); св. Амвросія Медіоланскаго, *О крестѣ Христовомъ* (ibid. № 48); св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, *Плачъ на погребеніе Христово* (ibid. 52).

— «Плачъ на погребеніе Христово». — Помѣщаемъ здѣсь это сочиненіе св. Димитрія Ростовскаго, исполненное высокихъ красотъ: «Куда грядешь несомый, сладчайшій Іисусе! Куда грядешь отъ насъ, надежда и прибѣжище наше! Куда заходишь отъ очей нашихъ, свѣте нашъ! Какъ познаваешь западъ свой, незаходимое

Солнце! — Станьте носящіи Того, Кто держитъ весь міръ дланію! Станьте носящіи Того, Кто понесъ грѣховное бремя всего рода человѣческаго! Станьте носящіи Того, ради Кого остановились солнце и луна въ теченіи своемъ, когда увидѣли Его на крестѣ! — *Не браните* намъ *дѣтямъ приходити* къ Отцу, хотя уже и умершему; не браните чадамъ поплакать объ общемъ для всѣхъ Родителѣ, Который породилъ насъ кровію своею: дайте пролить хотя малыя слезы изъ очей надъ Тѣмъ, Кто источилъ для насъ изъ всего тѣла обильные потоки крови своей, а изъ ребра воду съ кровію! — О, что се вижу я, — видѣніе страшное и ужасное! Что се вижу? Вижу то, чего отъ вѣка не видали очи праотцевъ. Ибо кто когда видѣлъ Бога обнаженнаго, біеннаго, терніемъ увѣнчаннаго, оцтомъ съ желчію напоеннаго, гвоздями и копіемъ насквозь уязвленнаго и — умершаго? Ужаснися о семъ бояйся небо, и да подвижатся основанія земли! Что се вижу? Бога бездыханнымъ, Жизнодавца мертвымъ, свѣтъ померкшимъ, сладость огорченною, *краснѣйшаго добротою паче сыновъ человѣческихъ* вижу *не имущимъ вида ниже доброты*, но *видъ Его безчестенъ, умаленъ паче сыновъ человѣческихъ!* Вижу пречистое, преблагословенное, неизреченно рожденное отъ пречистой, преблагословенной Дѣвы, тѣло Христа моего все окровавленнымъ, все изъязвленнымъ, истерзаннымъ какъ вретище, отъ ногъ до главы не имѣющимъ цѣлости! — Изъязвлена пречистая глава, — глава, которая премудростію своею все устрояетъ, всѣмъ управляетъ, которая изобрѣла дивныя средства для спасенія человѣка, не имѣвшаго никакой надежды къ спасенію, — сія глава изъязвлена колючимъ терніемъ до мозга. Нынѣ видимъ событіе словъ Божіихъ, древле сказанныхъ человѣку: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, терніе и волчцы возраститъ тебѣ* (Быт. 3, 17, 18). Вотъ окаянная земля возрастила терніе на главу моего Іисуса! — Потемнѣли очи, — очи, которыя милосердо на всѣхъ взирали, любезно на всѣхъ смотрѣли, очи, отъ свѣтлаго взгляда которыхъ радовались любящіи Его, утѣшались печальные, обращались къ покаянію грѣшные: сіи очи теперь залиты кровію и слезами, покрыты смертностію! — Потемнѣло лице, — лице пречистое, пресвѣтлое, или, лучше, боговидное, которое на Ѳаворѣ сіяло какъ солнце, когда просіяла на Немъ слава божества: сіе лице теперь приняло безчестіе, оплеваніе, крѣпкіе удары рукою и все посинѣло. Сокрылась красота Твоя, о прекрасный, о прелюбезный! — Смолкли пресладкія уста, исполненныя

горечи оцта и желчи, — уста, изъ которыхъ изливались, потоками небесной сладости, слова сладчайшія меда и сота; умолкъ богоглаголивый языкъ: умолкла гортань божественнаго гласа; Слово Божіе познало молчаніе. Кто-же утѣшитъ плачущихъ? Кто словомъ исцѣлитъ больныхъ, воскреситъ мертвыхъ? Кто скажетъ грѣшницѣ: *отпущаются ти грѣси твои мнози?*—Изъязвлены руки, — руки, отъ прикосновенія которыхъ содрогалася смерть; руки, которыя были цѣлебнымъ пластыремъ для всякихъ недуговъ; руки, въ которыхъ немного хлѣбовъ умножилось съ избыткомъ для насыщенія тысячей народа. Сіи руки насквозь изъязвлены острыми, желѣзными, длинными гвоздями, отъ узъ посинѣли; руки, создавшія человѣка, отъ человѣка-же безчеловѣчно измучены! — Изъязвлены ноги, — ноги, ходившія по водамъ, какъ по суху; ноги, которыя омыла слезами явная грѣшница и отерла власами главы своей, и за то получила отпущеніе многимъ грѣхамъ своимъ; ноги, у которыхъ былъ-бы высшимъ во всемъ мірѣ тотъ, кто удостоился-бы быть подножіемъ ихъ. Эти ноги тоже насквозь прободены желѣзными, острыми, длинными гвоздями, *яко да омочится нога Его въ крови!*—Прободены живоносныя ребра Тому, Кто отъ ребра создалъ помощницу праотцу нашему Адаму. Сей небесный Женихъ зиждетъ нынѣ отъ ребра своего возлюбленную себѣ невѣсту, намъ любезную матерь, — церковь свою святую, искупленную кровію Его, *да породитъ многія чада водою и духомъ....* Два источника Господь источилъ отъ пречистыхъ ребръ своихъ, —источникъ крови и воды: вода для омовенія нашего, кровь для освященія нашего; вода для нашей жажды, кровь для нашего исцѣленія. Жаждущіе грядите на воду, болящіе душами и тѣлами приступите къ спасительной крови непорочнаго Агнца — Христа! Ибо не славою Его, а *язвою Его мы вси исцѣлѣхомъ...* — Предъ очами моими зрю Бога моего, язвами своими, какъ-бы устами, ко мнѣ говорящаго: «Я возлюбилъ тебя, возлюби и ты Меня. Ничего другаго отъ тебя не требую; только любви, любви твоей ищу. Я ради тебя родился; ради тебя отъ юности былъ въ трудахъ; ради тебя алкалъ, жаждалъ, постился, ради тебя пострадалъ, оцта и желчи вкусилъ; ради тебя родился, принялъ сіи язвы и умеръ. За все это Я ничего не желаю получить отъ тебя, только да любиши мя!» — *Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя! Господь утвержденіе мое и прибѣжище мое!* — И такъ иду и я вслѣдъ Тебя, вмѣстѣ со всѣми, о Іисусе— любовь, всякое желаніе побѣ-

ждающая! Ты тѣломъ, а мы сердцами нашими да погребемся вмѣстѣ съ Тобою. Гробомъ пречистому тѣлу Твоему да будетъ гробъ, а сердцамъ нашимъ да будутъ гробомъ и погребеніемъ пречистыя Твои язвы. Знаемъ, что Ты въ третій день изыдешь изъ гроба: но сердца наши да будутъ неразлучны съ пречистыми Твоими язвами, пока мы не вселимся въ гробъ нашъ. Ибо что можетъ быть вожделѣннѣе для сердецъ нашихъ, что любезнѣе, что сладостнѣе пречистыхъ язвъ Твоихъ, которыя мы слезными очами созерцаемъ, устами, хотя и недостойными, любезно прикасаемся, сердцами сладко лобызаемъ?...»

— По церковному краснорѣчію: высокопр. Филарета, митрополита Московскаго, *Бесѣда въ недѣлю православія при праздновании восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русс. пер. кн. 1); высокопр. Григорія, митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго: *Слово къ Казанской паствѣ* (Прав. соб. кн. 1); *Слово на новый годъ* (Хр. чт. февр.); *Слово, произнесенное предъ дворянскими выборами въ С. Петербургской губерніи* (ibid. апр.); высокопр. Никанора, покойнаго митрополита, *Рѣчь на новый годъ* (ibid. янв.); высокопр. Иннокентія, покойнаго архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, *Слово при погребеніи генералъ-фельдмаршала князя М. С. Воронцова* (ibid. мартъ); преосвящ. Елпидифора, епископа Вятскаго и Слободскаго, *Поученіе въ недѣлю 5-ю великаго поста* (ibid.); Кирилла Транквилліона, проповѣдника Кіевопечерской лавры, *Слово на богоявленіе Господне* (Воскр. чт. № 39); преосвящ. Анатолія, архіепископа Могилевскаго и Мстиславскаго, *Бесѣды на Евангеліе отъ Луки*, 1—5-я (ibid. № 45, 46, 47, 49, 50); архимандрита Іоанна, *Слово въ недѣлю православія и при торжествѣ вступленія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича* (Спб. Вѣд. № 70); *Слово на великій пятокъ* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русс. пер. кн. 1); *Бесѣда въ день св. пасхи на вечерни* (ibid.); *Слово на новый годъ* (Прав. соб. кн. 1); *Слово въ день св. пасхи* (Христ. чт. апр.); *Слово на новый годъ* (Воскр. чт. № 42); *Слово въ день срѣтенія Господня* (ibid. № 43); *Слово предъ исповѣдью* (ibid. № 48); *Слово по причащеніи св. таинъ* (ibid. № 51).

— «Бесѣда въ недѣлю православія». — Высокопреосвященный архипастырь слѣдующимъ образомъ объясняетъ значеніе торжества того дня, въ который произнесена имъ бесѣда: «Ревнители

православія, послушные церкви, взираютъ на торжество православія, какъ на торжество поучительное, исполненное утѣшительныхъ воспоминаній. Но тѣ, которые послушаніемъ церкви не ограничиваютъ свободы мудрствовать по своему усмотрѣнію, смотрятъ на церковное торжество православія съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Ихъ непріятнымъ образомъ поражаютъ нѣкоторыя строгія осужденія, провозглашаемыя среди церкви; и они спрашиваютъ: довольно-ли сообразно сіе съ кротостію и человѣколюбіемъ, свойственными христіанству? Чтобы разрѣшить сей вопросъ, да будетъ и намъ позволено предложить вопросы вопрошающимъ. Каждую недѣлю нѣсколько разъ вы слышите въ богослуженіи изреченіе Псалмопѣвца: *прокляти уклоняющійся отъ заповѣдей Твоихъ* (Псал. 118, 21.). Думаете-ли вы за сіе строгое служеніе обвинить боговдохновеннаго Псалмопѣвца въ недостаткѣ человѣколюбія? Читаете въ посланіи святаго апостола Павла къ Галатомъ, и слышите читаемое въ церкви изреченіе: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 9.). Думаете-ли обвинить боговдохновеннаго апостола въ недостаткѣ кротости? Если не можете не признать, что пророкъ и апостолъ произнесли строгія сужденія согласно съ данною имъ отъ Бога премудростію: то должно признать, что и нынѣ святая церковь тѣ-же сужденія произноситъ согласно съ тою-же премудростію. Надобно правильно понять намѣреніе премудрости: и тогда не будетъ казаться страннымъ дѣло ея. Когда законодатель за тяжкое преступленіе полагаетъ въ законѣ, и превозглашаетъ тяжкое наказаніе: скажете-ли, что въ сей строгости не достаетъ человѣколюбія? Напротивъ, есть человѣколюбіе въ самой строгости: строгое наказаніе полагается, во-первыхъ, для того, чтобы по возможности пресѣчь преступнику пути къ новымъ преступленіямъ, и слѣдственно сберечь отъ него добрыхъ людей; во-вторыхъ, для того, чтобы людей, которые не тверды въ добродѣтели и могутъ искушеніемъ быть увлечены къ преступленію, поддержать на добромъ пути страхомъ строгаго наказанія. Подобно сему надлежитъ разсуждать о дѣйствіи церкви, которое кажется усиленно строгимъ. Среди вѣрныхъ чадъ своихъ она встрѣтила людей, которые, по выраженію апостоловъ, *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ* (1 Іоан. 2, 19.), которые *вносятъ ереси погибели, искупльшаго ихъ Владыка отметающеся* (2 Петр. 2, 1.). Что̀ было дѣлать иначе, какъ развѣ отсѣчь зараженные и заражающіе члены отъ здраваго тѣла и сдѣлать сіе такъ

открыто, чтобы и зараженные злымъ ученіемъ удобно могли увидѣть свою погибель, прибѣгнуть къ всецѣлебному врачевству покаянія, и здравые въ вѣрѣ несомнѣнно знали, кого и чего должно имъ остерегаться, и какъ необходимо остерегаться бдительно. И сіе, какъ и все вообще, дѣластъ святая церковь, не по смоемыслію, но всегда на основаніи слова Божія и священнаго преданія. Она имѣетъ отъ самаго Христа Спасителя повелѣніе: *аще* кто *церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17.), то есть, да будетъ чуждъ Христовой церкви, а слѣдственно и сущей съ нею благодати. На семъ основаніи церковь не только можетъ, но и должна отлучать отъ себя людей *преслушныхъ* не только ей, но и самому Богу, въ священномъ писаніи глаголющему. И какъ-же исполняетъ она сей долгъ? Она не хочетъ отъ себя произнести тяжкаго слова: она произноситъ строгій судъ устами апостола Павла: *кто благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте*, кто проповѣдуетъ погибельное ученіе не вѣровать во единаго Бога въ Троицѣ, въ воплощеннаго Сына Божія Спасителя міра, кто отметаетъ провидѣніе и судъ Божій, *анаѳема да будетъ*». «Но православная церковь, исполняя тяжкій долгъ, не преминула воспользоваться и пріятною частію повелѣнія Божія: *да даси благословеніе.* Произнесши судъ на людей, которые угрожали ей разрушеніемъ, радостно *даетъ* она *благословеніе* тѣмъ, которые данными отъ провидѣнія Божія средствами споспѣшествовали и споспѣшествуютъ ея укрѣпленію, распространенію, миру».

— «Слово при погребеніи генералъ-фельдмаршала, свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова.» — Спѣшимъ украсить страницы нашего журнала отрывками изъ этого, одного изъ послѣднихъ прекрасныхъ плодовъ церковнаго краснорѣчія покойнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго. Могъ-ли думать онъ, что и его дни уже сочтены, открывая свое бесѣду слѣдующими словами: «Итакъ, моимъ слабымъ устамъ суждено обратить къ тебѣ, почившій въ Бозѣ князь, послѣднее на земли слово и воздать тебѣ послѣдній христіанскій долгъ! — Утѣшаясь столько времени и личною пріязнію твоею, и множествомъ лавровъ на главѣ твоей, я-же долженъ теперь быть провозвѣстникомъ и всеобщей скорби о кончинѣ твоей и собрать печальные кипарисы на гробницу твою!... Не трудно окружить ими гробъ маститаго героя и мудраго областеправителя: но какъ тяжело поднять руку, чтобы, по знаменательному уставу св. церкви, бросить—на проща-

ніе — горсть праха въ могилу твою!... О, здѣсь-то познаемъ во всей силѣ, въ какую неисходную глубину золъ низринуто грѣхомъ все падшее человѣчество, и какъ необходимо было для всѣхъ насъ явленіе на земли и во плоти Того, кто могъ сказать о Себѣ всѣмъ потомкамъ Адамовымъ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ. Вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. 11, 26)!» «Но — говоритъ далѣе архипастырь — воздавая тебѣ послѣдній на земли долгъ, не можемъ не воспріять и послѣдняго урока изъ жизни и дѣяній твоихъ; кончина подобныхъ тебѣ мужей не должна прейти безъ особеннаго назиданія для остающихся на землѣ. Знаемъ, что ты не любилъ похвалъ и не терпѣлъ звучныхъ отзывовъ о подвигахъ твоихъ: не услышишь ихъ и теперь! Скажется одно то, что можетъ служить во славу Божію и въ общее наставленіе каждаго. Въ этомъ, какъ христіанинъ, не можешь ты отказать намъ — изъ самаго гроба твоего!» Изображая внѣшній образовъ и описывая нравственныя качества почившаго, архипастырь говоритъ: «Кто изъ насъ усомнится сказать, что усопшій князь пріялъ отъ небеснаго Домовладыки не одинъ или два, а десять талантовъ? Это стройное сложеніе и крѣпость силъ тѣлесныхъ видимо предуготованы были для обширной и неутомимой дѣятельности и для безвреднаго перенесенія самыхъ тяжкихъ трудовъ. Этотъ глубокій, свѣтлый и проницательный умъ самъ собою стремился къ предметамъ возвышеннымъ, ища всюду и во всемъ того, что можетъ служить въ пользу общую. Это величіе духа, сила воли и постоянство характера, даже безъ внѣшнихъ побужденій, заключали въ самихъ себѣ рѣшимость на самые великіе и долговременные подвиги, — небоязнь никакихъ препятствій или опасностей. Это глубокое чувство порядка, благоустройства и благолѣпія, очевидно, нигдѣ не могло быть покойнымъ дотолѣ, пока не распространитъ порядка, довольства и радости вокругъ себя. Эта доброта сердца, мягкость нрава и тонкій вкусъ заранѣе обѣщали вседашнюю доступность, привлекательность въ обхожденіи и готовность къ оказанію всякому возможныхъ услугъ, ручаясь взаимно за всеобщее благорасположеніе и приверженность къ почившему. Присоедините къ сему, — что также есть даръ Божій, — полную независимость по внѣшнему состоянію, высоту такъ-называемаго положенія въ свѣтѣ, превосходное воспитаніе, возможность съ раннихъ лѣтъ видѣть самые лучшіе образцы во всемъ и постоянно находиться въ кругу людей, коихъ одно обхожденіе есть

уже наука: и вы, взирая на такое счастливое совокупленіе въ одномъ лицѣ и природныхъ даровъ и внѣшнихъ условій къ ихъ развитію, невольно ожидаете отъ будущаго дѣйствователя — человѣка необыкновеннаго. Таковъ и былъ почившій о Господѣ собратъ нашъ! Много пріялъ онъ отъ руки Господней; но немало и воздалъ съ лихвою небесному Раздаятелю талантовъ. Дѣла и труды его такъ велики и разнообразны, что въ лицѣ его работалъ и подвизался, кажется, не одинъ человѣкъ, а какъ-бы нѣкое собраніе лицъ, — и всѣ они преразумны и общеполезны, и всѣ достойны уваженія и любви!» Исчисленіе трудовъ кн. Воронцова витія начинаетъ съ военнаго поприща, какъ главнаго въ жизни почившаго, и говоритъ между-прочимъ: «Имѣя въ виду, какое множество предметовъ предлежитъ еще взору нашему, не будемъ, братія, утомлять вниманія вашего подробнымъ повѣствованіемъ о томъ, какъ почившій, по возстаніи съ одра своего (*), спѣшитъ настигнуть пламя войны, которое начало удаляться тогда отъ самыхъ предѣловъ отечества; не будемъ вести васъ за военнымъ поприщемъ его по всѣмъ извилинамъ той исполинской брани, которая, по возвратѣ изъ Москвы прошедъ чрезъ столько полей сраженій, чрезъ столько царствъ и народовъ, нашла себѣ конецъ не прежде, какъ въ стѣнахъ Парижа. На-сей-разъ довольно сказать, что не было ни одного великаго дня въ этой великой брани (а сколько было такихъ дней), гдѣ-бы почившій не оказалъ или своего, признаннаго всѣми, военнаго мужества и знанія, или своего, также никѣмъ неоспориваемаго, искусства вести дѣла и не военныя. Не можемъ однакожь не остановить вниманія вашего на томъ чрезвычайно-важномъ и рѣшительномъ дѣлѣ, гдѣ почившему надлежало стать съ воями своими лицемъ-къ-лицу противъ перваго въ свѣтѣ полководца, коего одно имя приводило въ страхъ и не робкихъ, и который чѣмъ ближе становился къ своему паденію, тѣмъ казался способнѣе и отважнѣе къ подавленію всего, ему противостоящаго. Это дѣло — Краонъ! — самый цвѣтущій и неувядаемый лавръ въ военномъ вѣнцѣ Воронцова! Чего тутъ не было противу насъ? И военный геній противника, и мужество и число его воевъ, и самое, общее и ему и имъ, отчаяніе: ибо подъ ногами ихъ начинала разверзаться бездна... Но ничто не могло помочь тому, кто былъ оставленъ самимъ Богомъ! Превосходный въ си-

(*) Послѣ раны, полученной въ Бородинскомъ сраженіи.



лахъ, сражаясь цѣлый день, не щадя никакихъ жертвъ, врагъ не могъ похвалиться ничѣмъ, кромѣ развѣ того, что не былъ обойденъ и уничтоженъ, какъ тому слѣдовало быть, еслибы и вожди союзныхъ ратей успѣли выполнить свой долгъ такъ, какъ выполнилъ его Воронцовъ. Въ сей рѣшительный день онъ, по признанію всѣхъ, былъ честію и красою Русской арміи. На поляхъ Краона могъ утвердиться колеблющійся вѣнецъ на главѣ повелителя Галловъ: и здѣсь-то именно онъ поколебался до того, что ничѣмъ уже не могъ быть утвержденъ и долженъ былъ вскорѣ упасть съ сей главы — единожды и навсегда!... Когда послѣ безразсуднаго покушенія этого, развѣнчаннаго уже, повелителя — возвратить себѣ, вопреки собственнаго отреченія, царственныя права надъ Галліею, надлежало оставить тамъ на нѣсколько лѣтъ часть нашей рати, и требовался военачальникъ, могущій, кромѣ военныхъ достоинствъ, представлять собою честь Русской арміи и не въ военномъ отношеніи: то это почетное званіе, какъ-бы само собою, пало на долю героя Краонскаго. Какъ успѣшно исполнилъ онъ сіе, не безтрудное во многихъ отношеніяхъ, порученіе, свидѣтельствуетъ и памятникъ признательности, поднесенный ему потомъ его подчиненными, и отзывы самыхъ Галловъ, кои, срѣтая ведомыя имъ войска, какъ непріятныхъ для себя стражей, разставались потомъ съ ними, какъ съ благодѣтелями и друзьями. Сей-то, безъ-сомнѣнія, военно-гражданскій подвигъ былъ главною причиною, что почившій князь съ поприща брани изведенъ вскорѣ державною волею на новое поприще — областеначальства, не отлагая впрочемъ и меча военачальническаго. Отселѣ, по тому самому, еще труднѣе будетъ слѣдовать намъ за дѣяніями его на двухъ поприщахъ вмѣстѣ, но будемъ слѣдовать: ибо сопровождаемъ его теперь, увы, въ послѣдній уже разъ на земли! Изъ здѣ стоящихъ многіе, безъ-сомнѣнія, помнятъ еще то время, когда на графа Воронцова возложено было главное управленіе нашимъ краемъ. Усомнится-ли кто изъ таковыхъ засвидѣтельствовать, что съ этого времени началась какъ-бы нѣкая новая пора для всей страны нашей, и особенно для здѣшняго града? Для общаго блага ихъ недостаточно было, какъ въ другихъ мѣстахъ, одного благоразумнаго управленія краемъ, одного направленія готовыхъ уже силъ и средствъ къ извѣстной цѣли. Нѣтъ, здѣсь для успѣха, кромѣ ума и усердія, требовалась въ правителѣ особенная высота души и сердца, требовалось нѣкотораго рода — творчество. И въ новомъ областена-

чальникѣ явился тогда какъ-бы нѣкій духъ зиждительный, отъ коего новой Россіи суждено пріять полную жизнь и опредѣленный образъ бытія гражданскаго, сообразный ея внутреннему составу и внѣшнему положенію. И много-ли времени потребовало для себя это гражданское творчество? Конечно, не шесть дней, какъ твореніе міра, но и не многихъ десятилѣтій, какъ въ другихъ странахъ. Впродолженіе не болѣе двадесятипятилѣтняго управленія почившимъ страною нашею, преспѣяніе оной по всѣмъ частямъ возрасло до того, что могло послужить недавно, какъ вѣдаете, для руки державной неоскуднымъ матеріаломъ къ составленію четырехъ прекрасныхъ картинъ нашего края. Желаете-ли знать причину и, такъ сказать, тайну сихъ успѣховъ? Она была весьма проста и естественна: потому-то, безъ-сомнѣнія, такъ дѣйствительна и плодоносна. Первѣе всего, просвѣщеннымъ вниманіемъ начальническимъ, какъ-бы нѣкіимъ дыханіемъ живительнымъ, пробуждается по всему, пустынному еще, краю духъ жизни и самосознанія, духъ движенія и полезной предпріимчивости; каждому изъ пробуждающихся членовъ общества указують недостававшіе для общежитія и сродные краю предметы занятій и промышлености; разумнымъ начинателямъ оказывается благовременная помощь и всегдашнее поощреніе; чего не достаетъ дома, то заемлется немедленно изъ чуждыхъ странъ. Къ той-же великой цѣли — образованія новой Россіи направляются всѣ дѣйствія высшаго управленія. Здѣсь, братія мои, мы не кончили-бы до утрія, еслибы захотѣли подробно излагать всѣ дѣйствія почившаго областеправителя на пользу нашего края; но, поелику они гораздо извѣстнѣе вамъ, кои были ихъ личными свидѣтелями, нежели намъ, кои слышали о нихъ токмо издали: то со всею удобностію можно ограничиться указаніемъ только на самое главное». Вотъ какъ описываетъ архипастырь труды кн. Воронцова на Кавказѣ, которыми было заключено его служебное поприще: «Неукротимый Кавказъ потребовалъ новаго противъ себя военачальника: Монархъ требуетъ отъ правителя Новороссіи новой жертвы — принять на рамена свои этотъ великій подвигъ: и Воронцовъ, забывъ преклонность своихъ лѣтъ, оставивъ столь любимое и блистательно-проходимое имъ столько времени поприще, идетъ, куда призываетъ его гласъ Монарха, идетъ, облеченный новымъ высокимъ званіемъ намѣстника царскаго и сопутствуемый благожеланіями и надеждами цѣлой Россіи. Какъ должно было забиться сердце семидесяти-лѣтняго воина,

когда взору его открылись опять тѣ горы и дебри, среди коихъ, за полвѣка назадъ, началъ онъ изучать страшную, но необходимую науку брани! Здѣсь онъ долженъ былъ, такъ-сказать, дать отчетъ въ урокахъ предъ первоначальнымъ учителемъ своимъ Кавказомъ; и далъ оный такъ, что сѣдовласый учитель не могъ не остаться доволенъ своимъ, также убѣленнымъ отъ времени ученикомъ!... Въ-самомъ-дѣлѣ, надъ почившимъ въ это время какъ-будто повторилось въ исполненіи оное вдохновительное обѣтованіе пророка: *обновится, яко орля, юность твоя* (Пс. 42, 5). Послѣ необходимыхъ предварительныхъ обозрѣній, немедленно приняты всѣ мѣры, чтобы врагу продерзому и надменному не дать ступить ни шага далѣе. А дабы надолго отнять у него духъ и надежды, вскорѣ проникнуто съ оружіемъ въ рукахъ до самыхъ послѣднихъ его убѣжищъ, то есть, до самыхъ неприступныхъ ущелій и вертеповъ. Свидѣтель тому, кромѣ другихъ неприступныхъ мѣстъ, Дарго. Вы знаете, какъ громко раздалось паденіе его и по всему Кавказу, и по всей Россіи: громко и по причинѣ пораженія врага, считавшаго себя недосязаемымъ, и по той крайней опасности, коей, наряду съ послѣднимъ воиномъ, подвергалъ себя въ сію брань самъ военачальникъ. Поелику, кромѣ горъ, потоковъ и непроходимыхъ лѣсовъ, врагу всего болѣе благопріятствовала развлеченность нашихъ силъ и неудобность соединять ихъ скоро въ одномъ мѣстѣ по крайней трудности сообщеній: то, въ отвращеніе сего неудобства, непроходимые лѣса исчезаютъ, гребни горъ понижаются, глубокія дебри наполняются, ярость потоковъ обуздывается прочными переправами, и врагъ самъ начинаетъ подвергаться той внезапности, которою непрестанно угрожалъ намъ: гдѣ была отверстая дверь для татя, тамъ находитъ онъ твердыни, его поражащія. Такимъ-образомъ въ немногіе годы образуется цѣлая новая система дѣйствій военныхъ, состоящая въ томъ, чтобы держать врага въ замкнутомъ кругу, который, постоянно дѣлаясь уже, долженъ наконецъ сомкнуться надъ главою его и такимъ образомъ отнять у него возможность не только къ нападенію на насъ, но и къ самому существованію. Столь упорная брань и непрерывные подвиги военные не препятствуютъ между-тѣмъ для почившаго къ разнообразнымъ трудамъ на поприщѣ управленія гражданскаго. И за Кавказомъ, какъ у насъ, города и села возникаютъ вновь или принимаютъ лучшій видъ; всѣмъ частямъ края дается новое очертаніе и разумный обликъ; взаимныя отношенія

племенъ и сословій выводятся изъ неблаготворной темноты и вредной неопредѣленности; расширяются и углаждаются пути для торговли и промышлености; отнимаются преграды къ развитію народнаго духа и богатства, съ указаніемъ для сего мѣстныхъ источниковъ; полагается прочное начало къ усвоенію самой землѣ новыхъ полезныхъ произрастеній, и къ извлеченію изъ нѣдръ ея разныхъ сокровищъ, въ ней безплодно лежавшихъ. Кромѣ вещественнаго усовершенствованія всего края, дается благотворное движеніе уму и способностямъ: тамъ, гдѣ не знали почти другаго свѣта, кромѣ солнечнаго, начинаетъ разливаться, — и не изъ одного средоточія, — свѣтъ наукъ, озаряя собою, какъ солнце, не одинъ какой-либо классъ жителей, а всѣ сословія; тамъ, гдѣ почти не слышно было ничего, кромѣ печальныхъ извѣстій о завалахъ Казбека и Эльборуса, о набѣгахъ Лезгинъ и Чеченцевъ, начинаютъ быть слышимы, даже на туземномъ языкѣ, постоянныя вѣсти о событіяхъ домашнихъ и всемірныхъ, о всякаго рода полезныхъ изобрѣтеніяхъ. Кавказская природа, съ ея отличительными свойствами, подвергнута во всѣхъ видахъ постоянному наблюденію; нравы и характеръ жителей, мѣста, по чему-либо особенно примѣчательныя, описываются; древнія преданія и событія извлекаются изъ забвенія; туземная святыня возстановляется; родные краю языки и нарѣчія оживаютъ новою жизнію. Нѣтъ болѣе средостѣнія между обитателями по-ту и по-сю сторону Кавказа: и благодарные сыны Иверіи, видя столько знаковъ отеческой заботливости о судьбѣ ихъ, спѣшатъ отъ-сердца соединиться съ коренными чадами великаго отечества, въ единомъ и томъ-же духѣ любви и преданности къ Монархамъ. Отъ столь прилежнаго и обильнаго сѣянія, рукою искусною, въ странѣ, могучей и природою и духомъ, какой нельзя было ожидать богатой жатвы? Послѣ такихъ трудовъ — не кратковременныхъ, неутомимыхъ, разнообразныхъ, какъ отрадно было-бы главному дѣлателю взглянуть самому на рукояти плодовъ, имъ возращенныхъ? Но не напрасно произнесено нѣкогда Спасителемъ оное таинственное слово: *инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй* (Іоан. 4, 37). Въ то время, какъ все привязывало почившаго военачальника къ его Кавказу, и оконченные труды, и неконченныя предпріятія, въ-особенности новая, видимо приближавшаяся, небывалая по лютости своей, буря брани, которую если кто могъ срѣтить съ надеждою на успѣхъ, то онъ, — въ это время жестокій недугъ отъемлетъ у него тѣлесныя силы до того, что

принуждаетъ оставить поприще не только военачальника, но и областеправителя, удалиться даже навсегда изъ предѣловъ Кавказа, дабы искать исцѣленія за предѣлами отечества. Можете судить, что долженъ былъ чувствовать и какъ сокрушаться духомъ болящій герой, во все продолженіе этой ужасной по многимъ отношеніямъ брани! Въ-самомъ-дѣлѣ, вообразите: мирные оратаи, по всѣмъ краямъ отечества оставляя поля и плуга свои, спѣшатъ къ рати отечественной; а онъ, герой 1812 года, одинъ изъ побѣдителей Парижа, онъ — правитель тѣхъ самыхъ областей, гдѣ во всей силѣ разгарался пламень войны, — онъ въ это самое время долженъ былъ возлежать на одрѣ недуга и только молитвою и совѣтами участвовать въ подвигахъ своихъ собратій по оружію! Такое положеніэ было тяжелѣе для героя самой смерти; и оно-то, безъ-сомнѣнія, истощило до основанія елей жизни въ томъ свѣтильникѣ, который среди бурь всегда разгарался тѣмъ ярче и свѣтлѣе.... Какъ-бы въ нѣкое услажденіе этой предсмертной горести, почившему дано было вкусить и нѣсколько капель предсмертнаго утѣшенія. Таковымъ было постоянное и вполнѣ живое и дружелюбное участіе въ его тяжкомъ положеніи всего Дома царственнаго; таковымъ было его собственное потомъ душевное участіе въ торжествѣ царственномъ среди первопрестольной столицы; таковымъ было новое, самое высшее, званіе на поприщѣ воинскомъ, коимъ украшены при семъ случаѣ его заслуги; и, усомнимся-ли присоединить? — таковымъ, конечно, было самое возвращеніе его, хотя безъ тѣлесной крѣпости, но со всѣми силами памяти, ума и души, въ нашъ городъ. Ибо правительственной мудрости, военнымъ подвигамъ и прекраснымъ качествамъ души почившаго удивлялись вездѣ: но искренняя любовь и родственная привязанность къ нему преимущественно жили и навсегда останутся — въ Одессѣ.»

— «Слово въ недѣлю православія». — Слово это, по содержанію своему, такъ близко къ предмету нашего журнала, что мы позволяемъ себѣ помѣстить его вполнѣ. Вотъ прекрасныя мысли о сущности народнаго просвѣщенія, которыя архимандритъ Іоаннъ хотѣлъ внушить слушателямъ и внушаетъ потомъ читателямъ: «Народное просвѣщеніе, развитіе жизни общественной по современнымъ идеямъ гражданственности, промышлености, разнообразной изобрѣтательности,—вотъ къ чему въ настоящеее время направлены общія мысли и стремленія въ нашемъ отечествѣ. Какъ объ этихъ предметахъ и объ этихъ самыхъ

стремленіяхъ мыслитъ церковь? Благословляя всякое доброе начинаніе, призывая Бога въ помощь всякому общеполезному дѣлу, церковь однакожь вотъ какъ мыслитъ. Просвѣщеніе, которое представляется столь желаннымъ для Россіи, изъ какихъ источниковъ должно быть заимствовано? На какихъ началахъ основано? Будетъ-ли оно почерпнуто изъ чистыхъ источниковъ истины: изъ вышняго свѣта божественнаго откровенія, изъ озареннаго имъ здраваго разума, изъ науки, не поврежденной вольномысліемъ? Обращая взоры наши къ небу, чтобы созерцать его величественныя свѣтила, или углубляя взоры въ землю, чтобы изучать ея внутренніе составы и сокровища, разсматривая человѣка въ составѣ его души и тѣла, или разбирая малѣйшія частицы міроздація, будетъ-ли наше просвѣщеніе во всемъ этомъ не останавливаться на однихъ видимыхъ явленіяхъ, но открывать и познавать въ нихъ единую всезиждущую, всемогущую премудрость, изучать ея вышнія намѣренія и законы, чтобы побуждать насъ къ ихъ неуклонному исполненію и такимъ-образомъ сообщать намъ истинную мудрость? Прилагая науку и искусство, въ современномъ ихъ развитіи, къ дѣламъ житейскимъ, къ нашему общежитію, промышлености, торговлѣ и проч., позаботимся-ли о томъ, чтобы усиленное напраженіе этихъ дѣлъ не подавляло въ насъ безсмертнаго духа, чтобы науки и искусства служили и духу въ сродномъ ему развитіи, по идеямъ истины, добра и духовнаго, т. е. нравственнаго, изящества? Будетъ-ли усилена также ревность и къ собственнымъ наукамъ духа — духовнымъ? Будетъ-ли въ насъ просвѣщеніе глубоко и существенно, а не поверхностно и наружно, не такъ, чтобы въ общественномъ движеніи только кружились головы въ чаду образованной суетливости и чувственности, убивающей лучшія чувства души, или шумѣлъ-бы только бездушный пиръ, но чтобы надъ всѣмъ этимъ движеніемъ носился и господствовалъ духъ разумный, дѣятельный, христіанскій? Будетъ-ли просвѣщеніе, въ духѣ вѣры, приводить народу въ умъ и сознаніе не одни потребности внѣшняго быта, но и высокое достоинство человѣчества, тѣмъ очищать и возвышать его нравственность, обуздывать грубыя страсти, вести къ совершенству не одинъ разумъ, но и сердце, и волю, и всю жизнь дѣятельную? Если необходимо намъ заимствовать просвѣщеніе отъ другихъ народовъ, опередившихъ насъ на пути образованія умственнаго, то, по заповѣди апостольской: *вся искушающе, добрая держите*, будемъ-ли

заимствовать изъ другихъ странъ только одно доброе, истинное, не противное нашей вѣрѣ, нашему народному духу и священнымъ преданіямъ отечества? Вотъ просвѣщеніе, котораго можно и надобно желать Россіи. Но есть иное просвѣщеніе, и современное, которое, обольщая прелестями новизны, свободной мысли, движенія впередъ, привязываетъ умъ человѣка къ одной природѣ вещей видимой, вещественной, земной; а стремленія къ невидимому, духовному, небесному, отвергаетъ, какъ-бы отсталыя, обветшалыя и безплодныя. Отсюда въ наукахъ и въ самой жизни преобладаетъ матеріальное направленіе; отсюда подъ-видомъ просвѣщенія распространяется вольномысліе и ложь, попирается вѣра, потрясаются наилучшія убѣжденія ума и сердца въ религіи, нравственности, въ познаніи человѣка о мірѣ и самомъ себѣ. Вотъ, гдѣ можно сказать съ древнимъ мудрецомъ, *яко приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь!* (Еккл. 1, 18). Но Богъ да спасетъ отечество наше отъ этой тьмы лжепросвѣщенія. Къ-счастію, для Россіи есть своя самобытная школа и ограда истиннаго просвѣщенія — церковь православная, церковь съ ея божественнымъ ученіемъ, съ ея духовностію, съ ея духомъ, неизмѣннымъ въ первобытной чистотѣ и чуждымъ всякаго суемудрія, съ святою любовію къ отечеству, которое изначала она воспитала и возрастила въ своихъ нѣдрахъ. Доколѣ отечество сохранитъ свой духовный союзъ и единеніе съ церковію, дотолѣ пребудетъ въ немъ истинный свѣтъ и тьма его не обыметъ. Но горе, когда этотъ союзъ расторгнется! То развитіе жизни общественной, о которомъ такъ много нынѣ говорятъ, въ чемъ должно состоять? Предоставляя мудрымъ міра, по данной имъ мудрости, придумывать все лучшее для усовершенія жизни общественной, церковь наилучшее устройство этой жизни такъ разумѣетъ, — чтобы оно было основано не на произвольныхъ идеяхъ и отвлеченныхъ умозрѣніяхъ, можетъ-быть хорошихъ въ умѣ и пріятныхъ для воображенія, но непригодныхъ на дѣлѣ, — а на положительныхъ, неизмѣнныхъ началахъ, составляющихъ самое основаніе общественной жизни, ея крѣпость и силу, именно: покорности законамъ, преданности и повиновенія богоустановленной власти, строгости и ненарушимости общественнаго порядка; чтобы каждое сословіе и каждый членъ общества, въ званіи, *въ немъ-же званъ бысть* — Богомъ, рожденіемъ, властію, общественнымъ порядкомъ, *въ томъ да пребываетъ*, не посягая на права, ему не принадлежащія, не усиливаясь войдти въ состояніе, для него недоступное, и, какъ

говоритъ пророкъ, предрекая худыя и бѣдственныя времена, не были-бы *людіе*, *аки жрецъ*, *и рабъ*, *аки господинъ*, *и раба*, *аки госпожа*, *купуяй*, *яко продаяй*, *и взаимъ емляй*, *яко заимодавецъ* (Ис. 24, 2); чтобы всѣ и каждый стремились не къ безумной свободѣ, такой, которая позволяла-бы всякому мыслить и дѣлать, что̀ и какъ хочетъ, но къ той разумной, нравственной свободѣ, которая безпрепятственно, безопасно, по убѣжденію сердца и по доброй волѣ, можетъ и желаетъ дѣлать одно доброе, хорошее, полезное для себя и для другихъ; чтобы во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ дѣлахъ, общественныхъ и частныхъ, царствовали правда, безкорыстіе, взаимное уваженіе и единодушіе, а не разномысліе, корыстолюбіе, несправедливость; чтобы къ лучшимъ и важнѣйшимъ мѣстамъ въ обществѣ, для истинной пользы его, вели прямые, даже узкіе пути, которыми можетъ проходить только истинное дарованіе и призваніе отъ Бога, трудъ и заслуга, честность и добродѣтель, а не широкіе или окольные пути, гдѣ можно пройдти и безъ этихъ преимуществъ; чтобы въ образованномъ обществѣ нравы облагороживались, а не буйствовали, пороки обуздывались, а не безстыдствовали, добродѣтель не унижалась, а возвышалась, удовольствія очищались, а не погружались въ грязь; чтобы во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ господствовали честное трудолюбіе, а не праздность, умѣренность, а не роскошь, ревность къ пользѣ общей, а не забота только о себѣ, духъ отечественный, а не иноземный — во всемъ: въ языкѣ, въ воспитаніи, въ нравахъ и въ образѣ жизни; наконецъ съ быстротою внѣшнихъ движеній общества, по желѣзнымъ дорогамъ и телеграфамъ, на пароходахъ и паровозахъ, также быстро развивалось-бы и внутри общества — не то, что̀ есть въ немъ худаго, а — все то добро, для котораго эти дивныя силы открыты намъ Богомъ, то-есть таланты и совершенства, народныя, общечеловѣческія, христіанскія, народное довольство и могущество, вѣрный миръ и прочное счастіе — въ отечествѣ и въ союзѣ народовъ. Не правда-ли, что для отечества нельзя пожелать ничего лучшаго? Пусть-же такія мысли и правила, именно такія, а не иныя, отъ края до края Россіи движутся по желѣзнымъ дорогамъ, передаются по телеграфамъ, слышатся въ голосѣ народномъ, выражаются въ письменности, въ наукахъ и искусствахъ, выработываются въ ремеслахъ, обращаются въ торговлѣ. Правда и то, что такія идеи не новы для Россіи: онѣ искони существуютъ въ ней; онѣ внѣдрены въ самомъ духѣ ея,

въ законахъ ея и правительствѣ. Но дай Богъ, чтобы новыя усовершенія въ жизни Россіи не колебали этихъ исконныхъ основаній ея, а сами на нихъ утверждались. Тогда совершенство и счастіе Россіи будетъ изъ ней самой, изъ собственнаго ея духа развиваться и будетъ истинно, твердо. Въ такомъ направленіи да благословитъ Господь Россію, и миромъ, благоустройствомъ и благоденствіемъ церкви и отечества да прославитъ царствованіе нашего возлюбленнаго Государя».

— По христіанскому ученію: *О крещеніи младенцевъ* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 1); *О мнимо-духовномъ христіанствѣ въ древнія времена церкви* (Прав. соб. кн. 1); *О надеждѣ, какъ добродѣтели христіанской* (Христ. чт. февр.); *Указанія въ природѣ человѣка на безсмертную жизнь его по смерти* (Воскр. чт. № 40, 42, 47, 49); *Объ отношеніи господъ къ слугамъ, по ученію Евангелія* (ibid. № 41); *Объ обязанностяхъ христіанина въ отношеніи къ церкви* (ibid. № 49, 50, 51).

— «О надеждѣ, какъ добродѣтели христіанской» — Вотъ общія понятія о надеждѣ, которыя развиваются въ настоящей статьѣ болѣе или менѣе подробно. «Надежда, въ первоначальномъ видѣ своемъ, составляетъ естественную потребность и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, принадлежность человѣческаго сердца, и состоитъ, вообще, *въ ожиданіи блага въ будущемъ.* Въ такомъ видѣ надежда есть (за весьма немногими несчастными исключеніями) общее достояніе всѣхъ людей и имѣетъ цѣну, какъ опора дѣятельности человѣческой, какъ средство охраненія спокойствія душевнаго. Но въ этомъ видѣ она не имѣетъ достоинства нравственнаго, не есть добродѣтель, хотя можетъ сдѣлаться порокомъ и грѣхомъ, когда: а) *ожиданіе* утверждается на основаніяхъ ложныхъ; б) *блага*, составляющія предметъ ожиданія, суть блага, только воображаемыя или недостойныя человѣка; в) предѣлы *будущаго*, въ которомъ ожидаются блага, опредѣляются произвольно и неправильно, будучи чрезмѣрно расширяемы, или стѣсняемы. Въ достоинство добродѣтели возводитъ эту естественную потребность и принадлежность сердца человѣческаго только христіанство, которое а) самой надеждѣ сообщаетъ надлежащій видъ и нравственное значеніе; б) христіанину-же открывается возможность — собственнымъ, свободнымъ трудомъ, при помощи благодати Божіей, усвоить себѣ надежду, какъ личное достояніе, какъ заслугу предъ Богомъ. *Порожденный въ упованіе живо* (1

Петр. 1, 3), христіанинъ имѣетъ для своей надежды непоколебимую опору — въ Богѣ и Господѣ Іисусѣ Христѣ, достойный и вѣрный предметъ — обѣтованія Евангелія. Такимъ-образомъ надежда его, сама-по-себѣ, становится уже *разумною:* такъ-какъ имѣетъ твердыя основанія и опредѣленный предметъ; свойствомъ сердца, поистинѣ, *добрымъ:* такъ-какъ она уже не безотчетна, подобно надеждѣ человѣка, остающагося въ состояніи естественнаго поврежденія, а направлена къ предметамъ, достойнымъ человѣка, какъ существа разумнаго и нравственнаго; *дѣломъ богопочитанія и внутренняго служенія Богу духомъ*: такъ-какъ, въ союзѣ съ вѣрою, съ которою нераздѣльна, воздаетъ честь обѣтованіямъ Божіимъ, пріемлемымъ съ несомнѣнною увѣренностію, приноситъ въ жертву Богу самыя глубокія и живыя чувства души и освѣщаетъ мыслію о Богѣ всю дѣятельность христіанина, направляемую къ высшей цѣли — благоугожденія Богу въ чаяніи вѣчнаго спасенія. Это уже не есть безотчетное и болѣе или менѣе сомнительное и колеблющееся ожиданіе чего-то неизвѣстнаго, хотя и пріятнаго, въ неопредѣленномъ будущемъ; христіанская надежда есть *совершенное успокоеніе сердца въ Богѣ, въ несомнѣнной увѣренности, что въ будущемъ, ближайшемъ и отдаленнѣйшемъ, мы будемъ получать отъ Бога только одни блага, что въ настоящей нашей жизни Богъ непрестанно печется о насъ, устрояя наше благо, а въ будущей даруетъ намъ обѣтованное вѣчное блаженство.* Въ личную добродѣтель христіанина обращается надежда тогда, когда а) собственнымъ усиліемъ и трудомъ, при помощи благодати Божіей, христіанинъ прилагаетъ всѣ общія обѣтованія вѣры къ себѣ, какъ свое личное несомнѣнное, по предназначенію Божію, состояніе; когда, напримѣръ, съ вѣрою пріемля, что Богъ уготовалъ на небѣ блага, въ благодарномъ сердцѣ хранитъ убѣжденіе: «блага небесныя уготовалъ Богъ для меня» — убѣжденіе, въ которомъ заключается собственно отличіе надежды отъ вѣры. Къ этому первоначальному труду усвоенія надежды христіанской, чтобы быть ей личною добродѣтелью христіанина, необходимо присоединить б) трудъ утвержденія въ ней и постояннаго преуспѣянія: мысль о благахъ небесныхъ и вообще объ обѣтованіяхъ Божіихъ, даже самое желаніе ихъ не составляютъ еще добродѣ-[illegible] доколѣ не обратятся въ живое стремленіе къ ожидаемымъ [illegible] Высшую степень нравственнаго достоинства получаетъ [illegible]ъ христіанинѣ тогда, в) когда христіанинъ *живетъ* [illegible]

нимъ упованіемъ, когда ожиданіе чаемыхъ благъ обращается, чрезъ постоянное стремленіе и приближеніе къ нимъ, въ предвкушеніе ихъ, даже въ нѣкоторой мѣрѣ какъ-бы уже и въ наслажденіе ими.

— «Указанія въ природѣ человѣка на безсмертную жизнь его по смерти». — Въ первомъ письмѣ объ этомъ высокомъ и утѣшительномъ ученіи христіанской вѣры (*) предложены общія размышленія объ указаніяхъ въ природѣ человѣка на его безсмертную жизнь; въ напечатанныхъ нынѣ еще четырехъ письмахъ разсматриваются способности и силы души человѣка, изъ свойствъ и стремленія которыхъ раскрывается высшее назначеніе человѣка, далеко возвышающее его за предѣлы здѣшней жизни. Показавъ, что и въ низшихъ способностяхъ души — зрѣніи и слухѣ, находится назначеніе высшее, сверхчувственное, авторъ говоритъ: «Душа наша способна пользоваться и внѣшнимъ чувствомъ своимъ сообразно съ внутреннимъ настроеніемъ ея для жизни высшей, совершеннѣйшей. Къ-сожалѣнію, рѣдко и у не многихъ употрѣбляетъ она ихъ для этой цѣли, потому что сама слишкомъ погружена въ природу чувственную, и привыкла употреблять ихъ только для познанія міра земнаго, въ которомъ и поставляетъ главныя цѣли своей жизни. Но душѣ нашей и для познанія міра чувственнаго не дана-ли такая способность, близкая къ чувству внѣшнему, которая превышаетъ всю область этого міра? Таково именно наше воображеніе съ своими представленіями пространства и времени, простирающимся далѣе всѣхъ предѣловъ намъ извѣстныхъ. Для познанія одной земной области какъ не велика потребна мѣра въ нашемъ чувствѣ и воображеніи! Несравненно болѣе нужна мѣра для астрономовъ при обозрѣніи области звѣздной, доступной нашему простому и вооруженному зрѣнію: здѣсь разстоянія измѣряютъ уже не поперечниками земли, а цѣлыми разстояніями солнечными, а обращенія отдаленныхъ свѣтилъ — многими тысячами лѣтъ. Но все-же и здѣсь не нужна мѣра безпредѣльная, если душѣ назначено познавать только то, что не превышаетъ области чувствъ. Для чего-же мы, въ представленіяхъ пространства и времени, не знаемъ предѣловъ? — Извѣстны тѣ философы новаго времени, которые, имѣя въ виду эти представленія, превышающія всякое наше опытное познаніе, утверждаютъ вообще несообразность нашихъ представленій съ дѣйствительностію, и

(*) См. Журн. м. н. пр. ч. XCIV, отд. VI.



впадаютъ въ *идеализмъ*, то есть, совсѣмъ отвергаютъ дѣйствительность міра внѣшняго. Противъ такого мнѣнія достаточна та увѣренность здраваго и общаго разума, что есть высочайшій Устроитель міра нашего внутренняго и міра внѣшняго, и что Онъ не могъ произвесть такой несообразности въ своемъ твореніи, какую воображаютъ себѣ идеалисты. Для чего-же, скажутъ, такая видимая несообразность нашихъ представленій безпредѣльныхъ съ нашимъ опытомъ ограниченнымъ? Отвѣчаемъ: несообразность эту вы видите только потому, что не простираете взоровъ далѣе жизни настоящей! Но представьте, что есть жизнь другая, нескончаемая, и область этой жизни поистинѣ неизмѣрима. Представьте, что душѣ тогда откроется для созерцанія не только міръ чувственный, но и духовный, не имѣющій предѣловъ вещественныхъ, и протекутъ милліоны лѣтъ, или нѣчто подобное этому величайшему продолженію времени (ибо я не знаю, какъ и назвать продолженіе жизни въ вѣчности), а между-тѣмъ будутъ предстоять все новые и новые подобные періоды безконечно: не явно-ли, что тогда должны имѣть всю силу наши представленія пространства и времени безпредѣльныхъ? Такимъ-образомъ, созданное для безконечнаго созерцанія, око души нашей, имѣя эти представленія, и нынѣ является какъ-бы уже вооруженнымъ къ этому созерцанію, хотя нынѣ такъ мало пользуются этимъ вооруженіемъ. И такъ мы скажемъ философамъ-идеалистамъ: устремите вашъ дальновидный взоръ въ жизнь души будущую, и вамъ не нужно будетъ разъединяться съ міромъ дѣйствительнымъ, настоящимъ, потому что вы увѣритесь въ дѣйствительности міра будущаго, для котораго служитъ только преддверіемъ настоящій, и познаете совершенную сообразность устройства природы нашей съ предназначенною ей жизнію безпредѣльною. И на что долго, до потемнѣнія умственнаго ока, засматриваться на одну эту несообразность представленій безпредѣльнаго пространства и времени съ нашимъ ограниченнымъ опытомъ? — Мы найдемъ въ себѣ и другія подобныя несообразности, когда внимательнѣе разсмотримъ высшія силы и способности нашей души, и сравнимъ дѣйствія и стремленія ихъ съ потребностями жизни настоящей. Найдемъ, что эти стремленія восходятъ далеко выше и далѣе этой жизни. Поищемъ ихъ въ силахъ познавательныхъ и желательныхъ, поищемъ въ области самаго сердца нашего, котораго *больше*, какъ говоритъ Апостолъ, одинъ *Богъ* (1 Іоан. 3, 20). Тогда еще болѣе увѣримся, что

не тщетны наши чаянія жизни новой, безконечной, и что тамъ только — въ этой будущей жизни — полное разрѣшеніе всѣхъ нашихъ недоумѣній и примиреніе всѣхъ видимыхъ здѣсь несообразностей.» Обозрѣвая затѣмъ ближе внутреннюю дѣятельность нашей души, авторъ останавливается сначала въ области силъ ея разумно-познавательныхъ. «Главная основа всѣхъ нашихъ знаній — сознаніе разумное, или, какъ говорятъ философы, сознаніе самаго сознанія. Мы не только сознаемъ то или другое дѣйствіе на насъ предметовъ, но сознаемъ и то, какъ что сознаемъ, ставимъ себя выше явленій сознанія, можемъ управлять нашимъ сознаніемъ, а потому управлять и собою. Это даетъ намъ достоинство существъ личныхъ, и всѣмъ дѣйствіямъ нашимъ, совершеннымъ съ сознаніемъ разумнымъ, цѣну нравственную. При-семъ открывается, что душа наша обращена и къ міру внѣшнему и къ самой себѣ, и здѣсь-то, въ самой себѣ, распространяетъ свою неистощимую дѣятельность познавательную. Сего мало: при дальнѣйшемъ раскрытіи разумности, духъ нашъ сознаетъ въ себѣ нѣчто безконечно высшее и міра и самого себя, — это идея Безконечнаго, или представленіе Существа всесовершеннаго и вѣчнаго, свойственное нашему духу: это верхъ нашего сознанія разумнаго, и вмѣстѣ высочайшее побужденіе, устремляющее душу къ дѣятельности безпредѣльной. Таково вообще разумное сознаніе нашей души. Что-же, спросимъ, можетъ отнять его у нея? Смерть тѣла, быть можетъ, отниметъ у души сознаніе этого чувственнаго міра, потому-что отниметъ орудія чувства внѣшняго; но что и какъ отниметъ у нея чувство внутреннее, коимъ обращена она къ себѣ, и что можетъ угасить въ ней тотъ божественный свѣтъ, которымъ открывается ей самый Источникъ свѣта и жизни»? «Дивная способность — наша память! Въ ней слагаются представленія, понятія, чувствованія и самыя дѣйствія воли нашей, существуютъ какъ-бы внѣ сознанія, но близко къ нему, и потому опять являются въ немъ, когда вызываются или новыми представленіями и чувствованіями — часто противъ воли нашей, или силою разума и воли. Не одни предметы чувственные оживаютъ въ нашемъ сознаніи, но и сверхчувственные, возобновляются самыя отвлеченныя понятія и представленія, нисколько не зависящія отъ опыта. И только-ли возобновляются въ душѣ явленія прежнія? съ-тѣмъ-вмѣстѣ мы сознаемъ наше тожество личное, то есть, сознаемъ и то, что эти явленія точно были *въ насъ*, и что какъ они на насъ

дѣйствовали, такъ и мы дѣйствовали на нихъ. Это сознаніе нашего тожества личнаго особенно живо и сильно въ-отношеніи къ нашимъ разумно-свободнымъ дѣйствіямъ прошедшимъ, которыя вмѣняемъ мы сами себѣ въ достоинство или недостоинство. Какъ хотѣлось-бы намъ иногда нѣкоторыя дѣйствія наши совсѣмъ забыть или сдѣлать не нашими! Но они не-забываются; мы сознаемъ ихъ вмѣстѣ съ сознаніемъ самихъ себя: они сами дѣйствуютъ на насъ и тревожатъ наше сердце, угрожая нашему будущему. Такъ прошедшее наше входитъ опять въ наше настоящее, и приготовляетъ даже будущее. Не-видно-ли изъ сего, что душа человѣческая устроена не для одного настоящаго? Очевидно не только то, что въ ней есть возможность непрестаннаго будущаго, но и то, что эта возможность всегда осуществляется, и въ этомъ непрерывномъ осуществленіи состоитъ жизнь нашей души. Словомъ, сознаніе нашего тожества личнаго есть существенное, неотъемлемое свойство разумной души. Оно можетъ упраздниться только съ уничтоженіемъ ея, а кто допуститъ это уничтоженіе въ мірѣ Божіи, гдѣ и малѣйшая пылинка не можетъ уничтожиться, безъ всемогущества творческаго? Послѣ сего мы въ-правѣ сказать сомнѣвающемуся въ безсмертіи: смотри, человѣкъ! въ душѣ твоей все безсмертно, все живо, — не умерло и то, что погребено въ забвеніи: ибо всегда есть возможность забытому возвратиться въ сознаніе. Не думай, чтобы какая-либо внѣшняя, враждебная сила могла совсѣмъ отнять у тебя сознаніе бывшаго: ибо разуму и волѣ души твоей дана сила самимъ воскрешать въ сознаніи прошедшее. Не надѣйся и самъ ты что-либо упразнить въ твоемъ прошедшемъ: потому-что сила памяти и противъ воли твоей можетъ возобновлять все, что ей ввѣрено. Но ты сомнѣваешься въ непрерывности твоего будущаго потому, что видишь какую-то непреодолимую зависимость душевнаго сознанія отъ органовъ чувственныхъ? Нѣтъ этой непреодолимой зависимости: свидѣтельствуютъ о семъ тѣ высокія представленія въ душѣ твоей, какія не могли составиться никакимъ дѣйствіемъ чувствъ, не заимствованы ни отъ какого опыта, которыя выше всего чувственнаго, а нѣкоторыя выше даже нашего разума». «Самъ разумъ нашъ, конечно, не отъ чувства, а чувство для него то-же, что для художника орудіе. Художникъ имѣетъ въ себѣ другія силы, коими дѣйствуетъ на орудія, имѣетъ и свои намѣренія или цѣли, по которымъ располагаетъ дѣйствія орудій. Такъ и разумная душа

человѣческая имѣетъ высшія чувствъ силы и свои начала познавательныя, по которымъ образуетъ получаемыя отъ чувствъ впечатлѣнія, составляетъ понятія и сужденія. Оттого и являются въ насъ, когда хотимъ что-либо уразумѣть или познать, тѣ высшія представленія, которыя сообщаютъ извѣстный образъ и особенное направленіе представленіямъ чувственнымъ, — наприм. представленія всеобщности, единства, неизмѣнной сущности въ вещахъ, необходимой причины для каждаго дѣйствія, основаній для явленія и т. д. Явно, что все это не отъ чувствъ, внѣшнаго, или внутренняго, предметы коихъ всегда только частное, а не всеобщее, разнообразное, измѣняемое, а не единое и неизмѣнное. Гдѣ-же тутъ предполагаемая всецѣлая зависимость разума нашего отъ чувствъ? Художникъ и по разрушеніи орудія останется художникомъ, даже можетъ составить себѣ новыя орудія изъ другихъ или тѣхъ-же матеріаловъ. А что-же, если художникъ имѣетъ еще высшее полномочіе для художества и совершеннѣйшіе образцы: чего нельзя ожидать отъ него? Таковъ именно художникъ — наша душа, уполномоченная для познанія и чувственной и духовной природы высочайшимъ Художникомъ, который положилъ въ ней и образъ своихъ божественныхъ совершенствъ. Пусть теперь природа земная прекратитъ свое общеніе съ нами: не можемъ-ли мы, по существу души духовному, войти въ общеніе съ природою высшею, духовною, и тамъ раскрывать наше разумное сознаніе, независимо отъ настоящаго чувства нашего внѣшняго? Мы можемъ сказать съ апостоломъ: аще *земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы храмину нерукотворенну вѣчну на небесѣхъ* (2 Кор. 5, 1), — храмину, которую хотя не сама душа устроитъ, но которая будетъ сообразна съ ея природою, и для употребленія которой ей даны уже силы. Спросятъ: но есть-ли у души такая сила, неистощимая и многообъемлющая, чтобы могла вмѣщать и удерживать жизнь безпредѣльную? — Конечно, всю полноту жизни безконечной вмѣщаетъ въ себѣ одно Существо безконечное; но принимать свѣтъ этой жизни и быть какъ-бы зеркаломъ или органомъ для этого свѣта — можетъ и должна душа, сотворенная по образу вѣчно Сущаго. Не стремится-ли духъ нашъ къ безпредѣльному? Въ самыхъ познаніяхъ своихъ не обнаруживаетъ-ли жажды ничѣмъ въ мірѣ вполнѣ неудовлетворяемой? Всегда ищетъ онъ истины, во всѣхъ познаніяхъ своихъ сознаетъ слабость, недостатокъ и такое-то неу-

стройство. Между-тѣмъ никогда не можетъ отказаться отъ исканія совершенной истины. Не видна-ли здѣсь нѣкая внутренняя сила въ душѣ, влекущая ее къ вѣчному свѣтилу истины, какъ сила притяженія, сближающая планету съ солнцемъ вещественнымъ? Эту силу неистощимую, безсмертную всего яснѣе открываетъ въ душѣ, присущая ей, идея Всесовершеннаго, вѣчно Сущаго. Вотъ печать Всемогущаго, которою ознаменовалъ Онъ свое превосходнѣйшее твореніе, вотъ и то начало жизненное въ нашемъ духѣ, которому назначено раскрываться безпредѣльно! На-что тебѣ, человѣкъ, другія свидѣтельства о твоемъ безсмертіи, сверхъ этого свидѣтельства внутренняго? Когда есть вѣчный Источникъ жизни, и ты, сознавая въ себѣ идею Бога, сознаешь въ самомъ себѣ присутсвіе и дѣйствіе этого источника, то ты можешь смѣло сказать: живъ Богъ, жива и душа моя, какъ образъ Его и подобіе. А если ты еще, какъ христіанъ, сознаешь въ себѣ ближайшее и полнѣйшее дѣйствіе на насъ жизни Божіей, дѣйствіе самой безконечной благодати, то можешь повторить и слово апостольское, *извѣстихся,* — я совершенно увѣренъ, — *яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Римл. 8. 39).» Далѣе, обративъ вниманіе на область души нравственную и сердечную, авторъ между прочимъ замѣчаетъ: «Тотъ видъ нашего сознанія разумнаго, который называемъ совѣстію, сознаніе и закона для разумно-свободной дѣятельности нашей, и сообразности ея съ этимъ закономъ, поистинѣ, самое дивное свойство нашего духа. Вотъ мы и подсудимые и судіи въ одно время, обвиняемые, оправдываемые, и обвиняющіе, оправдывающіе самихъ себя (Рим. 2, 15); являемъ высшую власть надъ собою, и вмѣстѣ нисколько невластны измѣнить суда и приговора нашей совѣсти. Это дѣятельность *наша*, и однако выше нашего произволенія, выше и всякой другой дѣятельности нашей; это наша жизнь, для которой нѣтъ пищи ни въ чемъ, что питаетъ здѣшнюю жизнь. Сама-же совѣсть свидѣтельствуетъ, что чѣмъ выше земнаго и чувственнаго могу я поставлять себя, чѣмъ свободнѣе дѣлаюсь отъ узъ плоти и крови, тѣмъ возвышеннѣе и сильнѣе моя жизнь нравственная. Значитъ, душа наша не только можетъ жить безъ этой чувственности, ее унижающей, но тогда только и надѣется наслаждаться своею истинною жизнію, когда свергнетъ съ себя иго

чувственности. Есть въ насъ и другое, также дивное, сознаніе, — сознаніе потребности счастія, такое сознаніе, которое требуетъ, по-видимому, не отчужденія, а общенія природы нашей чувственной. Ибо не чрезъ нее-ли и для нея человѣкъ вначалѣ ищетъ счастія? И можетъ-ли душа радоваться или быть покойною и довольною всѣмъ, когда соединенная съ нею природа тѣлесная страждетъ и болѣзнуетъ? Подлинно, эта природа и врагъ нашъ и другъ. Нѣтъ суетнѣе и вреднѣе для души, какъ наслажденія чувственныя слѣпыя, незнающія мѣры,— эта *плоть похотствующая на духъ* (Гал. 5, 17); но нѣтъ и лучшаго орудія на землѣ для дѣятельности нашей въ обществѣ подобныхъ намъ, какъ здравое и крѣпкое тѣло, способное осуществлять внутреннія дѣйствія души въ мірѣ внѣшнемъ. Чего-же именно желаетъ духъ, когда хочетъ совлечься своей тяжелой чувственности? Желаетъ собственно не упраздненія природы чувственной, соединенной съ нимъ союзомъ тѣснѣйшимъ, освященнымъ силою и премудростію Божіею, а того, чтобъ чувственность не была болѣе игомъ для него. Душа, самая чистая и благолюбивая, была-бы очень довольна, еслибъ тѣло было всегда послушно ей, какъ она послушна закону Божію, и совершенно согласовалось въ своихъ силахъ и стремленіяхъ съ ея высшими стремленіями духовными. Въ этомъ согласіи двухъ частей существа человѣческаго состоитъ необходимое условіе полнаго счастія для человѣка. Ибо буду-ли я полный человѣкъ, когда останется одна моя душа, потерявъ навседа тѣло? И одною душею могу-ли наслаждаться счастіемъ, благостію Творца предоставленнымъ всему человѣку? Конечно, Всемогущій и Всеблагій можетъ восполнить все, чего не будетъ доставать душѣ моей: но согласно-ли съ Его премудростію сотворить людей на одно краткое время; а послѣ совсѣмъ упразднить этотъ дивный родъ существъ разумныхъ, это превосходное звѣно міровъ духовнаго и чувственнаго? А если суждено душѣ человѣка остаться безъ тѣла навсегда, то, очевидно, человѣка собственно тогда не будетъ, онъ будетъ совсѣмъ исключенъ изъ числа превосходнѣйшихъ твореній Божіихъ. И однакожь, скажутъ, тѣло наше разрушится и разліется по стихіямъ, ему сроднымъ. — Такъ! Это бываетъ, и мы всѣ это знаемъ. Но знаемъ-ли всѣ тайны Творческаго ума, Его высочайшія намѣренія о родѣ человѣческомъ? Знаемъ-ли, какъ стихіи составляютъ наше тѣло, потомъ, принявъ его въ себя, какъ и гдѣ хранятъ его части? (Ибо ихъ уничтожить онѣ не могутъ),—

Разумъ нашъ ничего здѣсь самъ собою опредѣлить не въ-силахъ, и потому долженъ благоговѣйно преклоняться предъ благовѣстіемъ откровенія, которое обѣщаетъ безсмертіе самому тѣлу человѣка. Эта высокая истина успокоиваетъ духъ нашъ, жаждущій блаженнаго безсмертія полнаго. Ею разрѣшаются всѣ недоумѣнія относительно земнаго, временнаго бытія человѣка и вѣчнаго назначенія его.»

— По церковной исторіи: ***Св. Нилъ, подвижникъ Синайскій*** (Приб. къ тв. св. отц. въ Русс. пер. кн. 1); ***Жизнь св. Іоанна Дамаскина*** (ibid.); ***О причинахъ раздѣленія главныхъ раскольническихъ сектъ (Поповщины и Безпоповщины) на многіе мелкіе толки*** (Прав. соб. кн. 1); ***Состояніе Русской церкви со-времени избранія митрополита Климента до митрополита Кирилла II*** (Христ. чт. янв.—мартъ); ***Письмо объ иконописаніи*** (ibid. мартъ); ***Календарь*** (ibid. мартъ); ***О книгѣ: «Сокровище христіанина, или краткое изложеніе главныхъ истинъ вѣры и обязанностей христіанина, съ присовокупленіемъ избранныхъ молитвъ»*** (ibid.); ***Чудесное исцѣленіе*** (ibid. апр.); ***Замѣчаніе на книгу: «Миссіонеры Русскіе въ Америкѣ»*** (ibid.); ***Пѣсни степеней*** (Воскр. чт. № 41, 52); ***Иконоборство*** (ibid. № 43, 45, 46, 47); ***Посланіе Ѳеодосія, архіепископа Новгородскаго, духовенству Устюжны Желѣзопольской*** (ibid. № 43); ***Благовѣрный князь Василько Константиновичъ Ростовскій*** (ibid. № 48); ***Канонъ великія субботы*** (ibid. 52).

— «Состояніе Русской церкви со времени избранія митрополита Климента до митрополита Кирилла II». — Здѣсь напечатаны три послѣднія главы обширнаго и весьма замѣчательнаго изслѣдованія, съ содержаніемъ котораго мы познакомили нашихъ читателей въ предшедшемъ обозрѣніи, а именно разсмотрѣны: церковное управленіе и преимущества духовенства, состояніе вѣры и нравственности и отношенія Русской церкви къ другимъ церквамъ. Вотъ нѣкоторыя черты нравственнаго состоянія нашихъ предковъ въ періодъ съ 1147 по 1240 годъ: «Главные недостатки, съ которыми еще надлежало бороться въ Россіи христіанству, были двухъ родовъ: одни происходили отъ существовавшаго нѣкогда въ Россіи язычества, другіе поддерживались и раскрывались преимущественно подъ вліяніемъ господствовавшаго духа времени. Недостатки перваго рода замѣтно начали теперь ослабѣвать. Мы встрѣчаемъ еще между Русскими христіанъ, которые, держась старыхъ обычаевъ, стави-



ли трапезы роду и рожаницамъ, хотя, быть можетъ, уже не понимали языческаго значенія этихъ рода и рожаницъ. Видимъ женщинъ, которыя, въ-случаѣ болѣзни своихъ дѣтей, носили ихъ къ волхвамъ, считая волхвовъ, очевидно, не за представителей язычества, а только за знахарей и врачей. Но ни лѣтописи, ни другіе достовѣрные памятники не показываютъ, чтобы оставались еще между Русскими такіе христіане, которые-бы открыто или тайно поклонялись своимъ прежнимъ, языческимъ богамъ и приносили имъ жертвы, увлекались внушеніями волхвовъ, явно враждебными христіанству, и возставали противъ пастырей церкви, какъ это случалось въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка. Напротивъ, на волшебство даже простой народъ смотрѣлъ уже непріязненно, и Новгородцы въ 1227 г. сожгли четырехъ волхвовъ по одному подозрѣнію ихъ въ чародѣяніяхъ. Далеко не въ прежней силѣ является и другой закоренѣлый обычай языческой старины, — обычай многоженства и вообще чувственной жизни. Въ запискахъ Кирика упоминаются люди, которые держали у себя тайно и явно наложницъ, и распутство представляется порокомъ самымъ распространеннымъ въ народѣ. Но уже не упоминается о людяхъ, какіе были во дни митрополита Іоанна II, написавшаго извѣстное «Церковное правило», которые имѣли у себя по нѣскольку женъ разомъ или перемѣняли ихъ по своему произволу, похищали себѣ женъ и вовсе не уважали церковнаго вѣнчанія, признавая его учрежденіемъ для однихъ князей и бояръ. Мало того. Лѣтопись разсказываетъ, что въ 1174 г. Галичане сожгли одну несчастную женщину, по имени Анастасію, бывшую наложницею ихъ князя Ярослава, а самого князя приводили къ присягѣ, чтобы онъ впередъ жилъ съ своею законною женою: до такой степени сдѣлались строгими къ распутной жизни и возвысились понятія о святости брачнаго союза! Недостатки, зависѣвшіе отъ господствовавшаго духа времени, — духа междоусобій, кровопролитія, жестокости, — не только не ослабѣвали, но по временамъ обнаруживались даже сильнѣе. Надобно однакожь замѣтить, что и теперь, какъ прежде, не смотря на преобладавшее направленіе къ междоусобіямъ и кровопролитію, голосъ вѣры и любви къ родинѣ часто возвышался въ сердцахъ нашихъ предковъ, и они старались прекращать свои кровавыя распри. Вспомнимъ только, какъ часто наши пастыри, по чувству своего долга или по желанію князей и народа, являлись посредниками между враждовавшими сторонами и именемъ вѣры

и любви успѣвали склонять ихъ къ примиренію. Между добрыми нравами и обычаями, которые насадило у насъ христіанство, одни оставались въ прежней силѣ, а другіе еще болѣе раскрывались и усиливались. Ревность къ построенію храмовъ Божіихъ и св. обителей была развита въ сильной степени: нѣкоторые князья и другіе достаточные люди созидали не по одной, а по нѣскольку церквей, не по одному, а по нѣскольку монастырей, — и важнѣйшіе города: Владиміръ, Новгородъ, Ростовъ были наполнены церквами и монастырями. Велико было также уваженіе къ пастырямъ церкви и иконамъ: сами князья обращались къ нимъ за совѣтами и наставленіями, слушались ихъ голоса, заботились о содержаніи ихъ, оказывали имъ подобающую честь въ разныхъ случаяхъ. Въ частности любовь и уваженіе къ монашеству выражались тѣмъ, что многіе даже изъ княжескихъ фамилій принимали на себя иноческій образъ, большею частію, предъ своею кончиною. Благочестивыя путешествія для поклоненія святынѣ сдѣлались у насъ довольно обыкновенными. Благочестивый духъ нашихъ предковъ обнаруживался и по случаю военныхъ событій, которыя были тогда такъ часты. Отправляясь на брань, князья и ихъ воины призывали на помощь Бога и иногда пріобщались св. Христовыхъ таинъ; впродолженіе брани при войскахъ носимы были св. иконы и кресты; по окончаніи битвъ, побѣдители приносили Богу торжественныя благодаренія. Но самыми главными, самыми господствующими добродѣтелями того времени были двѣ: это — вспомоществованіе церквамъ и монастырямъ, равно-какъ пастырямъ церкви, а во-вторыхъ — милосердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ. О каждомъ добромъ князѣ, о какомъ только говорятъ лѣтописи, непремѣнно замѣчаютъ, что онъ былъ милостивъ къ нищимъ, не щадилъ имѣнія своего для церквей и монастырей, снабдѣвалъ всѣмъ священниковъ и черноризцевъ и т. п. Особенно богатыя подаянія дѣлали князья во дни радости, по случаю какихъ-либо празднествъ, и въ дни скорби — предъ своею смертію или по-случаю кончины своихъ близкихъ и родственниковъ». Дабы доставить болѣе подробное и раздѣльное понятіе о добродѣтеляхъ того времени, авторъ перебираетъ нѣкоторые отзывы лѣтописей о нашихъ тогдашнихъ благочестивыхъ князьяхъ: ибо о другихъ лицахъ, къ сожалѣнію, почти ничего такого въ лѣтописяхъ не говорится. Судя по этимъ отзывамъ, надобно допустить, что христіанское благочестіе было уже глубоко насаждено въ княжескихъ семействахъ

и что во всѣхъ удѣлахъ, на всѣхъ престолахъ являлись по-временамъ князья истинно-добрые и благочестивые.

— Изъ назидательныхъ размышленій укажемъ на слѣдующія: *Разговоръ между двумя крестьянами — Боголюбовымъ и Міролюбовымъ о томъ, какъ должно проводить праздничные и воскресные дни* (Христ. чт. янв.); *Письмо къ отчуждившемуся отъ православія* (ibid. янв.); *Страшный судъ* (ibid. февр.); *Бесѣда священника съ отцомъ и матерью у колыбели младенца* (ibid.); *Тайна всегдашней радости* (ibid. апр.); *Мысли при наступленіи новаго года* (Воскр. чт. № 39); *На текстъ: «Востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ»*. Ефес. 5, 14 (ibid. № 40); *Духовныя наставленія монаха Іоанна пречестной монахинѣ Θеодорѣ* (ibid. № 42); *Θотія, святѣйшаго патріарха Константинопольскаго, утѣшительное посланіе къ брату своему, патрицію Тарасію, по смерти его дочери* (ibid. № 44); его-же *Утѣшительное посланіе къ Евсевіи, начальницѣ монастыря, по смерти сестры ея* (ibid. № 51); *Радость благовѣщенія* (ibid. № 50).

— «Бесѣда священника съ отцомъ и матерью у колыбели младенца». — Въ этой статьѣ заключается много прекрасныхъ мыслей о первоначальномъ воспитаніи дѣтей, которыя необходимо усвоить всѣмъ родителямъ. — «Съ тѣмъ—говоритъ священникъ — что несправедливо называютъ матери любовью къ дѣтямъ, связывается у нихъ еще мечтательность, не приносящая добра никому, дѣлающая зло и матери, и дитяти. Кто знаетъ или, можетъ-быть, вѣрнѣе, кто не знаетъ, сколько истины въ тѣхъ примѣтахъ, какія дѣлаютъ матери при первыхъ минутахъ жизни ихъ дитяти; въ тѣхъ заключеніяхъ, предположеніяхъ и надеждахъ, какія извлекаютъ онѣ чуть не изъ каждаго взгляда неосмысленныхъ еще глазъ, чуть не изъ каждаго инстинктивнаго движенія губъ, рукъ, головы младенца? А на этихъ примѣтахъ, на этихъ предположеніяхъ и надеждахъ утверждается все, чѣмъ хотятъ послужить матери дѣтямъ! Сколько мукъ для дитяти! Сколько искусственныхъ потребностей и навыковъ въ немъ развиваетъ слѣпая мечтательность матери! Сколько мукъ для самой матери, когда произвольныя мечты ея разлетаются въ-прахъ при возрастѣ младенца, обнаруживающаго въ себѣ то, чего въ немъ не предполагали, между-тѣмъ-какъ не видится въ немъ ничего изъ того, чѣмъ въ немъ любовались заранѣе — въ воображеніи!.. Не упоминаю уже о самой важной, о самой страшной ошибкѣ, какой подвергаютъ

себя мечтательныя матери, хотя священнику и простили-бы, еслибъ онъ сказалъ: поостерегись мечтать не только о совершенствахъ, но и о жизни своего дитяти; давая жизнь, ты не составила договора со смертію; возможно и продолженіе жизни, возможно и приближеніе смерти; готовь себя и дитя къ тому и другому». На возгласъ матери, что она не перенесла-бы такого несчастія, священникъ продолжаетъ: «Я слышу въ этихъ словахъ только подтвержденіе мысли, что вы вполнѣ раздѣляете съ другими матерями ихъ недостатки и не съумѣете, какъ должно, исполнить свой долгъ въ-отношеніи къ дѣтямъ вашимъ. Таковы нынѣ матери, именующія себя христіанками. Вступая въ бракъ, онѣ видятъ въ бракѣ только средство къ своему пристройству, можетъ-быть даже иногда, и средство къ пріобрѣтенію большей свободы въ жизни. Безъ живаго сознанія долга, безъ надлежащаго уваженія къ себѣ, какъ супругѣ, хозяйкѣ дома, матери семейства, съ однимъ самолюбіемъ и жаждою удовольствій въ жизни, чуть не дитятею смотритъ молодая жена въ домѣ мужа, требуя только угодливости. Становясь матерью, она переноситъ на новыя свои обязанности тотъ-же взглядъ, тѣ-же убѣжденія, съ какими принимала на себя обязанности супруги, и къ своему младенцу прилагаетъ требованія, которыя считала правильными въ-отношеніи къ мужу и со-стороны мужа въ-отношеніи къ себѣ, — требованія — служить забавою для другихъ, средствомъ для удовольствія другихъ. И вотъ начинается круговоротъ фальшивыхъ отношеній, рядъ мечтаній и ошибокъ, которыя впослѣдствіи оканчиваются взаимнымъ неудовольствіемъ, какой-бы ни былъ исходъ. Мать, лелѣя въ дитяти свою собственную мечту, по-своему рисуетъ его будущность и свойства и къ мечтамъ своего собственнаго воображенія приспособляетъ и свои надежды, и свои пріемы первоначальнаго воспитанія. Дитя, самолюбивое по природѣ, остается совершенно въ-сторонѣ съ своими свойствами и наклонностями, которыя крѣпнутъ вдали отъ всякаго надзора, а съ своей стороны, по мѣрѣ возраста, присматриваясь къ образу дѣйствій своей матери, непонятному для него, составляетъ о матери и своихъ отношеніяхъ къ ней свои понятія, часто совершенно ложныя, иногда и не безвредныя съ перваго раза: какого добра ждать отъ ребенка, привыкшаго въ матери видѣть чуть не рабыню или существо болѣзненно-чувствительное, которое можно на все склонить, всегда обмануть лаской, хотя-бы

и притворной? Время, скрывающее всѣ недостатки такихъ отношеній между матерью и сыномъ, можетъ безжалостно открыть эти недостатки и возбудить взаимное недовѣріе и недовольство между матерью и сыномъ. Начнутся вопли, ропотъ, обвиненіе всѣхъ и всего. А кто виноватъ? дитя-ли»? «Природа въ-отношеніи ласкъ обезпечиваетъ младенца вполнѣ, точно такъ-же, какъ обезпечиваетъ птенца, согрѣваемаго подъ крыломъ матери. Но зачѣмъ люди, одаренные разумомъ, употребляютъ свой человѣческій смыслъ на изобрѣтеніе искусственныхъ ласкъ и забавъ для дитяти, которое стоило-бы лучшихъ заботъ? Зачѣмъ, несмысленно обманывая себя, вводятъ въ заблужденіе дѣтей своихъ? Вы трепещете, когда приходитъ вамъ на мысль, что этотъ самый ребенокъ, который такъ весело рѣзвится теперь на вашихъ рукахъ, можетъ завтра заболѣть отъ тысячи неуловимыхъ причинъ, и судорожно укрываете его отъ перемѣнъ воздуха, отъ недобраго глаза? Зачѣмъ-же не подумаете, что этотъ самый ребенокъ, который теперь такъ невиненъ, можетъ впослѣдствіи проявить самыя злыя свойства, и вмѣсто-того, чтобы изучить его свойства, чтобы худое исправить, сами пробуждаете въ немъ безъ разбора всевозможныя движенія душевной жизни — въ собственное утѣшеніе; балуете, разслабляете его душу своими безразсудными нѣжностями, забывая правило, какого сами держитесь въ-отношеніи къ его тѣлесному здоровью, когда ограничиваете количество лакомствъ и сластей, къ которымъ боитесь пріучить свое дитя во-вредъ его здоровью? Вы не насилуете тѣлесныхъ силъ вашего дитяти, не вынуждаете у него перваго шага или перваго слова; вы, съ другой стороны, не предоставляете одной природѣ учить ваше дитя — ходить или говорить, но сами помогаете ему, сами управляете первыми движеніями, или первою рѣчью вашего младенца? Зачѣмъ не дѣйствуете вы такимъ-же образомъ и по-отношенію къ его душѣ? Отчего не придетъ вамъ на мысль, что преждевременное пробужденіе чувствованій и ощущеній болѣе вредно, чѣмъ усилія заставить дитя проползти по полу прежде времени? Отчего воображаете вы, что проявленія силъ души должны только забавлять васъ и не требуютъ управленія хотя-бы наравнѣ съ первыми движеніями ногъ ребенка? Прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ и прямо указать, какой порокъ въ молодомъ человѣкѣ отъ какой произошелъ ошибки въ первоначальномъ вос-

питаніи, очень трудно. Но не трудно понять, что изъ младенца, нравственно-разслабленнаго съ первыхъ лѣтъ, не можетъ выдти впослѣдствіи человѣка крѣпкаго духомъ, точно такъ-же, какъ не можетъ выдти здороваго человѣка изъ дитяти, которое испорчено въ дѣтствѣ лакомствами, или разными, вовсе не нужными, возбудительными или врачебными веществами. По-моему, величайшую ошибку дѣлаютъ родители, которые думаютъ, будто у колыбели младенца думать о немъ и его будущности — рано. Рано думать о томъ, какъ онъ будетъ уменъ и красивъ, какъ онъ будетъ счастливъ; рано заготовлять для него съ усиліями богатое наслѣдство, которымъ онъ, можетъ-быть, выросши, не съумѣетъ воспользоваться, злоупотребитъ къ безчестію имени, къ погибели души. Но позаботиться о судьбѣ его души — очень не рано, когда онъ уже живетъ... Въ старыя времена начинали объ этомъ думать еще раньше. Христіане-супруги, я думаю, не скажутъ, что дурно поступали истинно-добрые супруги, когда, вступая въ бракъ по чистой цѣломудренной волѣ, озабочивались прежде всего призвать благословеніе Божіе на себя и свое будущее поколѣніе, молитвою освящали супружескій союзъ (Тов. 8, 5—8), молитвою испрашивали у Бога чадъ себѣ (1 Царств. 1, 11), которыхъ потомъ и старались сдѣлать, прежде всего, вѣрными слугами Богу». «Младенецъ вашъ — человѣкъ, съ начатками всякаго добра, какое вы знаете въ людяхъ, и съ зародышами всякаго зла, какое вы знаете въ людяхъ; съ предназначеніемъ къ безсмертію, которое будетъ его несомнѣннымъ достояніемъ, долго-ли онъ проживетъ здѣсь, или только нѣсколько дней, хорошо-ли будетъ жить, или злоупотребитъ жизнію, съ тѣмъ только различіемъ, что, если проживетъ хорошо, будетъ вѣчно блаженъ, а если худо, будетъ вѣчно страдать... Здѣсь нельзя шутить ничѣмъ. Избави Богъ пробудить наклонности злыя, не пробудить добрыхъ; избави Богъ въ дѣтствѣ вложить въ самую глубину души младенца сѣмена зла, или не прорастить начатковъ добра на свѣжей почвѣ души, способной къ добродѣтели, но способной и къ злу. Младенецъ вашъ — христіанинъ, сынъ и наслѣдникъ царствія Божія, со всѣми преимуществами и надеждами, но и со всѣми обязательствами сыновъ царствія Божія. Будетъ-ли онъ здѣсь долго жить, или нѣтъ, мы не знаемъ, — но тамъ уже вписано имя его, тамъ уже онъ непремѣнно будетъ или съ плодами оправданія во Хри-

стѣ, или съ тяготою вѣчнаго осужденія отъ своей совѣсти и отъ Бога. Будетъ-ли онъ въ жизни своей здѣсь тѣмъ или другимъ, какое-бы ни пришлось нести ему званіе и служеніе, какую-бы ни судилъ ему Господь судьбу, обѣты крещенія, обязательства совѣсти, условія спасенія будутъ всегда оставаться при немъ. Вотъ на что и должно быть устремлено съ перваго раза все вниманіе христіанъ-родителей. Положить начала нравственной жизни, начатки христіанскаго преуспѣянія въ душѣ юнаго христіанина: вотъ долгъ, предметъ заботъ, средство къ истинной заслугѣ предъ Богомъ для родителей-христіанъ; долгъ, который ложится на родителей съ первой минуты жизни ихъ младенца и остается неизгладимымъ; предметъ заботъ, одинъ, вполнѣ достойный родителей, какъ человѣковъ и христіанъ, и дѣтей, какъ человѣковъ и христіанъ; средство къ заслугѣ предъ Богомъ, незамѣнимое ничѣмъ! Признайте за собою этотъ долгъ здѣсь, надъ колыбелью вашего младенца, и держите память о немъ въ душѣ всегда: эта память, если не научитъ васъ, что̀ нужно сдѣлать для вашего младенца, по-крайней-мѣрѣ, будетъ держать васъ насторожѣ и удержитъ отъ многаго такого, въ чемъ вы впослѣдствіи могли-бы раскаяваться». «Будутъ воспитывать вашихъ дѣтей и люди, не тѣ только, кому придется учить ихъ тому или другому, не тогда только, когда дѣти ваши будутъ брать уроки въ томъ и другомъ; будутъ воспитывать ихъ всѣ люди, съ которыми сведетъ ихъ долгъ, служба, родство, пріязнь, знакомство, случайныя встрѣчи; будутъ воспитывать впродолженіе всей жизни, можетъ-быть, до самыхъ послѣднихъ минутъ ея, когда дадутъ умирающему послѣдній совѣтъ, добрый или не добрый, ко благу души или къ вѣчной погибели, когда пособятъ или помѣшаютъ приготовиться къ смерти, какъ должно. Законы общества, духъ современный, примѣры жизни, положительныя внушенія, случайная мѣна мыслей: все это будетъ средствомъ воспитанія вашихъ дѣтей. Ваше дѣло — подготовить ихъ къ этому порядку воспитанія. Вы знаете основы благоустроенной жизни въ обществѣ; разумѣете, что безъ покорности высшей власти, безъ уваженія къ правамъ, безъ довѣрія и любви къ ближнимъ въ обществѣ нельзя быть счастливымъ и полезнымъ: положите-же начало всему этому въ вашихъ дѣтяхъ. Пусть съ малолѣтства пріучаются они чтить вашу родительскую власть, уважать ваши права, съ довѣріемъ и любовью

смотрѣть на васъ и обращаться къ вамъ. Вамъ не передѣлать всего міра, вамъ не предупредить всѣхъ злыхъ вліяній, какимъ могутъ подвергнуться ваши дѣти вездѣ, — на школьной скамьѣ, въ обществѣ друзей, при всевозможныхъ столкновеніяхъ съ людьми; вамъ не указать имъ на цѣлую жизнь, съ кѣмъ и какъ вести и держать имъ себя, не предупредить всѣхъ ошибокъ, какія могутъ они сдѣлать впродолженіе жизни. Но въ вашей власти и силѣ — пробудить въ вашемъ ребенкѣ нравственную силу души, нравственное чувство, спасительное дѣйствіе совѣсти, которой надобно только имѣть довольно свободы, чтобы давать предузнавать зло тамъ, гдѣ оно издали къ намъ подкрадывается; чтобы предостерегать отъ зла, которое уже нападаетъ; чтобы удержать отъ зла, когда мы уже склоняемся къ нему; чтобы и при паденіяхъ удерживать на прежней стезѣ нравственно-доброй жизни или, при помощи Божіей, и возводить падающаго, путемъ покаянія, къ высшимъ степенямъ совершенства. Пріучайте вашихъ дѣтей съ малолѣтства всегда и во всемъ спрашиваться у своей совѣсти: судомъ совѣсти провѣрять свои дѣла и уважать ея голосъ и судъ болѣе всего. Какую вы твердую положите основу нравственной силы и характера въ душахъ вашихъ дѣтей! Какимъ прочнымъ оплотомъ оградите ихъ отъ неизбѣжныхъ искушеній въ жизни! Горькій опытъ жизни разбиваетъ въ-прахъ мечтательныя представленія юноши съ излишне-развитымъ воображеніемъ и съ искусственно-размягченнымъ и разслабленнымъ сердцемъ; зло, наводняющее міръ, который во злѣ лежалъ, лежитъ и будетъ лежать до явленія новаго неба и новой земли, легко прорываетъ хрупкую плотину нахваченныхъ на-лету чужихъ мыслей и понятій, незрѣлыхъ мечтаній молодаго ума, непрочныхъ порывовъ не установившейся воли; но все зло и вся злоба людская не въ-состояніи поколебать зданія духовной жизни, основаннаго на вѣковомъ камнѣ вѣры и закона Божія; они только закалятъ силу воли, они только возвысятъ благородство истинно-доброй души. Помятуйте всегда, что дѣти — не забава, а отвѣтственный даръ Божій; что воспитаніе — столько-же долгъ совѣсти, сколько, можетъ-быть, и искусство; что долгъ воспитанія, нравственнаго воспитанія — основы всей духовной жизни человѣка, прежде всего лежитъ на родителяхъ. Въ этихъ убѣжденіяхъ, сами не шутите дѣломъ воспитанія, слѣдите за собою; дѣти переимчивы: держите

себя такъ, чтобы они не видали отъ васъ и въ васъ ничего, кромѣ добра. Пусть надъ колыбелью младенца часто слышатся молитвенныя воздыханія матери и повторяется молитвенное осѣненіе руки отца. Пусть въ глазахъ отца и матери видитъ дитя одну любовь, но любовь отеческую и материнскую, строгую, разумную, такую, которую дитя можетъ цѣнить, но которой не можетъ требовать, не баловливую любовь угодливой няни, способную испортить нравъ дитяти, можетъ-быть, неисправимо. Вмѣстѣ съ возрастомъ дитяти пусть открывается предъ нимъ кругъ впечатлѣній и внушеній душепитательныхъ; пусть сближается оно съ церковію и любитъ церковь; пусть навыкаетъ въ молитвѣ: навыкъ, который всегда пригодится; пусть поставитъ себѣ въ долгъ повѣрять матери и отцу свои впечатлѣнія, мысли, желанія — безъ утайки, съ довѣріемъ, съ радостію, и судомъ матери и отца провѣрять свои впечатлѣнія, мысли, желанія. Увидите, какая крѣпкая выйдетъ душа, какъ свѣтла будетъ жизнь вашего дитяти, какъ радостна будетъ жизнь ваша!»

II. Философія.

Къ области философіи принадлежатъ слѣдующія статьи: *Отрывки, найденные въ бумагахъ И. В. Кирѣевскаго* (Русск. бес. № 1); *По поводу этой статьи*, А. С. Хомякова (ibid.).

— Отрывки, найденные въ бумагахъ покойнаго И. В. Кирѣевскаго, напечатаны въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ ихъ оставилъ авторъ, безъ перемѣнъ, безъ пополненій и безъ всякой попытки свести въ одно цѣлое разрозненныя мысли. Часть этихъ отрывокъ относится къ статьѣ: «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи», помѣщенной въ 1-й книгѣ «Русской бесѣды». Изъ этой статьи мы сдѣлали извлеченіе въ предыдущемъ обозрѣніи (*). Въ-дополненіе къ нашему извлеченію приводимъ здѣсь мнѣніе автора о характерѣ нашей образованности: «Древне-Русская, православно-христіанская образованность, лежавшая въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта Россіи, заложившая особенный складъ Русскаго ума, стремящагося ко вну-

(*) См. Журн. м. н. пр. ч. XCIV, отд. VI.

тренной цѣльности мышленія, и создавшая особенный характеръ коренныхъ Русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянно памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному, — эта образованность, которой слѣды еще досихъ-поръ сохраняются въ народѣ, была остановлена въ своемъ развитіи прежде, чѣмъ могла принесть прочный плодъ въ жизни или даже обнаружить свое процвѣтаніе въ разумѣ. На поверхности Русской жизни господствуетъ образованность заимствованная — возросшая на другомъ корнѣ. Противорѣчіе основныхъ началъ двухъ спорящихъ между собою образованностей есть главнѣйшая, если не единственная, причина всѣхъ золъ и недостатковъ, которые могутъ быть замѣчены въ Русской землѣ. Потому примиреніе обѣихъ образованностей въ такомъ мышленіи, котораго основаніе заключало-бы въ себѣ самый корень древне-Русской образованности, а развитіе состояло-бы въ сознаніи всей образованности западной и въ подчиненіи ея выводовъ господствующему духу православно-христіанскаго любомудрія, — такое примирительное мышленіе могло-бы быть началомъ новой умственной жизни Россіи. Хотя просвѣщеніе иноземное принадлежитъ почти исключительно высшему, такъ-называемому *образованному* классу Русскаго народа, а первобытное просвѣщеніе Россіи хранится, не развиваясь, въ нравахъ, обычаяхъ и внутреннемъ складѣ ума такъ-называемаго простаго народа, — однакожь противорѣчіе этихъ двухъ просвѣщеній отзывается равно вредными послѣдствіями на оба класса. Ни тутъ, ни тамъ нѣтъ ничего цѣльнаго, однороднаго. Ни иноземная образованность не можетъ даже принести тѣхъ плодовъ, какіе она приноситъ въ другихъ странахъ, ибо не находитъ для себѣ корня въ землѣ; ни коренная образованность не можетъ сохранять своего значенія, потому что вся внѣшняя жизнь проникнута другимъ смысломъ. Въ нравственномъ отношеніи такое противорѣчіе еще вреднѣе, чѣмъ въ умственномъ, и большая часть пороковъ Русскаго человѣка, которые приписываются разнымъ случайнымъ причинамъ, происходятъ единственно отъ этого основнаго разногласія Русской жизни. Самый образъ распространенія внѣшней иноземной образованности посреди Русскаго народа уже опредѣляетъ характеръ ея нравственнаго вліянія: ибо распространеніе это совершается не силою внутренняго убѣжденія, но силою внѣшней необходимости. Въ обы-

чаяхъ и нравахъ своихъ отцевъ Русскій человѣкъ видитъ что-то святое; въ обычаяхъ и нравахъ привходящей образованности онъ видитъ только приманчивое, выгодное или просто насильственно-неразумное. Потому обыкновенно онъ поддается образованности противъ совѣсти, какъ злу, которому противостоять не нашелъ въ себѣ силы. Принимая чужіе нравы и обычаи, онъ не измѣняетъ своего образа мыслей, но ему измѣняетъ. Сначала увлекается или поддается, потомъ уже составляетъ себѣ образъ мыслей, согласный съ своимъ образомъ жизни. Потому, чтобы сдѣлаться образованнымъ, ему прежде нужно сдѣлаться болѣе или менѣе отступникомъ отъ своихъ внутреннихъ убѣжденій. Какія послѣдствія должно имѣть такое начало образованности, легко отгадать заочно. Правда, до сихъ-поръ, слава Богу, Русскій народъ еще не теряетъ своей чистой вѣры и многихъ драгоцѣнныхъ качествъ, которыя изъ этой вѣры раждаются; но, по-несчастію, нельзя не сознаться, что онъ потерялъ уже одну изъ необходимыхъ основъ общественной добродѣтели — уваженіе къ святынѣ правды: ибо если есть какое зло въ Россіи, если есть какое неустройство въ ея общественныхъ отношеніяхъ, если есть вообще причины страдать Русскому человѣку, то всѣ онѣ первымъ корнемъ своимъ имѣютъ неуваженіе къ святости правды. Да, къ-несчастію, Русскому человѣку легко солгать. Онъ почитаетъ ложь грѣхомъ общепринятымъ, неизбѣжнымъ, почти не стыднымъ, какимъ-то внѣшнимъ грѣхомъ, происходящимъ изъ необходимости внѣшнихъ отношеній, на которыя онѣ смотритъ, какъ на какую-то неразумную силу. Потому онъ незадумавшись готовъ отдать жизнь за свое убѣжденіе, претерпѣть всѣ лишенія для того, чтобы не запятна своей совѣсти, и въ то-же время лжетъ за копейку барыша, лжетъ за стаканъ вина, лжетъ изъ-боизни, лжетъ изъ-выгоды, лжетъ безъ-выгоды. А между тѣмъ, лишившись правдивости слова, какъ можетъ человѣкъ надѣяться видѣть устройство правды въ его общественныхъ отношеніяхъ? Покуда онъ не возвратитъ въ себѣ безусловное уваженіе къ правдѣ слова, какимъ внѣшнимъ надзоромъ можно уберечь общество отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя только самимъ обществомъ могутъ быть оцѣнены, замѣчены и исправлены? — Одинъ изъ самыхъ прямыхъ путей къ уничтоженію вреда отъ образованности иноземной, противорѣчающей духу просвѣщенія христіанскаго, былъ-бы конечно тотъ, чтобы развитіемъ зако-

новъ самобытнаго мышленія подчинить весь смыслъ западной образованности господству православно-христіанскаго убѣжденія.»

III. Педагогика.

Въ текущемъ году наша періодическая литература пріобрѣла два изданія, посвященныя исключительно педагогикѣ, именно: Журналъ для воспитанія и Русскій педагогическій вѣстникъ, которые служатъ наилучшимъ доказательствомъ того, что вопросы о воспитаніи возбуждены у насъ въ сильной степени. Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, почитая вопросы сіи наиболѣе важными предметами своей программы, предположилъ особыми обозрѣніями знакомить съ содержаніемъ повременныхъ изданій, посвященныхъ педагогикѣ, и потому въ обозрѣніи журналовъ и газетъ будетъ указываемо только на тѣ педагогическія статьи, которыя появляются въ другихъ журналахъ и газетахъ. Въ обозрѣваемой періодъ въ сихъ изданіяхъ явились слѣдующія статьи: *Взглядъ на воспитаніе* (От. Зап. № 3); *О непрерывности занятій въ юношескомъ возрастѣ*. (Изъ общественной экономіи—къ статьѣ журнала «Морской Сборникъ»: *Вопросы жизни*), Р. (Сѣв. Пч. № 73); *Мысли и желанія относительно нашихъ женскихъ училищъ, или о женскихъ педагогическихъ школахъ въ Россіи*, В. В. Мстиславскаго (Моск. вѣд. № 5); *Мнѣніе г. Разина о преподаваніи Русской грамматики*, Н. П. Некрасова (ibid. № 14); *Объ училищахъ для дѣвицъ въ уѣздныхъ городахъ*. Письмо изъ Калязина (ibid. № 15); *Нѣсколько словъ по поводу мнѣнія г. Разина о преподаваніи Русскаго языка*, М. де-Пули (№ 29); *Еще нѣсколько мыслей о воспитаніи*, П. А. Валуева (Морской Сборн. № 2); *Что посѣешь, то и пожнешь*, Константина Микѣшина, (ibid. № 3); *Еще о воспитаніи*, Петра Гурьева (ibid.).

— «Мысли и желанія относительно нашихъ женскихъ училищъ.» — Въ этой статьѣ авторъ доказываетъ пользу и необходимость педагогическаго воспитанія для дѣвицъ, или, другими словами, необходимость учрежденія женскихъ педагогическихъ школъ въ Россіи. Нельзя не раздѣлять мыслей автора объ этомъ предметѣ. Вотъ что говоритъ онъ между прочимъ.... «Есть разныя цѣли, для достиженія которыхъ могутъ-быть учреждены тѣ или другія школы. Но есть также и одна общая всѣмъ имъ цѣль—*образованіе*, соот-

вѣтственно которой весь курсъ наукъ, проходимыхъ въ нашихъ женскихъ школахъ, можно назвать *образовательнымъ*. Но что-же далѣе? Всякій хорошій гимназистъ, по окончаніи гимназическаго или образовательнаго курса наукъ, идетъ въ университетъ и посвящаетъ себя или медицинѣ, или юриспруденціи, или математикѣ, или филологіи, словомъ, посвящаетъ себя изученію наукъ, которыя впослѣдствіи должны составить его спеціальность, наполнить всю его дѣятельности. Для женщины нѣтъ университета съ его факультетами. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что кругъ воспитанія женщины долженъ ограничиться стереотипною азбукою наукъ, предлагаемою ей въ школѣ подъ названіемъ грамматики, ариеметики, исторіи всеобщей, отечественной и даже естественной и т. п. — Нѣтъ высшаго связующаго эти науки начала, нѣтъ непосредственнаго, прямаго приложенія ихъ къ жизни. Удивительно-ли послѣ этого, что многія даже изъ лучшихъ воспитанницъ нашихъ учебныхъ заведеній, по выходѣ изъ школы, сами не знаютъ, на что имъ употребить свое образованіе, не прилаженное къ дѣйствительнымъ потребностямъ жизни и не скрѣпленное высшими началами знанія.» «Мы вовсе не думаемъ — продолжаетъ г. Мстиславскій — возвышать такъ напримѣръ реальныя школы на-счетъ общихъ образовательныхъ курсовъ. Первыя скорѣе можно назвать ремесленными или бухгалтерскими учебными заведеніями, и примѣненіе ихъ къ потребностямъ женскаго воспитанія ничтожно. Но надъ всѣми этими условіями и опредѣленіями возвышается образъ женщины, какъ матери и воспитательницы дѣтей, — и наука о воспитаніи — есть та желанная среда, въ которой только и могутъ окончательно развиться и окрѣпнуть умственныя и нравственныя силы 17- или 18-лѣтней образованной дѣвицы — среда, незнающая рѣзкихъ различій или ограниченій, и потому единственно возможная и необходимая для полнаго, правильнаго и цѣлесообразнаго образованія женщины. Цѣль эта можетъ быть легко достигнута посредствомъ обыкновенныхъ женскихъ училищъ, сближенныхъ по курсу преподаванія съ нашими гимназіями, если только, напр. два высшіе класса этихъ училищъ, шестой и седьмой, обращены будутъ въ спеціальное педагогическое заведеніе, по-крайней-мѣрѣ для лучшихъ воспитанницъ заведенія, по собственному ихъ избранію. Пусть эти воспитанницы-кандидатки, взамѣнъ древнихъ языковъ, ознакомятся съ общими началами анатоміи, физіо-

логіи и медицины (въ смыслѣ гигіены и діететики), разумѣется въ объемѣ доступномъ и необходимомъ для женскаго образованія, а счетоводство, бухгалтерію и прочія подобныя имъ науки реальнаго курса пусть замѣнятъ для нихъ психологія, антропологія, прикладная дидактика, иначе практическія занятія съ воспитанницами низшихъ образовательныхъ классовъ, разумѣется, въ предѣлахъ, назначаемыхъ самою педагогіею. Такимъ-образомъ ученіе о физическомъ и нравственномъ воспитаніи, въ-связи съ исторіею воспитанія у замѣчательнѣйшихъ народовъ и практическими упражненіями въ преподаваніи, вотъ предметы, занятіе которыми и возможно и необходимо въ нашихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ».

— «Еще нѣсколько мыслей о воспитаніи».—Въ этой статьѣ г. Валуевъ указалъ на пробѣлы и разрѣшилъ нѣкоторыя сомнѣнія и противорѣчія, которыя встрѣчаются въ статьяхъ о воспитаніи, помѣщенныхъ въ №№ 1, 5, 7, 9 и 10 «Морскаго Сборника» 1856 года. Надо отдать полную справедливость автору въ томъ, что онъ не только внимательно изучилъ означенныя статьи, но и съ знаніемъ дѣла разрѣшилъ нѣкоторые вопросы, которые были только указаны въ этихъ статьяхъ. Такъ, напримѣръ, вопросъ о нравственномъ воспитаніи въ школахъ, по нашему мнѣнію, разрѣшенъ имъ довольно удовлетворительно. «Гдѣ школа — говоритъ авторъ — которая гдѣ-либо и когда-либо была признана, по-преимуществу, разсадникомъ нравственнаго образованія? Школа — спеціальное орудіе для умственнаго воспитанія. Истинные нравственные воспитатели человѣка — три великія общины, къ которымъ онъ принадлежитъ: церковь, семейство, государство. Безпристрастное изученіе исторіи, кажется, приводитъ насъ къ слѣдующимъ общимъ предположеніямъ. Въ-отношеніи къ умственному развитію, младшее поколѣніе самостоятельно, и не только сохраняетъ въ себѣ плоды училищнаго образованія, но даже имѣетъ непосредственное вліяніе на поколѣніе старшее. Въ нравственномъ отношеніи, наоборотъ, старшее поколѣніе самостоятельнѣе младшаго и обыкновенно пользуется медленнымъ, но рѣшительнымъ на него вліяніемъ. Нравственное состояніе человѣческихъ обществъ, въ разныя эпохи ихъ исторіи, не представляетъ общаго вывода изъ условій предшедшаго тѣмъ эпохамъ или современнаго имъ училищнаго быта. Нравственный



бытъ народовъ есть результатъ всѣхъ предшедшихъ историческихъ данныхъ и событій, въ особенности-же всѣхъ явленій религіознаго и гражданственнаго развитія человѣчества. Анализъ этого результата объемлетъ множество разнородныхъ и разнозначительныхъ элементовъ, между которыми трудно оцѣнить, съ нѣкоторою точностью, элементъ училищный. Напротивъ-того, бытъ школъ ясно отражаетъ въ себѣ прошедшій и современный нравственный бытъ того общества, гдѣ существуютъ эти школы. Съ точки зрѣнія нравственнаго развитія человѣчества, бытъ школъ вообще есть болѣе послѣдствіе, чѣмъ причина, болѣе выводъ, чѣмъ посылка. Значеніе теорій нравственнаго воспитанія вообще преувеличивается. Главныя начала ихъ не могутъ быть спорными. Единственный источникъ истинной нравственности есть вѣра: слѣдовательно нравственное воспитаніе заключается въ религіозномъ воспитаніи. Нравственное образованіе и совершенствованіе есть всеобщая потребность человѣчества. Изъ этого уже слѣдуетъ, что удовлетвореніе подобной потребности не можетъ быть обусловлено многосложными системами, созданными для немногихъ и примѣнимыми только къ немногимъ. Нравственное воспитаніе, т. е. развитіе нравственныхъ началъ въ каждой отдѣльной личности, требуетъ, такъ-сказать, индивидуализированной заботливости о каждомъ воспитанникѣ. Этому условію труднѣе удовлетворять въ правительственныхъ и общественныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподавателямъ и воспитателямъ противостоятъ массы, — чѣмъ въ кругу семейномъ, гдѣ воспитанники вообще не составляютъ большинства и кромѣ того, по родственному сближенію съ воспитателями, удобнѣе подчиняются ихъ вліянію. По этому участію публичныхъ училищныхъ заведеній, въ нравственномъ образованіи юношества, оно вообще болѣе имѣетъ воспитательное и предохранительное свойство, чѣмъ созидательное. При дурномъ устройствѣ или дурномъ управленіи школъ, онѣ могутъ причинить болѣе непосредственнаго вреда, чѣмъ принести непосредственной пользы, при хорошемъ устройствѣ и хорошемъ управленіи. Это основано на томъ, что, по вступленіи на поприще дѣйствительной жизни, гораздо легче сохранить на немъ дурные плоды первоначальнаго образованія, чѣмъ удержать за собою хорошія. Тѣмъ важнѣе, съ одной стороны, отрицательныя достоинства школъ, т. е. отсутствіе положительно вредныхъ элементовъ въ ихъ устрой-

ствѣ и направленіи. Тѣмъ важнѣе, съ другой стороны, условія общественнаго быта, которыя встрѣчаютъ юношество при выходѣ изъ школъ и сопровождаютъ его на пути окончательнаго развитія его самобытности. Чтобы послѣдующее не было прямымъ отрицаніемъ предшедшаго, чтобы жизнь не противорѣчила приготовленію къ жизни, нужно, чтобы направленіе общественнаго быта хотя нѣсколько соотвѣтствовало направленію воспитанія. Младшему поколѣнію нужна помощь старшаго и нравственное совершенствованіе человѣчества, о которомъ говорятъ такъ много, не ограничивается поприщемъ педагогическихъ подвиговъ. Главные двигатели его на другомъ, болѣе обширномъ поприщѣ: церковь, законодательство, вліяніе правительства на всѣ условія общественной жизни. Изъ того, что умственное развитіе младшаго поколѣнія самостоятельнѣе и прочнѣе его нравственнаго развитія, слѣдуетъ, что значеніе педагогическихъ нормъ воспитанія преимущественно относится къ умственному образованію юношества. Въ кругъ этого образованія непосредственно входитъ образованіе гражданственное, т. е. возбужденіе и развитіе тѣхъ понятій и способностей, которыя необходимы человѣку, чтобы сдѣлаться полезнымъ членомъ государственной общины».

— «Что посѣешь, то и пожнешь».—Авторъ предлагаетъ воспитать ребенка, пріучая его постепенно съ самыхъ первыхъ дней его рожденія къ порядку, чистотѣ, бережливости, терпѣнію, правдивости и другимъ добродѣтелямъ, такъ-чтобы эти достоинства сдѣлались постоянною привычкою воспитываемаго человѣка. Нельзя не признать благодѣятельнаго вліянія предлагаемаго авторомъ *метода привычекъ* на нравственное развитіе человѣка. Но напрасно авторъ считаетъ этотъ методъ воспитанія новымъ: можетъ быть, о немъ мало или почти ничего не писали; но онъ извѣстенъ всѣмъ просвѣщеннымъ матерямъ семейства, только онѣ употребляютъ его *по-своему*, соотвѣтственно степени своего образованія, характеру и наклонностямъ, средѣ, въ которой онѣ живутъ, духу и направленію того общества, къ которому онѣ принадлежатъ, словомъ— всѣмъ условіямъ, опредѣляющимъ наше земное существованіе. Тѣмъ не менѣе Русская педагогія обязана благодарностію г. Микѣшину за то, что онъ первый указалъ на важное значеніе метода воспитанія посредствомъ хорошихъ привычекъ. Для успѣха этого метода, какъ и другихъ методовъ воспитанія, необходимо возвы-

сить женщину и поставить ее на ту высоту, которую указало ей Провидѣніе — быть достойною матерью и воспитательницею будущихъ поколѣній человѣческаго рода. Это сознаетъ и г. Микѣшинъ. Вотъ его слова: «Въ институтахъ, пансіонахъ, частныхъ школахъ и семействахъ надо внушать дѣвицамъ, что значеніе ихъ въ жизни есть одно изъ важнѣйшихъ на землѣ; что отъ нихъ современемъ будетъ зависѣть высокое нравственное развитіе человѣка, дающее ему право назвать себя вѣнцомъ всего творенія Создателя. Надо приготовлять дѣвицъ такъ, чтобы онѣ, когда имъ станутъ читать лекціи объ обязанностяхъ матери, не улыбались двусмысленно, не говорили-бы, что это не ихъ дѣло, что имъ знать объ этомъ не слѣдуетъ, что оно не прилично и проч. и проч., а сознавая всей душой чрезвычайную важность своего предназначенія, святости будущихъ обязанностей матери, чистоту этой высокой идеи, со всею готовностью вѣрили-бы въ полезную и необходимую цѣль подобныхъ наставленій и со всею любовію усвоили-бы благодѣтельные уроки ихъ. Иначе всѣ наши сужденія, всѣ планы о воспитаніи, всѣ статьи и книги на эту тему останутся вѣчно неразрѣшимою задачей. Каждая мать желаетъ, чтобы дѣти ея современемъ были прекрасными людьми; но, не имѣя нормальнаго понятія о воспитаніи дѣтей, онѣ приготовляютъ ихъ или по указанію своихъ чувствъ и догадокъ, или по примѣру знакомаго семейства, или по обычаямъ прежняго порядка, или наконецъ (и по большей части) никакъ не приготовляютъ. Такимъ-образомъ дитя ростетъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, не дѣлая никакихъ пріобрѣтеній для своего нравственнаго развитія, и наконецъ выходитъ человѣкъ безъ воли, безъ характера, съ отвращеніемъ къ труду, къ обязанностямъ своимъ, съ безпечностью во всемъ: или эгоистъ, сребролюбецъ, тщеславный гордецъ и въ то-же время мелкій, вѣтряный, пустой и вообще порочный человѣкъ». Совѣтуемъ всѣмъ образованнымъ дѣвицамъ и матерямъ внимательно прочесть статью г. Микѣшина, и запечатлѣть истины ея въ своей памяти и въ своемъ сердцѣ, а г. Микѣшину предложимъ развить идеи его въ большемъ объемѣ, пояснить ихъ примѣрами и издать отдѣльною книгою, чтобы она могла служить руководствомъ не только для образованныхъ, но и для просто-грамотныхъ женщинъ.

— «Еще о воспитаніи». — Въ этой статьѣ встрѣчаются весьма

дѣльныя замѣчанія на нѣкоторыя изъ главныхъ положеній статьи г. Бема о воспитаніи.

Дѣтская литература пріобрѣла слѣдующія статьи:

Въ Журналѣ для дѣтей: *Пустыня.* Повѣсть (№ 1); *Дерева-корни* (ibid.); *Южная и сѣверная поэзія. Эстонская пѣсня. Ивановъ день на островѣ Готландѣ, Три датскія пѣсни* (ibid.); *Бонинскіе острова. Ихъ положеніе. Первые жители на нихъ. Плодородіе и красота острововъ. Охота. Отъѣздъ* (ibid.); *Славяне. Ихъ жизнь и характеръ, образъ жизни и историческія воспоминанія. Чехи. Ихъ поэма: Забой, Славой и Людекъ* (№ 4); *Праздникъ Байока въ Римѣ* (ibid.); *Первыя слезы* (ibid.); *Утконосъ* (ibid.); *Авраамъ, Сарра и Агарь* (ibid.); *Плотникъ.* Повѣсть (ibid.); *Прометей и четыре вѣка* (ibid.); *Путешествіе по Кахетіи* № 3); *Изъ жизни Алжирцевъ и Кабиловъ* (ibid.); *Мадагаскаръ.* Изъ записокъ путешественника ibid.); *Пустыня въ жизни.* Повѣсть (ibid,); *Галубъ.* Стихотв. Пушкина. Разборъ (№ 4); *Нечаянная встрѣча* (ibid.); *Кофе* (ibid.); *Изъ жизни Гайдена* (ibid.).

Въ Лучахъ: *Молитва на Новый годъ*, А. Попова (№ 1); *Письмо къ другу дѣтства*, М. С. (ibid.); *Старая карета* (ibid. и № 2); *Письма объ А. С. Пушкинѣ.* 2 (№ 1); *Самуилъ Ганеманнъ, основатель гомеопатіи.* Съ Фр. М. С. № 1 и 2); *Младенецъ*, А. Михайлова (№ 2); *На отдыхъ*, Ивана Зюкова (ibid.); *Орденъ рыцарства* (ibid.); *Божій міръ*, Ивана Зюкова (№ 3); *Дикая роза*, его-же (ibid.); *Совершенная дѣвушка*, А. Вороновой (ibid. и № 4); *По прочтеніи псалма*, Ѳ. Хомякова (№ 4); *Разсказы изъ средней исторіи: Абдерраманъ.* Съ Нѣм. О. П. (ibid.).

Въ Звѣздочкѣ: *Двѣ ёлки*, Августы Вороновой (№ 1 и 2); *Охотникъ и волкъ*, Ивана Зюкова (№ 1); *Морскіе тюлени* (ibid.); *Двуутробки* (ibid.); *Грызуны.* Съ Нѣм. *** (ibid.); *Англійскій языкъ, для дѣтей*, Робертсона (№ 2); *О томъ, какъ маленькая Соня шла въ школу*, Софьи Ш-ой (№ 2); *Бабочка*, Ивана Зюкова (№ 3); *Ложный стыдъ*, М. С. (ibid.); *Земная жизнь Христа-Спасителя* (ibid.); *Дѣти и лебеди* (ibid.); *Разговоры съ маменькой* (ibid.); *Вечерняя молитва*, С. Шл—а (№ 4); *Бетси и ея птичка.* Съ Англ; (ibid.); *Разсказы изъ географіи и путешествій* (ibid.); *Обезьяна* (ibid.). *Мѣсяцъ въ прудѣ* (ibid.); *Кошка* (ibid.); *Молитва* (ibid.).

IV. Правовѣдѣніе.

По этой отрасли знаній мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Историческое обозрѣніе законодательства о заграничныхъ паспортахъ для Русскихъ подданныхъ* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 1); *Историческій обзоръ происхожденія разныхъ названій государственныхъ крестьянъ* (Журн. мин. гос. им. № 1, 2 и 4); *Изслѣдованія о присягѣ, ея формѣ и дѣйствительности у разныхъ народовъ* (От. Зап. № 1); *Гражданская администрація «Почтенной Индійской компаніи»* (ibid. № 2); *Очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи* (Русск. Вѣстн. № 2); *Два слова о правежѣ по поводу 4-й книги «Русской Бесѣды»*, Любителя старины (Моск. Вѣд. № 2); *Отвѣтъ на два слова о правежѣ*, сотрудника «Русской Бесѣды» (ibid. № 5); *Очерки акціонернаго права* (Журн. для акціон. № 1, 2, 4, 11, 14 и 16).

— «Историческое обозрѣніе законодательства о заграничныхъ паспортахъ для Русскихъ подданныхъ.» — Статья эта составлена добросовѣстно и съ надлежащею полнотою. Она раздѣляется на три части: 1) до изданія Свода Законовъ 1832 года; 2) періодъ Свода Законовъ изданія 1832 и 1842; 3) время, слѣдующее за изданіемъ Свода Законовъ 1842 г. Каждая часть состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: въ первомъ изложены исторически постановленія о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ, во второмъ — о сборѣ за заграничные паспорты, въ третьемъ — о срокахъ пребыванія за границею и въ послѣднемъ — о взысканіяхъ за нарушеніе правилъ о заграничныхъ паспортахъ. Замѣчательно, что въ первомъ періодѣ, т. е. до 1832 г., не было опредѣлено срока дозволеннаго пребыванія за границею. Только въ манифестѣ Петра III 1762 г. сказано, чтобы увольняемые за границу отъ службы возвращались по первому востребованію, съ случаѣ нужды; да въ 1807 году постановлено ясачнымъ Татарамъ и Лашманамъ, отправляющимся за границу въ видѣ приказчиковъ и работниковъ у купцовъ, производящихъ торговлю съ Азіатскими народами, выдавать паспорты на срокъ прокормежный т. е. на полгода и на годъ, и еще въ 1821 г. предписано снабжать такими паспортами Нѣжинскихъ Грековъ на 4 мѣсяца.

— «Историческій обзоръ происхожденія разныхъ названій государственныхъ крестьянъ». — Настоящее разнообразіе состава

государственныхъ крестьянъ есть слѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ. Это сословіе сложилось не изъ однихъ сельскихъ обывателей; въ него вошло много людей и другихъ званій: поэтому различіе ихъ прежнихъ правъ и обязанностей оставило даже до-сихъ-поръ свой слѣдъ какъ въ администраціи, такъ и въ гражданскомъ быту крестьянъ. А потому настоящая статья имѣетъ интересъ не только ученый, но и административный: въ ней изложены свѣдѣнія о томъ, какъ сословіе свободныхъ сельскихъ обывателей получило свое первоначальное развитіе и какъ въ-теченіе вѣковъ, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, оно создавалось изъ разнообразныхъ элементовъ, приращаясь новыми видами, то вслѣдствіе присоединенія къ государству новыхъ областей, то вслѣдствіе различныхъ внутреннихъ потребностей страны, которыя нерѣдко вызывали за собою образованіе цѣлыхъ новыхъ классовъ свободныхъ поселянъ. Въ-дополненіе къ этому краткому историческому обзору присоединено, въ алфавитномъ порядкѣ, *объясненіе значенія названій различныхъ, существующихъ нынѣ, видовъ государственныхъ крестьянъ* и нѣкоторыя историческія подробности и статистическія свѣдѣнія о каждомъ изъ нихъ. Главными источниками для этой статьй служили акты археографической экспедиціи, акты юридическіе, историческіе и относящіеся къ исторіи западной Росссіи, изданные археографическою коммиссіею, собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ графа Румянцева и полное собраніе законовъ.

— «Историческій очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи.» — Извѣстно, какое стройное цѣлое представляетъ церковная администрація, организованная вселенскими соборами. Строгая и правильная іерархія, подчиненіе личной власти митрополитовъ и патріарховъ авторитету помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ, развитіе представительнаго начала, отчетность финансоваго управленія, повышеніе по заслугамъ и по выбору — вотъ ея великія достоинства, которыя она внесла во всѣ новыя государства, справедливо смотрѣвшія на нее, какъ на образецъ. Несомнѣнно вліяніе идей церковной администраціи въ развитіи нашей государственной жизни; съ-другой-стороны, и церковная администрація приняла во многихъ отношеніяхъ характеръ и формы древней Русской государственной жизни; несмотря на всѣ усилія соборовъ, мы видимъ, что въ XV, XVI и XVII вѣкахъ,—эпоху полнаго раз-

витія нашихъ древнихъ формъ, церковное управленіе слилось съ наличнымъ порякомъ вещей. Это фактъ, общій всѣмъ Европейскимъ государствамъ: на западѣ оно приняло феодальный характеръ; тамъ мы видимъ епископовъ-курфирстовъ и королей—ленниковъ монастырскихъ. Охраняя строго религіозную догму, церковь въ такомъ внѣшнемъ вопросѣ, какъ въ администраціи, должна была, существуя въ государствѣ, подчиниться неотразимому ходу событій; иначе она не могла-бы органически соединиться съ государствомъ. Наша древняя церковная администрація приняла формы, по которымъ жило тогдашнее общество. Масса жалобъ, которыми наполнены наши акты, доказываетъ, что древнія административныя формы не удовлетворяли потребностямъ тогдашняго общества; эта неудовлетворительность должна была еще ярче выразиться въ церковной сферѣ, потому-что церковь имѣла для себя готовый идеалъ въ каноническомъ правѣ, — идеалъ, котораго не имѣло свѣтское общество. При всѣхъ этихъ недостаткахъ, церковная администрація сохраняла свои формы во всю нашу старину, хотя и сознавала ихъ несостоятельность въ каноническомъ отношеніи. Причина этого явленія понятна: форма древней нашей администраціи сложилась самородно, какъ все наше древнее право; она была, вслѣдствіе этого, такъ переплетена и съ гражданскимъ и съ государственнымъ правомъ, что коренное измѣненіе было невозможно безъ полнаго переворота во всемъ юридическомъ бытѣ. Въ настоящей статьѣ представленъ только очеркъ управленія епархіальнаго, монастырскаго и управленія церквей. Общій характеръ этого управленія авторъ обрисовываетъ слѣдующимъ образомъ: «Государство, какъ начало, независимое отъ личнаго произвола, тогда еще не было сознано. Отдѣленіе *государства* отъ государственнаго, опричины отъ земщины, при Грозномъ, было только мѣрою случайною, странною и непонятною для современниковъ и не имѣло ни малѣйшихъ послѣдствій. Тотъ-же владѣльческій характеръ лежалъ и на всемъ управленіи. Воевода являлся въ область, какъ въ свою аренду; общины стремились освободиться изъ-подъ его власти и стать въ непосредственныя отношенія къ царю, т. е. къ Московскимъ приказамъ; чрезъ посредство такой эманципаціи мало-по-малу ограничилась власть воеводъ и намѣстниковъ, и они являются, какъ нѣчто среднее между агентами короны и кормленьщиками: сознаніе государ-

ственныхъ отношеній начало, хотя и неясно, выдѣляться изъ частныхъ отношеній. Другою чертою древней администраціи было раздѣленіе жителей на тяглыхъ и служилыхъ, при существованіи массы привилегій, по коимъ нѣкоторыя общины были освобождаемы отъ разныхъ общихъ податей и повинностей. Третьею чертою древней администраціи было особенное положеніе тяглыхъ людей въ-сравненіи съ служилыми. Такія черты мы находимъ и въ церковной администраціи: здѣсь были свои тяглые люди и льготные (сельское духовенство и монастыри); здѣсь то-же стремленіе церковныхъ общинъ (монастырей) выйдти изъ подчиненія архіереямъ и стать въ непосредственное отношеніе къ царю и Московскимъ приказамъ; здѣсь встрѣчаемъ тѣхъ-же чиновниковъ и слугъ, которые были въ воеводскомъ управленіи: праветчиковъ, доводчиковъ и проч., и тѣ-же жалобы на ихъ злоупотребленія; здѣсь при архіереяхъ находятся учрежденія, параллельныя не только приказнымъ, но и государственнымъ: судъ безъ аппеляціи бояръ, дьяковъ, подъячихъ, приказы; мало того, дворянъ дѣтей боярскихъ и помѣстную систему, наконецъ церковныя общины (монастыри и отчасти церкви) и проч. Словомъ, встрѣчаемъ цѣлый міръ юридическихъ отношеній, снятыхъ съ свѣтскаго общества, но принявшихъ здѣсь отчасти новый отпечатокъ. Наше церковное управленіе состояло изъ епархій, къ которымъ непосредственно относились монастыри и церкви. Дѣленіе на епархіи совпадало съ древнимъ раздѣленіемъ Россіи на большія княжества, и тогда-какъ въ гражданской администраціи не было различено въ такой степени, что едва-ли не каждый городъ составлялъ особую область, въ церковной — сохранилось довольно правильное раздѣленіе Россіи. Съ образованіемъ у насъ въ XVIII столѣтіи провинціальныхъ учрежденій, церковное дѣленіе на епархіи начало совпадать съ гражданскимъ, губернія съ епархіей, центры губернскаго управленія съ епископскими каѳедрами. Процессъ этого совпаденія совершился при Павлѣ I». Результатъ изслѣдованій автора слѣдующій: церковное управленіе было повтореніемъ тѣхъ-же формъ, которыя существовали въ государствѣ. Вначалѣ, вѣроятно, необходимы были для блага церкви и тарханы монастырей и самосуды, и полное отдѣленіе духовенства отъ земства и даже архіерейскій дворъ. Но между-тѣмъ государство Московское, медленно, но шло впередъ; начало вотчинное уступило мѣсто государственному; стремленіемъ централизаціи

вызвано появленіе земскаго уложенія; за уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ послѣдовало развитіе государственныхъ учрежденій. Но церковная администрація оставалась внѣ этого движенія: монастыри упорно стояли за свои тарханы, архіереи—за финансовый характеръ своего управленія. Архіереи, занятые заботами о податяхъ съ тяглаго духовенства, монастыри — управленіемъ своихъ вотчинъ, не могли посвящать себя вполнѣ своему духовному назначенію. А между-тѣмъ собралась страшная гроза—расколъ; надобно было собрать для борьбы всѣ духовныя силы. Гроза касалась не одной церкви: расколъ былъ столько-же противогосударственнымъ, сколько и противоцерковнымъ явленіемъ. Реформа сдѣлалась необходимостью».

VII.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

I.

НОВОСТИ
ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Соединенія озона (1). — *Шёнбейнъ* напечаталъ въ прошломъ году два мемуара (2), въ которыхъ онъ излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій о соединеніяхъ озона и о дѣйствіи на кислородъ нѣкоторыхъ тѣлъ, располагающихъ его вступать въ-соединеніе съ другими тѣлами. Съ-тѣхъ-поръ, какъ было доказано, что озонъ есть не что иное, какъ аллотропическое состояніе, въ которомъ кислородъ прямо соединяется съ другими тѣлами, необнаруживающими сродства съ обыкновеннымъ кислородомъ, съ-тѣхъ-поръ было особенно любо... гно и важно найти какъ можно больше тѣлъ, способныхъ превращать недѣятельный или обыкновенный кислородъ O въ озонъ или дѣятельный кислородъ $\mathring{O}$, и было важно также опредѣлить, въ какой пропорціи находятся эти два вида того-же вещества въ какомъ-нибудь кислородномъ соединеніи.

---

(1) Arch. des sciences phys. et nat. XXXIV, p. 308. Avril. 1857.

(2) Ueber einige neue Reihen chemischer Berührungswirkungen, k. Bayer. Akademie der Wiss. II. Cl. VIII Band., 1 Abth. — Ueber den Zusammenhang der katalitischen Erscheinungen mit der Allotropie. Basel, 1856.

Перекись водорода, также терпентинное масло и эѳиръ, когда они насыщены кислородомъ, и продуктъ медленнаго горѣнія эѳира, всѣ эти тѣла могутъ производить бо̀льшую часть такихъ окисленій, какія производитъ свободный озонъ. Слѣдовательно эти тѣла заключаютъ въ себѣ кислородъ въ дѣятельномъ его состояніи, $\mathring{O}$. Сообразно съ этимъ Шёнбейнъ изображаетъ, напримѣръ, перекись водорода формулою $HO+\mathring{O}$.

Не смотря однакожь на то, что, вообще говоря, эти вещества обнаруживаютъ почти такія-же свойства, какъ свободный озонъ и такъ-же, какъ большая часть металлическихъ перекисей, какъ азотноватая кислота, какъ марганцовая и хромовая кислоты и пр., не смотря на то, они представляютъ нѣкоторыя особенности, которыя весьма достойны вниманія химиковъ и физіологовъ и которыя авторъ разбираетъ въ первомъ своемъ мемуарѣ, представленномъ Мюнхенской академіи наукъ.

На-самомъ-дѣлѣ, свободный озонъ, извѣстныя металлическія перекиси, азотноватая, марганцовая кислоты и пр., тотчасъ окрашиваютъ въ синій цвѣтъ гаяковую тинктуру, то есть производятъ смолу, заключающую въ себѣ озонъ точно такъ, какъ синяя смѣсь іода и крахмала заключаетъ въ себѣ іодъ. Между тѣмъ вещества, о которыхъ мы говорили и которыя, впрочемъ, весьма легко отдаютъ свой дѣятельный кислородъ другимъ окисляемымъ тѣламъ, не обнаруживаютъ никакого дѣйствія на гаяковую тинктуру и не окрашиваютъ ея въ синій цвѣтъ. Но если прибавить къ смѣси весьма немного платиновой сажи, очищенной отъ кислорода, то тотчасъ является самый густой синій цвѣтъ. Таже реакція, хотя въ низшей степени, происходитъ, если вмѣсто платины взять ртуть или какой-нибудь другой изъ благородныхъ металловъ.

Точно такъ растворъ индиго въ сѣрной кислотѣ быстро обезцвѣчивается отъ дѣйствія свободнаго озона, также какъ и отъ хлора и отъ выше указанныхъ кислотъ; между-тѣмъ въ присутствіи перекиси водорода онъ теряетъ свой цвѣтъ, только очень медленно. Но если смѣсь взболтать съ платиновой сажей, то цвѣтъ скоро пропадаетъ.

Если, вмѣсто раствора индиго, будемъ дѣйствовать на растворъ іодистаго крахмала, то отъ освобождающагося іода онъ почти въ тѣхъ-же пропорціяхъ синѣетъ, въ какихъ растворъ индиго обезцвѣчивается.

Тѣ-же самыя реакціи получатся болѣе или менѣе ясно, если въ

предыдущихъ опытахъ вмѣсто перекиси водорода возьмемъ озонированное терпентинное масло, озонированный эѳиръ или-же продуктъ медленнаго горѣнія эѳира.

Главная цѣль мемуара знаменитаго Базельскаго профессора состоитъ въ томъ, чтобы показать, что нѣкоторыя органическія вещества, если ихъ употребить вмѣсто платиноваго порошка въ предыдущихъ реакціяхъ, дѣйствуютъ совершенно такъ-же, за исключеніемъ небольшой разницы въ силѣ дѣйствія.

Эти вещества суть — кровяныя крупинки, пшеничная клейковина, экстрактъ мяса и креатининъ.

На-самомъ-дѣлѣ, если мы прибавимъ кровяныхъ крупинокъ или пшеничной муки къ смѣси гаяковой тинктуры съ перекисью водорода, или съ озонированнымъ терпентиннымъ масломъ, то въ первомъ случаѣ быстро получится густой синій цвѣтъ, во второмъ смѣсь посинѣетъ нѣсколько медленнѣе. Если вмѣсто гаяковой тинктуры взять растворъ индиго или растворъ іодистаго крахмала, то кровяныя крупинки обезцвѣтятъ первый и окрасятъ синимъ цвѣтомъ второй при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и платиновая сажа, т. е. въ присутствіи озонированныхъ тѣлъ, которыя сами собою не производятъ никакого дѣйствія.

Изъ перечисленныхъ органическихъ веществъ крупинки крови дѣйствуютъ всего сильнѣе; точно такъ-же, какъ клейковина, они не теряютъ этого свойства ни отъ высушиванія, ни отъ долговременнаго храненія, ни даже отъ кипяченія.

Напротивъ, бѣлковина яицъ и сукровицы крови, казеинъ коровьяго молока, животная слизь, фибринъ совершенно чистый, креатинъ и крахмалъ, всѣ эти вещества не обнаруживаютъ никакого дѣйствія.

Хотя мы не знаемъ точно, какимъ образомъ дѣйствуетъ платина въ этихъ явленіяхъ прикосновенія, какимъ образомъ ея присутствіе производитъ окисленіе, нельзя однакожь не видѣть, что крупинки крови представляютъ весьма замѣчательную аналогію съ платиною въ своихъ дѣйствіяхъ относительно кислорода. Весьма важно, что они больше, чѣмъ всѣ другія органическія вещества, обладаютъ способностію возбуждать въ извѣстныхъ случаяхъ окисленіе. Физіологи уже съ давняго времени приписываютъ крупинкамъ крови главную роль въ процессѣ дыханія, т. е. думаютъ, что эти крупинки заставляютъ недѣятельный кислородъ атмосферы производить окисленія въ организмѣ. До-сихъ-поръ однакожь

не достаетъ еще опытныхъ доказательствъ этого предположенія, и изысканія Шёнбейна, при его настойчивости, при множествѣ и разнообразіи его опытовъ, даютъ намъ надежду, что онъ рѣшитъ этотъ вопросъ.

Во второмъ своемъ мемуарѣ Шёнбейнъ показываетъ, что каталитическія явленія, или явленія прикосновенія часто сводятся на аллотропическое измѣненіе нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ, производимое извѣстными вѣсомыми, или невѣсомыми дѣятелями.

Изученіе каталитическихъ явленій получило особенный интересъ съ-тѣхъ-поръ, какъ успѣхи науки показали намъ, что нѣкоторыя простыя тѣла, напр. кислородъ, углеродъ, сѣра, фосфоръ и пр., какъ въ чистомъ видѣ, такъ и въ соединеніяхъ, представляютъ различныя состоянія, причемъ и химическія и физическія ихъ свойства бываютъ различны.

Такимъ-образомъ Шёнбейнъ, какъ мы уже замѣтили, думаетъ, что второй эквивалентъ кислорода въ перекиси водорода находится въ состояніи озона, или дѣятельнаго кислорода. На-самомъ-дѣлѣ, съ одной стороны перекись водорода производитъ тѣ-же явленія окисленія, какъ свободный озонъ, съ другой — тѣ-же каталитическіе дѣятели (напр. теплота, уголь, окиси благородныхъ металловъ, металлическія перекиси и пр.), которые приводятъ озонъ въ состояніе обыкновеннаго кислорода, разлагаютъ также перекись водорода на воду и обыкновенный кислородъ. На-оборотъ, нѣкоторые дѣятели, напр. электричество, которые превращаютъ обыкновенный кислородъ въ озонъ, дѣйствуя на воду, производятъ перекись водорода.

Разозонированіе кислорода, находящагося въ перекиси водорода, всегда сопровождается теплотою, такъ-что можно предположить, что удѣльный теплородъ озона больше, чѣмъ обыкновеннаго кислорода.

Еслибы можно было приготовить озонъ совершенно чистый, то можно-бы было, разозонируя его посредствомъ угля, прямо опредѣлить отдѣляющуюся теплоту. За недостаткомъ такого прямаго доказательства, Шёнбейнъ приводитъ косвенное, которое, какъ кажется, не менѣе сильно. Хлорнокислое кали, нагрѣтое до плавленія, нимало не освобождаетъ кислорода; но если примѣшать къ расплавленной массѣ небольшое количество желѣзной окиси, то тотчасъ съ кипѣніемъ отдѣляется обыкновенный кислородъ и происходящая при этомъ теплота такъ велика, что вся масса рас-

каляется. Такъ-какъ чрезвычайно сильныя окисляющія свойства хлорнокислаго кали, безъ всякаго сомнѣнія, зависятъ отъ присутствія въ немъ кислорода въ дѣятельномъ состояніи озона, то большое развитіе теплоты должно приписать переходу освобожденнаго озона въ состояніе обыкновеннаго кислорода. Безъ этого расширеніе кислорода, переходящаго изъ твердаго состоянія въ газъ, должно-бы произвести охлажденіе, а не повышеніе температуры.

По мнѣнію Шёнбейна, всѣ степени окисленія хлора содержатъ въ себѣ кислородъ въ-состояніи озона; возрастающее постоянство этихъ соединеній, которое тѣмъ больше, чѣмъ больше въ нихъ эквивалентовъ кислорода, онъ приписываетъ большей или меньшей силѣ, съ которою озонъ противится своему обращенію въ обыкновенный кислородъ. Извѣстно, впрочемъ, что на самый хлоръ Шёнбейнъ смотритъ, какъ на озонированное соединеніе, именно какъ на перекись *мурія* — $Mu\,O + \mathring{O}$.

Основываясь на каталитическихъ явленіяхъ, представляемыхъ азотною и марганцовою кислотами, онъ разсматриваетъ первую, какъ соединеніе — $N\mathring{O} + 3O^2$, въ которомъ одинъ изъ эквивалентовъ озона приводится легче, чѣмъ два остальные, въ состояніе обыкновеннаго кислорода; вторую-же, какъ соединеніе — $Mn^2O^2 + 5\mathring{O}$.

Вообще Шёнбейнъ заключаетъ изъ своихъ наблюденій, что обыкновенный кислородъ прямо не соединяется ни съ чѣмъ, что только озонъ можетъ образовать соединенія и что слѣдовательно обыкновенный кислородъ при своихъ соединеніяхъ всегда долженъ быть сперва приведенъ въ состояніе дѣятельнаго кислорода. Превращеніе это совершается или невѣсомыми дѣятелями, напр. электричествомъ, или-же вѣсомыми, напр. фосфоромъ, платиною, серебромъ, ртутью, терпентиннымъ масломъ, органическими веществами, находящимися въ произвольномъ разложеніи и пр. Прикосновеніе каталитическаго тѣла вовсе не необходимо при самомъ окисленіи; достаточно только, чтобы прикосновеніе было и совершило свое дѣйствіе, т. е. превращеніе обыкновеннаго кислорода. Такъ воздухъ, бывшій въ прикосновеніи съ фосфоромъ, или съ терпентиннымъ масломъ, обезцвѣчиваетъ растворъ индиго; такой-же воздухъ, проходя черезъ амміакъ, образуетъ азотнокислый амміакъ, а въ присутствіи кали — азотнокислое кали (3).

(3) Журн. м. н. пр. Февраль, смѣсь, стр. 53.

Итакъ дѣйствія прикосновенія, или каталитическія явленія, вообще происходятъ вслѣдствіе аллотропіи. Мы не имѣемъ никакихъ средствъ узнать, въ чемъ состоитъ измѣненіе, претерпѣваемое тѣломъ при переходѣ изъ одного состоянія въ другое; мы знаемъ только, что въ одномъ изъ аллотропическихъ состояній тѣло легко соединяется съ какимъ-нибудь другимъ тѣломъ, а въ другомъ оно совершенно безразлично въ отношеніи къ тому-же тѣлу.

Все предъидущее показываетъ, что изученіе аллотропіи въ ея химическихъ явленіяхъ, которымъ такъ успѣшно занимается Шёнбейнъ, можетъ повести къ важнымъ открытіямъ для объясненія таинственныхъ процессовъ дыханія, броженія и пр.

Значеніе нервныхъ узловъ (4). — Есть два рода фактовъ: одни, какъ бы угадываемые напередъ, вносятъ въ науку болѣе точныя понятія, наполняютъ собою пробѣлы и окончательно распространяютъ свѣтъ на предметы, дотолѣ остававшіеся темными; другіе, напротивъ, совершенно неожиданные, поражаютъ своею новостію и представляютъ то важное преимущество, что расширяютъ поприще науки, не столько впрочемъ прямыми рѣшеніями, сколько новыми взглядами и существенными вопросами, которые ими возбуждаются. Одинъ изъ такихъ, совершенно новыхъ фактовъ, представляютъ изслѣдованія Валлерá (Waller), который въ нынѣшнемъ году получилъ отъ Парижской академіи наукъ первую премію по опытной физіологіи.

Начиная съ нынѣшняго вѣка, физіологія нервной системы сдѣлала быстрые успѣхи и обогатилась блистательными открытіями касательно отправленій какъ самыхъ нервовъ, такъ и различныхъ частей нервныхъ центровъ. Не смотря на то, мы знаемъ, что на заднихъ корняхъ спиннаго мозга есть особенныя тѣла, называемыя *междупозвоночными узлами* (ганглїями), отправленіе которыхъ осталась совершенно неизвѣстнымъ. Изслѣдованія и опыты Валлера суть первый шагъ въ эту невѣдомую область физіологіи.

Всѣ наблюденія, о которыхъ будетъ сказано, были произведены надъ второю парою шейныхъ нервовъ, потому что у нѣкоторыхъ животныхъ можно достать ея узлы, не вскрывая позвоночнаго канала, и слѣдовательно не обнажая спиннаго мозга.

---

(4) Comtes Rendus. 1857. XLIV, p. 167.



Вотъ въ чемъ состоитъ опытъ. Разрѣзавши задніе корни сказанной нервной пары между спиннымъ мозгомъ и узломъ, оставляютъ животное (кошку) на нѣсколько дней въ покоѣ и потомъ изслѣдуютъ, какія измѣненія произошли въ ткани раздѣленныхъ концовъ нервныхъ корней. Тогда оказывается, что центральный конецъ, который остался непрерывно соединеннымъ съ спиннымъ мозгомъ, содержитъ нервные элементы, выродившіеся и подвергшіеся зернистому преобразованію, между-тѣмъ-какъ периферическій конецъ, остававшійся въ-соединеніи съ узломъ, представляетъ, напротивъ, вполнѣ сохранившееся нормальное строеніе ткани; откуда ясно видно, что соединеніе задняго нервнаго корня съ спиннымъ мозгомъ не можетъ воспрепятствовать вырожденію нерва, тогда-какъ соединеніе съ междупозвоночнымъ узломъ предохраняетъ его отъ вырожденія.

Всего болѣе однакожь замѣчательно то, что явленія бываютъ совершенно обратныя, если мы разрѣжемъ передній корень спиннаго нерва. На-самомъ-дѣлѣ, въ этомъ случаѣ центральный конецъ, прилежащій къ спинному мозгу, сохраняетъ свое нормальное строеніе, а конецъ периферическій вырождается и становится зернистымъ. Такимъ-образомъ въ окончательномъ выводѣ получается удивительное положеніе, которое невозможно было и подозрѣвать въ настоящемъ состояніи науки, именно — что спинной мозгъ сообщаетъ переднему корню какое-то невѣдомое жизненное свойство, по которому его элементы противостоятъ зернистому вырожденію, между-тѣмъ-какъ заднему корню ту-же хранительную силу даетъ уже не спинной мозгъ, а междупозвоночный узелъ.

Опыты Валлера были производимы впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и были видоизмѣняемы различнымъ образомъ; всегда они давали аналогическіе выводы и привели испытателя къ заключенію, что значеніе междупозвоночныхъ узловъ состоитъ въ управленіи питаніемъ тѣхъ нервовъ, которые съ ними соединены.

Существенные факты, т. е. зернистое измѣненіе центральнаго конца задняго корня и сохраненіе того-же конца въ переднемъ корнѣ, были повѣрены коммиссіею Академіи.

Кольцо Сатурна (5). — Съ-тѣхъ-поръ, какъ Галилей въ 1610 г. открылъ кольцо, окружающее Сатурнъ, вниманіе астрономовъ

(5) *Alfred Gautier*. Arch. des sciences phys. et nat. Genève. XXXIII, p. 90.



весьма часто обращалось къ этому необыкновенному тѣлу. Въ 1655 году Галилей первый убѣдился въ томъ, что открытое тѣло есть настоящее кольцо и опредѣлилъ его размѣры. Только въ 1665 г. Англійскій астрономъ Балль (William Ball) и въ 1675 г. знаменитый Кассини, замѣтили на кольцѣ темную полосу и Кассини убѣдился (1684), что оно дѣйствительно состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ колецъ, изъ которыхъ внутреннее, ближайшее къ планетѣ, свѣтитъ ярче внѣшняго. Послѣ того многіе астрономы (Malardi, Pound, Hadley въ 1715 г.) и особенно Вилліамъ Гершель (1789—1808 г.) подробно разсматривали и описывали кольцо Сатурна. Свѣдѣнія, которыя были пріобрѣтены такимъ-образомъ, долго оставались неизмѣнными и только въ недавнее время астрономы снова обратились къ изученію этого предмета, особенно съ тѣхъ-поръ, какъ Американскій астрономъ Бондъ (Bond), въ 1848 и 1850 годахъ, открылъ существованіе восьмаго спутника Сатурна и нашелъ темное кольцо между свѣтлымъ кольцомъ и самою планетою (6). Съ-этого-времени появилось множество наблюденій надъ Сатурновымъ кольцомъ, произведенныхъ посредствомъ сильныхъ телескоповъ, находящихся во многихъ обсерваторіяхъ Европы. Весьма любопытныя изслѣдованія объ этомъ предметѣ принадлежатъ Оттону Струве. Мемуаръ его «Объ измѣреніяхъ Сатурнова кольца» былъ читанъ 17 ноября 1851 г. въ собраніи С. Петербургской Академіи. Всѣ наблюденія были произведены большимъ ахроматическимъ телескопомъ Пулковской обсерваторіи съ увеличеніемъ въ 412 и въ 708 разъ и съ микрометромъ изъ подвижныхъ нитей. О. Струве нашелъ слѣдующіе размѣры:

1) Промежутокъ между планетою и внутреннимъ краемъ темнаго (внутренняго) кольца	1",615
2) Ширина темнаго кольца	2",035
3) Ширина средняго, или внутренняго свѣтлаго кольца . .	4",620
4) Промежутокъ между этимъ кольцомъ и самымъ внѣшнимъ	0",495
5) Ширина крайняго, или внѣшняго свѣтлаго кольца . . .	2",300

(6) Должно замѣтить, что Галле (Galle) въ Берлинѣ еще въ 1838 г. замѣтилъ темное внутреннее кольцо, но не публиковалъ своихъ наблюденій, а Доуесъ (Dawes) въ Ватерибури въ Кентѣ открылъ то-же кольцо въ 1850 г., не зная еще объ открытіи Американскихъ астрономовъ.

6) Такимъ-образомъ получимъ поверхности планеты до внѣшняго края кольца . . . . 11,"065
7) Полудіаметръ самаго Сатурна . . . . 8,"8
Тотъ-же полудіаметръ по прежнему опредѣленію В. Струве (1826 г.) . . . . 9,"0

Историческія изысканія и сравненіе этихъ данныхъ съ прежде извѣстными привели О. Струве къ заключенію, что ширина различныхъ частей Сатурнова кольца со-временемъ измѣняется. Такъ по опредѣленію В. Струве въ 1826 г. разстояніе между планетою и внутреннимъ кольцомъ было на 0,"69 больше, чѣмъ въ настоящее время. Въ эпоху Галилея, въ 1657 г., растояніе между планетою и свѣтлымъ кольцомъ было 6,"5, нынѣ 3,"650; ширина обоихъ свѣтлыхъ колецъ была 4,"6, нынѣ 7,"41. Наблюденія въ промежуточныя эпохи (съ 1657 по 1826 г.) показываютъ вообще, что разстояніе между планетою и свѣтлымъ кольцомъ уменьшается, а ширина свѣтлыхъ колецъ увеличивается. Во времена Кассини, ширина обоихъ свѣтлыхъ колецъ была одинакова, а во время В. Гершеля (1791 г.) внутреннее свѣтлое кольцо было гораздо шире внѣшняго, такъ какъ это видно и въ наше время. Отсюда должно заключить, что измѣненіе въ ширинѣ свѣтлыхъ колецъ происходитъ неравномѣрно, именно: внутреннее кольцо расширяется быстрѣе, чѣмъ внѣшнее. О. Струве прибавляетъ къ этому, что для него весьма удивительно, какъ Гершель своимъ сильнымъ телескопомъ не различилъ темнаго внутренняго кольца, тогда-какъ въ настоящее время оно ясно видно даже въ телескопы небольшихъ размѣровъ. Такъ Бурръ (J. W. Burr) видѣлъ это кольцо въ телескопъ, имѣющій 4 фута фокуснаго разстоянія, 3$^3/_8$ дюйма въ діаметрѣ и при увеличеніи въ 480 разъ. Изъ всего этого видно, что, можетъ быть, темное кольцо и не существовало во времена Гершеля.

Въ 1852 году Лассель (William Lassell) (7) частный Англійскій астрономъ, сдѣлавшій многочисленныя открытія своимъ большимъ отражательнымъ телескопомъ (8), переѣхалъ подъ ясное небо Мальты. Тамъ онъ доказалъ, что внутренне темное кольцо Сатурна прозрачно. На-самомъ-дѣлѣ, черезъ него видны края самой планеты, какъ-бы подернутые крепомъ. Наблюденія эти были

(7) Monthly Notices. London. T. XIII.

(8) 20 футовъ фокуснаго разстоянія, 2 фута въ діаметрѣ, увеличеніе отъ 200 до 1000.



подтверждены одновременными наблюденіями Жакоба (W. Jacob) въ Мадрасѣ и Доуеса въ Англіи. Кромѣ того Лассель, разсматривая цвѣтъ различныхъ частей Сатурна и тѣни, отбрасываемыя планетою на кольцо и кольцомъ на планету, нашелъ, что края темнаго кольца имѣютъ не одинаковую окраску, именно западный край — синевато-сѣраго, а восточный — желтовато-бураго цвѣта. Дальнѣйшія изслѣдованія надъ Сатурномъ и его кольцами произвелъ Доуесъ, одинъ изъ Англійскихъ духовныхъ, на своей обсерваторіи въ Ватернбюри, въ графствѣ Кентъ. Онъ замѣтилъ нѣкоторую измѣнчивость въ формѣ колецъ и пришелъ по этому къ такому-же заключенію, какъ Бондъ и Пирсъ (Pierce) (9), т. е. что кольца состоятъ изъ жидкости и что жидкость эта подобна водѣ, такъ-какъ ея показатель преломленія весьма не великъ. Доуесъ (10) замѣтилъ также, что на внѣшнемъ свѣтломъ кольцѣ находится постоянная, болѣе темная полоса. Наблюденіе это подтверждено послѣдующими изслѣдованіями Анджело Секки (A. Secchi) въ Римѣ и другихъ, и согласовалось также съ показаніями Катера (Kater), относящимися къ 1825 и 1826 годамъ, съ наблюденіями Энке 1838 и Ласселя 1843 года. Вблизи этой темной полосы, Секки (11) нашелъ потомъ еще другую, болѣе узкую и болѣе близкую къ внѣшнему краю. Самая внутренняя часть наружнаго кольца, по изслѣдованію Доуеса, есть самая свѣтлая. На среднемъ кольцѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, также замѣтны концентрическія темныя и свѣтлыя полосы. Тѣнь, бросаемая планетою на кольцо, въ большей части случаевъ представляла видъ треугольника, нѣсколько закругленнаго по угламъ; но на границѣ, раздѣляющей два свѣтлыя кольца, очертаніе тѣни было нѣсколько изогнуто.

Вскорѣ за этими наблюденіями Варренъ де ла Рю (Warren de la Rue) (12) нашелъ, что центръ колецъ не совпадаетъ съ центромъ планеты, что ширина ихъ не во всѣхъ мѣстахъ одинакова и наконецъ, что кольца лежатъ не въ одной плоскости и что углы ихъ пересѣченія быстро движутся.

А. Секки (13) пришелъ почти къ тѣмъ-же выводамъ. Сверхъ-

(9) Biblioth. univ. de Genève. 1852. Mai, p. 48.
(10) Astronom. Nachricht. № 971.
(11) Ibid. № 1017.
(12) Monthly Notice. T. XVI, p. 118.
(13) Ibid. p. 50.

того онъ нашелъ, что внѣшнее кольцо имѣетъ эллиптическую форму и опредѣлилъ, что оно обращается около оси въ-теченіе $14\frac{1}{2}$ часовъ. Между-тѣмъ Лейденскій профессоръ Кайзеръ (14), на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій, опровергаетъ результаты, полученные Секки. Впрочемъ, такъ-какъ наблюденія Кайзера были произведены при невыгодныхъ обстоятельствахъ, то разногласіе можетъ-быть рѣшено только послѣдующими наблюдателями.

Изслѣдованія О. Струве были повторены Майномъ (Main) (15), на Гриничской обсерваторіи. Посредствомъ микрометра съ двойнымъ изображеніемъ онъ измѣрилъ ширину колецъ. Вотъ послѣднія числа, выведенныя имъ:

1) Полудіаметръ планеты (1849)	8,″ 75
» » (1853)	8,″ 11
2) Разстояніе между планетою и внутреннимъ краемъ средняго свѣтлаго кольца	5,″ 27
3) Ширина обоихъ свѣтлыхъ колецъ.	6,″ 01
4) Полудіаметръ внѣшняго края наружнаго кольца	19,″865
5) Ширина наружнаго кольца	1,″ 79

Сличая свои наблюденія съ прежними, Кайзеръ выводитъ заключеніе совершенно противоположное заключенію О. Струве. Именно, онъ думаетъ, что ширина колецъ не измѣнилась со времени Галилея.

Между-тѣмъ слѣдовавшія за этимъ наблюденія Секки снова подтверждаютъ мнѣніе О. Струве. Секки нашелъ, что ширина обоихъ свѣтлыхъ колецъ равно 7,″589, а разстояніе между планетою и внутреннимъ свѣтлымъ кольцомъ равно 4,″026; числа эти очевидно ближе къ числамъ О. Струве.

Послѣднее изслѣдованіе Секки относительно Сатурна (16) заключается слѣдующими выводами:

1) Поверхность Сатурнова кольца не есть плоскость.

2) Различные поясы кольца или разныя кольца не лежатъ въ одной плоскости, но плоскости ихъ пересѣкаются.

3) Всѣ кольца имѣютъ эллиптическую форму и движутся независимо около своихъ осей.

(14) Kaiser, ibid., p. 146.

(15) Monthly Notice T. XVI. №№ 2 и 8.

(16) A Secchi. Il Nuovo Cimento. 1856, № 8, p. 16.

4) Кольца легко подвергаются разнообразнѣйшимъ измѣненіямъ въ своей формѣ, и потому лучше всего можно сравнить ихъ съ облаками, или съ кометами; по-крайней-мѣрѣ несравненно менѣе вѣроятно, что кольца суть тѣла твердыя или жидкія. Нѣкоторое подтвержденіе этому мнѣнію представляютъ также прозрачность и различіе цвѣтовъ темнаго кольца.

Земное электричество (17). — Беккерель представилъ Парижской академіи большое сочиненіе, содержащее въ себѣ его многолѣтнія изслѣдованія надъ электричествомъ воздуха и земли.

Въ первой части онъ разсматриваетъ вообще электричество газовъ и паровъ.

Измѣненіе состоянія тѣлъ и собственно испареніе не производятъ электричества, какъ это уже давно извѣстно. По-видимому, здѣсь заключается противорѣчіе тому началу, по которому при всякомъ частичномъ движеніи нарушается равновѣсіе электрическихъ силъ; но, кажется, здѣсь происходитъ то-же, что и при треніи между собою однородныхъ тѣлъ. Нѣтъ электричества, потому что нѣтъ никакой причины, по которой-бы частица приняла скорѣе одно, чѣмъ другое электричество. Вмѣсто того, здѣсь происходитъ нагрѣваніе. Извѣстно при томъ, что электричество при треніи развивается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тѣла разнороднѣе. Съ-другой-стороны, мы знаемъ, что перемѣна состоянія сопровождается большими теплородными явленіями; а кажется между теплотою и электричествомъ существуетъ такая зависимость, что, когда теплота увеличивается, электричество уменьшается и на-оборотъ. Такъ, когда электричество проходитъ по проволокѣ, то чѣмъ сильнѣе она нагрѣвается, тѣмъ меньше его проходитъ.

Беккерель доказалъ, что при треніи двухъ однородныхъ тѣлъ, если его производить такъ, что одно нагрѣвается менѣе другаго, является электричество, и именно тѣло менѣе нагрѣвающееся заряжается отрицательнымъ электричествомъ. Всѣ эти факты показываютъ взаимное сопряженіе электричества и теплоты, вслѣдствіе котораго можно принять, что при перемѣнѣ состоянія тѣлъ, электрическія явленія пропадаютъ въ-присутствіи теплородныхъ.

---

(17) Archives des sc. phys. et nat. Mars. 1857, p. 281. — Comptes rendus de l'Ac. des sc., t. XLIII, p. 1101.



Но, если испареніе воды, или какого-нибудь раствора въ платиновой чашкѣ, при температурѣ кипѣнія и ниже, не производитъ электричества, то совершенно иное будетъ, если мы бросимъ нѣсколько капель воды на чашку, нагрѣтую до такой степени, чтобы вода тотчасъ-же испарилась; чашка зарядится отрицательнымъ электричествомъ и такъ сильно, что его можно замѣтить, не употребляя конденсатора. Въ этомъ случаѣ электричество является отъ тренія воды объ стѣнки чашки въ то самое мгновеніе, какъ она превращается въ пары.

Точно такъ газы, когда они обильно освобождаются изъ какой-нибудь жидкости, становятся электрическими; водородъ и аммiакъ принимаютъ отрицательное электричество, а углекислота и кислородъ — положительное. Въ этомъ случаѣ газы трутся о жидкости, изъ которыхъ выходятъ.

Отсюда можно заключить, что подобныя-же явленія происходятъ, когда кислородъ и углекислота улетаютъ изъ листьевъ растеній и что они бываютъ заряжены положительно.

Далѣе Беккерель разсматриваетъ электрическія явленія, производимыя прикосновеніемъ различныхъ почвъ и водъ. Онъ подробно описываетъ также свои опыты съ гальваническими пàрами, которыя онъ устроивалъ изъ земли, смоченной прѣсною, или соленою водою и которыя онъ называетъ *земляными пàрами*. Такъ онъ нашелъ, что электро-возбудительная сила пàры, устроенной изъ соленой воды 3-хъ градусовъ по ареометру и изъ хорошаго чернозема, равна 0,45 электро-возбудительной силы Даніелевой пàры.

На основаніи этихъ и другихъ изслѣдованій, Беккерель указываетъ слѣдующіе главные источники атмосфернаго электричества:

1) Дѣйствіе текущей воды на сырую почву. Для возбужденія электричества необходимо, чтобы вода, смачивающая почву и вода текущая, были разнородны. Если текущія воды бываютъ слегка щелочны, то онѣ электризуются отрицательно, если-же онѣ кислы, то положительно.

2) Растенія также возбуждаютъ электричество въ томъ мѣстѣ, гдѣ они прикасаются къ почвѣ. Самое растеніе электризуется отрицательно, а почва — положительно.

3) Вода, которая испарнется изъ рѣкъ или изъ стоячихъ водъ, обыкновенно уноситъ съ собою положительное электричество, которое происходитъ отъ разложенія органическихъ веществъ; вода,



которая испаряется изъ почвы и которая находится еще въ болѣе непосредственномъ прикосновеніи съ этими веществами, должна также уносить положительное электричество. Если-же взять пары, поднимающіеся съ почвы, не содержащей органическихъ частицъ, то мы найдемъ въ нихъ то-же электричество, какъ и въ землѣ, т. е. отрицательное.

Изъ предыдущаго ясно видно, почему грозы обыкновенно происходятъ лѣтомъ, въ такое время года, когда разложеніе органическихъ веществъ и испареніе достигаютъ высшей степени, почему грозы столь часты и столь сильны подъ тропиками въ то время, когда солнце приближается къ зениту, и притомъ происходятъ съ такою правильностію, что въ каждое мгновеніе бываетъ гроза въ извѣстномъ мѣстѣ, находящемся въ опредѣленномъ положеніи относительно солнца.

Впрочемъ, причины, производящія атмосферное электричество, такъ многочисленны и разнообразны, что Беккерель признаетъ необходимымъ дать большее разнообразіе опытамъ, прежде чѣмъ выводить общія положенія.

Въ послѣдней части своего мемуара, Беккерель говоритъ о кристаллическихъ тѣлахъ, которыя онъ успѣлъ получить при продолжительномъ дѣйствіи электричества, или химическихъ растворовъ. «Когда, говоритъ онъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, я началъ заниматься воспроизведеніемъ минеральныхъ тѣлъ посредствомъ содѣйствія электрическихъ и химическихъ силъ, мнѣ возражали, что природа не употребляетъ гальваническихъ паръ. Это возраженіе я не считалъ основательнымъ; я показалъ, что иногда можно достигнуть той-же цѣли, не употребляя паръ, а оставляя нерастворимыя минеральныя вещества въ-прикосновеніи съ различными растворами въ-теченіе многихъ лѣтъ. Изъ этихъ опытовъ проистекло новое начало химіи, именно: что нерастворимость тѣлъ не бываетъ безусловною, что со-временемъ, въ прикосновеніи съ извѣстными растворами, происходятъ двойныя разложенія, результатомъ которыхъ бываютъ кристаллическія соединенія, подобныя веществамъ мѣсторожденій металловъ».

Размноженіе кружилокъ (18). — По наблюденіямъ Кона кружилки (volvox) представляютъ два рода размноженія. Одинъ состоитъ

(18) Archives des sc. phys. et nat. 1857. Mars. 343. — Comptes rendus de l'Ac. des Sc. 1 Dec. 1856. Dr. Cohn, de Breslau.



въ повторяющемся раздѣленіи клѣточки, образующей животное, и напоминаетъ размноженіе дѣленіемъ родовъ chlamydococcus и gonium. Въ каждой семьѣ только небольшое число клѣточекъ размножаются такимъ-образомъ. Другой способъ рожденія представляетъ половое взаимнодѣйствіе. Онъ встрѣчается только у нѣкоторыхъ недѣлимыхъ или семей, отличающихся особенною многочисленностію клѣточекъ, изъ которыхъ они состоятъ. Эти семьи — однодомныя, то есть содержатъ и мужскія и женскія клѣточки; большая часть клѣточекъ однако-же бываютъ безполовыя. Женскія клѣточки становятся гораздо больше другихъ и удлиняются къ центру кружилки, при чемъ ихъ эндохромъ остается однако-же нераздѣльнымъ. Мужскія клѣточки раздѣляются на множество маленькихъ длинныхъ крупинокъ, снабженныхъ двумя длинными рѣсничками, сидящими назади середины тѣла, и хоботкомъ въ видѣ лебединой шеи. Конъ считаетъ эти крупинки за живчиковъ (spermatozoa). Они распространяются въ полости кружилки, собираются около женскихъ клѣточекъ и понемногу входятъ въ нихъ. Вслѣдствіе этого оплодотворенія женскія клѣточки покрываются оболочкою съ острыми коническими выступами и ихъ хлорофиллъ замѣняется кракмаломъ и краснымъ или оранжевымъ масломъ. Въ такомъ состояніи Volvox globator есть то-же, что Volvox stellatus и volvox aureus Эренберга. Впрочемъ,637 Бускъ и Штейнъ показали еще прежде Кона, что эти три вида въ-сущности составляютъ только одинъ видъ.

Что описанное явленіе дѣйствительно должно считать оплодотвореніемъ, еще не доказано совершенно. Конъ указываетъ на большую аналогію этого явленія съ оплодотвореніемъ spheroplea и другихъ водорослей и находитъ въ немъ новое доказательство того, что volvox принадлежитъ къ растительному царству. Впрочемъ, можно замѣтить, что животное и растительное оплодотвореніе, какъ называютъ новыя наблюденія, очень близки между собою. Кромѣ того въ клѣточкахъ кружилокъ несомнѣнно находится бьющійся пузырекъ, открытый Бискомъ, и слѣдовательно они вполнѣ сходны съ хоботными инфузоріями.

Возрастаніе кристалловъ (19). — Извѣстно, что одно и то-же тѣло можетъ являться въ различныхъ кристаллическихъ формахъ и мы

(19) *Pasteur*. Annales de Chimie et de Physique, Janvier 1857.



знаемъ также, что всѣ эти формы связаны между собою очень простыми законами, открытыми Роме-Делилемъ и Гаю. Но какая причина заставляетъ одно и то-же тѣло принимать различныя формы? Съ давняго времени полагали, что форма зависитъ здѣсь отъ веществъ, присутствующихъ во время кристаллизаціи; такъ, напримѣръ, кристаллы минерала, взятые изъ одного и того-же мѣсторожденія, или изъ мѣсторожденій подобныхъ другъ другу, представляютъ одинаковыя формы. Наоборотъ: поваренная соль, какъ это было уже извѣстно Роме Делилю, кристаллизуется въ водѣ въ видѣ кубовъ, а въ мочѣ въ видѣ октаэдровъ. Впослѣдствіи Лебланъ (20), показалъ, что квасцы кристаллизуются въ кубахъ, если маточный растворъ заключаетъ избытокъ глинозема, и что если даже опустить въ такой растворъ октаэдрическій кристаллъ квасцовъ, то онъ принимаетъ, увеличиваясь, форму куба. Вліяніемъ примѣсей на формы кристалловъ занимались потомъ Беданъ и Пастёръ. Новыя изслѣдованія Пастёра были произведены надъ кислымъ яблочнокислымъ амміакомъ и надъ муравьинокислымъ стронціаномъ.

Кислый яблочнокислый амміакъ кристаллизуется въ орторомбической (одно-и-одноосной) системѣ, въ видѣ прямоугольныхъ пластинокъ, которыхъ края заострены — такъ-что заостренія противоположныхъ краевъ одинаковы (вертикальная ромбическая призма, поперечныя плоскости и горизонтальная призма).

Пастёръ разламывалъ такія пластинки поперекъ, по направленію спайности, или распиливалъ вдоль, гдѣ нѣтъ листопрохожденія, и потомъ опускалъ куски въ маточный растворъ; тогда весьма быстро образовывались заостренія. Именно на краяхъ разрѣза тотчасъ показывались заостряющія площадки; нарастаніе перпендикулярно къ разрѣзу шло несравненно скорѣе, чѣмъ въ другихъ направленіяхъ и, когда заостреніе было готово, тогда кристаллъ начиналъ увеличиваться снова равно со всѣхъ сторонъ. То-же самое происходило, когда кристаллы были ломаемы различными способами.

Растворъ этой соли амміака уклоняетъ плоскость полиризованнаго свѣта; уже прежде Пастёръ доказалъ, что такимъ солямъ свойственны геміэдрическія формы; между-тѣмъ яблочноки-

(20) *Leblanc*. Journal phisyque, XXXIII, 1788.



сный амміакъ, кристаллизуясь въ чистой водѣ, никогда не представляетъ геміэдріи. Пастёръ нашелъ однакожь, что если маточный растворъ содержитъ въ себѣ хотя немного продуктовъ измѣненія самой соли отъ теплоты, то она постоянно кристаллизуется геміэдрическими плоскостями. Искусственно срѣзанныя геміэдрическія плоскости въ нечистомъ маточномъ растворѣ сохранялись, а въ чистомъ пропадали.

Далѣе Пастёръ произвелъ слѣдующій опытъ: пластинку кристалла онъ разломилъ поперекъ пополамъ и положилъ одинъ кусокъ въ чистый растворъ, а другой — въ нечистый. На-другое-утро первый получилъ заостреніе, а второй сверхъ того геміэдрическія площадки; но кромѣ того первый былъ несравненно шире втораго и слѣдовательно кристаллы возрастали неодинаково въ разныхъ направленіяхъ. Чтобы доказать, что геміэдрія происходитъ здѣсь отъ другихъ пропорцій въ возрастаніи по разнымъ направленіямъ, Пастёръ обклеилъ боковые края кристалла металлическою бумагою и срѣзалъ верхнее и нижнее заостреніе, такъ-чтобы возрастаніе въ ширину было невозможно, а возрастаніе въ длину совершалось-бы съ большею быстротою. Такой кристаллъ и въ чистомъ растворѣ получилъ геміэдрическія площадки.

Изъ этихъ опытовъ авторъ выводитъ слѣдующее общее заключеніе:

Всякая кристаллическая форма способна ко многимъ комбинаціямъ. Но различныя формы, которыя могутъ являться на ней, быть можетъ, не согласны съ тѣми пропорціями возрастанія, которыя свойственны кристаллу. Если-же измѣнить эти пропорціи, то и явится на немъ новая форма.

На обломанныхъ частяхъ кристалла возрастаніе всегда совершается иначе, нежели на цѣлыхъ, и потому здѣсь могутъ иногда являться площадки формъ несогласныхъ съ свойствами кристалла; но съ дальнѣйшимъ возрастаніемъ онѣ непремѣнно пропадаютъ. Такъ иногда и въ чистомъ растворѣ могутъ явиться геміэдрическія площадки.

Тѣ-же опыты были повторены съ кислою яблочнокислою известью, которая, кристаллизуясь въ азотной кислотѣ, представляетъ геміэдрію, а въ чистомъ маточномъ растворѣ является гоміэдрическою.

Особенный интересъ представляли опыты съ муравьинокислымъ стронціаномъ; по особеннымъ свойствамъ этой соли, опыты съ нею служили къ рѣшенію важныхъ вопросовъ, касающихся теоріи геміэдрическихъ формъ. Объ этой теоріи, которая также принадлежитъ Пастёру, мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ.

Н. СТРАХОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О времени появленія въ печати Московскихъ Вѣдомостей. — Въ С. Петерб. Вѣдом. (№ 43) напечатано слѣдующее письмо г. директора Императорской публичной библіотеки, барона М. А. *Корфа*, къ редактору Вѣдомостей:

«Въ № 76-мъ Нѣмецкихъ Санктпетербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей помѣщена любопытная статья г. академика Гамеля, оттиснутая потомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, и отдѣльною брошюрою, о результатахъ дѣйствій машинъ, введенныхъ въ Англіи и Америкѣ для печатанія газетъ и другихъ періодическихъ изданій. Въ этой статьѣ г. Гамель, означая временемъ появленія первой Американской газеты 24 апрѣля 1704 года, слѣдственно позже, чѣмъ началось печатаніе газетъ въ Россіи, продолжаетъ далѣе: «Извѣстно, что въ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ есть экземпляръ Московскихъ Вѣдомостей 1703 года и что общее мнѣніе считаетъ у насъ этотъ годъ *первымъ*, съ котораго сіи вѣдомости стали являться въ печати; но я позволяю себѣ думать, что онѣ выходили еще прежде того. Въ нумерѣ 18 іюля 1703 года, послѣ извѣстія, что накадунѣ прибыло изъ Сибири въ Москву извѣстное число пушекъ, мортиръ и гаубицъ, а также желѣзо и сталь, прибавлено, что «въ *прежнихъ* вѣдомостяхъ объявлено о сысканіи желѣза въ Сибири.» А какъ въ предшедшихъ нумерахъ этого года никакого извѣстія о такомъ открытіи въ Сибири желѣзной руды не находится, то и ясно, что Московскія Вѣдомости начали появляться въ печати по-крайней-мѣрѣ съ 1702 года, если еще не раньше, можетъ быть даже съ 1700.»

«Желая удостовѣриться, въ какой мѣрѣ справедлива догадка г. Гамеля, съ перваго взгляда довольно-вѣроятная, я поручалъ старшему библіотекарю Бычкову ближе повѣрить и разъяснить это обстоятельство, какъ весьма-важное для исторіи нашей журналистики.

«Вотъ сущность отзыва г. Бычкова:

«*Первый нумеръ* печатныхъ Московскихъ Вѣдомостей ни въ какомъ случаѣ не могъ явиться въ свѣтъ ранѣе 16 декабря 1702 года, потому-что самый указъ Петра Великаго о печатаніи ихъ только въ *этотъ* день былъ обнародованъ. Но въ періодъ времени отъ 16 декабря 1702 года до 2 января 1703 года, когда *дѣйствительно* вышелъ первый, доселѣ извѣстный нумеръ Московскихъ Вѣдомостей, не было издано ни одного листка газетъ и это учрежденіе основывается на слѣдующемъ:

«Указъ о печатаніи вѣдомостей (курантовъ) былъ обнародованъ за недѣлю до святокъ, въ-теченіе которыхъ не производилось никакихъ работъ въ типографіи; слѣдовательно въ промежутокъ времени отъ 16 до 24 декабря монастырскому приказу, завѣдывавшему этимъ дѣломъ, надлежало разослать памяти во всѣ прочіе приказы о собраніи свѣдѣній, заслуживавшихъ явиться въ печати; получить эти свѣдѣнія, выбрать изъ нихъ самое любопытное и выбранное отослать на печатный дворъ, для набора и отпечатанія.»

«Спрашивается: могло-ли все это быть исполнено *въпродолженіе недѣли*, когда положительно извѣстно, что еще слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, т. е. въ 1725 году, составленіе одного нумера газетъ, наборъ и корректура его занимали *десять* дней? Сверхъ-того, какое могло быть основаніе начинать изданіе въ послѣднихъ дняхъ года?»

«Ошибочная догадка г. Гамеля произошла, очевидно, оттого, что онъ въ приведенномъ мѣстѣ слову «вѣдомости» далъ значеніе *печатныхъ газетъ*, тогда-какъ оно означаетъ здѣсь лишь *письменное увѣдомленіе*. Въ семъ послѣднемъ смыслѣ это слово употреблено и въ самомъ указѣ 16 декабря:... «а для печати тѣхъ курантовъ, *вѣдомости*, въ которыхъ приказахъ, о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать.... въ монастырскій приказъ.» Слѣдственно выраженіе «въ прежнихъ вѣдомостяхъ» указываетъ только на то, что *письменныя* увѣдомленія Сибирскаго приказа о разныхъ любопытныхъ событіяхъ и происшествіяхъ въ Сибири были посылаемы въ приказъ монастырскій ранѣе іюля 1703 года и что не все помѣщенное въ нихъ было печатано въ вѣдомостяхъ.

«Покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, напечатать въ вашей газетѣ это объясненіе, служащее подтвержденіемъ обще-

принятому нынѣ мнѣнію и вмѣстѣ полнымъ, впредь до открытія другихъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, опроверженіемъ догадки г. Гамеля, пользуюсь симъ случаемъ для возобновленія вамъ увѣреній въ совершенномъ моемъ почтеніи.

БАРОНЪ М. КОРФЪ.

Царское Село,
27 іюня 1857 года.

Публичная защищеніе кандидатомъ Майковымъ диссертаціи на степень магистра.—6 іюня, въ актовой залѣ Императорскаго Московскаго университета, въ публичномъ засѣданіи историко-филологическаго факультета, кандидатъ *Майковъ* защищалъ ученое изслѣдованіе, написанное имъ для полученія степени магистра Славянской словесности, подъ заглавіемъ: «Исторія Сербскаго языка по письменнымъ Кирилловскимъ памятникамъ въ-связи съ исторіею народа». Въ краткой вступительной рѣчи, диспутантъ изложилъ причины, побудившія его избрать исторію Сербскаго языка предметомъ своего сочиненія, и раздѣлить послѣднее на двѣ части: историческую и филологическую. Оппоненты—профессоры *Бодянскій* и *Буслаевъ*, изъявляя диспутанту живѣйшую признательность за капитальный трудъ его, сдѣлали нѣсколько возраженій, первый—преимущественно по исторической части, второй—по части лингвистической. Диспутъ заключенъ былъ замѣчаніями декана историко-филологическаго факультета, профессора *Соловьева*. Затѣмъ, деканъ прочелъ, отъ имени факультета, слѣдующій отзывъ одного изъ членовъ факультета, профессора *Бодянскаго*, о сочиненіи г. *Майкова*:

«Съ нѣкотораго времени начали появляться у насъ сочиненія на ученыя степени, радующія каждаго, кто горячо принимаетъ къ сердцу успѣхи науки въ родной землѣ и на родномъ языкѣ. Всѣ вообще они съ перваго разу поражаютъ каждаго сколько внѣшнимъ объемомъ своимъ, столько-же и внутреннимъ достоинствомъ. Между тѣмъ и другимъ находимъ строгое соотвѣтствіе; присоедините къ этому всегдашнюю важность вопросовъ, выбираемыхъ для разработки, и способъ рѣшенія ихъ; оттого неудивительно, что теперь, за весьма немногими исключеніями (гдѣ ихъ нѣтъ?), всякое такое сочиненіе составляетъ чрезвычайно замѣчательный вкладъ въ нашу ученую литературу. Воспитанники нашихъ уни-

верситетовъ смотрятъ нынѣ совсѣмъ уже иными глазами даже на самое начало въ дѣлѣ ученомъ, и не хотятъ дарить насъ чѣмъ-либо недозрѣлымъ, скороспѣлымъ, не прибѣгаютъ подъ защиту снисхожденія къ писанію ихъ, какъ первинкѣ, съ посуломъ въ будущемъ болѣе совершеннаго, болѣе объемистаго. И хорошо дѣлаютъ. Въ комъ съ-початку нѣтъ къ труду охоты, отъ того и впередъ не ждите работы. Напротивъ, dimidium facti, qui bene coepit habet, говоритъ извѣстный пѣвецъ. Нашему университету, сколько помню, и въ этомъ случаѣ, принадлежитъ честь начинанія, какъ старѣйшему и болѣе искушенному. Наши слушатели первые отбросили прежній торный путь легкой добычи ученыхъ степеней, сказавши себѣ: «Чѣмъ кое-какъ пахать, лучше и не впрягать; гдѣ не сѣется, тамъ и не жнется». Добрый примѣръ не остался безъ добрыхъ послѣдствій. И другіе университеты стали уже высылать дѣлателей, подобныхъ нашимъ, приносящихъ сколько честь мѣсту воспитанія ихъ, столько-же составляющихъ украшеніе отечественной науки.

«Къ числу такихъ молодыхъ дѣлателей, являющихся съ перваго вступленія своего въ храмъ знанія съ твореніемъ, говорящимъ намъ прямо и безъ околичностей, кто и что онъ такое, принадлежитъ и сочинитель оцѣниваемаго мною произведенія. Съ подобнымъ произведеніемъ не приходятъ новички, а люди, не бѣгающіе занятій, полюбившіе науку всѣмъ своимъ существомъ, вѣдая, что въ ней безъ труда нѣтъ плода, бойцы, сколько испытанные въ поискахъ и розыскахъ, столько-же и знающіе, гдѣ чего и какъ искать. Такіе люди сами лучше всякаго другаго говорятъ за себя, и намъ остается только съумѣть оцѣнить ихъ надлежащимъ образомъ.

«Предметъ, данный сочинителю для разработки, доселѣ не былъ еще никѣмъ затронутъ. Ему первому принадлежитъ честь воздѣланія его. Сдѣланное сочинителемъ для исторіи Сербскаго языка по памятникамъ, Кириллицею писаннымъ, сдѣлано по источникамъ и пособіямъ, доселѣ обнародованнымъ, и составляетъ рѣшительно кладъ для Славянской исторіи и филологіи: потому-что выводы, къ которымъ пришелъ онъ, съ одной стороны, совершенная новость, подарокъ, а съ другой — и прежнее является въ иномъ, не менѣе неожиданномъ новомъ видѣ. Обѣ части сочиненія представляютъ тому безпрерывный рядъ доказательствъ съ начала до конца. Нѣтъ почти ни одного значительнаго событія

въ области народной и государственной жизни Сербовъ, на которое-бы мы теперь, послѣ его труда, не принуждены были въ большей или меньшей степени перемѣнить доселѣшняго своего взгляда; даже и оставленное имъ въ сторонѣ принимаетъ нерѣдко иной оттѣнокъ отъ обстановки ея новыми особями, или и старымъ, но въ болѣе или менѣе новой одеждѣ. Что до области Сербскаго языка, то исторія судебъ его въ древнѣйшую эпоху составляетъ, въ буквальномъ смыслѣ, сколько первое, столько-же и самобытное произведеніе. Въ обѣихъ областяхъ сочинитель не имѣлъ себѣ предшественниковъ, пролагалъ новый путь, былъ вмѣстѣ и работникомъ и зодчимъ. Этимъ обусловилась самостоятельность его произведенія, обязаннаго всѣми своими высокими достоинствами преимущественно счастливому соединенію способовъ изслѣдованія: разумѣю, историческаго и филологическаго.

«Въ этомъ отношеніи я не знаю болѣе блистательнаго и удачнаго приложенія ихъ къ подобнымъ памятникамъ, т. е. памятникамъ исторической жизни народа, ввѣренной храненію слова его самого. Еслибы всѣ наши любители и почитатели роднаго придерживались этого пути, то нѣтъ сомнѣнія, что со-временемъ у насъ явились-бы, съ одной стороны, историки-филологи, а съ другой— филологи-историки, и наука отъ такого совмѣщенія въ одномъ и томъ-же лицѣ двухъ самыхъ тѣсныхъ областей вѣдѣнія, донынѣ пока разрозненныхъ между собою и чуть-чуть не враждебныхъ, только выиграла-бы, быстро устремилась-бы къ совершенству, достигла-бы самыхъ счастливыхъ итоговъ.

«Желаю отъ всей души, чтобы сочинителю, какъ можно скорѣе, представился случай къ примѣненію этого плодотворнаго метода въ области роднаго слова; и если голосъ наставника въ семъ случаѣ имѣетъ какое-либо значеніе, то онъ безусловно и громко возвышаетъ его во-всеуслышаніе въ эту торжественную для сочинителя минуту. Русская филологія, какъ наука, пріобрѣтетъ въ немъ дѣятеля, выходящаго во-всеоружіи, требуемомъ современныхъ состояніемъ филологіи вообще и Славянской въ-особенности, къ коей Русская относится, какъ часть къ цѣлому, и въ коей почерпаетъ лучшія свои силы. Внѣ самаго тѣснаго общенія ея съ обще-Славянской, въ-свою-очередь опирающейся на Индо-Европейскую, какъ пополненіе свое внѣ этой живой и неразрывной связи, нѣтъ, и быть не можетъ, успѣховъ для отечественной филологіи, истин-

но научнаго познанія природы и судебъ роднаго слова. Тутъ ни начитанность, ни ревность по благу его, ни трудолюбіе, ничего не измѣнятъ къ лучшему уразумѣнію: матеріалы накопятся въ страшномъ объемѣ, но зодчаго не будетъ, и каждый изъ насъ, глядя на нихъ, невольно скажетъ: *Человѣка не имамы!*

Сообщаемъ положенія, которыя были защищаемы г. *Майковымъ*.

1) Памятники, вошедшіе въ изслѣдованіе о древне-Сербскомъ языкѣ, вылились непосредственно изъ жизни независимаго и самостоятельно-развивающагося народа. Мѣсто и время ихъ появленія, ихъ умноженіе и исчезновеніе, ихъ содержаніе, языкъ и вообще самый духъ условлены историческою судьбою той страны и тѣхъ лицъ, которымъ они принадлежатъ. Дѣленіе на разряды и семьи совпадаетъ съ ихъ историческимъ значеніемъ и язычными свойствами.

2) Дубровникъ, по памятникамъ, является независимою торговою общиною, хотя и признаетъ въ нѣкоторой степени верховную власть Венеціи, потомъ Угріи. Свободная торговля, пріобрѣтеніе земель, невмѣшательство, миръ и дружба со всѣми суть главныя условія его договоровъ. Онъ служитъ убѣжищемъ для всѣхъ и принимаетъ вклады на сбереженіе. За полученныя земли платитъ дань сначала Сербіи, потомъ Боснѣ, подъ-конецъ Портѣ. Судебное разбирательство между Дубровничанами и Сербами вмѣщаетъ въ себѣ права тѣхъ и другихъ. Въ Дубровницкихъ уставахъ участвуетъ Римское право, и вообще въ жизни Дубровника видно вліяніе Италіи.

3) Босна обнаруживаетъ въ себѣ борьбу разнородныхъ началъ, проникающую весь составъ ея народа. Королевская власть, слабая недостаточностію правъ престолонаслѣдія, борется съ возрастающимъ могуществомъ бояръ, оказывающихъ сильное вліяніе при смѣнѣ королей. Внутренняя борьба идетъ за вѣроисповѣданіе. Къ ней присоединяется дѣйствіе посторонней вражды Сербіи съ Угріею, православія съ католицизмомъ. Слѣдствіемъ всего этого есть государственная слабость и внутреннее разложеніе. Босна постоянно стремится къ самостоятельности и не достигаетъ ея вполнѣ; это стремленіе переходитъ и къ ея частямъ, преимущественно къ Хлуму.

4) Православная Сербія развивается самостоятельно, расширя-

ясь извнѣ чрезъ завоеванія, и укрѣпляясь внутри чрезъ возвышеніе значенія самодержавія и устройства гражданскаго быта. Въ лицѣ Душана мысль самодержавія, мысль государственная, достигаетъ возможной полноты; но возникновеніе отдѣльныхъ боярскихъ личностей, добивающихся престола, чрезмѣрное расширеніе предѣловъ, вліяніе упадающей Греціи и учрежденіе намѣстничествъ приводятъ Сербію къ распаденію, изнеможенію и разрушенію.

5) Значки въ Древне-Сербскихъ памятникахъ двухъ родовъ: внутренніе, выражающіе качество, или количество гласной; внѣшніе, или замѣнительные, заступающіе мѣсто строчной гласной.

6) Звукодвиженіе и словодвиженіе Древнесербскаго письменнаго языка вмѣщаютъ въ себѣ два родственныя, взаимнодѣйствующія образовательныя начала: Церковно-Славянское и народное. Начала эти присутствуютъ въ немъ не равномѣрно, смотря по содержанію, мѣсту и времени памятника. Но въ общей сложности памятниковъ нѣтъ такого времени и пространства, гдѣ-бы не было ихъ обоихъ.

7) Народное начало есть главный образователь Древне-Сербскаго письменнаго языка въ разсматриваемыхъ памятникахъ; оно исполнено жизни и движенія. Въ немъ встрѣчаются древнѣйшіе признаки, ослабнувшіе, или вовсе исчезнувшіе нынѣ, и указывающіе на племенное родство Славянскихъ нарѣчій и отличительно ближайшее положеніе ихъ другъ къ другу въ старину, переходные звуки и формы и наконецъ новѣйшіе зарождающіеся, или усиливающіеся признаки.

8) Церковно-Славянское начало, второй образователь Древнесербскаго письменнаго языка, входитъ въ него безъ движенія, какъ заимствованіе. Оно ближе стоитъ къ народному въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и отдаляется съ теченіемъ времени, становясь замѣтнымъ привносомъ подъ вліяніемъ своей письменности.

9) Относительно двухъ образовательныхъ началъ, разсматриваемые памятники распадаются на двѣ главныя семьи: восточную и западную. Первая выказываетъ преимущественно свойства восточнаго подрѣчія, вторая—западнаго; первая болѣе удерживаетъ въ себѣ Церковно-Славянскаго начала, вторая предшествуетъ ей въ развитіи народнаго начала. Общность признаковъ въ обѣихъ



семьяхъ — бо́льшая въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и меньшая въ позднѣйшихъ.

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛАГАЕМЫЯ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ НА КОНКУРСЫ 1858, 1859, 1860 И 1861 ГОДОВЪ: XI. ИЗСЛѢДОВАНІЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ ЖУЧКОВЪ, ВРЕДНЫХЪ ДЛЯ ХЛѢБНЫХЪ РАСТЕНІЙ. — Въ числѣ насѣкомыхъ, которыя значительно вредятъ хлѣбнымъ растеніямъ, показывались время-отъ-времени въ разныхъ губерніяхъ южной Россіи жучки изъ рода хрущей (Melolontha). Этихъ хрущей энтомологи называютъ анисопліями (*). Въ настоящее время мало еще извѣстно, какъ рождается, питается и размножается это насѣкомое, между-тѣмъ все это необходимо для изысканія способовъ отвращенія вреда, который анисопліи причиняютъ хозяйству. До-сихъ-поръ объ образѣ жизни анисоплій можно было только дѣлать нѣкоторыя заключенія по многолѣтнимъ наблюденіямъ надъ жизнію обыкновеннаго хруща, или майскаго жучка (Melolontha vulgaris). Оплодотворенныя самки майскаго жука проникаютъ въ землю и тамъ кладутъ свои яички. Вышедшая изъ яичка личинка (въ просторѣчіи называемая червякомъ) питается кореньями растеній, объѣдая ихъ. Превратившись въ куколку, это насѣкомое остается безъ пищи до преобразованія въ жука, который уже питается листьями и цвѣтомъ растеній. Обыкновенный хрущъ, какъ извѣстно, зарываетъ свои ячки предпочтительно около молодыхъ посадокъ, гдѣ личинки легко могутъ найти для себя пригодную пищу. Личинки обыкновеннаго майскаго хруща только въ концѣ 4 лѣта превращаются въ куколки, а жуки выходятъ изъ земли не ранѣе весны слѣдующаго года. По мнѣнію разныхъ энтомологовъ, личинки анисоплій, вѣроятно, питаются кореньями травъ, отчего на сѣнокосахъ иногда встрѣчаются круговины высохшей и пожелтѣвшей травы; но это обыкновенно бываетъ на сухихъ сѣнокосахъ;

(*) Въ наукѣ, анисопліи раздѣляются на немалое число видовъ, изъ которыхъ въ Россіи наносятъ вредъ:

Anisoplia agricola, Fabr.
» arvicola, Olivier; frumentaria, Steven.
» austriaca, Herbst.
» fruticola, Fabr. Megerle.

Объ этихъ жучкахъ см. изданное ученымъ комететомъ м. г. им. сочиненіе «О вредныхъ насѣкомыхъ». Спб. 1851 г. въ 8 д.



въ низменныхъ-же мѣстахъ жуки, по всей вѣроятности, не кладутъ своихъ яичекъ. Мнѣніе, что личинки анисоплій не питаются кореньями хлѣбовъ, еще не доказано. Въ Берлинѣ извѣстный садоводъ и писатель о вредныхъ насѣкомыхъ Буше выкормилъ личинку кустовой анисопліи (A. fruticola) неперепрѣлымъ навозомъ, въ которомъ онъ ее нашелъ. Онъ даже сомнѣвается, чтобы личинки анисоплій питались кореньями (*). Переставъ быть личинкой и куколкой, обыкновенные жуки питаются листьями и цвѣтомъ. Изъ свѣдѣній о вредѣ, причиняемомъ анисопліями, видно, что онѣ на озимыхъ посѣвахъ выѣдаютъ цвѣтъ ржи и пшеницы, истребляютъ зерновое молоко, при чемъ тяжестью своею ломаютъ колосья. Жучковъ до того иногда бываетъ много, что колосья унизываются ими. Есть также извѣстіе, что жучки показываются и на яровыхъ хлѣбахъ и что они истребляютъ не одно зерновое молоко, но поѣдаютъ и зрѣлыя зерна. Изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній, до которыхъ достигли въ настоящее время естествоиспытатели и сельскіе хозяева, легко рождаются вопросы, требующіе для своего рѣшенія дальнѣйшихъ наблюденій:

1. Въ какое время происходитъ оплодотвореніе самки? Что предпринимаетъ послѣ того самка и что дѣлается съ самцомъ? Самка уходитъ-ли въ землю для кладки яицъ? Какая при этомъ предпочитается ею мѣстность и земля? Всѣ-ли яички складываются въ одну кучу, или-же по-нѣскольку вмѣстѣ, или совершенно въ-разбросъ?

Примѣчаніе. Для рѣшенія этого вопроса нужно произвести наблюденія не только на полѣ, но и у себя на дому, въ ящикахъ, заставляя оплодотворенныхъ самокъ класть въ нихъ свои яички.

2. Сколько проходитъ времени отъ кладки яицъ до выхода личинокъ, — отъ выхода личинокъ до превращенія ихъ сначала въ куколку, а потомъ въ жучковъ? Какая продолжительность жизни жучка?

Примѣчаніе. Для этого наблюденія надобно употребить нѣсколько лѣтъ.

(*) См. G. Fr. Bouché. Naturgeschichte der schädlichen und nützlichen Garteninsecten und die bewährtesten Mittel zur Vertilgung derselben. Berlin, 1833 in 8, стр. 21.



3. Чѣмъ преимущественно питается личинка? Если она объѣдаетъ коренья, то не обходитъ-ли одни, употребляя въ кормъ другіе и какіе именно? Если-же личинка питается навозомъ, то какимъ, т. е. пометомъ какого животнаго и вѣроятно неперепрѣлымъ, и не питается-ли другими, подъ землею водящимися личинками или червями и т. п.?

Когда, т. е. въ какихъ числахъ начинаютъ показываться жучки? Выползаютъ-ли они изъ земли и въ какое время дня? Какъ велики норки, изъ которыхъ они выходятъ наружу (просторъ ихъ и глубина)? Гдѣ проводятъ ночь? Какое вліяніе имѣютъ на жизнь жучковъ дожди и бури?

5. Чѣмъ питаются жучки: какими именно растеніями и какими частями ихъ? На какихъ мѣстахъ и на какихъ именно хлѣбахъ озимыхъ и яровыхъ водятся анисопліи? Питаются-ли онѣ не только цвѣтомъ и зерновымъ молокомъ, но и зрѣлыми, отвердѣвшими уже зернами? Какъ великъ вредъ, причиняемый однимъ жучкомъ, и какое вообще вліяніе на хлѣбъ имѣетъ появленіе и размноженіе анисоплій? Легко-ли ихъ стряхивать съ колосьевъ и въ какое время дня онѣ доступнѣе?

6. Не замѣчаются-ли періодически повторявшіяся появленія въ большомъ числѣ этихъ жучковъ, на-примѣръ черезъ 2, 3, 4 или болѣе лѣтъ?

Примѣчаніе. Есть мнѣніе, что онѣ появляются черезъ семь или восемь лѣтъ.

7. Какія можно придумать средства для истребленія насѣкомыхъ и, что еще важнѣе, для предупрежденія ихъ размноженія?

За сочиненіе, которое будетъ найдено вполнѣ удовлетворительнымъ, назначается первостепенная награда — золотая медаль въ 300 рублей. Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ програмы, будутъ награждены золотыми медалями второй величины — въ 150 рублей. Наконецъ сочиненія, несоотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему-либо замѣчательными, будутъ удостоены серебряныхъ медалей или почетныхъ отзывовъ. Срокъ для присылки сочиненій назначается 1-го іюня 1861 года.

Общія условія относительно изложенныхъ выше XI задачъ конкурса (*).—

(*) См. майскую и іюньскую книжки Журн. м. н. пр.

Сочиненія должны быть написаны по-Русски (*), согласно выше изложеннымъ программамъ, слогомъ яснымъ и правильнымъ, и переписаны четкимъ почеркомъ. Каждая рукопись должна быть снабжена какимъ-либо девизомъ, который долженъ находиться и на оберткѣ приложенной къ сочиненію запечатанной записки, содержащей: имя, званіе и мѣсто жительства автора. Сочиненія печатныя или представленныя въ рукописи, но прежде гдѣ-либо напечатанныя, къ соисканію не допускаются; равнымъ-образомъ не могутъ быть допущены къ соисканію сочиненія, представленныя съ подобною-же цѣлію куда-либо, кромѣ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Сочиненія, удостоенныя награды, могутъ быть печатаемы министерствомъ на его счетъ, и въ такомъ случаѣ 300 экземпляровъ предоставляются безденежно въ пользу автора, который при томъ не лишается права печатать и другими изданіями, въ свою исключительную пользу, сочиненіе, удостоенное награды, на основаніи существующихъ узаконеній; но если авторъ пожелаетъ выставить на заглавномъ листѣ, что онъ за представленное имъ сочиненіе удостоенъ медали или похвальнаго отзыва, то въ такомъ случаѣ обязанъ въ началѣ книги вполнѣ помѣстить обнародованное объ ней опредѣленіе комитета. Сочиненія, неудостоенныя наградъ, хранятся въ ученомъ комитетѣ безъ распечатанія приложенныхъ при нихъ записокъ, или возвращаются автору, если онъ того пожелаетъ, но не иначе, какъ по объявленіи избраннаго имъ девиза. Если по истеченіи года со времени обнародованія въ журналѣ министерства госуд. им. отчета по конкурсу, авторъ того сочиненія не объявитъ желанія получить его обратно, то записка, содержащая означеніе имени, сожигается въ присутствіи комитета, а самая рукопись передается въ библіотеку комитета для храненія.

О наблюденіяхъ и опытахъ надъ дикорастущими кормовыми травами.— Въ числѣ причинъ, затрудняющихъ вообще наше сельское хозяйство и препятствующихъ его развитію, одна изъ главныхъ заключается въ недостаткѣ кормовыхъ для скота средствъ. Имѣя въ виду это обстоятельство и оцѣняя трудность выхода изъ трех-

(*) Въ этомъ отношеніи допускается исключеніе только для задачи подъ № XI, отвѣтъ на которую можетъ быть написанъ, кромѣ Русскаго, на Нѣмецкомъ или Французскомъ языкѣ.



польной системы хозяйства, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало рабочихъ рукъ, министерство государственныхъ имуществъ, при самомъ учрежденіи своемъ, сочло долгомъ обращать вниманіе хозяевъ на необходимость улучшенія естественныхъ луговъ и пастбищъ, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ заботилось какъ о распространеніи нужныхъ къ тому свѣдѣній, такъ и о приготовленіи теоретически и практически образованныхъ по сей части техниковъ. Опыты осушенія болотъ и систематическаго орошенія луговъ, произведенные въ отечествѣ нашемъ, принесли уже значительную пользу; но эти работы въ большей части случаевъ требуютъ предварительныхъ, иногда довольно значительныхъ затратъ, къ чему не всегда наши хозяйства представляютъ достаточныя средства. Попытки введенія кормовыхъ травъ въ сѣвооборотѣ встрѣчаются гораздо чаще, но и онѣ не всегда сопровождаются успѣхомъ какъ по недостатку надлежащаго въ истощенной землѣ плодородія, такъ и по неимѣнію еще изъ опыта выведенныхъ заключеній о пригодности извѣстнаго рода почвы для того или другаго кормоваго растенія. Доселѣ опыты съ травосѣяніемъ ограничивались у насъ посѣвами клевера, тимофеевки, вики, торицы и люцерны; между-тѣмъ одинъ взглядъ на луга и пастбища показываетъ, что они состоятъ изъ множества травъ, произрастающихъ дико, которыя слѣдовательно можно разводить и съ пособіемъ искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что, способствуя размноженію этихъ дикорастущихъ травъ въ свойственныхъ имъ мѣстностяхъ, мало пригодныхъ для другихъ растеній, возможно пріобрѣсти средство, наиболѣе доступное для нашихъ хозяйственныхъ условій, къ усиленію кормовыхъ для скота запасовъ. Но, чтобы въ этомъ дѣлѣ достигнуть вѣрныхъ результатовъ, необходимо прежде всего опредѣлить растенія полезнѣйшія и наиболѣе свойственныя каждой мѣстности, по ея климатическимъ и топографическимъ условіямъ. Извѣстно, что на естественныхъ лугахъ произрастаетъ смѣшанно множество растеній; но въ кормовомъ отношеніи важны только два семейства растеній, именно злаки (graminaea) и шелушныя (leguminosa); всѣ прочія или безполезны или даже вредны для домашнихъ животныхъ. Принимая на первый разъ въ соображеніе опыты, произведенные въ другихъ странахъ, мы знаемъ напримѣръ, по тщательнымъ наблюденіямъ д'Урша (D'Ourches), произведеннымъ въ Бретани, что изъ произрастающихъ, на лугахъ средней влажности, 45 видовъ рас-

теній, только 17 были годны для животныхъ и 28 вредны или безполезны; на высокихъ пастбищахъ или суходолахъ, изъ 35 породъ было полезныхъ толбко 8, и наконецъ на лугахъ низменныхъ, изъ 27 видовъ оказалось только 4. Понятно послѣ этого, что животное, которому даютъ кормъ, составленный изъ смѣси травъ, для него полезныхъ, безполезныхъ и вредныхъ, или не получаетъ достаточнаго питанія, или съѣдая ихъ отъ голода, должно подвергаться разнаго рода болѣзнямъ. Никлесъ, занимавшійся подобнаго рода наблюденіями въ Альзасѣ, пришелъ къ заключенію, что количество произведеній на естественныхъ лугахъ могло-бы быть удвоено, еслибы негодныя травы, на нихъ растущія, были замѣнены хорошими кормовыми травами. Вездѣ, гдѣ были дѣлаемы подобныя наблюденія, они привели къ тѣмъ-же результатамъ, доказывающимъ очевидно, какъ важно, не оставляя на произволъ случая образованіе луговъ и пастбищъ, способствовать къ выбору травъ наиболѣе полезныхъ и свойственныхъ мѣстности. Этотъ общій результатъ вполнѣ примѣняется и къ нашимъ лугамъ и пастбищамъ. Но, приступая къ замѣнѣ вредныхъ или безполезныхъ растеній полезными, мы не можемъ руководствоваться безъ разбора наблюденіями, сдѣланными въ западной Европѣ, при другихъ климатическихъ условіяхъ, отъ которыхъ преимущественно зависитъ большая или меньшая польза, большій или меньшій успѣхъ въ разведеніи растеній, особенно такихъ, которыя должны произрастать преимущественно подъ исключительнымъ вліяніемъ естественныхъ причинъ, съ малымъ пособіемъ искусства. Да и въ западной Европѣ разведеніе кормовыхъ травъ признаютъ необходимымъ основывать на мѣстныхъ, почти въ каждомъ имѣніи, наблюденіяхъ: ибо часто случается, что на близкомъ разстояніи въ одномъ мѣстѣ успѣхъ разведенія лучшихъ питательнѣйшихъ кормовыхъ травъ несомнѣненъ, а въ другомъ должно ограничиться только посредственными травами. У насъ доселѣ подобнаго рода наблюденій почти вовсе не было, а потому потребность въ нихъ дѣлается еще болѣе настоятельною. Въ этихъ видахъ ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ приглашаетъ хозяевъ къ производству наблюденій и опытовъ надъ дикорастущими кормовыми травами, для опредѣленія: какія изъ нихъ могутъ быть пригодны въ большей части случаевъ и при какихъ условіяхъ почвы, какъ для введенія ихъ въ извѣстные полевые

сѣвообороты, такъ и для посѣва на естественныхъ лугахъ и пастбищахъ. При производствѣ такого рода наблюденій и опытовъ, должно имѣть въ виду обстоятельства, изложенныя ниже сего. За доставленіе удовлетворительныхъ описаній, наблюденій и опытовъ надъ малоизвѣстными дикорастущими травами, будутъ назначаемы медали, именно: за сочиненія, которыя будутъ признаны вполнѣ удовлетворительными—золотыя медали въ 150 червонцевъ; за труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ програмы,—золотыя-же медали малой величины въ 50 червонцевъ, и наконецъ, за описанія, хотя и не вполнѣ соотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему-либо примѣчательными,—серебряныя медами. Къ описаніямъ должно быть приложено не болѣе двухъ фунтовъ сѣмянъ каждой изъ описанныхъ травъ, а равно засушенные, въ полномъ видѣ, экземпляры ихъ съ цвѣтами и корнями, и съ обозначеніемъ названія травы какъ мѣстнаго, такъ, по возможности, и ботаническаго, на Латинскомъ языкѣ. При описаніи должно быть означено имя, званіе и мѣсто жительства автора. Описанія, удостоенныя награды, могутъ быть печатаемы министерствомъ государственныхъ имуществъ на свой счетъ, и въ такомъ случаѣ 300 экземпляровъ предоставляются безденежно въ пользу автора, который при томъ не лишается права печатать свое сочиненіе другими изданіями, въ свою исключительную пользу, на основаніи существующихъ узаконеній. Описанія, которыя не будутъ удостоены наградъ, могутъ быть возвращены авторамъ, по ихъ желанію.

О порядкѣ производства и описанія опытовъ и наблюденій надъ кормовыми травами. — Обстоятельства, на которыя слѣдуетъ обращать вниманіе при производствѣ наблюденій и опытовъ надъ малоизвѣстными дикорастущими годными для скота травами, суть слѣдующія: *почва*, на которой растетъ трава; *съѣдобность* травы скотомъ; *быстрота* ея роста; *обиліе* доставляемаго ею корма; *долголѣтіе* травы; *питательность* ея.

I. *Почва*. Извѣтно, что каждое растеніе преимущественно растетъ на извѣстныхъ только почвахъ; по нѣкоторымъ дикорастущимъ растеніямъ можно даже напередъ опредѣлять родъ почвы; въ настоящемъ случаѣ, при наблюденіи надъ каждымъ растеніемъ, необходимо обратить вниманіе какъ на родъ почвы, по ея

составу, такъ и на обстоятельство, въ какой степени она проникается влажностію.

II. *Съѣдобность* животными извѣстныхъ растеній есть одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ, на который вообще надобно обратить особенное вниманіе. Нельзя отвергать, что животныя иногда сначала обѣгаютъ растенія, имъ весьма пригодныя, и къ которымъ ихъ понемногу можно пріучить до такой степени, что они на нихъ впослѣдствіи кидаются съ жадностію; и на-оборотъ, случается, что скотъ ѣстъ растенія вредныя или для здоровья его или для количества доставляемыхъ имъ произведеній. Безъ тщательныхъ наблюденій, нельзя придти къ вѣрнымъ въ этомъ отношеніи заключеніямъ; аналогіей здѣсь нельзя руководствоваться; необходимо самое тщательное опредѣленіе вида съѣдомаго растенія. Извѣстно напримѣръ, что полевой трилистникъ (trifolium arvense) обѣгается скотомъ, тогда-какъ другіе виды трилистниковъ составляютъ для него хорошую пищу; равнымъ-образомъ въ семействахъ растеній, которыя вообще непригодны для скота, есть виды, съѣдаемые имъ съ удовольствіемъ; такъ полевой колокольчикъ (convolvulus arvensis) скотъ ѣстъ охотно, обѣгая всѣ другіе виды того-же семейства. По дѣйствію извѣстнаго растенія на человѣка нельзя заключать, какъ оно будетъ дѣйствовать на животныхъ; самыя животныя въ-этомъ-отношеніи имѣютъ большую разность; такъ, напримѣръ, крупный скотъ не ѣстъ травы иванъ-да-марья (melampirum arvense и m. pratense), веронику (veronica) и пр., тогда-какъ эти-же самыя травы составляютъ пріятную и здоровую пищу для овецъ. Семейство звѣробоя (hypericum), особенно h. crispum, звѣробой кудрявый, весьма вредное для овецъ, лошади ѣдятъ безъ вреда. Есть цѣлыя семейства растеній, какъ напримѣръ, семейство паслёновъ (solanum), которыхъ листьевъ и стеблей не ѣстъ никакая порода скота, и напротивъ есть такія семейства растеній, какъ напримѣръ злаки (gramina), которыхъ всѣ виды, за исключеніемъ немногихъ, ѣдятъ лошади, рогатый скотъ, овцы и свиньи. Однакожь и между злаками одни пригоднѣе для лошадей, другіе для рогатаго скота, и т. д. Чтобъ узнать тѣ изъ растеній, которыя охотнѣе другихъ съѣдаются скотиною, надобно наблюдать за ней, когда она пасется свободно и не томится голодомъ; тогда, слѣдуя инстинкту, она не прикоснется къ растеніямъ, ей непригоднымъ. И здѣсь однакожь замѣчается иногда, къ-удивленію, что скотъ

ѣсть безъ вреда растенія, завѣдомо вредныя; но при ближайшемъ наблюденіи непремѣнно откроется, что вмѣстѣ съ вредными травами на пастбищахъ растутъ такія, которыя составляютъ противоядіе вреднымъ, уничтожая ихъ гибельныя дѣйствія. Стараясь опредѣлить травы вредныя и полезныя, растущія на лугахъ и пастбищахъ, надобно обращать вниманіе на числю видовъ этихъ растеній; чѣмъ болѣе ихъ на пастбищѣ, тѣмъ легче отдѣлить одни отъ другихъ; между-тѣмъ-какъ, въ противномъ случаѣ, легко можно ошибиться.

III. *Быстрота* роста травъ есть качество весьма драгоцѣнное, особенно у насъ, гдѣ послѣ продолжительной зимы и истощенія запасовъ стараются при первой возможности выпускать скотину на подножный кормъ. Это свойство зависитъ сколько отъ самаго растенія, столько и отъ почвы, на которой оно живетъ. На почвахъ холодныхъ, глинистыхъ и сырыхъ, растенія часто развиваются двумя недѣлями позже, чѣмъ на болѣе теплыхъ, песчаныхъ почвахъ, скорѣе нагрѣвающихся отъ первыхъ лучей солнца. Посему, важно произвести наблюденія надъ одними и тѣми-же растеніями, при одинакихъ климатическихъ условіяхъ, но растущихъ на различной почвѣ. Наблюденія подобнаго рода важны въ томъ отношеніи, что, руководствуясь ими, пастбища холодныя, но худо покрывающіяся травою, можно сдѣлать ранѣе доступными для выгона скота, разсѣвая по нимъ травы, быстрѣе другихъ растущія. Далѣе, необходимо обратить вниманіе на скорость, съ которою каждое растеніе достигаетъ той поры, когда оно дѣлается годнымъ для стравливанія скотомъ или для кошенія. Вопросъ о томъ, на сколько времени и для какого количества скота можетъ достать извѣстной величины пастбище, или сколько съ даннаго пространства можно получить сѣна, зависитъ большею частію отъ быстроты роста травъ, изъ которыхъ состоитъ пастбище или лугъ. Эпоха наибольшаго развитія травъ, растущихъ въ естественномъ соединеніи, рѣдко бываетъ одна и та-же. Такъ, напримѣръ, луговой лисохвостъ (alopecurus pratensis), пахучій желтоцвѣтъ (anthoxanthum odoratum) достигаютъ полнаго роста весною или въ началѣ лѣта; среди лѣта созрѣваетъ желтоватый овесъ (avena flavescens), разные виды мятликовъ (poa), въ началѣ осени—мятликъ высокій (festuca elatior), отпрысковая полевица (agrostis stolonifera), и т. п. Практическую важность этого рода наблюденій легко

понять: для пастбищъ выгоднѣе всего соединеніе травъ, разновременно достигающихъ полнаго развитія; такимъ-образомъ пастбища могутъ доставлять кормъ скоту постоянно съ весны до осени почти въ одномъ количествѣ. На лугахъ, назначаемыхъ для укоса, напротивъ, такое соединеніе невыгодно: при раннемъ укосѣ — поздно развивающіяся травы доставляютъ сѣна мало, при позднемъ укосѣ раннія травы, изсыхая на корнѣ, теряютъ свою питательность; для сѣнокосовъ выгоднѣе всего соединеніе травъ, сходныхъ въ-отношеніи періода своего развитія и продолжительности своей жизни.

IV. *Обиліе корма*, доставляемаго тѣмъ или другимъ растеніемъ, зависитъ или отъ *величины роста* и *объема* его, или отъ *количества стеблей и листьевъ*, или отъ большей или меньшей *живучести*, позволяющей ему рости на почвахъ тощихъ и выносить неблагопріятныя вліянія атмосферныя, или наконецъ отъ способности съ большею или меньшею силою отростать вновь послѣ укоса или стравливанія скотомъ. Всѣ эти обстоятельства должны быть въ-виду при наблюденіяхъ и опытахъ надъ каждымъ растеніемъ въ-особенности.

V. Чѣмъ *продолжительнѣе* существованіе растенія, тѣмъ медленнѣе первоначальное его развитіе; это извѣстный законъ природы. Растеніе однолѣтнее, весною посѣянное, переходитъ въ одинъ годъ всѣ періоды краткаго своего существованія, между-тѣмъ-какъ двухлѣтнее и многолѣтнее въ это-же время только укореняется; есть такія, которыя только на четвертомъ или пятомъ году совершенно развиваются. Подобно клеверу, дающему полный укосъ на второмъ году, и эспарцету на третьемъ и четвертомъ году, есть и другія дикорастущія травы, которыя только во второмъ и послѣдующихъ годахъ вполнѣ развиваются.

VI. *Питательность*. Вопросъ о сравнительной питательности растеній принадлежитъ къ труднѣйшимъ вопросамъ животной физіологіи; точное его рѣшеніе возможно только при помощи химическаго анализа. Для ближайшихъ однакожь хозяйственныхъ цѣлей можно вывести довольно вѣрныя заключенія помощію кормленія животныхъ, одной и той-же породы, испытуемыми растеніями, задавая ихъ въ кормъ каждое отдѣльно, въ зеленомъ или сухомъ видѣ, въ-теченіе нѣсколькихъ дней, и взвѣшивая какъ кормъ,

такъ и самыхъ животныхъ, первый—при каждой задачѣ, послѣднихъ въ началѣ опыта и по-истеченіи нѣсколькихъ дней.

XIII. **Изысканіе способа къ истребленію сусликовъ.** — Размножившіеся въ-послѣднее-время, въ степяхъ южной России, суслики или овражки, стали причинять ежегодно тамошнимъ хозяйствамъ огромныя потери. Къ истребленію этихъ вредныхъ животныхъ были пріискиваемы и употребляемы разныя средства, именно: разнаго рода ловушки, выливаніе водою, замазываніе норъ золою съ известью, выкуриваніе, отравленіе помощію особыхъ составовъ и пр. Всѣ эти средства, небезполезныя въ-частности, не привели однако вполнѣ къ желаемой цѣли; послѣдніе-же два способа, именно употребленіе особаго состава для отравы и другаго, сходнаго съ составомъ пороха, для выкуриванія или задушенія сусликовъ, сопряжены съ большою опасностію для самихъ поселянъ.

Ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ предлагаетъ слѣдующую задачу: *Изыскать простѣйшій и удобнѣйшій способъ къ истребленію сусликовъ, доступный средствамъ поселянъ и дѣйствительная польза котораго была-бы доказана на дѣлѣ.*

Соискатели съ предлагаемыми ими средствами къ уничтоженію сусликовъ имѣютъ обращаться въ Императорское Общество сельскаго хозяйства южной Россіи, которое, по надлежащемъ удостовѣреніи въ дѣйствительности предложеннаго способа, представляетъ объ немъ въ министерство государственныхъ имуществъ на окончательное заключеніе. За удовлетворительное, опытами доказанное и Императорскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства южной Россіи засвидѣтельствованное, рѣшеніе этой задачи, будетъ выдана, отъ ученаго комитета, золотая медаль въ 150 червонцевъ или равная ей по цѣнности денежная премія. Срока для рѣшенія этой задачи не назначается, но о времени закрытія конкурса будетъ объявлено особо (*).

Новый музей, въ Берлинѣ. — Г. *Кейслеръ*, корресподентъ С. Петерб. вѣдом., сообщаетъ слѣдующее описаніе Берлинскаго Новаго музея, который принадлежитъ къ лучшимъ украшеніямъ Прусской

(*) Извѣстіе о XIV и послѣднемъ изъ кункурсовъ, предлагаемыхъ ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ, именно *на медаль графа Киселева*, помѣщено въ февральской книжкѣ Ж. м. н. пр.

столицы. «На прекрасной площади, напротивъ дворцовой улицы (Schlosstrasse), украшенной подаренными Императоромъ Николаемъ Павловичемъ бронзовыми статуями укротителей коней, стоитъ старый, выстроенный Шинкелемъ музей, содержащій въ себѣ картинную галерею, собраніе древнихъ и средневѣковыхъ скульптурныхъ произведеній, и коллекцію монетъ и вазъ; онъ однако не многимъ отличается отъ другихъ подобныхъ собраній. Черезъ улицу проведена отъ него галерея въ Новый музей, единственный въ своемъ родѣ и представляющій возможно-полные матеріалы для изученія всей исторіи искусства, расположенные систематически и удобопонятнымъ образомъ по различнымъ эпохамъ и народностямъ. Между-тѣмъ-какъ прежде довольствовались собраніемъ, въ извѣстномъ порядкѣ, художественныхъ произведеній, здѣсь характеръ различныхъ эпохъ и народовъ выражается и въ самомъ помѣщеніи, постройка и живопись котораго такъ своеобразны, что облегчаютъ и ускоряютъ пониманіе выставленныхъ въ залахъ вещей. Новый музей, построенный Штюлеромъ, по идеѣ короля, состоитъ изъ трехъ этажей: въ нижнемъ находятся Египетскій музей, музей сѣверныхъ древностей и этнографическій кабинетъ, въ среднемъ — собраніе гипсовыхъ слѣпковъ древнихъ, средне-вѣковыхъ и новѣйшихъ скульптурныхъ произведеній, въ верхнемъ — кабинетъ гравюръ и кунсткамера. Посреди зданія великолѣпная лѣстница, украшенная стѣнной живописью Каульбаха и проходящая черезъ всѣ этажи. Для иностранцевъ всего любопытнѣе, разумѣется, Египетскій музей, преддверіе котораго даетъ въ малыхъ размѣрахъ понятіе о преддверіи къ знаменитому Карнакскому храму. На дворѣ передъ музеемъ стоятъ два колоссальные сфинкса, изъ которыхъ одинъ настоящій, а другой слѣпленъ изъ гипса; вокругъ него идетъ галерея, совершенно въ Египетскомъ стилѣ, колонны которой въ капителяхъ представляютъ форму лотосоваго цвѣтка. На этихъ колоннахъ изображены іероглифами имена древнихъ боговъ Египта и начертана іероглифическая-же надпись, увѣковѣчивающая имя короля, какъ основателя этого музея. Напротивъ входа находятся двѣ сидячія статуи изъ чернаго порфира, представляющія королей Сезуртазена и Сезостриса. 17 картинъ, по стѣнамъ, писанныхъ живописцами Ширмеромъ, Гребомъ, Максомъ Шмидтомъ, Папе и Бирмареномъ, даютъ по-возможности полное понятіе о ха-

рактерѣ древняго Египта, изученіе котораго находится въ цвѣтущемъ состояніи, подъ руководствомъ ученаго Лепсіуса, составившаго своими изслѣдованіями о іероглифахъ и демотическихъ письменахъ Египтянъ, равно-какъ и ихъ хронологіи, новую эпоху для уразумѣнія старѣйшаго историческаго государства, и ученика его Бругша, также путешестовавшаго по Египту и принимавшаго большое участіе въ устройствѣ и надписяхъ музея. Подъ стѣнной живописью стоятъ надгробныя статуи изъ гробницъ Мемфиса; одна изъ нихъ, судя по находящейся на ней надписи, — памятникъ XV-го вѣка до Рождества Христова. Изъ *атріума* вы входите въ среднія залы, поддерживаемыя осемью массивными колоннами: на стѣнахъ красуются изображенія изъ домашней жизни древнихъ Египтянъ, а въ-глубинѣ стоитъ колоссальная статуя одного Египетскаго царя; изъ этихъ залъ вы черезъ небольшую комнату, гдѣ сложены кирпичи изъ Нильскаго ила, съ штемпелями Фараоновъ (объ этихъ кирпичахъ упомянуто въ Священномъ Писаніи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описываются тяжкія работы Евреевъ въ Египтѣ), входите въ историческую залу, къ которой поставлено нѣсколько превосходныхъ произведеній Египетской скульптуры. Стѣны украшены копіями съ живописи Египетскихъ храмовъ, предметами которой служили, кромѣ религіозныхъ торжествъ, преимущественно сцены охоты и войны. Особенно-занимательны для не-знатока изображенныя на этихъ картинахъ фигуры Евреевъ: типъ ихъ и доселѣ почти не измѣнился, но подъ несовсѣмъ-искусной рукой Египетскихъ художниковъ получилъ видъ каррикатуры, отъ которой не отказался-бы и новѣйшій живописецъ. Но драгоцѣннѣйшіе памятники содержитъ въ себѣ зала гробницъ, направо отъ средней залы: въ срединѣ ея возвышается великолѣпный саркофагъ, покрытый іероглифами; ему уже слишкомъ 4,000 лѣтъ. Послѣдняя комната Египетскаго музея — миѳологическая зала, въ которой заключаются саркофаги, муміи и религіозные памятники. Налѣво отъ Египетскаго музея находится музей сѣверныхъ древностей, въ составъ котораго входятъ предметы, найденные въ древнихъ гробницахъ (особенно оружіе, разныя украшенія и домашняя утварь) и не столько привлекательные, сколько великолѣпная стѣнная живопись, представляющая образы изъ сѣверной миѳологіи, исполненной высокой и серьёзной поэзіи. Въ верхній этажъ ведетъ величественная лѣстница съ прекра-

сными стѣнными картинами Каульбаха, поразительной красоты которой нельзя передать словами. Широкая лѣстница съ ровными ступенями, изъ цѣлыхъ кусковъ Силезскаго мрамора, оканчивающаяся стоящими на верхней площадкѣ колоссальными группами укротителей коней Монте-Кавалло изъ Рима, оригиналы которыхъ приписываются Пракситедю и Фидіасу, перерѣзываетъ все зданіе, такъ-что на-верху остается только узкая поперечная галерея, ведущая направо и налѣво въ находящіяся здѣсь отдѣленія музея. Хотя тутъ не все еще окончено, однако врядъ-ли возможно плѣнить взоры зрителя болѣе-волшебнымъ образомъ, чѣмъ выставленными въ этомъ этажѣ предметами: стѣны и лѣстницы украшены гигантскими, величественными фресками Каульбаха, которыя, даже въ гравюрахъ, производятъ самое глубокое впечатлѣніе по смѣлости мыслей и мастерству компоновки, но здѣсь, во всѣмъ своемъ величіи, въ свѣжемъ блескѣ своихъ красокъ, рѣшительно потрясаютъ зрителя. Шесть главныхъ картинъ (на каждой сторонѣ три) изображаютъ, какъ извѣстно, важнѣйшія эпохи исторіи просвѣщенія въ аллегорическихъ историческихъ образахъ. Четыре окончены: разрушеніе Вавилонской башни, какъ вступленіе къ исторіи просвѣщенія, начинающейся тамъ, гдѣ народы и языки раздѣляются другъ отъ друга; Гомеръ и Греки—апоѳеозъ эллинизма въ наиболѣе-богатый періодъ его; разрушеніе Іерусалима, указывающее на всемірое владычество Рима, проложившее впослѣдствіи дорогу общему распространенію христіанства, и битва Гунновъ — мрачная картина изъ временъ переселенія народовъ, когда можно было нѣкоторое время думать, что христіанство и цивилизація будутъ подавлены нашествіемъ варваровъ. Пятая картина, завоеваніе св. гроба крестоносцями, еще не кончена. Предметъ послѣдней картины, содержаніе которой предполагается заимствовать изъ новѣйшаго времени, еще вовсе не опредѣленъ. Между этими большими картинами находятся другія, меньшихъ размѣровъ, изображающія фигуры изъ разныхъ сказаній, исторіи, науки и поэзіи, народные символы различныхъ эпохъ и ихъ историческихъ представителей. Главныя картины окружены пилястровыми арабесками и надъ всѣми ими тянется на-верху фризъ, присоединяющій къ серьёзному содержанію юмористическія замѣчанія. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда Каульбахъ занимался картономъ къ этому фризу, я имѣлъ счастіе

посѣтить его мастерскую и былъ свидѣтелемъ его тихой дѣятельности. Онъ повсюду подписывалъ подъ этими очерками шутливые стихи, въ которыхъ давалъ просторъ своему сатирическому юмору, а иногда и высокому вдохновенію, и которые стоило-бы сохранить. Каульбахъ нашелъ между педантическими судьями искусства строгихъ порицателей и даже не пользуется популярностью, которую заставляетъ предполагать удивленіе большинства публики произведеніямъ его. И здѣсь, какъ весьма-часто бываетъ, одно потомство постановитъ справедливый приговоръ, потому-что Каульбахъ — не только одинъ изъ величайшихъ живописцевъ новѣйшаго времени, не только геніальный мыслитель, но и человѣкъ, классическимъ образомъ сосредоточившій въ своихъ произведеніяхъ болѣе, чѣмъ всякій другой художникъ изъ современнаго намъ поколѣнія, все содержаніе нашего мышленія, знанія и вѣрованія. Онъ указалъ искусству новые пути, на которыхъ, послѣ продолжительнаго застоя, возможенъ теперь успѣхъ, и воспиталъ небольшое, но избранное число учениковъ, ручающихся за то, что эти пути не скоро будутъ покинуты. Обзоръ остальныхъ залъ мы сдѣлаемъ какъ можно короче. Онѣ обнимаютъ Греческую и Римскую древность; въ обѣихъ скульптурныя произведенія — слѣпки съ оригиналовъ, цѣнность которыхъ удвоивается искуснымъ расположеніемъ ихъ въ великолѣпномъ помѣщеніи, украшенномъ вездѣ стѣнной живописью. Потолки этихъ залъ поддерживаются мраморными колоннами, а полы сдѣланы изъ тонкой мозаики. Къ-сожалѣнію, музей открытъ до-сихъ-поръ только въ первые два часа по-полудни, и иностранцы очень жалуются еще на то, что каталогъ существуетъ только на Нѣмецкомъ языкѣ, да и онъ не отличается полнотою, на другихъ-же языкахъ вовсе нѣтъ каталоговъ».

Новое періодическое изданіе: «Кавказцы или подвиги и жизнь замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ». — Редакторъ и издатель этого новаго журнала, г. плацъ-майоръ С. Петербургской крѣпости, полковникъ *С. Новоселовъ*, просилъ редакцію напечатать слѣдующее объявленіе: «Отдѣльный Кавказскій корпусъ есть сонмъ героевъ — это общій голосъ въ отечествѣ; въ каждой губерніи необъятной Россіи, едва-ли не въ каждомъ городѣ можно встрѣтить безногихъ, безрукихъ, подвязанныхъ бывшихъ Кавказ-

цевъ, этихъ — какъ сказалъ кто-то — живыхъ буквъ, вынутыхъ изъ исторіи славныхъ дѣлъ корпуса. Вмѣстѣ съ ними заслужилъ св. Георгія и нынѣ благополучно-царствующій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. Но, какъ вообще наши воины дѣйствуютъ и не хвалятся, совершаютъ чудные подвиги, о которыхъ часто знаютъ только ближайшіе товарищи и начальники, — а иногда даже и одинъ Господь, — потому что Русскій человѣкъ живетъ и служитъ не для реляцій, не изъ корысти, и считаетъ свои, часто дивныя дѣла простымъ посильнымъ исполненіемъ долга предъ Батюшкою-Царемъ и святою родиною, — такъ и множество чудныхъ подвиговъ небольшихъ отрядовъ и еще болѣе отдѣльныхъ лицъ, совершенныхъ на Кавказѣ, дѣлъ замѣчательныхъ невѣроятнымъ геройствомъ и извѣстныхъ хорошо на мѣстѣ, — не знаетъ большинство соотечественниковъ. Правда, въ періодическихъ изданіяхъ и въ немногихъ сочиненіяхъ о Кавказѣ иногда встрѣчаются описанія нѣкоторыхъ подвиговъ, но это, если можно такъ выразиться, капля въ морѣ. Число-же напечатанныхъ жизнеописаній чудо-богатырей еще ограниченнѣе. Несравненно болѣе свѣдѣній о Кавказской боевой жизни хранится въ приказахъ корпусныхъ командировъ и главнокомандующихъ, въ донесеніяхъ начальниковъ, въ послужныхъ спискахъ и въ изустныхъ преданіяхъ. Послѣднія особенно драгоцѣнны для жизнеописанія героевъ. Въ разсказахъ солдатскихъ много прекрасныхъ подробностей, лучше всего объясняющихъ характеръ войны, нравы горцевъ и живо представляющихъ доблести нашихъ воиновъ. Но, къ-сожалѣнію, эти изустные матеріалы постепенно теряютъ историческую довѣренность, лишаются мельчайшихъ подробностей и кажутся людямъ, незнающимъ духа Кавказскихъ войскъ, чѣмъ-то фантастическимъ, скорѣе похожимъ на сказку, нежели сколько-нибудь на правдивое повѣствованіе о подвигѣ. Рукописные матеріалы рѣдкому доступны; даже и напечатанныя свѣдѣнія большинству публики имѣть столько-же затруднительно: они разсѣяны въ грудѣ листовъ газетъ, мало у кого сохранившихся.

«Между-тѣмъ, каждому Русскому сладко прочесть эти чудныя страницы отечественной славы, получить подробности о богатыряхъ, совершившихъ эти доблестные подвиги. Рѣдкое дворянское семейство не имѣло или не имѣетъ въ числѣ Кавказцевъ сво-

ихъ сродниковъ; каждый городъ и, можетъ быть, каждая деревня имѣютъ или имѣли въ ихъ рядахъ своихъ земляковъ, — и другимъ утѣшительно встрѣчать сохраненнымъ имя своего доблестнаго воина. Для людей, испытанныхъ въ бояхъ, оставившихъ кровавое поприще, описанія подвиговъ храбрыхъ предшественниковъ и товарищей всегда доставляютъ отрадныя минуты. Молодому поколѣнію описаніе этихъ подвиговъ, изображеніе этихъ характеровъ, часто оригинальныхъ и всегда сильныхъ, крайне-поучительно. Немного сочиненій, можетъ-быть, занимательнѣе подобныхъ описаній и вмѣстѣ-съ-тѣмъ полезнѣе, богаче уроками для общей и частной жизни, примѣромъ, какъ истинный сынъ Русской земли, храбрый воинъ, вѣрный слуга Государевъ долженъ жить, нести тягости царской службы и, если нужно, геройски умереть, защищая святую родину. При подобномъ чтеніи Русское сердце бьется сильнѣе, и никогда нельзя привыкнуть къ силѣ впечатлѣній, производимыхъ многими изъ подвиговъ, характерами нѣкоторыхъ дѣйствователей. Невольно останавливается вниманіе среди воспоминаній объ этихъ доблестныхъ соотечественникахъ; тысяча мыслей, всегда благотворныхъ, тѣснится въ душѣ, видя примѣры чуднаго самоотверженія, мужества, отваги, геніальныхъ соображеній, чудныхъ приключеній и обстоятельствъ, необыкновеннаго терпѣнія, безропотныхъ страданій, вѣры въ Бога, вѣрности къ Царю и любви къ родной землѣ, и невольно рождаетъ желаніе уподобиться доблестнымъ соотечественникамъ. Поэтому-то въ разныхъ слояхъ общества постоянно выражается сожалѣніе, что до-сихъ-поръ не издано такого сборника. Подобно многимъ, я еще на ученической скамьѣ съ душевнымъ трепетомъ поглощалъ строки, говорившія о подвигахъ храбрыхъ, — такое чувство въ крови Русской. Потомъ, имѣвъ счастіе находиться въ рядахъ Кавказцевъ, пропитаться, если можно такъ выразиться, духомъ, господствующимъ въ этомъ сонмѣ героевъ, я, естественно, не могу равнодушно о нихъ говорить. Нынѣ, не слыша болѣе побѣдныхъ криковъ товарищей, не раздѣляя съ ними опасностей и славы, но тѣмъ не менѣе находясь душею всегда съ ними, рѣшаюсь, по мѣрѣ силъ, передать потомству, перомъ и карандашемъ, *замѣчательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся, отъ генерала до рядоваго.* Имѣя средство это сдѣлать, считаю непростительнымъ

откладывать такое намѣреніе: съ каждымъ днемъ становится все менѣе и менѣе доблестныхъ участниковъ и свидѣтелей славныхъ событій, съ каждымъ днемъ разсказы о нихъ утрачиваютъ первоначальный характеръ, а письменныя свѣдѣнія, хранящіяся въ частныхъ рукахъ, истребляются. Сохранить тѣ и другія — долгъ нашъ, потому-что повѣствованія свидѣтелей происшествій или слышавшихъ разсказы о нихъ отъ самыхъ участниковъ въ событіяхъ, сличенныя между собою, во многихъ случаяхъ, вполнѣ могутъ замѣнить историческіе факты. Множество подвиговъ и лицъ, уже отмѣченныхъ исторіею, и еще большее число новыхъ, донынѣ не замѣченныхъ ею, оставленныхъ безъ вниманія, займутъ въ предпринимаемомъ изданіи принадлежащее имъ мѣсто. Въ немъ будутъ и тѣ, которые славно пали на полѣ брани, и тѣ, которые послѣ геройскихъ дѣлъ почили въ мирной могилѣ, и тѣ, которые отличены нынѣ почестями, и наконецъ тѣ, которые укрылись въ уединеніи, на отдыхъ, послѣ трудной жизни, украшенные ранами. Въ матеріалахъ, говорю съ полнымъ убѣжденіемъ, недостатка не будетъ. Годы, проведенные лично мною на Кавказѣ, доставили мнѣ богатый запасъ свѣдѣній; еще болѣе надѣюсь получить ихъ отъ однокашниковъ, отъ лицъ, съ которыми сроднился подъ пулями и кинжалами. Наконецъ, просвѣщенное содѣйствіе правительства, благосклонно открывшее мнѣ доступъ въ архивы военнаго министерства, — много окажетъ пособія къ возвышенію интереса и разнообразію изданія. Однимъ словомъ, я постараюсь собрать всѣ письменныя извѣстія и возможно болѣе изустныхъ преданій о подробностяхъ славныхъ подвиговъ и о жизни замѣчательнѣйшихъ дѣйствователей. Въ предпринимаемомъ изданіи о каждомъ лицѣ будетъ говориться отдѣльно и, если можно, приложится его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ. Описанія будутъ слѣдовать одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ-либо опредѣленнымъ порядкомъ, а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но наружный видъ изданія будетъ принятъ такой, чтобы впослѣдствіи можно было расположить ихъ въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

«Изданіе будетъ выходить по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четвертку; текстъ будетъ печататься на хорошей бѣлой бумагѣ, новымъ шрифтомъ, чисто, опрят-

но; приложенія, числомъ до трехъ въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ. Полугодовое изданіе получитъ великолѣпный заглавный листъ, а каждый выпускъ будетъ имѣтъ особую обвертку. Первые четыре №№ выйдутъ одновременно въ августѣ мѣсяцѣ (*).

«Приступая къ изданію «Кавказцы», я не дѣлаю блистательныхъ обѣщаній, а даю только слово прилежно трудиться, по мѣрѣ силъ своихъ и способностей, и употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлать изданіе вполнѣ достойнымъ его назначенія. Смѣло скажу, что не буду щадить ни трудовъ, ни издержекъ и, чуждый какихъ-либо своекорыстныхъ видовъ, величайшею себѣ наградою буду считать, что сдѣлаю достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни храбрыхъ соотечественниковъ. Всю чистую прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, я намѣренъ предоставить въ пользу раненныхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ. Поэтому въ концѣ каждаго года будетъ приложенъ списокъ всѣхъ подписавшихся, какъ сочувствующихъ благой цѣли изданія.

«Высоко-Монаршее одобреніе, котораго имѣла счастіе удостоиться самая мысль объ изданіи, лестное вниманіе къ нему высшаго военнаго начальства и общее сочувствіе, которымъ встрѣчено извѣстіе о предпріятіи, налагаетъ на меня долгъ сдѣлать все возможное, чтобъ оправдать эти ожиданія».

НОВАЯ ГАЗЕТА: «ЛИСТОКЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.» — Бывшій издатель-редакторъ журнала «Труды Императорскаго вольнаго экономическаго Общества» и газеты: «Экономическія записки» того-же Общества,

---

(*) Цѣна за полугодовое изданіе, съ 1-го іюля 1857 по 1-е января 1858 г., т. е. за 12 нумеровъ, состоящихъ изъ 24 листовъ текста, съ 18 приложеніями, безъ доставки на домъ и пересылки, шесть рублей серебромъ; за доставку на домъ въ С. Петербургѣ прилагается 50 коп., а за пересылку въ другіе города — 75 коп. Подписка принимается: въ редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ плацъ-майора полковника *Новоселова;* въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ С. Петербургѣ, въ гостинномъ дворѣ, по суконной линіи, подъ № 24), и въ газетной экспедиціи С. Петербургскаго почтамта. Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ. Выпуски будутъ разсылаться въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.



авторъ-издатель многихъ хозяйственныхъ книгъ, и членъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ Обществъ, *В. П. Бурнашевъ*, предпринялъ изданіе газеты, подъ заглавіемъ: Листокъ для всѣхъ, газета реальныхъ знаній, промышлености, хозяйства и народной медицины.» Въ составъ этой газеты, имѣющей выходить съ 1 января 1858 года, войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

а) *Вопросы научныхъ знаній, основанные на реальности.* Сюда относятся статьи по всѣмъ отраслямъ физическихъ и естественныхъ наукъ, долженствующія быть полезными въ приложеніяхъ къ частной жизни, съ объясненіями замѣчательныхъ научныхъ фактовъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, открытій, наблюденій и опытовъ, могущихъ расширить кругъ полезныхъ знаній читателя. — Тутъ будутъ статьи по части: физики, астрономіи, химіи, минералогіи (преимущественно *ориктогностическое и геологическое познаніе почвъ земли*), физической географіи, гидрографіи, ботаники, зоологіи, физіологіи, механики, геодезіи и технологіи.

б) *Промышленость, хозяйство и домоводство.* Технико-практическія статьи по всѣмъ отраслямъ мануфактурнаго производства и разнообразнаго сельскаго и домашняго хозяйства, начиная съ заводскаго и фабричнаго дѣла и вопросовъ высшей культуры и хозяйственной администраціи въ большомъ видѣ, до мелочныхъ подробностей такъ-называемаго «женскаго хозяйства» и разныхъ домашнихъ рукодѣлій. — Отдѣлъ этотъ дастъ мѣсто статьямъ преимущественно чисто-практическимъ и выведеннымъ изъ опыта по части: земледѣлія (*землеобработываніе, землеудобреніе, полеводство, полераздѣленіе или сѣвообороты, храненіе зерновыхъ и другихъ полевыхъ растеній, приготовленіе ихъ къ сбыту и проч.*); огородничества; садоводства; цвѣтоводства; лѣсоводства (*лѣсораздѣленіе, лѣсохраненіе, лѣсоупотребленіе, лѣсонасажденіе, лѣсовычисленіе или таксація и лѣсоуправленіе*); скотоводства (*разведеніе и правильное содержаніе: лошадей, рогатаго скота, овецъ, козъ и свиней*); птицеводства (*дворовая и комнатная птица*); рыбоводства (*натуральное и искусственное*); пчеловодства; шелководства (*разведеніе шелковичнаго червя*); домостроительства (*хозяйственная архитектура въ практическомъ смыслѣ*); хозяйственнаго управленія (*администрація какъ фабриками и заводами, такъ имѣніями и фермами съ самыми правильными урочными положеніями и даже внутренній домашній распорядокъ прислугою*); хозяйственной бухгал-

теріи (*отчетность какъ большихъ управленій, такъ и самое мелочное домашнее счетоводство*); истребленія вредныхъ насѣкомыхъ; охоты (*охотничьи приборы и снаряды, разные способы ловли и травли звѣрей и птицъ, содержаніе охотничьихъ собакъ и ловчихъ птицъ и проч.*) и наконецъ, — домашней экономіи, гдѣ найдутъ мѣсто стастьи по части сбереженія разныхъ хозяйственныхъ произведеній, исправленія и обновленія попорченныхъ вещей, сохраненія посуды, приготовленія разнаго рода запасовъ впрокъ для долговременнаго сбереженія, изготовленія какъ простыхъ, такъ и изысканныхъ яствъ и напитковъ, мойки, стирки и отдѣлки всякихъ тканей, разныя мастерства и рукодѣлія, въ быту домашнемъ часто необходимыя, и даже собраніе такъ-называемыхъ «хозяйственныхъ секретовъ», требующихъ, по полезности своей, громкой гласности. Сверхъ-сего, подъ рубрикою собственно промышлености появятся статьи, касающіяся различныхъ *промысловъ и техническихъ производствъ,* основанныхъ на научномъ началѣ. Такимъ-образомъ здѣсь найдутъ мѣсто и постоянно будутъ развиваемы всѣ полезныя отечественныя промышленыя предпріятія.

в) *Народная медицина и гигіена.* Краткія статьи по части *медицины* и *ветеринаріи*, равно какъ *гигіены* и *діететики*, а также *фармакопеи*, т. е. приготовленія различныхъ лекарствъ какъ для людей, такъ для животныхъ. — Здѣсь помѣщаемыя статьи, кѣмъ-бы ни были излагаемы, всегда подвергнутся разсмотрѣнію специальныхъ редакторовъ изъ врачей, и одобренныя медицинскою цензурою, — будутъ состоять изъ указаній самыхъ простыхъ средствъ противъ различныхъ недуговъ, при ясномъ описаніи признаковъ сихъ послѣднихъ.

г) *Библіографія.* Краткіе критическіе отчеты о всѣхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, сущность коихъ совпадаетъ съ цѣлями газеты. Издатель-редакторъ, постоянно въ-теченіе семи лѣтъ сообщавшій публикѣ, въ «Трудахъ» И. в. э. Общества, свѣдѣнія самыя полныя о всѣхъ выходившихъ книгахъ и о всѣхъ замѣчательныхъ статьяхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, будетъ и въ «Листкѣ для всѣхъ» извѣщать читателей о современномъ движеніи реальной и хозяйственной литературы, не касаясь ни бельлетристики, ни политическихъ наукъ, ни философіи, но предоставляя однако себѣ право знакомить своихъ читателей со всѣмъ, что служитъ къ украшенію нравственности и

основано на религіозномъ началѣ, безъ котораго и самыя реальныя знанія не могутъ приносить надлежащаго плода.

д) *Біографіи.* Очерки жизни, въ болѣе или менѣе повѣтствовательной формѣ, знаменитыхъ мужей, оказавшихъ услуги человѣчеству на поприщѣ наукъ, искусствъ, промышлености, хозяйства и проч.

е) *Смѣсь.* Извѣстія, новости, выписки, корреспонденція, небольшія статейки фёльетоннаго содержанія, и тому подобныя. Издатель-редакторъ, не обѣщая ничего чрезвычайнаго, позволяетъ себѣ надѣяться, что и этотъ отдѣлъ будетъ занимателенъ, заключая въ себѣ преимущественно самыя, такъ сказать, животрепещущія новости по части различныхъ современныхъ открытій и опытовъ.

ж) *Извѣщенія.* Они будутъ преимущественно печататься на послѣдней страницѣ газеты и сообщать краткія свѣдѣнія о появленіи новыхъ книгъ и періодическихъ изданій, близкихъ по своему содержанію, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, къ характеру газеты. Сверхъ книгъ, здѣсь будутъ «извѣщенія» о ландкартахъ, глобусахъ, эстампахъ; научныхъ, промышленыхъ, хозяйственныхъ и другихъ коллекціяхъ, кабинетахъ и иныхъ пособіяхъ, основанныхъ на реальности и хозяйственности. При этомъ издатель-редакторъ долгомъ считаетъ теперь-же объяснить, что всѣ эти *«извѣщенія»* не будутъ вовсе носить характера обыкновенныхъ *газетныхъ объявленій*, такъ-какъ *извѣщенія* эти будутъ дѣлаемы самою редакціею не иначе, какъ вслѣдствіе удостовѣренія, что предметъ такого извѣщенія вполнѣ достоинъ вниманія публики. Такимъ-образомъ *извѣщенія*, печатаемыя на послѣдней страницѣ «Листка для всѣхъ», будутъ всегда на отвѣтственности самой редакціи, которая, постоянно преслѣдуя и развивая идею *практической общеполезности* своего изданія, будетъ стараться въ самыхъ этихъ *извѣщеніяхъ* быть вѣрною своимъ цѣлямъ, принося существенную пользу читателямъ, чрезъ привлеченіе вниманія ихъ къ различнымъ предметамъ, пріобрѣтеніе коихъ выгоднѣе другихъ, отчасти по достоинствамъ своимъ, отчасти по дешевизнѣ.

Газета будетъ выходить однажды въ недѣлю, за исключеніемъ рождественскихъ и пасхальныхъ праздниковъ, т. е. состоя изъ 50 нумеровъ въ годъ. Каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ

не менѣе одного печатнаго листа самаго большаго формата, но въ случаѣ надобности число листовъ будетъ умножаемо отъ 10-ти до 15-ти въ годъ, сверхъ 50-ти листовъ обязательныхъ. Въ текстѣ многія статьи будутъ поясняемы *политипажными рисунками;* но ежели текстъ того потребуетъ, то будутъ прилагаемы, отъ-времени-до-времени, *литографическіе и литохромическіе рисунки*, *портреты*, *планы*, *карты* (*).

ЮБИЛЕЙ КНИГОПРОДАВЦА А. Ф. СМИРДИНА. — Сообщаемъ слѣдующее объявленіе о прекрасномъ предпріятіи, котораго вполнѣ достоинъ виновникъ его. Въ память имѣющаго совершиться въ нынѣшнемъ году пятидесятилѣтія благородной и полезной дѣятельности старѣйшаго изъ Русскихъ книгопродавцевъ-издателей, А. Ф. *Смирдина*, въ пользу и пособіе ему, С. Петербургскіе книгопродавцы рѣшились издать сборникъ, подъ заглавіемъ: «Юбилей Александра Филипповича Смирдина. Собраніе сочиненій, принесенныхъ Русскими писателями въ дань незабвеннымъ заслугамъ знаменитѣйшаго Русскаго книгопродавца-издателя, изданное въ пользу его Петербургскими книгопродавцами», и обратились къ великодушію Русскихъ писателей съ просьбою содѣйствовать имъ въ составленіи этого изданія. Все литературное сословіе единогласно и радостно привѣтствовало эту мысль. Многіе изъ знаменитѣйшихъ писателей нашихъ письменно или изустно изъявили уже готовность принять участіе въ этомъ благотворительномъ предпріятіи. Печатаніе сборника будетъ окончено

(*) Цѣна экз. газеты 2 р. 50 к. сер. безъ пересылки и доставки на домъ, съ пересылкою—4 р. сер., а съ доставкою на домъ въ С.Петербургѣ—3 руб. 50 к. сер. Желающіе получить въ-теченіе всего года 12 пакетовъ съ нарочно-выписанными посѣвными сѣмянами разнаго рода хозяйственныхъ растеній: зерновыхъ, травяныхъ, огородныхъ и цвѣтныхъ,—благоволятъ высылать требованія свои отнюдь не позже 1-го октября 1857 г.; выславшіе-же требованіе на газету и подписочныя деньги позже, не будутъ получать 12 пакетиковъ съ посѣвными сѣмянами въ-теченіе 1858 года. Всѣ выславшіе деньги и требованія послѣ 1 октября 1857 года, до 1-го января 1858 года,—будутъ въ-теченіе 1858 года получать газету только съ 6-ю пакетиками посѣвныхъ сѣмянъ. Всѣ вообще подписчики на газету, когда-бы они ни подписались, будутъ пользоваться правомъ получать за полцѣны противъ той, какая будетъ существовать нормально въ торговлѣ, всѣ тѣ книги, какія имѣютъ быть изданы въ-теченіе 1858 года издателемъ-редакторомъ «Листка для всѣхъ»

къ исходу нынѣшняго года; объемъ его опредѣлить теперь нельзя, и слѣдовательно рѣшительной цѣны означить невозможно. Сборникъ будетъ изданъ на отличной веленевой бумагѣ, въ большую 8-ю долю листа, и украшенъ портретомъ почтеннаго юбилятора, гравированнымъ на стали. Подписка открыта у нижепоименованныхъ С. Петербургскихъ книгопродавцевъ. При подпискѣ вносятся три рубля серебромъ. При появленіи въ свѣтъ подписчики внесутъ остальныя деньги. Списокъ подписчиковъ будетъ напечатанъ при сборникѣ, и количество печатаемыхъ экземпляровъ будетъ соотвѣтственно числу подписчиковъ. Мы полагаемъ, что всѣ просвѣщенные Русскіе, всѣ любители отечественныхъ успѣховъ почтутъ пріятною для себя обязанностію поддержать предпріятіе, имѣющее цѣлью облегченіе участи человѣка, который былъ полезнѣйшимъ двигателемъ нашей умственной дѣятельности, — человѣка, бывшаго душою и благодѣтелемъ блистательнѣйшей ея эпохи, благороднаго книгопродавца, чье безкорыстное и щедрое къ ней усердіе не созданы были принести достатки на преклонныя лѣта его. *Смирдинъ*, можно сказать съ строгимъ правдолюбіемъ, что̀ ни наживалъ, все отдавалъ немедленно Русской литературѣ, ея труженикамъ, ея читателямъ, и отдалъ онъ милліоны. Слѣдующіе писатели уже изъявили согласіе участвовать въ сборникѣ: Е. Н. Ахматова, В. Г. Бенедиктовъ, Ѳ. В. Булгаринъ, Н. В. Бергъ, В. П. Василько-Петровъ, Вердеревскій, князь П. А. Вяземскій, В. Н. Гербель, Ѳ. Н. Глинка. Н. И. Гречъ, Я. И. Григорьевъ. В. И. Даль (Казакъ Луганскій), Г. П. Данилевскій, Л. Л. Добровольскій, Р. М. Зотовъ, В. Р. Зотовъ, Н. В. Кукольникъ, В. С. Курочкинъ, И. И. Лажечниковъ, С. П. Лебедевъ, М. Н. Лонгиновъ, Д. И. Мацкевичъ, Л. А. Мей, А. С. Норовъ, В. И. Панаевъ, графиня Е. П. Ростопчина, М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), О. И. Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), А. Н. Сѣровъ, П. П. Сухонинъ, Ѣ. М. Ѳедоровъ, А. А. Фетъ, В. Филиповъ, Н. Ф. Щербина, В. Д. Яковлевъ. Тѣ изъ литераторовъ, получившихъ приглашеніе, которые не сообщили еще своего согласія, приглашаются удостоить отвѣта до 1 іюля. Тѣхъ, адресы которыхъ намъ неизвѣстны, и тѣхъ, которые теперь находятся за границею, этимъ объявленіемъ просимъ украсить своими статьями сборникъ и о согласіи увѣдомить (на имя придворнаго книгопродавца А. Смирдина (сына) и ком. Издатели сборника: С. Базуновъ, М. Вольфъ, И. Глазуновъ,

А. Давыдовъ, Я. Исаковъ, В. Исаковъ, Кораблевъ и Сиряковъ, П. Крашенинниковъ, С. Лоскутовъ, Н. Овсянниковъ, В. Печаткинъ, П. Ратьковъ, А. Смирдинъ (сынъ) и комп. (Смирдинъ и Генкель), Ю. Юнгмейстеръ. Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія на имя одного изъ вышеозначенныхъ С. Петербургскихъ книгопродавцевъ, по усмотрѣнію.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1857 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства. — 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и художества. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогики, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общеполезныхъ знаній; путешествія ученыя или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда-же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академій и ученыхъ обществъ; разныхъ предтетовъ, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала: въ С. Петербургѣ — 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ — 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

а) Книги, изданныя въ Россіи:

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1857.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

из**ъ**

ОТЧЕТА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

за 1856 годъ.

Имѣю счастіе всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству Отчетъ по Министерству народнаго просвѣщенія за 1856 годъ.

Отчетъ сей содержитъ въ себѣ: 1) обозрѣніе общихъ распоряженій, относящихся ко всѣмъ или только къ нѣкоторымъ частямъ Министерства; 2) описаніе состоянія каждой части отдѣльно; 3) таблицы статистическія по учебной части Министерства, и 4) вѣдомости объ оборотахъ суммъ и движеніи дѣлопроизводства.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

Осмотръ учебныхъ заведеній.

Съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія, въ-теченіе сентября и октября 1856 года, осмотрѣны мною университеты: Харьковскій и св. Владиміра въ Кіевѣ; лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ; Харьковское ветеринарное училище; институты: Варшавскій благородный и Виленскій дворянскій; двадцать гимназій, именно: въ Тулѣ, Орлѣ, Курскѣ, двѣ въ Харьковѣ, въ Полтавѣ, Нѣжинѣ, двѣ въ Кіевѣ, въ Житомирѣ, Ковно, Люблинѣ, Радомѣ, двѣ въ Варшавѣ, въ Бѣлостокѣ, Гродно, Вильнѣ, Динабургѣ и Псковѣ, съ благородными пансіонами при однѣхъ и съ общими ученическими квартирами при другихъ; четырехклассныя отдѣленія при гимназіяхъ въ Бѣлостокѣ, Гродно и Вильнѣ; три Раввинскія училища въ Житомирѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; конвиктъ для бѣдныхъ при Виленской гимназіи; институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ (близъ Варшавы); институтъ для приготовленія учителей начальныхъ училищъ въ Радзиминѣ; художественная, воскресныя коммерческая и ремесленная школы въ Варшавѣ, а также нѣкоторыя изъ лежавшихъ на пути дворянскія, уѣздныя и начальныя училища.

Независимо отъ того, во время пребыванія моего въ Москвѣ, по случаю Священнаго Коронованія Вашего Величества, были посѣщаемы мною находящіеся тамъ университетъ и другія учебныя заведенія. Изъ принадлежащихъ къ Московскому учебному округу гимназій осмотрѣна мною Тульская съ благороднымъ при ней пансіономъ.

На время моего отсутствія для обозрѣнія учебныхъ заведеній, управленіе Министерствомъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, возложено было на Товарища моего, сенатора князя *Вяземскаго.*

Главное правленіе училищъ.

Признавая одною изъ самыхъ важныхъ заботъ образованіе народное, какъ залотъ благоденствія Государства, Ваше Императорское Величество изволили изъявить желаніе, чтобы учебныя заведенія вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, наблюденіемъ и попеченіемъ. Въ этихъ видахъ 5 мая данъ Правительствующему Сенату Высочайшій указъ, которымъ начертаны правила для дѣйствій Главнаго правленія училищъ.

Для усиленія способовъ Главнаго правленія училищъ, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было къ наличному числу членовъ онаго присовокупить: начальника главнаго штаба Вашего Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ, генералъ-адъютанта *Ростовцова*, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона *Корфа*, генералъ-адъютанта *Игнатьева*, тайныхъ совѣтниковъ: *Титова*, *Сербиновича*, ректора С. Петербургскаго университета *Плетнева*, ректора С. Петербургской духовной академіи епископа *Макарія* и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа *Демидова* и *Постельса.*

Ученый комитетъ.

Тѣмъ-же указомъ возстановленъ ученый комитетъ, какъ отдѣльная часть Главнаго правленія училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упраздненъ состоявшій при Мини-

стерствѣ комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ.

О законоучителяхъ.

При данномъ основаніи образованію отечественному воспитаніемъ дѣтей въ святыхъ истинахъ нашей Божественной вѣры, Министерство, обращая преимущественное и неусыпное вниманіе на сей важный предметъ, не можетъ довольствоваться развитіемъ въ учебныхъ заведеніяхъ одной стороны законоученія, нерѣдко предлагаемой юношамъ въ слишкомъ отвлеченной и схоластической формѣ. Оставляя неприкосновеннымъ все, что распоряженіемъ св. Сѵнода введено въ преподаваніе учебныхъ заведеній относительно коренныхъ началъ вѣры, Министерство заботится о томъ, чтобы самая метода преподаванія закона Божія приняла свойство нравственно-назидательнаго, одушевляющаго ученія, способнаго дѣйствовать на воспріимчивыя и мягкія сердца юношей и направлять христіанскій образъ мыслей къ практическому развитію на жизненномъ поприщѣ. Главное для этого средство — выборъ законоучителей. Съ этою цѣлію, съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, я вошелъ въ сношеніе съ духовными властями, прося ихъ содѣйствія къ тому, дабы преимущественно для университетовъ и для другихъ учебныхъ заведеній назначаемы были въ преподаватели закона Божія лица съ строгою разборчивостію, вполнѣ образованные, съ высокимъ нравственнымъ направленіемъ, способные какъ примѣромъ, такъ и изложеніемъ ученія разогрѣвать сердца юношей.

О преподаваніи закона Божія.

При личномъ осмотрѣ моемъ многихъ учебныхъ заведеній, обращая ближайшее вниманіе на программы и на способъ преподаванія, я замѣтилъ, что въ

первомъ классѣ уѣздныхъ училищъ преподается священная исторія ветхаго завѣта, а во второмъ — священная исторія новаго завѣта, отъ-чего дѣти въ первый годъ ихъ ученія вовсе не ознакомлены даже съ главнѣйшими событіями земной жизни Спасителя, и мальчикъ, приходя въ церковь къ слушанію божественной литургіи въ двунадесятые праздники, не можетъ объяснить себѣ событія, въ память котораго установленъ праздникъ. Посему, не касаясь настоящей программы, доколѣ она не будетъ измѣнена св. Сѵнодомъ, я указалъ на необходимость, чтобы дѣтямъ, съ самаго поступленія ихъ въ училища, были объясняемы главныя черты Новаго Завѣта, тѣмъ болѣе, что въ уѣздныхъ училищахъ, въ первомъ классѣ, среди дѣтей нѣжнаго возраста встрѣчаются также пятнадцатилѣтніе юноши. Сіи замѣчанія сообщены чрезъ оберъ-прокурора святѣйшему Правительствующему Сѵноду, съ тѣмъ, что не будетъ-ли признано нужнымъ дополнить программу преподаванія закона Божія.

О прекращеніи преподаванія военныхъ наукъ

Во исполненіе Высочайшей воли и для удовлетворенія по бывшимъ военнымъ обстоятельствамъ особенной потребности въ офицерахъ, введено было, съ начала 1855 г., въ столичные университеты и гимназіи преподаваніе военныхъ наукъ, съ цѣлію приготовленія въ возможно скоромъ времени практическихъ офицеровъ, на военное время.

Имѣя въ виду, что съ заключеніемъ мира преподаваніе военныхъ наукъ должно быть прекращено, я всеподданнѣйше испрашивалъ на сіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, на что въ 12 день апрѣля и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

О правахъ въ военной службѣ воспитанниковъ институтовъ и гимназій.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Военнаго Министра о правахъ въ военной службѣ лицъ, поступающихъ въ оную изъ учебныхъ заведеній, полагалъ, между прочимъ, постановить одинъ годъ срокомъ выслуги для производства въ первый офицерскій чинъ воспитанниковъ дворянскихъ институтовъ и гимназій, выпускаемыхъ по окончаніи курса съ правомъ на чинъ XIV класса, кромѣ института Виленскаго, сравненнаго въ семъ отношеніи съ университетами.

Такое мнѣніе Высочайше утверждено въ 28 день іюля.

О траурныхъ доскахъ.

Изложенное въ ст. 924 т. III *Воен. пост.* правило относительно внесенія на траурныя доски именъ убитыхъ или умершихъ отъ ранъ офицеровъ, воспитывавшихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, 20 сентября Высочайше повелѣно распространить и на офицеровъ, вступившихъ въ военную службу по окончаніи воспитанія въ университетахъ и другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, учредивъ для сего траурныя доски въ церквахъ тѣхъ гражданскихъ училищныхъ заведеній, въ которыхъ окончили курсъ наукъ сіи офицеры, или-же въ актовыхъ залахъ тѣхъ изъ заведеній, которыя не имѣютъ собственныхъ церквей.

Объ училищахъ для дѣвицъ.

Въ системѣ народнаго образованія по сіе время преимущественное вниманіе правительства обращено было на образованіе мужскаго пола. Институты для дѣвицъ, обязанные существованіемъ своимъ попеченіямъ Особъ Августѣйшаго Дома, предназначены для ограниченнаго числа дочерей дворянъ и чиновниковъ; лица-же средняго состоянія, особенно въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, лишены воз-

можности дать дочерямъ своимъ даже скромное образованіе. Вникая въ эту существенную потребность, я имѣлъ счастіе повергнуть на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе предположеніе мое объ открытіи школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ. Ваше Величество, соизволивъ одобрить мысли мои, Высочайше повелѣли приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ таковыхъ школъ на первый разъ въ губернскихъ городахъ, *по мѣрѣ способовъ*, какіе могутъ къ тому представиться.

Для осуществленія сего предположенія, собраны уже въ Министерствѣ необходимыя данныя, и можно надѣяться, что мало-по-малу образованію дѣвицъ средняго сословія положится доброе начало. Предвидится только затрудненіе въ способахъ содержанія училищъ, если дворянство и городскія общества не примутъ въ семъ дѣлѣ дѣятельнаго участія, о чемъ я войду въ ближайшее совѣщаніе съ Министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ Государыня Императрица Марія Александровна, принимая особенное всемилостивѣйшее участіе въ успѣхѣ сего дѣла, по поводу предположенія мѣстнаго начальства объ обращеніи на дѣвичье училище въ Нижнемъ-Новгородѣ 2071 руб., отпускаемыхъ тамошнимъ приказомъ общественнаго призрѣнія Казанскому Родіоновскому институту благородныхъ дѣвицъ, благоволила Высочайше повелѣть: производимую на институтъ сумму оставить, а на содержаніе Нижегородской школы отпускать по 2071 р., изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній.

О посылкѣ молодыхъ людей за границу.

Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представлять Вашему Императорскому Величеству о необходимости, чтобы каждый профессоръ по своей каѳедрѣ, внимательно слѣдя за лучшими студентами, если они окажутъ расположеніе къ ученому званію, подготовлялъ ихъ спеціально къ профессорскимъ обязанностямъ и доводилъ о послѣдующемъ, чрезъ посредство своего начальства, до свѣдѣнія Министерства, съ тѣмъ, чтобы молодыхъ людей, отличныхъ по способностямъ, посвящающихъ себя наукамъ и уже испытанныхъ Министерствомъ чрезъ порученіе имъ преподавательскихъ должностей, посылать за границу для усовершенствованія въ избранныхъ предметахъ и для полнаго приготовленія къ профессорскому званію. При чемъ всеподданнѣйше доложено, что такимъ-же способомъ надлежитъ имѣть въ виду и приготовленіе учителей новѣйшихъ языковъ для нашихъ учебныхъ заведеній. Предположенія сіи въ 5 день марта удостоены Высочайшаго одобренія.

О комплектованіи аудиторіатскаго вѣдомства студентами.

Ваше Императорское Величество, признавъ полезнымъ утвердить временно-допущенную мѣру комплектованія аудиторіатскаго вѣдомства студентами университетовъ, духовныхъ академій и семинарій, Высочайше повелѣть соизволили: принимать въ аудиторіатское вѣдомство кандидатовъ и студентовъ, окончившихъ полный курсъ съ правами на классные чины, опредѣляя ихъ первоначально для практическаго приготовленія къ аудиторскимъ должностямъ, соотвѣтственными ученымъ званіямъ ихъ чинами въ аудиторіатскій департаментъ, въ полевые аудиторіаты и въ штабы корпусовъ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА МАЙ 1857 ГОДА.

15. (5 мая) *О производствѣ пріема въ университетъ св. Владиміра одинъ разъ въ годъ.*

По § 42 Высочайше утвержденнаго 9 іюня 1842 года устава университета св. Владиміра, пріемъ студентовъ въ сей университетъ производился два раза въ годъ, послѣ лѣтнихъ и зимнихъ вакацій. Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: пріемъ студентовъ въ университетъ св. Владиміра производить только одинъ разъ въ годъ, послѣ лѣтнихъ вакацій.

16. (5 мая) *О допущеніи въ университетъ св. Владиміра молодыхъ людей, получившихъ домашнее воспитаніе.*

По § 38 Высочайше утвержденнаго 9 іюня 1842 года устава университета св. Владиміра, въ число студентовъ онаго могли быть принимаемы только кончившіе съ успѣхомъ полный курсъ въ гимназіяхъ или равныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ. Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: допускать въ университетъ св. Владиміра не только молодыхъ людей, обучавшихся въ гимназіяхъ или равныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, но и получившихъ домашнее воспитаніе, если они выдержатъ вполнѣ удовлетворительно установленное для пріема въ университетъ испытаніе и начальство университета будетъ имѣть удостовѣреніе о ихъ нравственности.

17. (5 мая) *Объ учрежденіи должности инспектора частныхъ учебныхъ заведеній въ С. Петербургѣ.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, для болѣе бдительнаго надзора за частными учебными заведеніями и для необходимаго единства указаній, коими должны быть руководимы содержатели и содержательницы частныхъ пансіоновъ и школъ, для улучшенія сихъ заведеній и наконецъ для законной отвѣтственности за недостатки, которые при разъединенномъ надзорѣ могли-бы скорѣе вкрасться въ означенныхъ заведеніяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) вмѣсто существующаго, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26 декабря 1833 года, порядка, по которому надзоръ за частными учебными заведеніями въ С. Петербургѣ раздѣленъ между четырьмя лицами, избираемыми каждый разъ на одинъ годъ, изъ занимающихъ другія должности и получающими за то добавочнаго жалованья по 571 р. 84 к. сер. въ годъ каждый, имѣть одного инспектора частныхъ учебныхъ заведеній въ С. Петербургѣ, не обязаннаго никакою другою должностію; 2) вновь учреждаемой должности предоставить тѣже преимущества, которыми пользуется инспекторъ казенныхъ училищъ С. Петербургскаго учебнаго округа, а именно: по должности причислить къ VI классу, по мундиру—къ VI разряду, а по пенсіи присвоить права учебной службы; 3) инспектору частныхъ учебныхъ заведеній въ С. Петербургѣ производить: жалованья 857 руб. 76 коп., столовыхъ 300 р., квартирныхъ 234 руб. 80 коп. и на разъѣзды въ столицѣ 360 руб., всего 1752 руб. 56 коп., съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ 2287 руб. 36 коп., отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства на четырехъ инспекторовъ частныхъ учебныхъ заведеній въ С. Петербургѣ; остальные-же отъ этой суммы 534 руб. 80 коп. обратить на усиленіе оклада инспектора казенныхъ училищъ С. Петербургскаго учебнаго округа назначеніемъ, сверхъ штатнаго его жалованья 857 руб. 76 коп., столовыхъ денегъ по 300 руб. и квартирныхъ по 234 руб. 80 коп. въ годъ, и за тѣмъ прекратить производство ему квартирныхъ

денегъ изъ суммъ, принадлежащихъ дирекціямъ училищъ С. Петербургскаго учебнаго округа; и 4) избраніе на должность инспектора частныхъ учебныхъ заведеній въ С. Петербургѣ предоставить попечителю С. Петербургскаго учебнаго округа, который объ избранномъ лицѣ представляетъ на утвержденіе министру народнаго просвѣщенія. Окончательное опредѣленіе на эту должность и увольненіе отъ оной производить на общемъ основаніи.

18. (5 мая) *О преобразованіи Митавскаго уѣзднаго училища въ училище реальное.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: существующее въ Митавѣ уѣздное училище, въ видахъ содѣйствія развитію городской промышлености, преобразовать въ училище реальное, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Къ имѣющимся нынѣ въ училищѣ двумъ классамъ прибавить третій классъ и распредѣлить преподаваніе наукъ между классами и учителями согласно предположенію попечителя Дерптскаго учебнаго округа.

2) За ученіе взимать въ двухъ низшихъ классахъ по 13 р., а въ высшемъ классѣ по 20 р., и изъ собранныхъ денегъ 238 р. обращать на пополненіе штатной суммы, а остальную сумму распредѣлять на основаніи общихъ по учебному округу постановленій, т. е. одну половину обращать въ экономическую сумму училища, а другую половину раздѣлять между учителями, соразмѣрно числу часовъ преподаванія.

3) Ученикамъ, кончившимъ курсъ наукъ въ высшемъ классѣ и получившимъ въ томъ свидѣтельство, предоставить, на основаніи Высочайше утвержденнаго 29 марта 1839 года положенія о реальныхъ классахъ при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія ст. 16-й, право, за личное увольненіе отъ рекрутской повинности, при наступленіи очереди, вносить въ казну 150 руб. сер. и освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія.

19. (5 мая).

Высочайше утверждено 5 мая 1857 года.

Подписалъ: Товарищъ министра народнаго просвѣщенія *князь Вяземскій.*

ШТАТЪ МИТАВСКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА.

Статьи расходовъ.	Рубли.	Коп.
Смотрителю и вмѣстѣ учителю наукъ . . . . . . и казенная квартира.	500	—
Другому учителю наукъ . . . . и казенная квартира.	400	—
Учителю реальныхъ предметовъ.	500	—
квартирныхъ.	120	—
Учителю Русскаго языка	300	—
квартирныхъ.	86	—
(Сверхъ сего получаетъ отъ дѣвичьяго училища св. Троицы за преподаваніе въ ономъ 100 р.)		
Учителю рисованія	200	—
За три часа преподаванія наукъ свыше опредѣленнаго уставомъ числа часовъ.	75	—
На книги для бѣдныхъ учениковъ	28	55
На собраніе книгъ и картъ.	28	55
На учебныя пособія по части Русскаго языка .	29	—
На инструменты и естественныя произведенія.	28	55
На расходы по преподаванію реальныхъ предметовъ.	100	—
На отопленіе и хозяйственныя потребности. . .	157	85
И того. . .	2,553	50

На покрытіе сихъ издержекъ назначаются: 1,715 р. 50 к., отпускаемые нынѣ изъ государственнаго казначейства; 600 р. изъ доходовъ города Митавы и 238 рублей изъ суммы, собираемой за ученіе.

20. (13 мая) *О дозволеніи носить мундирные фраки и сюртуки состоящимъ на службѣ министерства народнаго просвѣщенія Евреямъ.*

Государь Императоръ, по положенію комитета объ устройствѣ Евреевъ, вслѣдствіе представленія министра на-

роднаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: инспекторамъ и надзирателямъ раввинскихъ училищъ, равно учителямъ всѣхъ казенныхъ Еврейскихъ учебныхъ заведеній изъ Евреевъ и состоящимъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія и при попечителяхъ учебныхъ округовъ ученымъ Евреямъ дозволить носить во время продолженія службы мундирные фраки и сюртуки сего министерства.

Указъ правительствующему сенату.

Снисходя на просьбу попечителя Казанскаго учебнаго округа, состоящаго по армейской кавалеріи генералъ-лейтенанта *Молоствова*, Всемилостивѣйше увольняемъ его отъ должности попечителя, съ оставленіемъ по армейской кавалеріи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

Въ С. Петербургѣ,
4 мая 1857 г.

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ

ОПРЕДѢЛЕНЫ:

По департаменту народнаго просвѣщенія.

Отставной коллежскій секретарь *Ушаковъ* — чиновникомъ особыхъ порученій VIII класса (1 мая).

По Московскому учебному округу.

Отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ *Корниловъ* — инспекторомъ казенныхъ училищъ (3 мая).

По Сибирскому управленію.

Отставной надворный совѣтникъ *Лавровскій* — почетнымъ смотрителемъ Ачинскаго уѣзднаго училища (16 мая).

УТВЕРЖДЕНЫ:

По учебнымъ округамъ.

С. Петербургскому: коллежскій ассессоръ, въ званіи камеръ-юнкера князь *Голицынъ*—почетнымъ попечителемъ Новгородской гимназіи (18 мая).

Московскому: почетнымъ попечителемъ Владимірской гимназіи — состоявшій въ той-же должности по прежнимъ выборамъ, коллежскій ассессоръ графъ *Апраксинъ* (18 мая).

Казанскому: отставной инженеръ-капитанъ *Авдьевъ* — почетнымъ попечителемъ Оренбургской гимназіи (26 мая).

НАЗНАЧЕНЫ:

По министерству народнаго просвѣщенія.

Чиновникъ особыхъ порученій при департаментѣ народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Симашко* — исправляющимъ должность чиновника особыхъ порученій VI класса при министрѣ (1 мая).

По С. Петербургскому ценсурному комитету.

Бывшій членъ главнаго правленія училищъ, нынѣ причисленной къ министерству, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Новосильскій* — ценсоромъ (7 мая).

По Кіевскому учебному округу.

Директоръ Немировской гимназіи, статскій совѣтникъ *Туловъ*—инспекторомъ казенныхъ училищъ; коллежскіе совѣтники: исправляющій должность директора Ровенской гимназіи *Тумановъ* и директоръ училищъ Каменецъ-Подольской губерніи *Траутфеттеръ*—директорами гимназій: первый—Немировской, послѣдній—Ровенской (24 мая).

ПЕРЕМѢЩЕНЫ:

Канцелярскій чиновникъ Вологодской удѣльной конторы, коллежскій регистраторъ *Бердяевъ*—почетнымъ смотрителемъ Тотемскаго уѣзднаго училища (2 мая); членъ археографической коммис-

сіи при департаментѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Терещенко*—въ министерство внутреннихъ дѣлъ, съ причисленіемъ къ оному (18 мая); почетный смотритель Чистопольскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Каховскій* — въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, съ утвержденіемъ секретаремъ Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества (19 мая); младшій чиновникъ особыхъ порученій при Московскомъ гражданскомъ губернаторѣ, коллежскій секретарь *Устиновъ* — почетнымъ смотрителемъ 3-го Московскаго уѣзднаго училища; канцелярскій чиновникъ канцеляріи Московскаго гражданскаго губернатора, коллежскій секретарь князь *Грузинскій* — почетнымъ смотрителемъ Лихвинскаго уѣзднаго училища (21 мая).

УВОЛЕНЫ:

По главному педагогическому институту.

Статскіе совѣтники, заслуженые профессоры *Бессеръ* и *Лоренцъ*, а послѣдній и отъ должности директора главнаго Нѣмецкаго училища св. Петра въ С. Петербургѣ,—по прошеніямъ (16 мая).

По Ришельевскому лицею.

Директоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мурзакевичъ*— по прошенію, съ мундиромъ, привоеннымъ должности (7 мая).

По Дерптскому ветеринарному училищу.

Прозекторъ, надворный совѣтникъ *Дирсенъ* — по прошенію (11 мая).

По учебнымъ округамъ.

Казанскому: Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Елабужскаго—надворный совѣтникъ *Карповъ* (2 мая) и Царевококшайскаго — надворный совѣтникъ *Сальковъ* (22 мая), по прошеніямъ, первый съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго совѣтника.

Харьковскому: Почетный смотритель Ахтырскаго уѣзднаго училища, губернскій секретарь *Бразоль* — по болѣзни (22 мая).

Кіевскому: Директоръ первой Кіевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Любимовъ* — по прошенію (31 мая).



МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА МАЙ 1857 ГОДА.

8. (2 мая) *О прекращеніи въ 1-ой Казанской гимназіи преподаванія законовѣдѣнія и объ опредѣленіи вторыхъ учителей новѣйшихъ языковъ.*

По представленію попечителя Казанскаго учебнаго округа, товарищъ министра народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на прекращеніе въ первой Казанской гимназіи, съ окончаніемъ текущаго учебнаго года, преподаванія законовѣдѣнія и на опредѣленіе въ сей гимназіи, по прежнему, вторыхъ учителей новѣйшихъ языковъ.

9. (15 мая) *Циркулярное предложеніе о порядкѣ исполненія по Высочайшимъ приказамъ.*

На основаніи 51 ст. Св. Зак. Т. 1 *Учрежд. минист.* (изд. 1842 г.) и примѣчанія къ сей ст. (по XVI Прод.), заботясь объ изысканіи средствъ къ сокращенію переписки по министерству народнаго просвѣщенія и упрощенію канцелярскаго производства, я предоставляю начальствамъ учебныхъ округовъ и прочимъ непосредственно отъ министерства народнаго просвѣщенія зависящимъ мѣстамъ и лицамъ исполненіе по Высочайшимъ приказамъ объ опредѣленіи, назначеніи, перемѣщеніи и увольненіи чиновниковъ отъ службы, отъ должности и въ отпуски, производить немедленно по полученіи приказовъ при Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, не ожидая отъ министерства народ-

наго просвѣщенія особыхъ о томъ предложеній, которыя съ сего времени будутъ прекращены.

Имѣю честь сообщить о семъ для надлежащихъ распоряженій.

Подписалъ: *Товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь Вяземскій.*

10. (29 мая) *Объ измѣненіи предметовъ преподаванія въ Кологривскомъ женскомъ училищѣ.*

Вслѣдствіе представленія попечителя Московскаго учебнаго округа, товарищъ министра народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на введеніе въ Кологривскомъ женскомъ училищѣ преподаванія предметовъ, согласно программѣ Маріинскаго Нерехтскаго женскаго училища, исключая только преподаваніе Нѣмецкаго и Французскаго языковъ.

11. (29 мая) *Объ учрежденіи при Аккерманскомъ уѣздномъ училищѣ дополнительнаго курса виноградарства и винодѣлія.*

По представленію попечителя Одесскаго учебнаго округа, товарищъ министра народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить при Аккерманскомъ уѣздномъ училищѣ, на счетъ жертвуемой почетнымъ смотрителемъ онаго, титулярнымъ совѣтникомъ *Зиро* суммы, дополнительный курсъ виноградарства и винодѣлія, съ отнесеніемъ часовъ преподаванія сихъ предметовъ на послѣ-обѣденное время.

УТВЕРЖДЕНЫ:

По университетамъ:

С. Петербургскому: Магистръ *Спасовичъ* — въ званіи приватъ-доцента при юридическомъ факультетѣ по законамъ царства Польскаго, съ оставленіемъ на службѣ и при Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (11 мая).

Казанскому: Адъюнктъ, коллежскій совѣтникъ *Соколовскій*— экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ врачебнаго веществословія (2 мая); въ званіи адъюнктовъ—исправляющіе сію должность: *Янишевскій* — по каѳедрѣ чистой математики и *Вагнеръ* — по разряду естественныхъ наукъ при физико-математическомъ факультетѣ (22 мая).

Уволены:

По Харьковскому университету.

Архитекторъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, коллежскій ассессоръ *Львовъ*—отъ занимаемой имъ въ университетѣ должности экстраординарнаго профессора архитектуры, по прошенію (29 мая).

По Харьковскому учебному округу.

Предводитель дворянства Лебедянскаго уѣзда, надворный совѣтникъ *Лосевъ* — отъ должности почетнаго смотрителя Лебедянскаго уѣзднаго училища, по прошенію (6 мая).

По Сибирскому управленію.

Коллежскій ассессоръ *Филиппов*ъ — отъ должности почетнаго смотрителя Ачинскаго уѣзднаго училища, по случаю перемѣщенія его въ должность Якутскаго областнаго прокурора (2 мая).

Объявлена признательность министра народнаго просвѣщенія.

Почетному попечителю Московскихъ гимназій, тайному совѣтнику *Черткову*—за усердіе его къ пользамъ сихъ гимназій (21 мая).

УЧЕНЫЯ ПРІОБРѢТЕНІЯ

ВЪ КЛИНООБРАЗНЫХЪ НАДПИСЯХЪ.

Не смотря на громкія и всеобщія рукоплесканія ученаго міра трудамъ Бюрнуфа, Лассена, Ролинсона и Опперта; не смотря на всю естественность и правильность воскрешеннаго ихъ усиліями Иранскаго языка Даріевъ и Ксерксовъ; не смотря на важность и вѣрность добытыхъ ими историческихъ фактовъ; вопреки даже внутреннему восторгу, невольно овладѣвающему каждымъ, кто только захочетъ познакомиться съ этими блестящими открытіями, — скептики все еще продолжаютъ глубокомысленно сомнѣваться, и при видѣ неизбѣжныхъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ ошибокъ, коварно вопрощаютъ: не возобновляютъ-ли намъ чтеніе іероглифовъ Египетскихъ? Что-жъ, если-бы и такъ? Развѣ наука исторіи не пріобрѣла нѣсколько свѣдѣній очень важныхъ отъ іероглифики, до-сихъ-поръ, правда, еще не удавшейся вполнѣ и не ставшей во всѣхъ частяхъ прочно? И притомъ не странно-ли, что въ Европѣ смѣются чтенію іероглифовъ, между-тѣмъ какъ въ Каирѣ или Александріи окружаютъ уваженіемъ знатока іероглифовъ Француза Приса? Неужели Европа въ этомъ случаѣ отстала даже отъ Африки?

Оставляя въ сторонѣ трудную и далеко не полную побѣду надъ іероглифами, мы на этотъ разъ посвятимъ свое вниманіе

лишь клинообразной грамотѣ и преимущественно Иранскимъ Ахаманійскимъ надписямъ, чтеніе которыхъ почти кончено или по-крайней-мѣрѣ утверждено на прочныхъ основаніяхъ, въ чемъ уже не имѣется никакого сомнѣнія. Прибавленіе частицы *почти*, за которую скептики не оставятъ уцѣпиться изъ всѣхъ силъ, требуетъ, въ предупрежденіе придирокъ, особеннаго поясненія, которое заключается въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, многія надписи Ахаманійскія повреждены такъ, что уцѣлѣли лишь нѣкоторыя слова; возстановить ихъ если и будетъ возможно, то съ помощію двухъ другихъ системъ клинописанія, которыхъ чтеніе находится еще въ колыбели. Съ возстановленіемъ полнаго текста возможно будетъ и объясненіе тѣхъ словъ, которыя теперь не поддаются чтенію или переводу. Во-вторыхъ, странно было-бы требовать отъ клиночетовъ такой-же положительности, какую напримѣръ мы вправѣ ожидать отъ классическихъ филологовъ? Развѣ невѣдомая побѣжденная грамота Даріевъ одно и то-же, что Латинскій языкъ? И наконецъ, мало-ли имѣется Латинскихъ или Греческихъ словъ съ не яснымъ или не точнымъ значеніемъ, между-тѣмъ-какъ для познанія этихъ двухъ языковъ мы вооружены всѣми возможными пособіями? Окончательнѣе всего будетъ вопросъ: развѣ есть въ мірѣ языкъ, котораго механизмъ былъ-бы разобранъ до послѣдняго атома? Посему естественно, что и толкованіе Иранской грамоты подаетъ еще тысячу случаевъ къ спорамъ и открытіямъ, но между-тѣмъ ни одинъ ученый не станетъ отрицать, что прочныя основанія къ познанію этой грамоты уже положены и что главное въ сей славной работѣ уже исполнено.

Поздравляя другъ друга съ такой небывалой побѣдой, вызвавшей на общій судъ непонятныя въ-теченіе двухъ тысячъ лѣтъ рѣчи Даріи и Ксеркса, мы, однакожь, должны оглянуться и посмотрѣть: что дало намъ это таинственное знаніе и чего мы еще можемъ ожидать отъ него? Для того, чтобы не вовлекаться въ слишкомъ пространныя объясненія, мы изберемъ,

по примѣру Нѣмецкаго ученаго Брандиса (*), одну изъ замѣчательнѣйшихъ цивилизацій Азійскихъ — Ассирійскую, и приблизительно опредѣлимъ помощь, оказанную до-сихъ-поръ клиночтеніемъ въ изученіи этой цивилизаціи.

Хотя сношенія Греческаго племени съ Ассирійскимъ не подвержены сомнѣнію по многимъ примѣтамъ, между прочимъ по художественнымъ заимствованіямъ, однако первыя историческія записки Грековъ начали говорить объ Ассиріянахъ уже тогда, какъ Ниневія давно лежала въ развалинахъ и въ устахъ Азіатцевъ лишь ходили саги объ Ассирійской міровой монархіи. Такимъ-образомъ лучшимъ повѣствователямъ древности пришлось брать свои разсказы не изъ подлинныхъ лѣтописей Ассиріи, которыхъ познаніе выпало на долю нашего вѣка, а изъ преданій народныхъ или изъ повѣствованій сосѣдей. Правдивѣйшій историкъ древности Геродотъ заимствовалъ, какъ оказывается изъ сравненія его исторіи съ отрывками Вавилонскаго жреца Бероза, тѣ немногія свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ объ Ассиріи, все почти изъ Вавилонскихъ архивовъ, — источника, хотя и достаточно вѣрнаго, однако не первой руки: объ утраченномъ-же сочиненіи Геродота относительно Ассиріянъ (т. е. Ассиріянъ и Вавилонянъ), которое повидимому зналъ еще Аристотель, сказать ничего нельзя. Но пользуясь Вавилонскими дѣеписаніями, Геродотъ не могъ обойти распространенныя тогда въ Азіи преданія, которыми руководствовался сначала Гелланикъ, а потомъ Ктезій. Таковы источники краткихъ разсказовъ Геродота объ Ассирійской міровой монархіи.

Иное дѣло представляетъ только-что упомянутый нами врачъ Ктезій, Книдянинъ, котораго противорѣчивымъ повѣ-

(*) Ueber den historischen Gewinn aus der Entzifferung der assyrischen Inschriften. Nebst einer Übersicht über die Grundzüge des assyrisch-babylonischen Keilschriftsystems. Von Johannes *Brandis*. Berlin. 1856. Положенія автора объ Ассирійско-Вавилонскомъ письмѣ отвергнуты Оппертомъ въ Journal asiatique прошлаго года (стр. 443—445): Опперть-же вообще сходится въ главныхъ положеніяхъ съ Роликсономъ.

ствованіямъ всѣ изслѣдователи придавали важность: въ-теченіе семнадцатилѣтняго пребыванія при дворѣ Артаксеркса Мнемона Ктезій имѣлъ доступъ къ государственнымъ архивамъ Персіи, откуда могъ заимствовать подробныя свѣдѣнія о первыхъ народностяхъ западной Азіи. Хотя это и не былъ опять національный архивъ Ассиріи, однако здѣсь могло быть много занимательныхъ свѣдѣній. Ктезій поступилъ съ этими свѣдѣніями довольно легкомысленно: онъ ограничился приведеніемъ однихъ именъ и чиселъ, представивъ каталогъ, а не исторію. Нинъ и Семирамида, которыхъ царствованіе приходится въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Х., стоятъ и у Ктезія во главѣ тридцати царей, которые двумя династіями наполняютъ пространство 1306 лѣтъ. Изъ всего этого ряда Ктезій знаетъ только имена и продолженіе царствованія.

Въ изложеніи Мидо-Перской исторіи Ктезій оживляетъ лѣтопись архивовъ народными преданіями.

Позднѣйшіе историки и хронологи, большею частію повторявшіе Ктезія, представляютъ ту-же печальную и сухую картину Ассирійской монархіи: ни одному Греку, сколько намъ извѣстно, не удалось выбраться изъ круга Персидскихъ извѣстій, и всѣ разсказы, находимые у Діодора, Юстина, Николая Дамаскина, Кефаліона и другихъ, равно какъ и у христіанскихъ хронографовъ Евсевія, Синкелла и проч. заимствованы изъ того-же источника. Хотя Дейнонъ, жившій незадолго до Александра, удаляется во многихъ случаяхъ отъ Ктезія и въ изложеніи Персидской исторіи слѣдуетъ по всей вѣроятности другимъ источникамъ, однакожь, Ассирійская исторія у него является повтореніемъ прежнихъ сагъ съ незначительнымъ измѣненіемъ. Но въ какія разнообразныя формы облекали саги Нина и Семирамиду, можно судить по Армянской исторіи Моисея Хоренскаго, заимствовавшаго свои разсказы объ Ассиріанахъ частію изъ преданій Армянскихъ, частію изъ классическихъ писателей. Александръ Полигисторъ и Абиденусъ также въ

Ассирійской исторіи держались Ктезія, между-тѣмъ-какъ въ Вавилонской совѣтовались съ Берозомъ.

Хотя было-бы для насъ очень важно не только познакомиться съ подлинными Ассирійскими лѣтописями, но и заглянуть въ Вавилонскіе и Персидскіе источники Геродота и Ктезія, однако, за неимѣніемъ до послѣдняго времени возможности изучать исторію Ассиріи въ подлинникахъ Ассирійскихъ, всѣ ученые были чрезвычайно признательны Геродоту и Ктезію за сохраненіе Азіатскихъ извѣстій, да и при чтеніи клинообразныхъ надписей Греческіе историки являются превосходнымъ пособіемъ, особенно Геродотъ, правдивость и точность котораго блистательно подтверждаются словами самого Дарія Истаспа. Но кромѣ классическихъ писателей, намъ остаются еще лѣтописи Вавилонянъ, Израильтянъ, Финикіянъ и Египтянъ, которыя могутъ разъяснять многія темныя стороны Ассирійской исторіи: такъ-какъ эти націи состояли неоднократно въ прикосновеніи съ Ассиріянами. Въ Египетскихъ лѣтописяхъ Ассиріяне появляются очень рано: такъ-какъ, по словамъ жреца Манеѳо, уже въ срединѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х., въ эпоху владычества царей-пастырей, Ассирія, въ качествѣ сосѣдняго Египту государства, имѣла большое значеніе; но въ послѣдующее время, съ XVII по XIII столѣтіе, это значеніе весьма уменьшилось, хотя съ правленія Тотмеса III многіе Египетскіе цари восемнадцатой и девятнадцатой династій распространяютъ свои походы до Месопотаміи, какъ свидѣтельствуютъ о томъ Египетскія іероглифическія надписи и повѣствованія Манеѳо.

Въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Ассиріянами состояли Іудеи и Финикіяне, въ повѣствованіяхъ которыхъ находится много важныхъ свѣдѣній объ Ассирійской монархіи, согласныхъ съ Вавилонскими лѣтописями, но, вопреки Персидскимъ преданіямъ Ктезія, представляющихъ Вавилонъ древнѣйшимъ государствомъ; сверхъ того библейскія сказанія упоминаютъ о первой Ассирійской арміи, вторгнувшейся въ Палестину, въ

первой половинѣ восьмаго столѣтія, и выводятъ рядъ могущественныхъ Ассирійскихъ царей въ ту эпоху, когда, по преданіямъ Ктезія, Ниневія лежала уже въ развалинахъ. Эти цари суть: Фулъ, Тиглатъ-Пиласаръ, Салманасаръ, о походѣ котораго пишетъ и Менандръ по извѣстіямъ Тирянъ, Санхерибъ, Ассархаддонъ и Саргонъ; первые изъ нихъ не могли не быть памятны Израильтянамъ, по своимъ опустошительнымъ вторженіямъ въ Палестину.

Вотъ тѣ источники, которыми могли располагать ученые предшествовавшихъ нашему столѣтій. Силясь согласить противорѣчивыя извѣстія, учебники представляли двѣ Ассирійскія монархіи, двойное паденіе и возстановленіе Ниневіи; лишь нѣкоторые проницательные комментаторы возставали противъ позднѣйшихъ преданій Ктезія; въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ переводчикъ и объяснитель Геродота Ларше.

Въ концѣ предшествующаго столѣтія найденъ былъ въ Константинополѣ полный Евсевій въ Армянскомъ переводѣ; прибавивъ къ нему сказанія Египетскаго жреца Манеѳо и Вавилонскаго Бероза, во время котораго еще не исчезло знаніе клинообразной грамоты, увидали несообразность извѣстій Ктезія, равно-какъ согласіе Геродота съ Берозомъ. Этимъ заключился рядъ доступныхъ историку источниковъ объ Ассирійской монархіи, и если мы захотимъ подвергнуть критическому разбору сообщаемыя этими источниками свѣдѣнія, то получимъ весьма немного прочныхъ данныхъ, на которыхъ можно утвердиться. Первое мѣсто между ними занимаетъ фактъ, что Вавилонъ и Вавилонская монархія существовали гораздо раньше Ниневіи и Ассиріи, которыя возникли отсюда. Потомъ несомнѣннымъ должно признать явленіе въ третьемъ тысячелѣтіи Вавилонской монархіи, противъ которой принимали мѣры безопасности Египетскіе цари-пастыри. Въ тринадцатомъ столѣтіи возникаетъ Ниневія, гдѣ возсѣдаетъ на тронѣ могущественная династія. Вавилонъ принужденъ въ 1273 году подчиниться Ассирійскому игу, которое мало-по-малу распространяется на

переднюю Азію, и Ассирійскія арміи проникаютъ въ Египетъ, Бактрію и Индію. Пятьсотъ двадцать лѣтъ продолжается это владычество въ Азіи, хотя и не всегда въ однихъ предѣлахъ. Въ восьмомъ столѣтіи здѣсь происходитъ революція: выступаютъ на сцену Мидяне, свергающіе въ 753 году Ассирійское иго; шесть лѣтъ спустя примѣру ихъ слѣдуютъ Вавилоняне, а потомъ и другіе народы. Но Ассирія все еще остается могущественнѣйшимъ государствомъ Азіи: Ассирійскія войска производятъ завоеванія или опустошенія на Нижнемъ Тигрѣ, въ Финикіи, Сиріи, Іудеи и Египтѣ; Фулъ, Тиглатъ-Пиласаръ, Салманасаръ, Санхерибъ и Ассаргаддонъ наводятъ страхъ на земли между Ниломъ и Евфратомъ, и естественно, восточныя страны также не могутъ совершенно освободиться отъ Ассирійскаго вліянія. Ассаргаддонъ, сынъ Санхериба, былъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, послѣдній сильный государь Ниневіи: по смерти его Мидянинъ Фраортъ (656—634) начинаетъ распространять свое владычество по Азіи; ослабѣвшая Ниневія едва держится и наконецъ уступаетъ въ 606 году до Р. Х. соединеннымъ усиліямъ Вавилонскаго царя Набопаласара, отца Навуходоносорова, и Мидійскаго Ціаксира.

Этотъ легкій и чрезвычайно неполный очеркъ Ассирійской исторіи, извлеченный изъ Персидскихъ, Вавилонскихъ, Іудейскихъ, Финикійскихъ и Египетскихъ лѣтописей, стоилъ Европейскимъ изыскателямъ огромныхъ трудовъ и безчисленныхъ споровъ и недоумѣній. Доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, слѣдующее сопоставленіе Ктезіевыхъ преданій съ извѣстіями другихъ бытописателей, взятое за послѣднее время существованія Ассирійской монархіи: нечего говорить о томъ, что перечни царей Ассирійскихъ дошли до насъ въ искаженномъ и не полномъ видѣ въ такъ-называемомъ Касторовомъ каталогѣ, въ перечняхъ Юлія Африкана и Евсевія, у Сирійскаго лѣтописца Баръ-Еврея и проч.

Года.	Ктезій.	Лѣтописи Іудеевъ, Берозъ и Канонъ Птоломея.
17.	Семирамида (съ Белохомъ) 1276—1259.	Семирамида владычествуетъ въ Вавилонѣ. 1273.
45.	Лаосѳенъ царствуетъ до 747 года.	Между 769 и 759 г. Фулъ вторгается въ Палестину. Въ 747 году отпадаютъ Вавилоняне отъ Ниневіи, можетъ быть, въ послѣдній годъ правленія Фулова.
30.	Пиритіадесъ 747—717.	Между 757 и 728 г. вторгается Тиглатъ-Пиласаръ въ Іудею. Въ 719 г. Салманасаръ разрушилъ Самарію.
50.	Офратанесъ 717—667.	713 — 695 (?) царствуетъ Санхерибъ. 695 — 667 Ассархаддонъ (Апаранадіусъ (?) въ Канонѣ).
42.	Акразанесъ 667—625.	667—646 Саммугесъ.
19.	Сарданапалъ 625—606.	646—625 царствовалъ Сарданапалъ, братъ Саммугеса, надъ Ассиріей и Вавилономъ. 625—606 надъ одной Ассиріей.

Неполнота Ассирійской исторіи, основанной лишь на древнихъ лѣтописяхъ, особенно обнаруживается съ тѣхъ сторонъ, которыя во всякой исторіи представляютъ преимущественный, живой интересъ: мы получаемъ изъ древнихъ писателей только исторію Ассирійскихъ монарховъ, а не исторію Ассирійскаго народа. Весьма мало данныхъ находимъ мы для опредѣленія Ассирійской національности: о степени и направленіи народнаго развитія и культуры мы не можемъ представить никакого

вывода, о нравахъ и художественномъ образованіи Ассиріянъ ничего почти намъ неизвѣстно, а религію ихъ мы знаемъ лишь по весьма рѣдкимъ указаніямъ. Таково послѣднее слово, произнесенное наукою, о славной Ассирійской монархіи, на основаніи Азіатскихъ и классическихъ сказаній.

Конечно, нѣкоторыя дополненія, преимущественно съ той стороны Ассирійской исторіи, которая оказывалась слабою, ожидались и ожидаются отъ восточныхъ писателей; но до какой степени эти ожиданія могутъ оправдаться въ-отношеніи исторіи Ассиріи, теперь еще нельзя рѣшить, и во всякомъ случаѣ степень ихъ важности далеко не выдержитъ соперничества съ клинообразными надписями и барельефами. Изъ восточныхъ сочиненій этого рода назовемъ слѣдующія болѣе извѣстныя: Навуѳейское (Вавилонское) земледѣліе, приписываемое нѣкоторому Кутами. Подлинникъ писанъ на Халдейскомъ (Вавилонскомъ) языкѣ, по предположенію одного оріенталиста, въ цвѣтущія времена Вавилонской монархіи, и потомъ въ X столѣтіи по Р. X. переведенъ на Арабскій языкъ: кромѣ подробнаго изложенія правилъ и условій сельскаго хозяйства, которое въ Вавилонѣ находилось въ цвѣтущемъ состояніи и основывалось на математическихъ вычисленіяхъ, въ этой книгѣ говорится о Вавилонской литературѣ, миѳологіи и проч. Прикосновенность Ассирійской національности съ Вавилонскою заставляетъ надѣяться, что и для исторіи Ассиріи это сочиненіе будетъ не безполезно.

Другой важный источникъ составляетъ книга Эль-Недима, на Арабскомъ языкѣ, носящая заглавіе: «Фихрит-уль-улюмъ» (указатель знаній): это цѣлая энциклопедія литературы, заключающая въ себѣ множество свѣдѣній и извлеченій изъ сочиненій, нынѣ большею частію неизвѣстныхъ, о письмѣ, литературѣ, религіи и философіи древнихъ народовъ.

Можно было-бы представить еще нѣсколько сочиненій восточныхъ, занимающихся исторіею Месопотаміи; но въ нихъ чаще мы находимъ каталогъ Вавилоно-Ассирійскихъ монарховъ,

нежели самую исторію Вавилоно-Ассирійскаго народа. Къ этому разряду, по всей вѣроятности, должно причислять и всеобщую исторію на Персидскомъ языкѣ, сочиненную визиремъ Рашидъ-Эддиномъ.

Совершенно иное представляютъ Ассирійскія древности, открытыя въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ: тутъ въ красивыхъ барельефахъ и статуяхъ изображены божества древней Ассиріи, монархи Ассирійскіе, ихъ дворъ, завоеванія, битвы на сушѣ и водахъ, осады крѣпостей, армія со всѣмъ ея вооруженіемъ, царскіе охоты и пиры, пріемъ пословъ и военноплѣнныхъ, однимъ словомъ полная оффиціальная жизнь, а отчасти и домашняя Ассирійскаго народа. Безмѣрны и неисчислимы результаты такого открытія, тѣмъ болѣе, что и самые матеріалы безчисленны: не говоря о дворцѣ Хорсабадскомъ, о раскопкахъ Лаярда, Лофтуса и Пляса, изъ которыхъ первый открылъ четыре Ассирійскіе дворца, мы можемъ указать на царское изображеніе въ Ларнакѣ (на островѣ Кипрѣ), покрытое надписью, на надписи у рѣки Нахръ-Кельбъ подлѣ Бейрута, на раскопки въ Вавилонѣ и на ожидаемыя открытія въ другихъ мѣстностяхъ (наприм. на дорогѣ изъ Сардъ черезъ Галатію, Каппадокію, Понтъ, Арменію и проч.). Кромѣ изображенія Ассирійской жизни и исторіи, воскресшихъ для насъ въ образахъ этихъ барельефовъ, мы находимъ здѣсь подтвержденіе обширному вліянію Ассирійской цивилизаціи: походы Ассирійскихъ монарховъ въ Малую-Азію, на которые Ктезій указываетъ въ древнюю эпоху, а Берозъ во времена Санхериба и Ассархаддона, не подвержены теперь никакому сомнѣнію; даже весьма сомнительный походъ въ Индію перестаетъ считаться баснею съ-тѣхъ-поръ, какъ мы увидали Бактрійскаго верблюда, слона и носорога, идущихъ впереди строителя центральнаго Нимрудскаго дворца, и какъ самое имя Индійскаго государя Стабробата, упоминаемое Ктезіемъ, найдено въ лѣтописяхъ Индійскихъ; множество Египетскихъ скарабеевъ и другія свидѣтельства вліянія Египетскихъ искусствъ изъ вре-

менъ восемнадцатой Египетской династіи, найденныя въ развалинахъ Ниневіи, указываютъ на раннюю связь Египтянъ съ Ассиріянами. Пока не будутъ прочтены всѣ Ассирійскія и вообще клинообразныя надписи, мы не можемъ опредѣлить съ точностію предѣла и степени вліянія Ассирійской образованности.

Какъ образецъ Ассирійскихъ памятниковъ и ожидаемой отъ нихъ пользы для исторіи, можно было-бы привести надпись на такъ-называемомъ черномъ обелискѣ, по характеру своему имѣющую большое сходство съ манифестомъ Дарія: потому-что въ ней Ассирійскій монархъ, перечисливъ божества своей страны, приводитъ потомъ свою родословную, титулъ свой и наконецъ излагаетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ событія тридцати-однолѣтняго царствованія своего; но какъ надпись эта не разобрана вполнѣ и представляетъ много трудныхъ и спорныхъ мѣстъ и неразгаданныхъ собственныхъ именъ, то мы ограничимся лишь немногими результатами, извлеченными съ большою достовѣрностію изъ скуднаго доселѣ чтенія Ассирійскаго клинописанія. Примѣромъ частныхъ выводовъ можетъ служить сравненіе послѣднихъ царей Ассирійскихъ извѣстныхъ по Берозу и указываемыхъ клинообразною надписью:

Берозъ.	Надпись юго-восточнаго дворца Нимрудскаго.
1. Асорданусъ.	1. Ассардонассаръ.
2. Саммугесъ. 3. Сарданапалъ.	3. Ассардонпалъ.
4. Саракусъ.	4. Не прочитанное еще.

Общій-же результатъ изъ этихъ немногихъ и отрывочныхъ чтеній, по опредѣленію Брандиса, таковъ:

За много поколѣній до средины восьмаго столѣтія до Р. Х. царствовалъ въ Ниневіи могущественный государь Ассардонпалъ, оружію котораго болѣе или менѣе должны были повиноваться Арменія, страна по ту сторону Заба, Сирія, Финикія и побережье до Египта. Послѣ него вступилъ на тронъ столь-же воинственный сынъ его, который, въ тридцать одинъ годъ

царствованія своего, непрерывнымъ рядомъ походовъ, особенно въ Мидію, Арменію, Синеаръ (Сеннааръ), Финикію, Гаматъ и другія владѣнія и города Сиріи, утвердилъ и распространилъ свое владычество. За сими двумя могущественными государями Ниневійскими слѣдовало нѣсколько поколѣній, о которыхъ пока изъ надписей неизвѣстно опредѣлительнымъ образомъ.

Въ восьмомъ вѣкѣ возсѣдаетъ на царскомъ тронѣ новая династія. Глава ея, Саргонъ, воздвигъ великолѣпный дворецъ въ сѣверо-восточномъ углу своей столицы, между-тѣмъ-какъ предшественники его строились преимущественно въ юго-западной части, гдѣ нынѣ находится деревня Нимрудъ. Онъ является владыкой двойной Месопотамской имперіи — Ассиро-Вавилонской; Мидія и Эламъ, также какъ и Арменія, должны были платить дань, Самарія, Гаматъ и Асдодъ были завоеваны. Покорность южныхъ побережныхъ городовъ Средиземнаго моря могла быть обезпечена лишь новыми походами, одинъ изъ коихъ далъ Саргону случай предпринять морскую экспедицію на островъ Кипръ. Вообще-же эти, такъ часто повторяющіеся походы и въ предшествующія и въ послѣдующія времена вынуждаются отказами покоренныхъ народовъ платить дань; такимъ-же образомъ подданство Вавилона могло быть завоевано только оружіемъ какъ въ правленіе Саргона, такъ и въ правленіе сына его Санхериба. Ко времени Саргона относится царь Меродакбаладанъ, державшійся въ южныхъ частяхъ Вавилоніи у Персидскаго залива и вѣроятно имѣвшій, наравнѣ съ Ассирійскимъ монархомъ, притязаніе на титулъ царя Вавилонскаго. Противъ государя такого-же имени, вѣроятно сына предыдущаго, предпринятъ былъ Санхерибомъ первый походъ, кончившійся низложеніемъ Вавилонскаго претендента, на мѣсто котораго посаженъ нѣкто Белибъ. Другая экспедиція Санхериба, упоминаемая клинообразными надписями, была направлена противъ Арійскихъ племенъ, въ особенности противъ Мидянъ. Санхерибъ избралъ берега Тигра для своихъ великолѣпныхъ построекъ, и дворецъ его лежалъ супротивъ нынѣшняго Мо-

суля. Сынъ его Ассардонассаръ (Ассархаддонъ) обратился къ углу, образуемому Тигромъ съ Забомъ, и построилъ здѣсь свой дворецъ, вблизи сооруженій древнихъ царей.

Періодъ этихъ могущественныхъ государей отличается сильнымъ процвѣтаніемъ культуры и промышлености Ассирійской: искусства также ознаменовались окончательнымъ развитіемъ. Внѣшнее могущество идетъ въ-уровень съ внутреннимъ благосостояніемъ. Но по кончинѣ Ассархадона, Ниневія въ короткое время падаетъ съ высоты величія, на которой она стояла: Ассархаддону наслѣдуютъ два сына его, одинъ за другимъ, изъ коихъ второй носитъ имя строителя сѣверо-западнаго дворца Ассардонпала. Именемъ его заключаетъ сага исторію Ассирійскаго царства, но надписи Ниневійскія извѣщаютъ насъ еще объ одномъ государѣ: этотъ строитъ свой дворецъ на той-же террасѣ, на которой стояли сооруженія Ассардонпала и его воинственнаго сына, подлѣ построекъ послѣдняго великаго Ассирійскаго государя, Ассархаддона.

Вотъ какими фактами обогащаютъ Ассирійскую исторію первые шаги при разборѣ клинообразной грамоты Ассирійскаго царства (*). Если мы сравнимъ оба повѣствованія — постороннихъ историковъ и подлинныхъ документовъ имперіи, то получимъ общее восполненіе и подтвержденіе первыхъ послѣдними. Въ широкомъ промежуткѣ между 1273 и срединой восьмаго столѣтія до Р. Х., который до-сихъ-поръ могъ быть признаваемъ вообще за періодъ высшаго могущества Ассирійскихъ монарховъ, возникаютъ теперь только два сильные государя—Ассардонпалъ и сынъ его, о блескѣ которыхъ свидѣтельствуютъ постройки и надписи, подтверждающія такимъ-образомъ сказаніе древнихъ о тѣхъ временахъ. Но еще болѣе

(*) Хотя въ послѣднее время главнѣйшіе открыватели клинообразныхъ древностей — Ботта, Ролинсонъ, Пласъ и другіе удалились съ поля своихъ работъ, однако раскопки около Мосуля продолжаются и, вѣроятно, мы получимъ еще много новыхъ и важныхъ пріобрѣтеній. А сколько матеріаловъ скрывается въ частныхъ кабинетахъ!



точекъ соединенія представляетъ слѣдующій періодъ отъ средины восьмаго столѣтія по 606 годъ, когда была разрушена Ниневія: онъ даетъ, какъ мы можемъ заключить изъ сопоставленія древнихъ повѣствователей и свидѣтельства клинообразныхъ надписей, рядъ шести царей, которые всѣ по прямой линіи происходятъ отъ Саргона, основателя новой династіи. Этому царю мы осмѣливаемся теперь приписывать всѣ дѣла, которыя до-сихъ-поръ относились къ Салманассару — взятіе Гамата, экспедиція въ Кипръ и война съ Финикійскими городами, особенно съ Тиромъ, разрушеніе Самаріи, завоеваніе Асдода и походъ въ Египетъ; лѣтопись этихъ подвиговъ пополняется извѣстіемъ объ экспедиціяхъ въ Халдею, Арменію и Эламъ, которымъ мы обязаны клинообразнымъ надписямъ. Онѣ же болѣе и болѣе разсѣеваютъ мракъ въ исторіи Санхериба, между-тѣмъ-какъ съ другой стороны сказанія Бероза о сношеніяхъ Ниневіи съ Вавилономъ пополняются и подтверждаются. По всей вѣроятности, черезъ сопоставленіе этихъ источниковъ удастся найти хронологическую цифру для перваго года царствованія Санхериба и такимъ-образомъ уставить надежную опору для исправленія тогдашней хронологіи. Мы можемъ также прослѣдить дѣянія Ассархаддона по-крайней-мѣрѣ въ постройкахъ его и твердо поставить рядъ трехъ послѣднихъ Ниневійскихъ царей, равно какъ опредѣлить имя предпослѣдняго Ассардонпала.

Всѣ эти выводы, извлеченные только изъ немногихъ надписей, большею частію подтверждаютъ разсказанное древними, за исключеніемъ Ктезія, составляющаго особенную категорію. Какъ-же относятся къ его извѣстіямъ свидѣтельства клинообразныхъ надписей? Недовѣріе къ врачу Книдскому не становится менѣе при сравненіи клинообразныхъ надписей съ прочими источниками, но становится доказаннымъ подозрѣніе, что Ктезій не все выдумалъ и что собственно лишь хронологическія рамки, въ которыя онъ вставилъ свои повѣствованія, нимало не исторически.

Останавливая вниманіе на отношеніяхъ Ассиріи къ Вавилону, мы получаемъ изъ клинообразной грамоты замѣчательный выводъ: въ обоихъ имперіяхъ мы находимъ съ небольшими измѣненіями то же письмо, тотъ-же языкъ и тѣ же божества, только тамъ почитается главнымъ божествомъ Ассаръ, а въ Вавилонѣ—Белъ; и посему Ассиріяне входятъ въ кругъ семитическихъ народовъ передней Азіи, оставляя мѣсто между Арійскими народами западно-Азійской возвышенности. Но съ этимъ выводомъ, принадлежащимъ клиночетамъ, встрѣчается мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, отрицающихъ большое вліяніе семитическихъ племенъ на ходъ человѣческаго развитія и приписывающихъ значительнѣйшую часть этого вліянія Иранскимъ племенамъ. По утвержденію этихъ ученыхъ, разныя Иранскія династіи съ своими воинскими дружинами покоряли въ Месопатіи Семитовъ и потомъ сами ослабѣвали или сливались съ Семитами, принимая даже ихъ языкъ, а цивилизація другихъ Семитическихъ народовъ не достигала такого всемірно-историческаго значенія именно потому, что она меньше подвержена была Иранскому вліянію. Между-прочими доказательствами иранизма Месопотамскихъ монархій представляются Иранскія имена многихъ государей и вельможъ Вавилоно-Ассирійскаго царства, и даже самыя названія Тигра и Евфрата принадлежатъ Иранской вѣтви. Семиты, составлявшіе массу народонаселенія этихъ краевъ, постоянно старались передѣлать на свой характеръ чужеземныя имена, даже до новѣйшихъ временъ; такимъ-образомъ, не довольствуясь древнимъ «Небукаднезаръ» (Навуходоносоръ), новѣйшіе Семиты сдѣлали изъ него Бехт-Эннасаръ. Защитники семитизма, напротивъ, отвергаютъ Иранское вліяніе на Месопотамію.

Такое столкновеніе противоположныхъ мнѣній не должно казаться удивительнымъ: самое чтеніе клинообразныхъ надписей представляло множество подобныхъ примѣровъ. Тотъ путь сомнѣній и противорѣчій, который прошло со славою чтеніе Ахаманійскихъ надписей, теперь совершаетъ разборъ Ассирій-



ско-Вавилонскаго клинописанія, и конечно скептикамъ еще недавно былъ самый удобный моментъ напасть на клиночетовъ, когда Оппертъ вступилъ въ полемику съ Ролинсономъ и Брандисомъ. Но чтеніе Вавилоно-Ассирійской грамоты, съ помощію лексиконовъ и пособій, найденныхъ въ Ассирійскихъ зданіяхъ и хранящихся теперь въ Лондонѣ, уже вступило въ новый фазисъ, обѣщающій счастливый исходъ. Многознающій соперникъ Ролинсона, Оппертъ, безъ особенныхъ затрудненій читаетъ и объясняетъ послѣднюю систему трехъязычныхъ клинообразныхъ надписей, которая поведетъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ правильному и точному уразумѣнію многочисленныхъ Вавилоно-Ассирійскихъ надписей, являющихся одиноко, безъ перевода на другія системы клинописанія. Этотъ громадный успѣхъ недалекъ, хотя мы еще не разъ будемъ очевидцами самыхъ жаркихъ споровъ между клиночетами. Но ни въ какомъ случаѣ не должно смотрѣть на эту отрасль знанія, какъ на разборъ Египетскихъ іероглифовъ: необъятное богатство матеріаловъ, представляемое Египетскими іероглифами, уничтожалось отсутствіемъ положительныхъ филологическихъ данныхъ, тогда-какъ въ клиночтеніи филологія является на помощь съ обильнымъ и вѣрнымъ запасомъ, недостатка-же въ клиновидныхъ матеріалахъ теперь не существуетъ, потому что число камней съ клинообразными надписями перешло уже за полторы тысячи.

Въ ожиданіи успѣховъ и результатовъ чтенія Вавилоно-Ассирійскихъ надписей, изложимъ пріобрѣтенія, сдѣланныя наукою въ клинообразныхъ Ахаманійскихъ надписяхъ.

Когда чтеніе и переводы короткихъ Персепольскихъ надписей Иранской системы Бюрнуфомъ и Лассеномъ показали несомнѣнную возможность побѣды надъ цѣлою системою, самыя обширныя надежды и нетерпѣливыя ожиданія привѣтствовали манифестъ Дарія, скопированный Ролинсономъ со скалъ Бисютунскихъ. Къ-сожалѣнію, надпись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалась поврежденною или уничтоженною, такъ-что полное

возстановленіе ея невозможно; однако пространный и нѣсколько хвастливый отчетъ Дарія потомству въ своемъ царствованіи, иногда напоминающій донесенія Австрійскихъ генераловъ, представляетъ весьма удовлетворительную лѣтопись первыхъ годовъ Даріева правленія; можно еще пожалѣть о томъ, что Иранскій монархъ ограничивается сухимъ изложеніемъ фактовъ, теряя между-тѣмъ драгоцѣнное каменное полотно скалы на повторенія избитыхъ формулъ самовосхваленія; но пробѣлъ, оставляемый въ картинѣ молчаніемъ Дарія о своемъ народѣ и объ Иранской современной жизни, можетъ быть отчасти пополненъ по барельефамъ Персепольскаго дворца и антиками, а отчасти по классическимъ источникамъ. Конечно, ни тѣ, ни другіе не дадутъ намъ такихъ удивительныхъ подробностей, какія доставляютъ стѣны Ассирійскихъ дворцовъ, покрытыя невѣроятнымъ множествомъ разнообразныхъ сценъ Ассирійской жизни; но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ въ монументальныхъ надписяхъ, барельефахъ и антикахъ Иранскихъ безцѣнныя свѣдѣнія и указанія, какими рѣдкое государство и новыхъ временъ можетъ похвалиться. Обзоръ Даріева манифеста по переводу Опперта, который надобно признать лучшимъ и едва-ли не вполнѣ удовлетворительнымъ (*), покажетъ намъ, сколько новаго и неизвѣстнаго дотолѣ сообщаетъ о себѣ и объ Иранѣ Персидскій монархъ.

Манифестъ раздѣленъ на пять столбцовъ или таблицъ: это раздѣленіе случайное и не соотвѣтствуетъ числу замѣчательныхъ событій царствованія, о которыхъ Дарій считалъ нужнымъ упомянуть.

Въ первомъ столбцѣ Дарій излагаетъ свою генеалогію, говоритъ о концѣ правленія Камбиза, разсказываетъ исторію мага, восшествіе свое на тронъ Иранскій, усмиренное возмущеніе Сузянъ и страшное возстаніе Вавилона. Въ изложеніи родо-

(*) Journal asiatique 1851 и 1852 года: «Mémoire sur les inscriptions des Achéménides, conçues dans d'idiome des anciens Perses.

словной (*) Персидскаго монарха является объясненіе ошибки Геродота, смѣшавшаго двѣ родословныя таблицы и поставившаго Дарія въ одно время зятемъ Кира и потомкомъ его-же въ пятой линіи; эти таблицы двухъ царскихъ вѣтвей, по манифесту, выходятъ такъ:

Ахаманисъ (Ахеменесъ), родоначальникъ династіи.
Каисписъ (Тейспесъ).

Аріярамнъ (Аріарамнесъ)	Камбузій (Камбизъ).
Арсамъ (Арсамесъ).	Курусъ (Киръ).
Вистаспъ (Гистаспъ).	Камбузій (Камбизъ).
Дарьявусъ (Дарій).	

Первая половина представляетъ родословную собственно Дарія, а обѣ половины содержатъ династическій списокъ Ахаманидовъ, по которому Дарій отдѣляется только двумя поколѣніями отъ Кира и однимъ отъ предшественника своего Камбиза.

Въ высшей степени любопытно въ первомъ столбцѣ манифеста перечисленіе Даріемъ подчиненныхъ тогда его владычеству странъ, въ которомъ идетъ дѣло лишь объ этническомъ отличіи, между-тѣмъ-какъ у Геродота (III, 80) помѣщено исчисленіе двадцати финансовыхъ округовъ. Дарій перечисляетъ области, но не сатрапіи, такимъ образомъ: Персія, Мидія, Элимаисъ, Вавилонъ, Ассирія, Аравія, Египетъ, Іоняне морскіе, Фригія, Іоняне материка, Арменія, Каппадокія, Сагартія, Парѳія, Саранги, Аріана, Хоразмія, Бактрія, Согдіана, Сакія, Саттагидія, Арахозія и Максія, всего двадцать три области. Въ перечисленіи не забыта и часть нашей Россіи: Сакія есть не что иное, какъ Скиѳія. Кромѣ этихъ странъ, далѣе упоминаются еще мелкія области, наприм. Писіяувада, которой гео-

(*) Здѣсь встрѣчается не объясненное клиночетами слово *амата*, могущественный: вѣроятно, корень его находится въ словѣ *мастъ*, означающемъ въ нѣкоторыхъ Персидскихъ нарѣчіяхъ «великій». Подобныхъ замѣчаній много можно было-бы сдѣлать на манифестъ Дарія, но мы уклоняемся здѣсь отъ филологическихъ толкованій.

графическое положеніе опредѣляется лишь догадочно къ сѣверо-востоку отъ Фарсистана.

Нѣкоторыя историческія указанія и даже самыя недомолвки перваго столбца манифеста имѣютъ особенный интересъ: такъ выраженіе манифеста о Камбизѣ, что онъ «умертвилъ самъ себя», показываетъ вынужденное самоубійство этого государя и вполнѣ согласуется съ повѣствованіемъ Геродота. За этимъ Дарій, говоря о магѣ Гоматѣ, впадаетъ въ противорѣчіе съ отцомъ исторіи, и на этотъ разъ оффиціальный документъ Иранской имперіи оказывается лживымъ—что, впрочемъ, объясняется весьма легко: Дарій хочетъ представить мага жестокимъ и ненавистнымъ народу, цѣлой имперіи, между-тѣмъ какъ это можетъ лишь относиться къ однимъ Персамъ, которые въ-самомъ-дѣлѣ страдали отъ маговъ и ненавидѣли ихъ. Дарій выражается въ этомъ случаѣ, какъ Персы, и часть выставляетъ вмѣсто цѣлаго. Себѣ-же приписываетъ Дарій честь заговора противъ мага, хотя на дѣлѣ это было и не совсѣмъ такъ; выражаясь коротко, Дарій не упоминаетъ о Греческомъ преданіи, приписывающемъ открытіе самозванства магова одной изъ его женъ, но взамѣнъ мы находимъ въ манифестѣ имя мѣстности, въ которой происходила трагическая сцена убіенія самозванца Гомата: это замокъ Ѳикѳоватисъ, въ области Нисай, въ Мидіи.

Главою возмущенія въ Сузіанѣ Дарій называетъ Аорина, сына Упадарма, а главою возмущенія въ Вавилонѣ—Надитабира, сына Айна...., который выдавалъ себя за Навуходоносора (Набукуднасара), сына Набунитова: походъ Дарія противъ Вавилонскаго бунтовщика разсказанъ въ манифестѣ довольно подробно и даже поименовано мѣсто сраженія Персовъ съ Вавилонянами у города Зазана, на берегу Евфрата, по-близости Вавилона. Къ-сожалѣнію, конецъ перваго столбца значительно поврежденъ,—что Опиертъ приписываетъ суевѣрной злонамѣренности. Въ этомъ столбцѣ объ избраніи Дарія на царство нѣтъ ни слова: Иранскій падишахъ выражается просто, что

«по волѣ Оромазда я сталъ царемъ». Такимъ-образомъ знаменитая Греческая легенда о Даріевомъ конѣ остается легендою, и странный способъ рѣшенія правъ на тронъ, хотя и не противорѣчащій характеру Иранскому, не подтверждается оффиціальнымъ заявленіемъ самого Дарія. Конечно, молчаніе манифеста и не отрицаетъ Греческой легенды, и даже возможно предположеніе, что Дарій имѣлъ свои причины умолчать о ничтожной случайности, доставившей ему престолъ первой монархіи тогдашняго міра.

Во второмъ столбцѣ манифеста, нѣсколько поврежденномъ, Дарій оканчиваетъ разсказъ о возмущеніи Вавилонскомъ и передаетъ подробности о новыхъ возстаніяхъ въ Сузіанѣ, Мидіи и Гирканіи. Первый разсказъ коротко объявляетъ о взятіи Вавилона Даріемъ и убіеніи имъ Надитабира, не сообщая почему-то интересныхъ подробностей, приводимыхъ у Геродота: причину молчанія опять объяснить трудно, развѣ только предположить, что Греческая повѣсть взята изъ народныхъ преданій, смѣшавшихъ одну эпоху съ другой. Впрочемъ, мы наклонны вѣрить во второмъ разсказѣ Геродоту, такъ-какъ онъ свои извѣстія собиралъ въ Вавилонѣ, а описываемое событіе имѣетъ прямое отношеніе къ Вавилонской исторіи.

Сузіанскій самозванецъ Гоматъ, своимъ успѣхомъ введшій въ моду самозванство,—что впрочемъ легко могло случиться и безъ его примѣра—настоящее имя имѣлъ «Мартія»; выдавалъ-же онъ себя за Уманиса, царя Сузіанскаго, и держался въ Персидскомъ городѣ Куганакѣ. По истребленіи этого самозванца, умерщвленнаго самими Сузіанцами, Дарій говоритъ о возмущеніи Индіи, о которомъ до-сихъ-поръ не имѣли понятія и которое уничтожаетъ ложное предположеніе о существованіи Геродота еще въ 408 году до Р. Х., когда было возстаніе Мидянъ, упоминаемое Ксенофонтомъ. Дарій объявляетъ, что самозванецъ Мидійскій именовался Фравартисъ (Фраортесъ), выдавилъ-же онъ себя за Хсаерита, изъ рода Уваксатара (Ціаксара): этотъ самозванецъ разбитъ Персидскимъ полковод-

цемъ Видарномъ (Гидарномъ) у города въ Мидіи, имя котораго въ надписи повреждено. Видармъ дождался самого Дарія въ Кампадѣ, въ Мидіи.

Одновременно съ возстаніемъ въ Мидіи обнаруживается возмущеніе и въ Арменіи: Дарій, занятый осадою Вавилона, посылаетъ въ Арменію полководца Дадарсиса, который, по словамъ манифеста, три раза разбиваетъ бунтовщиковъ: одинъ разъ у города Тигра въ Арменіи, а два раза у городовъ Армянскихъ, имена которыхъ сгладились. Не смотря на хвастливыя выраженія манифеста о побѣдахъ, показывающія, что уже и въ такой глубокой древности оффиціальные документы умѣли иногда скрывать истину, возстаніе не прекращалось, а даже усиливалось: Дарій посылаетъ въ подкрѣпленіе первому полководцу другаго, по имени Вомиса (Омисъ), который находитъ возмущеніе уже въ Ассиріи: счастливыя знамена Дарія выигрываютъ и здѣсь побѣду у мѣстности, имя которой опять не пощадила рука разрушенія. Потомъ Вомисъ разбилъ мятежниковъ въ Арменія, въ странѣ, именуемой Отіяра: затѣмъ оба генерала, по примѣру Видарма, ожидаютъ своего монарха въ Арменіи, который, покончивъ съ Вавилономъ, спѣшитъ на-выручку своихъ полководцевъ, повидимому находившихся не въ блистательномъ положеніи; особенно возстаніе Фраорта представляло опасность.

Явившись въ Мидію, Дарій встрѣчается съ самозванцемъ у города Гудуруса, и разбиваетъ его; Фраортъ бѣжитъ съ преданными всадниками въ Рагу (Рагесъ, Рей), гдѣ и схваченъ войсками Дарія. Съ истинно-Азіатскимъ хладнокровіемъ Дарій объявляетъ, что онъ отрубилъ носъ, уши и языкъ плѣннику, держалъ его прикованнымъ у своихъ дверей и наконецъ распялъ въ Экбатанѣ его и соучастниковъ. Всѣ эти событія, по счисленію Опперта, происходили въ слѣдующемъ порядкѣ: въ декабрѣ 520 года до Р. Х. Вавилоняне отступаютъ и укрѣпляются въ своемъ городѣ; въ январѣ 519 г. Дарій начинаетъ осаду Вавилона, которая продолжается двадцать мѣсяцовъ, до

августа 518 года. Между-тѣмъ возмущаются Мидяне: первое сраженіе у Персовъ съ ними произошло въ декабрѣ 519 года; окончательно-же они поражены самимъ Даріемъ въ ноябрѣ 518 года. Сраженія въ Арменіи относятся къ маю, августу и декабрю 519 и къ маю 518 года.

Что̀ дѣлалъ Персидскій монархъ подъ стѣнами Вавилона, отчего такъ долго длилась осада этого города, манифестъ не объясняетъ: онъ предпочитаетъ этимъ объясненіямъ многословное и отвратительное повѣствованіе о наказаніи мятежниковъ, на страхъ и поученіе потомству. Продолжительность осады Вавилона подтверждается въ новѣйшее время неуспѣшными осадами Герата, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ разсказѣ Геродота о рабски-преданномъ Зопирѣ.

За симъ слѣдуетъ возмущеніе въ Сагартіи, гдѣ самозванецъ Сиератахмъ выдаетъ себя также за потомка Ціаксарова и провозглашаетъ себя царемъ Сагартіи; память о династіи Мидійской была еще очень жива повсюду, и ею-то пользовались самозванцы. Дарій посылаетъ полководца изъ Мидянъ Хиаспаду, который побѣждаетъ самозванца: Персидскій владыка уродуетъ его, какъ и Фраорта, а потомъ распинаетъ въ Арбелахъ.

Пареія и Гирканія объявляютъ себя за Фраорта: отецъ Дарія, Гистаспъ, сражается съ бунтовщиками у Пареянскаго города Виспавустиса, но безъ особенныхъ результатовъ. Этимъ оканчивается разсказъ втораго столбца.

Въ третьей таблицѣ, сохранившейся лучше другихъ, изложено усмиреніе Пареіи, возстаніе въ Маргіанѣ, вторичное возмущеніе Персіи, взволнованной новымъ псевдо-Смердисомъ,— возмущеніе, которое безъ манифеста осталось-бы неизвѣстно исторіи. Вторичное возмущеніе въ Вавилонѣ также подавлено. Подробности этихъ событій Дарій разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

Изъ Раги Персидскій монархъ отправилъ войско на помощь отцу своему, который и разбилъ мятежниковъ у города

въ Парѳіи, по имени Патиганамъ. Послѣ-того Дарій послалъ Персидскаго сатрапа Бактріаны Дадарсиса, на возмутившихся жителей Маргіаны (Маргусъ), которыми предводительствовалъ Фрадъ: бунтовщики были побѣждены. Между-тѣмъ одинъ Персъ рѣшился воспользоваться молвою, ходившею въ народѣ о томъ, что Смердисъ, сынъ Кира, не смотря на предсмертное признаніе Камбиза въ братоубійствѣ, живъ еще и скрывается гдѣ-то: этотъ Персъ, по имени Вахьяздатъ, явился въ городѣ Таравѣ, въ Персидской провинціи Ютіи. Возмущеніе втораго лже-Смердиса должно быть причислено къ числу опаснѣйшихъ для Дарія, потому-что манифестъ говоритъ прямо объ этомъ самозванцѣ: «онъ былъ царемъ въ Персіи»: кромѣ-того возставшая область составляла родовое наслѣдіе Ахаманидовъ, вѣрную опору Персидскаго монарха, и наконецъ, къ довершенію критическаго положенія, самъ Дарій занятъ былъ усмиреніемъ Мидіи. Лже-Смердисъ дѣйствовалъ рѣшительно и искусно: возмутивъ Персію, онъ отправилъ войско въ восточныя области имперіи, для склоненія ихъ на свою сторону, какъ правую сторону законнаго государя, что̀ ему и удалось, такъ-что лже-Смердисъ уже былъ умерщвленъ Даріемъ, а возстаніе въ пользу его все еще продолжалось. Затруднительное положеніе Дарія, завоевывающаго себѣ тронъ, не напоминаетъ-ли очень ясно послѣднихъ монарховъ нынѣшней Персіи, которые должны были бороться съ мятежными «Шахзадэ» (принцами крови), въ разныхъ провинціяхъ Ирана возставшими и провозгласившими себя истинными наслѣдниками Сассанидской тіары?...

Для потушенія мятежа въ Персіи, Дарій выслалъ армію подъ начальствомъ Перса Артавардія, который имѣлъ два сраженія съ лже-Смердисомъ: одно у города Раха въ Персіи, весной въ 517 годъ до Р. Х. а другое у горы Парага: послѣднее, происходившее почти въ іюлѣ того-же года, одновременно съ пораженіемъ Парѳянъ, было рѣшительно; Вахьяздатъ взятъ въ плѣнъ со всѣми своими сообщниками и распятъ въ Персидскомъ городѣ Увадайдаѣ.

Возмущая Персію, лже-Смердисъ послалъ войско и въ Арахозію, сатрапъ которой Виванъ имѣлъ два сраженія съ бунтовщиками: одно у крѣпости Каписканисъ, а другое въ странѣ Гандутавѣ. Въ послѣдней битвѣ мятежники были разбиты на голову, предводитель ихъ бѣжалъ съ своей конницей къ замку Арсаду (въ Арахозіи), овладѣлъ имъ и заперся здѣсь, но сатрапъ Даріевъ въ свою очередь взялъ замокъ со всѣми возмутившимися. На-этотъ-разъ манифестъ не говоритъ о казняхъ, вѣроятно потому, что сатрапы иногда были великодушнѣе своего монарха, хотя, подобно нынѣшнимъ Персидскимъ губернаторамъ, они имѣли полную возможность свирѣпствовать во ввѣренныхъ имъ областяхъ.

Во время пребыванія Дарія въ Персіи и Мидіи, образовалось новое возстаніе въ Вавилонѣ: не смотря на жестокое наказаніе, Халдеи воспользовались отсутствіемъ Дарія и опять рѣшились свергнуть Персидское иго. Объ этомъ вторичномъ возстаніи Вавилона мы также въ первый разъ узнаемъ лишь изъ манифеста Даріева, потому что у классическихъ писателей ничего о немъ не упоминается. Главою и зачинщикомъ мятежа является теперь Армянинъ Арахъ, сынъ Наидита, возставшій въ Вавилонской провинціи Дубалѣ, подъ именемъ Навуходоносора. Возстаніе началось такъ успѣшно, что самозванецъ овладѣлъ Вавилономъ, гдѣ онъ, по выраженію манифеста, и «былъ царемъ». Дарій послалъ на Вавилонянъ генерала Виндафра (Интафресъ), родомъ Мидянина, который взялъ столицу Навуходоносорову въ 516 году до Р. Х., вѣроятно, скорѣе и легче, нежели самъ Дарій: впрочемъ, манифестъ въ этомъ мѣстѣ поврежденъ, и подробности покоренія Вавилона пока неизвѣстны. Тѣмъ оканчивается сказаніе третьяго столбца.

Четвертый столбецъ манифеста содержитъ въ себѣ перечень предыдущихъ событій и возваніе Персидскаго монарха къ потомству о неприкосновенномъ храненіи надписей и изображеній на Бисютунской скалѣ: къ послѣднему завѣту было особенно невнимательно время, произведшее большія поврежденія въ надпи-

сяхъ, а отчасти чья-то ненависть, уничтожившая нѣкоторыя слова манифеста. Дарій говоритъ, что онъ далъ девятнадцать сраженій (въ предыдущихъ столбцахъ перечислено лишь восемнадцать) и взялъ девять царей (самозванцевъ): на послѣднемъ обстоятельствѣ, какъ на замѣчательномъ, останавливается переводчикъ манифеста Оппертъ, и объясняетъ его съ одной стороны юностію Персидской монархіи, а съ другой — желаніемъ покоренныхъ народовъ возвратить утраченную независимость. Къ подобнымъ объясненіямъ едва-ли нужно прибѣгать тамъ, гдѣ и въ новѣйшее время видимъ разомъ до пяти или шести претендентовъ, объявляющихъ себя шахами въ разныхъ концахъ имперіи и даже чеканящихъ свою собственную монету. Что-же касается до того, что Дарій называетъ всѣхъ мятежниковъ лгунами, то и это не должно приводить новѣйшаго комментатора въ затрудненіе: хотя нѣкоторые изъ мятежниковъ и не были самозванцами, однако, съ точки зрѣнія самого Дарія, они все-таки были безправные претенденты на корону и независимость, потерянную народомъ ихъ. О манифестѣ своемъ Дарій утверждаетъ, что онъ ни разу не представлялъ событій въ ложномъ свѣтѣ; однакожь мы видѣли выше, что Иранскій падишахъ выражается иногда по-цесарски; да и въ этомъ-же столбцѣ Дарій восхваляетъ себя очень наивно, говоря, что онъ не былъ ни злымъ, ни лжецомъ, ни тираномъ. Упомянувъ о девятнадцати побѣдахъ своихъ, Дарій считаетъ нужнымъ прибавить, что въ эту таблицу онъ не включаетъ множества другихъ своихъ подвиговъ: не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь разумѣются побѣды его генераловъ, а не походы Дарія во Ѳракію, Индію и Грецію, о которыхъ манифестъ непремѣнно-бы распространился или по-крайней-мѣрѣ выразился-бы хотя нѣсколькими фразами. Такимъ-образомъ ясно опредѣляется время составленія манифеста Бисютунскаго.

Конецъ четвертаго столбца заслуживаетъ особеннаго вниманія: совершенно неожиданно Дарій сообщаетъ здѣсь имена своихъ соумышленниковъ, участвовавшихъ съ нимъ въ убіеніи

Гомата, перваго лже-Смердиса, и въ низверженіи владычества маговъ. Геродотъ и Ктезій, также перечислявшіе этихъ соумышленниковъ, сходятся только въ имени одного, въ названіяхъ-же другихъ представляется полное разногласіе. Манифестъ Дарія доставляетъ теперь возможность повѣрить обоихъ разскащиковъ, и истина на-этотъ-разъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, остается на сторонѣ Геродота, правдивость и точность котораго блистательно подтверждаются объявленіемъ самого Иранскаго монарха. Вотъ имена заговорщиковъ по Даріеву манифесту, отчасти возстановленныя клиночетами, потому-что эта часть надписи нѣсколько повреждена: Персъ Интафернъ (Виндафранъ), сынъ Гиспака (Виспакъ?); Персъ Гидарнъ (Видарнъ), сынъ Дисгара (Дузгаръ?); Персъ Гобрій (Гобрувъ), сынъ Мардонія (Мардуній); Персъ Отанъ (Утанъ); сынъ Франасиа; Персъ Мегабизъ (Багамухсъ), сынъ Зопира (Дадопиръ), и Персъ Аспаѳинъ, сынъ Аморга (Хамаргъ?).

Послѣднія слова четвертаго столбца манифеста совершенно сглажены.

Пятый и послѣдній столбецъ принадлежитъ къ числу самыхъ поврежденныхъ и трудныхъ для чтенія: едва четвертая часть его сохранилась. Здѣсь Дарій говоритъ о возстаніи въ Сузіанѣ, которое усмирилъ генералъ его Гобрій, и потомъ о походѣ противъ двухъ Скиѳскихъ царей, которыхъ онъ побѣдилъ и овладѣлъ ихъ страною. Этотъ походъ предпринятъ былъ Даріемъ повидимому отъ Сузъ къ Черному морю, вблизи береговъ Тигра, имя котораго упоминается въ надписи: имѣетъ-ли онъ какое-нибудь отношеніе къ Скиѳской экспедиціи Дарія въ 514 году—неизвѣстно: потому-что этотъ столбецъ манифеста, хотя и составленный послѣ экспедиціи, не упоминаетъ о ней, какъ о неудачной затѣѣ великаго царя, которую не дурно было скрыть отъ потомства. Сохранившееся имя одного изъ Скиѳскихъ царей клиночетами представляется «Саруxъ»; кажется, это имя состоитъ въ родствѣ съ Монгольскимъ Сартакомъ.

Описаніемъ Скиѳскаго похода Дарій заканчиваетъ повѣсть

о первыхъ годахъ своего царствованія; но, не довольствуясь разсказомъ о побѣжденныхъ врагахъ, Персидскій монархъ велѣлъ изсѣчь, надъ столбцами манифеста, портреты этихъ враговъ, свой собственный и вѣрнаго слуги своего: въ примѣрахъ нуждаться онъ не могъ, потому-что въ Вавилонѣ и Ниневіи, задолго до него, барельефы и притомъ раскрашенные, были въ большомъ употребленіи. Надъ головой Дарія помѣщена родословная его, какъ въ первой таблицѣ, и потомъ идутъ изображенія: Гомата, Аѳрина, въ длинномъ платьѣ, съ веревкой на шеѣ; Надитабера, въ короткой туникѣ; Мартія, въ Персидскомъ платьѣ, длинномъ сзади болѣе, нежели спереди; Ситратасна; Вахьяздата; Араха, въ короткомъ платьѣ; Фрада, въ Персидскомъ костюмѣ, и наконецъ поодаль другихъ портретъ Саруха: Скиѳъ высокъ ростомъ, и на головѣ имѣетъ острый и высокій колпакъ, сверхъ котораго украшеніе въ родѣ кокарды покрываетъ часть волосъ.

Средину манифеста занимаетъ изображеніе Оромазда.

Во многихъ мѣстахъ манифеста означены мѣсяцы и годы событій; соединивъ эти разбросанныя числа, Оппертъ возстановляетъ слѣдующимъ образомъ порядокъ древнихъ, Персидскихъ мѣсяцовъ:

1) .... (неизвѣстенъ), 2) ...., 3) Багаядисъ, 4) Віяхна, 5) Ѳуравахара, 6) ...., 7) Гармапада, 8) Ѳаигарсисъ, 9 ...., 10) Аѳріядисъ, 11) Асхана, 12) Анамака.

Вотъ все любопытное содержаніе Даріева манифеста. Какое множество собственныхъ именъ, личныхъ и географическихъ, въ подлинной ихъ формѣ являются здѣсь въ первый разъ ученому міру! Нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ данныхъ, пріобрѣтаемыхъ наукой въ этомъ манифестѣ, были указаны нами въ своихъ мѣстахъ. Не менѣе интересенъ образъ выраженія Персидскаго монарха, обращающагося къ современникамъ, а болѣе къ потомству: стиль манифеста величественно-простъ, сжатъ и силенъ; въ примѣръ приведемъ слова Дарія объ одномъ изъ побѣжденныхъ враговъ его:

«Сей, Аринъ, лгалъ. Онъ говорилъ такъ: я царь есмь въ Сузіанѣ».

Филологическая сторона манифеста представляетъ также немало предметовъ высокой занимательности: здѣсь является почти въ полномъ развитіи древній языкъ Ирана, обильный гласными, благозвучный, одинъ изъ лучшихъ языковъ, имѣющій оригинальное построеніе. Составленный мною переводъ манифеста Даріева на нынѣшній Персидскій языкъ показалъ мнѣ, что сила и краткость выраженія остаются на сторонѣ древняго Персидскаго нарѣчія и что во многихъ случаяхъ конструкціи обоихъ языковъ не сходятся: потому-что новое нарѣчіе утратило обиліе и свободу формъ древняго, хотя и сохранило ближайшее родство съ нимъ. Между-прочимъ особеннаго вниманія нашего заслуживаетъ встрѣчающееся въ манифестѣ слово *баи* (*бага*), Богъ, которое, изъ всей вѣтви Арійскихъ языковъ, является только у Ахаманидовъ и въ Славянскихъ нарѣчіяхъ съ одинаковымъ значеніемъ, изъ чего однако не слѣдуетъ заключать о ближайшемъ сродствѣ древняго Иранскаго съ Русскимъ.

Кромѣ положительныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ манифестомъ, представляется много любопытныхъ выводовъ изъ его указаній: такъ изъ нѣкоторыхъ словъ Дарія можно справедливо заключать объ однородности происхожденія древнихъ Персовъ и Мидянъ, какъ доказываетъ Оппертъ.

Наконецъ нельзя не предложить еще вопроса: почему Дарій избралъ мѣстомъ для своего манифеста Бисютунскія скалы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ филологія: настоящее названіе мѣстности есть Бехистунъ, что произошло отъ древняго «Багастана» (мѣсто боговъ).

Первое мѣсто между трехъязычными надписями, послѣ манифеста Даріева, занимаетъ воззваніе у его гробницы, на скалѣ Накшъ-и-Рустамъ (*). Иранскій самодержецъ выражается

(*) Эта надпись въ нынѣшнемъ году вновь переведена Оппертомъ съ прибавленіемъ Ассирійскаго текста, въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.



здѣсь такъ-же, какъ и въ манифестѣ, но въ срединѣ воззванія помѣщенъ перечень подвластныхъ ему странъ около 495 года до Р. Х. Для сравненія мы приведемъ здѣсь это перечисленіе, изъ котораго будетъ видна обширность Персидской монархіи при восшествіи Дарія на тронъ и въ срединѣ его царствованія, насколько завоеванія и походы великаго царя расширили предѣлы державы его:

Мидія, Элимаисъ, Парѳія, Аріана, Бактрія, Согдіана, Хоразмія, Сарангія, Арахозія, Саттагидія, Гандарія (въ Индіи), Индія, Скиѳы-пастыри, Скиѳы-стрѣлки, Вавилонъ, Ассирія, Аравія, Египетъ, Арменія, Каппадокія, Фригія, Іоняне, Скиѳы заморскіе, Скодра, Іоняне материка, Путъ, Кусъ, Максія (въ Ливіи), Кархедонъ, всего двадцать девять областей, не считая наслѣдственной Персіи.

Въ этомъ росписаніи мы находимъ нѣсколько подраздѣленій Скиѳовъ, которыхъ Дарій признаетъ своими подданными. Насколько подданство было прочно — это другой вопросъ.

Воззванія Дарія I-го находятся еще у горы Альвенда (близъ Экбатаны) и во дворцѣ Персепольскомъ, построеніе котораго, вѣроятно, начато этимъ государемъ, но они представляютъ интересъ второстепенный: здѣсь мы находимъ третій, неполный перечень провинцій Персидскихъ, занимающій средину между приведенными выше, и нѣкоторыя указанія на вѣроученіе древнихъ Персовъ; между прочимъ Дарій говоритъ, что Оромаздъ есть величайшій изъ боговъ (надписи упоминаютъ изъ Персидскихъ божествъ только Миѳру), и что «Персія есть страна богатая лошадьми, не страшащаяся никакого врага, по волѣ Оромазда и моей (Дарія)». Персидскій монархъ ставитъ себя непосредственно послѣ перваго божества.

За славнымъ царствованіемъ Дарія, не смотря на нѣкоторыя пораженія возвеличившаго Персію, начинается постоянный упадокъ монархіи Иранской; но преемники Дарія продолжаютъ въ воззваніяхъ выражаться высокомѣрно, по-примѣру своего

предка. Ксерксъ не однажды на стѣнахъ Персепольскаго дворца на скалахъ у Хамадана и Вана говоритъ такъ:

«Я есмь Коерксъ, великій царь, царь царей, царь населеннѣйшихъ странъ, царь этой большой земли, вдали и вблизи, сынъ царя Дарія, Ахаманидъ».

Оставляя въ сторонѣ мелкія надписи Артаксерка I (на Египетской вазѣ, хранящейся въ Венеціи) и Дарія Нота (на окнахъ и дверяхъ Персепольскаго дворца, близъ устья древняго канала изъ Нила въ Аравійскій заливъ, и проч.), мы остановимъ вниманіе читателя на самой новой клинообразной надписи, принадлежащей Артаксерксу III Оху, и на самой древней Иранской, находящейся на могилѣ Кира. Первая относится почти къ 350 году до Р. Х. Въ сухомъ перечнѣ она представляетъ чуть не цѣлую исторію Персіи, потому что мы находимъ здѣсь родословную таблицу Персидскихъ монарховъ, преемниковъ Дарія, совершенно сходную въ-добавокъ съ извѣстіями Греческихъ писателей. Вотъ эта родословная въ томъ видѣ, какъ передаетъ ее надпись:

Арсамесъ.
Гистаспъ.
Дарій I.
Ксерксъ.
Артаксерксъ I.
Ксерксъ II, Согдіянинъ. Дарій II Охъ.
Артаксерксъ II, Киръ.
Артаксерксъ III, Охъ.

Надпись на гробѣ Кира въ Пасаргадѣ, нынѣ носящемъ названіе Мургаба, отличается выразительною простотою:

«Я, Киръ царь, Ахаманидъ».

Основатель Персидской монархіи въ подлинныхъ надписяхъ называется «Курусъ»; имя Артакоеркса Лонгимана выражалось по древне-Иранскому «Артахсаөра дразадаста».

Если, съ одной стороны, сказанія классическихъ писателей

о Персидской монархіи нашли себѣ блистательное подтвержденіе и оправданіе въ манифестахъ самихъ царей Персидскихъ, то, съ другой стороны, клинообразныя Ахаманійскія надписи отказываются служить сагамъ Иранскихъ позднѣйшихъ повѣствователей, въ ряду которыхъ первое мѣсто принадлежитъ Фердоуси. Теперь оказываются совершенно безполезными усилія Малькольма и другихъ новѣйшихъ изслѣдователей Персидской исторіи соединить и согласить извѣстія Грековъ съ Иранскими сагами: послѣднія совершенно утратили повѣсть объ Ахаманидахъ, не знаютъ совсѣмъ основателя Персидской монархіи, котораго имя даже не является въ этихъ сагахъ, и если случайно попадаются Ахаманійскіе цари у Мирхонда и Фердоуси — Артаксерксъ (Ардеширъ) Лонгиманъ, Дарій (Дарабъ) Кодоманъ и Александръ (Искендеръ), то дѣла ихъ принадлежатъ другимъ лицамъ. Вообще Иранскія саги составляютъ преданіе иного источника, и въ послѣднее время Нѣмецкій ученый Кругеръ уже сдѣлалъ попытку приписать имъ глубочайшую древность, такъ-что эпосъ Фердоуси есть уже повтореніе старыхъ сагъ.

Побѣда, одержанная наукою надъ мракомъ, покрывавшимъ клинообразныя надписи, походитъ на знаменитыя открытія Кювье: какъ ничтожныя иногда части допотопнаго скелета давали этому ученому возможность возстановлять образъ цѣлаго животнаго, такъ и здѣсь иногда изъ одного слова возникалъ цѣлый рядъ идей, живописавшихъ древнія національности. Барельефы, хотя и утратившіе свои краски, поясняли и пополняли слово, и при такомъ дружномъ содѣйствіи возникаетъ въ полныхъ и ясныхъ образахъ жизнь цѣлаго народа, со всѣми его обычаями, вѣрованіями и даже недостатками.

Кромѣ историческихъ пріобрѣтеній, клинообразныя надписи обогащаютъ филологію множествомъ новыхъ и любопытнѣйшихъ языковъ. Какой восторгъ долженъ овладѣть всякимъ любознательнымъ человѣкомъ, когда онъ получаетъ возможность читать въ подлинникѣ манифесты Вавилонскихъ, Ассирій-

скихъ и Иранскихъ монарховъ, не взирая на всю загадочность и трудность письма ихъ! Истощивъ запасъ Иранскихъ надписей, въ которыхъ прослѣжено и цвѣтущее состояніе и паденіе языка, наука обратилась въ послѣднее время къ другимъ клинообразнымъ грамотамъ: эти работы еще только ищутъ прочныхъ основаній, и намъ лишь остается привести исчисленіе разныхъ національностей, употреблявшихъ разныя системы клинописанія, какъ передаетъ это лучшій клиночетъ Опнертъ (*). По его утвержденію, кромѣ Арійскаго письма, существовали слѣдующія системы не-Арійскаго клинописанія:

I. 1. Іероглифы.

II. 2. Іератическое письмо (еще не клинообразная грамота).

III. 3. Древне-Скиѳское клинообразное письмо (не настоящее еще).

4. Ново-Скиѳское клинообразное письмо.

IV. 5. Древне-Сузіанское.

6. Ново-Сузіанское.

V. 7. Древне-Армянское — (еще не настоящее).

8. Ново-Армянское.

VI. 9. Древне-Ассирійское.

10. Ново-Ассирійское.

VII. 11. Древне-Вавилонское.

12. Ново-Вавилонское.

13. Вавилонское народное.

Пять народовъ и пять языковъ употребляли не-Арійское письмо:

1) Мидо-Скиѳскій — вторую систему клинописанія.

2) Касдо-Скиѳскій, родственный съ первымъ.

3) Сузіанскій, очень не ясный.

(*) Rapport adressé à son excellence monsieur Fortoul, membre de l'Institut, ministre de l'instruction publique et des cultes, par Jules Oppert, chargé d'un mission scientifique en Angleterre, въ «Archives des missions scientifiques et littéraires». V vol. V cahier. — Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellchaft, X Band, IV Heft.

4) Древне-Армянскій.

5) Ассирійскій.

Съ открытіемъ Ассирійскихъ древностей, пріобрѣтенія науки археологіи также многочислены и обширны: цѣлая жизнь такого древняго народа съ самыми мелкими подробностями ея, изображенная на барельефахъ, каменныя статуи божествъ, различная утварь и разнаго рода украшенія внезапно явились на свѣтъ, послѣ трехтысячелѣтняго пребыванія подъ землею. Теперь Лувръ и Британскій музей обогащены безцѣнными древностями Ассирійскими, часть которыхъ еще погибла въ Евфратѣ, отъ неразумной экономіи Французскихъ властей и жаднаго варварства Бедуиновъ. Но кромѣ этого запаса, имѣющаго доставить неистощимый матеріалъ для ученыхъ изслѣдованій о древностяхъ Азіатскихъ, множество древностей Месопотамскихъ, вывезенныхъ путешественниками, разсѣяно по кабинетамъ и частнымъ рукамъ. Для примѣра можно привести описаніе двухъ Месопотамскихъ антиковъ, видѣнныхъ мною у дочери бывшаго Англійскаго резидента въ Багдадѣ:

1) Обломокъ мраморнаго карниза, на поверхности котораго сверху сохранилась половина туловища какого-то человѣка, длинная одежда котораго драпирована по-Персепольски; подъ нимъ идетъ лентою Ассирійская клинообразная надпись; внизу ея слѣва фигура быка, а справа — барашка. Работа вообще исполнена не дурно.

2) Глиняный шестисторонный цилиндръ, найденный въ развалинахъ Ниневіи. Со всѣхъ шести сторонъ идетъ клинообразная надпись очень мелкими, нечеткими буквами, углубленными и поставленными одна къ другой очень близко: на каждой сторонѣ до пятидесяти строкъ. Послѣдняя сторона оканчивается двумя строками крупныхъ буквъ, какихъ въ началѣ надписи нѣтъ: это напоминаетъ Монгольскую манеру ставить названіе главы въ концѣ ея.

Цилиндровъ изъ композиціи съ разными изображеніями и клинообразными надписями находится въ Европѣ и Азіи очень

много: описаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ было помѣщено въ Остъ-Индійскихъ журналахъ. Со-временемъ, когда чтеніе всѣхъ клиновидныхъ грамотъ не будетъ представлять оріенталистамъ особенныхъ затрудненій, навѣрно описаніе всѣхъ древностей этого рода будетъ собрано въ одно сочиненіе, а покамѣстъ публика должна довольствоваться любопытной диссертаціей Лаярда объ Ассирійскихъ древностяхъ.

Наконецъ самыя художества обогащаются новыми матеріялами въ Ассирійскихъ открытіяхъ; довольно взглянуть на реставрированный дворецъ Ассирійскаго монарха въ началѣ книги Лаярда (хотя эта реставрація, сказать мимоходомъ, и исполнена не совсѣмъ вѣрно), чтобъ судить, до какого развитія достигло Ассирійское искусство и что нація не лишена была оригинальнаго вкуса.

Заключимъ нашу статью изъявленіемъ твердой увѣренности, что скоро услышимъ отъ г. Опперта античную рѣчь Сарданапаловъ и Саргоновъ.

Испр. долж. ордин. проф. С. Петерб. унив.

И. БЕРЕЗИНЪ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ

НОВО-ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА КЪ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОМУ.

I.

На предметъ настоящей статьи стали съ нѣкотораго времени обращать у насъ вниманіе, и давно-бы пора! Давно пора рѣшить нескончаемые споры о языкѣ, происхожденіи, характерѣ ново-Грековъ, объ отношеніи ихъ къ древнимъ Гелленамъ. Все это пока—вопросы, рѣшенія которымъ по-видимому не предвидится, которые какъ-будто должны остаться навсегда вопросами. Не много предметовъ въ наукѣ, о которыхъ было-бы столько разнообразныхъ, противорѣчивыхъ мнѣній. Сегодня слышишь или читаешь, что нынѣшніе Греки — народъ весьма почтенный, даровитый, съ прекрасной будущностію; завтра — что они даже существованіемъ своимъ позорятъ Европу. Одинъ доказываетъ, что они сохранили почти всѣ древне-Греческія стихіи, другой — что въ нихъ не осталось ничего древняго, что они ославянились, отуречились, обалбанились. Но всего досаднѣе, а иногда всего забавнѣе,—глядя по расположенію,— слышать толки о томъ, такъ-ли слѣдуетъ читать древне-Греческія книги, какъ читаютъ ихъ нынѣшніе Греки: лишь только сойдутся два, три человѣка съ притязаніемъ на знаніе Греческаго языка, сейчасъ на сцену Эразмъ и Рейхлинъ! Поспорятъ, поспорятъ, и ничѣмъ не порѣшивъ, расходятся, чтобы при новой встрѣчѣ опять приняться за Эразма, да за Рейхлина.

Почему-же не бываетъ подобныхъ споровъ о другихъ неустныхъ (мертвыхъ) языкахъ, хотя-бы о Латинскомъ?

Читатель увидитъ, что я стою за родство нынѣшнихъ Грековъ съ древними, что я вѣрю въ славную будущность этого живучаго племени, убѣжденъ въ томъ, что произношеніе ново-Грековъ, конечно, образованныхъ, несравненно вѣрнѣе выдуманнаго Эразмомъ; но каюсь, было время, когда и я увлекался Фальмерайеромъ и другими: мы, Русскіе, не слишкомъ любимъ долго ломать головы и падки на готовыя мнѣнія. Намъ это если не простительно, то по-крайней-мѣрѣ извинительно: при чрезмѣрномъ наплывѣ отовсюду иноземныхъ книгъ, брошюръ, журналовъ, при несовершеннолѣтіи нашего общества, намъ трудно еще вырабатывать самостоятельное сужденіе. Но какъ въ западной Европѣ могутъ до-сихъ-поръ держаться ложныя, очевидно, понятія о новой Греціи? Причина тому кроется, по моему мнѣнію, отчасти въ національномъ эгоизмѣ, какъ напримѣръ у Англичанъ, особенно-же въ предубѣжденіи къ несчастному народу, такъ долго страдавшему подъ варварскимъ игомъ и доселѣ не только не вполнѣ оправившемуся, но даже и не вездѣ освободившемуся изъ-подъ этого ига. Такова ужь жалкая участь всякаго загнаннаго племени! Видя его рубища, его гнойныя раны, мы не можемъ преодолѣть невольнаго отвращенія, хотя-бы это племя и не было виновно въ этихъ рубищахъ и ранахъ, хотя-бы оно всѣми силами старалось выйти изъ своего жалкаго положенія, хотя-бы усилія его были и не безуспѣшны.

Что Греки много пострадали отъ Турокъ и другихъ иноплеменниковъ, что характеръ и языкъ ихъ исказился значительно, это безспорно. Еще Корай, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, писалъ: «нашъ народъ пропитанъ неправдою; впрочемъ, прибавляетъ онъ, еслибы онъ не былъ таковъ, то это можно было-бы считать чудомъ: кто родится и воспитывается подъ правленіемъ незаконнымъ и неправеднымъ, тотъ необходимо и самъ становится неправеденъ, въ большей или меньшей степени, и душа его будетъ непремѣнно наклонна къ неправой власти». И

такъ, что Греки испортились подъ Турецкимъ владычествомъ, это безспорно. Но въ такой-ли степени испортились, чтобы не было надежды на исправленіе, чтобы нельзя было въ характерѣ и языкѣ ихъ признать древнихъ свойствъ? Дѣйсвительно, между ново-Греками много есть, еще болѣе было недавно, людей льстивыхъ, лживыхъ, лукавыхъ, криводушныхъ, продажныхъ. Но развѣ тѣхъ-же пороковъ не было въ древней Греціи? Не говорю уже о Грекахъ подъ Римскимъ владычествомъ: извѣстно всѣмъ, въ какомъ презрѣніи были у Римлянъ Graeculi. Но развѣ Гомеровы Ахеи не боготворили въ лицѣ Гермія воровства и плутовства? Развѣ знаменитѣйшіе древне-Греческіе поэты не прославляли въ дивныхъ созданіяхъ своихъ плута Сисифа, пройдоху Одиссея? Возьмите даже безсмертное произведеніе *простодушнаго* Геродота, прочтите его внимательно, безъ предубѣжденія и безъ пристрастія, и вы увидите, что даже герои Мараѳонской, Саламинской битвы вовсе не были такъ нравственны, какъ привыкло считать ихъ большинство. Потому-то Плутархъ (или тотъ резонеръ, сочиненіе котораго вошло въ составъ Плутарховыхъ) и написалъ книгу о злонамѣренныхъ клеветахъ Геродота,—книгу, обличающую только крайнее тупоуміе и близорукость автора! Онъ не понялъ Геродота, судилъ его по своей мѣркѣ. Исторія Геродота дышетъ искренней любовію и восторженнымъ уваженіемъ къ побѣдителямъ Персовъ; но съ другой стороны онъ не считалъ порокомъ того, чего мы, по нашимъ понятіямъ, не можемъ не осуждать. Для подтвержденія сдѣлаю небольшое отступленіе: разскажу по Геродоту о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ Ѳемистокла и другихъ Греческихъ военачальниковъ передъ Саламинскою битвою. Отступленіе это при дальнѣйшемъ изложеніи намъ пригодится.

Главнымъ начальникомъ надъ войскомъ поставленъ былъ Еврибіадъ, Спартанецъ. Союзники (VIII, 2) говорили, что если поведетъ ихъ не Лаконецъ, то они за Аѳинянами не пойдутъ и

войско распустятъ. Дѣло въ томъ, что еще прежде заходила рѣчь о порученіи флота Аѳинянамъ. Но какъ (гл. 3) союзники тому воспротивились, то Аѳиняне, ставя выше всего благо Геллады, уступили: они знали, что если заспорятъ они о начальствѣ, Геллада погибнетъ. Геродотъ хвалитъ ихъ за эту уступчивость: ибо, говоритъ онъ, племенная усобица настолько хуже единодушной войны съ иноплеменниками, насколько послѣдняя хуже мира.

Греки, завидѣвъ огромныя силы непріятеля, *испугались* (гл. 4) *и задумали бѣжать внутрь Геллады*. Особенно плохо приходилось Евбеянамъ: какъ островитяне, они не могли, подобно жителямъ материка, скрыться въ горы. Потому они, провѣдавъ о замыслахъ союзниковъ, просили Еврибіада обождать немного, пока они свезутъ въ безопасное мѣсто семейства и имущества свои. Еврибіадъ не согласился. Тогда они, давъ 30 талантовъ (*), упросили обдѣлать это дѣло Ѳемистокла. Тотъ поступилъ такъ. Изъ 30 талантовъ, полученныхъ имъ отъ Евбеянъ, далъ пять Еврибіаду, будто отъ себя. Приходилось уговорить еще Адиманта, Коринѳскаго воеводу, который ни за что̀ не хотѣлъ оставаться на морѣ. Ѳемистоклъ (гл. 5) сказалъ ему: нѣтъ, ты насъ не покинешь, потому-что (!) я тебѣ дамъ больше, чѣмъ сколько далъ-бы тебѣ Персидскій царь въ-случаѣ, еслибы ты покинулъ насъ. Такъ говорилъ ему Ѳемистоклъ и послалъ на корабль къ нему три таланта. Геродотъ заключаетъ разсказъ объ этомъ такъ: «Такимъ образомъ они, обольщенные дарами, подались на предложеніе Ѳемистоклово. Сдѣлалось по желанію Евбеянъ, а Ѳемистоклъ *покорыстовался* (ἐκέρδηνε); но что 22 таланта у него осталось, это онъ скрылъ: Еврибіадъ и Адимантъ полагали, что эти деньги отъ Аѳинъ».

Скажите, гдѣ-же здѣсь единодушіе, энтузіазмъ? Изъ-за пустаго упрямства Греки не соглашаются сдѣлать главно-

(*) Въ талантѣ на наши деньги было 1,368 р. 75 к. сер. Значитъ Ѳемистоклу дали Евбеяне болѣе 41,000 р. сер.; изъ нихъ Еврибіаду досталось около 6,850 р., Адиманту болѣе 4,000 р., а Ѳемистоклу болѣе 30,000 р. сер.



начальствующимъ способнаго и знающаго морское дѣло Өемистокла — и ставятъ на это мѣсто человѣка, въ морскомъ дѣлѣ ничего неемыслящаго; еслибы и Аөиняне такъ-же легкомысленно смотрѣли на дѣло и не уступили явному капризу союзниковъ, послѣдніе отказались-бы отъ битвы. Да и послѣ уступки, сдѣланной имъ Аөинянами, лишь только завидѣли непріятеля, струсили и готовы были разбѣжаться. Еслибъ Евбеяне не были подвержены прямой опасности, и не подкупили Өемистокла, а тотъ Еврибіада (Спартанца еще!) и Адиманта, не было-бы и Саламинской битвы, вѣчною славою покрывшей этихъ животолюбивыхъ, сварливыхъ, продажныхъ Грековъ. И какъ наивно разсказана Геродотомъ продѣлка Өемистоклова! Какъ сговорчивы оказались и Еврибіадъ и Адимантъ! Какъ мило заключаетъ Геродотъ разсказъ свой! Хоть-бы слово въ осужденіе кому-нибудь.

Но этимъ дѣло не кончилось. Узнавъ о взятіи Ксерксомъ Аөинъ, Греки пришли въ ужасъ пуще прежняго: Өемистокла въ это время на морѣ не было, и Греки порѣшили-было совсѣмъ уже разбѣжаться, да ночь помѣшала. Между-тѣмъ прибылъ Өемистоклъ. Узнавъ о безумномъ рѣшеніи, онъ тотчасъ отправился къ Еврибіаду и убѣдилъ его созвать всѣхъ воеводъ на совѣтъ. Өемистоклъ, не дожидаясь, когда предложитъ Еврибіадъ дѣло на обсужденіе, горячо (гл. 59) доказывалъ необходимость остаться. При этомъ Адимантъ замѣтилъ ему: «Өемистоклъ, на игрищахъ бьютъ тѣхъ, которые прежде другихъ встаютъ съ своего мѣста». Өемистоклъ *въ оправданіе* (ἀπολυόμενος!) отвѣтилъ: «да и тѣхъ, которые отстаютъ отъ другихъ и опаздываютъ, — вѣнками не награждаютъ». Время было толковать о приличіяхъ!

«Такъ, продолжаетъ Геродотъ, кротко отвѣтилъ Коринеянину Өемистоклъ; Еврибіаду-же при прочихъ ни слова не сказалъ о томъ, что союзники намѣрены разбѣжаться: *считалъ это неприличнымъ*». Не смотря, впрочемъ, на осторожность и уклончивость свою, не смотря на умную и ловкую рѣчь, Өемистоклъ выведенъ былъ изъ терпѣнія тѣмъ-же задорнымъ Ади-

мантомъ. «У кого нѣтъ отечества, говорилъ Адимантъ, тотъ долженъ молчать; пусть Ѳемистоклъ покажетъ свое отечество»! Адимантъ намѣкалъ этимъ на разореніе Аѳинъ Персами: какая жестокая, безчеловѣчная выходка! Тогда Ѳемистоклъ насказалъ много обиднаго про Адиманта и про отечество его; доказалъ, что у него, Ѳемистокла, есть отечество, есть городъ лучше Коринѳа, и всегда будетъ, пока у Аѳинянъ цѣлы будутъ 200 кораблей; потомъ, обратясь къ Еврифіаду, сказалъ съ жаромъ: «а ты, если останешься здѣсь, покажешь себя мужественнымъ человѣкомъ; если-же нѣтъ, погубишь Гелладу: вся сила наша въ корабляхъ. Послушайся меня! Если-же не сдѣлаешь по-моему, то мы, какъ есть, заберемъ семейства наши и переселимся въ Сирій, что̀ въ Италіи: это наша древняя колонія; да и пророчества велятъ намъ устроить ее. А вы, лишившись такихъ союзниковъ, попомните слова мои»! Ѳемистоклова рѣчь вразумила Еврибіада. «Впрочемъ, мнѣ кажется, замѣчаетъ Геродотъ (гл. 63), вразумила его болѣе угроза Ѳемистоклова: онъ боялся, какъ-бы Аѳиняне въ-самомъ-дѣлѣ не покинули ихъ. *Послѣ такой-то*, заключаетъ разсказъ свой Геродотъ, *перебранки* (οὕτως ἔπεσι ἀκροβολισάμενοι), остались они и стали готовиться къ битвѣ».

Черезъ нѣсколько времени, узнавъ, что Персы угрожаютъ Исѳму (перешейку, соединяющему Пелопонесъ съ материкомъ), Греки (гл. 75) опять (уже третій разъ въ короткое время!) струсили, осуждали Еврибіада, и всѣ, кромѣ Аѳинянъ, Егинянъ и Мегарянъ, хотѣли разбѣжаться. Тогда Ѳемистоклъ (гл. 76), видя, что мнѣніе Пелопонесянъ беретъ верхъ, вышелъ незамѣтно изъ собранія и послалъ къ Ксерксу дядьку дѣтей своихъ Сикинна сказать ему, что Греки хотятъ разбѣжаться: «Ѳемистоклъ, говорилъ Ксерксу Сикиннъ, *радѣетъ о пользѣ твоей и желаетъ тебѣ побѣды надъ Греками*». И такъ Ѳемистоклъ обманулъ и Грековъ и Ксеркса: относительно первыхъ онъ (гл. 79) разсудилъ такъ: «Если они повѣрятъ Аристиду (которому онъ поручилъ сообщить имъ о томъ, что флотъ Греческій отовсюду

окруженъ непріятелемъ), — хорошо! а не повѣрятъ, — все равно! ужь теперь не разбѣгутся». И такъ Өемистоклъ все-таки только *обманомъ* заставилъ Грековъ остаться подъ Саламиномъ и — разбить несравненно сильнѣйшаго числительно и недавно еще такъ страшнаго для нихъ непріятеля. Но замѣчательно, что лишь только Греки узнали, что уже нѣтъ возможности ускользнуть, оставили ропотъ, свары, и покойно стали готовиться къ неизбѣжной битвѣ.

О самой битвѣ разсказывать здѣсь было-бы неумѣстно: мнѣ нужно теперь обратить вниманіе на одну только сторону дѣла, обыкновенно незамѣчаемую. Скажу еще нѣсколько словъ о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Өемистокла къ Ксерксу и къ сыну его Артаксерксу. Послѣ битвы Саламинской, Өемистоклъ совѣтовалъ Грекамъ немедленно плыть къ Геллеспонту и разрушить мосты, построенные на немъ Ксерксомъ. Еврибіадъ этому воспротивился. Онъ говорилъ, что если Ксерксъ не будетъ имѣть способовъ воротиться во-свояси, то онъ останется въ Елладѣ и будетъ разорять ее понемногу, вынужденный недостаткомъ собственныхъ средствъ къ прокормленію своего, еще многочисленнаго, войска. Къ мнѣнію Еврибіада пристали и другіе воеводы. Тогда Өемистоклъ уговорилъ (*) и Аөинянъ отказаться отъ погони за Персидскими кораблями, а самъ послалъ тайно того-же Сикинна съ такимъ порученіемъ къ Ксерксу (110): «Прислалъ меня Өемистоклъ, сынъ Неокловъ, воевода Аөинскій, мужъ изо всѣхъ Гелленовъ наилучшій и наимудрѣйшій, — повѣстить тебѣ, что онъ, Өемистоклъ, Аөинянинъ, желая услужить тебѣ, *удержалъ* Гелленовъ, хотѣвшихъ преслѣдовать корабли твои и разрушить мосты на Геллеспонтѣ. Поэтому убирайся домой покойно». Объ этомъ такъ-же почти разсказываютъ и другіе историки: Діодоръ, Юстинъ, Өукидидъ, Корнелій Непотъ; только послѣдніе два повѣствуютъ,

(*) Замѣчательно выраженіе Геродотово (110) въ этомъ случаѣ: διέβαλλε осѣтилъ, опуталъ, обморочилъ.



будто Θемистоклъ *письмомъ* извѣстилъ Ксеркса. Едва-ли такой осторожный человѣкъ, какъ Θемистоклъ, могъ рѣшиться послать письмо. Разсказъ Геродота,—что онъ послалъ Сикинна и другихъ надежныхъ людей, которые и подъ пыткою не открыли-бы его тайны, — вѣрнѣе. Но какъ-бы то ни было, Θемистоклъ, когда впослѣдствіи его изо всѣхъ городовъ Греціи выгоняли, обратился наконецъ къ сыну Ксерксову Артаксерксу съ письмомъ такого содержанія (Θукид. I, 137): «Обращается къ тебѣ Θемистоклъ, тотъ, что̀ больше всѣхъ Гелленовъ надѣлалъ и зла вашему дому, пока противъ твоего отца, напавшаго на меня, защищался я поневолѣ, — но еще болѣе добра, когда отцу твоему надлежало воротиться назадъ съ великой для него опасностію и безъ всякой опасности для меня. И такъ за тобою уже есть одна услуга моя (значитъ, и у Θукидида Θемистоклъ намѣкаетъ на то письмо или порученіе, которое дано было Сикинну); а теперь, *гонимый Гелленами за дружбу мою къ тебѣ*, я готовъ предстать передъ лице твое, имѣя въ виду сдѣлать тебѣ великое добро». Артаксерксъ принялъ его отлично; но Θемистоклъ скоро умеръ, не исполнивъ обѣщаній своихъ. Судя по характеру Θемистокла (онъ всегда былъ, что̀ называется, себѣ-на-умѣ), нельзя не подозрѣвать, что и обращенія къ Ксерксу подъ Саламиномъ дѣланы были Θемистокломъ съ цѣлію задобрить на всякій случай простака варвара...

У Геродота-же (IX, 2) разсказывается, что когда Мардоній съ остатками Ксерксова войска шелъ походомъ на Аѳины, которыми сильно хотѣлось ему вторично овладѣть, то Θивяне, съ начала Ксерксова похода приставшіе къ Персамъ, дали ему такой совѣтъ: «силою одолѣть Гелленовъ, если они будутъ единодушны, трудно, даже всѣмъ людямъ на свѣтѣ; но если ты поступишь, какъ мы тебѣ присовѣтуемъ, то безъ труда заберешь ихъ въ руки. *Пошли денегъ къ людямъ*, *пользующимся значеніемъ и вѣсомъ въ городахъ; тѣмъ ты разъединишь Гелладу*, и тогда съ помощію лицъ, задобренныхъ тобою, легко сладишь съ противниками твоими». Но Мардоній не послушался, и —

Персы были окончательно разбиты! Преемники-же Ксеркса съ успѣхомъ дѣйствовали на Грековъ подкупами.

У того-же, впрочемъ, Геродота разсказывается слѣдующее (VIII, 26). Къ Персамъ перебѣжало нѣсколько Аркадянъ. Персы спросили у нихъ, что̀ теперь дѣлаютъ Геллены. Празднуютъ, отвѣчали тѣ, Олимпіи, смотрятъ на тѣлесныя упражненія. «Какая-же награда ждетъ побѣдителя»? спросили Персы. — Оливный вѣнокъ, отвѣчали Аркадяне. Когда узналъ объ этомъ Ксерксъ, не вытерпѣлъ и тутъ-же при всѣхъ сказалъ: «Ахъ, Мардоній! Съ какими людьми привелъ ты насъ сражаться! *Они состязаются не о деньгахъ, а о доблести!*

Древніе Греки умѣли соединять корыстолюбіе не только съ благороднымъ славолюбіемъ, но даже съ честнымъ выполненіемъ гражданскихъ обязанностей: по свидѣтельству Плутарха (Коріоланъ, гл. 14), первый подкупъ судей въ Аѳинахъ случился уже во время разложенія и порчи Аѳинскаго народа, въ концѣ Пелопонезской войны, въ 409 г. до Р. Х. Это по тому особенно примѣчательно, что Аѳинскіе судьи, какъ видно изъ комедій Аристофана и изъ другихъ сочиненій, выбирались изъ самыхъ необразованныхъ людей въ Аѳинахъ.

Какъ-же сочетать такія, повидимому, противорѣчивыя свойства? животолюбіе, себялюбивую трусость и—изумляющую потомство храбрость? жадность къ деньгамъ, продажность и — безпримѣрную любовь къ славѣ, къ доблести? продажность въ лицѣ людей, наиболѣе образованныхъ, умныхъ и богатыхъ, каковы были Геродотовы Ѳемистоклъ, Еврибіадъ, Адимантъ, многіе иные государственные люди, и—неподкупность какихъ-нибудь безграмотныхъ бѣдняковъ, Аѳинскихъ судей?

Что-же могло заставить Ѳемистокла, Еврибіада, Адиманта пойти на вышеуказанныя сдѣлки? Они были люди съ достаткомъ, люди образованные. Да и бѣднымъ-то людямъ въ Греціи того времени немного нужно было на удовлетвореніе насущныхъ потребностей. Этому много способствовалъ самый уже климатъ.

Одежда древняго Грека состояла изъ рубашки, шерстяной накидки и обуви; да и эти части одежды не необходимы были: даже достаточные люди довольствовались или рубашкой (хитономъ), или накидкою (гиматіемъ), а обуви многіе вовсе не знали и ходили босые; теплыя одежды употреблялись, и то рѣдко, только изнѣженными людьми. Еще меньше тратилъ древній Грекъ на отопленіе, на освѣщеніе. Да и ѣлъ-то онъ, какъ всѣ (и всегда) южные жители, меньше Англичанина, напримѣръ. Притомъ всѣ насущныя потребности оплачивались въ древней Греціи несравненно дешевле нынѣшняго. Въ Солоново время,— а оно недалеко отъ Персидскихъ войнъ, — быкъ стоилъ 5 драхмъ, т. е. около 1 руб. сер., овца — драхму, т. е. немного больше двугривеннаго. Даже въ Сократово время на оволъ, т. е. менѣе чѣмъ на четыре копейки сер., можно было быть сыту, а на пять оволовъ, т. е. копеекъ на семьнадцать сер., кормился взрослый человѣкъ съ двумя дѣтьми.

Ясно, что взятки Ѳемистокла, Еврибіада и Адиманта не оправдывались извѣстнымъ изреченіемъ Дмитріевой лисы: «нужда, дѣти»! Какъ-же, повторяю, согласить продажность такихъ лицъ, какъ Ѳемистоклъ, Еврибіадъ, съ доблестію—ихъ-же? Продажность людей образованныхъ и богатыхъ съ неподкупностію полуграмотныхъ бѣдняковъ, Аѳинскихъ судей?

Въ настоящемъ отступленіи не мѣсто толковать подробно объ этомъ предметѣ; о немъ не лишнее было-бы написать цѣлую книгу. Ограничусь общими заключеніями, прямо слѣдующими изъ вышеприведенныхъ мѣстъ Геродота.

Но прежде нужно опредѣлить, что̀ такое нравственность (о морали не говорю, потому-что мораль давно, у насъ по-крайней-мѣрѣ, приняла значеніе ироническое). Понятія о нравственности даже и въ наше время, освѣщенное свѣтомъ евангельскаго ученія, бываютъ, къ-несчастію, различны. Даже и въ одномъ народѣ, даже въ народѣ, въ которомъ всѣ получаютъ почти одинакое воспитаніе, они бываютъ различны, даже часто противорѣчивы. Что̀-же такое нравственность? Что̀ мы должны

называть нравственнымъ поступкомъ? кого нравственнымъ человѣкомъ? Въ самомъ общемъ значеніи, примѣнимомъ ко всѣмъ народамъ, ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, нравственenъ тотъ, чьи дѣла сообразуются съ природою человѣка. Но въ чемъ-же состоитъ природа человѣка? И древесный листъ не похожъ на другой листъ съ того-же дерева, всякая былинка отличается отъ другой: еще болѣе отличается одинъ человѣкъ отъ другаго. Одинъ родится скрытнымъ, и никакое воспитаніе не сдѣлаетъ изъ него прямодушнаго, откровеннаго человѣка; другой родится трусомъ, и никакія человѣческія силы не образуютъ изъ него храбреца, и такъ далѣе. Настойчивое воспитаніе сдѣлаетъ, пожалуй, изъ перваго—полускрытнаго человѣка, изъ втораго—полухрабреца; но природы ихъ, какъ-бы ни было воспитаніе настойчиво, не измѣнитъ. Оно только исказитъ ее. Кромѣ того, люди, что̀ называется, характерные, демоническіе, или даже болѣе или менѣе вліятельные, оказываютъ вліяніе на большинство. Отсюда моды, общественныя условія, налагаемыя рукой такихъ запѣвалъ: полагаясь, вѣря въ нихъ, толпа всякую прихоть ихъ считаетъ для себя закономъ. Отъ того-то человѣкъ до-сихъ-поръ всегда жилъ и живетъ болѣе или менѣе искусственною жизнію; уровня человѣческой жизни еще не найдено. Мы только предчувствуемъ его.

Эти демоническіе, магнитическіе, обаяющіе, вліяющіе люди зарождаютъ ту среду, среди которой родится всякій, и сильный, и слабый, человѣкъ. Отъ нихъ ведутъ начало тѣ общественныя условія, отъ которыхъ рѣдкій вполнѣ, но никогда безнаказанно, не освобождается. Условія эти, часто ложно перетолкованныя толпою подражателей, обращаются въ моральныя обязанности, налагаемыя безсознательнымъ обществомъ, часто противно здравому смыслу, а слѣдовательно—и природѣ человѣка.

Что̀-же такое нравственность? Если она должна соотвѣтствовать природѣ человѣка, то въ чемъ-же состоитъ природа его? Христіанское ученіе отвѣчаетъ на эти вопросы вполнѣ

удовлетворительно; но наши страсти, наша суетность часто мѣшаютъ намъ слѣдовать указаніямъ истиннаго божественнаго ученія.

Итакъ, если мы затрудняемся дать отвѣтъ на эти вопросы, столь близкіе всякому изъ насъ, то не имѣемъ и права судить о нравственности другаго народа съ нашей точки зрѣнія, по нашимъ, а не по его понятіямъ. Человѣку, мало знакомому съ древнею Греціей, многое можетъ показаться въ ней безнравственнымъ, даже нелѣпымъ; а древнему Греку таковымъ показалось-бы многое у насъ.

Каково-бы ни было нравственное наше превосходство надъ древними Греками, они имѣли и нѣкоторыя выгоды передъ нами: они жили болѣе естественною жизнію, зависѣли менѣе отъ общественныхъ условій, часто прихотливыхъ; почти вовсе не знали тѣхъ нашихъ обязанностей, которыя можно-бы назвать отвлеченными. Не просвѣтленные евангельскимъ ученіемъ, они были нравственно далеко ниже насъ; за то они не знали и тѣхъ нелѣпыхъ обязательствъ, которыя, помимо христіанства, даже часто вопреки ему, привились въ варварскіе средніе вѣка къ западной Европѣ, а черезъ нее и къ намъ. Они и понятія не имѣли о новѣйшей добродѣтели, именуемой point d'honneur. Ихъ добродѣтелью была софросина, мѣра во всемъ, стройное развитіе всѣхъ сторонъ человѣческой природы, тѣлесная красота и здоровье въ-соединеніи съ постоянной находчивостію и свѣтлостію ума, съ постоянной наклонностію воли къ добру; излишекъ какой-нибудь силы или способности, хотя-бы и въ хорошую, по нашимъ понятіямъ, сторону, вредилъ софросинѣ, нарушалъ мѣру, стройность, а потому считался порокомъ. При такомъ понятіи о нравственности человѣка, что̀-бы сказалъ древній Грекъ о дуэляхъ, праздничныхъ визитахъ, о святости, для многихъ исключительной, карточнаго долга и вообще о point d'honneur, если и въ наше время всякій здравомыслящій человѣкъ считаетъ весь этотъ средневѣковой хламъ нелѣпостію?

Сообразно такимъ понятіямъ о совершенствѣ человѣческомъ, смотрѣлъ Грекъ и на назначеніе человѣка, на цѣль человѣческой жизни. По опредѣленію Аристотеля—этого полнѣйшаго и вѣрнѣйшаго выразителя Гелленскихъ понятій, человѣкъ принадлежитъ къ тому роду животныхъ, которыя живутъ стадами, обществомъ, есть Ζῶον πολιτικόν; т. е. животное, живущее въ городахъ, гражданскою жизнію. (Полит. въ началѣ. Ed. Göttling. p. 4, 9). Аристотель не могъ даже представить себѣ человѣка внѣ общества: «городъ или семейство, говоритъ онъ (тамъ-же), естественно, возникли прежде каждаго изъ насъ, старѣе насъ: ибо цѣлое, необходимо, должно быть прежде части». Потому первѣйшею потребностію человѣка считалъ Грекъ жить гражданской жизнію; совершеннымъ человѣкомъ, по понятію его, былъ тотъ, кто вполнѣ исполнялъ обязанности свои относительно города, относительно того гражданскаго общества, въ которомъ онъ жилъ. И это для Грека было не отвлеченнымъ вѣрованіемъ, съ голоса другихъ усвоеннымъ, а живымъ чувствомъ, проникавшимъ все существо его. Лишиться гражданскихъ правъ, подвергнуться изгнанію, считалось наказаніемъ почти равнымъ смерти. Каждый городъ жилъ отдѣльною жизнію, каждый гражданинъ принадлежалъ только одному городу и такъ тѣсно былъ связанъ съ нимъ, что стоило Аѳинянину, напримѣръ, лишиться гражданства, быть изгнану и поселиться въ Коринѳѣ,—и тогда, если не удавалось ему стать Коринѳскимъ гражданиномъ, онъ считался въ Коринѳѣ немного выше раба; а рабовъ Греки и людьми не считали.

Теперь вернемся къ Геродоту. Противъ Ксеркса собрались граждане Аѳинъ, Спарты, Мегары, Егины и многихъ другихъ городовъ. Что̀ у нихъ было общаго? Одно только происхожденіе. Обязывало-ли оно Аѳинянъ, Спартанъ, Мегарянъ подвергать опасности свою жизнь для спасенія самостоятельности Гелленскаго племени, къ которому всѣ они принадлежали? Изъ чего хотя-бы Коринѳянину Адиманту и согражданамъ его было дожидаться Ксерксова нападенія подъ Саламиномъ, когда до̀ма,

въ Коринѳѣ, семейства, имущества ихъ подвергались прямой опасности? Только Аѳинянамъ выгодно было сразиться съ варварами: почти половина союзнаго флота была ихъ; притомъ они помнили Мараѳонскую битву, показавшую имъ слабость и неустойчивость Персидскаго войска; да и не могли не предвидѣть, какое значеніе пріобрѣтутъ они, Аѳиняне, если восторжествуютъ надъ Персами. Потому-то Ѳемистоклъ и хлопоталъ такъ о томъ, чтобы состоялась Саламинская битва; потому-то онъ и заставилъ Ксеркса окружить Греческій флотъ отовсюду. И тогда Спартанцы, Коринѳяне, Мегаряне, Сикіоняне, всѣ увидѣли, что уйти нельзя, что ничего больше не остается, какъ сразиться съ варварами; и они сразились, и разбили ихъ. «Но почему-же, спроситъ кто-нибудь, эти Греки, бывшіе несравненно слабѣе Персовъ числительно, разбили ихъ? вѣдь у нихъ и единодушія даже не было, не было и охоты сражаться; они робѣли передъ непріятелемъ». Потому, отвѣчу я, Греки подъ Саламиномъ разбили Персовъ, что были Греки, Геллены, а непріятели ихъ — варвары, рабы, которыхъ бичами гоняли на битву. Да и всегда, вездѣ били они варваровъ потому-же, почему ловкій и хитрый звѣрь одолѣваетъ звѣря глупаго и неуклюжаго, хотя-бы и гораздо сильнѣйшаго. Но пусть лучше Геродотъ словами Дамарата, бывшаго Спартанскаго царя, изгнаннаго изъ Спарты и убѣжавшаго къ Ксерксу, пусть онъ разскажетъ о томъ, въ чемъ заключалось сила Грековъ (VII, 101—105).

«Объѣхавъ всѣ корабли, и вышедъ на берегъ, позвалъ Ксерксъ Дамарата, сына Аристонова, вмѣстѣ съ нимъ шедшаго на Гелладу, и, позвавъ, сказалъ ему: Дамаратъ, хочется мнѣ теперь разспросить тебя кое о чемъ. Ты — Гелленъ, и какъ я слышалъ отъ тебя и отъ другихъ Гелленовъ, вступившихъ со мною въ бесѣду, изъ города ни самаго малаго, ни самаго слабаго. Такъ ты скажи мнѣ теперь, рѣшатся-ли Геллены противостать мнѣ. Мнѣ такъ кажется, ежели-бы собрались всѣ Геллены и всѣ прочіе, на западѣ живущіе, люди, то и тогда не

по силамъ-бы было имъ со мною тягаться, особенно-же при несогласіяхъ ихъ. Все-таки, впрочемъ, желаю слышать твое мнѣніе; что-то ты мнѣ скажешь о нихъ»!

«Такъ спрашивалъ Ксерксъ. Дамаратъ отвѣчалъ: «царь, какъ прикажешь? правду-ли говорить тебѣ, или льстить?»

«Царь велѣлъ говорить правду, завѣривъ, что отъ того Дамаратъ нимало не потеряетъ въ расположеніи его. Услышавъ это, Дамаратъ такъ повелъ рѣчь: «царь, ты велишь мнѣ по чистой правдѣ говорить; велишь такъ говорить, чтобы слова мои послѣ не оказалися лживыми. Такъ слушай. *Бѣдность искони какъ-бы родная Гелладѣ; а доблесть они уже сами пріобрѣли, выработавъ ее мудростію и крѣпкимъ закономъ. Доблестію Геллада охраняетъ себя и отъ бѣдности и отъ чужевластія.* И всѣ Геллены, живущіе въ Дорійскихъ земляхъ, хороши; но обо всѣхъ ихъ говорить не стану, а скажу объ однихъ Лакедемонянахъ, во-первыхъ, потому, что нѣтъ силы, которая заставила-бы ихъ принять рѣчи твои о парабощеніи Геллады; а во-вторыхъ, потому что хотя-бы всѣ Геллены тебѣ покорились, они выдутъ на бой съ тобою! О числѣ не спрашивай, не говори: сколько-же ихъ, если они рѣшатся на это? Сколько-бы ихъ ни набралось, тысяча-ли, меньше-ли тысячи, больше-ли, все-таки будутъ сражаться съ тобою».

«Услышавъ это, Ксерксъ разсмѣялся и сказалъ: «Дамаратъ, что ты сказалъ! тысяча человѣкъ станетъ сражаться съ такимъ войскомъ! Да ты скажи мнѣ вотъ что: былъ вѣдь ты самъ, какъ ты говоришь, царемъ надъ этими людьми; а рѣшишься-ли ты сейчасъ сразиться съ десятью человѣками? А вѣдь если все ваше гражданство таково, какъ ты описываешь, то тебѣ, царю ихъ, по вашимъ-же законамъ, слѣдовало-бы противъ двойнаго числа въ бой вступить. Если каждый изъ нихъ стоитъ десяти человѣкъ моего войска, то я могу отъ тебя требовать, чтобы ты стоилъ двадцати. И тогда правдива-бы была рѣчь твоя. Если-же они такіе, такого-же дородства, какъ ты и тѣ Геллены, которые ко мнѣ приходятъ и вступаютъ въ бе-

сѣду со мною, то смотри, не пустое-ли хвастовство рѣчи твои. Ну, самъ посуди, статочное-ли это дѣло. Какъ могутъ тысяча, десять тысячъ, пятьдесятъ тысячъ Гелленовъ противостать такому войску, когда они всѣ равно свободны и одному человѣку не подвластны? Притомъ будь ихъ пять тысячъ: насъ на каждаго изъ нихъ придется болѣе тысячи. Будь они, по нашему, подвластны одному человѣку, тогда-бы они, страшась его, изъ кожи лѣзли, себя-бы превозошли! и хотя-бы ихъ и меньше было, понуждаемые бичемъ, пошли-бы они еще на большую моей силу вражескую. А теперь, распустившись, живя на свободѣ, они ни того, ни другаго не сдѣлаютъ. Да кажется мнѣ, еслибы Гелленовъ было и равное нашему число, трудно-бы имъ было справиться даже съ одними Персами: у насъ есть то, о чемъ ты говоришь, хоть и немного, маловато! Есть между моими копьеносцами такіе, что и на трехъ Гелленовъ не задумаются пойти. Но ты этого не знаешь, и потому такъ себѣ, зря, болтаешь»!

«На это отвѣчалъ Дамаратъ: «царь, я напередъ зналъ, что коли стану по правдѣ говорить, тебѣ не понравится. Но ты заставилъ меня говорить сущую правду, и я сказалъ тебѣ о Спартанцахъ, что̀ слѣдуетъ. Вѣдь ты самъ хорошо знаешь, какъ я теперь-то люблю ихъ. Они лишили меня чести и наслѣдія отцовъ моихъ, сдѣлали меня изгнанникомъ бездомнымъ; а отецъ твой принялъ меня, далъ мнѣ пристанище и пропитаніе. Человѣку разумному не слѣдуетъ ругаться надъ явнымъ добромъ; должно помнить добро. Не берусь я съ десятью человѣками бороться, ниже съ двумя; по доброй волѣ и одинъ на одинъ не стану. Но въ случаѣ крайности, или-же еслибы мнѣ угрожала великая опасность, охотно сражусь съ однимъ изъ тѣхъ, что̀ хвастаютъ, будто каждый изъ нихъ трехъ Гелленовъ стоитъ. Такъ и Лакедемоняне: *одинъ на одинъ никому не уступятъ, а вмѣстѣ — всѣхъ на свѣтѣ храбрѣе. Они свободны, это такъ; да не во всемъ свободны. Есть у нихъ государь: это законъ. Они его гораздо еще больше страшатся, чѣмъ твои подданные тебя. Что*

ни велитъ онъ, все они строго исполняютъ. А велитъ онъ имъ всегда одно: въ битвѣ ни отъ какого числа непріятелей не бѣжать, а стоять твердо въ строю, пока побѣдятъ либо погибнутъ. Но если тебѣ кажется, что я зря болтаю, впередъ буду молчать. И теперь вѣдь ты принудилъ меня говорить. Впрочемъ, буди все по мысли твоей, царь»!

«Такъ отвѣчалъ Дамаратъ. Ксерксъ много смѣялся надъ нимъ, но не разгнѣвался на него, а отпустилъ съ миромъ».

И такъ сила Грековъ заключалась въ томъ, что они лучше Персовъ, лучше многихъ другихъ народовъ сознавали, что назначеніе человѣка — жить гражданскимъ обществомъ, а общество бываетъ крѣпко только закономъ. Потому въ древней Греціи гражданскія добродѣтели ставились выше семейныхъ, личныхъ: Только исполнялъ-бы человѣкъ обязанности, возлагаемыя на него тѣмъ гражданскимъ обществомъ, среди котораго онъ жилъ! А каковъ онъ былъ въ домашнемъ быту, каковъ относительно другихъ гражданствъ, на это обращалось уже второстепенное вниманіе. Потому-то невѣжественные, бѣдные Аѳинскіе судьи служили отечеству неподкупно, хотя въ другихъ случаяхъ могли быть и корыстолюбивы; а Ѳемистоклъ, Еврибіадъ, Адимантъ и иные знатные, образованные и достаточные люди не прочь были «покорыстоваться», но опять-таки не отъ службы своему родному городу, а отъ стороннихъ городовъ и лицъ. Такого рода «корыстованіе» Геродотъ, какъ мы видѣли, не считалъ предосудительнымъ; не было оно предосудительно и въ глазахъ большинства Грековъ: корыстолюбіе и лукавство были одними изъ преобладающихъ и исконныхъ чертъ Греческаго характера. Подобнымъ образомъ современные Макіавелю Италіянцы и самъ Макіавель, одна изъ благороднѣйшихъ личностей Италіи, не находили діявольскою изложенную въ сочиненіяхъ Макіавеля политику. Подобнымъ-же образомъ и у насъ большинство снисходительно смотритъ на «безгрѣшные доходы».

А что корыстность и лукавство соединялись въ Греціи съ

безпримѣрными гражданскими подвигами, это вовсе неудивительно. Эти пороки могутъ дружиться съ гражданскими добродѣтелями точно такъ-же, какъ и съ семейными. Еслибы Гоголь женилъ своего Чичикова и еслибы Чичиковъ такимъ-образомъ (II, 205) «исполнилъ долгъ гражданина и потомъ дѣйствительно заслужилъ уваженіе гражданъ и начальства», то это-бы никого изъ насъ, Русскихъ, не изумило, никому-бы не показалось страннымъ: вѣдь не кажутся-же намъ странными добродѣтели живыхъ Чичиковыхъ, нашихъ знакомыхъ.

Изъ современныхъ Европейскихъ народовъ Англо-Саксонское племя развило болѣе другихъ гражданскую жизнь; и въ этомъ отношеніи оно всѣхъ ближе къ древнимъ Грекамъ, отъ того-то, замѣчу мимоходомъ, оно и понимаетъ ихъ лучше всѣхъ. Нигдѣ не обезпечена такъ правами и законами личность гражданина, какъ въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Потому нельзя безъ уваженія смотрѣть на «сей двойственный соборъ»:

Здѣсь натискъ пламенный, а такъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Но тѣ-же самые «новые граждане», такъ дорожащіе правами своими и своихъ согражданъ, поступками съ другими народами возбуждаютъ справедливое негодованіе. Хищническая, можно сказать — *волчья*, политика ихъ многихъ возмущаетъ до того, что они не хотятъ видѣть въ Англіи ничего хорошаго.

Если Англичанъ за поступки ихъ съ иноплеменниками можно назвать волками, то въ древнихъ Грекахъ было что-то *лисье*. Замѣчательно, что сами Греки называли себя лисицами не за одну только хитрость, а вообще за умъ. Такъ Солонъ, сѣтуя на безпорядки отечества своего, приписываетъ ихъ легкомыслію Аѳинянъ и заключаетъ: «всякій изъ васъ порознь ступаетъ такъ осторожно, какъ лисица, а всѣ вы вмѣстѣ разини». Значитъ, Солонъ желалъ-бы, чтобы и въ общихъ дѣлахъ сограждане его были такъ осторожны, какъ лисица, ступали

по-лисьи, не давали морочить себя ловкимъ и лукавымъ честолюбцамъ. У Аристофана (Миръ, 1190) переселившіеся съ начала Пелопонезской войны въ городъ поселяне жалуются на притѣсненія горожанъ, заставляющихъ ихъ вести разорительную и безполезную войну и заключаютъ жалобы свои словами: «дома-то они львы, а на войнѣ — лисицы». Здѣсь, очевидно, Аристофанъ нападаетъ не на одну трусость демагоговъ тогда бы онъ сравнилъ ихъ съ животнымъ трусливымъ по-преимуществу, хоть-бы съ оленемъ. Если припомнимъ, что храбрые люди и у Гомера и у позднѣйшихъ писателей сравнивались со львами, то безъ особенной натяжки можемъ дополнить Аристофанову мысль такъ: «а лучше было-бы, еслибы они дома были лисицы (въ томъ смыслѣ, какъ у Солона), а на войнѣ львы».

Не могу обойти здѣсь еще одной особенности Греческаго языка, подтверждающей сказанное мною о Греческомъ характерѣ. Не только у Гомера, но даже у Эсхила, Платона, даже у Плутарха слово ἐπίκλοπος (буквально — вороватый) употребляется въ значеніи: ловкій, искусный, свѣдущій. Такъ у Гомера (Одисс. 21, 397) Одиссея называютъ Επίκλοπος τόξων, ловкимъ стрѣлкомъ изъ лука. У Эсхила (Евмен. 152, изд. Герм.) такъ названъ богъ Аполлонъ, спасшій Ореста. У Плутарха—ἐπίκλοπος δογμάτων. Подобное встрѣчаемъ и въ Ново-Греческомъ языкѣ (Fauriel, II, 390) καὶ τραγουδᾷς πανοῦργα, и поешь мастерски, отлично; буквально: плутовски. Въ этомъ отношеніи Русскій языкъ сходенъ съ Греческимъ. *Вороватый* у насъ имѣетъ значеніе Греческаго ἐπίκλοπος. Такъ въ донесеніи коммиссіи, посланной Алексѣемъ Михайловичемъ въ Малороссію для разбора злоупотребленій гетмана Брюховецкаго, сказано: «Иванъ Мартыновичъ есть честный человѣкъ и годится быть гетманомъ, понеже онъ хотя не ученъ, да уменъ, и ужасть какъ *вороватъ* и исправенъ. Посадя его на границахъ, можно спать въ Москвѣ безъ торопливости» (Исторія Руссовъ, стр. 158).

Итакъ сами Греки, даже (какъ Солонъ) не съ тѣмъ, чтобы очернить своихъ согражданъ, называли ихъ лисицами. Какое-

же мы имѣемъ право винить лисицу за то, что она лисица? Грека за то, что онъ былъ и до-сихъ-поръ остается плутоватымъ?

Послѣ этого, по моему мнѣнію, необходимаго отступленія, обращаюсь къ новой Греціи. Непростительно, говоря о нынѣшнихъ Грекахъ, указывать на темныя только ихъ стороны и забывать, что этого племени никогда не могли вполнѣ осилить Турки, что оно мужественно выдержало борьбу почти десятилѣтнюю съ гораздо сильнѣйшимъ врагомъ, около 400 лѣтъ угнетавшимъ его, выдержало ее почти безъ посторонней помощи; что, освободившись изъ-подъ ига Турокъ, оно, если взять во вниманіе всѣ препятствія, и внутреннія и внѣшнія, много уже сдѣлало въ дѣлѣ цивилизаціи; что наконецъ между ними, даже до освобожденія, были такія благородныя личности, какъ Корай, которымъ могъ-бы гордиться всякій народъ.

Приведу прекрасныя слова Маколея (извѣстныя мнѣ по «Русскому вѣстнику», 1856, № 19): «Народъ, занимавшій когда-то первое мѣсто въ исторіи, славный знаніемъ, славный военными доблестями,—народъ, среди котораго родилась философія, краснорѣчіе и изящныя искусства, — въ-теченіе вѣковъ изнемогалъ подъ тяжелымъ игомъ. Всѣ пороки, раждаемые угнетеніемъ, низость въ покорныхъ, дикость въ мятежныхъ натурахъ, обезобразили характеръ несчастнаго поколѣнія. Мужество, выигравшее великую битву человѣческой цивилизаціи, спасшее Европу, покорившее Азію, сохранялось только между пиратами и разбойниками. Умъ, блиставшій нѣкогда такъ ярко во всѣхъ отрасляхъ естественныхъ и нравственныхъ знаній, превратился въ боязливую, рабскую хитрость. Эта униженная нація внезапно возстала на своихъ притѣснителей. Не поддержанная или преданная сосѣдями, она нашла въ себѣ то, что замѣняетъ иноземное пособіе,—часть энергіи своихъ отцовъ».

Это писано было Маколеемъ еще до освобожденія Грековъ, вскорѣ послѣ смерти Байрона. Не знаю, какъ онъ судилъ о Ново-Грекахъ позднѣе; но не думаю, чтобы онъ раздѣлялъ предубѣжденія къ нимъ своихъ соотечественниковъ.

Вообще-же болѣе другихъ Западно-Европейскихъ народовъ свободны отъ этихъ предубѣжденій Французы, потому-что они безкорыстнѣе другихъ, горячѣе сочувствуютъ чужому бѣдствію, не только сострадаютъ другимъ народамъ, но даже столько вѣковъ страдаютъ не столько для своего, сколько для чужаго блага. Еще свободнѣе отъ предубѣжденій къ современной Греціи должны быть мы, Русскіе, по нашимъ давнимъ связямъ съ нею: Грецiя просвѣтила насъ свѣтомъ истинной религіи и озарила первыми лучами цивилизаціи. Пора намъ перестать вѣрить на-слово кому-бы то ни было, пора привыкать быть самостоятельными во всемъ: пора не вѣрить и клевещущимъ на современныхъ Грековъ и заняться самостоятельно языкомъ и бытомъ ихъ.

Начать слѣдуетъ, естественно, съ языка: языкъ есть вѣрнѣйшее выраженіе характера и духа народнаго; только онъ можетъ рѣшить вопросъ о томъ, насколько новые Греки сохранили въ себѣ сходства съ древними. Но странное впечатлѣніе производитъ Ново-Греческій языкъ на того, кто изучилъ уже изящный древній языкъ; особенно если, соблазнившись легкостію, начнешь съ прозаическихъ писателей. На каждой строкѣ чувствуешь какую-то неуклюжесть, безтолковость, почти полное отсутствіе той разумности и изящества, которыя такъ, можно сказать, балуютъ изучающаго древній языкъ. Но стоитъ обратиться къ довольно, конечно, труднымъ на первое время, народнымъ пѣснямъ, стоитъ осилить три, четыре, пѣсни, и невольно восхитишься этимъ наивнымъ и, по-своему, поэтическимъ языкомъ. Кораевы замѣтки о связи между древними и новыми словами и формами, написанныя съ такой теплотою, съ такой любовію, довершатъ побѣду надъ первоначальнымъ отвращеніемъ. Руководясь ими, начинаешь мало-по-малу находить

разумные законы тамъ, гдѣ прежде видѣлось только искаженіе и безсмысліе.

II.

Не только сказанное мною выше, но даже многое изъ того, что̀ имѣю теперь сказать, выходитъ повидимому изъ предѣловъ задачи моей: не ограничиваясь указаніемъ отношенія Ново-Греческаго языка къ древнему, я касаюсь многихъ и другихъ сродственныхъ вопросовъ. Но въ наше время и самые простые вопросы осложнились, самыя первыя понятія перепутались: потому какъ-бы ни были мы нерасположены къ отступленіямъ, нельзя не отвлекаться отъ главнаго предмета, нельзя не вдаваться въ отступленія, особенно когда идетъ рѣчь о такомъ запутанномъ и такъ мало извѣстномъ у насъ предметѣ, каковъ Ново-Греческій языкъ и Ново-Греки. Такъ я теперь считаю необходимымъ изложить мнѣнія другихъ о Ново-Грекахъ и Ново-Греческомъ языкѣ: ибо, по мнѣнію моему, несообразно ни съ уваженіемъ къ истинѣ, ни съ уваженіемъ къ читателямъ навязывать свой взглядъ, свои понятія хотя-бы о предметѣ и неспорномъ. Я-же не могу этого сдѣлать, еслибы и хотѣлъ. Когда-бы мнѣ довелось пожить въ Греціи, изучить на мѣстѣ во всей полнотѣ всѣ живыя нарѣчія Ново-Греческаго языка, вникнуть въ бытъ всѣхъ племенъ Ново-Греческихъ, тогда-бы, опираясь на собственное, самостоятельное знакомство съ дѣломъ, я имѣлъ-бы еще нѣкоторое право высказывать только свои мысли; да тогда пожалуй и читателямъ не нужны были-бы мнѣнія другихъ. Но я знаю Ново-Греческій языкъ только по книгамъ, да и то далеко не въ совершенствѣ; Ново-Греческую національность — по отзывамъ другихъ, да и то по немногимъ. Конечно, *для меня* даже и моихъ познаній достаточно, чтобы взять ту сторону, въ правотѣ которой я убѣдился. Но когда рѣшился я передать убѣжденія свои печати, то весьма

естественная осторожность должна обратить особенное мое вниманіе на сужденія другихъ.

Сперва приведу мнѣніе одного изъ ученѣйшихъ Французскихъ филологовъ Газа (Hase). Лучшаго авторитета, надежнѣйшей опоры трудно пріискать. Конечно, въ дѣлѣ науки ни чей авторитетъ не долженъ быть безусловно признаваемъ. Но по сейчасъ изложеннымъ причинамъ мнѣ сколько для себя, столько и для читателей безъ авторитета обойтись нельзя. По поводу сборниковъ пѣсенъ Марцелла и Зампелія и исторіи освобожденія Греціи, написанной Трикупомъ, Газъ печатаетъ теперь въ Journal des Savans статьи; за нынѣшній (1857) годъ дошли до меня немногіе еще нумера этого журнала, потому не знаю, кончились-ли Газовы статьи: мнѣ извѣстны только статьи о Марцеллѣ и Зампеліи. Газъ такъ разсуждаетъ о Ново-Греческомъ языкѣ:

«Для филолога немного вопросовъ, болѣе интересныхъ, какъ вопросъ о томъ, что̀ станется съ тѣмъ языкомъ, на которомъ говорятъ жители Греческаго королевства и десятки тысячъ другихъ Грековъ, живущихъ внѣ предѣловъ его и образующихъ нынѣ одинъ изъ главныхъ элементовъ народонаселенія Турецкой имперіи. И дѣйствительно, это явленіе замѣчательное: не смотря на страшныя общественныя бѣдствія, этотъ языкъ пережилъ всѣ ужасы, восторжествовалъ надъ самою даже смертію. Потому можемъ-ли мы оставаться равнодушны къ этому воскресенію Гелленовъ, къ этому событію, уже несомнѣнно совершившемуся и замѣчательному даже среди тѣхъ необыкновенныхъ событій послѣдняго времени, которыхъ мы были постоянными свидѣтелями? можемъ-ли мы къ нему быть равнодушны, когда вся наша литература стоитъ на классической литературѣ, какъ на основаніи, нами унаслѣдованномъ? А филологи? Могутъ-ли они, зная, что изученіе строя, развитія и упадка языка ведетъ къ познанію умственныхъ способностей народа,—не задавать себѣ вопроса, что̀ выйдетъ изъ *ромейки* въ настоящее время, когда Греція, ставъ независи-

мою, имѣетъ народное правленіе, множество учрежденій для общественнаго воспитанія, замѣчательныхъ писателей?

«Предположимъ, что въ VII столѣтіи нашей эры, въ то время, когда новые языки еще не существовали, когда жили Фредегаръ, Беда Почтенный, Исидоръ Севильскій, — что въ это время совершился переворотъ, какіе часто случаются по таинственному сцѣпленію между причинами и слѣдствіями, — что въ западной Европѣ мысль внезапно пробудилась. Жизнь Римская въ Италіи, въ Галліи, въ Испаніи тогда еще не заглохла, но побѣды варваровъ разстроили разумный классическій языкъ, и большинство Римлянъ заговорило языкомъ ребяческимъ. Такое естественное разложеніе Латини породило нарѣчія случайныя, безпорядочныя, не послушныя грамматикѣ. При сихъ обстоятельствахъ, во взятую нами эпоху, люди образованные, знакомые съ красотами языка Цицерона и Виргилія, владѣя имъ настолько, что могли выражать на немъ и собственныя мысли, но вмѣстѣ заботясь о томъ, чтобы ихъ понимало большинство современниковъ, естественно, стали-бы употреблять всѣ усилія, чтобы установить, улучшить, облагородить необработанный и испорченный языкъ большинства и возвести его незамѣтно до высоты его прародителя, классическаго языка.

«Подобное стремленіе обнаруживается теперь въ Греціи у многочисленныхъ ея писателей, которые, слѣдуя примѣру почтеннаго Корая, усердно стараются о томъ, чтобы посредствомъ счастливаго сочетанія силы, смѣлости и разумности возвратить настоящему языку письменному, и даже разговорному, правильность, изящество и богатство древняго. По-счастію, находятся они въ положеніи, далеко лучшемъ, нежели тѣ, которые, по предположенію нашему, въ VII столѣтіи захотѣли-бы ввести подобныя реформы въ испорченную Латынь западныхъ народовъ того времени. Тогда простонародный языкъ начиналъ уже замѣнять предлогами падежныя окончанія, постоянно употреблялъ мѣстоименія, изъ которыхъ въ скорости

должны были образоваться члены. Кромѣ того, при первыхъ Франкскихъ короляхъ, подъ управленіемъ Лонгобардовъ въ Италіи, Вестъ-Готовъ въ Испаніи, такое возвращеніе къ древности, какое совершается нынѣ въ Греціи, было-бы и невозможно. Будучи-же предоставлены собственному произволу, языки Романскіе естественно должны были прійти къ исключительному почти употребленію формъ составныхъ; и только по прошествіи многихъ столѣтій, послѣ различныхъ переворотовъ, получили они правильность, изящество, сдѣлали возможнымъ развитіе великихъ новѣйшихъ литературъ, стали способны къ выраженію самыхъ возвышенныхъ мыслей.

«Въ Греціи, напротивъ, никакой иноязычный народъ не покорялъ туземцовъ; тамъ никогда изъ смѣшенія не образовывалось новой націи. Конечно, нынѣшній языкъ потерялъ много древнихъ свойствъ, испортился; да вѣдь и все земное, человѣческое портится, особенно-же языкъ: находясь въ употребленіи у лицъ обоего пола, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ состояній, онъ много зависитъ отъ произвола говорящихъ на немъ. Въ разговорной ромейкѣ исчезло, напримѣръ, неопредѣленное наклоненіе, дательный падежъ; но никакое чуждое вліяніе не искажало духа языка, а духъ языка есть духъ народа. Даже въ рѣчи пастуха, паликара сохранился родительный падежъ; большая часть глагольныхъ формъ уцѣлѣли съ приставками и окончаніями; разговорный языкъ способенъ къ образованію новыхъ словъ по древнимъ законамъ; даже произношеніе съ его скрадываніями и опущеніями далеко не столько исказило древнія слова, сколько искажены Латинскія Романскими народами.

«Таковъ языкъ, который писатели несомнѣнныхъ достоинствъ пытаются нынѣ по-возможности приблизить къ древне-Греческому. Со времени освобожденія изъ-подъ чуждаго ига Греки стали заниматься, и съ успѣхомъ, почти всѣми родами литературы,—грамматикой, поэзіей, краснорѣчіемъ, исторіей, древностями. И всѣ они слѣдуютъ однимъ и тѣмъ-же правиламъ, стремятся къ одной цѣли, — придать нынѣшнему языку

ясность, правильность и изящество древняго. Не допуская строгихъ границъ между древнимъ и новымъ языками, они полагаютъ, что для того, чтобы писать теперь правильно по-Гречески, достаточно знать грамматику древняго языка. Пользуясь, съ большей или меньшей осторожностію, древнею сокровищницею, они обогащаютъ свой языкъ не только новыми словами, но и новыми оборотами. Но будетъ-ли когда-нибудь этотъ письменный языкъ, правильный и изящный, языкомъ разговорнымъ, вполнѣ живымъ? Ученая точность, чистота выраженій проникнутъ-ли въ семейную жизнь? Заговорятъ-ли когда-нибудь этимъ очищеннымъ языкомъ матери семействъ? А это всего важнѣе: у матерей учатся говорить дѣти. Вотъ важные вопросы, на которые настоящее время должно дать отвѣтъ. Можетъ быть, и не удается воротить языку разговорному, даже образованныхъ классовъ, дивное богатство древнихъ формъ: такое славное возвращеніе было-бы безпримѣрнымъ явленіемъ въ исторіи человѣчества. Но какъ-бы то ни было, мы все-таки убѣждены, что если успѣхъ увѣнчаетъ благородныя и патріотическія усилія столькихъ даровитыхъ писателей, если ничто не ослабитъ ихъ благодѣтельнаго вліянія, то ромейка, обновленная ими, станетъ дочерью славной матери (древняго языка),—дочерью, если хотите, немного обнищавшею, но все-таки поразительно, до малѣйшихъ чертъ, похожею на мать; кое въ чемъ дочь будетъ, можетъ быть, еще милѣе, граціознѣе матери».

По Газу пока я знаю и книгу Зампелія. Онъ такъ въ сокращеніи передаетъ Зампеліеву Византійскую исторію, видимо ей сочувствуя.

Характеръ Греческаго народа всегда былъ одинъ. Этотъ народъ, упругій и живучій, выдержалъ и Римское владычество, и средневѣковыя неустройства, и Турецкое иго, оставаясь однимъ и тѣмъ-же. Прежде всѣхъ народовъ Европы зажилъ онъ жизнію гражданскою, прежде всѣхъ принялъ христіанство; много испыталъ переворотовъ какъ во внѣшней жизни, такъ и въ

вѣрованіяхъ, и все-таки сохранилъ свой языкъ, свой характеръ, свои привычки и наклонности. Подъ владычествомъ всякаго рода чужихъ властителей, внутренняя жизнь Грековъ оставалась та-же: въ этомъ-то и заключается тайна Греческой исторіи. Но этой утѣшительной истины большинство новѣйшихъ писателей не признавало. Восхищаясь классической древностію, удивляясь дивному вѣку Периклову, очарованные увлекательными миѳами и не менѣе дпковинными событіями достовѣрной исторіи, они съ какимъ-то презрѣніемъ отвращаютъ свои взоры отъ Греческаго народа, знать не хотятъ, какъ онъ жилъ съ той поры, когда просвѣтился истинной религіей. Для нихъ со времени Константина Великаго Греческаго народа не существуетъ; отъ того огромные пробѣлы въ Греческой исторіи.

«Я, говоритъ Зампелій, поставилъ себѣ въ обязанность опровергнуть различныя предубѣжденія, провѣрить тѣ ошибочныя мнѣнія, которыя существуютъ до-сихъ-поръ, благодаря отрывочному изученію Греческой исторіи. Необходимо, чтобы средневѣковая Греція, возставъ изъ-подъ пепла и мрака, заняла подобающее ей по всей справедливости мѣсто, то мѣсто, на которое поставило ее христіанство. Со всею смѣлостію и увѣренностію берусь я за это дѣло»!

Къ-несчастію, продолжаетъ Зампелій, Византійскіе историки мало обращали вниманія на народъ, во мракѣ жившій, молча страдавшій; они останавливаются только на подробностяхъ сраженій, вторженій, возмущеній, придворныхъ интригъ; занимаются только высшимъ сословіемъ, которое при всѣхъ Византійскихъ императорахъ было скорѣе болѣзненнымъ наростомъ, чѣмъ естественною частію Византійскаго тѣла. Западные историки руководились Византійскими, и потому судили о цѣломъ народѣ по ихъ властителямъ. Зампелій со всею тщательностію отыскиваетъ въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ драгоцѣнные, хотя и скудные, едва примѣтные, слѣды народности, которая, одушевляя низшіе классы, противясь всѣмъ внѣшнимъ

и внутреннимъ разрушительнымъ вліяніямъ, пережила всѣ бѣдствія; съ любовію и терпѣніемъ собираетъ онъ признаки ума, энергіи, любви къ отечеству въ простотѣ народѣ. Изъ книги Зампелія видно, что народъ, хотя былъ обезоруженъ, но не терпѣлъ ига, тяготѣвшаго надъ нимъ; хотя и повиновался онъ законамъ, но возставалъ противъ тѣхъ законовъ, которыми возмущалось человѣческое чувство и чувство справедливости, и такимъ-образомъ сохранилъ любовь къ независимости и большую часть древнихъ доблестей.

Особенно этому способствовала христіанство и церковь. Языкъ и религіозныя вѣрованія всего глубже проникаютъ въ народъ; они сохранили Греческую народность, которая иначе погибла-бы безвозвратно: ибо, говоритъ Зампелій, вѣра, осѣняющая насъ свыше, сильнѣе душевной энергіи, если она не поддерживается непоколебимой вѣрою.

Исторію Греціи съ Константина Великаго дѣлитъ Зампелій на пять періодовъ, не рѣзко, конечно, обозначенныхъ. Первый продолжался до Маркіана (+457). Константинъ перемѣщаетъ въ Греческій городъ дворъ и престолъ шаткой имперіи; переноситъ туда все, что украшало древнюю столицу. Византія назвалась новымъ Римомъ: это былъ слѣпокъ съ древняго Рима, а не оригинальное созданіе; блѣдное отраженіе чужеземной имперіи, чуждой народности! Блескъ и организація Кесаревой монархіи возраждаются на берегахъ Воспора; Римское управленіе, почести, богатства, обычаи, всѣ пороки и всѣ сокровища, скопленныя въ Римѣ, наконецъ законы, языкъ Латинскій, словомъ весь причетъ Римской монархіи, всѣ хорошія и дурныя ея качества переселяются въ Византію. Отъ этой смѣси двухъ народностей возникла борьба, продолжавшаяся многія столѣтія, — борьба между туземнымъ элементомъ и пришлымъ. Конечно, въ-теченіе нѣкотораго времени, много нужно было Грекамъ ловкости, изворотливости, даже, пожалуй, униженія, чтобы смягчить иго гордыхъ пришлецовъ, настойчивыхъ въ своемъ властолюбіи и даже иногда кровожадныхъ;

но Римская народность, искусственная и случайная, свершивъ назначеніе свое, должна была погибнуть; Греческая-же, отожествляясь съ христіанствомъ, которому суждено было спасти міръ, обвиваясь, какъ плющъ, около этого божественнаго и безсмертнаго древа, должна была пережить ее и возсіять новымъ свѣтомъ!

Хотя Зампелій и не сочувствуетъ Римлянамъ и вліянію ихъ на Грековъ, но отдаетъ полную справедливость Юстиніану. При немъ, говоритъ онъ, на всѣхъ подданныхъ императора стали смотрѣть безъ различія, какъ на Римскихъ гражданъ, и такимъ образомъ выработались тѣ элементы, которые должны были развиться впослѣдствіи, освободить весь Греческій народъ и утвердить Греческую національность. Этого мало: при Юстиніанѣ впервые, можетъ быть, обнаружилось самосознаніе Греческаго народа въ негодованіи на играхъ въ циркѣ. Лѣтописецъ Ѳеофанъ сообщаетъ замѣчательный разговоръ, бывшій по этому поводу между императоромъ и негодующими его подданными. Зампелій разбираетъ это мѣсто Ѳеофановой лѣтописи и называетъ его древнѣйшимъ памятникомъ средневѣковаго простонароднаго языка.

При Василіи Македонянинѣ, Львѣ VI Философѣ и Константинѣ VII Порфирородномъ начинается новый (третій) періодъ Византійской исторіи. При нихъ вездѣ обнаруживается стремленіе къ національности и самобытности: императоры и духовные отцы, историки и вообще писатели, всѣ одушевлены этой цѣлію, всѣ стараются отрѣшиться отъ западнаго, Римскаго элемента. Императоръ Левъ предписываетъ даже, чтобы придворные говорили только на Греческомъ языкѣ и чтобы избѣгали даже Латинскихъ терминовъ, укоренившихся въ употребленіи. При Комнинахъ національность вполнѣ восторжествовала. Алексѣй, Іоаннъ и Мануилъ Комнины, употребляя отчасти силу, отчасти-же хитрость, спасли Византію отъ безчисленныхъ полчищъ крестоносцевъ. Но, по смерти Андронія, послѣдняго императора этой династіи, и послѣ Алексѣя Ангела, новыя

бѣдствія обрушились надъ Греціею. Французы и Венеціянцы, подъ предводительствомъ дожа Дандоло, отправившіеся-было въ крестовый походъ, свернули на Византію, взяли и разграбили ее. Этотъ крестовый походъ Зампелій называетъ ψευδοσταυροφορία Γαλλοενετική и съ негодованіемъ описываетъ ужасы крестоносцовъ: и теперь еще, говоритъ онъ, по-истеченіи шести сотъ лѣтъ, мы имѣемъ право стенать и плакать плачемъ отцовъ нашихъ, горько оплакивавшихъ плѣненіе отчизны: потому-что хотя мы и несвободны, но намъ осталось одно еще благо: исторія страданій нашихъ одна и та-же, что̀ и предковъ, какъ и исторія славы нашей одна и та-же!

Затѣмъ въ трехъ главахъ (стр. 353—390) Зампелій разсматриваетъ уцѣлѣвшіе остатки средневѣковаго языка и доказываетъ, что уже при Комнинахъ, въ XI вѣкѣ, существовали всѣ элементы нынѣшняго простонароднаго языка. Не имѣя еще книги Зампелія подъ руками, не могу судить, насколько это справедливо; Газъ, впрочемъ, соглашается съ выводами его. Тутъ, сообразно съ моей цѣлію, заканчиваю я изложеніе воззрѣній Зампелія на Византійскую исторію, сколько могу судить о нихъ по статьѣ Газа.

Совершенно въ противоположномъ духѣ написана статья Англійская, въ Blackwoods Magazine, извѣстная мнѣ по Revue Britannique (1854, novembre). Вотъ ея начало:

«Настоящее состояніе Греціи дѣлаетъ безчестіе политическому быту Европы. За Турецкую имперію нечего опасаться: Турки понимаютъ, что имъ нужно многому учиться; за Греческое-же королевство нельзя будетъ не отчаяваться, если только новые Геллены не оставятъ своего нелѣпаго и суетнаго тщеславія, если не перестанутъ хвастаться своимъ православіемъ, когда ихъ попрекаютъ невѣжествомъ въ житейскихъ дѣлахъ. Англичане и Русскіе, деспоты и демагоги, цари и народы, Европейцы и Американцы, всѣ единодушно считаютъ это несчастное королевство сатирою и на монархическія учрежденія, и на конституціонное законодательство, и на администра-

тивную централизацію. Доблесть и любовь къ отечеству, высказанныя Албанцами при Сулѣ и Гидрѣ, Греками при Миссолонгѣ и Псарѣ, стоили удивленія и вызвали со стороны друзей Греціи въ Германіи, въ Швейцаріи, во Франціи, въ Англіи, въ Соединенныхъ штатахъ денежныя пособія и всякаго рода продовольствіе. Греція много обязана народамъ западной Европы, въ которыхъ она видитъ теперь только *Латинянъ* — враговъ своей вѣры. А развѣ не голосъ Лондонскаго народа заставилъ Лондонскій кабинетъ затѣять тѣ переговоры, плодомъ которыхъ была Наваринская битва и признаніе Греціи по трактату 1832 года независимымъ королевствомъ»?

Чтобы съ-разу познакомить читателя съ характеромъ сей статьи, приведу еще слѣдующее мѣсто (стр. 40):

«Не было путешественника, которому не доводилось-бы слышать отъ Грековъ жалобы на иностранцевъ: Греки всѣмъ твердятъ, что всѣ бѣдствія ихъ страны проистекаютъ отъ чуждаго вмѣшательства. Въ этихъ жалобахъ только и есть правды, что напрасно иноземцы довѣряли Грекамъ какія-бы то ни были суммы, превосходящія ихъ національный доходъ. Дѣйствительно, ничто лучше не доказываетъ слабости нравственнаго чувства въ Грекахъ, какъ неблагодарность, съ какою они принимаютъ то, что̀ имъ даютъ».

Кто не увидитъ явнаго, притомъ забавнаго пристрастія въ сихъ строкахъ, написанныхъ Англичаниномъ въ 1854 году, въ самый разгаръ политическихъ страстей, когда Англія побаивалась за Іоническія острова, когда другу союзныхъ державъ, послушному (docile) султану, сосѣду и союзнику Оттона (стр. 54), грозили нападенія со стороны непослушной Греціи? Въ глазахъ Англичанина и православіе виновато; по его сужденію, Англіи больше всего обязана Греція своимъ освобожденіемъ; о Россіи ни полслова, хотя упоминаются въ числѣ благодѣтелей и друзей Греціи не только Германія и Соединенные штаты, но даже Швейцарія. Греція безнадежна, Греція приводитъ въ отчаяніе дружественную Англію; а почему? потому-что небла-

годарна! Да стоили-ли благодѣянія-то вашей благодарности? Благодѣянія-ли это были?

Хотя вся статья дышетъ враждою къ Греціи, но проницательный читатель, прочитавъ ее, вынесетъ любовь и уваженіе къ Греческому *народу*. Тѣмъ такая статья и дорога теперь для насъ: добрый отзывъ врага дороже дружескаго.... Потому мы статьею Англичанина займемся подробнѣе, чѣмъ предыдущими. Но прежде считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ освободились Греки отъ Турецкаго владычества.

Горы, благопріятствовавшія развитію духа свободы въ древнихъ Гелленахъ, содѣйствовали и тому, что Греція никогда не была вполнѣ парабощена Турками. Въ горахъ укрылись и потомъ мало-по-малу укрѣпились и усилились клефты и арматолы, храбрости которыхъ всего больше обязана Греція своимъ освобожденіемъ, — болѣе, чѣмъ пособію всякихъ дружественныхъ державъ. Когда Греки въ 1821 году сдѣлали рѣшительное возстаніе противъ Турокъ, то частныя только лица, между прочими знаменитый Байронъ, увлеченные славой древней Геллады и зарею воскресенія новой, только они приняли искреннее участіе въ потомкахъ Милтіада и Θемистокла; дружественныя-же державы, какъ напримѣръ Англія, долгое время, пока не разочли, что и имъ тутъ кое-чѣмъ можно поживиться, не только не рѣшались пособлять Грекамъ, но даже на возстаніе ихъ противъ варварскаго деспотизма Турокъ глядѣли предосудительно, какъ на бунтъ, какъ на возмущеніе противъ законной власти. Наконецъ, когда Греція почти окончательно истощилась въ неровной и долгой борьбѣ, лѣтъ черезъ семь послѣ возстанія, вступились и они за Грековъ, позаботились объ ихъ независимости и самостоятельности, даже дали имъ короля. Но виноваты-ли бѣдные Греки, что не почувствовали и не чувствуютъ особенной любви къ Баварцамъ, Римскимъ католикамъ, иноплеменникамъ? И самъ Оттонъ не оправдалъ надеждъ Европы, если вѣрить автору Англійской статьи. А ему нельзя во всемъ вѣрить: онъ, какъ Англичанинъ, не мо-

жетъ не досадовать, что Грецiя попалась не въ Английскiя руки, что король Греческiй въ 1854 году напалъ на союзницу Англiи и Францiи, Турцiю. Авторъ вездѣ осуждаетъ только Баварское правительство, да тѣхъ Грековъ, которые служатъ у него, — *чиновниковъ*; *народъ*-же Греческiй винитъ только за то, что онъ терпитъ это правительство; мѣстами, гдѣ не смѣшиваетъ правительства съ народомъ, даже хвалитъ послѣднiй. Грековъ, и по статьѣ автора, нельзя даже и въ томъ обвинять, чтобы они не хотѣли и не умѣли улучшить свое правительство, какъ ни трудно имъ это при опекунствѣ Европейскихъ державъ.

Теперь посмотримъ, что говоритъ Англичанинъ.

Мысль образовать изъ Грецiи свободной и православной независимое государство подъ покровительствомъ Великобританiи, Францiи и Россiи—принадлежитъ генiальному Канингу; поддержана она была Веллингтономъ. По смерти Канинга, на мѣсто генiальности его явилась тупость и вялость (la torpeur) Абердина, на мѣсто-же проницательности Веллингтоновой — воинственное увлеченiе (l'aménité belligérante) Пальмерстона. Каподистрiя въ-видахъ Россiи хотѣлъ было-разстроить Канингово дѣло, но смерть помѣшала его замысламъ (38). Выбранъ былъ Оттонъ, молодой человѣкъ посредственныхъ способностей (36); его правленiе такъ скоро погасило огонь патрiотизма въ освобожденной Грецiи, что, казалось, имѣло на нее летаргическое влiянiе (37). Оттону, по несовершеннолѣтiю его, сопутствовали три руководителя съ ограниченнымъ политическимъ смысломъ, отличающимъ артистическiй Мюнхенъ (39). Вся власть была у нихъ въ рукахъ. Армансепергъ занялся новымъ дворомъ, Мауреръ взялъ на себя гражданскую часть, Гейдеггеръ сочинялъ мундиры для Греческой армiи и рисовалъ виды Грецiи для Баварскаго короля Людовика. Армансепергъ приверженъ былъ къ Англiи, Мауреръ къ Францiи. Скоро они поссорились, и Мауреръ оставилъ Грецiю. Всѣ они расточали деньги, присылаемыя покровительствующими державами; а

Греки (т. е., чиновники изъ Грековъ), изъ собственныхъ выгодъ, потворствовали имъ и помогали грабить казну (40).

Здѣсь остановимся на минуту. Есть Русская пословица: каковъ попъ, таковъ приходъ. Вездѣ, гдѣ правительство находится въ-разладѣ съ народомъ, всѣ чиновники до послѣдняго выбираются въ духѣ главныхъ лицъ по управленію, а потому становятся во враждебныя отношенія къ народу и бываютъ вредны. Народъ за неспособность или подлость чиновниковъ обвинять не должно, хотя-бы эти чиновники выбирались и изъ народа: выбираются въ такомъ случаѣ такія лица, какія нужны. Удивительно, что авторъ статьи нигдѣ почти до послѣднихъ страницъ не отличаетъ Грековъ неслужащихъ отъ служащихъ.

Такъ описываетъ авторъ ходъ дѣлъ въ Греціи при началѣ царствованія Оттона. А вотъ что говоритъ онъ о современномъ состояніи (51):

«Конституціонное правленіе имѣло въ Греціи не болѣе успѣха, чѣмъ неограниченная манархія, прекратившаяся въ 1843 году. Достаточно взглянуть на настоящее состояніе страны, чтобы понять причины, исказившія представительное правленіе и испортившія всю центральную администрацію. Дворъ короля Оттона занимаетъ такое-же мѣсто въ политическомъ быту Греціи, какое дворецъ его въ Аѳинахъ: тотъ и другой портятъ картину. Громадный дворецъ маленькой столицы освобожденной Греціи есть грубая пародія на царскую пышность; а гофмаршалъ, церемоніймейстеръ, штатсдамы и фрейлины, генералъ-и флигель-адъютанты, дежурные офицеры; придворные, не умѣющіе писать, придворные, неумѣющіе сѣсть на лошадь; королевскія кареты въ королевствѣ, въ которомъ нѣтъ мальпостовъ и дилижансовъ; королевскія паровыя яхты тамъ, гдѣ нѣтъ даже весельныхъ пакетботовъ; кресты, ленты, звѣзды; жалованья, пенсіи, доходныя мѣста,—словомъ все, что служитъ къ подрыву правительства, и ничего полезнаго для страны».

Потомъ авторъ говоритъ, что всѣ чиновники зависятъ отъ

короля и связываются имъ въ дѣйствіяхъ своихъ; что королю идетъ милліонъ драхмъ, тогда-какъ чистаго доходу всего 12 милліоновъ; а министры получаютъ по 12,000 драхмъ, сенаторы — по 6,000 и проч.

Если все это и такъ, опять-таки вина не падаетъ на народъ. Не виноватъ онъ и въ разбояхъ и грабежахъ: воры и разбойники вездѣ есть; есть они и въ Англіи; но если въ Англіи они не такъ гласно грабятъ, какъ въ Греціи, причина тому — лучшая полиція.

Не стану пересказывать сообщаемой авторомъ легенды: она ровно ничего не доказываетъ. Подобныя легенды есть у всѣхъ народовъ. Спѣшу къ свѣтлой сторонѣ его картины, и на прощаньи съ темной приведу еще слѣдующее мѣсто:

«Ничто столько не мѣшаетъ успѣхамъ Греческаго племени, какъ чудовищное хвастовство и непонятное высокомѣріе образованнаго класса. Тѣ, которые вѣрятъ въ чистоту и безпримѣсность Гелленской крови, могутъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ народнаго униженія ссылаться на это смѣшное сумасбродство, какъ на доказательство того, что нынѣшніе Греки по прямой линіи происходятъ отъ тѣхъ, которые нѣкогда продали отечество Македонянамъ и Римлянамъ, какъ сами они недавно пытались продать его Русскимъ. Можно полагать, что примѣсь чуждой крови вдохнула-бы въ нихъ желаніе направлять свои взоры къ славной будущности вмѣсто того, чтобы упиваться созерцаніемъ отраженія временъ давно минувшихъ, обезображеннаго недостатками и ослабленіемъ зрительныхъ ихъ органовъ, и притомъ въ такое время, когда идетъ дѣло для нихъ не о созерцаніи того, что назади, а о дѣйствіи».

Англичанинъ, какъ видите, просто зарапортовался, и виною тому, очевидно, ничѣмъ неповинное отечество наше: но тѣмъ развѣ оно и виновато, что пришло ему въ голову и перепутало въ ней всѣ понятія. Премудреное мѣсто! читать станешь, — такъ длинно, что духъ захватываетъ; вникнуть попытаешься, — ничего не разберешь. Не дочитаешь еще и до половины, какъ станешь

въ-тупикъ. Сперва подумаешь, что авторъ не вѣритъ въ чистоту Гелленской крови; потомъ покажется, что онъ предоставляетъ Ново-Грекамъ право считаться сродни Демосѳену, Аристотелю, Фокіону, Эсхину и другимъ современникамъ Филиппа и Александра Македонскихъ, и невольно скажешь: ну, что-жъ? это еще не обидно! Худо только то, что авторъ производитъ Ново-Грековъ отъ тѣхъ Гелленовъ, которые за 2000 лѣтъ и болѣе продавали отечество свое сперва Македонянамъ, а потомъ Римлянамъ. Почему-же непремѣнно отъ такихъ? Развѣ таковы были Фокіонъ, Демосѳенъ, Аристотель? До-сихъ-поръ, впрочемъ, къ утѣшенію и спокойствію читателя хотя казалось по-крайней-мѣрѣ, что авторъ цѣнитъ чистоту крови, не уступая ея ни нынѣшнимъ Грекамъ, ниже тѣмъ, которые жили за 2000, за 2200 лѣтъ до нашего времени. Но вотъ авторъ опять заговорилъ: «Можно полагать, что примѣсь чуждой крови вдохнула-бы въ нихъ желаніе» и т. д. и сбиваетъ насъ окончательно съ толку: мы убѣждаемся, что авторъ не уважаетъ безпримѣсности и чистоты крови; желаетъ, чтобы Гелленская кровь смѣшалась съ иноземною... Не помню, приходилось-ли когда мнѣ встрѣчать въ хорошемъ сочиненіи, какова статья сія, на нѣсколькихъ строкахъ столько противорѣчій и запутанности. Вотъ до чего доводятъ людей страсти! Не лишнимъ считаю привести это мѣсто по-Французски, отъ слова-до-слова, изъ Revue Britannique:

«Rien n'a plus contribué à retarder les progrès de race grecque, que la prodigieuse vanité et l'inconcevable présomption de la classe lettrée. Ceux qui croient à la pureté sans mélange du sang hellénique, peuvent citer cette ridicule infatuation, après deux mille années d'abaissement national, comme une preuve que les Grecs d'aujourd'hui descendent bien en droite ligne de ceux qui vendirent jadis leur patrie aux Macedoniens et aux Romains, ainsi qu'eux mêmes ont tenté réecemment de la vendre aux Russes. Il est probable qu'une infusion de sang étranger leur aurait inspiré le desir de diriger leurs regards vers un glo-



rieux avenir, au lieu de s'enivrer de la contemplation du reflet d'un passé, defiguré par les défauts et l'affaiblissement de leurs organes visuels, et cela dans un temps où il ne s'agit pas pour eux de contemplation rétrospective, mais d'action».

Но какъ ни увлеченъ былъ авторъ политическими страстями, статья его все-таки очень замѣчательна. Онъ несомнѣнно честный и правдивый человѣкъ: чувство правды мѣстами вырывается, даже, можетъ быть, противъ воли его. Въ концѣ онъ говоритъ (64—70) даже почти только о хорошихъ сторонахъ Греческаго народа и уже ясно различаетъ правительство отъ народа. «Отъявленные враги Грековъ не могутъ отказать имъ въ любви къ отечеству. Каковъ-бы ни былъ источникъ этого чувства и какъ-бы ни было оно искажено суетностію (?), тѣмъ не менѣе это великая добродѣтель и плодотворная (!). Капиталы, жертвуемые частными людьми на построеніе церквей и школъ по всей Греціи, щедрые дары, ежегодно присылаемые въ Аѳины для воспитанія и состоящіе въ книгахъ, въ древнихъ монетахъ и иныхъ пособіяхъ, огромныя пожертвованія въ пользу недавняго несчастнаго нападенія на Турцію, все это доказываетъ, что при лучшемъ правительствѣ, при лучшихъ порядкахъ (*о чемъ-же и толковать?*...), любовь Грековъ къ отечеству могла-бы способствовать моральному и матеріальному благосостоянію страны. Но любовь къ отечеству должна прежде всего обратиться къ нравственному и религіозному образованію народа. Греки недостаточно понимаютъ, сколько гражданскія добродѣтели отличаются отъ личныхъ и частныхъ. Этого и государственные люди Аѳинъ не могли понимать». За тѣмъ авторъ свидѣтельствуетъ, что Ново-Греки *трудолюбивы*, дѣятельно занимаются торговлей и земледѣліемъ; но такъ какъ худые пути сообщенія препятствуютъ ихъ оборотамъ, то разбогатѣвшіе негоціанты принуждены бываютъ выселяться изъ отечества, — что̀ для Грека крайне непріятно. *Живущіе внѣ вліянія двора и далекіе отъ политическихъ дѣлъ* отличаются вообще безукоризненной *нравственностію*. Авторъ

приводитъ замѣчательный случай, доказывающій честность Ново-Греческаго народа въ-отношеніи къ государству. Когда Баварцы прибыли въ Грецію, то въ первое время не могли съ точностію опредѣлить сумму податей и назначили четыре милліона драхмъ. Они были-бы довольны, еслибы на первый годъ собрали и три съ половиною милліона, а *собрано было добровольно семь милліоновъ!* Черта, которую едва-ли еще гдѣ, кромѣ *древней* Греціи, можно встрѣтить. Впослѣдствіи оказалось, что больше и нельзя было требовать. Съ особенною похвалою отзывается авторъ статьи о *частныхъ* адвокатахъ: это люди честные, образованные; они руководятъ общественнымъ мнѣніемъ и заставляютъ такимъ-образомъ правительство быть осторожнымъ въ назначеніи и смѣнѣ судей. Замѣчательно способны наконецъ Греки — *къ общественнымъ преніямъ и дѣламъ.* Потому они съумѣли устранить не только Баварцевъ, но и своихъ министровъ, и не проливъ ни капли крови, безъ шуму и тревоги, завели у себя въ 1843 году представительное правленіе. Депутаты выбираются по общему выбору. Въ книгопечатаніи полная свобода, которою 16 политическихъ журналовъ, даже по признанію автора Англійской статьи, не злоупотребляютъ. Замѣчательно выражается онъ объ этомъ (38): «*Нельзя* сказать, чтобы Греки злоупотребляли свободою тисненія, *хотя и не всегда пользовались ею во-благо*, — что̀, впрочемъ, было-бы вовсе не удивительно въ странѣ, волнуемой раздорами въ такой степени, какъ Греція, съ самаго начала борьбы о независимости. Этимъ обстоятельствомъ нужно уравновѣшивать пороки и испорченность, которые намъ придется (*это мѣсто въ началѣ статьи*) изображать: ибо оно доказываетъ, что въ *массѣ народонаселенія* существуютъ еще здоровыя силы, которыми можетъ развиться общественное мнѣніе». И немного ниже (42): «Греки удержали свободу тисненія во все время Баварскаго владычества. Мауреръ сдѣлалъ только нѣкоторыя основательныя ограниченія, а графъ Армансбергъ разъ или два вооружался противъ журналовъ, но слабо, потому-что онъ былъ робокъ во всемъ, кромѣ

опустошенія казны. Нападенія его были легко отбиты, и Греки собственными усиліями сохранили *по-крайней-мѣрѣ* (!) за собою ту часть, что не выпустили изъ рукъ свободы тисненія, *хотя это право до настоящаго времени не принесло особенной пользы народу*». Какъ сдержанно хвалитъ Англійскій авторъ даже и то, что по своимъ убѣжденіямъ находитъ въ Греціи хорошаго!

Но все-таки благомыслящій читатель, надѣюсь, согласится, что нельзя еще отчаяваться за будущность народа, въ которомъ даже враждебно расположенный къ нему человѣкъ, даже отчаявающійся за него — находитъ и изумительную любовь къ отечеству, и трудолюбіе, и честность, и готовность жертвовать, чѣмъ можетъ, на потребности государственныя, и умѣнье вести общественныя дѣла, — добродѣтели, едва-ли встрѣчающіяся вмѣстѣ въ какомъ-либо даже изъ Европейскихъ народовъ. Но авторомъ Англійской статьи еще не всѣ исчислены добрыя стороны Греческаго народа: онъ напримѣръ забылъ упомянуть о замѣчательной любви Ново-Грековъ къ просвѣщенію.

Какъ-бы то ни было, странно встрѣтить во Французскомъ журналѣ переводъ подобной статьи; Revue Britannique чувствовала неловкость эту, а потому сочла нужнымъ сдѣлать оговорку, впрочемъ отнюдь ее не оправдывающую. Развѣ только военными обстоятельствами 1854 года можно извинить ее. Французы вообще способнѣе всѣхъ прочихъ Европейскихъ народовъ сблизиться съ другимъ народомъ, понять характеръ его, сочувствовать его бѣдствіямъ, извинять его недостатки. Потому-то *даже въ* 1855 *году* въ Revue des deux mondes (1-er juin) появилась статья Бёле (Beulé), написанная совершенно въ другомъ духѣ и служащая лучшимъ опроверженіемъ нападковъ Англійской статьи. Эта статья особенно отличается умѣренностію и здравомысліемъ и сообщаетъ новѣйшія и достовѣрнѣйшія свѣдѣнія: Бёле съ 1849 четыре года путешествовалъ по Греціи, жилъ въ Аѳинахъ, на островахъ, въ горахъ, ви-

дѣлъ худыя и хорошія стороны. Передадимъ и его статью въ сокращеніи.

Бѣдные Греки! — восклицаетъ Бёле — еще недавно превозносили ихъ съ такимъ увлеченіемъ, славили на стольких лирахъ; вся Европа хотѣла поддерживать ихъ, какъ мать поддерживаетъ начинающаго ходить ребенка; а теперь безжалостно осуждаютъ ихъ, *даже не позволяютъ защищать ихъ!* даже вошло въ обычай глумиться надъ ними! Даже старики, въ юности увлекавшіеся новою Греціей, разочаровались. Прошли тѣ времена, когда раздавались Мессенскія пѣсни, когда Байронъ отправлялся въ Миссолонгу, когда изумленный западъ посылалъ къ нѣсколькимъ сотнямъ возмутившихся Грековъ деньги и войско и содѣйствовалъ освобожденію Греціи. Что была за причина такого живаго увлеченія, такого горячаго сочувствія? Знала-ли Европа Грековъ, испытала-ли ихъ доблести? Какъ-же не знать Грековъ! вѣдь всѣ, и государственные люди, и ученые, и свѣтскіе, сидѣли въ свое время на школьной скамьѣ, всякій прочелъ нѣсколько рапсодій Гомера, нѣсколько страницъ Плутарха: чего-же еще больше? Прошедшее ручалось за будущее, и Греція, едва освободившись, должна была производить сотнями Ахилловъ и Леонидовъ, Несторовъ и Аристидовъ, не безъ примѣси, конечно, волокиты Парида, плутишки Одиссея: такъ нѣжная мать съ улыбкой поглядываетъ на бойкія шалости сынка.... Поэтическое чувство сбило съ толку политиковъ... Послѣ крестовыхъ походовъ не было увлеченія болѣе безкорыстнаго. Какъ крестоносцы ходили освобождать колыбель христіанства, такъ тридцать лѣтъ тому назадъ ходили новые бойцы освобождать колыбель нашихъ убѣжденій, нашего образованія, нашихъ наукъ и искусствъ, общую отчизну новой Европы, ту отчизну, исторію которой мы въ дѣтствѣ лепечемъ раньше исторіи нашей собственной отчизны. И вотъ, увлеченные восторгомъ къ потомкамъ древнихъ Грековъ, они отняли у Турціи нѣсколько областей и сказали жившимъ тамъ нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ народа: вы теперь свободны;

покажите-же себя достойными предковъ вашихъ. Прошло нѣсколько лѣтъ; мало-по-малу безпорядки прекратились, и множество иностранцевъ кинулись въ Аѳины. И что-же они находятъ? Даже изъ Аѳинъ нѣтъ еще дорогъ, нѣтъ мостовъ, нѣтъ фабрикъ для производства самыхъ необходимыхъ вещей; нѣтъ художниковъ въ отечествѣ Иктина и Фидія! Финансы разстроены, администрація самая жалкая, только и слышишь, что о разбойникахъ! И вчерашніе обожатели Греціи, разочаровавшись, мстятъ ей за то увлеченіе, въ которомъ сами-же виноваты, требуютъ отъ Грековъ тѣхъ добродѣтелей, которыя сами-же они имъ навязали, тянутъ ихъ къ отвѣту за тѣ пороки, которыхъ прежде не хотѣли видѣть. А Греки никогда не скрывали ни хорошихъ, ни дурныхъ своихъ сторонъ: съ перваго раза, еще въ началѣ борьбы, выказали и храбрость и вѣроломство, и высокій энтузіазмъ и корыстолюбіе. Они тогда рѣзали плѣнниковъ, сдавшихся имъ на честное слово, предпочитали грабежи и разбои сраженіямъ, не соблюдали дисциплины, каждый день десятками бѣгали изъ лагеря.... Иные (*напримѣръ авторъ Англійской статьи*) отчаяваются за будущность Греціи, на томъ основаніи, что она мало успѣла въ-теченіе 25 лѣтъ. Двадцать пять лѣтъ! да этого времени едва достаточно для развитія человѣка; а вы требуете отъ народа, чтобы онъ въ такое короткое время развился. А Греція только-что освободилась отъ рабства послѣ девятилѣтней борьбы; земли мало, да и та не слишкомъ плодородна; рукъ для воздѣлыванія ея еще меньше. Чтобы судить настоящимъ образомъ о Грекахъ, нужно пожить въ Греціи, да и не въ Аѳинахъ, а въ глухихъ деревняхъ, подальше отъ городовъ. Обыкновенно-же судятъ о Грекахъ — внѣ Греціи, по тѣмъ салоннымъ знакомымъ, шулерамъ и инымъ chevaliers d'industrie, которыхъ легкомысленно рекомендуютъ, еще легкомысленнѣе принимаютъ, не отличая даже настоящаго Грека отъ Молдавана, Валаха, Армянина; въ самой Греціи — по лодочникамъ, кучерамъ, трактирщикамъ, драгоманамъ и инымъ лицамъ, живущимъ на-счетъ проѣзжихъ и одинаковыхъ

на всемъ земномъ шарѣ. Даже и тѣ, которые довольно долго живутъ въ Аѳинахъ, кого видятъ, съ кѣмъ знакомятся? О простомъ народѣ знаютъ они только то, что онъ любитъ изящество, нарядно одѣвается, ѣстъ сухія смоквы, отличается чистотою нравовъ, набоженъ, при видѣ высокомѣрнаго иностранца едва замѣтно улыбается. Мѣщане не говорятъ на иностранныхъ языкахъ, неохотно принимаютъ иностранцевъ частію изъ боязни, частію по спѣси; иностранцы знаютъ о нихъ только-то, что они смышлены, любознательны, проникнуты любовію къ отечеству. Остается высшій классъ,—сотни двѣ лицъ, хорошо знающихъ Французскій языкъ, воспитанныхъ въ Лондонѣ, Мюнхенѣ, Парижѣ, усвоившихъ въ Европѣ много хорошаго, а еще болѣе худаго. Да и вообще Аѳины—сборное мѣсто для всякаго рода людей, большею частію иностранцевъ: Греки тамъ составляютъ меньшинство.

Итакъ мы изложили и частію разобрали мнѣнія двухъ Французовъ и Англичанина о Ново-Греческомъ языкѣ и Ново-Грекахъ. О томъ и другомъ предметѣ еще лучше, по моему мнѣнію, судилъ лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ знаменитый въ исторіи просвѣщенія новой Греціи Грекъ Корай.

Личность Корая стоитъ того, чтобы ей посвятить отдѣльную статью; въ настоящемъ-же случаѣ ограничимся изложеніемъ воззрѣнія его на предметъ, теперь насъ занимающій. Во всѣхъ сочиненіяхъ Корая видно ясное пониманіе недостатковъ и пороковъ современной ему Греціи и живое, горячее желаніе, чтобы она отъ нихъ освободилась. Не смотря на весьма ограниченныя средства свои (иногда приходилось ему терпѣть жестокую нужду), не смотря на то, что съ 24 лѣтъ (*) онъ покинулъ Грецію, и проживалъ сперва въ Амстердамѣ, потомъ въ Монпелье, наконецъ съ 1788 г. въ Парижѣ,—онъ много сдѣлалъ для возбужденія и просвѣщенія народа Греческаго. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ переписки его, изданной въ двухъ томахъ въ Аѳинахъ въ 1839 и 1841 годахъ.

(*) Родился въ 1748 г., умеръ въ 1833 году.



«I, 248. *Нашъ народъ, другъ мой, пропитанъ неправдою.* Впрочемъ, еслибы онъ не былъ таковъ, то это можно-бы считать чудомъ. Кто родится и воспитывается подъ правленіемъ беззаконнымъ, тотъ, необходимо, и самъ становится неправеденъ, въ большей или меньшей степени, и душа его непремѣнно будетъ наклонна къ неправой власти. *Чтобы смыть съ насъ это нечистое, гадкое пятно, нужно начать съ просвѣщенія.* Ты видишь, каковы душонки (τὰ ψυχάρια) у большинства тѣхъ, которые слывутъ и считаются у насъ порядочными людьми, которые должны-бы были быть примѣромъ, образцомъ поведенія для народа!... Если кто изъ насъ пріобрѣтетъ маленькое значеніе, чиновное (πολιτ) или денежное, тотчасъ становится деспотомъ ближнихъ своихъ».

И часто Корай съ сокрушеніемъ сѣтуетъ на безнравственность, униженіе Греческаго народа. Вспомнивъ однажды (II, 38), какъ въ Византійское время назывался придворный чинъ шамбеллана, прибавляетъ: «такъ назывался онъ, когда мы были *людьми*...» Не меньше огорчаетъ его, хотя и природное, плутовство Грековъ. Сообщивъ разсказъ бл. Іеронима о томъ, что въ то время, въ IV стол., идолопоклонники, когда завидятъ, бывало, Греческаго монаха, кричали: Грекъ плутъ идетъ! Корай съ своей стороны прибавляетъ: «un bel éloge vraiment!» Мимоходомъ замѣтимъ, что Корай въ письмахъ иногда вставляетъ Французскія и даже Нѣмецкія выраженія.

И какъ, наоборотъ, восхищается Корай цивилизаціею запада! «Не скажу, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (II, 55), чтобы и здѣсь не было людей завистливыхъ. Всѣ пороки, встрѣчающіеся у Грековъ, встрѣчаются и въ Европѣ, и въ Африкѣ, и вездѣ, гдѣ есть люди. Но въ Европѣ пороки не столько вредны, сколько въ Греціи, потому-что обуздываются образованіемъ и благоразуміемъ. А *жалкіе* наши соплеменники, потерявъ со свободою образованіе, если и бываютъ добродѣтельны, добродѣтель ихъ не просвѣщенна, потому-что и въ религіи-то они не тверды; если-же на бѣду впадутъ въ пороки,

то безъ удержи пускаются во вся тяжкая, потому-что ихъ не удерживаетъ ни религія, — они ея не знаютъ, ни разсудокъ, — совѣтовъ его не слушаютъ»!

Въ другомъ мѣстѣ (II, 57), сообщивъ другу своему, что онъ подарилъ переводъ православнаго катихизиса (*) одному духовному лицу католическому, Корай замѣчаетъ: «Можетъ, тебѣ покажется страннымъ, что я *ему* подарилъ катихизисъ восточной церкви, кое въ чемъ несогласный съ ученіемъ западной церкви. Но не показалось-бы тебѣ это страннымъ, еслибы ты зналъ Европейскихъ ученыхъ».

Мы видѣли, что Корай, для очищенія втоптаннаго въ грязь Греческаго народа, считалъ первѣйшимъ средствомъ просвѣщеніе. Объ этомъ предметѣ онъ часто и подробно разсуждаетъ. Такъ (II, 111), задумавъ изданіе Греческихъ классиковъ съ толкованіями на Ново-Греческомъ языкѣ, Корай предположилъ себѣ такую цѣль: «Наше племя въ великомъ презрѣніи, особенно за незнаніе языка предковъ. По-сю-пору это презрѣніе, можетъ быть, и справедливо. Но я твердо убѣжденъ, что пяти, шести изданій классиковъ, изданій *хорошенькихъ*, какъ выражаются наши грамматики, т. е. такихъ, въ которыхъ и описки разныя критически исправятся, и неудобопонятныя мѣста объясняются, — такъ, я говорю, пяти, шести такихъ изданій на обыкновенномъ нашемъ (Ново-Греческомъ) языкѣ, достаточно, чтобы зажать ротъ нашимъ противникамъ. Почему? Потому-что ученые издатели ихъ, когда задумаютъ издавать классическаго писателя, и не желая того, станутъ справляться съ изданіями Гречишекъ, какъ они бранятъ насъ. Я тебѣ говорилъ уже и опять говорю, — невозможно, чтобы, при равномъ усердіи и равныхъ средствахъ, не могли-бы Греки объяснить Геллинскаго языка лучше ихъ. Но объ этомъ, какъ я говорилъ тебѣ, не слѣдуетъ болтать, а нужно дѣлать sans affectation et

---

(*) Корай перевелъ на Ново-Греческій съ Нѣмецкаго перевода катихизисъ нашего митрополита Платона.



sans faire semblant de rien: дважды справедливъ тотъ, кто высказываетъ истину безпристрастно и умѣренно».

Корай сравнивалъ современное ему состояніе Греческаго языка (I, 177) съ Гомерическимъ, видѣлъ въ немъ такое-же броженіе неустановившихся, неопредѣлившихся элементовъ. «Разбери, говоритъ онъ (I, 136), безъ предубѣжденія все, что до-сихъ-поръ написано на обыденномъ языкѣ: едва-ли найдется между десятью одна книга, которую-бы можно было прочесть безъ отвращенія и зѣвоты. Отъ чего это? Отъ того, конечно, что писавшіе не думали о томъ — *сколько настоящій языкъ можетъ заимствоваться у Гелленскаго.* На каждой страницѣ, или, лучше сказать, на каждой строкѣ видишь затрудненіе, колебаніе ума и пера; на каждомъ стихѣ чувствуешь Сисифовы пытки писателя».

Но, съ другой стороны, Корай считалъ крайне необходимымъ, для полнаго знанія Греческаго языка, изученіе Ново-Греческаго. Благодаря одного друга за присылку книгъ Ново-Греческихъ, Корай говоритъ: «Очень благодаренъ тебѣ за книги, написанныя на обыденномъ языкѣ: онѣ мнѣ полезны, потому-что хотя написаны онѣ крайне неправильно, безграмотно, необдуманно, но иногда сообщаютъ новое реченіе или выраженіе, котораго я не зналъ или о которомъ не приходилось подумать; иногда-же приводятъ онѣ меня къ открытію того, что до меня было неизвѣстно. А число подобныхъ недоразумѣній таково, что часто прихожу я въ отчаяніе. Въ одномъ я убѣдился, и убѣжденіе это есть плодъ многолѣтнихъ занятій, что для точнаго пониманія Гелленскаго (древняго) языка совершенствованіе этого обыденнаго, презираемаго неразумными людьми языка, гораздо необходимѣе, чѣмъ знаніе нарѣчій Дорическаго, Эолическаго, Іоническаго. Не надлежитъ-ли считать глупцомъ того, кто сталъ-бы хвастаться, что знаетъ Гелленскій языкъ, а не изучилъ всѣхъ его діалектовъ? Еще глупѣе, по моему сужденію, кто хвастается знаніемъ Гелленскаго языка, не изучивъ обыденнаго языка Грековъ. Какъ-бы ни были глупы

унижающіе нашъ обыкновенный языкъ, но они не рѣшатся отрицать того, что онъ есть, по-крайней-мѣрѣ, хотя нарѣчіе Гелленскаго языка, и нарѣчіе несомнѣнно болѣе богатое, чѣмъ прочіе, потому-что въ то время, когда отъ Іоническаго діалекта осталось такъ мало сочиненій, а отъ Дорическаго и Эолическаго и того меньше, на Ново-Греческомъ написано довольно. Если иностранные филологи не находятъ пособія въ варварскихъ сочиненіяхъ Грековъ, то потому не находятъ, что предубѣжденіе или совершенно отвращаетъ ихъ отъ ново-Греческихъ сочиненій, или мѣшаетъ читать съ размышленіемъ. Согласенъ, — не веселое занятіе — читать Гетерокрита и иные подобные выкидыши бѣдной Геллады; но, кто любитъ красивую госпожу, тому слѣдуетъ заискивать расположеніе и у некрасивой рабыни, если чрезъ нее облегчается сколько-нибудь доступъ къ госпожѣ»....

Любопытно еще слѣдующее письмо (I, 195): «Прилежное изученіе языка и само по себѣ важно, для насъ-же особенно важно потому, что мы (къ-счастію, или къ-несчастію, не знаю) живемъ въ такую пору, когда языкъ впалъ въ состояніе броженія, смѣшенія, по пословицѣ: словно волоса у дуры. Прибавь еще другую трудность, гораздо значительнѣйшую: изученіе языка у насъ есть дѣло новое. А во всякомъ новомъ дѣлѣ необходимо, чтобы мы, пока дойдемъ до правильнаго сужденія, вдоволь напутали. Анаксагоръ полагалъ, что солнце не болѣе Пелопонеса; нынѣшніе астрономы смѣются надъ нимъ, но имѣютъ-ли право? Еслибы они жили въ его времена, то говорили-бы и думали, пожалуй, еще нелѣпѣе, чѣмъ онъ. Впрочемъ, ты будь покоенъ: ты съ этой стороны неуязвимъ. Но весьма боюсь я за А. Ему придется бороться съ врагомъ, болѣе страшнымъ, — *съ похвалами*. Скажи ему, чтобы онъ, по примѣру мудраго Одиссея, заткнулъ-бы уши свои отъ пѣсенъ этихъ Сиренъ. Только ты смотри, другъ мой, меня не называй: вовсе не имѣю охоты путаться въ ссоры и свары ни съ С, ни съ Т, и ни съ какой буквой азбуки. Да вѣдь и смѣшно прини-

нать къ сердцу, спорить, горячиться о предметѣ, который будетъ обсужденъ *развѣ въ* 1950 *году, когда, по соображенію моему, поставлена будетъ на Греческомъ театрѣ первая хорошая комедія или трагедія.*

«Такъ какъ завелъ ты рѣчь объ Геліодорѣ, то, когда я умру, позаботься отыскать тотъ экземпляръ, который у меня теперь въ рукахъ. Когда при занятіяхъ моихъ встрѣчаю что-нибудь годное для Геліодора, то замѣчаю на поляхъ, чтобы подготовить второе изданіе. Новыя замѣтки состоятъ не только въ прибавленіи новаго, но и въ убавкѣ и передѣлкѣ стараго. Я открылъ много новыхъ подражаній и кражъ у Миѳисторіографа (романиста), сдѣлалъ нѣсколько исправленій въ текстѣ, такъ-что, если второе изданіе не будетъ лучше, то allerdings будетъ не столько худо, сколько первое. Но, когда подумаю, что пишу не для однихъ только А, П и иныхъ не многихъ, но во-первыхъ для А, Б, В, Г, Д, и для прочихъ, которые составляютъ большинство нашего народа, — когда, говорю я, подумаю обо всемъ этомъ, то чувствую онѣмѣніе и почти омертвѣніе въ мозгу и рукѣ моей! Кромѣ того, приходитъ мнѣ въ голову еще слѣдующее, весьма простое соображеніе. Ты говоришь, что находишь въ слогѣ моемъ нѣчто чарующее. Это искреннее твое мнѣніе, въ томъ я не сомнѣваюсь. Но если сужденіе твое и вѣрно, дружба твоя ко мнѣ не позволяетъ мнѣ полагаться на него. Но какъ-бы то ни было, — правду-ли ты говоришь, или это тебѣ только такъ кажется, а я часто думалъ о томъ, какъ-бы украсить рѣчь мою дательнымъ падежемъ, неопредѣленнымъ наклоненіемъ (*), и выходило какъ-то не ладно! Почему? *Потому, опять говорю, что если не слѣдуетъ намъ потакать невѣжеству народа, то съ другой стороны не слѣдуетъ и слишкомъ далеко уклоняться отъ того, къ чему его уши привыкли съ дѣтства.* Въ такихъ обстоятельствахъ писателямъ нашимъ остается средняя дорога: слѣдуетъ избѣгать простонародности,

(*) Эти формы въ Ново-Греческомъ языкѣ пропали.

потому-что, конечно, ни Платоны, ни Исократы не писали языкомъ Аѳинскихъ матросовъ; но, съ другой стороны, нужно уклоняться и отъ Геллинизма или, лучше сказать, отъ Гелленскаго макаронизма, потому-что и Платоны и Исократы писали навѣрно такъ, что ихъ понимали и матросы. Ты хочешь дательнаго падежа? и я, «клянусь богами», весьма хочу его; но какъ усвоить, усыновить его народу? Часто употреблять его не слѣдуетъ, какъ не слѣдуетъ и исправленіе языка съ него начинать, когда столько есть другихъ оборотовъ, исправленіе которыхъ необходимѣе и гораздо удобнѣе. *Во взглядѣ на этотъ предметъ у приверженцевъ простонародности такихъ противорѣчій нѣтъ. Ихъ можно только за одно упрекнуть: Не хорошо не имѣть любви къ языку и къ славѣ предковъ».*

Еще яснѣе высказывается Корай въ предисловіи къ Исократу (1807): «Чтобы вывести Елладу изъ жалкаго настоящаго положенія, для этого я никогда не представлялъ себѣ и не представляю никакого иного способа, кромѣ *образованія*. Конечно, оно лѣтъ съ 30 уже, какъ начало усиливаться, но слѣдуетъ ему распространиться въ народѣ. Сильнѣйшее къ тому средство — умноженіе книгъ. Много книгъ иностранныхъ переведено уже, и ежедневно переводится. И ужели неодолимой силѣ типографскаго станка, сокрушившаго застарѣлое, отъ предковъ наслѣдованное, варварство многихъ уже Европейскихъ народовъ, — ужели этой силѣ не поддадутся потомки мудрѣйшаго народа древности? Ужели они до такой степени окаменѣли? Въ школахъ, число которыхъ ежедневно увеличивается, надлежитъ улучшить способъ и сократить время преподаванія древняго языка, къ которому непремѣнно должно присоединиться преподаваніе Латинскаго языка, по-крайней-мѣрѣ хотя въ школахъ знатнѣйшихъ городовъ. Но этого недостаточно. Нужно, чтобы чувствовали стыдъ и совѣстились тѣ города, которые не имѣютъ при школахъ достаточной библіотеки и не позаботились еще о введеніи въ школы тѣхъ наукъ, которыя преподаются нынѣ въ школахъ образован-

ныхъ народовъ. *Если есть другое какое, кромѣ этого, средство къ возрожденію Геллады (а какое еще можно придумать, кромѣ насилія?), считаю его несправедливымъ и безразсуднымъ.* Несправедливо оно, потому-что противно вѣрѣ и философіи, которыя единогласно учатъ: не плати зломъ за зло; и потому еще, что смѣшиваетъ виноватаго съ невиннымъ. Безразсудно-же, — потому-что подъ предлогомъ отмщенія затягиваетъ на-вѣки взаимную вражду, уничтожаетъ навсегда возможность мира и покоя, безъ которыхъ жизнь человѣческая становится ежедневною пыткою, и города обращаются въ логовища злыхъ демоновъ, спорящихъ о томъ, кто кому пуще навредитъ. Несправедно и вмѣстѣ безразсудно оно, потому-что мстящій не только свою собственную жизнь подвергаетъ опасности, но даже для кратковременнаго удовольствія мести, необдуманно готовитъ трагическую гибель друзьямъ, сродникамъ, всему племени своему. «Зачѣмъ, сынъ мой, далъ ты увлечь себя богинѣ честолюбія, злѣйшей богинѣ? Оставь ее! Она учитъ неправдѣ. Во многіе домы, во многіе города, нѣкогда счастливые, вторгалась она и покидала ихъ, погубивъ увлекшихся ею». Такъ говоритъ сыну своему бѣдная Іокаста (Еврип. Финик. 534—537), стараясь отвратить его отъ мести. Такъ и нынѣ надлежитъ говорить съ народомъ всякому любящему его и объ его счастіи пекущемуся. *Ты хочешь, чтобы тебя не обижали? Учись, разсуждай; не слушай тѣхъ, кто хочетъ отвратить тебя отъ мудрости».*

«Образованіе твое, многострадальное племя, укротитъ и этихъ дикихъ звѣрей (*Турокъ*), обративъ вражду ихъ въ любовь и уваженіе. Кромѣ образованія, не надѣйся ничѣмъ уврачевать многолѣтнія раны твои... Вотъ мое мнѣніе касательно возрожденія Геллады! Не перестану возвѣщать его друзьямъ Геллады, лишь-только откроется нужда въ томъ, ибо считаю это непремѣнною обязанностію моею. А тѣмъ, которые хлопочутъ отвратить народъ отъ наукъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что науки совращаютъ человѣка отъ вѣры, скажу, что еслибы и дѣйствительно могло быть таково вліяніе наукъ, то тѣмъ

болѣе надлежитъ всякому благоразумному человѣку бояться тѣхъ золъ, которыя способны породить невѣжество. Наконецъ, еще одно скажу: нѣтъ у меня ни охоты, ни времени ратовать съ защитниками и ходатаями варварства. Что я сказалъ теперь противъ нихъ, охотно желалъ-бы не сказать, еслибы вражда ихъ къ просвѣщенію опять не разверзла едва только сомкнувшіяся уста недоброжелателей нашихъ»...

Такъ писалъ Корай пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Съ-тѣхъ-поръ Грецiя во многомъ исправилась, улучшилась. Чтобы дать понятіе о настоящемъ состояніи Греческаго народа, слѣдовало-бы мнѣ привести мнѣнія и современныхъ Грековъ, хотя-бы напримѣръ Александра Суцца. Но я думаю, что и того, что̀ сказано уже мною, достаточно. О Суццо-же не мѣшаетъ поговорить отдѣльно и подробнѣе.

Но всего лучше доказывается, что Греки не выродились,— типомъ, очертаніями лица, и языкомъ. О типѣ Грековъ извѣстно мнѣ сужденіе отличнаго знатока этого дѣла Эдвардса. Эдвардсъ находитъ между дошедшими до насъ древними статуями два типа и тѣ-же типы — въ новой Греціи и говоритъ между прочимъ такъ (стр. 362 Магаз. Землев. т. 1): «Не смотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, одинъ типъ сохранился на небольшомъ пространствѣ, многократно опустошенномъ мечемъ, огнемъ, голодомъ и язвою, среди населенія, которое никогда не было многочисленно и, впродолженіе долгой своей зависимости отъ жестокихъ властителей, не разъ вызывало всѣ ужасы ихъ мести». Другой типъ, преобладавшій въ древности, преобладаетъ и нынѣ. «Едва-ли, продолжаетъ Эдвардсъ, какой народъ сохранилъ съ такою вѣрностію, какъ Греки, и языкъ своихъ предковъ. Ни у одного не найдемъ большаго количества древнихъ обычаевъ, нравовъ и преданій. Стѣны Аргоса, Микенъ и Тиринеа, которыхъ древность была признана въ Гомерическія времена, стоятъ донынѣ. Странствующіе рапсоды до-сихъ-поръ поютъ тѣмъ-же напѣвомъ, и тѣми-же словами о достопамятныхъ событіяхъ; они сами пред-

ставляютъ живое подобіе тѣхъ предшественниковъ, о которыхъ вызываютъ воспоминаніе; сходство наружныхъ чертъ подкрѣпляется въ этомъ случаѣ сходствомъ происшествій. Новые Греки стоятъ относительно образованія ниже своихъ предковъ, жившихъ въ лучшія времена ихъ исторіи; но ихъ смѣло можно оравнить съ предшествовавшими поколѣніями, которыя приготовили позднѣйшую славу. Природа осталась та-же. При равноблагопріятныхъ условіяхъ она способна къ такому-же развитію. Необразованныя и грубыя поколѣнія, подъ вліяніемъ Финикіянъ и Египтянъ, развили съ беспримѣрною у другихъ народовъ быстротою науки и искусства. Почему-же потомкамъ ихъ не совершить, при пособіи окружающаго ихъ Европейскаго просвѣщенія, еще болѣе скорыхъ успѣховъ»? Замѣчательно, что это писано въ 1829 году.

Теперь перейдемъ къ главному предмету нашей статьи — къ языку. Въ прошломъ 1856 году вышла въ Германіи грамматика Ново-Греческаго языка, подъ заглавіемъ: «Grammatik der Griechischen Vulgarsprache in historische Entwicklung von Prof. Dr. Mullach (X, 406)». Этого сочиненія я еще не получилъ, но по рецензіи въ Leipzig. Repertorium (1856, November, S. 193) знаю, что Муллахъ признаетъ (замѣчательно, что рецензентъ раздѣляетъ его мнѣніе), что Ново-Греческій языкъ не есть новый и особенный языкъ; это просто — обыденный, простонародный языкъ древнихъ (Vulgarsprache), существовавшій рядомъ съ образованнымъ, письменнымъ, языкомъ, утратившій впрочемъ въ теченіе времени свои первоначальныя особенности въ формахъ и оборотахъ, а равно и въ матеріалѣ и значеніи отдѣльныхъ словъ; много, конечно, вошло и новыхъ словъ, но все-таки это не новый языкъ позднѣйшаго происхожденія, *но такой-же старый, какъ и письменный, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже старѣе.* Даже въ извѣстномъ Conversationslexicon Брокгауза, *гдѣ собраны только наименѣе спорныя свѣдѣнія*, давно уже говорится о Ново-Греческомъ языкѣ такъ-же. Но мы Русскіе, какъ мы гоняемся за модами и системами иностранцевъ,

все-таки отстаемъ и запаздываемъ. Такъ года три тому назадъ г. Орбинскій напечаталъ въ Журн. мин. нар. просв. статью, въ которой высказываетъ наклонность къ противоположному мнѣнію.

Лѣтъ двадцать тому назадъ Фальмерайеръ старался доказать, что Ново-Греки суть Славяне. Книга его возбудила горячіе споры, которые, впрочемъ, ни къ чему не привели. «Главная ошибка спорившихъ, замѣчаетъ основательно г. Орбинскій, авторъ упомянутой статьи «О слѣдахъ Славянства въ языкѣ Ново-Грековъ», состояла въ томъ, что они слишкомъ мало обратили вниманія на важнѣйшій фактъ, изъ котораго можно было получить объясненіе запутаннаго вопроса,—на языкъ Ново-Грековъ». За это дѣло взялся авторъ статьи. Послѣ краткаго вступленія, въ которомъ излагается ходъ полемики, возбужденной Фальмерайеромъ, показывается, какъ трудно рѣшить заданную имъ себѣ задачу, не познакомившись на мѣстѣ съ языкомъ простонародья Греческаго, у котораго только и можно искать настоящаго Ново-Греческаго языка; какъ скудны и несовершенны сборники народныхъ Ново-Греческихъ пѣсенъ. Послѣ этого вступленія авторъ опредѣляетъ a priori, въ чемъ можетъ обваружиться чужое господство въ какомъ-бы то ни было языкѣ, и выведенныя имъ общія положенія прилагаетъ къ языку Ново-Греческому. Хотя окончательнаго сужденія онъ и не произноситъ, но заключенія его говорятъ болѣе за Фальмерайера, чѣмъ за противниковъ его. По словамъ автора статьи, фонетика Ново-Греческаго языка представляетъ значительныя отличія отъ древней, объясняемыя Славянскимъ вліяніемъ; вошло много словъ Славянскихъ (насчитывается до 70); грамматическій строй подвергся тому-же вліянію; наконецъ авторъ находитъ даже Славянскій образъ мыслей во внутреннемъ составѣ нѣкоторыхъ выраженій свойственныхъ Ново-Греческому языку.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію доказательствъ, которыми подтверждаетъ авторъ статьи свои выводы, считаемъ

нужнымъ сказать отъ себя нѣсколько словъ о первомъ и, по-видимому, главнѣйшемъ положеніи его — фонетикѣ.

Судить о произношеніи древнихъ Грековъ, или, какъ выражается авторъ статьи, о древне-Греческой фонетикѣ, мудрено. Греція, какъ и всѣ гористыя страны, отличалась и отличается доселѣ поразительнымъ для жителя равнинной страны разнообразіемъ обычаевъ, нравовъ, нарѣчій и произношенія. Во время Мардоніева нашествія на Елладу, извѣстный скороходъ Фидиппидъ на полуторасуточномъ путешествіи своемъ изъ Аѳинъ въ Спарту встрѣтилъ, конечно, болѣе разнообразія, чѣмъ сколько встрѣтитъ самый скорый курьеръ въ странѣ степной или равнинной въ-теченіе недѣли: каждый Греческій городъ говорилъ своимъ нарѣчіемъ, произносилъ по-своему почти всякое слово. Такъ-же разнообразно произношеніе и нынѣшнихъ Грековъ. Но древнія Греческія нарѣчія извѣстны намъ далеко не вполнѣ. Конечно, благодаря гигантскимъ трудамъ западныхъ, особенно Нѣмецкихъ, филологовъ надъ уцѣлѣвшими надписями на древнихъ произведеніяхъ пластическаго искусства, надъ немногими словесными произведеніями, писанными на какомъ-нибудь древне-Греческомъ нарѣчіи, надъ скудными и не всегда вѣрными свидѣтельствами древнихъ грамматиковъ о діалектахъ Гелленскаго языка, мы имѣемъ теперь возможность находить разумные законы въ измѣненіяхъ звуковъ древне-Греческихъ. Такой разумности въ нарѣчіяхъ Ново-Греческаго языка пока еще не видимъ. Но виноватъ-ли этотъ бѣдный языкъ въ томъ, что иноземные филологи, плѣнившись изяществомъ древняго языка, о нынѣшнемъ небрегутъ? что и между самими Греками Кораевъ было еще немного? что пѣсни народа записываются часто недальними грамотѣями, которые не умѣютъ правильно записать того, что слышатъ изъ устъ простаго Грека? Впрочемъ, многіе изъ *извѣстныхъ намъ* законовъ древне-Греческой фонетики встрѣчаются и въ нынѣшнемъ языкѣ. Есть, конечно, и такіе, какихъ мы въ скудныхъ остаткахъ древне-Греческихъ нарѣчій не находимъ. Но даетъ-ли

это намъ право заключать, что ихъ и не было? Почему знать? можетъ, въ какомъ-нибудь уголкѣ Лаконіи, Аркадіи, до-сихъ-поръ сохраняются особенности древняго нарѣчія. Вѣдь мы о древнихъ нарѣчіяхъ знаемъ весьма мало.

Авторъ статьи «О слѣдахъ Славянства въ языкѣ Ново-Грековъ» предположилъ себѣ заняться Ново-Греческимъ языкомъ простаго народа, показать отличія фонетическія простаго Ново-Грека, а потому и сравнивать долженъ-бы былъ нынѣшнія нарѣчія съ древними-же нарѣчіями. Иной вопросъ—такъ-ли произносятъ образованные нынѣшніе Греки, какъ произносили Аѳиняне Периклова, напримѣръ, времени. Теперь, безъ-сомнѣнія, утратилось много оттѣнковъ, произношеніе стало грубѣе. Такъ различіе между долгими и краткими слогами исчезло; да оно только до-тѣхъ-поръ и могло соблюдаться, пока процвѣтала древняя изящная поэзія. Въ простомъ разговорѣ, особенно въ устахъ малообразованныхъ людей, вѣроятно и въ древности оно не строго соблюдалось. Это доказываютъ ошибки на надписяхъ: Ὥμηρος, Εἰσοκράτης, Ποσιδώνιος, Ἀριστίδης Σμυρνέος и т. п. Подобныя ошибки встрѣчаются на памятникахъ и даже на монетахъ, относящихся ко временамъ ближайшихъ наслѣдниковъ Александра Великаго (*). Съ упадкомъ древней метрической поэзіи возникъ и такъ-называемый политическій (въ смыслѣ — обыденный) стихъ, въ которомъ обращается вниманіе только на удареніе: начало этого стиха Экономидъ относитъ уже къ III столѣтію по Р. Х. (**). Тогда-же, безъ-сомнѣнія, для отличія отъ ε, краткаго *е*, стала произноситься η, долгое *е*, какъ *и* Русское. Впрочемъ, и въ нынѣшнемъ языкѣ сохранились слѣды древняго произношенія η, какъ ε: это видно въ смѣшеніи той и другой буквы въ словахъ ἥλουες и ἕλουες, ἡμπορῶ, и ἐμπορῶ, и въ писаніи черезъ ε слѣдующихъ словъ: ἐμεῖς (ἡμεῖς), ἀλέθω (ἀλήθω), σέπομαι (σήπομαι), στέκω (ἕστηκα), ξερός (какъ у Гомера вмѣсто ξηρός), κερίον (κηρίον), γνέθω (νήθω),

(*) *Visconti*, Iconographie grecque, T. I. p. 209, 270.

(**) Περὶ τῆς γνησίας Προφορᾶς, σελ. 663.



σιδερένιος (σιδηροῦς), Ϛερόνια (ϑημών) и т. п. Точно то-же случилось съ Славянскимъ *ѣ;* эта буква тоже произошла изъ сложенія и была двоегласною (сравн. хорут. deil — *дѣло*), а потому долгою гласною; въ Малороссійскомъ-же нарѣчіи перешла въ *и.* Но Малороссъ произноситъ это *и* не такъ, какъ простое *и;* подобные оттѣнки были, безъ-сомнѣнія, и въ древнемъ произношеніи η, ει, οι, υ. Во всякомъ случаѣ, настоящій Грекъ, особенно образованный, произноситъ благозвучнѣе Эразмита: только Саксонскому уху можетъ нравиться *ейдейе* или *айдайе*, какъ нѣкоторые Нѣмцы произносятъ εἰδείη. Впрочемъ, и Нѣмцы болѣе и болѣе убѣждаются въ справедливости Ново-Греческаго произношенія: такъ давно уже всѣ согласились въ томъ, что согласныя буквы въ древности произносились почти такъ, какъ нынѣ; да и вообще безпристрастные и дѣльные филологи даютъ Ново-Греческому произношенію болѣе 1000-лѣтней давности; для примѣра укажу на самую основательную, осмотрительную и дѣльную Греческую грамматику послѣдняго времени, — на грамматику Крюгера. А если Греки въ-теченіе послѣднихъ тысячи лѣтъ сохранили безъ порчи свое произношеніе, то нѣтъ причины предполагать, чтобы оно въ восьмомъ столѣтіи по Р. Х. много отступало отъ произношенія временъ, напримѣръ, Александровыхъ: событія послѣдняго тысячелѣтія были для Греческаго языка далеко неблагопріятнѣе предшествовавшихъ.

Но, конечно, въ устахъ простаго народа многія слова подверглись значительнымъ измѣненіямъ отъ усѣченія въ началѣ и концѣ слова, выпущенія, вставки и перестановки буквъ внутри слова. Все это было и въ древнемъ языкѣ, но не въ такой степени: долгота и краткость слоговъ, и вообще *софросина* — та чисто-Греческая добродѣтель лучшей поры Геллады, которая вездѣ заставляла соблюдать мѣру, стройность, которая осуждала всякій излишекъ хотя-бы и въ хорошую (по нашему понятію) сторону, побуждала древняго Грека говорить внятно и отчетливо. Потому знатокъ древняго языка, если онъ не изучалъ новаго, не скоро признаетъ въ иномъ новомъ словѣ знакомое

ему древнее. Какъ ему узнать въ γδί древнее ἰγδίον, въ πέ — εἰπέ, въ μάτι — ὀμμάτιον, въ δέν — οὐδέν, въ μέ — μετά, въ λέμε, λές, λέν — λέγομεν, λέγετε, λέγουσι? Но подобныя сокращенія бывали и въ древнемъ языкѣ; напр. δῶ, κρῖ, κίνδυν, λί (λίαν), αἰπόλος (αἰγοπόλος), κάμμορε (κακόμορε), ἑστώς (ἑστηκώς), ἠρίςαμεν (ἠριςήκαμεν). Ново-Греческое φάσα имѣетъ аналогію въ Пиндаровомъ (I, 1, 63) σεσωπαμένον; въ пѣсни о взятіи Константинополя встрѣчается также σώπα вм. σιώπα. Гораздо чаще и свободнѣе, чѣмъ въ древнемъ языкѣ, бываетъ elisio: такъ въ одной пѣсни отъ ἔχει (Faur. II, p. 24), стоявшаго между двумя словами, изъ которыхъ одно оканчивалось, а другое начиналось гласною, осталось только ᾽χ᾽. Въ родѣ древнихъ перестановокъ: κάρτος — κράτος, ἀταρπός — ἀτραπός и т. п. встрѣчаемъ: στρέγω (στέργω), τρομάω (τολμάω), ἀρμέγω — ἀμέλγω; ῥ-же вм. λ и въ древнемъ языкѣ находимъ: λάκη вм. ῥάκη по-Критски, κρίβανος вм. κλίβανος по-Дорически. Иногда подумаешь, что нынѣшній языкъ потерялъ память и сознаніе о корнѣ слова: ἀμώνι (ἄκμων), χαράματα (χαράγματα), βρεμένος (βεβρεγμένος), σφιμμός (σφυγμός), ῥίζε (ῥίψον); но древнія нарѣчія и здѣсь представляютъ аналогію, заставляющую скорѣе предположить, что уже въ древности сознаніе о корнѣ было слабо, или-же слово производилось отъ другаго корня. Такъ первыя четыре, приведенныя нами слова, находятъ аналогію въ Лаконскомъ πύμμα — πυγμή, а ῥίζε-въ Дорическомъ-же ὄρνιχας вм. ὄρνιθος и вообще въ глагольной ξ вмѣсто σ. Ἀχαμνός (χαυνός), λάμνω (ἐλχύνω) объясняется Дорическими αὐκάν, αὖσος вм. ἀλκάν, ἄλσος и т. п.: какъ Доряне плавную λ замѣняли υ, такъ Ново-Греки на-оборотъ вмѣсто υ произносятъ плавную μ. Даже переходъ υ въ губную (πάψε—παῦσον, θραψερός — θραυστερός и (т. д.) не безъ аналогіи въ древнемъ языкѣ: ἀμείβομαι—ἀμεύομαι. Кто узнаетъ въ κοιλαδέω древнее κελαδέω? но и для этого слова есть аналогія: Σεκυών, ἰςία по-Дорически вмѣсто Σικυών, ἑςία. Часто и по тому трудно бываетъ въ Ново-Греческомъ словѣ узнать древнее, что правописаніе Ново-Грековъ еще не уста-

новилось и полуграмотные писцы держатся слишкомъ близко произношенія. Отсюда ἀγκάρεια (ἀγγάρεια), σφεντόνη (σφενδόνη), σύγνεφος, ἔγνοια, τιραγνία и т. п. Особенно меня до прекрасной статьи г. Дестуниса затрудняла γ; но онъ разъяснилъ окончательно это дѣло. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить при этомъ, что уже въ Эолическомъ діалектѣ γ часто приставлялась къ началу словъ, начинающихся съ гласной.

. И почти всѣ особенности нынѣшняго языка встрѣчаются уже въ *извѣстныхъ* намъ древнихъ нарѣчіяхъ. Такъ Ново-Греки говорятъ: ἀχολογᾶ (ἠχώ) по-Дорически, ἀντημέβω (ἀνταμείβω) по-Іонически, ἀρχίσια (ὄρχεις), ἀρμάθα (ὅρμαθος) по-Дорически (слич. ἄπειρον, ἄναρ и (т. п.), ἄγυρος (ἄωρος) πουλῶ (πωλῶ) по-Іонически. Какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ приставляется къ началу часто α: древнія ἀβληχρός, ἄσταχυς. Какъ вмѣсто Аттическаго δέχομαι Іоняне говорили δέκομαι, такъ Ново-Греки σκίζα вм. σχίζα, и наоборотъ φιχάλα вмѣсто φεκάς. Φλόκος вмѣсто πλόκος, какъ по-Эолически на одной монетѣ Φίτταχος вм. Πίτταχος. Какъ въ древнемъ языкѣ часто дигамма пропадала безслѣдно, такъ и въ новомъ: ῥέμα — ῥεῦμα. Какъ вмѣсто ὄνομα было ὄνυμα, такъ и въ Ново-Греческомъ: ἀδρύς вм. ἁδρός и наоборотъ ὀγρός вм. ὑγρός. Сохранилась и особенность Лаконскаго и Беотійскаго нарѣчій — ου вм. υ: στουπκί — στυππεῖον, στουμπανίζω — τυμπανίζω, τουλούπα — τολύπη, φούσκα — φύσκη, κουλλός — κυλλός, σιουρίζω — συρίζω и т. п.

Этихъ примѣровъ, какъ и всѣхъ тѣхъ, которые ниже представлены будутъ, я не искалъ: они сами набрались. Читая Ново-Греческія пѣсни безъ задней мысли, безъ *задачи*, я отмѣчалъ все, что̀ бросалось въ глаза своей особенностію; а потомъ, когда сличилъ замѣтки мои съ превосходнымъ сочиненіемъ Аренса, то, къ великому изумленію моему, почти всему нашелъ аналогію въ древне-Греческихъ нарѣчіяхъ. Придетъ, можетъ быть, время, когда и всѣ особенности Ново-Греческихъ діалектовъ найдутъ себѣ объясненіе въ древнихъ. Но для этого нужно, чтобы туземные филологи усвоили себѣ Европейскую науку,

а иноземные съ такою-же тщательностію изучали нынѣшнюю Гелладу, съ какой изучаютъ древнюю... Тогда и древнюю-то поймемъ мы живѣе, нагляднѣе... Пора отречься отъ извѣстныхъ предразсудковъ. Больно мнѣ было, перечитывая недавно книгу Аренса, видѣть, какъ онъ для объясненія древнихъ Греческихъ нарѣчій сличаетъ часто Саксонское, Швабское и другія Нѣмецкія нарѣчія, а Ново-Греческій языкъ (выражаясь учено-Нѣмецкимъ словомъ) игнорируетъ (*). А еслибы не игнорировалъ его, меньше-бы пришлось ему сомнѣваться въ самыхъ несомнѣнныхъ формахъ: не сомнѣвался-бы въ возможности перехода дигаммы въ γ (p. 52), не заподозрилъ-бы Критской и Лаконской формы αὖς, αὐτός (ухо), по-Ново-Гречески αὐτίον (p. 247), Лаконской ἀντετῶς, τῶ αὐτῶ ἔτως (въ томъ-же году), и подобныхъ (p. 272), объяснимыхъ Ново-Греческимъ ἀντήμερα τῶ πάσχα, въ самый день Пасхи. И много можно привести подобныхъ примѣровъ изъ сочиненія Аренса.

Возвращаюсь къ статьѣ «О слѣдахъ Славянства въ языкѣ ново-Грековъ». Противъ перваго пункта—о фонетикѣ; многое намѣревался я сказать; но какъ г. Деступисъ упредилъ меня и сущность дѣла объяснилъ вполнѣ удовлетворительно, то я ограничусь немногимъ. Р въ древнемъ языкѣ никогда не имѣло двойственности, предполагаемой авторомъ статьи: Аренсъ (de dial. aeol. p. 29) даже и за Эолическимъ діалектомъ не оставляетъ ῤ; Греки знали только ῥ. Μιά произносится, и то не всегда, какъ обстоятельно доказываетъ г. Деступисъ, какъ *мя*, а не *мя*. Такъ, безъ-сомнѣнія, произносилъ и Гомеръ свое Αἰγυπτίας (Od. 4,229), и Гесіодъ Ἠλεκτρύωνος (щитъ Геракл. 3). Потому сказать, что такіе звуки «были совершенно чужды древнему языку», нельзя. Кому извѣстны хотя и давнишнія, но до-сихъ-поръ пользующіяся заслуженною славою книги Германа и Зейдлера (*G. Hermanni* — Elementa doctrinae metricae 1816 p. 53—56; *Seidleri* — De versibus dochmiacis, 1811,

(*) По-Русски можно выразить это Нѣмецкое учено-сухопарое словцо выраженіемъ: знать не знаетъ.



рапіи), тотъ этого не скажетъ. Укажу еще на Гётлингов̀ комментарій къ вышеприведенному стиху Гесіода и на Крюгерову грамматику (II, § 13, 4, 1; 6, 8). Въ той-же грамматикѣ Крюгера, да и во всякой порядочной грамматикѣ Греческаго языка, излагается исторія Греческаго алфавита. Двойныя буквы вошли въ общее употребленіе поздно; въ Аттикѣ оффиціально введены только въ 94,2 олимпіаду, въ 403 уже году до Р. Х.; долгое время не чувствовалось въ нихъ нужды. А потому нельзя сказать, что «правописаніе древнихъ Грековъ имѣло естественную, не историческую, основу»; тѣмъ менѣе могутъ быть вѣрны выводы изъ такого предположенія. Наконецъ авторъ статьи «О слѣдахъ Славянства въ языкѣ Ново-Грековъ» и соединеніе разнородныхъ буквъ χτ приписываетъ Славянскому вліянію, имѣя вѣроятно въ виду Русское произношеніе слова *кто*. Да развѣ во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ такъ произносятся эти буквы? А польское ktòry? а Хорутанское kdo? Притомъ въ одной изъ древнѣйшихъ Греческихъ надписей мы встрѣчаетъ еще болѣе разительное соединеніе разнородныхъ буквъ: ἄκατον (*Boeckhii* Corpus Inscriptionum № 1). Вотъ всѣ доводы автора статьи о вліяніи Славянъ на фонетику Ново-Грековъ, и это самая сильная сторона.

Затѣмъ исчисляются слова, заимствованныя Ново-Греками у Славянъ. Насчитывается 65 словъ, изъ коихъ нѣкоторыя не идутъ къ дѣлу, частію потому, что не Славянскаго (τζάκ, πακούτζιον, μάστορας), частію потому, что сомнительнаго происхожденія; частію-же и потому-что суть чисто-Греческія; τζίρος напримѣръ есть древнее τυρός, измѣненное произношеніемъ, подобно τζαγγός — ταγγός, τζίτερα — κιθάρα, τζίχλα — κίχλα и т. п. Впрочемъ, списокъ чисто-Славянскихъ словъ, перешедшихъ въ Ново-Греческій языкъ, можно-бы и гораздо еще увеличить. Но къ чему это поведетъ? Развѣ только къ опроверженію положенія какого-то чудака, «одного изъ самыхъ жаркихъ противниковъ Фальмерайера, какъ говоритъ авторъ разсматриваемой статьи (стр. 105), утверждавшаго, что въ

Ромейкѣ (Ново-Греческомъ языкѣ) *нѣтъ ни одного* слова Славянскаго происхожденія». Но такого положенія и опровергать не стоило. Развѣ въ Русскомъ языкѣ не насчитываются сотнями слова иностранныя? Но развѣ отъ того исказился духъ, характеръ Русскаго языка? Такъ и въ Ново-Греческій языкъ безспорно вошло много Славянскихъ словъ и даже оборотовъ, какъ вошло много словъ и Турецкихъ и Латинскихъ, и Италіянскихъ (въ одной пѣсни [Faur. II, 112] на одной страницѣ, въ *шестнадцати* стихахъ, находимъ *пять* словъ Латинскаго происхожденія); но это еще не доказываетъ чуждаго господства какого-бы то ни было изъ сихъ языковъ въ языкѣ Ново-Греческомъ. Тутъ нужно обращать вниманіе прежде всего на то, тѣ-же-ли силы дѣйствуютъ въ новомъ языкѣ, какія дѣйствовали въ древнемъ; сохранилась-ли жизненность древняго языка. Путь къ рѣшенію этого вопроса прямой — сличеніе новаго языка съ древнимъ. Что не подходитъ подъ мѣрило древняго языка, то само собою отдѣлится, и тогда легко уже объяснить, что̀ заимствовано изъ Славянскаго языка, что̀ изъ Латинскаго, что̀ изъ Турецкаго. Отсюда очевидно, что только при полномъ знаніи языковъ древняго и новаго Греческаго, Славянскихъ, Турецкаго, Латинскаго, Италіянскаго, а главное при полномъ отрѣшеніи отъ предразсудковъ, отъ заднихъ мыслей, отъ *задачъ*, возможно рѣшеніе вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи находится Ново-Греческій языкъ къ древнему. Потому-то вполнѣ соглашаюсь съ г. Дестунисомъ, что въ этомъ дѣлѣ торопиться выводами не слѣдуетъ, а надлежитъ собирать только *матеріалы* для рѣшенія сего сложнаго вопроса; изучая Ново-Греческій языкъ, стараться находить объясненіе ему въ древнемъ, — въ этомъ первая наша обязанность. Въ началѣ это весьма не легко, но не нужно отчаяваться; и тогда то, что̀ вчера еще было непонятнымъ, само собою объяснится.

Еще слабѣе конецъ статьи «О слѣдахъ Славянства въ языкѣ Ново-Грековъ». Подъ конецъ и выражается авторъ не такъ уже рѣшительно. Между-прочимъ онъ говоритъ (стр. 108),

что слѣдовъ двойственнаго числа не удалось ему найти въ Ново-Греческомъ языкѣ. И не удивительно: его нѣтъ и въ Новомъ Завѣтѣ; не было даже въ древнѣйшемъ нарѣчіи Эолическомъ; рѣдко употреблялось во второмъ по древности послѣ Эолическаго,—въ Дорическомъ. На той-же страницѣ авторъ говоритъ о формахъ ἐμένα, ἐσένα: «Очевидно, эти формы прямо указываютъ на Славянское мя и меня: ибо какъ иначе объяснить такое совершенно не нормальное приращеніе носоваго звука»? Εμένα посредствомъ *меня*, положимъ, и можно объяснить; но какъ объяснить ἐσένα? Та и другая форма совершенно нормальны и объясняются древними: Лаконскимъ и Тарентинскимъ ἐγώνη, Беотійскимъ ἰώνει вм. ἐγώ, Лаконскимъ τούνη вм. σύ, Тарентинскимъ ἐμίνη, τίνη, вм. ἐμοί, σοί. Начало образованія будущаго съ θέλω Корай находитъ основательно уже у Аристофана въ *Осахъ* (ст. 584): εἴπερ οὗτός σ᾽ ἐθέλει κρατῆσαι, si iste victor *erit*, какъ переведено въ Дидотовскомъ изданіи. Но всего болѣе изумило меня, что авторъ статьи (стр. 110 и 111) «въ древнемъ языкѣ не находитъ ничего подобнаго» видамъ Русскаго глагола, тогда-какъ аористъ и настоящее въ повелительномъ, сослагательномъ и желательномъ только и имѣли *видовое* значеніе; да и въ неопредѣленномъ и причастіи, и даже въ изъявительномъ, часто принимали его. Это давно всѣми грамматиками сознано и сказано. Соотвѣтствіе между Русскимъ и Греческимъ языками въ этомъ случаѣ таково, что вездѣ аористъ повелительнаго, напримѣръ, отвѣчаетъ Русскому совершенному виду. Какъ по-Русски не говорится *не сдѣлай*, такъ и древніе Греки не говорили μή ποίησον. Сравн. хотя Kühner Schulgramm. 1843. S. 308, Krüger S. 53, 6, 4.

Наконецъ авторъ статьи приводитъ семь выраженій Ново-Греческихъ, въ которыхъ находитъ Славянскій образъ мыслей. Я берусь представить ему болѣе семисотъ выраженій *древне-Греческихъ*, буквально переводимыхъ на Русскій языкъ, и притомъ часто *только* на Русскій языкъ. Какъ часто простой, буквальный Русскій переводъ объяснялъ мнѣ мѣста, надъ ко-

торыми понапрасну ломали голову ученѣйшіе западные комментаторы! Мы имѣемъ завидное для западныхъ Европейцевъ орудіе къ пониманію какъ древняго, такъ и новаго Греческаго языка, — нашъ живой, бойкій, свѣжій еще языкъ. Онъ уступаетъ только древне-Греческому и болѣе даже Латинскаго сходенъ съ нимъ по складу и оборотамъ. Вотъ чѣмъ объяснимо разительное сходство между выраженіями Русскими и Греческими, не только новыми, но и древними. Приведу нѣсколько примѣровъ тому, какъ помогаетъ Русскій языкъ пониманію Греческаго. Мѣсто у Діона Хрисостома (36) κομῶντες καὶ τὰ γένεια ἀφεικότες, не понятое славнымъ Казаубономъ, Русскій и безъ приводимаго Кораемъ Ново-Греческаго ἀφίνω τὰ γένεια пойметъ: *отпустивши бороду*. Ἴσως, *можетъ-быть*, отвѣчаетъ Русскому *неравно* (неравно онъ узнаетъ); по-Ново-Гречески еще ближе ἀνίσως. Ἀμέλει, отъ ἀμελέω, не забочусь, не безпокоюсь, есть совершенно наше *небось*: Аристоф. Собр. 13. ἢν δὲ μὴ κομίσωσι, τί; — Ἀμέλει, κομιοῦσιν. «А если не внесутъ, тогда что дѣлать»? *Небось принесутъ*». Лучшіе Нѣмецкіе комментаторы не поняли этого слова и считали его нарѣчіемъ, потому переставляли и удареніе (*Kühner* ad Xenoph. Comm. 1, 4, 7). — Ἐπίσταται есть наше — *онъ стоитъ на томъ*, то есть знаетъ это превосходно. Но довольно. Объ этомъ приличнѣе поговорить въ отдѣльной статьѣ.

Мы показали всю сущность статьи «О слѣдахъ Славянства въ языкѣ Ново-Грековъ» и можемъ, кажется, теперь сказать, что она ровно ничего не доказываетъ и годится развѣ только на опроверженіе «положенія одного изъ самыхъ жаркихъ противниковъ Фальмерайера, утверждавшаго, что въ Ромейкѣ нѣтъ ни одного слова Славянскаго происхожденія». Усилія г. Орбинскаго навязать языку Ново-Греческому Славянское вліяніе оказываются совершенно безъуспѣшными. Замѣтимъ при этомъ, что Корай, сокрушаясь часто о порчѣ Ново-Греческаго языка, говоритъ только о вліяніи Турецкомъ и Италіянскомъ и нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не говоритъ о Славянскомъ вліяніи. А

голосъ Корая въ этомъ дѣлѣ важенъ: онъ много сдѣлалъ для уясненія ново-Греческаго языка и притомъ, какъ мы видѣли, не увлекался ложнымъ патріотизмомъ.

Въ слѣдующей статьѣ сообщу результаты моихъ собственныхъ заключеній объ отношеніи Ново-Греческаго языка къ древне-Греческому.

Адъюнктъ Казанскаго университета

Л. ОРДИНСКІЙ.

ОЧЕРКЪ

СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ ПОЗНАНІЯ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ ФАУНЫ

ОКРЕСТНОСТЕЙ С. ПЕТЕРБУРГА.

(*Продолженіе*).

FAMILIA I. CICINDELAE.

CICINDELA. L. (Пѣвунъ) (*) *.

Hybrida L. 6. *Sylvatica L.* 5. Обѣ весьма обыкновенны, особенно первая, въ сухихъ, песчаныхъ мѣстахъ, вдоль дорогъ и т. п., первая весною, вторая позже, лѣтомъ. — *Campestris L.* 4. *** — **Baltica Motch.* (Maritima Gyll.) Motch. Catal.

FAMILIA II. CARABI.

ELAPHRUS. F. *

Riparius F. 6. — *Cupreu Duft.* 4. — *Uliginosus F.* 3. — Въ сырыхъ мѣстахъ, на берегу моря, рѣкъ и рѣчекъ.

BLETHISA. Bon. **

Multipunctata F. 2. Весною, въ сырыхъ мѣстахъ. Въ Парголовѣ, Коломягахъ, на берегу Черной рѣчки. *** — **Zetterstedtii Gyll.* Motch. Cat. Въ Царскосельскомъ паркѣ. (См. Etudes entomologiquos, 1852 p. 16.).

(*) Русское названіе пѣвунъ я нахожу въ Георги (Beschreibung von St. Petersburg, 1791). Не знаю, въ какихъ губерніяхъ оно употребляется.

NOTIOPHILUS. Dum. *

Aquaticus L. 4.—***Semipunctatus Sturm.*** 3. (Biguttatus у Hum.) Оба въ сырыхъ, особенно-же поросшихъ мхомъ мѣстахъ***. ***Palustris. Duft.*** Motch. Cat.

NEBRIA. Latr. *

Gyllenhallii. Schönh. 3.—***Livida. L.*** Во времена Гуммеля она попадалась въ самомъ городѣ, вдоль Лиговки. Нынѣ-же найдена въ Парголовѣ, въ Бобыльскѣ (близъ Петергофа, на морскомъ берегу). Обыкновенно раннею весною, на самомъ краю воды, подъ каменьями (г. Обертъ). *** ***Hyperborea Gyll.*** (?) Motch. Cat.

LEISTUS. Fröhl. *

Rufescens. F. 1. (Terminatus у Hum.) ***—***Ferrugineus L.*** (?). Сомнительно, это-ли насѣкомое подразумѣвалъ Гуммель подъ именемъ *rufescens*. У него два Leistus: *terminatus* (нашъ *rufescens*), въ Essais V, и *rufescens* (безъ имени автора), въ Essais VI. По Эриксону *rufescens St. ferrugineus L.* (Varietas).

PROCRUSTES. Bonelli. **

Coriaceus. Lin. 1. Во времена Гуммеля найденъ близъ Шлиссельбурга. (См. его рукописный каталогъ). Въ 1827 или 1828 г. найденъ докторомъ Гутомъ недалеко отъ Дранишникова (по свидѣтельству г. Оберта, видѣвшаго экземпляръ). Наконецъ въ новѣйшее время удалось кандидату здѣшняго университета Кеппену найти одни лишь надкрылія этого насѣкомаго, въ Токсовѣ. Чрезвычайная рѣдкость *Pr. coriaceus* доказываетъ, вѣроятно, что около Петербурга онъ достигаетъ самаго сѣвернаго предѣла своего распространенія. Въ средней Европѣ онъ весьма обыкновененъ, но (по Гилленгалю), не идетъ далѣе южной Швеціи. Въ Финляндіи онъ, кажется, совсѣмъ не встрѣчается.

CYCHRUS. F. *

Rostratus. L. 1. Также рѣдкость. Любитъ сырой мохъ. Одинъ изъ первыхъ экземпляровъ найденъ былъ г. Коленати

(въ 1846 г.) недалеко отъ заведенія минеральныхъ водъ въ Полюстровѣ. Съ-тѣхъ-поръ, этотъ жукъ найденъ тамъ-же, въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, гг. Обертомъ и Дрюмпельманомъ, а г. Кушакевичемъ у Дудергофа.

CARABUS. L. (Жужелица) *.

Nitens. L. 4.—*Clathratus. L.* 2. Около Коломягъ, Осиновой рощи, Овцына (насупротивъ Усть-Ижоры), дачъ за Московскою заставою, Волкова поля и проч. — *Cancellatus. Illig.* 3. Попадается одна лишь разновидность *tuberculatus Meg.*, у которой верхняя часть бедра красная. (Въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Германіи, Сибири, и пр. попадаются вмѣстѣ обѣ разновидности. Иногда-же естественная граница, напр. рѣка, рѣзко отдѣляетъ округъ распространенія этихъ разновидностей. Занимательно и важно было-бы изслѣдовать условія, благопріятствующія распространенію той или другой изъ нихъ).—*Menetriesii. Fald.* 2. Открытъ Фальдерманномъ въ 1826 г. между Коломягами и Каменкою (гдѣ до-сихъ-поръ попадается нерѣдко), и названъ имъ въ честь г. Менетріе, хранителя музеума Императорской Академіи наукъ. Съ-тѣхъ-поръ, Европейскіе энтомологи снабжаются экземплярами этого *Carabus* изъ С. Петербурга. Кромѣ вышеозначеннаго мѣста, т. е. на пескахъ и въ лѣсу, не доходя верхней Каменки, онъ найденъ близъ Парголова и Овцына. (Въ окрестностяхъ этой дервни, г. Обертъ, въ-теченіе лѣта, нашелъ 5 или 6 *C. Menétriesii*, не видавъ ни одного *C. granulatus*). Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ попадался въ большомъ числѣ въ окрестностяхъ Волкова поля. Замѣчательно наблюденіе, что *C. Menetriesii* появляется въ мѣстностяхъ, гдѣ изобилуетъ *C. Clathratus.* Кромѣ С. Петербурга, насѣкомое это найдено близъ Дерпта и на Валдаѣ. Оно, вѣроятно, имѣетъ еще большее распространенія, но, по сходству своему съ *C. granulatus*, часто смѣшивается съ нимъ. — *Granulatus. L.* 5. Повсемѣстно. — *Arvensis. L.* 3. У Поклонной горы, въ окрестностяхъ Полюстрова, у Камен-

ки (на пескахъ). — *Hortensis. L.* 3. Въ саду графа Кушелева-Безбородки (близъ Охты), въ Токсовѣ, въ Осиновой рощѣ, Павловскѣ, Колтышахъ, въ Беклешовскомъ саду (у Спасской мызы), гдѣ въ прежнія времена находили его часто. — *Nemoralis. Jllig.* 4. Въ Павловскѣ нерѣдокъ; встрѣчается, хотя рѣже, и по сѣверную сторону Невы; напр. 25 сентября 1855 найдено нѣсколько экземпляровъ въ саду графа Кушелева. — *Glabratus. F.* 3. Въ Павловскѣ, кажется, не рѣдокъ. На сѣверной сторонѣ рѣже; напр. у Поклонной горы и Каменки. — *Violaceus. L.* (var. exasperatus Dej) 1. По свидѣтельству Гуммеля, найденъ въ 1824 г. Іегеромъ (Jäger), въ Петергофѣ. Въ послѣдніе годы попадался около Тайцъ г-ну Гультшу (Hultsch.) (*).

ODACANTHA. F. ****

**Melanura. L.* 1. Любитъ мѣста, заростшія камышемъ. По свидѣтельству г. И. Оберта, найдена на Гутуевскихъ островахъ аптекаремъ Лёшемъ (Lösch).

CYMINDIS. Latr. *

Angularis. Gyll. 1. Найдена мною одинъ только разъ, на 12 верстѣ Петергофской дороги. Близъ Полюстрова (г. Обертъ). — **Vaporariorum. L.* 2 (punctata Bonelli). 3. Въ Полюстровѣ (г. Обертъ). — *Macularis. Mnh.* 3 Hum. Ess. V. Близъ Палюстрова. — (Г. Обертъ). у Каменки, мною.

DROMIUS. Bonelli. *

Sigma. Rossi. 2. Осиновая роща, Гражданка. — **Marginellus. F.* 3. Въ сосновыхъ лѣсахъ, напр. на Поклонной горѣ; подъ корою сухихъ пней и сучьевъ; также во мху. — *Fenestratus. F.* 4. На Крестовскомъ острову, раннею весною, подъ корою хвойныхъ деревъ, нерѣдкій. — **Foveola Gyll.* (punctatellus. Duft).

(*) Я видѣлъ экземпляръ *Colosoma* (не помню, къ какому виду онъ принадлежалъ), привезенный въ городъ съ сѣномъ. *C. inquisitor* встрѣчается въ Финляндіи и большей части Швеціи. *C. investigator* въ Лифляндіи.

Онъ, кажется, гораздо рѣже слѣдующаго. Motch. Cat. также упоминаетъ о немъ.—**Truncatellus*. *L*. 4. Подъ дерномъ, раннею весною, напр. на Смоленскомъ кладбищѣ.—*Agilis*. *F*. 3. Вмѣстѣ съ *Dr*. *fenestratus*, что и заставляетъ многихъ думать, что это не отдѣльный видъ, а только разновидность. ** — **Linearis*. *Oliv*. Экземпляръ съ отмѣткою *Petropolis* находится въ коллекціи Императорскаго музеума Академіи наукъ. ***— *Glabratus*. *Duft*. Humel. Ess. VII (не разумѣлъ-ли Гуммель подъ этимъ именемъ нашего *Dr*. *truncatellus*, о которомъ совсѣмъ не упоминаетъ?). ****— **Quadrimaculatus*. *L*. Помѣщаю это насѣкомое въ 4-й отдѣлъ по слѣдующей причинѣ. Въ 1849 г. въ іюнѣ, мнѣ попался экземпляръ, бѣгавшій по стволу сосны, въ саду минеральныхъ водъ, въ Новой деревнѣ; онъ скрылся въ трещинѣ коры, прежде нежели я успѣлъ схватить его. — **Longiceps* *Dej*. 1. Найденъ г. Обертомъ близъ Палюстрова.

LEBIA. Latr. *

Chlorocephala. Ent. Heft. 4. Повсюду, на поляхъ, подъ небольшими глыбами земли.—*Crux minor*. *L*. 3. Какъ предыдущая; попадается иногда на цвѣтахъ (г. Обертъ). ***— *Cyanocephala*. *L*. Hum. Ess. IV. Motch. Catal. —

CLIVINA. Latr. *

Fossor. *L*. 5. Повсемѣстно, подъ каменьями; попадаются всѣ оттѣнки, отъ желтобураго до темнобураго.

DYSCHIRIUS. Bonelli. *

Nitidus. *Dej*.— *Politus*. *Dej*.— **Aeneus*. *Dej*.— *Gibbus*. *F*.— Всѣ въ сырыхъ мѣстахъ. *Cylindricus*. *Dej*. Hummel.—*Thoracicus* Gyll. id.

PANAGAEUS. Latr. **

**Crux major*. 1. Найденъ близъ Краснаго села Я. А. Кушакевичемъ.

LORICERA. Latr. *

Pilicornis. F. 4. Около Черной рѣчки, въ Александровскомъ паркѣ, и проч. Вообще любитъ сырыя мѣста.

CHLAENIUS. Bon. *

Nigricornis. F. 4. (Varietas melanocornis Dej. т. е. съ рыжими ногами, попадается здѣсь исключительно). Нѣсколько разъ, близъ Новой деревни, около Коломягъ и проч. — **Holosericeus*. *F.* 1. Найденъ Я. А. Кушакевичемъ. — **Caelatus. Weber.* 1. Найденъ въ Парголовѣ, г. Кеппеномъ. ** — **Quadrisulcatus. Ill.* Нѣсколько экземпляровъ этого рѣдкаго насѣкомаго находятся въ академической коллекціи съ отмѣткою *Petropolis.* *** — *Schrankii Dufl.* Hum. Ess. VI («pris à Cronstadt, selon l'affirmation du C-te Mannerheim»).

OODES. Bon. *

Helopioides. F. 3. Въ Коломягахъ, на Елагиномъ о-ву, на Смоленскомъ полѣ.

BADISTER. Clairv. *

Bipustulatus. F. 3. Гуммель нашелъ его въ Павловскѣ. *** — **Pellatus. Illig.* Motch. Catal. Ap. Al. Кушакевичемъ у Скворицъ.

PATROBUS. Dej. *

Excavatus. Payk. (rufipes. F. у Гуммеля). 4, мѣстами 5. *** — *Picicornis Zett.* (septentrionis Schönh.) Hum. Ess. VII. (Въ Муринѣ, г. Прескоттомъ, въ 1827 г.) Motch. Catal. — **Assimilis. Chaud.* Motch. Catal.

SPHODRUS. Bonelli. *

Leucophthalmus. L. Въ первой разъ въ Петербургѣ въ 1840 г., въ подвалахъ зданія 1-го кадетскаго корпуса, Я. А. и А. А. Кушакевичами. Въ 1850 г. ими-же, въ большомъ числѣ въ пекарняхъ казармъ л.-гвардіи Финляндскаго полка, вмѣстѣ съ *Blaps mortisaga.* Тутъ-же найдены личинки того и другаго насѣкомаго.

PRISTONYCHUS. Dej. *

Subcyaneus. Illig. Г. Кеппеномъ, въ подвалахъ дома Академіи наукъ, въ 7-ой линіи, во множествѣ (въ 1854 г.).

CALATHUS. Bon. *

Melanocephalus L. 3.—*Micropterus. Duft.* (microcephalus Dej., glabripennis St. у Гуммеля, Ess. VI, самецъ этой породы). Лѣсной корпусъ, Каменка, садъ 1 кадетскаго корпуса.— *Fulvipes. Gyll.* 4. Повсюду.— *Fuscus. F.*— *Cisteloïdes. Illig.* 2. У Лѣснаго корпуса, мною. ***— **Limbatus. Dej.* Motch. Catal.

TAPHRIA. Bon. *

Vivalis. Illig. 2. Тайцы, Горожанка, Парголово.

ANCHOMENUS. Bon. *

Angusticollis. F. 4. Повсемѣстно. Въ большомъ числѣ попадался онъ мнѣ весною въ лѣсу, у Осиновой рощи. Осенью скрывается подъ корою деревъ. — *Albipes. Illig.* Въ Павловскѣ, Палюстровѣ.— *Oblongus. F.* 2. Осенью, подъ корою полусгнившаго дерева, въ Осиновой рощѣ, мною.—*Prasinus. F.* По свидѣтельству Гуммеля, найденъ Фальдерманомъ, въ Павловскѣ. Я. А. Кушакевичъ нашелъ его въ саду 1 кадетскаго корпуса.— *Marginatus. L.* 2. Докторъ Тамсъ въ 1823 г. (Гуммель). Въ 1854 г. Я. А. Кушакевичемъ на Лисьемъ носу, нѣсколько экземпляровъ. — *Sexpunctatus. L.* 5. Повсюду. (Въ дождливые годы попадаются экземпляры блѣдно-зеленоватаго цвѣта). — *Ericeti. Pz.* Экземпляръ Петербургской коллекціи изъ сохранившихся отъ Гуммеля. Не знаю, попадалось-ли это насѣкомое кому-либо другому, и не берусь рѣшать, имѣетъ-ли оно право на видовую самостоятельность, или должно быть присоединено къ предыдущему. — *Parumpunctatus. F.* 6. Повсюду. — *Versutus Gyll.* (laeve Gyll.) 2. — *Viduus. Pz.* 4. Въ большомъ числѣ весною, близъ Новой деревни (около образовавшейся отъ таянія снѣга лужи); въ Коломягахъ, и проч. — *Gracilis. St.* 2. Найденъ мною на дорогѣ между Спасскою мызою и Поклон-

ною горою. — *Piceus L.* (picipes F.) 2. Мною, на Елагиномъ о-ву. — **Pelidnus. Pk.* (verus). 2. Определенъ по типическому экземпляру, присланному адъюнктомъ Меклиномъ изъ Гельсингфорса. — **Fuliginosus. Pz.* Мною найденъ одинъ экземпляръ; места находки не помню. — *Quadripunctatus. Deg.* 4. *** *livens. Gyll.* (memnonius Knoch.) Гуммель, Ess. III et IV, p. 2. Motch. Catal.—*Impressus. Pz.* Hum. Ess. V. Въ рукописномъ каталогѣ Гуммеля (№ 3338) поставленъ вопросительный знакъ, означающій, вѣроятно, сомнѣніе въ точности опредѣленія.—*Dolens Sahlb.* (tristis Dej.). Hum. Ess. VI. — *Consimilis. Gyll.* Hum. Ess. VI.—*Bogemannii. Gyll.* Hum. Ess. VI. («très rare») Motch. Catal. — **Longiventris. Esch.* Motch. Catal. — (?) *Austriacus. F.* Hum. Ess. V. Безъ имени автора. — (?) *Inauratus. Esch.* Hum. Ess. IV. — **Micans. Nicol.* Motch. Catal. Г. Мочульскій присоединяетъ къ этому виду предыдущій, какъ синонимъ, но съ вопросительнымъ знакомъ. — **Canellipes. Esch.* Motch. Catal.

OLISTHOPUS. Dej. ***

**Rotundatus. Pk.* Motch. Catal. p. 67.

POECILUS. Bon. *

Lepidus F. 4. Повсемѣстно; встрѣчается нѣсколько разновидностей, съ болѣе или менѣе черноватымъ оттѣнкомъ, или съ прекраснымъ синимъ отливомъ. Послѣдняя разновидность весьма рѣдка, и названа Фальдерманомъ *Poecilus Mathesii.* Замѣчательно, что разновидности эти иногда отличаются не только цвѣтомъ, но и формою. Онѣ короче, съуженнѣе, нѣсколько выпуклѣе, нагрудникъ болѣе съуженъ сзади, и проч. При внимательнѣйшемъ изученіи, придется, можетъ быть, составить изъ нихъ отдѣльный видъ. — *Cupreus L.* 6. Изъ всѣхъ здѣшнихъ насѣкомыхъ, это одно изъ самыхъ обыкновенныхъ. Разновидности его многочисленны; попадаются экземпляры зеленые съ яркимъ металлическимъ блескомъ, мѣднокрасные, съ отливами зеленоватымъ, синеватымъ, темноватымъ; черные, съ легкимъ зеленоватымъ металлическимъ отливомъ, или безъ

всякаго отлива. Встрѣчаются и измѣненія формы; одно изъ нихъ такъ удаляется отъ первоначальнаго типа, что имѣетъ, по моему мнѣнію, право на видовую самостоятельность. Такіе экземпляры (♂ и ♀) гораздо ширѣ прочихъ; у нихъ голова не гладка, какъ у другихъ, а покрыта явственными точками. Они не слишкомъ рѣдки.

PTEROSTICHUS Er.

(Argutor Meg.) *

Vernalis F. 5.—**Strenuus Pz.* (pullus Gyll.) 5.***—*Ovoideus St.* (eruditus Dej.) Hum. Ess, V; Motch. Catal. — *Pygmaeus St.* (Strenuus Gyll.) Hum. Ess. V. — (?) *Amaroïdes Dej.* Hum. Ess. V. (Сомнительно; самъ Гуммель выставилъ вопросительный знакъ).

(Omaseus Ziegl.) *

**Vulgaris L.* (melanarius Ilig.) 6. — *Nigrita F.* 6. — *Minor Gyll.* Hum. Ess. II (подъ именемъ anthracinus Gyll.) ** — *Anterrimus F.* 1. Hum. Ess. VII. (Найденъ Фальдерманномъ). Недавно г. Моравицъ нашелъ второй экземпляръ этого рѣдкаго насѣкомаго (*).

(Steropus Meg.) *

Aethiops Illig. 1. (Steropus obtusus, описанный Маннергеймомъ у Гуммеля (Ess. VII), какъ новый видъ, вѣроятно относится сюда). Дудергофъ.

(Platysma Bon.) *

Oblongopunctata F. 4. Въ большомъ числѣ весною на Смоленскомъ кладбищѣ. ***— **Borealis Zett.*— **Maura Duft.* Moth. Catal.

(Pterostichus Bon.) *

Niger Fab. 5. *

(*) *Omaseus Clanocularius. Esch.* упомянутый у Гуммеля (Ess. V.), судя по экземпляру, хранящемуся въ академической коллекціи, есть просто *Argutor vernalis*.

(Molops Bon.) ***

Tericola F. Motch. Cat.

LISCHITON. Curtis. *

Arcticum Payk. 2. Насѣкомое Лапладнской фауны. Нѣсколько лѣтъ назадъ, студентъ Имп. медико-хирургической Академіи Дрюмпельманъ находилъ это рѣдкое насѣкомое ежегодно весною, и постоянно на одномъ мѣстѣ: недалеко отъ заведенія минеральныхъ водъ въ Палюстровѣ, на открытомъ, отчасти поросшемъ верескомъ пространствѣ, посреди мелкаго сосноваго лѣса. Насѣкомое находилось на землѣ, скрываясь обыкновенно подъ небольшими щепками. Съ-тѣхъ-поръ это мѣсто до того заросло верескомъ, что поиски сдѣлались затруднительными. Въ Парголовѣ былъ найденъ еще одинъ экземпляръ *L. arcticum;* другой на пескахъ, близъ Каменки, третій на Поклонной горѣ. — (*L arcticum* открыто въ значительномъ числѣ въ 1852 г. близъ Штеттина, подъ короткимъ мхомъ, во время зимняго оцѣпенѣнія. Попадается и на высотахъ Тирольскихъ Альпъ. См. Zebe, Synopsis der Coleopt. Deutchl.).

BROSCUS. Pz. *

Cephalotes L. На землѣ подъ валяющимися рогожами, досками и т. п. Мнѣ случалось добыть его слѣдующимъ образомъ: недоходя верхней Каменки есть песчаное мѣсто, извѣстное всѣмъ здѣшнимъ энтомологамъ; на этомъ мѣстѣ обыкновенно бываютъ довольно глубокія ямы, происходящія отъ вывозимаго оттуда крестьянами песку. Въ довольно отвѣсныхъ стѣнкахъ одной изъ ямъ, аршина въ два глубиною, у самаго дна, я замѣтилъ небольшія, совершенно неправильныя углубленія, которыхъ происхожденіе я не могъ себѣ объяснить. Раскопавъ одно изъ нихъ почти на вершокъ, я замѣтилъ на днѣ движеніе; продолжая копать, я высвободилъ изъ песку *B. cephalotes.* Совершенно такъ-же поступилъ я и съ другими углубленіями, и добылъ до 8 экземпляровъ этого жука. Г. Обертъ находилъ его въ прежніе годы въ значительномъ числѣ въ Беклешов-

скомъ саду (у Спасской мызы), разрывая слегка находящійся тамъ песчаный холмикъ.

AMARA. Bon.

(Celia Zimerm.) *

Ingenua Duft. 4. Повсюду. — *Livida. F.* (bifrons Gyll.) 2. — **Infima Duft.* 2. — *Interstitialis Esch.* (опредѣленъ по экземпляру Зальберга въ коллекціи г. Шаума въ Берлинѣ). Видъ Лапландской фауны. *** — *Quenselii Heer.* Hum. Ess. II (съ вопросительнымъ знакомъ) Motch. Cat. — **Lapponica Sahlb.* Motch. Catal. — *Rufocincta Mnh.* Hum. Ess. V. Motch. Catal.

(Amara Zim.) *

Plebeja Gyll. 5. Взлѣзаетъ охотно на метелки нѣкоторыхъ травъ, какъ-то Agrostis vulgaris, Aira, Poa и проч. На лугахъ вдоль Черной рѣчки, въ іюнѣ, мнѣ случалось цѣлыя сотни заставать въ такомъ положеніи. — *Similata Gyll.* 4. — **Obsoleta Dej.* 4. — *Acuminata Payk.* 3. (Настоящая vulgaris Fabr. по Штетинскому каталогу Европейскихъ насѣкомыхъ, изданіе 1852 года). — *Trivialis Gyll.* 5. — *Spreta Dej.* (vulgaris у Гуммеля). — *Communis Gyll.* 6. — **Nitida St.* 3. — *Familiaris Dufs.* Попадалась мнѣ не часто. Гуммель называетъ ее обыкновенною. (Его Am. Cursor St. въ Ess. V, относится сюда-же). — *Tibialis Payk.* На Поклонной горѣ, въ песчаныхъ ямахъ, нерѣдко. Замѣчено, что она любитъ водиться около корней сосны и въ сосѣдствѣ *Formica fuliginasa.* (См. Letzner, Laufkäfer Schlesiens etc.) *** — **Perplexa Dej.* Motch. Catal. — **Borealis Motch.* Motch. Catal. pag. 59 съ цитатомъ M. d. St. P. p. 183.

(Bradytus Steph.) *

Consularis Duft. (Am. lata Gyll. у Гуммеля). — *Apricarius L.* 4. — *Fulvus Deg.* 4. *** — *Petri Hum.* Essais IV. Не берусь рѣшить, основательно-ли поступилъ Гуммель, отдѣливъ этотъ новый видъ отъ *Ar. fulvus Deg.*

(Leirus Zim.) *

Piceus L. (aulicus Ill.) 3.

(Acrodon Zim.) *

Brunneum. Gyll. 2. (Я не упомянулъ о новыхъ видахъ, *Am. affinis Mnh.* (Hum. Ess. V.) и *bipartita Motch.* (Catalogue, p. 60), потому-что, кажется, они нигдѣ нѐ описаны.

ANISODACTYLUS. Dej. *

Binotatus F. 5. Весною, во множествѣ повсюду; летаютъ въ ясныя и теплыя утра; разновидность съ рыжими ногами, *A. spurcaticornis Dej.* нѣсколько рѣже.—*Nemorivagus Duft.* 1. Его, вѣроятно, часто смѣшиваютъ съ предыдущимъ.

HARPALUS. Latr.

(Ophonus Ziegl.) *

Puncticollis Payk. — **Punctulatus Duft.* (laticollis Mnh.) Въ Гатчинѣ (г. Гернетъ). *** — *Azureus F.* (chlorophanus Pz.) Hum. Ess. VIII (на Дудергофской горѣ). (*Ophonus* любятъ суглинистую или мергелевую почву, и потому попадаются напр. около Гатчины).

(Harpalus in spec.) *

Ruficornis Fabr. 5. — *Tardus Pz.* 4.— *Fulvipes F.* (limbatus Gyll.) Сюда-же относится *subsinuatus St.*, упомянутый у Гуммеля (Ess. V). Экземпляръ его сохраненъ въ академич. колл.— *Aeneus F.* 6. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ насѣкомыхъ. Разность *confusus Dej.* съ ногами темнаго цвѣта также не рѣдка. — **Luteicornis Duft.* 3. — *Anxius Duft.* 2. У Гуммеля подъ названіемъ *nigripes St.* (Ess. VII). — *Calceatus Creutz.* 2. Найденъ Фальдерманомъ въ 1826 г. Мною пойманъ экземпляръ въ комнатѣ, въ Новой деревнѣ. Въ южной Россіи жукъ этотъ весьма обыкновененъ и водится на самыхъ сухихъ почвахъ. На мѣловой горѣ, въ Екатеринославской губерніи, подъ каждымъ камнемъ я находилъ по нѣскольку. ** — *Distinguendus*

Duft. 2. Г. Моравицъ. — **Hirtipes Illig.* Найденъ г. Моравицемъ у Каскова.***—*Discoïdeus F.* (Duftschmidii St. у Гуммеля) Essais V. — *Serripes Schönh.* Hum. Essais VII («une seule fois en 1827»).— *Rubripes Duf.* (glabrellus St. или Ziegl. у Гуммеля Essais IV).—*Servus Duft.* (?) Hum. Essais V («rare»). Онъ опредѣлялъ по Sturm, IV, 73, 42, но по Эрихсону, сомнительно, настоящій-ли servus описанъ Штурмомъ. (Не знаю, куда отнести Harp. gilvipes Ziegl. Hum. Essais VI?)

STENOLOPHUS. Dej. *

Dorsalis F.* 4. — **Cognatus Gyll.* * — *Vespertinus Illig.* Hum. Essais III. — *Meridianus L.* Hum. IV. («rare»). — **Suturalis Ziegl.* Motch. Catal. man.

BRADYCELLUS. Er. *

Similis Dej.* (опредѣленъ г. Шаумомъ въ Берлинѣ) ** — *Collaris Pk.* 3. Во многихъ коллекціяхъ. * — *Placidus Gyll.* Hum. Essais V. подъ названіемъ affinis Dej. Motch. Catal.

TRECHUS. Clairv. *

Paludosus Gyll. (rubens F.) 4. — *Discus F.* (Mariae Hum.) Essais III. Въ первый разъ въ 1822 году г. Фокомъ. Недавно г. Кеппеномъ въ Павловскѣ.—*Secalis Pk.* 4. Въ окрестностяхъ Черной рѣчки.***—*Micros Herbst.* Hum. Essais II. Это, кажется, настоящій quadricollis Putz, а не micros. См. Trechorum Europaeorum Conspectus, auctore Putzeys (Stett. Ent. Z. 1847, p. 303). — *Minutus F.* (rubens Dej. у Гуммеля Essais II).

BEMBIDIUM. Latr.

(Tachypus Megerl.) *

Flavipes Lin. 4. У Черной рѣчки. — *Pallipes Duft.* 3. Тамъ-же.

(Bembidium in spec.) *

Paludosum Pz. 4. Въ Павловскомъ паркѣ, у воды, во множествѣ.— *Bipunctatum F.* 4. Въ различныхъ мѣстахъ, но боль-

шею частію по-одиночкѣ.***—*Argenteolum*. *Ahrens*. Hum. Essais VII. — *Impressum*. *Fab*. Hum. Essais VII («à Pavlovski»). — *Aerosum Er*. (Striatum Duft.) Hum. Ess. VI; подъ симъ послѣднимъ названіемъ.

(Leja Meg.) *

Doris Pz. Въ лѣсахъ около Лѣснаго института, въ самыхъ сырыхъ мѣстахъ; у озера на Поклонной горѣ, у самаго края воды. — *Mannerheimii Dej*. 4. (Var *b*. pedibus rufis). — *Articulata Pz*. 3. (у Гуммеля подъ названіемъ poecila Dej.). — *Celeris Fab*. 6. Повсюду. — '*Nigricornis Gyll*. 2. — '*Velox Er*. *** — *Gilvipes St*. (Mannerheimii Sahlb.) Hum. Ess. V подъ именемъ Leja pusilla Mnh. (Объ этой синонимін см. Sahlberg, Insecta fennica).

(Lopha Meg.) *

Quadrimaculata. *Lin*. 4. *** — *Quadriguttata*. *F*. Hum. Ess. VI.— *Formosa Sahlb*. (quadrinotata Mnh. in litteris, и въ Hum. Ess. VI).

(Ocys Steph.) ***

Pumilio Duft. (quinquestriatum Gyll.). Hum. Ess. III.

(Peryphus Meg.) *

Rupestris F. (Andreae Er.) 5. — *Femoratus Dej*. 6. *** — '*Sahlbergii Dej*. Motch. Catal. и его Etudes Entomologiques 1853. (Найденъ г. Кушакевичемъ въ саду 1 кадетскаго корпуса). — *Saxatilis*. *Gyll*. Hum. Ess. II. Motch. Cat.

(Notaphus Meg.) *

Obliquus St. 5. Повсюду. — *Ustulatus Fab*. 4. Въ Павловскѣ. ** — '*Undulatus St*. У г. Моравица. *** — *Assimilis Gyll*. Hum. Ess. III.

(Philochtus Steph.) *

Guttula F. Весною, на берегу рѣчки, текущей возлѣ Смолен-

скаго иновѣрческаго кладбища, въ большомъ числѣ.***—*Biguttatus F.* Hum. Ess. II («assez rare»).

(Tachys Meg.) *

Nana Gyll. Въ Павловскѣ, въ значительномъ числѣ, въ перегнившихъ бревнахъ деревяннаго забора. *** — *Bisulcata Nicol.* (Fockii Hum.) Hum. Ess. II; найденъ Гуммелемъ на Аптекарскомъ острову, въ саду г. Фока.

(Кромѣ вышеприведенныхъ видовъ, г. Мочульскимъ найдены слѣдующіе новые: *Metallina* (Leja) *lithuanica.* — *Philochthus Grandicollis.* Къ-сожалѣнію, въ каталогѣ его (стр. 13 и 14) описанія ихъ весьма коротки).

FAMILIA III. DYTISCI.

(Водяные тараканы).

DYTISCUS L.

Latissimus L. 2. Г. Гагеръ, у дачъ за Московскою заставою.— *Marginalis L.* 5. Повсюду (conformis Kunze, у Гуммеля, относится сюда). — *Circumcinctus Ahrens* (flavocinctus Esch. у Гуммеля). ** — *Lapponicus Gyll.* 3. Во многихъ коллекціяхъ. («Pas rare» у Гуммеля). Попадался напр. въ Таврическомъ саду. *** — *Circumflexus F.* Hum. Ess. VI.— *Dimidiatus Bergstr.* ibid. (Найденъ въ южныхъ частяхъ губерніи).

AGILIUS Leach. *

Sulcatus F. 4. — *Canaliculatus Nicol.* 6. (Sulcato-affinis у Гуммеля).

HYDATICUS Leach. ***

Transversalis F. Hum. Ess. III.— *Zonatus Illig.* ibid. II (verrucifer Sahlb. ♀). — *Cinereus L.* ibid.

COLYMBETES. Clairv. *

Striatus L. (Bogemanni Gyll.) — *Paykulli Er.* (striatus Payk.) — *Pulverosus Sturm.* (conspersus Gyll.) — *Notatus F.* — *Bistriatus Bergstr.* (agilis Gyll.) — *Collaris Payk.* — *Grapii Gyll.*

*** — *Adspersus F.* Hum. Ess. III (со знакомъ ?). — *Fuscus L.* Hum. Ess. VII.

ILYBIUS. Er. *

Ater. De Geer. — *Subaeneus Er.* (fenestratus Gyll.) — **Fenestratus F.* — *Guttiger Gyll.* *** — *Angustior Gyll.* Hum. Ess. II. — *Prescotti Aubé.* ibid. VII. — *Uliginosus L.* (fuliginosus F.) ibid. VI.

AGABUS. Leach. *

Nigroaeneus Er.* — *Uliginosus F.* — *Sturmii Gyll.* — *Maculatus L.* 4. Поклонная гора, въ озерѣ. — **Didymus Ol.* Г. Кеппенъ. — *Bipustulatus L.* * — *Arcticus Payk.* Hum. Ess. VII.— *Congener Payk.* ibid. Motch. Cat. — *Chalconotus Pz.* ibid. VI. — **Neglectus Er.* Motch. Cat. — *Guttatus Payk.* Hum. Ess. VII. Motch. Cat. — **Opacus Mnh.* Motch. Cat. — **Melanarius Aubé.* ibid. — **Nitidus Fald.* Motch. Cat. — *Femoralis Payk.*— *Affinis Payk.* Hum. Ess. VI.

NOTERUS. Latr. ***

Crassicornis F. Hum. Ess. VI.

LACCOPHILUS Leach. ***

Minutus F. Hum. Ess. III.

HYDROPORUS. Clairv. **

Inaequalis F. — **Reticulatus F.* — **Dorsalis F.* — *Erythrocephalus L.* — *Umbrosus Gyll.* — **Pictus F.* *** — *Lineatus Ol.* Hum. Ess. VII.— *Granularis L.* ibid.— *Depressus F.* ibid. IV.— *Nigrita Gyll.* ibid. III. — *Lapponum. Gyll.* ibid. («une seul fois»). Motch Cat.—*Palustris L.* (6 pustulatus Gyll.) ibid. Motch. Cat.— *Picipes F.* ibid. — *Planus F.* ibid. Motch. Cat. — **Memnonius Nees.* — *Melanocephalus Marth.* — **Vittula Fr.* — **Notatus St.* Послѣд. 4 Motch. Catal.

HALIPLUS. Latr. *

Lineolatus Mnh. — *Ruficollis Degeer* (impressus Gyll. у Гуммеля).***—**Mucronatus Steph.*—**Fluviatilis Aubé.* Оба Motch. Cat.

HYPHYDRUS Illig. ***

Ovatus L. Hum. Ess.

FAMILIA IV. GYRINI.

GYRINUS. Geoffr. *

Mergus Ahrens. (natator у Гуммеля). — **Minutus F.* *** — *Marinus Gyll.* Hum. Ess. II.—*Bicolor Payk.* ibid. VIII («Oranienbaum») **Borealis Knoch.* — **Cercurus Shiödte.* — **Urinator Illig.* Motch. Cat.

ORECTOCHEILUS. Esch. ***

**Villosus F.* Motch. Cat.

FAMILIA V. HYDROPHILI.

HELOPHORUS. F. *

Aguaticus L. 6. — **Grandis Illig.* 5. — *Granularis L.* 6. ** — **Tuberculatus Gyll.* 2. Въ коллекціи г. Моравица, и Motch. Catal. Встрѣчается близъ г. Кёнигсберга въ пескѣ морскаго берега *** — *Nubilus F.* Hum. Ess. III. Motch. Cat. Г. Моравицъ нашелъ его въ Лопухинкѣ. *Griseus. Herbst.* Hum. III. — **Pumilio Er.* Motch. Cat.

OCHTHEBIUS. Leach. *

**Pygmaeus F.* 4. у Черной рѣчки.

HYDROCHUS. Germ. *

**Brevis Herbst.* Въ Новой деревнѣ, весною, у лужи. ** — **Elongatus Schall.* Въ коллекціяхъ гг. Моравица и Оберта. Второй нашелъ оное въ Емельяновкѣ.

HYDRAENA. Kugel. ***

Riparia Kug. (longipalpis St. Hum. Ess. III). Motch. Cat.— (?) *Minutissima Gyll.* Hum. Ess. III. Синонимія сомнительна; названіе это не встрѣчается въ новѣйшихъ сочиненіяхъ; по мнѣнію Маннергейма и Мюльсана, это Ptilium.

LIMNEBIUS. Leach. *

**Truncatellus Er.* — **Papposus Muls* (?) въ Красномъ селѣ, Ораніенбаумѣ.

BEROSUS. Leach. *

Luridus. Lin. 2. Гг. Гуммель, Мочульскій, Кеппенъ и Обертъ.

HYDROPHILUS. Geoffr. ***

Ruficornis Degeer (piceus Er.) Motch. Cat.

HYDROUS. Brullé. *

Caraboides Lin. У дачъ вдоль Московскаго шоссе, г. Гагеромъ.

HYDROBIUS. Leach. *

Fuscipes L. (scarabaeoides F.) 5. — *Globulus Pk.* 4. ** — *B icolor Payk.* У г. Моравица. *** — *Oblongus Herbst.* (picipes St.) Hum. Ess. III («un seul»). — **Nitidus. Heer.* Motch. Cat.

LACCOBIUS. Er. *

Minutus. L. 5. (bipunctatus у Гуммеля).

HELOCHARES. Muls. *

Lividus Forster. (griseus F.) 2.

PHILHYDRUS. Solier. *

Marginellus F. (affinis Pk.) 5. — *Melanocephalus F.* 4. — **Testaceus F.* (Стеттинскій каталогъ 1852 года сомнѣвается въ самобытности этого вида).

CYLLIDIUM. Er. *

**Seminulum. Pk.* 4.

CYCLONOTUM. Er. *

Orbiculare F. 4.

SPHAERIDIUM. *

Scarabaeoïdes L. 6. — *Bipustulatum F.* *** — *Marginatum F.* Motch. Cat. man.

CERCYON. Leach. *

Haemorrhoidale F. 4. — *Unipunctatum L.* 5. — **Quisquilium L.* 4. — **Minutum F.* 4. — **Plagiatum Er.* — *Pygmaeum Illig.* — **Flavipes L.* 4. (*) — *Melanocephalum.* 5. — *Anale Pk.* (terminatum

(*) *C. apicale Schüp.* у Гуммеля Ess. VII есть нашъ *flavipes L.* Экземпляръ сохраняется до-сихъ-поръ въ коллекціи Академіи наукъ, съ надписью рукою Маннергейма).

Gyll. у Гуммеля) 3. — *Littorale Gyll.* Hum. Ess. III. — *Haemorrhoum Gyll.* Hum. Ess. III, Motch Cat. man.— **Lugubre Payk.*— **Centromaculatum St.* — **Immundum St.* — Motch. Catac. man.— (?) *Atricapillum Marsh.* Hum. Ess. III.

CRYPTOPLEURUM. Muls.

Atomarium F. 5.

FAMILIA VI. SPHAERII.

Сколько мнѣ извѣстно, единственное Европейское насѣкомое, составляющее это семейство, *Sphaerius acaroides*, въ окрестностяхъ С. Петербурга не найдено.

FAMILIA VII. PARNI.

PARNUS. F. *

Prolifericornis Fab. Hum. Ess. *** — **Auriculatus Kugel.* Motch. Cat. и Etudes, 1852, p. 24.

FAMILIA VIII. ELMIDES.

ELMIS. Latr.

Единственный экземпляръ сего рода находится въ коллекціи Я. А. Кушакевича, за отсутствіемъ котораго я не могъ ни опредѣлить видъ, ни указать мѣсто, гдѣ онъ былъ найденъ.

FAMILIA IX. HETEROCERI.

HETEROCERUS. F. *

**Intermedius. Ksw.* Въ илѣ, на берегу Черной рѣчки, іюнь. ** — **Laevigatus Pz.* Г. Моравицъ. — **Marginatus F.* Г. Кеппенъ.

FAMILIA X. SILPHAE.

NECROPHORUS. L. *

Mortuorum F. 3. По наблюденію г. Жиро, онъ не встрѣчается у падали, какъ другіе *Necrophorus*, а только на гніющихъ грибахъ. (См. Verh. d. Zool. Bot. Ver. in Wien, I, p.

93). ***Vespillo F.* — *Ruspator Er.* 3. (vestigator Gyll.; у Гуммеля *vestigator Hersch Ill.*) *** — ***Vestigator Hersch.* Motch. Cat. man.

NECRODES. Wilkin. *

Littoralis L. 4.

SILPHA. L. *

Thocacica L. 4. — *Rugosa L.* 5. — *Dispar L.* 5. — *Opaca L.* 4. — *Carinata Ill.* 2. — *Tristis Illig.* 3. Найдено Маннергеймомъ тридцать лѣтъ тому назадъ (Hum. Ess. IV), г. Кеппеномъ въ 1853, мною въ августѣ 1851, и всѣ три раза въ Царскосельскомъ паркѣ. — *Reticulata F.* 3. — *Obscura F.* 4. — *Atrata L.* 4. (съ рыжею разновидностью). *** — *Lunata F.* Hum. Ess. VII. — *Sinuata F.* Hum. Ess. V. — *Terminata Hum.* (Sibirica Gebl.) Ess. VII. Экземпляръ Гуммеля существуетъ въ академической коллекціи; въ вѣрности опредѣленія сомнѣваться нельзя: но сомнительно, пойманъ-ли этотъ экземпляръ въ окрестностяхъ столицы.

SPHAERITES. Duft. *

***Glabratus F.* 3. Въ Парголовѣ, у Каменки и въ Тайцахъ, гдѣ г. Гульштомъ найдено отъ 20—30 экзямпляровъ, у подножья гнилаго пня.

CATOPS. Payk. *

Angustatus F. 2. (rufescens и elongatus Gyll. у Гуммеля). — ***Fumatus Spence.* 4. — *Tristis Pz.* 2. — *Morio F.* (по сравненіи экземпляровъ оказалось, что сюда-же относится *C. fornicatus Gyll.*, упомянутый у Hum. Ess. II). — *Sericeus F.* подъ названіемъ *Truncatus Illig.* у Гуммеля; его *punctatostriatus*, описанный въ Ess. II, есть видоизмѣненіе *C. sericeus*, о которомъ упоминаетъ и Эрихсонъ. (См. его Käfer. der Mark. Brandenburg.) ** — *Fuscus Pz.* У гг. Кеппена и Оберта. Первый нашелъ оное въ погребѣ, что согласно съ наблюденіемъ г. Краатца (Stett. Ent. Z. 1852 p. 408). *** — *Nigricans Spence.* Motch. Cat. man.

COLON. Herbst. *

Languidus Er. (Cat. brevicornis у Гуммеля, что явствуетъ изъ сравненія его экземпляра).

FAMILIA XI. SCAPHIDII.

SCAPHIDIUM. Ol. *

**Quadrimaculatum.* *Ol.* 1. Рѣдкое насѣкомое это найдено было въ значительномъ числѣ г. Обертомъ въ Парголовѣ и г. Гультмомъ въ Тайцахъ.

SCAPHISOMA. Leach. *

**Agaricinum.* *Ol.* 4.

FAMILIA XII. PTILII.

TRICHOPTERYX. Kirby. ***

Fascicularis Herbst. Hum. Ess. III и Motch. Cat. man. — **Picicornis Muh.* — **Atomarium Degeer.* — **Sericans Heer.* — **Fuscipenne Motch.* — **Longicorne Motch.* Motch. Catal. manuscr. (Ptilium) ***.

PTINELLA. Motch.

**Bicolor Motch.* — **Haemorrhoidale Motch.* Catal. man.

PTENIDIUM. Er. *

Pusillum. Gyll. 5. Это насѣкомое, какъ и почти всѣ прочія этого семейства, обитаетъ въ муравейникахъ. Богатую добычу ихъ можно сдѣлать осенью, или раннею весною, напр. въ лѣсахъ около Осиновой рощи.

FAMILIA XIII. ANISOTOMAE.

ANISOTOMA. Illig. *

**Obesa Er.* — **Ovalis Schmidt.* Слѣдуетъ ловить ихъ на-лету, вечеромъ, передъ закатомъ солнца.

CYRTUSA. Er. *

Subtestacea Er.

LIODES. Er. *

**Castanea Herbst.* — **Humeralis F.* Г. Обертомъ и Гернетомъ. (Въ трутовицахъ на стволѣ березы). — **Axillaris Gyll.* 4. — **Glabra Kugel.* 3. Г. Обертомъ и мною.

AMPHICYLLIS. Er. ***

Globus. F. Hummel Ess. VI. Motch. Cat. man. (у него-же Var. staphylea Gyll.).

AGATHIDIUM. Er. *

Mandibulare St.* Moteh. Cat. man. Одинъ экземпляръ найденъ мною. * — **Seminulum L.* ibid. — **Minutum St.* ibid.

CLAMBUS. Fisch. *

Armadillus. Deg. 4.

FAMILIA XIV. PHALACRI.

PHALACRUS. Payk. *

**Corruscus St.* — **Substriatus Gyll.*

OLIBRUS. Er. *

**Aeneus F.* — **Millefolii Pk.* — *Bicolor F.* — **Affinis St.*

FAMILIA XV. NITIDULAE.

CERCUS. Latr. *

Pedicularius F. На цвѣтахъ. — **Rufilabris Latr.* Г. Кеппенъ. — *Bipustulatus Pk.* 4. На цвѣтахъ, нап. у Каменки. (Spiraea ulmaria).

BRACHYPTERUS. Kug. *

Urticae. F. 5. — *Gravidus Illig.* 4. На *Linaria vulgaris*, въ концѣ августа, на Поклонной горѣ, множество.

EPURAEA. Er. *

Obsoleta F. — *Aestiva Er.* — *Pusilla Ill.* — **Parvula Er.* — *Floria Er.* — * *Pygmaea Gyll.*

NITIDULA. F. *

Obscura F. 3. — *Bipustulata. F.* 6. На тлѣющихъ костяхъ по полямъ, лѣсамъ и проч. Второе во множествѣ.

SORONIA. Er. *

Punctatissima Illig. 2. У подножья березы, г. Обертомъ, во множествѣ. — **Grisea L.* 2. Г. Кеппенъ.

OMOSITA. Er. *

Depressa L. 3. — **Colon L.*

MELIGETHES. Steph. *

Aeneus F. 6. — *Viridescens F.* 3. — **Subrugosus Gyll.* 3. — **Viduatus St.* — *Rufipes Gyll.*

THALYCRA. Er. **

**Sericea St.* Г. Моравицъ около Каскова.

CYBOCEPHALUS. Er. *

**Exiguus Er.*

CYLLODES. Er. *

Ater Herbst. Г. Обертъ.

CYCHRAMUS. Kug. *

Luteus F. 3. Въ Парголовѣ, Павловскѣ. — **Quadripunctatus Herbst.* 2. Въ Петергофѣ и Парголовѣ. (Г. Менетріе и Кеппенъ).

IPS. Fab.

Quadripunctata Herbst. 4. — *Quadripustulata F.* 4. *** — *Ferruginea. L.* Hum. Cat. manuscr. («Oranienbaum»). — **Quadrinotata F.* Motch. Cat. man.

RHIZOPHAGUS. Herbst. *

* *Parallellocollis Gyll.* Г. Кеппенъ. — * *Bipustulatus F.* 5. — *Dispar Payk.* 6. Оба во множествѣ на Крестовскомъ, подъ корою пней, первый на березѣ, второй на ели. — *Politus F.* 3. Тамъ-же, но изрѣдка, подъ корою еловыхъ пней. — *Depressus F.* Г. Моравицъ, Обертъ. *** — *Ferrugineus Payk.* Hum. Ess. VI. — *Parvulus Gyll.* Hum. Ess. II. — * *Longicollis Gyll.* Motch. Catal. man. — * *Coeruleus Wälte.* Motch. Cat. man. — * *Coeruleipennis Sahlb.* Motch. Etudes entomologiques 1853. Поймано на-лету, въ городѣ, что заставляетъ предполагать, что оно происходило изъ дровъ, сложенныхъ на дворахъ, и привезенныхъ, вѣроятно, издалека.

TROGOSITA. Oliv. *

Mauritanica Lin. (caraboides. F.), Распространена во всѣхъ частяхъ свѣта, и водится въ разныхъ москотильныхъ товарахъ. Не знаю, найдена-ли она у насъ въ лѣсахъ, подъ корою деревъ, какъ въ Германіи. (См. Erichs. Käf. Deutchl.).

PELTIS. Geoff. *

Grossa Fab. 2. Въ Осиновой рощѣ, въ значительномъ числѣ, г. Бремеромъ. — *Ferruginea L.* 4. Иногда въ большомъ числѣ въ домахъ, напр. на Крестовскомъ острову г. Рееръ).— *Oblonga L.* 4. — **Dentata. F.* Мною найдены два экземпляра весною, на дорогѣ изъ Спасской мызы къ Поклонной горѣ. Г. Обертомъ въ Палюстровѣ, на набережной.

FAMILIA XVI. COLYDII.

SARROTRIUM. Jllig. **

* *Clavicorne.* L. (muticum F.) 2. На Поклонной горѣ (въ пескѣ), г. Кеппеномъ. Г. Обертъ находилъ оное на паровыхъ, песчаныхъ поляхъ, подъ каменьями.

DITOMA. Illig. *

Crenata Herbst 4. На Крестовскомъ острову, въ трутовицахъ, на полугнившихъ березовыхъ пняхъ. Также въ Осиновой рощѣ, г. Кеппеномъ.

SYNCHITA. Hellw. *

Juglandis. F. 3.

CERYLON. Latr. *

Histeroïdes. F. 5. — **Deplanatum. Gyll.* 5. На Крестовскомъ острову весною, подъ корою деревъ, въ трутовицахъ и пр.

FAMILIA XVII. CUCUJI.

LAEMOPHLAEUS. Er. *

Muticus. F. Г. Кеппеномъ въ Парголовѣ. — **Ferrugineus Creutz.* На Крестовскомъ, подъ корою деревъ. *** — **Affinis. Dej.* Motch. Cat. man.

PEDIACUS. Schuck. *

Fuscus. Er. (Подъ именемъ *dermestoïdes* у Гуммеля. Эрихсонъ доказалъ, что *dermestoides Gyll.* не то-же самое, что *dermestoïdes F.*). Въ коллекціи сохраняется Гуммелевскій экземпляръ.

BRONTES. F. ***

Planatus. L. Hum. Ess. VI (подъ именемъ *flavipes*).

DENDROPHAGUS. Schönh. *

Crenatus. Pk. 2. Въ Парголовѣ и около дачъ по Московской дорогѣ.

FAMILIA XVIII. CRYPTOPHAGI.

SILVANUS. Latr. *

Unidentatus. Fab. Въ сентябрѣ, подъ древесною корою, въ Осиновой рощѣ. *** — * *Bidentatus. Pz.* Motch. Cat. man. — * *Subdentatus.* Dej. Cat. (denticollis And.). Motch. Cat. man.

LYCTUS. Fab. *

Canaliculatus. F.

TELMATOPHILUS. Heer. *

Caricis. Oliv. *** — **Typhae Fall.* Hum. Ess. II.

ANTHEROPHAGUS. Kn. *

Nigricornis Fab. (Silaceus Gyll.). Г. Кешеномъ. *** — *Pallens. Oliv.* Hum. Ess. II.

EMPHYLUS. Er. *

Glaber. Gyll. 2. Въ Осиновой рощѣ, въ муравейникѣ.

CRYPTOPHAGUS. Herbst. *

Acutangulus. Gyll. *** — *Lycoperdi. F.* Hum. Ess. III. — *Pilosus. Gyll.* Motch. cat. man. Также у г. Оберта. — *Scanicus. L.* Hum. Ess. II. — *Fumatns. Gyll.* ibid. VI. — *Bimaculatus. Gyll.* ibid. III. — *Populi Pk.* Motch. Cat. man.

PARAMECOSOMA. Curtis. *

Serrata Gyll. *** — *Bicolor. Curtis.*

ATOMARIA. Steph. ***

*Terminata Comolli, fuscipes Gyll., *analis Er., *fuscata Sch. Опредѣлены Г. Краацомъ въ Берлинѣ. — ***Ferruginea. Sahlb.*** Hum. Ess. VII. — ***Fimetarii Herbst.*** ibid. II. — ***Mesomelas Herbst.*** (?) ibid. III. — ***Nigripennis Payk.*** ibid. IV. — ***Atra Herbst.*** ibid. III. — ***Pusilla Pk.*** Motsch. cat. man. — ***Guttula Mnh.*** ibid.

EPISTEMUS. Er. ***

Globulns Pk. (?) Hum. Ess. II.

MYCETAEA. Steph. *

Hirta Marsh. F. Рееромъ (въ погребѣ) и г. Обертомъ.

ENGIS. Payk. *

* ***Sanguinicollis. F.*** 2. Г. Кеппеномъ въ Парголовѣ. — ***Humeralis. F.*** 5. Въ большомъ числѣ, на Крестовскомъ острову въ трутовицахъ, на березовыхъ пняхъ.

TRITOMA. Payk. *

* ***Bipustulata. F.*** 3. Въ Осиновой рощѣ, въ грибахъ (сентябрь). Въ Тайцахъ, г. Гультшемъ.

TRIPLAX. Payk. *

Aenea Herbst. — * ***Russica. L.*** — ***Rufipes. F.*** — ***Bicolor Marsh.***

TETRATOMA. F. *

* ***Ancora. F.*** **Моравицемъ, на дачахъ за Московскою заставою.**

FAMILIA XIX. LATHRIDII.

MONOTOMA. Herbst. *

Angusticollis Gyll. 4. Въ муравейникахъ, осенью. Мнѣ попадались они во множествѣ въ Осиновой рощѣ. — ***Picipes Herbst.*** Г. Кушакевичъ и Гернетъ. *** — * ***Conicicollis Chevr. Aubé.*** Motch. Cat. man. — * ***Longicollis. Gyll.*** ibid. (*).

(*) Слѣдующій списокъ родовъ Lathridius и Corticaria составленъ по монографіи Маннергейма (въ Germar's Zeitschrift, Bd. V) и по рукописному каталогу г. Мочульскаго. Послѣдній въ этомъ случаѣ особенно важенъ потому,

LATHRIDIUS. Herbst. *

Lardarius Lin. 4. Въ началѣ октября 1854 г. у Смоленскаго поля на заборѣ, во множествѣ. — *Minutus. L.* (Porcatus. Herbst). 6. *** — *Angusticollis Schüpp.* Hum. Ess. IV, p. 5. — * *Hirtus. Shüpp.* — * *Assimilis Mnh.* Motch. Catal. man. — *Constrictus Gyll.* Mnh. Mon. Lathr. Hum. Ess. IV. — *Rugosus Herbst.* ibid. Hum. Ess. III. — *Transversus Ol.* ibid. Hum. Ess. IV. (sculptilis). — *Rugicollis Ol.* ibid. Hum. Ess. III.

CORTICARIA. Marsh. *

Pubescens Illig. 4. — * *Similata Gyll.* 4. Вмѣстѣ съ Lathr. lardarius. (Mnh. Mon. Lathr.). — *Serrata Pk.* 3. Motch. Cat. man. Mnh. mon. — * *Fuscula Gyll.* 5. — * *Piligera Mnh.* *** — *Crenulata Schüp.* Hum. Ess. IV. Mnh. Monogr. — *Gibbosa Herbst.* Hum. Ess. III. — *Subacuminata Hum.* Ess. IV. — *Ferruginea Marsh.* Hum. Ess. IV. — *Elongata Schüp.* Hum. Ess. IV. — *Longicornis Herbst.* Hum. Ess. III. — * *Subtilis Mnh.* — * *Saginata Mnh.* — * *Melanophthalma Mnh.* — * *Formicetorum Mnh.* — * *Umbilicifera Mnh.* — * *Lacerata Mnh.* — * *Rubripes Mnh.* — * *Fulva Chevrier.* Послѣд. 8 Motch. Cat. mon.

FAMILIA XX. MYCETOPHAGI.

MYCETOPHAGUS. Hellw. *

Multipunctatus Hellw. 3. На Крестовскомъ. — *Fulvicollis F.* 2. Пойманъ мною только однажды, въ Строгоновомъ саду, налету (іюнь). — *Quadripustulatus L.* 3. Въ Осиновой рощѣ (до 40 шт.) г. Кеппеномъ и Обертомъ. Разновидность совершенно темнаго цвѣта, безъ 4-хъ желтыхъ пятенъ найдена г. Моравицемъ. — *Piceus F.* (variabilis Hellw.) 6. — * *Populi F.* Въ апрѣлѣ, на Крестовскомъ острову, подъ корою березоваго пня въ большомъ числѣ. — *** *Atomarius. Hellw.* Hum. Ess. IV.

экземпляры г. Мочульскаго большею частью опредѣлены самимъ Маннергеймомъ. Цитаты изъ Гуммеля заимствованы изъ монографіи Маннергейма; прочіе, какъ сомнительные, не приведены.



LITARGUS. Er. *

Bifasciatus. *F*. 4.

TRIPHYLLUS. Meg. ***

*' *Signatus Pz*. Motch. Cat. man.

FAMILIA XXI. DERMESTAE.

BYTURUS. Latr. *

Tomentosus F. 4. — *Fumatus L*. 4. Оба на цвѣтахъ, напр. малины.

DERMESTES. Linn. *

Lardarius Lin. 6. — **Vulpinus F*. 2. На Крестовскомъ острову (въ домахъ)? г. Рееромъ.—*Murinus L*. 4. На тлѣющихъ на воздухѣ костяхъ. — **Domesticus Gebl.* Собственно Сибирское насѣкомое. Экземпляръ коллекціи найденъ близъ Луги. — * *Atomarius. Er*. Въ апрѣлѣ 1855 г., на песчаномъ берегу моря, близъ Лахты, мною. *** — * *Cinereus Illig*, Motch. Cat. man.

ATTAGENUS. Latr. *

Pelkio F. 3. — *Schäfferi. Herbst*. 3 (*).

HADROTOMA. Er. ***

* *Nigripes F*. Motch. Cat. man. **** — * *Marginata Payk*. Близъ Шлиссельбурга г. Обертомъ.

MEGATOMA. Herbst. **

* *Undata*. *F*. Г. Моравицемъ около Каскова; г. Обертомъ близъ Нарвы.

ANTHRENUS. Geoffr. *

Musaeorum L. 6. *** — * *Scrophulariae F*. Match. Cat.

TROGODERMA. Latr. *

Elongatula F. Экземпляръ Гуммеля находится въ коллекціи. Въ Essais это насѣкомое названо *subfasciatus Gyll*.

(*) Неизвѣстно, что̀ такое Attagenus trifasciatus, упоминаемый въ Ess. II. Гуммель самъ сомнѣвался въ точности опредѣленія (см. Ess. III, p. 4).

TIRESIAS. Steph. ***

Cerra F. Hum. Ess. VII. Motch. Catal. manuscr.

FAMILIA XXII. GEORYSSI.

Ни одно насѣкомое этого семейства не найдено до-сихъ-поръ въ окрестностяхъ столицы.

FAMILIA XXIII. RYRRHI.

ASPIDIPHORUS. Latr. ***

* *Orbiculatus Gyll.* Motch. Cat. man. Г. Обертомъ найдено нѣсколько экземпляровъ.

SIMPLOCARIA. Marsh. *

Semistriata F. 4.

SYNCALYPTA. Dillwyn. *

Setigera Illig. Мною, только однажды, въ илѣ на берегу Черной рѣчки.

BYRRHUS. L. *

Pilula. L. 5. (Ater Illig. у Гуммеля относится сюда-же). — *Dorsalis F.* 5. — * *Murinus F.* 2. На пескахъ Поклонной горы. — *Fasciatus. F.* (Dianae. St. у Гуммеля есть разность этого вида).

(Cytilus. Er.).

Varius F. 6.

(Morychus. Er.).

* *Alneus F.* 2. Весною въ песчаныхъ ямахъ близъ Каменки. *** — *Nitens Pz.* Hum. Ess. VII.

FAMILIA XXIV. THROSCI.

THROSCUS. Latr. *

Dermestoides L. (Adstrictor Payk.) 3.

FAMILIA XXV. HISTRI.

PLATYSOMA Leach. *

Angustata. Ent. Heft. Г. Кеппеномъ въ Токсовѣ; г. Э. Г.

Гернетомъ въ Лѣтнемъ саду (1855 г.). ** — *Frontalis Payk.* Hum. Ess. VII. Г. Кеппеномъ въ Осиновой рощѣ.

HOLOLEPTA. Payk. ****

* *Plana Fuessl.* Г. Обертомъ близъ Палюстрова дважды.

HISTER. L. *

Carbonarius Ent. H. 2. Токсово. — *Cadaverinus.* Ent Heft. 4. — *Bissexstriatus Pk.* 5. — * *Neglectus Germ.* 5. — *Purpurascens Herbst.* 3. — *Unicolor F.* 2. — *Bimaculatus L.* 2. Кушакевичемъ на Смоленскомъ полѣ и въ Горожанкѣ. *** — *Merdarius Pk.* Hum. Ess. III (не нашъ-ли *neglectus* имѣлъ Гуммель подъ этимъ названіемъ)? — * *Stercorarius Ent. H.* — * *Brunneus Sch.* — * *Impressipennis Fald.* Послѣд. 3 Motch. Cat. man.

DENDROPHILUS. Leach. *

Punctatus Herbst. Г. Кушакевичемъ на Смоленскомъ полѣ. — * *Pygmaeus L.* Въ Осиновой рощѣ, въ пнѣ, источенномъ муравьями (кажется, *Formica truncicola Nyl.*), сентябрь.

PAROMALUS. Er. *

* *Parallelopipedus Herbst.* 2. На Крестовскомъ острову, весною, подъ корою еловыхъ пней.

SAPRINUS. Er. *

* *Immundus. Gyll.* 4. Любитъ человѣческія изверженія. — *Nitidulus F.* 4. Около падали, въ Павловскѣ, множество. — *Aeneus F.* 5. Попадаетя нерѣдко на дорогахъ. — *Rotundatus Pk.* 2. Г. Кушакевичемъ въ Гражданкѣ. — *Conjungens Pk.* 2. Г. Моравицемъ въ Касковѣ. ** — * *Metallicus. F.* Motch. Cat. man.; также въ коллекціи Г. Кеппена. — * *Rugifer Gyll.* *** — * *Rugifrons Pk.* Послѣд. 2 Cat. man.

PLEGADERUS. Er. *

* *Saucius Er.* 6. Весною, на Крестовскомъ острову, подъ корою еловыхъ пней.

ABRAEUS. Leach. **

Nigricornis Ent. H. (minutus Pk.) Hum. Ess. III. Г. Обертъ находилъ его въ парникахъ Таврическаго сада, въ февралѣ и мартѣ.

FAMILIA XXVI. SCARABAEI (1).

PLATYCERUS. Geoffr. *

Caraboides L. 3. Парголово, Мурино и проч., въ старыхъ пняхъ.

CERUCHUS. M. Leay. *

**Tenebrioides F.* 1. Въ Осиновой рощѣ, г. Бремеромъ; въ Лисинѣ (верстахъ въ 18 отъ Тосны) найдено 6 или 7 экземпляровъ. (Сообщено г. Обертомъ).

SINODENDRON. F. *

Cylindricum F. 4. Въ старыхъ, перегнившихъ пняхъ. На Петровскомъ острову, въ Новой деревнѣ, Осиновой рощѣ, Парголовѣ.

GEOTRUPES Latr. *

Stercorarius L. 6. — *Sylvaticus F.* 5. Въ лѣсахъ. — **Vernalis F.* 2. Въ Тосковѣ, г. Кеппеномъ; въ Ропшѣ, Тайцахъ и проч., г. Обертомъ, нѣсколько разъ.

ONTHOPHAGUS. Latr. *

Nuchicornis L. 5. Кажется, повсюду; впрочемъ, на островахъ и въ Новой деревнѣ мнѣ онъ не попадался. — *Fracticornis Preyssl.* 3. — **Austriacus Panz.* Въ Парголовѣ (2).

---

(1) Говорятъ, что у насъ водится *Lucanus cervus* (туръ). Мнѣ сказывали, что онъ былъ найденъ на Елагиномъ острову. Слѣдовало-бы искать его въ іюлѣ и августѣ, въ окрестностяхъ Лисьяго Носа, гдѣ много дубовъ.

(2) *Onth. medius* у Гуммеля (Ess. VII), по всей вѣроятности, былъ опредѣленъ невѣрно, и относится къ одной изъ трехъ вышеозначенныхъ породъ. По нынѣ принятой синонимiи *O. medius* есть разновидность *Onth. vacca;* а это насѣкомое, по замѣчанію Маннергейма (Stett. Ent. Z. 1852, p. 236), не встрѣчается даже въ Швеціи, и Гилленгаль напрасно помѣстилъ его въ своей фаунѣ.

APHODIUS. Illing. *

Erraticus L. Мѣстами нерѣдокъ. — *Subterraneus L.* 5. — *Fossor L.* 5. — *Haemorrhoidalis L.* 2. Попался мнѣ только однажды, у Черной рѣчки — *Fötens F.* Мѣстами, напр. на Поклонной горѣ, но гораздо рѣже слѣдующаго. — *Fimetarius L.* 6. *Ater. Degeer.* (*terrestris* у Гуммеля) 5. — *Granarius L.* (*Granuum Gyll.* у Гуммеля. Сюда-же относится *carbonarius St.* въ Ess. III, судя по синонизму Эрихсона). — *Sordidus F.* 5. — **Plagiatus L.* 5. Попадаются обыкновенно на землѣ, и поодиначкѣ, а не въ обществѣ, подобно прочимъ. — *Inquinatus F.* 5. — *Lutarius Pk.* 4. — *Rufescens F.* — *Foetidus F.* — *Pusillus Herbst.* 5. — *Merdarius F.* 4. Не попадался мнѣ въ большомъ числѣ вдругъ. — *Prodromus Brahm.* 6. (*Sphacelatus Gyll.* у Гуммеля). Одно изъ самыхъ раннихъ весеннихъ насѣкомыхъ. — *Rufipes L.* 5. *Bipunctatus F.* До-сихъ-поръ это отличное насѣкомое попадалось исключительно на Дудергофской горѣ и около Ропши; тамъ находили его иногда въ значительномъ числѣ. Кромѣ того оно нерѣдко во многихъ мѣстахъ Россіи. Въ Германіи-же считается за рѣдкость и было находимо, напр. въ Помераніи. Во Франціи-же совсѣмъ не встрѣчается. — *Depressus Kugel.* 5. — На Крестовскомъ острову, Поклонной горѣ, и проч. *** — *Scybalarius F.* Hum. Ess. VII. — *Borealis Gyll.* ibid. (въ Павловскѣ). — *Putridus St.* (?) ibid. III. — *Lugens Creutz.* ibid. VII (lugens St.). — *Niger Pz. Gyll.* (Hum. Ess. III. Не нашъ-ли *plagiatus* скрывался у Гуммеля подъ этимъ названіемъ?) — *Conspurcatus L.* Hum. Ess. IV. — *Tristis Pz.* ibid. V. — *Punctato-Sulcatus St.* Hum. Ess. IV. *Luridus Pk.* (*nigripes*, Hum. Ess. VII) и Motch. Cat. man. — **Nitidulus F.* — **Maculatus St.* — **Nubilus Pz.* — **Pictus Duft.* — *4 *Maculatus L.* (Quadripustulatus F.) Motch. Catal. manuscr.

AEGIALIA. Latr. *

Sabuleti Payk. 4. Около Черной рѣчки.

TROX. F. *

Scaber L. 3. На Крестовскомъ острову. — *Sabulosus. L.* 5.

Въ различныхъ животныхъ веществахъ, напр. въ кускахъ войлока, валяющихся иногда на поляхъ и дорогахъ; около костей, и т. п.

ORYCTES. S. ****

Nasicornis L. Г. Моравицъ сообщилъ мнѣ, что видѣлъ пойманные вблизи столицы живые экземпляры этого жука. Говорятъ также, что онъ попадался въ Царскомъ селѣ, г-ну Марквардту.

MELOLONTHA L. (Хрущъ). *

Hippocastani F. 5. На Поклонной горѣ, у Каменки, раннею весною; иногда во множествѣ. Обыкновенно на березѣ.

AMPHIMALLUS. Latr. *

Solstitialis. F. 5. Лѣтомъ, на Поклонной горѣ, на соснахъ, во множествѣ. Летаютъ вечеромъ. *** — *Ochraceus Knoch.* (Fallenii Gyll.) Hum. Ess. VII.

ANOMALA. Meg. *

Julii F. 4. Въ нѣкоторые годы въ огромномъ числѣ, напр. на Поклонной горѣ. Любопытно было-бы замѣтить, существуетъ-ли тутъ періодичность, и чрезъ сколько лѣтъ повторяется появленіе въ такомъ множествѣ этого жука? Обѣ разновидности, темносиняя и желтая, одинаково обыкновенны.

PHYLLOPERTHA. Kirby. *

Horticola Lin. 4. Какъ предыдущее, это насѣкомое въ нѣкоторые годы весьма изобильно. (Гуммель упоминаетъ о 1824 годѣ).

HOMALOPLIA. Meg. *

Brunnea L. 4. *** — *Ruricola Fab.* Hum. Ess. VII.

HOPLIA. Illig. ***

Graminicola Gyll. Hum. Ess. VII. Несмотря на авторитетъ Гуммеля, мнѣ не вѣрится, что это насѣкомое встрѣчается у насъ.

CETONIA. L. *

Metallica F. (aenea Gyll.) 5. **Личинки обитаютъ въ муравейникахъ. Я нашелъ ихъ множество у чернаго муравья (formcia fuliginosa Latr), близъ Каменки. —** ***Aurata L.*** 6. — ***Marmorata L.*** 3. Ораніенбаумъ, Петергофъ, лѣсной институтъ.

VALGUS. Scriba. ****

****Hemipterus L.*** Въ Екатерингофѣ и окрестностяхъ г. Лёшемъ (Lösch.), по свѣдѣнію, сообщенному г. Обертомъ. Въ Швеціи это насѣкомое, кажется, не встрѣчается; въ Гилленгалѣ, по-крайней-мѣрѣ, его нѣтъ.

TRICHIUS. F. *

Fasciatus L. 5. **Измѣненія въ рисункѣ надкрылій довольно рѣдки.**

FAMILIA XXVII. BUPRESTI.

(Мѣдянки).

DICERCA. Esch. *

Acuminata Pall. Г. Прескоттомъ въ Муринѣ, въ 1827 г.; въ Павловскѣ, на Поклонной горѣ, на Чухонскихъ горахъ (за Парголовомъ); въ Палюстровѣ (г. Обертомъ, 4 мая 1829 г.). ** — ****Berolinensis F.*** А. А. Кушакевичемъ въ Русскомъ Копорскомъ, въ 1852 г. ****Alnea L.*** Г. Обертъ (въ Палюстровѣ) и г. Маравицъ.

CHALCOPHORA. Serv. **

****Mariana L.*** Павловскъ, Парголово, Поклонная гора, Горожанка, Осиновая роща. (Вообще любитъ сосновый лѣсъ).

ANCYLOCHEIRA. Esch. *

Octoguttata F. Спасская мыза, Поклонная гора (въ 1853, въ іюнѣ, Я. А. Кушакевичемъ въ большомъ числѣ); въ томъ-же году во множествѣ у Каменки, г. Обертомъ. Какъ предъидущая, она любитъ сосну. — ***Rustica L.*** Парголово. — ****Punctata F.***

Коломяги, Парголово. **** — **Flavomaculata F.* Найдена была, говорятъ, г. Рееромъ, чтò весьма вѣроятно; она также живетъ на соснѣ.

LAMPRA. Meg. *

**Conspersa Gyll.* Павловскъ (г. Менетріе), дачи за Московскою заставою (г. Моравицемъ).

MELANOPHILA. Esch. *

**Tarda F.* Павловскъ, Овцыно (въ іюнѣ 1855 г. въ большомъ числѣ г. Обертомъ). ** — *Appendiculata Herbst.* Третье Парголово (г. Кеппеномъ).

CHRYSOBOTHRYS. Esch. *

**Chrysostigma L.* Павловскъ, Палюстрово (г. Обертомъ, въ 1829 г. въ началѣ іюня), Парголово.

ANTHAXIA. Esch. *

Quadripunctata L. 4. На цвѣтахъ, старыхъ заборахъ и проч. Личинка на соснѣ. *** — *Nitida Rossi.* Hum. Ess. V. («elle n'est peut-être qu'une variété de *salicis*» замѣчаетъ Гуммель).

AGRILUS. Meg. *

Nocivus Ratz. (viridis Lin). 4. — **Faldermani Lap.* (Sinuatus Ol?) — **Fagi Ratz.* Береза. (Рацеб.) ** — **Coryli Redt.* (?) — **Linearis Redt* (?) у г. Моравица. *** — *Angustulus Illig.* Hum. Ess. IV. — *Cupreus Meg.* (?). id. Ess. VI. — *Ater F.* (?) Hum. Ess. V, вѣроятно, *nocivus* темнаго цвѣта. — **Sahlbergii Muh.* Motch. Cat. man.

TRACHYS. F. *

Minuta F. 4. На Поклонной горѣ (Августъ); на лугахъ не доходя Нижней Каменки; въ Овцынѣ.

FAMILIA XXVIII. ELATERES.

(Щелкуны).

MICRORHAGUS. Esch.

**Sahlbergii Mannerh.* Пойманъ г. Моравицемъ на лету, подъ

вечеръ, близъ Каскова (1855 г.). О рѣдкости этого жука см. слова Маннергейма въ Stettiner Entom. Zeitung, 1852, p. 234 «Жукъ этотъ, говоритъ онъ, въ первый разъ былъ найденъ сорокъ лѣтъ назадъ статскимъ совѣтникомъ Норденшельдомъ, въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, на гниломъ березовомъ деревѣ. Послѣ того онъ попадался нѣсколько разъ, *и большею частью на-лету*, но въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ... Двадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, и, сколько мнѣ извѣстно, никому въ Финляндіи не удалось найти его снова, несмотря на то, что мы имѣли въ это время очень многихъ ревностныхъ энтомологовъ и что способы ловли насѣкомыхъ значительно усовершенствовались. Я принужденъ былъ въ моей собственной коллекціи довольствоваться однимъ, и то поврежденнымъ, экземпляромъ».

Въ Германіи *M. Sahlbergii* встрѣчается еще рѣже; до-сихъ поръ нашли его только въ Тиролѣ и въ окрестностяхъ Мюнхена. (См. Zebe's Synopsis der Coleopteren Deutschlands).

CRATONYCHUS. Dej. *

Castanipes Payk. (Fulvipes Dej.) 5. *** — *Niger F.* Motch. Catal. man.

AGRYPNUS. Esch. **

**Atomarius F.* 1. Несмотря на сомнѣніе Маннергейма въ томъ, водится-ли это насѣкомое въ Швеціи и Финляндіи (см. Ent. Z. 1852, p. 236), оно было открыто въ окрестностяхъ нашей столицы. Генералъ-маіоръ М. Б. Бульмерингъ нашелъ одинъ экземпляръ близъ Царской Славянки, и сохраняетъ его въ своей коллекціи. Въ Германіи жукъ этотъ считается величайшею рѣдкостью, и до-сихъ-поръ найденъ лишь въ двухъ или трехъ мѣстностяхъ.

ADELOCERA. Latr. *

**Conspersa L.* 2. Въ Осиновой рощѣ, особенно осенью, подъ корою деревъ. — *Fasciata L.* 4. Съ предыдущею. Также близъ Палюстрова и Овцына.

LACON. Lap. *

Murinus L. 4.

ATHOUS. Esch. *

Analis F. (Subfuscus Gyll.) 5. — *Undulatus Degeer* (bifasciatus et trifasciatus Gyll.) 2. Осиновая роща. — *Hirtus Herbst* (niger. Herbst, у Гуммеля) ** — **Longicollis F.* Въ коллекціи г. Сиверса. — **Vittatus F.* Г. Обертомъ въ Палюстровѣ. *** — *Haemorrhoïdalis F.* (Ruficaudis Gyll.) Hum. Ess. II. — *Scrutator Herbst.* Hum. Ess. VII. Motch. Cat. man. (*).

CAMPYLUS. Fisch. *

Mesomelas. Schmidt. (livens и linearis F.) 4. ** — **Borealis Payk.* 2. Г. Кеппеномъ въ Парголовѣ; также г. Моравицемъ. Насѣкомое Лапландское; въ Германіи оно не водится. *** — **Rubens Pz.* Motch. Cat. man.

LIMONIUS. Esch. *

Cylindricus Pk. 4. — Serraticornis Pk. 3. На Поклонной горѣ, раннею весною нѣсколько самокъ. Самецъ гораздо рѣже. *** — *Nigripes Gyll.* Hum. Ess. II.

CARDIOPHORUS. Esch. *

Ruficollis L. 4. Во множествѣ, раннею весною, подъ дерномъ на Смоленскомъ кладбищѣ; встрѣчался и на Елагиномъ острову; на пескахъ, не доходя Каменки; около Палюстрова. — **Musculus Er.* 2. Первый экземпляръ былъ найденъ г. Рееромъ, второй у г. Кеппена. ** — **Asellus Er.* 2. Г. Моравицемъ **** — **Equiseti Herbst.* По свѣдѣнію, сообщенному г. Обертомъ, найденъ близъ Нарвы.

ELATER. L. *

Nigrinus Gyll. 3. — **Brunnicornis Germ.* (Опредѣленъ мною въ Берлинѣ по оригинальному экземпляру Гермара). — *Tristis*

(*) Elater lanuginosus Mannerh. и pubescens Mannerh., упомянутые у Гуммеля (Ess. VI), весьма сродны съ El. hirtus, а можетъ быть и не составляютъ самостоятельныхъ видовъ. Въ коллекціи академіи наукъ находятся оригиналы Маннергейма.

F. 4. Павловскъ, Осиновая роща, Палюстрово, Овцыно. — *Ephippium F.* 4. Крестовскій островъ. — ***Balteatus** F.* 5. — ***Praeustus** F.* 3.—*Elongatus F.* 5. Встрѣчается желтая разновидность, которую легко принять за *elegantulus Schönh.* — **Pomorum Geoffr.* 5. ** — **Sanguineus L.* Пески, не доходя Каменки. (Г. Кеппенъ).

CRYPTOHYPNUS. Esch. *

Riparius F. 5. (*).

CORYMBITES. Latr. *

Pectinicornis L. 5. — *Tessellatus L.* 6. — *Assimilis Gyll.* 3. — *Quercus Payk.* 4. — *Castaneus L.* 2. Найденъ мною въ апрѣлѣ 1855 г. на цвѣтущей ивѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ. Г. Обертомъ въ Палюстровѣ (въ 1829 году, въ маѣ). — *Affinis Gyll.* 3. *** — **Haematodes F.* Motch. Catal. man.

DIACANTHUS. Latr. *

Cruciatus L. 5. — *Aeneus L.* 6. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ насѣкомыхъ. Разность съ рыжыми ногами также нерѣдка. — **Melancholicus L.* 3. Попадался мнѣ довольно часто въ пескахъ за Коломягами. Насѣкомое сѣверной фауны. Въ Германіи встрѣчается только мѣстами, и то рѣдко. — *Impressus F.* 4. Въ сосновыхъ лѣсахъ. — *Holosericeus F.* 5. Во множествѣ на ольховыхъ кустарникахъ у подошвы Поклонной горы, въ іюнѣ. *** — **Metallicus Pk.* Motch. Cat. man.

AGRIOTES. Esch. *

Obscurus Gyll. 6. — *Segetis Bjerk.* 5. *** — *Sputator L.* Hum. Ess. II («peu commun»). — **Pilosus F.* Motch. Cat. man.

SERICOSOMUS. Serv. *

Brunneus L. 4.—*Fugax F.* 4. По новѣйшимъ наблюденіямъ

(*) По свѣдѣнію, сообщенному г. Обертомъ, *Elater erythrogonus Müll*, *ochropterus Dej. Cryptohypnus pulchellus* и *Drasterius bimaculatus* найдены были близъ Нарвы.

кажется достовѣрнымъ, что *S. fugax*, самецъ, и *S. brunneus*, самка, составляютъ одинъ видъ.

DOLOPIUS. Meg. *

Marginatus L. 5.

ECTINUS. Esch. *

Aterrimus L. 4.

ADRASTUS. Meg. *

Limbatus. F. 4. Въ Павловскѣ, въ травѣ. *** — *Pallens F.* Hum. Ess. III.

FAMILIA XXIX. CYPHONES.

ATOPA. Payk. *

Cervina L. У Дудергофа, въ Парголовѣ и на Поклонной горѣ.

CYPHON. Payk. *

Padi Gyll. 5. — *Lividus F.* — *Griseus F.* (coarctatus Pk.) — *Pubescens F.* (Variabilis Thunb.) *** — *Pallidus F.* (у Гуммеля *melanurus F*, который, по Редтенбахеру, относится сюда.) Hum. Ess. VI.

SCIRTES. Illig. *

**Haemisphaericus L.* Г. Кеппенъ, въ Парголовѣ, на ольхѣ.

FAMILIA XXX. TELEPHORI.

LYGISTOPTERUS. Dej. *

Sanguineus F. 4.

DICTYOPTERUS. Latr. *

Aurora. 3. — *Minutus F.* 2. На Дудергофской горѣ; на лугу, недоходя Нижней Каменки. *** — **Hybridus Mnh.* Motch. Cat. man. и Etudes entom. 1853.

LAMPYRIS. Geoffr. *

(Свѣтлякъ).

Noctiluca L. 3. Въ Парголовѣ, Павловскѣ, Лопухинкѣ, Овцынѣ.

TELEPHORUS. Schaeff. *

Nigricans F. 4. — *Obscurus F.* 4. На Поклонной горѣ. — *Rusticus Fall.* 4. — *Fuscus L.* 6. — *Dispar F.* 4. — *Pellucidus F.* 3. — * *Assimilis Gyll.* 3. — *Lituratus Fall.* 5. — *Thoracicus Ol.* 6. (Flavilabris Fall., по моему мнѣнію, самецъ этого вида). — * *Pilosus Payk.* 3. Павловскъ, Каменка. — * *Violaceus Payk.* Весьма рѣдкій по сѣверную сторону Невы (найденъ мною только однажды, у Каменки), и, какъ кажется, довольно обыкновенный на южной сторонѣ. Около Ораніенбаума и Лопухинки, въ концѣ мая или началѣ іюня 1854 г., онъ попадался мнѣ въ большомъ числѣ. *** — *Rufus Gyll.* Hum. Ess. VI. — *Oculatus Gebl.* Hum. Ess. VII («selon. Mr. Faldermann»). — * *Figuratus Mnh.* Motch. Etudes Entom. 1853 (въ Бобыльскѣ).

MALTHODES? — RHAGONYCHA. Esch. *

Testacea L. 5. — * *Barbara F.* 2. — * *Atra L.* 4. — * *Paludosa Fall.* 2. *** — *Elongata Gyll.* Hum. Ess. V. — *Melanura F.* Hum. Ess. VII. Motch. Cat. man. — *Pallida Illig.* Hum. Ess. VII.

PODABRUS. Fisch. ***

Alpinus Payk. (lateralis L. по Стеттинскому каталогу 1852 г.) Hum. Ess. VII.

MALTHINUS. Latr. *

* *Flaveolus Pk.* 4. — * *Biguttulus Pk.* — *Biguttatus L.* *** — *Brevicollis Payk.* Hum. Ess. Motch. Cat. man. — *Marginatus Latr.* (?) Hum. Ess. IV (см. впрочемъ, его сомнѣнія на счетъ точности опредѣленія). — *Minimus Gyll.* Hum. Ess. V. — *Sanguinolentus L.* (sanguinicollis Schönh. Hum. Ess. IV.

FAMILIA XXXI. MALACHII.

MALACHIUS. F. *

Bipustulatus F. 6. — *Aeneus F.* 5. — *Viridis F.* 4. *** — *Geniculatus Germ.* Hum. Ess. VII (найденъ былъ Фальдерманномъ).

ANTHOCOMUS. Erichs. ***

Cardiacae L. Hum. Ess. II. Motch. Cat. man.

EBAEUS. Er.

* *Flavicornis St.* — * *Flavipēs F.* Motch. Cat. man.

CHAROPUS. Er. *

* *Pallipes Ol.* 4. На лугахъ, въ травѣ, иногда въ большомъ количествѣ.

DASYTES. Payk. *

Niger F. — * *Obscurus F.* — * *Tarsalis Gyll.* Въ Павловскѣ, только однажды, мною. *** — * *Plumbeus Ol.* (?) Motch. Cat. man.

DOLICHOSOMA. Steph. *

Linearis F. 4. Въ травѣ, напр. на лугахъ, не доходя Нижней Каменки, въ большомъ числѣ.

FAMILIA XXXII. CLERI.

TILLUS. Oliv. *

* *Elongatus F.* 1. Г. Менетріе въ Петергофѣ, г. Обертомъ въ Осиновой рощѣ (на-лету) и г. Кушакевичемъ.

CLERUS. Geoffr. *

Formicarius L. 5. Насѣкомое это встрѣчается далеко не столь часто, какъ личинка его — червячокъ кирпичнаго цвѣта, весьма обыкновенный весною, на Крестовскомъ острову, подъ корою еловыхъ пней.

NECROBIA. Latr. *

Violacea Latr. 5. Объѣдаетъ остатки жилъ и хрящей на тлѣющихъ костяхъ.

FAMILIA XXXIII. PTINI.

PTINUS. L. *

Fur L. *** — *Rufipes F.* Hum. Ess. Motch. Cat. man. —

Sexpunctatus Pz. ibid. — * *Raptor St.* Motch. Cat. man. — * *Crenatus F.* ibid.

FAMILIA XXXIV. ANOBII.

ANOBIUM. L. *

Pertinax L. (striatum) 6. Повсюду, особенно въ домахъ. — *Striatum Oliv.* Hum. Ess. III (подъ именемъ pertinax); въ коллекціи его экземпляръ. — *Paniceum L.* Въ хлѣбѣ иногда въ дѣтскихъ игрушкахъ, сдѣланныхъ изъ тѣста. — * *Emarginatum Duft.* Одинъ экземпляръ найденъ мною. (Живетъ въ корѣ ели).** — * *Rufipes F.* Motch. Cat. man. Въ коллекціи г. Реера находился экземпляръ, опредѣленный мною. — * *Molle L.* г. Обертъ. *** — *Tesselatum F.* Hum. Ess. VII («rare»). — *Minutum F.* Hum. Ess. VII. (Онъ находилъ его вмѣстѣ съ A. paniceum). — * *Nitidum F.* — * *Castaneum F.* — * *Abietinum G.* — Motch. Cat. man. (*).

TRYPOPITYS. Redt. *

Carpini Herbst (serricornis Duft). 4. Нѣсколько разъ на сосновыхъ доскахъ дачи въ Новой деревнѣ.

CIS. Latr. *

Boleti F. 4. Въ Осиновой рощѣ. — * *Hispidus F.* 5. На Крестовскомъ острову. *** — *Micans F.* Hum. Ess. III. — * *Alni Gyll.* — * *Punctulatus Gyll.* — * *Grabriusculus Gyll.* — * *Politus Illig.* — * *Laricinus Reichenb.* (?) — * *Festivus Pz.* (?) Motch. Cat. man.

ENTYPUS. Redt. *

(Ennearthron Mellié).

* *Fronticornis Pz.* Съ предыдущимъ.

DORCATOMA. Hesbst. *

* *Bovistae.* Ent. Hefte. (или *affinis St?*). ** — *Dresdense.*

(*) A. denticolle Pz., упомянутое у Гуммеля (Ess. III), судя по сохранившемуся его экземпляру, есть Trypopitys serricornis (carpini).



Herbst. Hum. Ess. IV. («Tams, en. 1823»). Г. Гернетъ въ 1855. *** —* *Zusmachusensis Beck*. Motch. Cat. man.—*Micans Mnh*.— *Substriata Hum*. Новые виды, описанные въ Hum. Ess. VII. —

XYLETINUS. Latr. *

* *Pectinatus F*. Найденъ мною только однажды, на старомъ заборѣ у Палюстрова весною. **—* *Testaceus Duft*. Г. Обертъ.

PTILINUS. Geoff. **

* *Pectinicornis L*. Г. Обертомъ, въ Овцынѣ, на сосновыхъ бревнахъ.

APATE. F. *

Substriata Payk. Упоминается Гуммелемъ въ числѣ здѣшнихъ насѣкомыхъ (Ess. VII «par Mr. Grundstroem»). Экземпляръ коллекціи найденъ въ москотильномъ магазинѣ, г. Гауффа, въ ревенѣ. Г. Обертомъ найдено это насѣкомое въ Тайцахъ, на заборѣ. — (*A. elongata Gyll*., также найденная во времена Гуммеля (Ess. VI), по наблюденію г. Асмуса въ Дерптѣ, есть самка предыдущаго. (См. Annales de la Soc. Ent. de France V, p. 625).

FAMILIA XXXV. LYMEXYLONES.

HYLECOETUS. Latr. *

Dermestoides L. 3. Самецъ кажется рѣже самки. Совершенно черное видоизмѣненіе его, H. morio F., найдено было г. Менетріе на окнѣ въ домѣ академіи наукъ. — * *Flabellicornis Schneid. Sahlb*. Найденъ мною на Крестовскомъ острову (въ 1854 году, въ маѣ), въ еловомъ пнѣ.

LYMEXYLON. F. ***

* *Navale L*. Motch. Cat. man.

FAMILIA XXXVI. BOSTRICHI.

BOSTRICHUS. L. *

(Короѣдъ).

Typographus L. 6. На ели. Крестовскій островъ. (У Гумме

ля octodentatus Gyll). — **Stenographus. L.* Г. Обертомъ. На соснѣ. — * *Suturalis Dej*. На соснѣ. — *Laricis F.* На соснѣ, ели, можетъ быть и лиственницѣ. — **Curvidens Germ.* По Раицебургу въ *Pinus picea*, которая у насъ въ дикомъ состояніи не водится. Въ какомъ-же деревѣ найдено это насѣкомое? (Motch. cat. man: также упоминаетъ о немъ, какъ о Петербургскомъ жителѣ). * *Dispar Hellw*. На березѣ. — * *Acuminatus Gyll.* На соснѣ. — *Chalcographus F.* На ели. — *Bidens F.* На соснѣ. — *Autographus Ratz.* (villosus Gyll.) 4. На ели (Крестовскій островъ) *** — * *Nigritus Gyll.* Motch. Cat. man. — *Monographus F.* Hum. Ess. IV. (Маннергеймомъ въ Царскомъ селѣ). По Рацебургу только на дубѣ.

CRYPTURGUS. Er. *

* *Pusillus Gyll.* 6. На ели. Крестовскій островъ. *** — * *Pityographus Ratz.* (micrographus Gyll.) на ели. Motch. Cat. man.

XYLOTERUS. Er. *

Lineatus Gyll. 5. Сосна, ель, лиственница, даже береза. (См. о вредн. насѣкомыхъ, II, стр. 31). *** — * *Domesticus. L.* На букѣ и кленѣ. Найденъ г. Моравицемъ.

FAMILIA XXXVII. HYLESINI.

(Лубоѣды, Лубняки).

ECCOPTOGASTER. Herbst. *

Destructor. Oliv. 6. На березѣ. *** — **Scolytus F.* Motch. Cat. man. (по Рацебургу, на ильмовыхъ деревьяхъ).

POLYGRAPHUS. Er. *

**Pubescens F.* 3. На ели. Крестовскій островъ.

CRYPHALUS. Er. *

**Binodulus Weber*. На ели. Найденъ мною въ большомъ числѣ, на дровахъ, въ Осиновой рощѣ.

DENDROCTONUS. Er. *

**Micans Kug*. (ligniperda Gyll.) На ели. Единственный экземпляръ найденъ г. Рееромъ.

HYLURGUS. Er. *

Piniperda L. 6. На соснѣ. Около Каменки, весною.

HYLASTES. Er. *

Palliatus Gyll. 6. Сосна, ель, лиственница. Крестовскій островъ. — *Ater Payk*. 5. Сосна. — **Opacus Illig*. Сосна. — **Decumanus Duft*. Ель. *** — **Linearis Er*. Вѣроятно, на соснѣ. Motch. Catal. man.—*Angustatus Herbst*. Hum. Ess. III. На соснѣ.

FAMILIA XXXVIII. CURCULIONES

(Долгоносики, Носатики).

DRYOPHTHORUS. Schüpp. *

**Lymexylon F*. Мною, въ гниломъ деревѣ, близъ Коломягъ, недалеко отъ мѣста, гдѣ попадался. — *Dilylus*. (Ель?).

RHYNCOLUS. Creutz. *

Chloropus F*. Ель. — **Truncorum Gyll*. (Найденъ г. Кеппеномъ). * — *Elongatus Gyll*. Motch. Cat. man. — **Lignarius Marsh*. (по нынѣ принятой синонимiи, это *cylindrirostris Oliv*.) Motch. Cat. man. (Phloeophagus).

(*) Cossonus ferrugineus Clairv. Найденъ близъ Нарвы. (Сообщено г. Обертомъ.

SITOPHILUS. Schoenh.

**Granarius L.* — *Oryzae. L.* Насѣкомое не здѣшней фауны, нерѣдко привозимое съ рисомъ. (Въ послѣдніе годы, въ южныхъ губерніяхъ, оно сильно начало разводиться и въ пшеницѣ).

NANOPHYES. Schönh. *

**Lythri. F.*

GYMNAETRON. Schönh. *

Beccabungae. L. — *Graminis. Gyll.* 4. — *Campanulae L.* 4.— **Pilosus Besser.* 4. На *Linaria vulgaris*, въ августѣ.

CIONUS. Clairv. *

Thapsus F.* У Каменки. **—Scrophulariae L.* Г. Кеппеномъ въ Парголовѣ.

RHYTISODROMUS. ***

**Globulus. Herbst.* Motch. Cat. man.

OROBITIS. Germ. *

Cyaneus L. (Globosus Gyll.) 3. Найденъ нѣсколько разъ на Смоленскомъ полѣ, у забора.

TAPINOTUS. Schoenh. ***

Sellatus F. Hum. Ess. VII (въ Парголовѣ Фальдерманномъ, на *Vaccinium uliginosum*).

RHINONCUS. Schoenh. *

Pericarpius F. 5. — *Castor F.* 4. *** — *Inconspectus Herbst.* Hum. Ess. III. — **Guttalis Grav.* Motch. Catal. man.

CEUTHORHYNCHUS. Schoenh. *

**Litura F.* — **Sulcicollis Gyll.* — *Marginatus Payk.* — *Figu-*

ratus Schoenh. Г. Моравицъ. — *Floralis Pk.* 4. — *Erysimi F.* 4. Позднею осенью, на заборѣ, у Смоленскаго поля. — **Contractus Marsh.* Г. Кеппенъ. — **Asperifoliarum Gyll.* (?) *** — *Troglodytes F.* Hum. Ess. VII. — *Borraginis F.* Hum. Ess. III. — **Ericae Gyll.* — *Quercicola F.* Motch. .Cat. man.

ACALLES. Schönh. **

**Turbatus Schöenh.* (?) Г. Обертъ.

COELIODES. Schoenh. *

Didymus F. 5.

CRYPTORHYNCHUS. Illig. *

Lapathi. L. 4. На ивахъ; Елагинъ островъ, Павловскъ, Гражданка.

BARIDIUS. Schoenh. *

T-album L. 5. На лугахъ около Черной рѣчки.

BAGOUS. Germ. *

**Lutulentus Gyll.* 3 — **Lutulosus Gyll.* 3. Оба найдены мною въ нѣсколькихъ экземплярахъ у Черной рѣчки.

TRACHODES. Schüpp. **

**Hispidus L.* 2. Г. Обертомъ въ Овцынѣ, нѣсколько экземпляровъ.

ORCHESTES. Illig. *

Populi. F. 6. Ива. — *Scutellaris F.* Ольха. — *Lonicerae F.* *** — **Haematicus Germ.* Motch. Catal. man. (называется нынѣ *rufus Oliv.*).

TACHYERGES. Schoenh. *

Stigma F. (Jota Gyll.) — *Salicis L.* (bifasciatus F.) Ива. *** — *Saliceti F.* Hum. Ess. — *Decoratus Schüp. Schönh.* Motch. Cat. man.

ANOPLUS. Schüpp. *

Plantaris Naetz. Ольха.

PHYTOBIUS. Schmidt. *

Commari Herbst. 5. — *Quadricornis Gyll.* — *Quadrituberculatus Gyll.* *** — *Quadrinodosus Gyll.* Motch. Catal. man. Hum. Ess. III. — *Ceucogaster Marsh.* Motch. Cat. man.

ACALYPTUS. Schoenh. ***

Carpini. Motch. Cat. man. Hum. Ess. VI.

TYCHIUS. Schoenh. *

Tomentosus Herbst. (picirostris Gyll.) 4.

ANALUS. Schoenh. *

Scortillum Herbst. 4. Вдоль забора, у Смоленскаго поля, поздно осенью.

BALANINUS. Germ. *

Brassicae F. (salicivorus Gyll.) На ивахъ, напр. на Петровскомъ острову, раннею весною. — *Nucum L.* Въ коллекціи экземпляръ Гуммеля. Г. Обертъ нашелъ это насѣкомое на окнѣ. — *Cerasorum Gyll.* Hum. Ess. III.

ANTHONOMUS. Germ. *

Pomorum F. 5. На яблоняхъ въ большомъ числѣ. — *Rubi Herbst.* 5. — *Varians. Pk.* 4. На соснахъ, напр. на Поклонной горѣ, у Пороховаго завода, и проч. — *Druparum L.* 3. Черемуха, вишня (Рацеб.)—*Ulmi Degeer.* 3.—*Pubescens Payk.* 2. Ель.

ELLESCUS. Meg. *

Bipunctatus L. Горожанка, Каменка, садъ 1-го кадетскаго корпуса (Я. А. Кушакевичемъ). Ива. — *Scanicus Payk.* Ива.

HYDRONOMUS. Schoenh. *

Alismatis Marsh. 4.

GRYPIDIUS. Schoenh. *

Equiseti F. 5. На *Equisetum palustre.*

(*Продолженіе впредь*).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА (1).

Засѣданіе 8 *января* 1855 *г.*

I. — Секретарь отдѣленія сообщаетъ, что въ декабрскомъ общемъ собраніи Общества избраны въ члены-корреспонденты по отдѣленію восточной археологіи: *В. А. Тизенгаузенъ*, *Н. И. Ильминскій*, *Г. С. Саблуковъ* и *А. А. Бобровниковъ*, и что, въ то-же засѣданіе, Общество утвердило назначеніе задачи «О халифскихъ монетахъ (2)».

II. — *З. Ѳ. Леонтьевскій* представилъ переводъ Китайскихъ надписей на серебряной дощечкѣ, пожалованной въ правленіе Цянлунъ, 1793 года, какому-то чиновнику. По отзыву г. Леонтьевскаго, подобныя *пайзы* рѣдки и ему еще не встрѣчались (3).

III. — *Н. А. Толмачевъ*, изъ Казани, сообщилъ сдѣланные имъ типографическимъ способомъ снимки съ девяти Арабскихъ и двухъ Армянскихъ надгробныхъ надписей, сохранившихся въ селѣ Болгарахъ (древнемъ Булгарѣ).

IV. — Дерптское Эстонское общество сообщило *П. С. Савельеву*, для опредѣленія, пять куфическихъ серебряныхъ монетъ, найден-

(1) Извлеченія изъ протоколовъ восточнаго отдѣленія за 1851—1854 гг., помѣщены въ LXXIX ч. Ж. м. н. пр., отд. III, стр. 1—12, и ч. LXXXVII, отд. III, стр. 21—30.

(2) По непредставленію на конкурсъ сочиненій къ назначенному сроку (1 февраля 1857 г.), задача эта объявлена вторично, срокомъ къ 1 марта 1858 г. См. Ж. м. н. пр., ч. XCIV, отд. VII, стр. 73.

(3) Статья эта напечатана во II части «Трудовъ восточнаго отдѣленія».

ныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и поступившихъ въ музей этого Общества.

П. С. Савельевъ представляетъ о нихъ слѣдующую записку:

«1-я. Найдена въ Кіевѣ (вѣроятно, изъ извѣстной находкѣ 1851 г.; см. «Записки археол. Общ.», т. IV, Переч. засѣд. стр. 121, и «Mémoires de la Soc. d'arch.», t. V, p. 397). — Саманидская, Исмаила сына Ахмедова, битая въ Шашѣ, 292 г. гиджры или 904—905 по Р. Х. (Описана въ Recens. p. 47 № 38; Tornberg, № 61).

«2—3. Найдены близъ города Опочки, Псковской губерніи, въ курганѣ, на ожерельѣ вмѣстѣ съ бусами. — Обѣ Саманидскія: одна Нуха, сына Насра, Самаркандъ, 341 года, т. е. 952 — 953 отъ Р. Х. (описана у Галленберга, Num. Orient. p. 181); другая, еще не изданная, Нуха, сына Мансурова, Бухара, 376 года, т. е. 986, 7 отъ Р. Х.

«4 — 5. Найдены въ окрестностяхъ Дерпта. — Аббасидскія, рѣдкія. Одна — халифа Мутедàдъ-Биллаха, битая въ Васетѣ 288 г. (900—901 отъ Р. Х.); другая — Рады-Биллаха, Мединетъ-Селямъ, 324 г., т. е. 935 — 6; на обор. ст. вверху لله, внизу ...

V. — Въ Казанской губерніи, близъ села Бòлгаръ (древняго Булгара) и въ окрестностяхъ города Билярска, находятъ по временамъ куфическія монеты, поступающія въ руки любителей, которые, къ-сожалѣнію, рѣдко сообщаютъ ученой публикѣ о своихъ нумизматическихъ пріобрѣтеніяхъ и о мѣстѣ находокъ. Одинъ изъ Казанскихъ нумизматовъ, *Викт. Конст. Савельевъ*, имѣющій прекрасное собраніе Русскихъ и Золотоордынскихъ монетъ и древностей, сообщилъ на разсмотрѣніе секретарю отдѣленія *П. С. Савельеву* серебряныя куфическія монеты (числомъ 31), найденныя въ 1853 году близъ Билярска. По отзыву П. С. Савельева, эти монеты простираются отъ 121 до 292 г. гиджры (739 — 906 по Р. Х.); изъ нихъ 12 халифскихъ, 13 Саманидскихъ и 6 подражаній Саманидскому типу; одна изъ Саманидскихъ монетъ оказалась не изданною (293 г.)

Засѣданіе 25 *февраля* 1855 *г.*

VI. — *Н. Ө. Бутеневъ*, изъ Петрозаводска, прислалъ въ даръ Обществу три диргема:

1) Аббасидскій (халифа Мансура), битый въ Мединетъ-эль-Селямѣ, въ 148 году гиджры (765 отъ Р. Х.). Полученъ г. Бутеневымъ изъ Рыбинска; но гдѣ найденъ, неизвѣстно.

2) Верховныхъ эмировъ (Эмиръ-эль-умерà): Насиръ-Эддаулè; Мединетъ-эль-Селямъ; 331 = 942 — 3. (См. Soret Lettre à M. Stickel, p. 24). Полученъ изъ Ярославля.

3) Нуха сына Наера, во имя халифа Мути-Лиллаха; Бухара; 335 = 946 — 7. Этотъ диргемъ, кромѣ его рѣдкости, замѣчателенъ и по мѣсту его находки.

Вотъ чтò пишетъ объ этой находкѣ Н. Θ. Бутеневъ: «Эта монета, вмѣстѣ съ другими, найдена, въ 1849 г., въ Петрозаводскѣ, близъ впаденія рѣчки Неглинки въ Онежское озеро, подъ камнемъ, при очисткѣ мѣста для постройки зданій, принадлежащихъ гарнизонному баталіону. Нѣкоторыя были цѣльныя, другія разломаны пополамъ и на четыре части. Нѣсколько ихъ разошлось по рукамъ; не менѣе 60 штукъ представлены были тогдашнему начальнику губерніи г. Писареву».

VII. — Динары или золотыя монеты Саманидовъ такъ рѣдки, что ихъ извѣстно всего только 8 экземпляровъ въ Европѣ (въ томъ числѣ 4 въ Россіи). *П. С. Савельевъ* сообщаетъ извѣстіе о пяти еще неизданныхъ экземплярихъ этихъ динаровъ, изъ которыхъ четыре пріобрѣтены графомъ *Л. А. Перовскимъ* и одинъ музеемъ Императорскаго эрмитажа. Описаніе ихъ печатается въ дополненіяхъ къ монографіи Саманидскихъ монетъ, помѣщенной въ первой части «Трудовъ отдѣленія» (4).

VIII. — *П. С. Савельевъ* представляетъ рисунки бывшихъ доселѣ неизвѣстными серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ Золотой Орды, съ надписью на одной сторонѣ, Монгольскими буквами, Татарской формулы: *Кутлукъ булсунъ* («да будетъ счастливъ!») и съ Булгарскою тамгою на другой сторонѣ. Описаніе и рисунки этихъ монетъ изданы будутъ въ «Трудахъ отдѣленія».

Засѣданіе 30 *декабря* 1855 *г.*

IX. — Чл.-корр. *А. И. Артемьевъ*, изъ Саратова, доставилъ извѣстіе о томъ, что въ Аткарскомъ уѣздѣ, близъ казенной слободы Еланн, выпаханъ, прошлою осенью, крестьяниномъ, цѣлый котелъ серебряныхъ Джучидскихъ монетъ, которыя за безцѣнокъ проданы одному купцу, проживавшему въ удѣльномъ селѣ Вязовкѣ.

---

(4) «Труды вост. отд.», ч. I, стр. 244 и слѣд.

Секретарь отдѣленія присовокупилъ къ тому, что отъ министерства удѣловъ приняты уже мѣры къ отысканію и сохраненію этого нумизматическаго клада, который, подобно Екатеринославскому, может быть, доставитъ новыя данныя для исторіи и нумизматики Золотой Отды (5).

X. — Членъ Казанскаго экономическаго общества г. *Евлентьевъ* прислалъ въ даръ для музея Археологическаго общества четыре мѣдныя монеты Джучидовъ, пріобрѣтенныя имъ въ селѣ Болгарахъ.

По отзыву *П. С. Савельева*, монеты эти принадлежатъ къ числу весьма часто встрѣчаемыхъ.

XI. — *В. В. Вельяминовъ-Зерновъ*, извѣстный изданіемъ «Историческихъ извѣстій о Киргизъ-Казакахъ», прислалъ изъ Оренбурга статью объ исторіи Коканскаго ханства, дополняющую тѣ немногія данныя, какія доселѣ были извѣстны объ этомъ ханствѣ (6).

XII. — Извѣстный нашъ путешественникъ *Петръ Ал. Чихачевъ*, избравшій, въ послѣднее время, предметомъ изученій своихъ Малую Азію въ геологическомъ отношеніи, обратилъ свое вниманіе и на древности этой страны, и въ письмѣ къ г. Молю, напечатанномъ въ Journal Asiatique, представилъ обозрѣніе всѣхъ видѣнныхъ имъ тамъ развалинъ и памятниковъ. Секретарь отдѣленія, имѣя въ виду современный интересъ этой статьи, представляетъ о напечатаніи ея въ Русскомъ переводѣ, въ «Трудахъ отдѣленія (7)».

XIII. — Иностранный членъ-корреспондентъ общества г. *Соре́*, изъ Женевы, прислалъ продолженіе описанія неизданныхъ восточныхъ монетъ своего собранія, напечатанное на Французскомъ языкѣ, въ Брюсселѣ, подъ заглавіемъ «Письма къ г. Савельеву» (Lettre à M. Sawélieff).

Положено: извлеченіе изъ означеннаго «Письма» помѣстить на Русскомъ языкѣ въ «Трудахъ отдѣленія», въ которыхъ напечатана уже была первая статья г. Сорѐ (8).

---

(5) Къ сожалѣнію, офиціальные поиски остались тщетными: весь кладъ разошелся по рукамъ и вѣроятно переплавленъ серебрянниками.

(6) Статья г. Вельяминова-Зернова напечатана во II-й ч. «Трудовъ», стр. 329—370.

(7) Памятники древности въ Малой Азіи, П. А. Чихачева, во II-й ч. «Трудовъ», стр. 225—303.

(8) Напечатано во II-й ч. «Трудовъ», стр. 304—328.

XIV. — *П. С. Савельевъ* представляетъ, для помѣщенія въ третьей части Трудовъ «Описаніе Азіатскаго музеума Императорской академіи наукъ», составленное по сочиненію Дорна, съ разными дополненіями и измѣненіями.

Положено: согласно представленію г. Савельева, напечатать эту статью въ III-й части «Трудовъ».

XV. — *П. С. Савельевъ* показываетъ собранію экземпляръ большой серебряной медали Аудскаго (въ Остъ-Индіи) владѣтеля Гайдера, уже описанной Вильсономъ въ Numismatic Chronicle, 1843, vol. V, pp. 129—133, гдѣ изданъ и рисунокъ ея. Два экземпляра этой медали поступили недавно въ коллекціи Петербургскихъ нумизматóвъ (гг. Рейхеля и Кёне), съ Кавказа. По поводу ея г. Савельевъ сообщилъ слѣдующія извѣстія:

«Медаль эта, любопытная по своимъ изображеніямъ, въ то-же время есть историческій документъ. Въ 1819 году правитель Аудской области (имѣющей не менѣе 24,000 квадратныхъ Англійскихъ миль и до 4 милліоновъ жителей), соскучивъ носить титулъ визиря великаго Могола, какъ назывались его предшественники, вздумалъ назвать себя царемъ Аудскимъ. Великій Моголъ весьма обидился такимъ самоуправствомъ, хотя самъ онъ въ сущности не болѣе какъ пенсіонеръ и арестантъ Остъ-Индской Кампаніи; Англичанъ-же задобрилъ новый государь деньгами, и они признали его всѣмъ, чѣмъ онъ желалъ быть, зная, что не въ имени дѣло.

«Въ память этого событія и выбита медаль. На одной сторонѣ ея, въ противность мусульманскому ученію, изображенъ портретъ новаго государя, съ Персидскимъ двустишіемъ вокругъ:

«Чеканилъ серебро и золото, по милости Владыки милостей, Гази-Эддинъ Гайдеръ, воитель невѣрныхъ родомъ, царь своей эпохи. Годъ первый».

На оборотѣ представленъ гербъ: два льва или тигра держатъ каждый въ правой лапѣ знамя съ девизомъ рыбы; такія-же двѣ рыбы подъ знаменами; надъ ними, между знаменъ, визирскій кинжалъ, и сверху корона. Кругомъ другое Персидское двустишіе, столь-же незамысловатое, какъ и первое:

«Да продлится жизнь твоя, о шахъ, тысячу лѣтъ; да пробудешь ты тысячу лѣтъ подъ покровительствомъ Божіимъ».

«Въ дополненіе къ извѣстію г. Вильсона, можно присовокупить слѣдующія свѣдѣнія: Гази-Эддинъ Гардеръ билъ и монеты съ своимъ именемъ и такимъ-же гербомъ: одна рупія, 1234 г. гид-

жры, описана Марсденомъ (Numismata Orientalia, p. 838, pl. LVII № MCCCCLXXXVII). Государь этотъ былъ человѣкъ образованный, и восточная филологія обязана ему составленіемъ огромнаго Персидскаго словаря, извѣстнаго подъ названіемъ «Семи Морей» هفت قلزم. Библіотека Аудскихъ государей извѣстна по богатству восточныхъ рукописей, и еще недавно ученый оріенталистъ Спренгеръ напечаталъ описаніе ихъ (A Catalogue of the Arabic, Persian und Hindustany Manuscripts of the Librairies of the King of Oudh. Vol. I. Calcutta. 1854).

«Преемники Гайдера продолжаютъ называться громкими титулами, и Остъ-Индійское правительство титулуетъ ихъ не иначе какъ «King» и «His Majesty». О частной жизни Аудскихъ королей издано недавно любопытное сочиненіе: «The Private Life of an Eastern King. London. 1855».

XVI. Представляя отдѣленію многія рѣдкія и частію неизданныя восточныя монеты собранія барона *С. И. Шодуара*, въ Ивницѣ, близъ Житомира, *П. С. Савельевъ* указываетъ на примѣчательнѣйшія изъ нихъ, описаніе которыхъ полагаетъ помѣстить въ «Трудахъ», въ статьѣ: «Нумизматическіе аналекты», въ которую войдутъ постепенно и описанія неизданныхъ монетъ изъ другихъ музеевъ, разсмотрѣнныхъ г. Савельевымъ.

Засѣданіе 6 февраля 1856 г.

XVII. Секретарь отдѣленія представилъ отпечатанную третью книжку «Трудовъ отдѣленія» (второй выпускъ II-й части), заключающую въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Памятники древности въ Малой Азіи, *П. А. Чихачева;* 2) Неизданныя восточныя монеты собранія Ф. Сорѐ, статья вторая, и 3) Историческія извѣстія о Коканскомъ ханствѣ отъ Мухаммеда-Али до Худаяръ-Хана, *В. В. Вельяминова-Зернова.* Въ книжкѣ приложены подробный указатель и заглавные листы ко II-й части «Трудовъ».

XVIII. — Заслуженый академикъ *Э. И. Эйхвальдъ* сообщилъ изслѣдованія свои «О Чудскихъ копяхъ Азіатской Россіи». Почтенный авторъ описываетъ сперва Чудскія копи, могилы и надгробныя статуя; сравниваетъ Чудскіе памятники съ Скиѳскими, найденными въ Керчи, и въ заключеніе объясняетъ сказанія Греческихъ и Римскихъ историковъ и географовъ о Скиѳскихъ наро-

дахъ. Къ статьѣ приложены рисунки разныхъ древностей, найденныхъ въ Чудскихъ могилахъ въ Сибири.

Положено: изслѣдованіе Э. И. Эйхвальда помѣстить въ «Трудахъ отдѣленія», на предложенныхъ имъ условіяхъ (9).

XIX. — Членъ-корреспондентъ *М. И. Броссе́*, возвращая препровожденныя къ нему на разсмотрѣніе снимки Армянскихъ надписей села Болгаръ, снятые по способу Миллена г. Толмачевымъ и имъ доставленные въ Археологическое Общество (см. выше, § III), сообщаетъ о нихъ слѣдующее:

Два изъ этихъ снимковъ представляютъ ту надпись, которая издана Сенъ-Мартеномъ въ Nouveau Journal Asiatique, t. VIII, p. 505 (подъ № 3) и потомъ объяснена самимъ г. Броссе́ въ Bulletin scientifique, t. III, p. 19. Новый снимокъ этой надписи несравненно точнѣе прежнихъ и теперь почти всѣ слова ея могутъ быть прочтены несомнѣнно. Годъ надписи 784, т. е. 1335 отъ Р. Х.; особенно замѣчательна форма буквъ.

Третій снимокъ представляетъ надпись доселѣ еще неизданную. Это будетъ пятая извѣстная изъ Армянскихъ надписей Булгара.

Положено: статью г. Броссе́ объ упомянутыхъ двухъ Армянскихъ надписяхъ села Болгаръ, съ присовокупленіемъ уменьшенныхъ фотографическихъ снимковъ, помѣстить въ «Трудахъ отдѣленія», а подлинные снимки передать для храненія въ музей Общества.

XX. — Лѣтомъ 1855 года найденъ былъ въ Казанской губерніи (мѣсто находки съ точностію неизвѣстно) кладъ, состоявшій изъ куфическихъ монетъ конца X столѣтія, и изъ котораго 40 диргемовъ куплены были въ Казани и доставлены на разсмотрѣніе въ восточное отдѣленіе *В. К. Савельевымъ.*

По отзыву секретаря отдѣленія *П. С. Савельева*, разсмотрѣвшаго эти монеты, находка эта весьма замѣчательна тѣмъ, что состоитъ большею частію изъ Бувейгидскихъ монетъ и представляетъ рѣдкіе и неизданные еще виды. Шесть экземпляровъ совершенно стерты; изъ остальныхъ 34 диргемовъ, только 5 принадлежатъ Саманидскимъ эмирамъ, именно Нуху II-му сыну Мансурову, и въ числѣ ихъ 3 неизданныя. Вотъ описаніе этихъ монетъ:

(9) «О Чудскихъ копяхъ», въ III-й ч. «Трудовъ», стр. 1—104.



«1) Чеканенная въ Бухарѣ, 383 года (993—994 Р. Х.); этого года не было извѣстно Саманидскихъ диргемовъ.

2) Чеканенная въ Мервѣ, того-же 383 г., весьма примѣчательная по имени Абу-Алія, встрѣчавшемуся на Гератскихъ диргемахъ.

3) Съ тѣмъ-же именемъ Абу-Алія; мѣсто и годъ чеканки стерлись.

4—5) Изъ двухъ остальныхъ Саманидскихъ диргемовъ одинъ Нисабурскій, 377 г., уже описанъ (Rec., p. 587, № 339, a); а на другомъ не видно ни года, ни мѣста чеканки.

Изъ Бувейгидскихъ диргемовъ этой находки наибольшее количество, именно 20 экземпляровъ, принадлежитъ одному и тому-же государю, Фахръ-Эддаулю, котораго монеты встрѣчаются рѣже другихъ той-же династіи. Изъ остальныхъ девяти 4 совершенно стертыя (№ 6—9). За тѣмъ:

10) Рукъ-Эддауле и Ададъ-Эддауле (см. Recens., p. 148, № 2, Lindberg, p. 230, № 43).

11) Ададъ-Эддауле, одинъ (Lindberg, (ibid., п. 256, № 78).

13—14) Мувейидъ-Эддауле во имя Ададъ-Эддауле и Рукнъ-Эддауле; два неизданные диргема, изъ которыхъ одинъ чеканенъ въ Ахвазѣ 364, другой въ Исфаганѣ 365 года.

Двадцать экземпляровъ Фахръ-Эддауле слѣдующіе:

15—25) Фахръ-Эддауле, одинъ; 11 экз., изъ которыхъ 3 чеканены въ Джорджанѣ, въ 377 и 378 гг., 1 въ Саріѣ, 378 г., и въ Астерабадѣ, того-же года; на остальныхъ 6-ти экз. не сохранилось ни года, ни мѣста чеканки.

26—29) Его-же, съ титуломъ «шаханшахъ».

30—34) Его-же, съ именемъ бывшаго его намѣстника и младшаго брата, Хосру-Фируза, 379 года, чеканены въ Амолѣ».

Описаніе неизданныхъ монетъ этой находки войдетъ въ составъ «Нумизматическихъ аналектъ» П. С. Савельева, предназначенныхъ къ изданію въ «Трудахъ восточнаго отдѣленія».

XXI. — Адъюнктъ Арабскаго языка въ Санктпетербургскомъ университетѣ *М. Т. Навроцкій*, сообщилъ снимокъ и объясненіе двухъ мусульманскихъ надгробныхъ надписей, находящихся близъ Казани и любопытныхъ какъ въ палеографическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніяхъ.

П. С. Савельевъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ: 1) свое объясненіе Татарской надписи, находящейся близъ Елабуги (снимокъ сообщенъ былъ мѣстнымъ священникомъ), и 2) объясненіе двухъ такихъ-же надписей, сообщенное *Н. И. Ильминскимъ*, — полагая

всѣ эти статьи, вмѣстѣ съ читанною имъ, въ засѣданіи 9 марта 1854 г., о Булгарскихъ надписяхъ, помѣстить въ одной изъ книжекъ «Трудовъ отдѣленія».

Засѣданіе 4 апрѣля 1856 г.

XXII. — Читано предложеніе члена-корреспондента Общества *И. Н. Березина*, слѣдующаго содержанія:

«Приводя къ окончанію переводъ на Русскій языкъ описанія Турецко-Монгольскихъ племенъ изъ исторіи Монголовъ, составленной, на Персидскомъ языкѣ, везиремъ Рашидъ-Эддиномъ, я имѣю честь обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ археологическому Обществу, принять на себя печатаніе этого изданія. Извѣстно, что исторія Рашидъ-Эддина составляетъ лучшій и богатѣйшій источникъ для знакомства съ Монголо-Турецкою древностью; не подвержено также сомнѣнію, что безъ знакомства съ повѣствованіями Рашидъ-Эддина о Монголо-Турецкихъ племенамъ, обильные и разнохарактерные памятники и надписи, сохранившіеся до-сихъ-поръ въ восточномъ краѣ Европейской Россіи, на Кавказѣ и въ Сибири, не могутъ быть опредѣлены съ желаемой точностью. Переводъ приводится мною къ окончанію и будетъ снабженъ многочисленными и обширными примѣчаніями».

Отдѣленіе, признавая весьма полезнымъ для науки изданіе въ свѣтъ отдѣла Рашидъ-Эддиновой исторіи «О Турецко-Монгольскихъ племенахъ», положило: исходатайствовать автору вознагражденіе за труды по перепискѣ рукописи и просить его о представленіи этого труда въ отдѣленіе, для помѣщенія его въ одной изъ слѣдующихъ чатей «Трудовъ».

XXIII. — Членъ-корреспондентъ Общества, заслуженый профессоръ *Ѳ. И. Эрдманъ*, при отношеніи отъ 30 января, сообщаетъ отдѣленію свое разсужденіе «О весьма замѣчательной серебряной чашѣ, находящейся въ собраніи рѣдкостей графа С. Г. Строганова», съ рисункомъ ея. Разсужденіе это, въ менѣе полномъ объемѣ, представляемо уже было Обществу въ 1850 году, и содержаніе его прописано въ протоколѣ 16 октября того-же года (см. «Труды Вост. Отд.», ч. I, стр. 305 — 307). Ѳ. И. Эрдманъ, не довольствуясь столь краткимъ изложеніемъ его изслѣдованія въ протоколѣ, *настаиваетъ* на помѣщеніи его въ «Трудахъ отдѣленія» въ полномъ объемѣ: потому что, по словамъ его, оно теперь на-

писано «въ такомъ убѣдительномъ видѣ, что не оставитъ *въ душѣ* «ученаго болѣе никакого сомнѣнія».

Члены отдѣленія, оставаясь при прежнемъ своемъ мнѣніи, прописанномъ въ протоколѣ 16 октября 1850 г., но уступая настоятельному *требованію* г. Эрдмана и имѣя при томъ виду, что въ дѣлѣ науки *всякое* мнѣніе должно быть выслушано, положили напечатать означенную статью въ «Трудахъ», съ приложеніемъ рисунка; при чемъ П. С. Савельевъ изъявилъ готовность присовокупить къ ней особое примѣчаніе, указывающее на сомнительныя стороны изслѣдованія.

XXIV. — Извѣстный усердіемъ своимъ къ описанію Еврейскихъ древностей, Евпаторійскій главный газанъ Караимовъ г. *Авраамъ Фирковичъ*, сообщилъ статью объ археологическихъ развѣдкахъ, произведенныхъ имъ въ 1848 и 1849 годахъ въ сѣверныхъ частяхъ Кавказа.

Отдѣленіе, признавая полезнымъ изданіе даже краткихъ свѣдѣній о древностяхъ, видѣнныхъ путешественникомъ въ странѣ, еще мало извѣданной, а между тѣмъ представляющей много замѣчательнаго для археологіи, положило: напечатать изъ статьи г. Фирковича извлеченіе, могущее служить указателемъ для археологовъ, поручивъ г. секретарю редакцію этого труда (10).

XXV. — *П. С. Савельевъ* представляетъ: 1) полученныя имъ отъ г. Кёне разные виды новѣйшихъ монетъ Англійской Остъ-Индійской Кампаніи, Нидерландской Индіи, и Ново-Персидскія Мухаммедъ-Шаха и Насиръ-Эддинъ-Шаха; 2) неизданныя куфическія монеты разныхъ династій, описаніе которыхъ войдетъ въ «Нумизматическіе аналекты», и 3) изслѣдованіе «О монетахъ первыхъ Газневидовъ съ именами Саманидскихъ эмировъ».

Засѣданіе 24 *декабря* 1856 *г.*

П. С. Савельевъ сообщаетъ слѣдующія записки о разсмотрѣнныхъ имъ 270 монетахъ, найденныхъ въ трехъ различныхъ мѣстностяхъ: въ Рязанской и Тульской губерніяхъ и въ Сунжинской станицѣ.

I. *Рязанскій кладъ.* «Это третья значительная находка восточныхъ монетъ въ Рязанской губерніи. Найденъ нынѣшній кладъ

(10) Напечатано въ III ч., стр. 108—137.



въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ отъ уѣзднаго города, въ селѣ Желѣзницахъ, близъ рѣки Осетра. Онъ содержалъ въ себѣ болѣе трехъ фунтовъ серебряныхъ издѣлій и монетъ. Издѣлія состоятъ изъ шейныхъ обручей, запястій, колецъ, серегъ, привѣсокъ и бляхъ. Монеты, числомъ 258, за исключеніемъ одной Сасанидской, всѣ куфическія, преимущественно Аббасидскія. Древнѣйшая изъ нихъ (Сасанидская) 618 года отъ Р. Х., новѣйшая 878 года; большая-же часть второй половины IX вѣка. Саманидскихъ нѣтъ ни одной. Многія монеты оказались рѣдкими или даже вовсе еще неизвѣстными. Московское Общество исторіи и древностей Россійскихъ пріобрѣло эту находку для своего музея, и по порученію его составлено мною подробное описаніе клада, которое издано будетъ, съ рисунками вещей, во «Временникѣ» этого Общества».

II. *Тульскій кладъ*. «Тульской губерніи Одоевскаго уѣзда близъ села Протасова, принадлежащаго помѣщицѣ Мосоловой, послѣ размыва плотины въ берегахъ рѣчки Волконы, недалеко отъ впаденія ея въ Упу (близъ этого мѣста находятся слѣды землянаго укрѣпленія или городища), найдена, лѣтомъ 1856 года, довольно большая кубышка, вся наполненная серебряными Арабскими монетами. Ихъ было нѣсколько сотъ, которыя тотчасъ-же разошлись по рукамъ. Бывшій на мѣстѣ, сочленъ нашъ А. Н. Поповъ успѣлъ пріобрѣсти одиннадцать экземпляровъ изъ этой находки, которые и доставилъ мнѣ на разсмотрѣніе. Монеты оказались халифскими: древнѣйшія изъ нихъ Умейядская, 740 года по Р. Х., а всѣ прочія Аббасидскія; новѣйшая 841 — 842 года. Вотъ списокъ ихъ, въ хронологическомъ порядкѣ:

№ 1. Умейядскій диргемъ, битый въ 122 году, въВаситѣ (122-й годъ гиджры соотвѣтствуетъ 740 году отъ Р. Х.).

Аббасидскіе диргемы:

№ 2. Басра, 145 (762 — 763 Р. Х.).

№ 3. Мединетъ-эль-Селямъ (Багдадъ), 155 года (772).

№ 4. Тамъ-же, 157 года (773 — 774).

№ 5. Зеренджъ, 185 (801 — 802). У Торнберга Numi cuf. p. 51 № 189) помѣщено неполное описаніе этого диргема, составленное по неполному и вѣрно отчасти стертому экземпляру; авторъ напрасно называетъ его ineditus, тогда-какъ онъ описанъ, за двадцать лѣтъ до выхода въ свѣтъ сочиненія Торнберга, Френомъ, въ его Recensio p. 26 № 198, хотя также по несовсѣмъ

четкому экземпляру. Нашъ экземпляръ прекрасно сохранился и не представляетъ никакого сомнѣнія ни относительнаго мѣста чеканки, Зеренджа, ни года (185), ни именъ халифа Эль-Рашида и Али сына Береке, ни монограммы *бх*.

№ 6. Багдадъ, 187 (803).

№ 7. Тамъ-же, 188 (804).

№ 8. Крѣпость Шашъ, 190 (805 — 6). Два экземпляра.

№ 9. Багдадъ, 202 (819 — 820). Описана въ Rec. p. 12**

№ 293. Подъ вторымъ символомъ, на оборотной сторонѣ, Френъ полагалъ слова الله; на нашемъ экземплярѣ весьма ясно لله.

№ 10. Багдадъ, 226 (841 — 842)».

III. *Сунжинскій кладъ.* «Въ 1855 году найденъ былъ на берегахъ Сунжи, близъ Сунжинской станицы, кладъ, состоявшій изъ двухъ-сотъ серебряныхъ монетъ. Двѣ монеты изъ этой находки, сообщенныя мнѣ на разсмотрѣніе въ Крыму прошедшимъ лѣтомъ, оказались Аббасидскими диргемами: одна чеканена въ Самаркандѣ въ 201 году гиджры (816 — 817 отъ Р. Х.), другая въ Мухаммедіи 253 года (866 отъ Р. Х.).»

XXVII. — Чл.-корр. *В. К. Савельевъ*, въ письмѣ къ секретарю отдѣленія, сообщаетъ извѣстія о находкѣ Джучидскихъ монетъ въ Казанской губерніи.

Главныя мѣстонахожденія ихъ, кромѣ села Болгаръ (Спасскаго уѣзда), находятся въ Чистопольскомъ уѣздѣ: пригородъ Билярскъ, Савинъ городокъ (11) близъ Чистополя, деревня Донауровка и деревня Караса. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ сохранились и остатки древнихъ городищъ или валовъ. Село Болгары, древній Булгаръ, представляетъ наибольшую добычу какъ въ отношеніи монетъ, такъ и въ отношеніи древнихъ издѣлій. Путешественнику, проѣзжающему это историческое село, стоитъ остановиться здѣсь на нѣсколько часовъ и «кличъ кликнуть», чтобы нанесли ему груды монетъ и вещей, безпрестанно находимыхъ крестьянами на пашнѣ, или при рытьѣ земли, или послѣ сильнаго дождя, когда мальчишки и дѣвчонки отправляются въ поиски въ сдѣлавшихся отъ ручьевъ рытвинахъ. Прошло нѣсколько столѣтій съ-тѣхъ-поръ, какъ поселились здѣсь Русскіе, а археологическая почва Булгара еще не

(11) Савинъ городокъ сохранилъ и старинное свое названіе Жукотина, о взятіи котораго Новгородцами въ 1360 году упоминается въ лѣтописи. См. статью А. И. Артемьева: «Древній болгарскій городъ Жукотинъ» въ Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1851 г., т. XXXIII стр. 56—74.



истощилась. Одинъ Казанскій купецъ, торговавшій въ серебряномъ ряду, говорилъ, что, на своемъ вѣку, онъ переплавилъ не менѣе семи пудъ серебряныхъ монетъ и вещей, купленныхъ въ Болгарахъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько часовъ времени, г. Савельевъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ на выборъ до 200 монетъ болѣе или менѣе примѣчательныхъ (Менгу-Каâна, Эригъ-Бугà, Тохтогу, Узбека, Джанибека, Хызра, Мюрида и другихъ хановъ). Чаще другихъ попадаются въ Болгарахъ мѣдныя монеты безъ именъ хановъ: Новосараіскія съ изображеніемъ цвѣтка и надписью «шестнадцать денегъ», и «Булгарскій пулъ»; всего чаще «шестнадцать денегъ»; на сто принесенныхъ монетъ едва-ли не придется ихъ 75. Въ Савинѣ городкѣ, близъ Чистополя, находятъ также преимущественно мѣдныя монеты того-же разряда.

Въ числѣ монетъ, получаемыхъ изъ Билярска, часто встрѣчаются мѣдныя поддѣльныя, отчасти посеребренныя: поддѣлка, вѣроятно, старинная, а не нынѣшняя. По работѣ онѣ похожи на старинныя Русскія серебряныя копейки; изображенія на нихъ весьма не ясны и вмѣсто надписи какія-то уродливыя черты.

Всѣ эти монеты разсмотрѣны П. С. Савельевымъ, и встрѣтившіяся между ними неизданныя описаны и срисованы имъ, и будутъ изданы въ «Трудахъ отдѣленія».

XXVIII. — Въ числѣ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, пріобрѣтенныхъ *В. К. Савельевымъ* въ селѣ Болгарахъ, нашелся небольшой обломокъ *золотой* монеты, которыя находятъ тамъ чрезвычайно рѣдко, такъ-что, въ двадцать лѣтъ, едва извѣстно было о двухъ такихъ находкахъ. Какого разряда были эти золотыя монеты, неизвѣстно; можетъ-быть, Джучидскія, чеканенныя въ Харезмѣ, которыхъ извѣстно четыре экземпляра (см. Френа Recensio pp. 296, 297, 652, 653), или-же другой династіи, какъ напримѣръ Индійскихъ Патановъ, какія найдены были въ развалинахъ Сарая (см. статью В. В. Григорьева во II т. Записокъ арх. общ., стр. 336 — 351). По незначительности обломка, пріобрѣтеннаго нынѣ въ Болгарахъ, трудно съ достовѣрностью заключить объ этой монетѣ, тѣмъ болѣе, что самый чеканъ, на одной сторонѣ, вышелъ неясенъ отъ двойнаго удара штемпелемъ. По мнѣнію П. С. Савельева, это, можетъ-быть, динаръ Джанибека, чеканенный въ Харезмѣ. Видны слова: *Джани* и *Эльд*(инаръ).

XXIX. — Чл.-корр. *В. К. Савельевъ*, сообщилъ также краткое извѣстіе о бывшемъ у него собраніи Булгарскихъ древностей, со-

стоявшемъ изъ 170 нумеровъ вещей, найденныхъ въ селѣ Болгарахъ и доставшемся ему послѣ смерти извѣстнаго въ Казани собирателя Д. И. Неѣлова. Г. Савельевъ полагаетъ, что полезно было-бы издать рисунки ихъ съ описаніемъ, тѣмъ болѣе, что этому отдѣлу древностей никто еще не посвящалъ особаго описанія.

Отдѣленіе положило просить В. К. Савельева о доставленіи рисунковъ означенныхъ древностей съ описаніемъ ихъ, которое можетъ быть дополнено гг. членами Общества по собраніямъ, имѣющимся въ Петербургѣ, и такимъ-образомъ составить возможно-полное обозрѣніе извѣстныхъ доселѣ Татарско-Булгарскихъ издѣлій.

XXX. — *П. С. Савельевъ*, по поводу Джучидскихъ монетъ и древностей, обратилъ вниманіе отдѣленія на подобное-же собраніе, принадлежащее гг. Мауринымъ, владѣльцамъ села *Увѣкъ*, Саратовской губерніи, бывшаго нѣкогда однимъ изъ городовъ Золотоордынскаго царства, подъ названіемъ *Укекъ*. Покойный отецъ гг. Мауриныхъ болѣе сорока лѣтъ собиралъ находимыя въ Увѣкѣ и его окрестностяхъ монеты и вещи, и успѣлъ составить довольно примѣчательное собраніе, въ которомъ встрѣчаются и весьма рѣдкія монеты, какъ напримѣръ Увекскаго монетнаго двора, находившагося въ этой самой мѣстности, и замѣчательныя металлическія издѣлія. Собраніе это нынѣ продается.

XXXI. — Чл.-корр. *Н. И. Ильминскій*, изъ Казани, сообщаетъ замѣчанія о Монгольскихъ тамгахъ и ункунахъ (онгонахъ), упоминаемыхъ въ исторіи Рашидъ-Эддина.

Положено: представленное г. Ильминскимъ объясненіе напечатать въ «Трудахъ Отдѣленія» (10).

XXXII. — Бывшій профессоръ восточныхъ языковъ въ Одесскомъ Ришельёвскомъ лицеѣ *И. Н. Холмогоровъ* принесъ въ даръ археологическому Обществу 28 мѣдныхъ восточныхъ монетъ, Джучидскихъ, Оттоманскихъ и Крымскихъ. По разсмотрѣніи ихъ П. С. Савельевымъ, оказались между ними и невстрѣчавшіяся еще монеты Крымскихъ хановъ *Селимъ-Герая II* сына Капланъ-Гераева и *Арсланъ-Герая* сына Девлетъ-Гераева. Типъ ихъ обыкновенный, Бахчисарайскій; годы чеканки не видны.

Послѣ изданнаго В. В. Григорьевымъ въ 1843 г. описанія Крымскихъ монетъ (въ I т. Записокъ Одесск. Общ. Ист.) открыты г.

---

(11) См. «Труды», ч. III, стр. 131—141.



Савельевымъ монеты четырехъ хановъ этой династіи, имена которыхъ не встрѣчались доселѣ на монетахъ; это — *Инаетъ-Герай* сынъ Гази-Гераевъ, *Селимъ-Герай II*, *Арсланъ-Герай* и *Капланъ-Герай II* сынъ Селимъ-Гераевъ. Затѣмъ остается еще осмнадцать Герай-хановъ, монетъ которыхъ мы еще не имѣемъ.

XXXIII. — Завѣдывающій Сибирскимъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества *И. С. Сельскій*, изъ Иркутска, извѣщаетъ о полученіи присланныхъ для этого отдѣла двухъ первыхъ частей «Трудовъ восточнаго отдѣленія».

Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ отвѣтъ на письмо П. С. Савельева о присылкѣ въ отдѣленіе свѣдѣній о Сибирскихъ древностяхъ, равно какъ и самыхъ вещей на разсмотрѣніе и для описанія, г. Сельскій пишетъ: «Въ настоящее время мы занимаемся раскапываніемъ могилъ Забайкальскихъ аборигеновъ. Тожество вырытыхъ въ этой странѣ остатковъ древностей съ древностями Минусинскаго края, который былъ еще болѣе населенъ въ древности, наводитъ на мысль, что, если здѣсь былъ не одинъ народъ, то по-крайней-мѣрѣ жили два поколѣнія, очень близкія по своимъ родовымъ отношеніямъ. Что-же касается до желанія вашего получать находимыя у нихъ древности, для разсматриванія ихъ, то кажется, что можно будетъ посылать къ вамъ древнія вещи изъ нашего музеума, съ условіемъ, чтобы, по описаніи ихъ, онѣ были возвращаемы; дублеты-же можемъ приносить въ даръ Обществу».

XXXIV. — Въ другомъ письмѣ къ П. С. Савельеву, *И. С. Сельскій* сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующія подробности о Сибирской жизни и послѣднихъ дняхъ Дорджи Банзарова, біографія котораго напечатана во II части «Трудовъ вост. отдѣленія».

«Вы пишете, что любопытно было-бы прослѣдить обратный переходъ Банзарова изъ Европейца въ Бурята. Это совершилось очень просто. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Казани и Петербургѣ въ сухихъ ученыхъ занятіяхъ, вдругъ онъ возвращается къ своимъ вождѣленнымъ табунщикамъ, и тамъ родной кровъ, чудесная весна Боргойской степи, краснощекія землячки, и наконецъ *тарасунъ*, вдругъ сближаютъ его съ непремѣнными условіями жизни степнаго Монгола, и съ той-же минуты Банзаровъ весь принадлежалъ своимъ. Цѣлый годъ онъ провелъ на родинѣ.

«Въ Иркутскѣ, Банзаровъ былъ принятъ превосходно; генералъ-губернаторъ очень жаловалъ его, многіе съ нимъ были зна-

комы, а я, завѣдывая отдѣломъ, видѣлъ въ немъ совершенную для насъ необходимость. Въ Восточной Сибири Банзаровъ былъ нуженъ болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Высокопреосвященный Нилъ, знатокъ Монгольскаго языка, очень хотѣлъ сблизиться съ Банзаровымъ и желалъ, чтобы онъ совѣтами своими былъ полезенъ при переводѣ литургіи на Монгольскій языкъ. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ, преосвященный пламенно желалъ, чтобы Банзаровъ принялъ христіанство. Монголъ сердился за эти попытки, и перестала посѣщать преосвященнаго. Думаю, что еслибы Банзаровъ принялъ христіанство ранѣе сего, въ Казани, то онъ не сошелся-бы потомъ съ своими такъ тѣсно.

«Въ-теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ Банзаровымъ у насъ, онъ совершилъ только нѣсколько временныхъ поѣздокъ по службѣ. Наши виды на него были слѣдующіе: въ одномъ изъ засѣданій отдѣла, я предложилъ, чтобы Банзаровъ занялся въ-особенности исправленіемъ на нашихъ картахъ Монгольскихъ названій жилыхъ мѣстъ, урочищъ, горъ, рѣкъ, озеръ и проч., искаженныхъ отъ времени. Онъ совершенно раздѣлялъ со мною мысль о пользѣ такого занятія, и въ-теченіе года, кое-когда, послѣ большихъ настояній, принимался за дѣло и многое успѣлъ исправить, но большая половина осталась не разсмотрѣнною. Мнѣ хотѣлось также очень, чтобы Банзаровъ осмотрѣлъ остатки древностей Забайкальскаго края, древнія письмена и прочіе предметы, для объясненія аборигеновъ тамошняго края. Банзаровъ все обѣщалъ сдѣлать, но ни за что не принимался. Но, между-прочимъ, онъ отлично пояснилъ на картѣ пункты Китайской границы, согласно съ фактами нашими и Маньчжурскими. Онъ совершилъ поѣздку въ Тункинскій край, для изслѣдованія происхожденія Сойотовъ и ихъ заграничныхъ сосѣдей, Урянхайцевъ. Онъ занимался объясненіемъ древней надписи Мангутской пещеры; онъ-же просилъ г. Юренскаго разыскать Дэлюнъ-Болдокъ, мѣсто рожденія Чингисъ-хана, что̀ тотъ и сдѣлалъ; описаніе это находится теперь для просмотра у о. Аввакума. Кромѣ сего, Банзаровъ готовилъ исторію перехода изъ-за границы на нашу сторону Байкала различныхъ Монгольскихъ племенъ. Незадолго до своей смерти, онъ позвалъ меня и съ торжествомъ сказалъ мнѣ: «Знаете-ли, я удивлю васъ? Я докажу вамъ ясно, что предки Чингисъ-Хана жили у насъ, — гдѣ-бы вы думали? — въ Баргузинской степи». — Но какъ это, такъ и прочіе его порывы и предположенія остались ни при чемъ. Именно я, въ по-

слѣдній назначенный имъ срокъ, пришелъ къ нему за статьей о Чингисѣ, и нашелъ его, уже бездыханнаго, и ламу, читающаго надъ нимъ молитвы! Болѣзнь его была кратковременна: онъ обрадовался пріѣзду Бандиды-Хамбы-Ламы, въ сообществѣ наѣлся жирной свинины и пилъ много вина, потомъ поѣхалъ Хамбу провожать, простудилъ желудокъ, и умеръ внезапно. По докладу моему, библіотека Банзарова и вещи сданы были въ отдѣлъ; но въ ней, кромѣ книгъ, ничего не оказалось (11)».

XXXV. — *П. С. Савельевъ* прочелъ слѣдующее некрологическое извѣстіе о князѣ *М. П. Баратаевѣ:*

«30 іюля (1856 года) скончался въ имѣніи своемъ, близъ Симбирска, одинъ изъ членовъ-основателей археологическаго общества, князь Михаилъ Петровичъ *Баратаевъ*, на семдесятъ шестомъ году отъ рожденія.

«Князь Михаилъ Петровичъ происходилъ отъ старинной княжеской фамиліи Грузинской. Молодость свою онъ провелъ въ военной службѣ и участвовалъ во войнахъ 1812, 13 и 14 годовъ. Перешедъ въ гражданскую службу, нѣсколько лѣтъ занималъ онъ должность начальника таможеннаго округа въ Закавказьѣ, и пользуясь своими отношеніями, началъ здѣсь собирать Грузинскія и другія восточныя монеты, составившія впослѣдствіи славу его минцкабинета. Вышедъ въ отставку, князь М. П., съ 1819 года, поселился въ своемъ веселомъ имѣніи Баратаевкѣ, подъ Симбирскомъ, и изрѣдка только отлучался въ столицу. Пять трехлѣтій, съ 1820 по 1835 годъ, по избранію Симбирскаго дворянства, служилъ онъ губернскимъ предводителемъ; потомъ избираемъ былъ въ попечители общины христіанскаго милосердія въ Симбирскѣ и тамошняго благороднаго гимназическаго пансіона, предсѣдатели строительныхъ комитетовъ и другія почетныя губернскія должности. Онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и звѣзду ордена св. Анны.

«Живаго, любезнаго и веселаго характера, князь М. П. Баратаевъ оживлялъ общества. Въ молодости онъ писалъ и даже печаталъ стихи, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ, живя въ Грузіи, началъ собирать монеты и древности. Собраніе это, въ нѣсколько лѣтъ,

(11) Къ этимъ извѣстіямъ о Банзаровѣ, г. Савельевъ присовокупилъ, въ видѣ приложенія къ протоколу, извлеченія изъ ученой переписки этого замѣчательнаго Монгола. См. «Труды вост. отд.», ч. III, стр. 182—202.

обогатилось значительнымъ числомъ самыхъ рѣдкихъ монетъ, не только Грузинскихъ, но и Сасанидскихъ, Армянскихъ, Греческихъ, Римскихъ, Арабскихъ, Татарскихъ, Русскихъ и другихъ. Къ монетамъ присоединились и разные предметы древностей, и такимъ-образомъ образовался весьма примѣчательный музей.

«Собраніе монетъ естественно ведетъ къ изученію ихъ, и князь Михаилъ Петровичъ, среди досуговъ сельской тишины, занялся нумизматикой, и дотого пристрастился къ ней, что не было жертвы, на которую онъ не рѣшился-бы, чтобы пріобрѣсти рѣдкую монету для пополненія своего музея. Эта страсть была даже причиною разстройства его состоянія. Самъ онъ, въ веселый часъ, разсказывалъ, что, встрѣтивъ однажды у другаго столь-же страстнаго нумизмата, чрезвычайно рѣдкую монету, захотѣлъ пріобрѣсти ее во чтò бы то ни стало. Онъ предлагалъ за нее владѣльцу большія деньги, тотъ не соглашался; предлагалъ въ-обмѣнъ на нее не менѣе замѣчательныя монеты и вещи, владѣлецъ также не соглашался. «Ну такъ мнѣ остается только украсть ее»! шутливо сказалъ князь. — Позволяю! съ улыбкою отвѣчалъ владѣлецъ. — Оба нумизмата видались довольно часто между собою, но нѣсколько недѣль послѣ того не было между ними и рѣчи о монетѣ. На третьей недѣлѣ князь спросилъ: «а что монета? у вас она»? — Владѣлецъ пошелъ въ свой музей: монеты не было. — «Вы выиграли пари» сказалъ онъ князю.—«Я радъ былъ пріобрѣтенію этой рѣдкости,» говорилъ князь, разсказывая нѣсколько лѣтъ спустя объ этомъ приключеніи: «но добыть-то ее стоило мнѣ пятьсотъ рублей!» — И такихъ «драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній было не мало у князя.

«Необходимость замѣнять иногда недостающія въ музеѣ рѣдкія монеты точными копіями съ имѣющихся въ другихъ собраніяхъ, привело князя М. П. къ любопытному открытію дѣлать оттиски съ монетъ, нисколько не портя послѣднихъ, и притомъ столь точныя, что, положивъ возлѣ подлинникъ и снимокъ, трудно отличить монету отъ ея снимка, — способъ простой, скорый и дешевый, состоящій въ томъ, что на монету накладывается лишь тонкая фольга, позолоченная, посеребренная или мѣднаго цвѣта, смотря по металлу монеты, нажимается, и монета оттискивается на фольгѣ, которой потомъ искусственно придается оттѣнокъ древности. Такимъ образомъ, самые рѣдкіе нумизматическіе документы могутъ быть возпроизводимы, безъ вреда монетѣ, и дѣлаться доступными каждому нумизмату.

«Но незабвенной услугой, оказанной княземъ Баратаевымъ наукѣ, останется навсегда составленное имъ описаніе монетъ Грузинскихъ и чеканенныхъ въ Грузіи, роскошно напечатанное въ Петербургѣ, in -4°, съ многочисленными литографическими таблицами монетъ, подъ заглавіемъ: «Нумизматическіе факты Грузинскаго царства (1844). Сочиненіе это издано иждивеніемъ самого автора и стоило ему весьма значительныхъ издержекъ, о возвращеніи которыхъ онъ и не помышлялъ, думая лишь о пользѣ науки и славѣ своего собранія. Желая сдѣлать это сочиненіе доступнымъ не только отечественнымъ ученымъ, но и иностраннымъ, также какъ и самимъ Грузинамъ, авторъ присоединилъ къ Русскому тексту переводъ его на Французскій и Грузинскій языки. Сочиненіе это, можно сказать, составило эпоху въ Грузинской нумизматикѣ, представивъ впервые, въ вѣрныхъ рисункахъ, возможно полный рядъ монетъ, чеканныхъ въ Грузіи, до-тѣхъ-поръ мало или вовсе неизвѣстныхъ или необъясненныхъ. По необработанности и трудности предмета, авторъ, не вполнѣ знакомый со всѣми требованіями современной науки, впадалъ нерѣдко въ ошибки, увлекался въ своихъ выводахъ за предѣлы осторожнаго наведенія; но, тѣмъ не менѣе, сдѣлалъ много открытій въ чтеніи монетъ, пояснилъ нѣкоторыя хронологическія запутанности, и вообще проложилъ путь къ изученію монетъ Грузіи. Императорская Академія наукъ почтила обширный трудъ князя Баратаева «весьма почетнымъ отзывомъ», а членъ ея и нашъ сочленъ г. Броссè, по поводу этого сочиненія, представилъ свои критическія изслѣдованія о Грузинской нумизматикѣ (Revue de numismatique géorgienne 1847). Въ 1852 году, Парижскій нумизматъ г. Ланглуа издалъ новый обзоръ Грузинской нумизматики (Mumismatique de la Géorgie), при составленіи который пользовался преимущественно данными по книгѣ князя Баратаева, равно-какъ и замѣчаніями г. Броссè. «Это самый замѣчательный изъ всѣхъ трудовъ о нумизматикѣ Грузіи, до-сихъ-поръ изданныхъ», присовокупляетъ г. Ланглуа, говоря о сочиненіи князя Баратаева.

«Князь М. П. находился въ Петербургѣ, для изданія своего сочиненія, когда учреждалось археологическо-нумизматическое общество. Онъ принялъ живое участіе въ его основаніи, и въ первомъ засѣданіи привѣтствовалъ его открытіе небольшою рѣчью. За скорымъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, рѣчь эта осталась ненапечатанною. Изъ своей Симбирской Баратаевки, по временамъ, сооб-

щалъ онъ обществу сдѣланныя по его способу оттиски рѣдкихъ монетъ и древностей.

«Въ сельцѣ Баратаевкѣ, подъ Симбирскомъ, хранится великолѣпный музеумъ князя. Собраніе Русскихъ монетъ, нѣсколько лѣтъ тому, уступлено было имъ извѣстному продавцу монетъ Праворову, скупившему также собранія, принадлежавшія извѣстнымъ Казанскимъ нумизматамъ Фуксу и Неѣлову. Затѣмъ, Баратаевскій минцкабинетъ состоитъ (кромѣ, извѣстнаго уже по сочиненію покойнаго, Грузинскаго отдѣла, единственнаго въ мірѣ) изъ отдѣловъ: Греческаго, Римскаго, Византійскаго, Арсакидскаго, Сасанидскаго, Бактріанскаго, Босфорскаго, Куфическаго, Армянскаго, Гулагидскаго, Джучидскаго, Оттоманскаго, Персидскаго, Крымскаго, Китайскаго и Японскаго, и Европейскихъ государствъ.»

УЧЕНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

БАЛЬИ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ АРАГО.

(*Окончаніе*).

Избраніе Бальи въ члены академіи надписей.

Говоря о предполагаемомъ тожествѣ Атландиты или Соломонова Орфира съ Америкою, Бальи, въ четырнадцатомъ письмѣ къ Вольтеру, сказалъ: «Эти идеи принадлежали вѣку учености, а не вѣку философіи». Потомъ въ двадцать первомъ письмѣ читаемъ: «не бойтесь; я не обременю васъ тяжелою ученостью». Тяжелая и не философская ученость сильно оскорбила многихъ изслѣдователей древностей. Подъ вліяніемъ гнѣва, принялись они искать ошибокъ въ безчисленныхъ цитатахъ Бальи. Жатва не была богата; однакожь открыли въ нихъ нѣкоторыя слабыя стороны, нѣкоторыя спорныя объясненія. Тогда радость враговъ Бальи не имѣла предѣловъ; его литературную ученость назвали поверхностною; доказывали, что онъ не знаетъ древности, потому-что не имѣетъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ, даже въ Латинскомъ.

Не знаетъ Латинскаго языка! Да развѣ можно было написать «Исторію астрономіи» и «Письма объ Атландитѣ», не прибѣгая къ оригинальнымъ текстамъ и пользуясь только одними переводами? Сверхъ-того, обвиненіе весьма неловко: если Бальи не зналъ Латинскаго языка и былъ первоклассньмъ писателемъ и ученымъ, то этотъ языкъ совсѣмъ для того ненуженъ.

Академія надписей и литературы не раздѣляла ребяческихъ обвиненій, и въ 1785 г. выбрала Бальи въ свои члены. До того времени, только одинъ Фонтенель принадлежалъ тремъ Французскимъ академіямъ. Бальи считалъ большою почестью пользоваться такимъ исключеніемъ вмѣстѣ съ писателемъ, котораго похвальныя слова способствовали распространенію общаго уваженія къ наукамъ и ученымъ.

Кромѣ этого обстоятельства, Бальи, принадлежа уже Французской академіи, высоко цѣнилъ выборъ академіи надписей еще потому, что между этими двумя академіями существовало живое и необъяснимое соперничество, доходившее даже до того, что въ одно засѣданіе и послѣ совѣщаній въ академіи надписей, опредѣлено уволить одного изъ ея членовъ, если онъ вступитъ въ академію Французскую. Король уничтожилъ это опредѣленіе; но пятнадцать академиковъ обязались клятвою исполнять опредѣленіе. Въ 1783 г., Шуазель-Гуффье, бывшій въ числѣ пятнадцати академическихъ конфедератовъ, принялъ выборъ Французской академіи; за это, по предложенію Анкетиля, Гуффье обвинили въ несдержаніи честнаго слова и потребовали предъ судъ Французскихъ маршаловъ.

Да позволено мнѣ замѣтить: люди высшихъ дарованій, вліяніемъ своего имени, всегда уничтожаютъ препятствія, полагаемыя рутиною, предразсудками и завистью.

Донесеніе о больницахъ.

Судъ ученыхъ обществъ, въ ожиданіи общаго суда публики, сдѣлался потребностью нашего вѣка. Въ уставѣ академія наукъ нѣтъ прямыхъ постановленій о сужденіи новыхъ сочиненій; однакожъ она безпрестанно ихъ получаетъ и опредѣляетъ ихъ достоинства. Эта работа неблагодарна; но донесенія, составляемыя такими дарованіями, какими обладалъ Бальи, публика считаетъ событіями.

Въ 1785 г., Пойе, архитекторъ и контролеръ городскихъ зданій, представилъ правительству записку, въ которой доказывалъ необходимость сломать больницу, извѣстную подъ именемъ Hotel-Dieu (Убогій домъ?) и построить ее на новомъ мѣстѣ. По повелѣнію короля, записку подвергли суду академіи, которая составила коммиссію изъ Лассона, Тенона, Тилье, Дарсе, Добантона, Бальи, Кулона, Лапласа и Лавуазье. Бальи опять былъ избранъ въ до-

кладчики, потому-что его донесенія пользовались большимъ и справедливымъ уваженіемъ. Можетъ-быть, настоящіе успѣхи наукъ потребовали бы нѣкоторыхъ перемѣнъ въ мнѣніи коммисаровъ; напримѣръ, понятія о нагрѣваніи, о величинѣ залъ, о провѣтриваніи и вообще объ очищеніи воздуха расширились и во многомъ улучшены; но, не смотря на то, нельзя не удивляться донесенію Бальи. Какая ясность въ изложеніи, какая точность и простота слога! Авторъ нигдѣ не уклоняется отъ своего предмета, и вездѣ является горячимъ защитникомъ страждущаго человѣчества, — однакожь безъ напыщенности, всегда съ умѣренностью, даже въ случаяхъ, когда ни одинъ честный и благомыслящій человѣкъ не можетъ воздержаться отъ законнаго негодованія.

Коммиссія была собрана изъ людей, составляющихъ славу наукъ и націи. Они, по обыкновенной человѣческой логикѣ, не могли дать своего мнѣнія о перестройкѣ больницы, не осмотрѣвъ ее подробно. «Мы — говоритъ докладчикъ — этого требовали отъ управленія больницы и просили дать намъ человѣка, который-бы указалъ дорогу въ нашихъ изслѣдованіяхъ и далъ-бы необходимыя объясненія. Но мы ничего не получили». Вотъ печальныя и невѣроятныя слова, которыми начинается донесеніе ученыхъ коммиссаровъ.

Что была за власть, которая позволила себѣ такое неуваженіе къ людямъ, облеченнымъ довѣріемъ короля, академіи и публики? Эта власть составлялась изъ различныхъ администраторовъ, бюрократовъ, считавшихъ бѣдныхъ своею собственностью и нетерпѣвшихъ никакого улучшенія, не ими придуманнаго, никакого вмѣшательства науки, способной проливать свѣтъ на самыя темныя дѣла человѣческія; говорятъ, что еще существуютъ типы такихъ филантроповъ, скрывающихъ свои поступки въ темнотѣ и неизвѣстности. Они были правы: нельзя было открыть состоянія больницы. Въ доказательство, возьмемъ нѣсколько отрывковъ изъ картины, вѣрно составленной знаменитымъ астрономомъ.

Въ 1786 г., въ больницу принимались больные всѣхъ родовъ; тутъ лечились болѣзни, требовавшія операцій, болѣзни хроническія, заразительныя, женскія, дѣтскія, и пр. Все было допускаемо, и все, такъ-сказать, сваливалось въ одну кучу.

Новопришедшаго клали на кровать и подъ одѣяло только-что умершаго отъ заразительной болѣзни.

Отдѣленіе съумасшедшихъ было такъ тѣсно, что на каждой

кровати спало по два такихъ несчастныхъ. Двое сумасшедшихъ подъ однимъ одѣяломъ! и подумать страшно!

Въ залѣ св. Франциска, назначенной для оспенныхъ, также за недостаткомъ мѣста, лежало по шести больныхъ на кровати въ $1^1/_2$ метра шириною.

Женщины, больныя оспою, были собраны въ залѣ св. Моники вмѣстѣ съ лихорадочными, которыя заражались и умирали тамъ гдѣ надѣялись получить исцѣленіе.

Женщины беременныя и въ родахъ лежали также кучею на однѣхъ и тѣхъ-же постеляхъ.

Удивительно-ли, что больница была гнѣздомъ эпидемій, когда шестеро больныхъ помѣщались на кровати въ $1^1/_2$ метра шириною? Несчастные ложились такъ, чтобъ ноги одного были у головы другаго; каждому изъ нихъ доставалось только 25 центиметровъ, тогда-какъ человѣкъ посредственнаго роста, съ протянутыми руками вдоль тѣла, занимаетъ 48 центиметровъ; слѣдственно больныя должны были лежать постоянно на бокахъ и не могли поворачиваться: чтобъ избавиться этой пытки, больные, державшіеся еще на ногахъ, завели между собою очередь: одни спали, а другіе сидѣли между кроватями. Всякой можетъ вообразить, каково было состояніе больныхъ трудныхъ и приближавшихся къ своему концу.

Больные не пользовались никакимъ спокойствіемъ; ночи проводили безъ сна; нечистоты скоплялись и порождали тучи отвратительныхъ насѣкомыхъ. Пища и лекарства не раздавались въ порядкѣ; одинъ ѣлъ то, что было назначаемо для другаго; лихорадочный принималъ лекарства чесоточнаго. — Удивительно-ли, что смертность была ужасная? Умирали — можно сказать — въ каждый часъ днемъ и ночью. Главную Парижскую больницу можно было сравнить съ тѣми застѣнками, въ которыхъ, по свидѣтельству поэтовъ и историковъ, царь Мезенсъ доводилъ истезанія до послѣдней крайности.

Наконецъ еще одно слово о тѣснотѣ: за недостаткомъ мѣста, больныхъ иногда клали на верхъ пологовъ надъ кроватями.

Заглянемъ теперь въ залу оперативную. Въ ней лежали и больные; слѣдственно операціи производились въ ихъ глазахъ; они видѣли страшныя для нихъ приготовленія; видѣли страданія, надъ ихъ ушами раздавались раздирающіе душу крики; выдержавшій операцію, не могъ успокоиться послѣ своихъ мученій, потому-что

его мѣсто тотчасъ занималъ другой и оглушалъ его своими криками. Почти ни одинъ изъ нихъ не выздоравливалъ. Справедливо замѣтилъ Бальи: «для чего мучить людей, когда нѣтъ средствъ для сохраненія ихъ жизни?»

Сердце сжимается, читая описаніе такой страшной картины; а между-тѣмъ *Убогій домъ* существовалъ въ томъ-же положеніи еще шестьдесятъ лѣтъ послѣ осмотра академиковъ; существовалъ въ столицѣ, центрѣ искусствъ, просвѣщенія и цивилизаціи; существовалъ въ то время, когда общество тщеславилось развитіемъ своихъ богатствъ, роскоши, разорительными постройками дворцовъ для свѣтскихъ удовольствій. *Убогій домъ* стоялъ подлѣ палатъ архіепископа, подлѣ древняго и великолѣпнаго храма; а въ немъ, подъ видомъ милосердія и любви къ человѣчеству, совершались неслыханныя пытки. Кого обвинять въ этомъ продолжительномъ безчеловѣчіи?

Врачей? Нѣтъ. По неизъяснимой несообразности, врачи и хирурги не участвовали въ управленіи. Нѣтъ, нельзя упрекать въ безчувственности товарищей Антонина Пти, который одному значительному лицу отвѣчалъ: «Вчера я не былъ у васъ, потому-что «цѣлыя сутки провелъ при кровати одной крестьянки, мучившейся «тяжелыми родами и бывшей въ большой опасности. Вы ошибае-«тесь, если думаете, что я оставляю сына вашего для бѣдныхъ; я «до-сихъ-поръ пекся объ его здоровьѣ такъ-же, какъ о сынѣ ваше-«го конюха».

Сословіе бывшихъ и настоящихъ Французскихъ врачей различало больныхъ не по чинамъ и богатству, но по их болѣзнямъ, по ихъ опасности. Въ доказательство приведу слова нашего товарища Ларрея его другу Таннсу, раненному на Монмиральскомъ сраженіи: «Твоя рана не опасна; мы не имѣемъ мѣста; эта солома при-«готовлена для тяжело-раненныхъ; ступай отдыхать въ эту ко-«нюшню».

Итакъ врачи не были виноваты въ безпорядкахъ *Убогаго дома*.

Экономы? Вотъ отвѣтъ Бальи: въ *Убогомъ домѣ* на каждаго больнаго издерживалось болѣе, нежели во всякой другой Парижской больницѣ.

Кого еще обвинять? Нѣкто думалъ, что больные, поступающіе въ госпитали, принадлежатъ къ рабочему классу; ихъ чувствительность притуплена трудами, бѣдностью, всякаго рода лишенія-

ми, ежедневными страданіями, и потому они не могли чувствовать недостатковъ *Убогаго дома.* Для повѣрки этого мнѣнія, заглянемъ въ донесеніе Бальи; тамъ написано: «Въ *Убогомъ домѣ* болѣзни «вдвое продолжительнѣе, нежели въ Charité; также и смертность «тамъ вдвое болѣе, нежели въ другихъ больницахъ.... Трепированные «ные всѣ умираютъ безъ исключенія, а между-тѣмъ эта операція «счастливо производится въ прочихъ Парижскихъ больницахъ, и «особенно въ Версалѣ».

Болѣзни вдвое продолжительнѣе,—смертность двойная,—трепированные всѣ умираютъ,—родильницы умираютъ во множествѣ, и пр. Вотъ грустныя слова, которыя безпрестанно встрѣчаются на страницахъ донесенія; а между-тѣмъ—повторяемъ—годы проходили и ничего не дѣлали для исправленія главной Парижской больницы. Мы не находимъ виноватыхъ въ ея неслыханныхъ безпорядкахъ: неужели должно согласиться съ Кабанисомъ, который такъ же строго отзывался объ *Убогомъ домѣ*, и который даже предполагалъ существованіе тайныхъ злоумышлениковъ, имѣвшихъ силу уничтожать дѣйствія людей благонамѣренныхъ? Осмѣливаюсь думать иначе: зло не всегда проистекаетъ изъ обдуманнаго намѣренія; не всегда бываетъ слѣдствіемъ какой-нибудь стачки; чаще всего производятъ его рутина и невѣжество. Ту-же мысль я нахожу въ донесеніи Бальи: «*Убогій домъ*, кажется, существуетъ «съ VII столѣтія; онъ хуже всѣхъ больницъ, потому-что всѣхъ «старше. При самомъ учрежденіи этого заведенія хотѣли добра, «старались достигнуть его, и сочли необходимымъ не измѣнять «правилъ, казавшихся тогда необходимыми. По этому, всякое по«лезное нововведеніе не имѣло туда доступа. Надобно перемѣнить «управленіе, нечувствительное къ страданіямъ; надобно оживить «эту мертвую массу».

Огромность неподвижной массы не испугала коммиссаровъ академіи. Да будетъ ихъ поведеніе примѣромъ для ученыхъ и администраторовъ, которыхъ призовутъ для проницательнаго обозрѣнія нашихъ благотворительныхъ и человѣколюбивыхъ заведеній. Если нынѣ еще существуютъ злоупотребленія, то, безъ-сомнѣнія, они ничтожны сравнительно съ описанными Бальи; но они также могутъ скопиться впродолженіе полустолѣтія и также, какъ въ то время, сдѣлаются причиною страданій въ мѣстахъ, назначенныхъ для облегченія бѣдствующихъ.

Я не измѣню много словъ, которыми оканчивается донесеніе

Бальи, и совсѣмъ не перемѣню ихъ смысла, если разборъ этого донесенія заключу слѣдующимъ: «Нынѣ каждый больной лежитъ на особенной постели, и этимъ онъ обязанъ постояннымъ усиліямъ академіи наукъ. Да помнитъ онъ это благодѣяніе. Счастлива, весьма счастлива академія, имѣющая право на такія воспоминанія!»

Донесеніе о бойняхъ.

Внимательный взглядъ на прошедшее, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, былъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для оцѣнки настоящаго. Если взглянемъ на состояніе здоровья Парижскихъ жителей, то Бальи опять представится на первомъ мѣстѣ между тѣми, которые способствовали къ его улучшенію въ нашей столицѣ.

Не смотря на многія постановленія парламента, не смотря на распоряженія полиціи, относящіяся ко временамъ Карла IX, Генриха III и Генриха IV, бойни еще въ 1788 году существовали среди города. Быковъ гоняли туда чрезъ самые многолюдные кварталы; разсерженные стукомъ каретъ, криками мальчишекъ, нападеніемъ собакъ, они часто разбѣгались, вламывались въ дома, въ сады, наводили страхъ, многихъ ранили и много портили. Зловредныя, удушливыя испаренія выходили изъ тѣсныхъ боенъ; запахъ вывозимаго изъ нихъ навоза былъ невыносимъ; кровь текла ручьями по канавамъ; салотопни, находившіяся при каждой бойнѣ, удушали сосѣдей и были причиною частыхъ пожаровъ.

Такое состояніе этой необходимой промышлености возбудило жалобы жителей и обратило вниманіе правительства; задача была предложена академіи, и Бальи, по обыкновенію, былъ сдѣланъ органомъ ея коммиссіи, состоявшей изъ Тилье, Дарсе, Добантона, Кулона, Лавуазье и Лапласа.

Когда Наполеонъ, пожелавъ освободить Парижъ отъ внутреннихъ боенъ, велѣлъ построить пять особенныхъ заведеній, тогда глубоко разсмотрѣнный вопросъ нашелъ онъ въ превосходномъ донесеніи Бальи. Въ 1786 г., докладчикъ коммиссіи написалъ: «Мы требуемъ, чтобъ внутреннія бойни были выведены изъ Парижа». Но эти бойни исчезли чрезъ пятнадцать лѣтъ. Я тому не удивляюсь: кто сѣетъ на почвѣ, поросшей предразсудками, личными выгодами, рутиною, тотъ не долженъ надѣяться на скорую жатву.

Біографіи Кука и Грессе.

Изданіе четырехъ огромныхъ томовъ «Исторіи астрономіи» и двухъ донесеній истощили силы Бальи. Чтобъ отдохнуть и разсѣяться, онъ обратился къ любимымъ занятіямъ своей молодости, принялся за біографіи и написалъ біографіи Кука, по задачѣ Марсельской академіи, и Грессе.

Біографія Грессе сперва вышла въ свѣтъ безъ имени автора. Это обстоятельство было причиною происшествія, надъ которымъ Бальи много смѣялся. Я разскажу его, въ предосторожность писателямъ, скрывающимъ свои имена.

Маркиза Креки принадлежала къ высшему обществу; Бальи прислалъ ей экземпляръ біографіи автора Vert-Vert, и чрезъ нѣсколько дней самъ посѣтилъ ее, можетъ-быть, въ надеждѣ на лестный для него разговоръ о новомъ сочиненіи. Но его любопытство было наказано.

«Знаете-ли вы, сказала встрѣтившая его маркиза, новое похвальное слово Грессе? Безъименный авторъ прислалъ его ко мнѣ. Онъ, безъ-сомнѣнія, посѣтитъ меня, а можетъ-быть, уже посѣщалъ. Что я могу сказать? Я думаю, что никто и никогда не писалъ такъ худо. Онъ считаетъ непонятное глубокомысленнымъ. Это тьма предъ сотвореніемъ міра».

Бальи старался замять разговоръ; но маркиза встала, принесла книжку, всунула ее въ руки своего гостя, и просила его прочитать вслухъ хотя первую страницу.

Бальи читалъ превосходно; я увѣренъ, что онъ въ эту минуту воспользовался своимъ талантомъ; но все было напрасно. Маркиза прерывала его на каждой фразѣ весьма строгими замѣчаніями и восклицаніями: отвратительный слогъ! двойная галиматья! Бальи не могъ склонить ее къ снисходительности, и только новый посѣтитель освободилъ его отъ пытки.

Чрезъ два года Бальи сдѣлался первымъ лицемъ въ городѣ; книгопродавцы собрали его брошюры и выдали. Тогда Маркиза, забывшая старое происшествіе, осыпала Парижскаго мера комплиментами, поздравленіями за ту-же самую біографію, которую прежде осудила съ неслыханною строгостью.

Такой переходъ отъ ругательствъ къ похваламъ много забавлялъ Бальи. Но осмѣлюсь сказать, что знатная дама въ обоихъ случаяхъ была права. Первыя страницы біографіи Грессе дѣй-

ствительно написаны сбивчиво и неясно; но все остальное отличается тонкостью сужденія, вкусомъ и изяществомъ.

Собраніе нотаблей. — Бальи первый депутатъ Парижа, и потомъ старшина или президентъ депутатовъ со стороны гражданъ.

Финансы пришли въ безпорядокъ и другія язвы пожирали Францію. Тогда Парижскій парламентъ потребовалъ созванія государственныхъ чиновъ. Кардиналъ Бріеннь принялъ это требованіе неблагосклонно; но вскорѣ потомъ созваніе сдѣлалось необходимымъ, и новый министръ Неккеръ, въ ноябрѣ 1788 года, объявилъ, что созваніе чиновъ рѣшено къ государственномъ совѣтѣ, и король согласился, чтобъ среднее сословіе имѣло двойное число депутатовъ, — вопросъ, который весьма не нравился придворнымъ.

По королевскому возванію отъ 21 апрѣля 1789 г., образовались избирательные округи. Съ этого дня начинается политическая жизнь Бальи.

Округи начали свои дѣйствія избраніемъ «избирателей». Бальи былъ избранъ первый. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, въ общемъ засѣданіи, его назначили секретаремъ. Въ этой должности, онъ составлялъ тѣ знаменитые протоколы засѣданій Парижскихъ избирателей, на которые такъ часто ссылаются историки революціи.

Бальи велъ себя такъ осторожно, что нельзя было отгадать его мыслей о народномъ волненіи 1789 г. По этому аббатъ Мори, уже членъ Французской академіи, предложилъ ему жить въ Версалѣ и въ одной комнатѣ. Не могу воздержаться отъ улыбки, когда подумаю о такомъ сближеніи буйнаго аббата со скромнымъ астрономомъ.

21 мая, общее собраніе избирателей приступило къ балотировкѣ перваго депутата отъ Парижа. Избранъ былъ Бальи. Это избраніе часто выставляютъ, какъ доказательство благоразумія нашихъ предковъ, и по словамъ пессимистовъ, мы сдѣлались глупѣе ихъ. Но вотъ числа, которыя говорятъ не въ пользу этого мнѣнія: большинство требовало 159 голосовъ; Бальи получимъ 173; слѣдственно еслибы только 14 голосовъ перешли на противную сторону, то Бальи не былъ-бы избранъ. Надобно-ли кричать о такой случайности?

Бальи былъ глубоко тронутъ признательностью своихъ товарищей; но она не помѣшала ему отмѣтить въ своихъ запискахъ:

Я замѣтилъ, что собраніе избирателей весьма неблагосклонно къ литераторамъ и академикамъ. Это замѣчаніе пригодится для тѣхъ ученыхъ, которыхъ обстоятельства бросятъ въ вихрь политическій. Можетъ быть, я возвращусь къ нему, когда буду говорить объ отношеніяхъ Бальи къ его товарищамъ по должности Парижскаго мера.

3 іюля, при повѣркѣ полномочій депутатовъ, Бальи участвовалъ только въ рѣшеніи вопроса о формѣ подаванія голосовъ, сидя или стоя; но въ томъ-же собраніи онъ избранъ былъ старшиною или президентомъ депутатовъ средняго сословія, которое всегда собиралось подъ предсѣдательствомъ купеческаго старшины (prévot). Это предпочтеніе заставило его принять выборъ въ должность, которую онъ считалъ выше своихъ силъ, потому что онъ былъ робокъ и не умѣлъ легко говорить.

Въ 1789 г., умы были такъ взволнованы и разгорячены, что много ошибаются тѣ, которые по настоящему судятъ о прошедшемъ. Клевета—смертоносное орудіе политическихъ партій, тогда никого не уважала; отъ нея не были избавлены ни честность, ни чистосердечіе поступковъ, никакія заслуги обществу. Бальи испыталъ это на другой день своего избранія въ президенты депутатовъ отъ средняго сословія. Мая 29, депутаты опредѣлили довести до свѣдѣнія короля о неудобствахъ, происходящихъ отъ раздѣленія государственныхъ чиновъ на двѣ палаты. Чтобъ исполнить порученіе средняго сословія, Бальи просилъ аудіенціи, и въ выраженіяхъ умѣренныхъ и почтительныхъ объяснялъ затрудненіе депутатовъ. Между-тѣмъ умеръ дофинъ. Не справившись съ числами дней, противная партія обвинила Бальи въ незнаніи самыхъ обыкновенныхъ приличій и называла его дикаремъ, не умѣющимъ уважать самое справедливое огорченіе.

Я думалъ, что это обвиненіе нынѣ забыто и положительныя объясненія Бальи убѣдили въ истинѣ; но я ошибся: жестокій упрекъ въ скотской безчувственности повторился подъ перомъ человѣка съ дарованіями и добросовѣстнаго. Вотъ его разсказъ: «Не прошло двухъ часовъ послѣ кончины дофина, какъ Бальи, президентъ средняго сословія, потребовалъ аудіенціи у короля и съ такой настойчивостью, что король, согласившись, сказалъ: въ этой палатѣ депутатовъ нѣтъ отцевъ. Палата весьма одобрила безчувственность Бальи и называла ее Спартанскою твердостью.»

Сколько словъ — столько и ошибокъ. Вотъ истина: болѣзнь

дофина не препятствовала королю принимать другія сословія; депутаты средняго требовали отъ своего президента, чтобъ онъ испросилъ аудіенцію; Бальи скромно велъ переговоры чрезъ Неккера и Барантеня; король отвѣчалъ: «въ моемъ положеніи, я не могу видѣть г. Бальи ни нынѣ вечеромъ, ни завтра утромъ, не могу даже назначить дня для пріема депутаціи отъ средняго сословія.» Эта записка оканчивалась припискою: «Пусть г. Бальи покажетъ мою записку собранію; она освобождаетъ его отъ отвѣтственности.» Въ день переговоровъ дофинъ еще былъ живъ; король не былъ принужденъ уступить требованію Бальи, палата депутатовъ не имѣла причины хвалить его упорство; самъ Людовикъ XVI согласился, что Бальи исполняетъ свою обязанность и почелъ нужнымъ оправдать его.

Дофинъ умеръ 4 іюня, и среднее сословіе немедленно поручило своему президенту «представить его величеству глубочайшее сожалѣніе собранія.» Депутація изъ двадцати членовъ была принята 6 іюня и президентъ ея, Бальи, сказалъ: «Ваши вѣрные депутаты средняго сословія, глубоко сокрушаются о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ они имѣютъ счастіе представляться вашему величеству, и принимаютъ смѣлость выразить предъ вами ихъ почтительное и чистосердечное соболѣзнованіе.» Такія слова, кажется, не выражаютъ скотской безчувственности.

Въ самомъ началѣ было опредѣлено, чтобы президентъ средняго сословія перемѣнялся каждую недѣлю. Не смотря на требованія Бальи, это постановленіе долго не исполнялось; всѣ считали полезнымъ имѣть главою человѣка, въ которомъ просвѣщеніе соединялось съ умѣренностью и съ честностью. По этому Бальи былъ еще президентомъ въ то время, когда революція шла впередъ быстрыми шагами.

Напримѣръ, 17 іюня депутаты средняго сословія рѣшились назвать свое собраніе «національнымъ» и всѣ налоги, утвержденные этимъ собраніемъ, объявили незаконными.

20 іюня, когда національное собраніе нашло запертыми двери ихъ залы безъ предварительнаго соблюденія законныхъ формальностей, тогда оно заняло «мячевую залу» и поклялось не расходиться и собираться, гдѣ случится, до-тѣхъ-поръ, пока не утвердится государственная конституція.

28 іюня, депутатовъ средняго сословія долго не впускали въ залу ихъ засѣданій; они стояли на дворѣ, подъ дождемъ, а де-

путатамъ другихъ двухъ сословій былъ отворенъ особенный входъ. Этотъ случай имѣлъ важное вліяніе на дѣла того времени.

Въ повѣствованіи многихъ историковъ находимъ ложное описанье аудіенціи 23 іюня. Король окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Я приказываю вамъ, господа, разойтись немедленно.»

Все дворянство и большая часть духовенства удалились; депутаты средняго сословія остались на своихъ мѣстахъ; церемоніймейстеръ подошелъ къ Бальи и сказалъ: Вы слышали приказаніе короля? — Президентъ отвѣчалъ: «Я не могу распустить собраніе, безъ предварительнаго совѣщанія. — Это вашъ отвѣтъ? Я могу объ немъ донести королю? — Безъ сомнѣнія.

Вотъ происшествіе, по случаю которою буйный графъ Мирабо сказалъ Брезе: «Ступайте къ пославшимъ вамъ и скажите, что ихъ штыки безсильны.» Бальи строго охуждалъ несправедливый и наглый поступокъ трибуна. Въ аудіенціи никто не думалъ о штыкахъ, потому что они были не нужны, а между тѣмъ буйство Мирабо многіе хвалили.

Бальи оставилъ президенство 2 іюля. Нѣкоторымъ членамъ казалось, что его ученая знаменитость, его умѣренность и примирительный характеръ не давали ему права на предсѣдательство въ собраніи, въ которомъ былъ принцъ крови,—принцъ, принадлежавшій духовенству, большая часть государственныхъ вельможъ и высшіе сановники церкви. На мѣсто Бальи поступилъ герцогъ Орлеанскій, который также скоро отказался, и собраніе избрало архіепископа Вьенскаго. Іюля 3, по предложенію герцога Рошфуко и архіепископа Бордосскаго, національное собраніе отправило къ Бальи депутацію съ благодарностью за его благородное поведеніе, благоразуміе и твердость въ должности предсѣдателя. Избирательный корпусъ Бордо также засвидѣтельствовалъ свою признательность: торговая палата опредѣлила поставить портретъ Бальи въ залѣ ея собраній. Академія наукъ и академія надписей не остались нечувствительными къ поступкамъ своего члена на политическомъ поприщѣ и также отправляли къ нему депутаціи. Наконецъ Мармонтель, отъ лица Французской академіи, назвалъ Бальи Аристидомъ, котораго никогда не перестанутъ считать справедливымъ.»

Надѣюсь, что никто не удивится, если къ этимъ знакамъ народной признательности я прибавлю, что жители Шальо возвращеніе къ нимъ Бальи праздновали пиромъ, фейерверкомъ, и даже священникъ общины и церковные старосты не хотѣли отстать отъ

своихъ гражданъ, и назвали его почетнымъ старостою. Можетъ быть, нѣкоторые эту почесть не сочтутъ важною; но замѣчу, что жители всякаго мѣста вѣрно оцѣниваютъ своего согражданина, потому что они видятъ его не въ парадѣ, но въ обыкновенной жизни и въ ежедневномъ костюмѣ.

Бальи — меръ Парижа. — Маратъ, его врагъ. — Происшествія 6 октября.

Бастилія была взята 14 іюля. Національное собраніе, 15 іюля, получило отъ короля позволеніе послать въ Парижъ депутацію, въ надеждѣ успокоить городъ и возстановить въ немъ порядокъ. Г-жа Бальи, всегда боявшаяся за своего мужа, тщетно просила его не присоединяться къ депутатамъ. «Мнѣ, отвѣчалъ Бальи, не опасно явиться предъ Парижанами, послѣ моего президентства.»

Депутація исполнила свое дѣло къ удовольствію Парижанъ и архіепископъ Парижскій, президентъ городской ратуши (Hôtel de Ville), предложилъ уже отправиться въ соборъ для Te Deum, какъ вдругъ все собраніе взволновалось и единогласно назначило Бальи меромъ Парижа, а Лафаета начальникомъ національной гвардіи, которой существованіе было дозволено королемъ. Въ протоколахъ муниципалитета находимъ, что Бальи, сдѣланный меромъ неожиданно, поклонился собранію, и рыдая, не могъ сказать ни одного слова. Разсказъ самого Бальи не много разнится отъ оффиціальнаго, но я приведу его, какъ примѣръ чистосердечія и скромности.

«Я не знаю, плакалъ-ли я, не знаю, чтò я сказалъ; но помню, что я былъ изумленъ, пришелъ въ замѣшательство, обезумѣлъ. Къ изумленію присоединилась моя обыкновенная робость среди многолюдныхъ собраній. Я всталъ, пробормоталъ нѣсколько словъ, которыхъ никто не слыхалъ; я даже самъ не слыхалъ ихъ; но мое смущеніе было выразительнѣе словъ. Отъ этой оцѣпенѣлости я принялъ должность, не думая объ ея трудности.»

Бальи, сдѣлавшись меромъ и тайно одобряемый національнымъ собраніемъ, воспользовался своими связями съ Викъ-д'Азиромъ, врачемъ королевы, чтобы склонить Людовика XVI показаться Парижанамъ. Совѣтъ его былъ принятъ, и 17 іюля начальникъ города имѣлъ счастіе встрѣчать короля при заставѣ и произнести рѣчь, которая начиналась слѣдующими словами: «Я представляю вашему величеству ключи добраго города Парижа. Они тѣ-же, которые подносили Генриху IV. Тогда онъ за-

воевалъ свой народъ, а нынѣ народъ вновь завоевалъ своего короля.»

Эту риторическую фигуру сперва всѣ хвалили, а потомъ начали осуждать ее съ ожесточеніемъ. Многіе находили въ ней тайное намѣреніе оскорбить короля; но вся рѣчь и характеръ оратора доказываютъ, что Бальи не былъ способенъ къ низости, которую предполагалъ въ немъ одинъ изъ почтенныхъ членовъ Французской академіи. Притомъ, прошло болѣе года, и никто изъ придворныхъ не изъявлялъ подозрѣнія въ столь неприличномъ поступкѣ.

Меръ Парижа находился среди тѣхъ-же самыхъ людей, о которыхъ онъ прежде замѣтилъ съ горестью: «Въ собраніи избирателей я замѣтилъ нерасположеніе къ литераторамъ и академикамъ.» Это нерасположеніе не перемѣнилось.

Политическому волненію 1789 г. предшествовали весьма крутыя перемѣны въ атмосферѣ, имѣвшія значительное вліяніе на ходъ событій. Всѣмъ извѣстно, что суровая зима съ 1788 на 1789 г. была причиною многихъ страданій народа; но, можетъ быть, не всѣ знаютъ, что 17 іюля 1788 г. крупный и безпримѣрно сильный градъ, въ нѣсколько часовъ, опустошилъ широкое пространство между департаментомъ Шаранты и границами Нидерландовъ, и оттого на сѣверѣ и западѣ Франціи оказался недостатокъ въ хлѣбномъ зернѣ.

Голодъ становился чувствительнымъ, когда, 15 іюля, Бальи вступилъ въ должность мера. Въ этотъ день онъ осмотрѣлъ рынокъ, побывалъ у многихъ булочниковъ, и увѣрился, что муки и зерна достанетъ не болѣе, какъ на три дня. На другой день, 16 іюля, всѣ пристава, надзиравшіе за продовольствіемъ, разбѣжались отъ страха; начатый подвозъ хлѣба прекратился и Парижу угрожало страшное бѣдствіе.

Бальи разсуждалъ, что, при недостаткѣ хлѣба, толпа ничего не понимаетъ и ничего не будетъ слушать; никто не станетъ разбирать, отъ чего происходитъ голодъ — отъ причинъ ли естественныхъ или отъ злонамѣренности; всѣ закричатъ въ одинъ голосъ: мы хотимъ ѣсть! Этотъ крикъ превратится въ общее бѣшенство; никакая человѣческая сила не будетъ въ-состояніи удержать порядокъ и спокойствіе: онъ рѣшился день и ночь хлопотать о снабженіи столицы хлѣбомъ и заслужить названіе «кормильца Парижанъ», которымъ онъ гордился до несчастнаго конца своей жизни.

Бальи, въ своихъ запискахъ, каждый день отмѣчалъ свои поступки, свое безпокойство и страхъ. Для наставленія счастливыхъ администраторовъ нашего времени, небезполезно выписать нѣсколько словъ изъ его дневника:

«18 августа. Наши запасы много уменьшились. Каждый день зависитъ отъ исполненія вчерашнихъ приказаній. Къ нашей бѣдѣ, мы узнали, что обозъ съ мукою былъ остановленъ въ Буръ-ла-Рейнѣ; разбойники разграбили рынки на дорогѣ изъ Руана, и захватили двадцать возовъ съ мукою, назначенною для Парижа; несчастный Соважъ убитъ въ Сентъ-Жерменѣ, и Томассенъ едва спасся отъ народной ярости въ Шуази.»

Эти и подобныя слова повторяются столько разъ, сколько дней продолжался голодъ 1789 г. Не трудно понять, какъ велико было безпокойство Бальи со дня его поступленія въ должность мера. Но для пополненія картины, надобно упомянуть о безразсудныхъ поступкахъ многихъ людей, которые во все вмѣшивались и все портили:

«21 августа. Припасовъ такъ было мало, что жизнь столичныхъ жителей зависѣла отъ математической точности нашихъ соображеній. Узнавъ, что въ Пуасси пришло судно съ 1800 мѣшками муки, я тотчасъ отправилъ за ними сто подводъ, и вотъ вечеромъ, одинъ офицеръ, безъ права и безъ приказанія, поворотилъ ихъ назадъ, думая, что ни одно нагруженное судно не останавливалось на Сенѣ. Трудно повѣрить, какъ разсердилъ и огорчилъ меня такой безразсудный поступокъ. Мы принуждены были поставить часовыхъ при дверяхъ хлѣбниковъ.» Понятны гнѣвъ и отчаяніе Бальи. Даже нынѣ, чрезъ полвѣка, нельзя вспомнить безъ содраганія, какихъ бѣдствій и ужасовъ надобно было ожидать отъ безразсудства и произвола человѣка, совсѣмъ не принадлежавшаго къ администраціи.

Силою предусмотрительности, дѣятельностью и твердостью Бальи успѣлъ побѣдить всѣ препятствія и отвратить бѣдствія, которыми угрожали голодъ дѣйствительный и голодъ отъ злонамѣренности. Онъ побѣдилъ; но съ того времени здоровье его глубоко разстроилось, и душа получила тѣ язвы, которыя никогда не заживаютъ. «Когда, пишетъ Бальи, проходилъ я мимо хлѣбныхъ лавокъ и видѣлъ осаждающую ихъ яростную толпу, тогда сердце мое стѣснялось. Даже нынѣ, когда довольство возвратилось, я не могу безъ содраганія глядѣть на пекарню.»

5*

Безпрестанныя столкновенія съ совѣтниками и помощниками, ежедневно извлекали изъ страдающей души Бальи восклицаніе: *я переставъ быть счастливымъ!* Внѣшнія непріятности не столько его огорчали; но ими также не слѣдовало пренебрегать. Побѣдимъ наше справедливое отвращеніе и бросимъ взглядъ на гнусное гнѣздо, гдѣ приготовлялась самая злая клевета на Бальи.

За нѣсколько лѣтъ до революціи, одинъ Невшателецъ оставилъ свои горы, перешелъ Юру и явился въ Парижъ искать счастія. Безъ денегъ, безъ отличительныхъ дарованій и безъ всякой извѣстности, съ отвратительною наружностью, съ неопрятствомъ, казалось, трудно было надѣяться на успѣхъ; но одинъ изъ академиковъ сказалъ: «Франція есть отечество иностранцовъ,» и скоро по своемъ пріѣздѣ, Невшателецъ, въ качествѣ врача, былъ причисленъ къ двору одного изъ принцевъ королевскаго семейства, гдѣ онъ сдѣлалъ тѣсныя связи съ многими сильными придворными.

Пришлецъ жаждалъ литературной славы. Между его первыми сочиненіями былъ медико-философскій трактатъ, въ трехъ томахъ, о взаимной связи между душею и тѣломъ; авторъ считалъ его превосходнымъ. Вольтеръ, уступивъ настойчивымъ просьбамъ герцога Праслена, покровителя Швейцарскаго медика, обѣщался прочитать книгу и сказать объ ней свое мнѣніе.

Авторъ былъ въ восхищеніи. Онъ училъ, что душа находится въ мозговой оболочкѣ, и потому вполнѣ надѣялся на одобреніе Фернейскаго философа; онъ забылъ только одно: старикъ имѣлъ вкусъ, а книга его выходила изъ предѣловъ приличій. Явилась статья Вольтера, начинавшаяся строгимъ урокомъ: «Не надобно презирать другихъ и уважать самого себя до такой степени, что возмущается душа всякаго читателя.» Конецъ статьи еще убійственнѣе: «Вездѣ видѣнъ арлекинъ, потѣшающій партеръ.»

Арлекинъ этимъ не удовольствовался: не удалось въ литературѣ, онъ бросился въ науки.

Здѣсь Невшательскій врачъ принялся за Ньютона; но, къ несчастію, его критика относилась именно къ тѣмъ мѣстамъ оптики, которыхъ очевидность не уступаетъ точности самой геометріи. Въ этотъ разъ покровителемъ медика былъ Майльбуа, а судьею — академія наукъ.

Академія наукъ выразила свой приговоръ, не шутя; она, напримѣръ, не упомянула объ арлекинѣ, но указала, что предпола-

гаемые опыты для опроверженія различной преломляемости свѣта и объясненіе радуги не имѣютъ никакого ученаго достоинства. Однакожь авторъ не унывалъ, даже надѣялся на отмщеніе.

Пользуясь связями съ герцогомъ Виллеруа, губернаторомъ Ліона, онъ отъ чужаго имени предложилъ на конкурсъ всѣ свои оптическіе вопросы чрезъ Ліонскую академію и доставилъ ей деньги для преміи. Но и тутъ, повидимому, самая вѣрная надежда не сбылась: премію получилъ не любимецъ герцога Виллеруа, но астрономъ Флажергъ. Съ этого времени псевдо-физикъ сдѣлался заклятымъ врагомъ всѣхъ ученыхъ обществъ и всякаго академика.

Оставивъ всякой стыдъ, онъ рѣшился пріобрѣсти ученое имя въ естественной философіи воображаемыми опытами и фиглярствомъ. Для примѣра, упомянемъ объ одномъ его фокусѣ: физикъ Шарль изобрѣлъ металлическія рыбки; вопреки всѣмъ несомнѣннымъ опытамъ, нашъ медикъ рѣшился доказать, что смола проводитъ электричество, и для того искусно спряталъ рыбки въ куски смолы и началъ показывать невиданное чудо.

Эти подробности необходимы. Надобно было сорвать ученую маску съ безсовѣстнаго журналиста, бывшаго главной причиной несчастій Бальи. Публика радуется, когда узнаётъ, что съ дарованіями отличнаго писателя соединяются прекрасныя качества сердца, и также остается довольною, если увѣрится, что никакими умственными достоинствами не отличался человѣкъ съ презрительными страстями и погруженный въ пороки.

До-сихъ-поръ, описывая характеръ и продѣлки врага Бальи, я не произнесъ его имени. Я старался назвать его какъ можно позже,— такъ тяжело это и для меня и для всѣхъ честныхъ людей. Его звали Маратомъ.

Этотъ литераторъ, физіологъ и физикъ, шарлатанствомъ своимъ былъ доведенъ до крайности, изъ которой выйдти помогла ему революція.

Когда революція сдѣлалась непреодолимою, тогда онъ дѣйствовалъ въ низшихъ сферахъ политическаго міра и отличался непостоянствомъ своихъ мнѣній. Сперва онъ былъ самымъ горячимъ противникомъ созванія нотаблей и народнаго волненія 89 г. Демократическія постановленія того времени встрѣчали въ немъ неумолимаго, ожесточеннаго цензора. Маратъ даже увѣрялъ, что онъ уѣзжаетъ въ Англію, потому-что нововведенія для него невыносимы. Однако, чрезъ мѣсяцъ по взятіи Бастиліи, онъ воз-

вратился въ Парижъ, основалъ журналъ, и тотчасъ опередилъ всѣхъ, которые, желая отличиться, доводили дѣла до самой крайности. Старыя связи Марата съ Колонномъ всѣмъ извѣстны; не забыты слова Питта: «Францiя, достигнувъ свободы, возвратится къ прошедшему, по своей необузданности»; противники революцiонныхъ партiй также думали, что *худшее* есть единственное средство къ возвращенiю *хорошаго* стараго. Такiя сближенiя представлялись умамъ только осьми или десяти членовъ нашихъ собранiй, потому-что въ характерѣ Французовъ нѣтъ недовѣрчивости и подозрительности. Самые историки нашихъ едва касались этого вопроса. Предсказывать всегда опасно; но я осмѣливаюсь увѣрить, что, изучивъ внимательно поступки и слова Марата, увидимъ въ нихъ мысли, подобныя тѣмъ, которыя находимъ въ книгахъ объ охотѣ: худовоспитанные соколы и кречеты сперва убиваютъ птицъ и звѣрей по знаку и въ пользу своихъ хозяевъ, а потомъ уже не повинуются имъ и терзаютъ добычу для утоленiя своей кровожадности.

Маратъ помнилъ, что во время революцiй негодяи дѣйствуютъ единственно въ видахъ своей корысти, и для своихъ успѣховъ старается сдѣлать подозрительными людей честныхъ. Парижскаго мера и начальника нацiональной гвардiи онъ выбралъ первою цѣлью своихъ журнальныхъ клеветъ. Сверхъ того, Бальи былъ главнымъ предметомъ его ненависти по своему званiю академика.

У людей маратовскаго темперамента раны самолюбiя никогда не заживаютъ. Безъ ненавистныхъ, отсюда происходящихъ страстей, человѣкъ, управлявшiй ежедневнымъ журналомъ, составлявшiй безчисленное множество пасквилей, которыми облѣплялъ стѣны Парижскихъ домовъ, и участвовавшiй въ битвахъ конвента и клубахъ, не могъ находить времени для обширныхъ писемъ противъ враговъ его теорiй и шарлатанства, — писемъ, въ которыхъ отзывы о Монжѣ, Лапласѣ и Лавуазье напитаны такою гнусною клеветою и такими отвратительными выраженiями, что я стыжусь заимствовать изъ нихъ даже одно слово.

Итакъ, въ лицѣ Бальи такъ-называемый *другъ человѣчества* преслѣдовалъ и Парижскаго мера и академика. Знаменитый ученый, добродѣтельный начальникъ города не обращалъ вниманiя на клеветы. Ненавистный клеветникъ совершенно понималъ такое благородство, но надѣялся, что его лукавыя и постоянныя наущенiя не останутся безъ послѣдствiй. Маратъ каждый день кричалъ:

«Пусть Бальи отдаст отчет!» и как, по словам Наполеона, повторение есть самая сильная риторическая фигура, то оно взяло свое: в некоторых тупых головах, в некоторых слабых и невежественных членах городового совета родилось сомнение, и Бальи сам захотел отдать отчет, состоявший в двух словах: *Бальи никогда не прикасался к общественным фондам.*

Он вышел из ратуши, растратив две трети собственного имущества. Еслибы его управление было продолжительнее, то у него ничего-бы не осталось. Прежде, нежели город назначил ему содержание, на одни благодеяния он издержал тридцать тысяч ливров.

Вот общий вывод о безкорыстии Бальи. Но подробности любопытны и вполне открывают его благородство. Мер и жена его только один раз принимали участие в казенной меблировке, назначенной для их квартиры: они отвергли все роскошные вещи; фарфор заменили фаянсом, новые ковры подержанными и комоды из акажу ореховыми.

Бальи считал безчестным получать жалованье за номинальныя должности: когда он не мог постоянно посещать национальное собрание, тогда не касался гонорарий депутатов, чему много удивлялись глупцы, поверившие Марату. Этого мало: Бальи не подражал своим предшественникам, купеческим старшинам; он не пользовался доходами из нечистых источников; именно: должностные купцы сперва делили между собою доходы от лотарей; Бальи приказал присоединить их к доходам города.

Во всяком корыстном деле Бальи являлся гражданином честным, просвещенным и его безкорыстие равнялось прочим его высоким достоинствам. Это доказать не трудно. Но в памфлетах того времени я нахожу один его поступок, который *не берусь оправдывать.* Бальи принял для своих служителей ливрею от города; этого никто не охуждал; но он выбрал для нея чрезвычайно яркий цвет, и начались толки; враги его даже не подумали, что, может быть, этот цвет предложили ему для того, чтоб его служители были видны в толпах народа, теснящагося на парадах и церемониях; а может быть, он понравился самому Бальи. Положительных доказательств не имею, и потому это *ужасное преступление* остается на совести бывшаго мера. Да надобно и то сказать, что при всем моем уважении к добродетельному Бальи, я не считаю его человеком без погрешностей,

Въ октябрскихъ происшествіяхъ 1789 г. Бальи и Лафаетъ употребляли тщетныя усилія для удержанія городской черни, бѣжавшей толпами въ Версаль. Когда эти толпы, 6-го октября, возвращались, сопровождая карету съ королевскимъ семействомъ, тогда Бальи почтительно привѣтствовалъ короля при заставѣ. Чрезъ три дня, онъ свидѣтельствовалъ глубочайшую преданность королевѣ отъ имени городоваго правленія.

Лали-Толлендаль, вышедши изъ національнаго собранія, которое называлъ онъ вертепомъ людоѣдовъ, обвинялъ Бальи за происшествіе 6-го октября. Въ письмѣ своемъ, онъ съ негодованіемъ утверждалъ, что въ день прибытія короля среди бѣснующейся толпы, предъ его каретою несли на пикахъ головы несчастныхъ гвардейцевъ, и прибавляетъ: «прекрасный день для Бальи!»

Если предположимъ, что предъ каретой короля дѣйствительно несли двѣ головы, то Бальи виноватъ безъ-оправданія; но Лали-Толлендаль смѣшалъ время: послѣ столкновенія съ гвардейцами, негодяи точно принесли двѣ головы, но утромъ, до прибытія королевскаго семейства, и когда они съ своими варварскими трофеями вошли въ городъ, тогда ихъ арестовали и по приказанію Бальи посадили въ тюрьму. И такъ Лали-Толлендаль и вѣрившіе ему историки разсказываютъ небывалое.

Взглядъ на дневникъ Бальи.

До-сихъ-поръ я руководствовался посмертными записками Бальи и повѣрялъ ими нашихъ историковъ. Теперь этотъ источникъ прекратился, и потому бросимъ на нихъ общій взглядъ.

Я искалъ въ этихъ запискахъ только то, что относилось къ общественной и частной жизни астронома; историки могутъ справляться съ ними для цѣли, болѣе обширной. Оставивъ пристрастіе, они найдутъ въ нихъ много предметовъ для размышленія о революціяхъ; тамъ увидятъ они, какъ революціи рождаются, ростутъ и разражаются гибельными ударами. У Бальи, какъ у другихъ его современниковъ, не найдете сужденій рѣшительныхъ даже о тѣхъ происшествіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе; онъ внушаетъ довѣріе, даже описывая иногда ясно и опредѣлительно самыя низкія интриги. Но когда надобно хвалить, онъ хвалитъ съ увлеченіемъ и чистосердечно радуется всякому доброму дѣлу. Все хорошее и похвальное онъ собиралъ съ любовію.

Придетъ время, хотя еще не скоро, когда узнаютъ, что среди ужасовъ и бѣшенства революціи, среди кровавыхъ сценъ необузданности, являются случаи утѣшительные. Придетъ время, когда безпристрастный писатель погрузится въ записки Бальи, какъ водолазы въ Персидскомъ заливѣ и при берегахъ Цейлана опускаются въ море за жемчужинами. Два или три случая объяснятъ мою мысль, и покажутъ, что Бальи записывалъ все, что приноситъ честь нашей странѣ.

Одинъ гренадеръ Французской гвардіи спасъ отъ смерти своего начальника, на котораго разсвирѣпѣла чернь. «Гренадеръ, какъ твое имя», спросилъ его начальникъ, герцогъ Шатле?—Полковникъ, отвѣчалъ солдатъ, я называюсь тѣмъ именемъ, которое принадлежитъ всѣмъ моимъ товарищамъ.

Этьенъ Ларивьеръ, одинъ изъ Парижскихъ избирателей, 20-го іюля, поѣхалъ за Бертье де-Совиньи, арестованнымъ въ Компьенѣ, по ложному слуху, что Парижская ратуша хочетъ его преслѣдовать, какъ интенданта арміи, которая за нѣсколько дней предъ тѣмъ окружала Парижъ. Этьенъ и Совиньи возвращались въ открытомъ кабріолетѣ, среди бѣснующейся толпы, грозившей Совиньи за худой хлѣбъ. Нѣсколько разъ ружья, пистолеты и сабли готовы были уничтожить Бертье; но Этьенъ Ларивьеръ всегда закрывалъ его собою. Въ столицѣ, кабріолетъ былъ окруженъ новыми густыми толпами, готовыми на всякое насиліе; не зная, который изъ путешественниковъ былъ интендантъ арміи, имъ закричали: пусть арестантъ сниметъ шляпу. Бертье повиновался, но въ то-же мгновеніе и Ларивьеръ открылъ свою голову.

Въ запискахъ Бальи, всѣ партіи найдутъ любопытные для себя предметы. Но я сожалѣю, что не встрѣтилъ въ нихъ отвѣта Франціу II одного изъ нашихъ офицеровъ, перенесшихъ свое оружіе къ нашимъ врагамъ. Австрійскій императоръ, послѣ своей коронаціи, осматривалъ войско и сказалъ Французу: «Мнѣ есть чѣмъ побить вашихъ санкюлотовъ». Увидимъ, спокойно отвѣчалъ эмигрантъ.

Пусть эти анекдоты возбудятъ въ нашихъ историкахъ желаніе прочитать дневникъ Бальи! Мнѣ кажется, что они найдутъ въ немъ, чѣмъ мы можемъ хвалиться по-справедливости. Развѣ Плутархъ не сдѣлался безсмертнымъ, сохранивъ для потомства и прекрасныя дѣянія и прекрасныя слова?



Разсмотрѣніе управленія Бальи.

Парижскій меръ довелъ свои записки только до 2 октября 1789 г. Разборъ и оцѣнка позднѣйшихъ происшествій не имѣютъ основаній несомнѣнныхъ, чистыхъ, точныхъ и опредѣлительныхъ, какъ истина. Ксенократъ, по свидѣтельству историковъ, славился у Грековъ своею честностью. Одинъ разъ его позвали свидѣтелемъ по судебному дѣлу; по обычаю того времени, онъ хотѣлъ подойти къ жертвеннику, но судьи единогласно остановили его, сказавъ: «эта формальность не для тебя; твоя клятва ничего не прибавитъ къ истинѣ твоихъ словъ». Точно таковъ Бальи въ своихъ запискахъ; ни одно его замѣчаніе не подлежитъ сомнѣнію. Онъ могъ обманываться, но никогда не обманывалъ.

Всячески постараюсь описать послѣдніе дни Бальи со всею точностью, которая возможна по прилежномъ и добросовѣстномъ сравненіи извѣстій противниковъ и послѣдователей революціи; однакожь я желаю, чтобъ никто не смѣшивалъ двухъ частей моей біографіи: съ этою цѣлію, я останавливаюсь и хочу разобрать различныя извѣстія о бывшемъ академикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я буду имѣть случай дополнить важные пропуски.

Въ одной біографіи, впрочемъ благосклонной къ Бальи, я прочиталъ, что онъ былъ сдѣланъ меромъ въ тотъ самый день, въ который убили Флесселя. Подъ этимъ извѣстіемъ скрывается хитрое намѣреніе увѣрить публику, что несчастный Бальи получилъ важную должность изъ нечистыхъ рукъ убійцъ, отъ презрѣнной толпы. Ученый біографъ, не смотря на свою добрую волю, не могъ уничтожить клеветы; но для этого надобно только сравнить числа. Флессель былъ убитъ 12 іюля, а Бальи сдѣланъ меромъ чрезъ три дни.

Такое-же замѣчаніе сдѣлаю на новѣйшій «Біографическій словарь», въ которомъ описываютъ тщетныя усилія Бальи удержать чернь отъ убійства губернатора Бастиліи (Лонэ): Бальи не могъ дѣлать никакихъ усилій; онъ тогда былъ въ Версалѣ, и сдѣлался меромъ послѣ взятія Бастиліи. Такія ошибки, поистинѣ, не извинительны.

Многіе, худо знающіе современную исторію, воображаютъ, что во все время управленія Бальи, Парижъ былъ истиннымъ вертепомъ убійствъ. Это романъ; вотъ истина.

Бальи былъ меромъ два года и четыре мѣсяца. Во все это время въ столицѣ случилось только четыре политическія убійства: убили Фулона и его зятя Бертье-де-Совиньи, въ ратушѣ; застрѣлили почтеннаго жандармскаго офицера Дюроше, въ Шальо, въ августѣ 1789 г.; зарѣзали булочника во время бунта, въ октябрѣ того-же года. Теперь я не говорю о двухъ несчастныхъ, убитыхъ въ дѣлѣ на Марсовомъ полѣ, іюля 1791 г.; это несчастное происшествіе опишу особо.

Убійцы булочника были схвачены, осуждены и казнены; семейство его получило пансіонъ.

Смерть Дюроше приписываютъ взбунтовавшимся Швейцарскимъ солдатамъ.

Ужасное и достойное вѣчнаго сожалѣнія убійство Фулона и Бертье случилось при такихъ обстоятельствахъ, которыми не можетъ управлять никакая человѣческая сила. Въ голодъ, одно слово приводитъ къ неистовству. Увѣрили, что Равельонъ будто-бы сказалъ, что работникъ можетъ содержаться пятнадцатью су въ день, и безъ революціи мануфактуру его разрушили до основанія. Фулона также обвинили въ словахъ: «Я заставлю народъ есть сѣно» и крестьяне, сосѣди министра, схватили его, привезли въ Парижъ и голодная чернь растерзала его вмѣстѣ съ зятемъ.

Виновата чернь въ своихъ неистовствахъ, особенно, когда голодъ есть слѣдствіе причинъ естественныхъ, а не злонамѣренности; но что скажите о *краснорѣчивомъ* графѣ Мирабо? Фулонъ былъ убитъ 22 іюля 1789 г., а 15, т. е. *семью днями прежде*, буйный трибунъ кричалъ съ каѳедры: «Генрихъ IV приказывалъ ввозить припасы въ осажденный и бунтующій Парижъ; нынѣ-же министры перехватываютъ обозы съ хлѣбомъ, назначенные для голоднаго Парижа». Не такія-ли рѣчи возбуждали слѣпую чернь къ бунтамъ и кровожадности?

Въ новѣйшемъ сочиненіи, одинъ изъ почтенныхъ и уважаемыхъ членовъ института, разсказываетъ убійство Фулона и произноситъ такой судъ надъ Бальи, который нельзя ни читать, ни слушать безъ удивленія. Фулона задержали въ ратушѣ; Бальи вышелъ изъ нея и успокоилъ толпу. «Я — говоритъ Бальи въ своихъ запискахъ — не думалъ, чтобъ напали на ратушу, охраняемую часовыми и уважаемую жителями; я считалъ арестованнаго внѣ опасности; я былъ увѣренъ, что буря утихла и не возобновится; я уѣхалъ изъ ратуши».

Почтенный авторъ «Исторіи царствованія Людовика XVI» противополагаетъ этимъ словамъ извлеченіе изъ протоколовъ ратуши: «избиратели (выходившіе съ Бальи на площадь) сказывали, что спокойствіе не надежно» и прибавляетъ: «Почему одинъ только меръ обманывался? Кто не пойметъ, что въ подобные дни нельзя надѣяться на спокойствіе народа; правитель города не можетъ оправдаться въ своей *слабости*». Конецъ повѣствованія ясно доказываетъ, что авторъ подъ *слабостью* разумѣлъ *низкую трусость*.

Отъ всей души протестую противъ этого обвиненія. Бальи уѣхалъ, потому что не могъ представить себѣ, чтобъ вломились въ ратушу. Совѣтники его, въ томъ-же протоколѣ, выразили ту-же мысль. Гдѣ-же тутъ противорѣчіе? — Бальи ошибся въ своемъ предположеніи, и только. Гдѣ доказательства его трусости?

Да еще посмотримъ, справедливо-ли думаютъ тѣ, которые желаютъ, чтобъ меръ оставался въ ратушѣ безвыѣздно? Они забываютъ, что тогда обязанности мера были многосложны и не терпѣли отсрочекъ; они забываютъ, что тогда надобно было пещись о продовольствіи семи или осьми сотъ тысячъ жителей столицы, и успѣхъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ зависѣлъ отъ исполненія распоряженій, сдѣланныхъ наканунѣ. Кронъ, оставивъ должность лейтенанта полиціи, не переставалъ быть честнымъ гражданиномъ, и нѣсколько дней давалъ Бальи драгоцѣнные совѣты; но въ день арестованія Фулона, Кронъ считалъ себя также погибшимъ. Бальи спѣшилъ къ нему и къ его семейству съ намѣреніемъ пріискать для нихъ надежное убѣжище. Въ эти-то немногіе часы, посвященные благодарности и благотворительности, случилось насиліе, которому меръ не могъ-бы воспротивиться, потому что Лафаетъ, начальникъ военной силы, ничего не успѣлъ сдѣлать. Надобно еще прибавить, что, для спасенія Крона, Бальи оставлялъ ратушу ночью съ 22 на 23 іюля, чтобъ отставнаго лейтенанта полиціи проводить далеко отъ Парижа.

Самое прискорбное зрѣлище представляетъ честный человѣкъ, обвиняемый также человѣкомъ честнымъ. Надобно избѣгать такихъ ошибокъ и не давать пищи пересудамъ злыхъ. Для безпристрастной и справедливой оцѣнки поступковъ нашихъ предшественниковъ, надобно имѣть предъ глазами картину непреодолимыхъ препятствій въ смутное время, когда и самая власть не можетъ дѣйствовать свободно.

Недостатокъ въ продовольствіи производитъ множество затрудненій, множество несчастій; но и другія причины имѣютъ не меньшее вліяніе на ходъ происшествій.

Бальи упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о козняхъ одной страшной партіи въ пользу.... подъ именемъ... Имена въ оригиналѣ пропущены. Извѣстный его издатель пополнилъ пропускъ. Я не имѣю такой смѣлости; я хотѣлъ только замѣтить, что Бальи долженъ былъ удерживать чернь отъ неожиданныхъ волненій и и бороться съ кознями тайныхъ агентовъ, раздававшихъ деньги щедрыми руками. Чрезъ нѣсколько дней, говоритъ Бальи, узнали адскаго козводѣя и подкупавшаго *злѣакъ*. Здѣсь недостаетъ собственныхъ именъ; но нѣтъ сомнѣнія, что были люди, которые, подъ маской враговъ революціи, сообщали ей быстрое, неудержимое движеніе. Эти люди собрали въ столицу до сорока тысячъ иностранцевъ и бродягъ. Чѣмъ ихъ можно было удержать? — Судами? но суды не имѣли нравственной силы и также склонялись на сторону такъ-называемыхъ враговъ революція. — Національною гвардіею? Но она только-что начинала составляться; ея начальники почти не знали другъ друга, и также не знали своихъ подчиненныхъ. — Можно-ли было полагаться на силу регулярнаго войска? Оно состояло изъ шести баталіоновъ Французской гвардіи безъ офицеровъ,—изъ шести тысячъ солдатъ, собравшихся въ Парижъ со всѣхъ концовъ Франціи, произвольно, отдѣльно, прочитавъ въ газетахъ слѣдующія слова Лафаета: «толкуютъ о дезертерахъ! истинные дезертеры тѣ, которые не оставляютъ своихъ знаменъ». Наконецъ въ Парижѣ шатались шестьсотъ гвардейскихъ Швейцарцевъ, ушедшихъ изъ своихъ полковъ. Не смотря на памятникъ въ Луцернѣ, скажемъ откровенно, что въ то время сами Швейцарцы были заражены духомъ буйства.

Надобно считать совершенно слѣпыми тѣхъ, которые понадѣялись-бы удержать порядокъ въ городѣ съ осмью-стами тысячъ жителей, не имѣя почти никакихъ для того средствъ. И такъ, всѣ мнимыя обвиненія Бальи въ слабости доказываютъ, что честный человѣкъ не долженъ участвовать въ дѣлахъ во время революцій.

Одинъ администраторъ новѣйшей фабрики, съ чувствомъ смѣшнаго самодовольствія, утверждаетъ, что «Бальи былъ ниже должности мера; незаслуженая благосклонность народа помѣстила его въ ратушѣ. Бальи, въ свое управленіе, не расчистилъ въ Пари-

жѣ большой площади, не провелъ широкой улицы, не воздвигъ ни одного великолѣпнаго зданія; Бальи слѣдовало-бы оставаться астрономомъ, ученымъ или литераторомъ».

Удивительное обвиненіе! Бальи не расширилъ ни одной улицы, не построилъ дворца въ двадцать восемь мѣсяцевъ своего управленія? Правда, совершенная правда. Бальи долженъ былъ кормить жителей Парижа, когда доходы города, вмѣстѣ съ суммами, отпускаемыми Неккеромъ, едва были достаточны для самыхъ необходимыхъ нуждъ. За нѣсколько лѣтъ прежде, Парижане съ неудовольствіемъ смотрѣли на пошлины за ввозъ жизненныхъ припасовъ; отъ этого времени сохранился стихъ, который былъ наклеенъ на таможню, собиравшую пошлины:

Le mur murant Paris rend Paris murmurant.

Народъ не роптаЛъ, но при удобномъ случаѣ бросился къ заставамъ и разрушилъ ихъ. Городовое управленіе съ трудомъ ихъ возстановило; не смотря на то, контрабандисты прорывались чрезъ нихъ силою, и прежніе ежемѣсячные доходы съ жизненныхъ припасовъ въ 70 тысячъ франковъ уменьшились до 30. Кто потрудится сравнить эти цифры съ доходами нашего времени, тотъ перестанетъ судить о прошедшемъ по настоящему.

Но, говорятъ, улучшенія въ нравственности не требуютъ расходовъ. Что-же сдѣлалъ Бальи въ этомъ отношеніи? Вопросъ ясенъ, но не будетъ-ли разскаеваться тотъ, кто предложилъ его? Вотъ отвѣтъ.

Въ наше время, математика одержала блестящую побѣду надъ жадностью нѣкоторыхъ начальниковъ городовъ; она уничтожила игорные домы. Спѣшу доказать, что такой-же проектъ занималъ мысли Бальи; онъ даже исполнилъ нѣкоторую его часть. Никто, кромѣ Бальи, не возставалъ противъ картежныхъ вертеповъ съ бо̀льшею силою и убѣдительностью.

«Объявляю, писалъ Парижскій меръ отъ 5 мая 1790 г., что, въ моихъ глазахъ, игорные домы—общественный бичъ. Я думаю, что такія сходбища не только не могутъ быть терпимы, но ихъ должно открывать и преслѣдовать, употребляя дозволительныя средства, не нарушая спокойствія гражданъ.»

«Считаю постыднымъ доходъ съ этихъ домовъ. Я думаю, что даже для добра не должно покровительствовать порокамъ и безпорядкамъ. На основаніи этихъ правилъ, я не позволилъ завести

ни одного игорнаго дома. Я постоянно отказывалъ просьбамъ, постоянно объявлялъ, что буду преслѣдовать недозволенные домы.»

Если я прибавлю, что Бальи уничтожилъ травлю звѣрей, пріучающую толпу къ жестосердію и кровожадности; то я въ свою очередь могу спросить поверхностнаго писателя, чѣмъ онъ оправдается, назвавъ управленіе Бальи безполезнымъ?

14 мая 1791 г., Бальи явился въ національное собраніе, и отъ имени города Парижа требовалъ уничтоженія порядка, относящагося до рожденій, браковъ и смертности, и приводящаго къ важнымъ злоупотребленіямъ. Если нынѣ возстановлено согласіе между гражданскими и религіозными постановленіями, то этимъ обязаны мы умной твердости Бальи.

Всякой правитель долженъ обращать вниманіе на несчастныхъ, заключаемыхъ въ тюрьмы. Бальи не забылъ этого святаго долга. Въ концѣ 1790 г., старые суды не имѣли уже никакой нравственной силы, а новые не были еще учреждены. Такое состояніе правосудія раздирало душу академика. Ноября 18 онъ выразилъ свою горесть національному собранію.

«Господа, тюрьмы переполнены. Невинные ожидаютъ правосудія, виновные—конца угрызеній ихъ совѣсти. Всѣ дышутъ зараженнымъ воздухомъ, и болѣзни производятъ страшныя опустошенія. Тамъ обитаетъ отчаяніе. Отчаяніе говоритъ: или умертвите, или судите. Посѣщая тюрьмы, мы слышимъ раздирающіе вопли родственниковъ заключенныхъ, и хотимъ, чтобъ ихъ услыхали *отцы отечества.* Мы напоминаемъ имъ, что въ тюрьмахъ, жилищахъ преступленія, скорби и болѣзней, время кажется остановившимся: мѣсяцъ считается вѣкомъ.... Мы требуемъ, чтобъ суды очистили тюрьмы оправданіемъ невинныхъ и справедливымъ наказаніемъ виновныхъ.»

Отъѣздъ короля. — Процессія на Марсовомъ полѣ.

Въ апрѣлѣ 1791 г. Бальи увидалъ, что его вліяніе на Парижскихъ жителей начинаетъ ослабѣвать. Тогда король объявилъ, что онъ уѣдетъ 18 и нѣсколько дней проведетъ въ Сенъ-Клу. Подъ предлогомъ нездоровья, отъѣздъ былъ отсроченъ; но, кажется, главная причина состояла въ томъ, что Людовикъ XVI не хотѣлъ имѣть сношеній съ революціоннымъ духовенствомъ. Бальи не безпокоился объ этомъ отъѣздѣ; онъ даже смотрѣлъ на него съ удо-

вольствіемъ: потому-что иностранные дворы считали короля плѣнникомъ, и думали, что силою заставляютъ его утверждать декреты; отъѣздъ короля въ Сенъ-Клу доказалъ-бы несправедливость ложныхъ слуховъ. Поэтому Бальи сговорился съ Лафаетомъ содѣйствовать отъѣзду королевскаго семейства; но Парижская чернь не понимала разсчетовъ мера; думая, что король чрезъ Сенъ-Клу удалится къ иностраннымъ войскамъ, она бросилась въ Тюльери, и не смотря на всѣ усилія Бальи, королевскіе экипажи не могли сдвинуться съ мѣста. Король и королева, просидѣвъ цѣлый часъ въ каретѣ, должны были возвратиться въ замокъ.

Но въ ночь съ 20 на 21 іюня 1791 г. король оставилъ Тюльери. Этотъ отъѣздъ совершенно уничтожилъ вліяніе мера на Парижскій народъ, который обыкновенно обо всемъ судитъ по наружности. «Король — толковали въ народѣ — свободно уѣхалъ изъ замка; и такъ меръ согласенъ съ нимъ, потому-что меръ долженъ все знать; иначе, онъ не способенъ къ должности; онъ виноватъ въ своей небрежности».

Эти безсмысленныя обвиненія раздавались не въ однѣхъ лавкахъ, не на однѣхъ улицахъ и площадяхъ; нхъ повторяли въ клубахъ, которые тогда такъ усилились, что составляли особенное правительство. Меръ доказалъ несправедливость толковъ, но толпа не образумилась. Въ слѣдующіе дни Бальи и Лафаетъ подвергались личной опасности. Національное собраніе нѣсколько разъ защищало ихъ.

Теперь приступаю къ самой печальной части моей біографіи — къ происшествію, за которое Бальи поплатился жизнью, и которое, повидимому, набрасываетъ тѣнь на его поведеніе.

Отъѣздъ короля много содѣйствовалъ успѣхамъ революціи. Послѣ него къ республиканской партіи присоединились многія политическія лица, желавшія прежде однихъ законныхъ и твердыхъ постановленій, для уничтоженія злоупотребленій. Нынѣ извѣстно, что даже герцогъ Рошфуко и Дюпонъ (изъ Намюра) рѣшительно начали думать о республикѣ. Но радикальная перемѣна въ правленіи болѣе всего нравилась клубамъ. Когда, 13 іюля 1791 г., коммиссія національнаго собранія, посредствомъ своего докладчика Мюге, объявила себя противъ лишенія королевскихъ правъ Людовика XVI, тогда въ Парижѣ распространилось сильное волненіе. Агенты клуба Кордильеровъ, 14 іюля, первые подписали просьбу противъ предложенія коммиссіи. По предложе-

нію Лакло, за ними послѣдовалъ клубъ Якобинцовъ, который просьбу свою опредѣлилъ подписать 17 числа, на Марсовомъ полѣ, на жертвенникѣ отечества. Такія совѣщанія происходили на площадяхъ. Національное собраніе признало ихъ анархическими, 16 іюля призвало къ себѣ Парижскій муниципалитетъ, и предоставило ему право употребить силу, если понадобится подавить беззаконное волненіе.

Утромъ 17, городовой совѣтъ составилъ объявленія, согласныя съ приказаніями національнаго собранія; офицеры муниципалитета, при звукахъ трубъ, читали ихъ на площадяхъ; близъ ратуши, нѣкоторыя военныя распоряженія заставляли предвидѣть кровавыя столкновенія. Вдругъ, при открытии засѣданія національнаго собранія, распространилось извѣстіе, что при жертвенникѣ отечества два добрые гражданина посовѣтовали народу повиноваться закону; ихъ тотчасъ убили и головы ихъ, воткнутыя на пики, носили по городу. Это новое злодѣйство возбудило негодованіе во всѣхъ депутатахъ, и Александръ Ламетъ, президентъ собранія, сообщилъ Бальи новыя весьма строгія приказанія, — обстоятельство, которое сдѣлалось извѣстнымъ недавно.

Когда въ одиннадцатомъ часу утра убійство дошло до свѣдѣнія муниципалитета, тогда онъ отправилъ трехъ своихъ членовъ для возстановленія порядка; за ними слѣдовали сильные отряды войска. Въ два часа узнали, что толпа бросала камни въ національную гвардію. Муниципальный совѣтъ немедленно объявилъ военный законъ на Гревской площади, а въ главномъ окнѣ ратуши вывѣсилъ красное знамя. Въ пять часовъ съ половиною, когда муниципальный корпусъ собирался на Марсово поле, возвратились оттуда три его совѣтника, съ двѣнадцатью депутатами отъ просителей. Послѣ взаимныхъ объясненій, совѣтъ началъ совѣщаніе, не перемѣнилъ своихъ распоряженій и въ шесть часовъ отправился на Марсово поле съ краснымъ знаменемъ, съ тремя пушками и съ новымъ отрядомъ національныхъ гвардейцевъ.

Бальи находился въ трудныхъ обстоятельствахъ; на него одного падала отвѣтственность за безразсудныя или преступныя дѣйствія буйной толпы, на которую онъ не имѣлъ уже прежняго вліянія.

При началѣ революціи, трудно было управлять національною гвардіею; въ ея рядахъ неповиновеніе считалось правиломъ. Можетъ быть, мое мнѣніе покажется слишкомъ строгимъ; но

прочтите записки того времени, напримѣръ, переписку Гримма, и вы тамъ найдете, что въ ноябрѣ 1790 г. одинъ капитанъ оставилъ свое мѣсто; подчиненные его изъявили сожалѣніе; онъ отвѣчалъ: «утѣшьтесь, мои товарищи; я не покидаю вась, но остаюсь простымъ фузелеромъ; я рѣшился отказаться отъ моей должности, потому-что и мнѣ хочется командовать».

Также позволительно предположить, что въ національной гвардіи 1790 г. не было терпѣливости, которымъ отличаются дисциплированныя Французскія войска; она не понимала, что въ большихъ городахъ толпы составляются изъ праздныхъ зѣвакъ и изъ любопытныхъ.

Въ семь часовъ съ половиною муниципальный корпусъ прибылъ на *поле союза* (Марсово поле). Стоявшіе на гласисахъ тотчасъ закричали: «Долой красное знамя! прочь штыки!». За криками полетѣли камни; раздались даже выстрѣлы. Гвардейцы выстрѣлили на воздухъ; но крики повторились, камни снова полетѣли: тогда гвардейцы открыли уже убійственный огонь.

Вотъ несчастное происшествіе на Марсовомъ поле, описанное со всею вѣрностью по донесенію, которое самъ Бальи сдѣлалъ 18 іюля національному собранію. Въ этомъ разсказѣ есть невольные, но важные пропуски, о которыхъ я упомяну, когда мы, вмѣстѣ съ Бальи, придемъ предъ революціонный судъ.

Бальи оставляетъ должность мера 19 ноября 1791 г. — Головы (échevins). — Разсмотрѣніе обвиненій противъ мера.

Возвращаюсь къ жизни Бальи съ той минуты, въ которую онъ оставилъ ратушу послѣ почти двухлѣтняго отправленія должности мера.

12 ноября 1791 г., Бальи собралъ городовой совѣтъ, отдалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, просилъ недовольныхъ его управленіемъ сказать ихъ мнѣніе чистосердечно, передалъ свою должность Петіону и удалился. При этомъ случаѣ сотрудники бывшаго мера не выразили никакого сердечнаго чувства — единственной награды честнаго человѣка.

Я искалъ причину холодности и недоброжелательства къ первому Парижскому меру. Я спросилъ себя, не гордость-ли его оскорбила самолюбіе его совѣтниковъ? Но получилъ отвѣтъ отрицательный. Бальи во всю свою жизнь отличался терпѣніемъ, кротостью и вниманіемъ къ мнѣніямъ другихъ.

Не зависть-ли? — Нѣтъ, нѣтъ; темные люди, составлявшіе городовой совѣтъ, если они не были совсѣмъ безумные, не могли оспаривать общественное уваженіе и славу у знаменитаго автора «Исторіи астрономіи», у писателя и ученаго, принадлежавшаго тремъ академіямъ.

Я убѣжденъ, что личность не вмѣшивалась, не была причиною неудовольствій и неповиновенія, которыя Бальи каждый день встрѣчалъ въ своихъ сотрудникахъ. Я даже думаю, что другой на его мѣстѣ терпѣлъ-бы бо́льшія оскорбленія. Когда *подвальная аристократія*, какъ выражается одинъ изъ знаменитыхъ членовъ Французской академіи, была призвана революціею занять мѣсто *аристократіи верхнихъ этажей*, тогда закружилась ея голова. Магазинщики, мастеровые, конторщики, и пр. закричали: не уже-ли мы не можемъ управлять общественными дѣлами? И этотъ муравейникъ новыхъ *государственныхъ людей* принялся за дѣло; всякой надзоръ за ихъ поступками казался имъ несноснымъ, каждый, возвратившись въ свой кварталъ, хотѣлъ похвалиться: «я нынѣ издалъ законъ, который связываетъ руки всѣмъ партіямъ; я спасъ государство, принудивъ принять такую-то мѣру для общественнаго благосостоянія». Словечко *я* пріятно щекотитъ уши людей такого разряда.

Чистый купеческій голова и стараго и новаго поколѣнія терпѣть не можетъ личныхъ заслугъ и спеціальности; онъ чувствуетъ непреодолимую антипатію къ людямъ, которые, въ глазахъ свѣта, пріобрѣли уваженіе, какъ историки, геометры, механики, астрономы, и пр.; онъ судитъ объ всемъ, всему произноситъ свои приговоры; ему нужны товарищи молчаливые, не смѣющіе противорѣчить. Строится-ли въ городѣ зданіе, — купеческій голова назначаетъ, куда поворотить его фасадъ; съ увѣренностью утверждаетъ, что еще на рукахъ кормилицы онъ получилъ опытность и узналъ, что съ такой-то стороны луна дѣйствуетъ разрушительно, уничтожитъ всѣ украшенія, и такому премудрому мнѣнію не смѣй противорѣчить ни одинъ архитекторъ. Призовите на совѣтъ метеоролога; онъ уничтожитъ теорію и опытность кормилицы, но за то купецъ сдѣлается его врагомъ.

Въ другой разъ купецъ проклинаетъ нагрѣваніе парами; по его мнѣнію, это дьявольское изобрѣтеніе истребляетъ дерево, мебель, бумаги и книги. Купецъ воображаетъ, что нагрѣвающіе пары свободно распространяются по комнатамъ. Можетъ-ли, спрашиваю,

такой физикъ полюбитъ товарища, который, выслушавъ терпѣливо его рѣчь, научитъ его, что пары, содержащіе огромное количество тепла, разносятъ его по всѣмъ этажамъ дома, не выходя изъ своихъ проводныхъ трубъ?

Но вотъ купеческій голова, принимающій участіе въ разнообразныхъ городскихъ работахъ, нашелъ вѣрное средство восторжествовать надъ ученымъ. Руководствуясь наставленіями новой геологіи, ученые предложили искать воду въ нѣдрахъ земли, гдѣ она съ сотворенія міра вращается безъ всякой пользы для человѣчества; предложили заставить ее подниматься на поверхность нашей планеты, разливаться по всѣмъ домамъ столицы и нагрѣвать своею природною теплотою великолѣпныя теплицы нашихъ садовъ, залы для пріюта бѣдныхъ и палаты больницъ. Купецъ, наученный опытности своею кормилицею, утверждаетъ, что воды нѣтъ подъ землею, или она не можетъ подниматься, и она холодна, какъ вода колодезная. Однако онъ даетъ свое согласіе на издержки артезіанскаго колодезя, надѣясь потѣшиться надъ глупостью ученаго инженера, которому предсказываетъ, что онъ напрасно издержитъ деньги.

Но глупый инженеръ терпѣливо спускается на глубину 548 метровъ, и вода начинаетъ бить фонтаномъ высотою въ 33 метра; она прозрачна, какъ кристалъ, чиста, какъ перегнанная чрезъ кубъ и нагрѣта, какъ предполагала физика. Чтò вы думаете? Купецъ одобритъ неожидаемый имъ успѣхъ? Нѣтъ: его самолюбіе униженно и впредь онъ уже не согласится на предпріятіе, приносящее честь наукѣ и ученымъ.

Для чего я привелъ эти примѣры? Неужели для доказательства, что въ городахъ не должно допускать къ управленію людей, ничему не учившихся, людей съ предразсудками своего воспитанія? Совсѣмъ нѣтъ. Я только хотѣлъ напомнить, что въ этихъ случаяхъ споры неизбѣжны. Я даже прибавлю, что старые типы купеческихъ головъ начинаютъ исчезать; подлѣ упорнаго по невѣжеству, часто встрѣчаемъ гражданъ, которые, наживъ достатокъ своими честными трудами, удаляются отъ дѣлъ и досугъ свой украшаютъ пріобрѣтеніемъ знаній; такіе люди всегда готовы для служенія обществу, готовы стоять за истину. Бальи пользовался помощью такихъ людей и имѣлъ къ нимъ полное довѣріе. Что-же касается до его совѣтниковъ, которые, въ 89 и 90 годахъ, производили безпорядки и анархію въ ратушѣ, нельзя похвалить



его за то, что онъ терпѣливо и скромно переносилъ ихъ претензіи и не останавливалъ ихъ стремленія захватить власть въ свои руки.

Съ перваго приступа къ основательному изученію природы мы понимаемъ, что ея тайны, открытыя вѣками, составляютъ ничтожную часть еще неизвѣстнаго. При этомъ воззрѣніи на природу, нескромность обнаруживаетъ недостатокъ здраваго смысла; но смиреніе *абсолютное* не исключаетъ смиренія *относительнаго.* Относительное смиреніе часто переходитъ въ глупость. Бальи иногда смѣшивалъ эти качества; позволяю себѣ замѣтить, что ученый академикъ имѣлъ право повторять своимъ тщеславнымъ товарищамъ слѣдующій афоризмъ древняго философа: «когда я смотрю на одного самого себя, то кажусь пигмеемъ; когда-же сравниваю себя съ другими, то кажусь гигантомъ».

Еслибы я набросилъ покровъ на тѣ поступки Бальи, которые подлежатъ осужденію, то я ослабилъ-бы истинныя похвалы его управленію. И такъ, скажу, что Бальи во многихъ случаяхъ обнаруживалъ скромность не приличную, если не его личности, то его мѣсту. Могу также упрекнуть Бальи тѣмъ, что въ немъ иногда недоставало предусмотрительности.

Какъ человѣкъ съ чувствомъ и воображеніемъ, какъ ученый, онъ часто останавливалъ все свое вниманіе на однихъ временныхъ затрудненіяхъ; слишкомъ добродушно вѣрилъ, что за одною подавленною бурею не послѣдуетъ другая. При каждомъ большомъ или маломъ успѣхѣ, при каждой побѣдѣ надъ предразсудками, надъ злонамѣренностью и анархіею, онъ думалъ, что окончательно спасъ отечество. Тогда его удовольствіе выходило изъ предѣловъ; онъ хотѣлъ разлить его на весь свѣтъ. Когда, 27 іюня 1789 г., депутаты всѣхъ сословій соединились въ одно собраніе; тогда онъ поѣхалъ изъ Версаля въ Шальо и, высунувшись изъ своей кареты, объявлялъ новость всѣмъ, которые встрѣчались ему на дорогѣ. Въ Севрѣ онъ удивился, что солдаты, собравшіеся предъ казармой, оставались равнодушными при его извѣстіи; но послѣ онъ смѣялся надъ собою, потому что солдаты были Швейцарцы, непонимавшіе ни одного Французскаго слова.

Путешествіе Бальи въ Нантъ, и оттуда въ Мелюнь. — Его задерживаютъ въ послѣднемъ городѣ и привозятъ въ Парижъ.

Оставивъ должность мера, Бальи удалился въ Шальо, гдѣ онъ надѣялся опять найдти счастіе въ наукѣ; но два года, проведен-

ные въ буряхъ политическихъ, потрясли его здоровье; надобно было повиноваться врачамъ и предпринять путешествіе. Около половины іюня 1792 г., Бальи оставилъ столицу, сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ въ сосѣдніе департаменты, видѣлся въ Ніорѣ съ другомъ и старымъ своимъ товарищемъ Лаппараномъ, потомъ продолжалъ путешествіе до Нанта, гдѣ, подъ вліяніемъ другаго своего друга Желе де-Преміона, надѣялся на успокоеніе. Рѣшившись поселиться въ Нантѣ, Бальи и жена его наняли небольшую квартирку у одного почтеннаго семейства, которое, безъ-сомнѣнія, позаботилось-бы объ удобствахъ своихъ постояльцевъ, но изъ Парижа начали приходить непріятныя извѣстія. Городовой совѣтъ рѣшилъ взыскать съ Бальи 6 тысячъ франковъ за квартиру, которую онъ занималъ въ ратушѣ и которая слѣдовала ему по должности мера; взысканіе производили съ такою строгостью, что Бальи былъ принужденъ продать свою библіотеку, состоявшую изъ дорогихъ книгъ, открывавшихъ ему древнѣйшія тайны небесной тверди. За этимъ оскорбленіемъ, низкимъ и совершенно беззаконнымъ, слѣдовали другія. Центральное управленіе, зависѣвшее тогда отъ Жирондистовъ, отдало Бальи подъ надзоръ полиціи. Чрезъ каждую недѣлю, академикъ долженъ былъ являться къ прокурору-синдику департамента Нижней Луары, какъ человѣкъ подозрительный и вредный для общества. Кто былъ истиннымъ виновникомъ этой насильственной мѣры? Тайна скрыта въ могилѣ; я не хотѣлъ разрывать ее.

Тяжело продолжать повѣсть о несчастіяхъ Бальи, тяжело сказать, что гоненія враговъ его не прекращались. Роланъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, самымъ сухимъ письмомъ увѣдомилъ его, что квартира въ Луврѣ, принадлежавшая болѣе полувѣка семейству Бальи, очищена для другаго назначенія. Незадолго до этого времени, Бальи принужденъ былъ продать свой домъ въ Шальо, и такимъ образомъ знаменитый ученый, бывшій меръ Парижа, бывшій президентъ національнаго собранія, принесшій въ жертву отечеству свои дарованія, труды и имущество, остался безъ крова и въ нищетѣ. Когда онъ вспоминалъ объ этомъ, тогда глаза его наполнялись слезами; горесть терзала его сердце, но убѣжденія не перемѣнились.

Не одни умственныя дарованія, но и спокойствіе нужно для занятій науками. Живя въ Нантѣ, Бальи не могъ уже ничего прибавить къ своимъ многочисленнымъ ученымъ и литературнымъ

трудамъ. Астрономъ проводилъ время въ чтеніи романовъ, и съ горькою улыбкою говаривалъ: «я прекрасно провожу свой день; вставши утромъ, я разсказываю желающимъ содержаніе новыхъ романовъ, которыми снабжаетъ меня кабинетъ чтенія». Но иногда онъ имѣлъ утѣшеніе въ болѣе важныхъ бесѣдахъ: его навѣщали два молодые человѣка, достигшіе нынѣ зрѣлыхъ лѣтъ, и которые, можетъ быть, теперь слышутъ мои слова. Бальи разговаривалъ съ ними о Гомерѣ, Платонѣ, Аристотелѣ, о нашихъ знаменитыхъ литераторахъ, о быстрыхъ успѣхахъ наукъ, особенно астрономіи. Въ молодыхъ своихъ друзьяхъ Бальи болѣе всего цѣнилъ истинную чувствительность и душевную теплоту. Годы не уничтожили этихъ драгоцѣнныхъ качествъ въ двухъ Бретонцахъ. Паризе, нашъ сотоварищъ, и г. Вилльнавъ, безъ-сомнѣнія, не удивятся, если за минуты успокоенія, которыя доставляли они достопочтенному и страдавшему ученому отъ неблагодарности и низости людей, изъявлю имъ благодарность отъ міра наукъ и человѣчества.

Людовикъ XVI погибъ; горизонтъ покрылся мрачными тучами; неистовства того времени показали изгнаннику, что онъ не можетъ уже полагаться на сочувствіе общества; наступило уже не то время, въ которое (7 октября 1791 г.) національное собраніе опредѣлило поставить бюстъ Бальи въ залѣ своихъ засѣданій. Грозная буря приближалась и даже недальновидные начали думать о приготовленіи себѣ надежныхъ убѣжищъ. Маркизъ Шарль де Казо, извѣстный своими сочиненіями литературными и по экономіи политической, просилъ Бальи и его жену сѣсть на корабль, нанятый имъ для своего семейства. «Мы, говорилъ Казо, сперва отправимся въ Англію, а потомъ, если пожелаете, уѣдемъ въ Америку. Не заботьтесь, я богатъ, издержки не будутъ мнѣ въ тягость. Пиѳагоръ сказалъ: въ уединеніи, мудрый обожаетъ эхо; но теперь во Франціи нѣтъ надежды на уединеніе; надобно бѣжать изъ той страны, которая начала пожирать своихъ дѣтей».

Эти благородныя предложенія и просьбы плачущей жены не поколебали твердости Бальи. «Съ того времени, сказалъ онъ, какъ я принялъ участіе въ дѣлахъ общественныхъ, моя судьба навсегда связана съ судьбою Франціи; я не оставлю своего поста въ минуту опасности. Во всякомъ случаѣ, отечество можетъ быть увѣрено въ моей преданности. Что ни будетъ, я остаюсь».

Честь гражданину, дѣйствовавшему по такимъ прекраснымъ

началамъ; но онъ забывалъ о враждѣ партій и преклонялъ свою голову подъ ихъ удары.

30 Іюня 1793 г. Бальи жилъ еще въ Нантѣ, когда 80 тысячъ Вандейцовъ, подъ предводительствомъ Кателино и Шаретта, осадили этотъ городъ. Всякой можетъ представить себѣ затруднительность положенія бывшаго мера Парижа и президента національнаго собранія! Бальи, преслѣдуемый конвентомъ, подчиненный полицейскому надзору, не могъ надѣяться на худое обращеніе осаждавшихъ городъ, и когда его жители отбили осаду, тогда онъ рѣшился исполнить свое прежнее намѣреніе — удалиться изъ департаментовъ, возставшихъ противъ безумнаго правительства того времени.

До начала іюля 1793 г., Мелюнь наслаждался полнымъ спокойствіемъ. Бальи узналъ объ этомъ отъ Лапласа, который, удалившись сюда, занимался великимъ своимъ твореніемъ, содержащимъ геніальныя изслѣдованія чудесъ неба; великій геометръ, для полнаго уединенія, оставилъ свой домъ въ Мелюнѣ, поселился на маленькой дачѣ, внѣ города, на берегу Сены, а городской домъ свой предложилъ своему товарищу и другу.

Предложеніе тотчасъ было принято, и 6 іюля, Бальи и его жена оставили Нантъ, вмѣстѣ съ г. и г-жею Вилльнавъ, желавшими переѣхать въ Реннъ.

Въ это время дивизія революціонерныхъ войскъ была отправлена въ Мелюнь. Получивъ это страшное извѣстіе, г-жа Лапласъ поспѣшила написать къ Бальи и отклонить его отъ намѣренія пріѣхать въ Мелюнь. Она писала, что ея домъ стоитъ на берегу рѣки, весьма сыръ и г-жа Бальи умретъ въ немъ. Лапласъ и его жена надѣялись, что ихъ письмо будетъ имѣть успѣхъ, и съ ужасомъ увидали Бальи, идущаго по аллеѣ ихъ сада.

«Боже мой! вы не поняли нашего письма», вскричали друзья изгнанника.—Я хорошо его понялъ, отвѣчалъ Бальи спокойно; но, во-первыхъ, два служителя, пріѣхавшіе со мною въ Нантъ, услыхавъ, что мнѣ готовится тюрьма, ушли отъ меня; во-вторыхъ, я хочу быть арестованнымъ въ домѣ, который нѣсколько времени пробудетъ въ моемъ распоряженіи; не хочу, чтобъ въ актахъ называли меня бездомнымъ. — Пусть теперь говорятъ, что у великихъ людей не бываетъ странныхъ слабостей!

Эти подробности я предлагаю, какъ отвѣтъ на презрѣнныя слова, найденныя мной въ весьма извѣстной книгѣ. «Лапласъ, го-

ворить ея авторъ, зналъ всѣ тайны геометріи, но не имѣлъ никакого понятія о положеніи Франціи; онъ далъ Бальи неблагоразумный совѣтъ пріѣхать въ его домѣ, въ Мелюнѣ». Здѣсь неблагоразуміе падаетъ на автора этихъ словъ, который, не справившись, произнесъ строгій и ложный приговоръ объ одной изъ главныхъ знаменитостей нашего отечества.

Ребяческая надежда Бальи на осѣдлость въ Мелюнѣ не исполнилась: на третій день его пріѣзда, одинъ революціонный солдатъ узналъ его и безъ церемоніи повелъ въ муниципалитетъ. «Иду, сказалъ холодно Бальи; ты можешъ за мной слѣдовать».

Муниципалитетъ Мелюня имѣлъ тогда главою человѣка честнаго и смѣлаго, Тарбе-де-Саблона. Собравшейся толпѣ около городской ратуши, узнавшей о задержаніи бывшаго Парижскаго мера, онъ старался доказать, что паспорты, данные въ Нантѣ и свидѣтельствованные въ Реннѣ, совершенно правильны, и что, по точнымъ словамъ закона, онъ не можетъ не возвратить Бальи свободы. Тщетныя усилія! Чтобъ не допустить толпу къ насилію, де-Саблонъ принужденъ былъ дать обѣщаніе отправить арестованнаго въ Парижъ, и до того времени содержать его въ своемъ домѣ. Надзоръ, можетъ быть съ намѣреніемъ, былъ не строгій. Бальи могъ свободно скрыться; но онъ не хотѣлъ подвергнуть отвѣтственности ни Тарбе, ни своего часоваго.

Комитетъ *общественнаго благоденствія* приказалъ Мелюнскимъ властямъ перевести Бальи въ одну столичную тюрьму. Въ день отъѣзда, г-жа Лапласъ посѣтила своего несчастнаго друга и доказывала возможность бѣгства. Бальи остался непоколебимымъ; онъ казался совершенно покойнымъ. На рукахъ г-жи Лапласъ былъ ея сынъ; Бальи началъ разговаривать о воспитаніи юношества, и, къ удивленію, разсуждалъ глубокомысленно и разсказалъ много забавныхъ анекдотовъ объ избалованныхъ дѣтяхъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, Бальи былъ заключенъ въ Лафорсъ, гдѣ дали ему особенную комнату и допускали къ нему жену и его племянниковъ. Бальи сдѣлали незначительный допросъ и призвали свидѣтелемъ въ процессѣ несчастной королевы.

Бальи, свидѣтель въ процессѣ королевы.—Его собственный процессъ.—Его осужденіе на смерть. — Казнь; невѣрные объ ней разсказы.

Бальи призванъ свидѣтелемъ потому, что часть гнусныхъ обвиненій противъ Маріи-Антуанетты падала на него самого. Лѣто-

писи старыхъ и новыхъ судебныхъ мѣстъ не представляютъ ни одного подобнаго примѣра. Чего ожидали отъ Бальи? Не хотѣли-ли побудить его къ ложному свидѣтельству, для спасенія своей жизни? Совершенно ошиблись; такого человѣка, какъ Бальи, нельзя было склонить на подлость.

«Знаешъ-ли *ты* подсудимую, спросилъ его президентъ кровожаднаго судилища?»—Знаю, отвѣчалъ Бальи, поклонившись почтительно королевѣ. Потомъ, онъ съ ужасомъ протестовалъ противъ ненавистныхъ обвиненій, исторгнутыхъ отъ дофина, отъ дитяти противъ его матери. Съ этой минуты на Бальи упалъ гнѣвъ чудовищъ. Бальи не поколебался.

10 ноября 1793 г., Бальи снова былъ призванъ предъ революціонный трибуналъ, но уже какъ подсудимый. Главное обвиненіе состояло въ его участіи въ отъѣздѣ короля и въ происшествіи на Марсовомъ полѣ.

Даже въ 1793 г., до свѣдѣній, сообщенныхъ потомъ многими лицами, участвовшими въ отъѣздѣ короля, никто не сомнѣвался, что Бальи нимало не содѣйствовалъ этому отъѣзду; онъ, сколько могъ, противился ему, и никогда не имѣлъ намѣренія вмѣстѣ съ королемъ удалиться къ иностранцамъ. И такъ, всякой честный человѣкъ, къ какой-бы партіи ни принадлежалъ онъ, не можетъ читать безъ негодованія слѣдующія слова въ судебномъ актѣ: «злодѣй Бальи жаждалъ народной крови»!

Происшествіе на Марсовомъ полѣ было поводомъ къ важному обвиненію и взвело Бальи на эшафодъ. Подобное повторилось въ 1830 г. И такъ, я старался узнать его во всей истинѣ, во всѣхъ его подробностяхъ, чтобы навсегда объяснить темную часть жизни Бальи. Я успѣлъ въ томъ, и не имѣю надобности подкрашивать истину. Я даже не возвратился-бы къ происшествію, весьма извѣстному Французамъ, еслибы не было иностранцевъ, можетъ быть, имѣющихъ ложное объ немъ понятіе.

Вспомнимъ-же несчастныя обстоятельства.

Вечеромъ 17 іюля толпы собрались на Марсовомъ полѣ, около *жертвенника отечества*, т. е. около досчатаго строенія для праздника годовщины 14 іюля; часть сборища разной сволочи хотѣла подписать просьбу о низведеніи Людовика XVI, въ противность опредѣленію конституціоннаго собранія. Чтобъ остановить народное волненіе, объявленъ былъ военный законъ. Національная гвардія, подъ предводительствомъ Бальи и Лафаета, прибыла къ пре-

словутому жертвеннику, была встрѣчена неистовыми криками, каменьями и выстрѣломъ изъ пистолета; она открыла огонь, пало нѣсколько жертвъ, можетъ быть, нѣсколько невинныхъ, пришедшихъ туда изъ любопытства. Точное число убитыхъ неизвѣстно; ихъ считаютъ отъ *двадцати четырехъ до двухъ-тысячъ.*

Революціонный судъ надъ Бальи выслушалъ свидѣтелей, между которыми были Шометтъ, прокуроръ Парижскаго округа, Люлье, департаменскій синдикъ, Кофиналь, *одинъ изъ судей*, Дюфурни, смотритель за порохомъ, и Моморо, типографщикъ. Всѣ они жестоко обвиняли бывшаго мера Парижа. Но кто не знаетъ, что всѣ они въ нашихъ смутахъ отличались неистовствами и звѣрствомъ? Ихъ обвиненія надобно было выслушать съ большимъ недовѣріемъ, особенно *судьи-свидѣтеля.*

Это еще не все. Въ іюлѣ 1791 г., послѣ задержанія Людовика XVI въ Вареннѣ, начались рѣшительные нападки на монархическое правленіе, и осмѣлилась явно выставиться партія республиканцовъ; приверженцы монархіи, какъ и ихъ противники, не соблюдали благоразумнаго хладнокровія; та и другая сторона кричали: «надобно кончить»!

Бальи окружали люди, преданные республиканцамъ, люди лжи и способные на все безчестное и беззаконное. Бальи, судя по себѣ, не могъ предположить, чтобъ его товарищи, *достопочтенныя головы* купечества, способны были къ обману и къ искаженію и утайкѣ истины происшествій. Но, къ-несчастію, Бальи менѣе всѣхъ зналъ истину. На судѣ онъ говорилъ: «красное знамя было выставлено вслѣдствіе извѣстій, которыя, грозя безпрестанно возрастающими опасностями, заставили насъ отправиться на Марсово поле съ военною силою». Вообще, во всѣхъ своихъ отвѣтахъ Бальи ссылался на повторительныя приказанія національнаго собранія, на упреки, которые онъ слышалъ со всѣхъ сторонъ, за слабое смотрѣніе за агентами иностранныхъ государствъ. Противъ этихъ-то мнимыхъ агентовъ меръ Парижа рѣшился прибѣгнуть къ военной силѣ.

О достопочтенныя головы! Еслибы вы ограничились забавами вашего невѣжественнаго тщеславія, то васъ еще можно-бы простить; но вы искусно сплетничали, утаивали истину и довели наконецъ Бальи до поступка, отъ котораго, кромѣ негодяевъ, погибли совсѣмъ невинные, и въ которомъ не было необходимой надобности, потому что толпа не имѣла оружія и, безъ-сомнѣнія, проголодавшись къ ночи, разошлась-бы сама собою. Не нужно было

стрѣлять въ нее; слѣдовало только наблюдать за ея движеніями. Если революціонному трибуналу — стыду Франціи, понадобилось вспомнить въ 1793 г. о происшествіи 1791 г., то онъ долженъ былъ-бы начать судъ не съ Бальи, но съ васъ, достопочтенныя головы.

Что-же кажется до историковъ, обвинявшихъ Бальи за приказаніе стрѣлять по сборищу на Марсовомъ полѣ, то въ ихъ обвиненіяхъ находимъ даже смѣшное. Они пишутъ, что красное знамя было маленькое; держали его не надъ головою колонны, какъ требовалъ того законъ; его не было видно; національная гвардія была введена во всѣ ворота со стороны города, какъ-бы съ намѣреніемъ окружить, а не разогнать толпу, и пр. и пр.

Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что процессъ Бальи принялъ-бы другой оборотъ, еслибы, какъ пишутъ историки, присяжные не были выбраны изъ пьяныхъ сапожниковъ и башмачниковъ. Но тутъ историки ошибаются: присяжные были хуже тѣхъ и другихъ; ихъ выбрали изъ людей, совершенно преданныхъ республиканской партіи; отъ 1793 по 1794 г. несчастныхъ осуждали люди не безпристрастные, но тѣ люди, которые новыми злодѣйствами желали прикрыть свое главное преступленіе.

Бальи понималъ это и не хотѣлъ защищаться, по закону, посредствомъ адвоката. Послѣ процесса королевы, онъ издалъ только небольшую брошюру, подъ заглавіемъ: *Бальи къ своимъ согражданамъ;* она оканчивается слѣдующими словами: «Я счастливъ моею чистою совѣстью; но желаю также заслужить ваше уваженіе; я увѣренъ, что, рано или поздно, вы отдадите мнѣ справедливость».

Бальи былъ осужденъ единогласно. Когда президентъ ненавистнаго трибунала объявилъ ему приговоръ и спросилъ, не имѣетъ ли онъ чего-нибудь возразить противъ мѣры наказанія, тогда осужденный отвѣчалъ: «Я всегда исполнялъ законы, и теперь покоряюсь имъ».

Бальи, въ похвальномъ словѣ Трессану, сказалъ: «Французская веселостѣ замѣняетъ стоицизмъ». Эти слова заставили меня собрать всѣ подробности для доказательства, что въ Консьержери, послѣ своего осужденія, Бальи былъ твердъ и веселъ.

Племянника своего, г. Батбеда, онъ заставилъ играть съ нимъ въ пикетъ, по обыкновенію. За игрою, онъ думалъ о будущемъ ужасномъ днѣ, и притомъ съ такимъ хладнокровіемъ, что иногда

переставалъ играть и говорилъ: «отдохнемъ немного, мой другъ, и понюхаемъ табаку; завтра я буду лишенъ этого удовольствія; завтра свяжутъ мнѣ руки».

Приведу нѣсколько словъ, которыя, свидѣтельствуя о ясности души осужденнаго, болѣе, нежели предъидущія, согласны съ его важнымъ характеромъ, и которыя достойны памяти.

Одинъ изъ тюремныхъ товарищей академика, вечеромъ 11 ноября, укорялъ его, но съ глубокимъ уваженіемъ: «Для чего, говорилъ онъ со слезами, вы не позволяли намъ предвидѣть развязки? Вы насъ обманывали?»—«Нѣтъ, отвѣчалъ Бальи: я училъ васъ никогда не отчаяваться въ законахъ отечества».

Въ пароксизмѣ отчаянія, нѣкоторые изъ заключенныхъ, вспоминая прошедшее, доходили до того, что сожалѣли о своей честности. Бальи наводилъ забывшихся на путь истины, объясняя имъ правила, которыя-бы не испортили ни одной книги моралистовъ. «Не правда, совершенная не правда, чтобъ преступленіе было когда-нибудь полезно. — Ремесло честнаго человѣка всегда вѣрнѣе ремесла безчестнаго, даже во время революцій.—Одно просвѣщенное самолюбіе можетъ умнаго человѣка привести на путь истины и справедливости. Если невинность приносится на жертву, то преступленіе никогда не можетъ надѣяться на вѣрные успѣхи. Разстояніе между смертію добраго и злаго такъ неизмѣримо, что обыкновенный умъ не въ-состояніи понять его».

Людоѣды, пожирающіе своихъ побѣжденныхъ враговъ, для меня менѣе отвратительны, нежели презрѣнное отребіе большихъ городовъ, которое, въ крайнему сожалѣнію, крикунами и безстыдными насмѣшками доводится до того, что возмущаетъ послѣднія минуты жизни. Чѣмъ отвратительнѣе образъ униженнаго человѣчества, тѣмъ болѣе надобно остерегаться покрывать его яркими цвѣтами. Съ нѣкоторыми исключеніями, историки послѣднихъ томленій Бальи, мнѣ кажется, забывали это правило. Неужели недостаточно одной истины, раздирающей душу? Неужели надобно увеличивать, безъ доказательствъ, адскій цинизмъ людоѣдовъ? Неужели надобно легкомысленно возбуждать негодованіе на многочисленный отдѣлъ общества? Я не такъ думаю. Я ничего не пропущу изъ картины, терзающей мое сердце, но исключу все, что выдумано духомъ партій.

Я не скрою ни одного вопроса, которые раздаются въ моихъ ушахъ. По какому праву, говорятъ мнѣ, осмѣливаюсь я перемѣ-

нять страницы историковъ революціи, съ которыми всѣ согласны? По какому праву вы хотите опровергать свидѣтельства современниковъ, вы, которые во время смерти Бальи, едва только родились, — вы, жившіе въ темной долинѣ Пиреней, въ двухъ-стахъ двадцати миляхъ отъ столицы?

Эти вопросы нимало не затрудняютъ меня. Я не потребую, чтобы мнѣ вѣрили безъ доказательствъ. Я вычислю мои доказательства, постараюсь подтвердить мои сомнѣнія. При такихъ условіяхъ, никто не можетъ выдумывать; для всѣхъ открыто поле разсужденій; пусть публика произнесетъ свой окончательный судъ. Вотъ мой общій тезисъ; къ нему прибавлю только то, что, сосредоточивая изслѣдованія на одномъ частномъ и опредѣленномъ предметѣ, лучше видимъ, лучше узнаемъ его, нежели направляя вниманіе по разнымъ путямъ.

Достоинство современныхъ свидѣтельствъ позволительно оспаривать. Политическія страсти не представляютъ предметовъ въ ихъ истинной величинѣ, въ истинной формѣ и подъ цвѣтами естественными. Неизданные и драгоцѣнные документы развѣ не проливаютъ свѣта на тѣ событія, на которыя духъ партій набрасываетъ толстый покровъ?

Разсказу Ріуффа о смерти Бальи слѣпо слѣдовали всѣ историки революціи. Изъ чего онъ составленъ? Самъ Ріуффъ говоритъ, что онъ писалъ по словамъ палача, повтореннымъ помощниками тюремщика. Я охотно согласился-бы съ этимъ разсказомъ, хотя и почерпнутымъ въ тюремной грязи, еслибы молодой и умный писатель не смотрѣлъ на всѣ происшествія чрезъ гнѣвъ и досаду на свое заключеніе, и еслибы эти чувства не ввели его въ явныя ошибки.

Кто, напримѣръ въ «запискахъ о тюрьмахъ», не читалъ со слезами разсказъ о четырнадцати молодыхъ дѣвицахъ изъ Вердюня. «Изъ этихъ дѣвицъ, пишетъ авторъ, одна походила на тѣхъ молодыхъ и прекрасныхъ существъ, которыя представляютъ святую въ католическихъ праздникахъ. Всѣ онѣ исчезли вдругъ; ихъ истребили въ цвѣтущихъ лѣтахъ. На другой день ихъ смерти, женщины, выпускаемыя на дворъ тюрьмы, казались цвѣтникомъ, опустошеннымъ бурею. Мы всѣ были въ отчаяніи отъ такого варварства».

Да не обвиняютъ меня въ намѣреніи уничтожить благородное чувство Ріуффа; но замѣтимъ, что авторъ ошибается, разсказывая,

что все видѣлъ собственными глазами. Изъ четырнадцати женщинъ, преданныхъ суду по отнятіи Вердюня у Пруссаковъ, двѣ были семи лѣтъ; ихъ не осудили на смерть, по ихъ молодости. Далѣе одинъ историкъ, справившись съ оффиціальными журналами того времени и съ бюллетенемъ революціоннаго трибунала, къ удивленію своему, нашелъ, что изъ двѣнадцати осужденныхъ *дѣвицъ*, семь было замужнихъ или вдовъ, которыхъ лѣта содержались между 41 и 69.

И такъ, свидѣтельства современниковъ должны быть повѣряемы, не нарушая уваженія къ свидѣтелямъ. Если на пересмотръ революціонныхъ списковъ употребимъ десятую часть трудовъ и времени, употребляемыхъ на изслѣдованіе древнихъ лѣтописей, то изъ нашей современной исторіи исчезнутъ многіе случаи, возмущающіе душу. Вотъ сентябрскія убійства: всѣ историки, пользующіеся общимъ довѣріемъ, число жертвъ этой ужасной рѣзни доводятъ до шести и даже до двѣнадцати тысячъ; но одинъ писатель, потрудившійся справиться съ тюремными списками, не могъ насчитать болѣе тысячи. И это число не мало, однакожь оно въ десять разъ меньше принятаго многими историками.

Когда мои изслѣдованія будутъ извѣстны, тогда увидятъ, какъ много понадобится отбросить отъ печальнаго повѣствованія о смерти Бальи. Притомъ, должно обратить вниманіе на одно неоспоримое обстоятельство: всѣ мои изысканія доказываютъ, что эшафотъ Бальи окружали негодяи, отребіе Парижскаго населенія, получившіе деньги отъ трехъ или четырехъ богатыхъ людоѣдовъ.

Опредѣленіе революціоннаго трибунала слѣдовало исполнить 12 ноября 1793 г. Недавно изданныя воспоминанія одного изъ тюремныхъ товарищей Бальи, воспоминанія Бёньо, позволяютъ намъ проникнуть въ Консьержери въ послѣднее утро жизни осужденнаго. Бальи всталъ рано, послѣ спокойнаго сна невинности. Онъ пилъ шеколадъ и долго разговаривалъ съ своимъ племянникомъ. Молодой человѣкъ былъ въ отчаяніи; но осужденный сохранялъ спокойствіе. Наканунѣ, возвратясь изъ суда, онъ хладнокровно замѣтилъ, что зрители были сильно озлоблены противъ него, и прибавилъ: «Я боюсь, что для нихъ обыкновенный порядокъ казни не будетъ удовлетворителенъ; но, можетъ быть, полиція приметъ необходимыя мѣры». Эти мысли пришли на умъ Бальи утромъ 12 числа; онъ потребовалъ и вдругъ выпилъ двѣ чашки кофе съ водою. Эти предосторожности показались зловѣщими. «Успо-

койтесь, сказалъ онъ плачущимъ своимъ друзьямъ: мнѣ предстоитъ трудное путешествіе, и я не довѣряю моему темпераменту. Кофе оживляетъ. Теперь я надѣюсь прилично дойди до моей цѣли».

Наступилъ полдень. Бальи нѣжно простился съ товарищами его заключенія, пожелалъ имъ лучшей участи, послѣдовалъ за палачами безъ слабости и безъ хвастовства и съ завязанными назадъ руками сѣлъ на роковую телѣгу. Бальи обыкновенно говаривалъ: «несчастливъ умирающій, который не обращаетъ взора на прошедшее». Послѣдній взоръ несчастнаго былъ обращенъ къ его женѣ. Одинъ изъ провожавшихъ его жандармовъ принялъ его послѣднія слова и вѣрно передалъ ихъ вдовѣ знаменитаго ученаго. Въ часъ съ четвертью поѣздъ прибылъ на Марсово поле со стороны рѣки. Здѣсь, сообразно съ словами приговора, былъ построенъ эшафотъ. Слѣпая толпа закричала съ неистовствомъ, что это мѣсто не должно осквернять присутствіемъ и кровью великаго преступника; по ея требованію, даже по ея приказанію, эшафотъ былъ сломанъ и перенесенный по частямъ въ ровъ, вновь построенъ. Бальи оставался безстрастнымъ зрителемъ ужасныхъ приготовленій и терпѣливо слушалъ крики неистовой черни; онъ не произнесъ ни одной жалобы. Холодный дождь, шедшій съ самаго утра, падалъ на открытую голову старца. Одинъ презрѣнный замѣтилъ его дрожь и сказалъ: «Что, Бальи, ты трясешься?» — *Отъ холода, мой другъ*, отвѣчалъ спокойно мученикъ. Это были послѣднія его слова.

Бальи спустился въ ровъ, гдѣ палачъ, предъ его глазами, сжегъ красное знамя 17 іюля; потомъ онъ твердо взошелъ на эшафотъ. Когда пала голова несчастнаго, тогда подкупленные негодяи огласили воздухъ адскимъ крикомъ.

Вотъ истинное описаніе казни Бальи; теперь я долженъ сдержать свое слово. Я сказалъ, что надобно уничтожить много невѣрныхъ объ ней разсказовъ. Спрашивается: что̀ надобно уничтожить?

Приказаніе палачу о казни Бальи, данное Фуке-Тенвалемъ, видѣли многіе еще живущіе люди. Отъ подобныхъ приказаній, исполнявшихся палачемъ каждый день, они отличаются только перемѣною площади Революціи на Марсово поле. Революціонный трибуналъ справедливо заслужилъ общія проклятія; но никто не можетъ сказать, чтобъ его приказаніямъ не повиновались. Между-тѣмъ одинъ знаменитый писатель утверждаетъ, что Бальи сперва былъ

приведенъ на площадь Революціи, что приготовленный тамъ эшафотъ былъ сломанъ по требованію черни, и что оттуда повели несчастнаго на Марсово поле. Все это неправда. Въ приговорѣ именно сказано, что площадь Революціи не назначается для казни Бальи исключительно; поѣздъ отправился прямо на назначенное мѣсто.

Тотъ-же историкъ говоритъ, что эшафотъ былъ вновь построенъ на берегу Сены, надъ кучею навоза; операція эта будтобы продолжалась нѣсколько часовъ, и будто-бы въ это время нѣсколько разъ обвели Бальи кругомъ Марсова поля. Все это сущій вздоръ. Осужденный неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ. Построеніе эшафота на берегу рѣки, на кучѣ навоза, придумано съ намѣреніемъ увеличить варварство черни, которая будто-бы хотѣла, чтобы несчастный въ послѣднюю свою минуту могъ видѣть свой домъ въ Шальо, гдѣ онъ написалъ свои безсмертныя сочиненія. Чернь не имѣла понятія о его сочиненіяхъ; казнь совершена во рву, между двумя стѣнами.

Говорятъ, что самого Бальи силою заставляли переносить доски эшафота. Онъ не могъ этого дѣлать съ связанными руками. Никто не подносилъ горящаго краснаго знамени къ лицу Бальи: объ этотъ нѣтъ ни слова въ разсказѣ его друзей, составленномъ послѣ казни. Наконецъ авторъ «Исторіи Французской революціи», даже простыя слова Бальи: *отъ холода, мой другъ*, превратилъ въ театральную декламацію: *да, я содрогаюсь, но отъ холода.* Притомъ, насмѣшливый вопросъ былъ сдѣланъ не солдатомъ, какъ увѣряетъ тотъ-же историкъ, но однимъ негодяемъ изъ черни. Я не думаю, чтобъ солдаты совсѣмъ не способны къ низкимъ поступкамъ: тогда надобно-бы уничтожить военные суды; но не должно на нихъ клеветать. Въ доказательство приведу случай изъ дневника самого Бальи. Въ 1789 г. 22 іюля, на площади предъ ратушею, одинъ драгунъ ударилъ саблею тѣло несчастнаго Бертье; его товарищи, оскорбленные такимъ варварствомъ, рѣшились драться съ нимъ и смыть его кровью безчестіе цѣлаго полка. Дуэль отложили до вечера, и солдатъ былъ убитъ.

Ріуффъ, въ своихъ «Запискахъ о тюрьмахъ» говоритъ, что «Бальи *истощилъ* свирѣпость черни, которой прежде былъ идоломъ, и подло былъ оставленъ народомъ, который однакожь не переставалъ его уважать». Почти ту-же мысль находимъ въ «Исторіи революціи» и въ другихъ того-же рода сочиненіяхъ.

Чернь ничего не читаетъ, и ничего не пишетъ; нападать, клеветать на нее весьма покойно; она не можетъ опровергать. Я совсѣмъ не думаю, чтобъ упомянутые историки писали по этому разсчету; но въ описанной мною драмѣ, звѣрство черни происходило не отъ собственныхъ чувствъ негодяевъ, существующихъ у всѣхъ народовъ и способныхъ на всякое преступленіе; другими словами: неистовство, сопровождавшее казнь Бальи, не должно приписывать бездомнымъ бѣднякамъ, живущимъ работою своихъ рукъ, или пролетаріямъ. Предложивъ это мнѣніе, противное общепринятымъ, укоренившимся идеямъ, должно доказать его.

По словамъ Лафаета, послѣ своего приговора Бальи сказалъ: «Я умираю за засѣданіе въ мячевой залѣ, а не за происшествіе на Марсовомъ полѣ». Трудно угадать тайный смыслъ этихъ словъ; однакожь сквозь нихъ видно, что въ смерти Бальи пролетаріи нимало не участвовали. Наканунѣ своей смерти, въ Консьержери, Бальи упоминалъ о неестественномъ взрывѣ страстей присутствовавшихъ при процессѣ. Поддѣльное бѣшенство всегда происходитъ отъ подкуповъ; но у рабочихъ нѣтъ денегъ; имъ нечемъ подкупать; они не могли возбудить страстей въ наполнявшихъ залу судилища.

Заклятые враги бывшаго президента національнаго собранія, за деньги, нашли себѣ помощниковъ въ сторожахъ Консіержери. Бёньо увѣряетъ, что когда жандармы пришли, чтобъ отвести Бальи въ судъ, тогда негодяи сторожа толкали его между собою, какъ пьянаго, и кричали: *вотъ вамъ Бальи! берите его! чтожъ вы его не берете?* Послѣ этой потѣхи, они смѣялись надъ спокойнымъ и важнымъ видомъ несчастнаго.

Эту жестокость я считаю важнѣе неистовыхъ криковъ на Марсовомъ полѣ, и чтобъ увѣриться въ ея происхожденіи отъ гнуснаго подкупа, я замѣчу, что Бёньо говоритъ объ немъ положительно, и что ни съ однимъ подсудимымъ сторожа не позволяли себѣ подобныхъ поступковъ, даже съ извѣстнымъ адмираломъ, который сидѣлъ въ Консьержери за покушеніе на жизнь Колло Дербуа.

Впрочемъ, не на одних соображеніяхъ я основываю мое мнѣніе объ участіи богатыхъ и сильныхъ того времени людей въ постыдныхъ сценахъ на Марсовомъ полѣ. Мераръ Сенъ-Жюстъ говоритъ, что, въ самый день казни Бальи, одинъ изъ негодяевъ публично хвалился, что онъ подбилъ многихъ своихъ товарищей потребовать, чтобъ перенесли эшафотъ. На другой день казни, въ клубѣ якобинцовъ разсказывали о другомъ молодцѣ, Гро-Калью,

который также хвалился своею побѣдою надъ распоряженіями полиціи.

Портретъ Бальи. — Его жена.

Природа не одарила Бальи тою счастливою наружностью, которая, съ перваго взгляда, говоритъ въ пользу личности. Онъ былъ высокъ и сухъ, имѣлъ лице узкое, глаза малые и полуоткрытые, носъ правильный, но весьма длинный, кожу смуглую, — все вмѣстѣ составляло нѣчто холодное и суровое. Къ-счастію, сквозь эту грубую кору просвѣчивала доброта честнаго человѣка, его душевное спокойствіе и даже веселость.

Бальи, въ самой молодости, въ поступкахъ своихъ подражалъ аббату Лакалю, своему учителю астрономіи. Онъ былъ холоденъ и остороженъ съ незнакомыми; но ласковъ, простъ и ровенъ съ друзьями. Тогда измѣнялась его строгая наружность и онъ становился веселымъ.

Во всемъ прочемъ Бальи не походилъ на своего наставника. Лакаль всегда говорилъ правду, и не безпокоился, если она кому-нибудь не нравилась. Онъ никогда не потворствовалъ пороку. «Еслибы, говорилъ онъ, добрые люди не скрывали своего негодованія на злыхъ и снимали съ нихъ маски, то они перестали-бы вредить и добродѣтель уважалась-бы вполнѣ». Такое правило не согласовалась съ характеромъ Бальи, который удивлялся душевной силѣ своего учителя, но не могъ подражать ему.

Тацитъ имѣлъ девизомъ: «Не лги и уважай правду». Бальи исполнялъ только одну половину этого правила. Онъ никогда и никого не осмѣивалъ; никого не осуждалъ и ко всѣмъ былъ ласковъ. Онъ соблюдалъ средину между Лакалемъ и другимъ академикомъ, у котораго не было ни одного врага, потому что онъ слѣдовалъ двумъ аксіомамъ: Все возможно. У всѣхъ свои причины».

Кребильонъ испросилъ у Французской академіи позволеніе написать свою вступительную рѣчь стихами. Зала засѣданія огласилась рукоплесканіями, когда онъ прочиталъ стихъ:

Aucun fiel n'a jamais empoisonné ma plume (*).

Я примѣнилъ къ Бальи этотъ стихъ автора «Радамиста», когда случайно прочиталъ споръ Лаланда съ Бальи о теоріи спутниковъ

(*) Желчь никогда не отравляла моего пера.

Юпитера (1773), въ которомъ первый укоряетъ втораго въ томъ, что онъ вышелъ изъ своего характера. Я постарался собрать всевозможныя свѣдѣнія объ этой полемикѣ; отвѣтъ Бальи я нашелъ въ одномъ журналѣ того времени: въ немъ нѣтъ ни одного слова, которое-бы не было согласно съ прочими его сочиненіями: *желчь никогда не отравляла его пера.*

Біографы обыкновенно болѣе всего хвалятъ скромность ученыхъ. Осмѣливаюсь утверждать, что, въ общемъ смыслѣ, это чистая лесть. Чтобъ заслужить титулъ скромнаго, не ужели надобно считать себя ниже всѣхъ? Не-ужели для оцѣнки самого себя надобно отказаться отъ здраваго смысла и отъ способности понимать истинныя достоинства другихъ? О, тогда мало найдется скромныхъ ученыхъ. Ньютонъ извѣстенъ своею скромностью столько-же, сколько своимъ геніемъ; но вотъ выписки изъ двухъ его почти неизвѣстныхъ писемъ; сравнивъ ихъ, придемъ въ удивленіе: одна подтверждаетъ общее мнѣніе, другая-же противорѣчитъ ему.

«Относительно природы надобно быть скромнымъ».

«Надобно чувствовать свои силы, сравнивая себя съ другими».

По моему, здѣсь противорѣчіе только видимое; оно объясняется упомянутыми моими замѣчаніями.

Скромность Бальи также раздѣляется на два рода. Когда его хвалили въ глаза, сначала онъ не отклонялъ похвалъ; но потомъ тайно и на ухо говаривалъ своему панегиристу: «я только знаю немного болѣе другаго».

Поступки Бальи никогда не разногласили съ его правилами. Дѣлая строгіе выговоры принадлежавшимъ низшему классу общества, онъ не забывалъ, что говоритъ человѣку. Меръ Парижскій одинъ разъ извинялся предъ ветошникомъ: «прости меня, что я сержусь на тебя; твое поведеніе такъ дурно, что я немогу не сердиться».

Друзья Бальи часто укоряли его за то, что онъ много тратитъ денегъ на удовольствія. Мераръ Сенъ-Жюстъ объясняетъ, что удовольствія Бальи состояли въ благодѣяніяхъ.

Высокій умъ всегда терпѣливъ и снисходителенъ. Таковъ былъ Бальи относительно политики и вѣры.

Донесенія о животномъ магнитизмѣ, о больницахъ и бойняхъ сдѣлали имя Бальи извѣстнымъ въ высшихъ сферахъ общества. *Мадамъ* пожелала имѣть его своимъ секретаремъ; но эта дол-

жность была почетная; секретарь видѣлъ принцессу только одинъ разъ, когда онъ представлялся ей.

Нѣкоторые *люди съ вліяніемъ* предлагали Бальи дворянство и орденъ. Философъ отказался наотрѣзъ: «Благодарю, много благодаря; но кто имѣетъ честь принадлежать тремъ академіямъ, тому не нужны ни титла, ни ордена».

Первый секретарь академіи наукъ прежде Бальи также отказался отъ украшеній; но отказъ свой выразилъ такъ сильно, что едва можно вѣрить, что его написало робкое перо Фонтенеля: «Изъ всѣхъ титуловъ я уважаю только одинъ титулъ академика; въ немъ нѣтъ ничего мірскаго и суетнаго».

Бальи женился въ ноябрѣ 1787 г., на вдовѣ, которая была дружна съ его матерью и двумя годами старше своего молодаго мужа. Г-жи Бальи, дальняя родственница сочинителя «Марсельеза», была привязана къ своему мужу до обожанія, и во всю жизнь его постоянно заботилась о домашнемъ счастіи. Она не соблазнялась успѣхами въ свѣтѣ, которые могла имѣть по своей красотѣ, граціи и по неистощимой добротѣ. Она жила почти въ совершенномъ уединеніи, даже въ то время, когда академикъ занималъ важныя общественныя должности. Жена Парижскаго мера только одинъ разъ являлась въ публикѣ,—въ день освященія знаменъ шестидесяти батальоновъ національной гвардіи архіепископомъ Парижскимъ. «Мой мужъ, говорила она, обязанъ быть вездѣ для добрыхъ дѣлъ и совѣтовъ; я-же должна сидѣть дома». Эта осторожность не обезоружила нѣкоторыхъ журналистовъ; ихъ сарказмы проникали въ скромное ея жилище и отравляли ея спокойствіе. По ихъ площадной логикѣ, они воображали, что прекрасная женщина удаляется отъ общества по своей глупости и невѣжеству. Они ежедневно бросали въ нее грязью; но, кажется, единственно для оскорбленія честнаго мера.

Сѣкира, отдѣлившая голову Бальи, уничтожила счастіе его жены, но не могла убить силу ея души и ума. Одинъ странный случай еще болѣе отяготилъ положеніе г-жи Бальи. Еще при мужѣ, во время смутъ, она спрятала въ вату своего платья тридцать тысячъ франковъ ассигнаціями, полученныя за домъ въ Шальо, и забыла объ этой суммѣ, даже не вспомнила объ ней послѣ своего бѣдствія, въ дни крайней бѣдности. Когда износилось платье, тогда она увидала свою пропажу, но ассигнаціи не имѣли уже цѣны. Она жила въ совершенной нищетѣ и испрашивала по-

собія отъ общественной благотворительности. Геометръ Кузень, членъ академіи наукъ, вписалъ ея имя въ число бѣдныхъ своего округа и давалъ ей пособія *натурою*. Кузень принималъ ежедневную пищу изъ ратуши и самъ относилъ ее къ г-жѣ Бальи, въ улицу Сурдьеръ. Въ этой улицѣ, одна сострадательная особа, которой имя осталось неизвѣстнымъ, давала ей квартирку безденежно. Не правда-ли, что начальникъ одного изъ Парижскихъ округовъ, Кузень, несущій хлѣбъ, мясо и свѣчу къ несчастной вдовѣ знаменитаго своего товарища, заслуживалъ не менѣе уваженія Кузеня-академика, идущаго въ академію съ рѣшеніемъ какой-нибудь математической задачи? Такіе благородные поступки достойны доброй памяти.

Бѣдственное состояніе вдовы продолжалось до 18 брюмера; 21-го публичные крикуны объявили, что генералъ Бонапарте сдѣлался первымъ консуломъ, а Лапласъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Эти славныя имена дошли до слуха г-жи Бальи и возбудили въ ней надежду. Въ тотъ-же вечеръ, новый министръ просилъ для нея пансіона въ двѣ тысячи франковъ; консулъ согласился, прибавивъ, чтобъ за первую половину года пансіонъ ассигновали впередъ. 22 числа, рано утромъ, въ улицѣ Сурдьеръ остановилась карета; изъ нея выходитъ г-жа Лапласъ съ кошелькомъ, наполненнымъ золотомъ, и спѣшитъ на лѣстницу въ жилище, гдѣ нѣсколько лѣтъ обитали только горесть и нищета; г-жа Бальи стояла у окна. «Что вы тутъ дѣлаете, спрашиваетъ министерша»?—Вчера, отвѣчаетъ вдова, я слышала публичныхъ крикуновъ и съ самаго ранняго утра ожидаю васъ».

Послѣ отвратительныхъ картинъ анархіи, убійствъ и гоненій, историкъ нашихъ несчастныхъ смутъ долженъ съ удовольствіемъ останавливаться на сценахъ, возвышающихъ душу и возбуждающихъ въ сердцѣ пріятнѣйшія ощущенія: такъ путешественникъ по пескамъ Африки останавливается на оазисѣ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Ueber die Ehrenverletzung nach russischem Recht seit dem XVII Jahrhundert. Eine zur Erlangung der Magister-Würde verfasste Abhandlung von *Boris Utin*, Candidat der Rechte. Dorpat, 1857. 175 стр. in-8.

Преступленія противъ чести составляютъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ, но въ то-же время и труднѣйшихъ вопросовъ въ области уголовнаго права: потому-что въ этомъ родѣ нарушеній самый предметъ ихъ есть понятіе, неодинаково понимаемое и по своей отвлеченности трудно уловимое. Въ опредѣленіи преступности нарушеній чести право и нравственность приходятъ въ самое близкое соприкосновеніе, — и потому ни одно изъ нарушеній не возбуждаетъ столько сомнѣній при отнесеніи видовъ его къ области права, или нравственности, какъ личныя обиды. Разсматриваемый вопросъ, представляя трудности при изслѣдованіи его съ теоретической стороны, сопровождается еще бо̀льшими затрудненіями при опредѣленіи его положительнымъ законодательствомъ. Развитіе положительныхъ законовъ идетъ и должно идти рука-объ-руку съ развитіемъ общественной жизни. Требованіе это въ-особенности примѣняется къ законамъ уголовнымъ, такъ-какъ безъ этого послѣдніе потеряютъ свой существенный элементъ — сообразность съ требованіями правды. Въ-самомъ-дѣлѣ, преступность и наказуемость какого-либо дѣянія, признанная теоріею, не можетъ быть принята всегда въ одинаковой степени положительнымъ закономъ: послѣдній долженъ еще взять въ соображеніе, считается-ли это дѣяніе въ той-же степени нарушеніемъ въ глазахъ общества, въ какой оно признается теоріею, достаточно-ли разви-

лась нравственная и юридическая жизнь народа для того, чтобы могла смотрѣть на это дѣяніе тѣми-же глазами, какими на нихъ смотритъ теорія; иначе, карательная мѣра, принятая государствомъ, справедливая сама-по-себѣ, будетъ несправедлива въ ея примѣненіи, и законъ обнаружитъ въ себѣ начало, недостойное его и гибельное для общественной жизни,—начало устрашенія. Съ другой-стороны, если опредѣленія положительнаго законодательства отстанутъ отъ современнаго имъ развитія народной жизни, то они породятъ другое зло, — неуваженіе къ нимъ и вслѣдствіе этого стремленіе къ самоуправству. Такимъ-образомъ главное условіе, которое должны выполнять уголовные законы, — есть строгая сообразность ихъ съ развитіемъ общественной жизни. Сказанное здѣсь, конечно, относится къ законамъ, дѣйствующимъ въ извѣстное время, а не къ исторіи ихъ: потому-что законодательство не создается, а является, какъ плодъ юридическихъ понятій, опредѣлившихся въ народѣ, и слѣдовательно несообразность съ ними законоположеній въ данный моментъ непремѣнно повлечетъ за собою явленія, которыя укажутъ ее и заставятъ сдѣлать нужныя измѣненія, — такъ-что исторія законодательства, объясненная политическою исторіею, будетъ всегда вѣрнымъ зеркаломъ внутренней жизни народа. Важнѣйшее обстоятельство, затрудняющее правильный ходъ въ развитіи положительнаго законодательства, есть неодинаковость умственнаго и нравственнаго образованія разныхъ классовъ общества въ одинъ и тотъ-же періодъ времени и проистекающій отсюда различный взглядъ на извѣстныя нарушенія. Отсюда ясно, что преступность нарушенія матеріальныхъ благъ понимается народомъ болѣе одинаково, чѣмъ благъ высшихъ, и потому въ ряду различныхъ родовъ преступленій, подлежащихъ законамъ уголовнымъ, ни одинъ изъ нихъ не сознается такъ различно, какъ преступленія противъ чести. Слѣдовательно законъ, при опредѣленіи этого рода преступленій, встрѣчаетъ значительныя трудности, и потому не всегда успѣваетъ вполнѣ соотвѣтствовать степени умственнаго и нравственнаго развитія современнаго общества. Но этотъ недостатокъ, какъ мы выше замѣтили, необходимо выкажется, и потому исторія уголовнаго законодательства о преступленіяхъ противъ чести можетъ служить мѣриломъ успѣховъ нравственнаго усовершенствованія въ жизни народа и имѣетъ несомнѣнный интересъ и важность. Изслѣдованіемъ отечественныхъ законовъ объ этомъ предметѣ занялся г. Утинъ, написавшій

диссертацію на степень магистра о преступленіяхъ противъ чести, начиная съ XVII столѣтія.

Причина, почему избралъ онъ этотъ періодъ, объясняется отсутствіемъ въ нашемъ законодательствѣ подробныхъ опредѣленій о преступленіяхъ противъ чести до XVII столѣтія, т. е. до уложенія Алексѣя Михайловича. «Всестороннее развитіе правъ, заключающихся въ понятіи о личности, къ которымъ принадлежитъ и право чести, говоритъ г. Утинъ, проявляется у извѣстнаго народа, какъ результатъ продолжительнаго историческаго развитія. И если медленность и постепенность въ развитіи составляетъ вообще характеръ права, то въ-особенности медленное происхожденіе тѣхъ формъ права, которыми обезпечивается личная честь, зависитъ отъ слѣдующихъ двухъ обстоятельствъ: 1) отъ повсемѣстнаго поздняго развитія индивидуальной жизни, которой нельзя искать въ томъ періодѣ, гдѣ всѣ отношенія общественной и частной жизни носятъ на себѣ отпечатокъ семейныхъ и родовыхъ отношеній; 2) отъ того, что укорененіе этихъ формъ требуетъ существованія въ народѣ возвышенныхъ понятій о правдѣ. Ибо какъ-бы народъ ни былъ щедро надѣленъ отъ природы для того, чтобы поставить на твердыхъ началахъ свое законодательство, и какъ-бы ни благопріятствовали этому постороннія обстоятельства,— во-всякомъ случаѣ, его наблюденію и опредѣленію представятся сперва такія права, которыя болѣе матеріальны, нежели честь. И потому проходятъ столѣтія прежде, нежели законъ съ-одной-стороны приметъ въ свою область многія, по своей природѣ оскорбительныя для чести дѣйствія, а съ другой — изъ множества нарушеній, касающихся личности, отличитъ такія, которыя должно разсматривать именно, какъ дѣянія противозаконныя.» Въ нашемъ законодательствѣ такое стремленіе съ большею противъ прежняго ясностію стало выказываться въ Уложеніи 1649 года.

Сочиненіе г. Утина состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ.

Въ *введеніи* авторъ предлагаетъ сперва общія теоретическія понятія о чести. «Понятіе о чести, говоритъ онъ, принимаемой въ обыкновенномъ значеніи, заключаетъ въ-себѣ два момента: первый изъ-нихъ, который можно назвать субъективнымъ, состоитъ въ сознаніи лицемъ своего достоинства по-отношенію къ правдѣ и нравственности. До этого сознанія человѣкъ доходитъ не только тѣмъ, что сознаетъ себя лицемъ: ибо возвышеніе человѣка до личности и соотвѣтствующее этому признаніе ея въ другихъ лю-

дяхъ полагаетъ основу лишь правоспособности, — но если онъ въ то-же время проявляетъ въ себѣ бытіе присущаго ему нравственнаго закона. Это происходитъ тогда, когда личность, оставляя первоначальную область отвлеченнаго права и облекаясь въ форму какого-либо дѣйствія, заботится не только объ исполненіи требованій положительнаго закона, но стремится къ высшему обобщенію ея воли съ всеобщею разумною волею. Но если такое сознаніе должно составить основаніе права на честь, то отсюда должно быть исключено все частное и случайное, что какимъ-нибудь образомъ можетъ здѣсь заключаться, такъ-чтобы сознаніе того достоинства, которое лице находитъ въ-самомъ себѣ, и другими признавалось въ-томъ-же самомъ смыслѣ. Такое признаніе лицу его сознательно-находимаго въ себѣ достоинства (составляющее второй моментъ понятія о чести), основывающееся уже на свойственной духу человѣческому потребности выражать все духовное во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и признавать такія дѣйствія произведеніями разума, — осуществляется тѣмъ, что при сношеніяхъ лица съ другими его индивидуальное достоинство признается ими, какъ нѣчто дѣйствительное. Но какъ отдѣльное лице можетъ достигнуть своихъ высшихъ разумныхъ цѣлей только при помощи и въ сообществѣ другихъ, то представленіе о личномъ достоинствѣ, какъ важнѣйшее условіе разумной индивидуальной дѣятельности, тогда только справедливо само въ себѣ, когда оно прошло чрезъ общее сознаніе и отсюда отразилось на обладающемъ имъ. И такъ въ общемъ сознаніи отдѣльное лице находитъ тотъ масштабъ, который предохраняетъ его отъ высокомѣрія при оцѣнкѣ имъ своего достоинства и служитъ мѣриломъ тому, что долженъ онъ принимать въ другихъ за истинную ихъ честь. Конечно, это взаимное признаніе основывается на предполагаемомъ законѣ равенства правъ личности и, какъ предположеніе только, и принимается государствомъ (quisque praesumitur bonus, donec probetur malus), которое признаетъ каждаго изъ своихъ гражданъ равно обладающимъ нравственными и гражданскими достоинствами, и потому обезпечиваетъ ему право на нихъ, пока не окажется противное; — и тогда, по общему правилу: praesumptio cedit veritati, — предположеніе уступаетъ истинѣ. Изъ вышеизложеннаго понятія о чести слѣдуетъ, что государство, признавая каждаго изъ своихъ гражданъ равно обладающимъ этимъ идеальнымъ благомъ, опирается здѣсь на предположеніи. Но съ перваго взгляда видно, продолжаетъ

авторъ, что честь, которую государство можетъ обезпечить отъ оскорбленія, и честь въ не-юридическомъ смыслѣ слова не одно и то-же; и хотя государство должно по возможности сблизить эти отношенія, но они никогда не могутъ слиться, — и гражданская честь, охраняемая государствомъ, всегда заключаетъ въ себѣ болѣе ограниченное понятіе, чѣмъ честь въ обыкновенной жизни. Но если философія права предлагаетъ общія понятія о сущности чести, то положительное законодательство обезпечиваетъ только тѣ проявленія ея, которыя согласны съ національностію народа и степенью его умственнаго и нравственнаго развитія. Этимъ объясняется различіе постановленій о преступленіяхъ противъ чести, находимое въ законодательствахъ различныхъ народовъ». Въ-доказательство словъ своихъ авторъ приводитъ примѣры изъ исторіи правъ Римскаго и Германскаго, и за тѣмъ переходитъ къ обозрѣнію отечественнаго законодательства въ періодъ времени до XVII столѣтія.

Прослѣдивъ постановленія Русскихъ законовъ о преступленіяхъ противъ чести до XVII столѣтія, авторъ справедливо выводитъ, что въ длинный періодъ, обнимающій многія столѣтія и продолжающійся отъ Правды до втораго Судебника, или, правильнѣе, до Уложенія Алексѣя Михайловича, законодательство сдѣлало мало по отношенію къ разсматриваемому предмету. Дѣйствительно, въ первыя времена жизни нашего отечества, при господствѣ родовыхъ отношеній, отдѣльное лице не имѣло никакихъ правъ внѣ сферы родственнаго круга; а въ такомъ положеніи человѣкъ не могъ дойти до сознанія своей личности, своей индивидуальности.

Поэтому оскорбленіе, нанесенное лицу, считалось оскорбленіемъ всего рода и возлагало на членовъ послѣдняго обязанность мстить оскорбителю. Такія отношенія должны-были измѣниться съ прибытіемъ Варяговъ. Варяжскіе предводители являются съ своею свитою, и вступленіе въ нее дозволено всякому. И если вообще призваніе князей должно было имѣть вліяніе на измѣненіе прежнихъ отношеній, то существованіе дружины измѣнило прежній взглядъ на честь: въ дружинѣ цѣнили каждаго по его достоинству, по его личной храбрости и оказаннымъ заслугамъ, и потому здѣсь впервые могло возникнуть понятіе о личной чести (стр. 16). Поэтому въ памятникахъ нашего законодательства должно было дѣйствовать, по отношенію къ разсматриваемому предмету, начало, введенное прибытіемъ Варяговъ, т. е. начало личной чести, и оста-

ваться еще нѣкоторое время въ силѣ прежнее начало, — чести родовой, за оскорбленіе которой мстили родственники обиженнаго; послѣднее, впрочемъ, мало-по-малу исчезло. Сообразно этому господствовали два вида удовлетворенія: денежное и месть. Такъ въ Русской Правдѣ Ярославъ предоставляетъ обиженному право мести; а еслибы кто не могъ, или не хотѣлъ мстить за обиду, то получалъ опредѣленную сумму денегъ, какъ въ удовлетвореніе за обиду, такъ и на леченіе. Величина суммы зависѣла отъ важности нарушенія (1). Сыновья Ярослава отмѣнили право мести и назначили за оскорбленіе чести денежное вознагражденіе въ пользу обиженнаго. Это начало стало впослѣдствіи выражаться во всѣхъ памятникахъ нашего древняго законодательства; но развитіе замѣтно въ томъ, что въ Русской Правдѣ говорится только о личныхъ обидахъ, наносимыхъ оскорбительными дѣйствіями, между-тѣмъ-какъ въ XIV столѣтіи упоминается уже и о словесныхъ обидахъ. Такъ напр. въ Уставной Двинской грамотѣ 1398 г. великаго князя Василія Дмитріевича, при разсмотрѣніи личныхъ обидъ, постановляются взысканія и за обиды словесныя: «а кто кого *излаетъ* боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ, и намѣстницы судятъ ему по его отечеству, такожъ и слузѣ» (2). Въ Судебникѣ Іоанна III наказаніе за обиду также назначается денежное и величина его также зависитъ отъ сана обиженнаго, отъ величины раны и отъ обстоятельствъ дѣла (3). По Судебнику Іоанна IV, личныя обиды наказываются денежными пенями въ пользу казны и денежными взысканіями въ пользу обиженнаго, смотря по его состоянію (4). Такимъ-образомъ взглядъ законодательства на оскорбленіе чести не измѣнился, начиная съ Русской Правды до Уложенія. Справедливую причину такой недѣятельности законодательства г. Утинъ находитъ отчасти въ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, дѣйствовавшихъ вредно на общество, частію въ образованіи законодательства вообще, зависящемъ отъ этихъ обстоятельствъ. Что касается до политическихъ обстоятельствъ, то безпрерывныя войны князей за старѣйшинство, владычество Татаръ, конечно, не могли способство-

(1) Краткая Русская Правда, по разд. Татищева, ст. 3—10, 16. Ср. Простр. Русск. Правду въ «Русск. достоп.», ч. 1, стр. 50.

(2) А. А. Э. т. I, стр. 8, № 13.

(3) Судебн. Іоанна III въ А. И. т. I. стр. 155.

(4) Судебн. Іоанна IV, ст. 25 и 26.

вать развитію въ народѣ понятій о чести. По сверженіи ига Татарскаго и пробужденіи государственной идеи въ умѣ Іоанна III, естественно, всѣ усилія должны были направиться къ устроенію внѣшняго государственнаго быта, и слѣдовательно нельзя искать въ этомъ періодѣ развитія внутреннихъ силъ народа, успѣховъ его умственныхъ и нравственныхъ. Вслѣдствіе этого и законодательство, подъ вліяніемъ такихъ политическихъ обстоятельствъ, обращало преимущественное вниманіе на такія преступленія, которыя осязательно нарушаютъ общественное спокойствіе, — и потому вопросъ объ оскорбленіяхъ личной чести не могъ подвинуться впередъ. Сюда должно присоединить еще то обстоятельство, что развитіе сословій въ древней Россіи было очень незначительно,— и потому понятіе о чести сословій (Standesehre) было не возможно. Но вмѣсто этого, наряду съ постановленіями законодательства, образовался особый кругъ представленій о родовой чести,— мѣстничество, первые слѣды котораго явились со временъ Дмитрія Донскаго, и которое окончательно истребилось только во времена Петра Великаго.

Разсмотрѣнію этого любопытнаго вопроса въ исторіи нашего отечества посвящена *первая* глава сочиненія г. Утина, гдѣ изложено развитіе мѣстничества въ Россіи. Эта глава, по нашему мнѣнію, особенно драгоцѣнна; она составляетъ довольно блестящую и совершенно новую страничку въ литературѣ мѣстничества: такъ-какъ авторъ, кромѣ-того, что представилъ съ свойственною ему точностію и обстоятельностію результаты изысканій нашихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ, еще выработалъ, подвергнувъ своимъ ученымъ разысканіямъ почти еще нетронутый источникъ — Разрядныя книги, много новыхъ интересныхъ для науки данныхъ. При мѣстничествѣ честь не является общимъ юридическимъ понятіемъ, подъ нею не понимаютъ того, что составляетъ дѣйствительное достоинство индивидуальнаго лица; она не имѣетъ внутренняго значенія, но разсматривается только съ ея внѣшней стороны, безъ всякаго отношенія къ личности или правоспособности человѣка, и потому обязываетъ только къ внѣшнему признанію ея лицами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и основывается на старшинствѣ рода. Въ разсматриваемой главѣ авторъ говоритъ о значеніи старшинства рода вообще и особенно въ государственной службѣ, гдѣ постоянно обращалось вниманіе на происхожденіе лица, и о разрядахъ. Споры между родами о первенствѣ и непо-

виновеніе волѣ верховной власти, при назначеніи лицъ въ извѣстныя должности, вслѣдствіе развитія понятій о мѣстничествѣ, были безпрерывны. Для ослабленія такихъ распрей, верховная власть, особенно въ военное время, повелѣвала «быть безъ мѣстъ», или обѣщала разсмотрѣніе спора по окончаніи военныхъ дѣйствій; но обыкновенно такія мѣры оставались безуспѣшными, и находящіеся на службѣ великокняжеской весьма часто жаловались, что имъ не приходится служить подъ начальствомъ человѣка, родъ котораго былъ моложе ихъ рода. Тотъ, на котораго приносилась такая жалоба, считалъ себя въ свою очередь обиженнымъ и подавалъ противъ перваго встрѣчный искъ «что ему меньши его быти невмѣстно». Послѣднюю жалобу, т. е. встрѣчную или 1) приносилъ самъ обиженный, или 2) обиженнаго поддерживали члены его рода, или наконецъ 3) младшій членъ рода вчиналъ жалобу за обиженнаго своего родственника, требуя удовлетворенія за оскорбленіе его, или-же жаловался за себя лично, потому-что считалъ себя обиженнымъ чрезъ безчестіе, нанесенное его роду. Первый случай встрѣчается всего чаще. Что касается самыхъ наказаній, то надобно различать, говоритъ г. Утинъ, назначаются-ли они по требованію обиженнаго, или безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, по неосновательности жалобы. Въ послѣднемъ случаѣ наказанія бываютъ гораздо строже, потому-что они являются нестолько слѣдствіемъ оскорбленія чести, сколько ослушанія царской воли. Наказанія состояли въ болѣе или менѣе продолжительномъ арестѣ, въ тѣлесномъ наказаніи и денежной пенѣ. Виновный въ оскорбленіи отправлялся пѣшкомъ въ темницу и часто, по освобожденіи изъ нея, подвергался еще домашнему аресту. Тѣлесное наказаніе, обыкновенно батоги, сопровождалось большею частію тюремнымъ заключеніемъ. Денежная пеня зависѣла отъ содержанія, получаемаго обиженнымъ, и потому иногда доходила до огромныхъ размѣровъ. Такъ напримѣръ князь Пронскій присужденъ былъ къ тюремному заключенію за оскорбленіе князя Воротынскаго, да кромѣ-того къ уплатѣ 1400 рублей за оскорбленіе чести отца и дѣда его. Строже были наказанія въ томъ случаѣ, когда неосновательная жалоба сопровождалась неповиновеніемъ волѣ государя. Въ-этомъ-случаѣ обыкновенно имѣла мѣсто *опала*, ссылка, соединаемая съ конфискаціею имущества, лишеніе гражданской чести и тѣлесныя наказанія. Несмотря на-эти наказанія, жалобы поступали весьма часто, что доказываетъ суще-

ствованіе понятія о чести, хотя и превратно-понимаемой; но съ-другой-стороны, готовность переносить всевозможныя наказанія для поддержанія чести родовой содѣйствовала косвеннымъ образомъ къ удаленію отъ истинныхъ понятій о чести.

Въ XVII столѣтіи въ Россіи пробуждается сознаніе недостаточности древнихъ формъ государственнаго быта, и правительство стало подготовлять умы къ грядущимъ преобразованіямъ. Но велики были препятствія, которыя представлялись, въ этомъ великомъ дѣлѣ, верховной власти въ превратныхъ понятіяхъ о родовой чести и проявленіе ихъ въ государственной службѣ. Правительству нужны были органы, которые были-бы способны содѣйствовать ему и исполнять его предначертанія, и потому при назначеніи лицъ на извѣстныя должности невозможно было всегда соблюсти условій, вытекавшихъ изъ понятія о мѣстничествѣ. Сюда присоединилось еще вредное убѣжденіе, незамѣтное прежде, но необходимо долженствовавшее обнаружиться со-временемъ, — что извѣстныя должности могутъ быть занимаемы лицами только изъ извѣстнаго рода, такъ-что должность считалась какъ-бы принадлежностью даннаго рода. Такія понятія естественно порождали много зла, и настоятельна была необходимость въ ихъ искорененіи. Наконецъ правительство рѣшилось уничтожить мѣстничество и постановило, что «въ милости великихъ государей жалованы бываютъ въ чести не по родамъ; и кто прежде, или послѣ пожалованъ, о томъ принять къ безчестью не для чего».... (*) Но не вдругъ уничтожились эти понятія, и только преобразованія Петра Великаго окончательно искоренили ихъ.

Вторая глава разсматриваетъ оскорбленіе чести по Уложенію Алексѣя Михайловича. Древнее Русское право до Уложенія, какъ замѣчено выше, находило совершенное возмездіе за нарушеніе чести въ денежныхъ пеняхъ. Въ источникахъ до и послѣ 2-го Судебника говорится только о величинѣ денежной суммы, платимой за безчестіе, и только дополнительныя статьи къ Судебнику составляютъ въ-этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Не было опредѣленнаго понятія объ оскорбляющихъ дѣйствіяхъ, и обычай рѣшалъ, должно-ли противозаконное дѣяніе считаться оскорбленіемъ чести, и въ такомъ случаѣ какова должна быть величина платимой за то пени. Впрочемъ, не было необходимости въ юриди-

(*) П. С. З. т. III, № 1460.



ческомъ опредѣленіи случаевъ, касающихся преступленій противъ чести: потому-что съ одной стороны, по словамъ автора, оскорбленіе, причиненное кому-нибудь, не унижало его въ глазахъ другихъ, а съ другой — народъ былъ чувствителенъ только въ тѣхъ случаяхъ, которые касались оскорбленій родовой чести. Впрочемъ, въ нашихъ памятникахъ находятся свидѣтельства, что оскорбленіе чести и въ ея обыкновенномъ значеніи имѣло своимъ послѣдствіемъ наказаніе; но законодательство не находило нужнымъ постановлять объ этомъ предметѣ общихъ правилъ и разсматривало преступленія противъ чести преимущественно со стороны гражданско-судебной. Такъ-какъ главные источники Уложенія заключались въ обычаяхъ и судебной практикѣ, то въ правилахъ, касающихся оскорбленія чести, оно отражаетъ въ себѣ только результаты прошедшей юридической жизни народа. Задача Уложенія — связать положительное право въ главныхъ основаніяхъ, — объясняетъ то, что въ немъ нельзя искать систематическаго изложенія нарушеній чести и хотя приблизительнаго опредѣленія самаго понятія чести. Заслуга Уложенія въ-отношеніи къ разсматриваемому вопросу состоитъ въ томъ, что оно включило въ себя всѣ дѣйствовавшія до его времени постановленія объ оскорбленіи чести, съ подробностію опредѣлило частные случаи этихъ нарушеній и тѣмъ облегчило средства къ дальнѣйшему развитію законодательства въ этомъ отношеніи. Самая честь, говоритъ г. Утинъ, встрѣчается въ Уложеніи въ двоякомъ значеніи: 1) какъ преимущество, котораго можно лишиться совершеніемъ преступленія; въ этомъ смыслѣ она встрѣчается только какъ принадлежность высшаго сословія служащихъ людей и имѣетъ то значеніе, что лишеніе ея замѣняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣлесныя наказанія; 2) въ другомъ, болѣе юридическомъ значеніи, она разсматривается, какъ общее благо, но сообразуется вполнѣ съ гражданскимъ состояніемъ лица. Всѣ статьи Уложенія объ оскорбленіяхъ чести авторъ подводитъ подъ двѣ главныя категоріи: первая заключаетъ въ себѣ всѣ личныя обиды словомъ, или дѣломъ, хотя-бы послѣднія и не касались непосредственно оскорбленія чести; сюда напр. принадлежатъ истязанія, побои, нанесеніе ранъ, на которыя законъ не имѣетъ особеннаго взгляда и видитъ въ нихъ столько-же тѣлесныя поврежденія, сколько и оскорбительныя дѣйствія. Ко второй категоріи авторъ относитъ случаи публичнаго злословія (öffentliche Verläumdung). Кромѣ случаевъ, подходящихъ подъ

эти двѣ категоріи, указаны еще отдѣльныя постановленія объ оскорбленіи чести женщинъ. За-тѣмъ разсмотрѣны г. Утинымъ обстоятельства, увеличивающія тяжесть преступленія, и наконецъ наказанія, за нихъ назначенныя въ Уложеніи, состоящія главнѣйше въ денежномъ взысканіи въ пользу оскорбленнаго лица, называвшемся безчестьемъ, хотя, какъ исключеніе, являлись и уголовныя наказанія. Случаи словесной обиды разсмотрѣны въ Уложеніи съ гораздо большею противъ прежняго подробностію, между-тѣмъ какъ этотъ предметъ оставался почти нетронутымъ въ памятникахъ до XVII столѣтія. Долгое время духовная власть тщетно боролась и возставала противъ ругательствъ, укоренившихся въ народѣ; наступило и для свѣтской власти обратить на этотъ предметъ большее вниманіе. Но и въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, въ Уложеніи не-льзя искать общихъ опредѣленій и оно богато только казуистическими случаями. Такимъ-образомъ Уложеніе не опредѣляетъ даже приблизительно, что признаетъ оно словесными обидами. Также и изъ отдѣльныхъ постановленій о реальныхъ обидахъ видно, что къ нимъ принадлежатъ нетолько такія противозаконныя дѣянія, которыя обращены прямо противъ оскорбленія чести, но и грубыя тѣлесныя истязанія всякаго рода. Только при публичной обидѣ имѣютъ мѣсто болѣе точныя опредѣленія. Впрочемъ, еще рановременно было постановленіе общихъ правилъ объ оскорбленіи чести и строгое отдѣленіе этихъ нарушеній отъ другихъ преступленій, когда въ дѣйствительности дѣйствія матеріальной силы и насилія всѣхъ возможныхъ родовъ грозили личности. Надлежало прежде дѣйствовать на улучшеніе нравственнаго состоянія народа мѣрами положительными, — образованіемъ гражданъ, чтобы имѣть право прибѣгнуть къ мѣрамъ карательнымъ. Но едва-ли однѣ положительныя мѣры могли быть достаточны въ то время, когда сильна была приверженность къ преданіямъ, завѣщаннымъ предками, и потому достоинство Уложенія состоитъ въ томъ, что оно, принимая весь матеріалъ изъ прошедшаго времени, не только осталось ему вѣрнымъ, но, обращая вниманіе и на настоящее состояніе нравственнаго развитія народа, постигало необходимость угрозы наказанія (какъ мѣру болѣе политическую, чѣмъ юридическую) и тѣмъ вполнѣ соотвѣтствовало требованіемъ вѣка. Въ Уложеніи, какъ результатѣ всего прежняго развитія Русскаго права, является правило, что тяжесть оскорбленія должна зависѣть отъ отношенія оскорбителя къ оскор-

бленному и что нарушеніе чести тѣмъ болѣе достойно наказанія, чѣмъ болѣе различіе въ общественномъ ихъ положеніи. Кромѣ того, въ законодательствѣ становится замѣтнымъ убѣжденіе, что не всякое оскорбленіе можетъ быть искуплено деньгами.

Послѣ отчетливаго и вполнѣ основательнаго разсмотрѣнія постановленій Уложенія о нарушеніяхъ чести, авторъ въ *третьей* главѣ переходитъ къ изслѣдованію послѣдующаго законодательства до «Уложенія о наказаніяхъ 1845 года». Въ слѣдующее за Уложеніемъ 1649 года время жалобы на оскорбленіе чести дѣлаются чаще, какъ отъ неопредѣлительности понятія о чести, такъ и отъ недостатка нравственнаго развитія въ народѣ, по которому многіе начинали иски изъ желанія пріобрѣсти какія-либо выгоды, получить денежное вознагражденіе. Дѣйствительно, въ Уложеніи не означено признаковъ, по которымъ можно было-бы судить о сущности оскорбленія чести, и судьи руководствовались здѣсь обычаемъ и судебною практикою. Потому главною заботою законодательтва послѣ Уложенія было принятіе мѣръ противъ частыхъ жалобъ на нарушеніе чести. Мѣры эти были сперва отрицательныя: законъ, не опредѣляя существа обиды, обозначалъ только отдѣльные случаи, которые отстраняли возможность жаловаться на оскорбленіе чести. Исключеніе здѣсь составляетъ указъ 1690 г., который впервые предлагаетъ общія правила о преступленіяхъ противъ чести (*). Но особенно въ этотъ періодъ времени важны: военный и морской регламенты Петра Великаго и манифестъ о поединкахъ Екатерины II. Въ первыхъ мы находимъ новыя правила, заимствованныя изъ Германскаго права, отличающіяся болѣе возвышеннымъ взглядомъ на преступленія противъ чести, хотя и здѣсь, замѣтимъ, политическая сторона предмета преобладаетъ надъ юридическою. Взглядъ этотъ обнаружился какъ въ самомъ понятіи о чести, гдѣ уже указано ея общее значеніе, такъ и въ наказаніяхъ за оскорбленіе чести, гдѣ введены мѣры новыя, дотолѣ неизвѣстныя намъ: испрашиваніе прощенія и отказъ отъ собственныхъ словъ. Разсмотрѣвъ регламентъ, авторъ переходитъ къ изложенію содержанія манифеста о поединкахъ, и предварительно обращаетъ вниманіе читателя, во-первыхъ, на состояніе законодательства объ оскорбленіяхъ чести въ послѣднее время предъ изданіемъ манифеста, отличавшееся отсут-

(*) П. С. З. т. III, № 1374.



ствіемъ порядка, такъ-какъ наряду съ древними постановленіями дѣйствовали и правила, данныя регламентами, неимѣющія съ первыми никакой духовной связи, и, во-вторыхъ, на умственное направленіе тогдашняго общества, довольствовавшагося одними внѣшними атрибутами образованія и прибѣгавшаго къ поединкамъ не потому, чтобы честь развилась въ высокой степени, а потому, что дуэли были въ модѣ. Законодательница, вслѣдствіе этого, съ-одной-стороны обратила вниманіе на разъясненіе того, что должно считаться оскорбленіемъ чести, а съ другой развила весьма сильно понятіе о безчестіи, съ цѣлію возбудить въ оскорбленныхъ желаніе обращаться съ своими требованіями къ суду. О наказаніяхъ за эти преступленія, къ-сожалѣнію, не постановлено ничего новаго, — и денежныя взысканія, столь несоотвѣтствующія истиннымъ понятіямъ о чести, остались въ своей силѣ.

Въ *четвертой* главѣ авторъ говоритъ объ оскорбленіи чести по «Уложенію о наказаніяхъ 1845 г.» Здѣсь г. Утинъ съ полною добросовѣстностію и отчетливостію, составляющими отличительный характеръ разсматриваемаго сочиненія, излагаетъ понятіе объ оскорбленіи чести по Уложенію и раздѣленіе этихъ нарушеній, затѣмъ изслѣдуетъ условія оскорбленія чести, отдѣльные роды его, наказанія, налагаемыя за него закономъ, и наконецъ преступленія, преслѣдуемыя самимъ закономъ, безъ жалобы обиженнаго (öffentlich strafbare Injurien).

Въ-заключеніе разсмотрѣнія книги г. Утина считаемъ долгомъ сказать, что она какъ по занимательности предмета, такъ и по совершенной отчетливости и знанію дѣла, съ которыми она написана, заключаетъ въ себѣ несомнѣнный интересъ и вызываетъ общее всѣмъ, дорожащимъ успѣхами ученой литературы, желаніе, чтобы авторъ не остановился на этомъ изслѣдованіи, но продолжалъ-бы съ тою-же замѣчательною добросовѣстностію проливать свѣтъ на исторію почти нетронутыхъ вопросовъ Русскаго уголовнаго права.

Д. М.

Краткій историко-статистическій обзоръ Екатеринославской гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній. Соч. *Я. Грахова*. Одесса, 1856.

1 августа 1855 года минуло 50 лѣтъ со времени открытія Екатеринославской гимназіи. Это подало поводъ г. Грахову, директору

училищъ Екатеринославской губерніи, составить историко-статистическій обзоръ полувѣковаго существованія учебнаго заведенія, которое, по времени основанія, стоитъ во главѣ всѣхъ учебныхъ заведеній Новороссійскаго края. Нельзя не быть благодарну трудолюбивому автору (*) за его тщательно составленную книгу, заключающую въ себѣ довольно полное изложеніе постепеннаго развитія учебной дѣятельности въ Екатеринославской губерніи. Система изложенія въ книгѣ г. Грахова та-же, что въ сочиненіи г. Воронова: «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С. Петербургскаго учебнаго округа»; впрочемъ, эта система наблюдается и въ отдѣльныхъ оффиціальныхъ отчетахъ по управленіямъ университетами, округами и вообще учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія, а именно излагаются: сперва часть *правительственная*, за тѣмъ часть *учебная*, и наконецъ *хозяйственная*. Историко-статистическій обзоръ Екатеринославской губерніи авторъ раздѣлилъ на два періода: первый объемлетъ 1805—1835 годы, а послѣдній простирается съ 1836 по 1855 годъ. Такимъ образомъ раздѣлительными событіями служатъ: годъ открытія гимназіи (1805), годъ преобразованія гимназіи и училищъ губерніи по уставу 1828 года (1835) и наконецъ пятидесятилѣтіе существованія гимназіи. Впрочемъ, авторъ посвятилъ нѣсколько страницъ (1—33) изложенію мѣръ народнаго образованія и состоянія учебной части въ предѣлахъ нынѣшней Екатеринославской губерніи до учрежденія гимназіи, чѣмъ достаточно округлилъ свой трудъ. Прослѣдимъ

(*) Вотъ перечень ученыхъ трудовъ г. Грахова: 1) въ 1832, 35 и 36 годахъ онъ помѣщалъ переводныя статьи по химіи, минералогіи и геогнозіи въ «Горномъ журналѣ»; 2) въ 1843 году перевелъ съ Нѣмецкаго и напечаталъ: «Ручную книгу для хозяйственнаго обращенія съ лѣсами», за что получилъ половинную премію отъ министерства государственныхъ имуществъ; 3) въ 1845 г. помѣщалъ ученыя статьи въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ»; 4) съ 1846 по 1855 помѣщалъ разнаго рода статьи въ «Екатериносл. губер. вѣдом.; 5) въ 1853 г. составилъ «Статистико-географическое описаніе Екатеринославской губерніи» и представилъ оное въ Императорское Русск. геогр. Общество; 6) въ 1855 г. представилъ въ то-же Общество метеорологическія наблюденія за 1849—1854 годы, и 7) составилъ первую часть, т. е. съ 1793 по 1836 годъ «Историческо-статистическаго обзора Екатеринославской гимназіи и училищъ». Въ 1847 г. избранъ корреспондентомъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли, а въ декабрѣ 1854 г. — дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества.



содержаніе сочиненія г. Грахова и остановимся на нѣкоторыхъ историческихъ и статистическихъ данныхъ.

«Исторія общественнаго образованія въ Екатеринославской губерніи — говоритъ авторъ — относится къ временамъ позднѣйшимъ, нежели въ другихъ губерніяхъ Россіи. Новороссійскій край, къ которому принадлежитъ и Екатеринославская губернія, до второй половины XVIII столѣтія, хотя и входилъ въ границы Россійскаго государства; но, представляя необозримыя степи, обитаемыя въ то время лишь необузданными казаками, Татарами и бродягами, требовалъ прежде всего гражданскаго благоустройства. Только съ 1775 года, когда была уничтожена Сѣчь и войско Запорожское, край этотъ сталъ населяться Великороссіянами и Малороссіянами, переводимыми изъ густо-населенныхъ губерній, а впослѣдствіи и инородцами; слѣдовательно о развитіи здѣсь какой-либо цивилизаціи нельзя было и думать. 1787 годъ ознаменованъ былъ посѣщеніемъ Новороссійскаго края императрицею Екатериною II, и въ этотъ-же годъ получила бытіе свое Екатеринославская губернія, столь цвѣтущая въ настоящее время. Положивъ основаніе этой губерніи, мудрая Екатерина II, по плану князя Потемкина, намѣрена была устроить въ Екатеринославѣ, на такъ-называемомъ Монастырскомъ островкѣ (противъ архіерейскаго дома), университетъ и академію искуствъ; но, по измѣнившимся обстоятельствамъ, предположеніе это не осуществилось, хотя приглашены были уже профессоры и ассигнована сумма для содержанія этой академіи. Въ числѣ профессоровъ былъ назначенъ и знаменитый Сарти для преподаванія пѣнія». Извѣстно, что не только въ Новороссійскомъ краѣ, но и вообще въ отечествѣ нашемъ, учебныя заведенія, подобныя народнымъ училищамъ, стали возникать лишь въ началѣ прошедшаго столѣтія. Г. Граховъ, показавъ общія основанія, положенныя для народныхъ училищъ вообще въ Россіи, описываетъ открытіе главнаго народнаго училища въ Екатеринославѣ, которое, на основаніи общаго устава, послѣдовало только 17 апрѣля 1793 года. Вотъ Высочайшій рескриптъ императрицы Екатерины II, на имя правителя Екатеринославскаго намѣстничества, данный въ Царскомъ селѣ, 15 іюня 1792 года:

«Господинъ генералъ-маіоръ и Екатеринославскій губернаторъ Каховскій! Повелѣваемъ открыть народныя училища въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ на основаніи изданнаго объ оныхъ устава. Для чего и отправленъ къ вамъ съ даннымъ



изъ коммисіи о училищахъ, наставленіемъ надворный совѣтникъ Беберъ, которому и производить жалованья по тысячѣ рублей на годъ. Къ лучшему сего дѣла успѣху имѣете вы преподать все зависящее отъ васъ способствованіе. По установленіи сихъ училищъ, имѣетъ онъ отправиться для равнаго открытія оныхъ въ область Таврическую. Мы указали также послать къ вамъ надворнаго совѣтника Аврамова, который находился прежде въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ для отысканія рудъ и каменнаго уголья. Употребите его къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, особливо-же къ открытію каменнаго уголья, котораго польза въ безлѣсной сторонѣ не малаго стоитъ уваженія. Жалованье производить ему по восьми сотъ рублей въ годъ. На отправленіе-же обоихъ сихъ надворныхъ совѣтниковъ приказали Мы дать потребное число денегъ на отчетъ губернскихъ доходовъ изъ отпущенныхъ вице-губернатору Тебекину для фабрикъ».

По такому-же высочайшему повелѣнію и коммиссія объ учрежденіи училищъ, избравъ изъ своихъ воспитанниковъ учителей и снабдивъ ихъ потребными, на первый случай, книгами и учебными пособіями, отправила 24 іюня 1792 года, изъ С. Петербурга въ Екатеринославъ, при нижеслѣдующемъ отношеніи предсѣдателя этой коммиссіи, тайнаго совѣтника П. В. Завадовскаго къ правителю Екатеринославскаго намѣстничества генералъ-маіору В. В. Каховскому:

«Во исполненіе высочайшаго Ея императорскаго Величества повелѣнія, къ вамъ, уповаю, уже дошедшаго, объ открытіи народныхъ училищъ въ Екатеринославской губерніи, управленію вашему ввѣренной, имѣю честь къ составленію главнаго народнаго училища представить при семъ 4-хъ учителей, именуя ихъ науки въ приложенномъ у сего спискѣ. Какъ воля всемилостивѣйшія государыни есть, дабы сіи училища установлены были въ Екатеринославской губерніи на узаконенномъ для государства основаніи: то я спѣшу представить при семъ вашему превосходительству и высочайше утвержденный о нихъ уставъ, заключающій въ себѣ все, что касается до ихъ основанія, содержанія и управленія, отдавъ на руки прочія учебныя книги и другія принадлежащія онымъ вещи, коимъ здѣсь прилагаю роспись, г. надворному совѣтнику и кавалеру Беберу, всемилостивѣйше избранному въ должность директора училищъ вашей губерніи. Съ одной стороны сіе заведеніе, яко способствующее просвѣщенію на-

родному, само собою представляетъ свою важность; съ другой пособія оному потребныя какъ ни малоцѣнны суть, могутъ иногда предположить затрудненія по части хозяйственной, разумѣю симъ нужныя издержки, кромѣ того случая, еслибъ у васъ нарочные источники къ тому были назначены. Въ соображеніи сего сообщу небольше, какъ одну мысль мою, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ народныя училища уже открыты, нѣкоторые ревнительные о благѣ общемъ граждане въ пользу заведенія сего добровольнымъ подвигомъ одни выстроили, другіе дали на школы домы, многіе-же и денежныя подаянія учинили. Подвигнуть подобное благотвореніе средствами поощряющими усердіе и благость, дѣломъ будетъ собственнаго вашего разсужденія. Правда, въ скоромъ времени нельзя одержать удобности къ выстройкѣ домовъ для школъ; но какъ для сего не требуются огромныя зданія, а только одно вмѣстилище учащихся, въ часы, для наукъ назначенные, то къ тому всякое излишнее строеніе употребить весьма удобно. Препроводивъ нынѣ къ открытію главнаго народнаго училища потребныя оному книги въ довольномъ на сей разъ количествѣ, сообщить при томъ имѣю честь, что снабденіе оными впредь какъ сего училища, такъ и разводимыхъ отъ него по уѣздамъ малыхъ, состоять будетъ на попеченіи Екатеринославскаго приказа общественнаго призрѣнія, какъ о томъ изображено въ уставѣ въ § 103, который закупать оныя станетъ на наличныя деньги въ книжной коммиссіи объ учрежденіи училищъ лавкѣ, здѣсь находящейся. Коммиссія-же съ своей стороны, въ пособіе приказу при закупкахъ сихъ, уступать будетъ въ пользу училищъ по двадцати копеекъ съ рубля; буде закупки сіи не менѣе ста рублей, полагая уступку сію какъ на издержки по провозу, такъ и на раздачу книгъ нѣкоторымъ бѣднымъ ученикамъ безденежно, достаточною, дабы прочимъ учащимся могли оныя быть отъ приказа доставляемы по цѣнамъ, отъ коммиссіи положеннымъ, и въ вышеупомянутомъ реестрѣ означеннымъ. Нахожу еще за нужное вашему превосходительству мое разсужденіе донести, что хотя главнымъ училищамъ положено быть вездѣ по городамъ губернскимъ, но буде въ вашемъ по новости его столь малое число учениковъ окажется, что училища открыть было бы не кѣмъ; то отъ благоусмотрѣнія вашего превосходительства зависѣть будетъ избрать и назначить къ тому другой какой губерніи вашей городъ, гдѣ-бы оно на первое время могло быть съ большею пользою и удобно-

стію для жителей, и современемъ перенестися, гдѣ быть ему слѣдуетъ. За симъ не утруждаю ваше превосходительство какъ единымъ препорученіемъ въ ваше покровительство отправляемыхъ учителей и самаго дѣла, которое по новости своей токмо онымъ можетъ быть поспѣшествуемо».

Авторъ съ намѣреніемъ помѣстилъ въ своей книгѣ эти два любопытные документа, чтобы показать, съ какою предупредительною заботливостію сопровождались мѣры къ открытію народныхъ училищъ. На основаніи вышеприведеннаго указа и другихъ предварительныхъ распоряженій, главное народное училище въ Екатеринославѣ торжественно открыто 17 апрѣля 1793 года, въ вербное воскресенье. Учрежденіе и открытіе училища, какъ событіе необыкновенное и важное для губерніи, привело всѣхъ жителей, дворянъ и гражданъ въ неизъяснимый восторгъ. Описавъ за тѣмъ церемоніи, которыми сопровождалось открытіе училища и которыя служатъ выраженіемъ чувствъ тогдашняго общества къ благимъ начинаніямъ народнаго образованія, авторъ говоритъ объ открытіи малыхъ народныхъ училищъ, объ учебныхъ пособіяхъ того времени, о пожертвованіяхъ въ пользу училищъ, о порядкѣ управленія и надзора и о прочемъ. Въ заключеніе онъ присовокупляетъ:

«Судя по ходу дѣлъ, мы, по-справедливости, должны въ-заключеніе сказать, что Екатеринославское народное училище, съ самаго основанія до преобразованія его въ гимназію, во всѣхъ отношеніяхъ процвѣтало: открытыя публичныя испытанія, внушившія полное довѣріе къ дѣятельности наставниковъ, безпрестанныя посѣщенія начальниковъ, многихъ знаменитыхъ людей и помѣщиковъ, единогласно въ томъ свидѣтельствуютъ. Послѣ испытанія учениковъ, въ 1794 году, губернскій и уѣздные предводители дворянства Екатеринославскаго намѣстничества написали правителю Каховскому адресъ отъ имени всего дворянства, выразивъ въономъ глубокую признательность свою за попеченія и благоуспѣшность въ просвѣщеніи юношества, а равно директору и учащимъ за ревностное исполненіе своихъ обязанностей. Доказательствомъ успѣховъ учениковъ не только въ наукахъ, но и въ искусствахъ, служитъ и то, что инженеръ-генералъ-маіоръ Деволанъ, послѣ сдѣланнаго имъ испытанія, выбралъ 8 учениковъ изъ 4-го класса и опредѣлилъ ихъ въ инженерную службу кондукторами; одного ученика 2-го класса опредѣлили старшимъ сержантомъ въ Черноморскую бомбардирскую роту. Точно такимъ-же образомъ губерн-

скій архитекторъ (изъ Англичанъ) Гесте, въ 1796 году, принялъ къ себѣ пять учениковъ изъ 4-го класса въ архитекторскіе помощники съ жалованьемъ по 150 руб. въ годъ. Помѣщикъ Маркъ, съ дозволенія начальства, взялъ одного ученика изъ 4-го класса въ домашніе наставники къ дѣтямъ своимъ. Изъ учениковъ-же Екатеринославскаго главнаго народнаго училища, Херсонскій мѣщанинъ Иванъ Петровъ, хорошо успѣвшій въ наукахъ, въ 1798 году получилъ отъ приказа общественнаго призрѣнія свидѣтельство на дозволеніе завести ему въ Херсонѣ частное училище, на основаніи устава». Дабы дать возможность составить понятіе о степени стремленія въ то время къ образованія, г. Граховъ помѣстилъ таблицу числа учениковъ, состоявшихъ въ главномъ народномъ училищѣ и выбившихъ изъ онаго съ 1793 по 1804, раздѣливъ ихъ по происхожденію и полу. «Успѣшному ходу ученія— замѣчаетъ авторъ далѣе — конечно, содѣйствовало своевременное снабженіе училища всѣми возможными пособіями. Екатеринославскій приказъ общественнаго призрѣнія не щадилъ никакихъ издержекъ для благосостоянія училища при ревностной заботливости губернаторовъ, какъ попечителей учебныхъ заведеній. Едвали хотя одно училище въ Россіи этого времени можетъ похвалиться такими счастливыми обстоятельствами. Изобиліе учебныхъ пособій тогдашняго времени, теплое участіе начальниковъ въ дѣлѣ воспитанія и наконецъ удачный выборъ наставниковъ, все благопріятствовало процвѣтанію вновь возникшаго учебнаго заведенія, послужившаго вѣчнымъ памятникомъ материнской любви мудрой Екатерины къ своему народу и къ образованію Новороссійскаго края, столь еще недавно вошедшаго въ предѣлы царства Русскаго. Чтобы имѣть хотя приблизительное понятіе о заботливости Екатеринославскаго приказа къ училищу въ матеріальномъ отношеніи, мы покажемъ, какія издержки употреблены на него въ преднослѣдніе пять лѣтъ (съ 1800 по 1804) до преобразованія его по уставу 1804 года въ гимназію. На разные предметы по училищу употреблено:

Въ 1800 году	7,425	руб.	49	коп.
» 1801 »	4,119	»	95	»
» 1802 »	5,655	»	87	»
» 1803 »	4,043	»	9	»
» 1804 »	6,388	»	53	»
	27,632	руб.	93	коп.

«Изъ этой суммы израсходовано въ-теченіе показанныхъ 4 лѣтъ на учебныя книги и другія пособія до 7,000 руб., да на жалованье директору, учителямъ и прислугѣ до 13,600 руб.; остальная за тѣмъ сумма 7,032 руб. издержана на разныя потребности по хозяйственной части, какъ напр. на поддержку училищныхъ домовъ, на отопленіе и освѣщеніе училища и учительскихъ квартиръ. Такимъ-образомъ на содержаніе одного училища расходъ простирался круглымъ числомъ почти до 7,000 рублей въ годъ. По тогдашнему времени эта сумма имѣла большое значеніе».

Изъ этого перечня содержанія вступительный части сочиненія г. Грахова видно, какимъ путемъ благотворные лучи просвѣщенія проникли въ Новороссійскій край и какое произвели въ немъ благодѣтельное вліяніе. Мудрая Екатерина II, положивъ прочное основаніе народному образованію въ Россіи вообще, указала путь своимъ преемникамъ къ дальнѣйшему усовершенствованію этой части государственнаго благоустройства. Державный внукъ ея, Александръ Благословенный, принялся за довершеніе начатаго августѣйшею его бабкою, со всею силою великой души и отеческой заботливости. Царствованіе его составляетъ вторую, важную эпоху въ исторіи нашего народнаго образованія. Послѣ учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, при образованіи учебныхъ округовъ, училища Екатеринославской губерніи вошли въ составъ Харьковскаго округа и первымъ попечителемъ онаго назначенъ былъ членъ главнаго правленія училищъ, тайный совѣтникъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Управленіе Харьковскимъ округомъ и начальническое вліяніе графа Потоцкаго на училища Екатеринославской губерніи начались въ концѣ 1803 года, а дѣйствительное открытіе Харьковскаго университета послѣдовало въ маѣ 1805 года. Преобразованіе Екатеринославскаго главнаго народнаго училища въ гимназію, на основаніи новаго устава для учебныхъ заведеній, составленнаго главнымъ правленіемъ училищъ и высочайше утвержденнаго 5 ноября 1804 года, совершилось въ августѣ мѣсяцѣ 1805 года.

«Достопамятнѣйшій день — говоритъ г. Граховъ — былъ для города Екатеринослава 1-е августа 1805 года: въ этотъ день совершилось торжественное открытіе гимназіи и уѣзднаго училища въ присутствіи всѣхъ властей города, Екатеринославскаго дворянства и почетныхъ гражданъ. Со стороны Харьковскаго университета присутствовалъ при этомъ торжествѣ профессоръ Аѳанасій Ива-

новичъ Стойковичъ. Программа для церемоніала была утверждена правленіемъ сего-же университета, по предварительному сношенію съ губернскимъ и духовнымъ начальствами города Екатеринослава. Церемоніалъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: 1 августа, въ 8 часовъ утра, учители и ученики гимназіи, а также учители и ученики уѣзднаго училища, собрались въ гимназическомъ домѣ; потомъ, вслѣдъ за членомъ университета Стойковичемъ и директоромъ училищъ Мизко, прибылъ Екатеринославскій гражданскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Ивановичъ Бергъ, съ знатнѣйшими гражданскими чиновниками, и губернскій предводитель дворянства, надворный совѣтникъ Василій Ильичъ Шостакъ, съ дворянствомъ. По прочтеніи профессоромъ Стойковичемъ приличныхъ пунктовъ изъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, все собраніе отправилось церемоніальнымъ шествіемъ въ соборную Успенскую церковь въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шла воинская команда здѣшняго гарнизоннаго баталіона, потомъ ученики уѣзднаго училища, гимназисты, учители и директоръ училищъ съ членомъ университета; за ними слѣдовали губернскій предводитель съ своими дворянами и шествіе замыкалъ гражданскій губернаторъ съ членами присутственныхъ мѣстъ и другими почетными лицами. За болѣзнію епархіальнаго архіепископа Аѳанасія, божественную литургію совершалъ преосвященный митрополитъ Симопетрскій Хрисанѳъ, съ знатнѣйшимъ духовенствомъ. При окончаніи литургіи, ректоръ Екатеринославской семинаріи протоіерей Іоаннъ Башинскій, произнесъ приличное торжеству слово. По совершеніи литургіи, все собраніе тѣмъ-же порядкомъ, въ предшествіи митрополита и всего духовенства со крестами и хоругвями, возвратилось въ гимназическій домъ, гдѣ преосвященный соборне отправлялъ водоосвященіе и молебное пѣніе о здравіи и долгоденствіи всего августѣйшаго Дома, и, по провозглашеніи многолѣтія, окропилъ святою водою классы и прочія комнаты гимназическаго дома. Послѣ сего хоръ пѣвчихъ, въ-соединеніи съ хоромъ музыки, пѣлъ кантъ, сочиненный на этотъ случай гражданскимъ губернаторомъ. Затѣмъ членъ университета прочелъ нужныя къ свѣдѣнію публики статьи изъ высочайше утвержденныхъ уставовъ Харьковскаго университета и учебныхъ заведеній, а за нимъ директоръ училищъ произнесъ рѣчь. Послѣ директора произнесли рѣчи учители: Одинецъ-Заставскій — на Француз-

скомъ, Якубовскій — на Русскомъ и Конжаке — на Нѣмецкомъ языкахъ. Наконецъ учитель рисованія Рѣпнинъ поднесъ члену университета картину, сочиненную имъ въ память сего событія, для представленія оной университету. Въ-заключеніе всего изложеннаго церемоніала, членъ университета провозгласилъ имена учителей Екатеринославской гимназіи и уѣзднаго при ней училища, назначенныхъ Харьковскимъ университетомъ. Начальство гимназіи, поручивъ это заведеніе и учителей благосклонному вниманію и благоволенію мѣстнаго начальства, благороднаго дворянства и всей благонамѣренной публики, угощало собраніе въ гимназическомъ домѣ завтракомъ, а губернаторомъ данъ обѣденный столъ, во время котораго, при тостахъ за здравіе государя императора и всего августѣйшаго Дома, пѣты были приличные канты, сопровождаемые инструментальною музыкою. Вечеромъ того-же дня въ маломъ благородномъ театрѣ играна драма: «Торжество благодорности.» Оба училищные дома и весь городъ, какъ въ этотъ день, такъ и въ слѣдующій были иллюминованы и предъ домомъ гимназіи освѣщена была прозрачная картина, представляющая въ верхней части славу, держащую въ правой рукѣ вензелевое имя Александра I, а въ лѣвой трубу, возвѣщая оною благоденствіе Россіи подъ правленіемъ кроткаго монарха; въ сторонѣ картины изображены науки въ видѣ престарѣлой женщины, открывающей завѣсу, за которою видны таинства природы; внизу-же картины представлена Кліо, увѣнчанная лавровымъ вѣнкомъ и держащая на колѣнахъ раскрытую книгу, въ которой внесены имена просвѣтителей Россіи: Петра I и Екатерины II и вносится имя Александра I, распространяющаго народнымъ просвѣщеніемъ славу и благоденствіе въ Россіи. На другой день начались уроки въ гимназіи, на которыхъ присутствовали профессоръ Харьковскаго университета и просвѣщенная публика. Въ тотъ-же день, въ присутствіи членовъ учебной части, открыты уроки и въ уѣздномъ училищѣ.» Описавъ открытіе гимназіи, авторъ приводитъ вкраткѣ содержаніе устава, на основаніи котораго учреждены и дѣйствовали училища въ первый періодъ его историческаго обзора, и присовокупляетъ краткіе біографическіе очерки нѣкоторыхъ лицъ, коимъ суждено было оказать значительныя услуги на поприщѣ учебной службы. Попечители Харьковскаго учебнаго округа, въ вѣдѣніи котораго находилась Екатеринославская гимназія, въ первый періодъ ея существованія, были: 1) тайный со-

вѣтникъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, съ 1803 по 25 марта 1817 года; 2) тайный совѣтникъ Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ, съ 25 марта 1817 по 25 іюня 1822 года; 3) дѣйствительный статскій совѣтникъ Егоръ Васильевичъ Карнѣевъ, съ 25 іюня 1852 по 4 мая 1825 года; 4) исправляющій должность — статскій совѣтникъ Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, съ 3 мая 1825 по 28 апрѣля 1830 года; 5) дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиміръ Ивановичъ Филатьевъ, съ 1830 по 3 марта 1834 года. Въ 1830 году основанъ Одесскій учебный округъ, въ завѣдываніи котораго находились сначала Ришельевскій лицей и всѣ училища города Одессы; впослѣдствіи, въ кругъ дѣйствій его вошли училища Херсонской и Таврической губерній; а Екатеринославская гимназія причислена къ Одесскому учебному округу въ 1833 году. Первымъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Никифоръ Ѳедоровичъ Покровскій (съ 30 іюля 1831 года). «Учрежденіе округовъ — замѣчаетъ авторъ — и дѣятельность попечителей имѣли благотворное вліяніе на гимназію. Строгій выборъ учителей, немедленное удаленіе неспособныхъ, безостановочное снабженіе гимназіи и училищъ учебными пособіями, были первымъ дѣломъ Харьковскаго университета. Особенное вниманіе обращалъ онъ на иностранныхъ учителей: находившіеся уже при гимназіи были потребованы въ университетъ для испытанія, и вслѣдствіе сего нѣкоторые изъ нихъ должны были оставить свои мѣста. Обративъ вниманіе вообще и на нравственную сторону учителей, попечители немедленно удаляли недостойныхъ или въ наказаніе понижали ихъ мѣстомъ». Непосредственная правительственная часть училищъ въ губерніи сосредоточена была, по новому уставу 1804 года, въ рукахъ директоровъ гимназій, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и деректорами училищъ, каждый въ своей губерніи. Директоромъ училищъ въ первый періодъ существованія Екатеринославской гимназіи былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Тимоѳѣевичъ Мизко, съ 9 ноября 1803 по февраль 1831 года. Продолжительная служба по учебной части и отлично-усердная дѣятельность Мизко побудили г. Грахова сообщить слѣдующее о дѣйствіяхъ его для пользы ввѣренной ему дирекціи: «Въ чинѣ коллежскаго секретаря Д. Т. Мизко утвержденъ былъ въ должности директора народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи, состоя въ то-же время на службѣ

дворянскимъ засѣдателемъ въ совѣстномъ судѣ и приказѣ общественнаго призрѣнія; но съ 1805 года онъ посвятилъ себя только одной учебной части. Во время управленія его открыто въ Екатеринославской губерніи 5 уѣздныхъ и 53 приходскихъ или сельскихъ училищъ. Въ 1809 году министромъ народнаго просвѣщенія поручено было ему учрежденіе и завѣдываніе училищами въ Херсонской губерніи, гдѣ онъ управлялъ ими, безъ жалованья, до 1813 года. Стараніемъ его какъ въ Екатеринославской, такъ и въ Херсонской губерніяхъ, училища пріобрѣли въ пользу свою домы и разныя другія пожертвованія. Съ 1812 года, содѣйствіемъ директора Мизко, и въ слѣдствіе самаго дѣятельнаго и живѣйшаго участія въ ходатайствѣ и предстательства его у дворянъ, начались весьма значительныя пожертвованія для Екатеринославской гимназіи. Открытіе повсюду училищъ — новизна этого благотворительнаго дѣйствія правительства, возбуждали во всѣхъ сословіяхъ истинный энтузіазмъ и немало содѣйствовали быстрому успѣху въ предпріятіяхъ Мизко; однимъ словомъ, время и обстоятельства открывали для дѣятельности обширное поле. Изъ ученыхъ трудовъ его извѣстны нѣсколько рѣчей, напечатанныхъ въ Харьковской университетской типографіи: одна изъ этихъ рѣчей была произнесена въ собраніи дворянства Екатеринославской губерніи 1-го мая 1810 года, при полученіи высочайшей грамоты, всемилостивѣйше пожалованной дворянству за подвиги и пожертвованія, оказанныя при составленіи и образованіи земскаго войска, и три рѣчи произнесены въ 1811 году, по случаю открытія училищъ въ Херсонской губерніи. По экзамену въ Харьковскомъ университетѣ, въ 1815 году, онъ получилъ ученое званіе доктора изящныхъ наукъ; въ 1816 году принятъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго С. Петербургскаго вольнаго экономическаго общества, а въ 1818 избранъ членомъ-корреспондентомъ Императорскаго человѣколюбиваго Общества. Начальство вполнѣ оцѣнило дѣятельную и полезную службу Мизко: въ 1808 году онъ награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени, а въ 1817 — орденомъ св. Анны 2-й степени; въ 1819 году пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1824 высочайше награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

Полный курсъ гимназіи по новому уставу составляли слѣдующіе предметы: 1) чистая и прикладная математика и опытная фи-

зики (для этихъ предметовъ назначался одинъ преподаватель); 2) исторія, географія и статистика; сюда-же относились: миѳологія и древности (одинъ преподаватель); 3) философія, изящныя и политическія науки (одинъ преподаватель); 4) естественная исторія; начальныя основанія наукъ, относящихся къ коммерціи и технологіи (одинъ преподаватель); 5) Латинскій языкъ, 6) Нѣмецкій языкъ, 7) Французскій языкъ, 8) рисованіе (на каждый предметъ по одному преподавателю). Сверхъ сихъ предметовъ, въ Екатеринославской гимназіи, на основаніи 11 § Устава, преподавались фортификація и артиллерія, такъ-какъ предметы эти читались уже въ Екатеринославскомъ народномъ училищѣ; а сверхъ-того гимназія имѣла къ тому и всѣ способы какъ въ учебномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Впрочемъ, по недостатку опытныхъ учителей, преподаваніе сихъ предметовъ иногда, на время, прерывалось. Возобновленіемъ преподаванія военныхъ наукъ съ 1813 года гимназія обязана особенному случаю: помѣщикъ Павлоградскаго уѣзда, маіоръ Скорняковъ, пожертвовалъ значительную сумму въ пользу этого заведенія съ тѣмъ, чтобы проценты съ оной употреблялись собственно на военные предметы. Имѣя такія средства, гимназія уже не затруднялась ввести въ учебный курсъ артиллерію, фортификацію, тактику и военныя экзерциціи. Преподаваніе первыхъ трехъ предметовъ поручено было титулярному совѣтнику Кругляшеву, послѣднія-же принялъ на себя учитель Нѣмецкаго и Французскаго языковъ Лангнеръ, а впослѣдствіи, въ 1822 году, былъ приглашенъ для военныхъ экзерцицій штабсъ-капитанъ Рыковъ, съ жалованьемъ по 200 рублей въ годъ (*). Показавъ служебныя права и преимущества учителей въ Екатеринославской гимназіи, авторъ почелъ неизлишнимъ сохранить на страницахъ исторіи этого заведенія и имена сихъ непосредственныхъ дѣйствователей на поприщѣ народнаго образованія. Тутъ встрѣчаются имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые начали учебную службу еще въ главныхъ народныхъ училищахъ и продолжали оную въ гимназіи, или такихъ, которые поступили учителями въ этомъ періодѣ и продолжали службу въ слѣдующемъ. Затѣмъ авторъ говоритъ объ учащихся въ гимназіи, объ учебныхъ

(*) Преподаваніе военныхъ наукъ въ Екатеринославской гимназіи прекращено на основаніи Высочайшаго повеленія, изложеннаго въ предписаніи мин. нар. просв. отъ 30 сентября 1830 г.



пособіяхъ, объ осмотрѣ о посѣтителяхъ, и наконецъ описываетъ состояніе хозяйственной части. Объ учащихся онъ сообщаетъ слѣдующее: «Въ первые три года со времени преобразованія главнаго народнаго училища въ гимназію, послѣдовавшаго въ 1805 году, число учащихся весьма ограничилось: въ 1804 году было учениковъ 158, въ числѣ коихъ находилось 7 учениць, а въ 1805 году состояло ихъ только 36. Причину уменьшенія числа учащихся должно приписать тому обстоятельству, что расположеніе новаго курса наукъ не соотвѣтствовало во многомъ прежнему, и потому ученикамъ 4-го класса главнаго народнаго училища приходилось начинать ученіе со 2, а ученикамъ 3 класса съ перваго класса гимназіи. Весьма естественно допустить, что большая часть учащихся 4-го и 3-го классовъ народнаго училища предпочли вступить въ службу, вмѣсто того, чтобы начать опять ученіе съ низшихъ классовъ гимназіи, полагая достаточнымъ имѣть пріобрѣтенное уже образованіе, тѣмъ болѣе, что не предвидѣлся еще высочайшій указъ 1809 года, положившій преграду къ производству въ высшіе чины тѣхъ служащихъ лицъ, которые не выдержатъ въ университетѣ экзамена. Отъ этого произошло, что въ первый годъ преобразованія училища число учащихся въ гимназіи было: въ 1-мъ классѣ 28, а во 2-мъ только 8. Вслѣдствіе вышеозначенныхъ перемѣнъ, окончательный 4-й классъ открылся въ 1807 году, и учащихся въ немъ находилось только 4 человѣка, а во всей гимназіи 47. Первый выпускъ изъ гимназіи былъ въ 1808 году и состоялъ изъ 3-хъ учениковъ, окончившисъ полный курсъ и получившихъ аттестаты. Изъ нижеслѣдующей таблицы видно постепенное приращеніе числа учащихся Екатеринославской гимназіи:

въ	1805	году	было	учащихся.	36.
»	1810	»	»	»	75.
»	1815	»	»	»	93.
»	1820	»	»	»	104.
»	1830	»	»	»	109.
»	1835	»	»	»	139.

Въ слѣдующихъ за симъ особыхъ главахъ авторъ говоритъ объ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ и о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Уѣздныя училища въ Екатеринославской губерніи торжественно открыты въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Екатериносла-

вѣ — въ одинъ день съ гимназіею, въ Павлоградѣ — 15 іюля 1801 года, въ Новомосковскѣ—8 ноября 1807 г., въ Бахмутѣ—20 іюля 1808 г., и наконецъ въ Александровскѣ — 12 марта 1808 г. Изъ всѣхъ сихъ училищъ вообще учениковъ выбыло съ 1808 по 1835 включительно 2281 (980 съ аттестатами и 1301 безъ оныхъ). Въ-теченіе 13-ти лѣтъ, съ 1809 по 1823 г., всѣхъ приходскихъ училищъ открыто 53. При открытіи сельскихъ училищъ жители обнаруживали непритворную радость, которая сопровождалась нѣкоторыми пожертвованіями сверхъ приготовленныхъ на общественный сборъ домовъ. Но къ сему авторъ присовокупляетъ: «Почти ни одно изъ показанныхъ училищъ не имѣло прочнаго существованія: въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ общества были зажиточнѣе и согласнѣе, гдѣ волостное начальство было благонамѣреннѣе и понимало пользу образованія, тамъ не было недостатка въ средствахъ къ содержанію, и потому училища существовали отъ 10 до 20 лѣтъ; напротивъ, другія училища продолжали свое существованіе не болѣе двухъ лѣтъ; были и такіе случаи, что нѣкоторыя училища по нѣскольку разъ открывались и закрывались. Прекрасное начало, положенное правительствомъ для народнаго образованія, сопровождалось не совсѣмъ успѣшными послѣдствіями, частію отъ недостатка достойныхъ наставниковъ, частію-же отъ неисправнаго сбора съ поселянъ опредѣленныхъ денегъ для содержанія училищъ. Всѣ мѣры и настоянія со стороны учебнаго начальства не могли дать прочнаго основанія сельскимъ учебнымъ заведеніямъ, благосостояніе коихъ должно было зависѣть отъ добровольныхъ пожертвованій и содѣйствія людей, не умѣвшихъ оцѣнить благихъ намѣреній правительства. Нѣкоторыя училища закрылись или отдѣлились отъ учебнаго вѣдомства, по распоряженію правительства. Не смотря на обстоятельства, препятствовавшія надлежащему развитію приходскихъ училищъ въ Екатеринославской губерніи и успѣшному ходу ученія, еще значительное число ихъ существовало до 1827 года. Въ это время Екатеринославская казенная палата требовала отъ волостныхъ правленій, чтобы сборъ денегъ для содержанія училищъ не иначе былъ допущенъ, какъ по вновь составленнымъ приговорамъ отъ общества, не смотря на то, что подобные приговоры уже существовали съ самаго открытія училищъ. Изъ переписки министра финансовъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія по этому предмету видно, что сіе послѣднее объяснило въ предложеніи своемъ отъ 21 сентября,

чтобы сборъ денегъ на содержаніе училищъ предоставленъ былъ казеннымъ палатамъ, а смотрители и директоры училищъ должны только напоминать жителямъ объ исправномъ взносѣ денегъ; но напоминанія эти оставались безъ исполненія и не подвигали дѣла впередъ. Изъ 53 училищъ до 1832 года существовали: Луганское, Авдѣевское, Вергунское, Крымское, Нижнее, Петриковское и Могилевское. Оставшіяся въ нѣкоторыхъ училищахъ, по закрытіи ихъ, суммы, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, причислены къ экономическимъ капиталамъ тѣхъ уѣздныхъ училищъ, подъ вѣдѣніемъ коихъ они состояли. Училищные домы переданы въ собственность обществъ, гдѣ они находились. Въ 1833 году совершенно окончилось существованіе сельскихъ училищъ, образованныхъ по уставу учебныхъ заведеній 1804 года; возстановленіе-же этихъ училищъ на новыхъ основаніяхъ послѣдовало съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ».

Въ томъ-же самомъ порядкѣ авторъ обозрѣваетъ состояніе учебной части Екатеринославской губерніи въ-теченіе 1836—1855 годовъ (*). Екатеринославская гимназія и учебныя заведенія губерніи изъ вѣдомства Харьковскаго училищнаго комитета съ 1833 года перешли въ непосредственное управленіе попечителя Одесскаго учебнаго округа. Такое распоряженіе, сосредоточивъ управленіе училищами Новороссійскихъ губерній и Бессарабской области въ лицѣ особаго попечителя, имѣло важныя послѣдствія, какъ-то: преобразованіе училищъ по уставу 1828 года, устраненіе мѣстныхъ матеріальныхъ неудобствъ, ускореніе дѣлопроизводства, пріисканіе способныхъ учителей, составленіе программъ преподаванія, ближайшій надзоръ и вообще приведеніе всей учебной дѣятельности округа въ надлежащій, сообразный постановленіямъ правительства видъ. Первымъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа былъ дѣйств. статскій сов. *Никифоръ Ѳедоровичъ Покровскій*, съ 30 іюля 1830 по 18 декабря 1836 года. Преемникомъ его былъ дѣйств. статскій сов. *Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ*, съ 26 іюля 1837 по 1-е октября 1844 года. Исправлялъ должность попечителя съ 16 февраля по 25 апрѣля 1845 года князь *Г. И. Волконскій*. Попечителемъ Одесскаго учебнаго округа съ 3. авгу-

(*) Въ составленіи этой части принималъ участіе С. И. Веребрюсовъ, которому г. Граховъ выражаетъ свою благодарность въ предисловіи къ книгѣ.



ста 1846 г. былъ дѣйств. ст. сов. *Михаилъ Николаевичъ Бугайскій* по 29 декабря 1854 года. Съ 15 января 1855 года попечителемъ Одесскаго учебнаго округа состоялъ почетный попечитель Демидовскаго лицея, дѣйств. ст. сов. *Павелъ Григорьевичъ Демидовъ*. Преобразованіе Екатеринославской гимназіи и уѣздныхъ училищъ, учрежденіе и открытіе благороднаго пансіона было совершено дѣятельнымъ усердіемъ и заботливостью директора училищъ, ст. сов. *Акима Яковлевича Ковалевскаго*, продолжавшаго службу до 1842 г. «Съ наступленіемъ 1836 года, говоритъ г. Граховъ, вслѣдствіе распоряженій начальства, должно было совершиться преобразованіе гимназіи и училищъ Екатеринославской губерніи по уставу 8 декабря 1828 года. Это событіе дало всѣмъ частямъ учебной дѣятельности новое устройство и развитіе. На основаніи предписанія министра народнаго просвѣщенія отъ 5 февраля 1836 года, попечитель Одесскаго учебнаго округа поручилъ директору училищъ Екатеринославской губерніи, для скорѣйшаго преобразованія учебныхъ заведеній, ему подвѣдомственныхъ, представить свои соображенія о свѣдѣніяхъ и способностяхъ каждаго изъ наличныхъ учителей гимназіи и училищъ, для распредѣленія между ними предметовъ преподаванія; составить полныя программы, опредѣляющія объемъ каждаго предмета для всѣхъ классовъ; далѣе, повѣривъ успѣхи учениковъ по такимъ программамъ при годичныхъ испытаніяхъ, опредѣлить, сколько классовъ можетъ быть открыто; наконецъ, распредѣливъ учениковъ по классамъ, сообразно ихъ познаніямъ, предоставить кончившимъ курсъ по прежнему порядку на волю продолжать оное по новому, составить смѣту на необходимыя издержки, и такимъ образомъ приготовить все для преобразованія гимназіи съ началомъ академическаго года. О преобразованіи уѣздныхъ училищъ предписано было входить съ представленіями, смотря по способамъ, постепенно и отдѣльно о каждомъ. Исполняя предписаніе г. попечителя, директоръ гимназіи представилъ на утвержденіе его сдѣланныя имъ предварительныя распоряженія, въ которыхъ, согласно съ опредѣленіемъ совѣта гимназіи, предполагалъ открыть съ началомъ 1836—37 академическаго года только пять классовъ; принять въ руководство при преподаваніи утвержденныя начальствомъ программы и распредѣлить предметы ученія между наличными учителями. Утвердивъ такія распоряженія директора Ковалевскаго, попечитель предоставилъ ему немедленно открыть въ гимназіи ученіе по уставу 1828 года. 30 августа 1836 года, по

принесеніи Господу Богу благодарственнаго молебствія всѣми учащимися, торжественный актъ открытія Екатеринославской гимназіи по новому уставу совершился въ присутствіи чиновниковъ и почетнѣйшихъ особъ города, а съ 1 сентября началось и ученіе въ 5-ти классахъ». Въ-теченіе времени произошли разныя перемѣны въ курсѣ наукъ. Нѣкоторые предметы были совершенно отмѣнены, объемъ другихъ нѣсколько измѣненъ, наконецъ введены въ курсъ и новые предметы, которые прежде не преподавались. Для усовершенствованія гимназическаго преподаванія и поощренія учениковъ къ ревностнымъ занятіямъ, наконецъ для приведенія къ единству всѣхъ частей учебной дѣятельности, со стороны высшаго и мѣстнаго начальства были употребляемы разнообразныя мѣры, смотря по надобности. Г. Граховъ разсматриваетъ главнѣйшія изъ нихъ. Число учащихся въ Екатеринославской гимназіи, со времени ея преобразованія, постоянно возрастало со 144 до 234 въ 1856 году; число окончившихъ полный курсъ представляетъ то-же самое, именно: съ 7-ми воспитанниковъ по первому выпуску въ 1839 году, оно постепенно доходило до 15-ти въ 1846, до 23-хъ въ 1852, а въ 1855 году окончили полный гимназическій курсъ 11 учениковъ. Такое приращеніе ясно выражаетъ пользу гимназическаго образованія. Число ежегодно награжденныхъ показываетъ, что между воспитанниками Екатеринославской гимназіи всегда было соревнованіе, и многіе изъ нихъ, кромѣ усердія къ изученію наукъ и любознательности, съ успѣхомъ развивали свои природныя способности. За отличное окончаніе курса удостоено: золотыхъ медалей 14, серебряныхъ 30, аттестатовъ и свидѣтельствъ объ окончаніи курса 222. Награждено похвальными листами и книгами всего 547 учениковъ.

Авторъ исчисляетъ поимянно всѣхъ учителей Екатеринославской гимназіи со времени преобразованія ея, причѣмъ останавливается на нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые продолжительною службою пріобрѣли право на общее уваженіе и признательное воспоминаніе объ нихъ. Въ статьѣ объ учебныхъ пособіяхъ гимназіи помѣщенъ перечень главныхъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя употреблялись съ 1836 года и употребляются нынѣ. Статья объ осмотрѣ и посѣщеніяхъ гимназіи и прочихъ учебныхъ заведеній заключена слѣдующимъ извѣстіемъ: Высочайшаго посѣщенія Екатеринославская гимназія удостоилась 20 октября 1837 года, когда Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ

(нынѣ царствующій Государь Императоръ) Александръ Николаевичъ осчастливилъ это заведеніе Своимъ посѣщеніемъ въ сопровожденіи генералъ-лейтенанта *Кавелина* и Екатеринославскаго гражданскаго губернатора *Пеутлинга*.

Екатеринославская гимназія имѣетъ благородный пансіонъ, объ учрежденіи котораго г. Граховъ сообщаетъ между прочимъ слѣдующее. Пожертвованныя дворянствомъ Екатеринославской губерніи и частными лицами суммы съ процентами на нихъ, къ 1 января 1839 года составляли:

1) дворянская	104,314 р.	20	к.	асс.
2) маіора Скорнякова	34,731 »	99	»	»
3) городоваго секретаря Бородавки	70,300 »	$53^1/_2$	»	»
4) надворн. сов. Герна	11,035 »	4	»	»
5) дворянина Домонтовича	2,092 »	84	»	»
6) тит. совѣтн. Рудницкаго	912 »	24	»	»
Всего въ сложности	223,386 р.	$84^1/_2$	к.	асс.

При такихъ способахъ учрежденъ благородный пансіонъ на общихъ правилахъ о заведеніяхъ сего рода, изложенныхъ въ уставѣ учебныхъ заведеній 8 декабря 1828 года. 9 августа 1840 года благородный пансіонъ былъ открытъ въ присутствіи гражданскаго губернатора, губернскаго предводителя, почетнаго попечителя, инспектора казенныхъ училищъ округа, высшаго духовенства, почетнѣйшихъ особъ города, начальства гимназіи и всѣхъ учащихъ. По совершеніи Господу Богу молебствія о преуспѣяніи новаго заведенія, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и августѣйшему Дому, ректоръ семинаріи архимандритъ Іона, совершавшій молитвословіе соборнѣ съ инспекторомъ семинаріи іеромонахомъ Симеономъ и законоучителемъ гимназіи священникомъ *Деркачевымъ*, окропилъ комнаты пансіона св. водою и благословилъ первую трапезу воспитанниковъ. Движимые общимъ удовольствіемъ предводитель дворянства баронъ *Франкъ* и управляющій палатою государственныхъ имуществъ *Гладкій* принесли въ даръ для новаго заведенія иконы Спасителя и Богоматери, стоющія до 200 руб. асс., а градскій глава купецъ *Артамоновъ* подарилъ икону св. Троицы, стоющую до 100 руб. асс. Затѣмъ посѣтители были угощаемы обѣдомъ. Открытіе благороднаго пансіона происходило въ домѣ колл. секр. *Антонова*, нанятомъ по контракту на три года. Съ-тѣхъ-поръ благородный пансіонъ,

при благотворномъ участіи почетныхъ попечителей гимназіи, при дѣятельномъ и неослабномъ надзорѣ со стороны ближайшаго начальства, постепенно распространялъ кругъ своего полезнаго назначенія, пріобрѣтая довѣренность общества и новые способы къ удобству и образованію воспитанниковъ. Въ настоящее время въ пансіонѣ находятся: 1) воспитанники на счетъ дворянства, числомъ 8; 2) воспитанники на благотворительный капиталъ, числомъ 7; 3) казенныхъ воспитанниковъ на счетъ государственнаго казначейства 7; 4) 2 пансіонера Государя Императора; 5) 6 воспитанниковъ Екатеринославскаго приказа общественнаго призрѣнія; 6) своекоштныхъ пансіонеровъ 48; всего 78 воспитанниковъ. Такое благопріятное развитіе пансіона должно приписать какъ внутреннему первоначальному его устройству, которымъ, на основаніи положенія, воспитанникамъ предоставляются къ образованію всѣ возможные способы, такъ, и преимущественно, заботамъ ближайшаго начальства.

Кромѣ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и частныхъ учебныхъ заведеній, въ вѣдѣніи дирекціи Екатеринославской губерніи находятся еще Еврейскія училища. «Независимо — говоритъ г. Граховъ — отъ дарованнаго Евреямъ дозволенія обучаться въ общихъ христіанскихъ заведеніяхъ, Высочайшимъ указомъ, даннымъ на имя министра народнаго просвѣщенія 13 ноября 1844 года, повелѣно учредить для образованія юношества особыя училища двухъ родовъ: первоначальныя или перваго разряда, соотвѣтствующія приходскимъ, и второстепенныя или втораго разряда, въ объемѣ уѣздныхъ училищъ, преимущественно реальныя; для приготовленія учителей Еврейскаго закона и раввиновъ — раввинскія училища, сравнивъ ихъ въ отношеніи къ общимъ предметамъ съ гимназіями. Еврейскія частныя учебныя заведенія повелѣно подчинить также общимъ правиламъ, а для приведенія въ точную извѣстность нынѣ существующихъ Еврейскихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, также домашнихъ учителей, и для принятія ихъ въ ближайшее завѣдываніе министерства народнаго просвѣщенія, — учредить временныя губернскія и уѣздныя училищныя коммиссіи. На такихъ основаніяхъ составлено было «Положеніе о казенныхъ Еврейскихъ заведеніяхъ 1844 года» и «Временныя правила» о подчиненіи Еврейскихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, равно какъ и домашнихъ учителей вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Предметы ученія въ Еврейскихъ

училищахъ перваго разряда: законъ Еврейскій, чтеніе и письмо на Русскомъ и древнемъ Еврейскомъ языкахъ съ началами грамматики, четыре первыя дѣйствія ариѳметики, съ понятіемъ о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ, употребляемыхъ въ Россіи, чистописаніе. Курсъ ученія продолжается два года. Предметы ученія въ Еврейскихъ училищахъ втораго разряда: сверхъ Еврейскаго закона и языка, Русскій языкъ, включая и высшую часть грамматики, ариѳметика, всеобщая и Русская исторія, всеобщая и Русская географія, черченіе и чистописаніе. Курсъ ученія продолжается отъ 3 до 5 лѣтъ, смотря по объему и направленію преподаваемыхъ въ нихъ наукъ. Училищемъ перваго разряда завѣдываетъ особый смотритель, который подчиненъ штатному смотрителю уѣзднаго училища, а для управленія училищемъ втораго разряда назначается также смотритель, подчиненный директору училищъ. Частныя Еврейскія училища раздѣлены также на три разряда: 1) талмудъ-торы—для бѣдныхъ и сиротъ, на-счетъ добровольныхъ приношеній; 2) хадаримы или хедеры, содержимые меламдами — домашними учителями для вольноприходящихъ за условленную плату. Тѣ и другіе бываютъ первоначальные и второстепенные. 3) Ешиботы — частныя учебныя заведенія, въ которыхъ преподаются подробнѣйшія свѣдѣнія изъ талмуда и учащіеся приготовляются къ званію раввиновъ. Число учителей въ частныхъ заведеніяхъ опредѣляется числомъ учениковъ, полагая въ талмудъторахъ на 25, а въ ешиботахъ на 50 учащихся по одному учителю. Подъ именемъ ученыхъ Еврейскихъ заведеній разумѣются бесъмедраши или клаузы, въ которыхъ Евреи собираются частію для молитвы, частію для ученыхъ и нравственныхъ бесѣдъ о своемъ законѣ. Главное управленіе казенными и частными Еврейскими учебными заведеніями предоставлено попечителю округа, а ближайшій непосредственный надзоръ возложенъ на губернскія и уѣздныя коммиссіи Еврейскихъ училищъ. Губернская коммиссія въ Екатеринославѣ открыта 4 сентября 1845 года, а три временныя уѣздныя открыты: въ Новомосковскѣ и Павлоградѣ — 10, въ Бахмутѣ — 16 сентября того-же года. Губернская, подъ предсѣдательствомъ губернскаго директора училищъ, а уѣздныя, подъ предсѣдательствомъ штатныхъ смотрителей, состоятъ каждая изъ одного учителя гимназіи и училищъ и двухъ членовъ изъ Евреевъ,— одного изъ раввиновъ, а другаго изъ купечества, по выбору обществомъ и по сношенію съ губернскимъ начальствомъ. Общія

обязанности Еврейскихъ училищныхъ коммиссій, изложенныя въ «Временныхъ правилахъ», были слѣдующія: 1) привесть въ известность бывшія въ губерніи Еврейскія ученыя и учебныя заведенія, съ отнесеніемъ ихъ къ одному изъ разрядовъ; 2) собрать свѣдѣнія о меламдахъ; 3) принять всѣ заведенія и учителей въ свое вѣдѣніе и выдавать содержателямъ хадаримовъ и меламдамъ годовыя свидѣтельства на право обученія; наконецъ 4) посѣщать, посредствомъ членовъ своихъ, всѣ сіи заведенія и доносить о состояніи оныхъ по принадлежности. Съ открытіемъ коммиссіи всѣ предначертанія правительства возымѣли свое дѣйствіе, и воспитанію Еврейскаго юношества даны были новые способы и благотворное направленіе. Приводя въ извѣстность частныя Еврейскія заведенія, коммиссіи заботились особенно объ открытіи казенныхъ училищъ. Вслѣдствіе того, въ 1850 году открыто было въ Екатеринославѣ казенное Еврейское училище перваго разряда, а вслѣдъ за нимъ въ 1852 году получило основаніе и Павлоградское тогоже разряда. Частныхъ Еврейскихъ учебныхъ заведеній въ Екатеринославской губерніи къ 1 января 1855 года состояло: хедеровъ первоначальныхъ 21, хедеровъ второстепенныхъ 3, талмудъторъ 1, итого 25. Сверхъ-того находились ученыя Еврейскія заведенія: бесъ-медрашъ 1, клаузъ 1. Число учащихся во всѣхъ Еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ къ 1 января 1855 года было 371, а именно: въ казенныхъ училищахъ перваго разряда—Екатеринославскомъ 40, Павлоградскомъ 23, всего 63; въ частныхъ 308. Въ числѣ 371 находятся мѣщанскаго состоянія 291, и всѣ мужескаго пола. Не смотря на недавнее учрежденіе, казенныя Еврейскія училища пріобрѣтаютъ болѣе и болѣе общее довѣріе Еврейскаго населенія Екатеринославской губерніи, въ которой предполагаются къ открытію и новыя казенныя заведенія, между тѣмъ и содержатели частныхъ школъ, получая право на обученіе дѣтей только послѣ испытанія, стараются изучать Русскій языкъ и ариѳметику. Но заведенія казенныя, обезпеченныя въ своихъ средствахъ и развитіи, должны скоро взять перевѣсъ надъ частными школами, число которыхъ замѣтно уменьшается съ каждымъ годомъ.

Историко-статистическій обзоръ училищъ Екатеринославской губерніи оконченъ перечнемъ общаго числа учебныхъ заведеній, учащихъ и учащихся.

«Успѣхи общественнаго образованія въ Екатеринославской гу-

берніи въ послѣдніе 20 лѣтъ — говоритъ авторъ — лучше всего выражаются сравнительнымъ приращеніемъ числа учебныхъ заведеній, увеличеніемъ числа учащихся и учащихъ. Общія показанія за два крайніе года, 1836 и 1855, могутъ подтвердить это. Но кромѣ заведеній, непосредственно подчиненныхъ управленію губернской дирекціи, для составленія болѣе точнаго вывода, представимъ и тѣ училища, которыя принадлежатъ другимъ вѣдомствамъ.

	Въ 1836 году. Учащихся.			Къ 1855 году. Учащихся.		
	Число завед.	Муж. пола.	Женск. пола.	Число завед.	Муж. пола.	Женск. пола.
Губернская гимназія	1	139	—	1	263	—
Благородный пансіонъ при гимназіи	—	—	—	1		
Уѣздныхъ училищъ	5	370	15	6	320	—
Приходскихъ классовъ при уѣздныхъ училищахъ	5			5	336	—
Приходскихъ училищъ отдѣльн. въ городахъ и мѣстечкахъ	1	78	—	3	99	—
Частныхъ пансіон. и школъ:						
а) мужескихъ	3	72	—	1	5	—
б) женскихъ	3	—	142	7	—	191
Еврейскихъ училищъ:						
а) казенныхъ	—	—	—	2	63	—
б) частныхъ	Неизвѣстно			27	308	—
Сельскихъ приходскихъ училищъ:						
а) въ казенныхъ селеніяхъ	2	39	—	—	—	—
б) тамъ-же вѣдомства госуд. имуществъ	—	—	—	39	1947	155
в) вѣдомства горн. Луг. завода	—	—	—	2	135	—
г) въ имѣніяхъ помѣщик.	—	—	—	2	28	11
Училищъ въ Нѣмецкихъ колоніяхъ	—	—	—	52	2195	1957
	20	698	157	148	5700	2314
		855			8014	

Изъ числа показанныхъ заведеній, 53 состоятъ въ управленіи Екатеринославской дирекціи, а 95 — прочихъ вѣдомствъ.

Съ 1836 года общее число всѣхъ учебныхъ заведеній въ Екатеринославской губерніи увеличилось болѣе чѣмъ въ семь разъ, а число учащихся увеличилось болѣе чѣмъ въ девять разъ.

Число жителей Екатеринославской губеріи по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ дирекціи училищъ: въ 1836 году — до 339,500, а въ 1854 г. — до 405,000. Отношеніе числа учащихся къ общему населенію губерніи: въ 1836 году — какъ 1 къ 397, въ 1854 году — какъ 1 къ 50.

Число учащихъ:

	Въ 1836 году.	Къ 1855 г.
Въ казенныхъ заведеніяхъ	33	52
» частныхъ заведеніяхъ	13	19
» частныхъ Еврейскихъ	—	25
Домашнихъ наставник. и учител..	1	4
Въ сельскихъ училищ. и школахъ	3	50
» колоніальныхъ училищахъ . .	—	52
Итого . .	50	202

«Такимъ-образомъ, говоритъ авторъ, краткій обзоръ пятидесятилѣтняго существованія Екатеринославской гимназіи и училищъ, ей подвѣдомственныхъ, представляетъ общую картину учебной дѣятельности въ Екатеринославской губерніи. Прослѣдивъ внимательно всѣ преобразованія и перемѣны, послѣдовавшія въ-теченіе этого времени, легко убѣдиться, что заведенія, предназначенныя распространять начала общественнаго образованія и приготовлять юношество для достойнаго служенія отечеству, постоянно стремились къ высшему развитію и совершенству. Исполненію всѣхъ предначертаній правительства и успѣшному ходу воспитанія много содѣйствовало также дворянство Екатеринославской губерніи, которое съ благороднымъ участіемъ принесло щедрыя пожертвованія на пользу общую. Видя такіе благопріятные результаты, можемъ надѣяться, что учебныя заведенія Екатеринославской губерніи достигнутъ современемъ того важнаго назначенія, которое имъ указано мудростію великихъ нашихъ Государей, покровителей отечественнаго просвѣщенія».

Въ концѣ книги напечатаны приложенія, болѣе или менѣе дополняющія или поясняющія изложенное въ текстѣ, какъ-то: Вы-

сочайшие рескрипты, письма, рѣчи и пр. Къ книгѣ приложенъ видъ зданія Екатеринославской гимназіи и планы главнаго корпуса и флигеля.

Пожелаемъ, чтобы книги гг. Воронова и Грахова, которыя могутъ служить образцами для этого рода сочиненій, вызвали на подобные труды и другихъ дѣятелей; рядъ такихъ сочиненій составилъ-бы наилучшіе матеріалы для полнаго, систематическаго обзора развитія учебной части въ Россіи.

В. Г.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ПЕРВУЮ ТРЕТЬ 1857 ГОДА.

V. Политическія науки (*).

Къ отдѣлу политическихъ наукъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Распредѣленіе суммъ свѣчнаго сбора* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 1); *Приложенія къ извлеченію изъ всеподданнѣйшаго отчета министра внутреннихъ дѣлъ за* 1855 *годъ* (ibid.); *Домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ ремесленниковъ въ С. Петербургѣ* (ibid.); *Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ* 1856 *и въ* 1857 *годахъ* (ibid. № 2—4); *Слобода Покровская* (ibid. № 1); *Вѣдомость привоза по Николаевской желѣзной дорогѣ разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ въ С. Петербургъ и Москву за ноябрь и декабрь* 1856, *январь и февраль* 1857 *годовъ* (ibid. № 2—4); *Таблица цѣнъ на главныя жизненныя потребности имперіи по* 1-е *апрѣля* 1857 *года* (ibid.); *Подробное обозрѣніе благотворительныхъ дѣйствій приказовъ общественнаго призрѣнія* (ibid. № 2—1); *Содержаніе чистоты въ Парижѣ* (ibid.); *Городъ Харьковъ*, Н. Волобуева (ibid.); *Отчетъ попечительства Высочайше утвержденнаго Общества Маріинскаго капитала для вдовъ и сиротъ врачей* (ibid.); *Парижская хлѣбопекарная касса* (ibid.); *Лондонскій Clearing-house* (ibid.); *Народонаселеніе Европы съ* 1778 *по* 1752 *годъ* (ibid.); *Исто-*

(*) Въ нижеслѣдующемъ перечнѣ не показаны статьи, помѣщенныя въ Экономическомъ указателѣ: потому-что двѣнадцать нумеровъ этого изданія разсмотрѣны въ особой статьѣ. См. майскую книжку Жур. м. н. пр. на 1857 г.



рическій очеркъ устройства крестьянскаго сословія въ Эстляндской губерніи (ibid. № 3); *Описаніе Литтихской келейной тюрьмы* (ibid.); *Екатеринославская губернія въ торговомъ и промышленомъ состояніи до войны и въ 1855 году* (ibid.); *Банковыя учрежденія въ Великобританіи и Ирландіи* (ibid.); *Китайскія ассигнаціи* (ibid.); *Историческій очеркъ городовъ Олонецкой губерніи* (ibid.); *О богадѣльняхъ въ Казани въ XVIII столѣтіи* (ibid.); *Добываніе сѣры въ Самарской губерніи* (ibid.); *О торговомъ судостроеніи и мореплаваніи по Астраханской губерніи, за 1856 годъ* (ibid.); *Свѣдѣнія о состояніи тонкоруннаго овцеводства въ Оренбургской губерніи* (ibid.); *Свѣдѣнія о состояніи золотопромышлености въ той-же губерніи, въ 1855 году* (ibid.); *Изслѣдованіе о бурлакахъ* (ibid. № 4); *Скотоводство и рыболовство въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи*, Гр. Колмогорова (ibid.); *Отчетъ Камско-Волжскаго пароходнаго общества за 1836 г.* (ibid.); *Хлопчато-бумажная промышленость* (ibid.); *Движеніе внѣшней торговли во Франціи въ 1855 г.* (ibid.); *Нѣкоторыя географическія и статистическія свѣдѣнія о Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ Тобольской губерніи* (ibid.); *О Смоленскихъ шляхтичахъ, проживающихъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губерніи* (ibid.); *Нѣсколько данныхъ для статистики урожаевъ и неурожаевъ въ Россіи*, К. Веселовскаго (Журн. мин. гос. им. № 1); *Сельско-хозяйственная статистика Нижегородской губерніи*, Донецъ-Хмѣльницкаго (ibid.); *Международный конгрессъ о таможенныхъ преобразованіяхъ, бывшій въ Брюсселѣ, въ 1856 году* (ibid. № 2); *О ходѣ водворенія меннонистовъ въ Николаевскомъ обществѣ Самарской губерніи* (ibid. № 2); *Очеркъ хозяйства и промышлености Самарской губерніи*, Я. А. Соловьева (ibid. № 3); *Замѣчанія о современномъ состояніи и надеждахъ льняной промышлености въ Германіи*, Альфреда Рудольфа (ibid.); *Русская промышленость и торговля въ XVI вѣкѣ*, С. М. Соловьева (Совр. № 1); *Налогъ на доходы*, изслѣдованіе Парье (От. Зап. № 1); *Промышленость и ея ограниченія во внѣшней торговлѣ*, Н. Х. Бунге (ibid. № 2); *Россійско-Американская компанія въ 1854 и 1855 годахъ и событія изъ внутренней жизни ея колоній* (ibid. № 2); *Нѣсколько словъ о поземельномъ кредитѣ въ Россіи*, А. К. Егунова (ibid. № 3); *Желѣзно-конныя и желѣзно-паровыя дороги*, Д. Г. (ibid. № 4); *Новѣйшія кредитныя и финансовыя учрежденія во Франціи*, Ст. П. К. Штахеля (ibid.); *Вѣсти изъ финансоваго міра*. Письмо 1-е къ редактору От. Зап. Эксе—и (ibid. № 4); *Взглядъ на промышле-*

ность и торговлю Россіи, Ю. А. Гагемейстера (Русск. Вѣстн. № 1); *Политическое обозрѣніе* (ibid. № 2—8); *Современное положеніе кредитныхъ учрежденій*, Е. Л. (ibid. № 2 и 3); *Благотворительность и общественная экономія* (ibid. № 2); *Общественные вопросы въ Баваріи*, М. Н. Капустина (ibid. № 2); *Статистика и географія Россіи и смежныхъ странъ Азіи* (Beiträge etc. von K. E. v. Bähr u. G. v. Helmersen), И. К. Бабста (ibid. № 3); *Причины и поводы Англо-Персидской войны* (ibid.); *О развитіи и современномъ состояніи торговаго пароходства въ Европѣ*, А. С. Ершова (ibid. № 6); *Объ отношеніи государственной администраціи къ народному труду въ Англіи* (ibid. № 7); *Нѣчто о нашей мануфактурной промышлености*, И. Вернадскаго (С. Пб. Вѣд. № 23); *Лордъ Пальмерстонъ* (ibid. № 80—82, 86 и 87); *Полиція и мошенники въ Лондонѣ въ* 1856 *г.* (Сѣв. Пч. № 1—5); *О предполагаемомъ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи* (ibid. № 11); *По поводу статьи Г. Д. Ф. касательно нашей мануфактурной промышлености* (ibid. № 19 и 20); *Взглядъ на современное состояніе Русской торговли* (ibid. № 21 и 22); *Евфратская желѣзная дорога и ея политическое значеніе* (ibid. № 38); *О каменномъ углѣ*, Герсеванова (ibid. № 41); *Мысли по прочтеніи статьи г. Яхонтова о желѣзныхъ дорогахъ, въ* № 279 *Сѣверной Пчелы* 1856 *года* (ibid. № 47); *Пытка въ Англійской Индіи* (ibid. № 51 и 52); *Нѣтъ-ли еще средства къ усовершенствованію нашей фабричной и заводской промышлености въ уровень съ иностранною?* (ibid. № 55); *О выгодахъ постройки желѣзной дороги изъ Москвы въ Феодосію для Малороссіи и Новороссійскаго края, и о необходимости одной и то-же компаніи соединить Перекопскія соляныя озера и Бериславъ съ главною вѣтвію*, П. Соханскаго (ibid. № 57 и 58); *Нѣсколько словъ о желѣзныхъ дорогахъ* (ibid. № 63); *О Новороссійской каменноугольной промышлености* (ibid. № 70 и 71); *Нѣсколько словъ о желѣзной дорогѣ на Моршанскъ*, Я. Лебедева (Моск. Вѣд. № 2); *О желѣзномъ производствѣ въ Россіи*, Н. Н. Анциферова (ibid. № 13, 19, 22, 25, 31 и 35); *Желѣзныя дороги*, Н. А. Любимова (ibid. № 17); *Настоящее Россіи* (ibid. № 20); *Письмо г. Гагемейстера къ г. редактору Экономическаго Указателя, о желѣзныхъ дорогахъ* (ibid.); *Насущный хлѣбъ*. Письмо къ редактору г. Н. Винярскаго (ibid. № 20 и 23); *Еще отвѣтъ г. Вернадскому по поводу внѣшней торговли*, Д. П. Шипова (ibid. № 21); *Еще о покровительствѣ бумагопрядильной и ткацкой промышлености*, Д. Ф. (ibid. № 30); *Почему*

во Франціи, Мишеля Шевалье (ibid.); *Церкви въ Англіи* (ibid. № 32); *О платѣ наемнымъ работникамъ въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ Россіи*, Г. А. Розеліонъ-Сошальскаго (ibid. № 33); *Желѣзныя дороги въ Россіи*. Записка, составленная Французскими инженерами по порученію главнаго общества Русскихъ желѣзныхъ дорогъ (ibid. № 42, 44 и 46); *Объ устройствѣ земледѣльческаго сословія въ Австріи*, Н. Р—на (Русск. Бес. № 1); *Письмо къ издателю А. И. Кошелеву* (ibid.); *Замѣтка по свеклосахарной промышлености*, Н. П. Шишкова (ibid.); *Взглядъ на состояніе Саратовской вывозной торговли, въ отношеніи предполагаемой желѣзной дороги между Москвою и Саратовомъ* (Комм. газ. № 2 3, 4 и 5); *О желѣзной дорогѣ на Моршанскъ* (ibid. № 7); *Вывозъ золота и серебра на востокъ* (ibid. № 11); *Перемѣны въ таможенныхъ и карантинныхъ постановленіяхъ въ Гамбургѣ* (ibid. № 12); *Банковыя учрежденія въ Великобританіи и Ирландіи* (ibid. № 16); *Торговля иностраннымъ спиртомъ во Франціи* (ibid. № 22); *Хлопчато-бумажная промышленость* (ibid.); *Пчеловодство въ Италіи* (ibid.); *Учетный процентъ въ Англійскомъ и Французскомъ банкахъ* (ibid.); *Шотландскіе банки* (ibid. № 26); *Торговля сахаромъ* (ibid. № 27); *Дивиденды Лондонскихъ акціонерныхъ банковъ* (ibid. № 28); *Внѣшняя торговля Великобританіи* (ibid. № 29 и 30); *Причина возвышенія цѣнъ на кофе* (ibid. № 33); *Лондонскіе банки на акціяхъ* (ibid. № 34); *Причины высокихъ цѣнъ на сахаръ* (ibid. № 37); *Земледѣльческая промышленость въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ* (ibid. № 41); *Россійско-Американская компанія* (Журн. для акц. № 1, 2 и 7); *О публичности дѣйствій акціонеровъ* (ibid. № 1); *О существѣ и цѣли промышленыхъ предпріятій, на правахъ компаній, и о вліяніи ихъ на народное богатство* (ibid. № 3); *Движимый и ипотечный кредитъ* (ibid. № 5); *Обозрѣніе отраслей промышлености, выгодныхъ для разработки компаніями въ Россіи* (ibid. № 7); *Желѣзныя дороги въ Америкѣ* (ibid.); *Желѣзныя дороги въ Великобританіи, Ирландіи и Англійскихъ колоніяхъ* (ibid. № 10); *Кредитъ* (ibid. № 12); *Спекуляція* (ibid); *Ажіотажъ* (ibid. № 14); *Китайскіе банки* (ibid. № 15); *Вѣдомость о количествѣ золота, добытаго частными лицами въ Сибири въ* 1828 *по* 1857 *годъ* (Золот. Руно № 7).

Сюда-же могутъ быть отнесены и слѣдующія статьи, помѣщенныя въ «Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго географическаго Общества»: *Годовое собраніе Лондонскаго статистическаго*

Общества, 16 *марта* 1857 *года* (*№* 1); *Суздала, офени, или ходебщики*, члена-сотрудника Я. И. Горелина (*№* 2); *Обозрѣніе Украинскихъ ярмарокъ* (по изслѣдованіямъ И. С. Аксакова), В. П. Безобразова (ibid).

— «Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ». —

Въ 1856 году:	Привезено.	Продано.	Доходу отъ найма лавокъ и мѣстъ.
По Никольской, въ г. Таганрогѣ.	450,825 р.	85,650 р.	1,122 р.
По Успенской, въ томъ-же городѣ.	1,375,000 »	291,000 »	3,078 »
По Введенской и Никольской, соединеннымъ въ одну ярмарку, въ Холуйской слободѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи. . .	1,329,000 »	1,171,000 »	10,000 »
По Харьковской.	3.841,727 »	2.045,814 »	—
По Никольской, въ г. Ишимѣ, Тобольской губерніи.	1.626,045 »	1.422,970 »	5,383 »
	въ томъ числѣ		
отечественныхъ. .	1.565,245 »	1.371,070 »	—
Въ 1857 году:			
По Крещенской, въ г. Лебядяни, Тамбовской губерніи	808,021 »	469,847 »	2,718 »
	въ томъ числѣ		
отечественныхъ. .	567,537 »	347,508 »	—
Въ г. Мензелинскѣ, Оренбургской губерніи.	3.848,705 »	3.409,796 »	17,501 »
По Богоявленской, въ г. Весьегонскѣ, Тверской губ. . . .	850,100 »	558,610 »	—
По Харьковской Крещенской.	11.678,664 »	8.079,113 »	8,480 »
Въ гор. Тюмени, Тобольской губерніи.	474,300 »	189,600 »	—

— «Парижская хлѣбопекарная касса (Caisse de boulangerie)». — Она основана въ 1854 г. Желая по-возможности облегчить судьбу бѣдныхъ рабочихъ и сдѣлать для нихъ нечувствительными быстрые и рѣзкіе переходы отъ низкихъ цѣнъ, существующихъ въ урожайные годы, къ цѣнамъ болѣе высокимъ въ голодное время,

Французское правительство возымѣло намѣреніе устроить такую кассу, сначала, въ видѣ примѣра, въ Парижѣ, а впослѣдствіи, если то окажется удобнымъ, и въ другихъ городахъ. Обязанности Парижской кассы заключаются преимущественно въ слѣдующемъ: 1) отбирать отъ хлѣбниковъ показанія о всѣхъ произведенныхъ ими закупкахъ муки, для того, чтобы, на основаніи этихъ свѣдѣній, вывести среднюю рыночную цѣну; 2) производить платежи за хлѣбниковъ и собирать закупаемые ими матеріалы; 3) оказывать хлѣбникамъ вспомоществованія, ссужая имъ капиталы, подъ залогъ имѣющихся у нихъ запасовъ, или подъ другія обезпеченія, и наконецъ 4) уплачивать хлѣбникамъ разницу между существующими рыночными цѣнами и таксою на хлѣбъ, опредѣленною правительствомъ, а во время низкихъ цѣнъ, требовать съ нихъ избытка уплачиваемыхъ имъ цѣнъ противъ рыночныхъ.

— «Лондонскій Clearing-House».—Подъ этимъ названіемъ уже болѣе 75 лѣтъ существуетъ въ Лондонѣ что-то въ родѣ частнаго ликвидаціоннаго или разсчетнаго банка. Установленіе основано по слѣдующему поводу. Около 1775 г., нѣкоторые изъ Лондонскихъ банкировъ и богатыхъ негоціантовъ, имѣвшихъ огромныя дѣла въ Сити, задумали учредить центральное бюро или контору, гдѣ бы они могли обмѣниваться имѣвшимися въ ихъ рукахъ векселями и перводаточными письмами. Этой конторѣ дано названіе, которое осталось за нею и до настоящаго времени, т. е. Clearing—House. Цѣль, которая при этомъ имѣлась въ виду, заключалась въ томъ, чтобы доставить участникамъ возможность производить разсчетъ между собою не звонкою монетою, а посредствомъ перевода или передачи находящихся въ ихъ рукахъ векселей, по произведеннымъ ими между собою или съ другими негоціантами сдѣлкамъ. Разсчеты по сдѣлкамъ, имѣвшимъ мѣсто между участниками Clearing-House, простирались въ послѣдніе годы до 1,000 милл. фунтовъ стерлинговъ, въ томъ числѣ нѣкоторыя фирмы произвели разсчеты на сумму болѣе 100 милл. фунт. стерлинговъ.

— «Екатеринославская губернія въ торговомъ и промышленомъ состояніи до войны и въ 1855 г.»—Въ этой статьѣ находятся, между-прочимъ, слѣдующія статистическія данныя: «Въ Екатеринославской губерніи бываетъ 351 ярмарка. До войны годичный оборотъ ихъ простирался по привозу товаровъ на 8.815,336 р., а по продажѣ на 3.358,423 р. Сумма купеческихъ капиталовъ доходила до 2.061,000 р. Земли подъ посѣвъ хлѣба обработывалось 831,041 де-

сятина и подъ картофель 35,271 дес.; хлѣба озимаго и яроваго засѣвалось по губерніи и Таганрогскому градоначальству 831,041 четв., снималось, при неполнѣ удовлетворительной жатвѣ, до 3.061,205 четв., картофеля до 94,327 четв. Судовъ по Днѣпру и Дону проходило до 4,165, лѣсныхъ плотовъ 771. Общая цѣнность ихъ груза простиралась до 8.182,380 р. Скотоводство состояло изъ 78,931 лошади, 608,464 штукъ рогатаго скота, 1.589,721 тонкошерстныхъ овецъ и 560,809 простыхъ, 18,036 козъ и 189,704 свиней; общее-же число всего скота 3.040,665. Таково было положеніе Екатеринославской губерніи въ хозяйственномъ и торговомъ отношеніяхъ, въ началѣ минувшей войны. Нынѣ, съ возстановленіемъ мира, оказывается слѣдующее: число ярмарокъ прежнее — 851; но годичный оборотъ ихъ уменьшился: по привозу — на 2.137,722 руб., а по продажѣ — на 1.373,312 руб. Суммы-же купеческихъ капиталовъ прибавилось на 1.084,800 р. Въ 1855, земли подъ хлѣба засѣяно и обработано болѣе 26,412 десят., а снято хлѣба 2.136,988 четв. менѣе. Картофеля посѣяно 4,653 четв. менѣе, а снято 23,516 четв. болѣе. Въ 1855 г. по Днѣпру и Дону прошло 3,018 судами и 194½ плотами менѣе. Общая цѣнность груза во время войны было не свыше 2.434,239 р. Нѣкоторыя части скотоводства получили приращеніе, въ другихъ произошла убыль, а въ общей сложности скотоводство увеличилось 116,677 штуками. Оборотъ торговли рыбою по берегу Азовскаго моря и рѣкѣ Дону доходилъ до 150,000 р., а въ 1855 г., со вступленіемъ непріятеля въ Азовское море, промыселъ этотъ совершенно прекратился. По заграничной торговлѣ, ежегодные торговые обороты г. Ростова-на-Дону и нѣкоторыхъ другихъ прибрежныхъ пунктовъ, подвѣдомственныхъ губернскому управленію, простирались на 6.678,598 р.; но въ 1855 г. торговля эта совершенно прекратилась. Годовой оборотъ городской, внутренней торговли въ обыкновенное время простирался до 10.866,770 р., а во время войны, въ 1855 г., онъ упалъ до 6.117,670 р. Въ настоящее время, торговля въ Азовскомъ морѣ начинаетъ принимать самый благопріятный оборотъ. Изъ собранныхъ свѣдѣній видно, что со времени заключенія мира, въ Ростовѣ и при Таганрогскомъ портѣ очищено пошлиною разныхъ отвозныхъ товаровъ на 17.219,881 р., привозныхъ на 1.518,240 р., — тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, почти втрое болѣе противъ 1853 года».

— «Международный конгрессъ о таможенныхъ преобразовані-

яхъ, бывшій въ Брюсселѣ, въ 1856 году».—Въ статьѣ этой, заимствованной изъ Journal des Economistes, изложено существенное содержаніе бывшихъ на конгрессѣ совѣщаній. Съѣздъ, происходившій въ Брюсселѣ 22, 23, 24 и 25 октября 1856 года, и называвшійся «международныхъ конгрессомъ таможенныхъ преобразованій», можно считать продолженіемъ конгресса экономистовъ, бывшаго въ томъ-же городѣ въ 1847 г. Созваніе этого конгресса, принадлежащее по идеѣ Ад. Ле-Гарди-де-Болье, было съ радостью принято небольшими кружками приверженцевъ свободной торговли, разсѣянными по Европѣ и остававшимися до того времени почти совершенно разъединенными. 173 человѣка, подъ предсѣдательствомъ Брукера, бывшаго министромъ и директоромъ банка (нынѣ Брюссельскаго бургомистра), участвовали въ этомъ конгрессѣ. Послѣ общихъ преній о свободной торговлѣ, конгрессъ 1847 г. занялся разсмотрѣніемъ этого вопроса въ-отношеніи: 1) къ интересамъ народовъ, 2) къ промышлености, 3) къ положенію рабочаго сословія. Всѣ эти пункты заняли три засѣданія, такъ-что на разсмотрѣніе вопроса въ-отношеніи къ государственному доходу недостало уже времени. Сущность и результатъ своихъ преній конгрессъ выразилъ слѣдующимъ образомъ: «Разсмотрѣвъ и обсудивъ послѣдствія свободной торговли вообще, равно какъ и всѣ связанные съ нею частные вопросы, конгрессъ полагаетъ, что эта свобода есть потребность человѣческаго общества, и что послѣдствіемъ ея будетъ: во-первыхъ, тѣсное сближеніе народовъ, чрезъ которое они, не дѣлаясь зависимыми другъ отъ друга, найдутъ одни въ другихъ взаимную опору; во-вторыхъ, развитіе производства и огражденіе промышлености отъ сильныхъ потрясеній, неизбѣжныхъ при стѣсненіи рынковъ запретительною системою; въ-третьихъ, улучшеніе быта рабочихъ, которое доставитъ имъ въ-замѣнъ меньшихъ усилій большее довольство; въ-четвертыхъ, уничтоженіе постояннаго источника деморализаціи». Члены конгресса 1847 г. имѣли намѣреніе, по прошествіи нѣкотораго времени, снова собраться въ Парижѣ; но событія 1848 г. помѣшали привести въ исполненіе эту мысль, которой суждено было осуществиться лишь чрезъ 9 лѣтъ и снова въ столицѣ Бельгіи. Мысль о новомъ конгрессѣ получила свое начало среди новаго Бельгійскаго общества таможенныхъ реформъ. Устройствомъ этого конгресса занимался особый комитетъ, составленный изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ этого общества, живущихъ въ Брюсселѣ.

Приглашенія этого комитета были приняты съ радостію; до 656 человѣкъ изъявили согласіе принять участіе въ конгрессѣ, и отъ 300 до 400 членовъ постоянно присутствовали въ засѣданіяхъ. Замѣчательно, что конгрессъ 1847 года состоялъ большею частію изъ экономистовъ и публицистовъ, т. е. изъ теоретиковъ, какъ выражались не безъ презрѣнія писатели-протекціонисты; въ 1856 г., напротивъ того, теоретики составляли меньшинство, большинство-же было на сторонѣ практиковъ, промышлениковъ и купцевъ. Въ 1847 г. ни правительства, ни торговыя палаты не сочли нужнымъ имѣть на конгрессѣ своихъ представителей; между-тѣмъ какъ въ международномъ собраніи 1856 г. находились уполномоченные отъ четырехъ правительствъ: Испаніи, Піемонта, Швейцаріи, Саксоніи и многихъ торговыхъ палатъ и другихъ учрежденій Англіи, Голландіи, Бельгіи и Франціи. Конгрессъ имѣлъ четыре засѣданія, съ 22 по 26 сентября, подъ предсѣдательствомъ того-же самого Берукера, который былъ предсѣдателемъ и въ 1847 году. Вопросы, подлежавшіе разсмотрѣнію конгресса, были выражены слѣдующимъ образомъ въ программѣ, объявленной при созваніи конгресса: 1) «Какія существуютъ препятствія, искусственныя или естественныя, къ распространенію торговыхъ сношеній народа, представителемъ котораго вы служите? 2) Какія предлагаются или могутъ быть предложены въ каждой странѣ практическія мѣры для уничтоженія или уменьшенія препятствій, замедляющихъ распространеніе торговыхъ сношеній съ иностранцами»? Учредительный комитетъ, считая нужнымъ болѣе развить эти вопросы, дабы ораторы могли удобнѣе ими руководствоваться въ своихъ изложеніяхъ передъ собраніемъ, установилъ слѣдующій порядокъ распредѣленія занятій: «1) Изложеніе реформъ, совершенныхъ въ различныхъ государствахъ въ послѣдніе годы. Движеніе въ общественномъ мнѣніи. Полученные результаты. 2) Разсмотрѣніе препятствій, замедляющихъ въ различныхъ государствахъ развитіе международныхъ торговыхъ сношеній. Невыгоды, проистекающія изъ этихъ препятствій. 3) Разсмотрѣніе способовъ, уже предложенныхъ, или могущихъ быть предложенными, для уничтоженія или уменьшенія препятствій, останавливающихъ таможенныя реформы. Изысканіе лучшаго способа произвести эти реформы. Разсмотрѣніе предложеній, сдѣланныхъ конгрессу. 4) Разсмотрѣніе доводовъ, приводимыхъ противъ таможенныхъ реформъ (въ-особенности, если есть какіе-нибудь новые),—доводовъ,

основанныхъ: а) на началѣ справедливости, б) на началахъ экономическихъ, в) на интересѣ народовъ, г) на интересѣ рабочихъ сословій, д) на интересѣ покровительствуемыхъ отраслей промышлености, е) на интересѣ казны». Всѣ эти вопросы не были разсмотрѣны конгрессомъ, не смотря на то, что, вмѣсто трехъ предполагавшихся засѣданій, онъ имѣлъ еще четвертое, дополнительное. Первая и большая часть втораго и третьяго засѣданій были посвящены обзорамъ таможенныхъ реформъ: ибо ораторы не всегда придерживались логическаго порядка распредѣленія занятій и часто смѣшивали въ одномъ изложеніи разные вопросы; но, не смотря на то, конгрессъ не имѣлъ времени выслушать и по первому вопросу многихъ изъ ораторовъ, и такимъ-образомъ въ его отчетъ, который будетъ напечатанъ, войдутъ разные мемуары, записки и объясненія, которыя не могли быть прочтены съ каѳедры. Остальное время занято было рѣчами касательно втораго и третьяго вопросовъ, также преніями, возникшими вслѣдствіе разныхъ предложеній. Четвертый вопросъ почти совершенно не былъ затронутъ по недостатку возраженій, и конгрессъ принялъ безъ преній заключеніе, предложенное Жозефомъ Гарнье. Общее предложеніе его, которое должно служить окончательнымъ рѣшеніемъ для конгресса, выражено такъ: «Конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы во всѣхъ государствахъ приступлено было къ общему преобразованію таможенной системы, полному или постепенному, не ожидая ни отъ кого взаимности. Конгрессъ полагаетъ, что, совершая эти преобразованія, правительства дѣйствовали-бы въ духѣ справедливости, въ общемъ интересѣ народовъ, въ общемъ интересѣ рабочихъ классовъ; даже въ духѣ самыхъ покровительствуемыхъ отраслей промышлености, наконецъ въ интересѣ своихъ собственныхъ финансовъ. Конгрессъ положительно осуждаетъ таможенныя запрещенія, домашніе или личные обыски и всю систему репресалій». Къ этому рѣшенію, по предложенію Виктора Фейде, къ словамъ: и домашніе и личные обыски, прибавлено: «и вывозныя преміи». Послѣ балотировки предложенія Жозефа Гарнье, принято также предложеніе сенатора Кожельса касательно упрощенія и приведенія къ большему единообразію таможенныхъ законодательствъ».

— «Русская промышленость и торговля въ XVI вѣкѣ».—Свѣдѣнія, изложенныя въ этой статьѣ, заимствованы изъ лѣтописей, актовъ и другихъ достовѣрныхъ историческихъ источниковъ.

Между городами и селами въ древней Россіи, въ промышленномъ отношеніи, не было большаго различія: жители городовъ занимались хлѣбопашествомъ, съ другой стороны — сельскіе жители, крестьяне раздѣлялись на пахатныхъ и не пахатныхъ; къ послѣднимъ причислялись сапожники, портные и т. п. Первоначальная промышленость въ описываемое время распространилась вслѣдствіе пріобрѣтенія новыхъ странъ на востокѣ и населенія незанятыхъ еще тамъ дикихъ пространствъ; особенно распространилось рыболовство вслѣдствіе пріобрѣтенія низовьевъ Волги, гдѣ оно производилось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Соляная промышленость распространилась вслѣдствіе занятія Строгоновыми дикихъ при-Камскихъ земель и вслѣдствіе пріобрѣтенія Астрахани, въ 30 миляхъ отъ которой находиласьископаемая соль. Въ описываемое время селитра выдѣлывалась на Бѣлоозерѣ; выдѣлка производилась отъ казны, но въ 1582 г. Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь получилъ право поставить ямчужный анбаръ и возить селитру всею Кирилловскою вотчиною на соху по два пуда, всего 38 пудовъ; это количество селитры доброй, перепущенной, которая бы къ ручному зелью годилась, монастырь обязанъ былъ присылать въ Москву, въ пушечный приказъ. Въ Двинской области, около Емецкаго яма, жители выдѣлывали много смолы и золы. Въ XVI в. между Русскими людьми мастерства процвѣтали болѣе въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ въ Москвѣ. Не смотря на это, Русскихъ мастеровъ было очень недостаточно, что видно изъ грамоты царя Іоанна въ 1556 г. къ Новгородскимъ дьякамъ. Пріобрѣтеніе Казани и Астрахани усилило нашу торговлю на востокѣ. Въ договорахъ съ Швеціею, Даніею и Англіею видимъ мы со стороны Московскаго правительства попытки завести дѣятельную торговлю съ западными государствами. При заключеніи мира съ Швеціею, царь Іоаннъ далъ право Шведскимъ купцамъ ѣздить не только въ Москву, Казань и Астрахань, но чрезъ Россію въ Индію и Китай, съ условіемъ, чтобы и Русскимъ купцамъ позволено было ѣздить изъ Швеціи въ Любекъ, Антверпенъ и Испанію. Въ договорѣ съ королемъ Датскимъ, выговорена была Русскимъ купцамъ свободная торговля во всѣхъ городахъ Датской земли, «а меклеромъ и веркоперомъ по обѣ стороны отнюдь у нихъ не быть; пошлины платить, какъ гдѣ обычай въ которой землѣ. Которые наши купцы и гости, Русь и Нѣмцы поѣдутъ изъ Копенгагена въ заморскія страны съ товаромъ, или заморскихъ госу-

дарствъ купцы поѣдутъ мимо Датскаго королевства морскими воротами, проливомъ Зундомъ, то король долженъ ихъ пропускать». Голланды имѣли свой дворъ въ Новгородѣ и торговали безпошлинно; потомъ за какіе-то противузаконные поступки потеряли льготы и снова возвратили ихъ, заплативъ 30 тысячъ рубл. Изъ переговоровъ царя съ Англійскимъ посломъ Боуесомъ мы узнаемъ, что къ извѣстнымъ сѣвернымъ гаванямъ приходили Французскіе купцы и какой-то купецъ изъ Антверпена — Бѣлобородокъ. Но всего болѣе извѣстій мы имѣемъ объ Англійской торговлѣ во времена Іоанна IV. Самымъ значительнымъ по торговлѣ городомъ въ описываемое время продолжалъ быть Новгородъ Великій: хотя государь утвердилъ свой столъ въ Москвѣ, пишутъ Англичане, однако удобство водяныхъ сообщеній и близость моря заставляютъ купцовъ посѣщать Новгородъ предпочтительно предъ Москвою. Главные товары, которыми Новгородъ производилъ торговлю, были: превосходный ленъ, пенька, кожи, медъ и воскъ; двумя послѣдними производилъ торговлю также Псковъ. Послѣ Новгорода и Пскова важными торговыми городами были Ярославль и Вологда. Главными препятствіями къ развитію Русской торговли въ XVI вѣки были: 1) громадность разстояній и неудобства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, невозможность лѣтняго пути иначе, какъ водою; 2) пустынныя дороги не были безопасны; 3) множество внутреннихъ таможенъ, число которыхъ еще увеличилось вслѣдствіе учрежденія опричнины, и 4) обычай жаловать монастырямъ право на безпошлинную торговлю».

— «Налогъ на доходы».—Эта статья заимствована изъ исторіи налоговъ на доходы, соч. Парье. Парье изучилъ основательно свой предметъ, начавъ съ Греческихъ республикъ и доведя его до финансоваго положенія главныхъ современныхъ націй. Послѣ революціи 1848 г. много говорили о налогахъ на капиталы и доходы. Съ тѣхъ-поръ онъ принятъ уже въ Германіи, учреждается въ Англіи и въ центрѣ сѣверной Европы; но во Франціи имѣютъ къ нему отвращеніе, которое, вѣроятно, пройдетъ со временемъ. Парье собралъ множество любопытныхъ документовъ и представилъ ихъ въ самомъ занимательномъ видѣ.

— «Промышленость и ея ограниченія во внѣшней торговлѣ»— замѣчательная статья, написаная по поводу изданія IV тома соч. Тенгоборскаго: «Etudes sur les forces productives de la Russie». Въ этомъ томѣ заключаются изслѣдованія о внѣшней торговлѣ



Россіи. Статья эта еще не кончена: въ ней изложенъ только, въ историческомъ порядкѣ, споръ между приверженцами свободной торговли и ихъ противниками. Н. Х. Бунге, въ настоящей статьѣ, какъ и въ другихъ своихъ трудахъ по политической экономіи и статистикѣ, съ замѣчательною ясностью и знаніемъ дѣла объяснилъ значеніе и цѣли меркантильной и охранительной системъ политической экономіи относительно внѣшней торговли, равно-какъ и характеръ ученія и стремленія приверженцевъ свободы промышлености. Личное мнѣніе автора относительно этого предмета состоитъ въ томъ, что «пониженіе таможенныхъ пошлинъ можетъ принести пользу только тогда, когда оно сопровождается мѣрами, клонящимися къ освобожденію промышлености вообще и къ преобразованію устарѣлой системы».

—«Взглядъ на промышленость и торговлю Россіи».—Авторъ, сказавъ нѣсколько словъ о томъ, «что ни одно обширное государство не можетъ оставаться чисто-земледѣльческимъ, не обрекши себя на вѣчное невѣжество», и объяснивъ послѣдствія вліянія, которое охранительная система имѣла на промышленость Европейскихъ государствъ, приходитъ къ тому убѣжденію, что, относительно промышлености, надо предоставить дѣятельности правительства только то, что̀ превышаетъ силы частныхъ лицъ или обществъ. «Придерживаясь этого правила, говоритъ онъ, 1) дѣятельность правительства по предмету народной промышлености будетъ уменьшаться по мѣрѣ того, какъ самъ народъ станетъ болѣе радѣть о своихъ выгодахъ; 2) она будетъ ограничиваться, во всякомъ случаѣ, подготовленіемъ почвы, на которой могла-бы укорениться и рости промышленость, поддерживая ее, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, прямыми пособіями; 3) въ тѣхъ государствахъ, которыя соединяютъ въ себѣ всѣ условія къ успѣшному развитію промышлености вообще, было-бы совершенно неправильно принимать мѣры для введенія или поддержанія какой-либо новой отрасли: ибо еслибъ она была свойственна странѣ, то привилась-бы и безъ пособія правительства. Такъ, на прим., таможенное покровительство, которое впродолженіе многихъ лѣтъ было оказываемо въ Англіи шелковой промышлености, отставшей отъ большей части другихъ промысловъ въ Великобританіи, не имѣетъ никакого основанія: ибо, еслибъ она была сподручна Англичанамъ, то нѣтъ причины не развиваться ей тамъ подобно другимъ промысломъ. Иное дѣло въ краѣ новомъ, только-что возникающемъ. Тамъ всякое новое

предпріятіе встрѣчаетъ еще столько препятствій, что можетъ нуждаться въ помощи правительства. Защитники охранительныхъ тарифовъ ссылаются на исторію всѣхъ Европейскихъ государствъ, ибо всѣ, за исключеніемъ Швейцаріи, считали нѣкогда долгомъ употреблять насильственныя мѣры для водворенія у себя разнаго рода промысловъ, и всѣ въ этомъ успѣли въ большей или меньшей мѣрѣ; но нельзя доказать, что успѣхъ соразмѣрялся съ поощрительными мѣрами правительствъ, а еще менѣе, что безъ этихъ мѣръ не было-бы въ Европѣ фабрикъ и заводовъ. Есть однако одно государство въ Европѣ, которое находится въ совершенно-исключительномъ положеніи и къ которому не вполнѣ могутъ быть примѣнены вышеизложенныя правила. Государство это—Россія, и причина ея особеннаго положенія состоитъ: 1) въ естественныхъ ея недостаткахъ, 2) въ недавнемъ ея присоединеніе къ кругу Европейскихъ народовъ и 3) въ томъ особенномъ положеніи, которое заняло у насъ правительство, со времени Петра Великаго. По этимъ причинамъ Россія вынуждена ибрать особый путь, дабы когда-либо поравняться съ западною Европою, если не въ вещественныхъ богатствахъ, то во-крайней-мѣрѣ въ тѣхъ удобствахъ жизни и въ томъ нравственномъ развитіи, которое на западѣ было естественнымъ слѣдствіемъ общаго благосостоянія. Для этого не можетъ она не прибѣгать иногда къ мѣрамъ насильственнымъ, тѣмъ-болѣе, что ей предстоитъ не только преодолѣвать, на пути своемъ, болѣе трудностей, чѣмъ государствамъ, щедрѣе одареннымъ природою, но что и время, предоставленное ей для достиженія одинаковой съ Европою цивилизаціи, несравненно короче того, которымъ пользовался западъ: ибо Россія не далѣе, какъ полтораста лѣтъ тому назадъ, вырвалась изъ объятій востока и пристала въ Европѣ. Она нашла у Европейскихъ народовъ цивилизацію, уже выработавшуюся впродолженіе многихъ вѣковъ; ей оставалось во многихъ отношеніяхъ только присвоивать себѣ результаты. Внѣ возможности развиваться самостоятельно, Россія должна была подражать чужому и догонять сосѣдей. На этомъ пути правительство шло, и должно было идти впереди народа, руководя его на новомъ поприщѣ и сдѣлавшись посредникомъ между народомъ Русскимъ и западомъ, — сдѣлавшись проводникомъ европеизма. По внимательномъ разсмотрѣніи положенія и условій нашей промышлености, нельзя не признать, что мѣры поощрительныя у насъ болѣе умѣстны, чѣмъ во всякой другой странѣ.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что отдѣльные промыслы, съ техническими ихъ пособіями, служатъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для распространенія образованія во всѣхъ слояхъ народа и для напряженія умственныхъ его силъ, и что цѣль его достигается тѣмъ скорѣе, чѣмъ совершеннѣе и сложнѣе производство. Одна издѣльная промышленость въ-состояніи создать большіе центры населенія и потребленія, и дать высокую цѣну, а вмѣстѣ съ тѣмъ добротность произведеніямъ. Мануфактурамъ своимъ Англія обязана тѣмъ, что четвертая часть населенія почти достаточно можетъ снабжать хлѣбомъ и скотомъ остальныя части населенія, тогда-какъ въ Россіи $^9/_{10}$ всего народа занимаются земледѣліемъ, отправляя за границу не болѣе 30 и 35-й части производимаго ею хлѣба. Изъ этого положенія ясно усматривается, что Россія нуждается болѣе всякой другой страны въ увеличеніи числа мѣстныхъ потребителей своихъ земледѣльческихъ произведеній, тѣмъ болѣе, что отправленіе ихъ за границу въ первобытномъ ихъ видѣ всегда окажется труднымъ по дальности разстояній. Наконецъ продолжительность зимы заставляетъ особенно желать, чтобы на это время открывался сельскому населенію случай для заработокъ. Таковы причины, придающія въ Россіи особенное значеніе отдѣльнымъ промысламъ, и оправдывающія употребленіе поощрительныхъ въ пользу ихъ мѣръ; но мѣры эти были, къ-сожалѣнію, приняты безъ должнаго разбора, и трудно теперь исправить ошибки прежнихъ временъ. Съ этою цѣлью, однако, тарифъ 1822 г. измѣненъ уже въ 1850 и 1854 годахъ, и со-временемъ подвергнется еще новому пересмотру; но, вызвавъ разными поощреніями новыя фабрики, не имѣющія достаточно жизненности, правительство, какъ можно надѣяться, не лишитъ ихъ вдругъ всякаго покровительства. Было-бы даже несправедливо требовать отъ фабрикантовъ Русскихъ, чтобы они состязались съ иностранцами, пока не будутъ устранены тѣ препятствія, которыя мѣшали у насъ всякому успѣху. Съ-другой-стороны, потребители были-бы вправѣ жаловаться, что ихъ заставляютъ выносить на своихъ плечахъ такія отрасли промышлености, которыя имѣютъ будущность весьма дальнюю и поддержаніе которыхъ сопряжено съ пожертвованіями, не соотвѣтствующими ожидаемой отъ нихъ пользѣ. Изъ этого запутаннаго положенія нельзя иначе выйдти, какъ принявшись сперва за устраненіе, по-возможности, всѣхъ препятствій и преградъ, затрудняю-

щихъ развитіе промышлености, и замѣною потомъ, для не окрѣпнувшихъ еще промысловъ, убыточнаго тарифнаго покровительства другими пособіями. Съ установленіемъ пошлинъ финансовыхъ вмѣсто охранительныхъ, имѣющихъ противуположную цѣль, и потому совершенно несовмѣстныхъ, доходы казны столь быстро увеличатся, что она въ-состояніи будетъ изъ нихъ производить пособія и вознагражденія наиболѣе пострадавшимъ отъ измѣненія тарифной системы».

— «Современное положеніе кредитныхъ учрежденій въ Европѣ и Америкѣ».—Въ нашъ вѣкъ, когда кредитъ содѣлался однимъ изъ могущественнымъ орудій для совершенія великихъ общественныхъ предпріятій; когда народы, не смотря на ихъ племенныя отличія и различныя историческія обстоятельства, нашли въ этомъ новомъ двигателѣ средства сближенія для повсемѣстнаго распространенія благосостоянія,—настоящая статья составляетъ значительное пріобрѣтеніе Русской ученой литературы: въ этой статьѣ изложены, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, главныя средства и способы дѣйствій современныхъ кредитныхъ учрежденій и разсмотрѣны тѣ услуги, которыя приносятъ эти учрежденія. Чтобы сколько возможно удовлетворительнѣе рѣшить задачу и выяснить зависимость успѣховъ промышленыхъ предпріятій отъ тѣхъ пособій, которыя получаютъ они изъ кредитныхъ учрежденій, авторъ расположилъ свое обозрѣніе въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) разсмотрѣлъ, какія именно кредитныя учрежденія и банки существуютъ въ главныхъ государствахъ Европы и Америки: въ Германскомъ союзѣ и Австріи, въ Бельгіи, Франціи, Великобританіи, Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ штатахъ и наконецъ и Россіи, и до какихъ размѣровъ простираются средства, которыми располагаютъ они для своихъ операцій; 2) объяснилъ различія въ устройствѣ иностранныхъ банковъ, способы ихъ дѣйствій и общее значеніе производимыхъ ими операцій, и наконецъ 3) указалъ размѣры, до которыхъ простираются банковыя операціи въ каждомъ изъ разсматриваемыхъ государствъ и въ какой степени и какія именно операціи способствуютъ нынѣ наиболѣе развитію промышленыхъ операцій. При этомъ онъ не оставилъ безъ замѣчаній и оцѣнки какъ главныхъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на особенности устройства и современнаго развитія банковъ въ разныхъ странахъ, такъ и соотвѣтственности операцій съ потребностями промышлености и съ устройствомъ тѣхъ или другихъ кре-

дитныхъ учрежденій. Вотъ общій перечень главныхъ средствъ кредитныхъ установленій:

Банки.	Основные и резервн. капиталы.	Вклады.	Собственные билеты.	Итого.
Германіи собственно:				
5 депозитныхъ и 13		миллі	оновъ:	
оборотн. банковъ. .	46	49	39	134
Австріи:				
Національный банкъ.	42	»	248	290
Учетное общество. .	3	1	»	4
Crédit mobilier.	39	»	»	?
Бельгіи (3 банка). . .	27	19	30	»
Франціи:				
Французскій банкъ. .	26	48	157	231
Учетная контора. . . .	5	64,4	»	11,4
Crédit mobilier.	15,4	25	»	40,4
Великританіи:				
Англіи.	94	100	120—150	310—350
Шотландіи.	77,4	175	28	280
Ирландіи.	»	»	45,7	?
Сѣверо - Американск.				
соединен. штатовъ.	400	200	300	900
Россіи.	135	925	»	1060

— «Почты во Франціи».—«Во Франціи въ послѣдніе двадцать лѣтъ устройство почтъ быстро усовершенствовалось по двумъ слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, къ нимъ примѣнили великое правило политической экономіи, научащее, что умѣренныя пошлины доставляютъ наиболѣе дохода; во-вторыхъ, примѣненіе пара къ судоходству и къ ѣздѣ по сухому пути измѣнило условія пересылки писемъ, также какъ и всякихъ другихъ предметовъ. Въ 1856 г. за пересылку простыхъ писемъ получено 48 милл. доходу, котораго въ 1847 г. было только 45 милліоновъ. Количество пересылаемыхъ писемъ удвоилось: съ 126 милліоновъ оно поднялось до 252 милл. Еще значительнѣе увеличилась пересылка писемъ съ деньгами. Въ 1847 г. ихъ было 176,000, а въ 1855 г. 655,000. Соразмѣрно съ этимъ возвысился и доходъ, такъ-что, не смотря на пониженіе платы, онъ превысилъ прежніе сборы при дорогой платѣ. Въ послѣднее время почтовое управленіе приняло еще но-

выя мѣры для облегченія и усовершенствованія пересылки писемъ. Плата за пересылку писемъ вездѣ понижена. Равнымъ образомъ съ векселей и дѣловыхъ бумагъ установлена весьма умѣренная такса, а оттого ихъ пересылается весьма много по почтѣ. Наконецъ уменьшена плата и за пересылку журналовъ и книгъ, которыхъ по этой причинѣ начинаютъ разсылать гораздо болѣе прежняго. Все это увеличитъ обращеніе журналовъ и книгъ и усилитъ государственный доходъ. За пересылаемыя по почтѣ деньги, въ прежнее время, взимали по 5 процентовъ; въ 1846 г., опредѣлено взимать только 2 процента. Сначала отъ этого доходы уменьшились: прежде съ этой статьи они простирались до 1.095,000 фр., а въ 1847 г. понизились до 795,000 фр.; но вскорѣ послѣ того опять возрасли до 1.777,000 фр., не считая сборовъ, получаемыхъ за отсылку денегъ въ Алжирію».

VI. Географія, этнографія и путешествія.

Въ «Вѣстникѣ» Императорскаго Русскаго географическаго Общества помѣщены статьи: *Отчетъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества за* 1856 *годъ* (№ 1); *Обзоръ главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій, совершенныхъ въ пятилѣтіе съ* 1848 *по* 1853 *годъ*. IV. *Америка.* (Оконч.). V *Полинезія*, К. Ѳ. Свенске (ibid. и № 2); *Крымскіе Татары*, г. Радде (№ 1); *Зобъ и кретинизмъ въ Нерчинскомъ округѣ*, В. В. Деринкера (ibid.); *Очерки Константинополя*, Г. С. Дестуниса (ibid. № 2); *Засѣданія королевскаго географическаго Общества въ Лондонѣ*, 23 *февраля и* 14 *марта* 1857 *года* (№ 1); *Египетская экспедиція къ источникамъ Бѣлаго Нила* (ibid.); *Письма Леопольда Шренка къ г. непремѣнному секретарю академіи наукъ, отъ* 3 *мая и* 15 *ноября* 1856 *года* (ibid.); *Восхожденіе на Чимборазо*, 21 *іюля* 1856 *года* (ibid.); *Описаніе большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ*, Б. П. Васильева (№ 2); *Обзоръ главнѣйшихъ иностранныхъ географическихъ, этнографическихъ и статистическихъ изданій за* 1856 *годъ* (съ мая по декабрь), А. Б. фонъ-Бушена (ibid.); *Нѣсколько словъ о шелководствѣ въ Россіи и о географическомъ распространеніи бѣлой шелковицы* (morus alba), Фаренколя (ibid.); *О мѣстонахожденіи свинцоваго блеска въ золотыхъ розсыпяхъ Енисейской системы*, Версилова (ibid.); *Нѣкоторыя особенности Аккерманскихъ Молдаванъ*, священника І. Енакіевича (ibid.).

— «Полинезія». — О природныхъ жителяхъ Австраліи авторъ приводитъ свидѣтельства трехъ Англійскихъ путешественниковъ, далеко углублявшихся внутрь материка и состоявшихъ съ туземцами въ самыхъ многоразличныхъ сношеніяхъ. Вотъ что, между прочимъ, говорятъ эти путешественники. Серъ Томасъ *Митчель:* «Нѣтъ ни одного предмета, связаннаго съ Австраліею, который былъ-бы менѣе понимаемъ въ Англіи, какъ характеръ и состояніе ея природныхъ жителей. Ихъ описывали существами, самыми низшими въ средѣ человѣчества; а я, напротивъ-того, нашелъ, что тѣ изъ нихъ, которые сопровождали меня, въ проницательности и здравомъ смыслѣ превосходили бѣлыхъ моей партіи». *Эйръ*: «Характеръ Австралійскаго уроженца былъ доселѣ такъ постоянно искажаемъ и описываемъ съ такой дурной стороны, что въ цѣломъ свѣтѣ его считали за самое низкое существо человѣческое, стоящее лишь немногимъ выше скота. Дикари всегда имѣютъ много пороковъ; но я не полагаю, чтобы они были въ Австралійцѣ хуже, чѣмъ во многихъ другихъ необразованныхъ племенахъ. Говорятъ, что Австраліецъ — неисправимое тупое созданіе, что онъ жестокъ, кровожаденъ, мстителенъ и вѣроломенъ, и въ подпору всѣхъ этихъ утвержденій ссылаются на то, что доселѣ всѣ усилія миссіонеровъ къ ихъ обращенію были неудачны, и что дикари дозволяютъ себѣ много жестокостей и нападеній противъ поселенцевъ. Касательно перваго пункта, я считаю, что, прежде нежели можно составить себѣ вѣрное понятіе о томъ, до какой степени были соотвѣтственны съ цѣлью тѣ мѣры, которыя доселѣ принимались на-счетъ ихъ, необходимо глубже вникнуть въ особенные обычаи, законы и преданія, которыми управлялся этотъ народъ. Пока это познаніе не будетъ пріобрѣтено, мы не въ-правѣ клеймить ихъ неисправимыми неучами. А что касается втораго пункта, то, прежде вывода справедливыхъ заключеній, необходимо еще навести много справокъ, и я не сомнѣваюсь, что если это будетъ сдѣлано съ спокойствіемъ и безъ предубѣжденія, то найдутся многія смягчительныя обстоятельства, которыя должны во многомъ измѣнить наши о нихъ сужденія. Даже въ нынѣшнемъ столь низкомъ состояніи дикарей и при всей невыгодности для нихъ обстоятельствъ, я не полагаю, чтобы ихъ недостатки были вообще превыше, или ихъ страсти злѣе, чѣмъ у большей части такъ-называемыхъ образованныхъ людей. Напротивъ, я того мнѣнія, что Европейцы, поставленные въ такія-же обстоятельства, не явили-бы и половины

той умѣренности и того воздержанія, какъ эти бѣдныя необученыя чада природы оказываютъ противъ насъ неизмѣнно». Справедливость сказаннаго Эйромъ вполнѣ подтверждаетъ капитанъ *Стортъ*, извѣстный своею смѣлою экспедиціею въ самую внутренность Австраліи. Съ физической стороны такъ описываетъ Эйръ Австралійскаго туземца: «Тѣло его хорошо сложено и мускулёзно. Ростъ его отъ 5 до 6 Англ. футовъ, и руки и ноги очень пропорціональны. Передняя часть черепа довольно развита, и лицевой уголъ менѣе остръ, чѣмъ у черныхъ племенъ; губы толсты и зубы обыкновенно хороши. Шея коротка и иногда толстовата; руки и ноги маленькія и красивыя, но послѣднія безъ икръ. Впрочемъ, иные туземцы, въ верховьяхъ Муррая, не лишены ихъ. У мужчинъ грудь красивая, широкая и глубокая, что есть признакъ большой силы. Держатся они очень прямо и имѣютъ поступь легкую и осанку видную. Глаза вообще большіе, черные и выразительные. Въ своихъ родныхъ лѣсахъ Австраліецъ является передъ Европейцемъ съ неустрашимостью, и его непринужденный образъ наблюденія, равно-какъ и пристойная походка, придаютъ ему вполнѣ видъ настоящаго первобытнаго владѣльца».

— «Описаніе большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ». — Описаніе это переведено съ Китайскаго языка, изъ сочиненія: *Шуй-дао-ти-ганъ* (полное обозрѣніе теченія водъ, находящихся въ Китайскихъ владѣніяхъ), составленнаго въ 1761 году однимъ ученымъ (Чжай-шао-нан'емъ), участвовавшимъ въ составленіи географіи Дайцинъ-И-тунъ-чжи, и слѣд. имѣвшимъ подъ рукой всѣ возможные матеріалы. Для Китая собственно подобныя описанія не рѣдкость; но что касается до Монголіи и Маньчжуріи, то это единственный и исключительный источникъ. Такихъ подробностей, какъ здѣсь, нельзя встрѣтить ни въ одной географіи. Конечно, можетъ-быть, вкрались ошибки, особливо, когда авторъ говоритъ объ отдаленныхъ мѣстностяхъ, о которыхъ онъ составлялъ описанія, какъ самъ говоритъ, только со словъ туземцевъ. Въ настоящее время Амуръ не составляетъ для насъ уже тайны. Между-тѣмъ большія рѣки, въ него впадающія: Кэрулэнь, или Аргунь, Сунгари, или Кунь-тунъ-цзянъ и Усури, до-сихъ-поръ намъ еще неизвѣстны. Есть вѣроятіе заключать, что авторъ говоритъ здѣсь притомъ съ большой достовѣрностью, потому-что мѣстность болѣе доступна Китайцамъ, и если есть промахи, которыхъ мы пока не можемъ исправить, такъ они вознаграждаются, по-крайней-мѣрѣ,

подробностями, которыхъ мы и не подозрѣвали. Какъ ни утомительно настоящее описаніе, но оно сообщаетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія не только касательно всѣхъ изгибовъ теченія рѣкъ, но и направленія горъ».

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ, относительно географіи и этнографіи нашего отечества, мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Осенніе промыслы Зырянъ въ Вологодской губерніи* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 1), *Бакчисарай.* Отрывокъ изъ походныхъ замѣтокъ Н. Берга (Библ. для чт. № 1); *Нравы и обычаи Украинскихъ Чумаковъ.* Очерки четырехъ временъ года въ Малороссіи, Гр. Данилевскаго (ibid. № 3 и 4); *Аянъ.* Замѣтки изъ памятной книжки на Сибирскихъ станціяхъ, Н. Гончарова (ibid. № 4); *Сельская свадьба въ Малмыжскомъ уѣздѣ*, С. М. Осокина (Совр. № 1); *Севастополь и его окрестности въ настоящее время*, Д. М. Афанасьева (ibid. № 3); *Бѣглый очеркъ Камчатки* (От. зап. № 2); *Бѣглый очеркъ Кавказа* (ibid. № 4); *Черноморскія письма*, Н. И. Воронова (Руск. Вѣстн. № 1, 6 и 7); *Воспоминанія о Кутаисѣ*, Н. А. Окольничаго (ibid. № 7 и 8); *Цѣпной мостъ черезъ Днѣпръ у Кіева* (Жив. Сборн. № 2); *Эстляндія, нравы и обычаи ея жителей* (ibid. № 3); *Нѣсколько словъ о теченіи рѣки Маныча* (С. Пб. Вѣд. № 48); *Посѣщеніе Таншн* (ibid. № 59); *Общій взглядъ на Севастополь въ исходѣ сентября* 1856 *года*, Заводовскаго (Русск. Инв. № 2); *Звѣроловство въ Тарскомъ округѣ*, Григорія Колмогорова (ibid. № 74 — 77); *Новый годъ и святки*, В. И. Серебреникова (Моск. Вѣд. № 1); *Заволжская часть Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.* I. *Бытъ обитателей.* II. *Собираніе статистическихъ и другихъ свѣдѣній.* III. *Промышленость.* IV. *Лѣса.* V. *Заветлужскіе Черемисы сѣверной половины Макарьевскаго уѣзда.* VI. *Лѣсной пожаръ.* VII. *Простонародный взглядъ на повѣрки конторъ и на самыхъ ревизоровъ, присылаемыхъ отъ господъ для этихъ повѣрокъ.* VIII. *Еще о промыслахъ.* IX. *Воды и торговля на нихъ.* X. *Дороги.* XI. *Повѣрья*, гр. П. С. Толстаго (ibid. № 3, 4, 7, 36, 44 и 50); *Поправки къ статьямъ моимъ, помѣщеннымъ въ первыхъ нумерахъ Московскихъ Вѣдомостей текущаго года*, его-же (ibid. № 40); *Александровскъ.* Изъ путевыхъ замѣтокъ (Одесск. вѣстн. № 21); *Историческія замѣтки объ Одесскомъ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ* (ibid. № 35); *Украинскія письма къ П. А. Кулишу отъ М. А. Максимовича* (Русск. бес. № 1); *Воспоминаніе о Богданѣ Хмѣльницкомъ*, его-же

(ibid.); *Картины Сибири*, Н. Щукина (Золот. Руно № 1, 2 и 3); *Уральскій хребетъ* (ibid. № 3); *Тунгусы*, Н. Щукина (ibid. № 9, 10 и 11); *Рѣка Чусовая и Усть-Уткинская на ней пристань* (ibid. № 11, 12, 13 и 14); *Бытъ Сибирскаго крестьянина* (ibid. № 15); *Краткое описаніе рѣки Сыръ-Дарьи отъ форта Перовскій до устьевъ*, Алексѣя Бутакова (Морск. сборн. № 3).

— «Воспоминанія о Кутаисѣ». — Настоящая статья едва-ли не первая по времени, въ которой описана Кутаисская губернія въ историческомъ, географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. До-сихъ-поръ, по-крайней-мѣрѣ, Кутаисскій край, для большинства образованныхъ людей, былъ terra incognita; теперь-же, благодаря труду г. Окольничаго, можно составить себѣ вѣрныя понятія объ этомъ краѣ. Статья раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) историческій очеркъ, 2) раздѣленіе и топографія страны, 3) пути сообщенія, 4) климатъ и произведенія, 5) народъ, 6) Сванетія и Самурзаканъ и 7) города. Вотъ, что, между-прочимъ, говоритъ авторъ о климатѣ и произведеніяхъ Кутаисской губерніи: «Мало странъ на свѣтѣ, которыя представляли-бы такое разнообразіе въ климатѣ, какъ Кутаисская губернія; кажется, что въ ней соединились климаты всѣхъ широтъ земли, отъ гиперборейскаго и до тропическаго включительно. Въ то время, какъ горы ея, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, представляютъ оцѣпенѣніе и безжизненность странъ полярныхъ, долины цвѣтутъ самыми нѣжными и роскошными произведеніями. Стоитъ только сдѣлать верстъ 12 въ гору, и вы изъ знойнаго юга переноситесь въ суровый сѣверъ со всѣми мрачными его аттрибутами. Лѣтомъ въ ней господствуютъ преимущественно юго-восточные и западные вѣтры; отъ сѣверныхъ она защищена стѣною Кавказа. Восточные вѣтры, проникая изъ Карталиніи, производятъ въ воздухѣ нѣкоторое удушье; но, къ-счастію, они никогда не бываютъ продолжительны, и подобный вѣтеръ, дующій постоянно болѣе недѣли, есть уже рѣдкое явленіе. Напротивъ, вѣтеръ западный (съ моря), наполняетъ воздухъ влагою; небо покрывается тучами, и дождь въ изобиліи падаетъ на землю. Эти перемѣны бываютъ довольно часто, отчего лѣто въ Имеретіи не такъ знойное, какъ въ Грузіи, гдѣ впродолженіе двухъ, трехъ мѣсяцовъ на небѣ не является ни одного облачка. Весна и осень — здѣсь самыя пріятныя времена года; еще конецъ весны бываетъ иногда жарокъ, но осень — всегда восхитительна. Зима есть рядъ дождей (снѣгъ бываетъ

рѣдко и то на короткое время), льющихся почти безпрерывно въ теченіе декабря, января, а иногда и марта). Лучшіе мѣсяцы въ краѣ — февраль, половина марта, апрѣль, первая половина мая, сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ остальные лѣтніе мѣсяцы бываютъ сильные жары, въ осенніе и зимніе — дожди. На здоровье здѣшній климатъ оказываетъ различное вліяніе, смотря потому, гдѣ вы находитесь: въ Кутаисѣ воздухъ влаженъ и заключаетъ въ себѣ отчасти всѣ зародыши лихорадки; но при нѣкоторой осторожности онъ почти безвреденъ и притомъ величайшій врагъ чахотки. Бывали примѣры, что чахоточные, одержимые этою болѣзнію, выздоравливали единственно при пособіи климата; тѣмъ далѣе вы поднимаетесь въ Имеретію, тѣмъ климатъ становится умѣреннѣе и благотворнѣе. На плоскости Ріона онъ почти нездоровъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ убійственъ, особенно у прибрежья моря. Причина послѣдняго заключается въ томъ, что почти вся долина Ріона покрыта сплошными лѣсами, изъ коихъ нѣкоторые, называемые здѣсь *садами* (ибо нѣтъ дерева, около котораго не вилась-бы виноградная лоза), расчищены, и по нимъ можно ѣздить во всѣхъ направленіяхъ; другіе-же, напротивъ, такъ густы, что не вездѣ проберется и пѣшій человѣкъ. Эта сильная растительность, проявляющаяся въ видѣ кустарниковъ, а болѣе — ползучихъ растеній, совершенно заглушаетъ лѣсъ, препятствуетъ деревьямъ достигать надлежащей толстоты и служитъ одною изъ главныхъ причинъ зловредности климата. Господствующія здѣсь болѣзни — кровавые поносы, тифы и преимущественно лихорадки, обыкновенно оканчивающіяся брюшными завалами, и все отъ того, что край заглохъ отъ отсутствія труда и дѣятельныхъ рукъ. Прибрежье моря особенно славится своими лихорадками. Оно почти необитаемо, кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ, лежащихъ на самомъ берегу, какъ напр. Редутъ-Кале, Анаклія, Поти и проч. Особенно нездорова Поти: вблизи ея находится озеро Палеостомъ съ стоячею и въ высшей степени вредною водою. Кутаисская губернія изобилуетъ самыми роскошными дарами природы. Прибрежье моря покрыто лавромъ, пальмой, масличными, гранатовыми, фиговыми, квитовыми деревьями, цвѣтущими и душистыми кустами и милліонами колоссальныхъ рододендроновъ, вышиною въ нѣсколько саженъ; наконецъ во многихъ мѣстахъ видны пни лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, а на Ингурѣ и самыя деревья. Далѣе непроходимые лѣса сладкихъ каштанни-

ковъ и орѣшниковъ всѣхъ сортовъ, обвитыхъ вѣчно-неувядающею, зеленою сѣтью плюща и другихъ вьющихся растеній, и чѣмъ выше къ горамъ, фруктовые лѣса превращаются въ безконечные виноградники, въ которыхъ каждое дерево служитъ подпорой безконечно-длинной, вѣковой лозѣ. Съ каждымъ шагомъ вверхъ, природа и климатъ измѣняются, и горы уже носятъ на себѣ печать сѣвера далѣе и далѣе, до царства вѣчныхъ снѣговъ. Подножье горъ покрыто гигантскими кустами благоухающихъ рододендроновъ; за ними вверхъ: кизилъ, башмала, самшитъ, каштанъ, крылатый орѣшникъ, липы, тополь, дубъ, ольха, сосна, ель, береза, Альпійскія растенія, и наконецъ рододендронъ опять вѣнчаетъ растительность, составляя первую и послѣднюю ея ступень. На поляхъ произрастаетъ, въ низовьяхъ: кукуруза, хлопчатая бумага и гоми — родъ сарацынскаго пшена, которое отваривается на водѣ на-манеръ густой каши и въ такомъ видѣ употребляется туземцами вмѣсто хлѣба; овощей совершенно нѣтъ по причинѣ сырости почвы; далѣе, въ мѣстахъ возвышенныхъ, родится ячмень, просо, рожь, овесъ, конопля, ленъ и проч. Здѣшній виноградъ славится, и добываемое вино могло-бы поспорить съ знаменитыми Кахетинскими винами, еслибъ только на обработку его было обращено хотя малѣйшее вниманіе. Какъ въ Гуріи, такъ въ Мингреліи и Имеретіи очень много сортовъ винъ; но преимущественно пользуются извѣстностію вина *Саджевахскія* и особенно Мингрельское вино *оджалеши*, которое съ чрезвычайно пріятнымъ вкусомъ соединяетъ въ себѣ достаточную крѣпость. Въ имѣніи княгини Мельники Дадьянъ есть вино, скорѣе похожее на сокъ, но удивительнаго вкуса. Въ низменной части большой недостатокъ въ лугахъ, отчего здѣшніе мужики почти не имѣютъ стадъ; домашній скотъ питается *чалою* (стебель кукурузы) и кукурузными зернами, даваемыми вмѣсто овса. Лошадьми также не изобилуетъ край, и всѣ лучшія лошади, которыя здѣсь встрѣчаются, пріобрѣтены туземцами извнѣ. Но въ Мингреліи есть своя порода лошадей, называемыхъ *бача*, что по-Персидски значитъ *малютка;* эти лошади небольшаго роста, красивы, крѣпки и неутомимы и слывутъ отличными ходоками, — что немаловажная вещь въ странѣ, гдѣ большая часть сообщеній производится верхомъ. Что заключается въ нѣдрахъ Кутаисской губерніи, еще до-сихъ не извѣдано. Въ 1846 году, однакожъ, открыты на р. Швибулѣ (въ Имеретіи) неисчерпаемыя копи каменнаго угля, которыя,

въ послѣднее время, служили главнымъ источникомъ снабженія топливомъ Черноморскаго флота. Въ настоящее время этого угля добывается ежегодно около 60 тысячъ пудовъ».

Къ географіи и этнографіи другихъ странъ и народовъ принадлежатъ статьи: *Свѣтлыя воспоминанія о чужихъ краяхъ*, мистриссъ Герріэтъ Бичеръ Стоу (Библ. для чтенія № 1 и 2); *Изъ-за границы*. Путевыя впечатлѣнія. Письмо II, А. А. Фета (Совр. № 1); *Письма объ Испаніи*, В. П. Боткина (ibid.); *Китайская имперія по описанію миссіонера Гюка*. Ст. I, II и III (ibid. № 3 и 4); *Отъ Берлина до Вѣны*. Письма I и II, П. Н. Кудрявцева (Русск. вѣстн. № 1); *Отъ Вѣны до Флоренціи*, его-же (ibid. № 2); *Письма изъ Флоренціи*, его-же (ibid. № 3, 4 и 5); *Письма изъ Германіи*, М. Н. Капустина (ibid. № 4 и 5); *Экспедиція Макъ-Клюра* (ibid. № 7); *Ницца* (Живоп. сборн. № 1); *Берега Прута* (ibid. № 2); *Муата-Казанбъ* (ibid.); *Новѣйшіе изслѣдователи центральной Африки* (ibid. № 3); *Руанъ* (ibid.); *Богемія и ея минеральныя воды* (ibid. № 4); *Бендеръ-Буширъ и Англійская экспедиція на югъ Персіи*, Н. Березина (С.Пб. вѣд. № 19); *Путевыя замѣтки*, II и III (ibid. № 31 и 32); *Христіанство на островахъ южнаго океана* (Русск. Инв. № 15); *Англійскіе очерки*. Изъ Американца Ральфа-Вальдо Эмерсона (ibid. № 75); *Наблюденія въ океанѣ* (Сѣв. пч. № 74); *Заграничныя письма въ редакцію Московскихъ вѣдомостей*, Е. М. Өеоктистова (Моск. вѣд. № 1, 6, 18, 38, 39 и 52); *Сенъ-Готаръ*. Изъ записокъ путешественника (ibid. № 2 и 8); *Сочиненія Эмерсона объ Англійскомъ характерѣ* (ibid. № 10 11 и 22); *Ричардсонъ и его путешествіе по Африкѣ* (Моск. вѣд № 13, 14, 17 и 29); *Персіяне у себя дома*. Изъ записокъ Леди Шейль (ibid. № 28, 37, 41, 44, 45 и 50); *Замѣтки путешественника по Славянскимъ землямъ*, Ө. В. Чижова (Русск. бес. № 1).

VII. Исторія Русская и всеобщая.

Къ матеріаламъ по отечественной исторіи принадлежатъ статьи: *Историческій очеркъ Нижегородской губерніи*, Донецъ-Хмѣльницкаго (Журн. м. г. им. № 3); *Дѣятели прежняго времени: Царь Алексѣй Михайловичъ*, Е. Колбасина (Библ. для чт. № 4); *Богданъ Хмельницкій и возвращеніе южной Руси къ Россіи*, Н. И. Костомарова (От. Зап. № 1, 2, 3 и 4); *Черты Русской жизни въ XVII столѣтіи* (По поводу книги: «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайло-

вича», изданной г. Бартеневымъ), И. Е. Забѣлина (ibid. № 1); *Пугачевщина.* Изъ записокъ Д. Б. Мертваго (Русск. вѣстн. № 1); *Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей*, I и II. Б. Н. Чичерина (ibid. № 4 и 5); *Турецкая война въ царствованіе Өеодора Алексѣевича*, А. Н. Попова (ibid. № 6 и 7); *Шлёцеръ и анти-историческое направленіе*, С. М. Соловьева (ibid. № 8); *Село Коломенское*, А. Н. Корсакова (Моск. вѣд. № 41); *Донской монастырь*, Н. В. Дмитріева (Моск. Пол. Вѣд. № 42 и 33); *П. И. Шуваловъ*, П. И. Бартенева (Русск. бес. № 1); *Исторія возмущенія Стеньки Разина*, А. Н. Попова (ibid.); *Василій Никитичъ Татищевъ, какъ главный начальникъ горныхъ заводовъ Уральскаго хребта* (Золот. Руно № 4 и 5).

—«Царь Алексѣй Михайловичъ».—Эта статья составляетъ весьма замѣчательное явленіе въ нашей исторической литературѣ: въ ней талантливый авторъ мастерски изобразилъ характеръ царя, его заслуги Русскому народу, общественную и семейную его жизнь, главныхъ дѣятелей ему современныхъ и тогдашнее общество съ его свѣтлыми и темными сторонами. Не послѣднее также достоинство настоящаго труда заключается въ томъ, что статья легко читается: это не сухое и безжизненное изображеніе внѣшнихъ событій, а исполненная жизни и интереса историческая картина. Къ сожалѣнію, предѣлы нашего обозрѣнія не дозволяютъ намъ изложить съ подробностію содержаніе интереснаго труда г. Колбасина и указать на тѣ достоинства, которыми отличается онъ отъ подобныхъ трудовъ другихъ нашихъ историческихъ писателей. Впрочемъ, чтобы судить о его методѣ и манерѣ изложенія, достаточно, кажется, слѣдующаго отрывка объ обществѣ, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ Алексѣй Михайловичъ. «Мало утѣшительнаго, мало отраднаго представляло наше общество второй половины XVII вѣка. Когда Англійскую публику интересовало уже обращеніе крови, тяжесть воздуха и сгущеніе ртути, когда каждый Англійскій джентльменъ временъ Карла II, современникъ Алексѣя Михайловича, считалъ обязанностью поговорить о воздушномъ насосѣ, о телескопахъ, и смотрѣлъ на алхимію и астрологію уже какъ на пустяки,—у насъ даже самое слово: *образованіе, просвѣщеніе* не было еще употребительно. Большинство даже не подозрѣвало о такомъ странномъ словѣ. Франція давно уже знала наизусть комедіи Мольера, а у насъ и печатная книга была еще какимъ-то чудомъ, и даже на Славянскій букварь Василія Бурцова,

изданный въ первый разъ въ 1637 году, съ изломанными и косыми буквами, глядѣли, какъ на вещь ученую, годную только для церквей и монастырей. Одинъ Европейскій историкъ слезно жалуется на то, что въ его отечествѣ, въ XVII вѣкѣ, мало выходило сочиненій о рабочемъ классѣ. Счастливъ историкъ той страны, которой можно сдѣлать подобный попрекъ!... Когда на родинѣ его богатыя дамы второй половины XVII столѣтія ѣздили смотрѣть на физическіе опыты, у насъ въ цѣломъ государствѣ легко можно было перечесть по пальцамъ, кто изъ мужчинъ знаетъ читать, и не только боярскія жены, но даже жены царей не умѣли написать ни одной строчки на отечественномъ языкѣ, и высшее мужеское сословіе съ трудомъ подписывало свою фамилію на юридическомъ актѣ, гдѣ дѣло шло о его чести и имуществѣ. Даже меценаты нашего начинающагося просвѣщенія, какъ напр. стольникъ Алексѣя Михайловича Петръ Годуновъ, подъ покровительствомъ котораго переводились Бѣлорусскими учеными полезныя книги, уразумѣлъ грамоту на 26 году отъ роду, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ тогдашній богословъ и философъ Игнатій Іевлевичъ. Общее раболѣпство и ласкательство къ сильнымъ, грубое высокомѣріе и жестокость къ слабѣйшимъ, низкопоклонство и невѣжественная надменность составляли самую крупную черту тогдашнихъ общественныхъ нравовъ. Человѣкъ того времени, запуганный суровостью тархановъ и самосудовъ, подозрительный и безпомощный, кланялся низко, не жалѣлъ своего лба и спины, но съ нимъ слѣдовало быть осторожнымъ. Кляузы и доносы, даже на родныхъ своихъ, были тогда самыми обыкновенными вещами. Недовѣріе и недоброжелательство другъ къ другу останавливали и замедляли развитіе общества. При всякомъ отсутствіи личнаго достоинства, добросовѣстности въ отправленіи государственныхъ дѣлъ, боязни общественнаго мнѣнія и суда не могло даже и существовать. Само правительство дѣлало страшную ошибку, раздавая должности гражданскаго управленія на *кормъ*, предписывая: «отдать такому-то боярину градъ такой-то на прокормленіе.» Вотъ почему личный интересъ окончательно долженъ былъ тѣснить общественный, и при отсутствіи умственнаго развитія, вкоренилось зло, поправшее все остальное. Здѣсь и заключался первый корень всего зла: общественный эгоизмъ и разрозненность интересовъ стали руководить цѣлымъ поколѣніемъ. Оттого, вся мыслящая и служебная гражданская дѣятельность не искала случая опереться на законъ и прав-

ственное чувство, но приняла общій характеръ направленія домашнихъ обстоятельствъ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, думныхъ дворянъ, дьяковъ, ученыхъ выходцевъ и ласкающихся доморощенныхъ книжниковъ. Къ первобытнымъ и простодушнымъ лихоимцамъ, которые даже считали лишнимъ скрывать свои поступки, начали присоединяться люди положительно-злонамѣренные и алчные. Если съ такой смѣлой наглостью и съ явнымъ пренебреженіемъ къ цѣлому обществу, происходили подобныя беззаконія, какъ самовольное овладѣніе государственнымъ серебромъ, предназначеннымъ для чекана монеты всего государства, то что-же должно было происходить въ другихъ дѣлахъ, въ отдаленныхъ волостяхъ и провинціяхъ? Само собою разумѣется, что, при такомъ положеніи вещей, обществу невозможно было и думать о какомъ-либо просвѣщеніи, когда каждый дѣлался караульщикомъ своего имѣнія и чести, или-же собирателемъ денегъ въ свои сундуки. При отсутствіи-же просвѣщенія не могло быть ни мягкости нравовъ, ни разумнаго сознанія чести, ни справедливости закона, думавшаго исправить все дѣло одной суровой жестокостью, четвертованіемъ и колесованіемъ. Поэтому, общественная грубость и невѣжество накоплялись; личные недостатки переходили въ общественные, и вся картина конца XVII вѣка представляла, въ своихъ общихъ чертахъ, слѣдующій видъ: *Законъ*, по своему основанію и теоріи, былъ довольно разумѣнъ, но практическія его дѣйствія были слабы. Пугая, но не смягчая человѣка, законы не достигали своей цѣли: вмѣсто того, чтобы привлекать подъ свою крѣпкую защиту, они гнали только отъ правосудія. При всеобщей безграмотности, судейскіе приказы были всемогущи, во всемъ ссылаясь на законъ. Кемферъ, бывшій въ Москвѣ, въ концѣ XVII столѣтія, разсказываетъ слѣдующій случай. Онъ видѣлъ на площади человѣка, державшаго отсѣченную у него, по законному приговору, руку въ другой рукѣ, не отрубленной. Этотъ бѣднякъ глядѣлъ на свое несчастіе съ какимъ-то тупымъ и безчувственнымъ равнодушіемъ. И за что-же отсѣкли ему руку? Человѣкъ этотъ служилъ у какого-то дьяка, который не хотѣлъ платить ему жалованья. Работникъ просилъ и напоминалъ ему нѣсколько разъ, но тотъ отказывался и не хотѣлъ ничего платить. Выведенный изъ терпѣнія такою несправедливостью, онъ рѣшился увести у дьяка лошадь. Этотъ дьякъ поймалъ его, привелъ въ приказъ, и приказъ приговорилъ отсѣчь у работника, руку Сколько печальнаго и тяжело-дѣйствующаго на душу

заключается въ прошеніяхъ XVII вѣка, и какъ непріятно звучатъ эти уменьшительныя подписи: «челомъ бьетъ сирота твой Андрюшка, челомъ бьетъ рабица твоя Аннушка, да холопъ твой Павлушка»; даже Нѣмецкій купецъ подписывался, какъ видно по многимъ нашимъ бумагамъ, «челомъ бьетъ сиротка твой Федотка». Откуда у Нѣмцевъ брался *сирота Федотка* — неизвѣстно, но подписи такія мы встрѣчали, съ безсмысленнымъ прибавленіемъ: «вольный Нѣмецкій холопъ». Всѣ путешественники разсказываютъ, что въ древней Россіи поражало ихъ болѣе всего обиліе людей, лишенныхъ руки, глаза, уха, трехъ или четырехъ пальцовъ и даже они видѣли многихъ съ отрѣзанными языками. Эти насчастливцы, заклейменные правосудіемъ, болѣе всего попадались потомъ въ мошенничествѣ, кражѣ и разбояхъ. *Войны* древней Руси, сильныя, кровопролитныя, очень часто блестящія—мало развивали умственныя силы до-Петровскаго общества. *Города* наши временъ Алексѣя Михайловича не имѣли никакого умственнаго движенія и нигдѣ не существовало извѣстныхъ училищъ, которыя привлекали-бы къ себѣ юношество. Одинъ только Кіевъ, во второй половинѣ XVII вѣка, превзошелъ самую столицу, Москву, печатая книги не только церковныя, но и состязательныя съ уніатами. Кіевъ пользовался репутаціею самаго книжнаго города. Тамъ были даже духовные публицисты, вступавшіе въ богословскіе споры въ уніатскими учеными, какъ напримѣръ: Милетій Смотрицкій, Исаія Копинскій и Захарій Копыстенскій. Между-тѣмъ въ Москвѣ самые просвѣщенные люди того времени, окружавшіе патріархію, гнали единственныхъ ученыхъ — тамошнихъ Грековъ, боясь, чтобъ они не раскрыли тайныхъ дѣйствій на книгопечатномъ дворѣ. Эти истребители только-что начинающагося народнаго просвѣщенія достойны того, чтобы мало извѣстныя имена ихъ преданы были теперь во всеобщее посмѣяніе. Во главѣ ихъ стояли Стефанъ Вонифатіевъ и князь Львовъ, правитель типографіи и дворцоваго приказа. Къ нимъ примыкали: протопопъ Аввакумъ, Суздальскій попъ Лазарь, попъ Никита Пустосвятъ и братья Нероновы, Ѳедоръ и Григорій. *Нравы* высшаго и простаго сословія ничего не представляли привлекательнаго. Не смотря на свою жалкую отчужденность, Русскія женщины чрезвычайно любили румяниться. Понятія ихъ о красотѣ были самыя странныя: чѣмъ дороднѣе была дѣвушка, тѣмъ она считалась красивѣе. Однимъ отличались наши боярыни: не занимаясь, по словамъ Мейерберга, хозяйствомъ, онѣ

были больнія искусницы вышивать и рукодѣльничать. Объ умственныхъ ихъ понятіяхъ и говорить нечего: они даже плохо разумѣли догматы своей вѣры. Обращеніе съ женщинами и прислугою было самое грубое не только въ низшемъ, но и въ высшемъ сословіи общества. Какъ ни странно, но мы должны согласиться съ показаніями иностранныхъ путешественниковъ, на основаніи еще донынѣ сохранившихся понятій въ нашемъ мелкомъ купеческомъ и мѣщанскомъ быту, что жену необходимо бить, по варварской пословицѣ: «люби какъ душу, тряси какъ грушу». Отъ тяжелой скуки, рабской жизни и невѣжества, женщины прибѣгали нерѣдко къ преступнымъ связямъ, а иныя занимались даже отвратительной вещью—волшебствомъ и волхвованіемъ. Невоздержность въ питьяхъ и яствахъ была въ древней Руси изумительна. Въ богатыхъ домахъ подавали къ обѣду по 50, по 100, а иногда и по 200 блюдъ. Самыя исправительныя наказанія вредно дѣйствовали на народную нравственность, потому-что, не говоря ужь о жестокости, многія изъ нихъ были циничны. «А которы люди, говоритъ Котошихинъ, воруютъ съ чужими женами и съ дѣвками, и какъ ихъ изымаютъ, и того жь дни или на иной день обѣихъ мужика и жонку, ктобъ таковъ ни былъ, *водя по торгамъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ* бьютъ кнутомъ». *Духовенство* наше представляло два класса: высшее было образовано, но провинціальное не получало никакого воспитанія. Патріархъ Никонъ у многихъ священниковъ отнялъ приходы, потому-что они не умѣли даже читать; но, обладая хорошею памятью, знали наизустъ литургію и прочія необходимыя службы. *Путешествія* по чужимъ краямъ были развиты въ весьма малой степени. *Торговля* была, сравнительно съ тогдашними торговыми державами, въ незавидномъ и можно сказать даже въ первобытномъ состояніи.»

— «Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей.» — Этотъ трудъ обнаруживаетъ въ авторѣ глубокое изученіе историческихъ памятниковъ нашего отечества и произведеній Европейскихъ историковъ, а главное — огромный талантъ отчетливо и ярко изображать внутренній смыслъ событій: всѣ его положенія истекаютъ изъ фактовъ, или, правильнѣе, разъясняютъ самые факты. «Первый выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ разбора духовныхъ грамотъ—говоритъ авторъ—заключается въ томъ, что наслѣдованіе у Московскихъ князей происходило по частному праву, при чемъ, также какъ и въ наслѣдо-

ваніи частныхъ лицъ того времени, преобладающимъ началомъ является личная воля завѣщателя. Второй выводъ, который непосредственно слѣдуетъ изъ перваго, но который сверхъ-того самъ по себѣ открывается изъ источниковъ, состоитъ въ томъ, что тогда не дѣлалось различія между имуществомъ государственнымъ и частнымъ княжескимъ. Все, что принадлежало князю, принадлежало ему, какъ собственность (неограниченная или ограниченная правами другихъ лицъ) по частному праву, а не по государственному. Нигдѣ въ грамотахъ мы не видали ни малѣйшаго намека на такое различіе. Всѣ отдѣльные разряды имущества: города, волости, села, доходы, пути, движимое, холопы, стада, стоятъ рядомъ и передаются наслѣдникамъ на совершенно одинаковомъ основаніи. Удѣлъ, которымъ владѣетъ князь, называется его *вотчиною*, также какъ имѣніе частныхъ лицъ. Князь распоряжается имъ, какъ своею собственностью; удѣлы отдаются въ наслѣдство женѣ, дѣтямъ, родственникамъ, дѣлятся, продаются, покупаются совершенно на томъ-же основаніи, какъ и отдѣльныя села, какъ и всякое частное имущество. О землѣ, какъ объ общественной единицѣ, о народѣ, нигдѣ нѣтъ и помину. Князья получаютъ волости, какъ имѣніе, а не распредѣляются по нимъ, какъ правители, исполняющіе извѣстную общественную должность. Изъ этого ясно, что понятіе о землѣ, въ противоположность государству, которое нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей приписываютъ древней Руси, составляетъ одно изъ тѣхъ историческихъ представленій, которыя не выдерживаютъ повѣрки съ фактами. Князья собрали воедино разрозненныя Славянскія племена, князья по частному праву наслѣдованія раздробили это пріобрѣтенное ими достояніе, князья-же впослѣдствіи соединили въ одно тѣло разрозненныя части. Тогда явилось и понятіе о государѣ и землѣ: государь былъ верховный правитель, а земля составляла его государство. Въ первыя-же времена самое слово: Русская земля, означавшее владѣніе прошлаго времени Руссовъ, употреблялось обыкновенно въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Сначала, при первомъ призваніи князей, оно означало область Новгородскую; потомъ, съ переходомъ дружины на югъ, этимъ словомъ стала называться земля Кіевская, такъ что Русская земля противополагалась землѣ Смоленской, Суздальской, Новгородской. Общее ихъ единство поддерживалось еще сознаніемъ о единствѣ княжескаго рода, безпрестанными переходами князей, которые смотрѣли на землю, какъ на общее свое достояніе.

и охотно мѣнялись волостями. Но какъ скоро князья сдѣлались осѣдлыми, какъ скоро линіи розошлись и разрушилось внутреннее единство рода, такъ уничтожилось и единство земли. Нравы, обычаи, вѣрованія могли остаться болѣе или менѣе сходными, какъ и теперь есть такое сходство, напр. въ раздробленной Италіи; но каждая вотчина составляла отдѣльное общественное тѣло, съ отдѣльнымъ своимъ владѣльцемъ, который часто находился съ другими въ отношеніяхъ, совершенно враждебныхъ, или соединялся съ ними связью родственною, т. е. чисто-личною, частною, а отнюдь не принадлежностью къ единому отечеству и народу. Однимъ словомъ, государственныя перегородки не строились надъ землею, но самая земля соединялась князьями и раздѣлялась между ними, какъ частное имѣніе, при чемъ о народѣ не было и рѣчи. Вотчинныя права князей коренились въ завоеваніи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ первый періодъ, рядомъ съ вотчиннымъ началомъ, мы видимъ и начало общинное, договорное, которое иногда стѣсняло и нарушало первое, хотя надобно замѣтить, что впродолженіе около полутора вѣка послѣ завоеванія общины не играютъ никакой роли въ южной Россіи: поэтому усиленіе ихъ должно приписать ослабленію власти княжеской, вслѣдствіе безпрерывныхъ междоусобій. Нѣтъ сомнѣнія также, что сначала вотчинныя права, по причинѣ неосѣдлости князей, не могли получить полнаго развитія, что родственные интересы преобладали надъ имущественными, что понятіе объ общей родовой собственности преобладало надъ понятіемъ объ отдѣльной собственности каждаго члена княжескаго рода. Но очевидно также, что съ самыхъ первыхъ временъ князья дѣлятъ по наслѣдству пріобрѣтенную ими землю, какъ свою собственность, на томъ-же основаніи, какъ они дѣлаютъ это впослѣдствіи. Каковъ былъ способъ надѣла, каково было отношеніе отдѣльнаго владѣнія къ владѣнію родовому — это вопросы второстепенные; главное то, что земля дѣлится по частному праву, какъ собственность князей. А если это дѣлается съ первыхъ временъ, то мы не можемъ не видѣть основанія такому взгляду на общественный бытъ въ первоначальномъ завоеваніи». Таковы главные выводы автора относительно наслѣдственныхъ и вотчинныхъ правъ великихъ и удѣльныхъ князей.

— «Иванъ Ивановичъ Шуваловъ». — Эта статья — довольно подробная біографія И. И. Шувалова, за которую нельзя не благодарить автора: онъ подѣлился съ публикою тѣми свѣдѣніями,



которыя были только ему доступны. Заимствуемъ здѣсь нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній о рожденіи, воспитаніи и началѣ блистательной карьеры великаго Русскаго мецената. «Иванъ Ивановичъ родился 1 ноября 1727 г., въ Москвѣ. Маленькій Шуваловъ росъ подъ надзоромъ матери, живя изрѣдка въ Москвѣ, по большей-же части въ деревнѣ дѣда своего, кажется, въ Смоленской губерніи. Ничто не предвѣщало Шувалову блестящей будущности. Въ небогатой семьѣ своей онъ получилъ воспитаніе самое простое. Тогда преобразованіе Россіи еще только совершилось; прошло лишь нѣсколько лѣтъ послѣ кончины преобразователя. Въ деревенскую глушь не успѣла еще проникнуть новизна. Хотя родители Шувалова, имѣя родственниковъ при царскомъ дворѣ, болѣе или менѣе знакомы были съ новыми требованіями, но въ домѣ ихъ, безъ-сомнѣнія, еще господствовала старина во всей своей силѣ, со всѣми хорошими и дурными сторонами своими. Старикъ-дѣдъ былъ живымъ памятникомъ времень царя Алексѣя Михайловича. Шувалова вспоили и вскормили деревенскія матушки; съ перыхъ дней своихъ онъ слышалъ одну только родную рѣчь, Русскія сказки, Русскія пѣсни; словомъ, провелъ дѣтство въ неразрывномъ общеніи съ народомъ, не отчуждаясь отъ него, не привыкая смотрѣть съ него свысока. Тогдашнее воспитаніе, какъ ни много представляетъ оно недостатковъ, имѣло однако свою выгоду, и именно въ этомъ ближайшемъ знакомствѣ съ родною страною и съ окружающею природою. Мы знаемъ о томъ, между прочимъ, по запискамъ Болотова, который также, какъ и Шуваловъ, сынъ небогатаго дворянина, первые годы провелъ въ деревенскомъ захолустьѣ. Такое сближеніе дѣйствовало на него живительно; ребенокъ выросталъ настоящимъ сыномъ земли своей. Вообще Шуваловъ, подобно многимъ другимъ славнымъ людямъ прошлаго вѣка, первоначальными основами своего характера обязанъ былъ тому быту, который обыкновенно называютъ до-Петровскою стариною. Внѣ родительскаго дома вынесъ онъ безусловную покорность уставамъ церкви, благоразумное, далеко не похожее на раболѣпство уваженіе власти, горячую любовь къ родинѣ и то желаніе быть ей полезнымъ, которое увѣковѣчиваетъ его имя въ исторіи. Оттого Европейское образованіе, усвоенное имъ впослѣдствіи, принесло такіе прекрасные общественные плоды. Шувалова никогда не покидала мысль о родинѣ и о сообщеніи своимъ соотечественникамъ новыхъ благъ образованности. Пись-

ма его изъ-за границы показываютъ, что по складу ума и рѣчи онъ былъ вполнѣ Русскій человѣкъ. Первыми учебными книгами Шувалова, безъ-сомнѣнія, была церковная азбука и часословъ. Къ-сожалѣнію, не сохранилось никакихъ подробностей объ его ученіи, которое, конечно, происходило очень просто. Живя въ Москвѣ, онъ учился у одного учителя съ другимъ Московскимъ уроженцемъ, славнымъ Суворовымъ, который, по всему вѣроятію, жилъ тогда въ домѣ своего дѣда, кремлевскаго придворнаго протоіерея. Шуваловъ помнилъ объ этомъ товариществѣ, и самъ разсказывалъ о немъ впослѣдствіи. Надо думать, что учитель былъ хорошій и умѣлъ заохотить къ ученію: оба ученика вышли просвѣщеннѣйшими людьми своего вѣка. Молодой Шуваловъ еще въ Москвѣ понималъ и даже говорилъ по-Французски и по-Нѣмецки, также пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ математикѣ. Его воспитывали по-просту, пользуясь при обученіи средствами, какія можно было тогда имѣть въ Москвѣ, и, конечно, не думая вовсе приготовлять его къ извѣстности. Какъ и всѣ тогдашніе дворяне, онъ со-временемъ, вѣроятно, поступилъ-бы рядовымъ въ какой-нибудь полкъ, если только не былъ записанъ въ военную службу съ младенчества. Петербургское родство не могло обѣщать родителямъ Шувалова никакихъ особенныхъ надеждъ относительно будущности ихъ сына. Правда, двоюродные его братья служили уже камеръ-юнкерами, но—при дворѣ цесаревны Елисаветы Петровны, которая, въ царствованіе Анны Іоанновны, сама нерѣдко искала покровительства и жила какъ-бы въ опалѣ, иногда даже терпѣла нужду. Но наступилъ памятный въ Русской исторіи ноябрь 1741 г. Оба брата Шуваловы показали особенную дѣятельность въ ночь на 25-е число этого мѣсяца, когда дочь Петра Великаго поѣхала изъ дворца своего (нынѣшнее зданіе Пажескаго корпуса) въ Преображенія казармы принимать присягу на вѣрноподданство. Усердіе Шуваловыхъ много помогло счастливому окончанію этого переворота, совершившагося къ радости цѣлой Россіи, измученной правленіемъ Бирона. Государыня, разумѣется, не забыла услуги. Оба брата немедленно получили понѣскольку наградъ, были пожалованы чинами и удержаны при дворѣ, уже съ званіемъ дѣйствительныхъ камергеровъ. Жена младшаго изъ нихъ, П. И., Мавра Егоровна, сдѣлалась штасъ-дамою и пріобрѣла большую силу во дворцѣ. Молодой Шуваловъ былъ опредѣленъ въ пажи къ царскому двору и продолжалъ начатое въ Москвѣ ученіе. Знаніе языковъ Италіянскаго, Фран-

цузскаго и Нѣмецкаго не только обогащало Шувалова разнородными свѣдѣніями, но и помогло служебнымъ его успѣхамъ. Оно было особенно полезно въ должности пажа. Государыня и вельможи нерѣдко посылали И. И. къ иностраннымъ министрамъ съ разными посылками, вопросами и порученіями, такъ-что онъ былъ постоянно на-виду. Его скромность, доброправіе, любознательность и болѣе всего красота — родовое преимущество Шуваловыхъ, выдвигала его изъ ряда товарищей. Въ 1749 г., когда Шувалову не исполнилось еще 22 лѣтъ, онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ. Съ-этихъ-поръ начинается придворное значеніе И. И. или, какъ говорили, *случай* его. Хотя, по возвращеніи государыни въ Петербургъ, въ 1751 г., явился-было ему опасный совмѣстникъ въ лицѣ молодаго подпоручика гвардіи Ник. Аѳ. Бекетова, но его скоро отстранили, съ помощью какого-то притиранья, которое обезобразило его наружность.» Въ-заключеніе біографіи г. Бартеневъ говоритъ слѣдующее: «И. И. Шуваловъ принадлежалъ къ числу людей простыхъ. Онъ не имѣлъ ни особенно сильнаго характера, ни отличныхъ талантовъ, и большую часть жизни провелъ въ покоѣ. Его литературныя занятія ничтожны: они ограничивались переводами и кое-какими стихами. Но онъ пользовался высокимъ своимъ положеніемъ, богатыми средствами, которыя посылала ему судьба, — для блага другихъ; онъ собиралъ книги, окружалъ себя картинами и произведеніями изящныхъ искусствъ, не изъ утонченной роскоши, не для одного только собственнаго удовольствія: онъ имѣлъ въ виду постоянно распространеніе знаній и добра между стоявшими ниже его по общественному положенію соотечественниками. Оттого имя его въ Россіи дорого всякому просвѣщенному человѣку.

«Онъ жилъ для всенародной льготы
И покровительства наукъ.»

— Сюда принадлежатъ также слѣдующія критическія статьи: *Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи* (От. зап. № 3); *Критическія замѣчанія на сочиненіе г. Чичерина: «Областныя учрежденія Россіи въ XVI в.»*, Н. И. Крылова (Русск. бес. № 1); *Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина* Ю. Ѳ. Самарина (ibid.).

По исторіи другихъ странъ и народовъ мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Исторія Греціи Джорджа Грота* (Библ. для чт. № 1);

Возвышеніе Нидерландовъ, Джона Лоторна Мотлея (ibid.); *Разсказы изъ исторіи Англіи при короляхъ Іаковѣ II и Вильгельмѣ III и королевѣ Аннѣ.* Изъ Маколея (Совр. № 1, 2, 3 и 4); *Взглядъ на внутреннія отношенія Соединенныхъ Штатовъ* (ibid. № 4); *Филиппъ второй, король Испанскій* (ibid.); *Герцогиня де Шеврезъ и Ришльe*, Виктора Кузена (От. Зап. № 2); *Новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ Джемсъ Бухананъ* (ibid.); *Королева Варвара.* Истор. разсказъ Н. А. Попова (Русск. вѣстн. № 1); *Древне-сѣверная жизнь* (Altnordisches Leben. Von Karl Weinhold. Berlin, 1856), Ѳ. И. Буслаева (ibid. № 4); *Археологія и новѣйшее искусство*, К. К. Герца (ibid. и № 5 и 6); *Выборъ новаго президента въ Соединенныхъ Штатахъ* (ibid. № 5 и 6).

Изъ сихъ статей болѣе замѣчательны: *Разсказы изъ исторіи Англіи Маколея, Филиппъ II* и *Королева Варвара.*

VIII. Языкознаніе.

Въ «Извѣстіяхъ» Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности (вып. I) по части языкознанія помѣщены слѣдующія статьи: *Объ элементарномъ преподаваніи Русскаго языка*, Я. К. Грота; 16-*е продолженіе Санскрито-Русскаго словаря*, К. А. Коссовича и *Продолженіе Церковно-Славянскаго словаря*, А. А. Востокова.

— «Объ элементарномъ преподаваніи Русскаго языка». — Авторъ, руководствуясь собственными наблюденіемъ и опытомъ, разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: 1) можно-ли дѣтей учить языку безъ грамматическихъ объясненій? 2) если полезно, то должно-ли грамматику преподавать систематически, какъ самоятельный предметъ ученія, или только въ-приложеніи къ практикѣ? и 3) въ грамматическомъ преподаваніи языка съ чего начинать: съ предложенія или съ одѣльныхъ словъ? — Самое первоначальное ученіе, по мнѣнію автора, должно быть чисто-практическое: ребенку необходимо прежде всего пріобрѣсти навыкъ въ чтеніи и письмѣ, т. е. списываніи; первое руководство со-стороны учителя ограничивается наименованіемъ буквъ и указаніемъ ихъ произношенія. Но самое разложеніе словъ на отдѣльные звуки и изображеніе этихъ звуковъ видимыми знаками есть уже первый шагъ къ анализу языка. Дитя, открывъ, что одинъ и тотъ-же звукъ і выражается различными способами, захочетъ узнать причину

этой странности, и какъ вы его удовлетворите, не объяснивъ различія буквъ гласныхъ и согласныхъ? Съ этимъ вы уже прямо вступите въ область грамматики. Избѣгать ея долго, при послѣдующихъ успѣхахъ учащагося, можно-бы развѣ только насильственно, заглушивъ въ немъ всякое движеніе мысли. Такимъ-образомъ, грамматическія объясненія до нѣкоторой степени являются уже рано неразлучными спутниками практическаго обученія языку. Мы на-первый-разъ считаемъ достаточнымъ объяснить ученику одни самыя крупныя, въ глаза бросающіяся явленія языка. Назовите это грамматикой или приготовленіемъ къ ней, или какъ угодно иначе: намъ кажется это необходимымъ основаніемъ сознательнаго ученія роднаго слова. Но и такая грамматика должна быть преподаваема не само-по-себѣ, т. е. не независимо отъ практики, а въ непрерывной связи съ разборомъ примѣровъ и съ упражненіемъ. Примѣры и упражненія должны быть распредѣлены такъ, чтобы изъ нихъ можно было извлечь въ послѣдовательномъ порядкѣ самыя существенныя основанія теоріи языка. Начиная говорить, ребенокъ долго произноситъ отдѣльныя слова — и медленно, съ большою постепенностью, переходитъ къ фразамъ. Почему-же не слѣдовать этому естественному порядку и въ объясненіи законовъ языка? Развѣ отдѣльное разсматриваніе словъ помѣшаетъ въ другія минуты занимать ученика содержаніемъ цѣлаго рода предложеній. Слѣдственно должно начинать ученіе съ этимологіи. Небольшой курсъ примѣровъ для первоначальнаго обученія языку долженъ быть расположенъ такъ, чтобъ изъ него легко было вывести самыя существенныя черты этимологіи: сперва раздѣленіе словъ на измѣняемыя и неизмѣняемыя, потомъ понятія о каждой изъ частей рѣчи, далѣе знакомство съ формами словъ и измѣненіями ихъ. За этимъ уже будетъ на своемъ мѣстѣ объясненіе предложенія. Выводы изъ примѣровъ должны постепенно сопровождать ихъ въ простомъ и ясномъ изложеніи. Рядомъ съ этими уроками пусть будутъ идти легкіе разборы составленныхъ такимъ-же образомъ фразъ, пріискиваніе словъ подобныхъ, съ образованіемъ изъ нихъ предложеній, и письмо подъ-диктовку съ объясненіемъ на дѣлѣ правилъ правописанія. Сверхъ-того, практическія упражненія должны состоятъ въ чтеніи, въ ученіи наизусть прозы и стиховъ, въ устномъ и письменномъ повтореніи разсказовъ, слышанныхъ или прочитанныхъ ученикомъ.»

Изъ статей, помѣщенныхъ въ прочихъ періодическихъ изда-



ніяхъ къ языкознанію принадлежатъ: *Письмо изъ Бѣлграда*, А. Ѳ. Гильфердинга (Русск. бес. № 1); *О всеславянскомъ словарѣ г. Шулявскаго*, его-же (ibid.); *Отвѣтъ автору общесравнительной грамматики Русскаго языка*, Ник. Греча (Сѣв. пч. № 7 и 8); *Споры о грамматикѣ и языкѣ*, К. Полеваго (ibid. № 23 и 50); *Дополнительныя объясненія г. Гречу*, А. Д. Галахова (От. зап. № 4).

IX. Критика.

Изъ критическихъ статей, укажемъ на двѣ — наиболѣе замѣчательныя, къ поводу выхода въ свѣтъ слѣдующихъ книгъ: *Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева* (От. зап. № 1 и 4) и *Сочиненія Т. Н. Грановскаго*. Т. II (ibid. № 2).

X. Исторія литературы.

Въ «Извѣстіяхъ» Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности (вып. 1) помѣщены: *Обозрѣніе пергаминныхъ рукописей Новгородской Софійской библіотеки*, И. К. Купріянова, и *Нѣсколько замѣчаній къ Обзору Русской духовной литературы*, проф. П. И. Саввантова. Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ матеріаламъ исторіи отечественной словесности принадлежатъ статьи: *Кургановъ и его «Письмовникъ»*, Е. Колбасина (Библ. для чт. № 1); *Воспоминанія о Гоголѣ*, П. Анненкова (ibid. № 2); *Библіографическія записки*, Мих. Лонгинова (Совр. № 3 и 4); *Очерки изъ старинной Русской литературы*, А. Н. Пыпина (От. зап. № 2); *Николай Владиміровичъ Станкевичъ*, біограф. очеркъ. П. В. Анненкова (Русск. вѣстн. № 3, 4 и 7); *Біографъ-оріенталистъ*, Н. Ф. Павлова (ibid. № 6); *Новѣйшія изслѣдованія преосвященнаго Макарія по древней Русской словесности* (ibid № 7); *Малоизвѣстные Московскіе журналы* 1760—1764 *годовъ*, М. Н. Лонгинова (Моск. вѣд. № 36); *Обозрѣніе современной литературы*, К. С. Аксакова (Русск. бес. № 1).

— «Кургановъ и его письмовникъ». — Эта статья, составленная при пособіи «Словаря» митрополита Евгенія, «Словаря» Новикова и «Очерка морскаго кадетскаго корпуса» Веселаго, представляетъ достаточно подробную біографію Курганова и мастерское изложеніе исторической судьбы его «Письмовника». «Жизнь Курганова, справедливо говоритъ авторъ, стоитъ вниманія нашего

уже потому, что въ человѣкѣ этомъ билась когда-то хорошая и прямая душа, живой и оригинальный умъ; жизненное поприще его не ограничивается однимъ холоднымъ формулярнымъ спискомъ. Кургановъ — веселый шутникъ забытаго «Письмовника», и мыслилъ, въ свое время, болѣе другихъ, и былъ образованнѣе многихъ, и зналъ побольше жизнь и науку, чѣмъ многіе изъ его современниковъ, и охотнѣе другихъ принесъ свой посильный талантъ на пользу общественнаго дѣла. Онъ умѣлъ смѣяться, этотъ странный Кургановъ, циникъ по наружности, благородный человѣкъ по душѣ — смѣяться хотя сатирическимъ смѣхомъ, но его наивная и простодушная иронія касалась нерѣдко суевѣрія, невѣжества и предразсудковъ своего вѣка. Онъ часто задѣвалъ своими шутками, правда иногда тяжелыми и плоскими, не только одно забавное, но и предосудительное въ своемъ обществѣ; онъ многихъ, наконецъ, Русскихъ людей выучилъ грамотѣ и пріучилъ къ Русскому чтенію. Кромѣ того, Кургановъ отчасти перевелъ, отчасти написалъ почти цѣлую математическую и морскую энциклопедію, въ то глухое и отдаленное время, когда Русское юношество такъ мало имѣло еще средствъ къ своему образованію. Науки математическія и морскія были ему извѣстны въ совершенствѣ; онъ хорошо владѣлъ Французскимъ и Нѣмецкимъ языками и безъ затрудненія читалъ Англійскія и Латинскія книги. При этомъ, онъ иронически казнилъ, по мѣрѣ силъ своихъ, современный ему педантизмъ и умышленную темноту въ наукѣ, и самъ, по мѣрѣ средствъ, старался какъ могъ упрощать ее и передавать занимательно. «Письмовникъ» обошелъ всѣ уголки тогдашней (онъ имѣлъ болѣе 18 изданій; первый разъ былъ изданъ въ 1769 г.) грамотной Россіи. Онъ имѣлъ много притягательныхъ жилокъ: юношей онъ поучалъ стихосложенію, поэзіи и грамматикѣ; взрослымъ разсказывалъ курьозныя повѣсти и происшествія; людямъ солиднымъ говорилъ о геральдикѣ, кораблевожденіи, о миѳологіи и философіи. Въ одно и то-же время онъ печаталъ сладенькіе мадригалы и жесткія изрѣченія о женщинахъ и бракахъ, отъ которыхъ многія приходили въ ужасъ; предлагалъ Русскія пословицы и разсужденія о страшномъ судѣ, философію Сенеки и стихи на великолѣпное зданіе Исакіевской церкви, нравоучительныя сентенціи Эпиктета и двусмысленные анекдоты, веселыя шуточки про любовнаго амура и весьма дѣльныя размышленія о физикѣ, толковалъ сколько прошло уже времени отъ сотворенія міра по Греческому лѣтосчи-

славію, а черезъ страницу весьма серьезно отмѣчалъ: съ такого-то именно года кавалеръ Иванъ Логиновичъ Кутузовъ служитъ директоромъ при корпусѣ и т. д., и т. д. Многіе изъ его современниковъ, надѣвъ очки, съ важностью старались запомнить, когда жилъ царь Нимвродъ, въ какомъ году случилось паденіе Римской имперіи, а люди, болѣе пристрастные къ остроумію Курганова, были убѣждены, что лукавый авторъ единственно написалъ о пользѣ хронологіи для того только, чтобъ имѣть случай сказать въ концѣ, что г. кавалеръ Иванъ Логиновичъ съ такого-то года *ломаетъ* важныя дѣла».

— «Очерки изъ старинной Русской литературы». — Въ этой статьѣ, столь-же замѣчательной, какъ и двѣ предыдущія его статьи, авторъ разбираетъ старинный переводъ «Римскихъ дѣяній» и нѣсколько новеллъ Боккачіо въ Русской литературѣ XVII вѣка. «Переводы изъ «Римскихъ дѣяній» и новеллъ Боккачіо, вмѣстѣ со многими другими повѣстями и романами, явились въ нашихъ рукописяхъ въ концѣ XVII вѣка и изъ Польской литературы. Новые переводы XVII столѣтія не имѣли того характера, какой можно видѣть въ древнихъ переводныхъ памятникахъ; напр. въ сказкѣ о «Синагрипѣ», въ исторіи Псевдо-Каллисѳена: если въ этихъ послѣднихъ переводъ былъ почти передѣлкой сочиненія — придавалъ ему Русскія подробности, переносилъ Русскіе нравы и обычаи на чуждыя событія, то переводы XVII вѣка скорѣе отличаются противоположнымъ качествомъ, т. е. соблюдаютъ весь иноземный колоритъ переводныхъ сказаній и, слѣд., не представляютъ никакихъ занимательныхъ частностей. Только изрѣдка встрѣчается въ нихъ приноровленіе разсказа къ понятіямъ переводчика; обыкновенно-же удерживается въ-точности характеръ подлинника, даже съ полонизмами, несвойственными Русскому языку. Причина такой вѣрности переводовъ заключается прежде всего въ томъ, что переводчики лучше могли видѣть несообразность передѣлокъ, и въ томъ, что значительное измѣненіе текста въ извѣстномъ духѣ требуетъ долгаго обращенія книги въ рукахъ читателей. Старинное произведеніе, проходя чрезъ нѣсколько столѣтій, въ спискѣ позднѣйшемъ легко могло удалиться отъ своего перваго вида и пріобрѣсти въ изложеніи много подробностей и мелочей, принадлежащихъ Русскому быту; для переводовъ XVII столѣтія это было гораздо труднѣе, и отсюда ихъ безличность и неопредѣленность. Русскія переводныя сказанія очень любопытны и въ томъ

отношенія, что нерѣдко дополняютъ оригинальную исторію средневѣковыхъ произведеній, которымъ Донлопъ, авторъ извѣстной History of fiction, далъ удачное названіе «странствующихъ». Такъ сказаніе о «Синагрипѣ» открываетъ существованіе Греческаго перевода сказокъ «Тысячи и одной ночи»; «Девгеніево Дѣяніе» указываетъ на неизвѣстный героическій романъ Византійской литературы; Русскія преданія о Соломонѣ объясняютъ Нѣмецкую поэму XV вѣка, которую считаютъ обыкновенно чисто-Германскимъ эпосомъ. «Римскія дѣянія» и переводы изъ Боккачіо, хотя и не доставляютъ такихъ важныхъ фактовъ для исторіи романтической поэзіи, но также интересны и сами-по-себѣ и по отношенію къ Польской литературѣ XVI — XVII столѣтій.»

По исторіи иностранныхъ литературъ мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Замѣтки о современной литературѣ въ Германіи*, В. Водовозова (Библ. для чт. № 1 и 3); *Гёте, его жизнь и произведенія*, Думшина (ibid № 2, 3, и 4); *Замѣтки объ Англійской литературѣ* (ibid № 2); *Пѣснь о Нибелунгахъ*, *статья Карлейля*. В. К. (ibid № 2); *Замѣтки о современной Французской литературѣ* (ibid № 4); *Лессингъ, его время, жизнь и дѣятельность*. Ст. IV, V и VI (Совр. № 1, 3 и 4); *Сальванди*. Біогр. очеркъ (От. зап. № 1); *Генрихъ Гейне*, А. Ф. фонъ-Видерта ibid № 2 и 3); *Горацій и его время*, Н. М. Благовѣщенскаго (ibid № 3 и 4); *Новости Польской литературы*, П. П. Дубровскаго (Русск. вѣстн. № 3, 5 и 8); *Сабинское помѣстье Горація* (посвящено графу Ѳ. П. Толстому), Н. М. Благовѣщенскаго (ibid № 4); *Новѣйшіе Нѣмецкіе журналы по средневѣковой старинѣ и народности вообще*, Ѳ. И. Буслаева (ibid № 5); *Фениморъ Куперъ* (Русск. инв. № 83); *Огюстенъ Тьерри*, статья Ренана (Моск. вѣд. (№ 12 и 17); *Новѣйшая дѣятельность въ Чешской литературѣ*, Риттерсберга (Русск. бес. № 1).

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Различныя состоянія сѣры (1).—*Бертело* представилъ Парижской академіи наукъ два мемуара о сѣрѣ (2). Они содержатъ въ себѣ его изслѣдованія объ аллотропическихъ состояніяхъ сѣры, и также селена и фосфора.

Въ нашемъ журналѣ были указаны различныя видоизмѣненія, представляемыя сѣрою (3). Разсматривая ихъ, Бертело предложилъ себѣ вопросъ, не существуетъ-ли нѣкоторыхъ главныхъ и и постоянныхъ состояній сѣры, подъ которыя должно подвести всѣ другія, и если есть такія состоянія, то не представляютъ-ли они какого-нибудь постояннаго отношенія къ соединеніямъ, изъ которыхъ выдѣляется сѣра.

Изслѣдованія Бертело дѣйствительно показали, что сѣра представляетъ два главные вида, именно—сѣру октаедрическую или электро-отрицательную, дѣйствующую, какъ вещество сожигающее, и сѣру электро-положительную, дѣйствующую, какъ вещество горючее, вообще аморфную и нерастворимую.

Къ октаедрической сѣрѣ относятся — призматическая сѣра и мягкая сѣра многосѣрнистыхъ соединеній; оба эти видоизмѣненія съ-теченіемъ времени сами собою превращаются въ октаедрическую сѣру; всѣ три вида растворимы въ сѣрнистомъ углеродѣ.

Электро-положительная сѣра получается изъ кислородныхъ, хлористыхъ и бромистыхъ соединеній сѣры. Сѣра, получаемая

(1) Arch. des sc. phys. et nat. Avril 1857, p. 314.

(2) Comptes rendus de l'Acad. des sc. XLIV, p. 318 et 378.

(3) Январь, отд. VII, стр. 10.

изъ соединенія съ хлоромъ и бромомъ, представляетъ крайнюю, наиболѣе постоянную степень этого состоянія; она аморфна и нерастворима въ собственно такъ-называемыхъ растворяющихъ тѣлахъ (вода, алкоголь, эѳиръ, сѣрнистый углеродъ и пр.).

Къ электро-положительной сѣрѣ относятся три другія разновидности, менѣе постоянныя: мягкая сѣра сѣрноватисто-кислыхъ солей, растворимая въ сѣрнистомъ углеродѣ, но мало-по-малу теряющая свою растворимость, если подвергать ее простому выпариванію; нерастворимая сѣра, остающаяся отъ обработки сѣрнаго цвѣта попеременно алкоголемъ и сѣрнистымъ углеродомъ, и наконецъ нерастворимая сѣра, получаемая, если обработывать сѣрнистымъ углеродомъ мягкую сѣру, образующуюся при дѣйствіи теплоты. Послѣдняя менѣе всѣхъ другихъ постоянна.

Всѣ эти аморфныя разновидности сѣры могутъ быть превращены въ главную, наиболѣе постоянную разновидность, если ихъ привести при обыкновенной температурѣ въ прикосновеніе съ хлористою сѣрою, бромистою сѣрою, іодомъ и даже дымящеюся азотною кислотою.

Наоборотъ, всѣ эти разновидности превращаются въ октаедрическую сѣру, если подвергать ихъ нѣсколько разъ сряду плавленію или выпариванію, если растворить ихъ въ щелочи, или въ щелочномъ сѣрнистомъ соединеніи и потомъ осадить, наконецъ если держать ихъ нѣсколько времени въ растворѣ поташа.

Спрашивается теперь, какое отношеніе имѣютъ эти состоянія сѣры къ тѣмъ соединеніямъ, изъ которыхъ она извлекается?

Бертело показалъ, что между этими соединеніями и состояніемъ сѣры существуетъ постоянное отношеніе. Именно, состояніе сѣры, отдѣляемой изъ какого-нибудь соединенія, не зависитъ отъ вещества, употребленнаго для отдѣленія, лишь-бы только это вещество не было ни щелочнымъ, ни окисляющимъ, обнаруживало свое дѣйствіе быстро и безъ значительнаго отдѣленія теплоты; точно также состояніе отдѣленной сѣры не зависитъ отъ того состоянія, въ которомъ сѣра образовала разлагаемое соединеніе. Такимъ-образомъ, какова-бы ни была разновидность сѣры, которая образовала щелочныя сѣрнистыя соединенія, безводную сѣрную кислоту, сѣрноватисто-кислый натръ, кислое сѣрноватисто-кислое кали, бромистую, іодистую сѣру, — сѣра, отдѣленная изъ всѣхъ этихъ соединеній, представляетъ одно и то-же состояніе, независимо отъ своего первоначальнаго вида.

Если разлагать гальваническою баттареею растворъ сѣрнистаго водорода, то сѣра, отлагаемая на положительномъ полюсѣ, совершенно растворима въ сѣрнистомъ углеродѣ и способна кристаллизоваться.

Разложеніе гальваническимъ токомъ сѣрнистой кислоты, растворенной въ водѣ, или сѣрной кислотѣ съ однимъ атомомъ воды, даетъ на отрицательномъ полюсѣ аморфную сѣру, нерастворимую въ сѣрнистомъ углеродѣ.

Если вмѣсто гальваническаго тока употребить химическое дѣйствіе для разложенія многосѣрнистыхъ, или тіоновокислыхъ соединеній, напр. сѣрноватистокислаго натра, тритіоновокислаго кали и пр. или-же хлористой, бромистой сѣры и пр., то также получимъ въ первомъ случаѣ сѣру кристаллизующуюся, сожигающую, а во второмъ — аморфную, нерастворимую, представляющую вещество горючее.

Наконецъ сѣра, получаемая въ случаѣ окисленія, напр. при сожиганіи сѣрнистаго водорода или сѣрнистаго углерода, есть аморфная горючая сѣра, точно также какъ и та, которая получается при дѣйствіи дымящейся азотной кислоты на тіоновокислыя соединенія, на сѣрнистый водородъ, на многосѣрнистыя соединенія и вообще на всякое сложное тѣло, изъ котораго можно добыть сѣру.

Образованіе электроположительной или горючей сѣры въ случаяхъ окисленія есть явленіе весьма замѣчательное, потому-что доказываетъ, что сѣра при своемъ отдѣленіи принимаетъ состояніе, въ которомъ будетъ находиться въ образуемомъ ею кислородномъ соединеніи.

Обратное явленіе происходитъ при дѣйствіи щелочей, щелочныхъ сѣрнистыхъ соединеній, сѣрнистаго водорода, т. е. веществъ, или заключающихъ въ себѣ сожигающую сѣру, или-же сообщающихъ сѣрѣ такое свойство.

Все это показываетъ, что существуетъ постоянное отношеніе между дѣйствіями прикосновенія и электрическими состояніями. Такъ озонъ Шенбейна получается при дѣйствіи гальваническаго тока, фосфора и другихъ легко-окисляемыхъ веществъ.

Селенъ, который во многихъ отношеніяхъ сходенъ съ сѣрою, представляетъ такія-же состоянія, какъ и сѣра. Селенъ, полученный изъ селенистыхъ щелочей, способенъ кристаллизоваться, меж-

ду-тѣмъ-какъ селенъ, выдѣленный изъ селенистой кислоты, есть вещество аморфное и стекловидное.

Селенъ, осаждающійся на положительномъ полюсѣ при разложеніи селенистаго водорода, растворяется въ сѣрнистомъ углеродѣ, а осаждающійся на отрицательномъ полюсѣ при разложеніи селенистой кислоты нерастворимъ въ томъ-же веществѣ, или покрайней-мѣрѣ скоро становится нерастворимымъ.

Слѣдовательно, подобно сѣрѣ, селенъ бываетъ или электроотрицательный, или электроположительный.

Относительно фосфора можно замѣтить то-же самое. Извѣстенъ фосфоръ красный, аморфный, нерастворимый въ сѣрнистомъ углеродѣ и образующійся въ присутствіи іода, брома и хлора; его можно считать аналогическихъ съ аморфною, электро-положительною сѣрою. Фосфоръ-же бѣлый, кристаллизующійся, растворимый въ сѣрнистомъ углеродѣ — соотвѣтствуетъ сѣрѣ электроотрицательной.

По опытамъ Фавра, теплота, отдѣляющаяся при сожиганіи краснаго фосфора и аморфной сѣры, сравнительно ниже той, которую даютъ бѣлый фосфоръ и октаедрическая сѣра. Мы видѣли въ предыдущей книжкѣ, что Шёнбейнъ подобнымъ образомъ приписываетъ озону большій удѣльный теплородъ, чѣмъ кислороду.

«И такъ, говоритъ въ заключеніе Бертело, сѣра, селенъ, фосфоръ, кислородъ въ ихъ свободныхъ состояніяхъ, и вѣроятно многія другія тѣла, напр. боръ, кремній, углеродъ, можетъ-быть даже вообще всѣ простыя тѣла, — являются въ различныхъ видахъ, съ различными физическими и химическими свойствами и, мнѣ кажется, я доказалъ, что эти различныя состоянія, особенно въ-отношеніи къ сѣрѣ, находятся въ связи съ химическими отправленіями, которыя простое тѣло исполняетъ въ своихъ соединеніяхъ, т. е. бываетъ-ли оно въ нихъ сожигающимъ и электро-отрицательнымъ, или горючимъ и электро-положительнымъ».

Отправленія нервной системы суставчатыхъ животныхъ. — Извѣстно, что у суставчатыхъ животныхъ нервная система устроена по типу, совершенно отличному отъ типа позвоночныхъ. Анатомы долго старались опредѣлить, какія части этихъ двухъ типовъ соотвѣтствуютъ другъ другу; но при этомъ основывались обыкновенно на анатомическихъ соображеніяхъ. Физіологическіе опыты надъ

отправленіемъ нервной системы суставчатыхъ производилъ только *Лонже* (4). Онъ употреблялъ для этой цѣли лангусту (palinurus quadricornis) и дошелъ до результатовъ, вполнѣ подтверждающихъ анатимическія изысканія и взгляды *Ньюпорта*, т. е., что верхніе пучки нервной цѣпи — суть двигательные, а нижніе, на которыхъ сидятъ узлы, — чувствительные. Лонже думаетъ даже, что изъ трехъ нервныхъ корней, начинающихся при каждомъ узлѣ, одинъ есть двигательный, а два чувствительные; впрочемъ, онъ не считаетъ свои опыты рѣшительными.

Въ послѣднее время два испытателя, *Іерсенъ* и *Февръ* одновременно занялись нервною системою насѣкомыхъ. Іерсенъ дѣлалъ опыты надъ прямокрылыми и получилъ слѣдующіе результаты (5):

1) Если перерѣзать нервъ при его началѣ, то часть, въ которую онъ идетъ, совершенно парализуется.

2) Если перерѣзать нервныя нити, соединяющія узлы брюшной цѣпи, то двѣ части тѣла, находящіяся по ту и по другую сторону разрѣза, совершенно разъединяются. Обѣ части продолжаютъ жить, сохраняя чувствительность и движимость, но потерявъ сознаніе одна о другой и способность содѣйствовать другъ другу. Такъ напр. если нервная цѣпь прервана между узлами средняго и задняго кольца груди, то голова и два переднія кольца груди уже не принимаютъ участія во впечатлѣніяхъ, дѣйствующихъ на остальную часть тѣла. Четыре переднія ноги и первая пара крыльевъ одни только движутся силою, управляемою дѣятельнымъ смысломъ и обнаруживаютъ связь съ чувствами, органы которыхъ находятся въ головѣ.

Между-тѣмъ-какъ переднія ноги двигаются, третья пара ногъ остается неподвижною и тащится по сторонамъ тѣла, не содѣйствуя прямо движенію. Задняя часть груди и брюха сохраняютъ однакожь послѣ разрѣза нервныхъ нитей свою чувствительность и произвольное движеніе, но они уже не повинуются повелѣніямъ, выходящимъ изъ переднихъ частей. Въ этомъ можно убѣдиться, трогая или щипля брюхо и заднія ноги; брюхо ёжится и корчится и насѣкомое стремится уйти или защититься, но употребляетъ для этого только заднія ноги, или заднепроходное остріе, если оно есть. Всѣ оборонительныя движенія происходятъ съ такою-же

(4) *Longet*. Anat. et physiol. du syst. nerveux T. II, p. 660.
(5) Bulletin de la societé Vaudoise des sc. nat. T. V, p. 119, Dec. 1856.

точностію, какъ и у неповрежденнаго животнаго. Нужно-ли прибавлять, что ни одно изъ этихъ движеній не употребляется насѣкомымъ, когда раздраженіе дѣйствуетъ на часть тѣла, находящуюся впереди разрѣза (6).

3) Въ насѣкомыхъ съ неполнымъ превращеніемъ разрывъ узловой цѣпи не препятствуетъ совершенно послѣдовательнымъ линяньямъ или сбрасываньямъ кожи личинки.

4) Чтобы какой-нибудь органъ былъ чувствителенъ и способенъ двигаться, достаточно, чтобы узелъ, изъ котораго онъ получаетъ свои нервы, былъ цѣлъ и здоровъ. Это можно доказать, перерѣзывая брюшную цѣпь сзади и спереди одною изъ грудныхъ узловъ. Органы, получающіе свои нервы изъ узла, сохраняютъ обѣ указанныя способности, но теряютъ связь съ другими частями тѣла и, наоборотъ, всѣ остальныя части не имѣютъ болѣе никакого сознанія объ этихъ разъединенныхъ органахъ.

5) Слѣдствія, происходящія отъ разрѣза только одной изъ двухъ нитей брюшной цѣпи, довольно трудно изобразить общими чертами, потому что они измѣняются смотря по недѣлимымъ и по мѣсту, въ которомъ дѣлается разрѣзъ. Обыкновенно въ первыя мгновенія послѣ операціи насѣкомое бываетъ безпокойно, бѣгаетъ и прыгаетъ, если способно къ такому движенію. Члены, находящіеся на сторонѣ разрѣза, между разрѣзомъ и заднимъ концомъ тѣла, теряютъ часть своей чувствительности и произвола въ движеніяхъ. Изрѣдка случается, что вслѣдствіе этого происходитъ отсутствіе равновѣсія въ движеніяхъ, обнаруживающееся тѣмъ, что насѣкомое на ходу описываетъ небольшіе круги, почти вертясь около самого себя по направленію отъ поврежденной стороны къ здоровой. Нѣсколько минутъ спустя послѣ сѣченія, насѣкомыя обыкновенно трутъ переднею лапою и какъ-бы стараются очистить ту часть головы и тотъ усикъ, которые соотвѣтствуютъ поврежденной сторонѣ. Потомъ, если животное остается неподвижнымъ, этотъ-же усикъ опускается къ землѣ, тогда-какъ дру-

---

(6) Опыты эти очень важны, хотя и не представляютъ ничего новаго. Всякому извѣстно, что муха безъ головы обнаруживаетъ и ощущеніе и произвольное движеніе. Лонже однакожь утверждаетъ (ib. p. 662), что, по опытамъ надъ лангустою, головной узелъ имѣетъ такое-же значеніе у суставчатыхъ, какъ головной мозгъ у позвоночныхъ. «Вся часть, говоритъ онъ, находящаяся сзади разрѣза нервной цѣпи, оставалась неподвижною, какъ у высшихъ животныхъ».



гой остается горизонтальнымъ или поднятымъ. Наконецъ, всего чаще, лапка, находящаяся непосредственно передъ разрѣзомъ и съ той-же стороны, гдѣ разрѣзъ, пріобрѣтаетъ повидимому большую чувствительность, чѣмъ соотвѣтствующая ей лапка съ другой стороны. Часъ или два спустя послѣ операціи, всѣ эти явленія отчасти исчезаютъ; остается только ясно-замѣтная разница въ членахъ и органахъ, лежащихъ позади разрѣза: именно члены поврежденной стороны движутся медленнѣе и менѣе чувствительны, чѣмъ члены здоровой.

6) Вліяніе пересѣченія нитей узловой цѣпи на отправленія питанія, кажется, незначительно. Сверчокъ, у котораго перерѣзаны нервныя нити, соединяющія грудь и брюхо, можетъ тотчасъ-же ѣсть, по-видимому не испытывая никакой боли; въ этомъ состояніи онъ можетъ прожить столько-же, какъ неповрежденное животное. Что касается до отправленій воспроизведенія, то такой разрѣзъ отнимаетъ у самца возможность соединенія съ самкою, которую онъ ищетъ, но не можетъ оплодотворить. Самка, подвергнутая той-же операціи, можетъ допустить оплодотворить себя, но она не способна класть яички. Пораженія или уколы узловъ производятъ разстройство въ отправленіяхъ отношенія, но оно обнаруживается различно, смотря по полу и по недѣлимому, и его не всегда легко характеризовать.

7) Вообще всякое поврежденіе одного изъ узловъ головы или груди непосредственно за собою ведетъ состояніе оцѣпенѣнія, продолжающееся болѣе или менѣе долгое время; за этимъ состояніемъ слѣдуетъ часто судорожное трепетаніе всего тѣла или только органовъ, получающихъ нервы изъ пораженнаго узла. Это судорожное состояніе можетъ продолжаться нѣсколько минутъ и можетъ повторяться нѣсколько разъ черезъ болѣе или менѣе длинные промежутки.

8) Пораженіе надглоточнаго узла почти всегда производитъ отсутствіе равновѣсія въ движеніяхъ. Насѣкомое, вмѣсто того, чтобы идти по прямой линіи, описываетъ круги, оборачиваясь около самого себя съ нѣкоторою скоростію. Круги, описываемые такимъ-образомъ, обыкновенно черезъ нѣсколько часовъ увеличиваются. Иногда, спустя день или два, насѣкомое можетъ на мгновеніе двигаться по прямой линіи, но потомъ оно снова начинаетъ описывать круги. Случается также, что, покружившись нѣсколько времени справа налѣво, оно кружится потомъ въ обратномъ



направленіи; или-же—что то-же самое—недѣлимое, когда идетъ медленно, описываетъ круги въ направленіи противоположномъ тому, когда идетъ быстро. Мѣсто, въ которомъ поражается узелъ, повидимому не представляетъ постояннаго отношенія къ направленію движенія; вообще однакожь замѣчено, что насѣкомое кружится по направленію отъ пораженной стороны къ здоровой. То-же отсутствіе равновѣсія въ движеніяхъ обнаруживается въ передвиженіи по воздуху. Стрекоза или муха, уколотая въ лобъ такъ, чтобы уколъ достигъ надглоточнаго узла, летитъ не иначе, какъ описывая круги или спираль. Безпорядокъ въ передвиженіи можетъ еще обнаружиться тѣмъ, что животное, вмѣсто того, чтобы идти прямо, идетъ правымъ или лѣвымъ бокомъ впередъ, или также тѣмъ, что оно идетъ задомъ. Наконецъ всего чаще, и при движеніи и въ покоѣ, одинъ бокъ тѣла бываетъ поднятъ выше другаго, такъ-что животное болѣе или менѣе лежитъ на одномъ боку.

9) Поврежденіе одного изъ узловъ груди всегда сопровождается минутнымъ параличемъ или всѣхъ или части тѣхъ органовъ, которые получаютъ изъ этого узла свои нервы. Черезъ нѣсколько времени чувствительность и произвольное движеніе возвращаются, и притомъ или обѣ способности вмѣстѣ и въ одинаковой степени, или-же только одна изъ нихъ. Случается также, что чувствительность появляется на одной сторонѣ тѣла и повидимому въ возбужденномъ состояніи, между-тѣмъ-какъ съ другой стороны движенія возбуждаются очень трудно; члены сохраняютъ всю свою подвижность, но остаются почти нечувствительными къ внѣшнимъ раздраженіямъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, поврежденіе одного изъ грудныхъ узловъ сопровождается отсутствіемъ равновѣсія въ движеніяхъ всѣхъ членовъ и насѣкомое, вмѣсто того, чтобы идти прямо впередъ, описываетъ только небольшіе круги постоянно въ ту-же сторону.

10) Произволъ повидимому также поражается и разстроивается, какъ и движенія. Напримѣръ, если поранить надглоточный узелъ сверчка, то можетъ случиться, что насѣкомое на-ходу станетъ кусать кусокъ хлѣба, ѣстъ его повидимому въ жадностію и цѣпляется за него всѣми силами своихъ челюстей, а между-тѣмъ ноги не перестаютъ двигаться; такимъ образомъ сверчокъ, подталкиваемый впередъ, корчится и наконецъ кувыркается, уцѣпившись за хлѣбъ головою и постоянно двигая ногами. Случается также,



что сверчокъ — самецъ, котораго подвергнули такой операціи, бѣжитъ и поетъ, призывая свою самку; когда-же встрѣтить ее, то сперва быстро приближается, но потомъ пробѣгаетъ мимо, продолжая пѣть и какъ-бы увлекаемый двумя стремленіями, изъ которыхъ одно побуждаетъ его бѣжать, а другое удерживаетъ близь самки.

11) Окончательное слѣдствіе всѣхъ поврежденій, претерпѣваемыхъ узлами и нитями ихъ соединяющими, есть явное уменьшеніе смысла и инстинкта.

Предыдущія наблюденія Іерьна, несмотря на ихъ отрывочность, указываютъ на сходство явленій у суставчатыхъ съ явленіями, замѣченными при подобныхъ опытахъ надъ позвоночными; но въ то-же время они показываютъ ясно, что между обоими типами есть и различіе въ отправленіяхъ ихъ нервныхъ системъ. Различіе это всего прямѣе можно опредѣлить такъ: всѣ отправленія у позвоночныхъ болѣе сосредоточены, чѣмъ у суставчатыхъ.

Февръ, котораго мемуаръ явился послѣ предыдущаго (7), полагаетъ, кажется, что оба типа не столько различны въ этомъ отношеніи. Онъ производилъ свои опыты надъ плавунцами (Dytiscus) и дошелъ до слѣдующихъ заключеній:

1) Надглоточный и подглоточный узлы и ножки, ихъ соединяющія, составляютъ часть нервной системы, соотвѣтствующую головному мозгу позвоночныхъ и обнаруживаютъ несомнѣнное господство надъ движеніями.

2) Надглоточный узелъ есть сѣдалище воли и управленія движеніями.

3) Подглоточный узелъ есть органъ возбужденія и правильнаго сочетанія движеній.

Противъ этихъ заключеній представилъ нѣкоторыя замѣчанія Іерсенъ (8), такъ-какъ они очевидно несогласны съ его опытами. Такъ напр. Февръ утверждаетъ, что способность производить сложныя правильныя движенія зависитъ отъ подглоточнаго узла. Іерсенъ не могъ повѣрить опытовъ Февра надъ плавунцами, но въ опроверженіе приводитъ любопытныя явленія, представляемыя тараканомъ. У этого насѣкомаго есть одинъ обычай, постоянно имъ

(7) *Faivre*. Comptes Rendus. 6 Apr. 1857. L'Institut. 1857. XXV, 123.
(8) *Yersin*. Ibid. 4 Mai 1857.

соблюдаемый. При наступленіи ночи тараканъ чиститъ свои ноги; для этого онъ ложится нѣсколько на-бокъ, подноситъ поочердно каждую свою ногу ко рту и схвативъ ее челюстями, вытаскиваетъ изъ нихъ, такъ-что пыль остается на челюстяхъ. Вотъ цѣлый рядъ правильныхъ движеній. Чтобы разрушить подглоточный узелъ у таракана, всего лучше отрѣзать ему голову, въ которой онъ заключается. Тогда Іерсенъ наблюдалъ однакожъ, что и безъ головы эти насѣкомыя производятъ описанныя движенія.

Кромѣ того Іерсенъ приводитъ наблюденія надъ полевымъ сверчкомъ (Gryllus campestris), доказывающія вліяніе другихъ узловъ на сочетанія движеній. Когда у этого насѣкомаго былъ поврежденъ задній грудной узелъ, оно подверглось круженію; когда-же этотъ узелъ былъ вовсе отрѣзанъ отъ предъидущихъ, то оно пошло прямо.

Звѣздныя карты Шакорнака (9). — Леверрье представилъ недавно Парижской академіи наукъ шесть новыхъ карта атласа эклиптики, составляемаго *Шакорнакомъ*. При этомъ Леверрье выставлялъ на видъ тщательность и точность, съ которыми начертаны эти карты, истинно удивительныя по необыкновенному множеству свѣтилъ, которыхъ положеніе въ нихъ обозначено, начиная отъ звѣздъ первой и до звѣздъ двѣнадцатой величины. Выпускъ этихъ картъ идетъ очень медленно, потому-что прежде печатанія онѣ снова сравниваются съ небомъ: такъ-какъ онѣ должны быть его вѣрнымъ изображеніемъ, служить для его исторіи не только настоящей, но и будущей. Дѣйствительно, при сравненіи ихъ съ Берлинскими картами, составленными опытными и добросовѣстными астрономами, которые тѣмъ менѣе могли ошибиться, что ограничивались звѣздами десятой величины, карты Шакорнака уже доказываютъ, что мнимая неизмѣнность неба далека отъ совершенной неизмѣнности: потому-что многихъ звѣздъ не находятъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были обозначены, и нѣтъ возможности сказать, что̀ съ ними сдѣлалось. Хотя эти карты начали составляться только семь или восемь лѣтъ тому назадъ, однакожъ Шакорнакъ, сравнивая ихъ сколь возможно часто съ небомъ, уже нашелъ странныя измѣненія и аномаліи. Многія звѣзды оказались перемѣнными и притомъ перемѣнными необыкновеннымъ образомъ. Такъ одна изъ нихъ

(9) Cosmos X, p. 302.

впродолженіе пяти лѣтъ сряду представляла очень правильный и постоянный періодъ въ девять дней съ половиною. Именно она сохраняла свой блескъ десятой величины въ-теченіе девяти дней и восьми часовъ; въ послѣдніе четыре часа своего періода она быстро понижалась до четырнадцатой величины. Въ 1854 г. этотъ правильный ходъ отчасти нарушился; періоды наибольшаго и наименьшаго блеска не представляли болѣе ничего постояннаго и наконецъ звѣзда вовсе исчезла съ неба. Производя свои гигантскія повѣрки, Шакорнакъ всегда ожидаетъ, что какое-нибудь свѣтило не явится на его вызовъ. Онъ еще молодъ, безъ сомнѣнія еще многіе годы онъ будетъ производить свои поучительныя сравненія и они поведутъ его, конечно, въ весьма важнымъ открытіямъ, — къ рѣшенію по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ задачъ, представляющихся при созерцаніи неба. Атласъ его будетъ впослѣдствіи снабженъ текстомъ, въ которомъ онъ укажетъ всѣ замѣченныя имъ особенности звѣздъ.

Дѣйствіе прибора индукціи, введеннаго въ гальваническую цѣпь (10). — *Депре* (Despretz) производилъ опыты для рѣшенія слѣдующаго вопроса: есть-ли какая-нибудь выгода, для произведенія химическихъ разложеній, вводить въ гальваническую цѣпь приборъ индукціи.

Извѣстно, что въ гальванической баттареѣ съ одною или двумя жидкостями, въ которой, когда цѣпь еще не замкнута, амальгамированный цинкъ или растворяется очень мало, или вовсе не растворяется разведенною сѣрною кислотою, потеря цинка въ вѣсѣ соотвѣтствуетъ количеству кислорода воды, разложенной въ вольтаметрѣ. Этотъ законъ, несомнѣнно доказанный даже для баттарей съ азотною кислотою, какъ Грове и Бунзена, показываетъ намъ, что гальваническая баттарея есть совершеннѣйшая изъ машинъ, если измѣрять силу этого прибора химическимъ разложеніемъ. На-самомъ-дѣлѣ въ этомъ случаѣ работа производимая будетъ равна работа движущей съ точностію до одной, или иногда до двухъ-сотыхъ, — предполагая притомъ (какъ мы будемъ дѣлать это и впередъ), что баттарея совершенно уединена и что амальгамированный цинкъ не растворяется разведенною сѣрною кислотою (11).

---

(10) Cosmos 1857, X, 553.

(11) Comptes rendus. T. XXXIII, p. 185 et T. XXXVIII, p. 897.

Между-тѣмъ Деларивъ сдѣлалъ опытъ, который показываетъ, что баттарея, очень слабо разлагающая воду, пріобрѣтаетъ способность разлагать ее весьма замѣтно, если ввести въ цѣпь приборъ индукціи. Деларивъ назвалъ *вольтовымъ конденсаторомъ* приборъ индукціи, употребленный имъ для своихъ опытовъ, и думалъ даже, что изъ него можно извлечь пользу въ промышленыхъ производствахъ (12).

Недавно стали утверждать, что при расположеніи — подобномъ тому, которое дѣлалъ въ своемъ опытѣ Деларивъ, — происходитъ экономія въ тратѣ растворяемаго цинка; Депре съ давняго времени былъ убѣжденъ собственными изысканіями, что подобное мнѣніе не можетъ быть подтверждено точными опытами. Какъ-бы то ни было, опытъ Деларива возбуждалъ слѣдующій вопросъ, важный какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи: если въ гальваническую цѣпь, устроенную изъ элементовъ съ двумя жидкостями, Даніеля, Грове или Бунзена, ввести проборъ индукціи, то каковъ будетъ вѣсъ растворенняго цинка? То есть для разложенія того-же количества воды будетъ-ли онъ таковъ-же или больше, или-же меньше, чѣмъ безъ прибора индукціи?

Единственный способъ для рѣшенія этого вопроса, какъ и многихъ другихъ, относящихся къ гальваническому току, состоитъ въ томъ, чтобы взвѣшивать амальгамированный цинкъ прежде и послѣ опыта и сравнивать потерю металла съ вѣсомъ кислорода воды, разложенной въ вольтаметрѣ; этому способу слѣдовалъ Депре. Для того, чтобы произвести указанное сравненіе, онъ расположилъ восемь элементовъ Бунзена въ два ряда, каждый рядъ изъ четырехъ элементовъ, соединенныхъ по количеству; такое расположеніе однозначительно съ двумя элементами, соединенными по напряженію и вчетверо большими по размѣру. Отдѣльные элементы были совершенно подобны тѣмъ, которые Депре употреблялъ съ 1849 года въ различныхъ изысканіяхъ надъ гальваническимъ электричествомъ.

Въ цѣпь былъ введенъ маленькій приборъ индукціи съ одною только проволокою, устроенный Румкорфомъ. Потомъ цѣпь оставалась заключенною до-тѣхъ-поръ, пока въ вольтаметрѣ собралось поллитра освобожденныхъ газовъ кислорода и водорода; потеря цинка по вѣсу при этомъ составила $1^{г}$, 578. Это число представляетъ

(12) Arch. de l'électricité. T. III.



среднюю величину пяти опытовъ, между которыми разница была весьма небольшая; средняя продолжительность опыта была—часъ и двѣ минуты. Найденный вѣсъ цинка соотвѣтствуетъ количеству воды, представляемому объемомъ кислорода и водорода, равнымъ 0ʹ, 8131, при чемъ газы принимаются сухіе, при 0° температуры, при давленіи 76 сантиметровъ. Опытъ-же представилъ только 0ʹ, 500 кислорода и водорода. При этомъ газы были влажны, при другомъ давленіи и другой температурѣ; приведя ихъ къ нулю градусовъ, къ совершенной сухости и къ давленію 76 сантиметровъ, Депре получилъ только 0ʹ, 4531. Такимъ-образомъ почти половина раствореннаго цинка не имѣетъ соотвѣтствующаго ей количества разложенной воды. Но нужно замѣтить, что здѣсь происходитъ выигрышъ во времени: потому-что та-же самая баттарея, расположенная точно такъ-же, но безъ прибора индукціи, требуетъ для произведенія полулитра газовъ вдвое больше времени.

Можно-ли было a priori предвидѣть эту большую трату цинка? Нельзя, конечно, приписать ее перемѣнѣ направленія тока; направленіе тока остается то-же и, покрывая каждую проволоку вольтаметра трубкою, мы найдемъ, что въ одной трубкѣ соберется вдвое больше газа, чѣмъ въ другой, слѣдственно одинъ газъ есть кислородъ, другой водородъ. Безъ всякаго сомнѣнія, потеря цинка происходитъ отъ уклоненія части тока, проходящей въ этомъ случаѣ чрезъ проводникъ молотка въ приборѣ индукціи и, такъ-какъ этотъ проводникъ представляетъ несравненно меньше сопротивленія, чѣмъ вольтаметръ, то чрезъ него и проходитъ большая часть тока и напряженіе тока усиливается. Предыдущіе опыты Депре представляютъ ту важность, что служатъ къ подтвержденію знаменитой мысли Грове объ отношеніяхъ физическихъ силъ между собою. Каждая сила, переходя въ явленія, или въ другія силы, даетъ совершенно опредѣленный, соотвѣтствующій ея величинѣ результатъ; если съ одной стороны ея дѣйствіе увеличивается, то съ другой уменьшается. Увеличить дѣйствіе какой-нибудь силы, не увеличивая самой силы, невозможно; это значило-бы создать силу изъ ничего.

Н. СТРАХОВЪ.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ РАЗВИТІЕМЪ ЗАРОДЫША У ЯВНОБРАЧНЫХЪ РАСТЕНІЙ (*). —

(*) Изъ вновь появившагося ботаническаго журнала, издаваемаго Прингсгеймомъ: Jahrbücher für wissenschaftlich Botanik. 1 Band. 1 Heft. стр. 82—186.



Послѣ важныхъ наблюденій Радлькофера надъ образованіемъ зародыша у явнобрачныхъ растеній, столь важныхъ, что Шлейденъ отказался отъ своего мнѣнія о происхожденіи этого органа изъ конца цвѣтенной трубочки, эмбріологія вступила въ новую фазу своего развитія и представляетъ теперь два вопроса для рѣшенія, именно: какимъ образомъ дѣйствуетъ цвѣтенная трубочка на зародышевъ мѣшечекъ и зародышевъ пузырекъ? и въ какомъ отношеніи находятся отдѣльные моменты развитія зародыша въ различныхъ группахъ растеній? Въ этомъ направленіи сдѣланы наблюденія Гофмейстера, и вотъ результаты, до которыхъ онъ дошелъ, и которые согласны съ результатами, полученными имъ за восемь лѣтъ предъ этимъ.

Ядро растительнаго яичка состоитъ изъ осевой кучки клѣточекъ, одѣтой нѣсколькими рядами покровныхъ клѣточекъ. Одна изъ клѣточекъ осевой части (рѣдко нѣсколько) увеличивается въ объемѣ; это и есть зародышевъ мѣшечекъ. Въ верхней части его развиваются свободнымъ образованіемъ дочернія клѣточки — зародышевые пузырки, числомъ чаще всего 2, иногда 3 и очень рѣдко болѣе. Степень развитія, которой достигаютъ зародышевые пузырьки до оплодотворенія, у различныхъ растеній различна. Иногда они являются въ видѣ ядра клѣточки, т. е. состоятъ изъ шарообразной массы протоплазмы, рѣзко ограниченной, но безъ всякой оболочки. Обыкновенно-же зародышевы пузырьки, въ моментъ прикосновенія цвѣтенной трубочки, имѣютъ видъ клѣточекъ, по большей части удлиненной формы, которыхъ стѣнки не состоятъ еще изъ клѣтчатки и не могутъ долго противостоять дѣйствію воды; расплывающіяся стѣнки зародышева пузырька выстланы внутри слизью, которая наполняетъ промежуточное пространство клѣточки и оставляетъ въ ней большую полость; къ стѣнкамъ прикрѣплено чечевицеобразное ядро. Наконецъ у нѣкоторыхъ растеній стѣнки зародышевыхъ пузырьковъ состоятъ изъ твердой клѣтчатой оболочки. Зародышевы пузырьки, какъ съ твердыми, такъ и съ мягкими стѣнками, плотно пристаютъ къ внутренней сторонѣ стѣнокъ зародышева мѣшечка на верхнемъ его концѣ. Первоначальное ядро зародышева мѣшечка остается до прикосновенія цвѣтенной трубочки. Кромѣ зародышевыхъ пузырьковъ въ зародышномъ мѣшечкѣ, по большей части на нижнемъ его концѣ, а иногда тамъ-и-сямъ въ полости или на

стѣнахъ его, образуются другія дочернія клѣточки, которыя не имѣютъ большаго значенія, потому что дальше не развиваются.

Во всѣхъ разстеніяхъ, въ которыхъ наблюдали прикосновеніе цвѣтенной трубочки съ зародышевымъ мѣшечкомъ, стѣнки первой въ моментъ прикосновенія бываютъ весьма тонки; но на нихъ никогда не бываетъ отверстій, хотя и встрѣчаются иногда продушинки, когда стѣнки утолщены. Въ цвѣтенной трубочкѣ встрѣчаются удлиненныя образованія, которыя отъ дѣйствія іода окрашиваются въ бурый цвѣтъ; имъ приписывать оплодотворяющее свойства нѣтъ никакого основанія, ибо хлорофилевыя крупинки въ удлиненныхъ клѣточкахъ подземныхъ первозародышахъ мховъ получаютъ подобную форму.

Прикосновеніе конца цвѣтенной трубочки имѣетъ слѣдствіемъ оплодотвореніе; неизвѣстно ни одного растенія, гдѣ оплодотвореніе совершилось-бы безъ прикосновенія цвѣтенной трубочки къ зародышевому мѣшечку. Но все равно, въ какомъ мѣстѣ ни коснется конецъ цвѣтенной трубочки съ зародышевымъ мѣшечкомъ. Весьма нерѣдко конецъ трубочи прикасается къ тому мѣсту, гдѣ находятся безплодные пузырьки, и тогда онъ дѣйствуетъ черезъ ихъ оболочки и содержаніе на плодотворный пузырекъ и самый зародышевъ мѣшечекъ и превращаетъ первый въ первозародышъ, а въ послѣднемъ развиваетъ внутрьсѣмянникъ (вторичный бѣлокъ, endosperm).

Оболочка зародышева мѣшечка, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, остается неизмѣнною отъ дѣйствій цвѣтенной трубочки. У родовъ Passiflora, Najas, Canna, кажется, будто цвѣтенная трубочки разрываетъ оболочку зародышева мѣшечка; но это только кажется, потому что вершина послѣдняго размягчается и трубочка входитъ въ полость мѣшечка. Подобное размягченіе, но безъ вхожденія трубочки въ мѣшечекъ, изъ другихъ растеній замѣчается напр. у фіялки. Гораздо чаще однакожь мѣшечекъ на своей вершинѣ твердъ и утолщенъ, какъ у груши, брусники, дуба и пр. Въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. будетъ-ли вершина мѣшечка размягчена или будетъ она тверда, вхожденіе трубочки въ мѣшечекъ зависитъ не только отъ роста первой, но и отъ того, что, тотчасъ послѣ прикосновенія, мѣшечекъ начинаетъ сильно рости и обхватываетъ собою трубочку.

Первое явленіе, которое происходитъ послѣ оплодотворенія въ зародышевомъ мѣшечкѣ, есть исчезаніе его ядра. Потомъ, часто



спустя долгое время, замѣчается превращеніе одного изъ зародышевыхъ пузырьковъ. Оплодотворяющійся пузырекъ бываетъ безъ исключенія самый отдаленный отъ верхняго конца зародышева мѣшечка. Послѣ оплодотворенія онъ обыкновенно одѣвается твердою клѣтчатою оболочкою, если уже не былъ одѣтъ ею прежде этого акта. Исключеніе составляютъ только роды Lupinus, Mirabilis и Prismatocarpus, которыхъ оплодотворенные зародышевы пузырьки и даже первозародыши, состоящіе уже изъ многихъ клѣточекъ, не имѣютъ оболочекъ, обладающихъ сопротивленіемъ клѣтчатки.

Очень часто еще прежде, нежели начнется двойное дѣленіе зародышева пузырька, которое превращаетъ его въ первозародышъ, конечная клѣточка этого послѣдняго развивается въ зародышъ, въ зародышевомъ мѣшечкѣ начинается новое образованіе клѣточекъ, развитіе внутрьсѣмянника (endosperm). Это образованіе можетъ происходить двоякимъ способомъ: 1) дѣленіемъ на части всего зародышева мѣшечка или оставшейся свободною части его, и 2) свободнымъ образованіемъ клѣточекъ въ слоѣ протоплазмы, одѣвающей внутреннюю поверхность его стѣнокъ.

Оболочка зародышева мѣшечка, если она не кажется разорванною цвѣтенною трубочкою, равно какъ и оболочка оплодотвореннаго зародышева мѣшечка, не имѣютъ на себѣ никакихъ отверстій; только у одного растенія, именно у Омелы бѣлой (Viscum album), на оболочкѣ зародышева мѣшечка замѣтны продушинки, которыя произошли отъ ея утолщенія и, разумѣется, закрыты первичной оболочкой.

Различіе въ развитіи зародыша хвойныхъ растеній отъ всѣхъ одно-и двусѣмянодольныхъ такъ значительно, что заслуживаетъ особеннаго вниманія. Зародышевъ мѣшечекъ хвойныхъ тотчасъ послѣ выбрасыванія пыли изъ пыльниковъ, но гораздо прежде нежели цвѣтенная трубочка дойдетъ до него, наполняется тканью, происшедшею чрезъ свободное образованіе клѣточекъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, лежащія близъ зародышева отверстія, увеличиваются въ объемѣ и въ нихъ развиваются многочисленные зародышевы пузырьки, распредѣленныя по всей полости этихъ клѣточекъ, называемыхъ Corpuscula. Конецъ цвѣтенной трубочки проникаетъ даже въ Corpusculum и оплодотворяетъ одинъ изъ зародышевыхъ пузырьковъ, но при этомъ на концѣ трубочки перепонка не имѣетъ ни одного отверстія. Образованіе клѣточекъ въ цвѣтенной трубочкѣ можно объяснить, какъ преобразованіе вещества,



назначеннаго для пособія оплодотворенію, лежащаго внѣ поля зрѣнія въ микроскопѣ.

Такое развитіе зародыша хвойныхъ только тѣмъ и сходно съ оплодотвореніемъ другихъ явнобрачныхъ растеній, что въ томъ и другомъ случаѣ есть цвѣтенная трубочка, зародышевъ мѣшечекъ, и прежде оплодотворенія развивающіеся зародышевы пузырьки. Образованіе клѣточекъ въ зародышевомъ мѣшечкѣ прежде прикосновенія къ нему цвѣтенной трубочки встрѣчается только у хвойныхъ, и кромѣ нихъ ни у одного растенія изъ всѣхъ одно- и двусѣмянодольныхъ. Corpuscula открытосѣмянныхъ отличаются отъ зародышевыхъ пузырьковъ закрытосѣмянныхъ тѣмъ, что въ нихъ развиваются клѣточки прежде вліянія на нихъ цвѣтенной трубочки и отношеніемъ къ этой послѣдней: посему нельзя допустить аналогію между corpuscula и зародышевыми пузырьками, какъ это сдѣлалъ Моль (Bot. Zeitung. 1847, стр. 475). Скорѣе corpuscula можно сравнить съ зародышниками (archegonia) тайнобрачныхъ, потому-что зародышевъ мѣшечекъ хвойныхъ, наполняется тканью; такимъ-же образомъ, какъ макроспоры рода Isoetes, corpuscula сходны по существеннымъ чертамъ въ строеніи, въ формѣ и расположеніи клѣточекъ розочкою съ зародышниками плауновыхъ (Lycopodiaceae) и марсилейныхъ (Rhizocarpeae). Особенное подтвержденіе это сравненіе находитъ въ томъ, что въ центральной клѣточкѣ зародышника Сальвиніи пловучей (Salvinia natans) найдены многіе (по большей части двойные) зародышевы пузырьки.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что точное знаніе исторіи развитія зародыша весьма важно и для систематики. Неоспоримо, что признаки, даже чисто-логическіе, взятые изъ исторіи развитія, для ограниченія группъ, суть самые постоянные. Самый важный признакъ, раздѣляющій явнобрачныя растенія на двѣ группы, взятъ изъ эмбріологіи. Важность эмбріологическихъ признаковъ видна еще изъ того, что признаки, взятые изъ другихъ степеней развитія растенія, шатки и въ сходныхъ группахъ весьма различны. Три момента въ образованіи зародыша важны для систематики: свойства неоплодотвореннаго яичка; степень развитія остающагося первозародыша, превращающагося въ зародышеву ножку, и образованіе внутрьсѣмянника.

Отношеніе перваго момента къ систематикѣ выражено Шлейденомъ (Grundzüge, 2 изд., 2 часть, стр. 342). Къ этому должно прибавить еще, что яички съ двумя оболочками у одно сѣмяно-

дольныхъ составляютъ исключеніе (до-сихъ-поръ извѣстно только одно у рода: Amaryllis); съ одною оболочкою яички изъ двусѣмянодольныхъ встрѣчается у семейства Petalostomae; яички съ голымъ ядромъ единственно въ группѣ семействъ Santalaccae и Balanophoreae (еще у рода Hippnris). Какъ форма и число оболочекъ яичекъ, такъ и отношеніе ядра къ зародышеву мѣшечку во многихъ семействахъ постоянны.

Менѣе постоянна въ сходныхъ группахъ степень развитія первозародыша. Необычайно сильно и роскошно развита ножка зародыша, между-тѣмъ-какъ внутрьсѣмянникъ весьма малъ и сжатъ, у гераніевыхъ, капуциновыхъ, гвоздичныхъ и пр. Наоборотъ, кисличныя, сродныя съ гераніевыми и капуциновыми, амарантовыя и никтагиновыя сходныя съ гвоздичными имѣютъ первозародышъ очень короткій и тонкій. Такая-же противоположность замѣчается между мотыльковыми и мимозовыми, между крестоцвѣтными и резедовыми и пр.

Въ развитіи внутрьсѣмянника мы видѣли двѣ противоположности: онъ развивается или изъ свободно-образующихся клѣточекъ или чрезъ двойное дѣленіе одной маточной клѣточки; эта противоположность даетъ хорошо разграниченныя группы семействъ; но онъ отдѣляетъ другъ отъ друга также сродныя семейства, какъ напримѣръ, губоцвѣтныя отъ бурачниковыхъ, пасленовыя отъ норичниковыхъ, горечавковыя отъ оробанховыхъ и пр. и соединяетъ вмѣстѣ различныя, какъ напримѣръ грушевидковыя съ росянковыми, вересковыя съ эпакридовыми и пр.

Отсутствіе внутрьсѣмянника въ зрѣлыхъ сѣмянахъ зависитъ отъ замедленія или ускоренія развитія зародыша, и потому не можетъ служить признакомъ для сродства семействъ, точно такъ-же-какъ величина сѣмянныхъ долей и перышка въ зародышѣ. Такъ напримѣръ, исторія развитія показываетъ, что нелюмбій въ молодомъ состояніи имѣетъ очень большой внутрьсѣмянникъ, а между-тѣмъ онъ сходенъ съ нимфеей и родомъ Nuphar; то-же самое родъ Lepidoceros, а онъ сходенъ съ родомъ Loranthus и пр.

Д. Михайловъ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ. — 17 іюня, въ малой конференцзалѣ Императорской академіи наукъ, подъ предсѣдательствомъ президента, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Д. Н. *Блудова*, происходило публичное собраніе академіи, въ которомъ исправляющій должность непремѣннаго секретаря академіи, экстраординарный академикъ К. С. *Веселовскій*, прочиталъ отчетъ о происходившемъ, 17 апрѣля нынѣшняго года, двадцать-шестомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ.

Изъ представленныхъ на состязаніе сочиненій, удостоены:

Полныхъ премій въ 1,428 *руб. серебр.*

1) *Н. Турчанинова*: «Flora baicalensi-dahurica seu descriptio plantarum in regionibus transbaicalensibus atque in Dahuria sponte nascentium». 1856.

2) Д-ра *Пандера:* «Monographie der fossilen Fische des silurischen Systems der Russisch-Baltische Gouvernements».

Половинныхъ премій въ 714 *руб. серебр.*

1) *Б. Чичерина:* «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ». Москва, 1856 г.

2) *Э. Гофмана:* «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой». С.Пб., 1856 г.

3) *А. Соколова:* «Лѣтопись крушеній и пожаровъ судовъ Русскаго флота отъ начала его по 1854 годъ». С.Пб., 1855 г.

4) *Л. Ценковскаго:* «О низшихъ водоросляхъ и инфузоріяхъ». С.Пб., 1856 г.

5) *С. Смирнова:* «Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской академіи». Москва, 1855 г.

6) Проф. *Карпова:* «Систематическое изложеніе логики». С.Пб., 1856 г.

За неимѣніемъ достаточнаго количества премій, удостоены почетнаго отзыва:

1) *П. Гетца*: «Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland». St-Petersbourg, 1854.

2) *Е. Осокина*: «О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи». Казань, 1856.

3) *Н. Андреева:* «Живопись и живописцы главнѣйшихъ Европейскихъ школъ». С.Пб., 1857.

4) *Евгр. Ловягина:* «Богослужебные каноны на Греческомъ, Славянскомъ и Русскомъ языкахъ». С.Пб., 1855—1856 г.

6) *С. Жолкевича:* «Краткій очеркъ анатоміи и физіологіи человѣка и другихъ животныхъ». С.Пб., 1856 г.

Въ знакъ признательности академіи за содѣйствіе при разсмотрѣніи соискательныхъ сочиненій, присуждены установленныя на этотъ предметъ золотыя медали: перваго достоинства—бывшему профессору Московскаго университета Ник. Вас. *Калачову* и профессору Московскаго университета Ив. Дм. *Бѣляеву*, и втораго достоинства—профессору Харьковскаго университета Ал. Вас. *Куницыну* и помощнику попечителя Казанскаго учебнаго округа Ѳ. Ѳ. *Веселаго.*

Ученыя предпріятія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. — Въ засѣданіи Императорскаго Русскаго географическаго Общества 28 мая сообщены были слѣдующія распоряженія относительно ученыхъ предпріятій Общества: 1) *Изданіе географическаго словаря Россіи.* Мысль объ этомъ изданіи уже давно обращала на себя справедливое вниманіе Общества. «Географическій Словарь», соединивъ въ себѣ всѣ разбросанныя и необработанныя фактическія свѣдѣнія по математической, физической и политической географіи Россіи, долженъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ пособій къ распространенію географическихъ познаній въ нашемъ отечествѣ и къ занятіямъ какъ административнымъ, такъ и ученымъ, по всѣмъ безъ изъятія отраслямъ. Нынѣ, по обсужденіи вопроса о «Словарѣ» въ особой коммиссіи, изъ среды Общества, приступлено уже къ осуществленію этой мысли; программа свѣдѣній, которыя должны войти въ «Словарь», окончательно составлена и утверждена Совѣтомъ. Затѣмъ



академикъ П. И. *Кеппенъ*, имѣющій въ своемъ распоряженіи единственные въ своемъ родѣ матеріалы по географіи Россіи, и извѣстный своимъ пламеннымъ усердіемъ къ дѣлу науки, принялъ на себя, по приглашенію совѣта, трудъ составленія алфавитнаго списка всѣхъ словъ, которыя должны войдти въ «Словарь», съ краткимъ обозначеніемъ источниковъ, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія по каждому предмету. Этотъ списокъ не только чрезвычайно облегчитъ самое составленіе статей для «Словаря», но и самъ по себѣ, по богатству библіографическихъ свѣдѣній, которыя онъ будетъ заключать, будетъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки. Во время самаго засѣданія П. И. Кеппенъ обратился ко всѣмъ членамъ съ просьбою, чтобы они оказывали ему содѣйствіе въ его работѣ сообщеніемъ свѣдѣній, находящихся у нихъ въ распоряженіи.— 2) *Изданіе генеральной карты Европейской Россіи.* Потребность въ картѣ Россіи, изданной въ такомъ масштабѣ, который представлялъ-бы общую и вѣрную географическую карту нашего отечества и облегчалъ-бы общее обозрѣніе важнѣйшихъ его географическихъ элементовъ, уже давно чувствовалось не только у насъ, но и во всемъ образованномъ мірѣ; въ настоящее время, при усиленномъ развитіи нашей умственной и промышленой жизни, удовлетвореніе этой потребности дѣлается совершенно настоятельнымъ. Военно-дорожная карта устарѣла и не обнимаетъ всей имперіи; спеціальная карта, также устарѣвшая, имѣетъ характеръ скорѣе атласа, чѣмъ карты. Успѣхъ въ публикѣ разныхъ генеральныхъ картъ Россіи, далеко не удовлетворяющихъ требованіямъ науки и исполненныхъ всякихъ грубыхъ погрѣшностей и картографическихъ недостатковъ, ясно доказывалъ въ послѣднее время всеобщую у насъ нужду въ генеральной картѣ Европейской Россіи, которая, соединивъ въ себѣ, по-возможности, результаты всѣхъ нашихъ географическихъ изслѣдованій, была-бы необходимою опорою при всѣхъ соображеніяхъ ученыхъ, административныхъ и промышленыхъ. Поэтому, не останавливаясь на скудости денежныхъ способовъ Общества, совѣтъ призналъ обязанностію съ его стороны, предъ публикою взять на себя трудъ изданія генеральной карты Европейстой Россіи, съ содѣйствіемъ генеральнаго штаба, который выразилъ къ мысли совѣта живѣйшее сочувствіе. По обсужденіи вопроса въ особой коммиссіи, которая составлена совѣтомъ изъ нѣсколькихъ ученыхъ спеціалистовъ по разнымъ предметамъ карты, совѣтъ, съ согласія г. генералъ-квар-

тирмейстера, оказавшаго самое благосклонное въ этомъ содѣйствіе, поручилъ дѣло за условленную плату военно-топографическому депо, которое будетъ въ своихъ занятіяхъ по составленію и печатанію карты находиться въ постоянной связи съ коммиссіею Общества. При такомъ соединеніи обширныхъ картографическихъ средствъ, находящихся въ распоряженіи генеральнаго штаба, и ученыхъ и матеріальныхъ способовъ со стороны Императорскаго Русскаго географическаго Общества, можно надѣяться на нѣкоторый успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. Карта будетъ заключать въ себѣ Европейскую Россію и Кавказъ; границы будутъ: на сѣверѣ—Норд-Капъ, на югѣ—полные очерки Каспійскаго моря, на западѣ—предѣлы Пруссіи и Австріи и на востокѣ—очертаніе Оренбургской губерніи. Такимъ-образомъ карта будетъ вмѣщать въ себѣ около 35° по широтѣ и 48° по долготѣ. Масштабъ принятъ $\frac{1}{1,680,000}$ или 40 верстъ въ Англійскомъ дюймѣ, какъ наиболѣе-удобный для практическаго употребленія и достаточный для точности въ ученомъ отношеніи. Заботясь о внутреннихъ и ученыхъ достоинствахъ карты, совѣтъ полагалъ необходимымъ придать ей и все совершенство внѣшней технической отдѣлки, требуемое современными успѣхами картографическаго искусства; потому, какъ ни тяжело будетъ на первое время денежное пожертвованіе для бюджета Общества, совѣтъ рѣшился издать карту хромолитографическимъ способомъ, такъ-чтобы на картѣ было 5 различныхъ цвѣтовъ: для границъ, горъ, рѣкъ, дорогъ и надписей. Весь расходъ на составленіе и изданіе карты при 2,000 экземп. будетъ простираться до 18,000 руб. сер., по приблизительному разсчету.—3) *Экспедиція, снаряженная Обществомъ въ восточную Сибирь.* Въ запискѣ, отъ 22 февраля текущаго года, главный астрономъ дѣйствующаго нынѣ математическаго отдѣла экспедиціи сообщилъ совѣту, что въ 1857 г. (третьемъ и послѣднемъ для дѣйствій математическаго отдѣла, согласно первоначальному плану) порученіе экспедиціи въ главныхъ частяхъ будетъ окончено изслѣдованіемъ пространства между Леной и Яблоннымъ хребтомъ, и долинъ рѣкъ Витима, Чары, Чуи и Киренги. Затѣмъ главный астрономъ ходатайствовалъ о продолженіи дѣйствій еще на одинъ годъ (четвертый) и предполагалъ назначить на этотъ годъ изслѣдованія: 1) нижняго теченія Селимджи, 2) пространства между Селимджой и Буреей; 3) долинъ Асигуни и Герина, 4) сѣверной части Иркутской гу-

берніи, 5) Нижнеудинскаго округа и 6) южной части Енисейской губерніи. Съ-одной-стороны, опасаясь чрезмѣрнаго, по этому предположенію, расширенія предѣловъ дѣйствій экспедиціи, обозначаемыхъ въ Высочайше-утвержденномъ планѣ экспедиціи только западною частію Забайкальской области и восточною Иркутской губерніи, и имѣя въ виду незначительность остающейся въ распоряженіи Общества суммы на экспедицію, половина которой уже истрачена, когда важнѣйшій—физическій отдѣлъ экспедиціи еще и не начиналъ своихъ дѣйствій; съ-другой-стороны, признавая необходимымъ не оставлять работъ экспедиціи незаконченными и желая также согласоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ мнѣніемъ генералъ-губернатора восточной Сибири, который находилъ удовлетвореніе ходатайства главнаго астронома полезнымъ, — совѣтъ полагаетъ продолжить дѣйствія математическаго отдѣла сибирской экспедиціи на лѣто 1858 года, сверхъ оканчивающагося въ февралѣ этого года трехлѣтія. Въ-теченіе этого времени одинъ членъ экспедиціи могъ-бы быть отряженъ на востокъ для изслѣдованія пространства между рѣками Буреей и Зеей; всѣ-же прочіе, отправясь съ ранней весной на западъ, занялись-бы опредѣленіемъ тѣхъ пунктовъ, кои въ географическомъ отношеніи будутъ признаны болѣе-важными, и къ концу лѣта собрались-бы въ Томскѣ или другомъ мѣстѣ западной Сибири для окончательнаго слѣдованія въ С. Петербургъ. Такимъ-образомъ направленныя работы, не превосходя средствъ, коими Общество можетъ располагать, округлили-бы и дополнили все начатое и вмѣстѣ съ тѣмъ положили-бы прочное основаніе для будущихъ геодезическихъ работъ въ западной половинѣ восточной Сибири. — 4) *Статистическая экспедиція на Волгу.* Общество еще въ прошедшемъ году проектировало снаряженіе экспедиціи для изслѣдованія промышленаго и судоходнаго движенія на Волгѣ, какъ одного изъ важнѣйшихъ средоточій нашей народной жизни. Программа дѣйствій экспедиціи была уже начертана, приготовлены и денежныя средства, но совѣтъ вынужденъ былъ отложить снаряженіе экспедиціи до будущаго года, единственно за неимѣніемъ въ виду лица, которое соединяло-бы въ себѣ всѣ условія для главнаго распоряженія работами экспедиціи въ-теченіе трехъ предназначенныхъ для нея лѣтъ.

Защищеніе диссертаціи на степень магистра кандидатомъ Вызинскимъ.— 8-го іюня, въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, въ пу-

бличномъ засѣданіи историко-филологическаго факультета, происходилъ диспутъ кандидата *Вызинскаго*, защищавшаго ученое изслѣдованіе, написанное имъ для полученія степени магистра всеобщей исторіи, подъ заглавіемъ: «Папство и священная Римская имперія въ XIV и XV столѣтіяхъ». Важность и интересъ предмета, а также несомнѣнный историческій талантъ диспутанта, привлекли въ залу университета довольно многочисленную публику, внимательно слѣдившую за ходомъ пренія. Возраженія были предложены профессорами *Соловьевымъ* и *Бодянскимъ* и преимущественно относились къ крайне-отвлеченному развитію основной мысли изслѣдованія, не всегда оправдываемому частными историческими явленіями. Въ-заключеніе диспута, деканъ, профессоръ *Соловьевъ*, отъ лица историко-филологическаго факультета, прочелъ слѣдующій отзывъ о сочиненіи г. Вызинскаго:

«Ищущій степени магистра всеобщей исторіи кандидатъ Вызинскій въ представленной имъ диссертаціи обнаружилъ полное знакомство съ литературою предмета, сколько это возможно Русскому ученому, пишущему объ исторіи западной Европы; въ предметѣ обширномъ умѣлъ взять существенныя черты и расположилъ ихъ искусно; въ изложеніи обнаружилъ замѣчательное литературное дарованіе, при чемъ, какъ не Русскій по происхожденію, онъ долженъ былъ преодолѣть большія трудности. Предметъ, избранный г. Вызинскимъ, былъ обработываемъ лучшими историками западной Европы; но въ диссертаціи его не находимъ рабскаго подражанія одному какому-либо сочиненію или мертвой выборки положеній изъ нѣсколькихъ сочиненій: она представляетъ живое, самостоятельное пользованіе положеніями, добытыми наукою; представляетъ сочиненіе, по содержанію и по изложенію занимательное, доступное и будетъ принадлежать къ числу очень полезныхъ пріобрѣтеній Русской литературы. Эти достоинства диссертаціи кандидата Вызинскаго заставляютъ признать ее вполнѣ удовлетворительною».

Сообщаемъ положенія диссертаціи г. Вызинскаго:

1) Оба основныя учрежденія среднихъ вѣковъ — папство и имперія—отличались общимъ, всеобъемлющимъ, отвлеченнымъ и притомъ исключительнымъ характеромъ; оба были противоположны самостоятельному развитію народностей, враждебны всѣмъ стремленіямъ къ независимому существованію; оба придавали всему тогдашнему быту западно-Европейскаго общества духовный, религі-

озный оттѣнокъ; оба наконецъ были необходимымъ моментомъ въ цѣломъ ходѣ историческаго развитія. Но и папство, и имперія должны были уступить, исполнивши свое назначеніе, въ то время, когда появились другія необходимости, т. е. когда въ свѣтскомъ порядкѣ вещей обнаружилось стремленіе къ образованію независимыхъ государствъ, а въ духовномъ — такихъ-же самостоятельныхъ, независимыхъ народныхъ церквей.

2) Между папою и императоромъ должна была возникнуть непримиримая борьба: потому-что оба они имѣли одинаковыя цѣли, которыя старались осуществить въ дѣйствительности, и почти на каждомъ шагу приходили въ столкновеніе. Въ этой борьбѣ перевѣсъ долженъ былъ остаться на сторонѣ папы, потому-что онъ обладалъ гораздо бóльшими средствами, нежели императоръ, и власть его была гораздо прочнѣе власти императорской.

3) Папа въ борьбѣ своей съ императоромъ подалъ руку новому началу, поддерживалъ противъ императора всѣ народности, покровительствовалъ всякому стремленію къ независимости, самостоятельности, обособленію; при помощи его новое начало восторжествовало: императорская власть ушла совершенно изъ дѣйствительности въ сферу идей и юридическихъ понятій.

4) XIV столѣтіе есть эпоха пробужденія народностей, XV — эпоха образованія государствъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

5) Императоры XIV и XV столѣтій, все еще по-прежнему считая себя наслѣдниками Римскихъ цезарей, чувствуютъ слабость своей власти, подорванной съ-одной-стороны папою, съ-другой — Нѣмецкими князьями, и видятъ единственное средство спасенія въ увеличеніи и округленіи своихъ родовыхъ, наслѣдственныхъ властей и въ упроченіи своей династіи. Каждый изъ нихъ старается составить для себя внутри предѣловъ Германіи свое собственное независимое государство; для династическихъ цѣлей и интересовъ своимъ родовыхъ владѣній они начинаютъ жертвовать интерессами имперіи, пользоваться ея правами, какъ источникомъ дохода. Вслѣдствіе этого власть императорская доходитъ до чрезвычайнаго униженія.

6) Въ XIV и XV столѣтіи папа имѣетъ, вслѣдствіе побѣды своей надъ императоромъ, гораздо болѣе непосредственнаго вліянія на дѣла Германіи, нежели собственный ея императоръ.

7) Германія отличалась въ XV столѣтіи отъ другихъ странъ тѣмъ, что государственное начала въ другихъ странахъ основывалось на народномъ единствѣ, въ Германіи-же достигало господства уничтоженіемъ такого единства.

8) Папа и императоръ были, несмотря на свое соперничество, неразлучны въ системѣ средневѣковой жизни. Паденіе одного изъ нихъ влекло необходимо за собою паденіе другаго. Когда не стало императора, который былъ постояннымъ побужденіемъ для папы, тогда и папа сошелъ съ той идеальной высоты, на которой держался при началѣ спора. Тѣ мірскія, низкія средства, къ которымъ принужденъ былъ прибѣгать папа въ борьбѣ своей съ императоромъ, странно вредили ему самому. Свѣтскія притязанія папы глубоко противорѣчили его назначенію, самой природѣ его власти. Гоняясь за мірскими цѣлями, папа безсознательно работалъ надъ собственнымъ своимъ униженіемъ.

9) Хотя въ концѣ XIII столѣтія власть папы все еще казалась огромною, но она въ-сущности не опиралась уже ни на какія прочныя основы, не основывалась на общественномъ мнѣніи, какъ въ прежнія времена; довольно было одного сильнаго удара, и папа упалъ такъ низко, что не былъ уже въ-состояніи подняться изъ своего паденія. Этотъ ударъ нанесъ папству Филиппъ IV, король Французскій.

10) Со смертію Бонифація VIII начинается явный поворотъ въ судьбахъ папства: оно начинается нисходящее движеніе.

11) Глубокая аналогія видна въ судьбахъ папаской и императорской власти въ XIV и XV столѣтіяхъ. Аналогія эта проявляется въ слѣдующемъ:

a) Несмотря на свое униженное положеніе въ Авиньонѣ, папы, подобно императорамъ, сохраняютъ такое-же преувеличенное понятіе о своемъ значеніи въ мірѣ, о всемогуществѣ своей власти. Папы Авиньонскіе не только не понижаютъ тона, но напротивъ повышаютъ его и доводятъ теорію своей власти до небывалыхъ размѣровъ, до крайнихъ послѣдствій.

b) Съ упадкомъ императорской власти упадаютъ нравственно и самыя личности императоровъ: еще въ высшей мѣрѣ мы замѣчаемъ то-же явленіе въ Авиньонскихъ и всѣхъ слѣдующихъ папахъ.

c) Императоры XIV и XV столѣтій, чувствуя все безсиліе своей власти, думали найдти опору въ увеличеніи своихъ родовыхъ вла-

дѣній; такое-же явленіе мы замѣчаемъ и на папскомъ престолѣ. Теряя нравственную опору своего вліянія, папа хочетъ замѣнить ее матеріальною, осязательною, и все вниманіе свое обращаетъ на увеличеніе и упроченіе за собой своихъ Италіянскихъ владѣній.

d) Императоры XIV и XV столѣтій жертвовали правами имперіи для своихъ династическихъ интересовъ, и продавали ихъ за деньги; папы дѣлаютъ то-же: они такъ-же пользуются властію своею надъ церквами запада, какъ богатымъ источникомъ доходовъ, приношеніями народовъ поддерживаютъ свѣтское владычество свое въ Италіи. Духовная власть папы надъ западнымъ христіанствомъ превращается въ огромную финансовую систему.

12) Жизнь папъ въ Авиньонѣ и ихъ злоупотребленія возбуждаютъ два рода сопротивленія: одно глухое, скрытое, проявляющееся въ многочисленныхъ сектахъ—Вальденсовъ, Лоллардовъ, Пикардовъ, Катторовъ, Патареновъ и проч., другое — явное, оффиціальное, происходящее отъ правительствъ; правительства начинаютъ законодательными мѣрами ограждать себя противъ папскихъ посягательствъ.

13) Во время великаго раскола западной церкви, въ первый разъ идея церкви рѣшительно отдѣлилась въ народномъ сознаніи отъ ея внѣшняго представленія. Въ виду раскола и его послѣдствій возникли два направленія церковной оппозиціи — одно либеральное, другое радикальное. Представителемъ перваго былъ Парижскій университетъ, особенно славные его профессоры д'Айли, Жерсонъ, Клеманжисъ; представителями втораго были Виклефъ въ Англіи и Гусъ въ Чехіи.

14) Либеральная партія видѣла корень зла и главную причину порчи церкви въ чрезмѣрномъ преувеличеніи папской власти, и думала, что, съ ограниченіемъ этой власти, церковь опять возвратится въ естественное состояніе; она оставляла неприкосновенною всю систему церковной іерархіи, выработанную вѣками, стараясь только очистить ее отъ позднѣйшихъ наростовъ. Она предположила себѣ положить конецъ папскому абсолютизму, возвысить значеніе совокупнаго тѣла церкви, возстановить власть епископовъ и самостоятельность народныхъ церквей. Лучшимъ средствомъ для этого она считала соборъ и хотѣла сдѣлать его постояннымъ учрежденіемъ церкви. Либеральная партія хотѣла обратить абсолютную монархію папы въ конституціонную; для нея вопросъ о реформѣ церкви былъ вопросомъ о формѣ ея правленія. Монархическая

власть папы должна была быть умѣрена аристократіею епископовъ, облеченною въ демократическую форму соборовъ.

15) Представители радикальнаго направленія видѣли корень зла не въ однихъ только отдѣльныхъ злоупотребленіяхъ, но въ самомъ духѣ церкви. Подъ реформою они разумѣли внутреннее возрожденіе церкви по началамъ первобытнаго христіанства, котораго первообразъ они видѣли въ священномъ писаніи. Отрицая силу преданія и считая св. писаніе единственнымъ мѣриломъ истины, они повѣряли имъ всѣ церковныя установленія, и считали себя въ правѣ отвергать все, что не могло быть оправдано священнымъ писаніемъ.

16) Соборы XV столѣтія показали, что теорія либеральной партіи, желавшая ограничить власть папы соборомъ, не была удобоисполнима. Папство не могло быть конституціонною монархіею, вся сущность папской власти состояла главнымъ образомъ въ ея неограниченности; невозможно было согласить полновластіе собора съ апостольскимъ полновластіемъ папы. Невозможно было слить въ одну систему независимость народныхъ церквей, самостоятельность епископовъ и понятіе о папѣ, какъ о всеобщемъ епископѣ. Нельзя было уничтожить папскій абсолютизмъ и сохранить при этомъ прежнее единство церкви. Съ неопреодолимыми препятствіями связано было примѣненіе конституціоннаго начала къ папству. Противъ соборовъ папа могъ всегда дѣйствовать по старому правилу: «divide et impera», ссорить между собою отдѣльныя народности и, пользуясь ихъ разногласіемъ, побѣждать всякую оппозицію.

Засѣданіе Виленской археологической коммиссіи. — 11 іюня, происходило обыкновенное засѣданіе Виленской археологической коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ вице-президента *Балинскаго.*

По прочтеніи ученымъ секретаремъ журнала минувшаго засѣданія, а также списка пожертвованіямъ, поступившимъ въ музеумъ въ-теченіе истекшаго мѣсяца, въ числѣ коихъ нѣсколько библіографическихъ рѣдкостей, подаренныхъ г. Климчицкимъ, — дѣйствительный членъ *Киркоръ* прочелъ краткій отчетъ о занятіяхъ своихъ въ послѣдніе три мѣсяца въ С.-Петербургѣ.

«Продолжительное пребываніе мое — говоритъ г. Киркоръ — въ нынѣшнемъ году въ С.-Петербургѣ, дало мнѣ возможность хотя отчасти исполнить порученіе г. предсѣдателя нашей коммиссіи на-

счетъ извлеченія возможныхъ выгодъ изъ тѣхъ сокровищъ науки, коими такъ богата столица Россіи. Само по себѣ разумѣется, я говорю здѣсь о наукѣ археологіи и сродныхъ съ нею — археографіи, этнографіи и библіографіи. Въ этомъ случаѣ я болѣе всего обратилъ вниманія на Императорскую публичную библіотеку, представляющую неоцѣненныя сокровища для всякаго любознательнаго изыскателя, а для насъ, по самому первоначальному своему образованію, вмѣщая въ себѣ книгохранилища бывшаго Варшавскаго общества любителей наукъ и братьевъ Залускихъ, имѣющую особенный интересъ. Знаменитый директоръ библіотеки, сочленъ нашъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ М. А. Корфъ, съ такою пламенною любовію и неутомимымъ трудомъ пролагающій путь къ всестороннему и плодотворному ея обогащенію, содѣлавшій уже ее живымъ источникомъ въ дѣлѣ умственнаго образованія, — по особенному милостивому вниманію къ нашему обществу, дозволилъ мнѣ пользоваться всѣми богатыми источниками сего книгохранилища. Съ особеннымъ удовольствіемъ передаю почтеннымъ сочленамъ слова барона М. А. Корфа, что: «онъ во всякомъ случаѣ и всѣми зависящими отъ него средствами готовъ содѣйствовать просвѣщеннымъ стремленіямъ нашего общества». Далѣе г. Киркоръ упомянулъ о внутреннемъ устройствѣ библіотеки, о тѣхъ удобствамъ, какія представляетъ отечественное отдѣленіе, посредствомъ недавно составленныхъ по новой системѣ тройныхъ каталоговъ, съ удивительною скоростію отыскивать не только всякую книгу, коей извѣстно заглавіе или имя автора, но даже находить указаніе матеріаловъ, разбросанныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ для описанія какого-либо историческаго событія, исчислилъ всѣ болѣе замѣчательныя библіографическія рѣдкости типографій Виленскихъ, Несвижской, Заблудовской, Супрасльской, Евейской, Острожской, Могилевской и др. Изъ нихъ мы приведемъ здѣсь *Апостолъ* и *Канонъ*, напечатанные Скориною въ Вильнѣ въ 1525 году, *Лютеранскій катихизисъ* на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, напечатанный въ Несвижѣ въ 1562 году, *Псалтирь и Новый Завѣтъ* — первая книга, вышедшая изъ типографіи въ Евьѣ въ 1611, и много другихъ, изъ коихъ большая часть уникаты. Наибольшее вниманіе обращено было г. Киркоромъ на множество Польскихъ и Латинскихъ рукописей, заключающихъ неоцѣненные матеріалы для нашей исторіи. Онъ въ подробности разсмотрѣлъ всѣ каталоги и многія изъ рукописей. По его старанію и съ разрѣшенія г. дирек-

тора, весь каталогъ переписывается для Виленскаго музеума, дабы выбрать изъ него для переписки тѣ изъ рукописей, кои признаны будутъ коммиссіею особенно для насъ интересными, нѣкоторыя-же и въ настоящее время, по выбору самого г. Киркора, переписываются для музеума. Не ограничиваясь трудами въ библіотекѣ, г. Киркоръ старался ближе познакомиться съ предметами, имѣющими миѳологическое значеніе, и съ разными древностями, хранящимися въ Императорскомъ эрмитажѣ, въ Румянцовскомъ музеумѣ, въ Императорскомъ археологическомъ обществѣ, въ замѣчательномъ собраніи древностей гр. А. С. Уварова, у одного изъ ревностнѣйшихъ и благороднѣйшихъ тружениковъ въ наше время по части археологіи П. С. Савельева. Многіе предметы, по сходству своему съ хранящимися въ Виленскомъ музеумѣ, или отысканными самимъ г. Киркоромъ въ разныхъ мѣстахъ Литвы, обратили особенное его вниманіе. Онъ разсказываетъ про идола Перуна, найденнаго вблизи Чешской Праги и поступившаго чрезъ посредство знаменитаго Ганки въ музеумъ гр. Уварова. Перунъ этотъ совершенно схожъ съ нашимъ Перкунасомъ, подареннымъ I. И. Крашевскимъ, съ тою только разницею, что покрытъ волосами и въ стоячемъ положеніи, хотя и у него колѣна нѣсколько согнуты. У г. Савельева видѣлъ г. Киркоръ вѣсы, найденные имъ въ курганѣ въ одной изъ внутреннихъ губерній, точь-въ-точь такія-же, какія отысканы имъ въ прошедшемъ году въ первый разъ въ Литвѣ, въ Борисовскомъ уѣздѣ. Впрочемъ, о сравнительныхъ выводахъ своихъ и замѣчаніяхъ по части археологическихъ предметовъ и о связи ихъ съ Литовскою археологіею, г. Киркоръ обѣщалъ представить болѣе подробный отчетъ. Въ-заключеніе, упомянувъ о необыкновенной ученой дѣятельности Петербургскихъ археологовъ, и въ-особенности о трудахъ и благородномъ сочувствіи къ нашимъ стремленіямъ и успѣхамъ академиковъ *Куника* и *Коркунова*, гр. *Уварова*, П. С. *Савельева*, Д. А. *Польнова* и др., г. Киркоръ представилъ привезенныя имъ приношенія изъ С.-Петербурга: отъ Имп. археологическаго общества—всѣ изданія онаго въ числѣ 20 томовъ; отъ гр. Уварова—великолѣпное его изданіе древностей Южной Россіи и береговъ Чернаго моря; отъ академиковъ гг. Куника и Коркунова—важный для нашей исторіи трудъ: грамоты, касающіяся до сношеній Полоцкихъ князей съ Ганзейскими городами, изданныя подъ ихъ редакціею и объясняющія намъ такіе факты и имена, о которыхъ до-сихъ-поръ даже не упоминалось въ исторіи столь долгое время подвластнаго Литвѣ Полоцкаго княже-

ства; отъ г. Куника-же—нѣкоторыя бумаги, оставшіяся послѣ митрополита Сестрженцевича; отъ капельмейстера Императорскихъ театровъ—разные рѣдкіе автографы (Іоанна Гусса, Яна Зыски, Ганки, Львова, Жуковскаго); отъ преосвящ. епископа Викентія Липскаго—медаль 1773 г. съ изображеніемъ Почаевской Божіей Матери и видъ г. Полоцка; отъ книгопродавцевъ Кораблева и Сирякова—около 100 разныхъ сочиненій. Кромѣ того представленъ былъ неизвѣстный идолъ, присланный помѣщицею Сидаліею Свида, найденный въ имѣніи ея Богданово, близъ Вилейки.

Послѣ сего дѣйствительный членъ М. М. *Гусевъ* прочелъ весьма любопытную статью о двухъ руническихъ календаряхъ, присланныхъ изъ Кіевскаго университета (находившихся прежде въ библіотекѣ Виленскаго университета), изъ коихъ одинъ на досчечкахъ, а другой на палкѣ. Въ этой статьѣ г. Гусевъ доказываетъ прежде всего тожественность внутренняго устройства обоихъ календарей и совершенное различіе оныхъ отъ экземпляра древняго Литовскаго календаря, объясненнаго имъ-же въ другой обширной статьѣ, читанной въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій. Затѣмъ, указавъ на сходство встрѣчающихся въ обоихъ календаряхъ рунъ съ рунами Вендскаго алфавита, онъ приходитъ къ заключенію, что разсматриваемые календари происхожденія чисто-Славянскаго и принадлежатъ къ переходной эпохѣ отъ состоянія невѣжества къ образованности — можетъ-быть, отъ язычества къ христіанству.

Наконецъ обдуманы средства для печатанія 1 тома *Археографическихъ актовъ*, распредѣлены занятія по изданію 2 т. *Записокъ*, поручено разсмотрѣніе составленныхъ уже доселѣ каталоговъ только-что возвратившемуся въ Вильно, послѣ долгаго отсутствія, знаменитому нашему ученому, дѣйствительному члену Николаю *Малиновскому*.

Въ-заключеніе археологическая коммиссія, признавая необходимымъ имѣть достойныхъ посредниковъ въ сношеніяхъ своихъ со всѣми учеными обществами въ земляхъ Славянскихъ и въ-уваженіе особенныхъ заслугъ на поприщѣ раскрытія Славянскихъ древностей, единогласно избрала въ дѣйствительные члены: знаменитыхъ Чешскихъ ученыхъ Павла *Шафарика* и Венцеслава *Ганку* въ Прагѣ, академиковъ Имп. акад. наукъ. М. А. *Коркунова* и А. А. *Куника* въ Петербургѣ, и члена многихъ ученыхъ обществъ. стат. сов. А. А. *Скальковскаго* въ Одессѣ. Въ этомъ-же засѣданіи из-

бранъ единогласно въ дѣйств. члены оказавшій весьма важныя услуги нашему музеуму, инженеръ-ген.-маіоръ М. Г. *Евреиновъ*.

Программа конкурса для замѣщенія каѳедры Греческой словесности и древностей въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — На основаніи § 78 общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, Высочайше утвержденнаго въ 26 день іюля 1835 года, совѣтъ Казанскаго университета объявляетъ конкурсъ на упразднившееся мѣсто профессора Греческой словесности и древностей. Желающій занять это мѣсто, сверхъ сочиненій, могущихъ служить доказательствомъ его познаній по означеннымъ предметамъ, обязанъ представить въ совѣтъ Казанскаго университета къ 15-му августа 1858 года: 1) *Обзоръ исторіи Греческой поэзіи*. Въ предисловіи къ сему обзору соискатель упомянутой каѳедры долженъ дать критическій разборъ важнѣйшихъ сочиненій по исторіи Греческой литературы. При самомъ изложеніи исторіи Греческой поэзіи не требуется подробное исчисленіе Греческихъ поэтовъ. но необходима ясная характеристика различныхъ родовъ поэзіи. главныхъ представителей въ оныхъ и оцѣнка ихъ твореній въ эстетическомъ отношеніи. 2) *Обозрѣніе Греческихъ древностей*, въ главнѣйшихъ ихъ чертахъ, съ критическою оцѣнкою замѣчательнѣйшихъ сочиненій по онымъ. Въ предисловіи авторъ долженъ изложить результатъ главнѣйшихъ изслѣдованій о соотношеніи Греческихъ племенъ. Одно изъ этихъ двухъ сочиненій соискатель по своему выбору долженъ представить на Латинскомъ языкѣ. 3) *Программу университетскихъ лекцій о Греческой словесности и древностяхъ* на Русскомъ языкѣ. Въ ней долженствуютъ быть подробно объяснены: объемъ, послѣдовательность и способъ преподаванія, съ опредѣлительнымъ указаніемъ на сочиненія, предполагаемыя къ руководству вполнѣ, или только отчасти. Выполнивъ эти требованія, соискатель, по § 78 вышеупомянутаго устава, обязанъ дать, въ одномъ изъ Россійскихъ университетовъ, три пробныя лекціи, въ присутствіи ректора и членовъ историко-филологическаго факультета, на Русскомъ языкѣ. По штату Императорскаго Казанскаго университета, получаютъ: ординарный профессоръ — жалованья 1,142 р. $85\frac{5}{7}$ к. сер., квартирныхъ 142 р. $85\frac{5}{7}$ к. сер.; экстраординарный профессоръ — жалованья 857 р. $14\frac{2}{7}$ к. сер., квартирныхъ 114 р. $28\frac{4}{7}$ к. сер. По именному Высочайшему указу, данному правительствующему сенату въ 6-й

день ноября 1852 года, чиновникамъ, состоящимъ въ учебномъ вѣдомствѣ, за усердную и безпорочную службу, назначено производить: за 20 лѣтъ—половинную, а за 25 лѣтъ—полную пенсію.

СТАРИННОЕ РУССКОЕ СЕРЕБРО, СОБРАНІЯ ПОКОЙНАГО ГРАФА Л. А. ПЕРОВСКАГО. — Въ 1-мъ выпускѣ «Извѣстій» Императорскаго археологическаго Общества мы нашли слѣдующее извѣстіе о достопримѣчательныхъ древностяхъ, сообщаемое *П. С. Савельевымъ*. «Въ собраніи покойнаго графа Льва Алексѣевича Перовскаго находилось болѣе шестидесяти старинныхъ Русскихъ серебряныхъ издѣлій: братины, кружки, стопы, кубки, чаши, чарки, ковши, кунганы, тарелки, солонки и ложки. Нѣкоторыя изъ нихъ налитографированы были, по желанію графа, на пяти большихъ листахъ. Опись всѣмъ вещамъ составлена была, по его порученію, мною въ 1852 году. Къ сожалѣнію, весьма многія изображенія и надписи на нихъ оказались новодѣльными, фабрики Адербиджанова и другихъ мастеровъ, снабжавшихъ любителей и собирателей древности своими поддѣлками въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Изъ подлинныхъ вещей, въ собраніи графа, находились двѣ примѣчательныя братины:

Первая.—Вся вызолоченная. Снаружи четыре арабеска, чернью. На днѣ, царскій орелъ, чернью-же. Кругомъ, по краю, надпись, вырѣзанная вязью и покрытая чернью.

✝ Божиею милостїю мы великїй князь Гдрь Црь и великїй Князь Михаилъ Феодоровичь всеа Русїи самодержецъ и Царица наша великаа Княгиня Евдокѣа изволили есма взяти изъ дома Преславныя Троицы и Преподобнаго Чюдотворца Сергїя братину на мѣсто тое взятые братины изволили дать сїю братину въ домъ Преславныя Троицы и Преподобнаго Чюдотворца Сергїя.

Вторая.—Вызолоченная, съ рѣзнымъ изображеніемъ царскаго герба и надписью по краю, вязью:

Царя ї великого князя Алеѯїя Михайловича всея великїя и малыя и бѣлыя Россїи самодержца и великого Гдря.

Изъ кубковъ, замѣчателенъ одинъ, съ царскимъ двуглавымъ орломъ и слѣдующею надписью:

1717 году по оуказу великого гдря цря и великого кнзя Петра Алеѯиевича всея великия и малыя и бѣлыя Росіи са-

модвжица пожалованъ сей сосудъ полковнику Федору Алексѣеву сыну Матигорову за службу его что онъ зделалъ оу Ямышева озера городъ.

Любопытенъ еще одинъ ковшъ, вызолоченный внутри, съ изображеніемъ выпукло двуглаваго орла на днѣ, и таковыхъ-же меньшаго размѣра на ручкѣ и на краю ковша. Снаружи, въ осьми узорчатыхъ рамочкахъ, находится слѣдующая надпись, читаемая черезъ одну рамочку:

(1) **лѣта 7201 го марта кs дня поуказу великаго гдря цря і великаго кнзя — (3) Петра Алексѣевича — (5) всея великия и малыя и бѣлыя — (7) Россіи Самодержца — (2) пожалован из гдртвеннаго посолскаго — (4) приказа вмосквѣ симъ ковшомъ зимовой — (6) станицы донскихъ козаковъ — (8) атаманъ Григорей Мамоновъ.**

Участіе французскаго правительства въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ частными компаніями. — Послѣ обсужденія разныхъ способовъ производства государственныхъ работъ, и послѣ перехода отъ исключительнаго ихъ производства правительствомъ къ столь-же исключительному предоставленію ихъ въ частныя руки, во Франціи остановилось на сліяніи этихъ двухъ силъ, т. е. на содѣйствіи правительства частнымъ компаніямъ. Содѣйствіе это имѣло два главные вида: а) обезпеченіе извѣстнаго процента для дорогъ, въ-сущности выгодныхъ, но не казавшихся таковыми публикѣ, которая не была расположена давать на нихъ капиталы, и б) вспомоществованіе землями, работами или деньгами для дорогъ, которыя, повидимому, не обѣщали достаточныхъ доходовъ.

Нѣсколько лѣтъ опыта доказали вполнѣ пользу подобнаго участія. Большая часть линій, считавшихся невыгодными во время разрѣшенія ихъ постройки, приносятъ значительные доходы вслѣдствіе дѣятельности движенія, чрезвычайно усилившагося подъ тройнымъ вліяніемъ: правильности, быстроты и дешевизны проѣзда. Въ послѣднее время, на вновь разрѣшенныхъ дорогахъ, вспомоществованіе значительно уменьшено и замѣнено обезпеченіемъ весьма малаго процента на суммы, вносимыя акціонерами. Польза подобнаго образа дѣйствій для государственныхъ финансовъ неоспорима; а изъ компаній до-сихъ-поръ ни одна не жаловалась на эту замѣну вспоможенія обезпеченіемъ: напротивъ-того, кредитъ ихъ увеличивался при содѣйствіи правительственнаго кре-

дита. Не смотря на плодотворныя послѣдствія обезпеченія процентовъ, значеніе его было понято и принято не безъ труда. Честь приложенія его принадлежитъ г. Бертолони; его-же настойчивости и трудамъ оно обязано своимъ осуществленіемъ. Финансовые люди находили наименьшій предѣлъ обезпеченія недостаточнымъ для привлеченія капиталовъ, а государственное казначейство боялось ослабить свой кредитъ и дѣйствовать себѣ въ подрывъ. Опытъ доказалъ несправедливость этихъ опасеній. Денегъ явилось множество, при увѣренности въ обезпеченіи хотя малаго процента и полномъ погашеніи капитала. Что касается до казны, то данное ею обезпеченіе распространило ея кредитъ, доказавъ, что самые значительные капиталы имѣютъ нужду въ ея содѣйствіи и опорѣ, и что они не довольно сильны для важныхъ предпріятій безъ ея покровительства.

Рядомъ съ этою, общею для всѣхъ, пользою отъ обезпеченія казною процентовъ съ капиталовъ, на которые построены почти всѣ Французскія желѣзныя дороги, не оказалось никакого, хотя бы малѣйшаго вреда. Казна не только не потеряла отъ этого ручательства, но еще выиграла при замѣнѣ вспомоществованій обезпеченіемъ, и кромѣ того, пріобрѣла всѣ сказанныя выгоды безъ всякаго опасенія за будущее.

Для убѣжденія въ этомъ, разсмотримъ состояніе предпріятій, обезпеченныхъ правительствомъ: 1) Компанія Орлеанской желѣзной дороги, съ капиталомъ въ 150 милліоновъ, имѣетъ 4% обезпеченія въ годъ, т. е. 6 милліоновъ. Чистый доходъ компаніи въ 1855 году на 1053 открытыхъ километрахъ дороги, изъ числа 1758 предполагаемыхъ, составилъ 32 мил. фр. Изъ нихъ на уплату процентовъ по долгамъ употреблено 5,700,000 фр. и на дивидендъ — по 80 франковъ на акцію въ 500 фр. — 24,000,000 франковъ. — 2) Компанія западной дороги, длиною въ 2,000 километровъ, имѣетъ 4% обезпеченія на капиталъ въ 359,370 фр., который она должна занять, и $3^1/_2$ % на капиталъ 150 милліоновъ въ акціяхъ, или всего въ годъ 19,624,800. Въ 1855 году, открытые для проѣзда 795 километровъ доставили чистый доходъ, достаточный для уплаты 4,891,784 фр. процентовъ по долгамъ, и для выдачи дивиденда на 50 фр. на акцію, всего 19,891,784 фр. Тутъ доходъ то-же превышаетъ обезпеченную правительствомъ сумму.—3) Ліонская дорога имѣетъ разнаго рода обезпеченія, составляющія въ годъ сумму 8,965,290 фр. Изъ 927 километровъ этой дороги, построено 574, и

въ 1855 году выдано на каждую акцію по 85 франковъ или 22,525,000 франковъ и уплачено процентовъ 5,000,000 фр. Теперь чистый доходъ превышаетъ устроенное обезпеченіе и правительство предоставило казначейству за его покровительство нѣкоторую долю въ выгодахъ, что доставитъ ему нѣсколько милліоновъ, при отсутствіи издержекъ съ его стороны. — 4) Компанія дороги къ Средиземному морю, не вполнѣ построенной, получила чистаго дохода 13,991,000 фр., тогда-какъ государственное казначейство обезпечило акціонерамъ ежегодную сумму 5,618,000 франковъ.

Нельзя съ точностью показать доходы другихъ компаній, которыхъ дороги далеко не вполнѣ построены; но есть поводъ надѣяться, что данное имъ обезпеченіе будетъ только нарицательное, такъ и для тѣхъ дорогъ, которыхъ финансовое положеніе мы здѣсь описали.

Скажемъ въ-заключеніе, что обезпеченіе не вводило казну ни въ какія издержки, и что настоящіе доходы дорогъ служатъ порукою въ томъ, что и впредь ей не придется ничего платить, а развѣ пользоваться, за покровительство свое, нѣкоторою частію доходовъ съ желѣзныхъ дорогъ.

Торжественный актъ въ Олонецкой гимназіи.—23 іюня Олонецкая гимназія заключила свой учебный годъ торжественнымъ актомъ, въ присутствіи г. Олонецкаго гражданскаго губернатора, почетнаго духовенства, родителей учащихся и любителей просвѣщенія. Актъ былъ открытъ пѣніемъ молитвы: «Царю небесный», послѣ котораго читали: старшій учитель *Довe*—разсужденіе: «Объ историческомъ значеніи сочиненій Фонъ-Визина»; сочиненіе кончившаго курсъ наукъ въ гимназіи *Фортунатова:* «О посланіяхъ въ Русской литературѣ»; краткій отчетъ о состояніи Олонецкой гимназіи за $18^{56}/_{57}$ учебный годъ (*). По пропѣтіи канта: «Коль славенъ нашъ Господь», были розданы награды ученикамъ, отличившимся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, и въ-заключеніе пропѣтъ народный гимнъ: «Боже, Царя храни!».

Торжественный актъ въ Хотинскомъ уѣздномъ училищѣ. — Въ Одесскомъ Вѣстникѣ напечатано: «29 іюня, Хотинское уѣздное учили-

(*) Къ прочтенію на актѣ было приготовлено еще сочиненіе кончившаго курсъ наукъ въ гимназіи *Кутейникова*: «О сатирахъ Крылова», но по недостатку времени осталось непрочитаннымъ.



ще, вмѣстѣ съ приходскимъ, праздновало окончаніе учебнаго года торжественнымъ актомъ. Нельзя не упомянуть, что осуществляется мысль г. попечителя Одесскаго учебнаго округа Н. И. Пирогова— поставить уѣздныя училища на ту степень, на которой они моглибы приготовлять дѣтей къ начатію поприща, которое они избираютъ по выходѣ изъ училища. Такъ-какъ въ здѣшнемъ училищѣ дѣти по большей части происхожденія дворянскаго, и нѣкоторые изъ нихъ, принадлежа къ недостаточному состоянію, по окончаніи курса училищныхъ наукъ, поступаютъ обыкновенно въ гражданскую службу, а другіе переходятъ въ гимназію для дальнѣйшаго образованія: то понятно, что для первыхъ полезно и необходимо ввести въ этомъ училищѣ преподаваніе общихъ понятій объ отечественныхъ узаконеніяхъ, формахъ судопроизводства и бухгалтеріи, а для послѣднихъ—преподаваніе Французскаго и Нѣмецкаго языковъ. Предводитель дворянства Хотинскаго уѣзда Н. М. *Крупенскій*, понявъ и оцѣнивъ вполнѣ всю пользу отъ введенія дополнительнаго преподаванія въ училищѣ этихъ наукъ, убѣдилъ дворянъ изыскать къ тому средства, вслѣдствіе чего и опредѣлено, въ общемъ собраніи дворянъ 26 іюня, жертвовать ежегодно по 1/2 копейки съ десятины въ пользу введенія въ Хотинскомъ уѣздномъ училищѣ преподаванія упомянутыхъ дополнительныхъ курсовъ. Сумма эта будетъ приблизительно простираться до 2,000 руб. сер., изъ числа коихъ на жалованье тремъ учителямъ: законовѣдѣнія и бухгалтеріи, Французскаго языка и Нѣмецкаго языка, назначается въ годъ по 200 руб. сер. каждому, а остальныя деньги будутъ употребляемы на улучшеніе училищной библіотеки и на другіе предметы относительно дополнительныхъ курсовъ, по усмотрѣнію уѣзднаго предводителя дворянства. Можно надѣяться, что все это устроится въ скоромъ времени. Остается только ожидать разрѣшенія высшаго начальства. И всѣмъ этимъ мы обязаны единственно старанію неутомимаго въ дѣлахъ общей пользы нашего предводителя дворянства».

АЛ. СОИЧЪ.

ЭКЗАМЕНЪ ФЕЛЬДШЕРОВЪ ВЪ ОБУХОВСКОЙ ГРАДСКОЙ БОЛЬНИЦѢ. — Въ Россіи существуетъ много такихъ учебныхъ заведеній, которыя, имѣя совершенно спеціальныя назначенія, весьма многимъ неизвѣстны и по названію, а между-тѣмъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ обра-

зуются молодые люди и прекрасно приготовляются къ тому или другому поприщу службы. Къ числу такихъ заведеній принадлежитъ *школа для образованія фельдшеровъ* при Обуховской градской больницѣ, въ С. Петербургѣ. Недавно мы нашли въ Сѣв. Пч. слѣдующее извѣстіе объ экзаменѣ, который былъ въ этой школѣ: «Извѣстно, какое пособіе доставляетъ фельдшеръ врачу въ пользованіи больныхъ. Часто замѣняетъ онъ врача, и подаетъ больному первую помощь. Мы разумѣемъ фельдшера, получившаго необходимыя свѣдѣнія о строеніи и отправленіяхъ человѣческаго тѣла (анатомія и физіологія), о свойствахъ и приготовленіи лекарствъ (матерія-медика и фармація), и пріобрѣтшаго навыкъ въ производствѣ легкихъ хирургическихъ операцій. Фельдшеръ, изучившій сказанные предметы, можетъ вполнѣ быть помощникомъ врачу. Призванный къ больному, въ отсутствіе врача, онъ можетъ оказать великую пользу. У насъ въ Россіи наиболѣе нуждаются въ фельдшерахъ помѣщики, заботящіеся о здоровьѣ своихъ крестьянъ. Потребность въ этомъ классѣ людей не укрылась отъ правительства, уже давно учредившаго для этого школы. Въ военныхъ госпиталяхъ существуютъ фельдшерскія школы съ незапамятныхъ временъ. Въ Обуховской градской больницѣ *школа для образованія фельдшеровъ* существуетъ отъ 1831 года, и также можетъ назваться однимъ изъ благотворительныхъ памятниковъ въ Бозѣ почившаго Императора Николая I (*). Изъ этой школы, по сіе время, выпущены 271 фельдшеръ разныхъ вѣдомствъ, именно: 70 принадлежащихъ собственно Обуховской градской больницѣ, 73 министерству внутреннихъ дѣлъ, 22 министерству Императорскаго Двора, 9 министерству государственныхъ имуществъ, 14 главному управленію путей сообщенія, 5 воспитательному дому и 71 частнымъ владѣльцамъ. Предметы, преподаваемые въ этой школѣ, суть: законъ Божій, Русскій и Латинскій языки и ариѳметика. Предметы-же, собственно относящіеся къ фельдшерскому дѣлу: анатомія, матерія медика и фармація, практическая хирургія (легкія хирургическія операціи: кровопусканіе, вправливаніе вывиховъ костей и пр.), гигіена и діететика (хожденіе за больными).

(*) Долгомъ поставляю замѣтить, что въ учрежденіи этой школы принималъ главнѣйшее участіе бывшій попечителемъ Обуховской больницы, тайный совѣтникъ Алексѣй Даниловичъ Стогъ, оставившій, въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его, незабвенное о себѣ воспоминаніе. *Н. Гр.*



«Нынѣшняго года экзаменъ въ школѣ фельдшеровъ происходилъ 2 іюля, въ присутствіи г. товарища медицинскаго инспектора учрежденій Императрицы Маріи, одного изъ членовъ физиката, врачей Обуховской больницы и многихъ постороннихъ посѣтителей. Изъ закона Божія ученики отвѣчали весьма удовлетворительно; по ихъ успѣхамъ можно судить, что метода преподаванія весьма легка и удобна для памяти учащихся. То-же самое должны мы сказать о знаніяхъ учениковъ въ Русскомъ языкѣ и ариѳметикѣ. Основательныя понятія о Русскомъ языкѣ, преподанныя ученикамъ въ школѣ, столь удовлетворительны, что могутъ руководствовать ихъ къ дальнѣйшему усовершенствованію въ словесности. Рѣшеніемъ задачъ изъ ариѳметики доказали ученики и свое прилежаніе, и отличный способъ своего преподавателя. Но болѣе всего занимали посѣтителей отвѣты учениковъ изъ Латинскаго языка: переводя статьи, они дѣлали грамматическій разборъ и объясняли синтаксисъ очень удовлетворительно. Нельзя не удивляться успѣхамъ этихъ простыхъ мальчиковъ, изъ коихъ многіе поступили въ школу прямо изъ деревень, съ *самыми скудными знаніями чтенія и письма* (1), но еще замѣчательнѣе, что въ столь краткое время (впродолженіе четырехъ лѣтъ) школа приготовила ихъ къ званію фельдшеровъ. Испытаніе изъ предметовъ собственно медицинскихъ было продолжительнѣе и обширнѣе. Отвѣты учениковъ на вопросы, предложенные посѣтителями, были основательны и служили доказательствомъ, что трудъ начальства школы не остался тщетнымъ, и обученіе мальчиковъ вознаградилось успѣхомъ. Въ подробности ознакомленные съ правилами гигіены и діететики, ученики имѣютъ тѣмъ лучшее понятіе объ обхожденіи съ больными (2). Кромѣ ловкости производить всѣ легкія хирургическія операціи, ученики совершенно знакомы со способами и средствами, служащими къ поданію помощи въ случаяхъ внезапныхъ, угрожающихъ опасностію для жизни, каковы, напримѣръ, отравленіе ядами, укушеніе бѣшеными животными, и проч.

---

(1) Въ настоящее время, когда повсюду распространена грамотность, можно предполагать, что мальчики, отправляемые въ фельдшерскую школу, будутъ порядочно обучены грамотѣ.

(2) Фельдшеръ, получившій надлежащее образованіе и рачительно занимающійся своимъ дѣломъ, всегда будетъ не только наблюдать за больными, но присмотритъ также за лазаретною прислугою, котрая, какъ извѣстно, не всегда сострадательна къ болящимъ.



«Образованіе фельдшеровъ въ школѣ при Обуховской градской больницѣ соединено съ тѣмъ удобствомъ, что они, впродолженіе всего курса ученія, ходятъ за больными въ палатахъ и видятъ практическое примѣненіе къ дѣлу всего слышаннаго и выученнаго ими въ школѣ. Въ фельдшерскую школу, при Обуховской градской больницѣ, поступаютъ мальчики изъ разныхъ губерній: по этому нерѣдко иные изъ нихъ много претерпѣваютъ отъ вліянія климата. Конечно, при особенномъ объ ученикахъ попеченіи начальника больницы, при хорошемъ содержаніи пищею, одеждою и правильнымъ распредѣленіемъ учебныхъ и служебныхъ занятій, предохраняются болѣзни, легко могущія развиться между ими. Это самое способствуетъ, что ученики благополучно оканчиваютъ годы ученія, и возвращаются на родину здоровыми. Въ нынѣшнемъ году выпущено изъ сей фельдшерской школы 28 фельдшеровъ слѣдующихъ вѣдомствъ: Обуховской больницы 6, министерства внутреннихъ дѣлъ 7, главнаго управленія путей сообщенія 1, Императорскаго кабинета 3, Ораніенбаумскаго дворцоваго правленія 1, частныхъ владѣльцевъ 10. Изъ нихъ пятеро удостоены званія старшихъ фельдшеровъ. Постановленіями школы опредѣлено производить награды за благонравіе и прилежаніе во все время ученія. Награды эти состоятъ изъ книгъ и карманныхъ хирургическихъ инструментовъ. Въ нынѣшній выпускъ таковыя награды были розданы г. товарищемъ медицинскаго инспектора учрежденій Императрицы Маріи двѣнадцати ученикамъ. Непростительно было-бы умолчать о благотворительномъ приношеніи покойнаго лейбъ-медика Рюля въ пользу школы при Обуховской градской больницѣ. Въ 1845 году, этотъ незабвенный другъ страждущаго человѣчества, внесъ въ здѣшній Опекунскій совѣтъ 1000 р. съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ, при каждомъ выпускѣ фельдшеровъ, были выдаваемы отличнѣйшему изъ нихъ (*) 50 р. въ награжденіе. Въ нынѣшній разъ начальство школы опредѣлило эту денежную награду воспитаннику Андрею *Юшкову*. Прибавимъ къ тому, что покойный лейбъ-медикъ Рюль всюду являлся утѣшителемъ страждущихъ. Онъ старался, сколько могъ, подражать великой Благотворительницѣ сирыхъ и немощныхъ. Нынѣ въ фельд-

---

(*) Этотъ ученикъ, отличившійся благонравіемъ и прилежаніемъ, непремѣнно долженъ быть изъ принадлежащихъ собственно Обуховской градской больницѣ.



шерской школѣ состоятъ 32 ученика. Изъ нихъ 25 переведены въ высшій классъ, а семеро остались въ младшемъ классѣ, по причинѣ поздняго поступленія въ школу. При всемъ желаніи нашемъ распространиться здѣсь въ похвалахъ преподавателямъ наукъ въ школѣ фельдшеровъ, удерживаемся отъ этого, потому-что начальники больницы уже достодолжно оцѣнили отличные ихъ труды и ревность, съ какою исправляютъ они долгъ свой».

А. Н.

Письма изъ-за границы Русскаго преподавателя. — Лѣтнія книжки Русскихъ журналовъ и листки Русскихъ газетъ наполнены письмами нашихъ соотечественниковъ, отправившихся за-границу. Довольно пробѣжать по нѣскольку строкъ каждаго изъ этихъ писемъ, чтобы видѣть, котораго изъ нашихъ путешественниковъ что̀ интересуетъ наиболѣе. Намъ очень пріятно было замѣтить въ двухъ письмахъ г. *Водовозова*, преподавателя Русской словесности въ 1-й гимназіи, что онъ за границею преимущественно обратилъ свое вниманіе на тѣ предметы, которымъ посвящена его служебная дѣятельность — именно на часть учебную. Въ двухъ книжкахъ Библ. для чтенія — за іюль и августъ, напечатаны два письма г. Водовозова: одно изъ Любека, а другое изъ Геттингена, и въ обоихъ этихъ письмахъ весьма ясно выражается то, къ чему такъ лежитъ сердце путешественника. Заимствуемъ изъ этихъ писемъ слѣдующіе отрывки. «На другой день послѣ моего пріѣзда въ Любекъ, — говоритъ г. Водовозовъ — отправился я къ директору здѣшняго высшаго училища, Брейеру. Я явился безъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ, и сказалъ просто, что хочу видѣть и учиться. «Хочу учиться» — это здѣсь магическое слово, съ которымъ двери вамъ открыты повсюду. Брейеръ принялъ меня необыкновеннно ласково, одарилъ программами и пригласилъ къ себѣ обѣдать. Я провелъ у него почти цѣлый день. Разговоръ, конечно, болѣе всего касался преподаванія. Такъ узналъ я, напримѣръ, что въ двухъ низшихъ классахъ изученіе исторіи состоитъ здѣсь въ однихъ біографическихъ разсказахъ; въ двухъ среднихъ проходятъ систематически всю исторію, но кратко; въ двухъ высшихъ вся исторія проходится вновь, но уже съ подробностью. Въ низшихъ классахъ преподаваніе общее; въ среднихъ воспитанники раздѣляются: одни занимаются преимущественно реальными предметами, другіе готовятся къ университету. Въ Гамбургѣ,

напротивъ, реальная школа отдѣлена совершенно; практическое направленіе науки рѣзко отличаетъ Гамбургъ: здѣсь бываютъ зимою и публичныя чтенія, имѣющія цѣлью популяризировать науку. Преподаватели раздѣляются на два отдѣла: читающіе въ высшихъ классахъ называются профессорами, въ низшихъ — учителями. Деректоръ въ одно время бываетъ и профессоромъ, и обязанъ имѣть не менѣе 12 часовъ въ недѣлю. Занятіе родною литературою чуждо всякой теоріи: въ высшихъ классахъ профессоръ избираетъ какого-нибудь одного писателя и читаетъ его съ учениками. Брейеръ показывалъ мнѣ сочиненіе воспитанника 1-го класса на тему: «Соотвѣтствуетъ-ли окончаніе второй части Фауста цѣлому развитію идеи въ трагедіи?» Рѣшеніе подобной задачи доказываетъ въ ученикѣ уже полную зрѣлость сужденія. — И не мудрено! Я видѣлъ, какъ занимаются въ классахъ. Во второмъ (высшемъ) классѣ у профессора Нѣмецкаго языка исправлялись сочиненія на тему: «Честолюбіе и суетность.» Сколько могъ я замѣтить, трудная эта тема у всѣхъ воспитанниковъ была обработана самостоятельно и приведено множество примѣровъ какъ изъ исторіи, такъ и изъ жизни. Одинъ между прочимъ написалъ, что у Рафаэля основаніемъ творчества было религіозное одушевленіе, а у Фидія болѣе честолюбіе. На это очень справедливо замѣтилъ профессоръ, что безъ религіознаго одушевленія и Фидій не могъ-бы создать своего Зевеса. На лекціи Греческой литературы (въ первомъ высшемъ классѣ) воспитанники совершенно свободно переводили Платонова Горгія. Замѣчу кстати, что всѣ объясненія профессора относились къ содержанію діалога и развитію мыслей у Платона: филосоѳическія замѣтки касались только красотъ слога и оттѣнковъ смысла. Но всего любопытнѣе было видѣть малютокъ VI класса на лекціи Латинскаго языка, гдѣ шли упражненія въ склоненіяхъ и въ легкихъ фразахъ. Учитель спроситъ, и мальчики безъ малѣйшаго шума подымаютъ руки, вызываясь отвѣчать: учитель только мигнетъ, и мальчикъ отвѣчаетъ. Какъ по одному легкому движенію руки, по одному кивку головою узнавать, кого спрашиваютъ, здѣсь учатъ еще четырехлѣтнихъ дѣтей, въ такъ-называемыхъ Kindergarten, о которыхъ разскажу послѣ. Отъ этого преподаваніе идетъ съ легкостью и какою-то торжественной тишиною. Кто не отвѣтитъ съ-разу, тотъ теряетъ первое мѣсто на скамейкѣ: малютка только поморщится и самъ ползетъ назадъ, а его мѣсто

занимаетъ отвѣтившій. Это дѣлаетя также безъ всякаго шума. За-то какъ навостритъ онъ глазки, какъ дрожитъ его поднятая ручонка, когда онъ знаетъ, что можетъ отвѣтить, и такимъ-образомъ возвратить потерянное право сидѣть первымъ. Вслѣдъ за склоненіемъ идетъ тотчасъ примѣненіе выученнаго къ дѣлу въ легкихъ разговорахъ. Еще чуднѣе происходили упражненія въ счисленіи по методѣ Грубс. Учитель начертилъ на доскѣ 75 палочекъ по 10 въ-рядъ, и по нимъ дѣлались самыя разнообразныя комбинаціи чиселъ и рѣшеніе самыхъ разнообразныхъ задачъ. Я только подумалъ: счастливы-же мальчики, когда въ незначительномъ городкѣ получаютъ такія средства къ образованію. Гимназія въ Любекѣ устроена въ древнемъ зданіи, гдѣ нѣкогда былъ Римскокатолическій монастырь: одинъ изъ учениковъ Лютера первый основалъ здѣсь открытыя школы. Зданіе довольно тѣсно по помѣщенію и вовсе не отличается наружною красотою. Другое дѣло въ Гамбургѣ: высшее здѣшнее заведеніе Іоганнеумъ—колоссальный дворецъ, въ четыре фасада, выходящій на четыре улицы; посрединѣ обширный дворъ, и со стороны главнаго входа великолѣпная аркада. Іоганнеумъ вмѣстѣ съ реальною школою — единственныя училища, которыя содержатся на счетъ города: граждане отпускаютъ на нихъ ежегодно 100,000 марокъ (около 38,000 руб. сер.). Прочія заведенія всѣ въ частныхъ рукахъ: ихъ можетъ учреждать каждый съ дозволенія пастора. Черезъ это самое и единства въ преподаваніи ожидать невозможно. Зданіе, о которомъ говорилъ я, заключаетъ въ себѣ, влѣво отъ входа, гимназію или, лучше сказать, лицей,—нѣчто среднее между гимназіей и университетомъ, вправо—реальную школу, а прямо—библіотеку и музей (*). Библіотекарь обязательно показалъ мнѣ всѣ сокровища залъ, гдѣ хранится до 200,000 томовъ. Краткость времени не дозволила мнѣ осмотрѣть все подробно; но я видѣлъ мелко и четко исписанныя Латинскія рукописи; изданія, современныя Гуттенбергу, и между прочимъ Русскую лѣтопись временъ Алексѣя Михайловича. Одинъ изъ чиновниковъ представилъ мнѣ каталогъ Русскихъ книгъ, гдѣ «Крыловъ» было передано по-Нѣмецки: «Kruilow». Какъ

(*) Зданіе, гдѣ помѣщается библіотека и музей, можно назвать отдѣльнымъ: оно соединено съ боковыми только посредствомъ каменныхъ воротъ; четвертую линію, противоположную библіотекѣ, составляетъ аркада, соединяющая два боковые флигеля.

мы ни бились, но не нашли буквы, которою удобнѣе было-бы выразить Русское «ы», и наконецъ остановились на Нѣмецкомъ «y». Въ Гамбургской библіотекѣ Русскія книги? спросите вы.... Да, и очень много. Есть сочиненія Булгарина, что-то изъ Карамзина и изъ Пушкина, и ода Кашкадарова.... Знаете вы Кашкадарова? Чиновникъ однако записывалъ имена всѣхъ авторовъ, которые пріобрѣли у насъ извѣстность; изъ именъ современныхъ стояли Тургеневъ и Майковъ: я вписалъ и другія. Объясню теперь, что такое совершенно неизвѣстые у насъ дѣтскіе сады (Kindergarten). Я на дняхъ былъ въ одномъ изъ нихъ. Нельзя представить себѣ ничего оргинальнѣе. На окрытомъ воздухѣ сидятъ около столиковъ до 30 дѣтей, возрастомъ отъ 3 до 9 лѣтъ, раскладываютъ, по указанію наставницы, маленькіе кубики или палочки и поютъ стишки. Кубики, палочки и изрѣзанныя вдоль бумажки — вотъ всѣ средства для игры и для обученія. Стоитъ, кажется, не дорого, а между-тѣмъ и игра, и наука выходятъ необыкновенно разнообразны. Раскладываніе кубиковъ и палочекъ даетъ наглядное понятіе о многихъ предметахъ, упражняетъ слабенькія руки, знакомитъ со счетомъ, а главное пріучаетъ къ порядку даже въ игрѣ. Пѣніе полезно для развитія груди, и притомъ веселитъ дѣтей: въ стишкахъ иногда заключаются полезныя правила, которыя стоитъ запомнить. Разноцвѣтные бумажные обрѣзки служатъ къ тому, чтобы плести самые разнообразные узоры. Я выпросилъ для рѣдкости нѣсколько такихъ бумажныхъ плетенокъ и до-сихъ-поръ не могу ими довольно налюбоваться. Начальница заведенія, съ особенной готовностью, объясняла мнѣ всѣ подробности этого обученія, прося всюду распространять мысль объ немъ. Пользы его нельзя не признатъ; дѣтей такимъ-же образомъ играми упражняютъ въ гимнастикѣ, начиная съ того, что учатъ ходить и прыгать. Но хорошо, еслибы и живые предметы входили въ составъ науки; между-тѣмъ, у дѣтей часто нѣтъ и порядочнаго садика. Малютки собираются каждый день въ 9 часовъ и остаются до часу; плата около 8 коп. сер. въ недѣлю. Изъ моихъ краткихъ замѣтокъ, нельзя получить достаточнаго понятія объ этомъ преподаваніи; но я надѣюсь сообщить въ одномъ изъ нашихъ педагогическихъ журналовъ подробныя извѣстія какъ о школахъ вообще, такъ въ особенности о дѣтскихъ пріютахъ».

Вотъ что, между прочимъ, пишетъ г. Водовозовъ изъ Ганновера: «Ганноверъ знаменитъ своими училищами. Мальчикъ учится съ 3

лѣтъ до 20. Отъ 3 до 6 лѣтъ воспитываютъ въ особенныхъ школахъ, назначенныхъ особенно для работниковъ, которые не имѣютъ средствъ наблюдать за дѣтьми дома. Дѣти получаютъ столъ; но должны имѣть свою одежду. Ремесленный классъ за воспитаніе ничего не платитъ. Съ 6 до 10 лѣтъ продолжается приготовительное обученіе для поступленія въ гимназіи. Послѣ-того слѣдуютъ 9 гимназическихъ классовъ. Такъ учатся въ Германіи! И сколько педагогическихъ пріемовъ! Когда зайдешь въ низшіе классы, то сначала покажется, что попалъ въ домъ умалишенныхъ: воспитанники кричатъ, поютъ, пищатъ на различные голоса—и все это по правиламъ, чрезвычайно серьозно. Это упражненіе въ произношеніи гласныхъ. Дѣйствительно, всѣ Нѣмцы говорятъ чрезвычайно громко и звучно: иностранцевъ сейчасъ узнаютъ не столько по дурному произношенію, сколько по вялости выговора. Наканунѣ моего отъѣзда изъ Ганновера, я пошелъ посѣтить здѣшнюю женскую школу. Я не зналъ дороги; но было время, когда начинаются послѣ-обѣденные классы, и я послѣдовалъ за-дѣвочками, которыя изъ разныхъ улицъ роями шли къ одному мѣсту. Шестилѣтнія малютки безъ всякихъ провожатыхъ, вертясь и попрыгивая, бѣжали со своими сумочками. Нѣкоторыя, починнѣе и постарше, важно выступали по-двѣ, по-три въ-рядъ подъ ручку: на лицахъ было написано сознаніе какого-то довольства. Взрослыя дѣвицы съ тѣми-же вышитыми сумками, изъ которыхъ топырились книги и тетради, и въ тѣхъ-же соломенныхъ шляпкахъ съ широкими полями, быстро шли безъ всякихъ гувернантокъ и компаньонокъ, и весело болтали между-собою. Гувернанокъ вовсе нѣтъ и въ самомъ училищѣ: есть только три преподавательницы, которыя приходятъ обучать рукодѣлью и хозяйству наравнѣ съ другими учителями въ назначенный для нихъ классъ. Свернувъ куда-то наудачу, я наконецъ, по своему обычаю, заблудился. Извѣстно расположеніе здѣшнихъ улицъ. Когда вы спросите: «куда идти?» вамъ почти никогда не скажутъ: «прямо», а начнутъ объяснять: «обойдите кругомъ взадъ, вонъ туда, и потомъ во вторую улицу направо и потомъ налѣво за церковь, и потомъ спросите снова». Я однако опять встрѣтилъ идущую съ сумочкой дѣвицу лѣтъ 16-ти, со свѣжимъ, улыбающимся личикомъ. Я подошелъ къ ней. Она спокойно сказала мнѣ: «пойдемте вмѣстѣ», и начала расспрашивать: откуда я? давно-ли пріѣхалъ, и стала объяснять все устройство училища, научивъ также, къ кому обратиться. Здѣсь почти всегда женскимъ училищемъ

управляетъ директоръ. Мнѣ сказали, что директора могу я застать черезъ часъ, и отъ нечего дѣлать, отправился я въ лицей, куда уже собрались студенты. Мальчики носятъ котомки съ книгами за спиною, подобно солдатскимъ ранцамъ. Славные солдатики! о, они такъ-же гордятся своею ношею, какъ истинный воинъ ружьемъ, отбитымъ у непріятеля. Все это маленькое войско страшно возилось, шумѣло на дворѣ, гладко усыпанномъ пескомъ. Жары стояли невыносимые, и дѣти окружили колодецъ, изъ котораго поднятая вода падала въ канавку. Они обливались и брызгали другъ въ друга со смѣхомъ. Я не замѣтилъ при нихъ никакого гувернера. Только сторожъ поливалъ изъ лейки сухой песокъ, чтобы не было пыли: малютки толпою гонялись за брызгами, блестѣвшими на солнцѣ, но издали, не мѣшая дѣлу. Скоро раздался звонокъ, и всѣ, безъ малѣйшихъ понужденій, устремились въ классы. Директоръ женскаго училища съ полной готовностью вызвался показать и объяснить все, достойное вниманія. Я никакъ не надѣялся видѣть самое преподаваніе; но онъ сказалъ, что я могу присутствовать въ классахъ, сколько мнѣ угодно. Я прочелъ въ программѣ, подъ отдѣломъ: «VI классъ (самый маленькій)»: Естественная исторія. Это возбудило мое любопытство. Директоръ повелъ меня въ избранный классъ. Съ нами вошелъ учитель. «Дѣти, принесли цвѣтовъ?» спросилъ онъ, обращаясь къ дѣвочкамъ 9 и 10 лѣтъ. «Принесли», отвѣчали тѣ дружно — и цѣлыя груды гвоздикъ очутились на столахъ. «Посмотрите-же, какой прекрасный цвѣточекъ!» и онъ съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ сталъ объяснять красоту его. «Эмилія, у тебя есть сестра? — Есть. — «А у тебя!» — Нѣтъ. — «Ну, кто-нибудь родные: отецъ, мать, братья... Вотъ, мы собрались здѣсь... мы любимъ другъ друга, слѣдовательно мы то-же родные. Такъ и у каждаго цвѣточка свое родство и они вмѣстѣ составляютъ семейство. У тебя, Катерина, сестра въ старшемъ классѣ. Похожа она на тебя или нѣтъ? Всѣ говорятъ, что похожа, какъ вотъ эти два цвѣточка, а это потому, что вы родныя.» Такъ происходило все объясненіе. При одномъ изъ своихъ краснорѣчивыхъ разсказовъ, учитель поднесъ и мнѣ цвѣтокъ, сказавши: «Вотъ вамъ на память.» Онъ чрезвычайно наглядно разсказалъ первыя основанія ботаники, безпрестанно рисуя на доскѣ то, къ чему трудно было прибрать сравненіе, — и дѣвочки на каждый вопросъ отвѣчали безъ запинки. Ботаника здѣсь всегда преподается лѣтомъ. Замѣчу мимоходомъ, что учитель даже въ стар-

шихъ классахъ говоритъ воспитанницамъ «ты»; обращаясь къ директору, дѣвицы также называютъ его «ты». Я присутствовалъ и при другихъ урокахъ, между-прочимъ, при урокѣ пѣнія и музыки. Учитель здѣсь самъ отличный композиторъ. Онъ игралъ на фортепьяно, а дѣвицы двухъ старшихъ классовъ, всѣ до одной, сначала пропѣли чрезвычайно трудный гимнъ Мендельсона, а потомъ извѣстную пьесу Гёте: Лѣсной царь», подъ музыку Шуберта. Пьеса была выполнена такъ отчетливо, съ такимъ пониманіемъ и одушевленіемъ, что, казалось, лицомъ-къ-лицу видишь лѣснаго царя и невольно обнималъ трепетъ. Mein Vater! Mein Vater! вырвалось однимъ дружнымъ воплемъ изъ тридцати молодыхъ грудей. Въ-заключеніе, съ такимъ-же очарованіемъ, пропѣта была пьеска Гейне: «Ich weiss nicht, was soll das bedeuten». Я вынесъ изъ Ганновера самыя пріятныя впечатлѣнія».

«Чудно, — говоритъ далѣе г. Водовозовъ — какъ притягиваетъ васъ къ себѣ среда, въ которой вы живете. Я слушалъ лекціи метафизики, практической философіи, Греческихъ древностей и политической экономіи; и записывалъ все по параграфамъ, сидя по нѣскольку часовъ сряду въ тѣсныхъ зданіяхъ университета — и уже меня безпокоитъ мысль, какъ-бы завтра встать пораньше, чтобы къ семи часамъ поспѣть на лекцію. Отъ семи часовъ утра до семи вечера, проходя близъ церкви Іоанна, услышите вы въ открытыя окна разноголосое чтеніе профессоровъ. Нѣсколько ветхихъ зданій, которыя, по незнанію, вы приняли-бы за магазины, составляютъ все достояніе университета съ его громадной библіотекой и музеемъ. Наука здѣсь, какъ и вездѣ въ Германіи, является въ самомъ скромномъ видѣ и, право, я не раздѣляю чувства тѣхъ, которые сожалѣютъ, что не громадныя палаты служатъ ей вмѣстилищемъ. Когда, черезъ маленькій, заросшій травою, дворикъ, напоминавшій жилище бѣднаго ремесленника, вошелъ я въ тѣсную аудиторію, уставленную старыми деревянными столами со скамейками, какія найдете въ любомъ приходскомъ училищѣ, мною невольно овладѣлъ благоговѣйный трепетъ. Профессоръ, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ извѣстный своею ученостью, сидитъ за самой простенькой каѳедрой, не всегда даже окрашенной бѣлою краской. Новое зданіе университета назначено только для торжественныхъ собраній; здѣсь, кромѣ того, картинная галерея, хорошее собраніе образцовъ Голландской живописи (въ числѣ ихъ отличный портретъ Лютера, лицо котораго —живой типъ людей ремесленнаго класса), и античная зала. Знаме-

нитая библіотека болѣе чѣмъ въ 500,000 томовъ и музей находятся также въ старомъ зданіи подлѣ коллегій. Библіотека и аудиторіи въ назначенное время открыты для всякаго. Не нужно спрашивать какихъ-либо дозволеній или платить за входъ. Будь хоть Новозеландецъ, прямо приходи, садись, читай или слушай. Одно только затрудненіе: профессоры читаютъ въ разныхъ зданіяхъ; знаменитый здѣшній химикъ, Вёлеръ, преподаетъ въ лабораторіи, которая находится за полверсты отъ университета; филологъ Заунпе управляетъ педагогическими занятіями у себя на дому и т. д. Новичекъ въ первые два дня навѣрно опуститъ половину лекцій, бѣгая повсюду, чтобъ отыскать аудиторію. Но если такъ незатѣйливо-простъ наружный видъ университета, нельзя того-же вполнѣ сказать про его питомцевъ: въ своихъ голубыхъ, красныхъ, вышитыхъ серебромъ или золотомъ, шапочкахъ студенты гордо расхаживаютъ по улицамъ. Они властелины своего городка, какъ властелины всемірныхъ идей, въ немъ возвѣщаемыхъ. Какъ-же тутъ не гордиться? Въ тѣсномъ пространствѣ, ограничивающемъ эти идеи, тѣмъ болѣе разгула воображенію. Но наука строга, строга неумолимо. На чужеземца, пришедшаго поглядѣть, поразсѣяться, смотрятъ здѣсь съ презрѣніемъ. Какой избрали вы факультетъ? Никакого? Вы всезнайка, вы зайдете среди прогулки на лекцію и потомъ важно будете разглашать, что были въ Германскомъ университетѣ; вы, пожалуй, еще осмѣлитесь произносить свои сужденія о наукѣ. Загляните-же въ программу, полюбопытствуйте узнать, что пришлось-бы вамъ слушать только по части философіи: философія у древнихъ (проф. Риттеръ), исторія древней этики (Стеинъ), логика и метафизика (Риттеръ), логика отдѣльно (Шлётель), логическое наведеніе (особенныя, безплатныя лекціи для студентовъ), метафизика (Лотце), психологія (Ботцъ), философія права (Германъ), практическая философія (Лэтце), народная педагогика (Моллеръ), историко-критическое изображеніе педагогическихъ началъ со временъ Песталоцци (онъ-же). Кромѣ-того, подъ руководствомъ Заунпе, устроена педагогическая семинарія, гдѣ студенты разрѣшаютъ разные вопросы, касающіеся обученія. При мнѣ разсуждали о томъ, хорошо-ли раздѣлять предметы преподаванія между разными учителями? Не лучше-ли одному учителю, особенно въ низшихъ классахъ, преподавать разомъ нѣсколько предметовъ? Понимаете-ли вы теперь въ Гётевомъ Фаустѣ: «Durchaus studirt».... Число сту-

дентовъ до 656; большая часть изъ нихъ занимаются по теологическому и юридическому факультетамъ, потомъ слѣдуетъ математическій и наконецъ философія. Лекціи естественныхъ наукъ и политической экономіи имѣютъ и здѣсь многочисленныхъ посѣтителей. Что сказать вамъ про профессоровъ? Я не имѣлъ времени ближе съ ними познакомиться; я былъ только на дому у филолога Заупше и историка Курціуса. Они рѣшительно сказали, что меньше, чѣмъ въ мѣсяцъ, нельзя получить объ университетѣ достаточнаго понятія. На лекціи у профессора Лотце слышалъ я слѣдующее прекрасное замѣчаніе, выраженное нѣсколько въ Нѣмецкомъ духѣ: «Нѣтъ ничего хуже, когда, стремясь къ идеалу, мы создаемъ напередъ совершеннѣйшую форму, не приготовивъ еще содержанія: мы тогда или остаемся пустыми формалистами со своею формою, потому что идеалъ въ дѣйствительности невозможенъ; или вступаемъ въ страшный разрывъ сами съ собою, не будучи въ-силахъ найти для нашей формы соотвѣтственнаго содержанія.» Это примѣнимо вообще въ-отношеніи тѣхъ, которые отправляются за границу съ преднамѣренною цѣлью и не имѣютъ средства пробыть здѣсь нѣсколько лѣтъ. Тутъ надо держаться правила: берите въ свое умственное достояніе, что попадется вамъ подъ-руку, и не думайте исключительно посвятить себя изученію одного предмета: иначе вамъ пришлось-бы въ одномъ маленькомъ городкѣ просидѣть два, три мѣсяца. Да, здѣсь именно узнаете, что знаніе безпредѣльно. Могу сказать только, что здѣшніе профессоры почтенные люди, прошедшіе свою науку Durchaus. Стоитъ взглянуть на лица ихъ, чтобъ увѣриться, что они не жалѣли для нея ни трудовъ, ни здоровья. Ихъ болѣе ста, и въ этой массѣ ума и учености трудно сдѣлать особенный выборъ; но химикъ Вöлеръ и физикъ Веберъ извѣстны всему свѣту своими открытіями; Заупше отличный филологъ и педагогъ; юристъ Рибентропъ, математикъ Дирихлетъ, историкъ Курціусъ, теологъ Дорнеръ, Ганзенъ, Вайтцъ, Риттеръ и другіе пользуются также извѣстностью. При такой страшной громадѣ знаній, здѣшнему студенту пришлось-бы совершенно растеряться головою, еслибы голова эта не прошла напередъ сквозь хорошія логическія тиски. Въ силу этихъ законовъ логики, многіе и читаютъ не иначе, какъ по тетради. Чтеніе чрезъ это много теряетъ въ живости, но за то, можетъ, выигрываетъ въ точности. Здѣсь слишкомъ дорого цѣнится слово. Каждое слово, такъ-сказать, отпечатывается въ

устахъ профессора, чтобъ быть записаннымъ безъ ущерба. Впрочемъ, наука, согласно современнымъ требованіямъ, уже въ университетѣ находитъ свое примѣненіе. Для этой цѣли устроены различныя общества: педагогическое, теологическое, филологическое и т. д. Профессоры отдаютъ справедливость направленію Шеллинга и Гегеля, основавшихъ впервые истинную философію природы, и такимъ-образомъ признавшихъ естествознаніе одною изъ главнѣйшихъ опоръ другихъ, раціональныхъ знаній; но находятъ много и темныхъ сторонъ въ двигателяхъ новаго поколѣнія. Умѣренность, осторожность, мудрый эклектизмъ — ихъ трехцвѣтное знамя, а въ его развѣвающихся складкахъ вы явственно прочтете слово: «ортодоксія.» Впрочемъ, со-временемъ поговорю обстоятельнѣе о здѣшнемъ университетѣ, а теперь прощайте!»

Некрологъ доктора Кина (Dr. Kane).—По поводу кончины этого самоотверженнаго труженика науки напечатана въ 1-й кн. Вѣстника Императорскаго Русскаго географическаго Общества слѣдующая статья: «Послѣдняя Американская почта привезла извѣстіе о смерти одного изъ ревностнѣйшихъ путешественниковъ новѣйшаго времени, доктора Кена, который скончался недавно въ Гаваннѣ. Элиза-Кентъ Кенъ родился въ Филадельфіи, въ 1822 году. Окончивъ свое воспитаніе въ университетахъ Виргинскомъ и Пенсильванскомъ, онъ удостоился получить степень доктора въ 1843 г. и тотчасъ-же получилъ почетное назначеніе — врача первой Американской миссіи въ Китаѣ. Этимъ случаемъ онъ воспользовался для своихъ первыхъ ученыхъ работъ, которыя состояли въ томъ, что онъ пѣшкомъ изслѣдовалъ природу Филиппинскихъ острововъ, при чемъ неутомимымъ спутникомъ его былъ молодой Прусскій баронъ Лое, который, однакожь, не перенесъ трудностей экспедиціи и въ скоромъ времени скончался въ Явѣ. Крѣпкое здоровье Кена спасло его отъ той-же участи и позволило ему благополучно кончить свое дѣло. Особенное вниманіе обратилъ онъ на Албайскую волканическую страну и первый усѣлъ спуститься въ кратеръ огромнаго волкана Тааля и описать его мѣстоположеніе. Во внутренности его онъ собралъ большую коллекцію любопытныхъ волканическихъ породъ и между ними нѣсколько большихъ кусковъ самородной сѣры. Пробывъ нѣсколько времени съ Малазійскими Негритосами и оставивъ намъ любопытное описаніе своихъ похожденій между ними, докторъ Кенъ

отправился въ Индію, посѣтилъ Аурунгабадскія монолитовыя формаціи, переправился на Цейлонъ и оттуда наконецъ въ Африку, гдѣ занялся изслѣдованіемъ остатковъ классической древности и части Верхняго Нила. Въ Египтѣ онъ встрѣтился съ профессоромъ Лепсіусомъ, который въ то-же время занимался археологическими изслѣдованіями, по порученію Прусскаго правительства. На возвратномъ пути докторъ Кенъ имѣлъ несчастіе потерять всѣ свои журналы и замѣтки, такъ-что любопытныя изслѣдованія его остались публикѣ неизвѣстными. Вскорѣ послѣ своего возвращенія, Кенъ воспользовался другимъ случаемъ, именно отправленіемъ Американскаго фрегата къ берегамъ западной Африки. Цѣль путешественника — изслѣдованіе хода и состоянія торговли невольниками, вполнѣ была имъ достигнута. Онъ посѣтилъ Гвинейскій берегъ отъ Моунтъ-Капа до рѣки Бонни, былъ въ Дагоме, и только болѣзнь воспрепятствовала ему отправиться въ Абомей. Не успѣлъ онъ отдохнуть послѣ тяжкой болѣзни, какъ Мексиканская война открыла ему новое поприще. Раненный въ сраженіи при Нопаулкѣ, онъ, на-ряду съ своими служебными обязанностями, вездѣ находилъ время для ученыхъ занятій. Такимъ-образомъ, онъ въ скоромъ времени ознакомился съ природою Мексики и посреди шума военныхъ дѣйствій опредѣлилъ барометрически высоту Попокатепетля. Послѣ заключенія мира, Кенъ былъ опредѣленъ членомъ *береговой съемки* (Coast survey) и вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ, профессоромъ Башемъ (Bache), былъ занятъ въ Мексиканскомъ заливѣ, когда Гриннель началъ устраивать первую Франклинскую экспедицію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Кенъ тотчасъ изъявилъ желаніе сопровождать экспедицію и по окончаніи ея напечаталъ результаты своихъ изслѣдованій. Сочиненіе это, вышедшее въ 1852 году, хорошо извѣстно публикѣ. Во время печатанія своего труда Кенъ усердно занялся приготовленіями къ своему второму арктическому путешествію, для котораго онъ не щадилъ собственныхъ денежныхъ средствъ и въ которомъ ему много помогли гг. Гриннель и Пибоди. Вторая Франклинская экспедиція кончилась еще недавно, и подробности ея еще свѣжи въ памяти публики, слѣдовавшей съ любопытствомъ за успѣхомъ предпріятія. Не смотря на разстройство своего здоровья, Кенъ благополучно возвратился въ Нью-Іоркъ и посѣтилъ Лондонъ; но эта послѣдняя его поѣздка обманула его надежды, и знаменитый путешественникъ возвратился еще сильнѣе больнымъ,

чѣмъ отправился. Не обращая никакого вниманія на поправленіе разстроенныхъ физическихъ силъ, онъ занялся приготовленіемъ къ печати своего послѣдняго труда, и причину смерти его должно искать въ лихорадочной дѣятельности, съ которою онъ предался этому послѣднему своему дѣлу. Съ именемъ Кена для науки соединено воспоминаніе о ревностномъ поборникѣ ея; Америка въ немъ лишилась знаменитаго путешественника и одного изъ дѣятельнѣйшихъ своихъ ученыхъ».

А. В.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА
НА 1857 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства. — 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и художества. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогики, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общеполезныхъ знаній; путешествія ученыя или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда-же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академій и ученыхъ обществъ; разныхъ предтетовъ, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала: въ С. Петербургѣ — 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ — 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

а) Книги, изданныя въ Россіи:

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1857.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА ІЮНЬ И ІЮЛЬ 1857 ГОДА.

21. (8 іюня) *О порядкѣ переименованія въ военные чины поступающихъ въ учебную службу уроженцевъ казачьихъ войскъ.*

Военный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе департамента военныхъ поселеній, по возбужденному министромъ народнаго просвѣщенія вопросу, касательно переименованія въ военные чины опредѣляемыхъ на службу учителями воспитанниковъ гражданскихъ учебныхъ заведеній изъ уроженцевъ казачьихъ войскъ, положилъ:

1) Молодыхъ людей, изъ казачьяго сословія, окончившихъ курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ и выпущенныхъ изъ оныхъ съ чинами гражданскими, или съ правами на сіи чины, опредѣлять, по ихъ желанію, въ должности по учебной части казачьихъ войскъ, къ коимъ они принадлежатъ, если имѣются вакансіи таковыхъ должностей.

2) При опредѣленіи въ означенныя должности, зачислять ихъ урядниками, и за тѣмъ, не считая ихъ въ строевомъ составѣ войскъ, производить въ хорунжіе: выпущенныхъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній съ чиномъ коллежскаго регистратора, или съ правомъ на чинъ 12 класса — черезъ шесть мѣсяцевъ, а съ чиномъ, или правомъ на чинъ 10 и 9 классовъ — черезъ три мѣсяца со дня опредѣленія въ службу.

3) Дальнѣйшее производство въ чины училищныхъ чиновниковъ казачьихъ войскъ установить согласно правиламъ, Высочайше утвержденнымъ 9 декабря 1856 года, изъ хорунжихъ въ сотники — черезъ три года, изъ сотниковъ въ есаулы — черезъ шесть лѣтъ, изъ есауловъ въ войсковые старшины — черезъ три года, изъ войсковыхъ старшинъ въ подполковники — черезъ четыре года и изъ подполковниковъ въ полковники — черезъ четыре года.

Государь Императоръ таковое положеніе военнаго совѣта соизволилъ Высочайше утвердить.

22. (9 іюня) *О подчиненіи учебной части въ Кяхтинскомъ градоначальствѣ тамошнему градоначальнику.*

Государь Императоръ, по положенію Сибирскаго комитета, вслѣдствіе представленія управлявшаго министерствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ повелѣть: учебную часть въ Кяхтинскомъ градоначальствѣ подчинить завѣдыванію Кяхтинскаго градоначальника, на правилахъ, опредѣленныхъ для Енисейскаго гражданскаго губернатора.

23. (25 іюля) *О преподаваніи въ Иркутской гимназіи Англійскаго (Американскаго) языка, вмѣсто Нѣмецкаго.*

Государь Императоръ, по положенію Главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ Иркутской гимназіи, согласно ходатайству начальства края, упразднить преподаваніе Нѣмецкаго языка и ввести преподаваніе Англійскаго (Американскаго) языка, съ дозволеніемъ имѣть для сего особаго учителя, на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ, на какихъ опредѣляются вообще учители новѣйшихъ иностранныхъ языковъ при гимназіяхъ.

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ

ОПРЕДѢЛЕНЫ:

По департаменту народнаго просвѣщенія.

Отставной титулярный совѣтникъ графъ *Васильевъ* — чиновникомъ особыхъ порученій ($^{12}/_{24}$ іюля).

По Казанскому университету.

Магистръ Московскаго университета *Вицынъ* — адъюнктомъ при каѳедрѣ законовъ государственнаго благоустройства и благочинія ($^{13}/_{25}$ іюня); отставной коллежскій ассессоръ *Мишкевичъ* — исправляющимъ должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ политической экономіи и статистики (25 іюля).

По учебнымъ округамъ.

С. Петербургскому: почетными смотрителями уѣздныхъ училищъ: Вологодскаго — отставной титулярный совѣтникъ *Поповъ* и Мстиславскаго — отставной губернскій секретарь *Василевскій* (25 іюля).

Московскому: почетными смотрителями уѣздныхъ училищъ: Чухломскаго—отставной титулярный совѣтникъ *Дмитріевъ* ($\frac{20 \text{ іюня}}{2 \text{ іюля}}$), Кологривскаго — отставной подпоручикъ *Поповъ*, съ переименованіемъ въ коллежскіе регистраторы ($^{14}/_{26}$ іюля), и Рославльскаго — отставной коллежскій секретарь *Лайковичъ* (27 іюля).

Харьковскому: отставной корнетъ *Воронцовъ-Вельяминовъ*— почетнымъ смотрителемъ Лебединскаго уѣзднаго училища ($\frac{20 \text{ іюня}}{2 \text{ іюля}}$).

Кіевскому: отставной статскій совѣтникъ *Бляхеръ* — директоромъ училищъ Каменецъ-Подольской губерніи (2 іюня).

Виленскому: отставной титулярный совѣтникъ графъ *фонъ-Гуттенъ-Чапскій* — почетнымъ смотрителемъ училищъ Лидскаго уѣзда, съ прежнимъ чиномъ коллежскаго секретаря (4 іюня).

УТВЕРЖДЕНЫ:

По С. Петербургскому учебному округу.

Почетными попечителями гимназій: Вологодской — коллежскій ассессоръ *Брянчаниновъ* ($\frac{20 \text{ іюня}}{2 \text{ іюля}}$), С. Петербургскихъ — состоящій

при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ должности церемоній-мейстера Двора Его Императорскаго Величества, коллежскій ассессоръ графъ *Мусинъ-Пушкинъ* (23 іюля).

НАЗНАЧЕНЫ:

По Ришельевскому лицею.

Профессоръ лицея, статскій совѣтникъ *Беккеръ* — директоромъ онаго ($\frac{20 \text{ іюня}}{2 \text{ іюля}}$).

По учебнымъ округамъ.

С. Петербургскому: правитель канцеляріи попечителя, коллежскій совѣтникъ *Дель* — инспекторомъ частныхъ учебныхъ заведеній въ С. Петербургѣ (2 іюня).

Московскому: состоящій при кабинетѣ Его Императорскаго Величества, статскій совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера графъ *Уваровъ*—помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа (4 іюня).

Кіевскому: коллежскіе совѣтники, директоры гимназій: Немировской — *Тумановъ* и Ровенской—*Траутфеттеръ*—директорами гимназій: первый—Ровенской, а послѣдній—Немировской (2 іюня).

Казанскому: инспекторъ Вятской гимназіи, надворный совѣтникъ *Глѣбовъ*—директоромъ училищъ Вятской губерніи ($\frac{20 \text{ іюня}}{2 \text{ іюля}}$).

ПЕРЕМѢЩЕНЫ:

Директоръ училищъ С. Петербургской губерніи, статскій совѣтникъ *Ростовскій* — въ министерство государственныхъ имуществъ, съ причисленіемъ къ оному ($\frac{29 \text{ іюня}}{11 \text{ іюля}}$); адъюнктъ-профессоръ Императорскаго Александровскаго лицея, надворный совѣтникъ *Ведровъ* — въ Казанскій университетъ, исправляющимъ должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи (24 іюля).

УВОЛЕНЫ:

По Московскому университету.

Адъюнктъ, коллежскій совѣтникъ *Шестаковъ* — по болѣзни (22 іюля).

По учебнымъ округамъ.

С. Петербургскому: надворные совѣтники, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Торопецкаго — *Челищевъ*, по болѣзни ($\frac{20\ \text{іюня}}{2\ \text{іюля}}$), и Мстиславскаго — *Чудовскій*, по прошенію (25 іюля).

Виленскому: почетный смотритель училищъ Лидскаго уѣзда, надворный совѣтникъ *Ленскій* — по прошенію, съ награжденіемъ въ отставку чиномъ коллежскаго совѣтника и съ мундиромъ, присвоеннымъ должности (4 іюня).

Харьковскому: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Ливенскаго — надворный совѣтникъ *Давыдовъ* и Кромскаго — титулярный совѣтникъ *Веловзоръ* — по прошеніямъ, а первый съ награжденіемъ въ отставку чиномъ коллежскаго совѣтника и съ мундиромъ, присвоеннымъ должности ($\frac{20\ \text{іюня}}{2\ \text{іюля}}$).

НАГРАЖДЕНЫ:

Орденомъ св. Анны 2-й степени.

Законоучитель Астраханской гимназіи, протоіерей Іоаннъ *Павлиновъ* (17 апрѣля).

Орденомъ св. Анны 3-й степени.

Законоучитель Астраханскаго уѣзднаго училища, протоіерей Георгій *Никольскій* (17 апрѣля).

Наперснымъ крестомъ.

Законоучитель первой Московской гимназіи, священникъ Николай *Надеждинъ* (17 апрѣля).

Камилавкою.

Ординарный профессоръ Казанскаго университета, священникъ Александръ *Владимірскій*; законоучители: Тверской гимназіи — священникъ Николай *Сокольскій*, Трубчевскаго уѣзднаго училища — священникъ Сѵмеонъ *Звѣревъ*, Архангельскаго приходскаго училища, въ Корачевскомъ уѣздѣ, — священникъ Евграфъ *Казанскій* (17 апрѣля).

Скуфьею.

Законоучители приходскихъ училищъ: Овидіопольскаго — священникъ Іаковъ *Гордіевскій*, Ливенскаго — священникъ Николай *Адамовъ* и Семипалатинскаго — священникъ Іаковъ *Дерябинъ* (17 апрѣля).

Серебряною медалью на Александровской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ, установленною для домашнихъ учителей.

Домашній учитель, коллежскій регистраторъ *Цвѣтковъ* — за свыше-десятилѣтнее безпорочное и усердное исправленіе обязанностей предоставленнаго ему званія (15 іюля).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА ІЮНЬ И ІЮЛЬ 1857 ГОДА.

12. (30 іюня) *Циркулярное предложеніе объ испытаніи молодыхъ людей, поступающихъ въ медико-хирургическую академію.*

Конференція Императорской медико-хирургической академіи, озабочиваясь устраненіемъ затрудненій, встрѣчаемыхъ къ принятію въ академію молодыхъ людей, прибывающихъ изъ разныхъ мѣстъ безъ достаточнаго предварительнаго приготовленія къ поступленію въ академію, признала нужнымъ составить особыя правила о поступленіи въ число студентовъ и воспитанниковъ академіи.

Какъ правилами сими постановляется между прочимъ производить молодымъ людямъ, желающимъ поступить въ академію, предварительныя испытанія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, то г. военный министръ входилъ по сему предмету въ предварительное сношеніе съ г. министромъ народнаго просвѣщенія, и, по соглашенію съ нимъ, утвердивъ составленныя конференціею правила съ приведеніемъ въ дѣйствіе съ началомъ $18^{57}/_{58}$ учебнаго года, — просилъ сдѣлать распоряженіе о принятіи ихъ къ руководству и исполненію по учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе сего, препровождая при семъ нужное количество экземпляровъ изложенныхъ правилъ, покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе о разсылкѣ ихъ въ гимназіи и уѣздныя

училища къ руководству и надлежащему съ ихъ стороны исполненію.

Подписалъ: Товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь *Вяземскій*.

ПРАВИЛА

о поступленіи въ число студентовъ и воспитанниковъ Императорской медико-хирургической академіи.

Всѣ молодые люди, какъ обучавшіеся въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и приготовлявшіеся дома, обязаны, при подачѣ просьбъ, писанныхъ ими собственноручно, о принятіи ихъ въ Императорскую медико-хирургическую академію, представить:

1) Документы о происхожденіи и метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи (*).

Примѣчаніе 1. Бывшіе уже на службѣ и оставившіе ее для поступленія въ академію представляютъ формулярный списокъ или аттестатъ, выданный при увольненіи отъ службы.

Примѣчаніе 2. Состоящіе въ подушномъ окладѣ должны представить увольнительныя свидѣтельства отъ обществъ, къ коимъ принадлежатъ они по окладу.

2) Свидѣтельство врачебной управы о здоровомъ тѣлосложеніи.

3) Свидѣтельство объ успѣхахъ въ наукахъ.

По Высочайшему повелѣнію, которое, по приказанію г. военнаго министра, должно быть приведено въ исполненіе съ начала 1857—1858 учебнаго года:

а) Желающіе поступить въ академію по медицинской части представляютъ свидѣтельство отъ гимназій объ удовлетворительномъ выдержаніи экзамена изъ всѣхъ предметовъ полнаго гимназическаго курса.

(*) Поступающіе въ академію должны быть не моложе 17 лѣтъ. Для 2-го разряда ветеринарной части могутъ быть принимаемы молодые люди и 16 лѣтъ.



b) Желающіе поступить по ветеринарной части 1-го разряда — свидѣтельство о выдержаніи переводнаго экзамена въ 7-й классъ гимназіи.

c) Поступающіе по ветеринарной части 2-го разряда — свидѣтельства отъ уѣздныхъ училищъ о выдержаніи выпускнаго экзамена въ оныхъ и свидѣтельства отъ гимназій въ знаніи этимологической части Латинской грамматики, или-же свидѣтельства отъ гимназій о выдержаніи экзамена изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ первыхъ трехъ классахъ гимназій и въ знаніи этимологической части Латинской грамматики.

Воспитанники духовно-учебныхъ заведеній представляютъ свидѣтельства о выдержаніи экзамена, по прилагаемой у сего программѣ, или отъ семинарій, если они избираются семинарскимъ начальствомъ для отправленія въ академію, изъявивъ передъ онымъ желаніе поступить въ академію, выдержавъ означенный экзаменъ въ семинаріи и получивъ одобреніе и разрѣшеніе своего начальства, или отъ гимназій — если они отправляются въ академію по своему произволу, безъ участія ихъ начальства, или бывъ уже уволены изъ духовнаго вѣдомства (*).

Отъ неимѣющихъ вышеозначенныхъ свидѣтельствъ о выдержаніи экзамена въ гимназіяхъ, семинаріяхъ и уѣздныхъ училищахъ не будутъ принимаемы прошенія о принятіи ихъ въ академію; тѣ-же, которые представятъ такія свидѣтельства, допускаются къ вступительному экзамену по слѣдующей программѣ:

Желающіе поступить въ Императорскую медико-хирургическую академію по медицинской части подвергаются испытанію: словесному — изъ закона Божія и священной исторіи; для экзамена изъ Русскаго и Латинскаго языковъ, исторіи, географіи, физики и математики, предлагается испытуемому рѣшить два письменные вопроса: одинъ на Русскомъ языкѣ, по предмету физики и математики или географіи; другой на

(*) О приведеніи сихъ правилъ въ исполненіе сдѣланы уже надлежащія сношенія г. военнымъ министромъ какъ съ г. министромъ народнаго просвѣщенія, такъ и съ г. оберъ-прокуроромъ святѣйшаго сѵнода.



Латинскомъ языкѣ, преимущественно по предмету исторіи; сверхъ-того, поступающій испытуется въ умѣньи переводить Французскую или Нѣмецкую прозу на Русскій языкъ.

Поступающіе на 1-й разрядъ ветеринарной части подвергаются словесному испытанію изъ катихизиса и св. исторіи, рѣшаютъ письменный вопросъ на Русскомъ языкѣ по физико-математическому или историко-географическому предметамъ и испытаваются въ переводѣ Латинской, Французской или Нѣмецкой прозы на Русскій языкъ.

Поступающіе на 2-й разрядъ ветеринарной части держатъ словесный экзаменъ изъ сокращеннаго катихизиса, священной исторіи и первыхъ началъ Латинской грамматики (склоненія и спряженія), рѣшаютъ письменно ариѳметическую задачу и испытываются въ правописаніи на Русскомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Въ основаніе какъ словеснаго, такъ и письменнаго испытанія въ академіи, полагается изложенная ниже сего «Программа вступительнаго экзамена для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній».

При пріемѣ на фармацевтическую часть, академія руководствуется слѣдующими правилами: имѣющіе званіе аптекарскаго помощника допускаются безъ экзамена къ слушанію лекцій для полученія высшихъ фармацевтическихъ степеней; аптекарскіе ученики, пробывшіе 3 года въ аптекѣ и предъявившіе свидѣтельства о выдержаніи экзамена изъ всѣхъ предметовъ первыхъ трехъ классовъ гимназіи, допускаются къ вступительному экзамену изъ начальныхъ основаній математики, Русскаго и Латинскаго языковъ.

Просьбы о поступленіи въ Императорскую медико-хирургическую академію принимаются отъ 10-го до 28-го августа. Экзаменъ начинается 1-го и оканчивается 15-го сентября. Неуспѣвшіе подать просьбъ или выдержать экзаменовъ въ означенные сроки, не принимаются въ академію.

ПРОГРАММА ЭКЗАМЕНА,

КОТОРОМУ ПОДВЕРГАЮТСЯ ВОСПИТАННИКИ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ЖЕЛАЮЩІЕ ПОСТУПИТЬ ВЪ ИМПЕРАТОРСКУЮ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКУЮ АКАДЕМІЮ ПО МЕДИЦИНСКОЙ И ВЕТЕРИНАРНОЙ ЧАСТЯМЪ.

ЗАКОНЪ БОЖІЙ.

А. ИЗЪ ПРОСТРАННАГО ПРАВОСЛАВНАГО КАТИХИЗИСА.

а) Введеніе.

1) Предварительныя понятія о православномъ катихизисѣ. О божественномъ откровеніи; о св. преданіи и св. писаніи. Св. писаніе въ-особенности и составъ катихизиса.

Часть первая.

б) О вѣрѣ.

2) О сумволѣ вѣры и происхожденіи его. О членахъ сумвола вѣры. Объясненіе перваго члена сумвола вѣры. 3) Объясненіе втораго и третьяго членовъ сумвола вѣры. 4) Объясненіе четвертаго и пятаго членовъ сумвола вѣры. 5) Объясненіе шестаго, седьмаго и осьмаго членовъ сумвола вѣры. 6) Объясненіе девятаго члена. 7) О десятомъ членѣ. О таинствахъ крещенія, мνропомазанія и причащенія. 8) О покаяніи, священствѣ, бракѣ и елеосвященіи.

Часть вторая.

в) О надеждѣ.

9) О христіанской надеждѣ, ея основаніяхъ и средствахъ. О молитвѣ. О молитвѣ Господней, о призываніи въ ней, седьми

прошеніяхъ и славословіи. 10) Объ ученіи блаженства. Объясненіе девяти заповѣдей блаженства.

Часть третья.

г) О любви.

11) О союзѣ между вѣрою и любовію; о законѣ Божіемъ и заповѣдяхъ; о раздѣленіи заповѣдей на двѣ скрижали. Объясненіе заповѣдей: 12) первой, 13) второй, 14) третьей и четвертой, 15) пятой, 16) шестой, седьмой и осьмой, 17) девятой и десятой. Употребленіе ученія вѣры и благочестія.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

а) Исторія церкви ветхозавѣтной.

1) Исторія церкви перваго міра до потопа. 2) Исторія церкви отъ потопа до временъ Моѵсея. 3) Исторія церкви отъ временъ Моѵсея до судей народа Израильскаго. 4) Исторія церкви отъ судей народа Израильскаго до Саула. 5) Саулъ, первый царь Израильскій. 6) Давидъ, второй царь Израильскій. 7) Соломонъ, третій царь Израильскій. 8) Раздѣленіе царства Еврейскаго и исторія царства Израильскаго до его паденія. 9) Исторія царства Іудейскаго до плѣненія Вавилонскаго. 10) Исторія церкви отъ переселенія Іудеевъ въ Вавилонъ до правленія первосвященниковъ. 11) Исторія церкви отъ правленія первосвященниковъ до Рождества Іисуса Христа. Секты и расколы.

б) Исторія церкви новозавѣтной.

12) Событія, предшествовавшія Рождеству Іисуса Христа, Богочеловѣка и Спасителя міра. Рождество Іисуса Христа. Крещеніе и явленіе на проповѣдь. 13) Евангельская проповѣдь

Іисуса Христа о духѣ закона, милостынѣ, молитвѣ, постѣ, неосужденіи другихъ, обязанностяхъ къ ближнимъ и объ исполненіи воли и слова Божія. 14) Бесѣда Іисуса Христа съ Никодимомъ и съ женою Самаритянкою; прощеніе грѣховъ женщинѣ, помазавшей ноги Его мѵромъ; похвала слушающимъ и исполняющимъ слово Божіе; благословеніе дѣтей. 15) Пророчество Іисуса Христа о крестѣ Своемъ и крестѣ христіанъ, ученіе о дѣтскомъ смиреніи и кротости къ согрѣшающимъ, о постоянствѣ въ молитвѣ, объ отреченіи отъ богатства и отъ всего міра ради Бога. 16) Ученіе Іисуса Христа о главныхъ заповѣдяхъ; обращеніе Закхея мытаря; подтвержденіе обязанности подданныхъ; одобреніе приношенія вдовицы и ученіе о страшномъ судѣ. 17) Чудеса Іисуса Христа: претвореніе воды въ вино, исцѣленіе сына царедворца, чудесный ловъ рыбы, исцѣленіе разслабленнаго въ Капернаумѣ, исцѣленіе отъ болѣзни, продолжавшейся 38 лѣтъ, и исцѣленіе слуги сотникова. 18) Воскрешеніе сына вдовы Наинской, укрощеніе бури, воскрешеніе дочери Іаира, насыщеніе 5,000 народа пятью хлѣбами, хожденіе Іисуса Христа по водамъ, исцѣленіе бѣсноватой дочери Хананеянки. 19) Исцѣленіе бѣсноватаго лунатика, чудесное полученіе монеты для поданія во храмъ, исцѣленіе слѣпаго отъ рожденія, десяти человѣкъ отъ проказы, воскрешеніе Лазаря, изсушеніе смоковницы. 20) Притчи Іисуса Христа: о сѣятелѣ, о сѣмени и плевелахъ, о должникѣ немилосердомъ, о благодѣтельномъ Самарянинѣ, о безразсудномъ богачѣ и распутномъ сынѣ. 21) О богатомъ и Лазарѣ, о мытарѣ и фарисеѣ, о злыхъ виноградаряхъ, о десяти дѣвахъ и о талантахъ. 22) Событія, предшествовавшія страданіямъ Іисуса Христа: преображеніе Господне, вечера у Симона прокаженнаго, входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ и согласіе Іуды предать Іисуса Христа, умовеніе ногъ ученикамъ, празднованіе пасхи и установленіе евхаристіи. 23) Страданіе Іисуса Христа въ саду Гефсиманскомъ, гдѣ Іуда предаетъ Его, у первосвященниковъ Іудейскихъ; погибель Іуды; страданіе Іисуса Христа у Пилата и

Ирода; крестныя страданія Іисуса Христа, смерть и погребеніе. 24) Воскресеніе Іисуса Христа и явленіе его Маріи Магдалинѣ, двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Эммаусъ, всѣмъ апостоламъ въ Іерусалимѣ и седьми ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ; послѣднее наставленіе Іисуса Христа апостоламъ и вознесеніе на небо. 25) Сошествіе св. Духа на апостоловъ; первая проповѣдь апостола Петра и распространеніе церкви Христовой; исцѣленіе хромаго и другая проповѣдь апостола Петра; неустрашимость апостоловъ Петра и Іоанна предъ синедріономъ; единодушіе вѣрующихъ; заключеніе апостоловъ и чудесное освобожденіе. Стефанъ—первый мученикъ за Христа. 26) Обращеніе вельможи Эѳіопскаго Савла и проповѣдь его въ Дамаскѣ; крещеніе Корнилія сотника; заключеніе апостола Петра въ темницу и чудесное освобожденіе; проповѣдь апостола Павла въ Антіохіи Писидійской, заключеніе его съ Силою въ темницу и обращеніе темничнаго стража. 27) Проповѣдь апостола Павла въ Аѳинахъ, бесѣда къ пастырямъ Ефесской церкви, защищеніе и проповѣдь въ Кесаріи предъ правителемъ Феликсомъ и царемъ Агриппою, отплытіе въ Римъ, предсказаніе о кораблекрушеніи и спасеніи, чудеса на островѣ Мальтѣ и прибытіе въ Римъ. 28) Мученическая кончина апостоловъ Петра и Павла; труды въ распространеніи евангелія и кончина прочихъ апостоловъ; гоненія на христіанъ въ первыхъ трехъ вѣкахъ. 29) Краткая исторія вселенскихъ соборовъ. Начало, распространеніе и утвержденіе христіанства въ Россіи.

Руководства, по которымъ составлена сія программа, суть:

1) *Пространный христіанскій катихизисъ православной каѳолической восточной церкви.* 1840 года. 2) *Священная исторія ветхаго завѣта.* Прот. М. Богданова, 1856 года. 3) *Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ и изъ книги дѣяній апостольскихъ*, изд. депар. народ. просвѣщ., 1849 года. 4) *Краткое начертаніе исторіи церкви новозавѣтной.* Кіевъ, 1852 года.



ГЕОГРАФІЯ.

(По руководствамъ, одобреннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для гимназій).

A. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ.

1) Опредѣленіе и раздѣленіе географіи; распредѣленіе суши и водъ на земномъ шарѣ. Части свѣта. 2) Отличія земной поверхности: a) по наружному виду, b) по качеству. Горы; раздѣленіе водъ земнаго шара. 3) Атмосфера, климаты. Понятіе о произведеніяхъ природы. 4) Раздѣленіе обитателей земнаго шара на племена. Главныя вѣроисповѣданія на земнюмъ шарѣ.

B. МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

5) Понятіе о небесныхъ явленіяхъ. Видъ земли и ея величина. 6) Линіи и точки на земномъ глобусѣ; широта и долгота мѣстъ. О движеніяхъ земли.

C. ОПИСАНІЕ ЧАСТЕЙ СВѢТА.

I. *Европа.*

7) Положеніе Европы; воды ея, острова, полуострова. 8) Горы въ Европѣ, климатъ и произведенія природы. 9) Величина Европы, число жителей въ ней, ихъ происхожденіе и различіе ихъ вѣроисповѣданій. Образы правленія. Политическое раздѣленіе Европы. 10) Россійская имперія, положеніе ея, пространство; орографія и гидрографія ея, климатъ и естественныя произведенія. 11) Составъ Россійской имперіи: число и происхожденіе жителей; вѣроисповѣданія, промышленость. Раздѣленіе на губерніи и области. 12) Пути внутренняго сообщенія въ Европейской Россіи. Губерніи Россіи по теченію Оки и ея притоковъ; важнѣйшіе города въ нихъ. 13) Губерніи по сѣверной Двинѣ и Онегѣ, великаго княжества Финляндскаго

и царства Польскаго; важнѣйшіе города въ нихъ. 14) Губерніи по рѣкамъ, впадающимъ въ Балтійское море, Финскій заливъ и Ладожское озеро и города въ нихъ. 15) Губерніи по Днѣстру, Бугу, Днѣпру, Дону съ ихъ притоками; важнѣйшіе города въ нихъ. 16) Губерніи по Волгѣ, губерніи Кавказскія и Уральскія. 17) Сибирь и ея раздѣленіе. Инородцы въ Сибири и промыслы ея жителей. Россійско-Американскія владѣнія. 18) Пиренейскій полуостровъ. 19) Аппенинскій полуостровъ. 20) Балканскій полуостровъ. 21) Франція. Перечень Французскихъ владѣній въ другихъ частяхъ свѣта. 22) Швейцарія. 23) Бельгія и Нидерланды. Перечень Нидерландскихъ колоній въ другихъ частяхъ свѣта. 24) Германія. 25) Австрія. 26) Пруссія. 27) Данія. 28) Великобританія. Перечень Великобританскихъ колоній въ другихъ частяхъ свѣта. 29) Скандинавскій полуостровъ.

II. *Азія.*

30) Положеніе Азіи, ея пространство, возвышенности, воды. Раздѣленіе жителей по племенамъ, вѣрѣ и образованности. 31) Перечень народовъ Азіи, образующихъ независимыя владѣнія, и колоній въ ней, принадлежащихъ Европейцамъ. 32) Азіатскія владѣнія пограничныя съ Русскими владѣніями. Азіатская Турція, Персія и Туркестанъ. Китай и зависящія отъ него страны. Японія.

III. *Африка.*

33) Положеніе Африки, ея пространство, возвышенности, воды, острова, климатъ и естественныя произведенія. Раздѣленіе жителей по племенамъ и образованности. 34) Перечень народовъ Африки, образующихъ независимыя владѣнія, и колоній въ ней, принадлежащихъ Европейцамъ.

IV. *Америка.*

35) Положеніе Америки, пространство ея, возвышенности, воды, произведенія. Раздѣленіе жителей по племенамъ и обра-

зованности. 36) Независимыя владѣнія въ сѣверной и средней Америкѣ. Колоніи Европейцевъ въ той и другой. 37) Независимыя владѣнія въ южной Америкѣ. Колоніи Европейцевъ въ ней.

V. *Австралія.*

38) Положеніе Австраліи, внѣшній видъ и составъ ея; климатъ и произведенія.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1) Общія понятія о Русскомъ языкѣ: о его происхожденіи и отличительныхъ свойствахъ въ отношеніяхъ этимологическомъ и синтаксическомъ. Первоначальные элементы Русскаго языка, буквы, образованіе словъ. 2) Раздѣленіе словъ на разряды и существенное между ними различіе; имена во всѣхъ видахъ и подраздѣленіяхъ; мѣстоименія. 3) Глаголы во всѣхъ видахъ и свойствахъ; причастіе, дѣепричастіе, нарѣчіе; частицы, ихъ употребленіе и различіе. 4) Образованіе рѣчи, части ея; различіе между простыми рѣчами и сложными; законы образованія рѣчи въ Русскомъ языкѣ; согласованіе словъ и управленіе. 5) О періодахъ: составъ періодовъ; способы соединенія его частей, виды его; условія правильнаго и яснаго устройства періодовъ. 6) Общій составъ рѣчи: вступленіе, изложеніе и заключеніе. Виды рѣчи: описаніе и повѣствованіе. 7) Общія понятія о составѣ всякаго сочиненія со стороны темы, формъ и условій языка. 8) Исторія Русской словесности отъ основанія Руси до введенія христіанской вѣры; составныя начала Русскаго языка; памятники народной словесности. 9) Введеніе христіанской вѣры: переводъ книгъ св. писанія; памятники письменности духовной и законодательной; письменность историческая; эпическое повѣствованіе. 10) Образованіе

въ Москвѣ велико-Русскаго языка; книгопечатаніе; духовные писатели; законодательство и историческія сочиненія. 11) Языкъ и словесность со времени царствованія Дома Романовыхъ; вліяніе на языкъ и словесность преобразованій Петра Великаго; витійство духовное; прозаики и стихотворцы. 12) Учрежденія на пользу образованія въ царствованіе Елисаветы и успѣхи словесности: Ломоносовъ. Первый Русскій университетъ и его содѣйствіе успѣхамъ отечественнаго языка и словесности. 13) Состояніе образованности въ царствованіе Екатерины II. Державинъ и современные ему писатели. 14) Учрежденія Александра I-го на пользу наукъ и образованія и общій характеръ новой словесности. Карамзинъ и вліяніе его на языкъ и словесность; писатели школы Карамзина. 15) Жуковскій, Батюшковъ и другіе писатели ихъ школъ. 16) Распространеніе образованія, какъ главнаго условія успѣховъ словесности, и характеръ современной словесности. Пушкинъ, его послѣдователи. 17) Романъ, повѣсть, журналистика въ Россіи.

РУКОВОДСТВА:

1) *Теорія словесности* — курсъ гимназическій, издан. отъ департамента народнаго просвѣщенія, 1852—54 г. 2) *Курсъ словесности*, В. Плаксина. 1856.

МАТЕМАТИКА.

(По руководствамъ, одобреннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для гимназій).

а) Ариѳметика.

1) Простыя дроби, происхожденіе, свойства ихъ, дѣйствія надъ дробями. 2) Десятичныя дроби, дѣйствія надъ ними. 3) Именованныя числа. 4) Пропорціи. 5) Правила тройное и товарищества. 6) Степени; извлеченіе корней.

б) Алгебра.

7) Дѣйствія надъ простыми и сложными алгебраическими величинами. 8) Уравненія; рѣшеніе уравненія 1 степени съ однимъ неизвѣстнымъ. 9) Уравненіе 1 степени съ 2 и 3 неизвѣстными, когда число ихъ равно числу неизвѣстныхъ и болѣе его. Значеніе выраженій $\frac{1}{0}$, $\frac{1}{00}$, $\frac{0}{0}$. 10) Рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій 1 степени съ 2 и 3 неизвѣстными въ цѣлыхъ числахъ. 11) Степени одночленныхъ количествъ; дѣйствія надъ корнями, извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней изъ многочленныхъ количествъ. 12) Уравненія 2 степени съ однимъ неизвѣстнымъ, рѣшеніе этихъ уравненій. 13) Ньютоновъ биномъ. 14) Прогрессіи ариѳметическія. 15) Прогрессіи геометрическія. 16) Логариѳмы.

в) Геометрія.

17) Объ измѣреніи прямыхъ линій; объ углахъ; о треугольникахъ и ихъ равенствѣ. 18) О перпендикулярѣ и наклонныхъ линіяхъ; зависимость величины угловъ отъ длины сторонъ въ треугольникѣ. 19) О параллельныхъ линіяхъ. 20) О сопряженіи прямой съ окружностію. 21) Измѣреніе угловъ. 22) Подобіе треугольниковъ, пропорціональныя линіи. 23) О многоугольникахъ. 24) Многоугольники подобные; правильные многоугольники. 25) Теорія предѣловъ. 26) Отношенія окружностей круговъ. 27) Измѣреніе площадей. 28) Отношенія плоскости къ прямой; плоскостные и тѣлесные углы. 29) Призмы и пирамиды; разсѣченіе ихъ плоскостію. 30) Измѣреніе поверхностей и объемовъ пирамидъ и призмъ. 31) Правильные многоугольники; отношеніе объемовъ подобныхъ многоугольниковъ. 32) Цилиндры, конусы, шары, измѣреніе ихъ поверхностей и объемовъ. 33) Понятіе о тригонометрическихъ линіяхъ и объ ихъ взаимномъ отношеніи.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

(Всеобщая исторія по руководству *г. Смарагдова*, Русская — по руководству *г. Устрялова*).

а) Всеобщая исторія.

1) Географія и исторія Мидійскаго, Ассирійскаго, Вавилонскаго и Лидійскаго государствъ, до покоренія ихъ Персами. 2) Египетъ и Финикія до Кира. 3) Киръ и его преемники до Дарія Кодомана. 4) Греція до Персидскихъ войнъ. 5) Греція отъ Персидскихъ войнъ до вмѣшательства въ ея дѣла Македоніи въ священныхъ войнахъ. 6) Исторія Македоніи: правленіе Филиппа, покореніе имъ Греціи; раздробленіе основанной имъ монархіи послѣ его смерти. Исторія государствъ, образовавшихся изъ монархіи Александра, до покоренія ихъ Римомъ. 7) Исторія Рима до покоренія средней и южной Италіи. 8) Пуническія войны. 9) Исторія Рима отъ окончанія пуническихъ войнъ до Августа. 10) Исторія Римской имперіи отъ Августа до раздѣленія ея на восточную и западную. 11) Переселеніе народовъ и паденіе западной Римской имперіи. 12) Исторія Франкскаго государства въ правленіе Меровинговъ и Каролинговъ до совершеннаго распаденія монархіи Карла Великаго. 13) Восточная Римская имперія до вступленія на престолъ династіи Ангеловъ. 14) Магометъ; исторія халифата до крестовыхъ походовъ. 15) Крестовые походы и исторія Византійской имперіи до покоренія ея Латинянами. 16) Исторія Франціи со времени низверженія Карла Толстаго до смерти Людовика XI. 17) Исторія Германіи въ правленіе послѣднихъ потомковъ Карла Великаго и государей изъ дома Франкскаго, Саксонскаго, Гогенштауфеновъ, Габсбургскаго, Люксенбургскаго и Австрійскаго до Карла V. 18) Открытія XIV и XV вѣка. 19) Исторія Оттоманской имперіи. 20) Пиренейскій полуостровъ до Карла V. 21) Карлъ V и начало реформаціи. 22)

Реформація въ Англіи, Франціи, Нидерландахъ, Швеціи, Даніи. 23) Тридцатилѣтняя война. 24) Англія отъ покоренія ея Вильгельмомъ Завоевателемъ до окончанія войны между красною и бѣлою розами. 25) Царствованіе дома Тюдоровъ и Стюартовъ. 26) Англія въ правленіе домовъ Оранскаго и Гановерскаго до конца прошлаго столѣтія. 27) Испанія отъ Филиппа II до конца прошлаго столѣтія. 28) Франція отъ Людовика XI до Людовика XIV. 29) Вѣкъ Людовика XIV. 30) Франція при Людовикахъ XV и XVI. 31) Пруссія, Фридрихъ Великій. Германія отъ окончанія семилѣтней войны до конца прошлаго столѣтія. 32) Обзоръ событій въ западной Европѣ отъ смерти Людовика XVI до 1814 года. 33) Открытія настоящаго столѣтія.

б) Русская исторія.

1) Исторія Руси отъ основанія ея до раздробленія на удѣлы. 2) Обозрѣніе удѣльнаго періода до нашествія Монголовъ. 3) Покореніе Руси Монголами; судьба восточной Руси до Іоанна Калиты. 4) Западная Русь до соединенія Литвы съ Польшею. 5) Московское княжество отъ Іоанна Калиты до Іоанна III. 6) Іоаннъ III, Василій Іоанновичъ, Іоаннъ IV. 7) Исторія Россіи отъ Ѳеодора Іоанновича до Михаила Ѳеодоровича. 8) Исторія Россіи отъ Михаила Ѳеодоровича до Петра I. 9) Царствованіе Петра Великаго. 10) Царствованія Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны и Петра III. 11) Царствованіе Екатерины II. 12) Царствованіе Павла I и Александра I. 13) Обозрѣніе царствованія Николая I.

ФИЗИКА.

(По руководству *г. Ленца*).

1) Общія свойства тѣлъ: протяженіе, непроницаемость, скважность, дѣлимость, косность. 2) Явленія, зависящія отъ

притяженія. Раздѣленіе тѣлъ на твердыя, жидкія и воздухообразныя. 3) Движимость, движеніе равномѣрное; сложеніе и разложеніе силъ. 4) Центръ тяжести; равновѣсіе устойчивое и неустойчивое. 5) Простыя машины: рычагъ, блокъ, наклонная плоскость, вѣсы. 6) Дѣйствіе внутреннихъ силъ въ тѣлахъ твердыхъ: сцѣпленіе, твердость и упругость. 7) Свободное паденіе тѣлъ, движеніе брошенныхъ тѣлъ. 8) Качаніе маятника; центральное движеніе. 9) Объ ударѣ тѣлъ неупругихъ и упругихъ. 10) Равновѣсіе капельныхъ жидкостей. 11) Равновѣсіе твердыхъ тѣлъ, погруженныхъ въ жидкости. 12) Прилипаніе, волосныя явленія, движеніе капельныхъ жидкостей. 13) Тяжесть воздуха, барометръ. 14) Упругость воздуха, воздушные и водяные насосы. 15) Движеніе воздухообразныхъ тѣлъ, сопротивленіе; происхожденіе, распространеніе и отраженіе звука.

ЛАТИНСКІЙ И НОВѢЙШІЕ ЯЗЫКИ.

Отъ поступающихъ въ Императорскую медико-хирургическую академію требуется: знаніе Латинской грамматики; переводъ съ Латинскаго на Русскій прозаиковъ: Корнелія Непота, Цицерона (рѣчи), Саллюстія, Тита Ливія; съ Русскаго на Латинскій — переводъ легкой прозы.

Сверхъ-того, требуется написать на Латинскомъ языкѣ небольшое сочиненіе на тему историческую или описательную.

Изъ новѣйшихъ языковъ требуется знаніе Нѣмецкаго или Французскаго: грамматика и переводъ легкихъ прозаиковъ съ иностраннаго на Русскій.

---

13. (24 іюня) *О закрытіи параллельныхъ отдѣленій при низшихъ классахъ Тамбовской гимназіи.*

Управлявшій министерствомъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, не находя надобности въ дальнѣйшемъ существованіи параллельныхъ отдѣленій при двухъ низшихъ классахъ Тамбовской гимназіи и въ учрежденіи таковыхъ отдѣленій при среднихъ классахъ той гимназіи, разрѣшилъ закрыть нынѣ же эти параллельные классы.

14. (3 іюля) *Объ утвержденіи проекта Устава начальныхъ Русскихъ училищъ въ Ригѣ.*

Управлявшій министерствомъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, утвердивъ, въ видѣ опыта, на три года *Штатъ начальныхъ Русскихъ училищъ въ Ригѣ*, съ примѣрнымъ штатомъ перваго училища и съ росписаніемъ часовъ ученія, предложилъ сдѣлать распоряженіе о приведеніи оныхъ въ дѣйствіе, съ тѣмъ чтобы, по истеченіи трехлѣтняго срока, сообщено было министерству, не окажется-ли на опытѣ полезнымъ сдѣлать какія-либо по этому предмету измѣненія.

УСТАВЪ

НАЧАЛЬНЫХЪ РУССКИХЪ УЧИЛИЩЪ ВЪ РИГѢ.

§ 1.

Начальныя Русскія училища учреждаются въ г. Ригѣ для распространенія начальнаго образованія между бѣднымъ классомъ Русскаго населенія.

§ 2.

Назначеніе мѣстъ для открытія начальныхъ Русскихъ училищъ предоставляется усмотрѣнію главнаго начальника Прибалтійскаго края.

Примѣчаніе. При размѣщеніи въ училищахъ учащихся, наблюдается, чтобы мальчики находились въ особыхъ отъ дѣвочекъ комнатахъ, во время занятій въ классахъ не имѣли-бы между собою сообщенія и дѣвочки отпускались-бы изъ классовъ ¼ часа ранѣе мальчиковъ.

§ 3.

Составъ училищъ и содержаніе ихъ опредѣляются прилагаемымъ примѣрнымъ штатомъ, которымъ должно будетъ руководствоваться при дальнѣйшемъ учрежденіи начальныхъ Русскихъ училищъ.

§ 4.

Число учениковъ въ каждомъ училищѣ не ограничивается, и зависитъ отъ мѣстныхъ потребностей того округа, въ которомъ училище находится.

§ 5.

Если въ одномъ изъ этихъ училищъ число учениковъ увеличится до того, что будетъ превышать предоставленные училищу способы помѣщенія и преподаванія, то главный начальникъ края дѣлаетъ распоряженіе объ учрежденіи въ томъ округѣ новаго начальнаго училища.

§ 6.

Начальныя Русскія училища состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи главнаго начальника Прибалтійскаго края. Ближайшее наблюденіе за благосостояніемъ училищъ возлагается: по учебной части—на попечителя Дерптскаго учебнаго округа, чрезъ посредство директора училищъ Лифляндской губерніи,

а по части хозяйственной, при посредствѣ Рижскаго городоваго магистрата, — на училищную коллегію города Риги. Всякія недоразумѣнія по учебной части представляются директоромъ училищъ на усмотрѣніе попечителя округа и разрѣшаются по соглашенію его съ главнымъ начальникомъ Прибалтійскаго края; вопросы-же по хозяйственному управленію, выходящіе изъ предѣловъ штатнаго положенія училищъ, представляются на усмотрѣніе и разрѣшеніе главнаго начальника края.

§ 7.

Для ближайшаго надзора за благосостояніемъ начальныхъ Русскихъ училищъ, назначается къ каждому изъ нихъ, по приглашенію главнаго начальника края и съ его утвержденія, почетный блюститель, изъ числа почетныхъ жителей г. Риги, православнаго исповѣданія и преимущественно изъ купеческаго сословія. Почетный блюститель пользуется правомъ непосредственнаго представленія и ходатайства предъ главнымъ начальникомъ края о принятіи мѣръ къ улучшенію ввѣреннаго ему заведенія и о предоставленіи ему средствъ, въ которыхъ оно будетъ нуждаться.

§ 8.

Въ начальныя Русскія училища принимаются всѣ дѣти Русскаго происхожденія, безплатно и безъ предварительнаго испытанія въ познаніяхъ. Возрастъ для вступленія опредѣляется: для мальчиковъ—не моложе 7 и не старше 14 лѣтъ, и для дѣвочекъ — не старше 11 лѣтъ.

§ 9.

Поступленіе въ эти училища обязательно для всѣхъ вообще дѣтей Русскаго происхожденія, приписанныхъ къ г. Ригѣ и принадлежащихъ къ податному состоянію родителей. Изъ этого правила допускаются слѣдующія исключенія:

1) Если родители имѣютъ средства къ обученію своихъ дѣтей дома, и о дѣйствительномъ ученіи ихъ представятъ удо-

стовѣреніе обучающихъ ихъ наставниковъ, а также мѣстной полиціи.

2) Если родители желаютъ обучать дѣтей своихъ въ другомъ какомъ-либо казенномъ или частномъ учебномъ заведеніи, и о дѣйствительномъ ученіи ихъ представятъ удостовѣреніе отъ начальства того заведенія.

§ 10.

Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ изложенныхъ въ § 9 правилъ возлагается на почетныхъ блюстителей училищъ и мѣстную полицію.

§ 11.

Въ начальныхъ училищахъ преподаются слѣдующіе предметы:

1) Законъ Божій, по краткому катихизису, и священная исторія.

2) Чтеніе гражданскихъ и церковныхъ книгъ.

3) Чистописаніе.

4) Первыя четыре правила ариѳметики.

5) Хорное пѣніе молитвъ, церковныхъ пѣсней и духовныхъ кантъ. Въ субботніе дни, въ-теченіе десятаго и одиннадцатаго часовъ утра, учащимся объясняются кратко: воскресные и праздничные евангелія и апостолы, исторія и значеніе важнѣйшихъ церковныхъ праздниковъ, богослужебные обряды церкви и въ особенности литургіи.

§ 12.

Кромѣ того, въ начальныхъ училищахъ обучаютъ дѣвочекъ рукодѣлью, а мальчиковъ — ремесламъ: а) портному, б) сапожному, в) столярному вмѣстѣ съ черченіемъ, г) токарному и д) слесарному.

§ 13.

Означенные въ §§ 11 и 12 предметы обученія обязательны для всѣхъ безъ исключенія учениковъ и ученицъ.

§ 14.

Но если ученикъ окажетъ особенную наклонность и способность къ умственному упражненію, то ему можетъ быть дозволено, съ разрѣшенія блюстителя училища, употреблять назначенные для обученія ремесламъ часы на занятія другаго рода, какъ-то: изученіе рисованія и Нѣмецкаго языка.

§ 15.

Учители опредѣляются училищными начальствами не иначе, какъ съ согласія главнаго начальника края и преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Рижской духовной семинаріи, но не состоящихъ въ духовномъ званіи.

§ 16.

Помощники учителей опредѣляются такимъ-же порякомъ, но только въ томъ случаѣ, если число обучающихся въ училищѣ будетъ превышать 30.

§ 17.

Служитель при училищѣ или сторожъ опредѣляется преимущественно изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ и назначается блюстителемъ училища.

§ 18.

Учителю и помощнику его въ самой школѣ квартиръ не полагается, но предоставляется главному начальнику края назначать имъ квартирныя деньги: первому — до 100, а второму — до 60 руб. сер. въ годъ, если положеніе училищнаго капитала это дозволяетъ.

§ 19.

Обученіе въ начальныхъ Русскихъ училищахъ продолжается весь годъ, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней и обыкновенныхъ училищныхъ вакацій.

§ 20.

Преподаваніе производится по 42 часа въ недѣлю, или по 7 часовъ въ день, утромъ — отъ 8 до 12 и послѣ обѣда — отъ 2 до 5 часовъ.

§ 21.

Между 10 и 11 часами полагается четверть часа отдохновенія; въ это время надзоръ за дѣтьми возлагается на помощника учителя или на училищнаго служителя.

§ 22.

Распредѣленіе предметовъ преподаванія производится учителемъ съ утвержденія губернскаго директора училищъ, сообразно прилагаемому при семъ для руководства примѣрному росписанію.

§ 23.

Для обученія дѣтей мастерствамъ и рукодѣлью нанимаются училищнымъ начальствомъ мастера или опытные подмастерья, и одна мастерица по вольному съ ними соглашенію.

§ 24.

Матеріалы на производимыя мальчиками работы заготовляются на счетъ училищныхъ суммъ и прибыль отъ продажи этихъ произведеній обращается на улучшеніе мастерскихъ. Дѣвочкамъ дозволяется приносить въ училище свои матеріалы, и въ такомъ случаѣ изготовленные ими предметы остаются ихъ собственностію.

§ 25.

Выборъ мастерства для мальчиковъ предоставляется имъ самимъ или ихъ родителямъ; если-же ни ученикъ, ни родители его не изберутъ ремесла, то оно назначается учителемъ, по собственному его усмотрѣнію.

§ 26.

Для частныхъ уроковъ Нѣмецкаго языка и рисованія, въ случаѣ достаточности на то училищныхъ средствъ, приглашаются училищнымъ начальствомъ лица по частному съ ними соглашенію.

§ 27.

Въ концѣ каждаго учебнаго года производится ученикамъ и ученицамъ публичное испытаніе. Оказавшимъ особые успѣхи въ ученіи и за благонравіе въ поведеніи даются, по усмотрѣнію училищнаго начальства и съ утвержденія главнаго начальника края, награды похвальными листами, книгами и т. п.

§ 28.

Ученіе въ начальныхъ Русскихъ училищахъ продолжается для мальчиковъ и для дѣвочекъ три года. До истеченія этого срока они не могутъ быть увольняемы безъ особо-уважительныхъ причинъ.

§ 29.

Если ученикъ или ученица окажется неисправимо-дурнаго поведенія, то для исключенія таковыхъ изъ училища представляется по порядку главному начальнику края.

§ 30.

Ученики и ученицы, сверхъ опредѣленныхъ трехъ лѣтъ, могутъ быть, по уважительнымъ причинамъ, оставляемы въ учи-

лищѣ еще на одинъ годъ, но не иначе, какъ по представленію училищнаго начальства и съ разрѣшенія главнаго начальника края.

§ 31.

Ученики хорошаго поведенія, окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія въ начальномъ Русскомъ училищѣ и желающіе продолжать свое образованіе, переводятся, попеченіемъ училищнаго начальства, въ Русское уѣздное училище г. Риги.

§ 32.

Учители начальныхъ Русскихъ училищъ должны имѣть самый бдительный, родительски-строгій надзоръ за прилежаніемъ, поведеніемъ и нравственностію учащихся, допуская тѣлесныя наказанія только въ случаѣ необходимости. Тщательное наблюденіе за исполненіемъ этого правила вмѣняется въ обязанность почетнымъ блюстителямъ училищъ.

§ 33.

Во всѣхъ случаяхъ, неопредѣленныхъ симъ Уставомъ, учитель долженъ руководствоваться общими правилами о начальныхъ училищахъ и предписаніями начальства.

§ 34.

Остатки изъ отпускаемой ежегодно на содержаніе училища суммы обращаются въ общій училищный капиталъ.

§ 35.

Капиталы, принадлежащіе начальнымъ Русскимъ училищамъ, считаются неприкосновенною ихъ собственностію и не могутъ быть употреблены ни на какія другія надобности. Рижская училищная коллегія ведетъ особые счеты симъ капиталамъ, заботится объ экономіи ихъ и возможномъ приращеніи процентами и другими законными способами. На необходимыя сверх-

штатныя издержки коллегія должна каждый разъ испрашивать разрѣшеніе главнаго начальника края, а по управленію вообще этими капиталами представлять ему ежегодные подробные отчеты.

§ 36.

О состояніи начальныхъ Русскихъ училищъ, собственно въ учебномъ отношеніи, директоръ училищъ Лифляндской губерніи представляетъ надлежащіе ежегодные отчеты попечителю Дерптскаго учебнаго округа и главному начальнику Прибалтійскаго края.

Подписалъ: Товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь *Вяземскій*.

ПРИМѢРНЫЙ ШТАТЪ

ПЕРВАГО РУССКАГО НАЧАЛЬНАГО УЧИЛИЩА ВЪ Г. РИГѢ.

	Содержаніе въ годъ серебромъ.
Учителю	300 руб.
Помощнику учителя	150 руб.
Служителю	60 руб.
На учебныя и мастерскія потребности школы	50 руб.
На наемъ четырехъ мастеровъ и одной мастерицы по 50 руб. сер., всего	250 руб.
На отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ дома	50 руб.
	И того 860 руб. сер.

Подписалъ: Товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь *Вяземскій*.

РОСПИСАНІЕ

учебныхъ часовъ въ Русскихъ начальныхъ училищахъ въ г. Ригѣ.

	8 — 9.	9 — 10.	10 — 11.	11 — 12.	2 — 5.
Понедѣльникъ . . .	Священная исторія.	Ариѳметика.	Чтеніе.	Чистописаніе.	Обученіе ремесламъ.
Вторникъ. .	Катихизисъ.	Ариѳметика наизустъ.	Чтеніе.	Чистописаніе.	
Среда	Священная исторія.	Ариѳметика.	Чтеніе.	Пѣніе.	
Четвергъ. .	Катихизисъ.	Ариѳметика.	Чтеніе.	Чистописаніе.	
Пятница. . .	Священная исторія.	Ариѳметика наизустъ.	Чтеніе.	Чистописаніе.	
Суббота . . .	Катихизисъ.	Краткое объясненіе Евангелій, Апостоловъ, литургіи праздниковъ и обрядовъ церкви.		Пѣніе.	

Подписалъ: Товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь *Вяземскій.*

14. (18 іюля) *О подчиненіи надзору министерства народнаго просвѣщенія школы для малолѣтныхъ дѣтей, состоящей при Англійской церкви въ Москвѣ.*

Управлявшій министерствомъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе представленія управлявшаго Московскимъ учебнымъ округомъ, бывшаго помощника попечителя сего округа, и по сношенію съ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, разрѣшилъ сдѣлать распоряженіе о подчиненіи находящейся въ Москвѣ, при Англійской церкви, школы для малолѣтныхъ дѣтей иностраннаго исповѣданія надзору одного изъ инспекторовъ надъ частными въ Москвѣ пансіонами и школами, наравнѣ съ прочими подобнаго рода учебными заведеніями.

15. (31 іюля) *Циркулярное предложеніе о порядкѣ требованія училищными начальствами учебныхъ пособій изъ департамента народнаго просвѣщенія.*

Циркулярнымъ предложеніемъ министерства 24-го мая 1833 г. постановлено правиломъ, чтобы губернскіе директоры училищъ присылали въ департаментъ народнаго просвѣщенія требованія свои объ учебникахъ къ 1-му іюня и къ 1-му декабря. Цѣлію сего постановленія было своевременное снабженіе училищъ необходимыми книгами. Впослѣдствіи времени исполненіе сего постановленія ослабѣло или отъ забвенія онаго или отъ нераспорядительности директоровъ училищъ, которые требованія свои присылаютъ большею частію не во-время, и потомъ заявляютъ о несвоевременной высылкѣ учебныхъ пособій, слагая собственную вину на книжный магазинъ департамента народнаго просвѣщенія.

Книжный магазинъ, исполняя даваемыя ему департаментомъ предписанія о разсылкѣ книгъ по дирекціямъ, обязанъ сообразоваться съ правилами почтоваго вѣдомства, которое не можетъ принимать одновременно большаго числа посылокъ въ значительномъ вѣсѣ.

Посему необходимо, чтобы директоры сами, своею точностію и заблаговременнымъ требованіемъ учебниковъ, способствовали книжному магазину къ исправному исполненію заботливой и трудной его обязанности.

Считая нужнымъ поставить сіи обстоятельства въ виду начальствующихъ учебными округами, покорнѣйше прошу предложить директорамъ училищъ, дабы, во избѣжаніе медленности, требованія свои о книгахъ присылали они въ департаментъ за нѣсколько мѣсяцевъ до начала учебнаго года, дабы и книжный магазинъ могъ во-время удовлетворять требованія и чтобы ученики не оставались безъ учебныхъ пособій. Для бо̀льшаго удобства, требованія учебныхъ книгъ можно подраздѣлять на безотлагательно-нужныя, и на такія, по которымъ высылка можетъ быть отложена на нѣкоторое время,

Требованія книгъ, въ отмѣну прежнихъ сроковъ, должны поступать въ департаментъ къ 1-му мая и къ 1-му ноября.

Подписалъ: Товарищъ Министра народнаго просвѣщенія князь *Вяземскій*.

УТВЕРЖДЕНЫ:

По департаменту народнаго просвѣщенія.

Исправляющій должность начальника стола, коллежскій секретарь *Бутузовъ* — въ должности начальника стола (24 іюля).

По университетамъ.

Московскому: экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, статскій совѣтникъ *Кохъ* — въ званіи ординарнаго профессора по занимаемой имъ каѳедрѣ (7 іюля).

Казанскому: высокопреосвященный *Григорій*, митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій — почетнымъ членомъ (9 іюля); ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ *Берви*—въ званіи заслуженаго профессора (4 іюля).

Дерптскому: штатный частный преподаватель, титулярный совѣтникъ *Вейрихъ*—экстраординарнымъ профессоромъ по второй каѳедрѣ терапіи и клиники (26 іюня).

По ученымъ Обществамъ.

Попечитель Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Ковалевскій* — вице-президентомъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ (18 іюля); попечитель Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пироговъ*—вице-президентомъ Одесскаго Общества исторіи и древностей (14 іюня).

ПЕРЕМѢЩЕНЫ:

Ординарный профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики *Бабстъ* — тѣмъ-же званіемъ въ университетъ Московскій (1 іюля); старшій учитель Московской 1 гимназіи *Тихонравовъ* — въ Московскій университетъ, исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ педагогіи (5 іюня).

УВОЛЕНЪ:

Служащій въ канцеляріи главноуправляющаго дворцовыми правленіями и г. Царскимъ Селомъ, коллежскій регистраторъ *Сабиръ*—отъ должности почетнаго смотрителя Гатчинскаго уѣзднаго училища, по прошенію (14 іюня).

Профессору С. Петербургскаго университета и главнаго педагогическаго института, коллежскому совѣтнику *Штейнману* разрѣшено занять должность директора главнаго Нѣмецкаго училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С. Петербургѣ (16 іюня).

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія.

Ординарному академику Императорской академіи наукъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Дорну* — за безмездное, отлично-усердное и вполнѣ успѣшное преподаваніе въ С. Петербургскомъ университетѣ Афганистанскаго языка (1 іюня).

О КНИГѢ,

одобренной для библіотекъ учебныхъ заведеній.

Военная географія Европы.

Генералъ-квартирмейстеръ увѣдомилъ, что въ военно-топографическомъ депо имѣется для продажи нѣкоторое число экземпляровъ «Военной географіи Европы» въ таблицахъ, въ

Русскомъ переводѣ съ Нѣмецкаго изданія Франца Рутдорфера, съ особыми замѣчаніями о Россіи, въ 4 тетрадяхъ. Цѣна за 4 тетради 1 руб. сер., а съ пересылкою 1 руб. 10 коп. сер.

Управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищъ министра разрѣшилъ начальствамъ учебныхъ заведеній пріобрѣтать это сочиненіе для библіотекъ училищъ съ тѣмъ, чтобы для полученія онаго обращались въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

ШЕКСПИРЪ ВЪ ТРАГЕДІИ ЕГО:

ЮЛІЙ ЦЕСАРЬ.

Въ то время, какъ художественная поэзія древняго міра начинала осиливать элементъ народный въ Италіянской поэзіи, а также и другіе народы западной Европы подчинялись уже ея вліянію, въ Англіи, которая во всей чистотѣ хранила свое народное начало, какъ-бы въ противодѣйствіе всеобщему вторженію классицизма, Британская стихія породила Шекспира. Въ концѣ XVI столѣтія всѣ драматическіе элементы сосредоточились въ Англіи, гдѣ, не смотря на владычество феодальныхъ обычаевъ, желаніе реформы не могло быть подавлено никакимъ дѣйствіемъ Норманскаго могущества. Въ Италіи, какъ мы сказали, стремленіе къ классицизму сковывало поэзію рабскимъ подражаніемъ древнимъ. Франціи, раздираемой междоусобными войнами, было не до поэзіи. Въ Испаніи она еще подавлена была инквизиціею. Въ одной Англіи, торговыя связи и далекія путешествія знакомили жителей со всѣми народами міра, предлагая имъ вѣрные снимки съ характеровъ современниковъ. Англичане любили эти подвижныя картины, потому-что онѣ были согласны съ потребностями ихъ духа, не смотря на всю ихъ грубость. Еще задолго до Шекспира, являлись драматическіе поэты, носившіе на себѣ отпечатокъ болѣе современной эпохи, нежели личныхъ талантовъ. Въ разговорахъ, характерахъ, сценахъ трагическихъ и шутливыхъ они сходятся между собою, и самая оригинальность ихъ есть произведеніе вѣка,

тогда столь пытливаго въ Англіи, и еще столь безпечнаго въ прочихъ государствахъ Европы. Наконецъ явился Шекспиръ. Это одно изъ тѣхъ свѣтилъ поэтическаго міра, которыя начинаютъ собою эпоху, и проливаютъ яркій свѣтъ на все послѣдующее развитіе человѣчества. Такіе геніи родятся вѣками. Чтобы воспитать и приготовить ихъ, нужны столѣтія; въ нихъ, какъ въ избранныхъ сосудахъ Провидѣнія, содержатся начатки будущаго развитія. Но великимъ представителямъ новыхъ эпохъ иногда судьбою бываетъ назначено дѣйствовать среди бездарной толпы, не понимающей ихъ высокаго духа; дѣйствовать для блага человѣчества и получать въ награду одну неблагодарность; прославить народъ, среди котораго они призваны жить, и быть забытыми, отверженными этимъ самымъ народомъ. Ихъ удѣлъ въ этой жизни, какъ и всего великаго, терпѣніе. И безсмысленный судъ завистливыхъ и невѣжественныхъ современниковъ, и шумныя одобренія черни, плѣняющейся одной внѣшней, иногда грубой оболочкою ихъ возвышенныхъ мыслей — вотъ оскорбленія, наносимыя генію. Творческая идея художника, неразгаданная современниками, остается тайною духа его; онъ проводитъ ее чрезъ всѣ свои творенія и завѣщаваетъ временамъ грядущимъ. Забытый неблагодарнымъ отечествомъ, онъ усвоивается народами чуждыми; и посредствомъ ихъ становится достояніемъ всего человѣчества. Уже поздно національная гордость вступаетъ въ права свои; уже поздно въ его соотечественникахъ рождается благоговѣніе къ генію великому, но ими отверженному; они снова воспринимаютъ его, и примиряются съ его оскорбленною тѣнью.

Такова была участь Шекспира, какъ и другихъ великихъ людей. Пока еще свѣжи слѣды ихъ между современниками и ближайшимъ потомствомъ, все еще не умолкаетъ клевета и зависть не дремлетъ. Но когда прозвучалъ надъ нимъ глаголъ временъ, когда вопросъ о его существованіи и заслугахъ становится вопросомъ историческимъ, тогда снова извлекаются творенія его изъ запыленныхъ хартій, и начинается безпри-

страстный судъ потомства послѣ многовѣковаго забвенія. Художники Италіянскіе XVI столѣтія во всю жизнь свою терпѣли глубокое униженіе. Всюду гонимые злословіемъ и клеветою завистливыхъ собратій своихъ, они пали, но въ самомъ паденіи остались ихъ побѣдителями. Мы называемъ ихъ мучениками искусства; но великія созданія, завѣщанныя ими потомству, эти краснорѣчивые, хотя и безгласные свидѣтели ихъ заслугъ, пережили своихъ гонителей и остались лучшимъ ихъ надгробнымъ памятникомъ. Такая-же участь постигла Шекспира. Удаленный отъ высшаго сословія общества своимъ званіемъ актера, Шекспиръ не могъ находить сочувствія въ знати; за то низшіе классы народа любили его за его смѣлыя, иногда дерзкія, хотя и невинныя шутки, и за острые намеки на современные нравы, выражаемые нерѣдко въ формѣ юмористической. Не проникая въ глубину его мыслей, они любовались внѣшностію, которая одна могла быть доступна ихъ ограниченнымъ умамъ. Французскіе критики прошедшаго столѣтія въ худую сторону перетолковали любовь черни къ Шекспиру; она привела ихъ къ одностороннему заключенію, оскорбительному для нравственнаго чувства. Они называли Шекспира народнымъ поэтомъ, въ презрѣнномъ значеніи этого слова, на томъ основаніи, что онъ будто-бы искусно поддѣлывался подъ грубый характеръ и низкія страсти народа. Такъ называли его свѣтлыя вдохновенія, порывы его благороднаго сердца, и Англія отказалась отъ своего Шекспира, она предала его на жертву этимъ литературнымъ зоиламъ, и равнодушно внимала безсмысленнымъ ихъ приговорамъ. Вотъ что̀ мимоходомъ говоритъ о Шекспирѣ Лагарпъ, ихъ главный представитель въ XVIII вѣкѣ: «Современно Лопе-де-Вегѣ и Кальдерону въ Испаніи, явился въ Англіи Шекспиръ. Въ немъ повторились всѣ ихъ достоинства и недостатки. Но онъ не болѣе ихъ разумѣлъ тайны искусства, хотя превзошелъ ихъ врожденнымъ талантомъ, доходящимъ иногда до возвышенныхъ мыслей, до сильнаго выраженія страстей, до энергіи трагическихъ характе-

ровъ. Эти исключенія, столько-же поразительныя, сколько и рѣдкія, конечно, возвышаютъ его надъ современниками, не имѣвшими никакого понятія о настоящей трагедіи; но съ-тѣхъ-поръ, какъ первостепенные геніи вѣка Людовика XIV и нашихъ временъ, довели драматическую поэзію до высшей степени совершенства, одно лишь народное самолюбіе Англіи или страсть къ противорѣчію можетъ ставить знаменитыхъ драматурговъ Франціи на-ряду съ писателемъ, который, среди варварства своего народа и своихъ твореній, удивляетъ насъ изрѣдка проблесками генія». Это мнѣніе, по свидѣтельству того-же Лагарпа, было общимъ приговоромъ не только Франціи, но и всей Европы, и даже Англіи, гдѣ нѣкоторые умные критики напрасно старались поднять униженнаго Шекспира. Началу текущаго столѣтія принадлежитъ честь преобразованія, вышедшаго изъ Германіи. Въ ней-то высказался первоначально дружный, національный протестъ, который отозвался потомъ во всѣхъ концахъ образованной Европы. Мы всегда останемся ей благодарны за то, что она освободила Шекспира отъ суевѣрныхъ оковъ, наложенныхъ на него завистью и невѣжествомъ, провозгласила окончательно его торжество, и своимъ примѣромъ спасительно подѣйствовала на самую Англію.

Устарѣлое мнѣніе прошедшаго столѣтія, предпочитающее Шекспиру Французскихъ писателей и Вольтера въ-особенности, какъ высшаго представителя драмы во Франціи, невольно ведетъ насъ къ изученію того и другаго поэта въ ихъ относительномъ достоинствѣ. Но что-же можетъ полнѣе и совершеннѣе служить мѣриломъ ихъ поэтическихъ дарованій, какъ не такое драматическое произведеніе, къ которому оба приступили, одушевленные, можетъ-быть, одною и тою-же мыслію, но съ неравными силами къ ея воплощенію? Вотъ что побудило насъ избрать для разбора драму Шекспира: «Юлій цезарь» и поставить ее въ-параллель съ трагедіей Вольтера: «Смерть цезаря».

И такъ, послѣ общихъ мыслей, предложенныхъ нами, слѣ-

довало-бы перейти къ разбору самыхъ трагедій; но прежде считаю за нужное предложить біографическое извѣстіе о томъ и другомъ поэтѣ. Потому планъ моей бесѣды будетъ состоять:

1) изъ краткой біографіи обоихъ поэтовъ;

2) изъ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній относительно матеріала, идеи и формы произведеній Шекспира и Вольтера, съ примѣненіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни ихъ ко внутреннему характеру ихъ сочиненій;

3) и наконецъ этотъ-же способъ историческаго изученія писателей относительно матеріала, идеи и формы примѣнимъ къ болѣе спеціальному разбору самыхъ трагедій, который собственно составитъ предметъ сочиненія.

При всѣхъ усиліяхъ любознательнаго біографа разсѣять мракъ, скрывающій отъ насъ первые годы Шекспировой жизни, они до-сихъ-поръ еще подернуты таинственной завѣсой, за которую трудно проникнуть даже зоркому глазу опытнаго наблюдателя. Напрасно остроумные критики посвящали многолѣтнее изученіе темнымъ вопросамъ жизни Шекспира; напрасно комментаторы одинъ за другимъ испытывали силы свои на этомъ поприщѣ хотя не новыхъ, но безплодныхъ изслѣдованій: одни отрывочныя извѣстія были плодомъ изысканій многотрудныхъ, достойныхъ лучшаго успѣха. При недостаткѣ положительныхъ свѣдѣній, мы должны ограничиться одними гипотезами. Такъ мало современники оцѣнили Шекспира, не вполнѣ разгаданнаго и въ XIX столѣтіи. Много утратила наука отъ того, что Шекспиру не вздумалось самому для пользы потомства оставить записки о собственной жизни. Конечно, или скромность налагала печать на уста его, или, можетъ-быть, въ минуты свѣтлаго вдохновенія онъ самъ не доходилъ до полнаго, торжественнаго сознанія своего генія. Между-тѣмъ любопытно было-бы намъ познакомиться короче съ дѣятельностію вели-

каго мужа на поприщѣ свѣтской, общественной жизни, имъ самимъ описанной вѣрною и смѣлою кистью художника, прослѣдить его нравственную жизнь во всѣхъ малѣйшихъ ея проявленіяхъ, и въ откровенной исповѣди, какъ-бы нехотя вырвавшейся изъ сердца, прочесть его задушевную мысль, не раскрытую вполнѣ въ его произведеніяхъ, и чаще всего глубоко затаенную въ духѣ художника.

Прежде всего должно рѣшить вопросъ: въ какую эпоху явился Шекспиръ на поприщѣ драматическомъ? Это былъ, можно сказать, самый дѣятельный моментъ исторіи Англіи, когда развивались ея самородныя силы, когда она въ лицѣ своего государя отвѣчала религіознымъ протестомъ на злоупотребленія Римскихъ первосвященниковъ, и тѣмъ опередила реформацію въ Германіи. Это было время самой сильной реакціи начала народнаго противъ всѣхъ чужеземныхъ стихій, вкравшихся въ Англію со времени Норманской династіи. Генрихъ VIII, уносившій съ собою во гробъ названіе защитника вѣры, на смертномъ одрѣ своемъ завѣщалъ преемникамъ окончаніе великой борьбы своей съ Римскимъ престоломъ. Послѣдовавшая за тѣмъ реакція Римско-католическаго начала, привитаго съ юга Европы, также сильно волновала умы. Наконецъ религіозныя бури утихли, когда, вѣрная догматическимъ убѣжденіямъ отца своего, Елисавета провозгласила на престолѣ торжество національности. Не менѣе дѣятельна, не менѣе бурна была и политическая жизнь современная. Подъ скипетромъ новой династіи уже нѣсколько десятилѣтій Англія отдыхала отъ столѣтней борьбы своей съ Франціею и отъ распрей междоусобныхъ, поставившихъ ее на шагъ отъ погибели. Она быстрыми шагами возрастала снова къ величію. Ея корабли посылались въ отдаленнѣйшіе предѣлы свѣта; открытія новыхъ земель и народовъ обогащали ее болѣе и болѣе положительными свѣдѣніями, между-тѣмъ-какъ изобрѣтенія внутри самой Англіи объясняли законы природы, раздвигали предѣлы ума человѣческаго. Но государство не вполнѣ еще установилось;

броженіе еще не сложившихся элементовъ по-временамъ производило явленія, нарушавшія его тишину. Сильныя потрясенія колебали Шотландію и Англію передъ ихъ окончательнымъ соединеніемъ. Это былъ послѣдній протестъ лучшей половины народа Шотландскаго, которая не могла равнодушно отказаться отъ личности державы независимой. Глубокая наслѣдственная ненависть раздѣляла оба народа; Шотландцы помнили побѣды отцевъ своихъ; они готовились еще разъ на развалинахъ издыхающаго отечества дать кровавый пиръ иноземцамъ, которые насильно пришли на родину ихъ и говорили съ ними чужимъ словомъ. Изъ глубины Карлильской темницы, развѣнчанная королева Марія заставляла трепетать властолюбивую Елисавету. Самозванцы, необходимое слѣдствіе междоусобной войной, по-временамъ возмущали еще покой государства. Наконецъ реформація въ Англіи быстро развернула умственныя силы народа, и проложила дорогу талантамъ. Такой-же переворотъ въ мірѣ умственномъ приготовили и политическія событія, наполняющія собою всю послѣднюю половину XVI столѣтія. Среди бурнаго движенія жизни, когда дремлющія силы народа воспрянули отъ вѣковаго сна, и развернулись могущественно, вслѣдствіе внутренняго закона органическаго развитія, быстро созрѣваютъ и отдѣльныя личности; быстро развивается разумѣніе современныхъ вопросовъ; отселѣ умственное совершенствованіе народа идетъ уже не безсознательно, а путемъ раціональнымъ.

Всѣ эти жизненныя явленія породили Шекспира. Съ другой стороны онѣ-то и объясняютъ намъ равнодушіе, съ какимъ онъ встрѣченъ былъ современниками; онѣ-то содержатъ разгадку вопроса: отчего онъ прошелъ незамѣченный, въ-ряду обыкновенныхъ, вседневныхъ явленій, не нарушающихъ собою вѣчнаго однообразія жизни. Въ эпохи переходныя все вниманіе современниковъ бываетъ обращено болѣе на политическіе и государственные интересы. Звучная лира поэта можетъ услаждать ихъ только въ часы досуга, но она дѣйствуетъ на нихъ

одною внѣшнею стороною; сторона-же внутренняя есть исключительная принадлежность идеальнаго міра художника, и разгадка ея предоставлена поколѣніямъ грядущимъ.

Вилліамъ Шекспиръ родился 23 апрѣля 1564 года, умеръ въ самый день своего рожденія на 53 году. Теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что онъ былъ низкаго происхожденія. Но было время, когда его біографы и комментаторы наперерывъ старались доказать посредствомъ разныхъ натяжекъ, что онъ происходилъ отъ дворянскаго рода. Когда-же достаточно сознали ту истину, что геній не нуждается въ мелочныхъ отношеніяхъ житейскихъ, а имѣетъ свою высшую, независимую сферу, эти попытки воздвигнуть Шекспиру генеалогическое древо оставлены. По общепринятому преданію, отецъ Шекспира былъ продавцомъ шерсти въ Стратфордѣ на Авонѣ, небольшомъ промышленомъ городѣ Англіи. Онъ прежде занималъ почетное мѣсто въ купеческой общинѣ этого города; но неудачные торговые обороты, разстроивъ его дѣла, лишили его средствъ удерживать за собою то званіе, которымъ онъ былъ облеченъ. Есть еще другое преданіе, представленное, впрочемъ, нѣкоторыми толкователями болѣе въ видѣ предположенія. Оно возмутило національную гордость нѣкоторыхъ Англичанъ, которые не могли допустить, чтобы ихъ великій поэтъ родился и воспитанъ былъ первоначально въ хижинѣ мясника. Другіе-же приняли эту гипотезу за истину положительную, находя вліяніе этого рода занятій въ самыхъ драмахъ Шекспира. По мнѣнію ихъ, тѣ кровавыя зрѣлища, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, служили прелюдіею къ сценамъ ужаснымъ, ознаменовавшимъ его появленіе на театрѣ. Впрочемъ, это можно сказать только о самыхъ первыхъ твореніяхъ Шекспира, напр. о Титѣ, который множествомъ убійствъ и злодѣяній утомляетъ читателя и производитъ на него тягостное впечатлѣніе. Здѣсь видимъ дикій зародышъ еще неразвившагося таланта, который носитъ на себѣ слѣды усилія своего порожденія. Позднѣе не находимъ уже въ драмахъ Шекспира

такого искаженія природы человѣческой, обиднаго для чувства художественнаго. Какъ-бы то ни было, но первые годы Шекспира принадлежатъ еще вполнѣ низшему сословію общества. Мало-по-малу онъ возвышается, и проходитъ всѣ степени гражданскаго чиноначалія. Прежде всего онъ обезпечиваетъ свое состояніе, женившись 18-лѣтъ на 26-лѣтней дочери богатаго откупщика Аттавай. Происшествіе въ паркѣ Томаса Люси имѣло рѣшительно вліяніе на всю послѣдующую жизнь Шекспира. Древній феодальный обычай, введенный еще Вильгельмомъ-Завоевателемъ, запрещалъ охоту во владѣніяхъ феодальныхъ бароновъ, и давалъ хозяину право наносить ослушнику тѣлесное наказаніе. Шекспиръ сдѣлался невинною жертвою этого обычая, который продолжался и среди новаго порядка вещей. Острая сатира или баллада, прибитая Шекспиромъ къ воротамъ зáмка, навлекла на него новыя гоненія сера Люси и принудила спасаться бѣгствомъ въ столицу. Это первое удаленіе отъ родительскаго крова составляетъ эпоху въ жизни его. Здѣсь открылась ему совершенно-новая сфера; увлеченный призваніемъ, онъ вступаетъ на то поприще блестящихъ успѣховъ и столь-же чувствительныхъ пораженій, которое питаетъ своими вдохновеніями талантъ драматическій. Замѣчательно, что въ великихъ представителяхъ драмы талантъ поэтическій соединялся нерѣдко съ художественнымъ исполненіемъ ролей. Какъ Мольеръ былъ превосходенъ въ своихъ комическихъ роляхъ, такъ Шекспиръ заслужилъ славу хорошаго актера трагическаго. И какъ сочинитель, и какъ актеръ, Шекспиръ на театрѣ пріобрѣлъ себѣ всеобщую извѣстность, и нашелъ сочувствіе въ рядахъ нисшаго сословія общества. Впродолженіе слишкомъ двадцати лѣтъ, проведенныхъ имъ на сценическомъ поприщѣ, онъ имѣлъ даже случай снискать себѣ покровителей въ Англійской знати. Представленный королевѣ, которая захотѣла узнать его лично, онъ получилъ отъ нея знаки милостиваго благоволенія. Она неоднократно призывала его къ себѣ, нерѣдко помогала ему совѣтами, и, плѣнившись

въ-особенности оригинальностію характера сера Фальстаффа въ обѣихъ частяхъ «Генриха IV», изъявила ему желаніе увидѣть его дѣйствующимъ лицемъ въ другой драмѣ. Шекспиръ повиновался Елисаветѣ, и въ *Виндзорскихъ забавницахъ* выставилъ Фальстаффа на первомъ планѣ.

За этою свѣтлою стороною Шекспировой жизни, привлекаетъ наше вниманіе другая сторона, темная, болѣе трогательная, которой подробности утаила исторія, но которая и въ отрывочныхъ извѣстіяхъ своихъ поучительна. Шекспиръ женился 18 лѣтъ; но, по всему вѣроятію, этотъ бракъ былъ несчастливъ: безконечное различіе понятій уничтожало возможность всякаго равенства и всякой взаимности между супругами. Грустно подумать, что, среди самыхъ блестящихъ успѣховъ Шекспира, ему не съ кѣмъ было подѣлиться своею радостію, что въ самыхъ сильныхъ душевныхъ страданіяхъ никто не помогалъ ему нести его тяжкій крестъ; что онъ сиротствовалъ въ одиночествѣ, не смотря на то, что могъ уже насчитывать нѣсколько дѣтей въ своемъ семействѣ. Въ-особенности лишило его семейнаго счастія то обстоятельство, что онъ въ подругѣ жизни своей не нашелъ той взаимности, той нѣжной гармоніи чувствъ, которая одна могла-бы смирять нравственныя бури его могучей природы. Живя разгульною жизнію артиста, онъ осужденъ былъ на постоянную разлуку съ семействомъ. И вдругъ, когда послѣ представленія на сценѣ «Отелло», драматическая слава его стала на высшую точку свою, когда онъ болѣе нежели когда-либо осыпанъ былъ милостями королевскими, онъ внезапно, безъ видимой причины, оставляетъ театръ, и скрывается съ поприща общественной жизни. Неизъяснимая тоска по отчизнѣ, желаніе провести остатокъ дней своихъ въ тѣсномъ кругу семейства вызвали его на родину, гдѣ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ мечты юношества рисовали ему въ отдаленіи счастливую будущность. Разочарованный, послѣ горькаго опыта жизни, онъ возвратился сюда, можетъ быть, въ тайномъ предчувствіи близкой кончины, постигшей его такъ

рано для міра. Послѣдніе два года жизни его сокрыты отъ насъ непроницаемымъ мракомъ. Шекспиръ въ новѣйшее время подвергся обвиненію важному: обманутые его ложнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, несовмѣстнымъ съ его дарованіями, нѣкоторые біографы приписали ему развратное поведеніе. Но въ безпристрастномъ судѣ потомства Шекспиръ никогда не понесетъ такого упрека. Будучи слабаго тѣлосложенія, онъ всегда удалялся отъ чувственныхъ удовольствій. Гораздо вѣрнѣе то положеніе, что любовь самая чистая, но любовь безъ взаимности, была источникомъ всѣхъ его душевныхъ страданій.

Отсюда объясняется и тѣсная связь его съ молодымъ Соутгемптономъ, продолжавшаяся въ равной мѣрѣ во всю его жизнь. Какое-то странное сходство въ судьбѣ двухъ мужей, раздѣленныхъ такимъ огромнымъ пространствомъ на лѣствицѣ іерархіи гражданской, вопреки свѣтскимъ приличіямъ, соединила ихъ тѣсными узами дружбы. Кажется, оба они осуждены были на всѣ страданія любви безнадежной, которой препятствовало съ одной стороны различіе состояній, съ другой — желѣзная воля ревнивой Елисаветы. По-крайней-мѣрѣ ясные намеки на этотъ счетъ содержатся въ сонетахъ Шекспира, которые дышатъ чувствованіями самой нѣжной дружбы и благодарности къ его покровителю. Что касается до Шекспира, то самое званіе его въ глазахъ свѣта заклеймило его вѣчнымъ позоромъ. Съ сословіемъ комедіантовъ народное мнѣніе соединяло все, что было презрѣннѣйшаго въ самыхъ низкихъ слояхъ тогдашняго общества.

Что̀ могло быть ужаснѣе положенія поэта, одареннаго пламеннымъ чувствомъ, — поэта, который вмѣсто нѣжной взаимности встрѣчалъ презрительную насмѣшку? Шекспиръ понималъ свое униженіе, и тайная грусть томила его гордое сердце. Часто вырывались у него тихія жалобы на свое состояніе, но онъ умѣлъ заглушить въ себѣ ропотъ и переносить судьбу свою терпѣливо. Какъ личность гордая и непреклонная, онъ не расточалъ передъ свѣтомъ своихъ мыслей и чувствованій, а берегъ ихъ для откровенной исповѣди дружбы.

Только въ сонетахъ, посвященныхъ другу его Соутгемптону, гдѣ чувствованія его изливались непринужденно, гдѣ отъ полноты сердца говорили уста, онъ нерѣдко въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ описывалъ свою тяжкую участь. «Я не могу признать тебя другомъ предъ лицемъ свѣта, чтобы дружба моя не навлекла на тебя позора», писалъ онъ къ Сутгемптону; «а ты съ своей стороны не можешь покровительствовать мнѣ явно, чтобы не подвергнуть своего имени безчестію». (Сонетъ 36) «Отъ этого имя мое, говоритъ онъ въ другомъ сонетѣ, заклеймено вѣчнымъ позоромъ; отъ этого природа моя унижена до того рода занятій, на который обрекла меня судьба».

Это-та темная сторона Шекспировой жизни, которую мы обозрѣли въ ея главныхъ чертахъ, имѣла спасительное вліяніе на его характеръ; съ эпохою самыхъ тяжкихъ испытаній совпадаетъ эпоха полнаго развитія его душевныхъ способностей.

Мы бросили бѣглый взглядъ на главныя обстоятельства жизни Шекспира. Переходимъ къ его характеристикѣ, и здѣсь предложимъ нѣсколько замѣчаній относительно матеріала, идеи и формы его произведеній.

Матеріалъ находится въ тѣсной связи съ природою, окружающею поэта, и съ исторіею, ему современною. Что-же видѣли мы въ исторіи Англіи, современной Шекспиру? Развитіе *самородныхъ* силъ государства, получившее могучее движеніе при воцареніи новой династіи. Этотъ характеръ отразился въ *самобытности* Шекспировыхъ драмъ относительно содержанія, или матеріала. Въ-самомъ-дѣлѣ, изъ всѣхъ многочисленныхъ его произведеній мы не видимъ ни одного подражанія, а однѣ только оригинальныя драмы. Самое высшее проявленіе этой оригинальности есть *народная* Англійская драма, къ которой относится почти цѣлая половина Шекспировскихъ сочиненій. Разсматривая драматическую лѣтопись Англіи, гдѣ характеръ поэта достигаетъ высшей степени своего художественнаго

образованія, мы видимъ, что матеріаломъ ей служатъ преданія отечественной старины и всѣ важнѣйшія событія исторіи Англіи. Свободный отъ ложнаго патріотизма, какъ поэтъ національный въ высшемъ значеніи этого слова, поэтъ созерцаетъ исторію Англіи въ самые драматическіе моменты ея, сначала въ баснословныхъ преданіяхъ временъ языческихъ о короляхъ Цимбелинѣ и Лирѣ, потомъ въ столѣтней борьбѣ ея съ сосѣднею Франціею; здѣсь яркими красками описываетъ онъ ея славу, не скрываетъ и униженія; изобразивъ наконецъ возстановленіе трона и вмѣстѣ-съ-тѣмъ возрожденіе Англіи подъ скипертомъ новой династіи, кончаетъ дивной апоѳеозой Елисаветы, державной своей покровительницы. Въ этой обширной картинѣ, обнимающей вѣка и тысячелѣтія, въ туманной дали рисуются передъ нами древніе Британскіе короли, во всемъ ихъ грозномъ величіи. Не даромъ, не безъ глубокой цѣли выводятся на сцену эти полумиѳическіе гиганты, поборники давно минувшихъ временъ; въ нихъ, безъ сомнѣнія, выражается великая мысль единства народнаго, въ то время, когда оба племени, населяющія Британскій материкъ, составляли одно великое братство, еще не разрозненное въ своихъ интересахъ. Управляемыя однимъ скипертомъ самодержавія, они торжествуютъ надъ Римскими орлами императора Августа (*), остаются побѣдоносными въ самыхъ распряхъ междоусобныхъ (**). Здѣсь рѣшается важный современный вопросъ,— вопросъ о жизни и смерти двухъ государствъ, которыя, послѣ вѣковой семейной вражды, должны были примириться цѣною благороднѣйшей крови Шотландіи. Эта великая семейная драма повидимому достигла развязки въ воцареніи дома Стуартовъ; но кровавые эпизоды ея еще долго волновали островъ Британскій. Представивъ великіе примѣры древности, Шекспиръ этимъ самымъ приглашаетъ ко взаимному единенію, какъ къ прочному основанію будущаго величія обоихъ государствъ. Такимъ-образомъ

(*) Цимбелинъ, 5-е дѣйствіе.
(**) Король Лиръ, д. V, сц. 6, 7.

эти произведенія, которыя по выражаемой ими идеѣ причисляются къ поэтическимъ драмамъ Шекспира, посредствомъ матеріала своего входятъ въ область исторіи, и получаютъ важное значеніе государственное. Опустивъ все предыдущее, поэтъ останавливается на несчастномъ царствованіи Іоанна-Безземельнаго; потомъ чрезъ нѣсколько поколѣній, чрезъ рядъ Эдуардовъ, спѣшитъ къ самымъ дѣятельнымъ, самымъ интереснымъ временамъ исторіи своего государства. Здѣсь выступаетъ на сцену Болингброкъ, родоначальникъ новаго царствующаго дома. Самое безславное царствованіе Ричарда II, недостойной отрасли Плантагенетовъ, есть не что иное, какъ прибавочная трагедія, въ которой король играетъ ролю второстепенную, вниманіе-же читателя слѣдитъ за всѣми дѣйствіями юнаго Генриха, до той минуты, когда онъ восходитъ на престолъ. Самому-же Ричарду мы сочувствуемъ только въ роковое мгновеніе, когда мечъ убійцы виситъ надъ его головою. Затѣмъ слѣдуетъ Генрихъ V, любимый герой драматурга Англійскаго. Въ изображеніи этой дивной личности торжествуетъ талантъ Шекспира. Юноша, который за минуту до смерти отца своего веселился еще съ сообщниками своихъ пировъ, когда увидѣлъ себя на престолѣ, постигъ великое свое назначеніе и торжественно оправдалъ ожиданія подданныхъ. Мы не вѣримъ этой чудной метаморфозѣ; мы дивимся и человѣку, который твердою волею побѣдилъ свои страсти, дивимся и поэту, который такъ высоко постигъ и передалъ намъ его личность. Онъ съ особенною любовію останавливается на каждомъ дѣйствіи своего героя; въ живописи характера его истощаетъ всю силу своего генія. Между-тѣмъ-какъ прочія драмы его обнимаютъ всю жизнь королей отъ начала ея до конца, и какъ будто торопятся къ развязкѣ дѣйствія,—здѣсь, желая продолжать впечатлѣніе, онъ оканчиваетъ драму свою изображеніемъ самой славной минуты его бытія. Для него тягостно самое воспоминаніе катастрофы, лишившей Англію лучшаго изъ ея государей; только похоронное шествіе, которымъ от-

крывается «Генрихъ VI», напоминаетъ намъ о непостоянствѣ земнаго величія. Трилогія: «Генрихъ VI» представляетъ намъ великолѣпную картину, обнимающую три царствованія и два поколѣнія,—картину, гдѣ выступаютъ на сцену главныя дѣятели тридцатилѣтней междоусобной войны, представители двухъ царственныхъ династій. Ея содержаніе — свирѣпая война въ полномъ разгарѣ, какая-то дикая, безобразная смѣсь, которая положила конецъ вѣчной анархіи феодальнаго быта и развила новый порядокъ вещей, воздвигла Англію промышленую на развалинахъ издыхающаго феодализма. Здѣсь падаетъ Варвикъ, *творецъ королей*, послѣдній феодальный баронъ, и съ нимъ вмѣстѣ нисходитъ во гробъ и поколѣніе средневѣковыхъ богатырей, и владычество силы тѣлесной уступаетъ вліянію силы нравственной, которая дѣятельно проникаетъ во всѣ части государственнаго организма. Невинною жертвою этого новаго направленія погибаетъ слабодушный сынъ благороднаго рыцаря Генриха V, живой мертвецъ, послѣдняя развалина отжившей старины. Самъ Эдуардъ, олицетворяющій съ одной стороны грубую, матеріальную силу, съ другой—новыя идеи, Эдуардъ, представитель переходнаго времени, не можетъ утвердиться въ своемъ эфемерномъ владычествѣ. Онъ падаетъ, подобно прочимъ, въ безполезныхъ усиліяхъ возвратиться къ старому быту, воскресить древнюю жизнь. Еще разъ яркимъ пламенемъ вспыхнула давящая сила физическая въ лицѣ Ричарда III, который истребилъ послѣдніе, скудные остатки минувшаго вѣка, и оставшись одинъ, легъ послѣдній на этомъ обширномъ кладбищѣ, гдѣ въ круговращеніи временъ одно поколѣніе смѣняетъ другое. Онъ замыкаетъ длинный рядъ рыцарскихъ королей Англіи; въ «Генрихѣ VIII» не видать уже исполинскихъ поборниковъ средняго вѣка; не слыхать уже звука мечей, ударяющихъ о тяжелыя латы; война уступаетъ политикѣ. Является юное поколѣніе, воспитанное въ правилахъ Макіавеля: лучшій цвѣтъ его — Елисавета. Свѣтлымъ гороскопомъ украшаетъ поэтъ ея колыбель: «Никогда царица не алкала такъ сильно

добродѣтели и мудрости, какъ нѣкогда взыщетъ ея чистая, дѣвственная душа Елисаветы. Всѣ державныя прелести слетятся на ея главу боговѣнчанную. Святая истина возраститъ ея молодость; свѣтлыя вдохновенія неба будутъ закрывать ея вѣжды и прогонять сонъ отъ зѣницъ. Благословенія народа будутъ лучшей наградой ея; услышитъ врагъ, и затрепещетъ, и подобно колоссу, сраженному бурею, преклонитъ свою гордую выю. Поселянинъ спокойно, въ тѣни своего виноградника, вкуситъ отъ плодовъ, собранныхъ имъ въ потѣ лица, и огласитъ воздухъ пѣснями радости и восторга. Громкая слава ея проникнетъ въ глубину неизвѣстныхъ народовъ, разольется потокомъ по всѣмъ концамъ вселенной, гдѣ только солнце совершаетъ свое дневное теченіе. Всевышній благословитъ ее долголѣтіемъ; а по смерти своей она вселится въ обителяхъ ангельскихъ; у смертнаго одра ея будетъ мѣсто рыданіямъ и плачу; слезами горести окропитъ ея гробъ благодарность народовъ».

Такимъ-образомъ стремленіе къ національности, пробудившееся въ то время въ народѣ Англійскомъ, отразилось и въ твореніяхъ Шекспира, и принесло свой лучшій, благороднѣйшій цвѣтъ въ его національныхъ драмахъ. Онъ превосходно постигъ здѣсь характеръ своего народа, исчерпалъ его во всей его глубинѣ. Отсюда чудныя картины, списанныя имъ съ блестящихъ страницъ средневѣковой исторіи, составляютъ одно великое цѣлое, и останутся навсегда прекраснымъ памятникомъ исторіи Англіи. Но развитіе таланта Шекспира совершилось самымъ нормальнымъ образомъ. Мы тогда только можемъ познавать другихъ, когда изъ глубокаго изученія своей собственной природы вынесемъ самосознаніе. Народное самосознаніе есть первая ступень на безконечной лѣствицѣ познанія всечеловѣческаго. Поэтъ, который въ исторіи своего народа не исказилъ истины изъ ложнаго патріотизма, который не скрылъ пороковъ и слабостей своего народа, а умѣлъ сохранить высокое безстрастіе мысли въ вопросахъ, такъ живо

говорившихъ его сердцу, такъ непосредственно связанныхъ съ его интересами, такой поэтъ, говорю я, имѣлъ полное право перейти къ изученію другихъ національностей. Такъ поступилъ и Шекспиръ. Созерцая жизненныя явленія послѣднихъ десятилѣтій XVI вѣка, въ которыхъ Англія играла самую дѣятельную роль, онъ въ исторіи отечественной долженъ былъ прежде всего отыскивать матеріалъ для своихъ сочиненій. На это указываетъ и то обстоятельство, что, по свидѣтельству комментаторовъ, первая драма Шекспира была трегедія «Генрихъ VI». Если ей и предшествовало нѣсколько драматическихъ произведеній, то они написаны еще рукою неопытнаго ученика, и ни въ чемъ не обличаютъ великаго мастера позднѣйшаго времени. Это не что иное, какъ первые опыты генія рождающагося, но не вполнѣ еще себя сознавшаго. Прочія отечественныя драмы Шекспира могли быть написаны и позднѣе; но мысль представить въ одной полной картинѣ всю жизнь народа Англійскаго въ его историческомъ развитіи, есть мысль первоначальная, вѣнчающая всѣ послѣдующіе труды Шекспира. Но въ Шекспирѣ народность послужила только проводникомъ къ развитію болѣе обширному, и онъ содержаніе драмъ своихъ заимствовалъ изъ лѣтописей всѣхъ Европейскихъ народовъ. Исторія Датская, о которой до Шекспира никто и не думалъ, доставила ему матеріалъ для «Гамлета». Преданія Италіянскія послужили канвою для «Отелло», «Купца Венеціянскаго», «Двухъ Веронезцевъ». Вообще всякому изъ замѣчательныхъ государствъ Италіянскихъ посвящена отдѣльная драма. Венеція, Верона, Тоскана, Неаполь, Сицилія, изъ государствъ Испанскихъ Наварра и Аррагонія, и разные Греческіе города имѣютъ своихъ представителей въ Шекспировыхъ произведеніяхъ. Однимъ словомъ, всѣ народы Европы выходятъ на сцену въ драмахъ Шекспира съ своимъ истымъ, неподдѣльнымъ характеромъ. Отсюда на произведеніяхъ его лежитъ ясная печать современности; элементы, изъ которыхъ сложилась современная жизнь, столь знаменательная въ своихъ явленіяхъ, отразились въ нихъ, какъ въ

чистомъ зеркалѣ. Они для новаго міра заступаютъ мѣсто Иліады, гдѣ слышится голосъ всего древняго свѣта, который все богатство свое завѣщалъ намъ въ произведеніяхъ музы Гомеровой.

Кромѣ драмъ отечественныхъ и драмъ, заимствованныхъ изъ исторіи другихъ современныхъ народовъ, у Шекспира мы видимъ еще третій разрядъ трагедій, которыхъ содержаніе взято изъ Греческихъ и Римскихъ преданій. Трагедіи Греческія: «Троилъ и Крессида», «Тимонъ Аѳинскій»; трагедіи Римскія: «Коріоланъ», «Юлій Цезарь», «Антоній и Клеопатра», «Титъ», «Андроникъ». Замѣчательно, что Шекспиръ не заимствовалъ ни одной драмы изъ Греческихъ трагиковъ, изъ которыхъ черпали такъ обильно поэты Французскіе, и въ подражаніе имъ поэты отечественные. Это одно обстоятельство, какъ оно ни кажется маловажнымъ, обнаруживаетъ въ немъ глубокое пониманіе сущности драматическаго искусства. Здѣсь онъ далеко опередилъ современниковъ и даже вѣка послѣдующіе, которые довели до изысканности ложное стремленіе къ перенятію классическихъ формъ въ искусствѣ, не отличая въ Греческой поэзіи стихіи народной отъ общечеловѣческой, не понимая того простаго закона, что каждая эпоха имѣетъ свои понятія о нравственности и религіи, и что мы въ XIX вѣкѣ не можемъ сочувствовать тому, что для древняго Грека, въ смыслѣ художественномъ, составляло самое высшее наслажденіе. Отъ этого лже-классицизма, который властвовалъ самодержавно во Франціи и сковалъ превосходнѣйшія дарованія Французскихъ поэтовъ, остался свободенъ Шекспиръ. Онъ не перенялъ ни одной трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида, гдѣ въ основаніи лежитъ какой-нибудь миѳъ, указывающій на ея отношеніе къ исторіи и религіи Греціи. Онъ понималъ, что заимствовать матеріалъ у трагика Греческаго нельзя, не воспринявши идеи его: ибо миѳъ безъ идеи, лежащей въ его основаніи, есть не что иное, какъ безжизненный трупъ; а древнюю идею воскресить невозможно, какъ непосредственно связанную съ религіею Грека,

съ его воззрѣніемъ на человѣчество, существенно отличнымъ отъ воззрѣнія христіанина. Кстати замѣтимъ, что въ эту погрѣшность безсознательно впалъ и нашъ Озеровъ. Его «Эдипъ», при всѣхъ своихъ поэтическихъ красотахъ, не возбуждаетъ въ насъ никакого сочувствія. Вся ошибка произошла отъ ложнаго, безотчетливаго стремленія къ подражательности, лишившей драму его полноты и оконченности. Идея, лежащая въ основаніи «Эдипа» Софоклова, эта великая мысль примиренія страждущаго человѣка съ судьбою очищеніемъ въ святилищѣ Эвменидъ, эта идея, говорю я, какъ несовмѣстная съ понятіями христіанина о человѣкѣ, не могла быть допущена въ произведеніе новой христіанской поэзіи, а безъ этой идеи Софоклова трагедія рѣшительно не имѣетъ никакого значенія. Чтобы сочувствовать героямъ Эсхила, Софокла, Эврипида, мы должны совершенно перенестись въ Греческій бытъ, усвоить себѣ религію, исторію, преданія Грека, сѣсть рядомъ съ нимъ на мраморныхъ ступеняхъ его амфитеатра, облечься въ его хитонъ, отказаться отъ своей національности, глазами Грека смотрѣть на природу, насъ окружающую. Но кто-же отринетъ свою народность въ пользу чужой? кто можетъ принудить себя къ такому тягостному самопожертвованію? Искусство есть жизнь; а жизнь, уже пройденная въ извѣстный періодъ развитія человѣчества, никогда болѣе не повторится. Она можетъ воскреснуть только въ наукѣ, которая разсматриваетъ ее съ отвлеченной ея стороны. Эту истину, и теперь еще не вполнѣ сознанную, почти за два съ половиною столѣтія до нашихъ временъ постигъ и воспринялъ разумно великій Англійскій трагикъ. И что это замѣчательное явленіе совершалось въ немъ не безсознательно, что оно не происходило въ Шекспирѣ отъ недостатка свѣдѣній въ области Греческой литературы, объ этомъ свидѣтельствуютъ оставшіяся драмы Шекспира, обличающія обширное знакомство съ источниками древней исторіи. Нѣтъ: онъ глубокимъ чувствомъ художественнымъ проникъ тайну искусства; и, уклонившись отъ туманной древности, отвергнувъ

миѳическихъ героевъ и полубоговъ, онъ выбралъ героевъ своихъ между тѣми лицами историческими, которыя въ разныя эпохи бытія человѣчества олицетворяли въ себѣ тотъ или другой идеалъ человѣка.

Обозрѣвши матеріалъ Шекспира, переходимъ къ идеѣ его.

Идея поэта опредѣляется его воззрѣніемъ на міръ или міросозерцаніемъ. Созерцаніе Шекспира, уже по самой сущности христіанской поэзіи, есть созерцаніе внутреннее, обнимающее духъ человѣческій. Ясно, что міръ души былъ единственно возможнымъ предметомъ идеи Шекспировой. Остается ближе опредѣлить идею, одушевляющую произведенія Шекспира, чтобы впослѣдствіи поставить ее въ параллель съ идеей Вольтера. Мы сказали, что идея поэта опредѣляется его созерцаніемъ; созерцаніе-же съ своей стороны условливается внутреннимъ міромъ художника, его частною жизнію, его положеніемъ въ свѣтѣ. И такъ подробности жизни Шекспира могутъ доставить намъ вѣрныя данныя, на основаніи которыхъ разрѣшится удовлетворительно вопросъ объ его идеѣ.

Перевороты, происшедшіе въ Англійской жизни, современной Шекспиру, должны были развить его наблюдательность. Кто не призванъ судьбою играть дѣятельную роль на поприщѣ общественной жизни, тотъ съ бо̀льшею свободою можетъ посвятить себя спокойному созерцанію, глубокому наблюденію надъ тайнами природы человѣческой, которая въ бурныхъ событіяхъ политической жизни проявляется съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Это было самое выгодное положеніе для міросозерцанія Шекспира. Явившись въ другое время, онъ не бросилъ-бы, можетъ быть, такого свѣтлаго взгляда на все человѣчество. Но одно наблюденіе не поведетъ къ совершенному изученію человѣка; оно должно быть подкрѣпляемо и дополняемо опытомъ. Жизнь Шекспира отъ колыбели до гроба есть цѣлый рядъ испытаній; она представляетъ примѣръ развитія многосторонняго, которое началось въ хижинѣ мясника, а кончилось въ блестящихъ залахъ дворца королевскаго. Онъ прошелъ всѣ

сословія гражданскаго общества, поставленъ былъ во всѣ возможныя отношенія къ народу, его окружавшему, и изъ глубокаго опыта жизни вынесъ тѣ убѣжденія, которыя легли въ основаніе его нравственныхъ понятій о человѣкѣ. Еслибы онъ родился не въ хижинѣ крестьянской, а въ высшихъ слояхъ современнаго общества, то свѣтская жизнь со всѣми своими обояніями отвлекла-бы его отъ наблюденія, а утонченность вкуса, какъ необходимое слѣдствіе воспитанія, замѣнила-бы въ немъ глубину — существенную принадлежность всемірнаго генія. Но, родившись въ глуши, отъ неизвѣстныхъ родителей, и возвышаясь мало-по-малу своими достоинствами, онъ имѣлъ случай изучить жизнь человѣческую во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ, начиная отъ первой ступени этой безконечной лѣствицы, отъ мирнаго быта поселянина, до самой высшей точки ея искусственнаго развитія, въ какомъ явилась она среди придворнаго этикета времени Елисаветы. И такъ *всеобъемлющая* идея соотвѣтствуетъ всеобщности матеріала. Внося въ свои драмы всѣ сословія, возрасты и состоянія, онъ умѣетъ переноситься въ самыя необыкновенныя положенія. Въ характерахъ лицъ его мы не видимъ слѣдовъ искусственности, ибо они почерпнуты не изъ одного безплоднаго умозрѣнія, а начертаны подъ вліяніемъ тѣхъ живыхъ впечатлѣній, которыя испыталъ самъ поэтъ въ различные періоды своего бытія. Оттого Шекспирово знаніе сердца человѣческаго вошло даже въ пословицу. Она повторяется въ устахъ всѣхъ и каждаго, даже тѣхъ, которые не умѣютъ по достоинству оцѣнить заслуги великаго поэта. Въ-самъ-дѣлѣ, отъ его зоркаго взгляда не ускользнуло ни малѣйшее движеніе сердца, въ его сокровенныхъ изгибахъ онъ прочелъ исторію страстей, этихъ вѣчныхъ двигателей дѣяній человѣческихъ, которые другъ у друга оспариваютъ верховное владычество надъ разумомъ и волею человѣка, и которыхъ вѣчное бореніе въ насъ самихъ и составляетъ то, что мы называемъ собственно жизнію, со всѣми ея радостями и крушеніями. Въ изображеніи страсти Шекспиръ не имѣетъ

соперника; представляя безконечную борьбу добродѣтели и порока въ человѣкѣ духовномъ, въ ея послѣдовательномъ возрастаніи, онъ не изображаетъ никогда страсти на одинаковой степени напряженія отъ начала дѣйствія до конца; но, развертывая передъ читателемъ рядъ безконечныхъ явленій нашего духа, онъ отъ малѣйшаго зародыша страсти доходитъ до апотеозы ея въ человѣческомъ сердцѣ, когда она становится его идоломъ, когда человѣкъ раболѣпно повинуется ея своенравнымъ велѣніямъ. Поэтому онъ выводитъ на сцену и величайшихъ злодѣевъ; но они дѣлаютъ зло не изъ одного безплоднаго желанія дѣлать его, не вслѣдствіе внутренней необходимости, которую можно приписать развѣ одному духу злобы, но изъ глубокихъ своекорыстныхъ разсчетовъ. Притомъ онъ не останавливается съ намѣреніемъ на изображеніи безполезныхъ жестокостей, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, какъ-бы любуясь этой нравственной аномаліей, какъ-бы желая продолжить эту душевную пытку, невыносимую для нравственнаго чувства. Когда-же изображеніе переходитъ предѣлы естественности, Шекспиръ умѣряетъ его изліяніемъ самыхъ нѣжныхъ чувствованій души и сердца. Снисходя къ слабости человѣческой, онъ среди самыхъ патетическихъ мѣстъ въ своихъ драмахъ прерываетъ внезапно нить трагическихъ идей, и мы отдыхаемъ охотно на грубыхъ комическихъ сценахъ, напоминающихъ намъ всю немощь, всю ограниченность природы человѣческой и въ дѣйствующихъ лицахъ и въ слушателяхъ. Но какъ развитіе таланта Шекспирова совершилось самымъ нормальнымъ путемъ, то и въ развитіи идеи его мы замѣчаемъ какую-то чудную постепенность. Она младенчествуетъ въ его первыхъ произведеніяхъ; потомъ, переходя цѣлый рядъ поэтическихъ явленій, достигаетъ болѣе и болѣе зрѣлости, и наконецъ совершенно мужаетъ въ послѣднихъ драмахъ его, отмѣченныхъ ярко печатію великаго генія. Такъ внимательный умъ можетъ прослѣдить всѣ возможныя измѣненія любви, начиная отъ перваго, самаго нѣжнаго изліянія этого чувства въ Ромео и Юліи до

тѣхъ ужасныхъ бурь коварства и ревности, какими обставлена любовь Дездемоны въ Отелло.

Но знаніе сердца человѣческаго въ Шекспирѣ имѣетъ еще болѣе глубокое основаніе. Доселѣ мы разсмотрѣли вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на развитіе идеи его; не менѣе важное вліяніе оказала на образованіе его поэтическаго характера и частная жизнь его, внутренній міръ его чувствованій, который съ своей стороны принимаетъ впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ. Припомнимъ то глубокое униженіе, отъ котораго втайнѣ изнывало сердце поэта; припомнимъ его семейныя скорби. Отсюда спокойный, независимый взглядъ на человѣчество, какимъ отличается нашъ поэтъ. Особенность великихъ людей, когда они много страдали, и наконецъ покорились судьбѣ своей, есть величественное, торжественное спокойствіе, плодъ внутренняго самодовольствія духа, который лучше другихъ умѣетъ себя оцѣнить. Любимецъ счастія, избалованный судьбою и міромъ, видитъ одну свѣтлую сторону жизни, приписываетъ героямъ своимъ всѣ возможныя совершенства, возноситъ человѣка до идеала недосягаемаго. Это безхарактерное однообразіе скоро утомляетъ воображеніе; только въ неравной борьбѣ двухъ противодѣйствующихъ другъ другу началъ открываются силы людей, Провидѣніемъ избранныхъ. Съ другой стороны, мизантропъ, измученный безполезной борьбой съ обстоятельствами, идущими на-перекоръ его ожиданіямъ, съ намѣреніемъ искажаетъ природу человѣческую, изливаетъ ядовитую желчь въ картинахъ чудовищныхъ. Но совершеннаго зла, равно какъ и совершеннаго блага, не бываетъ на свѣтѣ. Такъ семейныя картины Августа Лафонтена, представляющія самый чистый идеалъ семейнаго счастія, не смотря на всю свою прелесть, утомляютъ однообразіемъ. Онѣ устарѣли, какъ несбыточный призракъ фантазіи автора, проведшаго всю свою жизнь подъ вліяніемъ мирныхъ впечатлѣній семейнаго быта. Съ другой стороны, новая школа Французская, извратившая такъ страшно природу человѣческую, въ самомъ зародышѣ своемъ заключала источ-

никъ паденія. Обѣ крайности, какъ выраженіе личности поэтовъ, несвойственны всемірному генію, какимъ явился Шекспиръ. Онъ не могъ потеряться въ идеальныхъ мечтахъ о золотомъ вѣкѣ, о давно уже утраченномъ совершенствѣ: потому-что собственный опытъ показалъ ему свѣтъ съ настоящей его стороны, болѣе мрачной, нежели свѣтлой. Но если счастіе никогда не улыбнулось ему, если жизнь его протекла среди тягостныхъ испытаній, то они, съ другой стороны, не сдѣлали его мизантропомъ; они не расположили его къ несправедливой ненависти противъ всего человѣческаго, онъ умѣлъ выбрать счастливую середину, помирить обѣ крайности. Уничтоживъ совершенно свою субъективность, онъ внесъ высокое безстрастіе въ изображенія героевъ своихъ; оттого характеры его удивляютъ насъ психологическою вѣрностію. Мы узнаемъ въ нихъ самое вѣрное изображеніе самихъ себя, со всѣми нашими слабостями и недостатками, ни хуже ни лучше дѣйствительности. Они, какъ чистое зеркало, отражаютъ малѣйшіе оттѣнки добродѣтелей или пороковъ, составляющихъ нашу общую участь. Не своенравное перо поэта, не личные виды и цѣли его, управляютъ образомъ мышленія, разговорами и поступками дѣйствующихъ лицъ; но они глубоко предначертаны уже заранѣе вѣчными, всемірными законами нашего духа; въ нихъ поэтъ повинуется высшей необходимости. Оттого Шекспиръ никогда не позволилъ себѣ личной сатиры — обыкновеннаго оружія умовъ, не отличающихся силою и глубиною, и до того исчезъ въ объективности своего созерцанія, что ни разу въ лицѣ героевъ своихъ не высказалъ религіозныхъ и другихъ своихъ убѣжденій. Только въ совокупности его дивныхъ созданій выступаетъ великая личность поэта.

Отказавшись отъ личности своей въ пользу личности всего человѣчества, пожертвовавъ собою для міра, Шекспиръ, какъ и всякій великій поэтъ, подъ личиною равнодушія или глубокой ироніи, скрываетъ пламенное сочувствіе къ человѣчеству. Съ одной стороны, наблюдатель неумолимый, онъ судитъ людей,

повидимому, съ равнодушіемъ, съ холодностію, которая ужасаетъ насъ съ перваго взгляда; съ проницательностію, отъ которой тщетно старается укрыться малѣйшее движеніе сердца: въ самой высшей добродѣтели, въ величайшихъ подвигахъ самоотверженія онъ открываетъ слабость, и въ самой порочной думѣ онъ умѣетъ найти малѣйшій оттѣнокъ добра. Съ другой стороны, онъ поражаетъ глубокой ироніей жалкую сторону дѣйствительной жизни, когда въ самомъ смѣшномъ, отвратительномъ видѣ представляетъ примѣры пороковъ и слабостей, когда выводитъ на сцену Фальстаффа, который съ сѣдинами старости соединяетъ развратъ самой порочной и безнравственной молодости. Читая драмы Шекспира,—эти смѣлые, неумолимые приговоры надъ міромъ, его упрекали въ какомъ-то насмѣшливомъ, убійственномъ равнодушіи, его называли писателемъ варварскимъ, не смотря на то, что голосъ истины говоритъ въ пользу поэта, а исторія своими явленіями оправдываетъ его наблюденія. Но въ томъ видимомъ равнодушіи, которое есть плодъ объективнаго созерцанія Шекспира, таится высокое участіе къ міру; подъ этой желѣзной бронeй бьется благородное сердце, пламенно любящее все родное, все человѣческое. Я приведу одно только мѣсто, гдѣ ясно выраженъ этотъ характеръ. Въ «Королѣ Лирѣ» (д. IV, сц. XIV) Эдгаръ изрекаетъ ту великую истину, которая, можно сказать, служила девизомъ Шекспира во всю его жизнь, и которую положилъ я во главу своихъ мнѣній объ его идеѣ: «Страдалецъ, говоритъ онъ, котораго судьба смирила своими ударами, котораго сердце испытано минувшими и настоящими бѣдствіями, всегда исполненъ сочувствія къ страданіямъ ближнихъ». Въ ироніи Шекспира скрывается та-же идея, только выраженная съ большею силою. Онъ смѣется надъ серомъ Фальстаффомъ, который унизилъ природу свою до грубой животности; но въ то-же время устами Генриха V даетъ ему, и въ лицѣ его—всему человѣчеству, великій урокъ, и возвышенною сатирою бичуетъ пороки и заблужденія міра. Это иронія,

безъ примѣси личности, безъ колкихъ, ядовитыхъ сарказмовъ; это юморъ романтической новѣйшей поэзіи, въ которомъ поэтъ не посрамляетъ устъ своихъ незаслуженною клеветою на человѣчество, гдѣ онъ нерѣдко рисуетъ картины изъ жизни во всей отвратительной ихъ наготѣ, потрясаетъ душу читателя, но падаетъ самъ подъ тягостію производимыхъ имъ впечатлѣній.

Мы опредѣлили характеръ Шекспира, — характеръ поэта, который проницательнымъ взоромъ обнимаетъ внутренній міръ человѣка, воспроизводитъ явленія его съ поразительной вѣрностію, но въ то-же время согрѣваетъ картины свои участіемъ души любящей. Такой характеръ запечатлѣлся въ-особенности на исторической драмѣ Шекспира. Геній стремительный, подъ вліяніемъ котораго эти драмы получили начало, какъ будто самъ подчиненъ опредѣленіямъ высшаго разума, налагающаго границы на фантазію поэтическую. Глубокое чувство въ малѣйшихъ подробностяхъ, увлекательное воображеніе, краснорѣчивый голосъ страсти, всѣ блестящіе дары природы, которые увлекли-бы далеко другаго поэта, въ Шекспирѣ смиряются голосомъ истины, которая удерживаетъ порывы фантазіи въ предѣлахъ дѣйствительности. А потому эти драмы производятъ такое-же мрачное, такое-же тягостное впечатлѣніе, какъ самая исторія, служащая имъ матеріаломъ. Въ его поэтическихъ драмахъ, изъ которыхъ многія своимъ страшнымъ приложеніемъ къ жизни невольно заставляютъ читателя содрогнуться, мы еще утѣшаемся мыслію, что въ основаніи ихъ лежитъ истина только общая, всечеловѣческая. Но въ историческихъ драмахъ исчезаетъ послѣднее очарованіе; событія взяты уже изъ міра дѣйствительности: это бѣдствія, человѣчествомъ пережитыя; испытанія, имъ уже выдержанныя.

Въ представленіи этого міра Шекспиръ не имѣетъ соперника. Здѣсь-то въ-особенности земная жизнь человѣка является скорбнымъ путемъ, приготовленіемъ къ вѣчной жизни. Этотъ взглядъ, вполнѣ христіанскій, онъ высказываетъ часто въ лицѣ

героевъ своихъ. «Утѣшенія на небѣ, говоритъ Іоркъ королевѣ, супругѣ Ричарда II (Ричардъ II, д. 2, сц. 9), а мы на землѣ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ скорбей, горестей и креста!» Жизнь, усѣянную терніями, онъ сравниваетъ съ катящимся шаромъ, который отъ малѣйшаго препятствія можетъ остановиться или совратиться съ прямаго пути (Ричардъ II, д. 3, сц. 10), а міръ — съ обширной темницей, которую населяютъ мечты одинокаго узника, подобно тому, какъ землю населяетъ родъ человѣческій, столь-же непонятный и странный, какъ эти мечты (въ прекрасномъ монологѣ Ричарда II, д. 5, сц. 11). «Еслибы можно было прочесть заранѣе въ книгѣ судебъ будущую судьбу человѣка, — это странное смѣшеніе горя и радости, которыми непостоянное счастіе наполняетъ чашу жизни: то счастливѣйшій юноша, при видѣ поприща, ему предлежащаго, при видѣ минувшихъ опасностей и горестей, ожидающихъ его въ будущемъ, сложилъ-бы завѣтную книгу, и ему осталось-бы сѣсть и спокойно ожидать смерти». Такъ говоритъ о человѣческой жизни умирающій Генрихъ IV. Жизнь человѣческая отъ того усѣяна терніями отъ колыбели до гроба, что человѣкъ внутри себя не находитъ успокоенія, гармоніи своихъ душевныхъ силъ. Душа человѣка попеременно волнуется тою или другою страстію; она, какъ вѣчный маятникъ, колеблется между ними, и духъ изнемогаетъ въ борьбѣ съ самимъ собою. Это общая болѣзнь естества человѣческаго; предоставленный самому себѣ, человѣкъ осужденъ на погибель. Но христіанская религія вноситъ въ него единяющее начало; въ ея тихую пристань стекаются взволнованныя страсти, и здѣсь, подъ кровомъ ея, подаютъ другъ другу руку примиренія. Эта-то великая идея примиренія положила яркую печать на христіанскую музу Шекспира. Орудіе его на землѣ — государство. Въ единствѣ государственнаго тѣла успокоиваются разрозненные интересы, и соединяются въ союзѣ истинно-братскомъ, какъ члены великаго семейства; но государство есть только видимый представитель Провидѣнія, которое неви-

димо печется о каждомъ изъ насъ, которое удерживаетъ и воробья отъ паденія, и не даетъ и волосу упасть съ головы безъ воли отца. Мысль о промыслѣ Божіемъ, который посредствомъ видимой главы управляетъ народами и царствами, есть мысль, вѣнчающая всѣ произведенія Шекспира. Она лежитъ въ основаніи всѣхъ его драмъ и выражается въ любимыхъ герояхъ поэта. Въ ней собственно поэтическая идея его находитъ окончательное свое проявленіе: безъ нея онъ не былъ-бы христіанскимъ поэтомъ.

Еслибы мы, въ-заключеніе изслѣдованій объ идеѣ, захотѣли сравнить Шекспира съ другими великими трагиками древняго и новаго міра, то получили-бы слѣдующій результатъ:

Эсхилъ весь міръ человѣческій подчиняетъ идеѣ слѣпой судьбы, для которой нѣтъ возврата, идеѣ тяжкой необходимости, съ равною силою тяготѣющей надъ богами и человѣками, ея невинными жертвами; и вся тайна искусства, все величіе человѣка открывается въ совершенномъ примиреніи съ нею, въ тихой покорности ея неизмѣннымъ, своенравнымъ законамъ. Кальдеронъ предлагаетъ намъ выборъ между жизнію и смертію, какъ конечною цѣлію земнаго бытія, разверзаетъ двери неба и ада, какъ послѣднее слово таинственной, загадочной человѣческой жизни, какъ развязку этой безконечно-великой драмы, которую цѣлыя тысячелѣтія разыгрываютъ поколѣнія. Наконецъ третье свѣтило драматическаго міра, Шекспиръ, ищетъ судьбы Эсхиловой въ сокровенныхъ изгибахъ самаго сердца; открывая намъ тайны нашей собственной, ограниченной, своенравной природы, онъ въ ней ищетъ зародыша неожиданныхъ переворотовъ судьбы, которые мы, люди, привыкли приписывать верховному опредѣленію, хотя большею частію сами своими пороками навлекаемъ на себя наказаніе.

Мы кончили предварительныя замѣчанія о матеріалѣ и идеѣ Шекспировыхъ произведеній. О формѣ мы скажемъ нѣсколько словъ, когда станемъ говорить о формѣ Вольтеровыхъ произведеній. Теперь-же, не приступая еще къ спеціальному разбо-

ру «Юлія Цезаря», мы переходимъ прямо къ жизни Вольтера, и потомъ предложимъ нѣсколько замѣчаній о матеріалѣ и идеѣ его произведеній.

Первые годы Вольтеровой жизни принадлежатъ еще вѣку Людовика XIV. Слишкомъ семидесятилѣтнее царствованіе Французскаго деспота изнурило Францію безполезными войнами, уничтожило цвѣтущее состояніе промышлености и торговли и приготовило переворотъ. Его послѣдніе годы не принадлежатъ уже почти исторіи политической. Усилія возвести Францію на степень первоклассной державы Европы оказались тщетными; но слѣды ихъ остались неизгладимыми. Дряхлый старикъ доживалъ свой вѣкъ среди споровъ іезуитскихъ объ іансенизмѣ; безславно, среди женскихъ интригъ, протекали послѣдніе годы этого царствованія, которое нѣкогда потрясало Европу. Царедворцы, скрывавшіе подъ личиною лицемѣрія глубокую безнравственность, окружали престолъ. Въ счастливые дни великаго Людовика, когда фортуна еще улыбалась ему, гремѣла слава его изъ устъ царедворцевъ-поэтовъ, воскурявшихъ ему ѳиміамъ; но звучная лира Расина умолкла; наступающее поколѣніе вносило въ истекающее столѣтіе убѣжденія новыя, которымъ суждено было развиться вполнѣ въ XVIII вѣкѣ; оно выступало на поприще жизни съ новыми требованіями, дотолѣ неслыханными. Въ это время родился Вольтеръ. Замѣчательнѣйшее событіе, случившееся незадолго до его рожденія, есть уничтоженіе Нантскаго эдикта. Напрасно искажали истину придворные проповѣдники, не исключая самого Боссюэта, оправдывая безразсудную мѣру правительства; вопли тысячъ несчастныхъ служили явнымъ обличеніемъ ихъ краснорѣчивыхъ возгласовъ, и духовенство, защищая незаконное дѣло, со-дня-на-день теряло вліяніе свое на народъ. Между-тѣмъ-какъ всѣ царедворцы, историки, моралисты, поэты, и даже умѣренный Лабрюйеръ съ восторгомъ говорили объ этомъ дѣйствіи

самовластія, какъ о побѣдѣ истинной вѣры надъ ересью, во Франціи родился человѣкъ, которому суждено было обличить это дѣйствіе предъ вселенной, и поколебать Римскій католицизмъ въ лицѣ его представителей. Сердце этого человѣка обливалось кровію при видѣ несчастныхъ изгнанниковъ, которые уносили съ собою торговлю, земледѣліе и благосостояніе Франціи. Это первое, живое впечатлѣніе оставило глубокія слѣды въ умѣ молодаго Вольтера. Наконецъ умираетъ Людовикъ XIV; настаетъ царствованіе его малолѣтнаго правнука. При дворѣ новаго регента всѣ дѣла приняли другой оборотъ; лицемѣріе уступило мѣсто совершенной безнравственности, которая не знала границъ и не боялась суда современниковъ, но властвовала съ полной свободой во Франціи и всѣмъ сословіямъ общества предписывала свои законы, одобряемые примѣромъ двора. Тогда-то началась та шаткость вѣрованій, то равнодушіе религіозное, которое нашло своимъ прозелитовъ въ самомъ высшемъ сословіи общества. Молодые люди, поклонники новизны, старались въ угожденіе регенту выказывать наперерывъ небрежность къ самымъ святымъ преданіямъ и таинствамъ христіанской религіи. Это жалкое состояніе умовъ и нравственности породило ложную философію, которою заразился Вольтеръ и послѣдующіе энциклопедисты. Однимъ словомъ, въ современной жизни Франціи замѣтны были признаки распаденія и дряхлости, которые окончились революціей.

Вольтеръ родился въ мѣстечкѣ Шатне, 20 февраля 1694, умеръ на 85 году жизни, 30 мая 1778 года. Первоначальное его воспитаніе совершилось подъ надзоромъ аббата Шатонефа, человѣка дарованій отличныхъ, но поведенія легкомысленнаго и не слишкомъ приверженнаго къ религіи. Изъ этой школы безвѣрія и разврата молодой Вольтеръ вынесъ тѣ странныя убѣжденія, которыя послѣ развились въ немъ съ такою ужасною силою. Природный умъ открылъ ему доступъ въ лучшія Парижскія общества; съ другой стороны, насмѣшливый, пытливый характеръ, привитый къ нему воспитаніемъ,

навлекъ на него гоненія со стороны регента, герцога Орлеанскаго. Они-то пробудили въ немъ любовь къ умственной независимости, перешедшую въ своеволіе. Послѣ двукратнаго заточенія Вольтеръ оставилъ свою родину, и отправился въ Англію отыскивать вдохновеній въ новой литературѣ, едва извѣстной дотолѣ во Франціи. Восторгъ, съ какимъ приняли Англичане его патріотическую поэму Генріаду, осужденную во Франціи на торжественное сожженіе рукой палача, ожесточилъ его еще болѣе противъ виновниковъ мести. Онъ принужденъ былъ еще нѣсколько разъ оставлять свою родину и жить при дворахъ иностранныхъ. Весьма любопытны сношенія его съ Фридрихомъ Великимъ, королемъ Прусскимъ, къ которому онъ удалился послѣ конечной размолвки съ Версальскимъ дворомъ. Безпокойный характеръ его не могъ ужиться и съ Фридрихомъ, который все сокрушалъ своею желѣзною волею. Послѣ разныхъ угрозъ и насилій со стороны короля, ему удалось наконецъ перебраться за границы его государства, гдѣ чиновники королевскіе на каждомъ шагу останавливали его путешествіе. Лишь-только очутился онъ на свободѣ, какъ жестокой сатирой отмстилъ королю, который тщетно старался заманить его къ себѣ въ другой разъ. Вольтеръ путешествовалъ по всѣмъ странамъ Европейскимъ, нигдѣ не имѣя постояннаго жительства. Наскучивъ жизнію странника, которая въ старости становилась ему уже тягостною, Вольтеръ рѣшился основаться недалеко отъ Женевы. Сюда безпрерывно стекались его поклонники привѣтствовать знаменитаго старца. Къ двадцатилѣтнему пребыванію Вольтера въ этомъ помѣстьѣ относятся самыя безнравственныя и антирелигіозныя его сочиненія. Между-тѣмъ Парижская публика тосковала о своемъ любимомъ поэтѣ, и, вопреки духовенству, громкими криками вызывала его на родину. Вольтеръ повиновался родному призыву, и въ послѣдній разъ прибылъ въ столицу, для того только, чтобы тамъ положить свои кости. Въ Парижѣ его ожидала послѣдняя радость: его встрѣтили знаменитые

граждане; театръ и академія выслали ему депутацію. На сценѣ поставленъ его увѣнчанный бюстъ; восторженная публика вынесла его на рукахъ изъ театра. Эти душевныя волненія ускорили разрушеніе дряхлаго тѣла. Онъ умеръ увѣнчанный лаврами; но тѣло его, какъ-бы въ доказательство непостоянства земнаго величія, лишено было христіанскаго погребенія, повелѣніемъ Парижскаго архіепископа.

Слѣдуя прежнему порядку, мы переходимъ къ изслѣдованію о матеріалѣ и идеѣ драмъ Вольтера.

Главное свойство Вольтера относительно матеріала есть *подражательность*, въ противоположность оригинальности, самобытности Шекспировыхъ драмъ.

Подражательность есть отчасти общее свойство Французскихъ поэтовъ; но у Вольтера она приняла особенное направленіе и вытекла изъ другаго источника. Для того, чтобы съ этой стороны безпристрастно оцѣнить его заслуги и доказать вѣрность нашего положенія, мы должны обратить вниманіе на общій характеръ драмы Французской, и показать его начало въ самой эпохѣ, когда она родилась.

До-сихъ-поръ еще между нѣкоторыми господствуетъ ложное мнѣніе, что если Французская драма приняла съ самаго начала своего ложное направленіе, подчинившись вліянію классицизма, то причины должно отыскивать въ духѣ народа, среди котораго она родилась. Мы должны опровергнуть это мнѣніе, оскорбительное для чести народа, и указать настоящую причину явленія, повидимому непонятнаго, во внѣшнихъ обстоятельствахъ, которыя, независимо отъ духа народнаго, сковали Французскій театръ какою-то странной теоріею, и наложили тяжкія школьныя цѣпи на великія дарованія Французскихъ поэтовъ. Они, конечно, не понимали сущности искусства, какъ Англичане или Испанцы, которые одни изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ имѣютъ право гордиться національ-



ною драмою; но что Французская драма, при болѣе выгодныхъ обстоятельствахъ, могла принять лучшее направленіе, это видно изъ безконечныхъ, но безплодныхъ усилій Французскихъ драматурговъ освободиться изъ-подъ вліянія этой теоріи, сложить съ себя ненавистное иго, наложенное рукою не чуждою, а добровольно воспринятое цѣлымъ народомъ. Для окончательнаго рѣшенія нашей задачи, мы должны обратиться съ современной исторіи Франціи.

Французскій театръ обязанъ началомъ своимъ Ришельё; подъ его покровительствомъ развилось учрежденіе, въ которомъ народъ не имѣлъ никакого участія. Въ Англіи, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, въ царствованіе Елисаветы, получилъ свое начало театръ. Онъ былъ учрежденіемъ общимъ, которое вытекло изъ потребности духа народнаго, и имѣло назначеніе вполнѣ государственное. Устройство гражданской и государственной жизни въ Европѣ принесло первые, лучшіе плоды свои въ Англіи, и баллада, развалина народной поэзіи среднихъ вѣковъ, въ благоустроенномъ государствѣ должна была уступить мѣсто театру. Совершенно другимъ путемъ шло развитіе драмы во Франціи. Она возникла не какъ явленіе необходимое, условленное развитіемъ духа народнаго, а какъ твореніе неограниченной воли министра. А потому и назначеніе ея не было государственнымъ; она была назначена для тѣснаго круга придворныхъ сановниковъ. Окончательное образованіе театра относится къ вѣку Людовика XIV. Явленіе замѣчательное, что почти вмѣстѣ съ нимъ начался Французскій театръ, и вмѣстѣ съ нимъ кончилъ свое развитіе. Его семидесяти-лѣтнее царствованіе обнимаетъ всю эпоху драматической поэзіи Франціи; проявившись на высшей степени своего художественнаго образованія въ великихъ своихъ представителяхъ, она умолкла по смерти Людовика, и только въ лицѣ Вольтера продолжаетъ свое существованіе и въ XVIII вѣкѣ. Отсюда понятно, почему драма не могла развиться свободно; она служила для увеселенія двора королевскаго, подчиня-

лась законамъ придворнаго этикета; отсюда возникали тысячи мелкихъ условій, которыя полагали преграды свободному полету фантазіи. Не всякій имѣлъ доступъ въ театръ, а только высшіе сановники въ государствѣ, которымъ уже заранѣе назначены были мѣста. Успѣхъ представленія зависѣлъ не отъ личныхъ талантовъ поэта, а отъ расположенія духа, въ какомъ находился король. Зрители не иначе могли изъявлять свое одобреніе, какъ по данному знаку самого государя, который или шумными рукоплесканіями прерывалъ общую тягостную тишину или вдругъ безъ причины уѣзжалъ, не досмотрѣвъ піесы, оставляя автора въ ужасѣ, а зрителей въ недоумѣніи. Оттого вниманіе слушателей обращено было не столько на сцену, сколько на королевскую ложу; они слѣдѣли за всѣми движеніями короля, въ измѣненіяхъ лица его старались подмѣтить настроенность его духа.

При такомъ состояніи драмы во Франціи, необходимы были ограниченія въ самомъ сценическомъ ея исполненіи. Такъ-какъ піесы игрались въ самомъ дворцѣ королевскомъ, то единство мѣста было необходимымъ условіемъ такого театра. Тогда Французы обратились къ піитикѣ Аристотеля, и отыскали въ ней законъ о единствѣ дѣйствія, мѣста и времени. Они посредствомъ натяжки оправдали погрѣшности драмы своей, происходившія отъ мѣстныхъ условій сценическаго исполненія, подыскавши законъ къ явленію уже готовому. Эта первая ошибка повлекла за собою другую, важнѣйшую: утвердивъ на теоріи Аристотеля основанія драматическаго искусства, поэты Французскіе не могли уже отказаться отъ своего заблужденія; они должны были перенести его и на исторію, выбрать себя образцами Греческихъ трагиковъ, у которыхъ они заимствовали внѣшнюю форму; ставить все совершенство искусства въ безусловномъ, и вмѣстѣ безсознательномъ подражаніи древнимъ. Изъ такаго смѣшенія новыхъ, христіанскихъ понятій съ преданіями о полубогахъ и герояхъ развилась какая-то странная смѣсь, положившая основаніе лжеклассицизму. Въ лицѣ древ-

нихъ героевъ, пользовавшихся всемірною славою, поэты любили изображать монарха, окруженнаго толпою царедворцевъ. По замѣчанію Шлегеля, Александръ великій Расина есть лице поэтическое, олицетворяющее въ себѣ идеалъ полководца, каковы были Тюренпь и Конде; читая Тита и Беренису, невольно подумаешь о похожденіяхъ молодаго Людовика.

Вотъ начало той подражательности, которая составляетъ особенность всѣхъ Французскихъ драматурговъ. Слабѣйшіе изъ нихъ, каковы Прадонъ и Кребильонъ, особенно щедро платили дань общей слабости поэтовъ отечественныхъ; у нихъ не находимъ почти ни одной трагедіи, которой матеріалъ не былъ-бы заимствованъ изъ Греческихъ поэтовъ. Но лучшіе сознавали невозможность согласить теорію Аристотеля съ состояніемъ новой поэзіи. Чтобы спасти честь своей народности, они всѣми возможными натяжками старались придать законность той теоріи, но всѣ поясненія приводили къ нелѣпому выводу; между-тѣмъ въ лучшихъ твореніяхъ своихъ они сами отступали невольно отъ правила, которое силились воскресить и удержать въ жизни. Такъ первая драма Корнеля, «Сидъ», была вмѣстѣ и первымъ, торжественнымъ возгласомъ противъ закона о трехъ единствахъ. Менѣе всѣхъ поддавались ему Корнель и Расинъ, а потому и драмы ихъ отмѣчены печатью бо̀льшей оригинальности. Но муза Корнеля, явившаяся во Франціи въ то самое время, когда толпа завистливыхъ собратій оспоривала у него первенство на Парнассѣ, и, уступая ему въ истинномъ творчествѣ, затрудняла ходъ его генія безчисленными, мелочными условіями, муза Корнеля, говорю я, томилась въ безплодныхъ усиліяхъ раздвинуть предѣлы искусства, достигнуть свободнаго полета фантазіи. Грустно подумать, что и великій Корнель, посвятившій всю жизнь свою благородной борьбѣ съ тѣми ложными началами теоріи, которыя навязаны были искусству насильственнымъ образомъ, и столько разъ выходившій изъ нея побѣдителемъ, утомился подъ конецъ своей жизни и добровольно сложилъ оружіе, отказываясь отъ

прежнихъ своихъ убѣжденій. Не таково было положеніе Вольтера. Въ половинѣ XVIII вѣка устройство театра уже измѣнилось: онъ сдѣлался учрежденіемъ народнымъ; онъ имѣлъ свой собственный голосъ. Законъ о единствахъ хотя былъ еще въ силѣ, но уже болѣе какъ развалина прежнихъ временъ, потому-что нѣсколько счастливыхъ попытокъ сильно поколебали вѣру въ его непреложность. Такимъ-образомъ Вольтеръ былъ уже свободнѣе прежнихъ поэтовъ въ выборѣ своего матеріала; онъ уже не былъ прикованъ къ произведеніямъ древней трагедіи. Тѣмъ не менѣе онъ опять, по примѣру предшественниковъ, обратился къ трагедіи Греческой, но уже не по требованію предразсудка народнаго, а по собственной волѣ. Онъ съ особенною любовію обратился къ миѳическимъ преданіямъ Эллинскимъ, и началъ Эдипомъ свое поэтическое поприще. Эта трагедія есть самый вѣрный снимокъ съ Софоклова образца. Онъ видѣлъ погрѣшности и противорѣчія, въ которыя впали Корнель и Расинъ, какъ необходимыя слѣдствія подражанія древнимъ; онъ видѣлъ всю странность смѣшенія древнихъ и новыхъ понятій, несовмѣстныхъ съ законами здраваго разума, и сдѣлалъ нѣсколько опытовъ, въ которыхъ старался приблизиться къ духу Софокла, воскресить на новомъ Европейскомъ театрѣ всю торжественность, важность и простоту трагедіи Греческой. Для достиженія этой цѣли, онъ не пренебрегалъ и внѣшнимъ убранствомъ театра, старался усилить впечатлѣніе вѣрнымъ соблюденіемъ мѣстности и костюма. Такимъ-образомъ онъ впалъ въ ошибку, перенося Греческія преданія и миѳы на сцены ново-Европейскихъ театровъ. Разумѣется, всѣ усилія Вольтера остались безплодными; онъ только до нѣкоторой степени успѣлъ въ своемъ предпріятіи, исключивши изъ большей части своихъ Греческихъ трагедій интриги—любимую завязку Французскихъ поэтовъ.

Когда исчерпана была трагедія Греческая, знакомство съ Шекспиромъ, котораго Вольтеръ узналъ во время своего путешествія въ Англію, было главнымъ источникомъ, откуда вышли

Римскія драмы Вольтера. Здѣсь обнаружилась опять подражательность, но уже въ другомъ отношеніи. Республиканскія картины, начертанныя въ Шекспировомъ Цезарѣ, сильно подѣйствовали на воображеніе поэта Французскаго, и отразились въ цѣломъ циклѣ трагедій, въ которыхъ Вольтеръ старался уловить идею республиканскую въ различныхъ ея представителяхъ. Въ трагедіи: *Брутъ* выступаетъ на сцену освободитель Рима отъ Тарквиніевъ. Въ качествахъ духа уступаютъ ему заговорщики, лишившіе жизни *Юлія Цезаря;* такъ по-крайней-мѣрѣ представлены они у Вольтера. На низшей степени стоитъ уже *Катилина.* Замѣчательно, что всѣ драмы Вольтера, заимствованныя изъ Римской исторіи, заключаютъ въ себѣ одну и ту-же идею, но только въ различныхъ ея видоизмѣненіяхъ. Въ нихъ видимъ отраженіе идеи Шекспира, который чудно постигъ политическій характеръ народа Римскаго. Вліяніе драматурга Англійскаго замѣтно и въ оригинальныхъ произведеніяхъ Вольтера, составляющихъ третью часть всѣхъ его драмъ. Такъ въ «Семирамидѣ» появленіе тѣни Нина есть безъискусственное подражаніе Гамлетовой тѣни. Вообще-же поразительность дѣйствія и неожиданность впечатлѣній, отличающія Вольтера отъ всѣхъ его предшественниковъ, есть стихія, заимствованная изъ поэзіи Англійской. Въ то время, когда слава Шекспира не успѣла еще проникнуть за предѣлы его отечества и сдѣлаться достояніямъ общимъ, Вольтеръ все заимствованное у него могъ выдавать за свою собственность, и это льстило его самолюбію. Доселѣ поэты Французскіе обыкновенно отыскивали матеріалъ въ преданіяхъ своихъ южныхъ сосѣдей — Испанцевъ, въ рыцарскихъ сказаніяхъ націи, родственной имъ и по вѣрѣ и по языку. Другая стихія внесена была во Французскую драму Вольтеромъ, обратившимся для того къ Британскому острову, гдѣ хранилось начало Скандинаво-Германское, — начало народа, искони враждебнаго національности Римской. Это было явленіе новое, а потому и не могло остаться безъ сильнаго дѣйствія на современниковъ.

Изложивъ главное свойство матеріала произведеній Вольтера, переходимъ къ идеѣ.

Въ изслѣдованіи объ идеѣ Шекспира я изложилъ обстоятельства, которыя способствовали развитію въ немъ глубокой идеи. Воспитаніе поставило Вольтера въ другія отношенія и назначило ему другой кругъ дѣйствія. Происходя отъ неизвѣстнаго рода, онъ хотѣлъ блескомъ ума своего и обширными связями съ благороднѣйшею кровію Франціи замѣнить тѣ выгоды въ свѣтѣ, въ которыхъ природа ему отказала; отсюда развилось въ немъ неограниченное самолюбіе, которое возрастало съ годами и дѣлало его чувствительнымъ къ малѣйшей обидѣ. Прекрасные стихи, въ которыхъ началъ онъ упражняться съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, пріобрѣли ему уваженіе всѣхъ современниковъ, угадывавшихъ въ немъ великій талантъ; а непритворная любезность, когда онъ хотѣлъ ее выказать, т. е. когда сердце его не было въ-разладѣ съ умомъ, въ скоромъ времени сдѣлала его любимцемъ прекраснаго пола. Всѣ Парижскіе модники, всѣ Версальскіе царедворцы, которые хотѣли прослыть людьми образованными, наперерывъ старались пріобрѣсти его дружбу и гордились его товариществомъ. Они подносили ему ѳиміамъ, чтобы вскружить ему голову, и льстить его самолюбію. Отецъ его, опасаясь для сына соблазновъ свѣтской жизни, и желая доставить ему средства жить честнымъ трудомъ, предложилъ ему выгодное мѣсто въ парламентѣ. Вольтеръ отказался, сказавъ отцу своему, что онъ презираетъ ту знатность, которая покупается деньгами, а что онъ выслужилъ себѣ уваженіе, которое ничего не будетъ стоить родителямъ. Въ этихъ словахъ высказывалась уже гордость молодаго ума, которая вмѣстѣ съ годами получала все новую и новую пищу, и превратилась наконецъ въ душевную болѣзнь обнаруживавшуюся по-временамъ въ страшныхъ припадкахъ. Проведши всю жизнь свою среди людей, превосходившихъ его знатностію рода, въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ знаменитыми властителями современной Европы, пользовавшись по-

переменно милостями двухъ Людовиковъ, Англійской Елисаветы, Фридриха Прусскаго и императрицы Екатерины II, онъ почелъ-бы для себя унизительнымъ изучать человѣка въ сословіи людей ему равныхъ или низшихъ его, а потому и взглядъ его на міръ человѣческій былъ односторонній: оттого среднее и низшее сословія не были допущены имъ въ область искусства; кромѣ-того, и личные интересы не дали простору его идеѣ. Его предшественники на Французскомъ театрѣ, Корнель и Расинъ, жили независимою жизнію художниковъ, особенно первый; они писали не для славы и громкаго имени; они жертвовали своимъ самолюбіемъ для благородной, безкорыстной цѣли искусства. Въ Шекспирѣ этотъ характеръ выразился еще выше, въ какой-то мучительной потребности духа, въ болѣзненномъ, тревожномъ чувствѣ, которое не оставляетъ великаго генія, пока не воплотится идея, зародившаяся въ фантазіи поэта. Вольтеръ удалился отъ истинной цѣли искусства: онъ хотѣлъ только произвести переворотъ въ народныхъ умахъ. При достиженіи этой цѣли,—цѣли корыстной, недостойной высокаго дара поэзіи, проявлялась необходимо личность поэта со всѣми своими эгоистическими притязаніями. Самолюбіе его не позволяло ему искать совершенства въ одномъ какомъ-нибудь родѣ произведеній; разнообразіе его дарованій и безконечная гибкость ума не сообщили понятіямъ его зрѣлости и глубины, и онъ вездѣ остался поверхностнымъ. Какое-то суетное любопытство возбуждало желаніе все узнавать, но не основательно, ничему не посвящать настоящаго изученія. И Вольтеръ, стараясь блеснуть оригинальностію и произвести сильное дѣйствіе на современниковъ, замѣнилъ глубину разнообразіемъ впечатлѣній. Онъ внесъ въ свои драмы чувствованія патетическія, иногда поразительныя, согрѣлъ ихъ теплотою чувства, но нигдѣ не одушевилъ глубокой идеей.

Опредѣливъ степень вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ на идею Вольтера, или, другими словами, указавъ на связь между его идеею и біографіей, обратимся къ другой половинѣ вопро-

са, и постараемся опредѣлить, какое направленіе приняла, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, идея эта, или, лучше сказать, постараемся опредѣлить его созерцаніе.

Говоря о Шекспирѣ, мы замѣтили въ немъ безпристрастіе, совершенное уничтоженіе субъективности, и вслѣдствіе этого —вѣрность въ изображеніи характеровъ. Причину мы нашли въ душевныхъ страданіяхъ, которыя растворили душу Шекспира къ сочувствію страждущему человѣчеству. Вольтеръ также подвергался гоненіямъ, можетъ-быть, не всегда справедливымъ; но его горести и страданія не могли въ глубинѣ сердца отозваться гармоніею. Шекспиру, униженному своихъ званіемъ, судьба назначила дѣйствовать въ низшихъ слояхъ общества; Вольтеръ-же, отъ колыбели до гроба любимый сынъ счастія, всю жизнь свою провелъ среди самаго отборнаго общества, не соотвѣтствовавшаго его низкому происхожденію. А потому каждое униженіе только напоминало ему то состояніе, къ которому онъ назначенъ былъ по законамъ природы, и вызывало къ отмщенію его оскорбленное самолюбіе; избалованный дарами фортуны, онъ не могъ, подобно Шекспиру, рѣшиться на высокій подвигъ самоотверженія. Гонимый нерѣдко за дерзкія выходки, онъ спасался бѣгствомъ въ чужіе края, и тамъ болѣе и болѣе укоренялось въ немъ пагубное самолюбіе, источникъ всѣхъ его заблужденій; болѣе и болѣе привыкалъ онъ рѣзко выражать свои мысли, изливать ихъ на бумагу съ тою-же неумѣренною откровенностію, съ какою онъ выражалъ ихъ въ разговорахъ съ короткими. По свидѣтельству современниковъ, онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія; кто не раздѣлялъ его убѣжденій, тотъ становился предметомъ уязвительныхъ сарказмовъ съ его стороны, того онъ преслѣдовалъ колкою эпиграммою, или ѣдкой сатирой, а иногда позволялъ себѣ даже самыя низкія, площадныя ругательства, въ которыхъ его оскорбленная личность выказывалась самыми черными красками. Нетерпимость его съ теченіемъ времени обратилась въ болѣзнь; она стала главною чертою его характера; она испортила

даже благороднѣйшія побужденія, которыя вызвали его на поприще литературное. Справедливое негодованіе, возбужденное въ немъ уничтоженіемъ Нантскаго эдикта, породило въ немъ ненависть, ни на чемъ не основанную, къ смиреннымъ служителямъ церкви и къ самой церкви, доведшую его до безумной хулы на евангельскія истины. Онъ первоначально хотѣлъ разыгрывать роль защитника угнетеннаго человѣчества, вооружиться всѣми силами разума и краснорѣчія на его притѣснителей; но не могъ поддержать этой роли, потому-что личность осилила побужденія сердца. Какъ-бы то ни было, но пока онъ не возставалъ на религію, она еще удерживала его въ границахъ умѣренности; когда-же переступилъ онъ эту послѣднюю грань, предавшись всѣмъ крайностямъ невѣрія и скептицизма, онъ сдѣлался мизантропомъ невыносимымъ, изливая желчь на все окружающее. Онъ положилъ себѣ цѣлію неограниченно властвовать надъ всѣми умами, навязывать всѣмъ свои убѣжденія. Эта въ высшей степени односторонняя индивидуальность, это ненавистное *я*, поставленное во-главѣ всѣхъ его мнѣній, проводитъ рѣзкую черту между имъ и Шекспиромъ. Вотъ почему Вольтеръ, поставившій выше всего свою личность, не могъ передать намъ всѣ малѣйшія движенія души человѣческой съ такою-же вѣрностію, съ какою передалъ ихъ Шекспиръ, который почерпнулъ свои мысли въ школѣ жизни и опыта. Вольтеръ никогда глубоко не изслѣдовалъ человѣка, и не имѣлъ къ тому случая. Но еслибы онъ и могъ похвалиться знаніемъ сердца человѣческаго, то, конечно, не усомнился-бы изъ неограниченнаго самолюбія исказить самую истину, внести въ свои поэтическія произведенія превратныя понятія о человѣкѣ, вложить въ уста героевъ своихъ собственную, одностороннюю логику. У него вездѣ сильно замѣтно догматическое направленіе; онъ беретъ на себя роль наставника, присвоиваетъ себѣ право учить народы и человѣчество. Такое направленіе извинительно въ философскихъ твореніяхъ, гдѣ оно не противорѣчитъ цѣли искусства, лишь-бы только доводы

не доходили до крайностей. Но всего удивительнѣе, что онъ внесъ его и въ область поэзіи. Въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, являющихся на первомъ планѣ въ его драматическихъ произведеніяхъ, скрывается самъ Вольтеръ съ своимъ образомъ мыслей и чувствованій. Отсюда являются нерѣдко чудовищные анахронизмы, когда какой-нибудь знаменитый герой миѳическаго періода Греціи высказываетъ общую мысль, которая могла явиться только въ XVIII вѣкѣ, какъ плодъ многовѣковаго развитія человѣчества. Лица Шекспира дѣйствуютъ по неизмѣннымъ, однажды навсегда установленнымъ законамъ нашего духа; лица Вольтера—искусственные автоматы, движимые его своенравной рукой, носящіе на себѣ признаки минутныхъ впечатлѣній, которыя поэтъ испытывалъ попеременно. Онъ выводитъ ихъ на сцену, чтобы авторитетомъ именъ, игравшихъ великую роль во всемірной исторіи, утвердить свои мысли, представить ихъ какъ-бы завѣщанными великими лицами древности, на которыхъ никогда не возстанетъ общее мнѣніе, потому-что они являются предъ нами въ неприступномъ величіи, освященныя тысячелѣтіями. Это цѣль, недостойная высокаго дара поэзіи, въ которой видимъ вдохновеніе свыше. Такъ нѣтъ ни одной драмы, гдѣ-бы Вольтеръ не высказалъ ненависти своей къ притѣснителямъ, которые въ дѣлѣ совѣсти употребляютъ насиліе. Начало прекрасное, но доводимое иногда до нелѣпости. «Въ *Альзирѣ* старецъ Альварезъ, который дышитъ однимъ милосердіемъ, осуждаетъ кровопролитія, совершаемыя изъ политическихъ интересовъ, во имя Господа мира. Въ *Фанатизмѣ* Зопира призываетъ небесное мщеніе на фанатиковъ, которые честолюбію своему приносятъ въ жертву кровь человѣческую. Въ трагедіи: *Гебры* солдатъ Ирәданъ оплакиваетъ судьбу несчастной Арзамы, осужденной на смерть жрецами Плутона за то, что она въ угодность имъ не согласилась измѣнить долгу совѣсти и отказаться отъ вѣры предковъ своихъ. Но тамъ, гдѣ дѣло доходитъ до Греціи, въ которой религія освящала жертвоприношенія человѣческія, и даже тре-

бовала ихъ иногда для утоленія гнѣва боговъ, тамъ эти краснорѣчивые возгласы совсѣмъ неумѣстны. Такъ въ *законахъ Миносовыхъ* царь Тевкръ клянется исхитить изъ рукъ кровожадныхъ исполнителей воли Зевеса какую-то несчастную жертву, уже обреченную на погибель. И между-тѣмъ, какъ онъ начинаетъ сраженіе для избавленія юной Астеріи, Сидонецъ Аземонъ, маститый старецъ, поднимаетъ руки къ небу и испрашиваетъ Тевкру небесную помощь. Это повѣствованіе, напоминающее событіе изъ Моисеевой жизни, и слѣдующій стихъ, возможный только въ устахъ христіанина:

Nous n'avons point d'autel, ou le faible t'implore,

лишаютъ трагедію историческаго вѣроятія и обличаютъ опять господствующую идею Вольтера. Еще явственнѣе выражается она въ слѣдующихъ словахъ Эдипа:

Nos prêtres ne sont pas ce qu'un vain peuple pense,
Notre crédulité fait toute leur science.

Естественно-ли, чтобы такъ говорилъ Эдипъ въ миѳическомъ періодѣ Эллинскомъ, когда всѣ государства Греціи основаны были на началахъ ѳеократическихъ, когда жрецы имѣли наиболѣе вѣсу, и власть ихъ не ограничена была даже властію царскою?

Лица Вольтера суть большею частію выраженіе его собственныхъ слабостей. Но какъ въ самой жизни его мы замѣчаемъ чудную смѣсь добра и зла, то эта-же смѣсь повторилась и въ характерахъ его героевъ. Были свѣтлыя минуты, когда сердце его, отрѣшаясь отъ гордаго разума, отдыхало отъ своихъ нравственныхъ бурь на чувствованіяхъ любви и и мира. Припомнимъ прекрасное мѣсто въ Альзирѣ, когда Гузманъ, пораженный рукою Замора, прощаетъ убійцѣ:

Des Dieux que nous servons connois la différence;
Les tiens t'ont commandé le meurtre et la vengeance;
Et le mien, quand ton bras vient de m'assassiner,
M'ordonne de te plaindre et de te pardonner.

Устами Гузмана говоритъ здѣсь самая читая любовь христіанская, которой законъ торжественно изреченъ былъ Спасителемъ. Читая это мѣсто Вольтера, мы готовы признать въ немъ философа христіанскаго. Намъ нравится гордый Испанецъ, который огнемъ и мечемъ распространялъ христіанство, вопреки кроткому характеру евангельской проповѣди, но въ послѣднія минуты жизни своей позналъ свое назначеніе, простилъ убійцѣ и смертію праведника искупилъ заблужденія юности. Но, къ-сожалѣнію, это только минутные проблески благородныхъ чувствованій. Страшно подумать, что онъ писалъ эти строки не по убѣжденію сердца, а для того, чтобы усыпить на время умы, взволнованные его ученіемъ, обмануть ихъ ложною личиною благочестія и послѣ тѣмъ сильнѣе опутать ихъ сѣтями своей софистики.

Непонятно, какъ могли утѣшительныя слова, изрекаемыя устами Вольтера, не тронуть ожесточеннаго сердца его. Когда ненависть его къ христіанству сдѣлалась гласною, и надобно было чѣмъ-нибудь опровергнуть общее мнѣніе, онъ представилъ въ «Альзирѣ» торжество христіанской вѣры надъ грубостію идолопоклонства. Повидимому, онъ достигъ своей цѣли, потому-что «Альзира» его была встрѣчена публикой съ неописаннымъ восторгомъ. Эта чудная гибкость воображенія, подчинявшагося самымъ противоположнымъ внушеніямъ сердца и разума; высокія красоты религіоныя, разлитыя въ этой драмѣ, не только не оправдываютъ его заблужденій, но являются новыми обличителями его передъ судомъ потомства, обвиняя его въ легкомысліи и безумномъ ослѣпленіи разума.

Какое-же участіе къ человѣчеству найдемъ мы въ поэтѣ, который съ намѣреніемъ исказилъ человѣческую природу, и котораго самыя добродѣтели, истекая изъ нечистаго начала самолюбія, суть не что иное, какъ блистательные пороки? Съ высоты неприступнаго величія, искусственно воздвигнутаго его гордою мыслію, онъ долженъ былъ съ презрѣніемъ взирать на бѣдный родъ человѣческій, который самымъ легковѣріемъ

своимъ, въ его понятіяхъ, обличилъ еще младенческій возрастъ, котораго самыя святыя преданія, самыя чистыя вѣрованія казались ему суевѣріемъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, глубокою ненавистію къ человѣчеству, страшной ироніей проникнуты слѣдующія слова Вольтера, высказанныя въ одномъ изъ его философскихъ твореній: «Le genre humain a deux grands défauts, dont il ne se corrigera jamais: il est sot et poltron». Вотъ какимъ языкомъ заговорилъ подъ конецъ своей жизни этотъ величайшій эгоистъ всего древняго и новаго міра, какъ-бы забывая, что и онъ принадлежитъ къ великому братству всего человѣчества, какъ-бы не предвидя въ своей надменности, что дерзкая хула его не останется безнаказанною, что нѣкогда человѣчество потребуетъ у него грозно отчета, и справедливый судъ потомства разразится анаѳемой надъ его обезславленною памятью. Эта мысль съ особенною силою высказана въ двухъ философскихъ твореніяхъ. Уже бѣдствіе Лиссабона (le désastre de Lisbonne) было первымъ протестомъ противъ міроваго порядка, установленнаго Провидѣніемъ. Краснорѣчивыя возраженія Ж.-Ж. Руссо, прежняго друга Вольтера, только воспламенили его безсмысленный гнѣвъ. Тогда-то явился «Кандидъ», возмутительная, горькая сатира, гдѣ онъ безъ зазрѣнія совѣсти смѣется смѣхомъ безумнымъ надъ страданіями человѣчества, ругается надъ жертвами фанатизма, которыхъ онъ прежде защищалъ всею силою ума своего. Это послѣднее произведеніе подало поводъ одному Французскому писателю (Thomas) отозваться о Вольтерѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вольтеръ, говоритъ Томасъ, походитъ на злаго генія, который явился на свѣтъ для того, чтобы сатанинскимъ смѣхомъ смѣяться надъ бѣдствіями человѣчества, и вѣчнымъ позоромъ заклеймить родъ человѣческій». Раздраженный самимъ собою, въ вѣчномъ раздорѣ съ своею природою, Вольтеръ необузданно предается этой страшной ироніи, доходитъ иногда до припадковъ безумнаго бѣшенства, въ которыхъ дѣйствительно есть что-то похожее на внушенія злаго духа. Утѣшительная мысль примире-

нія, которую вносить въ сердце человѣка неизмѣнная покорность судьбамъ Провидѣнія,—эта мысль, обыкновенная развязка Шекспировыхъ драмъ, не нашла отголоска въ безпокойной душѣ Вольтера, и здѣсь-то мы видимъ безконечную разницу между христіанской идеей Шекспира и кичливостію разума человѣческаго, которая замѣнила въ Вольтерѣ начало божественное. Шекспиръ во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣческой жизни признавалъ Вседержащую руку Промысла; Вольтеръ-же наложилъ богохульную руку на самыя святыя преданія и истины христіанской вѣры; онъ отвергъ христіанскаго Бога, это воплощенное милосердіе, этого Божественнаго Страдальца, который уносилъ съ собою въ объятія Отца послѣднее слово примиренія, послѣднюю молитву праведника за грѣшныхъ. Вольтеръ— тотъ самый поэтъ, который прежде въ прекрасныхъ стихахъ излагалъ правила нравственности, который высказалъ въ твореніяхъ своихъ возвышенныя чувства друга человѣчества и благоговѣніе къ Богу,—не усомнился сбросить съ себя личину, поколебать въ душѣ страдальца утѣшительную увѣренность въ Провидѣніе, которое печется объ немъ, видитъ слезы его, слышитъ стенанія, и послѣ горькаго испытанія жизни врачуетъ язвы его небеснымъ блаженствомъ.

Намъ остается разсмотрѣть только форму или родъ словесныхъ произведеній, въ которомъ проявилась идея того и другаго поэта. Этотъ вопросъ историческій тѣсно граничитъ съ теоріею; она только можетъ опредѣлить, который изъ двухъ поэтовъ въ отношеніи къ формѣ произведеній удовлетворилъ наиболѣе требованіямъ искусства.

Форма должна соотвѣтствовать идеѣ произведенія. Шекспиръ, какъ мы сказали, изображаетъ внутреннюю борьбу страстей человѣческихъ, которой мы сами безпрерывные дѣятели и вмѣстѣ вѣчныя жертвы. Этой идеѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ драма, живой разговоръ, гдѣ каждое лице выступаетъ на сцену съ рѣзко-отмѣченной личностью, съ особеннымъ образомъ мыслей и чувствованій, гдѣ въ откровенномъ словѣ выливается

душа человѣка. Она превосходно изображаетъ всѣ измѣненія человѣческой жизни. Жить значитъ дѣйствовать; но для того, чтобы внутреннія силы человѣка въ мірѣ воли могли проявиться въ дѣйствіи, для этого необходима борьба, враждебное столкновеніе съ силами другихъ недѣлимыхъ человѣческаго рода, которыя-бы противодѣйствовали его собственнымъ. Эта борьба есть существенное условіе драмы. Въ эпосѣ, какъ изображеніи внѣшнихъ событій, исчезаетъ субъективность человѣка. Съ другой стороны, въ лирическомъ произведеніи человѣкъ, развивая чувство съ полной свободой, можетъ дойти до крайностей субъективнаго созерцанія. Только въ драмѣ внутренній міръ человѣка проявляется въ дѣйствіи; только въ драмѣ заключается полнота человѣческой жизни; она соединяетъ въ себѣ спокойствіе эпоса съ стремительнымъ характеромъ лирики и въ ней стремительность лирики умѣряется спокойствіемъ эпоса. И такъ форма Шекспировыхъ произведеній вытекла необходимо изъ самой идеи; и чѣмъ она полнѣе проведена чрезъ всѣ поэтическія созданія, тѣмъ полнѣе и совершеннѣе форма, служащая ей выраженіемъ. Неразвлекаемый посторонними интересами, Шекспиръ посвятилъ цѣлую жизнь выраженію этой великой идеи; онъ остался вѣрнымъ своему драматическому призванію. Отсюда драма явилась единственно-возможнымъ художественнымъ проявленіемъ его идеи; она явилась разумно, условленная внутреннею необходимостію, а не приведенная случаемъ или взысканная произволомъ поэта. Совершенно другое мы видимъ въ Вольтерѣ. Въ немъ съ особенною силою развилось начало личности; въ его герояхъ, слѣпыхъ орудіяхъ его собственныхъ убѣжденій, замѣтно господствующее направленіе поэта, которое мы назвали догматическимъ. Оно существенно противорѣчитъ коренному понятію о поэзіи, какъ искусствѣ свободномъ, въ которомъ вмѣстѣ съ другими способностями нашего духа участвуетъ фантазія или творческое воображеніе. Мысль дидактическая, поучительная, есть непосредственное достояніе философіи. Отсюда огромное большин-

ство произведеній Вольтера имѣетъ форму нравственно-философскихъ разсужденій; и если этотъ характеръ вносится въ область поэзіи, то это стихія заносная, насильственно-навязанная искусству. Такова большая часть Вольтеровыхъ драмъ: ихъ можно обратить въ философскіе трактаты, и при томъ въ высшей степени односторонніе, потому-что поэтъ съ особенною настойчивостію преслѣдуетъ одну любимую мысль. Здѣсь драма не сама явилась, какъ у Шекспира, на зовъ поэтической мысли; она выбрана Вольтеромъ предпочтительно передъ другими, потому-что ея художественное исполненіе всегда сильнѣе подѣйствуетъ на слушателей, чѣмъ сухое разсужденіе, написанное на какую-бы то ни было философскую тему; слѣдовательно она служила личнымъ видамъ поэта. А потому Вольтеровы драмы не дышатъ жизнію, и утомляютъ читателя; въ нихъ искусство переходитъ въ искуественность.

Отъ кореннаго различія въ поэтическомъ созерцаніи того и другаго поэта происходитъ различіе и въ художественномъ исполненіи. Каждая драма Шекспира есть плодъ глубокаго наблюденія надъ тайнами природы человѣческой; она имѣетъ предметомъ событіе, изъятое изъ человѣческой жизни, въ которомъ поэтъ подмѣтилъ идеальную сторону, достойную составить предмѣтъ почтическаго произведенія. Потому онъ въ каждомъ твореніи затаилъ глубокую мысль. Постоянное преобладаніе идеи надъ формою въ его произведеніяхъ сообщаетъ имъ единство, полноту и оконченность. Всѣ характеры содѣйствуютъ развитію главной идеи, проводимой чрезъ все содержаніе драмы; каждая сцена есть необходимый членъ одного великаго цѣлаго, и всѣ совокупности должны дружно, соединенными силами вести къ развязкѣ главнаго дѣйствія. Прослѣдивши внимательно содержаніе какой-бы то ни было драмы Шекспира, разгадавши идею, въ ней выражаемую, мы можемъ вывести раціонально необходимость каждой сцены въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ въ ихъ взаимной послѣдовательности. Такой опытъ сдѣланъ нами при разборѣ «Юлія Цезаря». Отсю-

да каждая драма Шекспира, взятая въ отдѣльности, составляетъ чудное художественное произведеніе; это отдѣльный міръ, который живетъ своею собственною независимою жизнію, въ которомъ внѣшній порядокъ отвѣчаетъ внутреннему единству закона, имъ управляющаго. Ее можно сравнить съ величественнымъ созданіемъ архитектуры, въ которомъ разнообразіе частностей не вредитъ гармоніи и стройности цѣлаго. Невѣжественная толпа проходитъ мимо колоссальнаго зданія, не постигая мысли художника; а тотъ, кому дано проникнуть идею его, преклоняется благоговѣйно передъ геніемъ великаго мужа, и въ твореніи познавая творца, приноситъ ему дань благодарности и любви.

Такого единства, происходящаго отъ преобладанія идеи надъ формою въ художественномъ произведеніи, мы напрасно стали-бы искать у Вольтера. Оно замѣняется у него единствомъ формы, единствомъ мѣста и времени. Шекспиръ, какъ всѣ первоклассные геніи, увлекъ за собою толпу подражатей; но они большею частію переняли только формы искусства: они требовали отъ драмы одного внѣшняго сцѣпленія причинъ и дѣйствій, идея-же осталась для нихъ неуловимою. Къ числу такихъ неудачныхъ подражаній принадлежатъ извѣстныя драмы Вольтера. Въ нихъ вся занимательность зависитъ отъ содержанія; ухо плѣняется звучными, гармоническими стихами, которые скрашиваютъ главный недостатокъ произведенія; но они не оставляютъ въ насъ глубокаго впечатлѣнія, потому что форма поглотила идею. Здѣсь я заключаю предварительныя изслѣдованія о характерѣ обоихъ поэтовъ, и перехожу къ подробному разбору: «Юлія Цезаря» Шекспира, къ которому я постараюсь примѣнить, сколько возможно, общія начала, мною изложенныя.

«Юлій Цезарь» есть одно изъ позднѣйшихъ произведеній Шекспировой музы. Первымъ опытомъ поэтическаго генія

Шекспира была поэма: «Венера и Адонисъ», которую онъ самъ называетъ первенцемъ или первороднымъ чадомъ своего воображенія. Затѣмъ слѣдовала другая поэма — «Лукреція», посвященная лорду Соутгемптону. Собраніе сонетовъ, подъ названіемъ: «Страстный пилигримъ», замыкаетъ рядъ его лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ единственно высказалась личность поэта. На драматическое поприще вступилъ онъ въ 1589 году, и началъ его «Титомъ Андроникомъ», чудовищной драмой, гдѣ мы напрасно стали-бы искать слѣдовъ генія, породившаго «Отелло» или «Гамлета». Спустя нѣсколько лѣтъ, явилась на сценѣ «Ромео и Юлія»; а за этою драмою послѣдовалъ цѣлый рядъ настоящихъ *трагедій*, изъ коихъ многія принадлежатъ къ числу его лучшихъ произведеній. Когда геній его утомился изображеніемъ мрачной, печальной стороны человѣческой жизни, онъ почувствовалъ необходимость обратиться къ впечатлѣніямъ, если не утѣшительнымъ, то по-крайней-мѣрѣ болѣе радостнымъ, отдохнуть на картинахъ, рисующихъ жалкую комическую сторону житейскаго быта. Нѣсколько комическихъ драмъ, явившихся одна за другою, утвердили славу Шекспира, какъ великаго драматическаго писателя. За тѣмъ послѣдовалъ третій періодъ поэтической жизни, когда геній его, совершивъ уже полный циклъ нормальнаго развитія своего въ годы зрѣлаго мужества, послѣ многолѣтняго опыта, познаіъ окончательно свое назначеніе, и въ послѣдній разъ блеснулъ въ тѣхъ безсмертныхъ трагедіяхъ, въ которыхъ самыми яркими красками выразилась идея Шекспира.

Въ числѣ этѣхъ трагедій, на третьемъ или четвертомъ мѣстѣ послѣ «Макбета» и «Лира», стоитъ и *Юлій Цезарь*, явившійся, по лучшимъ изслѣдовиніямъ, въ 1607 году, — за 7 лѣтъ до удаленія Шекспира отъ театра, и за девять до его смерти.

Трагедія эта, какъ и всѣ драмы Шекспира, дѣлится на пять дѣйствій. Содержаніе ея историческое, и взято изъ преданій Римской исторіи. Это заговоръ нѣсколькихъ Римскихъ гражданъ противъ Юлія Цезаря, его убіеніе, какъ жертва, при-

несенная издыхающимъ остаткамъ республики Римской, и наконецъ месть за убійство, совершенная надъ Брутомъ и Кассіемъ рукою Антонія и Октавіана. Трагедія начинается заговоромъ въ 710 году отъ основанія Рима (44 г. до Р. Х.), и кончается смертію Брута на поляхъ Филиппинскихъ въ 712 г. отъ основанія Рима, или 42 до Р. Х. Изложимъ въ подробности ея содержаніе.

Дѣйствіе открывается приготовленіемъ къ народному празднеству, на которомъ долженъ присутствовать Цезарь и вся Римская знать. Цезарь находится на высшей степени славы своей; всѣ войны съ иноплеменниками окончены съ блестящимъ успѣхомъ; сенатъ предъ нимъ раболѣпствуетъ; народъ любитъ его; онъ назначенъ уже безсмѣннымъ диктаторомъ, и ждетъ только царскаго вѣнца, чтобы властвовать самодержавно. Въ это время въ головѣ нѣсколькихъ республиканцевъ рождается отважная мысль, и созрѣваетъ съ удивительною быстротою. Все первое дѣйствіе содержитъ самое художественное изображеніе заговора и его постепеннаго возрастанія. Первыя двѣ сцены приготовляютъ читателя къ этой картинѣ, переносятъ его на улицы древняго Рима, гдѣ замѣтно необыкновенное волненіе народное. Всѣ статуи украшены праздничными вѣнками; народъ толпами стекается на площадь, гдѣ назначено мѣсто для бѣга, привѣтствовать Юлія Цезаря. Флавій и Маруллъ, два трибуна, тайные непріятели Цезаря, останавливаютъ волны народа и нѣсколько охлаждаютъ порывы восторга воспоминаніемъ о великомъ Помпеѣ, забытомъ неблагодарными гражданами. Здѣсь въ первый разъ выходитъ на сцену Римская чернь, которая впослѣдствіи играетъ такую важную ролю,—эта измѣнчивая, легкомысленная чернь, которая охотно идетъ на каждую приманку, въ которой одно впечатлѣніе смѣняется другимъ такъ-же быстро, какъ и самые дни, и событія, въ нихъ совершающіяся. Потомъ является Цезарь въ многочисленной свитѣ сенаторовъ, съ женою Кальпурніею и другомъ Антоніемъ. Онъ слышитъ свой приговоръ изъ устъ

гадателя; но, въ полномъ сознаніи своего величія и могущества, внимаетъ ему равнодушно. Между-тѣмъ-какъ торжественный поѣздъ продолжаетъ путь свой далѣе, два Римлянина, Кассій и Брутъ, остаются на сценѣ, и скрываются отъ взоровъ народа въ одной изъ галерей или сводовъ, которыми наполнены были тогда Римскія улицы. Одна мысль глубоко запала въ душу того и другаго; она свела ихъ обоихъ въ уединенномъ мѣстѣ, не вполнѣ еще сознанная Брутомъ, какъ искра, которая таится подъ пепломъ, но въ умѣ Кассія глубоко обдуманная. Они чувствуютъ потребность взаимнмго признанія; но безотчетный трепетъ удерживаетъ въ глубинѣ сердца откровенную исповѣдь, и слово замираетъ на устахъ. Между-тѣмъ время выбрано самое выгодное, для того, чтобы сбросить наконецъ личину, столь тягостную для благороднаго Римлянина, а еще болѣе для стоика. Восторженные клики народа, привѣтствующаго своего побѣдителя, раздаются вдали. Кассій первый заводитъ рѣчь; не вполнѣ увѣренный въ расположеніи Брута, хочетъ проникнуть въ глубину его мысли, которая на челѣ Брута отразилась мрачными думами. Онъ восхваляетъ его совершенства, не для того, чтобы завлечь его хитрою лестію, потому-что лесть въ душѣ Брута не найдетъ отголоска; нѣтъ: онъ хочетъ служить ему зеркаломъ, чтобы и самому разгадать его задушевную мысль, а съ другой стороны возбудить отъ сна его дремлющія силы. Нетерпѣливое восклицаніе, какъ-бы невольно сорвавшееся съ языка Брута, по случаю криковъ народныхъ, открываетъ Кассію желанную тайну. Но Брутъ, опасаясь, чтобы оно не привело друга его къ слишкомъ смѣлому заключенію, немедленно оговаривается. Тогда Кассій, чтобы довершить начатое дѣло, касается самой чувствительной струны его сердца: онъ говоритъ ему именемъ славы и чести, столь драгоцѣнныхъ для Римскаго гражданина; поставивъ Цезаря въ параллель съ другими его соотечественниками, онъ проповѣдуетъ между ними общее равенство. Наконецъ, когда Брутъ приготовленъ къ тягостному признанію, которое камнемъ

лежитъ на сердцѣ друга его, Кассій вызываетъ его къ защитѣ Римской свободы, искупленной нѣкогда его великимъ праотцемъ: Это дорогое воспоминаніе, вызванное изъ глубины забвенія, это безгласное свидѣтельство временъ минувшихъ, живо говорящее сердцу потомка, производитъ желанное дѣйствіе. Не высказавъ еще ясно мысли своей, друзья уже поняли и оправдали другъ друга.

Между-тѣмъ празднество кончилось и Цезарь съ своею свитою возвращается той-же дорогой. На лицѣ его выступила сильная краска—выраженіе гнѣва; смертная блѣдность покрываетъ щеки Кальпурніи, Цицеронъ совершенно растерянъ. По этимъ несомнѣннымъ признакамъ друзья догадались, что произошло что-то необыкновенное. Когда поѣздъ проходитъ мимо Брута и Кассія, они останавливаютъ сенатора Каску, чтобы вывѣдать у него о случившемся. Изъ грубаго, но выразительнаго разсказа его они узнаютъ, что Антоній три раза на площади предлагалъ Цезарю царскій вѣнецъ, и три раза онъ отвергнулъ его, за что обрадованная чернь каждый разъ привѣтствовала его громкими криками. Цезарь, жестоко обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, въ припадкѣ бѣшенства, чему онъ часто бывалъ подверженъ, упалъ въ обморокъ посреди площади, и когда онъ пришелъ въ себя, то аспустилъ собраніе, повидимому довольно спокойно, но скрывая чувство мщенія въ сердцѣ. Неясные намеки и насмѣшливый тонъ, съ какимъ Каска разсказывалъ приключеніе Цезаря, не ускользнули отъ Кассія; онъ рѣшается не упускать его изъ виду и приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ. Онъ разстается и съ Брутомъ, назначивъ ему назавтра свиданіе. Оставшись одинъ, онъ излагаетъ великія надежды свои на освобожденіе Рима отъ Цезаревой тиранніи.

Въ концѣ перваго дѣйствія поэтъ снова переноситъ насъ на Римскую улицу. Въ темную, глубокую ночь свирѣпствуетъ гроза со всѣми своими ужасами; всѣ стихіи въ борьбѣ; небо и земля, освѣщаемыя заревомъ молніи и оглашаемыя перекатами грома, представляютъ зрѣлище грозное и вмѣстѣ величествен-

ное. Каска является съ обнаженнымъ мечемъ, и при блескѣ молніи узнаетъ Цицерона. Онъ разсказываетъ ему объ ужасныхъ явленіяхъ, видѣнныхъ имъ въ Капитоліи, называя ихъ предвѣстниками великихъ событій, готовящихся въ государствѣ. Вслѣдъ за Цицерономъ является Кассій. Не простой случай привелъ сюда угрюмаго старика; онъ не даромъ выставилъ обнаженную голову свою непогодѣ; безпокойный взоръ его искалъ Каски по улицамъ Рима, и судьба свела его съ нимъ еще до назначеннаго свиданія. Каска удивляется его свѣтлому, спокойному взору, который какъ будто вызываетъ на бой раздраженныя стихіи природы. «Ты не Римлянинъ», отвѣчаетъ Кассій; «боги не дали тебѣ въ даръ той искры жизни, которая должна оживлять благороднаго Римлянина. Не видѣнія страшны, а страшна воля безсмертныхъ, которой видѣнія служатъ выраженіемъ». Онъ снова заводитъ рѣчь объ Юліи Цезарѣ, плачетъ о вольности Римской, имъ уничтоженной, утѣшается великою мыслію о свободѣ духа, который не содержится тѣлесными узами, который смѣется надъ силой честолюбцевъ. «Когда Цезарь возложитъ на себя царскій вѣнецъ, говоритъ онъ, тогда мечъ Кассія избавитъ его отъ рабства». Истощивъ всѣ чувства ненависти къ Юлію Цезарю, Кассій вдругъ останавливается; онъ боится, не высказалъ-ли онъ своихъ мыслей передъ однимъ изъ клевретовъ диктатора. Послѣднее слово непріятно зазвучало въ ушахъ Каски; закипѣла въ немъ Римская кровь, и онъ немедленно обѣщаетъ Кассію свое содѣйствіе. Обрадованный старикъ открываетъ ему, что онъ уже расположилъ въ свою пользу благороднѣйшихъ гражданъ, которые изъ любви къ свободѣ готовы рѣшиться на все. Ему остается только окончательно увлечь на свою сторону Брута и это-то великое дѣло должно быть кончено до разсвѣта.

Второе дѣйствіе представляетъ садъ Брута; гроза продолжается; молнія по временамъ освѣщаетъ небо. Брутъ прогуливается одинокій. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Кассій своими словами заронилъ въ его сердце горящую искру, онъ не знаетъ покоя

и сонъ не смыкаетъ его усталыхъ очей. «Ты дремлешь, Брутъ; проснись, войди въ себя». Еще прежде на преторскомъ сѣдалищѣ и теперь въ своемъ кабинетѣ онъ прочелъ это безмолвное увѣщаніе къ совершенію дѣла, котораго успѣхъ зависитъ отъ твердости его духа. Голосъ отечества умоляетъ его о мести; онъ готовъ послѣдовать его родному призыву, но съ невольнымъ трепетомъ останавливается предъ мыслію объ убійствѣ. Цезарь долженъ быть жертвою республиканскаго фанатизма; но эта жертва требуетъ крови, и онъ-ли будетъ исполнителемъ свирѣпаго приговора, онъ-ли омочитъ руки въ крови своего благодѣтеля? Оттого сонъ бѣжитъ отъ очей его, и покой не слетаетъ на утомленные члены: потому-что «между первою мыслію о предпріятіи ужасномъ и его исполненіемъ, весь промежутокъ есть тяжкій сонъ, исполненный страшилищъ и отвратительныхъ привидѣній. Духъ человѣка и его тѣлесные органы, настроенные къ мысли о предстоящемъ убійствѣ, совѣщаются вмѣстѣ, и весь организмъ человѣка потрясается, какъ государство въ раздорѣ». Но прибытіе заговорщиковъ возвратило Бруту твердость духа, столь нужную въ эту роковую минуту, и Кассій находитъ его уже готовымъ приступить къ заговору. На этомъ совѣщаніи смерть Цезаря рѣшена. Здѣсь-то особенно изъ среды заговорщиковъ выдается Брутъ съ своимъ безкорыстнымъ характеромъ; товарищи его охотно уступаютъ ему превосходство и покоряются его нравственному вліянію, хотя первое условіе заговора есть совершенное равенство членовъ его, и слава предпріятія принадлежитъ всѣмъ наравнѣ. Это уваженіе къ нравственнымъ достоинствамъ Брута проводится чрезъ все содержаніе драмы, и объясняетъ ту славу, которую единодушно признали за нимъ современники. Онъ удерживаетъ порывы фанатизма собратій своихъ, которые съ дикимъ веселіемъ готовятся къ будущему кровавому пиру, и спасаетъ ходатайствомъ своимъ Марка Антонія, наперстника Цезарева, уже осужденнаго на смерть большинствомъ голосовъ. «Мы вооружились противъ духа Цезарева,

говоритъ онъ, а не противъ крови его; а душа человѣка безъ плоти и крови. О! еслибъ можно было коснуться одного только духа, оставляя невредимымъ тѣлесный составъ. Но если жертва эта не обойдется безъ крови, то прольемъ ее съ твердостію духа, а не съ остервенѣніемъ. Прекрасно принести Цезаря въ жертву богамъ, какъ даръ очистительный; но недостойно ругаться надъ прахомъ убитаго, предавая истерзанные остатки его хищнымъ звѣрямъ и птицамъ». Заговорщики разстаются еще передъ разсвѣтомъ, и наступающій день, первый за идами марта, назначенъ ими для убіенія Цезаря.

Это тайное совѣщаніе, этотъ ночной заговоръ, требовалъ со стороны Брута необыкновенныхъ усилій и напряженія духа. Но духъ одолѣлъ; мучительная борьба между любовью къ отечеству и собственнымъ нравственнымъ чувствомъ окончена тяжкою побѣдою надъ самимъ собою, и всѣ душевныя силы пришли въ равновѣсіе. Онъ видитъ служителя Люція, заснувшаго отъ утомленія подъ тѣнію дерева. Сравненіе этого тихаго, беззаботнаго сна съ мучительными грезами человѣка, несущаго на себѣ великую отвѣтственность, возбуждаетъ въ сердцѣ Брута не зависть, а растворяетъ его къ состраданію. Чтобы защитить спящаго юношу отъ дѣйствія холода, онъ прикрываетъ его своимъ собственнымъ плащемъ.

Затѣмъ слѣдуетъ явленіе трогательное, гдѣ выступаетъ на сцену супруга Брута. Порція — настоящій идеалъ Римской женщины; съ благородною гордостію своего пола она соединяетъ страстную любовь къ мужу. Какъ истая дочь Катона, она сознаетъ тѣ святыя права и обязанности, которыя даны ей супружествомъ; и въ этомъ отношеніи мы видимъ въ ней зародышъ будущаго развитія лучшихъ временъ, когда нравственная свобода всякаго пола и состоянія внесена была христіанствомъ. Задумчивость Брута привела ее къ мысли, что въ немъ происходитъ что-то необычайное. Мрачное предчувствіе ея оправдано наконецъ самымъ событіемъ: потому-что, въ глубокую полночь, она съ ужасомъ замѣтила свое одиночество.

Тайная сходка не укрылась отъ безпокойнаго взора ея; и она съ гордостію, свойственною однимъ только Римлянамъ, вызываетъ Брута къ отвѣту. Только прибытіе заговорщика Каія Лигарія на сей разъ избавило его отъ тягостной пытки, которая должна была кончиться откровеннымъ признаніемъ съ его стороны.

Отъ одной супружеской сцены поэтъ переноситъ насъ къ другой. При звукѣ грома и блескѣ молніи Юлій Цезарь не могъ спокойно заснуть; онъ посылаетъ служителя вопросить священника о волѣ боговъ. Вѣстникъ возвращается съ ужасомъ: жрецы, гадая по внутренностямъ, не нашли сердца въ жертвенномъ животномъ и совѣтуютъ Цезарю не выходить. Суевѣрный страхъ и просьбы Кальпурніи, которая видѣла во снѣ убитаго мужа, подѣйствовали на него до того, что онъ рѣшился остаться. Но его пристыдило прибытіе Децiя Брута, отряженнаго заговорщиками, чтобы вызвать его въ курію отъ имени всего сената. Могъ-ли Цезарь, которому повиновался Римъ и вселенная, котораго щадили досслѣ стрѣлы враговъ и стихіи природы, испугаться дѣтскаго сна, перетолкованнаго Кальпурніею въ худую сторону? И могъ-ли онъ отложить засѣданія сената до-тѣхъ-поръ, пока не приснятся Кальпурніи счастливые сны? Ясно, что слѣпая судьба, или, лучше, неизъяснимая воля Провидѣнія влекла его на погибель; еслибы ложный стыдъ не осилилъ въ немъ внушеній здраваго разума, онъ былъ-бы спасенъ, и всемірная исторія пошла-бы другимъ путемъ.

Въ послѣдней сценѣ втораго дѣйствія поэтъ переноситъ читателя на улицу, ведущую въ Капитолію. Артемидоръ, Греческій софистъ, стоитъ на дорогѣ въ-ожиданіи Цезаря. Онъ перечитываетъ бумагу, гдѣ означены всѣ имена заговорщиковъ. Въ глубинѣ своего сердца сочувствуя Цезарю, и не раздѣляя убѣжденій республиканцевъ, онъ хочетъ предупредить его письменно о существованіи заговора. Тутъ выбѣгаетъ на сцену растерянная Порція. Она отчасти уже понимаетъ въ

чемъ дѣло, и мрачное предчувствіе повлекло ее въ Капитолій; она трепещетъ за Цезаря, потому-что судьба его тѣсно связана съ участію Брута. Появленіе Порціи, одной, среди улицы, въ-сопровожденіи только вѣрнаго Люція, прекрасно заключаетъ второе дѣйствіе драмы. Она обращается къ Артемидору, и вынуждаетъ у него, хотя неясно, признаніе тайны, такъ тщательно скрываемой отъ нея Брутомъ.

Когда служители казни были готовы, ожидая только жертвы своей, когда Цезарь остался нечувствительнымъ и къ слезамъ супруги и къ знаменіямъ небеснаго гнѣва, тогда готовится кровавая развязка созрѣвшаго уже вполнѣ заговора. Здѣсь начинается третіе дѣйствіе Шекспировой драмы. Мы съ возрастающимъ вниманіемъ слѣдимъ за всѣми движеніями Юлія Цезаря, который въ предсмертномъ шествіи своемъ къ Капитоліи отвергаетъ послѣднія средства, могущія остановить его на краю погибели. Нельзя вполнѣ надивиться странной безпечности Цезаря. На пути къ куріи онъ окруженъ заговорщиками, которые уже не выпускаютъ изъ рукъ своей жертвы; онъ снова смѣется надъ предсказаніями гадателя; въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи разума отвергаетъ просьбу Артемидора, и наконецъ послѣ продолжительной бесѣды съ сенаторомъ Попиліемъ Леной, которому извѣстны были всѣ подробности заговора, входитъ въ сенатъ, не подозрѣвая опасности. Между тѣмъ, какъ Требоній въ дверяхъ старается заговорить Марка Антонія, котораго заговорщики имѣли причины бояться, по его необыкновенной физической силѣ, Цезарь садится, и заговорщики, по обычаю просителей, окружаютъ его. По взаимному соглашенію ихъ, заранѣе увѣренныхъ въ непреклонности Цезаря, Метеллъ Цимберъ падаетъ къ ногамъ его, испрашивая прощенія брату своему Публію Цимберу. Всѣ заговорщики одинъ за другимъ преклоняютъ колѣна, а наконецъ и Брутъ, послѣдній, конечно, не для исполненія формы, а по глубокому убѣжденію въ справедливости просьбы. «Хочешь-ли сдвинуть скалу»? было послѣднимъ словомъ диктатора и вмѣстѣ сигна-

ломъ къ его убіенію. Пораженный двадцатью тремя ранами, онъ пробивается къ подножію Помпеевой статуи, чтобы грустно взглянуть на любимаго Брута и умереть.

Оцѣпенѣніе пробѣгаетъ по рядамъ сенаторовъ, при видѣ убитаго Цезаря. Недовольные смертію его, заговорщики всѣ, кромѣ Брута, погружаютъ мечи свои въ дымящіяся язвы его. Тутъ прибѣгаетъ Антоній, обнадеженный Брутомъ въ безопасности, и не обращая вниманія на присутствующихъ, прежде всего бросается обнимать безжизненный трупъ. Характеръ Антонія отъ начала до конца дѣйствія выдержанъ превосходно. Безразсудно было-бы въ эту минуту объявить себя открыто врагомъ заговорщиковъ, когда имъ благопріятствовало, повидимому, само Небо. Но онъ сохраняетъ въ сношеніяхъ съ ними достоинство свободнаго Римлянина: не боится называть себя другомъ убитаго, и громко восхвалять его доблести и въ сердечномъ порывѣ безстрашно подставляетъ обнаженную грудь свою ударамъ убійцъ. Глубокою скорбію проникнутъ отвѣтъ благороднаго Брута: «Антоній! не суди по наружности; ты видишь однѣ лишь окровавленныя руки; но загляни во внутренніе изгибы сердца моего и увидишь, какого усилія стоила мнѣ эта жертва». Тогда Антоній, какъ хитрый политикъ, смиренно требуетъ отчета у заговорщиковъ; онъ проситъ ихъ объявить, за какія преступленія Цезарь понесъ наказаніе, и тогда онъ первый готовъ оправдать ихъ поступокъ, какъ орудіе праведной казни небесной. Умѣренность управляетъ рѣчами его; но въ то-же время въ каждомъ словѣ его просвѣчиваетъ злая иронія. Чтобы выказать въ глазахъ Антонія свое безкорыстіе, а, можетъ быть, чтобы и съ своей совѣсти сложить тяжкое бремя, Брутъ позволяетъ Антонію произнести погребальную рѣчь надъ трупомъ диктатора, вопреки возраженіямъ дальновиднаго Кассія; но прежде рѣшается самъ говорить въ народномъ собраніи, чтобы расположить умы въ свою пользу.

Когда Антоній увидѣлъ себя одинокимъ у трупа, онъ непринужденно предается изъявленіямъ отчаянной скорби; онъ

проситъ прощенія у оскорбленной тѣни своего друга за то, что онъ повидимому мирится съ злодѣями; и въ иступленіи горести, именемъ убитаго Цезаря, накликаетъ бѣдствія на родъ человѣческій, обрекаетъ Италію всѣмъ ужасамъ войны неизбѣжной, и представляетъ погибель убійцъ, какъ дѣйствіе праведной кары боговъ.

Двѣ рѣчи: Брута и Антонія въ народномъ собраніи могутъ служить образцомъ пластическаго совершенства. Брутъ не имѣетъ того обильнаго, увлекательнаго краснорѣчія, какимъ обладаетъ Антоній; притворство недостойно воспитанника стоической философіи; слова его льются прямо изъ сердца. Въ отрывистой, но выразительной рѣчи онъ отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, подвергая ихъ суду народному. «Если въ этомъ собраніи, говоритъ онъ, есть какой-нибудь нѣжный другъ Цезаря, то я объявляю ему, что Брутъ не менѣе его любилъ Цезаря. Если онъ спроситъ меня: отчего-же Брутъ вооружился на Цезаря? то вотъ мой отвѣтъ: я любилъ Цезаря, но любилъ еще болѣе Римъ. Я довольно сказалъ: я убилъ своего лучшаго друга для блага отечества». Восторженные плебеи хотятъ проводить Брута въ тріумфѣ. Въ это самое время Антоній выноситъ на площадь земные останки убитаго Цезаря, и народъ забываетъ Брута, заглядываясь на новое, небывалое зрѣлище. Эта сцена одна изъ самыхъ художественныхъ въ цѣлой трагедіи. Рѣчь Антонія понятна только въ устахъ величайшаго оратора современнаго Рима; но ничто не можетъ сравниться съ изображеніемъ Римскихъ плебеевъ, которыхъ характеръ схваченъ именно здѣсь съ такою поразательною вѣрностію. Антонію предстоитъ трудное дѣло — сдѣлать быстрый переворотъ въ народныхъ умахъ, предубѣжденныхъ въ пользу убійцъ; если-же слово его не подѣйствуетъ, то онъ самъ неминуемо подвергнется участи Цезаря. Антоній понимаетъ всю шаткость, всю опасность своего положенія; но ему поможетъ свидѣтель, теперь безгласно лежащій въ гробѣ; онъ оживитъ его безжизненный трупъ; онъ заста-

вить говорить его глубокія язвы. Вся рѣчь его представляетъ образецъ совершенства логическаго; но, по самому положенію оратора, носитъ совершенно другой характеръ, нежели рѣчь Брута. Когда первый пылъ охладѣлъ, онъ начинаетъ рѣчь свою съ слѣдующаго положенія: «Благородный Брутъ говоритъ, что Цезарь достóинъ былъ казни по своему честолюбію; пусть будетъ по его слову. Но мы собраны здѣсь не для того, чтобы читать похвальное слово убитому, а чтобы отдать тѣлу его послѣднюю почесть. Сограждане! не онъ-ли наполнилъ народное казнохранилище сокровищами покоренныхъ племенъ, не онъ-ли раздѣлялъ съ бѣдными и горе и радости, не онъ-ли три раза отвергнулъ царскій вѣнецъ, предложенный ему на праздникѣ Луперкалій? Если онъ виноватъ предъ вами, то самая смерть искупила его заблужденія; что-же мѣшаетъ народу, который нѣкогда благословлялъ его щедрую руку, окропить благодарными слезами останки своего благодѣтеля».

Во всемъ этомъ приступѣ Антоній не переставалъ оправдывать Брута; онъ осыпалъ его самыми лестными похвалами, но самая рѣчь его была горькой сатирою на похвалу, вынужденную обстоятельствами. Между-тѣмъ слово его не осталось безъ дѣйствія. Если Цезарь отказался отъ царской короны, то онъ не былъ тираномъ, а не бывши тираномъ, онъ понесъ несправедливую казнь. Въ эту минуту, когда совершается внутренній переломъ въ народныхъ умахъ, Антоній видитъ необходимость подѣйствовать на нихъ впечатлѣніемъ внезапнымъ. «Я не стану продолжать своей рѣчи», говоритъ онъ послѣ минутнаго молчанія; «но вотъ краснорѣчивый свидѣтель любви Цезаря къ Римскому народу: это его завѣщаніе; оно будетъ говорить за меня. О! еслибы вы знали его содержаніе, то и желѣзное сердце смягчилось-бы, и камни источили-бы слезы. Затѣмъ слѣдуетъ новая пауза. Въ высшей степени напряженное любопытство народа, подстрекаемое молчаніемъ оратора, въ нетерпѣливомъ порывѣ разразилось наконецъ проклятіями надъ головами убійцъ. Такимъ-образомъ Антоній достигъ

своей цѣли одними только словами, не принимая еще никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ, не обнародовавъ даже завѣщанія Цезарева. Онъ подходитъ къ усопшему, поднимаетъ его кровавую ризу, и кажетъ народу глубокія впадины, куда прошли мечи заговорщиковъ, и слѣды, проложенные вытекавшею кровію. Это зрѣлище исторгаетъ у каждаго невольныя слезы. «Вы видѣли только его окровавленную тогу», продолжаетъ Антоній съ возрастающимъ жаромъ; «что скажете вы, когда я открою вамъ самое тѣло, обезображенное мечами убійцъ»?

При видѣ истерзанныхъ членовъ диктатора, дикіе крики отчаянія срываются у всѣхъ съ языка, такъ-что хитрому Антонію остается только умѣрять порывы негодованія. Онъ даже принимаетъ на себя ролю защитника, оправдывая дѣйствія заговорщиковъ личною ненавистію, и этими словами только подливаетъ масла къ горящему пламени. Потомъ онъ искусно выгораживаетъ себя изъ участія въ народномъ движеніи. «Я не имѣю того дара слова», говоритъ онъ, «какимъ Брутъ увлекаетъ сердца; я не прибѣгаю къ обольщенію сердца и разума, а говорю только сущую правду, показываю вамъ глубокія язвы любимаго друга, какъ отверстыя очи, вопіющія къ небу о мести»!

Наконецъ онъ прочитываетъ завѣщаніе, въ которомъ убитый диктаторъ отдавалъ народу большую часть имѣнія своего въ вѣчное потомственное владѣніе, и заключаетъ словами: «у насъ былъ одинъ Цезарь; когда-то будетъ другой»?

Воспламененные этимъ послѣднимъ открытіемъ, плебеи взваливаютъ на плеча драгоцѣнную ношу, чтобы возложить ее на костеръ и горящими головнями зажечь домы убійцъ. Они встрѣчаютъ на дорогѣ какаго-то гражданина Гельвія Цинну, который шелъ беззаботно по улицѣ, и обманутые именемъ его, одинаковымъ съ именемъ заговорщика, увлекаютъ его за собою.

Помѣщаемъ здѣсь рѣчи Брута и Антонія, составляющія 2-ю сцену III-го дѣйствія, вполнѣ, изъ неизданнаго перевода И. И. Давыдова:

Брутъ.

Выслушайте меня терпѣливо до конца.

Римляне, сограждане и друзья! выслушайте меня о моемъ дѣлѣ, оставайтесь въ покоѣ, чтобы можно было слушать; повѣрьте чести моей, и почтите мою честь, чтобъ можно было повѣрить; судите меня по вашей мудрости, и напрягите ваши чувства, чтобъ можно было лучше судить. Если есть кто-либо въ этомъ собраніи другъ Цезаря, тому я говорю, что любовь Брута къ Цезарю была не менѣе его любви. Если этотъ другъ спроситъ меня, для чего Брутъ возсталъ противъ Цезаря, то вотъ мой отвѣтъ: не потому, что я менѣе любилъ Цезаря, а потому, что любилъ болѣе Римъ. Лучше-ли-бы вы желали, чтобы Цезарь жилъ, а вы-бы всѣ умерли рабами, или чтобы Цезарь умеръ, а вы-бы всѣ жили свободными? За то, что Цезарь любилъ меня, я плачу о немъ; что онъ былъ счастливъ, я радуюсь за него; что онъ былъ храбръ, я уважаю его; но за-то, что онъ былъ властолюбивъ, я поразилъ его. И такъ слезы за его любовь, радость о его счастіи, уваженіе за его храбрость, и смерть за его властолюбіе. Кто здѣсь столько низокъ, кто-бы хотѣлъ быть рабомъ? Если есть кто-либо таковъ, пусть говоритъ: того я оскорбилъ. Кто здѣсь столько грубъ, кто-бы не желалъ быть Римляниномъ? Если есть кто-либо таковъ, пусть говоритъ: того я оскорбилъ. Кто здѣсь столько подлъ, кто-бы не любилъ своего отечества? Если есть кто-либо, пусть говоритъ: того я оскорбилъ. Я умолкаю, чтобъ слышать отвѣтъ.

Поэтому я никого не оскорбилъ. Я ничего не сдѣлалъ Цезарю кромѣ того, чтó вы-бы сдѣлали Бруту. Вопросъ о его смерти разрѣшается въ Капитоліи: его слава не уменьшена тамъ, гдѣ онъ былъ ея достоинъ; ни преувеличены и дѣла, за которыя онъ понесъ смерть.

Антоній.

Друзья, Римляне, сограждане! внемлите моимъ словамъ. Я пришелъ на погребеніе Цезаря, а не для прославленія его. Зло, совершаемое людьми, переживаетъ ихъ; добро часто бываетъ погребено съ ними. Такъ случилось съ Цезаремъ. Благородный Брутъ сказалъ вамъ, что Цезарь былъ властолюбивъ; если онъ дѣйствительно былъ таковъ, то за этотъ тяжкій про-



ступокъ Цезарь тяжко и отвѣтилъ. Здѣсь, съ позволенія Брута и другихъ (Брутъ достойный мужъ, таковы и всѣ, всѣ достойные мужи), намѣренъ я говорить при похоронахъ Цезаря. Онъ былъ мой другъ, вѣрный и справедливый ко мнѣ. Но Брутъ говоритъ, что онъ былъ властолюбивъ; а Брутъ достойный мужъ. Цезарь привелъ многихъ плѣнныхъ въ Римъ, за которыхъ выкупъ обогатилъ общественную сокровищницу. Это-ли въ немъ казалось властолюбіемъ? Когда бѣдные вопили къ нему, тогда Цезарь плакалъ: властолюбіе-же, кажется, не бываетъ мягкосердо. При всемъ томъ Брутъ говоритъ, что онъ былъ властолюбивъ, а Брутъ достойный мужъ. Вы всѣ видѣли, что на Луперкаліяхъ трижды предлагалъ я Цезарю царскую корону, которую онъ трижды отринулъ. Это-ли властолюбіе? Брутъ все-таки говоритъ, что онъ былъ властолюбивъ, а самъ Брутъ, безъ сомнѣнія, достойный мужъ. Я говорю не для того, чтобъ отрицать, что̀ сказалъ Брутъ; говорю только то, что̀ знаю. Вы всѣ любили его не безъ основанія; какое-жь основаніе заставляетъ васъ сожалѣть о немъ? Видно, разсудокъ перешелъ къ безсловеснымъ животнымъ, а люди потеряли его. Имѣйте терпѣніе! Мое сердце здѣсь въ гробницѣ съ Цезаремъ, и я долженъ безмолвствовать, пока оно ко мнѣ возвратится.

Еще вчера слово Цезаря могло-бы противостоять всему міру; теперь лежитъ онъ здѣсь, и самый ничтожный не преклоняется предъ нимъ. Граждане! еслибъ я хотѣлъ воспламенить сердца ваши и мысли къ возстанію и мщенію, то я поступилъ-бы несправедливо противъ Брута и Кассія, которые, всѣ вы знаете, мужи достойные. Я не хочу оказать имъ несправедливость; лучше обращу ее на покойнаго, на себя самого и васъ. Но вотъ пергаминъ съ печатью Цезаря; я нашелъ его у него — это послѣдняя его воля. Пусть выслушаетъ народъ это завѣщаніе: и вы будете лобызать Цезаревы раны; и вы омо̀чите одежды ваши въ его священной крови; будете просить хоть одного волоска его на память, и, умирая, упомяните о немъ въ завѣщаніи.

Если у васъ есть слезы, готовьтесь пролить ихъ теперь. Вы всѣ знаете эту мантію; я еще помню то время, когда впервые Цезарь надѣлъ ее: это было въ одинъ лѣтній вечеръ, въ его палаткѣ; въ этотъ день онъ побѣдилъ Нервіевъ. Смотрите! въ этомъ мѣстѣ Кассіевъ кинжалъ прошелъ насквозь; видите, какую язву нанесъ завистливый Каска; здѣсь поразилъ его любимецъ — Брутъ; и когда онъ вынималъ проклятую сталь, замѣтьте, какъ кровь Цезарева текла за него, какъ будто для того, чтобъ узнать дѣй-

ствительно-ли Брутъ нанесъ ударъ Цезарю. Вѣдь Брутъ, вы знаете, былъ другомъ Цезаря; какъ нѣжно любилъ его Цезарь! Эта язва была изъ всѣхъ ужаснѣйшая. Какъ благородный Цезарь увидѣлъ Брута, неблагодарность поразила его сильнѣе оружій заговорщиковъ; тогда замерло его могучее сердце, и онъ, закрывъ лице мантіею, упалъ прямо къ подножію статуи Помпея, облитой кровью. И какое паденіе это было, сограждане! Тогда и я, и вы, и всѣ мы пали, и злорадно взирала на насъ кровавая измѣна. Вы плачете; я замѣчаю, вы сочувствуете этому и сожалѣете о Цезарѣ: вотъ умилительныя слезы! Добрыя сердца! Какъ не плакать, когда вы видите изъязвленное одѣяніе нашего Цезаря? Смотрите, вотъ онъ самъ, изуродованный измѣнниками!

Любезные друзья! Я не хочу возбуждать васъ къ возстанію. Тѣ, которые это дѣло совершили, мужи почтенные: а какъ личная злоба заставила ихъ сдѣлать это, этого я не знаю; они мужи умные и достойные, и будутъ, конечно, разумно вамъ отвѣчать. Я не съ тѣмъ пришелъ сюда, друзья, чтобъ истерзать ваши сердца: я не витія, подобно Бруту; но какъ вы всѣ знаете, человѣкъ грубый, любящій своихъ друзей; это знаютъ и тѣ, которые допустили меня здѣсь говорить. Я не имѣю ни красоты рѣчи, ни силы слова, чтобъ возбуждать другихъ; я только говорю правду, и сказалъ вамъ то, что вы сами знали. Я указалъ вамъ на язвы великаго Цезаря, на бѣдныя, бѣдныя нѣмыя уста. Но будь я Брутъ, а Брутъ — Антоній, я потрясъ-бы сердца ваши, каждую язву Цезаря заставилъ-бы говорить, и даже самые камни Рима возбудилъ-бы къ возстанію и мятежу.

Послѣднія два дѣйствія, въ которыхъ Цезарь уже не выходитъ на сцену, суть необходимое дополненіе къ предыдущимъ; объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ; но въ нихъ дѣйствіе движется гораздо быстрѣе, приближаясь стремительно къ катастрофѣ. Мы изложимъ ихъ содержаніе гораздо короче, исключая нѣкоторыя сцены, особенно привлекающія наше вниманіе.

Четвертое дѣйствіе открывается совѣщаніемъ тріумвировъ Антонія, Октавіана и Лепида (на островѣ рѣки Лавинія, невдали отъ Муниты), на которомъ они раздѣляютъ между собою управленіе провинціями и назначаютъ проскрипціи.

Далѣе сцена мѣняется; мы видимъ палатку въ лагерѣ Брута около Сардъ. Въ войскѣ республиканцевъ обнаружились уже первые признаки распаденія; главные начальники начали ссориться. Для рѣшенія спора, Кассій назначилъ Бруту свиданіе въ его собственномъ станѣ. Ихъ замѣчательный разговоръ и наконецъ примиреніе составляютъ содержаніе лучшей сцены четвертаго дѣйствія. Справедливость, въ этомъ случаѣ, на сторонѣ Брута: онъ безстрашно порицаетъ корыстолюбіе Кассія, который съ своей стороны напрасно старается поколебать его страхомъ; Брутъ презираетъ его мелочныя угрозы. Кассій принужденъ наконецъ уступить побѣду характеру Брута. Онъ совершилъ великое дѣло уже и тѣмъ, что умѣлъ удержаться въ порывѣ досады и одержалъ побѣду надъ своими страстями. Какъ недостойна была распря друзей, такъ напротивъ трогательно примиреніе. Въ немъ вполнѣ обнаружилась сила любви, отъ колыбели до гроба соединявшей Брута и Кассія. Мы вмѣстѣ съ Кассіемъ еще болѣе удивляемся великодушію Брута, когда слышимъ изъ устъ его печальную вѣсть о кончинѣ жены его Порціи. Брутъ выдержалъ испытаніе съ необыкновенною твердостію духа, вынесенной имъ изъ основныхъ началъ стоической философіи. Онъ до того умѣлъ скрыть свою горесть, что на военномъ совѣтѣ, послѣдовавшемъ за свиданіемъ обоихъ друзей, Мессала, одинъ изъ вождей республиканскаго войска, въ числѣ извѣстій, пришедшихъ изъ Рима, объявляетъ ему за новость кончину супруги. Это грустное воспоминаніе растравляетъ едва закрывшуюся рану сердца его; но онъ въ самой мысли о смерти, какъ общей участи всего человѣчества, находитъ утѣшеніе, столь нужное въ эту минуту. На военномъ совѣтѣ положено идти на Филиппы, и тамъ ожидать непріятеля. Наступившая ночь полагаетъ конецъ совѣщанію и разлучаетъ друзей.

Какое-то темное предчувствіе говорило Бруту, что въ эту самую ночь должно совершиться съ нимъ что-то необычайное. Онъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ страхъ; боясь

одиночества, онъ окружалъ себя вѣрными отроками; но, не отдавая самому себѣ отчета въ этомъ чувствѣ, и не желая признаться въ слабости, для него непонятной, онъ удержалъ у себя Люція, Варрона и Клавдія подъ предлогомъ посылокъ. Напрасно старался онъ заснуть подъ нѣжные звуки арфы своего отрока Люція; вѣрный служитель долѣе всѣхъ оборонялся отъ дѣйствія сна; но наконецъ природа осилила, и арфа выпала изъ рукъ утомленнаго юноши. Измученный безсонницею, Брутъ садится за книгу и читаетъ при свѣтѣ лампады. Въ глубокую полночь, когда все спало около Брута, и природа погружена была въ мертвенную тишину, внезапно потускнѣла лампада. Брутъ невольно поднялъ глаза свои, и въ человѣческомъ видѣ предстала передъ нимъ тѣнь Юлія Цезаря, въ той самой окровавленной мантіи, въ которой Брутъ нанесъ ему послѣдній ударъ. Когда онъ опомнился отъ изумленія, привидѣніе уже исчезло. Пробужденные отроки на всѣ вопросы его отвѣчали удивленными взорами, и онъ самъ-бы готовъ былъ принять видѣніе свое за грёзы разгоряченнаго воображенія, еслибы не страшно звучали въ ушахъ его послѣднія слова привидѣнія: «Ты еще разъ увидишь меня на поляхъ Филиппинскихъ».

Пятое дѣйствіе происходитъ на поляхъ Филиппъ, гдѣ армія тріумвировъ сражалась въ послѣдній разъ съ арміею республиканцевъ. Оба войска стоятъ одно противъ другаго, ожидая только сигнала къ начатію битвы. До начала сраженія вожди сходятся съ обѣихъ сторонъ, и, вмѣсто переговоровъ, теряютъ время въ пустыхъ угрозахъ, гдѣ начинаетъ рисоваться передъ нами личность молодаго Октавія, и гдѣ Брутъ играетъ опять самую блестящую роль, — роль посредника и примирителя. За этою сходкою полководцевъ слѣдуетъ чудная сцена: послѣднее свиданіе Брута и Кассія. Мрачное предчувствіе говоритъ Кассію, что онъ не переживетъ этого роковаго дня; орлы, сопровождавшіе доселѣ его побѣдоносное шествіе, еще разъ привѣтствовали знамена республиканскія и гордымъ полетомъ

взвились подъ облака. На мѣсто ихъ явилась стая черныхъ вороновъ, предвѣстниковъ кровопролитія. Они темнымъ покровомъ осѣнили республиканское войско, какъ издыхающій трупъ. Въ мысли о вѣчности, ихъ ожидающей, прощаются послѣдніе Римляне, и даютъ взаимную клятву не переживать своего пораженія, не украшать собою тріумфальнаго шествія побѣдителей. Послѣдній, горячій поцѣлуй, въ которомъ вылилась вся ихъ душа, запечатлѣлъ эту клятву на устахъ Брута и Кассія. Слѣдуетъ описаніе битвы. Оставленный воинами, которые повергли знамена и предались бѣгству, Кассій съ горстію товарищей удаляется на пустынное мѣсто, и посылаетъ оттуда Титинія наблюдать за ходомъ сраженія. Его привязывало къ жизни одно лишь спасеніе милыхъ; когда-же дошли до него ложные слухи о пораженіи Брута, и измѣнникъ Пиндаръ обманулъ его вѣстію о взятіи въ плѣнъ Титинія, онъ понялъ, что будетъ только лишнимъ бременемъ на свѣтѣ. День склонялся уже къ вечеру; равновѣсіе возстановилось въ сраженіи; легіоны республиканскіе, подъ начальствомъ Кассія, бѣжали на лѣвомъ крылѣ; за то Брутъ одержалъ побѣду на правомъ. Титиній спѣшитъ къ своему полководцу съ лавровымъ вѣнкомъ, посланнымъ ему Брутомъ въ знакъ побѣды. Заходящее солнце освѣтило трупъ Кассія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ оставленъ товарищами. Вѣрный Титиній исполнилъ порученіе Брута, увѣнчалъ лаврами блѣдное чело своего полководца, и самъ легъ мертвый съ возлюбленнымъ трупомъ. Брутъ выдержалъ всѣ эти испытанія съ достоинствомъ великаго стоика. Онъ простился съ двумя благородными Римлянами, опередившими его на пути къ вѣчности; но нисколько не удивился великодушному подвигу Титинія, который, бывъ вѣрнымъ спутникомъ Кассія въ жизни, не хотѣлъ разставаться съ нимъ и по смерти. Послѣднее усиліе побѣдить непріятеля осталось тщетнымъ. Тѣнь Юлія Цезаря въ другой разъ явилась ему въ своемъ грозномъ величіи; насталъ его послѣдній часъ; усталые члены его требуютъ успокоенія, а душа стремится въ небесную

отчизну. Онъ проситъ друзей своихъ, чтобы они сослужили ему послѣднюю службу; но никто не хочетъ быть хотя невольнымъ орудіемъ смерти его; у кого не дрогнетъ рука подняться на Брута? Между-тѣмъ вблизи уже слышатся побѣдные клики; Брутъ посылаетъ друзей своихъ искать спасенія въ бѣгствѣ, и, оставшись одинъ, бросается на собственный мечъ.

Этой послѣдней катастрофой могла-бы кончиться драма Шекспира. Но тогда-бы она не удовлетворяла потребностямъ нашего духа, а исполнила-бы насъ какимъ-то мрачнымъ чувствомъ. Самоубійство послѣдняго Римлянина явилось-бы тогда не слѣдствіемъ неизъяснимой воли Провидѣнія, а дѣйствіемъ своенравной судьбы. Мы, конечно, не можемъ не признать фактической истины, которая перевела побѣду отъ избранной личности въ недостойныя руки; но ничто не мѣшаетъ сочувствовать великодушному, хотя и несчастному Бруту. Шекспиръ сознавалъ потребность воздаянія герою драмы своей; и нравственное чувство мирится съ печальною необходимостію, когда изъ устъ Антонія, врага и виновника побѣды, слышитъ сознаніе превосходства и величія Брута—краткое, но прекрасное надгробное слово.

Изложивши подробно содержаніе Юлія Цезаря, мы перейдемъ къ разбору его относительно матеріала.

(Продолженіе впредь).

О КОСТЯХЪ

ЗАПЯСТЬЯ МЛЕКОПИТАЮЩИХЪ.

Кости запястья и сходныя съ ними кости заплюсенья заслуживаютъ вниманіе во многихъ отношеніяхъ. До-сихъ-поръ онѣ мало изслѣдованы; даже одноименныя кости (ossa homologa) опредѣлены только у млекопитающихъ, и то за исключеніемъ китообразныхъ; въ остальныхъ классахъ позвоночныхъ анатомы почти вездѣ указываютъ только число этихъ костей, но не называютъ ихъ соотвѣтственными именами. Это показываетъ трудность ихъ опредѣленія: такая трудность тѣмъ болѣе замѣчательна, что другія кости конечностей вообще опредѣляются легко, и тѣмъ представляютъ одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ единства того плана, по которому устроены позвоночныя. Между-тѣмъ точное опредѣленіе костей запястья и заплюсенья необходимо для рѣшенія вопроса, какіе пальцы исчезаютъ и какіе остаются у животныхъ, у которыхъ ихъ меньше пяти. Именно—малоподвижное сочлененіе этихъ костей съ костями пясти и плюсны представляетъ замѣчательное постоянство, такъ-что когда опредѣлена напр. какая-нибудь кость запястья нижняго ряда, то по ней сейчасъ-же опредѣляется и сочлененная съ нею кость пясти, а слѣдовательно и можно назвать палецъ. Только слѣдуя такому пути, можно убѣдиться съ совершенною очевидностію напр. въ томъ, что у двукопытныхъ остающіеся два пальца суть средній и безъименный, и что у однокопытныхъ остается только

одинъ палецъ, и именно средній. Примѣръ этотъ относится къ животнымъ. самымъ обыкновеннымъ и болѣе другихъ извѣстнымъ въ анатомическомъ отношеніи; не смотря на то, по неясности или совершенному отсутствію доказательствъ, это опредѣленіе пальцевъ до-сихъ-поръ не считается несомнѣннымъ и не принимается всѣми безъ исключенія. Такъ Гувенъ въ послѣднемъ выпускѣ своей *Зоологіи* (1) говоритъ, что у млекопитающихъ послѣ мизинца исчезаетъ четвертый палецъ и что два пальца двукопытныхъ суть второй и средній. Простой взглядъ на запястье не допустилъ-бы подобной ошибки или обмолвки. Извѣстно также, что Добантонъ невѣрно сравнилъ запястье и пясть лошади съ соотвѣтствующими частями человѣка (2); его ошибка произошла именно отъ неточнаго опредѣленія запястья, но впрочемъ весьма естественна, потому-что онъ не обратилъ вниманія на переходныя формы. Гораздо страннѣе то, какимъ образомъ, послѣ изслѣдованій Кювье и Меккеля, Чарльсъ Белль и за нимъ Грантъ могли принять предположеніе, что кость пясти у лошади состоитъ изъ сращенія двухъ костей (3). Что-же касается до Жоли и Лавока, которые держатся того-же мнѣнія (4), то всѣ ихъ доказательства, очевидно, рушатся, какъ-скоро обратимъ вниманіе на отношеніе кости пясти къ запястью.

Такимъ-образомъ изученіе костей запястья и заплюснья получаетъ особенную важность, служа для рѣшенія вопроса о пальцахъ. Кромѣ-того, оно важно еще въ другомъ отношеніи, именно для теоріи конечностей, появившейся въ послѣдніе годы.

---

(1) Handbuch der Zoologie von *Van der Hoeven.* 1856, II B. 586.

(2) Онъ думалъ, что кость пясти у лошади состоитъ изъ сращенія трехъ костей. Hist. nat. générale et particuliere. Ed. in-12 de l'imprim. Royale, t. VII, p. 506.

(3) Ихъ мнѣнія приводитъ Оуэнъ. См. On the nature of limbs, 1848, p. 32.

(4) Etudes d'anatomie philosophique sur la main et le pied de l'homme et sur les extrémités des mammifères, par *N. Joly* et *A. Lavocat.* Toulouse, 1853, p. 43.



Начало этой теоріи положилъ Оуэнъ, который съ такою любовію и проницательностію открываетъ аналогіи во всѣхъ направленіяхъ. Въ своемъ сочиненіи *о значеніи членовъ* онъ между-прочимъ старается доказать, что типическое число костей запястья и заплюсневья—десять, т. е. по пяти въ каждомъ ряду, соотвѣтственно пальцамъ (5). Три года спустя, Тулузскіе академики Жоли и Лавока представили въ Парижскую академію одинъ за другимъ три мемуара (6), въ которыхъ утверждаютъ, что всѣ млекопитающія имѣютъ пять пальцевъ или вполнѣ развитыхъ, или только въ зачаткѣ. Не зная ничего о сочиненіи Оуэна, они съ своей стороны дѣлаютъ то-же общее предположеніе относительно костей запястья и заплюсневья и дѣлаютъ множество частныхъ предположеній, съ-тѣмъ-чтобы найти нормальное число костей во всѣхъ отрядахъ млекопитающихъ. Такъ-какъ эти ученые причисляютъ къ каждому пальцу и соотвѣтствующія ему кости въ запястьѣ и заплюснѣ, то и выходитъ, что у всѣхъ млекопитающихъ есть 5 пальцевъ по-крайней-мѣрѣ въ зачаткѣ (7).

Вслѣдъ за тѣмъ Жерве написалъ мемуаръ — *о сравненіи конечностей у позвоночныхъ животныхъ* (8). Онъ идетъ здѣсь еще далѣе, чѣмъ предыдущіе натуралисты,—именно старается доказать мысль Дюже (9), что конечности позвоночныхъ со-

---

(5) On the nature of limbs, p. 27.

(6) Etudes d'anatomie philosoph. etc., есть особое и исправленное изданіе перваго мемуара. За нимъ слѣдовали:

Etudes paleontol. tendant à raméner au type pentadactyle les extrémités des mammifères fossiles. Compt. rend. 1853, t. 37.

Etudes anat. et terat. sur une mule fissepide aux pieds anterieurs, ib. p. 430.

(7) Изъ этого вывода уже ясно, какъ ошибочно они судятъ о запястьѣ. Они допускаютъ, что всѣ кости пальца и кость пясти могутъ исчезнуть, — но полагаютъ въ то-же время, что соотвѣтственныя двѣ кости въ запястьѣ непремѣнно есть у всѣхъ млекопитающихъ. Спрашивается, почему-же такъ? Возможно-ли найти хотя какое-нибудь основаніе, чтобы принять a priori такое постоянство?

(8) Mémoire sur la comparaison des membres chez les animaux vertebrés. Ann. des sc. nat. t. 20, 1853.

(9) Mémoire sur la conformité organique. 1833, p. 44.



стоятъ изъ пяти *лучей*, срастающихся при основаніи ихъ и постепенно раздѣляющихся къ свободному ихъ концу. Дюже основываетъ свое мнѣніе на томъ, что конечности позвоночныхъ суть прибавки позвонковъ, подобно тому, какъ ноги членистыхъ суть прибавки колецъ тѣла, и что каждая конечность состоитъ изъ пяти такихъ прибавокъ, потому-что получаетъ пять нервныхъ пучковъ. Кромѣ этого общаго соображенія, Дюже ничѣмъ не подтверждаетъ своего взгляда, и потому Жерве принялъ на себя оправдать его мысль остеологически. Не смотря на многія предположенія, онъ не находитъ однакожь всѣхъ пяти лучей въ каждомъ отдѣленіи членовъ, но довольствуется пока неполнымъ ихъ числомъ, напр. старается доказать, что плечо и бедро состоятъ изъ сращенія трехъ продольныхъ костей, и т. п.

Какъ ни поразительна на первый разъ смѣлость этой теоріи, нельзя отвергать ее только на основаніи слабости ея доказательствъ. Со-временемъ доказательства могутъ возрасти въ числѣ и силѣ, и слѣд. можно допустить, что мысль Дюже когда-нибудь будетъ также признана всѣми, какъ признано нынѣ знаменитое предположеніе Петра Франка о составѣ черепа изъ позвонковъ. Вообще всякое предположеніе имѣетъ право на существованіе въ наукѣ, пока оно не противорѣчитъ положеніямъ, ясно доказаннымъ. А его всегда можно будетъ согласить съ фактами, пока наука не успѣетъ утвердить прочно какой-нибудь другой теоріи, пока не найдетъ истиннаго типа тѣхъ-же частей.

Въ настоящемъ случаѣ ясно, что главный узелъ задачи представляютъ кости запястья и заплюсенья. Очевидно, вся теорія рушится, если можно доказать, что типическое число этихъ костей не есть пять. Тогда уже излишне будетъ доказывать, что и въ верхнихъ отдѣленіяхъ членовъ нельзя найти пяти лучей. Точно также вся теорія рушится, если докажемъ, что эти кости не однородны съ другими костями членовъ, или что онѣ не однородны даже между собою (не суть гомотипическія одна другой, по терминологіи Оуэна).

Такимъ-образомъ, если на основаніи предыдущаго мы сдѣлаемъ обзоръ всѣхъ морфологическихъ вопросовъ, относящихся къ костямъ запястья, то получимъ слѣдующія задачи:

1) Найти одноименныя имъ кости у всѣхъ позвоночныхъ. (Видовая гомологія Оуэна).

2) Подвести всѣ формы этихъ костей подъ общіе и частные типы. (Сравнительная анатомія).

3) Опредѣлить, въ какихъ постоянныхъ или перемѣнныхъ отношеніяхъ находятся онѣ къ другимъ костямъ членовъ. (Зоотомія).

4) Найти, какимъ костямъ онѣ соотвѣтствуютъ въ заплюснѣ. (Рядовая гомологія) (10).

5) Рѣшить, однородны-ли онѣ между собою.

6) Рѣшить, однородны-ли онѣ съ другими костями членовъ. (Общая гомологія).

Всѣ эти вопросы не должно разсматривать, какъ предположенія, но должно искать ихъ всесторонняго рѣшенія. Еслибы напр. оказалось, что эти кости не однородны между собою, то должно опредѣлить, всѣ-ли онѣ разнородны, или есть между ними нѣкоторыя однородныя, и какія именно.

Очевидно, что слѣдствіемъ рѣшеній этихъ вопросовъ будетъ точное опредѣленіе типа разсматриваемыхъ костей и значенія ихъ въ типѣ всего члена.

Въ предлежащемъ разсужденія я не берусь рѣшить столь многосложную и трудную задачу. Какъ частную работу, которая можетъ способствовать къ рѣшенію общаго вопроса, я предлагаю здѣсь изслѣдованіе костей запястья млекопитающихъ животныхъ. Въ предыдущемъ я старался выставить на видъ всѣ тѣ отношенія, въ которыхъ можно разсматривать избранный предметъ, и старался слѣдовательно опредѣлить напередъ тѣ стороны, на которыя должно обращать вниманіе.

---

(10) Вопросъ этотъ, поднятый Викдазиромъ, кажется, нынѣ рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно.



О КОСТЯХЪ ЗАПЯСТЬЯ МЛЕКОПИТАЮЩИХЪ.

Кости запястья составляютъ особенное, ясно отличающееся отдѣленіе переднихъ членовъ (11). Онѣ представляютъ короткія кости, расположенныя между длинными костями предплечія и кисти. Запястье причисляется къ кисти, потому-что его сочлененіе съ костями пясти весьма мало подвижно, тогда-какъ сочлененіе съ предплечіемъ (articulatio carpi) очень свободно. То-же основаніе можно принять для раздѣленія запястья на два ряда, потому-что кости каждаго ряда плотно стянуты связками, тогда-какъ сочлененіе между рядами болѣе свободно (12). Отсюда видно, что запястье сохраняетъ полную аналогію съ остальнымъ членомъ, ясно распадающимся на поперечные отдѣлы сходныхъ костей.

Кромѣ-того, въ запястьѣ человѣка есть одна кость, неучаствующая ни въ запястномъ, ни въ междузапястномъ сочлененіи (13), именно гороховидная кость. Уже Альбинъ по этой причинѣ отдѣлялъ ее отъ настоящихъ костей запястья (ad carpum re vera non pertinet) (14). У другихъ млекопитающихъ, кромѣ гороховидной, встрѣчаются другія кости такого-же рода. Онѣ не участвуютъ въ соединеніи предплечія съ пястью, потому-что при маломъ развитіи прикрѣпляются отдѣльно на какой-нибудь кости, обыкновенно-же сидятъ на какомъ-нибудь изъ поперечныхъ сочлененій. Очевидно по этому, что онѣ не подходятъ подъ

(11) Страусъ Дюркгеймъ дѣлитъ кисть на пальцы и остальную часть, которую называетъ palmure (Anat. du Chat. T. I, p. 115). Это-же дѣленіе принимаетъ и Жерве (Ann. des Sc. Nat. 1853. XX, 34). Судя по формѣ костей, скорѣе можно соединить пясть и пальцы въ одно отдѣленіе; но и между этими частями есть постоянное различіе.

(12) Кажется, впрочемъ, анатомы при этомъ дѣленіи слѣдовали аналогіи съ остальными дѣленіями члена.

(13) Между-запястнымъ сочлененіемъ (art. intercarpea) предлагаетъ Гиртль назвать сочлененіе между обоими рядами костей запястья.—Lehrbuch der Anat. des Menschen. 3 Aufl. 269.

(14) De sceleto p. 401. Онъ также сравниваетъ ее съ колѣнной чашкой,—De oss. corp. hum. p. 265.



общій типъ запястья, не принадлежатъ ни къ тому, ни къ другому ряду и представляютъ прибавочныя кости запястья (osselets surnumeraires, P. Camp. os hors de rang, os exterieurs au carpe Cuv.).

По своему положенію на сочлененіи, по своей формѣ и непостоянству, эти кости обнаруживаютъ ясное сродство съ сесамоидальными костями. Соотвѣтственно направленію мускульныхъ тяжей, онѣ встрѣчаются только на поперечныхъ, но не на продольныхъ сочлененіяхъ. Поэтому Бленвиль справедливо причисляетъ ихъ къ сесамоидальнымъ или остеидамъ. Но онъ не включаетъ въ число ихъ гороховидной. Дѣйствительно, привычка относитъ ее къ первому ряду и значительное ея развитіе и постоянство возбуждаютъ въ этомъ случаѣ сомнѣніе; ясно однакожь, что, по своему неизмѣнному положенію на сочлененіи и по своему отношенію къ тяжамъ, гороховидная есть настоящая прибавочная кость и что величина и постоянство не могутъ служить здѣсь рѣшительными признаками.

На-самомъ-дѣлѣ у млекопитающихъ можно указать на другую прибавочную кость (чечевичную) (15), встрѣчающуюся почти такъ-же часто, какъ гороховидная и иногда не уступающую ей въ развитіи.

На этихъ основаніяхъ, согласно съ Альбиномъ, Земмерингомъ, Меккелемъ и другими анатомами, гороховидную кость не должно считать однородною съ собственными костями запястья.

И такъ вообще запястье состоитъ изъ костей двухъ родовъ:

а) однѣ составляютъ продолженіе длинныхъ костей и одну изъ существенныхъ частей переднихъ членовъ — *собственныя кости запястья* (ossa carpi propria);

б) другія являются только по своей связи съ сочлененіями и тяжами; слѣдовательно являются здѣсь точно такъ-же, какъ

(15) См. стр. 324.



могутъ явиться и на всѣхъ другихъ сочлененіяхъ. Поэтому онѣ представляютъ гораздо меньшее постоянство и не принадлежатъ къ существеннымъ частямъ запястья. Ихъ можно назвать *прибавочными костями запястья* (ossa carpi accessoria).

Это различіе костей запястья на два рода очень важно въ отношеніи къ ихъ рядовой и общей гомологіи. Очевидно, напримѣръ, что если гороховидная есть сухожильная кость, то норма пяти костей въ каждомъ ряду, предположенная Оуэномъ, не вѣрна, или по-крайней-мѣрѣ требуетъ новаго опредѣленія гомотипическихъ костей въ запястьѣ (16).

О СОБСТВЕННЫХЪ КОСТЯХЪ ЗАПЯСТЬЯ.

Какъ вообще, такъ и при рѣшеніи различныхъ вопросовъ объ этихъ костяхъ, нѣтъ нужды и даже недолжно слѣдовать заранѣе опредѣленному порядку.

На-самомъ-дѣлѣ, въ какомъ-бы порядкѣ мы ихъ ни рѣшали, необходимо прійдемъ къ одному и тому-же выводу. При томъ вопросы эти такъ тѣсно связаны между собою, что рѣшеніе одного тотчасъ-же рѣшаетъ другой; слѣдовательно здѣсь лучше всего начать съ того вопроса, который въ данномъ случаѣ легче рѣшается, а потомъ стараться рѣшить и остальные. Такимъ-образомъ будетъ соблюденъ наилучшій порядокъ, т. е. мы всегда будемъ идти отъ простаго къ сложному.

Главнѣйшія задачи, разсматриваемыя въ этомъ разсужденіи, суть слѣдующія:

(16) Очень странно въ этомъ отношеніи разсужденіе Жоли и Лавока (l. c. p. 12). Они говорятъ, что у крота и у многихъ грызуновъ встрѣчаются въ запястьѣ 10 костей и изъ этого заключаютъ, что число ихъ соотвѣтствуетъ числу пальцевъ. Они нисколько не принимаютъ въ соображеніе, что 10 костей крота не суть тѣ-же 10 костей, какъ у грызуновъ, и что кости того-же животнаго имѣютъ различное значеніе. Собственныхъ костей запястья, какъ увидимъ, 8; прибавочныхъ можно насчитать до десяти; слѣдовательно, смѣшавъ оба разряда костей, мы не найдемъ никакого соотвѣтствія съ числомъ пальцевъ.



1) Классификація запястьевъ млекопитающихъ.

2) Опредѣленіе одноименныхъ костей въ этихъ запястьяхъ.

3) Изученіе ихъ взаимнаго расположенія и соединенія съ другими костями членовъ.

Очевидно, что эти задачи весьма тѣсно связаны между собою. Чтобы опредѣлить различіе между костями двухъ животныхъ, нужно знать, какая кость какой соотвѣтствуетъ и нужно принять въ разсчетъ и различіе соединеній. Чтобы найти одноименныя кости, нужно обратить вниманіе и на сходство формы, и на сходство въ расположеніи. Наконецъ, разсматривая взаимное положеніе костей, нужно знать, которыя изъ нихъ одноименныя, и нужно опредѣлить различіе въ расположеніи у разныхъ типовъ.

Конечно, весьма справедливо указывалъ знаменитый Жоффруа Сентъ-Илеръ на взаимное положеніе, какъ на главную путеводную нить при опредѣленіи соотвѣтствующихъ частей: положеніе частей прямо бросается въ глаза и съ перваго-же взгляда даетъ общее опредѣленіе, вѣрное въ главныхъ частяхъ; но это начало положенія (principe des connexions) не есть единственное и вполнѣ достаточное для опредѣленія гомологовъ. Совершенно напрасно онъ утверждаетъ, что форма не можетъ руководить къ такому опредѣленію; можно прямо сказать, что только одно изученіе формы частей можетъ вполнѣ устранить ту шаткость, которая всегда остается въ опредѣленіи ихъ только по одному положенію.

И на-самомъ-дѣлѣ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ наблюдательнаго изученія предметовъ, должно отъ частнаго идти къ общему. Общія положенія должны быть если не найдены, то повѣрены этимъ путемъ. Слѣдовательно и здѣсь прежде всего нужно сравнивать частныя формы и соединять ихъ въ группы по ихъ сходству, частныя группы подводить подъ болѣе общія и т. д. Такъ-какъ чѣмъ общѣе группы, тѣмъ труднѣе ихъ сравнивать и опредѣлять ихъ сродство, то въ этихъ случаяхъ должно искать переходныхъ формъ, должно слѣдить за посте-

пенными измѣненіями одной формы, приближающими ее къ другой.

Очевидно теперь, что при всѣхъ этихъ сравненіяхъ очертаніе частей, ихъ наружный видъ не только имѣетъ большую важность, но даже есть единственный несомнѣнный признакъ гомологіи. Нижняя челюсть лошади и нижняя челюсть человѣка есть одна и та-же кость; если станемъ искать доказательства этого положенія, трудно найти что-нибудь убѣдительнѣе сходства ихъ формы.

Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе и число костей не рѣшаетъ вопроса, напримѣръ когда одной изъ нихъ не находимъ, или находимъ новую, чѣмъ разрѣшить сомнѣніе, какъ не сравненіемъ формъ? Наконецъ даже и при сохраненіи того-же числа и положенія, всегда есть возможность допустить, что одна кость исчезаетъ, а другая заступаетъ ея мѣсто; слѣдовательно также остается поводъ къ сомнѣнію.

И такъ изученіе формы костей и постепеннаго ея измѣненія есть единственный вполнѣ надежный руководитель къ открытію гомологіи. Я не говорю здѣсь объ исторіи развитія, потому-что полное примѣненіе ея къ такой обширной задачѣ было-бы для меня не возможно, и я долженъ былъ употреблять, кромѣ одного случая, только обыкновенное сравненіе уже развитыхъ формъ.

На основаніи предыдущаго, главный предметъ моего разсужденія будетъ изученіе различныхъ формъ запястья и подведеніе ихъ подъ общіе и частные типы.

Прежде всего между млекопитающими ясно можно отличить двѣ главныя формы запястья. Именно: плотоядныя китообразныя отличаются по запястью отъ всѣхъ другихъ млекопитающихъ; у нихъ, какъ извѣстно, кости запястья не представляютъ сочлененій (diarthrosis), а соединены между собою сухожильною тканью, или, лучше сказать, заключены въ этой ткани (syndesmosis). Вмѣстѣ съ тѣмъ и форма, и расположеніе костей представляютъ наибольшее уклоненіе отъ общаго типа.

Травоядные-же киты и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, ясно примыкаютъ къ обыкновеннымъ млекопитающимъ; у нихъ есть сочлененія между костями и форма костей прямо ведетъ къ ихъ опредѣленію.

И такъ мы получимъ два главные отдѣла:

1) Запястья съ сочлененіями и

2) Запястья безъ сочленій.

О запястьяхъ съ сочлененіями.

Очевидно, что къ этимъ формамъ принадлежатъ болѣе сложные типы разсматриваемыхъ костей.

Вообще млекопитающія замѣчательны самымъ полнымъ и разнообразнымъ развитіемъ членовъ, и Меккель указываетъ особенно на разнообразіе кисти (17). Поэтому здѣсь именно должно искать высшихъ формъ, къ которымъ стремятся кости запястья.

Точное дѣленіе формъ запястья должно, безъ сомнѣнія, опираться на изученіи всего передняго члена, оно должно быть въ соотношеніи съ дѣленіемъ формъ другихъ костей: поэтому вообще оно трудно. Идя восходящимъ путемъ, т. е. постепенно сближая сходныя формы, я нашелъ, что почти всѣ запястья этого отдѣла можно отнести къ тремъ группамъ:

А) Запястья съ преобладающимъ развитіемъ ладьевидной кости. Сюда относятся высшіе отряды.

В) Запястья съ преобладающимъ развитіемъ трегранной и крючковатой. Сюда относятся всѣ насѣкомоядныя, кромѣ крота и выхухоли, далѣе грызуны, жирякъ, слонъ и травоядные киты.

С) Запястья, въ которыхъ всѣ кости верхняго ряда развиваются одинаково. Сюда относятся копытныя животныя.

Ниже я укажу другіе признаки, различающіе эти группы; теперь-же замѣчу только, что въ первой группѣ замѣтно особое

(17) Syst. der. vergl. Anat. II, 2 Abth. 376.

развитіе лучевой кости, во второй равновѣсіе между лучевою и локтевою, и въ третьей лучевая опять получаетъ перевѣсъ.

Замѣчательно въ этомъ дѣленіи сближеніе такихъ отдѣловъ млекопитающихъ, которые въ зоологическихъ системахъ обыкновенно не стоятъ рядомъ. Сближеніе это совершенно согласно со многими другими чертами сходства, уже замѣченными знаменитыми учеными.

A) Запястья съ преобладающимъ развитіемъ ладьевидной кости.

Кромѣ особенной величины ладьевидной, эта группа преимущественно отличается формою междузапястнаго сочлененія; именно — сочлененіе это представляетъ сходство съ блокомъ (ginglymus). На поверхности сочлененія верхняго ряда костей находятся два углубленія, а на поверхности нижняго ряда—два возвышенія, раздѣленныя острымъ входящимъ угломъ. Уголъ приходится между меньшею многоугольною и головчатою. Оттого кости эти на тыльной сторонѣ обыкновенно приближаются къ виду треугольника.

Кромѣ-того, въ этой группѣ большая многоугольная постоянно занимаетъ мѣсто на равной высотѣ съ другими костями того-же ряда, тогда-какъ во второй группѣ она обыкновенно лежитъ ниже остальныхъ костей этого ряда.

Кажется, это имѣетъ связь съ развитіемъ большаго пальца, который въ первой группѣ наиболѣе уклоняется отъ типа остальныхъ пальцевъ, а во второй наиболѣе подчиняется этому типу.

1) Запястье *человѣка* есть, безъ сомнѣнія, самая сложная и слѣдовательно самая совершенная форма запястья. Какъ во всемъ остальномъ устройствѣ кисти человѣка, такъ и здѣсь, можно ясно видѣть высокое совершенство этого *органа органовъ*. Именно—ни у одного животнаго нельзя найти такого разнообразнаго сочетанія кривыхъ поверхностей, при наибольшей свободѣ сочлененій. Запястное сочлененіе представляетъ совершенно свобод-

ный суставъ (arthrodia). Поверхность, образуемая верхнимъ рядомъ костей, выпукла и продолговата снаружи внутрь. Наибольшая ширина ея съ тылу къ ладони приходится тамъ, гдѣ сочленяются ладьевидная и лунная кости. Поверхность междузапястнаго сочлененія состоитъ изъ двухъ кривыхъ поверхностей: наружной и внутренней. Наружная образуется костями крючковатою и головчатою, она очень выпукла, снаружи восходитъ постепенно и круто спускается около головки головчатой кости; наибольшая ея выпуклость соотвѣтствуетъ сочлененію ладьевидной и лунной. Другая, внутренняя поверхность образуется многоугольными костями; она слабо вогнута и постепенно восходитъ внутрь. Вогнутость этой поверхности составляетъ отличительный признакъ человѣческаго запястья и не встрѣчается нигдѣ въ этомъ отдѣлѣ. Въ верхнемъ ряду вогнутая поверхность, соотвѣтствующая выпуклой нижняго ряда, образуется всѣми тремя костями. Выпуклая-же находится внутри и съ тылу на ладьевидной кости, которая обхватываетъ головку головчатой кости свнутри и угломъ входитъ въ уголъ пересѣченія двухъ поверхностей нижняго ряда. Кромѣ того, человѣческое запястье отличается очень высокимъ положеніемъ большой многоугольной и сильно развитой сѣдлообразною поверхностью ея пястнаго сочлененія (18).

2) Главныя кости *обезьянъ*, наиболѣе близкихъ къ человѣку, сохраняютъ ту-же самую форму, хотя значительно отличаются тѣмъ, что вытянуты въ длину, соотвѣтственно удлиненію пясти и пальцевъ. Кромѣ-того, у обезьянъ есть кость, которой нѣтъ у человѣка. Кювье называетъ ее по ея положенію os intermediaire, Меккель—mittlere überzählige; поэтому я стану называть ее *промежуточною костью* (os intermedium).

Чему соотвѣтствуетъ она у человѣка? Мнѣнія объ этомъ

(18) По аналогіи съ *запястнымъ* и *междузапястнымъ* сочлененіемъ, я называю *пястнымъ* (art. metacarpi) сочлененіе костей запястья съ костями пясти. Собственно у каждой кости нижняго ряда есть свое особое пястное сочлененіе.



до-сихъ-поръ не установились. Она лежитъ между ладьевидной, меньшей многоугольной и головчатой, и разные ученые относятъ ее, какъ отдѣлившуюся часть, то къ одной, то къ другой изъ этихъ трехъ костей. Между-тѣмъ уже Петръ Камперъ, въ своемъ мемуарѣ объ орангъ-утанѣ (1779 года), вполнѣ рѣшилъ вопросъ. Вотъ его слова (19):

«Эта кость есть настоящая кость запястья (20), принадлежащая къ первому ряду и именно къ ладьевидной кости, съ которою она сочленена. Прикасающіяся поверхности обѣихъ костей одѣты хрящемъ, такъ-что онѣ могутъ замѣтно двигаться одна на другой; сверхъ-того, уголъ прибавочной кости входитъ между меньшею многоугольною и головчатою, отчего это движеніе становится гораздо удобнѣе» (21).

То-же мнѣніе выразилъ и Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ въ своей анатоміи полуобезьянъ. Онъ нашелъ промежуточную кость у молодаго Lemur catta. «Эта кость, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія впослѣдствіи срослась-бы съ ладьевидною» (22).

У высшихъ обезьянъ легко убѣдиться въ справедливости такого мнѣнія.

На самомъ дѣлѣ, всѣ другія кости сохраняютъ форму человѣческихъ, такъ-что нельзя предположить ихъ раздѣленія. Кости-же промежуточная и ладьевидная представляютъ вмѣстѣ массу, совершенно сходную съ ладьевидною костью человѣка, и промежуточная кость будетъ не что иное, какъ срѣзанный уголъ ладьевидной,—именно вся та часть, на которой находится выпуклая поверхность для сочлененія съ нижнимъ рядомъ костей. Поэтому промежуточная кость покрыта и съ тыльной стороны хрящемъ. Это мнѣніе о промежуточной кости, основанное на разсмотрѣніи формы, вполнѣ подтверждается фактами, какъ я укажу дальше (23).

(19) Oeuvres de P. Camper 1803 I, 142.

(20) Въ противоположность двумъ другимъ, прибавочнымъ.

(21) Т. е. промежуточная можетъ подаваться съ тылу къ ладони и обратно.

(22) Anatomie der Maki. 1804, t. I, p. 142.

(23) По мнѣнію Жоли и Лавока (Etudes d'Anat. philos. etc. p. 25), проме-

Промежуточная кость есть, кажется, у всѣхъ настоящихъ обезьянъ, кромѣ шимпанзе и гориллы. По-крайней-мѣрѣ Вроликъ говоритъ, что онъ первый нашелъ ее у орангъ-утана и тѣмъ показалъ, что шимпанзе болѣе близокъ къ человѣку въ устройствѣ кисти (24). Я также нашелъ ее у орангъ-утана въ скелетѣ академическаго музея (фиг. 1 и 2). Тѣмъ болѣе странно то, что до Вролика обыкновенно орангъ-утану приписывали то-же число костей, какъ и человѣку. Камперъ (25), Бленвиль (26), Оуэнъ (27) считали у орангъ-утана только 8 костей въ запястьѣ. Подозрѣвать всѣхъ ихъ въ неточности трудно. Кювье, впрочемъ, въ обоихъ изданіяхъ своихъ *Чтеній* приписываетъ промежуточную кость вообще всѣмъ обезьянамъ, но не указываетъ прямо на орангъ-утана. Такое противорѣчіе невольно заставляетъ предположить, что у орангъ-утана промежуточная часто сростается съ ладьевидною, и слѣдовательно запястье его принимаетъ въ этихъ случаяхъ большее сходство съ человѣческимъ.

Уже у орангъ-утана междузапястное сочлененіе отличается отъ человѣческаго тѣмъ, что внутренная часть его поверхности не вогнутая, а почти плоская. У другихъ обезьянъ она становится выпуклою, и такимъ-образомъ приближается къ формѣ запястья хищныхъ. При этомъ промежуточная кость больше и уголъ ея острѣе, тогда-какъ меньшая многоугольная и головчатая уменьшаются. Все это очевидно соотвѣтствуетъ постепенному приближенію большаго пальца къ другимъ и уменьшенію его способности противополагаться.

Кромѣ-того, тыльныя части промежуточной и ладьевидной кости спускаются все больше и больше книзу и скрываютъ

жуточная есть *ладьевидная*, а кость, которую обыкновенно называютъ ладьевидною у обезьянъ, есть пятая, еще *не названная* кость верхняго ряда. Онѣ называютъ ее pemptocarpien.

(24) Cyclop. of Anatom., t. IV, p. 203. 1848.

(25) Oeuvres. T. I, p. 142.

(26) Osteogr. Pithecus, p. 30.

(27) Transact. of the Zool. Soc. v. I.

головку головчатой кости, которая такъ открыта у человѣка. Это мѣшаетъ тылу кисти закидываться къ предплечію и приближаетъ обезьянъ къ устройству, необходимому для пальцеходящихъ.

Вообще у полуобезьянъ встрѣчаются, кажется, значительныя уклоненія отъ общаго типа четырерукихъ. Безъ-сомнѣнія, эти уклоненія привели Бленвиля къ мысли, что здѣсь постепенно исчезаютъ лунная и промежуточная, и что у хищныхъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго этимъ двумъ костямъ. Именно у Lemur catta онъ замѣчаетъ (28), что ладьевидная очень широка, занимаетъ только собою сочлененіе съ лучемъ, лунная-же напротивъ чрезвычайно мала — и промежуточная тоже не значительна. У Stenops (29) лунная также мала, какъ у Lemur. У Otolicnus и Tarsius (30) лунная еще меньше. У Lichanotus brevicaudatus (31) лунная уже не видна съ тылу и промежуточной нѣтъ. У Lich. laniger промежуточной тоже нѣтъ (32). Наконецъ о Galeopithecus Бленвиль говоритъ (33): «здѣсь, кажется, наконецъ и лунная и промежуточная совершенно исчезли» (ibid. p. 30).

Къ-сожалѣнію, я не видѣлъ скелета ни одной полуобезьяны, тогда-какъ для повѣрки этихъ наблюденій нужны многіе скелеты. Замѣчу однакожь, что мнѣніе Бленвиля очень мало вѣроятно, именно потому, что его заключеніе относительно хищныхъ опровергается прямыми наблюденіями.

Ясныя переходныя формы отъ типа обезьянъ къ типу хищныхъ можно видѣть у Paradoxurus, Meles.

3) Запястье *хищныхъ* представляетъ почти ту-же форму главныхъ сочлененій, но отличается числомъ костей, какъ отъ человѣческаго, такъ и отъ запястья обезьянъ.

(28) Osteographie, Lemur. p. 10.
(29) Ibid. p. 15.
(30) Ibid. p. 18.
(31) Ibid. p. 21.
(32) Ibid. p. 23.
(33) Между-тѣмъ, судя по изображенію, лунная хорошо видна съ тылу.

Въ верхнемъ ряду находятся только двѣ кости, такъ-что всѣхъ собственныхъ костей запястья шесть. Кость на лучевомъ краю, по примѣру Меккеля, я буду называть ладьевидно-лунною (os scapholunatum); другая есть трегранная. Ихъ сочлененіе приходится надъ крючковатою костью.

Междузапястное сочлененіе, какъ и у низшихъ обезьянъ, представляетъ двѣ выпуклыя поверхности, пересѣкающіяся на сочлененіи головчатой и меньшей многоугольной. Но выпуклость, образуемая крючковатою и головчатою, оттѣснена назадъ и съ тылу мало замѣтна, такъ-что тыльная поверхность головчатой кости почти четыреугольна и, какъ замѣчаетъ Кювье (34), почти всегда занимаетъ меньшее пространство, чѣмъ поверхности другихъ костей. Поэтому отростокъ ладьевидно-лунной кости, вдающійся въ уголъ поверхностей, не острый, а почти закругленный.

Если судить по взаимному расположенію и по формѣ, то изъ предыдущаго описанія ясно, что ладьевидная кость здѣсь есть сліяніе трехъ костей: ладьевидной, лунной и промежуточной. Къ такому мнѣнію склонялся уже Меккель. Онъ говоритъ (35):

«Можно принять, что промежуточная кость есть отдѣленная тыльная и наружная (36) часть ладьевидной кости, потому-что очень ясно, особенно напримѣръ у кошекъ, отростокъ совершенно такого-же вида, какъ промежуточная кость, входитъ между меньшею многоугольною и головчатою; тогда-какъ у животныхъ, у которыхъ есть промежуточная кость, этого отростка ладьевидной нѣтъ — и его мѣсто занимаетъ промежуточная кость».

Меккель однакожъ не принимаетъ вполнѣ этого мнѣнія и предлагаетъ другое, какъ вѣрнѣйшее. Объ этомъ мнѣніи, какъ

(34) Oss. Foss. VII. 118.

(35) Syst. der Vergl. Anat. II, 2. 391.

(36) Почти наружная у хищныхъ, гдѣ ладьевидная кость сильно развилась внутрь и ея отростокъ (внутренній у человѣка) какъ-бы завернулся наружу.

и о другихъ касательно промежуточной кости, я скажу послѣ, при описаніи запястья грызуновъ.

Уже Добантонъ принималъ, что у хищныхъ кость, прилегающая къ лучу, соотвѣтствуетъ двумъ костямъ другихъ животныхъ (37). Форма костей такъ ясно указываетъ на это сліяніе, что предположеніе Добантона было принято почти всѣми безъ исключенія; одинъ только Бленвиль, основываясь на запястьѣ полуобезьянъ, ладьевидно-лунную кость хищныхъ считаетъ просто за ладьевидную.

Еще болѣе, какъ увидимъ, возбуждаетъ сомнѣнія промежуточная кость въ запястьѣ грызуновъ.

Чтобы вполнѣ рѣшить вопросъ, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ хищнымъ, нужно было изслѣдовать развитіе ихъ запястья, чего до-сихъ-поръ не было сдѣлано.

Наблюденіе, которое я сдѣлалъ съ этою цѣлью, къ-счастію, даетъ прямое рѣшеніе.

Я изслѣдовалъ кости запястья въ зародышахъ кошки. Они находились въ періодѣ перваго окостенѣнія костей членовъ, такъ-что въ однихъ зародышахъ кости предплечья и пясти были еще хрящеватыми, а въ другихъ уже представляли окостенѣвшія мѣста.

Хрящеватое запястье, которое я изобразилъ на фиг. 4, много отличается отъ запястья взрослыхъ животныхъ.

Оно гораздо длиннѣе или выше, такъ-что ширина его менѣе, чѣмъ въ полтора раза превосходитъ высоту, тогда-какъ при совершенномъ развитіи высота составляетъ менѣе половины ширины. Кромѣ-того, запястное сочлененіе гораздо выпуклѣе. Впрочемъ, форма и расположеніе хрящей очевидно подобны формѣ и расположенію костей. Но, вмѣсто ладьевидно-лунной кости, здѣсь находятся три хряща, очевидно соотвѣтствующіе тремъ костямъ, изъ которыхъ она состоитъ, т. е. ладьевидной, лунной и промежуточной. Расположеніе хрящей этихъ ясно на-

(37) Decript. du Chien.



поминаетъ расположеніе костей у обезьянъ, но ихъ размѣры и взаимное отношеніе ихъ по величинѣ совершенно неожиданны и поразительны. Промежуточная кость здѣсь больше двухъ другихъ, даже больше всѣхъ остальныхъ костей запястья. Она опирается на три кости нижняго ряда: на обѣ многоугольныя и на головчатую (38). Такимъ-образомъ наружный ея конецъ (какъ промежуточный отростокъ) приходится подъ лунною костью, между нею и головчатою. Представимъ себѣ, что ладьевидная и промежуточная срослись, а лунная остается отдѣльною; тогда здѣсь, на внутреннемъ краю запястья, кости будутъ расположены не въ два, а въ три ряда. Вотъ, кажется, сильнѣйшее доказательство того, что ладьевидная запястья соотвѣтствуетъ ладьевидной заплюсны. Расположеніе костей у обезьянъ, на которое опирается Оуэнъ (39), далеко не такъ убѣдительно.

По всей вѣроятности, ладьевидная и лунная впослѣдствіи развиваются нѣсколько больше, чѣмъ промежуточная, потому-что ладьевидно-лунная кость принимаетъ нѣсколько другую форму.

И такъ мое наблюденіе несомнѣнно доказываетъ, что ладьевидно-лунная кость хищныхъ состоитъ изъ трехъ костей. У обезьянъ мы находимъ эти кости отдѣльными. У человѣка, какъ видно изъ предыдущаго сравненія, есть также сложная кость, именно ладьевидная, съ которою сливается промежуточная. Къ-сожалѣнію, нѣтъ никакихъ наблюденій касательно этого сліянія.

Въ частности о хищныхъ можно замѣтить, что выдра, медвѣдь отличаются ясно-замѣтнымъ ребромъ на ладьевидно-лунной кости,—ребромъ, входящимъ между выпуклостей крючковатой и головчатой.

---

(38) Обыкновенно промежуточная не сочленяется съ большею многоугольною.

(39) On the nature of limbs p. 26.



У кошекъ промежуточный отростокъ всего больше (40).

У собакъ онъ едва замѣтенъ, такъ-что ладьевидно-лунная кость почти сходна съ тою-же костью грызуновъ, или вомбата.

4) Запястье *рукокрылыхъ* въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ближе къ запястью высшихъ обезьянъ, чѣмъ запястье хищныхъ. Особенно замѣчательна головчатая кость, сохраняющая вполнѣ свою форму. Поверхность сочлененія, образуемая ею и крючковатой костью, почти такова-же, какъ у орангъ-утана или человѣка.

Нижній рядъ состоитъ изъ четырехъ костей и замѣчателенъ также малостію и высокимъ положеніемъ меньшей многоугольной, которой, по свидѣтельству Бленвиля (41), у рода Noctilio вовсе нѣтъ.

«Въ верхнемъ ряду, говоритъ Меккель (42), находятся двѣ кости. Внутренняя до тридцати разъ больше внѣшней, сверху слабо выпуклая, книзу и къ ладони съ двумя выступами и двумя углубленіями. Внутренній выступъ сходится съ внутреннею частью сочленяющейся поверхности первой кости пясти; въ углубленіе, которое слѣдуетъ за нимъ, входитъ верхняя часть большей многоугольной; второй выступъ сталкивается съ меньшею многоугольною (43), наружное, большее углубленіе принимаетъ головчатую и крючковатую кость».

«Снаружи примыкаетъ къ этой кости чрезвычайно маленькая кругловатая кость, которая сверхъ-того сочленяется съ самою наружною частью сочленяющейся поверхности луча, съ крючковатою костью и съ пятою костью пясти».

Изъ этого описанія и изъ прямого сравненія запястья рукокрылыхъ съ запястьемъ обезьянъ и хищныхъ ясно слѣдуетъ,

---

(40) Слѣдовательно промежуточная кость больше, чѣмъ у другихъ. Это отчасти объясняетъ ее величину въ зародышѣ.

(41) Osteogr. Cheiropteres, p. 26.

(42) System der Vergl. Anat. II, 2, 395.

(43) Нерѣдко онъ не просто сталкивается, а обхватываетъ ее и острымъ ребромъ спускается между меньшею многоугольною и головчатою.

что внутренняя кость есть сліяніе ладьевидной, лунной и промежуточной, а наружная есть трегранная.

Всѣ сочлененія согласны съ такимъ опредѣленіемъ костей; необыкновенно здѣсь только то, что кости запястья верхняго ряда сочленяются съ крайними костями пясти; но это объясняется особеннымъ развитіемъ пясти, которой кости не лежатъ параллельно, а раскинуты вѣеромъ около запястья. Такъ и у ластоногихъ пятая кость пясти сочленяется съ трегранною.

Большая разница въ величинѣ обѣихъ костей соотвѣтствуетъ необыкновенному развитію луча, который здѣсь одинъ образуетъ предплечіе и которому соотвѣтствуетъ огромная внутренняя кость.

Не смотря на то, Меккель говоритъ (44): «вѣроятно, три внутреннія кости (45) сращены въ одну и слѣдовательно наружная есть гороховидная».

Еслибы было такъ, то гороховидная представляла-бы здѣсь совершенно необыкновенныя для нея сочлененія: 1) съ лучемъ, 2) съ крючковатою костью и 3) съ костью пясти мизинца.

Впрочемъ, Меккель не приводитъ никакихъ основаній для своего мнѣнія. Вѣроятность его основывается, кажется, только на желаніи отыскать всѣ составныя части у каждаго животнаго.

Дальтонъ младшій (46), при описаніи запястья Phyllostoma, говоритъ, что, согласно съ Меккелемъ, онъ принимаетъ внутреннюю кость за сращеніе трехъ (47). «Ибо, прибавляетъ онъ, съ этой костью, т. е. съ ея поверхностью, обращенною къ пальцамъ, сочленяются четыре главныя кости нижняго ряда». Но этимъ

(44) Syst. der Vergl. Anat. II, 2, 396.

(45) Верхняго ряда человѣческаго запястья.

(46) Въ тетради, изданной имъ вмѣстѣ съ отцомъ, подъ заглавіемъ: «Die Skelete der Chiropteren und Insectivoren». Bonn. 1831, онъ обратилъ особенное вниманіе на запястье и помѣстилъ превосходныя по точности и подробности изображенія запястьевъ. Кромѣ того, въ D'Alton's u. Burmeister's Zeitung für Zoologie etc. онъ помѣстилъ въ 1848 г. «Beobachtungen über die verschiedenen Typen in der Hand-und-Fussknochen der Säugethiere». Къ-сожалѣнію, я не могъ достать этого сочиненія.

(47) Die Skelete der Chiropt. etc. 11.



нельзя ничего доказать, потому-что и ладьевидно-лунная кость хищныхъ, и даже вмѣстѣ взятыя ладьевидная и лунная кости у человѣка и четырерукихъ сочленяются со всѣми четырьмя костями нижняго ряда, а при этомъ существуетъ и трегранная, и гороховидная. Наконецъ самъ онъ замѣчаетъ, что кость, которую онъ называетъ гороховидною, не похожа на нее. Она, говоритъ онъ, особенно сзади далеко заходитъ за предыдущую, почти до ея средины, и потому менѣе подвижна, чѣмъ у другихъ животныхъ (48).

Хотя Бленвиль у хищныхъ лунную кость считаетъ исчезающею, но здѣсь, какъ и Меккель, принимаетъ большую кость за сращеніе ладьевидной, лунной (49) и, можетъ быть, даже трегранной. «И на-самомъ-дѣлѣ, прибавляетъ онъ, снаружи съ этой костью сочленяется гороховидная». Но почему онъ считаетъ вторую кость гороховидною — не извѣстно, и слѣдовательно доказательство его не имѣетъ никакой силы.

Переходы между всѣми предыдущими формами очень ясны, и потому ихъ можно соединять въ одно отдѣленіе. Общіе признаки его слѣдующіе:

Головчатая кость очень развита и постепенно приближается по величинѣ и по формѣ къ человѣческой.

Промежуточная кость или отдѣльна и лежитъ въ верхнемъ ряду, или сливается съ ладьевидной.

Междузапястное сочлененіе представляетъ двѣ округленныя выпуклости, такъ-что посрединѣ его — острое углубленіе.

5) Весьма рѣзкія особенности представляетъ запястье у *ластоногихъ*, хотя оно очевидно есть только видоизмѣненное запястье хищныхъ.

Число костей у нихъ то-же, что и у хищныхъ, но эти кости какъ-бы сплюснуты съ тылу къ ладони; почти всѣ сочлененія, кромѣ запястнаго, представляютъ прямыя линіи, что на-

(48) Ibid.
(49) Osteogr. Cheiropteres. 12.



поминаетъ запястье крота, и наконецъ — наружныя кости, какъ и вся кисть, оттянуты назадъ и наружу.

Верхній рядъ состоитъ изъ огромной ладьевидно-лунной и изъ пятиугольной трегранной, которая лежитъ очень высоко, такъ-что не снизу, а снаружи примыкаетъ къ лучу.

Между-запястное сочлененіе состоитъ изъ трехъ почти плоскихъ поверхностей, расположенныхъ зигзагомъ. Первая снутри образована многоугольными костями, а вторая—головчатою и крючковатою. Эти поверхности принимаютъ въ уголъ своего пересѣченія большой нижній уголъ ладьевидно-лунной кости; такимъ-образомъ крючковатая кость входитъ угломъ между ладьевидно-лунною и трегранною. На ней-то находится третья поверхность, спускающаяся книзу.

Значеніе большой кости верхняго ряда очень ясно; на молодомъ скелетѣ Otaria я видѣлъ ее еще раздѣленною на три кости (50). Уголъ, входящій между меньшею многоугольною и головчатою, былъ отдѣленъ и представлялъ промежуточную кость. Также ясно отдѣлялся уголъ между крючковатой и трегранной, т. е. кость лунная. Обѣ кости были четыреугольныя.

Такое раздѣленіе служитъ новымъ доказательствомъ сложности ладьевидно-лунной кости.

6) *Насѣкомоядныя* въ отношеніи къ запястью распадаются на двѣ группы, именно: кротъ и выхухоль образуютъ одну, а остальныя — другую группу.

Первая отчасти напоминаетъ ластоногихъ, такъ-же, какъ и по развитію большаго пальца, достигающаго здѣсь наибольшихъ размѣровъ между млекопитающими.

Остальныя насѣкомоядныя несравненно ближе къ грызунамъ, чѣмъ къ хищнымъ животнымъ.

У крота и выхухоли запястье очень малой высоты, какъ и у ластоногихъ, и междузапястное сочлененіе идетъ зигзагомъ.

---

(50) Кювье нашелъ слѣдъ дѣленія только на двѣ кости. Oss. Foss. VIII, 1, 435.



Кости ладьевидная, лунная и премежуточная отдѣлены. Кромѣ-того, замѣтенъ переходъ къ слѣдующей группѣ, именно: промежуточная здѣсь входитъ въ нижній рядъ (51), подобно тому, какъ и соотвѣтствующій уголъ ладьевидно-лунной у ластоногихъ входитъ между костей нижняго ряда до самыхъ костей пясти.

У крота вообще всѣ кости спереди разграничены совершенно прямыми линіями, и потому представляются въ видѣ треугольниковъ или пятиугольниковъ. У выхухоли онѣ нѣсколько закруглены и напоминаютъ запястье хищныхъ. Но вообще запястье выхухоли поразительно похоже на необыкновенное запястье крота, и потому, въ отношеніи къ кисти, Бленвиль невѣрно относитъ выхухоль къ группѣ землероекъ и другихъ сходныхъ съ нею насѣкомоядныхъ (52).

По свидѣтельству Бленвиля, роды Scalops и Condilura также представляютъ запястье сходное съ запястьемъ обыкновеннаго крота.

B) Запястья съ преобладающимъ развитіемъ трегранной и крючковатой.

Въ этой группѣ трегранная очень широка и соотвѣтствующая ей въ нижнемъ ряду крючковатая также больше, чѣмъ у предыдущихъ типовъ.

Кромѣ-того, нижній рядъ образуетъ только одну выпуклую кверху поверхность для междузапястнаго сочлененія. Но

---

(51) Меккель и причисляетъ ее къ этому ряду. Кювье, вѣроятно относя ее къ верхнему ряду, не точно выражается: «Dans la taupe chaque rangée est composée de cinq os, comme le dit M. Meckel». 2 ed. Leç. I, 426. Меккель говоритъ: «In der ersten Reihe liegen vier. Die vordere Reihe enthält sechs Knochen». Ibid. S. 394.

(52) Osteogr. der Mamm. Insect. p. 27. Desmans. «Les os de la main rappellent davantage la musaraigne (que la taupe)». О запястьѣ ничего не сказано и нигдѣ я не нашелъ объ немъ точныхъ указаній. Поэтому очень замѣчательно сходство его съ запястьемъ крота, которое казалось единственнымъ въ своемъ родѣ. Вообще г. Брандтъ справедливо говоритъ, что, только при поверхностномъ взглядѣ, можно считать выхухоль существенно сходною съ землеройкою въ отношеніи къ скелету. Wiegmann's Archiv. 1836. I. 180.



особенно замѣчательно въ этой группѣ положеніе промежуточной кости. Она находится вполнѣ въ нижнемъ ряду, ясно ограниченномъ дугою междузапястнаго сочлененія. И если ея не бываетъ, то, судя по формѣ костей, она должна сливаться съ одною изъ костей этого ряда. Наконецъ можно замѣтить, что головчатая и меньшая многоугольная очень малы, а большая многоугольная лежитъ очень низко.

1) Запястье *грызуновъ*, у которыхъ этотъ типъ выраженъ очень ясно, особенно у большихъ видовъ, напр. у бобра, дикобраза, представляетъ кромѣ-того обыкновенно сліяніе ладьевидной и лунной кости; такъ по-крайней-мѣрѣ должно судить по аналогіи. Промежуточная кость у однихъ есть, у другихъ-же ея нѣтъ.

Не точно однакожь выраженіе Кювье, который говоритъ (53): «Запястье грызуновъ вообще устроено частію по образцу хищныхъ, частію по образцу обезьянъ». Не точно уже потому, что, не смотря на отдѣльность или сліяніе промежуточной кости, грызуны несравненно болѣе сходны между собою, чѣмъ съ хищными, или обезьянами.

Въ частности грызуновъ можно раздѣлить на три нѣсколько разнящіяся группы:

а) Къ первой относятся роды Pedetes и Dipus. Они замѣчательны возвышеніемъ, которое образуется на поверхности междузапястнаго сочлененія крючковатою костью. Кость эта здѣсь сохраняетъ почти тотъ-же видъ, какъ у хищныхъ, и трегранная лежитъ на ней косвенно съ локтевой стороны. Промежуточная есть. Большая многоугольная поднята выше, чѣмъ у другихъ грызуновъ. Эта группа служитъ переходомъ къ хищнымъ; начиная съ крючковатой и трегранной кости, легко можно опредѣлить одноименность остальныхъ.

б) Вторая группа самая обширная (Sciurus, Arctomys, Mus, Spermophilus, Castor). Здѣсь междузапястное сочлененіе со-

(53) Oss. Foss. VIII, 1, 91.



вершенно ровное, выпуклое кверху. Соотвѣтственно почти одинаковой толщинѣ нижнихъ концовъ луча и локтя, ладьевидно-лунная и трегранная почти равной величины. Въ нижнемъ ряду трегранной соотвѣтствуетъ крючковатая, остальныя-же ладьевидно-лунной. Ихъ нихъ головчатая кость мала и заострена кверху, промежуточная всегда отдѣльна и велика.

в) Третья группа (Hydrochaerus, Hystrix, Dasyрocta, Cavia) отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что головчатая кость расширена кверху и постепенно принимаетъ видъ куба. При этомъ промежуточная кость можетъ быть велика (Cavia), или мала (Hydrochaerus), или слита (Hystrix, Dasyprocta).

Первыя двѣ группы суть ближайшія къ предыдущимъ типамъ. Очень ясно, что головчатая кость здѣсь точно та-же, какъ и у хищныхъ, только дошла до наименьшихъ размѣровъ. Точно такова она напримѣръ у ластоногихъ, чѣмъ уже былъ пораженъ Кювье (54). Между-тѣмъ эта малость была, вѣроятно, причиною, по которой многіе анатомы принимали промежуточную кость за отдѣлившуюся часть головчатой. Вообще у грызуновъ, у которыхъ нѣтъ промежуточной, никакъ нельзя принять, что она сливается съ ладьевидно-лунною. На-самомъ-дѣлѣ у такихъ грызуновъ ладьевидно-лунная имѣетъ точно такую-же форму и междузапястное сочлененіе представляетъ такую-же правильную дугу, выпуклую кверху, какъ и тогда, когда есть промежуточная.

Слѣдовательно, если принимать сліяніе, то для грызуновъ возможны только два предположенія, именно: промежуточная сливается или съ головчатою, или съ меньшею многоугольною (55). И то и другое предположеніе одинаково часто встрѣ-

(54) Oss. Foss. VIII, 1, 436. Phoques. L'os nommé le *grand* dans l'homme est presque reduit à rien.

(55) Чтобы показать всю сложность вопроса, замѣчу, что можно еще принимать *исчезаніе* и именно двоякое: исчезаетъ или самая промежуточная (такъ принимаетъ Бленвиль), или меньшая многоугольная, и промежуточная заступаетъ ея мѣсто. Третій случай, т. е. исчезаніе головчатой и замѣщеніе ея промежуточною, всего менѣе вѣроятенъ; именно—головчатая



чается у анатомовъ и они совершенно невѣрно отъ грызуновъ распространяютъ его и на четырерукихъ.

Самое вѣроятное изъ нихъ есть предположеніе сліянія съ меньшею многоугольною. Такъ по-крайней-мѣрѣ можно думать, судя по формѣ костей. Промежуточная лежитъ надъ меньшею многоугольною и какъ-бы занимаетъ ея мѣсто, когда та уменьшается. Кювье первый высказалъ это предположеніе. Въ первомъ изданіи своихъ *Чтеній* онъ сказалъ, что промежуточная у обезьянъ, кажется, происходитъ отъ раздѣленія меньшей многоугольной (56) и что въ этомъ отношеніи большая часть грызуновъ похожа на обезьянъ (57).

«Кювье не приводитъ (слова Меккеля) (58) никакихъ основаній этого взгляда, хотя можно-бы привести положеніе промежуточной кости въ нижнемъ ряду у агути, морской свинки и зайца».

«Но я съ бо̀льшимъ правомъ думаю принять, что промежуточная есть или только отдѣленная передняя и наружная часть ладьевидной (59), или по-крайней-мѣрѣ эта часть и только часть меньшей многоугольной».

«Всего правильнѣе, прибавляетъ онъ (60), вѣроятно, послѣдній взглядъ, потому что когда есть промежуточная, тогда меньшая многоугольная бываетъ менѣе обыкновенной».

Такое мнѣніе весьма замѣчательно; оно противорѣчитъ обыкновенному способу толкованія, и едва-ли можетъ быть

нигдѣ не исчезаетъ и сохраняетъ постоянно свое соединеніе съ среднимъ пальцемъ, но меньшая многоугольная иногда исчезаетъ. Я привелъ такой случай у Noctilio; по свидѣтельству Оуэна (Cycloped. of Anat. by Todd. III, 282), ея нѣтъ также у потору. Притомъ уже Меккель замѣчаетъ (ibid. 392), что меньшая многоугольная у грызуновъ очень мала. Промежуточная превосходитъ ее у Hydrochaerus; у Cavia промежуточная несравненно больше меньшей многоугольной.

(56) I Ed. Leç. I, 302.

(57) Ibid. 304.

(58) System der Vergl. An. II. 2, 391.

(59) Основанія, приводимыя Меккелемъ на это мнѣніе, изложены выше.

(60) Syst. der Vergl. Anat. II, 2, 392.



принято. На-самомъ-дѣлѣ кости запястья представляютъ одну плотно-сомкнутую массу. Если одна изъ нихъ у какого-нибудь животнаго больше, чѣмъ у другаго, то другія необходимо должны быть меньше. Иначе не сохранились-бы сочлененія. Слѣдовательно различныя формы запястьевъ нельзя объяснять такъ, какъ будто-бы это была та-же масса во всѣхъ точкахъ, только различнымъ образомъ разрѣзанная на части.

Въ предположеніи Меккеля открывается односторонность, въ которую впадаетъ иногда теорія одноименныхъ частей. Нерѣдко измѣненіе формы органа она старается объяснить сліяніемъ, отдѣленіемъ, или исчезаніемъ нѣкоторыхъ его частей, тогда-какъ для пониманія формы и относительныхъ размѣровъ нужны другія начала.

Въ *Изысканіяхъ объ ископаемыхъ костяхъ* Кювье, согласно съ *Чтеніями* говоритъ, что вообще грызуны сходны съ четырерукими по раздѣленію меньшей многоугольной (61).

Но о запястьѣ зайца онъ предлагаетъ новое мнѣніе. «Одна изъ костей нижняго ряда, говоритъ онъ (62), раздѣлена поперекъ; но, судя по уменьшенію головчатой кости, казалось-бы, что раздѣлена она, а не меньшая многоугольная. У Bathyergus устройство точно такое-же».

Запястье зайца однакожъ не замѣчательно особенною малостью головчатой кисти. Кювье былъ, вѣроятно, пораженъ тѣмъ, что меньшая многоугольная здѣсь велика, и потому сравнительно назвалъ головчатую малою.

Заяцъ представляетъ еще другую особенность: у него ладьевидная и лунная отдѣльны, такъ-что число костей у него то-же, что у обезьянъ. Вѣроятно, только это равное число костей, вообще рѣдкое, было причиной, что Кювье считалъ запястье зайца столь сходнымъ съ запястьемъ обезьянъ (63). Собственно-же форма костей и сочлененій весьма различна,

(61) Oss. Foss. VIII, 1, 92.
(62) Ibid. 93.
(63) Ibid. 93. On a presque la structure des quadrumanes.

хотя заяцъ и отступаетъ значительно отъ остальныхъ грызуновъ. Междузапястное сочлененіе его почти прямо и небольшими уступами поднимается внутрь.

Такимъ-образомъ Кювье принималъ двойное происхожденіе промежуточной кости. Такъ напримѣръ онъ говоритъ о птицезвѣряхъ: «ни меньшая многоугольная, ни головчатая здѣсь не раздѣлены» (64).

Однакожь во второмъ изданіи его *Чтеній* прежнее мнѣніе уже замѣнено новымъ, и какъ грызунамъ, такъ и четырерукимъ приписывается поперечное раздѣленіе головчатой кости (65).

Другіе писатели принимаютъ то одно, то другое изъ мнѣній Кювье. Самъ Меккель причисляетъ вообще промежуточную кость къ нижнему ряду (66). Даже Р. Джонсъ въ одномъ мѣстѣ (67) говоритъ, что у обезьянъ раздѣлена меньшая многоугольная, а на другой страницѣ того-же тома, что у нихъ раздѣлена головчатая (68). Между-тѣмъ ни въ какомъ случаѣ ни то, ни другое предположеніе не можетъ быть отнесено къ обезьянамъ, какъ я это показалъ выше. Что-же касается до грызуновъ, то раздѣленіе головчатой и здѣсь невѣроятно. Уже замѣчено, что малость этой кости не имѣетъ здѣсь особеннаго значенія. Правда, что у грызуновъ, у которыхъ нѣтъ промежуточной (Hystrix, Dasyprocta), головчатая велика, но съ другой стороны у Cavia и Hydrochoerus она также велика, но вмѣстѣ есть

(64) Oss. Foss. VIII, 1, 288.

(65) 2 Ed. Leç. 1, 425, 427.

Между-тѣмъ еще прежде, при описаніи скелета жиряка, Кювье выразилъ опять иное предположеніе. Онъ говоритъ: «Его запястье очень необыкновенно, потому-что по раздѣленію ладьевидной на двѣ части оно всего болѣе походитъ на запястье обезьянъ». Oss. Foss. III, 267. Ниже сдѣлана слѣдующая ссылка на изображеніе (pl. 65, fig. 8): f. le scaphoide; au dessous l'os qui en est demembré. Слѣдовательно предположить опечатку здѣсь, какъ дѣлаетъ Бленвиль (Des Damans. 29, note), нельзя.

(66) Ibid. 379.

(67) Cyclopedia of Anatomy. IV, 267.

(68) Ibid. 379.



и промежуточная. Вполнѣ рѣшить вопросъ можетъ только исторія развитія.

Можно замѣтить, что у агути головчатая кость отчасти съуживается кверху. При томъ у этого животнаго, вѣроятно, бываетъ иногда промежуточная кость. Я не нашелъ ея въ прекрасномъ скелетѣ академическаго музея. Кювье въ первомъ изданіи *Чтеній* (69) также сказалъ, что ея нѣтъ у агути.

Но Меккель (70) отвергнулъ это на основаніи своихъ изысканій, и во второмъ изданіи Кювье (71), согласно съ нимъ, приписываетъ агути промежуточную кость.

2) Большая часть *насѣкомоядныхъ* представляетъ запястье, устроенное по типу грызуновъ, хотя междузапястное сочлененіе не представляетъ совершенно ровной выпуклости кверху. Впрочемъ — ладьевидная и лунная также слиты; трегранная кость очень велика; головчатая почти четыреугольна съ тылу. Промежуточной иногда не бываетъ, напримѣръ у землеройки, и можетъ-быть у Macroscelides (72). Если-же бываетъ, то она, какъ у грызуновъ, лежитъ въ нижнемъ ряду.

Можетъ-быть, она иногда встрѣчается у ежа. Такъ Добантонъ нашелъ въ нижнемъ ряду ежа пять собственныхъ костей запястья (73). Бленвиль также принимаетъ, что промежуточная есть у ежа. Именно о тупайя онъ говоритъ (74): «кромѣ того, навѣрное (?) есть промежуточная кость». Далѣе объ ежѣ (75): «Запястье состоитъ изъ того-же числа костей, какъ у тупайя: изъ трехъ въ верхнемъ ряду, промежуточной и четырехъ въ нижнемъ». Для сравненія онъ ссылается на изображе-

(69) 1 Ed. Leç. I, 305.

(70) Syst. der Vergl. Anat. I, 2, 390.

(71) 2 Ed. Leç. I, 427.

(72) Если судить по неопредѣленному указанію Бленвиля: Osteogr. des Mamm. Insect. 30.

(73) Descr. du Heriss. Enfin il y avait un sixieme os. Это, кажется, промежуточная. Здѣсь есть ошибка въ счетѣ костей.

(74) Osteogr. Insectiv. p. 34.

(75) Ibid. p. 40.

нія; но запястье тупайя не изображено, а въ изображеніи запястья ежа нѣтъ промежуточной кости.

Между-тѣмъ ни Меккель въ своемъ довольно подробномъ описаніи (76), ни Кювье (77), ни Дальтонъ младшій въ текстѣ и изображеніи (78) не упоминаютъ о промежуточной кости, и я также не нашелъ ея.

Легко можетъ быть, что она срастается у однихъ недѣлимыхъ, а у другихъ остается отдѣленною. Если такъ, то здѣсь можно рѣшить вопросъ, къ какой кости присоединяется промежуточная. Даже и потому, что Добантонъ считалъ ее въ нижнемъ ряду, можно уже заключать, что она сливается съ одною изъ костей этого ряда.

Замѣчательно исключеніе, которое, по свидѣтельству Дальтона, представляетъ родъ Centetes. Унего также есть промежуточная, похожая на трапецоидъ, но ладьевидная и лунная раздѣлены (79). Бленвиль, вѣроятно, не видѣлъ этого запястья, потому-что не замѣчаетъ никакихъ отличій отъ ежа (80).

3) Къ типу грызуновъ весьма близко запястье *слона*, необыкновенно замѣчательное. На-самомъ-дѣлѣ сколько запястье человѣка или рукокрылыхъ поражаетъ разнообразнымъ сочетаніемъ кривыхъ поверхностей, столько-же запястье слона удивительно своею простотою. Нижній рядъ образуетъ наверху ровную, сильно-выпуклую поверхность. Ее можно принять за неполную поверхность усѣченнаго конуса, которому малымъ основаніемъ служитъ ладонная сторона запястья, а большимъ — тыльная. Линія, очерчивающая сверху ладонь, образуетъ почти полный полукругъ; подобная ей на тылу — болѣе четверти круга, но гораздо бо̀льшаго радіуса. Запястное сочлененіе и совокупность сочлененій съ пальцами

(76) Ibid. II, 2, 393.
(77) 2 Ed. Leç. I 426.
(78) Die Skelete der Chiropt. и Insectiv. S. 19. Taf. III. fig. f.
(79) Skelete der Chiropt. etc. 25.
(80) Des Insectiv. 45.



представляютъ почти горизонтальныя, хотя неровныя поверхности. Вся четыреугольная масса, ограниченная ими, разбита двумя вертикальными плоскостями на три столбца, въ двѣ кости каждый: внутренній столбецъ самый тонкій, наружный самый толстый; на два внутренніе опирается лучь, а на наружный—локоть. На ладони плоскость, отдѣляющая наружный столбецъ, разсѣкаетъ запястье почти посрединѣ.

Шесть костей, разграниченныхъ такимъ-образомъ, называются въ верхнемъ ряду — ладьевидная, лунная, трегранная; подъ ними—меньшая многоугольная, головчатая, крючковатая. Къ меньшей многоугольной примыкаетъ почти снизу большая многоугольная, которая нигдѣ столько не похожа на кость пясти, какъ здѣсь (81).

Если прибавить сюда, что въ вертикальныхъ сочлененіяхъ костей находятся промежутки, особенно въ верхнемъ ряду (82), и что все запястье, какъ обыкновенно, съ тылу представляетъ ровную цилиндрическую поверхность, а на ладони каждая кость оканчивается соскомъ, спускающимся книзу, то тогда получимъ всѣ главныя черты слоновьяго запястья.

Для сравненія его съ устройствомъ грызуновъ можно взять дикобраза, у котораго нѣтъ промежуточной кости. Для

---

(81) У мастодонта это сходство ещё больше и невольно внушаетъ мысль, что большая многоугольная есть видоизмѣненная кость пясти; тѣмъ болѣе, что, кажется, напрасно оставлено мнѣніе Галена и Везалія, считавшихъ бабкою нынѣшнюю кость пясти большаго пальца. Сужденію по формѣ сочлененій (Blumenbach. Gesch. der Knochen p. 417) можно противопоставить размѣры и исторію развитія. Наконецъ у слона и сочлененія подтверждаютъ мою мысль. Кость пясти большаго пальца сочленяется съ костью перваго суставца яснымъ блокомъ; блокъ здѣсь развитъ даже сильнѣе, чѣмъ между бабками.

(82) Такъ-что кости прикасаются почти одними краями, верхнимъ и нижнимъ, и слѣдовательно у каждой изъ нихъ находятся двѣ боковыя поверхности взаимнаго сочлененія. Это не всегда было замѣчено. Такъ Кювье говоритъ только о нижнихъ. Oss. Foss. I 491. Scaphoide. Sur son bord interne en est une petite demi-circulaire etc. О лунной ibid. 492. Sur les deux bords etc. Бленвиль говоритъ и объ одной верхней на лунной кости, но только на лунной; о соотвѣтствующей ей на ладьевидной онъ не упоминаетъ, а она, само собою разумѣется, есть, хотя очень узка.



одной только ладьевидной слона нельзя найти у грызуновъ части подобной по формѣ; такъ-что ея одноименность можетъ быть сомнительна. Запястье мастодонта отличается отъ слоновьяго тѣмъ, что оно гораздо ниже, и что лунная кость очень развита въ ширину, такъ-что покрываетъ сочлененія костей нижняго ряда (83).

4) Наконецъ къ этому-же типу, безъ-сомнѣнія, должно отнести запястье *жиряка*. Оно очень замѣчательно, ибо представляетъ, кажется, переходъ отъ грызуновъ къ слону и потому, хотя я не видалъ его, но разсмотрю его здѣсь на основаніи показаній Кювье и Меккеля.

Изъ изображенія Кювье (84) ясно видно сходство запястья жиряка съ единственнымъ въ своемъ родѣ запястьемъ слона; именно — кости представляютъ три отдѣла, разграниченные вертикальными плоскостями. Въ верхнемъ ряду лежатъ три кости: ладьевидная (f) и лунная (e) примыкаютъ къ лучу, который, какъ и у слона, отчасти вдается между нихъ; трегранная (d) примыкаетъ къ локтю (85). Прямо подъ трегранною костью лежитъ крючковатая (i), подъ лунною головчатая (h); подъ ладьевидною, по Кювье (86) и Бленвилю (87), лежатъ двѣ кости одна подъ другою; по Меккелю, только одна (88); легко можетъ быть, что въ скелетѣ Меккеля эти кости были сращены. Весь

(83) Смотри Warren. Mastodon Giganteus. 1852. pl. XI, XII.

(84) Oss. Foss. pl. 65. f. 8.

(85) Бленвиль (Des Damans 28) говоритъ, что Меккель не считалъ трегранной кости у жиряка. Бленвиль ошибся потому, что Французскій переводъ, которымъ онъ пользовался, не вѣренъ. Въ переводѣ сказано: (p. 70) «Il n'y a que trois os dans la *première* rangée du carpe du Daman comme dans le Rhinoceros». У Меккеля-же говорится (Syst. der Vergl. An. II, 2. 382): «Auch beim Daman und Rhinoceros finden sich in der *zweiten* Ordnung der Handwurzel drei knochen». Auch относится къ пекари и свиньѣ. Меккель ничего не говоритъ о трегранной кости жиряка, но о числѣ костей верхняго ряда у него сказано тамъ-же вообще: «In der ersten Ordnung (bei den Pachydermen) finden sich immer vier».

(86) Oss. Foss. 257 и 267.

(87) Des Damans, 27.

(88) Потому-что онъ считаетъ только три кости въ нижнемъ ряду.

нижній рядъ образуетъ, какъ у слона, одну выпуклую кверху поверхность. Съ лучевой стороны къ двумъ костямъ, лежащимъ подъ ладьевидною, примыкаетъ кость, нѣсколько спускающаяся книзу (g), которую Кювье называетъ большею многоугольною. Меккель говоритъ объ ней неясно (89), но, кажется, согласенъ съ мнѣніемъ Кювье (90). Совершенно подобно положеніе большей многоугольной у слона и многихъ грызуновъ (напримѣръ у Castor Fiber), такъ-что, судя по сходству всѣхъ сочлененій этого запястья съ сочлененіями слона, нельзя не согласиться съ первоначальнымъ мнѣніемъ Кювье, что кость (g) есть большая многоугольная и что слѣдовательно двѣ кости, лежащія между ладьевидною и костью пясти указательнаго пальца, соотвѣтствуютъ меньшей многоугольной. Такое толкованіе предложилъ Кювье въ мемуарѣ 1804 года, подъ заглавіемъ: «Description ostéologique du Daman» (91).

Въ *Изысканіяхъ объ ископаемыхъ костяхъ* онъ перепечаталъ этотъ мемуаръ и прибавилъ къ нему новое описаніе всего скелета (92), въ которомъ, согласно съ измѣнившимся мнѣніемъ, говоритъ (93), что у жиряка раздѣлена ладьевидная кость.

Во второмъ изданіи своихъ *Чтеній* (94) Кювье, неизвѣстно почему, считаетъ у жиряка не девять, а только восемь костей.

Бленвиль (95), упрекая остеологовъ и *даже Меккеля* въ томъ, что они *очень дурно* истолковали запястье жиряка, предлагаетъ другое изъясненіе; именно — кость, лежащую подъ ладьевидною (промежуточную по Кювье), считать за бóльшую

---

(89) Его слова (Ibid. 383): «Ein grösserer, innerer» etc., кажется, относятся только къ носорогу.

(90) Потому-что, согласно съ изображеніемъ Кювье, Меккель считаетъ у жиряка (ibid. 403) зачатокъ пясти большаго пальца и далѣе очень маленькій первый суставъ (ibid. 412), пропущенный Кювье въ описаніи (Oss. Foss. III 257).

(91) Въ Ann. du Mus. III vol.

(92) Oss. Foss. III. 257—274.

(93) Ibid. 267.

(94) 2 Ed. Leç. I429.

(95) Des Damans 27—29.

многоугольную, а большую многоугольную (g) Кювье—за кость пясти большаго пальца, такъ-что въ этомъ пальцѣ будутъ полные два сустава. Что промежуточная кость Кювье есть бо̀льшая многоугольная, Бленвиль доказываетъ тѣмъ, что она сочленяется съ костью пясти большаго пальца, а что эта послѣдняя есть дѣйствительно кость пясти, а не меньшая многоугольная, онъ ничѣмъ не доказываетъ. Слѣдовательно основаній для такого опредѣленія у него нѣтъ никакихъ.

Между-тѣмъ, если принять его, то не только пропадетъ столь ясное сходство запястья жиряка съ типомъ грызуновъ, но оно будетъ совершенно необыкновенно. Бо̀льшая многоугольная лежитъ обыкновенно ниже другихъ костей того-же ряда; всего выше она поднята у Otaria и насѣкомоядныхъ. Но и тамъ она только становится въ рядъ съ другими и притомъ это совпадаетъ съ значительнымъ развитіемъ большаго пальца. Между-тѣмъ у жиряка эта кость должна по Бленвилю стать даже выше нижняго ряда, и стать потому, что большой палецъ малъ и спрятанъ подъ кожею (96).

5) *Сумчатыя* представляютъ то-же число костей, какъ хищныя, или какъ грызуны безъ промежуточной кости. Они сходны съ грызунами и тѣмъ, что у нихъ велика трегранная, какъ нашелъ уже Меккель у кенгуру (97), и очень развита крючковатая, какъ замѣчаетъ и Оуэнъ (98). Не смотря на то, кости запястья у нихъ представляютъ нѣсколько особенный типъ.

У вомбата запястье какъ-бы средней формы между хищными и грызунами. Именно: хищныхъ напоминаетъ возвышеніе, образуемое на междузапястномъ сочлененіи крючковатой костью и отчасти головчатой, грызуновъ напоминаетъ форма ладьевидно-лунной кости, у которой нѣтъ промежуточнаго отростка.

У кускусовъ, какъ можно судить по прекрасному изобра-

---

(96) Ibid. 27.
(97) I, Ibid. II, 2, 392.
(98) Cycl. of Anat. III. 282.



женію Темминка (99), и у кенгуру кости распадаются на два отдѣла совершенно иначе, чѣмъ у другихъ малопитающихъ. Трегранная лежитъ очень высоко и примыкаетъ къ лучу съ боку. Всѣ остальныя кости плотно сомкнуты въ одну массу; головчатая находится посрединѣ и ее обхватываютъ съ одной стороны крючковатая, съ другой ладьевидно-лунная и вся масса образуетъ кверху ровную выпуклую поверхность. Многоугольныя-же кости очень малы и меньшая многоугольная, незначительная даже у вамбата, у потору исчезаетъ вовсе (100).

У кенгуру ладьевидно-лунная и крючковатая сходятся надъ головчатою и образуютъ вертикальное сочлененіе, чего нельзя найти ни у хищныхъ, ни у грызуновъ.

У кускусовъ эти кости не сходятся, но общее расположеніе остается точно то-же.

6) Запястье *травоядныхъ китовъ*, кажется, должно быть отнесено къ этой-же группѣ. По-крайней-мѣрѣ запястье ламантина нѣсколько напоминаетъ слона. У него шесть костей, почти равныхъ спереди и расположенныхъ въ три столбца. Но междузапястное сочлененіе какъ-бы выпрямлено, что соотвѣтствуетъ расположенію пальцевъ, раскинутыхъ вѣеромъ. Какъ у ластоногихъ и плотоядныхъ китовъ, кость пясти мизинца сочленяется съ трегранною костью. Меккель (101) принимаетъ, что здѣсь слиты многоугольныя кости. Дюгонъ представляетъ совершенно ту-же форму костей, но у него сливаются двѣ внутреннія кости каждаго ряда, такъ-что выходитъ всего четыре кости; по изображенію Бленвиля (102), даже всѣ три кости нижняго ряда сливаются въ одну. Въ текстѣ объ этомъ ничего не сказано.

Замѣчанія о запястьѣ беззубыхъ и птицезвѣрей.

Нѣкоторыя формы запястья въ этихъ отрядахъ, очевидно,

(99) Monogr. de Mammif. T. I. Pl. IV. Phalangista ursina.
(100) Owen. ibid.
(101) Ibid. p. 381.
(102) G. Manatus, pl. VI.

должны быть отнесены къ одной изъ предыдущихъ группъ. Другія, безъ-сомнѣнія, представляютъ особенные, исключительные типы. Къ-сожалѣнію, я видѣлъ только два скелета изъ отряда беззубыхъ, и слѣдовательно не имѣю здѣсь всѣхъ данныхъ, нужныхъ для обработки предмета.

Между-тѣмъ изученіе запястья здѣсь очень важно, потому-что пальцы исчезаютъ у этихъ млекопитающихъ, кажется, совершенно не по тому закону, какъ у другихъ. По мнѣнію Кювье, котораго книга представляетъ до-сихъ-поръ самое полное изложеніе остеологіи беззубыхъ, пальцы Choloepus и двупалаго муравьеѣда — суть указательный и средній (103), у четырепалыхъ броненосцевъ не достаетъ мизинца (104).

Вообще говоря, запястье здѣсь столь-же разнообразно, какъ и самыя животныя.

У птицезвѣрей и ящера оно напоминаетъ хищныхъ; по-крайней-мѣрѣ число костей одно и то-же.

Замѣчателенъ у ящера отростокъ ладьевидно-лунной, который входитъ между головчатой и крючковатой.

Кромѣ-того, запястное сочлененіе, особенно у птицезвѣрей, менѣе свободно. На ладьевидно-лунной являются двѣ выпуклости, на трегранной — два углубленія (ginglymus) (105). Беззубыя вообще представляютъ разнообразную и сильную кривизну въ сочлененіяхъ костей запястья; но кривизна эта такого рода, что сочлененія становятся менѣе свободны. Вотъ, безъ-сомнѣнія, причина, по которой Кювье считаетъ запястье четырепалыхъ муравьеѣдовъ сходнымъ съ запястьемъ жвачныхъ (106). Притомъ у нихъ ладьевидная и лунная отдѣльны. То-же самое относится и къ броненосцамъ (107) и Orycteropus; только кости здѣсь развиты весьма неравномѣрно.

---

(103) Oss. Foss. VIII, 149, ibid. 204.
(104) Ibid. 241.
(105) Owen. Cycl. of. Anat. III. 377.
(106) Ibid. 204.
(107) У D. Sexcinctus многоугольныя слиты, у D. duodecimcinctus много-



Самая любопытная изъ всѣхъ этихъ формъ есть, безъ-сомнѣнія, запястье Das. gigas. (108). Нигдѣ нельзя видѣть яснѣе сродства костей запястья съ остальными костями кисти. Кости пясти послѣднихъ трехъ пальцевъ не только очень коротки, но даже сочленяются между собою съ боковъ во всю ихъ длину. Притомъ кость пясти мизинца лежитъ такъ высоко, что совершенно входитъ въ составъ нижняго ряда запястья. Она принадлежитъ ему здѣсь нисколько не менѣе, какъ и большая многоугольная.

Замѣчательна также большая величина ладьевидной, соотвѣтствующая развитію средняго пальца.

Всѣ предыдущія формы не представляютъ никакой трудности въ опредѣленіи костей. Но труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, опредѣлить кости у тихоходовъ и двупалыхъ муравьеѣдовъ. Впрочемъ, верхній рядъ, кажется, не представляетъ ничего особеннаго; нижній-же рядъ у двупалыхъ муравьеѣдовъ и Bradypus состоитъ только изъ двухъ костей, по мнѣнію Кювье, крючковатой и головчатой въ сліяніи съ меньшею многоугольною (109). У Choloepus, по Кювье, меньшая многоугольная отдѣльна.

C) Запястья съ равномѣрнымъ развитіемъ костей верхняго ряда.

Типъ запястья копытныхъ животныхъ представляетъ большое разнообразіе формъ, но въ то-же время ясныя общія черты. Сочлененія здѣсь вездѣ одинаковы, кости одного ряда входятъ углами между костей другаго. Въ каждомъ ряду кости расположены по прямымъ горизонтальнымъ линіямъ и представляютъ пятиугольную форму, приближающуюся къ кубической. Къ этому нужно прибавить еще, что у нихъ, такъ-же, какъ и у слона, кости плотно сходятся только на углахъ, а потому между ними являются вертикальные промежутки, особенно

угольная меньшая слита съ костью пясти указательнаго пальца. Meckel. Ibid. 386.

(108) Oss. Foss. pl. 212 f. 10.

(109) У муравьеѣда Меккель нашелъ всѣ четыре. Ibid. 384



большіе въ верхнемъ ряду (110), и вмѣсто одной сочленяющейся поверхности находятся двѣ — верхняя и нижняя.

Опредѣленіе одноименныхъ костей здѣсь довольно легко, если сравнивать только этихъ животныхъ между собою, и довольно трудно, если сравнивать ихъ съ животными другаго типа. Между-тѣмъ, только зная одноименныя кости запястья, можно найти, какіе пальцы пропадаютъ и какъ число ихъ доходитъ до одного.

1) Значеніе костей нижняго ряда легко опредѣляется, напримѣръ у *бегемота*, ихъ отношеніемъ къ пальцамъ. Начиная съ крючковатой, къ которой, какъ всегда, прикрѣпляются два наружные пальца, легко назвать кости и видѣть, что недостаетъ большаго пальца. У бегемота, кромѣ того, нижній рядъ, вмѣстѣ взятый, представляетъ сверху довольно ровную поверхность. Верхніе ряды бегемота и *носорога*, ясно сходные между собою, только слегка напоминаютъ кости слона, но точно такъ-же двѣ кости приходятся на лучь и одна на локоть.

Но съ перваго взгляда видно, что взаимное отношеніе рядовъ измѣнено. Всего яснѣе это у *тапира*. Нижній рядъ какъ-бы подался внутрь, трегранная и лунная обѣ опираются на крючковатую, не касаясь головчатой (111), а ладьевидная одна лежитъ на головчатой и меньшей многоугольной.

Тапиръ представляетъ только крайнее развитіе формы носорога и бегемота. У нихъ лунная уже значительною частью опирается на головчатую.

Вообще-же всѣ эти три рода, наиболѣе уклоняющіеся отъ общаго типа копытныхъ, очень сходны между собою. Только у бегемота запястье очень низко, у тапира всего больше вы-

(110) Вслѣдствіе такихъ промежутковъ, Кювье не могъ получить точнаго отлива ладьевидной аноплотерія, наполняя мягкой массой пустое мѣсто между лучемъ, лунной, головчатой и меньшей многоугольной. Oss. Foss. V 247. Въ его отливѣ вѣрны были только верхняя и нижняя поверхности сочлененій.

(111) Впрочемъ, сзади лунная немного налегаетъ на головчатую. Сравни Oss. Foss. V, 194.



тянуто въ вышину. У всѣхъ есть бо̀льшая многоугольная, хотя она меньше всѣхъ остальныхъ костей.

Въ первомъ изданіи *Чтеній* (112) Кювье сказалъ о носорогѣ: «недостаетъ большой многоугольной, но есть прибавочная кость на краю ладьевидной и другая на краю крючковатой, какъ у ежа».

Такое мнѣніе о второй изъ этихъ костей основывалось, конечно, на томъ, что она примыкаетъ къ крючковатой почти съ-боку, а не снизу, какъ примыкаютъ кости пясти.

Въ *Изысканіяхъ объ ископаемыхъ костяхъ* Кювье измѣнилъ свое мнѣніе (113) и первую изъ двухъ прибавочныхъ считаетъ за зачатокъ большаго пальца, а вторую—за зачатокъ мизинца (114). Основаній для новаго толкованія онъ не приводитъ, а между-тѣмъ, какъ-бы опираясь только на одинъ этотъ случай, онъ принимаетъ за общее правило, что *когда палецъ является только въ зачаткѣ, то его зачатокъ сочленяется съ запястьемъ не снизу, а съ-боку* (115).

Меккель очевидно обратилъ здѣсь вниманіе только на *Чтенія* и со своей стороны исправилъ прежнее мнѣніе Кювье. Наружную кость онъ считаетъ за зачатокъ кости пясти мизинца; далѣе говоритъ: «кость, сидящая на ладьевидной и первой кости втораго ряда, есть зачатокъ или первой кости пясти, или большей многоугольной». Очевидно, можно предположить по-

(112) 1 Ed. Leç. I 306.

(113) Oss. Foss. III 63.

(114) Все, что сказано о запястьѣ носорога въ первомъ изданіи *Чтеній*, перепечатано во второмъ безъ перемѣны, I. 429. Слѣдовательно Кювье не успѣлъ исправить это мѣсто.

(115) Oss. Foss. V, 205. Онъ говоритъ о крючковатой Аноплотерія: «Sa face externe offre une facette tout a fait dirigée en dehors. Il en existe une semblable dans le Rhinoceros. J'en conclus hardiment qu'il n'y avait qu'un vestige de petit doigt».

Далѣе (ibid. 214) о меньшей многоугольной того-же животнаго: «il a une facette pour le vestige du pouce, celle-ci est verticale et fort petite, ce qui prouve que ce vestige etait extremmement petit. C'est aussi la petitesse du vestige de petit doigt qui fait que l'unciforme est tronqué verticalement a son bord externe» (ibid. 215). Сравни ibid. 240 о крючковатой Anopl. leporinum.



слѣднее; но не знаю, какія основанія можно привести, чтобы, во-первыхъ, отвергнуть такое предположеніе, и во-вторыхъ, принять первое? Тогда должно-бы предположить, что у носорога, и также у бегемота и тапира большой палецъ не весь исчезъ, но что осталась его кость пясти и что обѣ многоугольныя слились въ одну.

Еще труднѣе принять мнѣніе Кювье, который внутреннюю кость носорога нигдѣ не называетъ большей многоугольной, но говоритъ объ ней (116): она заступаетъ мѣсто *большей многоугольной и всего большаго пальца*. Таковъ, впрочемъ, всегдашній способъ выраженія Кювье въ случаяхъ недостающихъ костей. Судить такъ по формѣ костей здѣсь, очевидно, нельзя; и слѣдовательно Кювье руководился мнѣніемъ, уже составленнымъ напередъ. Легко убѣдиться, что даже въ ничтожныхъ мелочахъ Кювье обнаруживаетъ геніальную проницательность и глубокую опытность, и потому его мнѣніе заслуживаетъ полнаго вниманія, — тѣмъ болѣе, что здѣсь всѣ мнѣнія имѣютъ право на вниманіе (117), потому-что ни одно изъ нихъ не можетъ быть строго доказано.

Какъ простѣйшее предположеніе, конечно, должно принять, что ни мизинца, ни большаго пальца у носорога нѣтъ, и что наружная кость есть не развитая кость пясти мизинца, а внутренняя есть большая многоугольная.

2) *Палеотерій*, семейство *щетинистыхъ*, *аноплотерій* и *двукопытныя* образуютъ въ отношеніи къ запястью другую группу, въ которой кости достигаютъ весьма простыхъ формъ. Онѣ становятся почти равными между собою, тогда-какъ въ предыдущей группѣ, особенно въ костяхъ нижняго ряда, являются тѣже разности въ относительной величинѣ, какъ и у когтистыхъ животныхъ. При томъ все запястье стремится къ нѣкоторой симметріи; въ промежутки между тремя костями верхняго

(116) Oss. Foss. III, 30.

(117) Такъ Меккель очень часто предлагаетъ нѣсколько своихъ мнѣній объ одномъ предметѣ.



ряда входятъ углами двѣ главныя кости нижняго, крючковатая и головчатая.

У палеотерія, образующаго переходъ къ тапиру (118), и у щетинистыхъ кости обоихъ рядовъ почти равной величины и ихъ углы велики. Кромѣ-того, снутри у нихъ есть значительная меньшая многоугольная и очень маленькая бо̀льшая.

Бо̀льшую многоугольную я нашелъ у Sus scropha и Dicotyles torquatus. Согласно съ этимъ Добантонъ, въ своемъ описаніи, и Кювье, въ первомъ (119) и во второмъ (120) изданіи *Чтеній*, приписываютъ свиньѣ восемь костей; Меккель отрицаетъ это (121), говоря, что онъ у свиньи всегда находилъ только три въ нижнемъ ряду, т. е. не находилъ бо̀льшей многоугольной. У пекари ни Кювье, ни Меккель (122) не нашли бо̀льшей многоугольной. Меккель, кромѣ-того, въ Парижскомъ скелетѣ нашелъ, что многоугольная меньшая была сращена съ головчатою,—что, какъ онъ и замѣчаетъ, представляетъ замѣчательный случай сходства съ двукопытными. Кювье говоритъ даже вообще, что у щетинистыхъ многоугольная меньшая только далѣе остается отдѣльною, чѣмъ у двукопытныхъ (123).

У Phacochaeres, котораго скелета я не видалъ, такое устройство, вѣроятно, существуетъ постоянно, потому-что Кювье приписываетъ этому роду только шесть костей (124).

Аноплотерій представляетъ въ запястьѣ переходъ отъ щетинистыхъ къ двукопытнымъ, хотя онъ ближе къ щетини-

(118) О палеотеріи Кювье говоритъ: «ce carpe ressemble a son analogue dans le tapir, et cependant un examen detaillé ne tarde pas d'y decouvrir de notables differences». Oss. Foss. V 191. Всѣ эти различія приближаютъ палеотерія къ щетинистымъ и двукопытнымъ, какъ легко убѣдиться изъ самаго описанія ibid. 191—193. Главное различіе Кювье самъ указываетъ въ томъ, что лунная палеотерія угломъ входитъ между головчатою и крючковатою. Ibid. 192 et 193.

(119) I, 306.

(120) I, 429.

(121) Syst. der Vergl. An. II, 2, 382.

(122) Ibid.

(123) Oss. Foss. III 237.

(124) 2 Ed. Leç. 429.

стымъ. У него есть зачатокъ кости пясти мизинца (125), прилегающій съ боку къ крючковатой, меньшая многоугольная отдѣльна, какъ у верблюда, и даже есть зачатокъ большей многоугольной (126). Но эта бо̀льшая многоугольная у A. commune срастается съ меньшею многоугольною (127), у A. gracile сочленяется съ зачаткомъ кости пясти указательнаго пальца (128).

У двукопытныхъ все запястье ниже, чѣмъ у щетинистыхъ, особенно тонокъ нижній рядъ, и хотя взаимное положеніе костей точно то-же, углы ихъ, входящіе между другихъ костей, малы и переходятъ въ ребра.

Въ нижнемъ ряду только двѣ кости: наружная крючковатая, внутренняя головчатая, сращенная съ многоугольною меньшею (129). Такое сращеніе очевидно изъ сравненія съ запястьемъ верблюдовъ и ламъ, у которыхъ многоугольная не срастается.

Если-же сравнить верблюда и ламу съ щетинистыми, то ясно, что у верблюда большая многоугольная не срастается съ меньшею, а пропадаетъ, потому-что уже у щетинистыхъ она чрезвычайно мала.

3) *Однокопытныя* представляютъ самое низкое запястье и замѣтно отличаются большимъ развитіемъ головчатой кости, соотвѣтствующей единственному оставшемуся пальцу (130).

---

(125) По Кювье, зачатокъ всего мизинца. Oss. Foss. V, 205.

(126) По Кювье зачатокъ всего большаго пальца. Oss. Foss. V, 214.

(127) Ibid. 217.

(128) Ibid. 236.

(129) По мнѣнію Жоли и Лавока (l. c. p. 34), здѣсь сливаются три кости въ одну, т. е. головчатая и обѣ многоугольныя.

(130) Устройство запястья указываетъ несомнѣнно на то, что здѣсь остается только одинъ палецъ. Еслибы здѣсь сливались два пальца, какъ принимаютъ Джонсъ (Cyclop. IV, 719) и Жоли и Лавока (l. c. p. 41), то запястье должно-бы очень близко походить на двукопытныхъ. Сильнѣйшее доказательство, представляемое Тулузскими академиками, есть уродливое раздѣленіе лошадинаго пальца на два (Compt. rend. 1853, t. 37, 430); но здѣсь ясно, что уродливость не можетъ быть доказательствомъ. Часто напр. у пятипалыхъ животныхъ является 6 пальцевъ. Неужели по этому должно считать какой-нибудь палецъ состоящимъ изъ сліянія двухъ?



Отъ этого крючковатая здѣсь представляетъ свою наименьшую относительную величину. Головчатая есть широкая пластинка, на которой ребро входящее между лунною и ладьевидной, мало замѣтно. Меньшая многоугольная отдѣльна, такъ-что, не смотря на меньшее число пальцевъ, костей запястья у лошади больше, чѣмъ обыкновенно у двукопытныхъ. Наконецъ иногда встрѣчается и большая многоугольная, маленькая, округленная кость, не представляющая сочлененій и заключенная въ общей внутренней боковой связкѣ (131).

О ЗАПЯСТЬЯХЪ БЕЗЪ СОЧЛЕНЕНІЯ.

Китообразныя, какъ извѣстно, наименѣе изслѣдованы изъ всѣхъ отрядовъ млекопитающихъ. Даже скелеты, описанные учеными, равно какъ и тѣ, которые я видѣлъ, рѣдко были полны, особенно въ отношеніи членовъ. По предложенію Кювье, неудачному, какъ утверждаетъ Эшрихтъ, зоологи обратили главное вниманіе на черепы китовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ о запястьѣ китообразныхъ встрѣчаются самыя скудныя указанія, тогда-какъ необыкновенное развитіе членовъ представляетъ здѣсь особенную занимательность.

Прежде всего замѣчу, что, не смотря на укорачиваніе и однообразіе длинныхъ костей кисти, запястье плотоядныхъ китовъ составляетъ рѣзко-отличающійся отдѣлъ костей. Ихъ легко узнать по ихъ шероховатымъ толстымъ краямъ, служащимъ для соединенія съ сосѣдними костями, тогда-какъ у каждой изъ остальныхъ костей всегда есть два свободные края, гладкіе и отчасти заостренные. Притомъ кости запястья, очевидно, не располагаются рядами, а входятъ углами однѣ въ промежутки другихъ; отсюда характеристическая ихъ форма — пятиугольная, или почти ромбическая.

---

(131) *Leyh*. Handb. der Anat. der Haussäugeth. 1850, s. 99. Жоли и Лавока предполагаютъ постоянное сліяніе многоугольныхъ костей (l. c. p. 40).

Открыть гомологію этихъ костей очень трудно, такъ-что ни Кювье, никто другой кромѣ Меккеля, не указываетъ ихъ значенія. Меккель-же даетъ два различныя опредѣленія (132) и не рѣшается предпочесть которое-нибудь изъ нихъ. Даже Эшрихтъ, имѣвшій случай наблюдать развитіе запястья Balænoptera, воздерживается отъ всякаго мнѣнія о значеніи костей (133).

Всего чаще въ запястьѣ здѣсь бываетъ только пять костей, напр. у дельфиновъ, у однозуба (134), у Balaenoptera. Расположеніе ихъ иногда представляетъ чрезвычайную правильность и простоту. Три кости прилегаютъ къ предплечію и средняя угломъ входитъ между лучемъ и локтемъ. Точно также углами входятъ между этихъ костей двѣ кости нижняго ряда (135).

Такимъ-образомъ для прикрѣпленія пальцевъ служатъ двѣ кости нижняго и двѣ крайнія кости верхняго ряда. Крайніе пальцы прикрѣпляются снизу къ крайнимъ костямъ. Остальные три (у дельфина и однозуба) входятъ углами въ промежутки четырехъ костей. У Balaenoptera, гдѣ только четыре пальца, два средніе прикрѣпляются соотвѣтственно къ двумъ костямъ нижняго ряда, а крайніе прилегаютъ къ нимъ съ-боку и, какъ у дельфина, соединяются снизу съ костями верхняго ряда (136).

Тѣ-же самыя три кости въ верхнемъ ряду находятся, кажется, у всѣхъ китообразныхъ. У B. longimana, гдѣ по свидѣтельству Брандта (137), находятся только три кости, расположенныя въ одинъ рядъ, вѣроятно, исчезли нижнія кости.

Опредѣленіе этихъ костей верхняго ряда на первый взглядъ не представляетъ никакой трудности. Всѣ онѣ очевидно принадлежатъ къ собственнымъ костямъ запястья, и слѣдовательно

---

(132) И то только для дельфина и B. rostrata, ibid, s. 379—380.

(133) Untersuch. über die Nord. Wallthiere von D. *F. F. Eschricht.* 1849. B. I, s. 150.

(134) По скелету академическаго музея.

(135) Oss. Foss. pl. 224 f. 22.

(136) *Eschr.* Unters. taf.

(137) Medicinische Zoologie 1 B. 124.

будутъ по порядку — ладьевидная, лунная и трегранная. Но здѣсь можетъ возбудить сомнѣніе наблюденіе Эшрихта, по которому средняя кость происходитъ изъ сліянія двухъ костей (138). Невольно при этомъ раждается мысль, что одна изъ крайнихъ костей принадлежитъ собственно нижнему ряду, тѣмъ болѣе, что съ ними сочленяются пальцы.

Мы видѣли однакожь уже два примѣра сочлененія мизинца съ трегранною костью, именно у ластоногихъ и травоядныхъ китовъ; слѣдовательно и здѣсь оно не можетъ заставить предполагать, что разсматриваемая кость запястья не есть трегранная, какъ это дѣлаетъ Меккель (139). Вмѣстѣ-съ-тѣмъ является мысль, что точно такъ-же и на другомъ краю кисти пальцы могутъ сочленяться съ костями верхняго ряда, не измѣняя ихъ значенія.

Въ нижнемъ ряду запястья нерѣдко, кажется, являются три кости, соотвѣтствующія тремъ среднимъ пальцамъ. Кювье приводитъ такой случай у Baleine de Cap (140); три кости я нашелъ также у Delph. Leucas въ скелетѣ академическаго музея (фиг. 9). Особенно замѣчательно здѣсь то, что двѣ внутреннія кости ясно срослись между собою и слѣдовательно можно предполагать, что онѣ соотвѣтствуютъ одной кости другихъ дельфиновъ. И такъ если наружная кость есть крючковатая, какъ это видно изъ ея отношенія къ пальцамъ, то внутренняя будетъ головчатая въ сращеніи съ многоугольной меньшей.

Наконецъ въ этомъ-же скелетѣ я нашелъ еще кость лишнюю противъ другихъ, именно небольшую кость, срастающуюся съ первою костью верхняго ряда и входящую въ уголъ между лунною и многоугольною меньшею. Къ ней прилегаетъ отчасти и указательный палецъ. Всего проще, конечно, принять ее за большую многоугольную; но положеніе ея такъ не-

(138) *Eschr*. ibid. s. 140.
(139) Ibid. p. 380.
(140) Oss. Foss. VIII, 2, 290.

обыкновенно, что, кажется, съ тѣмъ-же правомъ ее можно считать и промежуточною.

Замѣчу при томъ, что вообще эти двѣ лишнія кости у Delph. Leucas не похожи на отдѣленныя части другихъ костей, а скорѣе предоставляютъ особенныя окостенѣнія, которыя у другихъ дельфиновъ, вѣроятно, не развиваются.

Всѣ эти вопросы будутъ рѣшены, конечно, только тогда, когда будетъ изслѣдовано большое число скелетовъ этихъ животныхъ.

О ПРИБАВОЧНЫХЪ КОСТЯХЪ ЗАПЯСТЬЯ.

Прибавочныя кости менѣе постоянны, чѣмъ собственныя кости запястья, и слѣдовательно требуютъ для своего изслѣдованія многихъ скелетовъ и притомъ тщательно приготовленныхъ. По этому полная обработка этого отдѣла весьма трудна. Я надѣюсь здѣсь только показать вообще, что число прибавочныхъ костей гораздо больше, чѣмъ думаютъ, что формы ихъ весьма разнообразны и что наконецъ число костей въ запястьѣ, если считать прибавочныя, весьма маловажно въ отношеніи къ существенному устройству запястья (141).

Для прибавочныхъ костей всего болѣе указаній въ *Остеографіи* Бленвиля. Составивъ изъ остеидовъ особый отдѣлъ скелета, онъ долженъ былъ обратить на нихъ полное вниманіе; другіе-же остеологи только изрѣдка говорятъ объ этихъ костяхъ, почти какъ объ исключеніяхъ изъ общихъ правилъ.

(141) Oeuvr. de P. Camp. I, 143. «Il est certain qu'il y a une *grande disparité* entre l'Orang et l'homme, celui-ci n'ayant jamais le neuvieme osselet» (чечевичная). Такое важное значеніе Камперъ въ Линнеевскомъ духѣ приписываетъ числу. Цѣну такихъ различій прекрасно опредѣляетъ Кондорсе. Hist. de l'Acad. des Sciences, 1774, p. 29. «La methode de classer les substances par le nombre de leurs parties a un grand avantage, celui de fournir *les caractères précis*, et de tous les rapports que l'esprit humain peut comparer les nombres seuls ont cet avantage». И такъ число частей, если оно постоянно, даетъ различіе *точное*; совершенно другой вопросъ, будетъ-ли такое различіе важно и существенно.



Прибавочныя кости являются въ запястьѣ всего чаще на краяхъ наружномъ и внутреннемъ, соотвѣтственно расположенію связокъ и тяжей мускуловъ, движущихъ запястьемъ. Поэтому всего удобнѣе, кажется, раздѣлить эти кости на четыре отдѣла, именно по ихъ положенію, на наружномъ и на внутреннемъ краю, на ладонной и на тыльной сторонѣ.

I. Прибавочныя кости на наружномъ краю запястья.

Здѣсь встрѣчаются три кости:

1) Гороховидная (os pisiforme).

2) Добантонова (os Daubentonii).

3) Наружная (os externum).

1) *Гороховидная* кость (os pisiforme) названа такъ по формѣ своей у человѣка. Но эта форма исключительная, какъ и положеніе ея въ человѣческомъ запястьѣ. Только у орангъ-утана, шимпанзе и гиббона она приближается къ такому положенію и къ такой формѣ. Обыкновенно-же она лежитъ снаружи на сочлененіи локтя съ трегранною костью; и форма ея бываетъ двоякая. У обезьянъ, у всѣхъ животныхъ, ступающихъ на всю кисть, или у которыхъ пясть коротка, какъ многія хищныя и грызуны (также птицезвѣри и большая часть беззубыхъ), она продолговата, пряма, утолщена на концахъ, вообще весьма сходна съ длинными костями кисти. Она здѣсь обращена книзу и назадъ и служитъ, говоритъ Кювье, какъ-бы пяткою для переднихъ лапъ. Ея сочлененія съ локтемъ и съ трегранною представляютъ здѣсь поверхности одинаково значительныя.

Вторая форма встрѣчается у животныхъ, у которыхъ пясть очень длинна, вслѣдствіе чего гороховидная вовсе не касается земли; также у тѣхъ, у которыхъ передніе члены не служатъ для опоры. Здѣсь гороховидная представляетъ широкую вертикальную пластинку, болѣе или менѣе загнутую назадъ и внутрь и составляющую какъ-бы продолженіе соб-

ственной ладонной связки запястья. Такова эта кость у многихъ грызуновъ (Dipus, Pedetes, Lepus etc.), у всѣхъ двукопытныхъ, у щетинистыхъ, отчасти у однокопытныхъ. Сочлененіе съ трегранною костью здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ сочлененіе съ локтемъ; изъ двукопытныхъ съ локтемъ сочлененіе есть только у верблюда, у остальныхъ гороховидная сидитъ на одной трегранной.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ формъ, встрѣчаются переходныя отъ одной къ другой.

Малостью гороховидной замѣчательны Galeopithecus, Didelphis, Bradypus (142). У рукокрылыхъ, какъ было сказано выше, ея вовсе нѣтъ. Ея не нашли также у китообразныхъ; впрочемъ, Кювье изобразилъ гороховидную у Baleine de Cap (143). Она и здѣсь находится совершенно снаружи запястья и заслуживаетъ названіе прибавочной кости.

Самую необыкновенную форму представляетъ гороховидная у броненосцевъ; можно даже сомнѣваться въ томъ, что это дѣйствительно гороховидная, и потому для ясности я опишу ее послѣ.

2) *Добантонова кость* (Os Daubentonii, le premier de Daubenton (144) P. Camp.). Полагаю удобнымъ назвать такъ эту кость, потому-что Добантонъ дѣйствительно первый нашелъ ее у обезьянъ (145). Она лежитъ между локтемъ, трегранною и гороховидною и нисколько не измѣняетъ формы другихъ костей запястья, какъ-бы замѣщая только промежутокъ пустой у другихъ обезьянъ. Добантонъ нашелъ ее у гиббона и обыкновенной обезьяны. Но она встрѣчается и у другихъ.

(142) *Meckel* ibid. II, 2, 395, 393.

(143) Oss. Foss. pl. 227, f. 23.

(144) Вторую Добантонъ считалъ чечевичную, третьею—промежуточную.

(145) Добантонъ думалъ, что онъ открылъ у обезьянъ двѣ прибавочныя (Descr. du Gibbon, XXVIII, 145), но Камперъ (Oeuvres I, 139) показалъ, что только одна была до него не извѣстна, именно первая. Между тѣмъ Фишеръ (Anat. der Maki, s. 140) называетъ Добантоновой его вторую кость, которая, какъ увидимъ, была извѣстна уже Галену.

Такъ Оуэнъ говоритъ о запястьѣ шимпанзе и орангъ-утана: «гороховидная раздѣлена на двѣ кости, такъ-что всѣхъ костей запястья девять (146)». Безъ-сомнѣнія, это указываетъ на Добантонову кость. Что касается до раздѣленія гороховидной, то Оуэнъ не приводитъ основаній для своего предположенія; но, какъ мнѣніе такого знаменитаго анатома, оно заслуживаетъ полнаго вниманія. Впрочемъ, кромѣ Оуэна, никто не нашелъ этой кости у орангъ-утана и шимпанзе. Вроликъ даже положительно говоритъ, что онъ не нашелъ раздѣленія, упоминаемаго Оуэномъ (147). Въ двухъ скелетахъ академическаго музея также невидно другой кости, кромѣ гороховидной.

По свидѣтельству Кювье (148), Добантонова кость заключается въ тяжѣ наружной локтевой мышцы.

3) *Наружная кость* (os externum mihi). Я называю ее такъ потому, что это простое обозначеніе обыкновенно употребляется учеными. Она лежитъ снаружи на сочлененіи крючковатой и пясти мизинца и ее обыкновенно причисляютъ къ нижнему ряду (149).

Добантонъ первый нашелъ ее у ежа (150). Кювье нашелъ подобную кость сперва у дикобраза (151), а потомъ и у многихъ другихъ грызуновъ (152) и въ этомъ-же мѣстѣ встрѣтилъ прибавочную у броненосцевъ (153). Кость эта вообще очень мала и ее трудно найти въ скелетахъ дурно-приготовленныхъ. У выхухоли я нашелъ очень маленькую кость нѣсколько снизу на пястномъ сочлененіи крючковатой. На томъ-же

(146) Transact. of the Zool. Soc. of Lond. vol. I.

(147) Recherches sur le Chimpansé p. 13.

(148) Leç. 1 Ed. I 303.

(149) По мнѣнію Жоли и Лавока (l. c. p. 28), эта кость соотвѣтствуетъ мизинцу въ нижнемъ ряду запястья и обыкновенно сливается съ крючковатою. Жерве весьма основательно отвергаетъ это мнѣніе. Ann. des sc. nat. 1853. XX, 39, 40.

(150) Hist. nat. gén. et particul. XVI, 67.

(151) Leç. d'Anat. Comp. 1 Ed. I, 304.

(152) Oss. Foss. VIII, 1, 93.

(153) Ibid. 241, 242.

мѣстѣ я нашелъ довольно развитую прибавочную у Nasua socialis. Легко можетъ быть, что она довольно обыкновенна у хищныхъ.

II. Прибавочныя на внутреннемъ краю запястья.

Здѣсь также можно считать три кости:

1) Серповидная (os falciforme).

2) Чечевичная (os phacoideum).

3) Дальтонова (os Daltonii).

Первая находится на запястномъ, вторая—на междузапястномъ и третья—на пястномъ сочлененіи. Для ясности я скажу сперва о чечевичной.

1) *Чечевичная* кость (os phacoideum). Она названа такъ Страусъ-Дюркгеймомъ по ея формѣ у домашней кошки (154); лежитъ на лучевомъ краю запястья, на сочлененіи ладьевидной съ большей многоугольной.

Страусъ-Дюркгеймъ невѣрно полагаетъ, что онъ первый описалъ ее у животныхъ. Правда, Добантонъ не упоминаетъ объ ней ни въ одномъ описаніи хищныхъ (155), но уже Кювье въ первомъ изданіи *Чтеній* (156) приписываетъ ее, какъ особенность роду кошекъ; Меккель нашелъ ее также у Nasua (157). Кювье, во второмъ изданіи *Чтеній*, кромѣ кошекъ, приписываетъ ее выдрамъ (158). Въ *Изысканіяхъ объ ископаемыхъ костяхъ* (159) онъ говоритъ:

«Прибавочная кость, лежащая снаружи ладьевидно-лунной и у хищныхъ остающаяся столь малою, что ее не всегда замѣчали, у многихъ грызуновъ увеличивается и становится пло-

---

(154) Anat. du Chat I, 521.

(155) Онъ сводитъ вездѣ на число костей запястья у собаки; поэтому сравни Descr. du chien.

(156) 1 Ed. Leç. I 303.

(157) Syst. der vergl. An. II, 2, 393.

(158) 2 Ed. Leç. I 426.

(159) Oss. Foss. VIII 91.



скою, укрѣпляя собою внутреннюю связку запястья, подъ которою проходятъ тяжи сгибающихъ мышицъ. Часто эта кость больше всѣхъ другихъ (въ запястьѣ) и иногда раздѣлена на двѣ».

Въ примѣчаніи онъ прибавляетъ:

«Съ сожалѣніемъ замѣчаю, что въ описаніи запястьевъ хищныхъ я ничего не сказалъ объ ней; впрочемъ, она хорошо изображена у тигра (pl. 197, fig. 9) на внутреннемъ краю запястья».

Отсюда видно, что Кювье считаетъ кость хищныхъ одноименною съ костью грызуновъ и основывается, конечно, только на одинаковомъ ихъ положеніи, потому-что формы ихъ трудно опредѣлимы и вообще у грызуновъ иныя, чѣмъ у хищныхъ. Если-же такъ, то чечевичною-же костью должно считать и прибавочную кость обезьянъ, о которой онъ говоритъ уже въ первомъ изданіи *Чтеній* (160) и которая занимаетъ то-же мѣсто.

По свидѣтельству Кампера, которому эти историческія разысканія стоили столькихъ трудовъ (161), Галенъ уже описалъ эту кость обезьянъ; Евстахій изобразилъ ее, Мартини, Альбинъ уже говорили объ ней. Наконецъ Добантонъ нашелъ ее у всѣхъ имъ изслѣдованныхъ обезьянъ, кромѣ Мангабея (162). Онъ называетъ ее второю прибавочною (считая въ числѣ ихъ и промежуточную). Самъ Камперъ прибавляетъ, что она существуетъ у всѣхъ собакъ и изъ обезьянъ даже у орангъ-утана (163).

Наконецъ Бленвиль, согласно съ Камперомъ (164), называющій ее сесамоидальною въ тяжѣ длинной отводящей мышцы

---

(160) L'autre, hors de rang, sur le bord du scaphoide et du trapèze.

(161) Oeuvres T. I, 137.

(162) *P. Camper* Oeuvres I, 141. Я также не нашелъ ея у Cercopithecus fuliginosus.

(163) Ibid. 239.

(164) Ibid. 138.



большаго пальца (165), приписываетъ ее вообще рукокрылымъ, насѣкомояднымъ и хищнымъ (166).

И такъ чечевичная кость принадлежитъ всѣмъ когтистымъ животнымъ и теперь должно стараться съ точностію опредѣлить только исключенія изъ этого общаго правила, что вообще трудно. Такъ напримѣръ въ *Остеографіи* Бленвиля ея нѣтъ въ изображеніяхъ запястьевъ Pteropus jubatus и Molossus ursinus (167), но ничего не сказано въ текстѣ объ этомъ уклоненіи. Дальтонъ-же нашелъ и изобразилъ ее у Pteropus (видъ неизвѣстенъ) (168). Дѣйствительный пропускъ встрѣчается у Бленвиля въ статьѣ о собакахъ. Чечевичная не изображена у волка и лисицы (169).

Достовѣрно извѣстно, что ея нѣтъ у медвѣдя, и Кювье отличалъ ископаемую ладьевидную этого рода отъ львиной тѣмъ, что у медвѣжьей нѣтъ сочлененія для чечевичной (170).

Никто не нашелъ ея также у ластоногихъ.

У обезьянъ эта кость мала, кругловата и прикрѣпляется снизу къ ладьевидной.

У рукокрылыхъ, у которыхъ кость пясти большаго пальца охватываетъ большую многоугольную и сочленяется къ ладьевидно-лунной, маленькая чечевичная сидитъ сбоку на ладьевидно-лунной.

У крота она едва замѣтна (найдена Меккелемъ (171)) и сидитъ только на большей многоугольной. Подобную я нашелъ у выхухоли.

Большаго развитія чечевичная достигаетъ у хищныхъ и нерѣдко ни по величинѣ, ни по сочлененіямъ не отличается отъ

(165) Впрочемъ, Бленвиль признаетъ, что у виверръ она принадлежитъ нѣсколько и внутреннему корню собственной ладонной связки. Viverras, 38.

(166) У рукокрылыхъ она была замѣчена Меккелемъ. Syst. II 2, 395.

(167) Cheiropt. pl. XI.

(168) Taf. VI, fig. g. et h. lit. c.

(169) Canis. pl. X.

(170) Oss. Foss. VII, 292.

(171) Syst. II, 2, 394.



другихъ костей запястья. Въ самомъ родѣ кошекъ, у гепарда, она, по свидѣтельству Бленвиля (172), продолговата и сочленяется съ костью пясти большаго пальца. Она коротка, толста и также сочленяется съ трехъ сторонъ съ окружающими костями у морскаго бобра.

У россомахи, у соболя и, по свидѣтельству Бленвиля, у рателя (173) чечевичная удлинена къ ладони подобно гороховидной.

Наконецъ у грызуновъ она нерѣдко превосходитъ гороховидную по величинѣ и часто сходна съ нею по формѣ. Большое развитіе и ясное взаимное отношеніе этихъ двухъ костей можно видѣть у Pedetes и Dipus. Обѣ представляютъ пластинки, загнутыя съ краевъ запястья на ладонь, такъ-что ихъ свободные концы проходятъ одинъ мимо другаго: конецъ гороховидной — кверху, чечевичной — книзу. Такимъ-образомъ тяжи сгибающихъ мышицъ у этихъ животныхъ окружены костями со всѣхъ сторонъ. Къ подобной формѣ чечевичная приближается и тамъ, гдѣ гороховидная толста и пряма, напримѣръ у сурка. Кромѣ-того къ чечевичной на ладони книзу примыкаютъ нерѣдко, какъ ея продолженія, костяныя или хрящевыя пластинки, которыя нашелъ уже Меккель у Pedetes (174) и Hystrix (175); эти-же пластинки, вѣроятно, разумѣетъ Кювье, когда говоритъ, что чечевичная бываетъ раздѣлена надвое (176), какъ онъ нашелъ у Helamys (177), Dipus и Arctomys (178).

Меккель нашелъ (179) у сурка двѣ лишнія кости на внутреннемъ краю запястья и принимаетъ ихъ обѣ за раздѣленную прибавочную Кювье, почему и упрекаетъ Кювье въ томъ,

(172) Osteogr. Felis, 50.
(173) Osteogr. Mustela, 34.
(174) Syst. II, 2, 389.
(175) Ibid. 391.
(176) Oss. Foss. VIII, 1, 92.
(177) Ibid. 92.
(178) 1 Ed. Leç. I, 304.
(179) Syst. II, 2, 388 et 418.

что онъ, на слѣдующей страницѣ (180), тѣ-же кости описываетъ, какъ зачатокъ большаго пальца (181). Во второмъ изданіи *Чтеній* (182) Кювье оставилъ свои слова безъ перемѣны, но послѣ словъ о зачаткѣ большаго пальца прибавилъ: «et il y a de plus un os surnumeraire interne». Очевидно, разнорѣчіе произошло отъ индивидуальныхъ различій въ скелетахъ, потому-что Меккель (183) изслѣдовалъ даже трупы. Первая его кость, вѣроятно, есть зачатокъ большаго пальца, вторая—чечевичная безъ прибавочной пластинки.

Всѣ отношенія чечевичной кости у грызуновъ приводятъ къ мысли, выраженной Меккелемъ (184), что она есть окостенѣвшая внутренняя часть собственной ладонной связки.

Гораздо менѣе основаній было у Кювье для предположенія, что «она есть, можетъ быть, особый зачатокъ ладьевидной, подавшейся такимъ-образомъ наружу (185)». Такое мнѣніе, внушенное, вѣроятно, желаніемъ найти отдѣльно тѣ-же части у всѣхъ млекопитающихъ, основывается конечно на томъ, что прибавочная кость очень развита у хищныхъ и грызуновъ, гдѣ именно вмѣсто двухъ костей находимъ одну — ладьевидно-лунную. Но Кювье упустилъ изъ вида обезьянъ, не считая ихъ кость одноименною съ чечевичной. Впрочемъ, тутъ-же (186) онъ самъ говоритъ о Bathyergus: «не смотря на присутствіе настоящей ладьевидной, на внутреннемъ краю есть прибавочная кость, сочлененная съ ладьевидной и съ костью пясти большаго пальца, такъ-что она какъ-бы входитъ въ составъ запястья и оттѣсняетъ внутрь его большую многоугольную».

Наконецъ весьма замѣчательно, что чечевичная есть у слона,

---

(180) 1 Ed. Leç. I 305.

(181) Что Кювье здѣсь говоритъ о другихъ костяхъ, видно впрочемъ уже изъ того, что онъ считаетъ въ зачаткѣ три кости, а не двѣ.

(182) 2 Ed. Leç. 428.

(183) Ibid. 389.

(184) Ibid. 390.

(185) Oss. Foss. VIII 1, 91.

(186) Ibid. 93.



тогда-какъ вообще всѣ копытныя не имѣютъ прибавочныхъ костей. Кость эту нашелъ у слона П. Камперъ и изобразилъ ее на XXIII табл. ф. 1, подъ буквою L (Descr. de l'Elephant). Она продолговата и соединяется съ большой многоугольной связкою. Ни Кювье, ни Бленвиль и никто другой не видали этой кости.

2) *Серповидная кость* (Os falciforme. Os semblable à un fer de faux Cuv. Sichelförmige Meck.) названа такъ по своей формѣ и встрѣчается у крота на внутреннемъ краю запястья, на сочлененіи луча съ ладьевидною. Здѣсь прикрѣпляется одинъ конецъ серпа, другой достигаетъ основнаго сустава большаго пальца. Значеніе этой кости очень темно. Ее можно-бы принять за измѣненную чечевичную (187); но, судя по всему, это названіе должна носить маленькая кость, найденная Меккелемъ. Точно также двѣ прибавочныя нашелъ я на внутреннемъ краю запястья выхухоли. У нея нѣсколько продолговатая костяная пластинка налегаетъ сбоку на ладьевидную кость и въ то-же время на большой многоугольной кости лежитъ весьма маленькая чечевичная; обѣ прибавочныя соединены между собою связочною массою. Очевидно пластинка соотвѣтствуетъ серповидной крота; необыкновенная форма этой кости крота вполнѣ согласуется съ особенностями другихъ его костей, напр. гороховидной, которая имѣетъ видъ пластинки и лежитъ очень высоко.

Вѣроятно, серповидная встрѣчается и у другихъ животныхъ; сюда напримѣръ можно причислить кость птицезвѣрей, находящуюся сзади ладьевидно-лунной; ее нельзя принять за чечевичную, потому-что она сочленяется съ лучемъ, составляя въ этомъ отношеніи какъ-бы продолженіе ладьевидно-лунной. По свидѣтельству Меккеля (188) и Оуэна (189), эта кость развивается въ тяжѣ flexoris carpi radialis. Еще съ большимъ правомъ можно за серповидную принять кость, найденную До-

(187) Такъ, кажется, предполагалъ Меккель, Syst. II, 2, 394. Впрочемъ, онъ выражается темно; именно, маленькую, имъ найденную прибавочную, онъ причисляетъ къ болѣе обыкновеннымъ костямъ.

(188) Ibid. III, 543.

(189) Cyclop. III, 377.



бантономъ у енота и коати, потому-что здѣсь есть также и чечевичная. Онъ называетъ серповидную первою костью перваго ряда (190); по совершенной ясности его описанія, нельзя сомнѣваться въ томъ, что именно эта кость у нихъ лишняя противъ другихъ хищныхъ. Чечевичная естѣ первая кость втораго ряда, которая занимаетъ точно такое-же положеніе, какъ напримѣръ у морскаго бобра (см. фиг. 10).

3) *Дальтонова кость* (Os Daltonii mihi.). Дальтонъ младшій нашелъ ее у Phyllostoma hastatum (191). Она лежитъ на сочлененіи большой многоугольной съ костью пясти большаго пальца, и слѣдовательно по своему положенію ясно отличается отъ другихъ костей.

III. Прибавочныя на тыльной сторонѣ.

Здѣсь я знаю двѣ кости:

1) Кость, которую я нашелъ у морскаго бобра (фиг. 10); она лежитъ на сочлененіи луча съ ладьевидно-лунною и представляетъ круглую и плоскую кость, занимающую углубленіе, образуемое названными костями. Вѣроятно, она встрѣчается и у других млекопитающихъ; по-крайней-мѣрѣ я нашелъ въ этомъ-же мѣстѣ очень маленькую кость въ скелетѣ хорька.

2) Кость, найденная Дальтономъ младшимъ у Phyllostoma hastatum (192). Она лежитъ на сочлененіи костей пясти указательнаго и средняго пальца съ головчатою.

IV. Прибавочныя на ладонной сторонѣ запястья.

Здѣсь также извѣстны мнѣ только двѣ кости:

1) Кость, образуемая окостенѣніемъ тяжей мышицъ, сгибающихъ пальцы. Наибольшаго развитія она достигаетъ у броненосцевъ, у которыхъ эта кость описана Кювье (193).

---

(190) Hist. nat. gén. et part. XVII, p. 198.
(191) Skelete der Chiropt. etc. S. 11, Taf. VII, fig. h. lit. e.
(192) Ibid. Taf. VII, fig. h. lit. h.
(193) Oss. Foss. VIII, 1, 241, 243, pl. 212, f. 12, 13.

Здѣсь она становится больше, чѣмъ какая-нибудь другая кость запястья. Я имѣлъ случай видѣть ее во вновь пріобрѣтенномъ скелетѣ D. gigas, въ академическомъ музеѣ, и былъ очень удивленъ расположеніемъ гороховидной у этихъ животныхъ. Именно — гороховидная здѣсь загибается въ видѣ пластинки назадъ и покрываетъ собою заднюю сторону головки локтя; такимъ-образомъ она достигаетъ до лунной, которая, какъ я уже замѣтилъ, очень развита. Кость сгибающихъ мышицъ сочленяется сзади съ широкими поверхностями гороховидной и лунной и притомъ такъ, что совершенно закрываетъ эти поверхности. Отсюда она продолжается впередъ, подходя подъ пясть и постепенно съуживаясь. Такимъ-образовъ вообще эта кость имѣетъ треугольный видъ. Снизу и сзади она представляетъ большой отростокъ, который явно служитъ какъ-бы пяткою для опоры переднихъ членовъ.

Сочлененіе этой кости съ гороховидною и необыкновенная форма и положеніе самой гороховидной заставляютъ предполагать здѣсь измѣненіе общаго типа бо̀льшее, чѣмъ обыкновенно полагаютъ.

У утконоса Меккель нашелъ двѣ кости въ тяжѣ мышцы, сгибающей пальцы (194). Оуэнъ нашелъ подобныя кости у ехидны (195) и прибавляетъ, что онѣ иногда сливаются въ одну. Слѣдовательно эти двѣ кости соотвѣтствуютъ кости броненосца. Но, судя по изображенію Оуэна (196), онѣ лежатъ ниже, именно на пястномъ сочлененіи, и притомъ ни тотъ, ни другой ученый не упоминаютъ о сочлененіи ихъ съ какою-нибудь костью запястья.

Съ костью броненосцевъ Дальтонъ младшій сравниваетъ также кость, найденную имъ на ладони у Phyllostoma hastatum (197) и сочленяющуюся съ головчатой и крючковатой;

(194) Ibid. III, S. 559.
(195) Cyclop. III, 378.
(196) Ibid. 377, fig. 175. l.
(197) L. c. T. VII, fig. i, lit.

сверхъ-того онъ предполагаетъ, что широкая пластинка, которою головчатая выходитъ на ладонь у другихъ рукокрылыхъ (198) и которую замѣтилъ уже Кювье (199), есть не что иное, какъ та-же прибавочная кость, слившаяся съ головчатою.

2) Еще кость на ладонной сторонѣ найдена мною у выдры на сочлененіи кости пясти безъименнаго пальца съ крючковатою.

Очень вѣроятно, что со-временемъ найдутся еще многія прибавочныя кости въ запястьѣ и, можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ окажутся столь-же обыкновенными, какъ чечевичная и гороховидная.

Н. Страховъ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1) Форма частей и переходы отъ одной формы къ другой представляютъ несомнѣнные признаки для опредѣленія гомологическихъ частей.

2) Опредѣленіе гомологическихъ частей имѣетъ то-же значеніе и ту-же важность въ сравнительной анатоміи, какъ строгая естественная система въ зоологіи.

3) Кость, называемая обыкновенно костью пясти большаго пальца, есть кость его перваго сустава.

4) Кости запястья и заплюсны однородны съ остальными длинными костями членовъ.

5) Теорія запястья Оуэна не можетъ быть принята.

6) Раздѣленіе сложныхъ костей на гомологически-сложныя и телеологически-сложныя, предложенное Оуэномъ, не можетъ быть принято.

7) Жизненная сила не должна быть допускаема даже какъ предположеніе.

8) Всѣ вещественныя явленія органическихъ тѣлъ совершаются по необходимымъ вещественнымъ законамъ, какъ и въ неорганической природѣ.

ПОЯСНЕНІЕ ТАБЛИЦЫ.

Всѣ фигуры изображаютъ запястья съ передней стороны, *правыхъ* членовъ, кромѣ фигуръ 5 и 9, изображающихъ *лѣвыя* запястья. Фигуры 3 и 4 увеличены, особенно 4-я. Фигуры 1, 2, 8 и 10 — въ естественную величину. Остальныя уменьшены.

---

(198) Напр. у Pteropus, ibid. Tab. VI, fig. h.

(199) Leç. d'Anat. Comp. p. 303, 1 Ed.

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ОТЧЕТЪ

О

ПУТЕШЕСТВІИ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ.

I. Планъ путешествія и цѣль занятій при поѣздкѣ за границу.

Въ планѣ предпринятаго мною путешествія за границу, кромѣ поправленія моего здоровья, было:

1) Посѣтить преимущественно важнѣйшія, первостепенныя учрежденія для медицинскаго образованія, обширнѣйшія по своему объему и богатѣйшія по своимъ средствамъ, находящіяся преимущественно въ столицахъ и большихъ городахъ Европы.

2) Обозрѣть и тѣ скромныя медицинскія учрежденія, которыя и по своему объему и по своимъ средствамъ, наконецъ по самому числу учащихъ и учащихся, занимаютъ второе, быть можетъ третье, мѣсто въ обширной лѣстницѣ Европейскаго медицинскаго образованія. Эти медицинскія учрежденія привлекли наиболѣе мое вниманіе уже и потому, что они по своимъ небольшимъ размѣрамъ подходили гораздо ближе къ тѣсному кругу моихъ собственныхъ занятій и моей педагогической дѣятельности и легче, слѣдовательно, становилось для меня сравненіе тожественныхъ отношеній своихъ съ чужими, очевиднѣе результаты дѣйствій,

а посѣщая медицинскія учебныя заведенія и болѣе замѣчательные госпитали въ Берлинѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, я имѣлъ возможность видѣть и слышать очень много поучительнаго и новаго какъ въ ученомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи внутренняго ихъ устройства. Много блестящаго и поразительнаго въ самой наружности сихъ учрежденій. Здѣсь не встрѣчается затрудненія ни въ разнообразіи и обиліи матеріала, ни въ большихъ средствахъ къ его разработкѣ, и потому весьма натурально было видѣть и огромные результаты обширной и многосторонней ученой дѣятельности; но за то въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Краковѣ, Бреславлѣ, Галле, Лейпцигѣ, Вюрцбургѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ и проч. — въ этихъ скромныхъ разсадникахъ медицинскаго образованія, я могъ войти въ болѣе подробныя изслѣдованія по предмету моихъ занятій, могъ провѣрить слышанное и видѣнное мною прежде въ сообществѣ людей, у которыхъ больше досуга на эту не весьма легкую работу. Наконецъ

3) Независимо отъ медико-практическихъ заведеній и тѣхъ лицъ, которыя управляютъ ими, я желалъ также на пути моемъ познакомиться и съ другими учеными, извѣстными своими замѣчательными трудами по предмету моихъ собственныхъ занятій или ближайшихъ съ ними по сродству практической медицины съ теоріей. Необходимымъ считаю присовокупить здѣсь, что, предпринимая путешествіе за границу какъ съ ученою цѣлію, такъ и для поправленія моего разстроеннаго здоровья, я нерѣдко чувствовалъ всю трудность соединить эти двѣ равно важныя для меня цѣли: ибо нерѣдко точное выполненіе одной изъ нихъ дѣлало почти невозможнымъ преслѣдованіе другой, по-крайней-мѣрѣ въ одно и то-же время. Такъ напримѣръ, и по собственному моему убѣжденію, и по совѣту наиболѣе извѣстныхъ Германскихъ врачей, я долженъ былъ значительную часть даннаго мнѣ для поѣздки за границу времени употребить для пользованія себя минеральными водами, и вся ученая дѣятельность моя за это время сводится на нѣсколько бѣглыхъ наблюденій и замѣчаній относительно употребленія и дѣйствія посѣщаемыхъ мною целебныхъ источниковъ. Впрочемъ, источники эти слишкомъ давно извѣстны и столько разъ были описаны врачами, что трудно сказать о нихъ что-нибудь новое, и безполезно было-бы повторять то, что всѣмъ извѣстно. А потому изъ цѣлой моей экскурсіи къ различнымъ минеральнымъ источникамъ, число которыхъ довольно значительно, я упомяну только

о тѣхъ, которые были предметомъ моего болѣе спеціальнаго наблюденія, и вообще только о томъ, что мнѣ кажется заслуживающимъ нѣкотораго вниманія.

II. Краковъ и подробное изложеніе клиническаго ученія профессоръ Дитля и его мнѣній о нѣкоторыхъ болѣзняхъ (тифа и холеры). — Хирургическая клиника профессора Біерковскаго. — Краковскій гражданскій госпиталь.

Оставляя предѣлы отечества, я прежде всего направилъ путь мой изъ Варшавы въ Краковъ. Сюда привлекало меня всего болѣе давно извѣстное мнѣ имя и ученые труды клиническаго профессора Дитля (Dietl). Да и кому изъ врачей не извѣстны: «Anatomische Klinik der Gehirn-Krankheiten» и «Der Aderlass in der Lungenentzündung» этого трудолюбиваго и геніальнаго наблюдателя?... Въ медицинской школѣ Кракова, весьма бѣдно надѣленной самыми необходимыми средствами для образованія врачей, я нашелъ въ профессорѣ терапевтической клиники Дитлѣ современнаго представителя новаго медицинскаго направленія. Ученикъ Вѣнской школы, профессоръ Дитль, усвоилъ себѣ методу объективнаго изслѣдованія болѣзненныхъ процессовъ на основаніи анатомико-патологическихъ данныхъ и воспользовался всѣми пріобрѣтеніями, которыми обогатилась наша наука въ послѣднее время, заимствуя все для себя необходимое изъ физики и химіи.

Отчетливый и строгій наблюдатель, многосторонне-образованный, практическій врачъ Дитль и въ своихъ теоретическихъ лекціяхъ и въ своей клиникѣ слѣдуетъ путемъ физіологическаго анализа; съ самою положительною отчетливостію и строгой критикой опредѣляетъ онъ значеніе и сущность всякаго явленія, приводитъ въ логическую связь одно съ другимъ, отдѣляя существенное отъ случайнаго, и наконецъ, группируя всѣ явленія по ихъ настоящему значенію, приходитъ къ познанію органическаго цѣлаго самымъ простымъ и естественнымъ путемъ, безъ посредства всякой натянутой теоріи. Простой и естественный этотъ путь, о которомъ сказалъ я, вовсе впрочемъ не такъ легокъ, какъ онъ кажется съ перваго взгляда. Въ клиникѣ Дитля нѣтъ ни одного явленія, которое-бы не было имъ, такъ сказать, истощено до самыхъ крайнихъ предѣловъ изслѣдованія. Вѣсъ всего тѣла больнаго, пульсъ, дыханіе, температура кожи больнаго, всѣ главнѣйшія отдѣленія въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ изслѣдуются имъ

ежедневно и, если могу такъ выразиться, съ математическою точностію. Однимъ словомъ: всѣ пособія технической діагностики находятъ здѣсь свое приложеніе въ каждомъ данномъ случаѣ. Для химическихъ анализовъ различныхъ продуктовъ и въ-особенности для количественнаго анализа мочи находятся всѣ необходимые снаряды и особенно устроена маленькая лабораторія. Производствомъ-же химическихъ операцій занимается спеціально къ тому приготовленный помощникъ его по клиникѣ, докторъ Капчинскій.

Въ весьма немногочисленной слушателями (отъ 15 до 20 студентовъ) клиникѣ профессора Дитля, устроенной на 36 кроватей, я видѣлъ въ числѣ другихъ много лихорадочныхъ болѣзней, и тутъ-же узналъ я, что это одна изъ мѣстныхъ и наиболѣе господствующихъ болѣзней въ Краковѣ.

Низменное положеніе города, окруженнаго съ одной стороны болотистою мѣстностію, составляетъ, конечно, одно изъ главныхъ условій эндемическаго развитія лихорадочной міазмы и вреднаго ея вліянія; тѣсныя и грязныя улицы, особенно въ той части города, гдѣ отдѣльно отъ христіанъ проживаютъ Евреи, составляющіе значительную часть общаго народонаселенія Кракова (въ городѣ до 50,000 жителей), составляютъ главное гнѣздно болѣзни. Мнѣ особенно было интересно видѣть въ клиникѣ Дитля многоразличныя *переходныя формы* болѣзненныхъ процессовъ, возникающихъ вслѣдствіе перемежающейся лихорадки, и между сими послѣдними особенно часто замѣчаемое здѣсь пораженіе какъ центральныхъ, такъ и периферическихъ частей нервной системы (различныя формы паралича). Постоянное и тщательное изслѣдованіе мочи въ различныхъ болѣзняхъ привело профессора Дитля къ открытію въ довольно значительномъ количествѣ сахара въ мочѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ болѣзнь не выражалась еще значительно-увеличеннымъ количествомъ этого отдѣленія и прошла-бы, быть-можетъ, незамѣченною или во-всякомъ случаѣ не заслуживала-бы названія Diabetes sacharatus. А видѣлъ нѣсколько пробъ такой мочи, сохраняемой въ-теченіе весьма долгаго времени, удерживающей кислое свойство и ясно показывающей присутствіе сахара.

Двѣ равно-губительныя болѣзни, обратившія на себя въ послѣднее время вниманіе большей частей извѣстныхъ врачей, были тоже предметомъ особеннаго изученія и со-стороны профессора Дитля. Я разумѣю здѣсь *холеру* и *тифъ*. Патологія и терапія этихъ двухъ болѣзней, провѣренныя въ изслѣдованіяхъ профессора Дит-

ля со свойственными ему проницательностію и строгой критикой, обогатились нѣкоторыми весьма дѣльными замѣчаніями. Само-собою разумѣется, что я не могу входить здѣсь въ какія-либо подробности ученія Дитля объ этихъ двухъ весьма важныхъ процессахъ, о которыхъ онъ въ послѣднее время сообщилъ уже нѣкоторыя свои идеи и въ повременныхъ изданіяхъ (см. Wiener Midizinische Wochenschrift 1855 и 1856 г.); потому я ограничиваюсь здѣсь только нѣкоторыми общими замѣчаніями, которыя кажутся мнѣ наиболѣе заслуживающими вниманія. Наблюденія Дитля относительно холеры, которую онъ тщательно изслѣдовалъ въ эпидеміи, господствовавшія въ разное время въ Вѣнѣ, основаны болѣе чѣмъ на 2000 случаевъ. Дитль нисколько не сомнѣвается въ заразительности этой болѣзни, но въ то-же время допускаетъ и міазматическое ея распространеніе, и сравниваетъ ее въ этомъ отношеніи съ тифомъ и высыпными горячками (оспой, скарлатиной, корью); вотъ почему, по мнѣнію Дитля, обыкновенныя карантинныя мѣры не принесли до-сихъ-поръ никакой пользы для остановленія гибельнаго распространенія этой болѣзни. Сгущаемость крови, независимо отъ другихъ ея измѣненій, находится въ прямой связи съ главными явленіями болѣзни, а именно: съ выдѣленіемъ сывороточной ея части въ кишечный каналъ. Такъ-называемая сухая холера (Cholera sicca), принимаемая нѣкоторыми, по мнѣнію Дитля, не существуетъ. Характеристическое испражненіе низомъ во-время холерной эпидеміи составляетъ уже самую холеру, хотя-бы притомъ не было никакихъ другихъ явленій. Поносъ есть главнѣйшій припадокъ болѣзни, противъ котораго должно быть направлено все леченіе. Пренебреженіе его въ то время, когда есть еще возможность остановить дальнѣйшее развитіе болѣзни, составляетъ, по мнѣнію Дитля, главную причину губительности холеры и совершеннаго бездѣйствія всякой терапіи впослѣдствіи; въ противномъ-же случаѣ, холеру можно назвать одного изъ *самыхъ удобоизлечимыхъ болѣзней*, если только захватить ее въ самомъ началѣ. При дальнѣйшемъ развитіи болѣзни все будетъ зависѣть отъ періода, въ которомъ подана помощь больному, и здѣсь, какъ и въ другихъ болѣзняхъ, есть предѣлы искусству, когда уже ничто не помогаетъ. Изъ всѣхъ средствъ, испытанныхъ Дитлемъ противъ холеры, *три* слѣдующія заслуживаютъ, по его мнѣнію, предпочтенія предъ всѣми прочими, именно: *опіумъ*, *каломель* и *камфора*, изъ нихъ первый

—въ-началѣ, а два послѣдніе—при дальнѣйшемъ ходѣ и развитіи холеры.

Въ ученіи Дитля относительно тифозной горячки я останавливаюсь только на тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ я совершенно раздѣляю мнѣніе извѣстнаго Краковскаго профессора; скажу болѣе: я былъ совершенно счастливъ, нашедши въ мнѣніи Дитля подтвержденіе тѣхъ самыхъ убѣжденій, которыя служили самому мнѣ основаніями моихъ медико-практическихъ дѣйствій; съ-тѣхъ-поръ, какъ я, за шестнадцать лѣтъ предъ симъ, посвятивши себя исключительному изученію этого важнаго практическаго предмета, избралъ его темой для моей инавгуральной диссертаціи (Nonnula de Typho abdominali. 1841).

Тифъ, какъ и холеру, Дитль наблюдалъ преимущественно въ Вѣнѣ, и въ числѣ многихъ другихъ и въ ту губительную эпидемію, которая съ такою жесткостію свирѣпствовала въ 1842 году. Въ это-же время, бывши въ Вѣнѣ, я самъ имѣлъ случай наблюдать эту эпидемію въ первую мою поѣздку за границу. Со времени Гильдебрандта до-сихъ-поръ цѣлыя библіотеки написаны о тифѣ. Названіе экзантематическаго тифа (Typhus exanthematicus) — *Горячки съ пятнами*—повторяются во всѣхъ пиретологіяхъ, а между прочимъ Дитль первый тщательно описалъ и опредѣлилъ значеніе двухъ совершенно-отличныхъ родовъ сыпи, замѣчаемой въ тифѣ. Прежде всего нельзя не согласиться съ Дитлемъ, что *всякій тифъ* сопутствуется болѣе или менѣе сыпью, и ежели есть исключеніе изъ этого правила, то оно чрезвычайно рѣдко—до того, что тамъ, гдѣ нѣкоторые врачи не находятъ сыпи въ тифѣ, можно еще иногда усомниться въ томъ, дѣйствительно-ли ея не было, или только присутствіе ея въ небольшемъ количествѣ не было замѣчено недовольно опытнымъ въ этомъ дѣлѣ наблюдателемъ. Два совершенно различные характера представляетъ сыпь въ двухъ различныхъ формахъ тифа. Одна изъ нихъ Roseola maculata — та самая, которая служила уже Гильдебрандту основаніемъ (критеріумомъ) для точнѣйшаго опредѣленія и названія по ея имени самой формы болѣзни. Она состоитъ изъ маленькихъ красноватыхъ, неправильной формы пятнышекъ, очень похожихъ въ-началѣ на корную сыпь, распространяется большею частію по всѣму тѣлу, иногда въ значительномъ количествѣ, и во всякомъ случаѣ обильнѣе втораго рода сыпи, о которой я скажу ниже нѣсколько словъ. Сыпь эта составляетъ главное и необходимое явленіе той формы тифа, ко-

торая и современными врачами описана подъ названіемъ *экзантематозпаго* или *заразительнаго* (Typhus contagiosus).

Другой родъ сыпи—Roseola papulata, похожей на предыдущую, но уже заключающейся не въ простой гипереміи кожи и образованіи сказанныхъ пятнышекъ, представляетъ собою подкожный инфильтратъ въ видѣ маленькаго пупырышка или узелка, осязаемаго при ощупываніи пальцемъ, и неисчезающій при давленіи, какъ сыпь перваго рода. Roseola papulata весьма рѣдко бываетъ очень распространена на тѣлѣ — напротивъ, весьма часто встрѣчается въ весьма небольшомъ количествѣ и преимущественно подъ ложечкою, распространяется отсюда на грудь и на животъ. Сыпь эта составляетъ принадлежность абдоминальнаго тифа. Тщательное изслѣдованіе и принимаемое Дитлемъ существенное отличіе одной сыпи отъ другой, а въ-особенности то значеніе, которое онъ приписываетъ каждой изъ нихъ, обогащаетъ весьма важнымъ фактомъ дифференціальную діагностику этихъ двухъ весьма сходныхъ формъ тифознаго процесса, независимо отъ другихъ анатомическихъ и клиническихъ данныхъ, на которыхъ основано принимаемое отличіе одной формы отъ другой. Мы говоримъ *формы* болѣзни: ибо, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что главная сущность болѣзненнаго процесса, несмотря на всѣ различія явленій, остается одна и та-же; въ *сущности* есть только *одинъ тифозный процессъ*, видоизмѣняющійся по характеру эпидеміи и другимъ условіямъ, и что всѣ споры и противорѣчія врачей, наблюдавшихъ эту болѣзнь въ различное время, въ различныя эпидеміи и при различныхъ условіяхъ, сводятся именно на отличіе одной формы болѣзни. Такъ въ бытность мою теперь въ Парижѣ я неоднократно имѣлъ случай слышать сужденіе многихъ извѣстныхъ врачей о большой разницѣ, существующей между такъ-называемой тифоидальной горячкой (fièvre typhoïde), постоянно господствующей въ Парижѣ, и собственно тифомъ, особенно свирѣпствовавшимъ съ такою жестокостію во Французскихъ войскахъ, находившихся въ Крыму.

Конечно, никто не станетъ утверждать, что тифозный процессъ въ такомъ видѣ, какъ онъ являлся въ достопамятныя эпидеміи прошлыхъ столѣтій и описанъ Фракасторомъ (1528 г.), Ромадзини (1692—94), Редереромъ и Ваглеромъ (1760), Сарконе (1764), или какъ онъ свирѣпствовалъ и въ началѣ нашего столѣтія и описанъ Гильдебрандтомъ (1813—1814) и въ послѣднюю кампанію (1854—1856), никто не будетъ утверждать, что такой тифъ и эндемически

господствующая въ Парижѣ такъ-называемая тифоидная горячка (f. typhoïde) составляютъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно тожественную болѣзнь. Но не менѣе того раждается совершенно справедливый вопросъ: на какое существенное отличіе сводится вся разница между этими двумя болѣзнями? На разницу-ли въ явленіяхъ или въ теченіи этихъ болѣзней? Но здѣсь-то именно и замѣчается допускаемое весьма многими сходство между этими болѣзнями. На болѣе глубокое общее пораженіе всего организма, болѣе жестокій, злокачественный характеръ, замѣчаемый въ тифѣ, особенно какъ онъ свирѣпствовалъ въ послѣднюю эпидемію, въ сравненіи съ тифоидною горячкою; но всѣмъ извѣстно, что одна и та-же болѣзнь, напримѣръ скарлатина, одинъ разъ является въ самой легкой, доброкачественной формѣ, а въ другое время представляется въ видѣ самой губительной и злокачественной эпидеміи. Быть можетъ, — какъ думаютъ Французскіе врачи — существенная разница между этими болѣзнями должна быть основана на различіи въ локализаціи (localisation), которая, какъ извѣстно изъ наблюденій Французскихъ врачей, вовсе не выражалась въ Крымскомъ тифѣ тѣми характеристическими измѣненіями въ кишечномъ каналѣ, которыя постоянно находятся у страждущихъ тифоидной Французской горячкой; но уже съ давнихъ временъ преимущественно Германскіе врачи именно на этой разницѣ въ локализаціи тифознаго продукта хотѣли основать самое различіе видоизмѣненій болѣзни.

Наконецъ, быть-можетъ, неподлежащая, конечно, никакому сомнѣнію заразительность тифа или и самая терапія, противъ него употребляемая, поставляетъ наибольшую разницу между двумя болѣзнями?... Но — заразительность или незаразительность одной и той-же болѣзни весьма много и часто зависитъ отъ совокупности другихъ условій, среди которыхъ она возникаетъ и распространяется: поэтому заразительность многихъ болѣзней есть иногда условное понятіе, допускаемое одними и отвергаемое другими. Терапія-же ни въ какомъ случаѣ не опредѣляетъ существенной разницы между болѣзнями, а только иногда можетъ указывать на различіе такъ-называемаго *генія эпидемическаго*, дѣлающаго болѣе полезнымъ тотъ или иной способъ леченія. И такъ невольно повторимъ еще разъ вопросъ: насколько разница между тифомъ и тифоидною горячкою относится къ самому существу этихъ болѣзней и насколько къ ихъ формѣ и характеру?...

Но, обращаясь снова къ тифозной сыпи, мы вполнѣ согласны съ Дитлемъ, что семіотическій этотъ признакъ есть едва-ли *не единственно вѣрный*, чтобы не сказать патогномоническій для отличій тифа отъ нѣкоторыхъ сходныхъ съ нимъ болѣзней, съ которыми его такъ нерѣдко смѣшиваютъ, и что съ этой стороны явленіе это пріобрѣтаетъ сугубую важность; согласны мы и въ томъ, что отсутствіе этого одного признака дѣлаетъ сомнительною діагностику тифа, несмотря на многія другія явленія, дѣлающія его вѣроятнымъ, тогда-какъ появленіе тифозной сыпи не оставляетъ никакаго сомнѣнія относительно натуры болѣзни

Въ терапіи тифа Дитль прежде всего справедливо вооружается противъ употребленія, или, правильнѣе сказать, злоупотребленія рвотныхъ и слабительныхъ средствъ и особенно первыхъ,—этой, говоря словами Бульйо, *Methode stercorale*, какъ онъ называетъ способъ леченія, употребляемый докторомъ Деларокомъ. Дитль говоритъ далѣе, что роль, которую суждено было играть при леченіи тифозной горядчки обширному классу возбуждающихъ средствъ (каковы: Arnica, Valeriana, Angelica, Serpentaria, Moschus, Camphora, Phosphorus и друг.), давно уже пережила свое время, и что кровопусканіе также мало приноситъ пользы, какъ и только-что приведенныя нами средства.

Наконецъ профессоръ Дитль сознается, что и терапія новѣйшаго времени, основанная на анатоміи и физіологіи болѣзненнаго процесса и на точныхъ наблюденіяхъ у постели больныхъ, однимъ словомъ терапія современная—та, которой держится самъ Дитль, не можетъ указать никакихъ надежныхъ специфическихъ средствъ, могущихъ остановить въ дальнѣйшемъ развитіи одинъ разъ начавшійся болѣзненный процессъ. И такъ, отвергая всякое специфическое и еще болѣе всякое слишкомъ энергическое леченіе тифа и придерживаясь болѣе экспектативнаго способа при леченіи этой болѣзни, профессоръ Дитль считаетъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій правильное діэтетическое содержаніе вообще и укрѣпленіе силъ больнаго соотвѣтствующею пищею. Надобно, говоритъ Дитль, укрѣпить больнаго, чтобы онъ могъ побѣдоносно выдержать борьбу съ болѣзнію. Эти слова Дитля напоминаютъ другую старую фразу также весьма извѣстнаго врача, который совѣтуетъ лечить тифознаго больнаго *такъ, чтобы его стало на болѣзнь.* Изъ аптечныхъ средствъ Дитль при леченіи тифа предпочитаетъ всѣхъ другихъ минеральныя кислоты, замѣчая одна-

кожь, что ни химическія дѣйствія этихъ средствъ, ни качество крови у тифозныхъ больныхъ, ни прямое вліяніе кислотъ на главнѣйшіе припадки тифа не объясняютъ *достаточно* специфическаго ихъ дѣйствія противъ этой болѣзни, и только одно клиническое наблюденіе показываетъ, что при леченіи тифа кислотами теченіе болѣзни бываетъ болѣе благопріятное, болѣе правильное и легкое. Если и кислоты не приносятъ существенной пользы въ тифѣ, то онѣ *навѣрно не вредятъ*, говоритъ Дитль, а между-тѣмъ кисловатое питье пріятно для больнаго, освѣжаетъ его и успокоиваетъ. Вотъ главная идея Дитля, и потому Potio acidula составляетъ его любимую формулу при леченіи тифозныхъ больныхъ, а между всѣми другими кислота фосфорная (Acidum phosphoricum) употребляется чаще другихъ. Въ-заключеніе терапіи тифа, усвоенной Дитлемъ, я долженъ еще присовокупить, что онъ восхваляетъ особенную, можно сказать, специфическую пользу сѣрно-кислаго хинина, употребляемаго въ большихъ пріемахъ противъ главнѣйшихъ нервныхъ припадковъ въ такъ-называемомъ нервномъ періодѣ тифа, и пользу эту, кромѣ многихъ другихъ случаевъ, испыталъ онъ, по его словамъ, на самомъ себѣ, перенесши тифъ въ недавнее время.

Кромѣ клиники профессора Дитля, я посѣщалъ также въ Краковѣ хирургическое отдѣленіе профессора Біерковскаго и видѣлъ его довольно богатое собраніе патологическихъ препаратовъ и рисунковъ, представляющихъ особенно-замѣчательныя болѣзненныя формы. Все это сдѣлано самимъ профессоромъ и составляетъ его собственность. Большая часть изъ нихъ составлены профессоромъ Біерковскимъ во-время его путешествія къ Карпатамъ и въ другія владѣнія Австріи.

Въ клиникѣ профессора Біерковскаго я видѣлъ страшные случаи раненія рабочихъ людей, служащихъ на желѣзной дорогѣ. И не удивительны такіе случаи послѣ того большаго безпорядка, который видишь на желѣзныхъ дорогахъ въ цѣлой Австріи вообще, и на Краковской желѣзной дорогѣ въ-особенности.

Навѣщалъ я также въ Краковѣ Гражданскій госпиталь, устроенный на 250 кроватей, и находящееся при немъ особенное отдѣленіе для малолѣтныхъ и грудныхъ дѣтей, приблизительно на 150 кроватей, состоящія въ завѣдываніи профессора акушерства Квасневскаго. Осматривалъ и военный госпиталь, помѣщаемый въ разныхъ зданіяхъ и устроенный для помѣщенія въ пол-

номъ комплектѣ 1,100 человѣкъ больныхъ, изъ которыхъ самая значительная часть (до 500 человѣкъ) помѣщается въ старомъ замкѣ,—прежнемъ мѣстопребываніи Польскихъ королей. Ни тотъ ни другой госпиталь не заслуживаютъ никакого вниманія ни въ административномъ, ни въ сціентифическомъ отношеніяхъ. Особенно не понравилось мнѣ помѣщеніе солдатъ на койкахъ со всѣмъ ихъ багажемъ, находящимся тутъ-же у изголовья. Вездѣ неопрятно, тѣсно и видно мало порядка и заботливости о больныхъ.

Вообще Краковъ съ его медицинскими учрежденіями произвелъ на меня самое грустное внечатлѣніе: во всемъ замѣтенъ недостатокъ и умышленно или по-необходимости допускаемое ограниченіе средствъ, стѣсняющее и врачей и больныхъ!..

III. Бреславль и его медицинскія заведенія. — Терапевтическая клиника профессора Фрерихса. — Хирургическая клиника профессора Миддельдорпфа. — Анатомическій кабинетъ, физіологическій институтъ и химическая лабораторія. — Бреславльскій госпиталь Всѣхъ Святыхъ.

Изъ Кракова я проѣхалъ на Бреславль и остановился здѣсь для осмотра университетскихъ клиникъ и находящагося въ-связи съ ними большаго городскаго госпиталя. Можно-бы провести весьма правильное сравненіе между Бреславлемъ и Краковомъ, какъ въ отношеніи сходнаго ихъ значенія въ системѣ медицинскаго образованія въ своемъ государствѣ, такъ и въ отношеніи той ученой дѣятельности и средствъ, которыя предоставлены имъ въ-сравненіи съ столицами. Но сколько при подобномъ сравненіи выигрываетъ Бреславль, столько-же теряетъ Краковъ. Пруссія дала Бреславлю все, чего можетъ ожидать и желать провинціальный университетъ. Вездѣ видно благоустройство, вездѣ заботливая попечительность правительства о нуждахъ учащихъ и учащихся. Въ Бреславлѣ, какъ и въ Краковѣ, весьма небольшой медицинскій факультетъ, но клиники для числа слушателей довольно обширны.

Терапевтическая клиника въ Бреславлѣ, находящаяся въ завѣдываніи профессора Фрерихса (Frerichs), устроена на 52 кровати. Я присутствовалъ при клиническихъ визитаціяхъ этого профессора и нашелъ въ немъ послѣдователя того-же медицинскаго ученія и направленія, о которомъ я упоминалъ, говоря о Дитлѣ, — тотъ-же объективный способъ изслѣдованія, то-же анатомико-физіологическое основаніе ученія практической медицины. Гуморальная патологія вообще и, какъ ближайшее послѣдствіе этого теорети-



ческаго взгляда, химическій анализъ находятъ самое обширное приложеніе въ клиникѣ Фрерихса, и я упомяну здѣсь только о той важной ролѣ, которую онъ, вслѣдствіе своихъ химическихъ изслѣдованій, приписывалъ такъ недавно двумъ химическимъ тѣламъ—тирозину и левцину, какъ весьма вѣрнымъ признакамъ нѣкоторыхъ болѣзней печени. Профессоръ Фрерихсъ весьма тщательно слѣдитъ за успѣхами аускультаціи и въ этомъ отношеніи имѣетъ весьма дѣятельнаго помощника въ ассистентѣ своемъ, докторѣ Рюлѣ (ср. Замѣчанія Общества врачей въ Вѣнѣ).

Въ хирургической клиникѣ профессора Миддельдорпфа (Middeldorpf) я видѣлъ практическое приложеніе гальвано-кавстическаго способа леченія нѣкоторыхъ формъ хирургическихъ болѣзней посредствомъ изобрѣтеннаго имъ особеннаго снаряда (см. его Die Galvanokaustik. Ein Beitrag zur operativen Medicin).

Я осмотрѣлъ кромѣ того въ Бреславлѣ анатомическій и анатомико-патологическій кабинеты, весьма замѣчательные въ Германіи по своему богатству матеріала, которымъ они между прочимъ весьма много обязаны трудамъ настоящаго своего профессора, бывшаго прежде прозекторомъ, доктора Баркова (Barcow). Особенно замѣчательно собраніе остеологическое и по сравнительной анатоміи. Въ физіологическомъ институтѣ, находящемся въ вѣдѣніи профессора Рейхерта (бывшаго профессора Дерптскаго университета), я видѣлъ превосходное собраніе препаратовъ, относящихся до утонченной анатоміи головнаго мозга и глаза, приготовленныхъ имъ въ послѣднее время. Институтъ этотъ и химическая лабораторія, въ завѣдываніи профессора Левига (Lowig), повидимому не оставляютъ ничего желать болѣе и служатъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того сціентифическаго богатства, которымъ такъ щедро надѣлена отъ правительства эта медицинская школа Пруссіи.

Въ Бреславльскомъ госпиталѣ Всѣхъ Святыхъ (Hospital zu Aller Heiligen) я нашелъ остатки исчезающей эпидеміи тифа, который свирѣпствовалъ здѣсь съ большою жестокостію въ прошлую зиму и весною.

Госпиталь этотъ устроенъ на 600 кроватей, изъ которыхъ приблизительно до 400 назначено для внутреннихъ, а остальныя для наружныхъ болѣзней.

Въ 1855 году было принято въ госпиталь всего 6562 больныхъ, составляющихъ годичную цифру 185,254 дня. Изъ этого

числа приходится на каждый день приблизительно 428 человѣкъ въ кругломъ счетѣ. Содержаніе этихъ больныхъ, считая всѣ издержки, кромѣ лекарствъ, стоитъ 53,714 талеровъ, 2 гроша и 3 пфеннига (51,156 руб. 26¼ коп. сер.), а каждый больной стоитъ ежедневно 10 серебряныхъ грошей (31¾ коп. сер.), и за все время болѣзни въ среднемъ выводѣ 7 талеровъ, 18 сер. грош. и 5 пфенинг. (7 руб. 25⅛ коп. серебромъ).

Среднее время пребыванія больнаго въ госпиталѣ составляетъ 23 дня. Леченіе больныхъ стоило 5,287 талеровъ, 13 грош. и 2 пфени. (5,035 руб. 65¾ коп. серебромъ).

Изъ 6.562 больныхъ умерло 849. Изъ всѣхъ отдѣленій госпиталя особенно замѣчательно отдѣленіе д-ра Неги, посвятившаго себя преимущественно изученію грудныхъ болѣзней.

На его-же попеченіи находилась большая часть тифозныхъ больныхъ въ послѣднюю эпидемію, остатки которой я встрѣчалъ вездѣ на пути моемъ въ Краковѣ и въ Бреславлѣ. Общее количество поступившихъ въ семъ году больныхъ съ 1 января по 1 іюня было 3212; изъ нихъ приблизительно около третьей части было тифозныхъ.

IV. Берлинъ.—Терапевтическая клиника профессора Шенлейна и Вольфа.—Амбулаторная клиника профессора Ромберга. — Госпиталь Charité и его послѣднее преобразованіе. — Хирургическая клиника Лангенбека и главная больница д-ра Греффе. — Новый Берлинскій госпиталь, такъ-называемый Diakonissen. — Haus Bethanien.

Въ Берлинѣ я нашелъ тѣхъ-же самыхъ профессоровъ, которые шестнадцать лѣтъ тому назадъ были моими наставниками.

Терапевтическія клиники профессоровъ Шенлейна и Вольфа, находящіяся въ главномъ Берлинскомъ госпиталѣ (Charité Krankenhaus), амбулаторная терапевтическая клиника профессора Ромберга, находящаяся при стаціонарной клиникѣ профессора Лангенбека въ особенномъ зданіи, обратили на себя мое преимущественное вниманіе. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ я уже имѣлъ случай въ моемъ отчетѣ изложить направленіе и методу преподаванія этихъ профессоровъ. Онѣ остались донынѣ безъ всякаго измѣненія. Ощутительный недостатокъ потологической анатоміи, это главное преимущество новѣйшаго ученія, замѣтенъ во всѣхъ дѣйствіяхъ практическихъ врачей Пруссіи. И замѣчательно, какъ до-сихъ-поръ мало въ этомъ отношеніи сдѣлано въ Пруссіи, въ-

сравненіи съ другими державами, въ-особенности съ Вѣною. За шестнадцать лѣтъ предъ симъ достойный въ то время представитель Прусской патологической анатоміи Робертъ Фрорипъ, исправлявшій должность прозектора при Берлинскомъ госпиталѣ, и первый, можно-сказать, положившій основаніе анатомико-патологическому собранію при Берлинскомъ главномъ госпиталѣ, началъ-было давать приватные курсы; но дѣло это никакъ не прививалось въ Берлинѣ и трудолюбивый Фрорипъ долженъ былъ оставить не только патологическую анатомію, но и Берлинъ, и переселился въ Веймаръ, гдѣ я его и теперь отыскалъ. Съ-тѣхъ-поръ умерли два его преемника, оба молодые люди, и патологическая анатомія не двинулась ни на шагъ далѣе. Она ограничивалась, какъ и до-тѣхъ-поръ, болѣе теоретическимъ изложеніемъ этого предмета, безъ всякой связи съ потребностями практической медицины и безъ всякаго даже къ ней приложенія. Достаточно сказать, что и въ настоящей программѣ преподаванія лекцій въ Берлинскомъ медицинскомъ факультетѣ, въ этомъ богатомъ спискѣ, гдѣ всякая наука находитъ двухъ и болѣе достойныхъ себѣ представителей, одна патологическая анатомія оставлена безъ вниманія. Не было до-сихъ-поръ даже особенной каѳедры и особаго преподавателя для этой важной науки. Наконецъ только въ настоящемъ году положено пополнить этотъ существенный недостатокъ вызовомъ изъ Вюрцбурга извѣстнаго въ ученомъ мірѣ профессора Вирхова, вліяніе котораго принесетъ, безъ-сомнѣнія, дѣйствительную пользу практическому преподаванію медицины въ Пруссіи. Профессоръ Шенлейнъ, какъ преподаватель такъ-называемой высшей клиники, предполагаетъ въ своихъ слушателяхъ полное научное образованіе и нестолько занимается отдѣльною формою болѣзни и конкретнымъ случаемъ, сколько болѣзненнымъ процессомъ вообще, отношеніемъ его къ сходнымъ и отличнымъ отъ него процессамъ и мѣстомъ, которое онъ долженъ занять въ нозографіи, принятой Шенлейномъ, и мало измѣнившейся съ-тѣхъ-поръ, какъ она была издана его учениками. Клиника профессора Шенлейна не отвѣчаетъ требованіямъ начинающихъ учиться практической медицинѣ. Обязанность вводить начинающихъ въ курсъ занятій практической медициною или такъ-называемая клиническая пропедевтика возлагается на профессора Вольфа; но сей послѣдній упорно останавливается на старомъ онтологическомъ ученіи патологіи, не довѣряя успѣхамъ новѣйшаго времени

и вовсе не признавая того важнаго значенія и практическаго примѣненія, которое возымѣли патологическая анатомія и физіологія въ практической медицинѣ.

Посѣщая клиники этихъ двухъ профессоровъ и сравнивая ихъ съ тѣмъ, что видѣлъ въ Краковѣ и Бреславлѣ, я еще болѣе восхищался тѣмъ, что видѣлъ въ провинціяхъ, гдѣ, какъ уже сказано мною прежде (и особенно въ Краковѣ), гораздо ограниченнѣе всѣ средства медицинскаго образованія. Съ профессоромъ Вольфомъ я обходилъ и находящееся въ его завѣдываніи мужское госпитальное отдѣленіе, откуда онъ пополняетъ свою клинику, выбирая для своихъ лекцій болѣе интересные и поучительные случаи.

При современномъ терапевтическомъ скептицизмѣ, распространившемся въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ школахъ Германіи, я умѣстнымъ нахожу здѣсь замѣтить, что всѣ вообще клиническіе учители въ Берлинѣ, старѣйшіе и годами и опытомъ въ-сравненіи съ другими своими сверстниками въ дѣлѣ практическо-медицинскихъ занятій, вовсе не отвергаютъ дѣятельнаго и полезнаго вліянія терапіи, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые послѣдователи Вѣнской школы, и терапія раціональная удерживаетъ здѣсь, болѣе нежели въ другихи мѣстахъ, всѣ права свои.

Профессоръ Шенлейнъ всегда имѣлъ при себѣ очень хорошихъ и дѣятельныхъ помощниковъ, раздѣлявшихъ съ нимъ труды его клиническихъ занятій. Въ настоящее время главный ассистентъ его въ клиникѣ, ординаторъ груднаго отдѣленія, докторъ Траубе, справедливо пользуется извѣстностію лучшаго аускультатора въ Пруссіи. Онъ принялъ въ основаніе ученіе Шкоды, добавляя къ нему нѣсколько замѣчаній изъ собственныхъ опытовъ и наблюденій, но за-всѣмъ-тѣмъ я не видѣлъ въ его практическихъ демонстраціяхъ, на которыхъ я присутствовалъ, ничего новаго и самостоятельно ему принадлежащаго, кромѣ уже сообщенныхъ имъ наблюденій о связи между болѣзнями сердца и почекъ (см. Ueber den Zusammenhang von Herz- und Nieren- Krankheiten. 1856).

Докторъ Траубе преподаетъ нѣсколько діагностическихъ курсовъ, теоретическихъ и практическихъ, у постели больныхъ, преимущественно по части грудныхъ и брюшныхъ болѣзней.

Амбулаторная клиника проф. Ромберга есть, по моему мнѣнію, лучшая и единственная физіологическая школа практической меди-

цины въ Берлинѣ. Не удивительно, что она и посѣщается болѣе всѣхъ другихъ учащимися. Тогда-какъ въ клиникѣ Вольфа я не насчитывалъ болѣе 15 и много, много-что 20 слушателей, а въ клиникѣ Шенлейна—отъ 50 до 60, у Ромберга ихъ бываетъ не менѣе 100. Цифра слушателей лекцій въ Германіи, покупающихъ ученіе не слишкомъ дешевою цѣною (за лекціи вносится довольно значительная плата), служитъ довольно вѣрнымъ мѣриломъ дѣйствительной ихъ пользы и достоинства преподавателя.

По своему спеціальному занятію, профессоръ Ромбергъ обращаетъ преимущественное вниманіе на патологію *нервныхъ болѣзней* и, конечно, ни въ какомъ другой Германской клиникѣ нельзя найти такого отчетливаго, подробнаго, строго-физіологическаго изслѣдованія больнаго, объясненія сущности и значенія всѣхъ явленій и—какъ сводъ всего—такой точной, на физіологіи основанной діагностики опредѣленныхъ болѣзненныхъ формъ нервной патологіи, какъ у Ромберга.

Личнымъ моимъ къ нему отношеніемъ я обязанъ тѣмъ, что амбулаторная клиника его была для меня постоянно открыта со всѣми своими источниками и самъ профессоръ Ромбергъ содѣйствовалъ какъ нельзя болѣе къ тому, чтобы въ короткое время моего пребыванія въ Берлинѣ я могъ наиболѣе воспользоваться его поучительными лекціями.

Въ числѣ другихъ случаевъ, представлявшихся въ амбулаторной клиникѣ проф. Ромберга, я видѣлъ многоразличныя формы параличныхъ болѣзней, которыя онъ демонстрировалъ своимъ слушателямъ съ самою отчетливою подробностію. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что нерѣдко точное изслѣдованіе одного больнаго занимало собою двѣ лекціи (каждая по-часу); за-то одинъ подобный случай былъ поучительнѣе сотни другихъ, мимо которыхъ нерѣдко бѣгло переходятъ врачи въ госпиталяхъ.

Профессоръ Ромбергъ есть въ то-же время и главный преподаватель спеціальной патологіи и терапіи съ-тѣхъ-поръ, какъ Шенлейнъ не читаетъ уже болѣе теоретическихъ лекцій, а оставилъ за собою только одну клинику.

Всѣмъ извѣстное и можно сказать классическое сочиненіе проф. Ромберга о нервныхъ болѣзняхъ (Lehrbuch der Nervenkrankheiten des Menschen), выходящее теперь третьимъ, вновь обработаннымъ изданіемъ, переведеннымъ между прочимъ на Англійскій языкъ, и

принятое въ руководство въ университетахъ Сѣверно-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, было-бы весьма полезнымъ пріобрѣтеніемъ для отечественной медицинской литературы, еслибы оно было переведено на Русскій языкъ.

Въ-помощь профессору Ромбергу, преподаетъ тоже частную терапію бывшій прежде у него ассистентомъ, приватъ-доцентъ д-ръ Генохъ (Henoch), извѣстный своими весьма дѣльными сочиненіями, изъ которыхъ я назову только выходящее теперь новымъ изданіемъ: «Klinik der Unterleibs-Krankheiten», какъ одно изъ лучшихъ и наиболѣе самостоятельныхъ.

Коснувшись одинъ разъ учено-медицинской дѣятельности Берлина, я долженъ замѣтить здѣсь, къ великому моему удивленію и сожалѣнію, что я не нашелъ ничего особенно-замѣчательнаго въ новомъ поколѣніи Берлинской школы. Если исключить докторовъ Траубе, Геноха, Ремака, да прибавить къ нимъ еще одного или двухъ дѣятелей, вотъ и все, на что возлагается вся ближайшая будущность по-крайней-мѣрѣ по той части практической медицины, которая составляетъ предметъ моихъ спеціальныхъ занятій. Безъ-сомнѣнія, составъ Берлинскаго медицинскаго факультета въ настоящемъ его положеніи очень блистательный. Гдѣ находятся имена Эренберга, Мюллера, Шлемма, Шульца-Шульценштейна, Мичериха, Каспера, Буша, Юнкена и названныхъ мною прежде клиницистовъ по терапіи, тамъ нельзя говорить о недостаткахъ въ представителяхъ науки; но изъ всѣхъ приведенныхъ мною лицъ самому младшему не менѣе 60, а нѣкоторымъ и за 70 лѣтъ. Старое знаменитостію поколѣніе отживаетъ, а въ юномъ не видно достаточнаго обезпеченія для будущаго. Быть можетъ, юные таланты скрыты до-времени, быть можетъ проявленіе ихъ удерживается недостаткомъ надлежащаго поприща; но дѣло въ томъ, что они невидны, и если судить о состояніи Прусской медицины по ея учено-литературной производительности, то нельзя не прійти къ тѣмъ-же весьма неутѣшительнымъ результатамъ, о которыхъ я сказалъ сейчасъ.

Я навѣщалъ также, сколько позволило мнѣ время, и всѣ другія какъ клиническія, такъ и госпитальныя отдѣленія Charité: хирургическія, состоящія въ вѣдѣніи проф. Юнкена и д-ра Гримма, сифилитическое у д-ра Беренспрунга, отдѣленіе больныхъ женщинъ оспенныхъ и чесоточныхъ у д-ра Квинке, отдѣленіе боль-

ныхъ дѣтей у д-ра Эберта и отдѣленіе умалишенныхъ у профессора Иделера.

Осмотрѣвши неоднократно весь госпиталь во всѣхъ его частяхъ, я нашелъ, что въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ сдѣланы въ цѣломъ и отдѣльныхъ частяхъ весьма значительныя улучшенія, особенно относящіяся къ болѣе удобному проведенію воды во всѣ этажи зданія, правильной вантеляціи и освѣщенію газомъ. Кромѣ прежнихъ старыхъ, но совершенно вновь преобразованныхъ зданій госпиталя, въ послѣднее время возведены еще: новый лѣтній лазаретъ (Sommer-Lazarett) и родильный домъ, отвѣчающіе своимъ устройствомъ всѣмъ современнымъ требованіямъ въ гуманитарномъ и сціентифическомъ отношеніяхъ. Всѣмъ этимъ обязанъ Берлинъ весьма талантливому администратору своему, просвѣщенному и дѣятельному Эссе, умѣвшему соединить требованія науки со всѣми другими выгодами медицинскаго заведенія (см. D. Sommer-Lazarett und die neuen Einrichtungen im älteren Charité-Gebäude zu Berlin v. B. H. Esse).

Превосходно и совершенно по новому плану устроена прачешная, гдѣ всѣ главнѣйшія работы производятся помощію паровой машины (см. Der Wäschereibetrieb in dem Konigl. Charité-Krankenhause zu Berlin v. C. H. Esse).

Благодаря обязательному вниманію достопочтеннаго Эссе, я вмѣстѣ съ нимъ и подъ его личнымъ поучительнымъ руководствомъ осматривалъ во всѣхъ подробностяхъ Берлинскій госпиталь, и повторяю еще разъ, что въ теперешнемъ своемъ видѣ онъ можетъ справедливо соперничать со всѣми лучшими госпиталями въ Европѣ. Въ-заключеніе я прилагаю здѣсь вѣдомость о числѣ больныхъ, пользованныхъ въ Charité въ 1855 году.

Вѣдомость о числѣ больныхъ и новорожденныхъ, находившихся въ Берлинскомъ королевскомъ госпиталѣ, называемомъ Charité, съ подробнымъ показанiемъ излеченныхъ, выписанныхъ неизлеченными, вышедшихъ по своей волѣ и умершихъ съ 1 января 1855 по 1 января 1856 года.

	Больные.		Новорожденные.		Призрѣваемыя въ госпиталѣ дѣти.		Состояло по 1 января 1855 года.	Прибыло въ 1855 году.	Общая сумма всѣхъ больныхъ.	Количество больныхъ.				Общая сумма всѣхъ излеченныхъ, неизлеченныхъ, вышедшихъ по своей волѣ и умершихъ.	Состояло по 1 января 1856 года.
	Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Мальчики.	Дѣвочки.	Мальчики.	Дѣвочки.				Излеченныхъ.	Выпущени не излечени.	Вышедшихъ по своей волѣ.	Умершихъ.		
Состояло къ 1 января 1855 года.	547	476	11	7	3	7	1,051								
Прибыло въ 1855 году. .	5,458	4,475	299	269	4	1	—	10,506							
И того. . .	6,005	4,951	310	276	7	8	—	—	11,557						
Выбыло въ 1855 году излеченныхъ или значительно поправившихся въ здоровьи	4,661	3,962	223	199	4	6	—	—	—	9,055					
Выписанные неизлеченными	118	62	—	—	—	—	—	—	—	—	108				
Вышедшихъ по своей волѣ.	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5			
Умершихъ.	681	508	79	66	—	—	—	—	—	—	—	—	1,334		
И того. . .	5,464	4,533	302	265	4	6	—	—	—	—	—	—	—	10,574	
Состояло къ 1 января 1856 года.	541	418	8	11	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	983

Кромѣ Charité, посѣщалъ я хирургическую клинику проф. Лангенбека, присутствовалъ при нѣсколькихъ операціяхъ, искусно имъ произведенныхъ, и видѣлъ у него то, что прежде уже встрѣчалъ я въ хирургическихъ отдѣленіяхъ у Біерковскаго въ Краковѣ и у Миддельдорпфа въ Бреславлѣ,—именно употребленіе постоянныхъ ваннъ, замѣняющихъ перевязку при леченіи наружныхъ поврежденій, особенно послѣ отнятія членовъ (см. D. permanente warme Wasserbad zur Behandlung grösserer Wunden, insbesondere der Amputationsstümpfe, von B. Langenbeck).

Глазная больница д-ра Греффе, какъ заведеніе частное, заслуживаетъ особенное вниманіе всякаго офтальмолога и по богатству своихъ матеріаловъ и по той полезной дѣятельности, которая здѣсь развита въ самомъ обширномъ размѣрѣ.

Новый Берлинскій госпиталь, такъ-называемый Diakonissen-Haus Bethanien, устроенный въ самое позднѣйшее время, есть, конечно, самое изящное въ архитектурномъ и административномъ отношеніяхъ медицинское заведеніе Пруссіи. Такъ-какъ въ этомъ новоустроенномъ госпиталѣ преобладаетъ элементъ филантропическій надъ сціентифическимъ, то, согласно своему назначенію, онъ и обладаетъ тою несомнѣнною выгодой, которой лишены другіе госпитали. Назначеніе-же это состоитъ въ медицинскомъ образованіи особеннаго рода госпитальной прислуги для ухода за больными такъ-называемыхъ сестеръ милосердія. Извѣстно, что подобнаго рода прислуга при госпиталяхъ существуетъ уже давно во Франціи. Она введена въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ Австрійскихъ. Пруссія послѣдовала въ этомъ отношеніи примѣру другихъ державъ и если со-временемъ достигнетъ до того, что подобнаго рода прислуга введена будетъ въ госпиталяхъ повсюду, то это, конечно, будетъ однимъ изъ существенно-полезныхъ преобразованій. Я не знаю ничего лучше женской прислуги въ госпиталяхъ, отправляемой сестрами милосердія во Франціи!.. Неоднократно я былъ свидѣтелемъ отлично-примѣрнаго и истинно-христіанскаго ихъ усердія, которому нелегко найти примѣръ во всякой другаго рода службѣ. Одно мнѣ казалось только неумѣстнымъ: это излишняя довѣренность Французскихъ врачей къ техническимъ и нерѣдко чисто-медицинскимъ свѣдѣніямъ этихъ сестеръ, дающая имъ слишкомъ много права располагать самихъ употребленіемъ назначаемыхъ средствъ. Не разъ слышалъ я напримѣръ, какъ госпитальный врачъ во Франціи поручалъ усмотрѣ-

нію сестры милосердія дать или не дать больному пріемъ опіума, каломеля и проч., смотря по тому, каково будетъ его состояніе къ вечеру.

V. Лейпцигъ и Галле и терапевтическія клиники профессоровъ Вундерлиха и Фогеля. — Новая программа для веденія исторіи болѣзней въ ихъ клиникахъ.— Хирургическія клиники профессора Гюнтера и Блазіуса. — Профессоръ фармакологіи Кларусъ въ Лейпцигѣ. — Каѳедра физіологіи въ Лейпцигѣ и Галле и профессоры Веберъ и Фолькманъ. — Анатомическій музей въ Галле. — Домъ умалишенныхъ.

Изъ Берлина я посѣтилъ Лейпцигъ и Галле. Терапевтическія клиники въ Лейпцигѣ и Галле имѣютъ весьма достойныхъ представителей, первая—въ лицѣ профессора Вундерлиха, а вторая—въ профессорѣ Фогелѣ. Оба эти дѣятеля слишкомъ извѣстны на поприщѣ медицинской литературы своими учеными трудами, чтобы распространяться здѣсь объ ихъ заслугахъ. Профессоръ Вундерлихъ въ Лейпцигѣ принадлежитъ къ самымъ трудолюбивымъ и плодовитымъ писателямъ нашего времени; практическая медицина или, правильнѣе сказать, медицинская практика составляетъ главную почву, на которой онъ трудится, и рѣдко встрѣчалось мнѣ видѣть врача съ болѣе многостороннимъ образованіемъ. Вся литература послѣднихъ десятилѣтій нашего вѣка не можетъ указать лучшаго сборника, какъ сочиненіе Вундерлиха, и онъ удачно пользуется своими знаніями въ клиникѣ, которая въ чисто-научномъ отношеніи занимаетъ одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ Германіи.

Профессоръ Фогель въ Галле, напротивъ-того, болѣе физіологъ и анатомо-паталогъ, нежели практическій врачъ. За то онъ отличается болѣе самостоятельнымъ трудомъ, и его микроскопическія и химическія изслѣдованія обогатили семіотику и вообще діагностику многими совершенно-новыми данными.

Кругъ дѣйствій профессора Фогеля весьма тѣсенъ и онъ вовсе не старается его расширить, предпочитая дѣлать свои изслѣдованія не въ огромномъ масштабѣ, но за-то съ самою изысканною подробностію. Я видѣлъ у него въ клиникѣ самое тщательное изслѣдованіе мочи во всѣхъ отношеніяхъ и подробные анализы ея, производимые посредствомъ Либиховой титрирной методы, и не могъ не убѣдиться въ чрезвычайной простотѣ и пользѣ этого способа изслѣдованій (См. подробности этого въ вышедшей второмъ изданіемъ монографіи: Anleitung zur Qualitativen

und Quantitativen Analyse des Harns, von. Dr. C. Neubauer und Dr. J. Vogel. 1856).

Какъ въ клиникѣ Фогеля, такъ и въ клиникѣ Вундерлиха введенъ особый родъ таблицъ, для точнѣйшаго наблюденія всѣхъ измѣненій въ главнѣйшихъ явленіяхъ болѣзней и опредѣленія количества отдѣльныхъ секретовъ. Таблицы эти въ большей части случаевъ совмѣщаютъ слѣдующія отдѣльныя графы: пульсъ, дыханіе, температуру тѣла, изслѣдованіе спирометрическое, количество мочи, удѣльный вѣсъ ея, красящее начало мочи, мочевину, поваренную соль въ мочѣ и проч. Смотря по индивидуальному случаю, измѣняется болѣе или менѣе содержаніе такой таблицы. Верхняя линейка таблицы показываетъ дни мѣсяца, въ которые наблюденіе было сдѣлано. Противъ каждаго отдѣла съ боку таблицы выставлены главнѣйшія цифры, могущія указывать на разницу въ числѣ и количествѣ поименованныхъ прежде явленій. Для ежедневнаго и точнаго опредѣленія ихъ измѣненій проводится линія (Kurve), которая отвѣчаетъ вверху дню, а съ боку цифрѣ, соотвѣтствующей количественному измѣненію одного изъ названныхъ выше явленій, такъ напр. на 10 день болѣзни у больнаго тифомъ оказалось 100 пульсовъ, 32 дыханія, 40° температуры тѣла, 2500 кубич. сантиметровъ выдыхаемаго воздуха по спирометру; 966 кубич. сант. общаго количества мочи въ 24 часа, 1024 специфич. вѣсъ, 0,05 процентовъ поваренной соли, 3,4 мочевины или 0,6 грам. поваренной соли, 45,0 грам. мочевины въ 24 часа. Въ другомъ случаѣ воспаленія легкихъ (Pneumonia) въ тотъ-же день болѣзни пульсъ 100, дыханіе 28. температура тѣла 39, спирометрія 2000 куб. сант., общее количество мочи въ 24 часа 500 граммъ, специфич. вѣсъ 1024, красящаго начала 10, поваренной соли 0,03 процентовъ, мочевины 4,4 процент. или первой 0,2, а второй 33,3 грам. въ 24 часа. Вотъ образцы современной исторіи болѣзни, съ честію замѣняющіе длинные скорбные листы, въ которыхъ нерѣдко излагается самымъ подробнымъ образомъ все, кромѣ того, что нужно для точной діагностики болѣзненнаго состоянія.

Само собою разумѣется, что при точномъ обозначеніи всѣхъ вышепоименованныхъ данныхъ не упускаются и всѣ другія, какъ напримѣръ аускультаторныя явленія, отправленіе пищеварительныхъ органовъ и т. д. и рядомъ со всѣмъ этимъ идетъ терапія, уже дѣйствительно основанная на *точныхъ показаніяхъ*

(«la médicine éxacte», — по выраженію Бульйо). Было-бы, конечно, слишкомъ поспѣшно уже теперь дозволять себѣ общіе выводы и заключенія изъ подобныхъ данныхъ. Наука еще не очень богата подобными фактами; но за всѣмъ тѣмъ, основываясь на томъ, что̀ уже сдѣлано до-сихъ-поръ, можно напримѣръ утверждать съ нѣкоторою вѣрностію, что общее количество мочи, отдѣляющееся въ первую недѣлю тифа, менѣе, чѣмъ въ послѣдующія, что удѣльный вѣсъ ея достигаетъ самой высокой степени въ началѣ болѣзни и падаетъ постепенно при дальнѣйшемъ ея развитіи; что содержаніе поваренной соли, самое слабое въ началѣ, увеличивается впослѣдствіи и т. д. То-же самое замѣчается съ поваренною солью и при воспаленіи легкихъ, тогда-какъ въ другихъ острыхъ болѣзняхъ этого не бываетъ. При появленіи тифознаго поноса отходитъ въ испражненіяхъ значительная часть поваренной соли, по-крайней-мѣрѣ весьма нерѣдко большее ея количество, нежели фасфорнокислой магнезіи и аммоніака, которымъ одно время Шенлейнъ приписывалъ характерическое значеніе и количество которыхъ отъ 12 — 13° находилъ уже Францъ Симонъ въ испражненіяхъ тифозныхъ, сравнительно съ другими солями. Весьма натуральнымъ кажется послѣ этого и отсутсвіе седимента изъ мочекислаго натра въ первой половинѣ тифа. Что касается до мочевины, то пропорція ея въ тифѣ идетъ въ обратномъ содержаніи съ поваренною солью и съ количествомъ принимаемой больнымъ пищи. Высшая цифра ея замѣчается въ началѣ болѣзни и падаетъ съ постепенымъ ея уменьшеніемъ и переходомъ въ выздоровленіе. Если приведенныя здѣсь данныя подтвердятся дальнѣйшими наблюденіями, то сама собою очевидна огромная польза, которую можетъ извлечь изъ нихъ дифференціальная діагностика, прогностика и терапія. Такъ напримѣръ, чтобы привести въ этомъ отношеніи какое-либо сравненіе, возьмемъ три нерѣдко весьма сходныя между собою болѣзненныя состоянія: тифъ, кишечный острый катарръ и воспаленіе мозговыхъ оболочекъ, и посмотримъ, какое наблюдается разнственное содержаніе химическаго состава мочи въ этихъ болѣзняхъ? Количество мочевины, какъ мы уже выше сказали, увеличивается въ началѣ тифа; оно пропорціанально количеству принятой пищи въ кишечномъ катаррѣ и всегда значительно меньше, чѣмъ въ тифѣ. Въ періодъ выздоровленія больнаго находится совершеннно противоположное состояніе въ обоихъ случаяхъ. Количество поваренной

соли, значительно уменьшающееся въ тифѣ, увеличивается при воспаленіи мозговыхъ оболочекъ и въ кишечномъ катаррѣ и проч. Приведенными здѣсь краткими данными я хочу только указать на ту большую пользу, которую практическая медицина въ-правѣ ожидать отъ точнаго химическаго анализа, какъ и отъ другихъ наблюденій, приведенныхъ по-возможности въ опредѣлительную цифру.

Я посѣщалъ также и хирургическія отдѣленія клиникъ въ Лейпцигѣ, подъ завѣдываніемъ профессора Гюнтера (Günther), и въ Галле, подъ завѣдываніемъ профессора Блазіуса. Помѣщеніе этихъ послѣднихъ клиникъ особенно въ Галле чрезвычайно неудобно, и это обстоятельство очень много препятствуетъ надлежащему преподаванію и практическимъ демонстраціямъ у постели больныхъ по этимъ предметамъ. Въ Галле, гдѣ для терапевтической клиники, по стараніямъ извѣстнаго Круккенберга, только въ истекшемъ году оставившаго свое педагогическое поприще, устроено превосходное зданіе, — Прусское правительство въ настоящее время приняло уже всѣ мѣры къ возведенію и новой хирургической клиники.

Старый мой товарищъ по университету, профессоръ фармакологіи въ Лейпцигѣ Кларусъ, сынъ бывшаго и весьма извѣстнаго своими трудами директора клиники и городскаго госпиталя (Jacob's Hospital), былъ мнѣ полезнымъ руководителемъ при осмотрѣ всѣхъ другихъ медицинскихъ заведеній въ Лейпцигѣ. Самъ Кларусъ занимается съ пользою обработываніемъ фармакологіи по современнымъ понятіямъ и составилъ весьма хорошее руководство по своему предмету (Handbuch der speciellen Arzneimittellehre nach Physiologisch-Chemischen Grundlagen für die Arztliche Praxis, 1856).

Каѳедры физіологіи и въ Лейпцигѣ и въ Галле заняты людьми, стоящими, безъ всякаго сомнѣнія, во главѣ современной физіологіи. Старшій и младшій Веберы въ Лейпцигѣ и профессоръ Фолькманнъ въ Галле (бывшій моимъ наставникомъ физіологіи въ Дерптѣ) почти ежедневно преподаютъ лекціи экспериментальной физіологіи, гдѣ можно видѣть интересные опыты вивисекціи на животныхъ. По совершенно-случайному, хотя и весьма для меня пріятному столкновенію, я попалъ на лекціи къ этимъ профессорамъ въ то время, когда оба они говорили совершенно объ одномъ и томъ-же. Это было именно о томъ предметѣ, который

еще во времена знаменитаго Галлера надѣлалъ такъ много шума въ физіологіи и такъ мало было отъ него пользы для практической медицины: я разумѣю здѣсь ученіе о *раздражительности мышечныхъ тканей.*

Профессоръ Е. Г. Веберъ показывалъ подъ микроскопомъ мышечныя волокны, находящіяся въ различной степени ихъ сократительности, а профессоръ Фолькманнъ, въ поучительныхъ своихъ лекціяхъ, экспериментальнымъ путемъ объяснялъ вліяніе нервныхъ центровъ на мышечную дѣятельность, и я въ-первый-разъ видѣлъ у него употребленіе имъ-же самимъ измѣненнаго и значительно-усовершенствованнаго способа измѣренія такъ-сказать микроскопической мышечной сократительности посредствомъ кимографія (kymographion).

Извѣстно, что Тибингенскій профессоръ физіологіи Фирордтъ (Vierordt) сдѣлалъ изъ этого аппарата весьма удачное приложеніе къ иcлѣдованію пульса въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи, замѣнившее гемадинамометръ Пуазеля (Poiseuille) придуманнымъ имъ на сей конецъ особеннымъ снарядомъ, который онъ назвалъ сфигмографомъ (Sphygmograph). (См. Die Lehre vom Arterienpuls von Vierordt, p. 21 et sq).

Профессоръ Фолькманнъ, какъ добрый, старый наставникъ, показывалъ мнѣ во всей подробности весь свой физіологическій институтъ, весьма богатый различнаго рода снарядами и составляющій частную его собственность. Какъ частный, онъ получалъ въ моихъ глазахъ сугубую важность: ибо только одинъ интересъ науки, одна жажда познанія и чувствуемая потребность современнаго опытнаго направленія физіологіи могли побудить Фолькманна, какъ достойнаго представителя своей науки, основать на свой счетъ и въ собственномъ своемъ домѣ школу практической физіологіи, и спрашивается, много-ли найдется подражателей Фолькманну въ дѣлѣ соревнованія наукѣ?

Исторически-извѣстный музей нормальной и патологической анатоміи въ Галле, основанный трудами Меккеля (котораго и скелетъ тутъ-же хранится), поступилъ въ послѣднее время въ завѣдываніе новаго здѣсь профессора Шульца, и, сколько мнѣ позволено судить, основываясь на весьма краткомъ знакомствѣ съ этимъ юнымъ сотрудникомъ по наукѣ, я полагаю, что патологическая анатомія будетъ имѣть въ немъ достойнаго представителя въ Галле (Ср. сказанное о патологической анатоміи въ Бер-

линѣ). Наконецъ я осмотрѣлъ и находящееся вблизи Галле обширное заведеніе для страждущихъ душевными болѣзнями. Меня далеко завлекло-бы подробное описаніе этого, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго и вполнѣ отвѣчающаго своей цѣли заведенія. Довольно сказать, что по своему устройству, выгодному положенію, удобному помѣщенію больныхъ и тѣмъ средствамъ, которыми располагаетъ это заведеніе для физическихъ занятій и наиболѣе здѣсь принятаго психическаго способа леченія больныхъ, оно можетъ соперничать съ лучшими учрежденіями этого рода, которыя мнѣ удалось видѣть въ Европѣ.

(*Продолженіе впредь*).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ПОЭЗІИ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

СРЕДНЕВѢКОВОЙ РОМАНТИЗМЪ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ.

(*Продолженіе*) (*).

ГЛАВА IV.

Средневѣковой христіанскій элементъ романтизма.

Съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ обращаемся мы къ разсмотрѣнію средневѣковаго христіанскаго элемента поэзіи, — съ тяжелымъ, потому что это все-таки *средневѣковой* элементъ. Романтизмъ не былъ въ-состояніи достигнуть чисто-христіанскихъ идеаловъ, потому-что между имъ и нравственностью христіанской стояла грубая натура среднихъ вѣковъ, почерпнувшая изъ этой нравственности только очень немногое, и это немногое переработавшая въ свою особенную, средневѣковую нравственность. Но мы видѣли, что поэзія иногда предупреждаетъ свой вѣкъ, нравственнымъ чутьемъ своимъ уловляетъ то, что въ дѣйствительности еще не осуществилось; такъ она умѣла принять въ себя и нѣкоторыя черты нравственности христіанской, еще не осуществившіяся въ жизни среднихъ вѣковъ; но вообще во всю эту эпоху, какъ и въ другія, разсмотрѣнныя нами, будучи *идеальна* (что̀ составляетъ необходимое условіе ея бытія), поэзія была идеальна съ точки зрѣнія своего вѣка, изображала жизнь, какъ она должна быть — по понятіямъ современнаго ей человѣчества.

(*) См. февральскую книжку Журн. м. н. пр.

Христіанство подѣйствовало преимущественно на воображеніе среднихъ вѣковъ; умъ и чувство ихъ какъ-бы не имѣли ушей, да слышатъ истины его. Прочность и невообразимая высота тѣхъ благъ, на кои указывало христіанство въ загробной жизни, главнымъ образомъ привлекли къ себѣ вниманіе человѣчества, которое не было еще въ-состояніи служить Богу изъ одной безкорыстной любви къ Нему и, подобно маленькимъ дѣтямъ, слушалось отца своего только изъ-за награды. Противоположность вѣчныхъ благъ небесныхъ, которымъ фантазія среднихъ вѣковъ придавала чувственную оболочку, и ничтожныхъ, обманчивыхъ благъ земли, — вотъ главная тэма средневѣковаго религіознаго воззрѣнія, вотъ и одна изъ главныхъ тэмъ средневѣковой поэзіи. Но воображеніе грубаго человѣчества было поражено еще другою противоположностію: съ-одной-стороны, передъ нимъ рисовалась свѣтлая сторона рая со своими золотыми зданіями, съ неописаннымъ блескомъ своихъ драгоцѣнныхъ камней, съ другой — ихъ пугала кромешная тьма ада, откуда до слуха ихъ доносился нескончаемый скрежетъ зубовъ. Вотъ вторая тэма религіознаго воззрѣнія и поэзіи среднихъ вѣковъ. Если на небѣ ожидала неувядаемая роскошь благъ, а всѣ блага земныя были предъ ними и ничтожны и мимолетны: — то не слѣдовало-ли для благъ высшихъ отказаться отъ этихъ земныхъ благъ, за пристрастіе къ коимъ сверъ-того грозила тьма кромешная съ своимъ неугасимымъ огнемъ? И вотъ, испуганное жаромъ этого огня и прельщенное свѣтлостію рая, средневѣковое человѣчество старалось отворачиваться отъ земныхъ благъ, старалось яснѣе выставить на свѣтъ ихъ ничтожество, и не упускало удобнаго случая, чтобы выслужить блага небесныя, чтобы, давъ Богу немногое, получить отъ Него многое. Оно предалось христіанству съ самымъ эгоистическимъ ожиданіемъ отъ него прочныхъ выгодъ; въ отвѣтъ на любовь Богочеловѣка, искупившаго людей своею кровію, оно приносило не чистую дѣтскую любовь, и даже не благодарность, а только корыстное подобострастіе наемниковъ, думающихъ о томъ, какъ-бы получить болѣе щедрую плату за свою работу. Божественный Искупитель міра былъ для него только щедрый податель даровъ, а не вождь, проложившій намъ путь чрезъ распутія жизни и призвавшій нас итти вслѣдъ за Собою. И вотъ, когда раздался голосъ, зовущій на освобожденіе тѣхъ мѣстъ, кои освятились присутствіемъ Искупителя міра, человѣчество мигомъ поднялось на этотъ голосъ: потому что оно видѣло тутъ

самый удобный случай внѣшнимъ образомъ выказать свою ревность къ вѣрѣ и тѣмъ выслужить себѣ щедрую награду. Жажда брани, неукротимое стремленіе употребить въ дѣло свои физическія силы, всегда были главными двигателями средневѣковаго человѣчества, — и вотъ вдругъ ему говорятъ: «вмѣсто того, чтобы драться съ братьями, безъ цѣли и безъ пользы, даже со вредомъ, потому что это не угодно Богу, — иди во Святую землю, дерись съ невѣрными; ты будешь дѣлать то-же, что и прежде, да еще получишь награду отъ Бога». И рыцари съ алчностію ухватились за эту награду, для полученія коей были нужны, по ихъ понятію, именно тѣ подвиги, безъ коихъ они и жить не могли. Одинъ изъ трубадуровъ (Pons de Capdueil), въ пылу неподдѣльнаго восторга, восклицаетъ: «ужъ теперь не то время, когда средствами заслужить небо были постриженіе и строгость монашескихъ обѣтовъ; Богъ обезпечиваетъ спасеніе для всѣхъ тѣхъ, кои, вооружась во имя Его, отомстятъ Туркамъ за всѣ поношенія, нанесенныя ими». А въ другомъ мѣстѣ: «нынче оружіе, поединки, честь, рыцарство, все, что міръ представляетъ *прекраснаго* и *обольстительнаго*, могутъ доставить намъ славу и блаженство райской жизни. Ахъ, чегобы болѣе желать королямъ и графамъ, еслибы своими громкими дѣлами они могли откупиться отъ ада и его смраднаго, пожирающаго пламени, гдѣ осужденные будутъ мучиться вѣчно (*)». Это говоритъ поэтъ, говоритъ съ неподдѣльною радостью, и эта радость была чистая, истинно-христіанская, по понятіямъ того времени. Еслибы стремленіе крестоносцевъ было болѣе безкорыстно, еслибы въ немъ сказывалось болѣе христіанской любви къ страждущему ближнему, то не охладѣло-бы такъ скоро рвеніе къ крестовымъ походамъ, — а оно охладѣло, когда рыцари увидѣли, что отправляться на востокъ и сражаться съ невѣрными, не такъ удобно и пріятно, какъ грабить и карать за грабежъ въ своей собственной землѣ. Во время втораго крестоваго похода знаменитый трубадуръ Guillaume de Poitiers долго колебался, и наконецъ ужъ рѣшился отправиться въ походъ, побуждаемый тяжестью грѣховъ своихъ. Вотъ, что говоритъ онъ о необходимости ополчиться противъ невѣрныхъ: «простите блистательные турниры, простите величіе и блескъ, и все, что привязывало мое сердце; ничто меня не удерживаетъ, я отправляюсь въ страну, гдѣ Богъ обѣщаетъ про-

---

(*) *Raynouard*, Poésies des Troubadours.

щеніе грѣховъ.... Слишкомъ долго предавался я мірскимъ удовольствіямъ, но гласъ Господень раздается.... Надо явиться предъ судомъ Его,—я изнемогаю подъ бременемъ моихъ беззаконій.»—И точно, беззаконія эти, по дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ, были таковы, что подъ тяжестью ихъ могло сдѣлаться страшно! А знаменитый Бертранъ-де-Борнъ и во всю жизнь свою не собрался въ крестовый походъ; объясняя свой образъ дѣйствія, онъ говоритъ насмѣшливо: «Король Конрадъ, поручаю тебя покрову Божію; я отправился-бы съ тобою за море, могу тебя увѣрить, но я потерялъ терпѣніе, видя какъ графы, герцоги и короли все откладываютъ; къ тому-же, здѣсь есть одна дама, прекрасная и бѣлокудрая, благодаря коей мужество мое постепенно остыло; иначе я-бы уже съ годъ сражался наряду съ вами.» А одинъ изъ рыцарей-крестоносцевъ сдѣлалъ на-оборотъ: онъ отправился въ Палестину потому, что до него дошелъ слухъ о какой-то восточной красавицѣ, и ему непремѣнно захотѣлось сдѣлать ее предметомъ любви своей! Вотъ какія чувства находили мѣсто въ душѣ рыцарей, которыхъ голосъ папы призывалъ на защиту св. Гроба, и мы видѣли, что эти нечистыя чувства выразились въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ трубадуровъ, да, потому-что, трубадуры были уже поэты искусственные, вносившіе въ поэзію нечистоту своихъ личныхъ страстей. Между-тѣмъ нравственное чутье, сказывающееся въ народной поэзіи, умѣло извлечь и изъ крестовыхъ походовъ болѣе благородную сторону, и оно осуществило ее въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, первоначально бывшихъ народными сказаніями. Германская повѣсть о герцогѣ Эрнстѣ представляетъ этого герцога отправляющимся въ Іерусалимъ съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ, и терпѣливо переносящимъ на пути своемъ самыя ужасныя бѣдствія. Когда всѣ почти спутники его погибаютъ, онъ говоритъ немногимъ уцѣлѣвшимъ: «отправляясь въ Іерусалимъ, мы должны были готовить себя ко всему, и помните, что одинъ день у Господа лучше, нежели всѣ блага міра (*).» А между Французскими рыцарскими романами есть одинъ, изображающій подвиги Провансальцевъ въ войнѣ съ Испанскими Сарацинами. Это былъ тотъ-же крестовый походъ, только въ другой странѣ. Романъ этотъ—Guillaume au Court-Nez — какъ романъ, принадлежитъ къ литературѣ искусственной, но

(*) *Genthe*, Deutsche Dichtungen des Mittelalters.

Форіэль убѣдительно доказалъ, что основаніемъ ему послужило народное Провансальское сказаніе (*). Въ этомъ народномъ сказаніи Вильгельмъ является истиннымъ подвижникомъ за дѣло христіанъ, исполненнымъ пламеннаго усердія и украшеннымъ многими добродѣтелями. Такой-же характеръ усердныхъ тружениковъ представляютъ Карлъ В. и его двѣнадцать Палладиновъ, претерпѣвающихъ пораженіе при Ренсевалѣ. Конечно, и этими подвижниками руководило не столько истинное усердіе, сколько эгоистическое исканіе награды, — но требовать бóльшаго едва-ли можно отъ среднихъ вѣковъ. Воины креста и въ поэзіи являются намъ фанатиками, безъ милосердія проливающими кровь невѣрныхъ; по мнѣнію вѣка, оно должно было быть такъ. Роландъ и его товарищи, убивая попавшихся имъ пословъ халифа Балана, съ чувствомъ внутренняго самоодобренія приносятъ головы ихъ халифу; а Карлъ В., побѣдивъ Балана, приневоливаетъ его креститься, и когда тотъ не соглашается, велитъ его повѣсить (*). Но при всемъ томъ, средневѣковая поэзія не дышетъ тою знойною ненавистью къ Сарацинамъ, какою были руководимы крестоносцы въ дѣйствительной жизни; она *эпически* изображаетъ истребленіе ихъ, но въ ней, сколько намъ извѣстно, мало *лирическаго* выраженія ненависти къ нимъ; она нерѣдко даже приписывала Сарацинамъ благородныя чувства, дѣлала ихъ тѣмъ, чѣмъ должны были быть истинные рыцари. Есть преданіе, что у знаменитаго Сида оруженосцами были двое Мавровъ, кои сдѣлались первыми поэтами, воспѣвшими его (**). А извѣстная поэтическая хроника войны Альбигойской,—не исполнена-ли она, при явномъ католичествѣ своего духа, христіанскаго состраданія къ гонимымъ сектантамъ? Эта непричастность средневѣковой поэзіи общему фанатизму среднихъ вѣковъ не служитъ-ли опять доказательствомъ тому, что въ поэзіи никогда совершенно не остываетъ чувство человѣческой любви ко всему человѣческому?

Но если поэтъ художественной эпохи, по своей личной волѣ, иногда погрѣшаетъ противъ поэзіи мысли, то онъ-же, какъ намъ извѣстно, при благородствѣ своего личнаго воззрѣнія, способенъ вознести ее на такую высоту, до какой никогда не дойти народ-

(*) Histoire de la Poésie Provençale, par. *Fauriel.*

(*) Въ романѣ Fierabras.

(**) *Villemain*, Tableau de la litterature au moyen âge.



ной поэзіи. Вотъ въ какомъ преображенномъ свѣтѣ представляется намъ идея крестовыхъ походовъ у возвышеннаго миннезингера Гартмана фонъ-деръ-Ауэ: «Крестъ требуетъ отъ насъ души чистой, нравовъ цѣломудренныхъ: только этою цѣною доставляетъ онъ намъ блаженство; онъ—тяжкое бремя для человѣка слабаго, не умѣющаго управлять своими страстями, потому-что онъ подавляетъ необузданность нашихъ поступковъ. Что́ пользы носить крестъ на одеждѣ, если мы не носимъ его въ сердцѣ?» А Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде восклицаетъ въ порывѣ безкорыстной любви къ Спасителю: «только съ сегодняшняго дня жизнь моя можетъ назваться истинно-счастливою, ибо мои грѣшные взоры увидѣли святую землю, благословенный край, коему всюду воздается почитаніе; молитвы мои услышаны: я видѣлъ тѣ мѣста, гдѣ Богъ явился, какъ человѣкъ» (*). Не удивительно послѣ этого, что нашлись между поэтами того времени и такіе, которые были сильно тронуты несчастіями крестоносцевъ. Вотъ что́ говоритъ одинъ изъ трубадуровъ (le Chevalier du Temple): «тысячу кратъ безуменъ тотъ, кто хочетъ еще сражаться съ Турками, такъ-какъ Самъ Господь ничего у нихъ не отстаиваетъ.... Они побѣдили, они продолжаютъ побѣждать.... каждый день достигаютъ они новыхъ преимуществъ. Богъ дремлетъ, Богъ, который нѣкогда неусыпно пекся о насъ; а Магометъ обнаруживаетъ власть свою и возвеличиваетъ славу султана» (**). Для пылкаго трубадура казалось необъяснимымъ, какимъ образомъ Богъ могъ отклонить отъ христіанъ свою чудотворящую руку: онъ не былъ въ-состояніи понять, что чудеса имѣютъ нравственное значеніе, что Богъ являетъ ихъ тѣмъ, кто ихъ достоинъ, а трубадура поразило только то, какъ Богъ могъ не творить чудесъ, ибо и самая идея Бога подѣйствовала преимущественно на воображеніе среднихъ вѣковъ, а потому они не могли не соединять съ нею чувственнаго блеска чудесъ; безъ этого Божество было для нихъ какъ-бы невообразимо. Чудеса всемогущества Божія составляютъ, въ свою очередь, одну изъ главныхъ тэмъ средневѣковой поэзіи; но грубая фантазія среднихъ вѣковъ употребляла всуе чудотворящую руку Божію, представляя ее дѣйствующею нерѣдко въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ. Такъ она содѣйствуетъ сватовству

(*) *Eichof*, Tableau de la litterature du Nord au moyen âge.

(**) *Raynouard*, Chants des Troubadours.

одного короля, и гласъ Божій взываетъ къ ворону, избранному посредникомъ между королемъ и его любезною (*). Но грубость средневѣковаго религіознаго воззрѣнія была въ-состояніи выразиться еще болѣе нечестивымъ образомъ. Въ-повѣсти «О двухъ купцахъ», послужившей основаніемъ одной изъ новеллъ Боккачіо, видимъ мы цѣломудренную жену, которой соблазнитель предлагаетъ огромную сумму за измѣну. Она приходитъ въ негодованіе, но находитъ нужнымъ посовѣтоваться съ родными своего отсутствующаго мужа.... а они совѣтуютъ ей не упускать случая доставить ему такую огромную сумму. Бѣдная женщина мучится внутреннею борьбою двухъ чувствъ—вѣрности къ мужу и желанія доставить ему выгоду. Такова ужъ средневѣковая добродѣтель! Но тутъ поэтъ святотатственно прибѣгаетъ къ помощи Божіей; самъ Господь внушаетъ ей мысль—вмѣсто себя сдѣлать жертвою позора свою служанку. Та соглашается, и добродѣтель вѣрной жены торжествуетъ цѣною нравственнаго паденія ближняго. Вотъ средневѣковое христіанство! Основною идеею многихъ средневѣковыхъ сказаній служитъ то, что Богъ въ-силахъ вывести людей, имъ покровительствуемыхъ, изъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, изъ бѣдъ, отъ коихъ, повидимому, нѣтъ уже спасенія. Отсюда, полагаемъ мы, вытекаетъ одна изъ существенныхъ чертъ романтической поэзіи; тотъ счастливый исходъ дѣйствія, какимъ запечатлѣна большая часть произведеній ея. Какія-бы жестокія испытанія ни приходилось переносить герою, онъ все-таки выходилъ изъ нихъ съ побѣдой и подъ-конецъ становился счастливымъ. Между-тѣмъ эти счастливыя развязки, если посмотрѣть на нихъ глубже, хотя онѣ и почерпнуты романтизмомъ изъ христіанства, были вовсе не въ духѣ христіанства: ибо оно первое открыто признало, что человѣкъ призванъ на землю вовсе не для того, чтобы достигнуть здѣсь счастія; что обыкновенный удѣлъ его, и преимущественный удѣлъ людей нравственно-высокихъ, есть страданіе, преслѣдующее ихъ нерѣдко до самой смерти; что добро почти никогда не находитъ награды на землѣ. Христіанство первое открыто признало это, но въ то-же время оно одною рукою указывало на награду, обрѣтаемую человѣкомъ въ своемъ внутреннемъ сознаніи, а другую съ надеждою поднимало къ небу. Однако и между средневѣковыми созданіями есть нѣкоторыя, представляю-

(*) St. Oswald.



щія намъ развязку самую трагическую. Такова поэма о Нибелунгахъ. Она такова потому, что основана на древне-Германскомъ сказаніи и только примѣнена къ средневѣковымъ нравамъ и средневѣковому воззрѣнію; духъ, ее проникающій, есть духъ чисто-Германскій: та-же необузданная дикость и грубость страсти, то-же мрачное воззрѣніе на жизнь. Поэтъ, давшій сказанію о Нибелунгахъ его нынѣшній видъ, долженъ былъ отличаться высокимъ художественнымъ даромъ; онъ какъ-бы вдохнулъ въ себя духъ древне-Германской поэзіи и потомъ перелилъ его въ формы, на которыхъ уже ощутительно вліяніе рыцарства. Найдя въ древнемъ сказаніи свойственный Германцамъ трагическій исходъ, онъ еще увеличилъ его ужасы: въ Эддѣ все ограничивается страшною местію Гудруны надъ Атли и сыновьями его, а въ «Нибелунгахъ» жертвою падаютъ цѣлыя племена.... Но между пѣснями Эдды и поэмою о «Нибелунгахъ» есть внутреннее существенное различіе, и оно должно быть объяснено вліяніемъ истинно-христіанской идеи, которая впервые, хотя еще не полно, высказалась здѣсь, и должна была впослѣдствіи стать одною изъ основныхъ идей новѣйшей поэзіи. Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ Эддѣ трагическая судьба дѣйствующихъ лицъ тѣсно связана съ роковымъ кладомъ, въ которомъ заключенъ какой-то фатализмъ, заранѣе обрекающій на гибель всякаго, кому-бы онъ ни достался. Въ Нибелунгахъ этого уже нѣтъ: тутъ кладъ не имѣетъ никакаго прямаго вліянія, а вожатаями дѣйствія служатъ личныя страсти дѣйствующихъ лицъ; въ нихъ-то заключается судьба поэмы. Тутъ поэзія опять какъ-бы заглянула впередъ, предупреждая вѣкъ свой; тутъ уже высказалась идея *свободной воли*, которая должна была смѣнить въ новомъ мірѣ фатализмъ древнихъ, и которая окончательно выразилась только чрезъ нѣсколько вѣковъ — въ поэзіи Шекспира. Но въ «Нибелунгахъ» эта идея еще только проглядываетъ сквозь рыцарское воззрѣніе на вещи; тутъ пороки дѣйствующихъ лицъ, а равно и трагическій исходъ судьбы ихъ взваливаются главнымъ образомъ на дьявола.

Изъ сказаннаго нами уже видно, каковъ долженъ былъ быть взглядъ этого времени на христіанскій долгъ человѣка. Если тогдашніе люди жили вѣрою въ двѣ противоположности — адъ и рай, то долгъ ихъ состоялъ въ томъ, чтобы избѣгнуть ада и стараться заслужить рай. Мы уже имѣли случай указать на крестовые походы, какъ на великое историческое явленіе, въ коемъ со всею

ясностію выразилось *выслуживаніе рая*. Но кромѣ этого разительнаго факта, который все-таки былъ только явленіемъ временнымъ, были и постоянныя, доступныя для каждаго, средства выслуживанія рая. Между ними первое мѣсто занимало предписываемое заповѣдію евангельскою *милосердіе къ ближнимъ*, только въ этомъ милосердіи не было безкорыстія, стало-быть не было и христіанской любви. Есть средневѣковыя сказанія, въ коихъ благотворителямъ достается даже видимая, земная награда за добрыя дѣла. Такъ «король Рôтеръ» обязанъ своимъ спасеніемъ тому, что благодѣяніями привлекъ къ себѣ народъ въ Константинополѣ, который и доказалъ ему свою благодарность въ минуту опасности. Но хотя главнымъ побужденіемъ средневѣкобой благотворительности было чувство эгоистически-корыстное, хотя именно оно побуждало ко всѣмъ пожертвованіямъ и вкладамъ и приготовляло почву, на которой впослѣдствіи съ удобствомъ могла развиться продажа индульгенцій, все-таки это дѣланіе добра изъ видовъ и изъ страха не могло не приводить иногда и къ дѣланію добра изъ любви, и поэзія умѣла осуществить въ созданіяхъ своихъ и это высшее дѣланіе добра. Рыцарскіе идеалы, исполненные самой необузданной жажды брани, вытекавшей изъ избытка физической силы, въ то-же время не чужды состраданію, благотворительности, христіанской любви. Они обыкновенно милосерды къ плѣннымъ и велятъ лечить раненныхъ между ними; они не оставляютъ безъ помощи бѣдныхъ рыцарей и рука ихъ протянута всякому, нуждающемуся въ помощи. Герцогъ Эрнстъ великодушно обращается съ плѣнными врагами; тѣмъ-же отличается Гельга, христіанка—жена язычника Этцеля (*). Но самый возвышенный идеалъ благотворительнаго человѣка представила намъ средневѣковая поэзія въ легендѣ «о добромъ Гергардѣ.» Эта повѣсть рѣшительно превышаетъ все ей современное; въ ней добро дѣлается не механически, не изъ страха наказанія за недѣланіе его, а оно постепенно рождается изъ благородныхъ чувствованій сердца и изъ религіознаго сознанія, выростаетъ до огромныхъ размѣровъ вслѣдствіе постепенно-усиливающейся внутренней борьбы. Гергардъ, богатый купецъ, пріѣзжаетъ къ одному восточному владѣтелю, который дѣлаетъ ему предложеніе промѣнять всѣ свои товары на

(*) Niebelungenlied См. также черты благотворительности въ Нѣмецкой поэмѣ *Gudrun* и во Французской — Guillaume au Court Nez.



предметы, хранящіеся въ отдаленной части дворца его. Гергардъ проситъ показать ему эти предметы, и съ удивленіемъ видитъ, что это христіанская плѣнная принцесса, похищенная корсарами, и ея многочисленная свита. Купецъ долго колеблется и наконецъ рѣшается выкупить ихъ, взявъ съ нихъ слово заплатить ему вдвое, когда они вернутся на родину. Выкупивъ плѣнныхъ, онъ отсылаетъ свиту отыскивать принца, который былъ помолвленъ съ плѣнной принцессой, а ее беретъ къ себѣ. Проходитъ года два, посланные не возвращаются, и Гергардъ, считая принца погибшимъ, предлагаетъ принцессѣ выйти за его сына. Она соглашается, наступаетъ день свадьбы—вдругъ является принцъ. Добрый купецъ долженъ снова одержать побѣду надъ эгоизмомъ; онъ склоняетъ къ тому и сына, который нѣжно любитъ принцессу. Она уступлена принцу и послѣ этой болѣе важной жертвы Гергардъ уже безъ труда доходитъ до того, что не требуетъ возвращенія выданныхъ имъ за плѣнныхъ денегъ; принцъ насилу можетъ уговорить его принять небольшой подарокъ (*).

Изъ христіанскаго элемента проистекло и сдѣлалось принадлежностью рыцарскихъ идеаловъ также *чувство честности*, рѣзко отличающееся отъ рыцарскаго *чувства чести*, имѣвшаго не христіанскій, а на-половину Германскій, на-половину Арабскій источникъ. Такъ герцогъ Эрнстъ, на пути въ Іерусалимъ находя замокъ, наполненный сокровищами и совершенно пустой, строго запрещаетъ воинамъ своимъ брать изъ него золото и серебро; онъ позволяетъ имъ только утолить свой голодъ найденными въ замкѣ яствами, да и тѣми позволяетъ пользоваться только съ умѣренностью (**). Герои Омира поступили-бы иначе. Арабъ былъ-бы готовъ щедро *раздарить* отнятое имъ у другаго, но едва-ли-бы былъ въ-состояніи не воспользоваться сокровищами необитаемаго замка. Этого рода чувства правдивости не было и въ Кельтской поэзіи, представляющей столько проблесковъ лучшаго начала. Это уже чисто плодъ вліянія христіанскаго. Подъ тѣмъ-же вліяніемъ вылились изъ души героя Англо-Саксонской поэмы (***) слѣдующія предсмертныя слова: «я охранялъ, какъ этого требовалъ долгъ, то, что мнѣ принадлежало; я не искалъ непра-

(*) *Genthe*, Deutsche Dichtungen des Mittelalters.
(**) Herzog Ernst.
(***) Beowulf.

выхъ распрей и не часто клялся ложною клятвою; вотъ почему, смертельно раненный, я могу еще радоваться, вотъ почему Творецъ людей не упрекнетъ меня въ порокахъ, когда душа моя отдѣлится отъ тѣла.» Не менѣе высокъ Беовульфъ въ ту минуту, когда умоляетъ Ротгара позволить ему сразиться съ чудовищемъ: «если смерть ожидаетъ меня, говоритъ онъ, то возьми тѣло мое съ поля сраженія, зарой въ могилу и соверши безъ слезъ обрядъ погребенія: пусть какой-нибудь цвѣтокъ обозначаетъ могилу одинокаго странника, и да не скорбитъ никто о моемъ странствіи.» Въ этихъ задушевныхъ словахъ грубая мужеская сила уже рѣшительно смягчена и облагорожена началомъ христіанскимъ. Онъ твердъ, отваживаясь на бой съ чудовищемъ, потому-что признаетъ себя на землѣ только странникомъ; онъ не скорбитъ и о краткости странствія, была-бы отъ него польза, а съ нею неувядаемая слава! Христіанство-же внесло въ рыцарскую *поэзію* чувство *прощенія враговъ*, котораго почти не было въ рыцарской *жизни*, представляющей столько поединковъ для отмщенія за какого-нибудь близкаго человѣка. Это *прощеніе враговъ* не должно смѣшивать съ *уваженіемъ къ побѣжденному противнику*, которое могло перейти въ рыцарство изъ Кельтскаго начала. Уваженіе оказывалось ради его доблести только *противнику въ битвѣ*, а не заклятому врагу, всю жизнь старавшемуся наносить вредъ; напротивъ, христіанское прощеніе именно и относится къ врагамъ послѣдняго рода. Такъ въ одномъ изъ романовъ, приводимыхъ у Форіэля (*), благочестивый пустынникъ всѣми мѣрами старается погасить въ Жерардѣ чувство ненависти къ Карлу Мартелю, заклятому врагу его. Въ Германскомъ сказаніи: König Rother поражаетъ насъ въ этомъ отношеніи личность Берхтера, совѣтника Ротера; она проникнута чувствомъ истинно-христіанской любви, подъ вліяніемъ коей Берхтеръ проситъ Ротера не мстить царю Константину. Наконецъ въ упомянутомъ уже нами романѣ: Gérard de Roussillon встрѣчаемъ мы одно лице, рѣшительно переростающее степень развитія среднихъ вѣковъ тѣмъ человѣколюбіемъ, тѣмъ мирнымъ настроеніемъ духа и тѣмъ *чувствомъ долга*, которыми отличается оно. Это Фульконъ, приближенный Жерарда; вотъ какими чертами обрисованъ характеръ его въ романѣ: «онъ никогда не отказываетъ никому въ своей помощи, всѣ пользуются отъ него, и

(*) Gérard de Roussillon.



добрые, и злые; онъ крѣпко любитъ Бога, и съ-тѣхъ-поръ, какъ родился и живетъ при дворѣ, еще ни разу не встрѣтился ни съ однимъ обиженнымъ безъ того, чтобы по-крайней-мѣрѣ огорчиться нанесенною ему обидоіі, если ужъ не можетъ сдѣлать ничего болѣе. Онъ болѣе любитъ миръ, нежели войну, но если ужъ надѣнетъ панцырь и опояшется мечемъ своимъ, то становится гордымъ, суровымъ, удалымъ и неумолимымъ. Чѣмъ многочисленнѣе толпа враговъ, его охватывающая, тѣмъ горделивѣе и ужаснѣе онъ; тогда не ждите отъ него, чтобы онъ уступилъ врагу хотя одинъ шагъ, и замѣтьте, что эта война ему вовсе не по-сердцу, что онъ можетъ быть разъ сто спорилъ изъ-за нея съ дядей.» — Лице такого рода—идеалъ, который могъ быть созданъ только поэзіей; трудно предположить, чтобы въ дѣйствительности того времени могли быть лица даже нѣсколько похожія на послѣднюю черту, то есть люди способные не любить войны и въ то-же-время быть храбрыми на войнѣ по долгу. Отъ этихъ отрадныхъ для насъ идеаловъ, въ коихъ средневѣковая поэзія умѣла подняться до истинно-христіанскаго величія, намъ придется теперь перейти къ отшельничеству съ его изможденіемъ плоти, съ его послушаніемъ, смиреннымъ незлобіемъ и безстрастіемъ. Грубость среднихъ вѣковъ и эти подвиги мощнаго духа умѣла, по обыкновенію своему, довести до такой крайности, при которой смиреніе становится *униженіемъ паче гордости*, а самоотверженіе — эгоизмомъ. Въ этомъ отношеніи и поэзія шла въ-уровень вѣку. Въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ сказаній пустынникъ, наставляя сына царскаго въ истинахъ вѣры, не заботится о томъ, чтобы внушить ему, какъ онъ долженъ выполнить долгъ свой въ-отношеніи къ подданнымъ; онъ только умозрительно говоритъ ему о догматахъ и о презрѣніи къ земнымъ благамъ, и юный королевичъ, наслѣдовавъ отъ отца своего престолъ, удаляется въ пустыню, забывая о томъ, что у него есть подданные, коихъ благодѣтелемъ онъ и можетъ и обязанъ быть. Есть другое сказаніе— о дѣвушкѣ, которая была воспитана въ монастырѣ какъ мальчикъ, потомъ приняла постриженіе и всѣми почитаема была за монаха. Мнимый монахъ часто ѣздилъ за водой въ сосѣднюю деревню. Въ этой деревнѣ дочь одного селянина была въ тайной связи съ рыцаремъ и имѣла отъ него ребенка. Чтобы оправдать своего любезнаго, она сложила вину на мнимаго монаха. Настоятель требовалъ отъ него признанія, и мнимый монахъ признался,

что преступленіе совершилъ онъ. Для чего-же клеветалъ онъ, т. е. она на себя? Разумѣется для того, чтобы незаслуженнымъ поношеніемъ заслужить вѣчную жизнь. Ей не казалось грѣхомъ, для навлеченія на себя выгодной напраслины, вовлечь въ грѣхъ ближняго; и по понятію вѣка, это была христіанская добродѣтель, и эта женщина была идеалъ!

Въ-отношеніи къ средневѣковой нравственности надобно замѣтить, что въ ней рѣдко видимъ мы полноту добродѣтели. Обыкновенно при сильномъ развитіи одного возвышеннаго качества не обращается вниманія на другія, а иногда видно какое-то равнодушное снисхожденіе къ нѣкоторымъ порокамъ, если только при нихъ есть внѣшнее благочестіе. Встрѣчаются въ средневѣковыхъ сказаніяхъ герои, которые изъ усердія къ вѣрѣ ведутъ войну съ язычниками, и силою принуждаютъ ихъ креститься. Если-же они попадутся въ плѣнъ къ язычникамъ, то передъ смертію своею вызываютъ на поединокъ всякаго рѣшившагося поносить ихъ вѣру, подобно тому, какъ вызываютъ людей, оскорбившихъ честь женщины. Во время страданій за вѣру, поносятъ боговъ такими грубыми словами, которыя никогда не должны-бы осквернять уста христіанина. Чтобы выказать съ бо́льшимъ блескомъ усердіе къ христіанству новообращенныхъ восточныхъ царевенъ, рыцарская поэзія дѣлаетъ ихъ измѣнницами своему отечеству, предательницами своихъ родителей. Въ одномъ изъ романовъ цикла Карла Великаго религіозный энтузіазмъ Эсклармонды доходитъ до того, что она говоритъ Гуону: «Нѣтъ человѣка, котораго-бы я такъ ненавидѣла, какъ отца моего, потому-что онъ не вѣруетъ въ Господа Іисуса Христа; въ полночь я поведу васъ въ его комнату и вы убьете его, а я готова нанести ему первый ударъ» (*). Упованіе на силу и помощь Божію въ средніе вѣка были велики, но не считалось грѣхомъ призывать Бога на помощь и въ дѣлѣ не совсѣмъ чистомъ. Фанатическое пониманіе христіанскихъ добродѣтелей, пожертвованіе однѣми для другихъ, особенно сильно проявилось въ Испаніи, гдѣ оно удержалось даже во времена Лопе-де-Веги. Въ одной изъ мистерій этого писателя, миссіонеръ Діего во главѣ отряда нападаетъ на дикарей, коихъ онъ долженъ просвѣтить; а потомъ крадетъ въ монастырѣ различные припасы у садовника, у повара и у хлѣбниковъ, съ-тѣмъ-чтобы раздать ихъ нищимъ,

(*) Huon de Bordeaux.



и когда онъ пойманъ и уличенъ, то припасы эти особеннымъ чудомъ превращены въ розы (Diego de Alcala) (*). Въ извѣстномъ Нѣмецкомъ сказаніи Освальдъ полагается на помощь Божію въ дѣлѣ своего сватовства; положимъ, такое твердое упованіе — есть добродѣтель; но при этомъ онъ не думаетъ о томъ, что надо быть достойнымъ помощи Божіей, и рѣшается обманомъ увезти свою невѣсту, а средневѣковая грубость дѣлаетъ руку Божію участницею въ этомъ обманѣ! Потомъ, въ благодарность за небесную помощь, Освальдъ даетъ обѣтъ не щадить достоянія своего для бѣдныхъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на десять группъ, и раздаетъ деньги каждой поочередно. Одинъ нищій приходитъ за подаяніемъ съ каждою изъ десяти группъ, и каждый разъ снова получаетъ подаяніе отъ Освальда. Приближенные щедраго подателя порицаютъ его за это, и онъ, исполненный такого милосердія къ бѣднымъ, самымъ немилосердымъ образомъ бьетъ своихъ близкихъ за то, что они рѣшились намекнуть ему о неблагоразуміи его щедрости.

Въ послѣднемъ, приведенномъ нами примѣрѣ, въ этомъ десятикратномъ подаяніи одному и тому-же, выразилась уже *крайность* добродѣтели, и вотъ за это-то порицали приближенные Освальда: «онъ не совѣстится десять разъ просить у тебя, а ты все даешь ему, не думая о томъ, что онъ, можетъ-быть, обманываетъ тебя и ты только поощряешь обманъ.» Но легенда принимаетъ сторону Освальда: она превозноситъ фанатизмъ его добродѣтели, и восхищается тѣмъ, что онъ наконецъ передаетъ все одному этому нищему. Фанатизмъ добродѣтели доходитъ въ средневѣковой поэзіи и до бóльшихъ размѣровъ: вспомнимъ, какъ отвратительно самоотверженіе той дѣвушки, которая рѣшается дать вырѣзать себѣ сердце для исцѣленія своего господина (**). Оно отвратительно какъ по своей крайности, которая заставляетъ ее забыть, что у нея есть родители, для которыхъ жизнь ея дорога, и что она не можетъ такъ рѣшительно и почти безъ борьбы жертвовать счастіемъ ихъ для своего господина, такъ и потому, что жертва эта приносится не столько изъ состраданія къ рыцарю, который можетъ быть исцѣленъ отъ проказы не иначе, какъ цѣною подобной жертвы, сколько изъ желанія заслужить этимъ поступкомъ награду

(*) *Sismondi,* De la litterature du midi de l'Europe.
(**) Легенда о бѣдномъ Генрихѣ.



на небѣ; она предается эгоистическому стремленію доставить себѣ блаженство, не думая о томъ, какой страшный ударъ наноситъ своимъ родителямъ. Между-тѣмъ, по понятію среднихъ вѣковъ, это былъ верхъ добродѣтели, и точно, дѣвушка эта есть идеалъ, созданный поэзіею на основаніи религіознаго *взгляда*, существовавшаго въ жизни, хотя подобнаго *факта* самооотверженія въ дѣйствительности, разумѣется, быть не могло. Фанатизмъ добродѣтели заходилъ и еще далѣе; вотъ до какой чудовищности дошелъ онъ въ сказаніи объ Энгельгардтѣ и Энгельрутѣ: Энгельгардтъ обязанъ своему другу счастіемъ жизни; этотъ другъ согласился выйти за него на поединокъ, въ доказательство его невинности, и цѣною этого поединка Энгельгардтъ получилъ руку Энгельруты, которой безъ того не хотѣли ему отдать. Чрезъ нѣсколько лѣтъ этотъ вѣрный другъ Энгельгардта занемогаетъ проказою; всѣ средства вылечить его оказываются недѣйствительными; его можетъ вылечить только одно: кровь дѣтей Энгельгардта. И Энгельгардтъ, помня услугу, оказанную ему другомъ и стремясь выполнить долгъ благодарности, заглушаетъ для него голосъ сердца и собственноручно закалываетъ дѣтей своихъ. И громъ небесный тутъ-же, на мѣстѣ, не поражаетъ этого изверга? Напротивъ, по понятіямъ среднихъ вѣковъ, онъ долженъ быть награжденъ за свою добродѣтель: и точно, исцѣливъ друга, Энгельгардтъ возвращается домой и находитъ дѣтей своихъ живыми. Образецъ фанатическихъ добродѣтелей средневѣковая поэзія могла найти у Арабовъ; вспомнимъ свирѣпую добродѣтель Арабскаго Еврея Семела, пожертвовавшаго сыномъ для сохраненія панцыря Амрилькаисова. Романтизмъ могъ заимствовать *громадность размѣровъ* изъ Арабскаго элемента и придать такіе-же размѣры добродѣтелямъ, почерпнутымъ изъ ученія христіанскаго. Но нѣтъ сомнѣнія, что этотъ фанатизмъ добродѣтели вытекалъ также изъ грубаго, буквальнаго, неразумнаго пониманія самыхъ правилъ христіанской нравственности. Средневѣковое человѣчество стояло на слишкомъ низкой ступени развитія, чтобы разглядѣть въ евангеліи то, что до-сихъ-поръ не усмотрѣно многими глубокими умами и что составляетъ одну изъ коренныхъ основъ его: ту мудрую, гуманную *середину*, ту высшую гармонію жизни, которая одно правило ограничиваетъ другимъ и одну добродѣтель умѣряетъ другою. Если и при всѣхъ успѣхахъ просвѣщенія до-сихъ-поръ не поняли, что именно въ евангеліи нѣтъ ни малѣйшаго фанатизма, то удиви-

тельно-ли, что грубость средневѣковая, понявъ правила евангельскія односторонним образомъ, почерпнула изъ нихъ тотъ фанатизмъ добра, который перешелъ и въ романтическую поэзію?

Намъ остается бросить взглядъ на одну сторону средневѣковой жизни, которая должна была подвергнуться преимущественному вліянію христіанства, и дѣйствительно подверглась ему, хотя и не въ такой степени, какъ обыкновенно полагаютъ. Мы говоримъ о значеніи женщины. Намъ приходилось уже высказать предположеніе, что въ образованіи рыцарскихъ отношеній къ женщинѣ большое участіе принималъ элементъ Кельтскій; мы замѣчали, что значеніе женщины въ средніе вѣка, безъ-сомнѣнія, возвысившее ее надъ древнею женщиною, было все-таки не довольно чисто, чтобъ объяснять его вліяніемъ одного христіанства. Но, безъ-сомнѣнія, большею и самою благородною долею этого значенія средневѣковая женщина обязана христіанству. Возвысивъ женщину вообще, христіанство преимущественно возвысило значеніе ея, какъ матери, — и это, на-вѣрное, совершено однимъ христіанствомъ. Пока рыцари, вдали отъ своихъ замковъ, совершали подвиги, иногда граничившіе съ разбоями, ихъ дѣти и дѣти ихъ вассаловъ оставались подъ кровомъ жены рыцаря, и она нерѣдко умѣла получать надъ ними такую нравственную власть, которая оставалась ощутительною для нихъ и впослѣдствіи. Да будетъ позволено намъ, въ доказательство благотворнаго вліянія матери, снова привести одно мѣсто изъ мемуаровъ писателя XI вѣка, Гиберта Ногентскаго, которое мы уже приводили въ другомъ сочиненіи (*). «Прежде всего, говоритъ Гибертъ, благодарю тебя, Господи, за то, что Ты далъ мнѣ мать цѣломудренную, скромную и исполненную страха Твоего... Мнѣ едва минуло восемь мѣсяцевъ, какъ отецъ мой по плоти скончался.... Хотя мать моя еще сіяла всѣмъ блескомъ красоты и свѣжести, однако рѣшилась остаться вдовою... Мать моя воспитала меня съ самою нѣжною заботливостью... Едва научился я читать, какъ она уже заботилась о томъ, какъ-бы ввѣрить меня учителю грамматики, а они были тогда рѣдки... Съ той минуты, какъ я поступилъ подъ руководство (учителя), онъ пріучилъ меня къ такой чистотѣ нравственной, онъ такъ хорошо умѣлъ отстранить отъ меня всѣ по-

(*) Въ примѣчаніи къ прологу трагедіи нашей «Конрадинъ», въ январской книжкѣ Ж. м. н. пр.



роки, обыкновенно сопровождающіе юный возрастъ, что я былъ предохраненъ отъ частыхъ опасностей. Онъ не пускалъ меня никуда безъ себя, не позволялъ мнѣ *отдыхать нигдѣ, кромѣ какъ у моей матери, ни принимать какого-либо подарка безъ ея позволенія...*» Могло-ли столь возвышенное явленіе не отразиться въ поэзіи? — Герой одного изъ романтическихъ сказаній Германскаго цикла (*) не рѣшается отдать кольцо свое Альберику, потому-что мать велѣла ему беречь это кольцо. «Что съ тобой? говоритъ на это Альберикъ, сила твоя равняется силамъ 12 мужей, а ты боишься матерней розги.» — Нѣтъ, отвѣчаетъ Отнитъ, уже много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ мать моя меня сѣкла, но что не пó-сердцу ей, то не нравится и мнѣ.» — А какъ привлекателенъ образъ Герцелейды, матери Парциваля, въ поэмѣ Вольфрама фонъ-Эшенбаха (**). Въ умѣ ея возникаетъ мысль, рѣшительно превышающая воинственную грубость вѣка: она хочетъ воспитать сына въ уединеніи, вдали отъ шума оружій, и никогда не знакомить его съ правами рыцарства; всѣ заботы ея — о томъ, чтобы дать ему, еще ребенку, вѣрныя понятія о Богѣ и обязанностяхъ къ Нему. Но самая святость сыновней покорности и пагуба нарушенія ея съ большею силою выражены во Французской обработкѣ «Парциваля», извѣстнаго Chrétien de Troies (***). У Вильмарке ясно показано, какъ подъ перомъ трувера преобразилось Бретонское сказаніе о Передурѣ, который по внѣшней исторіи своей — тотъ-же Парциваль, но безъ того христіанскаго возрожденія, какое совершается съ нимъ въ рыцарской поэмѣ. Передуръ также оставляетъ мать, чтобы сдѣлаться рыцаремъ, но не чувствуетъ того раскаянія, какое овладѣваетъ Парцивалемъ. Если онъ въ «Замкѣ чудесъ» не спрашиваетъ объясненія чудесамъ, то это просто изъ робости, а не потому, что грѣхъ неповиновенія матери наложилъ на уста его печать молчанія именно въ эту минуту, — какъ объясняетъ Парцивалю причину его молчанія исповѣдующій его священникъ. Передура этотъ священникъ упрекаетъ только въ томъ, что онъ носитъ оружіе въ страстную пятницу, и послѣ исповѣди указываетъ ему позабытый имъ путь къ «Замку чудесъ». Парцивалю-же сверхъ-того указано на грѣхъ его передъ матерью, и данъ

(*) Otnit.

(**) Parzival und Fiturel, Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach, übersetzt von *K. Simrock*.

(***) *Villemarqué*, Contes des Bretons. Introduction.

совѣтъ, какимъ образомъ достигнуть нравственнаго перерожденія, чтобы удостоиться вслѣдствіе его найти путь къ замку чудесъ — хранилищу св. Грааля. Парциваль отправляется искать его, но приключеніе за приключеніемъ снова служатъ ему помѣхой, пока онъ не совершаетъ вторичнаго покаянія на могилѣ матери. Тогда только грѣхъ окончательно снимается съ него, и, побѣдивъ еще искушенія злаго духа, склонявшаго его къ *чувственной любви*, тогда-какъ онъ уже началъ любить свою Blanchefleur *платонически*, Парциваль становится королемъ св. Грааля.

Намъ кажется, что эта мысль о важности сыновняго долга и составляетъ самую возвышенную черту въ Парцивалѣ,—черту, дѣлающую его достойнымъ называться произведеніемъ христіанскимъ. Именно поэтому мы отдаемъ рѣшительное преимущество созданію Трувера; у миннезингера сыновній долгъ уже не на первомъ планѣ; а тотъ контрастъ между Гаваномъ и Парцивалемъ и та глубокая мысль нравственнаго перерожденія втораго, о которыхъ говоритъ В. Шмидтъ (*), для насъ не совсѣмъ понятны. По мнѣнію Шмидта, Гаванъ есть образецъ всѣхъ рыцарскихъ добродѣтелей и рыцарской образованности (оно, конечно, такъ); онъ пріобрѣтаетъ физическую опытность, но это не доводитъ его до обладанія Граалемъ; напротивъ, Парциваль—идеалъ свыше-избраннаго героя и существа вдохновеннаго. Все это развивается въ немъ постепенно: сначала безсознательное влеченіе къ доброму, правдивому и прекрасному и инстинктивное дѣйствованіе въ такомъ духѣ, а потомъ это постепенно вырабатывается въ немъ до яснаго сознанія; и едва достигаетъ онъ одного, какъ долженъ переходить въ другую сферу. Тутъ цѣлое воспитаніе человѣка къ богоподобію или святости. Такова сущность мнѣнія Шмидта. Онъ тутъ разсуждаетъ совершенно въ духѣ новѣйшихъ Нѣмецкихъ романтиковъ. Но положимъ, что и онъ, и романтики въ общемъ взглядѣ своемъ правы, все-таки мы не понимаемъ, какъ можно находить такую глубину въ поэмѣ Вольфрама фонъ-Эшенбаха. Если мысль, предполагаемая Шмидтомъ, и есть въ ней, то она выражена такъ нехудожественно-темно, что все равно какъ-бы ея и не было вовсе. Въ Парцивалѣ есть свои высокія черты, но черты рыцарскія, не собственно-христіанскія. Послѣднихъ, по-крайней-мѣрѣ, мало. Къ нимъ принадлежитъ цѣломудренная вѣрность Парциваля одной, люби-

(*) Wienerjahrbücher, XXIX.



ной имъ женщинѣ,—вѣрность, которая и доставляетъ ему обладаніе Грааломъ. Это черта новая въ человѣчествѣ: у древнихъ не было почти и понятія о цѣломудріи мужчины. Одиссей вѣренъ своей Пенелопѣ, но онъ не отвергаетъ и объятій Калипсо. Въ Парцивалѣ мужеское цѣломудріе является во всемъ своемъ величіи: сохраненіе его и составляетъ условіе, при коемъ можно овладѣть Грааломъ. Если Ланцелотъ и Тристанъ, герои извѣстныхъ романовъ изъ того-же круга, не достигаютъ этого, то именно потому, что они не цѣломудренны. Но есть въ рыцарской поэзіи и еще болѣе разительный примѣръ цѣломудрія, чѣмъ Парцивалъ; онъ тѣмъ цѣннѣе, что соединенъ съ натурою болѣе страстною, а потому требуетъ большей борьбы. *Gyron le Courtois*, герой одного изъ позднѣйшихъ романовъ, авторъ котораго, по мнѣнію Шмидта, хотѣлъ представить своему вѣку, уже начавшему утрачивать рыцарскія доблести, образецъ прежняго, истаго рыцаря,— Gyron le Courtois влюбленъ въ жену своего друга, но изъ вѣрности къ нему таитъ и старается подавить въ себѣ это чувство. Другъ, уѣзжая, поручаетъ жену свою покровительству Жирона. Жиронъ долго выдерживаетъ борьбу съ своею страстію; но однажды, вызванный вопросомъ предмета любви своей: влюбленъ-ли онъ? бѣдный рыцарь не въ-состояніи удержаться отъ признанія въ любви. Онъ готовъ уже увлечься слишкомъ далеко, какъ вдругъ взоръ его останавливается на надписи, украшающей мечъ его и гласящей о вѣрности и чести; увидѣвъ себя на краю нравственной пропасти, Жиронъ приходитъ въ-отчаяніе, и съ чисто-рыцарскою крайностью чувства поражаетъ себя мечемъ въ наказаніе за свою слабость. Такова вездѣ рыцарская закваска, и она ощутительна всюду въ средневѣковой поэзіи; она есть и въ «Парцивалѣ», а потому странно доискиваться въ немъ какого-то полнаго и чисто-христіанскаго идеала. Такой идеалъ былъ средневѣковому человѣчеству рѣшительно не по-силамъ.

Послѣ всего этого намъ не трудно будетъ отвѣтить тѣмъ, которые могли-бы возразить на наше основное эстетическое начало: если поэзія всегда изображала жизнь какъ она должна быть, то почему-же именно поэзія народовъ, явившихся послѣ христіанства, не всегда отличается строгою нравственностью, часто представляетъ человѣка вовсе не такимъ, какимъ онъ долженъ быть при чистотѣ христіанскаго воззрѣнія? Дѣйствительно, поэзія среднихъ вѣковъ представитъ намъ много безнравственнаго, если мы

станемъ искать въ ней христіанской нравственности; но именно ея-то въ ней и нельзя искать. Въ средневѣковой поэзіи есть своя нравственность рыцарская, составившаяся изъ нравственнаго воззрѣнія всѣхъ тѣхъ народовъ, которые имѣли вліяніе на романтизмъ; въ этой разнообразной химической смѣси есть и своя доля христіанской нравственности, — но только нѣкоторая доля, растворенная другими долями инаго свойства. Съ точки зрѣнія рыцарской нравственности средневѣковая поэзія вполнѣ идеальна. Посмотримъ-же теперь, какова эта рыцарская нравственность и каковы создавшіеся изъ нея идеалы: они-то и суть идеалы романтическіе. Въ нихъ мы увидимъ какъ-бы сводъ всѣхъ тѣхъ разнородныхъ идеаловъ, которые мы разсматривали до-сихъ-поръ.

(*Окончаніе впредь*).

ІАКИНѲЪ БИЧУРИНЪ.

11 мая 1853 года скончался въ Александро-Невской лаврѣ, на 76 году жизни, монахъ Іакинѳъ Бичуринъ, извѣстный китаистъ или синологъ въ Россіи и за границею. Сынъ бѣднѣйшаго сельскаго дьячка, проходитъ курсъ наукъ въ семинаріи, возводится на степень архимандрита монастыря и ректора семинаріи, потомъ дѣлается начальникомъ Пекинской миссіи, изучаетъ Китай и наконецъ умираетъ простымъ монахомъ Александро-Невской лавры. Сколько переходовъ отъ ничтожества къ почестямъ, отъ извѣстности и власти къ подчиненности и смиренію. Все исчезло, кромѣ полезнаго для потомства.

О. Іакинѳъ родился Казанской губерніи, Чебоксарскаго уѣзда, въ селѣ Бичуринѣ, по-Чувашски Шиняхъ, и при крещеніи названъ Никитою. Отецъ его, дьячекъ Іаковъ, не имѣлъ даже фамиліи всю жизнь провелъ въ этомъ званіи и крестьянскихъ трудахъ. Сынъ его Никита поступилъ, на восьмомъ году возраста, въ училище нотнаго пѣнія города Свіяжска. Въ 1785 году перешелъ въ Казанскую семинарію, гдѣ и дано ему прозваніе Бичурина, по селу, въ которомъ родился. Понятливый и трудолюбивый мальчикъ обратилъ на себя вниманіе учителей.

Въ это время управлялъ Казанскою епархіею извѣстный архіепископъ, а потомъ и митрополитъ Амвросій Подобѣдовъ. Посѣщая семинарію, архіерей любилъ разговаривать съ учениками; учители рекомендовали ему Бичурина, какъ мальчика остраго и прилежнаго. Архіепископъ предложилъ ему нѣсколько вопросовъ и малютка отвѣчалъ ему удовлетворительно. На экзаменахъ Бичу-

ринъ былъ въ числѣ первыхъ. Амвросій полюбилъ юнаго семинариста и благотворилъ ему цѣлую жизнь.

Въ 1799 году Бичуринъ кончилъ курсъ ученія и опредѣленъ учителемъ грамматики въ той-же семинаріи, возведенной уже на степень духовной академіи. Начальство не выпускаетъ изъ вида людей даровитыхъ. Молодому учителю было внушено, что въ духовномъ званіи предстоитъ болѣе случаевъ достигнуть до высшихъ степеней, нежели въ свѣтскомъ, и Никита Яковлевичъ Бичуринъ, отказавшійся прежде отъ сана священника, надѣлъ клобукъ съ именемъ Іакинѳа въ 1800 году; вслѣдъ за тѣмъ его сдѣлали учителемъ высшаго краснорѣчія.

Въ 1802 году открылась вакансія архимандрита въ Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ и ректора семинаріи. О. Іакинѳъ занялъ ее и переселился въ Иркутскъ. Тамошняя семинарія была тогда въ бѣдственномъ состояніи. Епископъ Веніаминъ Багрянскій, при обширной учености, любилъ уединеніе и мало обращалъ вниманія на епархію. Семинарская бурса, наполненная дѣтьми бѣднѣйшихъ церковнослужителей, содержалась ничтожными средствами. Воспитанники классовъ философіи и богословія служили дьячками по приходамъ и тѣмъ поддерживали свое существованіе. При такомъ порядкѣ, иные ходили въ классы поздно, а другіе — когда былъ досугъ. О. Іакинѳъ преподавалъ богословіе. По-утрамъ онъ находилъ въ классахъ не многихъ и не хотѣлъ знать ничего. Выговоры и угрозы преподавателя оказались недѣйствительными; надобно было употреблять средства болѣе строгія, а ученикамъ было каждому за 20 лѣтъ. Они привыкли уже располагать поступками своими по произволу. Начались жалобы, ропотъ, дерзости, судъ и все кончилось тѣмъ, что непокорные студенты выключены изъ духовнаго званія, ректору запрещено священнодѣйствіе и въ то-же время переведенъ онъ въ Тобольскъ преподавателемъ риторики въ семинаріи.

Въ 1805 году прибылъ въ Иркутскъ посланникъ ко двору Пекинскому графъ Юрій Александровичъ Головкинъ и съ нимъ блестящая свита изъ камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и другихъ особъ, лучшихъ фамилій. Тутъ много было ученыхъ и духовная миссія на смѣну старой, жившей въ Пекинѣ съ девяностыхъ годовъ. Начальникомъ новой миссіи былъ архимандритъ Аполлосъ. Въ Иркутскѣ онъ раздумалъ, почему-то, ѣхать въ Пекинъ и остался

въ Вознесенскомъ монастырѣ. Правительствующій синодъ вспомнилъ объ Іакинѳѣ, сдѣлалъ запросъ Тобольскому архіерею, и, получивъ отъ него благопріятный для Іакинѳа отвѣтъ, опредѣлилъ его начальникомъ Пекинской духовной миссіи и архимандритомъ тамошняго Срѣтенскаго монастыря.

17 сентября 1807 года о. Іакинѳъ отправился изъ Кяхты за границу съ миссіею и 14 января 1808 прибылъ въ Пекинъ. На пути чрезъ Монголію онъ велъ записки и учился Монгольскому языку. Пріѣхавъ въ столицу Китая, на другой-же день сталъ обучаться по-Китайски, но встрѣтилъ неожиданныя препятствія. Наши старинные миссіонеры приняли за правило учиться книжному, мертвому языку, не обращая вниманія на живой, разговорный. «Зачѣмъ намъ учиться разговорному языку: возвратясь въ Россію, мы должны его бросить!» — оправдывались они, вовсе не думая, что знаменитый Абель-Ремюза не понималъ Китайцевъ, пріѣхавшихъ въ Парижъ, а тѣ не понимали его. Въ библіотекѣ Пекинскаго монастыря не было ни грамматики, ни словаря, ниже разговоровъ Китайскихъ. Ученый Китаецъ, преподаватель языка, не зналъ ни слова по-Русски, старые-же миссіонеры плохо объяснялись по-Китайски, хотя прожили въ Пекинѣ болѣе 10 лѣтъ. Къ-счастію, въ монастырѣ былъ служитель Китаецъ, изрядно говорившій по-Русски. Онъ сдѣлался первымъ учителемъ Іакинѳа разговорному языку. Въ это время жили еще въ Пекинѣ Римско-католическіе проповѣдники; о. Іакинѳъ досталъ отъ нихъ Китайскій словарь Базиля де-Глемона, жалкій и неудовлетворительной; но въ то время онъ былъ для него драгоцѣнною находкою. По минованіи двухъ мучительныхъ годовъ, о. Іакинѳъ понялъ грамматику Китайскаго языка и самъ устыдился, что потерялъ много времени потому только, что приноровлялъ Китайскаго языка къ Европейскимъ грамматикамъ, тогда-какъ языкъ этотъ шелъ къ образованію совершенно другимъ путемъ.

Переписавъ словарь Базиля де-Глемона, о. Іакинѳъ сталъ дополнять его. Въ Пекинѣ большія улицы уставлены балаганами и ларями, гдѣ продаются разныя вещи, а при большихъ кумирняхъ, въ извѣстные дни, бываютъ торжища, на которыхъ продается все, что можно-только придумать, напр. насѣкомыя, гады, уроды и т. п. О. Іакинѳъ посѣщалъ эти торжища, спрашивалъ названіе каждой вещи, просилъ написать ея начертаніе, а самъ писалъ Русскими буквами

произношеніе, и, возвратясь домой, показывалъ учителю, а тотъ выправлялъ ошибки. Этимъ способомъ о. Іакинѳъ составилъ въ-теченіе четырехъ лѣтъ словарь вещей съ Русскимъ произношеніемъ и переводомъ.

Изучивъ тысячъ десять начертаній Китайскихъ, о. Іакинѳъ приступилъ къ переводамъ съ Китайскаго на Русскій, но встрѣтилъ затрудненіе въ незнаніи словъ историческихъ и географическихъ. Началась опять работа неблагодарная и трудная. На седьмомъ году пребыванія въ Пекинѣ, о. Іакинѳъ сталъ переводить, по совѣту учителя, четырекнижіе (Сы—шу) съ объясненіями, и, къ величайшей радости, узналъ, что книги эти суть ключъ къ уразумѣнію Китайской учености; тогда-же открылась необходимость знать Китайскую исторію, географію и статистику. Нужно было сдѣлать извлеченіе изъ трехъ томовъ описанія Китая Итхунь-цзи, а потомъ сокращеніе изъ 17 томовъ Китайской исторіи.

Впродолженіе работы этой были переведены на Русскій языкъ: «Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи», «Трактатъ о прививаніи оспы», «Судебная медицина» и «Описаніе западнаго края», т. е. Чжунгаріи, восточнаго Туркестана и другихъ странъ.

Многимъ покажется невѣроятнымъ, чтобы языку, каковъ-бы онъ ни былъ, нельзя выучиться прежде семи лѣтъ, при такомъ трудолюбіи, какимъ обладалъ о. Іакинѳъ. Скажемъ въ отвѣтъ: Китайскій языкъ—языкъ совершенно своеобразный, а Китай есть государство, въ которомъ то-же, что̀ и у всѣхъ, да не такъ.

Изучая впродолженіе 14 лѣтъ Китайскій языкъ, книжный и разговорный, о. Іакинѳъ составилъ словарь съ Русскимъ переводомъ, содержащій въ себѣ болѣе 12,000 начертаній, съ означеніемъ употребленія ихъ въ книжномъ и разговорномъ языкахъ. Словарь этотъ четыре раза былъ переписанъ, повѣренъ со знаменитымъ Китайскимъ словаремъ Кханъ-си-цзы-дянь, расположенъ по Русскому алфавиту и состоитъ изъ девяти частей (*).

Въ то-же время переведенъ на Русскій языкъ Маньчжуро-Китайскій словарь, составленный по предметамъ, въ четырехъ томахъ. О. Іакинѳъ принимался и за Маньчжурскій языкъ; но, узнав-

(*) Словарь этотъ не изданъ, и кому достался—неизвѣстно.



ши, что литература этого языка состоитъ изъ переводовъ съ Китайскаго, прекратилъ свои занятія.

Во все время пребыванія въ Пекинѣ о. Іакинѳъ и вся миссія находились въ непріятномъ положеніи: правительство отпустило имъ серебра только на пять лѣтъ, жалованье-же за остальные пять лѣтъ присылалось послѣ. Вдругъ насталъ ужасный 1812 годъ: вся Европа обрушилась на Россію, и правительству нашему было не до Пекинской миссіи: Китайское правительство производило нашимъ миссіонерамъ содержаніе, но оно было далеко недостаточно. Миссіонеры стали требовать у архимандрита жалованье, а онъ не могъ удовлетворить ихъ. Начались неудовольствія, ропотъ, жалобы другъ на друга. Чтобы сколько-нибудь удовлетворить миссіонеровъ, о. Іакинѳъ долженъ былъ продавать излишнее, закладывать монастырскія вещи, наконецъ дошла очередь и до вещей церковныхъ. Миссіонеры должны были обратиться къ своимъ средствамъ. Одинъ изъ нихъ, изучившій разговорный языкъ и прославившійся необыкновенною силою, сдѣлался адвокатомъ по частнымъ дѣламъ. Онъ бралъ верхъ не столько силою краснорѣчія, сколько страхомъ, наводимымъ на судей. Другой пустился въ торговлю, а не столь предпріимчивые сидѣли въ монастырѣ и терпѣли нужду. Нѣкоторые изъ студентовъ миссіи навлекли на себя неудовольствіе правительства, частію по неуваженію Китайскихъ обычаевъ, частію по гордости. Палата внѣшнихъ сношеній, или другое мѣсто жаловалось на миссіонеровъ Иркутскому губернатору; тотъ сообщилъ о томъ далѣе, и худое мнѣніе о Пекинскихъ миссіонерахъ утвердилось.

Послѣ Вѣнскаго конгресса, финансовыя дѣла наши поправились, порядокъ возстановился; тогда министерство вспомнило о Пекинскихъ страдальцахъ. Въ 1819 году рѣшено было послать въ Пекинъ миссію на смѣну старой. Архимандритомъ и начальникомъ сдѣланъ Павелъ Ивановичъ Каменскій, названный при вступленіи въ монашество Петромъ, и бывшій въ Пекинѣ студентомъ прежде Іакинѳа,— человѣкъ добрый и простой, но съ большими предразсудками. По пріѣздѣ въ Пекинъ, онъ прежде всего пораженъ былъ запустѣніемъ церкви: богослуженія не отправлялось нѣсколько лѣтъ, церковная утварь была въ закладѣ; часы, стоявшіе на колокольнѣ, проданы, а колокольня сломана. Что-же могло быть хуже этого въ глазахъ набожнаго человѣка! И вотъ пошло въ Петербургъ гроз-

ное донесеніе въ подкрѣпленіе прежнихъ отъ генералъ-губернатора Пестеля и директора Кяхтинской таможни.

Въ 1821 году о. Іакинѳъ возвратился въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ свѣдѣній о Китаѣ, огромными переводами, глубокимъ знаніемъ Китайскаго языка и невыгоднымъ о себѣ мнѣніемъ. Онъ былъ принятъ холодно, сужденъ, лишенъ священства и посланъ на жительство въ Валаамскій монастырь. Говорили, будтобы онъ не хотѣлъ отвѣчать на предложенные вопросы и тѣмъ довѣршилъ свое паденіе. Въ монастырѣ о. Іакинѳъ предался любимымъ занятіямъ: выправлялъ переводы, словарь, переводилъ вновь, оканчивалъ старое; въ этихъ занятіяхъ прошло четыре года.

Въ это время служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ баронъ Павелъ Леонтьевичъ Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, большой любитель восточныхъ языковъ, но не знавшій ни одного изъ нихъ. Онъ познакомился въ Петербургѣ съ о. Іакинѳомъ, увидѣлъ его труды, оцѣнилъ ихъ и пекся о немъ болѣе всѣхъ. Словарь, составленный отцемъ Іакинѳомъ, казался барону погибнувшимъ въ стѣнахъ монастырскихъ. По прошествіи четырехъ лѣтъ, баронъ Шиллингъ рѣшился дѣйствовать. Онъ доложилъ министру иностранныхъ дѣлъ, что въ Валаамскомъ монастырѣ живетъ ученый китаистъ безполезно, а между-тѣмъ министерство нуждается въ такомъ человѣкѣ. Министръ выслушалъ благосклонно предложеніе бар. Шиллинга и поднесъ Его Величеству докладъ. Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: «причислить монаха Іакинѳа Бичурина къ Азіатскому департаменту». Это важное событіе для Іакинѳа случилось въ 1826 году, и съ-тѣхъ-поръ началась его извѣстность.

Исчислимъ всѣ книги, изданныя при жизни о. Іакинѳа.

1) *Записки о Монголіи съ картою и портретомъ автора въ Китайской одеждѣ.* 4 части, въ одной книгѣ. С. Петербургъ, 1828 года. Въ первой части описанъ путь отъ Пекина до Кяхты по сѣверному Китаю и поперегъ Монголіи. Это дневникъ путешественника, занимательный для желающихъ имѣть понятіе о пути чрезъ Монголію. Во второй части изложено географическое и статистическое описаніе Монголіи, единственное въ Европѣ. О трудахъ г. Тимковскаго не говоримъ, потому-что они происходятъ изъ тогоже источника. Въ третьей части заключается исторія Монголіи,

выбранная изъ Китайскихъ источниковъ, сухихъ и краткихъ. Исторія Монголіи еще не написана: д'Оссонъ сдѣлалъ только первый опытъ, заимствовавъ свѣдѣнія у Іакинеа. Четвертая часть содержитъ въ себѣ уложеніе для управленія Монголію. Статья важная только для юристовъ.

2) *Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи.* 1 книга. С. Петербургъ, 1828. Книга эта переведена съ Китайскаго цѣликомъ. Клапротъ перевелъ ее на Французскій языкъ, съ выпусками и примѣчаніями. Подлинникъ писанъ Китайскимъ чиновникомъ, посланнымъ на службу въ Тибетъ.

3) *Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана въ древнемъ и нынѣшнемъ состояніи.* 2 части, въ одной книгѣ. С. Петербургъ, 1829. переводъ съ Китайскаго. Первая часть есть извлеченіе изъ исторіи западнаго дома Хань, писанной въ 1 вѣкѣ по Р. Х. Вторая писана Китайскимъ чиновникомъ, посѣтившимъ разныя мѣста Чжунгаріи и восточнаго Туркестана по службѣ. Первая часть драгоцѣнна потому, что доставила намъ свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ, около временъ Р. Х., на пространствѣ отъ Монголіи до Каспійскаго моря, и отъ Кашгара до Индостана и Персіи; жаль, что имена этихъ народовъ искажены по обыкновенію Китайцевъ. Вторая часть содержитъ въ себѣ новѣйшія свѣдѣнія о Чжунгаріи, восточномъ Туркестанѣ и другихъ странахъ, лежащихъ далѣе къ западу.

4) *Сань-цзы-цзынъ или троесловіе,* съ прекрасно-литографированнымъ текстомъ. 1 книга. С. Петербургъ, 1829. Это ручная Китайская энциклопедія, сочиненная въ XII вѣкѣ по Р. Х. Періоды въ ней составлены изъ трехъ словъ. О. Іакинеъ снабдилъ ее примѣчаніями.

5) *Планъ города Пекина, снятый по распоряженію правительства въ 1817 году, съ описаніемъ.* С. Петербургъ, 1829. Планъ расположенъ на двухъ листахъ съ Русскими и Французскими надписями. Описаніе Пекина переведено съ Китайскаго на Русскій и Французскій языки.

6) *Исторія первыхъ четырехъ хановъ дома Чингисъ-Хана,* съ картою ихъ завоеваній. 1 книга. С. Петербургъ, 1829. Это—извлеченіе изъ Китайской исторіи царствованія дома Юань или Монгольскаго, съ дополненіями изъ знаменитой исторіи Китая Ганъму. Въ концѣ книги находится алфавитъ Монгольскихъ именъ

возстановленныхъ изъ именъ, изуродованныхъ Европейскими писателями. О. Іакинѳъ перевелъ ихъ на Русскій языкъ; жаль, что исторія эта доведена только до царствованія Хубалая, а не до времени изгнанія ихъ изъ Китая. Завоеванія Монголовъ въ отечествѣ нашемъ и водвореніе ихъ на берегахъ Волги въ Сараѣ едва выказываются въ этой исторіи. Пропускъ столь важнаго событія произошелъ, вѣроятно, отъ того, что историкъ дома Юань не имѣлъ въ виду актовъ о завоеваніяхъ Бату въ Россіи, Польшѣ и Венгріи. Д'Оссонъ въ своей исторіи Монголовъ выписалъ изъ книги о. Іакинѳа цѣлыя страницы, не выдавая однакожь чужаго за свое.

7) *Исторія Тибета и Хухэнора съ* 2282 *до Р. Х. по* 1227 *годъ по Р. Х.* Съ картою. 2 части. С. Петербургъ, 1833. Исторія эта извлечена изъ книгъ династій и дополнена изъ Ганъ-му. Тибетцы происходятъ отъ древнихъ Китайцевъ, оставившихъ отечество за 2282 года до Р. Х. Однакожь они нѣсколько разъ нападали на метрополію свою и производили въ ней опустошенія. Въ строгомъ смыслѣ, трудъ о. Іакинѳа не исторія Тибета и Хухэнора, а матеріалы для исторіи.

8) *Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ съ XV столѣтія до настоящаго времени.* 1 книга. С. Петербургъ, 1834. Это уже собственность о. Іакинѳа, заимствованная изъ источниковъ Русскихъ и Китайскихъ. Академія наукъ наградила автора полною Демидовскою преміею.

9) *Хань-вынь-цы-мынъ или Китайская грамматика.* 1 книга, 2 части. С. Петербургъ, 1838. Грамматика эта написана по плану, который показался автору приличнѣе другихъ. Китайскій языкъ принадлежитъ къ числу бѣднѣйшихъ по звукамъ, а грамматика его не имѣетъ подобной себѣ. Языкъ раздѣляется на книжный и разговорный; книжный дѣлится на множество родовъ, напр. языкъ историческій, дѣловой, коммерческій, сказочный и т. д. Въ книжномъ языкѣ слова изображаются безъ перемѣнъ по падежамъ, числамъ, временамъ и лицамъ. Все зависитъ отъ послѣдовательности словъ. Въ языкѣ разговорномъ дополняется недостатокъ этотъ частицами. Хорошо постигнувшіе Китайскій языкъ утверждаютъ, что при чтеніи смыслъ обнаруживается самъ собою. Быть можетъ. Математика, напримѣръ, дается намъ нескоро: чего не понимали прежде, то ясно теперь. Грамматика о. Іакинѳа непонятна для

начинающаго учиться Китайскому языку, потому-что начинается какъ-бы сзаду. Нужно-бы снабдить ее введеніемъ, въ которомъ описать механизмъ языка, раздѣленіе на письменный, разговорной, показать въ чемъ состоитъ ихъ различіе. Однимъ словомъ, Китайская грамматика непонятна безъ учителя. Въ концѣ книги приложено объясненіе тѣхъ Китайскихъ словъ, которыя Европейцы исказили по бѣдности своихъ азбукъ, придерживаясь Кантонскаго произношенія, напр. извѣстный намъ по балету императоръ Кіа-Кингъ есть Цза-цинъ, а по-Кантонски Кя-Кинъ. Городъ Гонгъ-Конгъ, о которомъ такъ часто пишутъ въ газетахъ, есть Хонъ-Гонъ. Пекинцы называютъ свой городъ Бей-цзинъ, а Европейцы сдѣлали изъ него Пекинъ. Грамматика о. Іакинѳа удостоена полной Демидовской преміи.

10) *Китай, его жители, нравы, обычаи и просвѣщеніе.* 1 книга. С. Петербургъ, 1840. Здѣсь помѣщены безъ связи разныя статьи о Китаѣ: о. Іакинѳъ описалъ то, что самъ видѣлъ и о чемъ знаетъ изъ Китайскихъ книгъ. Въ ней ощутителенъ недостатокъ въ легкости разсказа и частныхъ подробностяхъ.

11) *Статистическое описаніе Китайской имперіи съ географическими картами.* 2 части. С. Петербургъ, 1842. Здѣсь описаны всѣ ханства, составляющія Китайскую имперію, но коротко и сухо; а это произошло отъ того, что всѣ описанія извлечены, а не переведены изъ большой Китайской географіи И-тхунъ-чжи. О. Іакинѳъ, вѣроятно, самъ чувствовалъ сухость извлеченія, а потому дополнилъ его статьями о великой стѣнѣ. чайномъ деревѣ, корнѣ жинь-шенѣ, ловлѣ жемчужныхъ раковинъ въ рѣкахъ Маньчжуріи, описаніемъ рѣки Амура и проч. Сочиненіе это удостоено полной Демидовской преміи.

12) *Земледѣліе въ Китаѣ*, съ чертежами земледѣльческихъ орудій. 1 книжка. С. Петербургъ, 1844. Здѣсь кратко описаны всѣ роды хлѣбовъ, которые производитъ Китай, и способы земледѣлія, доведеннаго здѣсь до высочайшей степени развитія. Жаль, что краткость и сухость много вредятъ этому сочиненію.

13) *Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи.* 4 части. С. Петербургъ, 1849. Сочиненіе это составлено по вопросамъ, предложеннымъ автору въ Сибири однимъ публицистомъ. Оно коротко, словно отвѣты на экзаменѣ.



14) *Исторія о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена.* 3 части, съ картою. С. Петербургъ, 1851. Сочиненіе сіе написано по программѣ Императорской Академіи наукъ и авторъ трудился надъ нимъ въ послѣдніе дни жизни своей. Онъ безъ всякой критики выбиралъ статьи изъ исторіи Китайскихъ династій и лѣтописи Ганъ-му, отъ чего вышли противорѣчія и запутанность. Въ исторіи династій помѣщены біографіи знаменитыхъ полководцевъ. Они бывали въ походахъ, въ посольствахъ, въ ссылкѣ далеко отъ своего царства и описывали, что видѣли. Изъ этихъ-то біографій можно-бы извлечь много любопытнаго, но почему-то авторъ не обратилъ на нихъ вниманія. У Китайцевъ есть и особенная исторія народовъ подвластныхъ имперіи, однакожь и эта книга обойдена почтеннымъ оріенталистомъ нашимъ. Трудъ о. Іакинѳа можно назвать сборникомъ не весьма удовлетворительнымъ, во-первыхъ, потому, что въ немъ немало баснословныхъ описаній, а во-вторыхъ, потому, что Китайцы имѣли обыкновеніе давать каждому народу свои названія, которыя даже перемѣняли нѣсколько разъ, такъ-что трудно угадать, кто изъ нынѣшнихъ народовъ ближе всѣхъ подходитъ подъ описаніе. Къ тому-же, встрѣчается ужасная сбивчивость въ описаніяхъ земель. Въ одномъ мѣстѣ ясно видишь, что какой-нибудь народъ обиталъ около Амура, а по другому выходитъ, что онъ жилъ по берегамъ Енисея. Зачѣмъ-же приводить два противорѣчащія опиописанія? Собственные выводы автора всегда не-впопадъ. Не смотря однакожь на недостатки, этотъ трудъ о. Іакинѳа имѣетъ свои достоинства, и потому удостоенъ половинной Демидовской преміи.

Сочиненія о. Іакинѳа изданы частію правительствомъ, частію книгопродавцами при пособіи Демидовскихъ премій.

Слѣдующія четыре сочиненія о. Іакинѳа остались неизданными:

1) *Монголо-Китайскій словарь съ Русскимъ переводомъ.*
2) *Полная система Китайскаго законодательства.*
3) *Описаніе религіи ученыхъ въ Китаѣ.*
4) *Словарь Китайскаго языка.*

Франція и Англія давно имѣютъ словари Китайскаго языка; мы-же, ближайшіе сосѣди срединнаго царства, имѣемъ съ нимъ

торговыя и другія сношенія, болѣе ста лѣтъ посылаемъ въ Пекинъ миссіи, учимся Китайскому языку въ С. Петербургскомъ университетѣ и въ Кяхтѣ, а словаря не имѣемъ. Чѣмъ оправдать это?...

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія завязалась полемическая перебранка между о. Іакинѳомъ и Парижскимъ оріенталистомъ Клапротомъ. Г. Тимковскій, ѣздившій въ Пекинъ съ миссіею въ 1820—21 годахъ, издалъ свое путешествіе. Оно переведено на Французскій языкъ. Ученый Клапротъ нашелъ въ немъ ошибки и показалъ ихъ въ одномъ журналѣ. О. Іакинѳъ вступился за Русскаго. Надобно сказать, что Клапротъ учился Китайскому языку самоучкою въ Берлинѣ, а потому и понималъ иное превратно; укоризны между обоими оріенталистами превратились въ личность. Противники знакомы были въ молодости и знали коекакія слабости другъ за другомъ. Клапротъ былъ въ Иркутскѣ съ посломъ графомъ Головкинымъ, а о. Іакинѳъ находился въ тамошнемъ Вознесенскомъ монастырѣ архимандритомъ. Наши ученые слѣдовали за этою распрею, и, по слѣпому пристрастію ко всему иностранному, тайно желали побѣды Клапроту. Но дѣло кончилось взаимнымъ истощеніемъ доказательствъ.

Въ 1830 году командированъ былъ о. Іакинѳъ съ барономъ Шиллингомъ за Байкалъ по разнымъ порученіямъ Азіатскаго департамента. Они проѣхали вдоль Китайской границы, жили при Бурятскихъ кумирняхъ и привезли въ Петербургъ множество Тибетскихъ и Монгольскихъ книгъ съ бурханами и другими принадлежностями Ламайскаго богослуженія.

Въ 1835 году о. Іакинѳъ ѣздилъ въ Кяхту для открытія тамъ училища Китайскаго языка. Для этого училища написалъ онъ грамматику Китайскаго языка, о которой мы уже говорили. Необходимость училища давно чувствовали, но исполненіе откладывали до времени болѣе удобнаго. Китайцы любознательнѣе Русскихъ: всѣ Май-Маченскіе купцы говорятъ по-Русски, между-тѣмъ-какъ въ Кяхтѣ нѣтъ ни одного человѣка, умѣющаго объясняться по-Китайски. Правда, что и Китайцы такъ изуродовали нашъ языкъ, что безъ переводчика нельзя обойтись; но все-таки мы должны уступить Китайцамъ въ любознательности. Другое дѣло языкъ Монгольскій: по всему протяженію Китайской границы трудно сыскать Русскаго, который-бы не говорилъ по-Монгольски.

Послѣднимъ трудомъ о. Іакинѳа была «Исторія народовъ, обитавшихъ въ средней Азіи». Онъ употребилъ на нее четыре года постояннаго труда и разстроилъ здоровье. Сперва мучили его сильные припадки геморроя, а потомъ обнаружилась слабость физическихъ силъ. Лѣтомъ онъ жилъ по большей части въ Муринѣ и могъ-бы поправить свое здоровье свѣжимъ воздухомъ и прогулкою; но привычка трудиться и сидѣть за письменнымъ столомъ сдѣлалась его потребностію. Послѣдніе два года жизни онъ бродилъ, какъ автоматъ; пойдетъ бывало и не можетъ остановиться. Цѣлый годъ онъ не выходилъ изъ комнаты, худо ѣлъ и безпрестанно засыпалъ и пробуждался. Полгода не вставалъ съ постели, но во все время слабости тѣлесной не измѣнялись его душевныя способности. Онъ хорошо помнилъ давно прошедшее, но вчерашняго дня не могъ припомнить. Таковъ удѣлъ почти всѣхъ стариковъ. Судилъ здраво, но безпрестанно переходилъ отъ одного предмета къ другому, поэтому и переходы отъ гнѣва къ равнодушію были внезапны. Впродолженіе слабости четыре раза исповѣдался и пріобщался св. таинъ, помазался мѵромъ и тихо скончался 11 мая 1853 года въ 5 часовъ утра. Во время разслабленія посѣтилъ больнаго чиновникъ Азіатскаго департамента, бывшій миссіонеръ Пекинскій. О. Іакинѳъ не отвѣчалъ ему сначала ни на одинъ вопросъ. Посѣтитель заговорилъ съ нимъ по-Китайски. Вдругъ старецъ какъ-бы выздоровѣлъ, — заблистали глаза, на лицѣ появилась улыбка, ожилъ языкъ, — и безмолвный прежде говорилъ безпрерывно полчаса на любимомъ языкѣ своемъ.

До о Іакинѳа средня Азія была для насъ землею невѣдомою. Наши путешественники бывали въ Хивѣ, Бухарѣ, Ташкентѣ и Коканѣ, сообщали намъ свѣдѣнія объ этихъ самовластныхъ ханствахъ; но о Тибетѣ, восточномъ Туркестанѣ, Зюнгаріи и Маньчжуріи ни мы, ни Европа не имѣли понятія. Прежде мы не знали, почему народъ, обитавшій въ Монголіи, назывался то Хунну, Сунну, то Уйгоръ, то Хойхоръ, то Татаръ и наконецъ Монголъ. О. Іакинѳъ объяснилъ, что народы средней Азіи принимали названія по владѣтельному дому. Возникалъ новый домъ, сильный и воинственный, народы покоренные принимали его имя. Такъ домъ Татаръ повелѣвалъ всею Монголіею и былъ извѣстенъ западнымъ Азіатцамъ; но явился Темудзинъ изъ колѣна Монголовъ.

и всѣ покоренные имъ народы стали называться Монголами. Будь переворотъ въ Китаѣ, Монголія сдѣлается независимою, усилится какой-нибудь ханъ и всѣ Монголы назовутся именемъ его колѣна.

Укоряютъ о. Іакинѳа въ краткости и бѣдности свѣдѣній о странахъ, имъ описанныхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы не имѣемъ ни исторіи, ни географіи Китая полныхъ и удовлетворительныхъ; не имѣемъ даже обозрѣнія Китайской литературы, богатой во всѣхъ родахъ и намъ извѣстной только по переводу г. Леонтьевскимъ одного романа. Могъ-ли одинъ о. Іакинѳъ удовлетворить наши справедливыя требованія! Съ другой стороны, буквальный переводъ съ Китайскаго не возможенъ: ихъ понятія о наукѣ не сходятся съ нашими. У нихъ нѣтъ исторіи, а есть только лѣтописи. Мы имѣемъ драгоцѣнное обозрѣніе Маньчжурской исторіи, извлеченное изъ Китайскихъ источниковъ членомъ Пекинской миссіи Горскимъ. Труды его, напечатанные въ первомъ томѣ записокъ Пекинской духовной миссіи, обнаруживаютъ, что авторъ понималъ современныя требованія науки и взялся за дѣло по призванію. Къ-сожалѣнію, преждевременная смерть лишила насъ будущаго историка Китая.

О. Іакинѳъ хорошо владѣлъ Русскимъ языкомъ и писалъ, какъ свѣтскій писатель; жаль, что онъ не имѣлъ образованія сообразнаго трудолюбію своему. Воспитанникъ старинной семинаріи, монахъ, прожившій 14 лѣтъ въ Китаѣ, долженъ былъ отстать отъ современныхъ идей. По возвращеніи въ Россію, трудно было поравняться съ вѣкомъ, читая газеты и журналы. Поэтому въ книгахъ о. Іакинѳа встрѣчаются провинціализмы, смѣшныя передѣлки чиновъ Китайскихъ въ Русскіе. Иногда увлекался онъ ложными выводами о происхожденіи народовъ, старинныхъ названій урочищъ, городовъ и проч.; напримѣръ: народъ Уйгоръ, Киргизовъ щиталъ Монголами; пустыню Гоби, по-Китайски Ханъ-Хай, передѣлалъ въ море Байкалъ, потому только, что слово Ханъ-Хай (песчаное море) пишется съ Ключемъ вода, собственное-же названіе Байкала Бей-хай приписалъ сѣверному Океану. Отъ того народы, жившіе между пустынею Гоби и Байкаломъ, перемѣщены за Байкалъ; Китайскаго посланника Су-ву, сосланнаго Хуннами на берега Байкала помѣстилъ на островъ Ольхонъ.

Постояннымъ гонителемъ о. Іакинѳа былъ журналъ «Библіотека для чтенія», иногда пристрастнымъ, иногда обличавшимъ свое собственное незнаніе дѣла. Китай непохожъ на Турцію или Персію;

на него многіе, смотрятъ у насъ Европейскими глазами, и оттого многаго рѣшительно не понимаютъ. Отъ о. Іакинѳа требовали столько, сколько можетъ сдѣлать развѣ цѣлое ученое общество. Благодарность ему и за то, что онъ наполнилъ коё-какъ пустоту нашихъ познаній о средней Азіи. Укоряютъ одного за неудовлетворительность, а молчатъ о томъ, что наши миссіонеры болѣе ста лѣтъ живутъ въ Пекинѣ съ цѣлью изученія Китая, и всѣ они вмѣстѣ не сдѣлали и четвертой доли того, что сдѣлалъ одинъ о. Іакинѳъ; трудно сказать, превосходилъ-ли кто изъ Европейцевъ о. Іакинѳа знаніемъ Китайскаго языка разговорнаго и книжнаго. Историческій, географическій и домашній языкъ зналъ онъ совершенно; правда, что въ разговорахъ сбивался на южное произношеніе, потому-что въ послѣднее время имѣлъ тѣсное знакомство съ однимъ ученымъ уроженцемъ южныхъ губерній. Китайскій языкъ имѣетъ безчисленное множество нарѣчій, такъ-что сѣверный Китаецъ съ трудомъ понимаетъ южнаго и наоборотъ. Провинціалъ, пріѣхавшій въ Пекинъ, объясняется то на словахъ, то письменно, а письмена Китайскія то-же, что ноты: ихъ пищетъ Италіянецъ, а читаетъ вся Европа и Америка. Хорошо читалъ о. Іакинѳъ Китайскія книги, но переводить съ Русскаго на Китайскій не могъ. До этой премудрости не достигалъ еще ни одинъ Европеецъ. Надобно родиться въ Китаѣ. Хотя намъ и говорятъ: я перевелъ на Китайской языкъ то и то, не вѣрьте: переводъ сдѣланъ учителемъ Китайцемъ. Ученикъ объяснялъ ему текстъ кое-какъ на простонародномъ языкѣ, а учитель писалъ на книжномъ. Бѣда въ томъ, что книжный Китайскій языкъ не тотъ, которымъ говоритъ народъ. Книжному языку можно выучиться въ Европѣ по словарю, а разговорному надобно учиться у Китайца. Вотъ почему знаменитый Абель-Ремюза сталъ въ-тупикъ передъ Китайцами, пріѣхавшими въ Парижъ. Во время нападенія Англичанъ на берега Китая, за то, что не хотѣли покупать у нихъ опіумъ, прислана была въ Пекинъ нота, писанная по-Англійски и по-Китайски. Дворъ требовалъ изъ кантона Китайцевъ, знающихъ по-Англійски. Переводчикъ въ Китаѣ лицо весьма отвѣтственное: за худой переводъ отрубятъ ему голову. Кантонъ отвѣчалъ, что Китайцы знаютъ одинъ только разговорный языкъ рыжихъ варваровъ, о письменномъ-же понятія не имѣютъ. Китайскаго текста, писаннаго Англичанами, не понимали въ Пекинѣ, а

объ Англійскомъ и поминать нечего. Вотъ какъ хорошо знаютъ Англичане Китайскій языкъ! Нота была переведена съ Англійскаго на разговорный Китайскій языкъ нашими миссіонерами, а Китайскій дипломатъ переложилъ ее на письменный языкъ, и въ этомъ видѣ, съ черновымъ переводомъ, представлена она въ совѣтъ князей и министровъ. Китайцы изумились наглому требованію Англичанъ. «Какъ, говорили они, рыжіе варвары жгутъ наши города и селенія, да съ насъ-же требуютъ уплаты за военныя издержки!»

О. Іакинѳъ былъ роста выше средняго, сухощавъ; въ лицѣ у него было что-то Азіатское; борада рѣдкая клиномъ, волосы темнорусые, глаза каріе, щеки впалыя и скулы немного выдавшіяся. Говорилъ Казанскимъ нарѣчіемъ на *о;* характеръ имѣлъ немного вспыльчивый и скрытный. Неприступенъ былъ во время занятій; бѣда тому, кто прихгдилъ къ нему во то время, когда онъ располагалъ чѣмъ-нибудь заняться. Трудолюбіе доходило въ немъ до такой степени, что бесѣду считалъ убитымъ временемъ. Лѣтъ 60-ти принялся онъ за Турецкій языкъ; но оставилъ потому, что сперва должно знать разговорный языкъ, а потомъ приниматься за письменный. Такъ по-крайней-мѣрѣ онъ говорилъ. Любилъ общество и нерѣдко ночи просиживалъ за картами, единственно потому, что игра занимала его. Долговременное пребываніе за границею отучило его отъ соблюденія монастырскихъ правилъ, да и монахомъ сдѣлался онъ изъ видовъ, а не по призванію.

Съ о. Іакинѳа снято четыре портрета, въ разныя времена его жизни. Первый писанъ въ Иркутскѣ масляными красками, живописцемъ Васильевымъ. Похожъ мало. Второй, литографированный, приложенъ къ запискамъ о Монголіи. Авторъ изображенъ въ Китайскомъ одѣяніи. Этотъ портретъ имѣетъ большое сходство. Третій литографированъ Теребеневымъ неудачно. Четвертый писанъ масляными красками. Онъ имѣетъ много сходства, да много и несходства.

Покойный не имѣлъ братьевъ. Сестра была за-мужемъ за сельскимъ дьячкомъ и давно овдовѣла. Братъ посылалъ ей каждый годъ пособіе.

Заупокойное служеніе у гроба о. Іакинѳа, на кладбищенской церкви, совершалъ архимандритъ Гурій, бывшій миссіонеръ, а теперь архимандритъ Пекинскаго монастыря. Тѣло его погребено на старомъ Невскомъ кладбищѣ, войдя въ ограду налево, почти въ

углу близъ стѣны. Одинъ деревянный крестъ безъ надписи указываетъ бывшимъ при погребеніи могилу старца. Бумаги свои отослалъ онъ при жизни частію въ Казанскій университетъ, частію въ Азіатскій департементъ.

Н. ЩУКИНЪ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

О погашеніи государственныхъ долговъ. Соч. Александра *Запасника*. С. Петербургъ, 1857. XIV и 119 стр. in-8°.

Существованіе государства предполагаетъ различныя цѣли, удовлетвореніе которыхъ вызываетъ особые расходы, покрываемые государствомъ главнѣйшимъ образомъ съ своихъ подданныхъ, которые всѣ, какъ члены государственнаго союза, участвуютъ, по мѣрѣ средствъ своихъ, въ общественныхъ издержкахъ. Цвѣтущее положеніе и благосостояніе общественнаго союза обусловливается равновѣсіемъ между этими нуждами, или расходами, и средствами къ удовлетворенію ихъ, или доходами. И вся задача финансоваго управленія заключается въ томъ, чтобы установить и поддерживать, по-возможности, это равновѣсіе, столь необходимое и важное какъ для самаго правительства, такъ равно и для благосостоянія цѣлаго народа. Такъ бываетъ въ естественномъ, нормальномъ состояніи государства, когда жизнь его не нарушается никакими особыми, чрезвычайными событіями, которыя могли-бы измѣнить естественное теченіе дѣлъ, и поколебать правильность и порядокъ администраціи, а слѣдовательно внести нѣкоторое разстройство и въ сферу финансовой дѣятельности, на которой, какъ имѣющей предметомъ удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ государства, не можетъ не отразиться всякое замѣшательство, всякій кризисъ въ общественной жизни. Но въ человѣческихъ обществахъ такое вождѣленное теченіе жизни часто возмущается многоразличными обстоятельствами, которыя затрудняютъ какъ самую жизнь государства, такъ, естественно, сопровождаются замѣшательствами и въ области финансовъ, на коихъ, какъ мы за-

мѣтили, отражается каждое анормальное государственное событіе, и каждая новая, непредвидѣнная потребность, вызванная чрезвычайнымъ явленіемъ, неизбѣжно нарушаетъ то равновѣсіе, соблюсти которое финансовая дѣятельность поставляетъ для себя главнѣйшею задачею. Между такими событіями, выходящими изъ круга обыкновенныхъ, прекращеніе дружественныхъ сношеній между государствами и война составляютъ одни изъ важнѣйшихъ, какъ по своему вліянію на политику, такъ равно и на финансы. Въ такомъ состояніи, всѣ расходы, вызываемые непріязннеными отношеніями, государственная казна часто не въ-состояніи покрыть обыкновенными средствами, имѣющими свое опредѣленное назначеніе, отъ котораго они не могутъ быть отвлечены. И остается одно: прибѣгнуть къ изысканію особыхъ, чрезвычайныхъ способовъ, которые могли-бы доставить возможность удовлетворить этимъ анормальнымъ нуждамъ и поддержать честь и достоинство государственаго союза. Изъ такихъ средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ финансовая дѣятельность въ критическія минуты, замѣчательны двѣ: или чрезвычайные налоги, которыми облагаются подданные, сверхъ постоянныхъ и опредѣленныхъ платежей, или государственный кредитъ, къ которому главнѣйшимъ образомъ и обращается правительство въ случаѣ нужды. Возможность прибѣгнуть къ государственному кредиту обусловливается тѣми-же обстоятельствами, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ и всякаго частнаго кредита. Такимъ образомъ важнѣйшими условіями его могутъ почитаться: 1) степень благосостоянія народа и способы увеличить оное, 2) свойство финансовыхъ учрежденій и финансоваго управленія, 3) честность правительства и его прочность. Соединеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ можетъ быть благопріятно и кредитъ правительства — высокъ. И дѣйствительно, обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что прочныя и состоятельныя правительства всегда находили для себя кредитъ, и часто даже слишкомъ и въ-ущербъ себѣ пользовались имъ, хотя къ тому побуждаемы были большею частію бѣдственными обстоятельствами, между которыми война, какъ мы уже упоминали, была главнѣйшею причиною образованія тѣхъ тяжкихъ долговъ, которые тяготѣютъ въ настоящее время на большей части Европейскихъ державъ. Одинъ примѣръ Англіи достаточно можетъ убѣдить, въ какіе значительные долги можетъ впасть государство, ведущее частыя войны. Въ-теченіе 23 лѣтъ ожесточенной войны съ рево-

люціонной и императорской Франціей, Англія задолжала въ періодъ времени съ 1794 по 1816 годъ до 21,019,262,275 фр., что приходится на каждый годъ среднимъ числомъ 913,967,925 фр. (1) И въ пятилѣтній періодъ, когда общіе расходы Великобританіи простирались до громадной цифры 11,938,777,850 фр., однѣ издержки на войну поглощали до 7,678,048,025 фр. (2). Эти статистическія данныя ясно свидѣтельствуютъ, какъ значительно бремя, налагаемое на государство военными расходами.

Переходя къ настоящему времени, мы замѣчаемъ и теперь огромные долги во всѣхъ почти государствахъ, и всѣ они проистекаютъ изъ того-же источника—войнъ. Приведемъ нѣкоторыя данныя о величинѣ этихъ долговъ въ государствахъ Европы въ 1854—55 годахъ и покажемъ количество, причитающееся изъ сего на каждаго жителя:

Пруссія	226	м.	р.	с.	13	р.	на	жителя.
Австрія	1,214	»	»	»	32	»	»	»
Бельгія.	162	»	»	»	36	»	»	»
Португалія	145	»	»	»	38	»	»	»
Франція.	1,888	»	»	»	53	»	»	»
Испанія	904	»	»	»	63	»	»	»
Нидерланды	638	»	»	»	193	»	»	»
Великобританія . . .	5,882	»	»	»	213 (3)	»	»	»

Что касается до нашего отечества, то, по послѣднимъ извѣстіямъ, заимствуемымъ изъ рѣчи г. министра финансовъ, произнесенной въ засѣданіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій 13 августа сего года, состояніе долговъ въ Россіи, къ 1857 году было слѣдующее:

Срочныхъ и безсрочныхъ . . . . . 521,987,810 р. с.
Изъ этого числа безсрочныхъ. . . 341,260,640 » » (4).

Если принять 60 м. жителей для Россіи, то на каждаго придется по $8^1/_2$ руб. Хотя, по сравненію съ прочими Европейскими государствами, число это и менѣе другихъ, однако и оно довольно значительно.

---

(1) Annuaire d'econ. polit. 1856 г. стр. 551.
(2) Ibid. стр. 553—54.
(3) Журн. для акціонеровъ 1857 г. № 32.
(4) Коммер. газета 1857 г. № 95.

Обратимъ вниманіе на тѣ расходы, которые причиняетъ платежъ процентовъ. Эта статья бюджета также весьма значительна и составляетъ немаловажное бремя для государственныхъ финансовъ. Около 1855 года проценты изъ общихъ государственныхъ расходовъ, потребные на покрытіе издержекъ по долгамъ, были слѣдующіе: Пруссія 10%, Австрія 26%, Бельгія 29%, Португалія 34½%, Францiя 26%, Нидерланды 51%, Великобританія 30%.

Въ Португаліи, при скудныхъ экономическихъ средствахъ, пожертвованіе болѣе ⅓ расхода на издержки по долгу, конечно, крайне обременительно, и извѣстно, какъ низокъ курсъ Португальскихъ фондовъ; почти такая-же пропорція изъ общаго количества расходовъ, причитающаяся на долговыя издержки, чрезвычайно значительна и для государствъ съ цвѣтущею промышленостію и благоустроенными финансами, каковы Бельгія, Францiя и Англія. По Редену, на издержки по публичнымъ займамъ предназначалось въ 1854 г. во всѣхъ Европейскихъ государствахъ болѣе 460 м. р. въ годъ (5). Столь значительное количество долговъ, обременяющее почти всѣ державы Европы, и величина суммы, потребной на платежъ процентовъ, должны имѣть немалое вліяніе на хозяйственный бытъ народовъ. Вліяніе это вообще обнаруживается: 1) *По отношенію къ экономіи народа.* Внутренніе долги поглощаютъ капиталы, вынимаемые изъ обращенія, и чрезъ это уменьшаютъ способы производства. Народъ, получая капиталы назадъ, потери своей не вознаграждаетъ, ибо это возвращеніе суммъ происходитъ изъ налоговъ. Обращеніе государственныхъ бумагъ занимаетъ безполезно множество рукъ и силъ, и чрезъ это производство опять сокращается. Требованіе правительствомъ капиталовъ увеличиваетъ проценты. Если долги дѣлаются у иностранцевъ, то это лишь отсрочка уничтоженія капиталовъ, которые должны наконецъ выйдти, чтобы уплатить сдѣланный долгъ. Слѣдовательно дѣлаются-ли долги дома или за границей,— уменьшеніе народнаго капитила во всякомъ случаѣ необходимо. 2) *По отношенію къ раздѣленію богатства.* Долги дѣлаютъ необходимою ежегодную издержку на платежъ процентовъ и погашеніе. Та и другая достается въ руки непроизводительныхъ

---

(5) Журн. для акціонеровъ, № 32.



классовъ, которые живутъ процентами, получаемыми съ народа. Еслибъ долги не существовали, то издержки на нихъ, дѣлаемыя правительствомъ, оставались-бы у народа, который сталъ-бы употреблять эти суммы производительно. Капиталисты отъ такого порядка ничего-бы не потеряли: они, по-прежнему, продолжали-бы отдавать свои капиталы и получать доходы; только въ настоящемъ случаѣ капиталисты получали-бы эти доходы безъ ущерба для другихъ гражданъ, ибо заимобратели употребляли-бы взятые капиталы производительно и удовлетворяли кредиторовъ изъ полученнаго дохода (6).

Вообще-же говоря, касательно вліянія публичныхъ долговъ на государственое хозяйство, надо замѣтить, что, чѣмъ болѣе они увеличиваются, тѣмъ пагубнѣе вліяніе ихъ, а исторія финансовъ показываетъ, что во всѣхъ государствахъ Европы, къ-несчастію, долги увеличиваются, и слѣдовательно пагубное вліяніе ихъ дѣлается все болѣе и болѣе. Значитъ вопросъ, какъ-бы пріостановить такое чрезмѣрное ихъ увеличеніе, или, говоря другими словами, вопросъ о погашеніи государственныхъ долговъ есть вопросъ весьма важный въ финансовой наукѣ и финансовой практикѣ, и особенно въ послѣдней; но какъ здравая финансовая дѣятельность въ настоящее время старается основать свои дѣйствія на твердыхъ началахъ науки, то вопросъ о погашеніи и съ ученой стороны заслуживаетъ полнаго вниманія.

Эта многосторонняя важность погашенія государственныхъ долговъ была, конечно, одною изъ побудительныхъ причинъ, руководившихъ г. Запасника избрать для своей диссертаціи на степень магистра политической экономіи и статистики вопросъ о погашеніи; и надо отдать должную справедливость автору за добросовѣстное и довольно тщательное разсмотрѣніе этого вопроса какъ со стороны теоретической, такъ особенно съ точки зрѣнія исторической, — что̀ заслуживаетъ полнаго одобренія, ибо историческія указанія вліянія той или другой финансовой мѣры на народное хозяйство и государственную казну служатъ наилучшимъ масштабомъ для провѣрки состоятельности и практической примѣнимости извѣстной теоріи. Такъ, мы увидимъ, при дальнѣйшемъ обозрѣніи различныхъ системъ погашенія, что опытъ и статистическія данныя краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всякихъ

---

(6) *Горловъ.* Теорія финансовъ, стр. 211.



отвлеченныхъ соображеній доказывали годность той или другой мѣры. Этимъ подтверждается та непреложная истина о пользѣ историческаго метода въ изслѣдованіи предметовъ народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ, честь открытія которой принадлежитъ нашему времени и на которой современная намъ наука государственной экономіи стремится построить свои изслѣдованія и основать всѣ свои выводы.

Разсужденіе г. Запасника обнимаетъ собою рѣшеніе собственно только двухъ вопросовъ. «Разсматривая государственые долги, говоритъ онъ, какъ средства удовлетворенія чрезвычайнымъ государственнымъ потребностямъ, мы встрѣчаемъ вопросъ: нужно-ли принимать мѣры для ихъ погашенія? Если-же погашеніе государственныхъ долговъ необходимо, возможно и обнаруживаетъ благотворное вліяніе на государственое хозяйство, то рождается другой вопросъ: какимъ образомъ производить это погашеніе? Рѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ и составитъ предметъ нашего изысканія, которое, по самому существу своему, раздѣлится на двѣ части.» (Введ. стр. VII.).

Изложивъ въ первой части необходимость погашенія государственныхъ долговъ и вліяніе его на общественное благосостояніе, авторъ приводитъ мнѣнія нѣкоторыхъ писателей по этому предмету, и, разобравъ слѣдствія такого погашенія какъ относительно государственнаго хозяйства, такъ и вліянія на курсъ облигацій, приходитъ къ вопросу о различныхъ системахъ погашенія—главному предмету своего разсужденія.

Историческое развитіе этихъ системъ вполнѣ соотвѣтствуетъ развитію всей вообще финансовой системы нѣкоторыхъ государствъ и погашеніе мало-по-малу оставляетъ тѣ ложныя начала, на которыхъ прежде было основано, и утверждается на болѣе раціональныхъ идеяхъ. Такъ, мы встрѣчаемъ, что въ первобытныя времена правительства въ крайныхъ обстоятельствахъ не исполняли условій, заключенныхъ съ своими заимодавцами. и освобождались отъ долговъ насильственнымъ образомъ, — уничтоженіемъ государственныхъ долговъ вслѣдствіе *несостоятельности* правительства. Далѣе, финансовое управленіе, бросившись въ другую крайность и желая во что-бы то ни стало уменьшить и даже совсѣмъ уничтожить бремя, тяготѣющее надъ нимъ, налагаетъ налоги на подданныхъ, образуетъ изъ податей особый фондъ и на будущее время, въ какихъ-бы обстоятельствахъ государство не

находилось, употребляетъ этотъ фондъ на постепенную уплату долговъ. Это система *строгаго* погашенія. Постигнувъ несостоятельность и непрактичность строгаго погашенія посредствомъ сложныхъ процентовъ, государства прибѣгали къ плану *мгновеннаго* погашенія, помощію единовременнаго налога. Эта послѣдняя система, равно какъ и погашеніе посредствомъ продажи государственыхъ имуществъ, и уменьшеніе бремени долговъ пониженіемъ процентовъ, хотя и обнаруживаютъ благотворное дѣйствіе на государственное хозяйство, но возможны только при извѣстномъ отношеніи долговъ къ народному доходу, при существованіи имуществъ и всеобщемъ пониженіи процентовъ въ государствѣ и возвышеніи кредита. Если польза и возможность трехъ послѣднихъ системъ уменьшенія долговой тяжести зависитъ отъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, то является необходимостъ системы, удобопримѣнимой ко всѣмъ государствамъ и удовлетворяющей вполнѣ предполагаемой цѣли: это система *свободнаго* погашенія, производимаго при существованіи излишка доходовъ надъ расходами — послѣднее слово современной финансовой науки и самое раціональное и практичное средство освобожденія государства отъ тяжести долговъ своихъ.

Примѣры банкротствъ правительства или неисполненія условій, съ государственными заимодавцами заключенныхъ, были извѣстны древнимъ Грекамъ и повторялись въ Римѣ, во время Пуническихъ войнъ. Банкротства эти происходили главнѣйшимъ образомъ оттого, что долги заключались съ условіемъ срочной уплаты, которую, при наступленіи срока, казна часто находилась въ невозможности произвести. Несостоятельность правительства обнаруживалась подъ различными видами: иногда выпускалась монета меньшаго вѣса или низкой пробы, удерживавшая прежнія названія и поступавшая въ уплату долговъ или жалованья наравнѣ съ прежними деньгами; иногда выдавались по первоначальной цѣнѣ бумажныя деньги, уже упавшія въ цѣнѣ, или, наконецъ, правительство просто уменьшало насильственно долговую сумму, отказавшись платить кредиторамъ. Что касается до подобныхъ банкротствъ въ древнія времена, то они встрѣчались относительно довольно часто, если принять во вниманіе незначительное развитіе публичнаго кредита въ древнихъ государствахъ, и — замѣчательное обстоятельство — мѣры эти не встрѣчали значительнаго противодѣйствія со стороны народа. Адамъ Смитъ объясняетъ намъ такое

согласіе тѣмъ, что, напримѣръ въ Римѣ,—точно такъ-же, какъ и въ другихъ древнихъ республикахъ, считавшихъ промышленыя занятія приличными только рабамъ, — бѣдные граждане, или плебеи находились въ неоплатныхъ долгахъ, а какъ, вслѣдствіе пониженія достоинства монеты, они получали возможность одною извѣстною долею уплатить весь свой долгъ, то законъ о выпускѣ низкоя добротной монеты, поддерживаемый трибунами, получалъ ихъ одобреніе (7).

Все, что можно было сказать о несостоятельности въ древнихъ государствахъ, пользуясь скудными указаніями древнихъ писателей, приведено г. Запасникомъ въ его разсужденіи. За-то банкротства новѣйшія, бывшія, напримѣръ во Франціи въ различное время и особенно въ малолѣтство Людовика XV и во время первой Французской революціи, какъ болѣе любопытныя въ финансовомъ отношеніи, разсмотрѣны авторомъ съ замѣчательною полнотою и отчетливостію и изложены всѣ причины, обусловившія эти банкротства. Первый примѣръ несостоятельности государства, встрѣчаемый во Французской финансовой исторіи, обнаружился при Іоаннѣ II, объявившемъ недѣйствительными всѣ долги, заключенные, какъ при немъ, такъ и при его предшественникахъ. Банкротство, повторившееся при Людовикѣ XIV, выразилось уничтоженіемъ части государственнаго долга: кардиналъ Мазарини, управлявшій тогда Франціею, для сокращенія государственныхъ расходовъ, предложилъ парламенту признать недѣйствительными облигаціи, выданныя государственнымъ заимодавцамъ на 60 м. ливровъ, и парламентъ, «имѣя въ виду, что государственные заимодавцы суть люди, или безъ всякаго вліянія, или-же очень богатые», одобрилъ эту мѣру (стр. 25). Этотъ случай весьма точно характеризуетъ понятія и взглядъ тогдашняго времени какъ на обязанности государства къ своимъ кредиторамъ, такъ и на собственность гражданъ, и должно удивлятся, какимъ образомъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, правительства могли находить для себя кредитъ.

Упомянувъ вкратцѣ о подобномъ примѣрѣ, бывшемъ въ правленіе Кольберта и выразившемся въ насильственномъ пониженіи процентовъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію финансоваго кризиса въ малолѣтство Людовика XV и къ системѣ Ло. Мы не

(7) Ad. Smith, t. IV, стр. 516—517.



будемъ останавливаться на изложеніи всѣхъ финансовыхъ началъ, которыми руководилось тогдашнее правительство, и тѣхъ бѣдствій, которыя были неизбѣжнымъ ихъ слѣдствіемъ. Исторія банкротства Франціи во времена регенства и система Ло были уже предметомъ многочисленныхъ и тщательныхъ изслѣдованій ученыхъ: стоитъ вспомнитъ многія прекрасныя сочиненія Французскихъ писателей и разсужденіе нашего профессора Бабста. Послѣ такихъ авторитетовъ г. Запаснику, конечно, трудно было сказать, по отношенію къ этому предмету, что либо новое; но онъ, по-крайней-мѣрѣ, изучилъ и свелъ во-едино многія предварительныя разысканія о финансовыхъ затрудненіяхъ Франціи въ половинѣ XVIII столѣтія и о системѣ знаменитаго Шотландца. То-же самое должно сказать и о дальнѣйшемъ изложеніи Французской финансовой исторіи послѣднихъ годовъ прошедшаго столѣтія.

Краткимъ упоминаніемъ о банкротствахъ Австріи, Нидерландовъ и Испаніи авторъ заключаетъ первую главу своего сочиненія, и переходитъ къ системѣ строгаго погашенія государственныхъ долговъ, посредствомъ сложныхъ процентовъ, или къ системѣ Прейса (Price). Система эта со времени доктора Прейса получила полное развитіе, вкоренилась съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями въ финансовое управленіе почти всѣхъ Европейскихъ державъ и до-сихъ-поръ еще имѣетъ силу въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напр. во Франціи, гдѣ въ государственной росписи 1856 года погасительный фондъ опредѣленъ въ 75,018,903 фр., хотя до времени онъ производитъ свои операціи только на бумагѣ. По этимъ причинамъ мы позволяемъ себѣ остановиться на этой пресловутой системѣ и сказать объ ней нѣсколько словъ. Главная идея плана Прейса, какъ извѣстно, заключается въ томъ, чтобы для погашенія государственнаго долга назначенъ былъ капиталъ и чтобы проценты, освобождающіеся отъ частной уплаты этого долга, были присоединяемы къ капиталу погашенія, который ни въ какомъ случаѣ не долженъ получать другаго назначенія. Прейсъ, объясняя свою систему, говоритъ: Погасительный фондъ можетъ быть употребляемъ троякимъ образомъ: 1) выкупленные проценты могутъ быть прилагаемы къ сему фонду; 2) они могутъ быть обращаемы на текущіе расходы; 3) эти-же проценты могутъ быть возвращаемы народу чрезъ уничтоженіе податей. Погасительный фондъ, дѣйствующій по первому плану, уподобляется засѣянному зерну хлѣба; если произведенія

сего зерна постоянно вновь засѣваются, то по-истеченіи времени ихъ будетъ достаточно для прокормленія всего королевства, а по второму — похожъ на зерно, произведенія котораго ежегодно употребляются. То, что относится ко второму, тѣмъ болѣе разумѣется о третьемъ. Прейсъ предполагаетъ государственный долгъ 262 мил. ф. стер. по 5%. Посредствомъ употребленія доли въ 200 т. ф. стер., уплаченная часть долга уменьшитъ расходъ на проценты 10 т. ф. ст. Если сіи выкупленные проценты будутъ присоединяемы къ фонду, то въ-теченіе втораго года расходъ сей уменьшится на 10,500 ф. стр. (т. е. на прежнія 10 т., составляющіе проценты на выкупленную часть долга 9 и 500 ф. ст. составляющіе проценты на проценты). Такимъ-образомъ, по прошествіи 86 лѣтъ ежегоднаго освобожденія, расходъ достигнетъ 13,013,083,000 ф. стер., а вмѣстѣ съ первоначальнымъ погасительнымъ фондомъ составитъ 13,283,000 фун. стер. т. е. всѣ сполна проценты, причитающіеся на 262 м. ф. стер., а вслѣдствіе того и самый долгъ будетъ выкупленъ. Посредствомъ втораго и третьяго способовъ правительство въ вышеуказанномъ примѣрѣ уплатитъ только 17,200 ф. ст., но избѣгнетъ займовъ въ-теченіе этихъ 86 лѣтъ на сумму 36,550,000 ф. стер., и вся польза отъ этого способа будетъ заключаться въ 53,750,000, а относительно перваго способа потеря будетъ простираться до 208,250,000.

Таковъ погасительный планъ Прейса въ существенныхъ его основаніяхъ. Разсматривая его, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) потеря втораго способа относительно перваго, вычисленная Прейсомъ, мнимая: ибо, придерживаясь втораго способа, т. е., обращая проценты на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, отвращается дефицитъ, который неизбѣжно обнаружился-бы въ государственныхъ доходахъ; 2) на покрытіе этого дефицита нужно будетъ дѣлать новые займы, т. е. въ нашемъ примѣрѣ въ началѣ втораго года нужно будетъ занять 10 т., въ-теченіе третьяго года — 20 т. и т. д., и какъ каждый заемъ причиняетъ расходы на проценты, то надо будетъ налагать новыя подати, или-же дѣлать новые займы. Положимъ, что для избѣжанія накопленія долговъ сложными процентами будутъ налагаемы новыя подати; тогда, по истеченіи 1 года, подданные должны будутъ уплатить проценты отъ 10 т., по-истеченіи 2-го года, отъ 30 т., а послѣ 86 года — проценты отъ 36,550 ф. стер. Такъ какъ эти дополнительныя подати не налагаются при второмъ способѣ, то вслѣд-

ствіе ихъ и произошла разница въ 208,250,000, вычисленная Прейсомъ. Еслибы дополнительныя подати налагались и при второмъ способѣ, а всѣ обстоятельства оставались прежнія, то второй способъ представилъ бы такіе же результаты, какъ и первый; а посему разница, вычисленная, но не понятая Прейсомъ, произошла отъ весьма простыхъ обстоятельствъ и нисколько не доказываетъ относительнаго достоинства перваго способа передъ вторымъ. Все дѣло въ томъ, что, какъ справедливо замѣчаетъ Макъ-Коллохъ, долгъ уменьшается при первомъ способѣ потому, что *часть податей систематически* употребляется на его уплату и не можетъ уменьшаться иначе; и только невниманіе къ необходимости требовать налогъ заставило предполагать здѣсь какую-то таинственную силу, казалось, объяснявшую это чудное сотвореніе неожиданныхъ цѣнностей (8).

Такая система, какъ доказываетъ исторія, влечетъ только правительство къ многочисленнымъ займамъ, нисколько не уменьшая тяжести долга, лежащаго на государственной казнѣ, чему служитъ полнымъ подтвержденіемъ примѣръ Англіи, гдѣ до введенія системы Прейса долгъ простирался до 238,251,248 ф. стер., а по уничтоженіи погасительнаго фонда остался увеличеннымъ до 801,808,983 ф. стер. (стр. 75).

Изложивъ теоретически планъ Прейса, авторъ, слѣдуя своей системѣ, представляетъ исторію строго-погасительныхъ учрежденій въ Англіи и Франціи. Результатомъ постоянныхъ затрудненій и потерь, причиняемыхъ государственному хозяйству Англіи системой строгаго погашенія, введенной министромъ Вальполемъ и особенно Питтомъ, было то, что финансовый комитетъ, назначенный парламентомъ въ 1828 году для изслѣдованія государственныхъ доходовъ и расходовъ, донесъ ему, что, такъ-какъ система строгаго погашенія не имѣла ни малѣйшаго вліянія на улучшеніе государственнаго кредита, а напротивъ причинила значительныя потери, то и должна быть безъ отлагательства уничтожена. Вслѣдствіе этого Англійскій парламентъ, закономъ, который долженъ былъ войдти въ силу съ 5 іюля 1829 года, уничтожилъ погасительный фондъ, и система, введеніе которой стоило столькихъ трудовъ, окончательно исчезла.

Что-же касается до Франціи, то погасительная касса, учре-

(8) *Горлеев.* Теорія финансовъ, стр. 261.



жденная по проекту братьевъ Пари въ 1725 году, существуетъ и до-сихъ-поръ.

Разсмотрѣвъ систему строгаго погашенія со стороны теоретической и исторической, г. Запасникъ разбираетъ третью систему— мгновеннаго погашенія, которая состоитъ въ уплатѣ долговъ посредствомъ единовременныхъ налоговъ. Она предложена въ Англіи Гутчинсономъ въ 1721 году, въ настоящее-же столѣтіе ее возобновили Рикардо и Пабло Пебреро, который особенно и развилъ ученіе о ней. Весь планъ Пебреро основанъ на экономическихъ идеяхъ Рикардо о погашеніи государственныхъ долговъ посредствомъ налоговъ. Это знаменитое ученіе, изложенное съ замѣчательной логикой, нашло себѣ многочисленныхъ противниковъ, упрекавшихъ Англійскаго экономиста въ пренебреженіи къ интересамъ податнаго класса,—между-тѣмъ-какъ оно, по нашему мнѣнію, если и представляетъ при своемъ приложеніи къ практикѣ часто непреодолимыя препятствія, тѣмъ не менѣе основано на мысли, не лишенной основанія. Государство, находясь въ какихъ-либо затруднительныхъ обстоятельствахъ, прибѣгаетъ къ займу и, какъ по большей части случается въ настоящее время, обращаетъ долгъ свой въ отвердѣлый, т. е. не обязывается уплачивать капиталъ заимодавцамъ, а только принимаетъ на себя платежъ процентовъ, который продолжается часто весьма долго и такимъ образомъ заставляетъ участвовать въ платежѣ ихъ не одно поколѣніе, а нѣсколько, между-тѣмъ-какъ справедливость требуетъ, чтобы предшествовавшее поколѣніе, для нуждъ и въ интересахъ котораго былъ заключенъ долгъ, несло само на себѣ его бремя, не завѣщая послѣдующимъ временамъ той тяжести, съ которою часто соединено для податного сословія существованіе значительныхъ долговъ въ государствѣ. Безспорно, долгъ бываетъ часто такъ великъ, что современникамъ нѣтъ никакой возможности его выплатить; но тѣмъ не менѣе при малѣйшихъ средствахъ должно стремиться уменьшить его; и, какъ намъ кажется, теорія Рикардо и слѣдуетъ понимать не безусловно, ибо въ противномъ случаѣ дѣйствительно можно прійти къ софизму, что замѣтно и въ разсматриваемомъ сочиненіи. Если Рикардо и говоритъ, что назначеніе новыхъ налоговъ для погашенія государственнаго долга даже поощряетъ производство, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что и самые обременительные налоги могутъ произвести это поощреніе. Доводя эту теорію до крайности, говоритъ

г. Заплесникъ, мы должны полагать, что поощреніе будетъ продолжаться, когда весь доходъ плательщиковъ податей будетъ обращаться на погашеніе. Противъ этого мы и говоримъ, что не слѣдуетъ, какъ эту, такъ и всякую другую теорію, доводить до крайности; иначе легко прійти къ нелѣпости и сдѣлать незаслуженный упрекъ ученому, достойному самаго глубокаго уваженія. Стоитъ вспомнить примѣръ Мальтуса и его теорію народонаселенія, которая была предметомъ ожесточенныхъ споровъ, еще не кончившихся и до настоящаго времени ,и даже повлекла за собою нападки на личность творца ея, между-тѣмъ-какъ ученіе Мальтуса и знаменитый contraint moral согласно съ самою возвышенною нравственностію и вполнѣ гуманно.

И такъ, возвращаясь къ основанію ученія Рикардо объ усиленныхъ налогахъ для мгновеннаго погашенія долговъ, мы повторяемъ вышесказанное мнѣніе наше, что система эта можетъ дѣйствительно встрѣтить практическія затрудненія въ приложеніи ея къ дѣйствительности, напр. при существованіи уже довольно значительныхъ налоговъ въ государствѣ, но съ другой стороны можетъ быть съ пользою употреблена въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Извѣстно, что одно изъ коренныхъ и основныхъ правилъ хорошей системы налоговъ состоитъ въ ихъ относительномъ равенствѣ: всякій гражданинъ, какъ членъ государственнаго союза, обязанъ, по мѣрѣ силъ своихъ, участвовать въ удовлетвореніи государственныхъ нуждъ; между-тѣмъ, съ другой стороны, для каждаго безпристрастнаго наблюдателя общественныхъ явленій должно быть очевидно, что это вожделѣнное равенство далеко не достигается въ настоящее время. Бѣдный, нуждающійся классъ народа всегда относительно болѣе обремененъ различными сборами, чѣмъ богатые и достаточные граждане. Стоитъ только поставить въ параллель громадныхъ капиталистовъ, число которыхъ значительно увеличивается въ настоящее время, и бѣднаго поселянина и принять во вниманіе сумму податей, которую уплачиваетъ одинъ, и количество поборовъ, взимаемыхъ съ другаго, чтобы видѣть всю неравномѣрность участія ихъ въ удовлетвореніи государственныхъ потребностей. Лица, обладающія значительными денежными средствами, по всей справедливости, должны принять на себя обязанность помочь государству въ критическія минуты гораздо въ значительнѣйшей степени, чѣмъ они теперь это дѣлаютъ. И потому, чтобы ни говорили противники новаго налога на движимыя

цѣнности, введеннаго въ послѣднее время во Франціи, онъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ раціональное основаніе и можетъ послужить (если суммы, доставленныя новымъ налогомъ, будутъ употреблены на погашеніе долга), нѣкоторымъ образомъ, къ устраненію тѣхъ практическихъ препятствій, которыя встрѣчаетъ система мгновеннаго погашенія въ ея приложеніи къ дѣйствительности.

Въ *четвертой* главѣ авторъ излагаетъ систему погашенія государственныхъ долговъ посредствомъ продажи права неплатежа податей, состоящей въ уплатѣ долговъ этихъ посредствомъ суммъ, внесенныхъ подданными за постоянное ихъ освобожденіе отъ платимыхъ ими налоговъ. Эта система, по справедливому замѣчанію автора, нисколько не можетъ улучшить положеніе финансовъ, ибо ограничивается только переводомъ долга съ однихъ на другихъ — съ государственныхъ заимодавцевъ на землевладѣльцевъ, къ которымъ правительство чаще всего прибѣгало въ подобныхъ случаяхъ; и освобожденіе отъ налоговъ поземельной собственности, придающее ей болѣе значительную цѣнность, побуждало ихъ соглашаться на такія предложенія.

Разсмотрѣвъ въ 5-ой главѣ планъ погашенія государственныхъ долговъ посредствомъ продажи государственныхъ имуществъ и въ 6-ой — уменьшеніе бремени долговъ помощію пониженія процентовъ, авторъ въ 7-й, заключительной главѣ своего сочиненія приходитъ къ системѣ свободнаго погашенія возможной, при существованіи избытка государственныхъ доходовъ надъ расходами.

Что касается продажи государственныхъ имуществъ для погашенія долга, то авторъ объясняетъ необходимость этой продажи между прочимъ слѣдующимъ образомъ: «Правительство извлекаетъ доходъ отъ государственныхъ имуществъ, или посредствомъ казеннаго и административнаго управленія ими, или отдавая ихъ въ арендное содержаніе. Но управляющіе, администраторы и арендаторы, не имѣя такихъ внутреннихъ побужденій, какъ частные владѣльцы имущества, не могутъ пользоваться въ возможной степени благопріятными обстоятельствами. Посему количество произведеній и валовой доходъ, получаемые отъ государственныхъ имуществъ, бываютъ всегда менѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы имущества находились въ частномъ владѣніи. Съ другой стороны, при необходимости содержанія значительнаго числа лицъ для взаимнаго надзора, издержки управленія государственными имуществами

значительнѣе, чѣмъ въ частныхъ имуществахъ, и съ обширностію имуществъ этихъ возрастаютъ прогрессивно.

Дѣйствительно, посторонніе люди обыкновенно съ небреженіемъ управляютъ чужою собственностію; потому никакъ нельзя, чтобы управители имуществами имѣли довольно усердія къ своей должности, прилежно надзирали за работами и хозяйствомъ, сами не искушались поползновеніемъ къ обману и наконецъ еще думали объ улучшеніяхъ имѣнія, которыя увеличили-бы его цѣнность и доходъ. Съ другой стороны, между-тѣмъ-какъ казна будетъ терпѣть столько потерь, она сама должна дѣлать болѣе расходовъ на содержаніе значительнаго числа людей для взаимнаго надзора (9).

Не смотря на всю очевидность этихъ доводовъ, въ 8 № «Современника» настоящаго года, г. рецензентъ, разбирая сочиненіе г. Запасника и останавливаясь на главѣ о продажѣ государственныхъ имуществъ, находитъ теорію о продажѣ ихъ устарѣлою и считаетъ вышеприведенные доводы неосновательными. Онъ говоритъ, что если могутъ быть злоупотребленія при управленіи имуществами, отчего сокращается и самый доходъ отъ нихъ, то въ такой-же мѣрѣ возможно существованіе подобныхъ злоупотребленій и при продажѣ, вслѣдствіе чего казна получитъ сумму меньшую дѣйствительно вырученной за продажу имуществъ. Мы, съ своей стороны, находимъ такое возраженіе лишеннымъ основательности, ибо: 1) контроль за вырученными при продажѣ суммами очевидно можетъ быть гораздо строже и значительнѣе, чѣмъ надзоръ за частными управляющими и администраторами. Послѣдніе, по самому положенію своему, исключаютъ возможность постояннаго и зоркаго надзора за ними со стороны правительства; съ другой-же стороны, самый этотъ надзоръ есть причина, нерѣдко стѣсняющая дѣйствія завѣдующихъ имуществами, а потому сокращающая и доходъ отъ нихъ. Слѣдовательно, если еще увеличить и распространить наблюденіе за дѣйствіями этихъ лицъ, то доходъ можетъ сдѣлаться еще менѣе. 2) Продажа имуществъ и самое завѣдываніе вырученными суммами могутъ быть поручаемы уже существующимъ финансовымъ учрежденіямъ, и слѣд. не потребуютъ особыхъ расходовъ на содержаніе значительнаго числа управляющихъ и администраторовъ, — что̀ уменьшаетъ въ значительной степени доходъ отъ имуществъ. 3)

---

(9) *Горловъ*, стр. 19.

Опровержение, «приводимое г. рецензентомъ» Современника, опирается на основаніяхъ часто-случайныхъ и его возраженіе не имѣетъ силы при добросовѣстной продажѣ имуществъ, между-тѣмъ-какъ при самомъ добросовѣстномъ ихъ управленіи неизбѣженъ вредъ для нихъ, по стѣснительности надзора и строгой отвѣтственности, которая удерживаетъ ихъ отъ какихъ-либо попытокъ къ улучшеніямъ и нововведеніямъ. Такимъ-образомъ, мы не соглашаемся съ мнѣніемъ рецензента и принимаемъ сторону г. Запасника, справедливо признающаго необходимость продажи государственныхъ имуществъ.

Изъ обозрѣнія сочиненія г. Запасника видно, что авторъ въ вопросѣ о погашеніи государственныхъ долговъ приходитъ къ тому справедливому заключенію, что ни одна система не можетъ быть *безусловно* принята; но что самый естественный и раціональный способъ освобожденія государства отъ бремени долговъ есть планъ свободнаго погашенія государственныхъ долговъ, къ которому уже приступила вполнѣ въ настоящее время Англія,— государство, прежде всѣхъ выработывающее и примѣняющее истины финансовой и экономической науки и стоящее на первомъ планѣ, по своимъ хозяйственнымъ мѣрамъ.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ обзоръ сочиненія, заглавіе котораго выписано выше, и рѣшаемся повторить уже разъ высказанное нами мнѣніе, что если въ означенномъ разсужденіи и нѣтъ ничего новаго, то по-крайней-мѣрѣ видно тщательное изученіе вопроса о погашеніи государственныхъ долговъ и желаніе представить въ системѣ сводъ разнообразныхъ мнѣній наиболѣе замѣчательныхъ авторитетовъ финансовой науки.

Д. М.

Исторія Русскаго лѣснаго законодательства, *Николая Шелгунова*. Одобрена спеціальнымъ по лѣсной части комитетомъ, учрежденномъ при лѣсномъ департаментѣ министерства государственныхъ имуществъ. С. Петербургъ, 1857 г. 378 стр. in-8°.

Лѣса, по важности ихъ для жизни частнаго человѣка и для жизни государственной, составляютъ предметъ, на который законодательство должно обращать постоянное и строгое внима-

ніе. Особенности, представляемыя этимъ предметомъ, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ особыя его отношенія къ государству, особыя законодательныя мѣры. Дѣйствительно, лѣсъ имѣетъ менѣе притязанія на почву, чѣмъ хлѣбныя и кормовыя растенія, и при немъ требуется меньшій трудъ, чѣмъ при производствѣ хлѣбопашества; но, съ другой стороны, онъ медленно и съ трудомъ пріобрѣтается: произрастаніе его происходитъ нескоро, и потому нужно большое пространство земли, на которомъ-бы произрасталъ лѣсъ всѣхъ видовъ и возрастовъ, такъ-чтобы по мѣрѣ уничтоженія стараго лѣса созрѣвалъ новый; слѣдовательно нуженъ и большой капиталъ, который остается долго безъ возмездія. Отсюда видно, что лѣсной промыселъ доставляетъ мало случаевъ для спекуляцій частнаго лица, которое обыкновенно желаетъ въ скоромъ времени пожать плоды совершенныхъ имъ трудовъ и получить прибыль съ вложеннаго имъ въ предпріятіе капитала. Наконецъ лѣсъ есть предметъ громоздкій, трудный для перевоза и доставки въ требуемыя мѣстности.

Это особенное отношеніе лѣса къ жизни частной и государственной, равно трудность его произрастанія и перевозки, требуютъ охраненія лѣснаго запаса государствомъ; и слѣдовательно лѣсное хозяйство должно находиться въ рукахъ государства, — какъ-бы лица, вѣчно существующаго, которое не станетъ заботиться только о временныхъ потребностяхъ, безъ вниманія къ будущимъ нуждамъ. Поэтому правительство имѣетъ высшій надзоръ за лѣснымъ запасомъ, и высшая власть эта обнаруживается въ изданіи уставовъ относительно лѣсовъ, въ правѣ судопроизводства и полицейскихъ дѣйствій по отношенію къ нимъ, въ позволеніи или непозволеніи рубки лѣса владѣльцамъ на ихъ земляхъ и вообще въ разныхъ ограниченіяхъ частныхъ владѣльцевъ въ ихъ пользованіи лѣсами. Цѣлію такого высшаго надзора служитъ обезпеченіе государства и подданныхъ относительно возможности постояннаго удовлетворенія потребностей, имѣющихся въ лѣсѣ; и сказанныя ограниченія, налагаемыя государствомъ, имѣютъ справедливое осованіе въ томъ, что другіе промыслы не требуютъ столь бдительнаго надзора, какъ лѣсъ, который истребляется легко, но чрезвычайно трудно возстановляется. Но, конечно, хозяйственныя и полицейскія мѣры, принимаемыя государствомъ въ этомъ отношеніи, должны находиться въ постоянномъ соотношеніи съ дѣйствительною необходимостію въ нихъ и не должны простираться

до того, чтобы все лѣсное хозяйство было предоставлено казенному управленію: частныя лица не должны быть слишкомъ ограничиваемы въ своемъ владѣніи и пользованіи, ибо иначе произойдетъ вредъ какъ для нихъ, такъ и для государства. Государство, не ограничиваясь надзоромъ за лѣсами частныхъ владѣльцевъ, можетъ и должно имѣть свои особые лѣса, которые-бы непосредственно подчинялись казенному управленію; польза отъ этого, при вышеуказанныхъ особенностяхъ разсматриваемаго предмета, очевидна.

Обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что уже съ давнихъ временъ въ государствахъ принимались мѣры относительно лѣсовъ, хотя онѣ обнаруживали въ себѣ характеръ, совершенно противоположный настоящимъ постановленіямъ. Въ первыя времена государственоой жизни, при обиліи лѣсовъ, конечно, нельзя ожидать мѣръ въ видахъ лѣснаго хозяйства; скорѣе могли и должны были явиться онѣ въ видахъ хозяйственныхъ постановленій о рубкѣ лѣса, такъ-какъ чрезмѣрное изобиліе его опять приноситъ вредъ; и если въ эти времена мы встрѣчаемъ запрещенія истребленія лѣсовъ, то обыкновенно для цѣлей охотничьяго промысла. Промыселъ этотъ, при обиліи лѣсовъ и грубости нравовъ, былъ необходимою, любимою забавою, и потому для звѣриной ловли отдѣлялись для государей и богатыхъ владѣльцевъ огромные лѣса (silva forestata), назначались жестокія наказанія за ихъ порчу и убіеніе въ нихъ звѣрей. Напр. въ Англіи, государствѣ уже не имѣющемъ почти лѣсовъ, при Вильгельмѣ-Завоевателѣ было болѣе 800 отдѣленныхъ лѣсовъ; у Германскихъ племенъ, кромѣ лѣсовъ, назначаемыхъ для охоты, являются заповѣдные лѣса для богослуженія; равно и у Славянъ находимъ заповѣдныя рощи, гдѣ не раздавался стукъ сѣкиры, и лѣса, назначенные для охоты князей и занятія пчеловодствомъ. Такимъ-образомъ, при изобиліи лѣса, хотя его и сберегали, но не для цѣлей лѣснаго хозяйства. Съ размноженіемъ народонаселенія, съ развитіемъ промышлености, торговли и мореходства, являются въ законодательствѣ мѣры для хозяйственнаго сбереженія лѣснаго запаса; и наконецъ, когда нужда въ лѣсѣ возрастаетъ до того, что количество его становится недостаточнымъ, требуются мѣры для его распространенія.

При указанной важности лѣсовъ и той осторожности, которая нужна въ дѣйствіяхъ относительно лѣснаго запаса, вѣрное историческое изображеніе мѣръ правительства касательно разсматри-

ваемаго предмета и правильная критическая оцѣнка ихъ обладаютъ несомнѣннымъ интересомъ и важностію, и всякій дѣльный трудъ по исторіи лѣснаго законодательства долженъ встрѣтить сочувствіе въ обществѣ. У насъ предметъ этотъ въ 1841 году былъ обработанъ съ добросовѣстностію и знаніемъ дѣла барономъ Врангелемъ, издавшимъ «Исторію лѣснаго законодательства Россійской имперіи»; въ настоящее-же время вышло въ свѣтъ изслѣдованіе г. Шелгунова, подъ заглавіемъ: «Исторія Русскаго лѣснаго законодательства».

Сочиненіе это состоитъ изъ введенія и тринадцати главъ; разсматриваемый вопросъ изложенъ въ немъ хронологически, по царствованіямъ, а въ-заключеніе авторъ сдѣлалъ краткое систематическое обозрѣніе постепеннаго развитія лѣсныхъ постановленій Россіи.

Послѣ введенія, гдѣ указаны источники для исторіи лѣснаго законодательства, авторъ въ первой главѣ излагаетъ постановленія о лѣсахъ до Петра Великаго. Въ нашихъ памятникахъ мы весьма рано встрѣчаемъ узаконенія о лѣсахъ, такъ-что они почти одновременны нашимъ первымъ законамъ; напр. въ статьяхъ судебника царя Константина и закона Ярослава о церковныхъ судахъ и земскихъ дѣлахъ встрѣчаемъ строгія наказанія за поджогъ, или порубку чужаго лѣса; но эти статьи, какъ замѣчаетъ авторъ, прямой переводъ Византійскихъ узаконеній и въ тѣ времена не могли имѣть практическаго значенія. Во всѣхъ-же послѣдующихъ узаконеніяхъ, до Петра Великаго, мы не видимъ характера общаго; но отдѣльные законы, касающіеся лѣсовъ, имѣютъ только частное значеніе. Лѣсное законодательство въ разсматриваемый періодъ находилось еще на низшей степени своего развитія; но, вглядываясь въ смыслъ узаконеній этого времени, найдемъ, что они вполнѣ соотвѣтствовали современнымъ требованіямъ. Если взять во вниманіе обиліе лѣсовъ, малочисленность народонаселенія, неразвитость торговли, промышлености и мореходства, то должно сказать, что постановленія о лѣсахъ, находимыя въ нашихъ юридическихъ памятникахъ, имѣли свои справедливыя основанія и разумныя начала; и потому мы не вполнѣ согласны съ заключеніемъ о древнемъ періодѣ нашего лѣснаго законодательства барона Врангеля, который въ постановленіяхъ этого времени видитъ только заботу правительства объ охраненіи лѣсовъ, какъ мѣстъ для производства охоты и пчеловодства и говоритъ, что

правительство не имѣло причины заниматься предметомъ, который по изобилію и малоцѣнности не заслуживалъ вниманія (стр. 5). Такое заключеніе намъ кажется если не совсѣмъ несправедливымъ, то во всякомъ случаѣ одностороннимъ. Останавливаясь на этихъ заключеніяхъ, г. Врангель не объясняетъ достаточно читателю такихъ постановленій и даетъ поводъ думать, что правительство вовсе не обращало никакого вниманія на лѣса, а съ другой стороны умалчиваетъ о различныхъ отдѣльныхъ узаконеніяхъ, при помощи которыхъ и возможенъ только правильный взглядъ на наше древнее лѣсное законодательство. Напротивъ-того, сочиненіе г. Шелгунова представляетъ гораздо большую полноту во взглядѣ на этотъ періодъ. Авторъ съ добросовѣстностію извлекаетъ изъ нашихъ древнихъ памятниковъ постановленія, касающіяся лѣсовъ, и указываетъ, что правительство не оставляло ихъ совершенно безъ вниманія, а напротивъ смотрѣло на нихъ такъ, какъ возможно было и слѣдовало смотрѣть на нихъ въ то время. Такимъ-образомъ, не смотря на изобиліе лѣсовъ, они уже изстари составляли предметъ собственности и владѣнія, и правительство укрѣпляло иногда право владѣнія за тѣмъ, или другимъ лицемъ; и кромѣ пожалованій, въ которыхъ говорится о лѣсѣ, какъ принадлежности пахатной земли, бывали и отдѣльныя раздачи собственно лѣсовъ. Наконецъ лѣсъ отдавался подъ заселеніе и въ оброкъ; и при отдачѣ подъ заселеніе, когда предполагалась расчистка лѣсовъ и слѣдовало положить сначала трудъ для полученія возможности пользоваться выгодами отъ земли, поселенцы освобождались на извѣстное время отъ платежа податей. Такъ напримѣръ Великій князь Василій Іоанновичъ въ 1517 году далъ грамоту Степанкѣ, Осифку и Володкѣ Ѳедоровымъ и Ромашку Фролову на дикіе лѣса въ Устюжскомъ уѣздѣ, подъ условіемъ заселенія: «поставятъ себѣ на томъ лѣсу дворы, и кого къ собѣ.... и моее великого князя вотчины и неписменыхъ, и тѣмъ ихъ людемъ ненадобѣ моя великого князя дань, ни иныя никоторыя пошлины на пятьнадцеть лѣтъ, а отсидятъ свои урочные лѣта пятьнадцеть лѣтъ, и имъ давати мнѣ великому князю дань и всякія пошлины, чѣмъ ихъ опишетъ мой великого князя писецъ; а намѣстници мои Устюзскіе и волостели Вондокурскіе и ихъ тіуни тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ниптчто, а праветчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ, ни въѣз-

ждають къ нимъ нипочто, а вѣдають и судятъ Степанка да Осифько да Володке да Ромашко тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажуть».... (А. А. Э. Т. I. № 163). Подобныя постановленія доказываютъ вполнѣ-правильный взглядъ на лѣса; и если дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣрахъ видна забота о сохраненіи лѣсовъ для охоты и пчеловодства, то, съ другой, находимъ узаконенія, вполнѣ соотвѣтствовавшія условіямъ того времени, какъ доказываетъ вышеприведенный примѣръ. Наши первыя постановленія по лѣсной части открываются пожалованіемъ лѣсовъ; и жалованныя грамоты доказываютъ, что лѣсъ не составлялъ безусловной собственности всякаго, кто вздумалъ-бы его рубить. Но видно однако, что и утвержденіе правительствомъ права собственности не спасало лѣсовъ отъ рубокъ ихъ посторонними людьми: явились мѣстности, гдѣ стало необходимымъ защищать лѣса отъ самовольныхъ рубщиковъ, и верховная власть стала давать охранныя грамоты. Слѣдовательно обиліе и дешевизна лѣсовъ не дѣлали ихъ безусловнымъ достояніемъ всякаго, и рубку можно было производить свободно не во всѣхъ лѣсахъ. О присмотрѣ за лѣсами и за недопущеніемъ въ нихъ свободной рубки хотя и нѣтъ общихъ постановленій, тѣмъ не менѣе однако воеводы, какъ видно изъ нѣкоторыхъ памятниковъ, наблюдали за цѣлостію лѣсовъ, по-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не допускали рубку безъ царскаго указа. Особеннаго вниманія заслуживаетъ грамота Михаила Θеодоровича о составленіи смѣты на починку острога: въ ней въ первый разъ проявилась идея о необходимости бережливаго обращенія съ лѣсомъ.

Въ началѣ лѣсъ имѣлъ значеніе только какъ матеріалъ для удовлетворенія внутренней народной потребности; впослѣдствіи, однако, онъ пріобрѣтаетъ еще новое значеніе, какъ средство для защиты государства. По южнымъ границамъ нашимъ для защиты отъ набѣговъ Татаръ строились острожки и крѣпости, соединенныя рвами и лѣсами, засѣками. Присмотръ за засѣками и охраненіе засѣчныхъ лѣсовъ возлагалось на засѣчныхъ сторожей, надзоръ за которыми имѣли засѣчные головы, подчиненные въ свою очередь Пушкарскому приказу.

Доказательствомъ, что на лѣса и въ древности обращали вниманіе, служитъ также то, что при размежеваніи земель и лѣсъ пользовался значеніемъ: для ровнаго раздѣла имѣнія между нѣсколькими владѣльцами соображались съ качествомъ лѣса; при пожало-

ваніи земель имѣніе отводилось въ натурѣ, составлялся актъ и въ немъ обозначались границы земель пашенныхъ и лѣсовъ; наконецъ въ купчихъ, при перечисленіи земель, всегда упоминалось и о лѣсѣ.

Прослѣдивъ постановленія, касающіяся лѣсовъ, вышедшія до царствованія Алексѣя Михайловича, авторъ приступаетъ къ изслѣдованію узаконеній, изданныхъ въ правленіе этого государя. Основное различіе въ характерѣ постановленій этого государя и его предшественниковъ, по словамъ г. Шелгунова, заключается въ томъ, что указы Алексѣя Михайловича получаютъ болѣе общее государственное значеніе и соединены въ уложеніи, тогда-какъ въ Судебникахъ мы этого не замѣчаемъ. Въ постановленіяхъ Алексѣя Михайловича о лѣсахъ нѣтъ новой идеи: они только уясняютъ и развиваютъ изданныя до него правила.

Послѣ подробнаго изложенія статей Уложенія и послѣдующихъ узаконеній о лѣсахъ до единодержавія Петра Великаго, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ справедливымъ заключеніямъ о разсмотрѣнномъ имъ періодѣ. Въ первую эпоху своего развитія наше лѣсное законодательство не имѣло ничего точнаго и опредѣлительнаго. Такой характеръ законодательства былъ необходимымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ того времени. Потребность въ пашенной землѣ вызвала необходимость расчистокъ и дала лѣсу значеніе, потому что только въ расчисткахъ лѣсныхъ пространствъ заключалась возможность удовлетворенія увеличивающейся потребности въ пашнѣ. Отсюда рядъ грамотъ, утверждающихъ право владѣнія лѣсными пространствами, какъ залогомъ вѣрнаго обезпеченія будущей и настоящей потребности въ пахатяхъ. Самыя расчистки правительство признаетъ дѣломъ необходимымъ для увеличенія пашенныхъ земель, одного изъ главнѣйшихъ источниковъ народнаго обезпеченія, и потому для распространенія и увеличенія расчистокъ даетъ народу льготы. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей лѣсъ самъ по себѣ не значитъ ничего: онъ или служитъ для образованія пашень, или приноситъ доходъ отъ постороннихъ пользованій, т. е. звѣриныхъ ловлей, бобровыхъ гоновъ и бортныхъ ухожій. Для завѣдыванія лѣсами не существовало особаго приказа; но когда въ лѣсѣ увидѣли возможность укрѣпить государство отъ нападенія непріятелей, то завѣдываніе засѣками поручили пушкарскому приказу; мѣра эта была принята не для лѣса собственно, а только для наблюденія

за сохранностію лѣсовъ, какъ укрѣпленій. Во всякомъ случаѣ, въ порученіи засѣкъ надзору засѣчныхъ головъ, а мѣстами—воеводъ, въ назначеніи засѣчныхъ сторожей и въ назначеніи главнаго завѣдыванія засѣками пушкарскому приказу выразилась полная администрація того времени. Разумѣется, мѣры эти предпринимались не для лѣсовъ собственно и не имѣютъ ничего общаго съ нынѣшней системой управленія и охраненія лѣсныхъ дачъ, но тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ полное выраженіе того порядка, который былъ нетолько необходимъ для того времени, но и возможенъ по существовавшему порядку вещей; требовать отъ лѣсныхъ постановленій до Петровской Руси той стройности и полноты, какой мы можемъ ожидать и требовать отъ послѣдующаго развитія лѣснаго законодательства, невозможно. Первый, до-Петровскій періодъ нашего лѣснаго управленія выразилъ все, что онъ могъ и доженъ былъ выразить. Самъ по себѣ онъ полонъ и законченъ и не имѣетъ ничего общаго съ лѣснымъ управленіемъ, начавшимся съ единодержавіемъ Петра Великаго. Петръ внесъ въ лѣсное управленіе новое начало, новую идею и придалъ лѣсу значеніе, до него небывалое. Ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему законовъ не послужилъ началомъ для послѣдующаго развитія постановленій о лѣсахъ, такъ-что законы о лѣсахъ до единодержавія Петра и съ этого времени, составляютъ два отдѣльныя и совершенно независимыя цѣлыя: каждое изъ нихъ могло существовать отдѣльно и не было нисколько необходимо одно для другаго.

Въ-заключеніе этой главы авторъ, на основаніи свидѣтельствъ отечественныхъ памятниковъ и иностранныхъ писателей, разсматриваетъ, какое богатство получилъ Петръ въ самыхъ лѣсахъ, доставшихся ему отъ его предшественниковъ, и приходитъ къ заключенію, что Россія была страною очень лѣсистою. Вообще должно сказать, что разсмотрѣнная глава сочиненія г. Шелгунова — одна изъ обширнѣйшихъ и лучшихъ въ его трудѣ, обработана съ полною добросовѣстностію и строгою послѣдовательностію, и проливаетъ ясный свѣтъ на наше древнее лѣсное законодательство.

Вторая глава посвящена изложенію постановленій Петра Великаго. Эти постановленія составляютъ эпоху въ лѣсномъ законодательствѣ Россіи. До XVIII столѣтія лѣсъ имѣлъ государственное значеніе только какъ засѣки; Петръ-же, распространивъ предѣлы Россіи до двухъ морей, бывшихъ во всѣ времена поприщемъ дѣя-

тельной Европейской торговли, построивъ флотъ, основавъ столицу въ отдаленіи отъ центра государства, ясно понялъ всю важность лѣса для удовлетворенія этимъ потребностямъ, и потому положилъ начало государственному лѣсному хозяйству. Со времени этого государя постановленія о лѣсахъ теряютъ свой частный характеръ: лѣсъ дѣлается собственностію государства и законы о лѣсахъ получаютъ общее значеніе. Хотя лѣсовъ было еще много, однако Петръ придалъ лѣсному управленію самый строгій запретительный характеръ. Началомъ коренныхъ преобразованій въ этомъ отношеніи явился указъ 1703 года, которымъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ повелѣно описать лѣса отъ большихъ рѣкъ въ сторону на 50 верстъ, а отъ малыхъ, сплавныхъ, впадающихъ въ эти рѣки, на 20 верстъ. Древесныя породы, преимущественно годныя на важныя употребленія для строеній на сушѣ и на морѣ, были названы заповѣдными и назначены только для удовлетворенія казенныхъ потребностей, преимущественно для потребностей флота. Правила о неприкосновенности заповѣдныхъ лѣсовъ для порубокъ частныхъ лицъ, въ заказномъ отъ рѣкъ разстояніи, распространялись на всѣ дачи безъ различія, какъ казенныя, такъ и частныя; и владѣльцы лѣсовъ не имѣли права рубить заповѣдныхъ деревъ въ своихъ дачахъ. За всякое вырубленное дерево, кромѣ дуба, опредѣленъ штрафъ въ 10 рублей; за дубъ-же, даже за одно дерево, и за большую порубку остальныхъ заповѣдныхъ деревъ, смертная казнь. Этотъ указъ служилъ основаніемъ для послѣдующихъ запретительныхъ постановленій Петра Великаго; и все время царствованія этого государя представляетъ почти постоянную борьбу его съ народнымъ убѣжденіемъ и привычками. Народъ слишкомъ привыкъ къ свободѣ рубки, чтобы могъ вдругъ подчиниться новому порядку вещей, котораго онъ не могъ еще и понимать. Между-тѣмъ и Петръ Великій убѣждался, что строгость наказаній не одолѣетъ народъ и что одинъ общій законъ не можетъ существовать для всей Россіи, а потому послѣдующими постановленіями ослабилъ наказанія и измѣнилъ основной законъ въ примѣненіи къ нѣкоторымъ мѣстностямъ.

Изъ постановленій, относившихся собственно до рубки лѣсовъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ указы о свободной рубкѣ по р. Невѣ, въ которыхъ вполнѣ высказались начала, коими руководился Петръ Великій въ этомъ отношеніи. Лѣса по Невѣ были розданы во владѣніе частныхъ лицъ; и пока окрестности Петер-

бурга были еще довольно лѣсисты, городъ пользовался дровами изъ ближайшихъ дачъ; но съ увеличеніемъ народонаселенія лѣса около столицы повывелись и пришлось ѣхать за дровами и бревнами далѣе. Между-тѣмъ владѣльцы лѣсовъ не позволяли рубить у себя лѣсъ безплатно и цѣна на дрова поднялась значительно. Тогда Петръ повелѣлъ отъ р. Славянки по обѣ стороны Невы и другимъ рѣкамъ, до Шлиссельбурга, рубить дрова и бревна всѣмъ безъ исключенія во всѣхъ дачахъ, чьи-бы онѣ ни были; а для того, чтобы помѣщики не имѣли средствъ запрещать такихъ порубокъ, повелѣно «для лучшаго рубщикамъ способа во охраненіи ихъ» ѣздить въ лѣса компаніями, не менѣе 20 человѣкъ; если-же они будутъ въѣзжать въ меньшемъ числѣ, и вслѣдствіе ихъ малолюдства «будутъ чиниться имъ какія обиды и грабежи», то они не имѣютъ права жаловаться; дрова-же повелѣно продавать въ Петербургѣ настоящей цѣной. Но, не смотря на это, владѣльцы лѣсовъ по-прежнему не допускали рубщиковъ, и тогда Петръ объявилъ: «а ежели кто въ дачи свои для рубки лѣсовъ и дровъ пускать не будетъ, и о томъ будетъ на нихъ челобитье, и у тѣхъ данныя имъ земли взяты будутъ на его царское величество безповоротно».

Не смотря на мѣры строгости, предпринятыя для охраненія лѣсовъ, самовольныя рубки не прекращались; тогда Петръ усиливалъ наказанія и подтверждалъ запрещеніе рубить лѣсъ; за нарушеніе повелѣнія опредѣлялась смертная казнь не только рубщикамъ, но даже и тѣмъ, кто, зная о порубкѣ, не донесетъ о ней.

Долго указы Петра Великаго обнаруживали въ себѣ почти исключительно запретительный характеръ, и только въ послѣднее время его царствованія приняты были мѣры, въ которыхъ, кромѣ прежняго начала, стало замѣтно и другое: такъ напр., въ 1720 году вышелъ указъ объ охраненіи и описаніи лѣсовъ, расположенныхъ по Невѣ и Финскому заливу, въ которомъ предписывалось: описать лѣса, обязать владѣльцевъ подчищать ихъ, убирать валежникъ, не рубить заповѣдныхъ деревъ; для точнаго опредѣленія границъ заповѣдныхъ пространствъ, отмѣривъ отъ береговъ указныя разстоянія, сдѣлать межу, поставить столбы, выкопать ямы и прочистивъ дорогу въ три сажени шириной, построить, для страха, чрезъ каждыя пять верстъ, по висѣлицѣ. Лѣса были раздѣлены на участки, и для наблюденія за ними опредѣлены десять дворянъ, которымъ въ помощь даны солдаты. Послѣдней мѣрой,

послужившей къ общему и полному устройству лѣсной части, было назначеніе вальдмейстеровъ и изданіе инструкціи оберъ-вальдмейстеру 19 іюля 1722 г., окончательно пополненной 3 декабря 1723 г., по которой всѣ лѣса въ имперіи подчинены адмиралтействъ-коллегіи. Этой инструкціей положено начало лѣсному управленію; узаконенія о лѣсахъ, разбросанныя въ разныхъ указахъ, соединены здѣсь въ одинъ сводъ, и эта инструкція есть первая основа нынѣ дѣйствующихъ постановленій о лѣсахъ. Но среди вышеуказанныхъ запретительныхъ мѣръ замѣтны въ царствованіе Петра, хотя въ слабой степени, другія мѣры, болѣе положительныя, напр. заботы Петра о пріисканіи суррогата дровамъ, старанія его о разведеніи лѣсовъ въ степныхъ мѣстахъ; но, къ сожалѣнію, они не имѣли послѣдствій.

Отдавая полную справедливость добросовѣстности и отчетливости, съ которыми изложилъ авторъ законодательныя мѣры великаго преобразователя, мы считаемъ однако долгомъ замѣтить г. Шелгунову, что при изложеніи началъ, развившихся съ этого царствованія, ощутителенъ недостатокъ полной критической оцѣнки постановленій, начертанныхъ Петромъ и имѣвшихъ силу въ послѣдующее время. Такая оцѣнка тѣмъ болѣе необходима, что съ одной стороны данныя Петромъ постановленія составляютъ основаніе, на которомъ построились и изъ котораго вытекли послѣдующія узаконенія, а съ другой, то отмѣняемыя, то снова возстановляемыя, они долгое время, до Екатерины II, имѣли практическое примѣненіе и слѣдовательно сопровождались большимъ вліяніемъ и послѣдствіями на состояніе нашихъ лѣсныхъ запасовъ. Недостатки въ постановленіяхъ Петра Великаго, по нашему мнѣнію, были: во-первыхъ, отсутствіе юридическаго, а главное, — полицейскаго взгляда на мѣры къ сохраненію лѣсовъ. Указы, издаваемые правительствомъ, не смотря на страшную строгость наказаній, падавшихъ на нарушителей ихъ, не исполнялись. Причина этому заключалась въ томъ, что народъ, не понимая еще всей важности правильнаго лѣсоводства и не будучи наученъ къ такому пониманію, видѣлъ въ узаконеніяхъ только стѣсненіе правъ собственности и ограниченіе въ своемъ домашнемъ, хозяйственномъ быту. Съ другой стороны, мѣры Петра Великаго простирались за предѣлы чисто-полицейскихъ постановленій, слишкомъ много вторгались въ дѣйствія частной промышлености и болѣе должнаго стѣсняли произволъ и свободу дѣйствій частныхъ владѣльцевъ. Эти

недостатки, при слабости надзора за лѣсами, естественно порождали злоупотребленія, и потому постановленія о лѣсахъ развивались медленно и вся система лѣснаго управленія, долго время ограничиваясь одними подтвердительными указами, была слаба до послѣднихъ годовъ царствованія Петра. Второй недостатокъ лѣснаго законодательства, установившагося съ разсмотрѣннаго царствованія, заключается въ отсутствіи положительныхъ мѣръ для лѣсоводства. Потребности въ лѣсѣ, съ преобразованіями, возникшими въ Россіи въ царствованіе Петра, пріобрѣли огромные размѣры, въ сравненіи съ прежними, и потому весьма нелишне было введеніе правильнаго лѣсоводства, основаннаго на началахъ науки. Хотя лѣсовъ было много, но они и истреблялись въ большомъ количествѣ, безъ всякихъ правилъ и порядка; и развитіе въ народѣ основныхъ понятій лѣсоводства едва-ли не произвело-бы болѣе благодѣтельныхъ результатовъ, при помощи полицейскихъ мѣръ, чѣмъ строгія карательныя постановленія. Разумѣется, сказанное здѣсь, особенно-же второе замѣчаніе наше, не относится исключительно къ царствованію Петра, но ко всему періоду, до Екатерины II, выражавшему въ своихъ законодательныхъ мѣрахъ тотъ-же характеръ.

Слѣдующія шесть главъ посвящены изложенію лѣсныхъ узаконеній преемниковъ Петра Великаго до Екатерины II. Въ этотъ періодъ времени, хотя и были измѣненія въ постановленіяхъ по лѣсной части, но они не заключали въ себѣ залоговъ развитія лѣснаго законодательства и лѣсоводства. Екатерина I не внесла въ законодательство новыхъ началъ, но измѣнила въ частностяхъ постановленія Петра Великаго: излишняя строгость законовъ смягчается, правительство дѣлаетъ нѣкоторыя уступки народу и не придаетъ уже лѣсу такой важности, какую давалъ ему Петръ. Это царствованіе вполнѣ характеризуется указомъ 30 декабря 1726 года, которымъ упразднены вальдмейстеры и вальдмейстерскія конторы, лѣса переданы въ вѣдѣніе воеводъ и уменьшено количество заповѣдныхъ лѣсовъ. Въ царствованіе Петра II, лѣсное хозяйство шло отчасти путемъ, указаннымъ ему Екатериной, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ развивались идеи, посѣянныя Петромъ Великимъ. Законодательство императрицы Анны Іоанновны, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, имѣетъ тотъ-же характеръ, какъ и законодательство Петра Великаго: она не отступила отъ началъ своего дяди и въ духѣ его продолжала начатое имъ дѣло. Идея

въ управленіи та-же: лѣсъ есть государственная собственность, прямаго дохода онъ не даетъ, а подлежитъ только косвеннымъ таможеннымъ сборамъ. Въ мѣстахъ, гдѣ не предстоитъ надобностей въ лѣсѣ для государственныхъ потребностей, рубка его на казенныхъ земляхъ свободна. Анна Іоанновна возстановила вальдмейстеровъ и дала имъ 11 мая 1732 года инструкцію, которая есть почти копія вальдмейстерской инструкціи Петра Великаго. Совершенно новое составляетъ инструкція вызваннымъ изъ-за границы форстмейстерамъ о посѣвѣ лѣса; но мѣры, принятыя для развитія науки, не принесли никакой пользы, и лѣсная наука не водворилась у насъ и не слилась съ жизнію. Административное управленіе получаетъ въ это царствованіе уже болѣе сильное развитіе, но меньшею развитостію отличаются постановленія о заграничной торговлѣ; и въ послѣднее время царствованія Анны Іоанновны вниманіе правительства особенно занято разборомъ разныхъ обстоятельствъ, возникшихъ изъ столкновенія интересовъ торговли съ административными началами и государственнымъ интересомъ. Узаконенія Елисаветы Петровны также мало подвинули впередъ наше лѣсное законодательство. Главное вниманіе ея было обращено на сбереженіе лѣсовъ, и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ мѣры правительства о размежеваніи земель и лѣсовъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ. Лѣсная наука, о которой еще заботилась Анна Іоанновна, была въ колыбели; извѣстно только, что выписанный изъ Германіи форстмейстеръ Фокель считалъ деревья въ Выборгской провинціи, а Ревельская губернская канцелярія, для истребленія какого-то насѣкомаго, явившагося во множествѣ въ Ревельской провинціи, придумала составить «особливую удобную молитву и читать ее въ церквахъ, пока зло не уймется».

Въ девятой главѣ авторъ разсматриваетъ узаконенія Екатерины II. Глава эта, подобно другимъ въ трудѣ г. Шелгунова, отличается подробнымъ историческимъ изложеніемъ мѣръ, предпринятыхъ великою государынею. Екатерина II внесла въ лѣсное управленіе много совершенно новыхъ идей и положила начало раціональнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ разсматриваемому предмету. Въ это время характеръ лѣснаго законодательства измѣняется совершенно. Прежде главною и почти единственною цѣлію лѣснаго управленія было снабженіе флотовъ лѣсами; и съ этого времени, хотя прежняя цѣль и оставалась постоянно въ виду пра-

вительства, однако наравнѣ съ нею, а иногда и преимущественно проявляется въ лѣсныхъ постановленіяхъ и финансовая цѣль, — доставленіе казнѣ дохода съ лѣсовъ. Кромѣ этой замѣчательной перемѣны во взглядѣ законодательства на лѣса, которой, къ-сожалѣнію, авторъ не придалъ должнаго значенія, г. Шелгуновъ указываетъ другія правительственныя мѣры, между которыми особенно важны слѣдующія: въ 1762 году дворяне избавлены отъ обязанности нести неволей государственную службу, и уничтожено такимъ-образомъ распоряженіе Петра Великаго, чтобы дворяне занимали мѣста вальдмейстеровъ; а для ближайшаго наблюденія за лѣсами учреждена при адмиралтействъ-коллегіи экспедиція генералъ-интенданта. Въ это-же царствованіе начали выработываться научныя правила для хозяйства въ лѣсахъ, основаніемъ для коихъ послужилъ «Проектъ устава о лѣсахъ», основная идея котораго есть раздѣленіе Россіи на три полосы: сѣверную, среднюю и южную, раздѣленіе древесныхъ породъ, смотря по свойствамъ ихъ, на группы, и назначеніе новыхъ правилъ хозяйства, примѣняясь къ климатическимъ особенностямъ каждой полосы и свойствамъ произрастающихъ въ ней древесныхъ породъ. Вмѣстѣ съ изданіемъ устава завѣдываніе лѣсами передано ближайшему надзору членовъ казенныхъ палатъ (директоровъ домоводства), а главное наблюденіе самимъ палатамъ. Кромѣ-того замѣчательно предоставленіе въ 1782 году частнымъ владѣльцамъ полнаго права собственности надъ своими лѣсами и дозволеніе свободной торговли лѣсомъ внутри и внѣ государства,— хотя эта мѣра, по мнѣнію автора, прекрасная по идеѣ, не была полезна для лѣсовъ, такъ-что указъ 1782 года составляетъ основную причину быстраго истребленія лѣсовъ въ Россіи. Послѣднее мнѣніе г. Шелгунова, гдѣ онъ склоняется въ пользу помянутаго указа, кажется намъ несправедливымъ: въ началѣ нашего разбора мы имѣли случай высказать, что правительство не должно представлять полной свободы частнымъ владѣльцамъ въ ихъ дѣйствіяхъ относительно лѣсной собственности, потому-что ихъ интересы въ этомъ отношеніи очень легко становятся въ противорѣчіе съ интересами общества. Поэтому если мѣры Петра Великаго не удовлетворяли требованіямъ науки по ихъ чрезмѣрному вмѣшательству въ дѣйствія частныхъ лицъ, то точно также и указъ 1782 г., по причинамъ противоположнымъ, долженъ былъ имѣть тѣ-же послѣдствія, какъ и указъ 1703 года, — истребленіе лѣсовъ въ Россіи.

Въ слѣдующей главѣ авторъ развиваетъ постановленія императора Павла I. Лѣсная часть обращала на себя особенное вниманіе этого государя, и отъ царствованія его остались въ законодательствѣ лѣсныя постановленія, преимущественно по частямъ технической и чисто-хозяйственной, которыя почти безъ перемѣны вошли въ составъ Свода Законовъ. Вообще всѣ постановленія этого времени, по справедливому замѣчанію г. Врангеля, доказываютъ, что правительство одинаково заботилось о достиженіи какъ финансовой цѣли, такъ и удовлетворенія потребностямъ флота, не допуская слишкомъ большаго употребленія лѣсовъ для финансовыхъ видовъ, но съ другой стороны не стѣсняя лѣсной промышлености чрезмѣрною заботою о снабженіи флота строительными матеріалами. Для завѣдыванія всею лѣсною частію, подъ главнымъ вѣдомствомъ адмиралтействъ-коллегіи, при интендантской экспедиціи учрежденъ лѣсной департаментъ. Кромѣ-того, обстоятельства времени вызвали въ царствованіе императора Павла еще новую мѣру: вмѣсто прежнихъ вальдмейстеровъ, учреждены форстмейстеры, къ обязанности которыхъ принадлежало не только одно сохраненіе, но и разведеніе лѣсовъ.

Одиннадцатая глава посвящена изложенію узаконеній императора Александра I, отличительный характеръ которыхъ состоитъ въ томъ, что правительство развиваетъ общія начала, выработанныя предшедшимъ временемъ. Это стремленіе законодательства выразилось въ разграниченіи и размежеваніи лѣсовъ, въ различныхъ измѣненіяхъ касательно лѣснаго управленія и мѣрахъ къ распространенію научныхъ свѣдѣній о лѣсоводствѣ, доказательствомъ чего служитъ учрежденіе лѣсныхъ училищъ.

Еще большее развитіе получили начала нашего лѣснаго законодательства въ царствованіе императора Николая I, разсмотрѣнное авторомъ въ *двѣнадцатой* главѣ. Въ это время были начертаны правительствомъ мѣры, которыя утвердили на прочныхъ основаніяхъ идеи нашего законодательства и послужили залогомъ усовершенствованія лѣсной части въ нашемъ отечествѣ, чему особенно способствовало учрежденіе въ 1838 году министерства государственныхъ имуществъ. Съ учрежденіемъ этого министерства, созрѣло и приложилось къ дѣлу, какъ говогоритъ г. Шелгуновъ, сознаніе необходимости создать Русское лѣсоводство; въ этомъ смыслѣ 1838 годъ составляетъ эпоху въ нашемъ лѣсномъ хозяйствѣ и избранъ авторомъ предѣломъ его труда.

Послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ краткое систематическое обозрѣніе развитія лѣсныхъ постановленій.

Въ-заключеніе нашего обзора сочиненія г. Шелгунова считаемъ долгомъ сказать, что по добросовѣстности и отчетливости, съ которыми написано это сочиненіе, оно должно обратить на себя вниманіе и послужить хорошимъ пособіемъ при изученіи исторіи Русскаго лѣснаго законодательства. Но, сколько намъ кажется, разсмотрѣнный нами трудъ еще болѣе выигралъ-бы, еслибы авторъ не стѣснилъ себя самымъ порядкомъ, котораго онъ держался при своемъ изложеніи. Г. Шелгуновъ, какъ мы видѣли, дѣлитъ свое сочиненіе на главы, по царствованіямъ; отъ этого необходимо проистекаетъ то, что отъ читателя ускользаютъ существенныя перемѣны въ характерѣ нашего лѣснаго законодательства. Изъ разсмотрѣнія правительственныхъ мѣръ, принятыхъ въ различныя царствованія, мы видѣли, что изъ нихъ только немногія обнаружили въ себѣ какія-либо новыя начала, а прочія ограничивались развитіемъ прежнихъ идей. Напр. начала, высказанныя Петромъ Великимъ, имѣли свою силу до Екатерины II; поэтому лучше было-бы, еслибы авторъ, не раздѣляя этого періода на главы, разсмотрѣлъ его, а потомъ уже сдѣлалъ общій выводъ и бросилъ критическій взглядъ на это пространство времени. Но при принятомъ г. Шелгуновымъ способѣ изложенія, онъ необходимо долженъ былъ говорить отдѣльно о характерѣ каждаго царствованія; а вслѣдствіе этого неизбѣжно являются повторенія, или-же, въ противномъ случаѣ, отъ вниманія читателя ускользаетъ общій характеръ постановленій извѣстнаго періода. Далѣе, такой порядокъ изложенія, кажется, былъ причиною и того, что авторъ не всегда бросалъ ясный критическій взглядъ на извѣстныя законодательныя мѣры: говоря о нихъ въ каждомъ отдѣльномъ царствованіи, онъ естественно лишенъ былъ возможности представить ихъ читателю въ истинномъ и полномъ свѣтѣ, и потому заключенія его кажутся иногда бездоказательными и мало убѣдительными. Напротивъ-того, при обозрѣніи нѣсколькихъ царствованій въ совокупности, гдѣ какое-либо начало родилось, созрѣло и обнаружило на дѣлѣ вытекшія изъ него благопріятныя, или неблагопріятныя послѣдствія, оцѣнка является болѣе легкою, болѣе правильною и полною, — и главная мысль законодательства, не затемняемая никакими мелочными подробностями, которыя здѣсь необходимо явятся на второмъ планѣ, выставится яснѣе и сильнѣе запечатлѣется въ памяти

читателя. Въ этомъ отношеніи вышеупомянутое сочиненіе барона Врангеля имѣетъ преимущество предъ трудомъ г. Шелгунова; но послѣдній, въ-свою-очередь, отличается большею подробностію въ разсмотрѣніи предмета, которое постоянно подкрѣпляется ссылками на источники нашихъ законовъ, и слѣдовательно даетъ болѣе средствъ къ самостоятельному изученію этой важной отрасли отечественнаго законодательства.

Д. М.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ПЕРВУЮ ТРЕТЬ 1857 ГОДА.

XI. Изящная словесность.

Стихотворенія въ обозрѣваемый періодъ были слѣдующія:

Въ Библіотекѣ для чтенія: ***Пѣснь столѣтію.*** Изъ Горація, Фета (№ 1); ***Савонаролла***, А. Майкова (ibid.); ***Тщетно, художникъ, ты мнишь***, гр. Алексѣя Толстаго (ibid.); ***Изъ А. Шенье***, его-же (ibid.); ***Дума***, А. Жемчужникова (ibid.); ***Мыслителю***, его-же (ibid.); ***Странно! мы***, его-же (ibid.); ***Ночное свиданіе***, его-же (ibid.); ***Женскія рѣчи***, Н. Щербины (ibid.); ***Война и миръ***, В. Бенедиктова (№ 2); ***Сонетъ***, А. Фета (ibid.); ***Сонъ***, В. Ахшарумова (ibid.); ***Басня***, его-же (ibid.); ***Ночь***, его-же (ibid.); ***Сказка для дѣвушекъ***, его-же (ibid.); ***Выходецъ изъ могилы.*** (Изъ В. Г.). В. Бенедиктова (№ 3); ***Изъ послѣднихъ стихотвореній Гейне: I. Солнца, счастья шелъ искать. II. Скорбь Вавилонская***, перев. Мих. Михайлова (ibid.); ***Альпухары.*** Изъ Мицкевича. Перев. Н. Гербеля (ibid.); ***Псаломъ Давида.*** (На единоборство съ Голіаѳомъ), перев. Л. Мея (ibid.); ***Переводы изъ Гейне***, А. Майкова (№ 4); ***На кораблѣ***, А. Фета (ibid.).

Въ Современникѣ: ***Когда-бъ не смутное волненье***, А. С. Пушкина (№ 1); ***Подъ небомъ Франціи, среди столицы свѣта***, А. А Фета (ibid.); ***Золотой вѣкъ***, его-же (ibid.); ***Пять стихотвореній***, гр. А. К. Толстаго (ibid.); ***Горное ущелье***, А. А. Фета (ibid.); ***Отроку***, А. Н. Майкова (ibid.); ***Подъ звуки музыки средь шума и движенья***, его-же (ibid.); ***Зимнія картины***, А. М. Жемчужникова (ibid.); ***Даки***, А. А. Фета (№ 2); ***У камина***, его-же (ibid.); ***Соловьиная любовь***,

Я. П. Полонскаго (ibid.); *Утро*, Н. Сѣ—ова (ibid,); *Отрывокъ изъ поэмы*, Н. Л. Н—ва (№ 3); *Не напѣвай тоскливой муки*, А. А. Фета (ibid.); *Телемакъ у Калипсо*, его-же (ibid.); *Сонъ*, его-же (ibid.); *На кладбищѣ*, Я. П. Полонскаго (ibid.); *Въ альбомъ*, А. С. Пушкина № 4); *Ночь въ Крыму*, Я. П. Полонскаго (ibid.).

Въ Отечественныхъ Запискахъ: *Вихорь*. (Изъ поэмы «Страшный судъ»), А. Н. Майкова (№ 1); *Двѣ липки*, А. Фета (ibid.); *Во время сумерекъ*, З. В. Тура (ibid.); Изъ Беранже: 1) *Портной и Волшебница*. 2) *Стрѣлокъ и поселянка*, В. С. Курочкина (ibid.); *Утро* (преданіе о Виллисахъ), А. Н. Майкова (№ 2); *Цыганка*, Н. П. Грекова (ibid.); *Ночной смотръ* (изъ Зейдлица), Ѳ. Миллера (ibid.); *Четыре стихотворенія*, А. Фета (ibid.); *Семь стихотвореній*, З. В. Тура (№ 3); *Точно голубь свѣтлою, весною*, А. Н. Майкова (№ 4); *Эоловы арфы*, его-же (ibid.); *Тоска и лѣнь*, З. В. Тура (ibid.); *Въ небѣ звѣзды неподвижны* (изъ Гейне), его-же (ibid.); *Фениксъ* (изъ Гейне), его-же (ibid.).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: *Четыре стихотворенія*, А. К. Толстаго (№ 1); *Альпухара* (изъ Мицкевича), Ѳ. Б. Миллера (ibid.); *Тѣнь ангела прошла съ величіемъ царицы*, Я. П. Полонскаго (ibid.); *Идеалисты и практики* (отрывокъ), А. М. Жемчужникова (№ 2); *Почему*, его-же (ibid.); *Нищая*, его-же (ibid.); *Подражаніе Польскому*, А. П-ва (ibid.); *Соколиныя очи*. Сербская пѣсня, Н. В. Берга (ibid.); *Надзоръ*, А. М. Жемчужникова (№ 3); *Ночное купанье*, С. Т. Славутинскаго (ibid.); *Не спѣша домой я иду*, его-же (ibid.); *Ходитъ тихо сонъ по улицѣ*, его-же (ibid.); *Сонетъ*. Съ Польскаго, Н. В. Берга (ibid.); *Дима передъ битвой* (Ново-Греческая пѣсня), его-же (ibid.); *Нива*, А. Н. Майкова (№ 2); *Н. Ѳ. Щербинѣ*, Ѳ. И. Тютчева (ibid.); *Ель* (изъ Фрейлиграта), Ю. В. Жадовской (ibid.); *Неэра*. Вольный переводъ изъ А. Шенье, Б. (ibid.); *Приходскіе списки*. Поэма Крабба, Д. Е. Мина (№ 5); *На смерть М. И. Глинки*, А. Н. Майкова (№ 6); *Воронъ*, Ѳ. К. Толстаго (№ 7); *Два стихотворенія*, А. М. Жемчужникова (№ 8).

Въ Русской Бесѣдѣ: *По прочтеніи псалма*, А. С. Хомякова (№ 1); *Отвѣтъ*, И. С. Аксакова (ibid.).

Въ Чтеніи для солдатъ: *Рожденіе Христа* (№ 1); *Молитва за царя* (ibid.); *Къ коню* (ibid.); *Пѣсня горемыки* (№ 2); *Гордость Русскаго* (ibid.); *Свѣтлѣйшему князю Италійскому графу Суворову-Рымникскому* (ibid.); *Два подвига* (ibid.).

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ: *Мѣстечко*. Поэма Георга

Крабба. Глава I. Пер. Д. Е. Мина (№ 21); *Праздникъ розъ.* Изъ восточной сказки Томаса Мура: «Свѣтило гарема», Б. (№ 28).

Въ газетѣ: Золотое Руно: *Невѣрному.* Голосъ Музы и любви (№ 1); *Амулетъ береговъ Лены,* Д. Давыдова (№ 4); *Завѣщаніе матери,* его-же (№ 14); *Петербургское утро,* Бочарова (ibid.); *Въ глуши,* Вергунова (№ 15); *Д. П. Давыдову,* Бочарова (№ 16); *Perpetuum mobile,* его-же (№ 17).

Въ Морскомъ сборникѣ: *Отрывокъ изъ романа «Сеть»,* Н. Жандра (№ 2).

Прозаическую часть изящной словесности составляли слѣдующія произведенія:

Въ Библіотекѣ для чтенія: *Столичные родственники.* Повѣсть Д. Григоровича (№ 1 и 2); *Старая барыня.* Разсказъ А. Писемскаго (№ 2); *На дорогѣ* (посвящ. А. В. Трофимовской). Разсказъ М. Авдѣева (№ 3); *Старикъ.* Повѣсть Ольги Н. (ibid.); *Братья-близнецы.* Очерки Малороссіи прошлаго столѣтія. Романъ А. Стороженки. Ч. I (№ 4); *Упырь на Фурштадтской улицѣ.* Быль XIX столѣтія. Р. (ibid.); *Неотысканное богатство.* Разсказъ Н. Черепанова (ibid.); *Замѣтки и увеселительные очерки Петербургскаго туриста,* Ивана Ч—р—к—ж—н—к—ва (№ 1 и 2); *Петербургская идиллія.* Повѣсть въ фельетонномъ родѣ, его-же (№ 4).

Въ Современникѣ: *Юность,* гр. Л. Н. Толстаго (№ 1); *Охота на Кавказѣ.* Разсказы гр. Ник. Ник. Толстаго (№ 2); *Праздничный сонъ до обѣда.* Картина изъ Московской жизни, А. Н. Островскаго (ibid.); *Очерки современныхъ нравовъ,* Д. В. Григоровича (№ 3); *Провинціальныя воспоминанія.* Изъ записокъ чудака. И. В. С—ва (ibid.); *Чужой хлѣбъ.* Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, И. С. Тургенева (ibid.); *Опытъ о хлыщахъ. Хлыщъ высшей школы.* Очерки нравовъ, И. И. Панаева (№ 4); *Разсказы бывалаго,* С. Т. (ibid.); *Шатковъ.* Пов. Я. П. (ibid.).

Въ Отечественныхъ Запискахъ: *Портретная галерея.* Романъ Е. Данковскаго. Ч. II и III (№ 1 и 2); *Картины Русскаго быта:* 1) *Фокусникъ;* 2) *Невольные соперники;* 3) *Разладъ;* 4) *Выемка;* 5) *Крестьянка;* 6) *Ваша доля, наша доля;* 7) *Европа и Азія,* В. И. Даля (ibid.); *Парижскій день.* Современный очеркъ К. Штахеля (ibid.); *Наблюденія уѣзднаго старожила надъ коньками своихъ сосѣдей,* П. П. Сокальскаго (ibid.); *Вѣкъ прожить, не поле перейти.* Романъ Нила Безъименнаго. Ч. I и II (№ 2 и 3); *Записки скупаго,* М. Степановскаго (№ 2); *Семенъ Ивановичъ.* Разсказъ

И. П. (№ 3); *Парижъ и комета.* Фотографическій очеркъ, Экс—и (ibid.); *Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь*, В. Крестовскаго (№ 4); *Исторія одного безвѣстнаго сельца.* Ч. I, П. П. Сумарокова (ibid); *Знакомые люди.* Очеркъ, И. Васильева (ibid.).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: *Пугачевщина.* Изъ записокъ Д. Б. Мертваго (№ 1); *Губернскіе очерки*, Н. Щедрина (ibid.); *Порода хищниковъ*, Н. А. Соколова (ibid.); *Житье-бытье на Корегѣ.* Записки Гульпинской, Авдотьи Степановой (№ 2); *Нѣжная мать.* Пов. А. К. Тулубьева (ibid.); *Встрѣчи и знакомства*, Я. Приходскова (ibid.); *Волостной голова. Изъ провинціяльныхъ воспоминаній чудака*, И. С—ва (№ 3); *Неудачи.* Повѣсть въ письмахъ, В. Ѳ. Соколова (ibid.); *Поярковъ.* Разсказъ А. Печерскаго (№ 4); *Воспоминанія о Дмитріи Борисовичѣ Мертвомъ.* Письмо къ В. И. Безобразову, С. Т. Аксакова (№ 5); *Въ сторонѣ отъ большаго свѣта.* Романъ въ трехъ частяхъ, Ю. В. Жадовской (ibid. № 6, 7 и 8); *Слуга.* Современный физіологическій очеркъ К. Д. Кавелина (№ 6); *Матушка Марья Кузьмовна*, Щедрина (№ 8).

Въ Морскомъ Сборникѣ: *Ловъ красной рыбы въ Саратовской губерніи*, Алексѣя Потѣхина (№ 1); *Два лейтенанта.* Очеркъ В. Даля (№ 2); *Путевые очерки*, А. Писемскаго (ibid.).

Въ Чтеніи для солдатъ: *Сказаніе о томъ, какъ мѣщанинъ Косьянъ Косьяновичъ Пучокъ разсуждалъ съ своими домочадцами и пріятелями о законахъ* (№ 1); *Петръ Дементьевъ.* Разсказъ (№ 2); *Масляница* (ibid.).

Въ Живописномъ Сборникѣ: *Казачья жизнь на Кавказѣ* (№ 1—3); *Осенніе вечера* (№ 1—4).

Въ С. Пб. вѣдомостяхъ: *Совѣты.* Сцена (№ 41); *Большія и проселочныя дороги* (№ 73).

Въ Русскомъ Инвалидѣ: *Этюды съ натуры*, Павла Т—са (№ 84).

Въ Сѣверной Пчелѣ: *Нынѣшній домовой*, В. Владимірскаго (№ 33); *Честь и долгъ* (№ 43); *Черное домино* (№ 84).

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ: *На чужой сторонѣ.* Разсказъ А. Б—ва (№ 17); *Два брата.* Разсказъ А. К—ва (№ 25).

Въ газетѣ Золотое Руно: *Молодые годы* (№ 1 — 13); *Анатомъ Тайгинъ.* Сибирскій разсказъ, М—ва (№ 2); *Якутскія силуэты*, Дм. Давыдова (№ 15); *Бытъ Сибирскихъ крестьянъ*, Старожила (ibid.).

Въ отдѣлахъ произведеній иностранной литературы помѣщены:

Въ Библіотекѣ для чтенія: ***Комедіанты.*** Повѣсть I. Крашевскаго, съ Польск. Ч. I, II (№ 4); ***Фредерика.*** Разсказъ Леона Гозлана (№ 1); ***Іоаннъ Гольдъ***, А—та (ibid.); ***Длинный ящикъ.*** Разсказъ Эд. По (№ 3); ***Человѣкъ толпы.*** Разск. его-же (ibid.).

Въ Современникѣ: ***Святочные разсказы***, Чарльза Диккенса (№ 1, 2 и 4); ***Капитанъ Рукъ и мистеръ Пиджонъ.*** Разказъ В. М. Теккерея (№ 1 и 4); ***Разсказы автора «Мэри Бэртонъ»*** (№ 2); ***Черный и бѣлый.*** Сцены изъ жизни Штата Миссури (№ 4).

Въ Отечественныхъ Запискахъ: ***Крошка Доррить.*** Романъ Чарльза Диккенса, въ двухъ книгахъ и четырехъ частяхъ, продолженіе (№ 1—4).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: ***Семеро бродягъ.*** Разсказъ Готорна (№ 2); ***Графиня Урсула.*** Историческая нравоописательная повѣсть Риля (№ 4); ***Алфіонъ.*** Повѣсть его-же (№ 6).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ: ***Вторичный бракъ.*** Разсказъ Евгенія Піонъ (Русск. Инв. № 14); ***Исторія изъ временъ имперіи***, Разск. Мори Экара (ibid № 88 и 89); ***Сельская прогулка, я и оселъ.*** Разсказъ Сафира (Одесск. Вѣстн. № 1 и 4); ***Свиданіе съ Гейне.*** Разсказъ Шмидта Вейсенфельда (ibid. № 25 и 26); ***Гостинница.*** Разск. Карла Диккенса (Москв. полиц. вѣд. № 2, 3, 5 и 6—20); ***Тринадцать за столомъ*** (ibid. № 62); ***Слишкомъ много счастія*** (ibid. № 64—70); ***Жемчужина Гикъ-Стритская*** (ibid. № 87—93).

XII. Свободныя художества.

Къ этому отдѣлу принадлежатъ слѣдующія статьи: ***Мистеріи и старинный театръ въ Россіи***, П. П. Пекарскаго. (Совр. № 2 и 3); ***Статья Густава Планша объ отношеніи театра къ обществу, духу времени и исторіи во Франціи въ XVII и XVIII вѣкѣ и въ настоящее время*** (От. зап. № 2); ***Китайскій фарфоръ*** (ibid № 3); ***Выставка Императорской академіи художествъ***, А. А. Авдѣева (Русск. вѣстн. № 6); ***Воспоминаніе о М. И Глинкѣ*** (письмо къ Л. И. Шестаковой), П. Н. Дубровскаго (ibid № 8); ***Тони Жоанно*** (Жив. сб. № 1); ***Глюккъ и Паччини*** (ibid № 4); ***Весна.*** Картина Жоаннô (ibid); ***Искусство во Франціи.*** Письмо въ редакцію С. Пб. Вѣдомостей (С. Пб. Вѣд. № 62); ***Листъ и виртуозы вообще***, Б. Дамке

(ibid № 81 и 82); *Отчетъ Императорской академіи художествъ съ 4 октября* 1855 г. *по* 17 *марта* 1857 *года* (ibid № 37, 89, 91 и 92); *Художественная лѣтопись*, Н. А. Рамазанова (Моск. вѣд. № 29, 38); *По нѣскольку словъ о знаменитыхъ пѣвицахъ, посѣтившихъ Россію* (Моск. пол. вѣд. № 52—55).

— «Мистеріи и старинный театръ въ Россіи».—Статья эта составляетъ главу изъ приготовляемаго къ печати изслѣдованія, подъ заглавіемъ: «Науки и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ». Авторъ обозрѣваетъ въ ней не только драматическія произведенія Петровской эпохи, но и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о театральныхъ представленіяхъ и зрѣлищахъ въ XVII столѣтіи, такъ какъ они находятся въ тѣсной связи съ театромъ начала XVIII вѣка. «Въ Москвѣ театральныя представленія при Алексѣѣ Михайловичѣ не были вызваны ни духомъ времени, ни потребностями народа: потому-то они оставались забавою одного двора и немногихъ приближенныхъ къ нему (Милославскаго, Матвѣева), знакомыхъ съ Польскими обычаями и даже литературой. Этотъ характеръ театральныхъ представленій не могъ, конечно, не выказаться и въ пересажденной къ намъ мистеріи. Первая попытка этого рода отзывается рабскимъ подражаніемъ: изрѣдка какой-нибудь намекъ или анахронизмъ напоминаютъ намъ, что писатель былъ Малороссъ или жилъ въ Москвѣ; все остальное чуждо и нашему быту и нашимъ обычаямъ. Но подражательный періодъ Русской драмы,— если принимать въ разсчетъ, что безпокойства политическія послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка въ Россіи мѣшали всякому прогрессу науки и искусства вообще,— продолжался весьма не долго. Въ извѣстной намъ мистеріи Дмитрія Ростовскаго хотя и соблюдена еще подражательная форма, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ являются уже живыя лица изъ Русской дѣйствительности; они говорятъ не переведенною съ Польскаго рѣчью, но языкомъ Русскаго человѣка; притомъ являются анахронизмы, изъ которыхъ видно, что народный элементъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ заученными съ чужаго голоса правилами. Въ-началѣ семисотыхъ годовъ является вдругъ трагедія изъ Русской исторіи. Въ ней описываются событія Русскія, дѣйствуютъ лица, которыхъ, чтобъ обрусить, именуютъ Жераволами, Ярополками... Разборчивый изслѣдователь и въ ней, разумѣется, найдетъ слѣды подражанія, но здѣсь самая мысль заимствовать сюжетъ изъ событій, близкихъ зрителямъ, при тогдашнихъ схоластическихъ преданіяхъ о рути-

нѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Драма и комедія Петровскихъ временъ, оставаясь, по формѣ, тѣмъ-же, чѣмъ были онѣ и прежде, по содержанію своему имѣютъ близкое соотношеніе къ тогдашней дѣйствительности: театральныя представленія уже не ограничиваются событіями изъ священной исторіи; если эти послѣднія и находятъ еще себѣ мѣсто въ драмахъ, то скорѣе случайно, или въ видѣ необходимой уступки прежде принятымъ порядкамъ. Главное въ театральныхъ зрѣлищахъ первыхъ годовъ XVIII вѣка составляло прославленіе подвиговъ государя, его счастливыя побѣды, униженіе враговъ, торжество надъ непокорными и т. д.; но казалось мало для назиданія зрителей одного прославленія побѣды или выставленія на-показъ несчастной судьбы противящихся: комическій элементъ, насмѣшка надъ тѣми, которые осмѣливались плыть противъ теченія потока, также призваны на помощь, и вотъ передъ зрителями являются старовѣры, съ своими заблужденіями, несчастныый ставленникъ, котораго надуваютъ, подъячій, берущій взятки, дьячекъ, который не хочетъ отдавать дѣтей «въ науку» и т. д. Удивляться надо мѣткости, съ какою выбраны эти лица: они остаются типическими, народными и досихъ-поръ; если ихъ выводятъ въ литературныхъ произведеніяхъ, то эти послѣднія встрѣчаются съ особенною любовью отъ публики и доставляютъ извѣстность автору. Италія имѣла своего арлекина и бриголлу, въ Польшѣ процвѣтали кутило-солдатъ, хвастунишка-пилигримъ, — у насъ при Петрѣ явились-было также свои народные типы, но, къ-сожалѣнію, имъ не дано было, по разнымъ обстоятельствамъ, развиться и окончательно укорениться въ нашей литературѣ. Въ исторіи драматическаго искусства въ Россіи заслуживаютъ особеннаго вниманія два момента. Первый, когда у насъ ввелись въ обычай мистеріи и діалоги; на западѣ они преобразовались впродолженіе столѣтій и постепенно потомъ перешли въ свѣтскую драму; у насъ-же эти представленія, едва только начали принимать въ себя народный элементъ и сближаться съ нашею жизнью, какъ должны были уступить мѣсто такимъ произведеніямъ, которыя уже существовали въ Европѣ послѣ долгихъ переходовъ изъ религіозной въ полусвѣтскую и, наконецъ, совершенно въ свѣтскую драму. Второй моментъ именно начинается съ того времени, когда въ Россіи стали являться сначала переводы, потомъ подражанія, далѣе передѣлки съ иностранныхъ образцовъ, наконецъ попытки народнаго театра. Замѣчательно то обстоятель-

ство, что второй моментъ совершился точно такимъ-же образомъ, какъ и первый. Точно такъ-же прежде всего, именно въ царствованіе Петра, встрѣчаемъ подстрочные переводы разныхъ драматическихъ пьесъ: въ числѣ ихъ, есть, напримѣръ, произведенія Мольера, есть отрывокъ Донъ-Жуана. Но эти переводы были таковы, что ихъ почти невозможно понять, не имѣя въ рукахъ подлинника. Если въ одной изъ первыхъ Русскихъ мистерій, подъ названіемъ «Св. Алексѣй» двѣ трети текста наполнены Польскими выраженіями, то въ Петровскихъ переводахъ комедій и драмъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно нѣтъ смысла и явно, что переводчикъ не понималъ подлинника. Въ-особенности это замѣтно при передачѣ патетическихъ сценъ, объясненій въ любви, или описаній возвышенныхъ чувствъ. Такіе недостатки, конечно, происходили не отъ того, что Русскіе не могли чувствовать такъ-же, какъ и Европейцы, но единственно потому, что выраженія этихъ чувствъ въ болѣе развитыхъ литературахъ имѣютъ свои условныя формы, выработавшіяся не въ десятки, но во многія сотни лѣтъ. Введеніе этихъ-то условныхъ формъ и происшедшая отъ того ломка языка и были причиною такихъ уродливыхъ переводовъ въ Русской литературѣ XVIII вѣка. Вскорѣ за Петровскою эпохою, реальное направленіе, которое Петръ Великій старался дать Русской умственной дѣятельности, въ видахъ чисто-политическихъ, было принесено въ жертву безусловнаго подражанія Французскимъ образцамъ. Успѣхъ такого направленія не могъ имѣть большаго вліянія на самую жизнь общества, а потому проявленіе его особенно замѣтно въ формѣ, во внѣшней обстановкѣ.»

— «Отчетъ Императорской академіи художествъ съ 4 октября 1856 по 17 марта 1857 года.» — Самымъ замѣчательнымъ событіемъ для академіи въ отчетномъ году было учрежденіе, по Высочайшему повелѣнію, класса для преподаванія правилъ православнаго иконописанія. Для пріобрѣтенія-же нужныхъ по сему предмету книгъ, моделей и проч., собственно въ Россіи, Высочайше назначено отпускать изъ государственнаго казначейства, въ-теченіе четырехъ лѣтъ, по 4000 р. въ годъ. Завѣдываніе симъ классомъ поручено флигель-адъютанту князю Гагарину. Отправлены за границу, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ художествѣ, пансіонеры правительства: по живописи исторической—Флавицкій, по скульптурѣ—Штромъ, по живописи народныхъ сценъ (de genre) Страшинскій, по живописи баталической—Шарлеманъ, и по живо-

писи перспективной — Сверчковъ. Замѣчательнѣйшіе изъ трудовъ членовъ академіи были слѣдующіе: вице-президентъ гр. *Толстой* сочинилъ и нарисовалъ 20 большихъ многолюдныхъ рисунковъ для полныхъ сценъ изъ втораго сочиненнаго имъ балета, сочинилъ и нарисовалъ 14 рисунковъ различныхъ сценъ древняго міра Греціи и два большіе окончательные эскиза изъ миѳологіи. Ректоръ архитектуры *Тонъ* составилъ проекты: металлическаго шпиля для Петропавловскаго собора въ С. Петербургской крѣпости, двухъ церквей для казенныхъ заводовъ въ Сибири и нѣсколько отдѣльныхъ иконостасовъ для церквей. Проф. баронъ *Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ* сочинилъ въ маломъ видѣ конную статую для памятника въ Бозѣ почившему Императору Николаю I. Проф. *Пименовъ* исполнилъ медаліонъ для модели медали Государя Императора Александра Николаевича, на священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ; произвелъ модель въ маломъ видѣ для колоссальной группы, изображающей св. Георгія; занятъ былъ произведеніемъ въ натуральную величину статуи Императора Николая I, для постановки оной изъ мрамора въ Александріи, близъ Петергофа, и мопументомъ Императору Николаю, для постановки въ С. Петербургской биржевой залѣ. Акад. *Теребеневъ* окончилъ мраморную статую атлета и саркофага на могилу е. и. в. покойнаго герцога Лейхтенбергскаго. Акад. *Рамазановъ* занимался составленіемъ эскизовъ четырехъ барельефовъ, долженствующихъ украсить памятникъ Императору Николаю, и барельефовъ въ Александровскую залу Ново-Кремлевскаго дворца, изъ жизни св. Александра Невскаго. Проф. *Нефъ* написалъ образъ св. Наталіи и картины: поэзія, ангелъ молитвы и ангелъ у гроба Господня. Проф. *Шамшинъ* кончилъ картину, изображающую Италіянскую женскую купальню; написалъ картины въ овалѣ, изображающія: 1) первую молитву юноши, напутствуемаго ангеломъ-хранителемъ; 2) св. великаго князя Александра Невскаго, молящагося предъ иконою въ часовнѣ, послѣ побѣды, посреди стана воиновъ на полѣ сраженія; 3) св. семейство, и 4) образъ св. Исаакія Далматскаго. Акад. *Тырановъ* написалъ небольшую картину изъ сценъ простонароднаго быта и группу въ натуральную величину, представляющую ласку дитяти къ своей матери. Акад. *Алексѣевъ* оканчивалъ мозаическіе образа въ Исакіевскомъ соборѣ. Акад. *Голъ* кончилъ работы для плафона въ новый павильонъ Императорскаго эрмитажа, изображающія восемь сценъ изъ поэмы «Ду-

шенька», и шесть медальоновъ, представляющихъ разныя времена года; сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ видовъ Ишля и окрестностей. Проф. *Воробьевъ* писалъ картину «Сельскій видъ при захожденіи солнца». Академики *Чернецовы* занимались предметами изъ своихъ путешествій. Почетный вольный общникъ *Шульманъ* написалъ картины: «Сдача Англійскаго баркаса при Гамле-Карлебю», «Сраженіе парохода Владиміръ съ Турецко-Египетскимъ пароходомъ Первасъ-Бахре», «Утро близъ Ниццы», «Нормандскій берегъ послѣ бури» и «Ночь». Проф. *Вилевальде* написалъ 10 картинъ бывшей Польской арміи Литовскаго корпуса. Проф. *Сверчковъ* написалъ картину: «Его Величество верхомъ со свитою возвращается съ ученья». Акад. *Пиратскій* составлялъ и исправлялъ рисунки къ издаваемому, по Высочайшему повелѣнію, историческому описанію одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ. Акад. *Тиммъ* находился въ Москвѣ для снятія съ натуры всѣхъ моментовъ священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Акад. *Швабе* написалъ двѣ большія картины, представляющія табуны разныхъ породистыхъ лошадей. Засл. проф. *Уткинъ* гравировалъ образъ св. Василія великаго. Проф. *Іорданъ* продолжалъ гравюру съ картины Егорова: «Истязаніе Христа Спасителя» и награвировалъ портретъ Англійскимъ манеромъ à la positive Н. В. Гоголя. Проф. *Штакеншнейдеръ* производилъ работы по перестройкѣ стараго Императорскаго эрмитажа. Проф. *Кузьминъ* оканчивалъ главный корпусъ Гатчинскаго дворца. Архитекторъ *Монферрандъ* наблюдалъ за работами по Исакіевскому собору. Акад. *Кавосъ* производилъ перестройку вновь Московскаго Большаго театра и устроивалъ вокругъ Петровской театральной площади иллюминацію, по случаю коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Въ Музыкальномъ и театральномъ вѣстникѣ помѣщены статьи: *На новый годъ* (№ 1); *Объяснительная статья Антона Контскаго къ его «Изложенію методы фортепіанной игры»* (ibid.); *Автографы музыкантовъ въ Императорской публичной библіотекѣ* (ibid. № 2, 3 и 20); *Музыканты временъ имперіи* (№ 1, 2, 4, 8, 10 и 18); *Воспоминаніе о Каратыгинѣ*, Гр. Р. (№ 2); *Историческій очеркъ театральнаго искусства на западѣ* (ibid.); *Шопенъ* (№ 2); *Матеріалы для исторіи Русскаго театра* (№ 3); *Изложеніе главныхъ основаній музыкальнаго искусства* (№ 3, 5, 7, 10, 11, 12 и 21); *Изложеніе методы фортепіанной игры*, Антона Контскаго (№ 3, 8, 10 и 19); *Неизданныя письма Бетховена* (№

5); *Замѣчательныя пѣвицы* (№ 5, 7, 8 и 20); *Критическія замѣтки*, В Стоюнина (№ 12); *Воспоминаніе стараго актера*, И. Носова (ibid.); *Письмо изъ Парижа* (№ 18 и 20); *Микель-Анжело* (№ 18, 19, 20 и 21); *Обзоръ выставки въ академіи художествъ*, Ѳ. Петрушевскаго (№ 19); *Письмо изъ Лондона* (№ 20 и 21); *Антонъ Страдиваріусъ* (№ 20); *Бетховенъ, его критики и толкователи, соч. г. Улыбышева*, ст. Арнольда (№ 21).

Сверхъ того въ Вѣстникѣ помѣщены три комедіи, повѣсть Жоржа-Занда, отчеты о спектакляхъ въ столичныхъ и провинціяльныхъ театрахъ и разныя музыкальныя и художественныя извѣстія.

XIII. Математическія науки.

Въ Журналѣ путей сообщенія и публичныхъ зданій (№ 1) напечатаны слѣдующія статьи: *Первое посѣщеніе Государемъ Императоромъ корпуса инженеровъ путей сообщенія; Положеніе объ основныхъ условіяхъ для устройства первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; Уставъ главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ; Проектированіе, построеніе и содержаніе дорогъ*, М. С. Волкова; *Практическія замѣтки по строительной части*, Штукенберга; *Статистическія замѣтки о внутреннемъ судоходствѣ въ Европейской Россіи за* 1854 *годъ*, П. И. Небольсина; *Временная желѣзная дорога, устроенная по льду отъ Лисьяго Носа къ Кронштадтскимъ морскимъ батареямъ; Новая система стрѣлокъ и сигналовъ на желѣзныхъ дорогахъ; Безконечная желѣзная дорога; Участіе Французскаго правительства въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ частными компаніями.* Сверхъ-того въ отдѣлѣ библіографіи этого журнала разсмотрѣны четыре новыя иностранныя сочиненія по строительному искусству.

XIV. Военныя науки.

Въ Военномъ журналѣ помѣщены статьи: *Походныя записки артиллериста въ Азіи, съ* 1829 *по* 1831 *годъ*, Радожицкаго (№ 1 и 2); *Война за Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ*, Писаревскаго (№ 1); *Нешательское княжество* (№ 1); *Новѣйшія извѣстія о Персидской арміи* (ibid.); *Свиданіе съ графомъ Радецкимъ* (ibid.); *Артиллерійскіе опыты въ Вуличѣ* (ibid.); *Смертность въ Европейскихъ*



арміяхъ (ibid.); *Военныя силы Греціи* (ibid.); *О новыхъ оборонительныхъ минахъ, воспламеняемыхъ посредствомъ новаго способа примѣненія электричества, съ краткимъ описаніемъ существующихъ контръ-минныхъ системъ*, Магазинера (№ 2); *О построеніи войскъ для боя*, Жомини (ibid.); *Развитіе внутреннихъ силъ Россіи въ минувшую войну* (ibid.); *Герцогъ Евгеній Виртембергскій* (ibid.); *Англія и Персія* (ibid.); *Военныя силы Китая* (ibid.); *Сіамская армія* (ibid.); *Электрическій пантографъ* (ibid.); *Желѣзная дорога въ восточную Индію* (ibid.); *Англійское сочиненіе о Крымской экспедиціи* (ibid.).

— «О построеніи войскъ для боя».—Эта статья написана Жомини послѣ Крымской кампаніи. «Въ концѣ 1851 г.,—такъ начинаетъ свою статью авторъ, — во время пребыванія моего въ Парижѣ, одна знаменитая особа просила меня сказать свое мнѣніе о томъ, какимъ измѣненіямъ должно подвергнуться военное искусство съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія. Я отвѣчалъ, что всѣ улучшенія по этой части окажутъ, конечно, значительное вліяніе на тактическое устройство войскъ; но что, при стратегическихъ соображеніяхъ, первенство непремѣнно останется за тѣмъ, кто будетъ слѣдовать правиламъ великихъ полководцевъ — Александра и Цезаря, Фридриха и Наполеона. Мой собесѣдникъ, кажется, вполнѣ согласился съ этимъ. Геройскія событія подъ стѣнами Севастополя нисколько не измѣнили моего взгляда.» Авторъ приходитъ въ этой статьѣ къ слѣдующимъ выводамъ, которые нельзя не признать за истинные: 1) что усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія не произведетъ замѣтнаго измѣненія въ устройствѣ войскъ для сраженій, но что полезно ввести въ пѣхотѣ употребленіе небольшихъ ротныхъ колоннъ, имѣть хорошихъ стрѣлковъ и какъ можно болѣе учить всѣ войска цѣльной стрѣльбѣ; въ тѣхъ арміяхъ, въ которыхъ находятся особые стрѣлковые баталіоны, полезно тѣхъ стрѣлковъ раздѣлить по полкамъ, пока войска не пріучатся хорошо къ цѣльной стрѣльбѣ; тогда уже эти стрѣлковые баталіоны могутъ становиться въ общей линіи и разсыпаться только въ особенныхъ случаяхъ; 2) что система развернутыхъ баталіоновъ Веллингтона превосходна для обороны, но не годится для аттаки; 3) что, несмотря на усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія, арміи не будутъ только перестрѣливаться издали: одна изъ нихъ непремѣнно должна будетъ идти впередъ; 4) что успѣхъ сраженія, какъ и всегда, будетъ зависѣть отъ иску-

ства въ маневрированіи, слѣдов. начала высшей тактики не измѣняются; 5) что одинъ изъ важнѣйшихъ залоговъ побѣды при нападеніи — рѣшительность аттаки; но при этомъ нужно употреблять войска сообразно съ мѣстностью. Въ заключеніе Жомини прибавляетъ, что война далеко не опредѣленная наука, а грозная и страстная драма, подчиненная, правда, тремъ или четыремъ общимъ правиламъ, но результатъ которой зависитъ отъ множества причинъ естественныхъ и нравственныхъ.

Въ Инженерномъ журналѣ (№ 1) помѣщены: *Описаніе занятій Кавказскаго706 сапернаго баталіона и полковаго инженернаго Александрапольскаго отряда въ* 1853 *и* 1854 *годахъ; Свѣдѣнія о способѣ возведенія казематированныхъ батарей на рыхломъ грунтѣ; Руководство для заряженія цилиндровъ, высверленныхъ въ скалахъ и отдѣльныхъ камняхъ, для ихъ взорванія, Подводные фугасы на Дунаѣ въ* 1854 *г.; Свѣдѣнія объ инженерной части у Французовъ, Англичанъ и Піемонтцевъ въ Крыму; Бомбардированіе Кинбурна*, К. Седергольма; *О составѣ Англійской арміи; Воспоминанія плѣннаго*, А. Орды; *О дождѣ и наводненіяхъ*, С. Θедорова; *Заторы на р. Вислѣ*, А. Спиридонова; *Войска и запасы, употребленные Французами въ Крыму; Результаты опытовъ надъ машиною Коанье; Новое ружье; Знамя Пезарра; Смертность въ Англійскихъ войскахъ; L'Empire des Tzars, par Schnitzler.*

Въ Артиллерійскомъ журналѣ (№ 1) явились статьи: *Отчетъ о занятіяхъ артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета въ* 1856 *г. и за январь* 1857 *года; Перечень занятій комитета объ улучшеніи штуцеровъ и ружей, за январь и февраль* 1857 *г.; Военныя извѣстія съ Кавказа; Отрывокъ изъ введенія къ сочиненію: «Свѣдѣнія о гвардейской артиллеріи»*, В. Ратча; *О стрѣльбѣ эксцентрическими снарядами изъ длинныхъ орудій въ Пруссіи*, Н. Маіевскаго; *Способъ выдѣлки литой стали г. Обухова*, Родкевича; *Цинковыя гильзы для фальшфейеровъ и цвѣтныхъ огней и свѣтящіе снаряды для ружей*, К. Константинова; *Дѣйствіе артиллеріи при переправѣ чрезъ Дунай въ* 1854 *г., близъ Измаила*, Фриде; *Объ улучшеніи снарядовъ*, Юшенова; *Свѣдѣнія объ изобрѣтеніяхъ по военной части, соч. г. Кавалли*, А. Горлова; *Обзоръ журналовъ*, П. Л.; *Артиллерійскія замѣтки; О литьѣ мѣдныхъ орудій въ С. Петербургскомъ арсеналѣ*, А. Энгельгардта; *Нѣсколько словъ о прицѣлахъ*, Петрушевскаго; *Ручное огнестрѣльное оружіе въ Крыму*, В.

Луганнина; *О способѣ Бушри для предохраненія дерева*, С.; *Замѣчанія о преждевременномъ разрывѣ картечныхъ гранатъ съ металлическими втулками*, Богданова; *Пріемъ резервной № 19 батареи 19 артил. бригады въ Новопокровской станицѣ.*

Въ Журналѣ военно-учебныхъ заведеній напечатаны: *Нѣкоторыя свѣдѣнія о введеніи и употребленіи боевыхъ ракетъ въ главныхъ иностранныхъ Европейскихъ арміяхъ* (№ 197); *Примѣчательнѣйшія заграничныя учрежденія для инвалидовъ* (ibid.); *Бомбардированіе Севастополя* (№ 198); *О высадкахъ въ древнія и новѣйшія времена* (№ 499); *Сто-двадцати-пятилѣтній юбилей перваго кадетскаго корпуса* (№ 500); *Дѣло Сакскаго авангарда* 15 *мая* 1855 *года* (ibid.).

Въ Чтеніи для Солдатъ помѣщены: *Прутскій походъ Петра Великаго* (№ 1); *Біографическій очеркъ жизни и подвиговъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Ивана Ѳедоровича Паскевича-Эриванскаго* (№ 2).

Въ Русскомъ Инвалидѣ: *О стрѣлковыхъ баталіонахъ въ Россіи и въ западно-Европейскихъ арміяхъ*, ст. полковника Лебедева (№ 1, 4 и 11); *Исторія консульства и имперіи, соч. Тіера. Томъ XIV: О войнѣ* 1812 *г.* (№ 3); *Краткій очеркъ примѣчательнѣйшихъ заграничныхъ учрежденій для инвалидовъ* (№ 8); *Дѣло Сакскаго авангарда* 15 *мая* 1855 *года* (№ 17); *Сто-двадцати-пятилѣтній юбилей Перваго Кадетскаго корпуса* 1732 — 1857 (№ 39); *Обзоръ внутренняго хозяйства Прусской арміи*, полковника Окерблома (№ 80); *Записка о замѣчательнѣйшихъ перемѣнахъ, усовершенствованіяхъ и изобрѣтеніяхъ по части тактики*, представленная генералъ-лейтенантомъ барономъ Медемомъ, въ 1843 (№ 90 и 91).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ: *Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера*, Е. Р. Ш—ова (Библ. для чт. № 3 и 4); *Годъ военныхъ дѣйствій за Кавказомъ.* 1853 — 1854, гр. В. Соллогуба (ibid. № 3); *Замѣтки на статью г. Лебедева «О стрѣлковыхъ батальонахъ и т. д.»* (С.Пб. вѣд. № 62), полковника Н. П. Воронцова-Вельяминова (Моск. вѣд. № 43); *Посѣщеніе въ Крыму арміи союзниковъ и исчисленіе потерь въ людяхъ и деньгахъ, которыхъ стоила Франціи, Англіи и Сардиніи нынѣшняя война ихъ противъ Россіи*, Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова (Сѣв. пч. № 13, 17, 18, 24, 25, 28, 34, 35, 36 и 44); *Сто-двадцати-пя-*

тилѣтній юбилей перваго кадетскаго корпуса (ibid. № 39); *Изъ походныхъ записокъ* (ibid. № 61 и 62).

XV. Горныя науки.

По Горнымъ наукамъ явились слѣдующія статьи: *Взглядъ на Шахтаминскіе золотые промыслы* (Золот. Руно № 14); *О добываніи железа по способу Бессемера* (ibid. № 15); *Практическое указаніе развѣдки и разработки золотосодержащихъ розсыпей*, составленное Ю. Волковымъ (ibid. № 16); *Замѣтки о геогностическомъ путешествіи по восточной Финляндіи*, Г. Голмберга (ibid. и № 17); *Воспоминанія о поѣздкѣ на частные золотые промыслы*, Б. де-Морни (ibid. № 17); *О мѣрахъ поощренія въ Европейской Россіи поисковъ и разработки минеральнаго топлива*, Озерскаго (Морск. сбор. № 2).

— «О мѣрахъ поощренія въ Европейской Россіи поисковъ и работки минеральнаго топлива.» — «Европейская Россія, относительно снабженія себя минеральнымъ топливомъ, можетъ основывать надежды: 1) на Подмосковныхъ губерніяхъ, гдѣ указано присутствіе каменнаго угля; но добротныхъ пластовъ его, залегающихъ, можетъ быть, на большой глубинѣ, еще не пріискано, и 2) на Новороссійскомъ краѣ съ Землею войска Донскаго, въ которыхъ раскрыты запасы каменнаго угля и превосходнѣйшаго антрацита. Въ настоящее время добываніе минеральнаго топлива производится, въ видѣ слабаго лишь опыта, въ губерніи Екатеринославской и въ Землѣ войска Донскаго,—въ послѣдней изъ одноверстнаго участка. Для распространенія столь общеполезной промышлености совмѣстно съ сущностью дѣла: 1) усиливая развѣдки буровыми скважинами, разрѣшить окончательно вопросъ — имѣется-ли каменный уголь, въ какой степени благонадежный и пригодный, въ нѣдрахъ центральныхъ губерній; 2) устроить легкій и дешевый сбытъ каменнаго угля, и особенно антрацита изъ мѣсторожденій на югѣ Россіи. Эти два образа дѣйствія не исключаютъ одинъ другаго и могутъ быть приводимы въ исполненіе одновременно. Успѣхъ Подмосковныхъ развѣдокъ вѣроятенъ, но положительно не обезпеченъ, и по свойству предстоящихъ работъ не близокъ; между-тѣмъ развитіе Донскаго антрацитнаго производства несомнѣнно. Пласты антрацита, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Дономъ, мѣстами на правомъ берегу этой рѣки, предназначе-

ны, по географическому положенію своему, удовлетворять потребности Черноморскаго прибрежья и губерній Воложскаго бассейна, на югъ отъ Симбирска почти безлѣсныхъ. Высокая цѣна на Донской антрацитъ и малое употребленіе его зависятъ: 1) отъ ограниченной добычи, составлявшей монополію и производящейся крайне несовершенно; 2) отъ непомѣрной дороговизны перевозки съ Дона на Волгу. Ослабленіе привилегій Донскаго войска, тяготѣвшихъ за мѣстныхъ запасахъ минеральнаго топлива, достигнуто Высочайше утвержденнымъ 7 августа 1856 года мнѣніемъ военнаго совѣта объ учрежденіи частныхъ компаній для разработки Донскаго антрацита. Пониженіе цѣны ея возможно чрезъ введеніе правильныхъ и хозяйственныхъ разработокъ въ большомъ видѣ; удешевленіе-же перевозки осуществится устройствомъ удобнаго сообщенія между Волгой и Дономъ. Такое сообщеніе можетъ быть или посредствомъ паровозной желѣзной дороги, или посредствомъ канала. При соображеніи всего вышесказаннаго, невольно раждается мысль, что, на первый разъ, развитіе антрацитнаго производства упрочится образованіемъ акціонерной компаніи, которая обязалась-бы: «за опредѣленныя отъ правительства гарантіи устроить желѣзную дорогу отъ Дона до Волги, или, если окажется болѣе выгоднымъ, прорыть между обѣими рѣками каналъ, установить тѣмъ или другимъ способомъ сообщеніе и наконецъ заложить обширныя и хозяйственныя работы для добыванія антрацита на вольную продажу.»

XVI. Науки, относящіяся къ мореплаванію.

Въ Морскомъ Сборникѣ помѣщены статьи: *Деревянныя суда и желѣзные пароходы*, переводъ Смольянинова (№ 1); *Предостерегательные знаки у береговъ Англіи*, перев. съ Англ. Н. С. (ibid.); *Описаніе пловучаго спасительнаго бакена, изобрѣтеннаго Англійскимъ капитаномъ Пикокомъ*, Будберга (№ 1); *Адмиралъ Эксмутъ*, А. В. (ibid. № 2, 3 и 5); *Лоцманскія замѣтки* (ibid.); *Нѣкоторыя свѣдѣнія о домогательствахъ разрѣшенія задачи подводнаго плаванія*, Константинова (№ 1); *Описаніе анемометровъ различнаго устройства*, Тресковскаго (Ibid.); *Проектъ эллинга для вытаскиванія гребныхъ судовъ*, Гоеса (ibid.); *Воспоминаніе объ одномъ изъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя* (ibid.); *Извлеченія изъ журналовъ адмиралтействъ-коллегіи*, Соколова (ibid. № 3);

Годъ въ плѣну у Турокъ, съ корвета «Флора», въ 1807 году, Николая Клемента (№ 3); *Голландское морское законодательство*, В. Мельницкаго (№ 3 и 4); *Съемка и промѣръ устья Днѣпровскаго лимана*, А. Акимова (№ 3); *А. Я. Глотовъ* (ibid.); *Морскія поѣздки*, А. Писемскаго (№ 4); *Пути къ устью р. Амуръ*, А. Пещурова, Ю. Раевскаго и Шенурина (ibid.); *Письма съ эскадры Средиземнаго моря*, Н. Р. (ibid.); *Поѣздка на рыбные промыслы Новоладожскаго уѣзда*, А. Балемана (ibid.); *Замѣчанія о различныхъ способахъ обшивки судовъ мѣдью*, И. фонъ-Шанца (ibid.). Сверхъ-того, въ отдѣлѣ Смѣси помѣщено 55 статеекъ, а въ отдѣлѣ библіографіи разсмотрѣно 40 новыхъ изданій.

XVII. Естественныя науки.

Въ Вѣстникѣ естественныхъ наукъ помѣщены статьи: *Черный папоротникъ*, Н. П. Вагнера (№ 1); *Дожди*, Д. М. Перевощикова (ibid. № 2); *Гнѣздо ремеза*, К. Ѳ. Кесслера (№ 2); *Капля въ морѣ* (ibid.); *Образованіе каменнаго угля*, К. Ф. Рулье (№ 3 и 4); *Приливъ и отливъ*, Делокэ (№ 3); *Жизнь и нравы крысъ*, А. Э. Крессина (ibid. № 4 и 5); *Слѣпой естествоиспытатель* (Францъ Гюберъ) (№ 4); *Кохинхинскія куры*, К. Ф. Рулье (№ 5); *Электро-магнитный снарядъ Румкорфа*, Я. И. Вейнберга (ibid. № 6 и 8); *Мало-по-малу* (№ 5); *Эмэ Бопланъ* (№ 6 и 8); *Замѣтки на пути отъ Москвы до Пятигорска*, Ѳ. А. Баталина (ibid.); *Подводный міръ*, Фр. Кернера (№ 7); *Замѣтки о верблюдѣ въ Чиндантской сторонѣ; Воспоминанія Очеретаника* А. Ѳ. фонъ-Лехнера (№ 8).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ по разнымъ отраслямъ естествознанія мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Ньютонъ, его жизнь, сочиненія и открытія*, Поль-Ремюза (От. Зап. № 4); *Естествовѣдѣніе*, Н. А. Любимова (Русск. Вѣстн. № 1 и 4); *Центральный законъ для природы* (Русск. Вѣстн. № 6); *Новости естественныхъ наукъ*, Ан. Б. (Моск. вѣд. № 8 и 37); *Обоняніе* (ibid. № 23 и 24); *Объ орхидейныхъ растеніяхъ* (Orchideae) *и о воспитаніи ихъ при мѣстномъ климатѣ* (Одесск. вѣстн. № 13 и 14); *Рѣшеніе вопроса объ ожидаемой кометѣ* (ibid. № 27 и 28); *Содержаніе солей въ морской водѣ*, академ. Э. Ленца (Мор. Сборн. № 1); *Почему у нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ или на югъ, правый берегъ высокъ, а лѣвый низменъ*, академ. Бэра

(ibid.); *Вліяніе морскихъ теченій на климаты.* Ст. М. Бабине, члена Француской академіи наукъ, перев. К. М. (ibid. № 2).

— «Почему у нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ или на югъ, правый берегъ высокъ, а лѣвый низменъ?» — Объясненіе этого явленія, по словамъ нашего ученаго академика, должно искать въ слѣдующей общедѣйствующей причинѣ: «Земля, какъ извѣстно, обращается вокругъ своей оси по направленію отъ запада къ востоку. Очевидно, что каждое мѣсто земной поверхности, тѣмъ скорѣе должно обращаться, чѣмъ оно ближе къ экватору: потому-что каждое мѣсто подъ экваторомъ должно совершать въ сутки наибольшій путь въ 5,400 геогр. миль. Мѣсто подъ 60 градусомъ широты обращается вдвое медленнѣе, а мѣсто подъ полюсомъ остается при этомъ неподвижнымъ. Притомъ и каждое тѣло на землѣ имѣетъ ту-же скорость движенія, какъ мѣсто, на которомъ оно находится. Это въ физикѣ давно-извѣстное дѣло, которое слѣдов. не требуетъ доказательства; напоминаю только, что мы всѣ должны-бы были мчаться къ ближайшей западной стѣнѣ, еслибы не обращались вмѣстѣ съ землею, а она одна-бы вертѣлась къ востоку. Если поэтому движимое тѣло имѣетъ направленіе къ югу или къ сѣверу, то оно кромѣ-того удерживаетъ еще и первоначальное, отъ кругообращенія земли ему данное стремленіе къ востоку, и будетъ удерживать это движеніе, пока не встрѣтитъ значительной опоры. Итакъ, если вода течетъ отъ экватора по направленію къ полюсамъ, то она уноситъ съ собою болѣе значительное стремленіе къ востоку, нежели текущая въ мѣстахъ меньшей широты, — слѣд. первая вода въ руслѣ своемъ стремится къ восточному берегу. Но вода, текущая по направленію къ экватору, имѣетъ въ обращеніи меньшую скорость, нежели сколько нужно по мѣрѣ приближенія къ экватору, отъ чего она отстаетъ къ востоку, или, что одно и то-же, стремится къ западу. Въ нашемъ сѣверномъ полушаріи у рѣкъ, текущихъ по направленію къ полюсу, восточный, а у текущихъ къ экватору, западный берегъ составляетъ правый, слѣд. вода во всѣхъ рѣкахъ, не направляющихся къ параллелямъ, должна стремиться къ правому берегу. Надо замѣтить, что города при устьяхъ нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ, какъ напр. Онега, Архангельскъ, Мезень и Обдорскъ, совершенно, или по-крайней-мѣрѣ важнѣйшею своею частью построены на восточномъ, высшемъ и слѣдов. отъ наводненій безопаснѣйшемъ берегу, между-тѣмъ-какъ города при устьяхъ рѣкъ,

[redacted] къ югу, построены на западномъ берегу, т. е. правомъ. Если показанныя причины, почему въ сѣверномъ полушаріи правые берега рѣкъ выше,—вѣрны, то, обратно, въ южномъ полушаріи лѣвый берегъ рѣкъ долженъ быть вообще выше, потому что въ рѣкахъ, текущихъ къ южному полюсу, вода уноситъ съ собою сильнѣйшее стремленіе къ востоку — значитъ къ лѣвому берегу.»

XVIII. Медицинскія науки.

Въ Военно-медицинскомъ журналѣ (Ч. LXIX № 1) помѣщены слѣдующія статьи: по практической медицинѣ и хирургіи: *О болѣзняхъ носа и носовыхъ полостей*, П. П. Заблоцкаго; по военно-медицинской полиціи и гигіенѣ: *О способахъ опредѣлять качества пшеничной муки и различныя къ ней примѣси*, П. Сокальскаго; по судебной медицинѣ: *Описаніе трупныхъ явленій и значенія ихъ при судебно-медицинскихъ и патологическихъ вскрытіяхъ человѣческихъ тѣлъ*, д-ра Іосифа Энгеля; по военно-медицинской статистикѣ: *Минеральныя воды въ Грузіи*, Креславскаго; *Объ употребленіи Купійскихъ минеральныхъ водъ близъ Або, впродолженіе лѣта* 1856 *г.*, д-ра Шванка; *Водолечебное заведеніе въ Лопухинкѣ*, А. Жижеленко; *Годовой отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорской С. Петербургской медико-хирургической академіи въ* 1855 — 1856 *учебномъ году*. Въ отдѣлѣ смѣси: *Два судебно-медицинскія дѣла изъ временъ медицинской канцеляріи*, 1739 *г.*, д-ра Я. Чистовича; *Химическое изслѣдованіе воды Нарзана*, Р. Германа; *Объ употребленіи хлороформа въ акушерствѣ*, д-ра Н. Берга; *Объ измѣненіяхъ волосныхъ сосудовъ, составляющихъ причину разрыва ихъ въ апоплексическомъ ударѣ*, Робена; *Крохмалуподобныя тельца въ легкихъ*, Фридрейха; *О всасываніи жира въ мочевомъ каналѣ*, Дондерса; *Описаніе родовъ и послѣродоваго состоянія у Индіянки*, Шварца; *Роды у карлицы*, Шрейера; *О родильной брейтовой болѣзни и ея связи съ эклалепсіею*, Имбертъ Гурбейере; *Роды при предлежащемъ плечикѣ, послѣ употребленія хлороформа*, Монури; *Способъ лечить растрескавшіеся и грудные соски*, Легру; *Затвердѣніе подкожной клѣтчатки у новорожденныхъ*, Бирнбаума; *О мѣшетчатомъ перерожденіи яичниковъ*, Жобера де Ламбаля; *Объ анатомическихъ и патологическихъ различіяхъ въ тяжести матки*, Горіеля; *О нервныхъ боляхъ и ихъ леченіи цинхониномъ*, Ар. фонъ-Франке; *О сущности*

нѣкоторыхъ параличей и леченіи ихъ, Джемса Бреда; *О перемежающихся ревматическихъ контрактурахъ*, Труссо; *О печеночныхъ камняхъ и ихъ леченіи*, Корлье; *О сущности и леченіи венерической болѣзни*, Михаелиса; *О леченіи различнаго рода воспаленія*, Шассиньяка; *О вліяніи находящагося въ съѣстныхъ припасахъ количества фосфорно-кислой извести на образованіе новаго костнаго вещества,* Мильнъ-Эдвардса; *О ядовитыхъ грибахъ и отравленіи ими*, Вендта; *Вылущеніе большой опухоли въ правой ягодичной сторонѣ*, Михайлова. Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщена статья: *Русская медицинская литература въ* 1856 *году*.

Въ Библіотекѣ медицинскихъ наукъ явились слѣдующія сочиненія: *Дѣтскія болѣзни, проф. Э. Бушю*, перев. Хана (№ 1, 2, 3 и 4); *Женскія болѣзни*, проф. Ф. А. Кавиша, перев. (ibid.); *Терапія доктора В. Л. Волле*, перев. (ibid.); *Венерическія болѣзни*, проф. К. Видаля, перев. (ibid.). Въ Прибавленіяхъ къ этому изданію помѣщены статьи: *О способности кожи всасывать воду и растворенныя въ ней вещества* (№ 1); *Съуженіе канала позвоночнаго столба и затылочной дыры, вслѣдствіе костяныхъ отложеній* (ibid.); *О строеніи полиповъ матки* (ibid.); *Валеріано-кислый атропинъ противъ падучей болѣзни* (ibid); *Содъ съ сахаромъ противъ сифилиса* (ibid.); *Содные клистиры противъ жиленій при кровавомъ поносѣ* (ibid.); *Объ отравленіи стрихниномъ* (ibid.); *Нервная боль лица* (tic doulereux), *происходящая вслѣдствіе отложенія фосфорнокислой извести около надочнаго нерва* (n. supraorbitalis) (ibid.); *О патологіи сердца* (ibid.); *О леченіи нарывовъ* (ibid.); *Нѣсколько случаевъ съуженій мочеиспускательнаго канала, въ которыхъ была употреблена операція по способу Symé* (ibid.); *Разрывъ мочеваго пузыря вслѣдствіе удара* (ibid.); *Меланотическія опухоли соединительной оболочки глаза* (ibid.); *Объ измѣненіи хрусталика при меланотическихъ опухоляхъ глазъ* (ibid.); *Воспаленіе клѣтчатки въ полости таза* (ibid.); *Кровоизліяніе въ граафіевомъ пузырькѣ* (ibid.); *Ulcera.—Язвы* (№ 2); *Уремія* (ibid.); *О животной теплотѣ* (ibid.); *Повсемѣстная эмфизема при коклюшѣ* (ibid.); *Коллодій* (collodium) *противъ пупочныхъ грыжъ у дѣтей* (ibid.); *О выдѣленіи бѣлка мочею* (albuminaria) *въ діагностическомъ отношеніи* (ibid.); *Воспаленіе большихъ шейныхъ венъ послѣ родовъ* (ibid.); *Аневризма и запираніе* (obliteratio) *печеночной артеріи* (ibid.); *О всасываніи жира, жирной печени и отправленіи селезенки* (ibid.); *О дѣйствіи наперстянки на матку* (№ 3); *Излеченіе розовыхъ*

угрей (couperose) (ibid.); *Леченіе припадочныхъ нарывовъ* (ibid.); *Отнятіе членовъ ѣдкими веществами* (ibid.); *Хлороформъ противъ затрудненнаго мѣсячнаго отдѣленія* (ibid.); *Спасеніе отравленныхъ хлороформомъ* (ibid.); *Выдѣленіе сѣроводорода поверхностью легкихъ* (№ 4); *Объ Англійской болѣзни* (ibid.); *О средствахъ, угнетающихъ чувствительность* (ibid.); *Общее дѣйствіе вдыхаемаго амилена на организмъ* (ibid.); *Углекислота, какъ болеутоляющее средство* (ibid.); *Разъединеніе грудной кости и обратное положеніе внутренностей* (ibid.); *Водяныя души при кровавыхъ операціяхъ* (ibid.); *Присутствіе сахара въ мочѣ* (ibid.).

Достоинство исчисленныхъ въ этомъ журналѣ сочиненій позволяетъ надѣяться, что онъ вполнѣ будетъ достигать своей цѣли— «облегчить для Русскихъ врачей возможность слѣдить за движеніемъ медицины, посредствомъ изданія на Русскомъ языкѣ журнала, который по цѣнѣ былъ-бы доступенъ врачамъ и студентамъ съ ограниченными средствами, и замѣнялъ-бы лучшія заграничныя сочиненія, передавая посредствомъ компиляцій и переводовъ замѣчательнѣйшіе труды иностранныхъ ученыхъ специалистовъ.»

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Другѣ Здравія, замѣчательны слѣдующія: *О конгестивномъ маточномъ кровотеченіи*, Ф. Пивоварова (№ 1); *Объ операціяхъ опухолей въ глазной впадинѣ*, І. Ф. Гейфельдера (№ 2); *Тифъ и тифозныя горячки, господствовавшія въ имперіи въ 1855 году.* (Извлеченіе изъ отчета медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ) (№ 3, 4 и 5); *О внутреннемъ употребленіи глицерина противъ поноса у тифозныхъ*, В. Александрова (№ 6); *О цинготномъ изъязвленіи глотки*, Ф. Пивоварова (ibid.); *Извлеченіе изъ отчета о родильномъ госпиталѣ и воспитательномъ домѣ въ Вѣнѣ за 1855 годъ*, сообщ. докт. А. Никитинымъ (№ 7 и 8); *Статистика и признаки разныхъ видовъ самоубійства* (№ 1, 8 и 13); *О мѣстной фарэдезаціи или методическомъ употребленіи магнитной и гальванической индукціи по способу д-ра Дюшекна*, Оскара Ковалевскаго (№ 11, 13 и 14); *Бородавчатая опухоль на рубцовой ткани*, д-ра Яцыны (№ 15); *Случай экстирпаціи лопатки, вслѣдствіе костоѣды ея*, І. Ф. Гейфельдера (№ 16); *Нѣсколько практическихъ наблюденій*, Ф. Демиденко (№ 17).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ по медицинскимъ наукамъ явились слѣдующія статьи: *Сѣрный источникъ въ Ни-*

колаевскомъ уѣздѣ (Журн. мин. вн. дѣлъ № 1); *Отчетъ больницы св. Ольги за* 1856 *годъ* (ibid. № 4); *Болѣзнь зобъ* (ibid.); *Безуміе въ отношеніи къ философіи и исторіи, сочиненіе Лелю* (От. зап. № 1); *Вторичное прививаніе предохранительной* (коровьей) *оспы* (Сѣв. пч. № 15); *Нѣсколько словъ о поришѣ* (Моск. вѣд. № 9 и 10); *Болѣзни простонародья* (ibid. № 50).

XIX. Промышленость, технологія и сельское хозяйство.

Къ теоретической части хозяйства относятся слѣдующія статьи: *Объ управленіи рабочими людьми въ Русскомъ хозяйствѣ*, Бланка (Тр. Имп. в. эк. Об. № 1); *Нѣсколько словъ о чисто-Русскомъ сельскомъ хозяйствѣ*, А. Плансона (ibid. № 2); *О доходахъ съ мелкопомѣстныхъ имѣній*, А. Смирнова (Земл. газ № 19); *О взысканіяхъ съ работниковъ* (ibid. № 28).

— «Нѣсколько словъ о чисто-Русскомъ сельскомъ хозяйствѣ.» — Слѣдующее вступленіе въ эту статью объясняетъ цѣль и содержаніе ея: «Во введеніи къ сочиненію: *Обзоръ дѣйствій департамента сельскаго хозяйства съ* 1844 *по* 1854 *годъ*, сказано: «Англичане неусыпно стараются въ отдаленныхъ колоніяхъ своихъ усилить производство сырыхъ товаровъ, которые соперничаютъ съ нашими и по качеству и по цѣнѣ; Американцы, обладающіе огромными полями, и къ обработкѣ ихъ прилагающіе болѣе искусства, нежели мы, также являются опасными соперниками нашими въ торговлѣ произведеніями земледѣлія. Посему, *для предупрежденія и отвращенія неминуемыхъ въ будущемъ потерь, мы должны*, во-первыхъ, *постоянно стараться производить болѣе*, дабы не нуждаться въ повышеніи цѣны на наши произведенія, и тѣмъ привлечь къ себѣ покупателей, и во-вторыхъ, обратить на устройство путей сообщенія находящіеся въ рукахъ нашихъ капиталы, потому-что дешевизна и скорость доставки суть единственныя средства къ оживленію торговли и упроченію благосостоянія производителей.» Дѣйствительно, сильное развитіе сельскаго хозяйства въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ въ западной Европѣ, въ юной, но опередившей насъ Америкѣ, въ неистощимомъ Египтѣ и отчасти въ Алжирѣ, заставило призадуматься нашихъ земледѣльцевъ-торговцевъ. Въ послѣдніе годы нерѣдко случалось, что въ Таганрогѣ, Одессѣ, Кенигсбергѣ и Петербургѣ хлѣбъ былъ продаваемъ дешевле цѣнъ, предлагаемыхъ или уплаченныхъ на мѣстѣ;

къ тому-же, насъ стали часто посѣщать неурожаи, падежи скота, пожары, болѣзни и другія бѣдствія, а разъ пошатнувшееся благосостояніе хозяина быстро стремится къ упадку. Вотъ почему важнѣйшій нынѣ для земледѣльцевъ вопросъ состоитъ въ томъ, какъ исторгнуть наши хозяйства изъ окончательнаго разоренія, какъ безъ капиталовъ удвоить доходъ съ земель и оброчныхъ статей, *какъ тѣми-же производительными силами произвесть болѣе*, чтобы хлѣбомъ нашимъ засыпать иностранные рынки, пріобрѣсти капиталы и, устроивъ свои имѣнія, дойти до того благосостоянія, которымъ пользуются фермеры Франціи и Англіи, не взирая на малоземельность ихъ усадьбъ, и на огромные налоги, обременяющіе земледѣльческій классъ. Желаніе хотя отчасти разрѣшить этотъ вопросъ и содѣйствовать достиженію столь важной цѣли побудило насъ взяться за перо, и изложить наше по этому предмету мнѣніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ, считаемъ долгомъ просить всѣхъ, которымъ сельское хозяйство, а чрезъ то и благосостояніе ихъ отечества близко къ сердцу, ученымъ совѣтомъ и замѣчаніемъ, основаннымъ на опытѣ, исправить то, что они найдутъ неполнымъ и невѣрнымъ.» Дабы основательнѣе отвѣтить на вопросъ, составляющій предметъ этой статьи, г. Плансонъ разсматриваетъ, изъ какихъ основныхъ частей (элементовъ) состоитъ наше Русское сельское хозяйство вообще, и какими средствами обладаютъ наши земледѣльцы къ улучшенію своихъ хозяйствъ и къ усиленію производительности земли; потомъ описываетъ среднее Русское имѣніе, заключающее въ себѣ всѣ достоинства и недостатки большей части нашихъ имѣній, и наконецъ, основываясь на выводахъ, извлеченныхъ изъ собранныхъ фактовъ, на авторитетѣ ученыхъ и на опытѣ хозяевъ, приступаетъ къ разрѣшенію избраннаго имъ вопроса. «Имѣвъ случай — говоритъ авторъ — изъѣздить по всѣмъ направленіямъ пространство между Азовскимъ и Балтійскимъ морями съ одной стороны, и Варшавою и Ураломъ — съ другой, мы постоянно старались подробно изучать наше отечество въ хозяйственномъ отношеніи. Поселившись шесть лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ, занявшись устройствомъ разореннаго имѣнія, мы нашли необходимымъ посвятить все свободное отъ полевыхъ работъ время изученію естественныхъ наукъ и агрономіи, намъ, какъ юристу, дотолѣ незнакомыхъ, при чемъ, прочитавъ издаваемыя на всѣхъ почти Европейскихъ языкахъ сочиненія, относящіяся къ сельскому хозяйству, и примѣняя все къ

тому, что мы видѣли въ разныхъ странахъ Россіи и испытали въ собственномъ своемъ и родителей нашихъ имѣній, мы убѣдились въ справедливости слѣдующихъ основныхъ положеній или началъ: 1) *Въ Россіи, не считая даже южныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ губерній, на ревижскую душу мужескаго пола, занимающуюся хлѣбопашествомъ, приходится около шести десятинъ пахатной и сѣнокосной земли.* Изъ 62,761,000 душъ обоего пола, составляющихъ народонаселеніе Россіи, 5,356,000 человѣкъ живетъ въ городахъ; кромѣ того, лицъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ, около 2,257,000. Итого не занимающихся хлѣбопашествомъ 7,613,000 душъ; затѣмъ остается земледѣльцевъ обоего пола 55,148,000, или немного болѣе 27 милліоновъ ревижскихъ душъ мужескаго пола. Земли-же въ Европейской Россіи, удобной и подлежащей обработкѣ, по изслѣдованіямъ г. Тенгоборскаго, до 1850 года было 150 милліоновъ десятинъ. Изъ соображеній того-же автора, и собранныхъ нами свѣдѣній, оказывается, что пространство обработываемыхъ земель ежегодно увеличивается въ Россіи по меньшей мѣрѣ на полпроцента въ годъ, а потому въ 1856 году можно опредѣлить пространство обработываемыхъ земель до 155 милліон. дес., т. е. около 6 дес. на одного земледѣльца. Но если исключить сѣверныя, восточныя и южныя губерніи, именно Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Пермскую, Оренбургскую, Астраханскую, Ставропольскую, Землю войска Донскаго, Таврическую, Екатеринославскую, Херсонскую и Бессарабскую область, которыя, по своему климату, географическому положенію и почвѣ, такъ рѣзко отличаются отъ остальныхъ губерній, заключающихъ въ себѣ, при 5,189,000 хлѣбопашцахъ, 44 милліона пахатной и сѣнокосной земли, то остается 21,811,000 жителей деревень на 111 милліоновъ десятинъ земли, или на одного хлѣбопашца болѣе 5 десятинъ удобной и обработываемой земли.» Эти свѣдѣнія, хотя почерпнуты изъ самыхъ вѣрныхъ и новыхъ источниковъ, далеки однакожь отъ точныхъ. И потому, чтобы узнать настоящее отношеніе земледѣльческаго класса къ обработываемой имъ землѣ, авторъ разсматриваетъ это отношеніе въ имѣніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству государственныхъ имуществъ, въ которомъ всѣ почти земли сняты на планы, о народонаселенію ведутся самые точные списки. Изъ этого разсмотрѣнія явствуетъ, что для всѣхъ вообще губерній Россійской имперіи, не включая даже сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ, которыя гораздо многоземельнѣе, мы мо-

жемъ считать на одну ревижскую душу мужескаго пола, или, вѣрнѣе, на одного земледѣльца, болѣе 6 дес. земли, приносящей доходъ. Чтобы получить еще яснѣе понятіе объ отношеніи народонаселенія къ пространству земли, а чрезъ то и о значеніи у насъ земледѣлія, авторъ сравниваетъ Россію съ другими государствами Европы, и приходитъ къ заключенію, что неудобопримѣнимы у насъ иностранныя системы, вводимыя у иностранцевъ въ малоземельныхъ имѣніяхъ при избыткѣ рабочей силы и капиталовъ. Это видно изъ отчета опытнаго хутора за 1828 г., въ которомъ сказано, что четыре опыта плодосмѣнныхъ системъ, по образцу тѣхъ, которыя существуютъ за границею, оказались весьма убыточными: потому-что надобно было работать наемными людьми, что крестьянскія лошади къ улучшеннымъ орудіямъ не годятся, такъ-же какъ и сами крестьяне, которыхъ впрочемъ и не достанетъ для этихъ работъ, требующихъ гораздо болѣе рукъ, нежели обыкновенныя. То-же почти мнѣніе о недостаткѣ рабочей силы, происходящемъ отъ излишка земли, высказалъ Тенгоборскій въ своемъ сочиненіи: «Etudes sur les forces productives de la Russie». Онъ говоритъ, что, вслѣдствіе несоразмѣрности народонаселенія къ пространству земли, у насъ цѣнится не земля, а трудъ, употребляемый на обработку ея, или число душъ, при ней состоящихъ, между-тѣмъ-какъ въ остальныхъ государствахъ Европы земля цѣнится гораздо болѣе, нежели трудъ. 2) *Въ Россіи содержаніе скота стоитъ весьма дешево.* Россія обладаетъ огромнымъ количествомъ луговъ, и отношеніе ихъ къ пахатнымъ землямъ несравненно больше, чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы. Тенгоборскій, который основательно изучилъ статистику не только Россіи, но и западныхъ державъ, собравъ всѣ находящіяся по этому предмету свѣдѣнія, дошелъ до слѣдующихъ выводовъ:

	Луговъ. Въ тысячахъ.	Пахатныхъ полей. Въ тысячахъ.	Луга относятся къ пахатныхъ полямъ,
въ Россіи	60,000 дес.	90,000 дес.	какъ 1 къ 1,50,

а за исключеніемъ степныхъ губерній и другихъ мѣстъ, преимущественно луговыхъ, останется отношеніе луговъ къ пахатнымъ полямъ, какъ 1 къ 2,25

въ Пруссіи	14,326 морг.	48,320 морг.	— 1 — 3,37,
— Австріи	10,595 іоховъ	36,710 іоховъ	— 1 — 3,74,
— Франціи	5,774 гект.	26,078 гект.	— 1 — 4,68.

«Вслѣдствіе сего, какъ и подтвердилось собранными на мѣстѣ свѣдѣніями, средняя торговая цѣна сѣна въ 20 и болѣе губерніяхъ, по 10-лѣтней сложности, не превышаетъ 8 к. сер. за пудъ (безъ доставки). Хотя-же изъ «Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ» за послѣднія 8 лѣтъ и видно, что въ-теченіе этого времени средняя справочная цѣна составляетъ до 15 к. за пудъ, однако извѣстно, что эта цѣна всегда гораздо выше дѣйствительной на всѣ предметы вообще, а тѣмъ болѣе на сѣно, котораго доставка, особенно въ лѣтнѣе время, стоитъ дороже самаго товара. Что-же касается содержанія скота лѣтомъ, то огромныя пространства нашихъ земель оставляютъ весьма много свободныхъ мѣстъ для лѣтняго пастбища скота. 3) *Земледѣльцы наши, т. е. помѣщики и государственные крестьяне, не капиталисты.* Этому доказательствомъ служитъ, во-первыхъ, то, что почти всѣ помѣщичьи имѣнія или заложены въ кредитныхъ установленіяхъ, или обременены частными долгами; во-вторыхъ то, что вся торговля сельскими произведеніями и всѣ на нихъ подряды находятся въ рукахъ купечества, которое въ-состояніи заплатить помѣщику наличными деньгами, нерѣдко и впередъ, а потомъ выждать выгодныя цѣны или продать въ-долгъ; въ-третьихъ, что всѣ почти фабрики устроиваются купечествомъ, —хотя помѣщики, имѣя своихъ людей, которые, при содѣйствіи молотильныхъ машинъ, зимою почти совершенно свободны, имѣя для перевозки или приведенія въ дѣйствіе машинъ, собственныхъ лошадей, также свободныхъ зимою, имѣя собственныя свои лѣса и т. п., моглибы съ большею выгодою устроивать фабрики и заводы, особенно тѣ, которые служатъ къ переработкѣ сельскихъ произведеній. Впрочемъ, недостатокъ капиталовъ ощутителенъ не въ одномъ земледѣльческомъ классѣ: это явствуетъ изъ того, что въ то время, когда за границею 3 процента составляютъ нормальный доходъ отъ капитала, у насъ 6 проц. считаются недостаточными: компаніи и частныя предпріятія даютъ намъ, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, 7, 8 и болѣе процентовъ. 4) *Кромѣ недостатка капиталовъ, а также и образованія въ земледѣльческомъ классѣ, еще два обстоятельства препятствуютъ сельскому хозяйству принять направленіе, свойственное мѣстности, климату и нынѣшнимъ потребностямъ, т. е. развиться и усовершенствоваться: съ одной стороны, приверженность къ старому навыку (рутинѣ), съ другой— страсть подражать иноземному, увлекающая всѣхъ, чувствую-*

щихъ потребность преобразованій. Старое намъ болѣе не годится, потому-что земледѣліе во всей вселенной быстрыми шагами подвигается впередъ, и государству, которое-бы отстало, угрожаетъ банкротство; иностранное еще болѣе не годится, потому-что Славянскія племена, дѣйствуя при совершенно другихъ условіяхъ, нежели обитатели западной Европы, не могутъ вводить у себя заграничныхъ теорій и чужихъ законовъ. Они съ колыбели не имѣли ни малѣйшаго сходства, не имѣли ничего общаго съ сосѣдями. Что Россія рѣзко отличается отъ западной Европы, не только происхожденіемъ своихъ племенъ, но и распредѣленіемъ своихъ земель и отношеніемъ ихъ къ народонаселенію, видно изъ 1-го и 2-го положеній. Различіе въ климатѣ оказывается изъ того, что мы находимъ въ средней температурѣ мѣстъ Россіи и запада, расположенныхъ подъ однимъ и тѣмъ-же градусомъ широты, до 10 градусовъ разницы. Мѣстоположеніе также совершенно различное: весь западъ покрытъ горами, составляющими почти безпрерывный рядъ хребтовъ и кряжей; въ Россіи-же, до Урала, кромѣ незамѣтной Валдайской плоской возвышенности, нѣтъ ни одного бугра. Наконецъ, на западѣ около $^1/_5$ части жителей состоитъ изъ горожанъ и фабрикантовъ, т. е. потребителей сельскихъ произведеній, особенно овощей и растеній болѣе нѣжныхъ, требующихъ большаго труда, но и щедро вознаграждающихъ его; въ Россіи не болѣе $^1/_{10}$ части жителей не занимается хлѣбопашествомъ, а разстояніе мѣстъ такъ велико и сообщенія такъ трудны, что торговля мелкими предметами, необходимыми для многолюдныхъ городовъ, и доставляющими за границею огромные доходы небольшимъ промышленикамъ, у насъ невозможна. Изъ всего этого явствуетъ, что, при нововведеніяхъ, мы должны избѣгать подражанія западной Европѣ, которая, въ отношеніи къ племенамъ, ее населяющимъ, къ климату и почвѣ, такъ рѣзко отличается отъ Россіи. 5-е основное положеніе, проистекающее изъ предыдущихъ, есть то, что Россія есть чисто-земледѣльческое государство, а потому *земледѣліе составляетъ въ ней главную отрасль народнаго богатства.* Земледѣліе имѣетъ ту-же важность и въ другихъ государствахъ, повидимому исключительно занимающихся торговлею и мануфактурною промышленостію, какъ тому служитъ доказательствомъ Англія. Хотя она снабжаетъ вселенную произведеніями своихъ фабрикъ, и стоитъ въ главѣ торговли пяти частей свѣта, однакожь чистый доходъ отъ всѣхъ фабрикъ, торговыхъ

оборотовъ и капиталовъ въ Англіи, не равняется даже твумъ третьимъ частямъ дохода отъ земледѣлія. Изъ этого можно заключить о важности этой отрасли промышлености для Россіи. 6-е, послѣднее основное положеніе есть то, *что для переработки нашихъ сельскихъ произведеній*, *и вообще для фабричнаго производства* въ малыхъ размѣрахъ, прежде нежели мы найдемъ возможность ввести искусственные двигатели, какъ-то: пары, электричество, воздухъ и т. п., которыхъ примѣненіе къ дѣлу требуетъ капиталовъ и людей съ спеціальными свѣдѣніями, *намъ необходимо изыскать способы выгоднѣйшаго употребленія тѣхъ силъ природы, которыми мы располагаемъ*, и примѣненіе которыхъ къ дѣлу стоитъ намъ нѣсколько бревенъ изъ нашего лѣса, и нѣсколько дней барщины въ нерабочее время. Мы должны употребить всѣ усилія для изысканія средствъ извлекать самую большую пользу отъ вѣтра, особенно отъ воды, которою природа насъ такъ щедро наградила. Искуственныя-же силы тогда только могутъ быть нужны, когда примѣненіе естественныхъ уже достигнетъ высшей точки развитія. Чтобы показать, сколько у насъ теряется силъ, и какихъ выгодъ мы лишаемся чрезъ неумѣнье пользоваться водою, какъ двигателемъ, авторъ приводитъ два примѣра, которыхъ самъ былъ свидѣтелемъ. 1) Въ одномъ изъ имѣній покойнаго графа В. В. Орлова-Денисова находились мельницы, построенныя совершенно такъ, какъ всѣ мельницы въ обширномъ отечествѣ нашемъ, т. е. небрежно, грубо и съ неимовѣрною потерею воды. Эти мельницы въ-теченіе многихъ лѣтъ приносили около 3,000 руб. асс. дохода. Въ сороковыхъ годахъ перестройка ихъ была поручена иностранцамъ, и доходъ послѣ того сталъ увеличиваться постепенно до 10, 15 и 20 тыс. руб. асс. Наконецъ эти-же иностранцы взяли тѣ мельницы въ наемъ на 24 года, съ платою *по* 40,000 *руб. асс. въ годъ*, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ на себя обязанность передѣлать плотину, возвести новыя строенія и т. п. 2) Въ имѣніи генерала Красинскаго, въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, существовала съ незапамятныхъ временъ мельница, приносившая отъ 50 до 80 р. сер. дохода. Когда въ послѣдніе годы суконныя фабрики чрезвычайно тамъ умножились, прибылъ Французъ Дантинъ, съ небольшимъ запасомъ денегъ, но съ огромнымъ запасомъ познаній. Желая устроить прядильню, онъ нанялъ эту мельницу на 24 года съ платою *по* 1,000 *руб. сер. въ годъ*, сдѣлалъ новую плотину, выстроилъ новыя зданія и получаетъ такія выго-

ды, что могъ-бы безъ всякаго для себя убытка платить вдвое. Какъ развитіе этого основнаго положенія относится къ строительному искусству, а не собственно къ земледѣлію, то оно будетъ предметомъ особой статьи; здѣсь-же, основываясь на пяти первыхъ положеніяхъ, авторъ старается открыть причины упадка сельскаго хозяйства въ Россіи, и указать, какъ можно находящимися въ распоряженіи нашемъ средствами, нравственными и физическими, исторгнуть наше хозяйство изъ бездѣйственности, и постепенно довести его до высшей степени совершенства.

По земледѣлію: ***Замѣтки Русскаго хозяина о сорго***, И. Шахматова (Тр. Имп. в. эк. общ. № 1); ***О разведеніи озимой ржи въ Елисаветградскихъ окрестностяхъ***, С. Лаврентьева (ibid. № 2); ***Записка о Китайскомъ просо гао-лянъ, извѣстномъ въ Россіи подъ именемъ сорго***, Захарова (Ж. с. х. № 3); ***Практическія замѣчанія по сельскому хозяйству***, Пузанова (ibid. № 4); ***О кукурузѣ*** (Зап. Имп. Общ. с. х южн. Р. № 1 — 4).

— «Записка о Китайскомъ просо гао-лянъ, извѣстномъ въ Россіи подъ именемъ сорго.» — Въ послѣдніе годы обращено у насъ большое вниманіе на Китайское просо, которое извѣстно подъ именемъ *сорго*, и потому любопытно встрѣтить извѣстіе объ этомъ ростеніи такого человѣка, какъ г. Захаровъ, который, сообщая свою записку изъ Кульджи — мѣста произрастанія гао-ляна, прислалъ полные образцы и сѣмена трехъ видовъ его. Вотъ какъ онъ описываетъ, между-прочимъ, это растеніе: «Въ сѣверномъ Китаѣ, равно и въ западномъ краѣ этой имперіи, то есть Чжуньгаріи и Туркистанѣ, воздѣлывается три вида сорго: 1) красный метельчатый гао-лянъ, 2) красный со сжатою метелкою и 3) бѣлый, въ Туркистанѣ называемый чжугара, съ клюковидною и также сжатою метелкою. Первые два вида разводятся преимущественно въ сѣверномъ Китаѣ,—въ губерніяхъ, прилегающихъ къ великой стѣнѣ, такъ-что въ окрестностяхъ Пекина (подъ 40° с. ш.) бѣлаго гао-ляна почти нѣтъ, но сѣютъ исключительно первые два вида краснаго и въ огромномъ количествѣ. По-мѣрѣ-же приближенія на югъ къ Желтой рѣкѣ (Хуанъ-хо) начинаетъ преобладать посѣвъ бѣлаго. Но Кульджѣ и по всей Чжуньгаріи преобладаетъ также красный гао-лянъ; а въ Туркистанѣ, напротивъ, краснаго почти не знаютъ, но исключительно сѣютъ одинъ бѣлый. Впрочемъ, въ послѣднее время жителями Туркистана перенесенъ былъ гао-лянъ и въ Кульджу, и посѣвъ его начи-

наетъ мало-по-малу распространяться въ этомъ округѣ. У насъ признается, что сорго первоначально полученъ изъ Китая. Жители Кульджи впервые также получили сѣмена изъ Китая и начали засѣвать въ Кульджѣ этотъ родъ хлѣба послѣ завоеванія этого края Маньчжурами, во второй половинѣ истекшаго вѣка. Таково общее повѣрье жителей Кульджи; но мнѣ по Китайской исторіи извѣстно, что въ самый Китай, въ VII вѣкѣ по Р. Х. сѣмена гао-ляна занесены были изъ западнаго края, именно нынѣшняго Туркистана, куда очевидно проникло это растеніе изъ Индіи или ближайшихъ къ Индіи владѣній, отъ того посѣвъ чжугары столь распространенъ какъ въ Туркистанѣ, такъ и сосѣдственныхъ средне-Азійскихъ владѣніяхъ, Коканѣ, Бухарѣ и другихъ. Въ Кульджѣ-же разведеніе этого жита, справедливо должно полагать, началось дѣйствительно со-времени завоеванія Китайцами этой страны, до того времени занимаемой кочевыми Чжуньгарами. И въ настоящее время во всемъ Кульджинскомъ округѣ, повсюду, гдѣ занимаются земледѣліемъ, засѣвается гао-лянъ, на сѣверной сторонѣ рѣки Или по большей части красный, а на южной—бѣлый». Собранныя г. Захаровымъ свѣдѣнія о разведеніи всѣхъ трехъ видовъ гао-ляна заключаются, между прочимъ, въ слѣдующемъ: 1) Сѣютъ его въ здѣшнемъ краю, равно и въ сѣверномъ Китаѣ, на песчанисто-глинистомъ грунтѣ (во всемъ Китаѣ чернозема, въ нашемъ смыслѣ, не находится). Вообще замѣчаютъ, что самая лучшая, для произрастанія гао-ляна и особенно бѣлаго, почва — есть наносный по прибрежьямъ рѣкъ илъ; оттого бѣлый гао-лянъ въ Кульджѣ засѣвается преимущественно на южной сторонѣ рѣки Или, составляющей на нѣсколько верстъ поперечника луговину рѣки и слѣдственно съ наноснымъ иломъ, а красный—на сѣверной, нагорной сторонѣ, гдѣ преобладаетъ глинисто-песчаная почва. 2) Разводятъ гао-лянъ посредствомъ посѣва сѣмянъ; разведеніе-же посредствомъ отростковъ и черенковъ неизвѣстно и неупотребительно какъ въ сѣверномъ, такъ и западномъ Китаѣ. 3) Посѣвъ начинаютъ въ первой половинѣ мая, и сѣютъ двоякимъ способомъ: а) рядами, въ-разстояніи 10 вершковъ одно зерно отъ другаго, такъ-чтобы образовалось между взошедшимъ гао-ляномъ пространство удобное для прохода осла. Этотъ способъ посѣва есть самый употребительный въ сѣверномъ Китаѣ, гдѣ, по многолюдству населенія, очень дорожатъ землею, и потому, когда гао-лянъ поднимется на $^1/_2$ аршина отъ земли, то Китайцы, для полу-

ченія съ одного поля двухъ хлѣбовъ, засѣваютъ въ промежуткахъ гао-ляна горохъ и посѣвами этихъ двухъ видовъ хлѣба располагаютъ такъ, чтобъ горохъ взошелъ въ то время, когда гао-лянъ поднялся уже на 1 аршинъ и болѣе, и такимъ-образомъ открылъ-бы для него солнечный свѣтъ; б) въ Кульджѣ-же и въ Туркистанѣ, по обилію земель, сѣютъ въ-разброску, но также довольно рѣдко, и если по всходѣ окажется гдѣ густо, то выпалываютъ лишніе всходы, оставляя промежутки между кустами на $^1/_4$ аршина или немного болѣе. 4) Какъ въ приготовленіи почвы подъ гао-лянъ, такъ и послѣ посѣва гао-ляна, надъ возращеніемъ его Китайцы не прилагаютъ особеннаго ухода и старанія предпочтительно предъ другими хлѣбами, исключая прополки сорныхъ травъ и излишнихъ всходовъ, широкою въ 6 вершковъ мотыкою съ острыми и продолговатыми углами, но въ Китаѣ безъ прополки не оставляютъ ни одного хлѣба. Пашутъ-же землю вообще въ Китаѣ весьма мелко, вслѣдствіе худаго устройства сохи, поднимая пластъ не болѣе $^1/_4$ аршина; только Китайцы умѣютъ отлично удабривать свои пашни, безъ чего не бываетъ и посѣва, особенно на песчано-глинистой почвѣ. 5) «Для полноты свѣдѣніи, говоритъ г. Захаровъ, нужно замѣтить о географической широтѣ, подъ которою разводится гао-лянъ, хотя географическая широта и не всегда еще можетъ указывать на возможность разведенія растеній. Пекинъ—подъ 40° с. ш., Или и Туркистанъ—между 37° и 43°, именно: Или, или Кульджа, подъ 43° 56′; главные 8 городовъ или округовъ Туркистана: Кумулъ или Хами—подъ 42° 53′, Турпанъ—подъ 43° 4′, Карашаръ—42° 7′, Аксу—41° 9′, Умъ—41° 6′, Кашгаръ—39° 25′, Яркентъ — 38° 19′, Хотанъ — 37°. Лѣтняя температура (съ мая по августъ) въ Кульджѣ большею частію стоитъ, въ 2 часа послѣ полудня, между 20 и 25° въ тѣни по R. Въ-теченіе всего лѣта рѣдко — не болѣе 10 дней — поднимается до 34°. Вечеромъ-же, въ 9 часовъ, атмосфера всегда охлаждается отъ близости горныхъ хребтовъ, и термометръ всегда упадаетъ на 8° и болѣе. А въ августѣ вершины горъ начинаютъ уже покрываться снѣгомъ. Рѣка замерзаетъ на три мѣсяца, равно и снѣга бываютъ глубокіе, и въ иные годы лежатъ также мѣсяца три. Холодныхъ дней въ-теченіе зимы бываетъ не болѣе 10, когда термометръ утромъ въ 7 часовъ стоитъ ниже 0 на 20°. Выгодность того или другаго изъ трехъ видовъ гао-ляна, несмотря на различіе назначенія, какое хозяинъ намѣренъ дать сему хлѣбу, по всей справедливости,

должно оставить за бѣлымъ гао-ляномъ, уже по одной урожайности зерна. Я самъ нынѣшнимъ лѣтомъ садилъ въ своемъ саду всѣ три вида гао-ляна, не прилагалъ за ними никакого ухода, исключая поливки аккуратно чрезъ 6 дней, и всѣ они къ половинѣ сентября вызрѣли какъ слѣдуетъ. Только кисти бѣлаго гао-ляна оказались массивнѣе и больше, такъ-что въ одной кисти я насчиталъ 3.613 зеренъ (такихъ кистей вышло нѣсколько), и притомъ эта кисть была взята съ того стебля, отъ корня котораго было еще два стебля и слѣдственно двѣ кисти. Изъ двухъ сортовъ краснаго гао-ляна не было ни одной кисти и съ половиною такого огромнаго количества зеренъ.» За симъ г. Захаровъ сообщаетъ свѣдѣнія объ употребленіи гао-ляна въ Китаѣ.

По скотоводству: а) по скотоводству вообще: *Разведеніе животныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ Тверской губерніи*, П. Преображенскаго (Ж. м. г. им. № 4); *О разведеніи и содержаніи крупнаго рогатаго скота*, Новлянскаго (Ж. с. х. № 1 и 2); *Средство противъ повальныхъ болѣзней скота*, И. Сергѣева (Зап. Имп. каз. эк. Общ. № 1); *Акклиматизированіе животныхъ и скотоводство*, Н. Вагнера (ibid. № 3): *Объ устройствѣ хлѣвовъ для рогатаго скота* (Земл. газ. № 2); *О зимнемъ содержаніи скота у крестьянъ* (ibid. № 3); *О воспитаніи телятъ у крестьянъ* (ibid. № 4); б) по овцеводству: *Шотландская порода чернолицыхъ овецъ*, Н. Вагнера (Зап. Имп. Каз. эк. Общ. № 4); *Овцы черноголовой породы* (Земл. газ. № 17); в) по коннозаводству: въ Журн. Конноз.: *Лафайэтъ* (№ 1, 2, 3 и 4); *Описаніе завода Н. А. Давыдова* (№ 2); *Годъ практики* (№ 2); *Стрижка лошадей въ полкахъ; Лошади въ Римской области; Дешевое содержаніе лошадей* (№ 3); *Механическая лошадь* (№ 4); г) по части охоты: въ Журн. конноз. и охоты: *Правила для испытанія собакъ въ Англіи* (№ 1); *Охота на дикихъ козъ* (ibid.); *Госконскія степи* (№ 2); *Болотную дичь помѣщики прогнали* (№ 3); *Охота въ Стиріи* (№ 3); *Таинственные приманочные пруды въ Англіи; Охота на львовъ, производимая дикими въ центральной Африкѣ* (№ 4); въ Газ. лѣсов. и охоты: *Охота на пантеръ въ Америкѣ* (№ 7); *О причинахъ уменьшенія дичи въ окрестностяхъ Орла и наблюденія надъ весенними и осенними ея полетами* (№ 9, 10, 11, 12, 13 и 14).

— «Механическая лошадь». — Вотъ нѣкоторыя подробности объ этомъ любопытномъ изобрѣтеніи. Кавалерійскій полковникъ Гамель, шталмейстеръ е. в. короля Виртембергскаго, сдѣлалъ изо-

брѣтеніе, весьма важное для берейторовъ. Самъ ѣздокъ весьма искусный, полковникъ Гамель ставитъ въ основаніе афоризмъ: тайна искусства верховой ѣзды заключается въ томъ, чтобъ ѣздокъ умѣлъ во всякомъ случаѣ, съ легкостію и граціею, выбрать для себя и заставить лошадь принять точный центръ тяжести, требуемый обстоятельствами. Упражненія на механической лошади имѣютъ цѣлію облегчить ѣздоку строгое примѣненіе этого правила. Ростъ механической лошади Гамеля 2 аршина $4^1/_2$ верш.; на ней натянута лошадиная шкура съ хвостомъ и гривою. Механическая лошадь имѣетъ стати и физіономію лошади породистой. Шея ея сгибается, какъ у лошади настоящей; она можетъ ртачится, вздергивать голову, вертѣть ею вправо, влѣво, противиться; въ ней можно найти упорное напираніе и излишнюю гибкость; механическая лошадь чувствуетъ дѣйствіе ѣзды и шенкелей. Къ ея мордѣ и спинѣ можно примѣнить всякаго рода узды и сѣдла. Лошадь эта, устроенная весьма прочно, можетъ поднять ѣздока вѣсомъ слишкомъ 6 пудовъ; устройство ея столь просто, что для изученія его достаточно нѣсколько часовъ. Изобрѣтатель механической лошади хотѣлъ доставить каждому сѣдоку посадку твердую, красивую и гибкую, и придать ему хорошую руку. Но онъ хотѣлъ также заставить его пріобрѣсть присутствіе духа, быстроту, рѣшительность, исполненіе коихъ столь трудно на живой лошади. Дѣйствіе сѣдока должно совпадать, такъ сказать, съ дѣйствіемъ лошади; отвѣтъ на сіе послѣднее долженъ быть мгновенный, но вмѣсто-того, чтобъ не пропустить это мгновеніе, умъ предается размышленію, а тѣло, ноги и руки не отдаютъ рѣшенія мысли, и тутъ случаются неправильныя примѣненія силы, перемѣщенія центра тяжести и наконецъ паденіе. Полковникъ Гамель, берейторъ не только искусный, но и ученый, убѣдился долгими и послѣдовательными наблюденіями, что главными препятствіями совершенному обученію ѣздока есть двѣ причины: невозможность, въ коей находится берейторъ предоставить волѣ каждаго ученика и столь часто, какъ того требуетъ воспитаніе сего послѣдняго, многочисленныя затруднительныя обстоятельсва, встрѣчающіяся при управленіи лошадью. Второе затрудненіе состоитъ въ побѣжденіи отдѣльныхъ препятствій, раждающихся отъ самой неопытности ученика. Въ методѣ Гамеля, постепенность слѣдующая: положеніе, посадка и рука. Достигнувъ этихъ результатовъ, полковникъ переходитъ къ затрудненіямъ, именно — къ нравственному

обученію; имѣя уже положеніе, посадку и руку, ученикъ пріобрѣтаетъ присутствіе духа. Онъ испытываетъ постепенно всѣ затрудненія, знаетъ ихъ, и поэтому они его не пугаютъ; онъ знаетъ также дв женіе, иногда непримѣтное, коимъ онъ долженъ отвѣчать на дѣйствіе лошади. На живой лошади, ученикъ долго можетъ не ознакомиться съ постановкою на дыбы, съ ляганіемъ, или всякимъ другимъ движеніемъ; во всякомъ случаѣ одна и таже лошадь сдѣлаетъ только одно или нѣсколько изъ этихъ движеній, а не всѣ, и никогда лошадь въ одинъ пріемъ не произведетъ всѣхъ энергическихъ дѣйствій, всѣхъ исключительныхъ движеній. Въ системѣ Гамеля, урокъ верховой ѣзды похожъ на урокъ фехтованія; вмѣсто-того, чтобъ сказать ученику: «отбейте этотъ ударъ моей шпаги», ему говорятъ: «отбейте этотъ скачокъ, это дѣйствіе лошади». Прибывъ на мѣсто поединка, т. е. сѣвъ на живую лошадь, ѣздокъ будетъ совершенно приготовленъ. Пятнадцать лѣтъ труда, опытовъ, усовершенствованій, наблюденій надъ живою лошадью, которую должно было воспроизвести мускулярно, едва достаточно было Гамелю для достиженія желаемой имъ степени совершенства. Полковникъ Гамель не только берейторъ, но и кавалерійскій офицеръ; цѣль его—образовать военныхъ ѣздоковъ. Онъ утверждаетъ, что при помощи его лошади можно сократить обученіе вдвое. Одна механическая лошадь, работая безпрерывно, служитъ для десяти или двѣнадцати ѣздоковъ, проходящимъ различныя видоизмѣненія верховой ѣзды. Разсматривая механическую лошадь съ точки зрѣнія экономической, должно сказать, что одна механическая лошадь на каждый полкъ, замѣняя десять лошадей для обученія, доставитъ въ десять лѣтъ экономію, коей цифра баснословна; присовокупивъ къ тому содержаніе лошади и убыль, и помноживъ цѣлое на 50 полковъ, эта экономія въ десять лѣтъ составитъ 2,598.200 франковъ, полагая по одной механической лошади. т. е. по 10 лошадей меньше на полкъ. Механическая лошадь прослужитъ 40 лѣтъ. Спеціальная коммиссія, коей поручено было въ Виртембергѣ изученіе механической лошади, производила опытъ и почти всѣ члены ея сами исполняли всѣ упражненія. Особое донесеніе, составленное каждымъ изъ членовъ, заключаетъ величайшія похвалы системѣ полковника Гамеля.

— «Гасконскія степи». — «Къ западу отъ Кастра, — говоритъ авторъ этой статьи, Маркизъ де-Фудра. — въ нѣсколькихъ ми-

ляхъ отъ Бордо, начинается холмистая равнина, называемая *Гасконскими степями.* Отъ этого мѣста, оставляя влѣво Бордо, она опускается къ небольшому городку Кастль-Жалу и потомъ, захватывая далѣе неправильными полосами довольно значительную часть прежняго герцогства Альбре, простирается почти до самой Байонны и образуетъ департаментъ, которому передаетъ свое названіе со времени позднѣйшаго поземельнаго раздѣленія Франціи. Страна эта, покрытая нѣкогда безпредѣльными сосновыми лѣсами, получившими съ незапамятныхъ временъ наименованіе *сосняковъ* (pignadas), является отъ города Дюранса во всемъ своемъ пустынномъ и безплодномъ видѣ. Отсюда именно начинаются ровныя степи, или настоящее песчанное море, поросшее верескомъ, изрѣдко перемежающимся небольшими группами дубовъ, все болѣе и болѣе рѣдѣющими по-мѣрѣ приближенія къ Монъ-Марзану, и немногими скудно засѣянными рожью и сарацинскимъ пшеномъ полями. Жители этихъ пустынь, на мѣстномъ нарѣчіи называемые *ландскнехтами*, всѣ почти, съ небольшими только исключеніями, роста нѣсколько ниже средняго и отличаются какою-то страждущею, болѣзненною худощавостію, вовсе не похожею на крѣпкую, здоровую сухощавость сосѣдей ихъ — Басковъ и Беарнцевъ. Худое, блѣдное лицо Ландскнехта съ перваго взгляда обнаруживаетъ, что онъ каждую осень и зиму бываетъ жертвою изнурительной лихорадки; по медленности его походки и раздражительности характера можно безошибочно заключить, что тѣлосложеніе его лишено той гибкости и энергіи, которыя неразлучны съ крѣпостію тѣла и твердостію ума. Судя по этому, можно-бы предположить, что слабая и нѣжная его натура препятствуетъ ему предаваться суровымъ трудамъ; но онъ, напротивъ-того, терпѣливо и съ рѣшимостію переноситъ какъ вліяніе климата, суроваго во всѣ времена года, такъ равно и утомленія кочевой жизни, которой преданъ. Нѣкоторые изъ Ландскнехтовъ—пастухи, другіе—бѣдные мелкіе мызники, обрекающіе себя на неблагодарный трудъ воздѣлыванія обращенныхъ въ пашни клочковъ земли; многіе занимаются сборомъ вытекающей изъ сосенъ смолы; многіе разводятъ пчелъ, составляющихъ одно изъ главнѣйшихъ богатствъ края. Общее ихъ достояніе составляютъ только двѣ вещи: бѣдность и частыя болѣзни, ибо большая часть изъ нихъ пользуются въ своихъ хижинахъ непитательною пищею и нездоровымъ питьемъ. Эта тягостная нищета преслѣдуетъ ихъ повсюду, и когда какое-

либо семейство переходитъ съ одного мѣста на другое, чтобы пріискать менѣе истощенныхъ пастбищъ для ввѣренныхъ ихъ надзору стадъ, пастухи съ овцами располагаются на ночь подъ открытымъ небомъ, удовлетворяя свое сибаритство подстилкою подъ свои утомленные члены небольшаго клочка вереска. Обреченные судьбою на безконечную и безплодную борьбу съ препятствіями, почти непреодолимыми, жители степей болѣе еще подвержены унынію, нежели нищетѣ. Сообщительный, шумный смѣхъ, веселыя шутки, сердечныя изліянія, вызываемыя довѣріемъ и привязанностями, имъ, можетъ-быть, менѣе знакомы, чѣмъ народамъ болѣе образованнымъ; они живутъ разсѣянно въ домахъ или деревняхъ, раздѣленныхъ между собою значительными пространствами, и лишены воскресныхъ сходбищъ на церковной площади или въ сельскомъ кабакѣ, которымъ поддерживается веселое расположеніе духа крестьянъ Гасконіи и Борделе. Нѣкоторымъ нужно пройдти цѣлыя мили до церкви, къ приходу которой принадлежатъ, а потому они и присутствуютъ при богослуженіи только въ самые большіе годовые празники. Отсюда происходитъ, что они равномѣрно лишены тѣхъ вечернихъ сходокъ подъ сѣнію деревъ или около домашняго очага, на которыхъ зарождается любовь, ведущая къ супружеству. Такимъ образомъ, послѣ безрадостной молодости, наступаетъ для нихъ преждевременная и непродолжительная старость, лишенная всего пріятнаго. Нарядъ этого бѣднаго народа уже нѣсколько столѣтій не измѣняется. Ходули, употребляемыя ими для ходьбы, подымаютъ ихъ на шесть футовъ отъ поверхности земли; пріученные съ малолѣтства къ такой ходьбѣ, они проходятъ въ извѣстное время двойное и даже тройное пространство противу того, которое-бы могли пройдти безъ этого вспомогательнаго средства. Постоянно находясь на низкой, скошенной травѣ, на которой изрѣдко только растутъ нѣсколько деревьевъ, всегда оглоданныхъ овцами, и никогда не превышающихъ мелкіе кустарники, весьма сходные съ малорослыми пальмами въ Алжирѣ, они лишены сосѣдства живыхъ существъ, и, за исключеніемъ своихъ собакъ и овецъ, не видятъ съ высоты своихъ ходуль ничего, кромѣ безмолвной поверхности степей или мрачныхъ зеленыхъ изгородей, образуемыхъ отдаленными сосновыми лѣсами. Ландскнехтъ, обреченный на уходъ за стадами, конечно, былъ-бы не въ-состояніи противиться скуки, наводимой однообразностію его существованія, еслибы съ самой ранней молодости не

былъ пріученъ соединять съ заботами о ввѣренныхъ его надзору стадахъ занятіе, предоставленное въ другихъ мѣстахъ исключительно женщинамъ. Поставя позади себя, для опоры, длинный шестъ, который также неразлученъ съ нимъ, какъ его ходули, онъ большую часть дня прядетъ или вяжетъ изъ шерсти; когда-же сумерки покроютъ его своею тѣнью, онъ напѣваетъ старыя легенды Гасконіи. Всѣ собранныя мною преданія этого народа возбудили во мнѣ только сожалѣніе о томъ, что до-сихъ-поръ еще ни въ комъ не проявилось желаніе собрать эти дикіе, полные суевѣрія, но важные памятники исторіи этого страннаго края. Когда въ народѣ, сохранившемъ еще нѣкоторую первобытную простоту своихъ нравовъ, есть нѣсколько суевѣрія, то обыкновенно онъ имѣетъ свои вѣрованія: первое рождается у него отъ слѣпой и дѣтской, вторыя отъ чистой и просвѣщенной вѣры. И такъ, обитатель степей богобоязливъ по инстинкту и, кромѣ того, вслѣдствіе переносимыхъ страданій: ибо ничто не подкрѣпляло-бы его среди вседневныхъ лишеній, еслибы онъ не обращалъ по-временамъ своихъ мыслей къ Тому, который одинаково взираетъ и на обиженнаго, и на баловня счастія. Было-бы почти излишнимъ упоминать, что познанія этихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, изрѣдко только видящихъ своихъ духовныхъ пастырей, чрезвычайно ограниченны и нерѣдко оставляютъ въ сердцахъ ихъ много мѣста для заблужденій. Изъ обрядовъ Римскокатолическаго богослуженія Ландскнехтъ выражаетъ замѣтное влеченіе къ тѣмъ, которые отличаются наружнымъ великолѣпіемъ; если къ тому они соединяются съ его частными интересами, то составляютъ сильнѣйшую потребность его жалкой, однообразной жизни. Ничто, напримѣръ, за исключеніемъ развѣ только тяжкой и неизлечимой болѣзни, не въ-силахъ удержать его отъ присутствія на крестныхъ ходахъ передъ праздникомъ Вознесенія, когда освящаются стада, или въ день св. евхаристіи, когда поручаютъ особенному покровительству Всевышняго безпомощныхъ дѣтей. Воспоминаніемъ этихъ торжествъ наполняются минуты его уединенія, со дня окончанія ихъ и до дня повторенія. Онъ ждетъ и думаетъ объ нихъ не только потому, что они составляютъ для простой его души символы надежды, но и потому, что представляютъ его угрюмымъ взорамъ зрѣлища, прерывающія однообразіе его печальнаго быта». «Кто-бы могъ подумать, прочитавъ предшествующія серьезныя страницы, что посреди этой страны, столь-же суровой по своимъ нравамъ,

сколько угрюмой по наружности, находятся небольшіе городки, безъ преувеличенія, самые веселые во всей Франціи? Между-тѣмъ оно такъ: Дюрансъ — любимое мѣстопребываніе всѣхъ учениковъ Сентъ-Губерта со временъ Герниха IV, при наступленіи веселой поры охоты, и Габарре — мѣсто еженедѣльныхъ сборищъ всей шумной ватаги знатнаго купечества, ведущаго торговлю Арманьякскими водками; эти два города—двѣ Капуи въ маломъ видѣ, нисколько не удивившія-бы насъ въ окрестностяхъ одного изъ современныхъ Вавилоновъ, кажутся чудесами посреди печальнаго уединенія ровныхъ степей. Въ-особенности Габарре, въ которомъ каждую недѣлю собираются сыны Баизи и Гаронны, естъ настоящій притонъ расточительности, гдѣ—можно въ томъ поручиться— до самаго скончанія вѣка никогда не составится общества воздержанія. Габарре изобилуетъ всякаго рода гостинницами, начиная съ высокихъ домовъ изъ тесанаго камня, обремененныхъ великолѣпными вывѣсками, до ветхихъ лачугъ изъ высушенной грязи, украшенныхъ классическою елкою; здѣсь также существуютъ кофейни и такъ-называемые сельскіе балы; во всѣхъ этихъ мѣстахъ во всякое время дня и ночи можно встрѣтить разнообразныя удовольствія въ духѣ легкой нравственности, доставляемыя пошлѣйшими музыкантами большихъ городовъ Голландіи». Засимъ слѣдуетъ весьма любопытная характеристика жизни въ Дюрансѣ и описаніе весьма оригинальнаго празднества 12 ноября.

— По лѣсоводству: ***Взглядъ на лѣсохозяйство Мглинскаго уѣзда***, Г. Тараканова (Ж. м. г. им. № 2); ***О лѣсахъ и лѣсохозяйствѣ въ Балашевскомъ уѣздѣ***, Никольскаго (Ж. с. х. № 3); ***О разведеніи березы въ подгородномъ лѣсничествѣ Тульской губерніи*** (ibid. № 4); ***Гейнрихъ Котта*** (Земл. газ. № 12); ***Описаніе шелкопряда-монаха, способовъ его истребленія и предупрежденіе вреда, причиняемаго имъ лѣсамъ*** (ibid. № 35, приложеніе); въ Газетѣ лѣсов. и охоты: ***Письма Русскаго лѣсничаго изъ Германіи*** (№ 1, 3, 6, 17); ***Замѣтки провинціальнаго лѣсничаго*** (№ 7); ***Приготовленіе вара изъ черной жидкой смолы*** (№ 8); ***О торговлѣ лѣсомъ въ Самарѣ*** (№ 8); ***О древесномъ приростѣ*** (№ 9, 10 11, 12); ***Одно изъ основныхъ политико-экономическихъ началъ лѣсоводства*** (№ 13, 14, 15); ***Паровой дегтярный заводъ въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ*** (№ 16).

— Изъ указанныхъ выше статей по лѣсоводству обратимъ вниманіе на статью г. Арнольда: «Одно изъ основныхъ политико-эко-

номическихъ началъ лѣсоводства», написанную по-поводу рѣчи извѣстнаго ученаго В Рошера, читанной въ засѣданіи королевско-Саксонскаго Общества поощренію наукъ.

—«Гейнрихъ Котта». — Наука лѣсоводства, имѣющая столь высокое практическое значеніе для народнаго богатства и представляющая въ настоящее время, по-крайней-мѣрѣ въ Германіи, совершенно оконченное въ малѣйшихъ подробностяхъ зданіе, обязана своимъ нынѣшнимъ состояніемъ Гейнриху Коттѣ (род. въ 1763, ум. въ 1844), именемъ котораго справедливо можетъ гордиться его отчизна — Саксонія. Личность его состоитъ въ такой тѣсной связи съ созданною имъ наукою, что почти невозможно говорить о его продолжительно-благотворной дѣятельности, не касаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и самой науки лѣсоводства. До появленія Котты, лѣсохозяева были лишь слѣпыми эмпириками, дѣствіями которыхъ руководили или старинная привычка, или безсознательный произволъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ раціональныя, не всегда согласовавшіяся между собою, правила. Съ появленіемъ всеобщей потребности въ научныхъ основаніяхъ для всѣхъ отраслей человѣческаго знанія,—потребности, пробудившейся въ Германіи особенно въ послѣднія тридцать лѣтъ минувшаго столѣтія, между практическими лѣсоводами должны были наконецъ явиться такіе, которые сознавали, что съ однимъ безотчетнымъ эмпиризмомъ невозможно достигнуть надлежащаго успѣха. Обстоятельства, наклонности и особенное призваніе сдѣлали Котту преобразователемъ не науки лѣсоводства, въ то время еще не существовавшей, но преобразователемъ лишеннаго правильности лѣснаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ главныхъ основателей самой науки. Мнѣніе его въ дѣлѣ науки уважалось во всей Германіи, и считалось закономъ. Чтобы опредѣлить его значеніе для его отечества, достаточно сказать, что устроенное по правиламъ его ученія лѣсное хозяйство въ Саксоніи признано всюду самымъ раціональнымъ и лучшимъ. Иностранныя правительства, въ особенности Русское, вполнѣ сознавали это и посылали въ Тарандскую академію молодыхъ людей для изученія лѣсоводства. Изъ многочисленныхъ учено-литературныхъ трудовъ его пріобрѣли всеобщую извѣстность слѣдующія сочиненія: 1) «Наблюденія надъ движеніемъ и отправленіями соковъ въ растеніяхъ» (Natur-beobachtungen über die Bewegung und Function des Saftes in den Gewächsen. Weimar, 1806), — разсужденіе, удостоенное преміи, и

и свидѣльствующее о высокой степени наблюдательности автора. 2) «Лѣсоводство» (Waldbau. Dresden, 1817.) — много способствовавшее къ распространенію раціональнаго лѣснаго хозяйства. Седьмое изданіе этого сочиненія вышло въ свѣтъ въ 1849 г. 3) «Систематическое руководство къ таксаціи лѣсовъ» (Systematische Anleitung zur Taxation der Waldungen. Berlin, 1804. 4) «Наставленіе къ измѣренію, таксаціи и распредѣленію лѣсныхъ участковъ» (Abriss eines Anweisung zur Vermessung, Schätzung und Eintheilung der Waldungen. Dresden, 1815.) 5) «Руководство въ вычисленію цѣнностей лѣсовъ» (Entwurf einer Waldwerthberechnung. Dresden, 1818. Четвертое изданіе вышло въ свѣтъ подъ редакціею сына его А. Котты въ 1849 г.). 6) «Наставленіе къ лѣсоустройству» (Anweisung zur Forsteinrichtung. Dresden, 1820). 7) «Основанія науки лѣсоводства» (Grundriss der Forstwissenschaft. Dresden, 1832. Четвертое изданіе вышло въ 1849 г.). Простота методы и способовъ, исложенныхъ имъ въ этихъ сочиненіяхъ, существенно послужила къ увеличенію практическаго значенія лѣсной таксаціи и лѣсоустройства. Нѣкоторыя изъ его произведеній переведены на Русскій языкъ и изданы подъ слѣдующими заглавіями: 1) «Основанія лѣсоводства» С. Пб. 1850. 2) «Руководство къ введенію правильнаго въ лѣсахъ хозяйства и таксаціи лѣсовъ». 1842. 3) «Лѣсная математика съ изложеніемъ правилъ межеванія, таксаціи и вычисленія цѣнностей лѣсовъ». С. Пб. 1841.

— По садоводству: *О дѣйствіяхъ Императорскаго Никитскаго сада* въ 1855 г., Н. Гартвиса (Ж. м. г. им. № 2); *О дѣйствіяхъ Императорскаго Магарачскаго училища винодѣлія*, его-же (ibid. № 3); *Развѣтвленіе почекъ*, А. Бутлерова (Зап. Имп. каз. эк. Общ. № 1); *Замѣтки для любителей плодовыхъ садовъ*, его-же (ibid. № 4); *Плодовый садъ ядроплодныхъ деревъ*, В. Делла-Воса (Зап. Имп. Общ. с. х. южн. Р. № 2); *Садъ въ мѣстечкѣ Ковалевкѣ*, Н. Бѣлаго (ibid. № 3, 4).

— «О дѣйствіяхъ Императорскаго Никитскаго сада въ 1855 г.»,

— Состояніе Императорскаго Никитскаго сада въ хозяйственномъ отношеніи и числительные результаты дѣйствій его въ 1855 году были слѣдующіе: въ саду состояло въ 1855 году фруктовыхъ деревьевъ привитыхъ 31,453, не привитыхъ 17,503, лѣсныхъ деревъ 15,780, кустарниковъ 42,000; горшечныхъ, оранжерейныхъ и тепличныхъ растеній сортовъ 1070, экземпляровъ 12,140; однолѣтнихъ цвѣточныхъ растеній 60 сортовъ, ого-

родныхъ и хозяйственныхъ 16 сортовъ; многолѣтнихъ растеній и луковицъ 402 сорта въ 10,500 экземплярахъ. Изъ числа показанныхъ растеній, вновь разведено въ 1855 году: фруктовыхъ деревъ привитыхъ 8,323, непривитыхъ 6,472; горшечныхъ, оранжерейныхъ и тепличныхъ растеній 30 сортовъ въ 200 экземплярахъ; однолѣтнихъ цвѣточныхъ растеній 20 сортовъ, и 6 сортовъ хозяйственныхъ растеній; многолѣтнихъ растеній и луковицъ 6 сортовъ въ 80 экземплярахъ. Учениковъ при садѣ было казенныхъ 11. Со времени учрежденія заведенія выпущено учениковъ казенныхъ 40, своекоштныхъ 9. По военнымъ обстоятельствамъ, въ 1855 году продано: фруктовыхъ деревъ и кустарниковъ только 310 на 31 р. 81¼ к. Безденежные отпуски сдѣланы цѣною на 256 руб. серебр.

—По шелководству: *О посѣвѣ и пересадкѣ шелковицы* (Ж. с. х. № 2); *Выкормка шелковичныхъ червей* (ibid.); *О шелководствѣ*, Д. Струкова (Зап. Имп. Общ. с. х. юж. Р. № 3).

—По пчеловодству: *О заносахъ пчелъ* (Тр. Имп. в. эк.. Общ. № 4); *Зимовка пчелъ*, Н. Вагнера (Зап. Имп. Каз. эк. Общ. № 1); *Старое и новое въ пчелиномъ мірѣ*, Вагнера (ibid. № 3); *Пчеловодные ульи и снаряды г. Ру* (Земл. газ. № 11); *О паузникахъ* (ibid. № 15).

—По технологіи вообще: *Опыты разведенія сорго и добыванія изъ него спирта на первомъ винокуренномъ заводѣ*, В. Делла-Воса (Ж. м. г. им. № 4); *Валяльное рукодѣліе въ городѣ Камышинѣ*, П. Ципровскаго (Тр. Имп. в. эк. Общ. № 1); *Замѣтки о правильномъ смолосадничествѣ*, А. Сементовскаго (ibid.); *Руководство къ собиранію и разведенію кошенили и ея техническому и медицинскому употребленію* (ibid.); *О жидкомъ стеклѣ* (ibid. № 3); *Объ улучшенной методѣ винодѣлія доктора Галля*, Копфа (ibid. № 4); *Стеклянная полива или жидкое стекло, его польза и приложеніе* (Ж. с. х. № 1); *Руководство къ употребленію стеклянной поливы или жидкаго стекла* (ibid.); *Продолженіе свѣдѣній объ изготовленіи и употребленіи жидкаго стекла*, С. Маслова (ibid. № 2); *О приготовленіи и употребленіи Натроваго жидкаго стекла*, проф. Бухнера (ibid.); *Описаніе селитренаго производства*, Толкачева (ibid. № 3); *Наставленіе о приготовленіи воздушныхъ кирпичей* (сырца) *и постройкѣ изъ нихъ разнаго рода строеній*, фонъ-Гейдеръ-Боровскаго (ibid.); *О приготовленіи, свойствахъ и употребленіе жидкаго стекла фонъ-Фукса* (ibid.); *Химическій характеръ и изслѣ-*

дованіе нѣкоторыхъ видовъ Русскихъ торфовъ, Д. Аверкіева (Зап. Имп. Каз. эк. Общ. № 1); *Объ обязанностяхъ составщика при варкѣ стекла*, М. Киттары (ibid.); *Матеріалы для Русскаго заводско-фабричнаго словаря*, его-же (ibid. № 1, 2, 4); *Приготовленіе клея въ Казани*, Д. Аверкіева (ibid. № 2); *Трепальная машина Броуна* (ibid.); *О пользѣ конусной шестерни на вѣтряныхъ мельницамъ*, В. Жмакина (ibid. № 3); *Переработка хвои въ лѣсную шерсть*, М. Киттары (ibid. № 3, 4); *Мѣдиплавильное производство въ Архангельской губерніи*, А. Холкина (ibid.); *Записка о выгонкѣ спирта изъ сѣры*, Делла-Воса (Зап. Имп. Общ. с. х. юж. Р. № 1); *Добываніе спирта изъ свекловицы путемъ вымачиванія* (Ж. общеп. свѣд. № 4); *Молотильныя машины Шотландская и Американская* (Земл. газ. № 13); *Описаніе сельско-хозяйственныхъ орудій и снарядовъ, приспособленныхъ къ потребностямъ Новороссійскаго края и введенныхъ въ имѣніи Лошкаревкѣ, Екатеринославской губерніи и уѣзда* (ibid. № 16, приложеніе): *Льняное производство въ имѣніи И. М. Гиберъ-фонъ-Грейфенфельса*, Кнюпфера (ibid. № 17).

— «Льняное производство въ имѣніи И. М. Гиберъ-фонъ-Грейфенфельса». — Имѣніе Кліовники И. М. Гиберъ-фонъ-Грейфенфельса находится въ 30 верстахъ отъ г. Невеля. Въ статьѣ объ этомъ имѣніи остановлено сначала вниманіе на школѣ механическаго пряденія льна и ткачества, существующей съ 1 января 1853 года, т. е. со дня прибытія въ это имѣніе фабриканта Антона Штроффа, котораго г. Гиберъ-фонъ-Грейфенфельсъ выписалъ изъ Богеміи для устройства и управленія школою. Цѣль этой школы — обучать крестьянскихъ дѣтей (какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ) всѣмъ операціямъ, необходимымъ для производства добротнаго холста; дѣти обучаются здѣсь не только обращенію со льномъ на полѣ, именно выдергиванію, разстилкѣ, мятью, трепанью и разческѣ, но и пряденію, тканью и окончательной одѣлкѣ холста. Такая школа для Россіи должна имѣть не малое значеніе и заслуживаетъ подражанія, особенно въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ разведеніе льна находится на большой степени развитія. Крестьяне подобной, болѣе или менѣе уже ускусственной, работой достигаютъ большей ловкости и знанія въ одной отрасли промышлености, которая можетъ доставить имъ выгодный заработокъ, особенно въ зимнее, свободное отъ полевыхъ работъ время. Кромѣ-того еще дѣти отъ 8 — 9 лѣтъ могутъ заниматься пряденіемъ, безъ большаго напряженія своихъ силъ. Что касается плана устройства школы въ Кліов-

никахъ, то она вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли, хотя по недавности учрежденія еще не совсѣмъ обстроена. Фабрикантъ Антонъ Штроффъ находится съ своимъ семействомъ — съ женою и четырьмя дочерьми; жена его слѣдитъ за окончательною обдѣлкою льна, а изъ дочерей одна смотритъ за очисткою и расческою льна, другая — за пряденьемъ, третья — за тканьемъ, а четвертая завѣдываетъ хозяйствомъ школы; но самъ фабрикантъ имѣетъ полный надзоръ за всѣми частными производствами школы. Въ школѣ находилось 130 учениковъ обоего пола, большею частью сироты и дѣти бѣдныхъ крестьянъ изъ имѣній самого помѣщика, хозяина школы, а также до 10 дѣтей изъ крестьянъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Дѣти поступаютъ въ школу 8 — 12 лѣтъ отъ роду; остаются тамъ, смотря по своимъ успѣхамъ, различное время и обучаются или только прядѣнію и тканью, или и всѣмъ другимъ производствамъ. По выпускѣ изъ школы, ученики возвращаются опять къ своимъ роднымъ и тогда могутъ уже получать работу за денежную плату на домъ. Пока дѣти находятся въ школѣ, они пользуются готовою квартирою, готовою одеждою и пищею, а за сдѣланную работу никакой платы уже не получаютъ; только за дѣтей изъ тягловыхъ семействъ платитъ помѣщикъ хозяину ежегодно по 10 рублей серебр. Въ свободное отъ работъ время воспитанники въ школѣ обоего пола обучаются чтенію церковныхъ книгъ, а нѣкоторые кромѣ того церковному пѣнію. Этому содѣйствуютъ дочь самого помѣщика и приходскій священникъ. Вслѣдствіе предложенія департамента сельскаго хозяйства и ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ., г. Гибиръ-фонъ-Грейфенфельсъ изъявилъ согласіе принимать въ свою школу и дѣтей государственныхъ поселянъ на слѣдующихъ условіяхъ: дѣти должны быть не менѣе 12 лѣтъ отъ роду и ихъ число не должно быть болѣе 20. За прокормленіе каждаго такого ученика, за одежду и, въ случаѣ болѣзни, за лекарства, также для вознагражденія фабриканта, помѣщикъ условливается на плату отъ казны 45 рублей серебромъ ежегодно. Курсъ ученія, впродолженіе котораго дѣти обучаются всѣмъ отраслямъ льняной фабрикаціи, помѣщикъ назначаетъ 5 лѣтъ. При выпускѣ изъ школы каждый воспитанникъ получаетъ безвозмездно слѣдующіе предметы: одну самопрялку въ настоящую величину и по одной модели каждаго изъ всѣхъ другихъ аппаратовъ, употребляемыхъ на фабрикѣ, какъ-то: модель льномялицы, ткацкаго станка и прочихъ; наконецъ уче-

никъ получаетъ послѣдній кусокъ полотна своей, предъ выпускомъ, выработки. Въ статьѣ г. Кнюпфера находится описаніе самаго способа, который употребляется въ Кліовникахъ при обработкѣ льна и выдѣлкѣ холста.

— По хозяйству вообще: *Нѣсколько словъ объ обводныхъ каналахъ при осушеніи болотъ*, Г. Заневскаго (Ж. м. г. им. № 2); *Новый способъ добыванія масла* (ibid.); *Объ употребленіи Астраханской селедки*, акад. Бэра (ibid. № 31); *Искусственное разведеніе рыбы* (Тр. Имп. в. эк. Общ. № 2); *О печи Ципенникова и о торфѣ*, В. Собольщикова (ibid.); *Объ устройствѣ погребовъ и отводѣ изъ нихъ воды въ г. Камышинѣ*, П. Ципровскаго (ibid.); *О глиняныхъ строеніяхъ*, Бланка (ibid. № 4); *Отчетъ о земледѣльческой школѣ за* 1856 *г.*, Анненкова (Ж. с. х. № 2); *Отчетъ по учебно-практическому хутору за* 1856 *г.*, Преображенскаго (ibid.); *Что необходимо наблюдать, чтобы молотильныя, вѣяльныя и другія машины были легки на ходу и не портились отъ небреженія за ихъ смазкою и чистотою*, Г. Петровскаго (ibid.); *Замѣтки по поводу этой статьи*, Ершова (ibid.); *Мазь для смазки машинъ и колесъ*, С. Маслова (ibid.); *О земледѣльческихъ орудіяхъ и сельско-хозяйственныхъ машинахъ* (ibid. № 1, 2, 3); *О разведеніи хмѣля* (ibid. № 4); *О выращиваніи капусты со сбереженіемъ удобренія и рабочихъ рукъ*, Соколова (ibid.); *Наблюденія надъ гусеницей, поѣдающей свекловицу и другія растенія, и описаніемъ способовъ истребленія этой гусеницы*, Кузьминскаго (ibid.); *Извозничество Вятской губерніи*, И. Рогожникова (Зап. Имп. Каз. эк. Общ. № 1); *Китайскій картофель*, А. Чугунова (ibid. № 2); *Сушка овощей въ Русской печи*, М. Киттары (ibid. № 2, 3); *Самовѣсъ для сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ*, А. Вострокнутова (ibid.); *Нѣсколько словъ о городскихъ банкахъ и вспомогательныхъ кассахъ*, Бабста (ibid.); *Рига съ молотильными сараями*, А. Мельникова (ibid. № 4); *О необходимости изученія современнаго состоянія земледѣлія и хозяйства Кавказскаго края*, Ѳ. Бобылева (Зап. Кавк. Общ. с. х. № 1); *Нѣсколько словъ о сельской промышленности въ Тифлисскомъ уѣздѣ*, барона А. Николаи (ibid.); *Изслѣдованіе свойствъ молока и способы открывать въ немъ подмѣси* (Ж. общ. свѣд. № 3); *О жестокомъ обращеніи съ домашними животными* (ibid. № 2); *О сбереженіи въ-прокъ мяса* (ibid. № 6, 7); *О разведеніи тюрпиновъ на кормъ скоту* (ibid. № 18); *Хозяйство И. М. Гиберъ-фонъ-Грейфенфельса* (ibid. № 21); *Опыты надъ разведеніемъ сорго и добываніемъ изъ него сахара* (ibid. № 22); *Насосъ*

Лѣтестю (ibid. № 22. 23); *О разведеніи и употребленіи лопиновъ* (ibid. № 25, 26, 27); *Очерки забайкальскаго хозяйства* (ibid. № 31, 32); *Практическія замѣтки о разведеніи подсолнечника* (ibid. № 34).

— «Нѣсколько словъ о городскихъ банкахъ и вспомогательныхъ кассахъ» — Прежде, нежели мы познакомимъ съ содержаніемъ этой статьи г. Бабста, долгомъ почитаемъ обратить вниманіе на повременное изданіе, въ которомъ напечатана эта статья,— на «Записки» Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества. Съ начала текущаго года изданіе это является въ значительно-улучшенномъ видѣ противъ прежнихъ годовъ. Оно печатается весьма четкими новыми шрифтами, на прекрасной бумагѣ и постоянно снабжается литографированными приложеніями и политипажными рисунками между текстомъ, весьма отчетливо исполняемыми. Что-же касается содержанія этого журнала, то онъ нимало не уступаетъ въ достоинствѣ журналамъ, издаваемымъ другими нашими сельско-хозяйственными Обществами. Въ этомъ отношеніе довольно сказать, что въ изданіи «Записокъ» Казанскаго Общества принимаютъ постоянное участіе профессоры Бабстъ, Бутлеровъ, Вагнеръ и Киттары. Если принять въ соображеніе крайне ограниченныя матеріальныя средства Общества, о которыхъ не разъ упоминается въ отчетѣ его за 1856 годъ, то нельзя не выразить особенной признательности къ трудящимся на пользу этого зданія и не пожелать наибольшаго сочувствія къ нему особенно со стороны тѣхъ, кому болѣе или менѣе близокъ кругъ дѣйствій Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества.

Цѣль означенной выше статьи г. профессора Бабста — обратить вниманіе на тѣ благодѣтельные результаты правильнаго кредита, которыми можно воспользоваться въ самыхъ ограниченныхъ сферахъ промышленаго быта. «Прилежный и трудолюбивый крестьянинъ, ремесленникъ, мелочной торговецъ — говоритъ авторъ — часто не можетъ подняться на-ноги, потому-что не знаетъ, гдѣ найти необходимый для его производства капиталъ, а чаще всего находится въ рукахъ своего богатаго собрата, выжимающаго изъ него и послѣднія скудныя средства. Мы знаемъ, какъ нерѣдко полдеревни живетъ въ совершенной кабалѣ у другой половины болѣе счастливыхъ собратовъ. Большинство Ворсминскихъ напримѣръ или Павловскихъ ножевщиковъ и мастеровъ въ постоянномъ дому у своихъ-

же земляковъ, скупающихъ у нихъ издѣлія оптомъ и сбивающихъ до крайняго предѣла цѣны, такъ-что бѣдному безпомощному крестьянину-ремесленнику едва хватаетъ на прожитокъ и на уплату податей. Мы еще недавно читали прекрасную характеристику промышлености Заволжской части Макарьевскаго уѣзда, написанную графомъ Толстымъ, тамошнимъ помѣщикомъ. Примѣры, имъ приведенные, у насъ на каждомъ шагу передъ глазами. Бываютъ, говоритъ графъ, примѣры займовъ хлѣба, гдѣ за каждый пудъ муки отдаютъ по 3½ пуда ржи черезъ три недѣли!!? Мука дана была передъ самою новью, — время самое голодное и безденежное въ оброчныхъ и промышленыхъ имѣніяхъ. Въ это время водяныя мельницы спущены и не мелютъ; вѣтра не случилось, подвоза муки также. Мука поднялась до 1 руб. 75 коп. асс. за пудъ. Пришла новь; ржи сдѣлалось въ-волю; потребовали — стукнули по-нашему — оброки: денегъ взять негдѣ и рожь подешевѣла. Смѣтливые заимодавцы предугадывали это и на томъ караулили своихъ заемщиковъ. Въ условіи займовъ было сказано, чтобъ заплатить рожью по цѣнамъ, какія будутъ во время нови. Всеобщая нужда и стакнувшіеся богачи уставили на базарѣ цѣну въ 50 коп. асс. за пудъ. Такимъ-образомъ, заемщикамъ пришлось отвѣшивать по 3½ пуда ржи за каждый пудъ муки. Такихъ заемщиковъ были сотни, а заимодавцевъ нѣсколько человѣкъ. Въ другой деревнѣ, принадлежащей супругѣ графа, крестьяне занимаются смолянымъ промысломъ, и никто не можетъ начать его зимою безъ задатковъ, по естественной причинѣ: что никто не сохранитъ къ зимѣ денегъ, растраченныхъ во время хлѣбной уборки на помочи, слишкомъ роскошныя. Забравшись деньгами, надобно запродавать смолу съ большими уступками, тогда-какъ ⅔ этихъ крестьянъ, при малѣйшей предусмотрительности, могли-бы производить этотъ промыселъ сами по вольнымъ цѣнамъ, не обогощая на свой счетъ домашнихъ и пріѣзжихъ кулаковъ. Наконецъ въ послѣднее время имъ стали давать за смолу такую низкую цѣну, что по уменьшившимся смолянымъ угодьямъ имъ было физически-невозможно выплатить оброкъ и быть сытыми. Въ этомъ критическомъ положеніи, графъ Толстой рѣшился выдать смольникамъ своихъ собственныхъ денегъ болѣе 1500 руб. сер., чтобы дать возможность начать промыселъ и избавить ихъ отъ прижимочныхъ цѣнъ смольныхъ кулаковъ. Деньги эти сдѣлали то, что въ пять недѣль смола поднялась до 23 коп. сер. за пудъ

и многіе еще колебались запродавать ее. Повышеніе-же цѣны на 6 коп. сер. весьма значительно, потому-что крестьяне означенной деревни накуриваютъ смолы болѣе 20,000 пудовъ въ зиму, а курятъ цѣлый годъ». Таково благодѣтельное вліяніе легкаго, доступнаго и дешеваго кредита для рабочаго трудящагося народонаселенія. Но много-ли найдемъ мы у насъ такихъ умныхъ, разсчетливыхъ и понимающихъ нужды крестьянина господъ, которые-бы приняли на себя роль заемнаго банка, и ссужали-бы крестьянъ необходимыми для ихъ промысла средствами. Отдавая полную дань уваженія такому дѣлу, мы желали-бы только, чтобы такія ссуды производились правильно, на основаніи общихъ законовъ промышлености, чтобы онѣ не дѣлались въ видѣ благотворительности. Ненужно пріучать наше крестьянское народонаселеніе къ благотворительности и баловать его послѣднею. Въ немъ нужно развивать чувство самостоятельности и сознаніе, что никто, кромѣ его самого, не долженъ и не имѣетъ права заботиться о его благоденствіи. Нуждается крестьянинъ или ремесленникъ въ деньгахъ, надо облегчить ему средства добывать ихъ, но надо вмѣстѣ съ тѣмъ пріучить его къ мысли, что никакая услуга не дѣлается даромъ, и что ссуда есть также услуга, ему оказываемая, за которую обязанъ онъ заплатить, только не 100, а 4 или 5%. «Облегчай мужику его трудъ, давай все, что ему нужно, говорилъ намъ не разъ одинъ изъ нашихъ почтенныхъ помѣщиковъ, — но не давай ничего даромъ. Иначе избалуется и плохимъ станетъ работникомъ». Мы того-же мнѣнія: потому-что считаемъ частную благотворительность, ежели только въ ней одной видитъ большинство народонаселенія надежду на помощь, признакомъ мало-развитаго экономическаго быта, признакомъ малоразвитого сознанія личнаго достоинства, уваженія къ самому себѣ и благородной независимости. Практика доказываетъ часто горькими опытами, что отъ «сотворите милостыньку батюшки-матушки» до воровства шагъ оченъ легкій. Такая ложно-понимаемая благотворительность поддерживаетъ въ народѣ лѣность, нерадѣніе къ улучшенію своего быта, тогда-какъ поощреніе его труда деньгами и всѣми возможными средствами, но съ строгимъ требованіемъ неминуемаго вознагражденія и возврата ссуды, поддерживаетъ дѣятельность, предпріимчивость и живитъ народную промышленость. Тогда только промышленый бытъ народа идетъ правильнымъ путемъ, когда каждая сторона его согласно помогаютъ другъ другу, и

помогая другъ другу, получаютъ взаимно барыши. Кредитъ не можетъ быть даровымъ, потому-что ничто не дѣлается даромъ, но онъ потому такъ развился и сталъ такимъ могучимъ двигателемъ народной промышлености, что это сама-по-себѣ промышленость чрезвычайно выгодная. Когда нашему ремесленному городскому и сельскому народонаселенію откроется возможность легко и дешево пользоваться кредитомъ, тогда участь ихъ и благосостояніе далеко будутъ блистательнѣе. Оно не будетъ нуждаться въ благотворительности, и выйдетъ изъ-подъ зависимости прижимистыхъ кулаковъ. Для нашего сельскаго народонаселенія, особенно нѣкоторыхъ мѣстностей, это особенно важно, когда нѣтъ почти ни одной волости, ни одной деревни, которая не занималась-бы какимъ-нибудь промысломъ или ремесломъ». Затѣмъ авторъ обращается къ министерству государственныхъ имуществъ, которое учрежденіемъ мірскихъ капиталовъ и здѣсь идетъ во главѣ всѣхъ улучшеній въ экономическомъ быту большинства нашего сельскаго населенія. Но при этомъ онъ замѣчаетъ, что пользу благаго учрежденія уменьшаетъ через-чуръ стѣснительная и вредная въ экономическомъ быту опека и контроль надъ каждымъ шагомъ и предпріятіемъ крестьянина, которому нельзя ни свободно двинуться съ мѣста, ни начать чего-нибудь безъ спроса и разрѣшенія. Что-же касается порядка выдачи ссудъ, то установленное при этомъ поручительство, по мнѣнію г. Бабста, необходимо должно затруднять благодѣтельные результаты кредита, и мѣшать цѣли, съ которою учреждены вспомогательныя кассы. «Чѣмъ шире и свободнѣе кредитъ, — говоритъ онъ — тѣмъ результаты его богаче и прибыльнѣе. Исторія всякаго рода кредитныхъ и экономическихъ учрежденій доказываетъ ясно, что слишкомъ строгая опека и заботливость о томъ, чтобы учрежденіе не совратилось съ настоящаго пути, и не понесло убытка какъ-нибудь, никогда не достигаютъ своей цѣли, а только замедляютъ естественный ходъ всякаго экономическаго явленія. Когда требуютъ поручителей, то ссужаютъ собственно ихъ, а не настоящаго заемщика. Истиннаго кредита здѣсь мы не видимъ, а между-тѣмъ главная задача и самая трудная въ нашемъ экономическомъ быту,—это создать личный кредитъ, въ которомъ преобладало-бы довѣріе къ личности заемщика, и гдѣ степень довѣрія взвѣшивалась-бы не закладомъ, не имуществомъ даже крестьянина, но его нравственнымъ капиталомъ, заключающимся въ образѣ его жизни, въ свой-

ствѣ его занятій, въ его прилежаніи, его честности и его трудѣ. Но, оставя въ-сторонѣ эту слабую сторону вспомогательныхъ кассъ, нельзя не отдать полной дани уваженія и признательности за такое полезное и благодѣтельное учрежденіе. Необходимость въ кредитѣ ощущается сильно и въ нашемъ городскомъ народонаселеніи, занимающемся ремеслами и мелочною торговлею, и учрежденіе подобныхъ кассъ и банковъ принесло-бы существенную пользу, а ихъ у насъ почти нѣтъ, за исключеніемъ десятка счастливыхъ мѣстностей, обязанныхъ своими банками благотворительности нѣкоторыхъ изъ почтенныхъ ихъ гражданъ. Бѣдный ремесленникъ или торговецъ, будь онъ трудолюбивъ, честенъ, знатокъ своего дѣла, обладай онъ въ высшей степени всѣми условіями нравственнаго капитала, послѣдній съ трудомъ находитъ себѣ оцѣнщика, и кредитомъ пользуются у насъ, какъ и вездѣ, только богатые купцы и фабриканты, ворочающіе десятками и сотнями тысячъ. Имъ почетъ, имъ радушный кредитъ, а бѣднякъ сиди безъ денегъ. А сколько-бы выгадалъ бѣдный промышленикъ, еслибы онъ, благодаря вспомогательной кассѣ или ремесленному банку, могъ покупать себѣ необходимый для производства матеріалъ не изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, по-мелочамъ, и притомъ вдвое дороже, а разомъ и въ благопріятное время; еслибы онъ могъ, получая ссуду, пользоваться, соображаясь съ временемъ, базарами, ярмарками; еслибы онъ, благодаря дешевому кредиту, всегда могъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и запасаться дешевыми инструментами, дешевымъ суровьемъ, которые, за недостаткомъ денегъ, ускользаютъ у него изъ-подъ рукъ. Столяру представляется случай купить дешево дерево, слесарю и кузнецу желѣзо, сапожнику кожу, портному сукно; а тамъ мяснику представляется возможность закупить дешево мясо; пекарь видитъ, что рынокъ изобилуетъ хлѣбомъ, что цѣны низки, чувствуетъ, что онѣ, можетъ-быть, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ уже возвысятся,—и всѣ эти почтенные люди нуждаются въ деньгахъ, нуждаются именно въ эту минуту, и не могутъ воспользоваться счастливымъ и выгоднымъ для нихъ положеніемъ рынка, потому именно, что нѣтъ у нихъ денегъ и негдѣ ихъ взять. А сколько разъ придется имъ отъ той-же самой причины нести убытки: потому-что, не имѣя кредита, не имѣя средствъ, они принуждены бываютъ продавать свои издѣлія за безцѣнокъ, должны нерѣдко отказываться отъ заказовъ, потому-что не въ-состояніи закупить

необходимаго матеріала, и въ то-же время прокармливать свое семейство и своихъ рабочихъ. Вотъ гдѣ, начало товарищества оказало-бы, безспорно, громадную пользу, тѣмъ болѣе, что образованіе банка на акціяхъ не представляетъ большихъ трудностей, ибо для той цѣли, о которой мы сейчасъ говорили, не требуется вовсе большихъ капиталовъ. Такой банкъ или вспомогательную кассу могутъ легко основать, сговорившись между собою, сами городскіе жители, и каждый, вѣроятно, согласится взять акцію, когда ему растолкуютъ, что онъ нетолько будетъ имѣть возможность занимать всегда, когда нужно, деньги въ банкѣ, но что даже и внесенная имъ, для образованія основнаго капитала банка, сумма приноситъ проценты. Это послѣднее обстоятельство возбудитъ и въ остальныхъ желаніе вносить вклады, и дѣятельность банка расширится. Но здѣсь главное условіе успѣха въ томъ, чтобы заемъ не стѣснялся поручительствомъ, которое парализируетъ всѣ благодѣтельные результаты кредита. Все дѣло въ развитіи и поощреніи личнаго кредита, этого главнаго двигателя промышлености, и потомъ въ пріученіи народонаселенія къ мысли, что ничто не дѣлается даромъ, что кредитъ есть также промышленость и промышленость выгодная, что банки учреждаются не съ благотворительною цѣлію, а ради барышей. Наше народонаселеніе такъ мало привыкло къ самостоятельности, такъ привыкло ждать постоянно милостыни и благотворительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ другой стороны такъ мало въ немъ обязательности, что его нужно пріучать къ первой, предоставляя понемногу ему самому возможность заботиться о себѣ, а съ другой стороны развивать въ немъ предпріимчивость приманкою барыша, происходящаго отъ подобныхъ учрежденій. Однимъ словомъ — ничего даромъ, ничего безъ вознагражденія, и какъ можно меньше милостыни, иначе не разовьется въ нашемъ народонаселеніи благородный духъ самостоятельности и предпріимчивости. Облегчать-же народонаселенію его экономическое и нравственное развитіе, это уже дѣло той части его, которая поставлена въ благопріятнѣйшія обстоятельства, и стоитъ въ челѣ народа.» Въ-заключеніе статьи авторъ указалъ на обзоръ дѣйствій одного изъ такихъ банковъ, въ Мейссенѣ, въ Саксоніи, небольшомъ городкѣ въ 9000 жителей.

По домашней медицинѣ и гигіенѣ: *Нѣсколько замѣчаній о кровопусканіи* (Тр. Имп. в. эк. Общ. № 1); *Правила искусствен-*

наго кормленія дѣтей на первомъ году жизни и вообще содержаніе ихъ до шести-лѣтняго возраста, Д. Никитина (ibid. № 2); *Гигіеническіе совѣты и замѣтки о пищевареніи* (ibid.); *Глазъ въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи; правило сохраненія зрѣнія* (Земл. газ. № 3 и 4); *О приправахъ въ пищѣ* (ibid. № 14); *Объ опрятности въ селеніяхъ* (ibid. № 19); *О кровопусканіи* (ibid № 28 и 29).

По разнымъ отраслямъ хозяйства и промышлености: *Сельско-хозяйственные съѣзды при Горыгорецкомъ земледѣльческомъ институтѣ въ* 1855 *и* 1856 *годахъ*, К. Веселовскаго (Ж. м. г. им. № 2); *Обзоръ дѣйствій юго-восточной учебной фермы въ Самарской губерніи, съ основанія ея до* 1855 *г.*, А. Бенике (ibid. № 4); *Вліяніе погоды* 1856 *г. на растительность въ Бессарабіи*, А. Денгинка (ibid. 4); *Отчетъ Ярославскаго Общества сельскаго хозяйства за* 1856 *г.* (Тр. Имп. в. эк. Общ. № 4); *О выставкѣ сельскихъ произведеній въ Парижѣ* (Ж. с. х. № 1); *Исторія развитія въ Москвѣ продажи дубленыхъ овчинъ*, Вилькинса (ibid. № 4); *Отчетъ Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества за* 1856 *годъ* (Зап. Общ. № 3 и 4); *О путяхъ къ достиженію цѣли Кавказскаго Общества сельскаго хозяйства*, Д. Кипіани (Зап. Общ. № 1); *Разведеніе въ Астрахани кунжута и марены; о шелководствѣ и льсоразведеніи тамъ* (Земл. газ. № 10); *Отвѣты на хозяйственные вопросы, предлагаемые Юрьевскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства* (ibid. № 11 и 12); *Дѣйствія Калужскаго Общества сельскаго хозяйства въ* 1856 *году* (ibid. и № 15 и 16); *О табачной промышлености въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, въ* 1856 *году* (ibid. № 29); *Козій промыселъ въ Сибири* (Газ. лѣс. и охоты, № 1).

— «Обзоръ дѣйствій юго-восточной учебной фермы въ Самарской губерніи, съ основанія ея до 1855 года.»—Юго-восточная учебная ферма находится въ Самарской губерніи, въ Новоузенскомъ уѣздѣ, въ 85 верстахъ на юго-востокъ отъ Саратова, по почтовой дорогѣ отъ сего города въ уѣздный городъ Новоузенъ. Основана въ 1844 году. Кругъ ея дѣйствій, состоящихъ въ умственномъ и практическомъ образованіи крестьянскаго сельскаго народонаселенія, а также въ распространеніи свѣдѣній по части сельскаго хозяйства вообще и возможныхъ въ немъ улучшеній, простирается на губерніи: Самарскую, Оренбургскую и Астраханскую. Хотя пространство, занимаемое этими губерніями отъ рѣки Тобола до Каспійскаго моря, вообще имѣетъ видъ степной, однако въ разныхъ полосахъ его представляется много разностей въ климатѣ,

въ почвѣ, въ распредѣленіи водъ и лѣсовъ, и въ зависящемъ отъ того различномъ пользованіи землею. Сѣверная часть этого пространства большею частію покрыта плодороднымъ толстымъ слоемъ чернозема и обильна лѣсами и проточною водою, тогда-какъ болѣе на югъ почва менѣе плодородна, въ лѣсѣ и проточной водѣ ощущается недостатокъ и, наконецъ, еще далѣе на югъ открывается безлѣсная, безводная степь, несравненно менѣе плодородная, а во многихъ мѣстахъ и совершенно безплодная. Въ этой-то послѣдней полосѣ находится и ферма, которая, при устройствѣ своего хозяйства и развитіи его, должна была соображаться съ мѣсными обстоятельствами. Четырехлѣтнее обученіе воспитанниковъ фермы дѣлится на теоретическое и практическое. Для перваго назначаются преимущественно зимніе мѣсяцы. Согласно инструкціи по управленію учебными фермами, предметы преподаванія суть слѣдующіе: законъ Божій (катихизисъ, краткая священная исторія и объясненіе обрядовъ богослуженія православной церкви), Русское чтеніе и письмо, обязанности государственныхъ крестьянъ, изложенныя въ сельскомъ полицейскомъ уставѣ, — ариѳметика, главныя основанія земледѣлія (полеводства, луговодства, садоводства и огородничества) и скотоводства, и свѣдѣнія о врачеваніи скота простыми средствами. Кромѣ-того, воспитанники обучаются церковному пѣнію, а въ воскресные и праздничные дни, передъ началомъ божественной литургіи, объясняются имъ слова изъ Евангелія, положеннаго въ тотъ день для чтенія, причемъ читаются также наставленія о христіанскихъ обязанностяхъ. Практическую часть хозяйства воспитанники фермы изучаютъ при самомъ производствѣ работъ, ими-же производимыхъ на главномъ и опытныхъ поляхъ фермы, въ саду, огородѣ, табачной плантаціи и на лугахъ. Уходу за домашнимъ скотомъ они выучиваются, постоянно перемѣняясь для работъ въ конюшнѣ, скотномъ дворѣ и овчарнѣ. Собираніемъ молочныхъ скоповъ и переработкою ихъ въ разные продукты они занимаются въ молочной скотнаго двора фермы. Всѣ прочія части домашняго хозяйства они изучаютъ тѣмъ-же порядкомъ, будучи по-очередно назначаемы въ кухню, пекарню и проч., Теоретическое и практическое обученіе сельскаго хозяйства на фермѣ идетъ рука-объ-руку. Теоретически, конечно, передаются только самыя главныя основанія каждой изъ сельско-хозяйственныхъ отраслей, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ и преимущественно настолько, сколько

можно объяснить самымъ хозяйствомъ фермы. При практическомъ обученіи, какъ главномъ, обращается вниманіе не только на то, чтобы пріучить воспитанниковъ случающіяся въ хозяйствѣ работы производить отчетливо и хорошо, но также, чтобы убѣдить ихъ въ выгодѣ и необходимости сего и уяснить основанія и причины, по которымъ онѣ производятся. Одновременно съ класснымъ и по разнымъ отраслямъ хозяйства обученіемъ, воспитанники изучаютъ также разныя мастерства и ремесла, смотря по желанію и способностямъ ихъ. Между ними первое мѣсто занимаетъ изготовленіе сельско-хозяйственныхъ орудій; далѣе плотничное и столярное ремесло, насколько это нужно при производствѣ построекъ; затѣмъ кладка каменныхъ стѣнъ, печей, штукатурныя и малярныя производства: выдѣлка кирпича и черепицы, возведеніе построекъ изъ воздушнаго кирпича и устройство глино-соломенныхъ крышъ, выдѣлка и дубленіе овчинъ, портняжество и сапожное мастерство. Хотя въ хозяйствѣ фермы заведенныя при ней разныя мастерскія и доставляютъ полную возможность воспитанникамъ ея изучать практическія работы, тамъ производимыя, — однако, дабы облегчить теоретическое обученіе ихъ, при фермѣ имѣется небольшое собраніе моделей сельско-хозяйственныхъ орудій и снарядовъ и небольшой хозяйственно-ботаническій садъ; а дабы содѣйствовать развитію ихъ понятій вообще, имѣется кромѣ-того библіотека, состоящая изъ книгъ, доступныхъ ихъ понятіямъ — нравственнаго содержанія и сельско-хозяйственныхъ. Первый пріемъ воспитанниковъ былъ произведенъ въ концѣ 1844 и въ началѣ 1845 годовъ. Число казеннокоштныхъ воспитанниковъ, находившихся и окончившихъ курсъ ученіи на юго-восточной фермѣ, съ основанія ея до настоящаго времени, слѣдующее:

	Состояло воспитанниковъ къ 1 января.	Выпущено по экзамену по окончаніи курса ученія.
Въ 1845 году	4	—
— 1846 —	38	—
— 1847 —	82	—
— 1848 —	83	—
— 1849 —	83	—
— 1850 —	110	34
— 1851 —	121	42
— 1852 —	130	1

— 1853 —	 123	23
— 1854 —	 140	31

Изъ числа 131 воспитанниковъ, выпущенныхъ по окончаніи курса ученія, обучено мастерствамъ:

кузнечному и слесарному	24
телѣжному (со включеніемъ изготовленія и земледѣльческихъ орудій . . . . ,	27
столярному (малярному и стекольному вмѣстѣ) .	30
плотничному	16
печному и каменному.	7
кирпичному	6
сапожному и портняжному	5
дубленію овчинъ	16

— «Отчетъ Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества за 1856 годъ.» — Въ этомъ отчетѣ мы нашли между прочимъ слѣдующую статью: «Самымъ важнымъ вопросомъ, возникшимъ въ Обществѣ въ-теченіе 1856 года, безпорно, былъ вопросъ о сельско-хозяйственныхъ школахъ, вызванный священникомъ Вятской губерніи, Уржумскаго уѣзда, села Макаровскаго, Епифаніемъ Савичемъ Гусевымъ. Вотъ что писалъ онъ въ Общество: «Распространеніе знаній въ быту крестьянскомъ, безспорно, послужило-бы къ развитію самаго хозяйства, уничтоженію предразсудковъ, введенію новыхъ улучшенныхъ методъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомленію съ новыми предметами для занятій, доставляющими средства къ жизни и устраняющими лѣнь, столь обычную Русскому крестьянину за избыткомъ досуга. Но распространеніе таковыхъ знаній составляетъ задачу весьма трудную въ исполненіи; какъ приступить къ этому дѣлу при безграмотности большинства крестьянъ, при общемъ недовѣріи ко всему новому, при недостаткѣ образцовыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, по-крайней-мѣрѣ въ полосѣ нашей. Проведя всю жизнь мою между крестьянами на одномъ и томъ-же мѣстѣ, я имѣлъ достаточно времени убѣдиться — сколько теряетъ Русскій мужичекъ своихъ доходовъ отъ недостатка знаній, а часто и работъ. Искренно желая добра Русскому крестьянину, а съ нимъ и отечеству, я имѣю честь представить благосклонному усмотрѣнію Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества мысль о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній между крестьянами чрезъ посред-

ство сельскихъ священниковъ, при учрежденіи хозяйственныхъ, по разнымъ отраслямъ хозяйства, школъ въ сельскихъ приходахъ. Конечно, нельзя требовать, чтобъ одно лицо, принявши на себя долгъ неставника, было знакомо со всѣми отраслями сельскаго хозяйства, а потому и учрежденіе школъ должно быть спеціальное, сообразно знаніямъ самого сельскаго священника, и при томъ не постоянное, измѣняющееся съ перемѣною личности наставника. Характеръ школъ долженъ быть не теоретически-учебный, а чисто-практическій, въ коихъ поступающіе крестьянскіе мальчики знакомились-бы съ дѣломъ не на скамьяхъ и за книгой, а на самомъ дѣлѣ, за работою. Ежели мысль эта удостоится одобренія Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества, то, имѣя значительное пчеловодство, ведомое по улучшеннымъ способамъ, я съ полною готовностію принялъ-бы на себя, безъ всякаго возмездія со стороны учащихся, обязанность быть наставникомъ практической школы пчеловодства, а равно могъ-бы, съ одобренія Общества, сообщить изложенную мысль многимъ изъ моихъ сотоварищей.» Общество постановило: благодарить священника Гусева за полезную мысль и вызовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить содѣйствія г. начальника Вятской губерніи и его преосвященства, епископа Вятскаго, къ осуществленію практическихъ школъ сельскаго хозяйства.

ОБОЗРѢНІЕ АРМЯНСКОЙ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Объ изученіи древней Арменіи въ Европѣ.—Армянскія типографіи.—Характеристика Армянскихъ періодическихъ изданій. — Періодическія изданія: въ Константинополѣ, Смирнѣ, Изнимидѣ, Калькуттѣ, Мадрасѣ, Сингапорѣ, Вѣнѣ, Винеціи. — «Голубь Масиса», г. Айвазовскаго, въ Парижѣ. — Объ изданіяхъ въ Россіи. — О предпринимаемомъ 1858 г. изданіи г. Назаріанцомъ въ Москвѣ журнала «Сѣверное сіяніе».

Европа до-сихъ-поръ имѣетъ самыя поверхностныя, недостаточныя и неточныя свѣдѣнія объ Арменіи. Мы не намѣрены здѣсь ни исчислять ошибки, которыя часто встрѣчаются относительно Арменіи, въ произведеніяхъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, начиная отъ Страбона и Плинія до Никона и Климента Галануса, ни указывать на ошибочныя мнѣнія, распространенныя Французскими, Италіянскими, Англійскими и Нѣмецкими историками и путешественниками, о происхожденіи, исторіи, вѣроисповѣданіи, обрядахъ, нравахъ, характерѣ и литературѣ Армянъ; скажемъ только, что даже въ наше время многіе Европейскіе ученые часто сообщаютъ ложныя и ни на чемъ не основанныя мнѣнія объ Арменіи, которыя въ свою очередь нерѣдко были изобличены первоклассными Армянскими учеными изъ общества Мхитаристовъ, какъ-то: Чамчіаномъ, Инчичіаномъ, Аветикіаномъ, Авкеріаномъ и др. Кромѣ-того, что все написанное объ Армянахъ на Латинскомъ, Французскомъ, Италіянскомъ, Англійскомъ, Нѣмецкомъ и Русскомъ языкахъ неполно и недостаточно по качеству, оно къ тому-же и весьма незначительно по количеству, такъ-что всѣ сочиненія, начиная съ грамматики Шрёдера (вышедшей подъ заглавіемъ Thesaurus linguae armenicae antiquae et hodiernae cum variâ prieхeus materia) до послѣднихъ изданій аббата Каппеллети, М. Вагнера и Дюлорье, не въ-состояніи дать любознательному читателю

полныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній объ Армянахъ. Правда, много есть прекрасныхъ по этому предмету сочиненій Мхитаристовъ и другихъ Армянскихъ ученыхъ, но они написаны на Армянскомъ языкѣ, и потому не удивительно, что сочиненія Галануса, Сенъ-Мартена, Евг. Боре и др. арменистовъ, еще пользуются авторитетомъ между Европейскими учеными.

Армяне, чрезъ длинный рядъ сорока вѣковъ пронесшіе свое нравственное существованіе, свою національность, религію, языкъ, нравы и обычаи, по всей справедливости, заслуживаютъ болѣе внимательнаго изученія со стороны Европейскихъ ученыхъ какъ по своей прошедшей исторической жизни, когда они принимали дѣятельное участіе въ судьбахъ древняго міра, такъ и по своему древнему языку, находящемуся болѣе въ близкомъ, нежели другіе языки, родствѣ съ языкомъ Санскритскимъ, родоначальномъ большей части Европейскихъ языковъ, такъ и по своей богатой литературѣ, значительно пополняющей пробѣлы въ исторіи древнихъ народовъ востока и Византійской имперіи, наконецъ и по своему нынѣшнему положенію, какъ главнѣйшій христіанскій народъ востока, быстро стремящійся къ усвоенію плодовъ Европейскаго образованія. Любовь къ просвѣщенію есть одно изъ коренныхъ свойствъ Армянскаго народа. Какъ нѣкогда въ V вѣкѣ Армянское юношество, по свидѣтельству Греческихъ и Армянскихъ писателей, стремилось въ Аѳины, Римъ, Византію и Александрію, для пріобрѣтенія знаній: такъ нынѣ во всѣхъ почти горадахъ Европы и Азіи, гдѣ только соединяется нѣсколько значительное общество Армянъ, вездѣ иждивеніемъ частныхъ лицъ учреждаются училища для образованія юношества, зоводятся типографіи (*), печатаются книги, издается журналъ или газета; впрочемъ, существованіе большей части Армянскихъ періодическихъ изданій

(*) Перечислимъ здѣсь города, въ которыхъ, въ разныя времена, учреждены были Армянскія типографіи,—съ цѣлію указать на тѣ мѣста, гдѣ впервые явилась въ этомъ потребность, свойственная болѣе или менѣе образованному обществу: въ Венеціи 1565; въ Римѣ 1584; въ Львовѣ, или Лембергѣ, въ 1616 г.; въ Миланѣ въ 1624; въ Парижѣ въ 1633 г.; въ Джульфѣ, около Испагани, 1640; въ Ливорно въ 1640; въ Амстердамѣ въ 1660; въ Марсели въ 1675; въ Константинополѣ въ 1677; въ Лейпцигѣ въ 1680; въ Падуѣ 1690; въ Смирнѣ въ 1759; въ Мадрасѣ въ 1772; въ Эчміадзинѣ въ 1774 г.; въ Тріэстѣ въ 1776 г.; въ С. Петербургѣ въ 1783; въ Новомъ Нахичеванѣ въ 1790; въ Астрахани въ 1796; въ Москвѣ въ 1707; въ Калькуттѣ въ 1815; въ Сингапорѣ въ 1849 г.



было не продолжительно; многіе изъ нихъ вскорѣ прекращались, одни навсегда, другіе временно. Это, съ одной стороны, показываетъ, что такого рода изданія еще не сдѣлались необходимою потребностью Армянскаго общества, а съ другой стороны, обнаруживаютъ великодушное самоотверженіе Армянскихъ ученыхъ, которые неутомимо трудятся, чтобы ознакомить своихъ соотчичей съ успѣхами Европейской цивилизаціи. Не смотря на все это и не смотря на то, что Армянскія періодическія изданія не получаютъ никакого вспомоществованія отъ правительства, подобно Турецкимъ газетамъ, однакожь они уже получили такое развитіе, до котораго еще не успѣли достигнуть Турецкія газеты; къ тому-же Армянскія изданія суть единственныя изъ всѣхъ восточныхъ изданій, заключающія въ себѣ, кромѣ политическаго обозрѣнія, и статьи ученаго и литературнаго содержанія.

Сдѣлаемъ краткое обозрѣніе Армянскихъ журналовъ и газетъ (*). Исторія Армянскихъ періодическихъ изданій начинается съ 1812 года, со времени изданія въ Константинополѣ перваго Армянскаго журнала, подъ названіемъ *Византійскій наблюдатель* (Բիւզանդեան դիտակ гузантеанъ тидакъ). Онъ издавался трудами и иждивеніемъ *Общества Аршарунійскаго* (Արշարունեաց ընկերութիւն; аршарунеацъ ынкерутьюнъ). Подвиги Наполеона, занимавшіе умы всей Европы, первоначально почти исключительно служили содержаніемъ статей «Византійскаго наблюдателя», который впослѣдствіи расширилъ свою программу и сталъ помѣщать статьи литературнаго и ученаго содержанія. Онъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ, величиною въ пол-листа; существованіе его продолжалось около 4 лѣтъ, до половины 1816 г. «Византійскій наблюдатель» есть первое, по времени, періодическое изданіе Турціи, и г. Убичини ошибается, приписывая это первенство Смирнской газетѣ «Le Spectateur de d'Orient» Блока, издававшейся съ 1824 (**). Съ 1832 г. начался издаваться въ Константинополѣ переводъ оффиціальной Турецкой газеты «Таквими векаи» (вѣдомости происшествій), въ которой записывались новости Оттоманской имперіи, и въ пышныхъ выраженіяхъ, съ восточнымъ многословіемъ прославлялись благодѣтель-

(*) Армянская газета «Европа» №№ 30, 34, 35, 37, 38 и 40 1850 года. Les Arméniens en Autriche, en Russie et en Turquie, par Ed. *Dulaurier*. Revue des deux mondes. 1854, t. VI p. 209.

(**) Письма о Турціи, изд. 3, стр. 257.



ныя распоряженія султана, въ немногихъ словахъ отзываясь о политическихъ дѣлахъ Европейскихъ государствъ. Изданіе это продолжалось не болѣе одного года; потомъ въ 1838 году оно снова явилось, но не на долгое время; въ третій разъ оно появилось подъ названіемъ *Византійскаго курьера* и вскорѣ прекратилось. Къ такимъ-же переводнымъ изданіямъ принадлежатъ Армянскіе переводы Турецкихъ газетъ: «Джиридей Хавадисъ» (описаніе новостей), издававшейся впродолженіе всего 1840 г., и «Седжинай Хавадисъ», ежемѣсячный листокъ, до-сихъ-поръ продолжающійся издаваться.

Первымъ, такъ сказать оффиціальнымъ Армянскимъ журналомъ въ Константинополѣ былъ Гайастанъ (Հայաստան, Арменія), начавшійся издаваться въ 1846 г., подъ главною редакціею Чамуджи-Оглу и Агафона, съ 1849 г. Чамуджи-Оглу удалился и редакторомъ остался одинъ Агафонъ при помощи десяти безвозмездныхъ сотрудниковъ; тогда гражданскій совѣтъ или національный комитетъ принялъ этотъ журналъ подъ свое покровительство и доставлялъ ему нѣкоторое денежное вспомоществованіе. Но новая редакція, проникнутая духомъ пристрастія, возбудила сильное неудовольствіе и Чумуджи-Оглу въ началѣ 1850 г. былъ снова призванъ. Полу-католическое направленіе, сообщенное имъ своему журналу, вызвало сильныя норицанія въ Смирнскомъ журналѣ «Аршалуйсъ Араратеанъ», что было причиною его удаленія и прекращенія журнала. Предметомъ журнала было обозрѣніе правительственныхъ распоряженій, политическихъ событій, а также статьи литературнаго содержанія и наиболѣе интересовавшія Армянъ коммерческія извѣстія.

Мѣсто «Гайастана», въ февралѣ 1852 г., заступилъ другой журналъ, подъ названіемъ *Ноянъ Агавни* (Նոյեան աղաւնի, *Голубь Ноя*), подъ редакціею Григорія Маркосьяна и Исаака Абріяна, переводчиковъ султанской канцеляріи. Журналъ издавался въ-теченіе одного года; ему наслѣдовалъ другой, издаваемый до-сихъ-поръ Умуджіяномъ, подъ названіемъ *Масисъ* (Մասիս) или *Араратъ* (Արարատ). Къ 1852 г. относится появленіе въ Константинополѣ двухъ слѣдующихъ журналовъ: «Панасеръ» (Բանասէր, литераторъ), который издавался въ-теченіе только одного года, подъ редакціею молодаго писателя Иссаріяна; въ журналѣ этомъ заключались отдѣлы: литературы, политической экономіи, педагогіи и политическихъ обозрѣній; и *Пурастанъ* (Բուրաստան цвѣтникъ)

исключительно литературнаго направленія; издатель и сотрудники его были бывшіе воспитанники училища св. Исаака, въ Константинополѣ.

Кромѣ Константинополя, Армянскіе журналы издаются въ Малой Азіи. Такъ въ Изнимидѣ (Никомидія) съ 1849 г. печатается журналъ *Гайренасэръ* (Հայրենասէր, патріотъ), а въ г. Смирнѣ издается одинъ изъ лучшихъ Армянскихъ журналовъ—*Арталуйсъ Араратеанъ* (Արշալոյս Արարատեան, Араратская заря), подъ редакціею Луки Валтасара, который предначерталъ себѣ, независимо отъ политическихъ, литературныхъ и торговыхъ свѣдѣній, распространять понятія объ особенныхъ отношеніяхъ Армянскаго народа, котораго преимущественнымъ органомъ они служатъ въ Турціи и котораго цивилизаціи особенно посвящаются его страницы. «Аршалуйсъ Араратеанъ» имѣетъ обширный кругъ читателей и подписчиковъ даже въ Россіи и Индіи; прежде онъ выходилъ каждый день, а послѣ пожара, опустошившаго въ 1845 году городъ Смирну, выходитъ чрезъ двѣ недѣли.

Когда, вслѣдствіе преобразованій султановъ Махмуда и Абдулъ-Меджида, мусульманскіе и христіанскіе подданные порты были уравнены въ своихъ правахъ и равно допускались къ исполненію оффиціальныхъ должностей, тогда многіе изъ просвѣщенныхъ и значительныхъ Константинопольскихъ Армянъ, а во главѣ ихъ Яковъ Дузъ-Оглу, хранитель царскихъ сокровищъ и директоръ Султанскаго монетнаго двора, нашли необходимымъ приготовить своихъ соотечественниковъ къ новому, открывающемуся предъ ними поприщу дѣятельности, и поручили Вѣнскимъ Мхитаристамъ издавать журналъ, съ цѣлію распространять между Армянами, по-возможности, точныя и обширныя свѣдѣнія объ общемъ ходѣ дѣлъ въ Европѣ, объ учрежденіяхъ и законахъ, существующихъ въ разныхъ государствахъ, о проектахъ, подлежащихъ сужденію разныхъ совѣщательныхъ собраній и дипломатическихъ конференцій, объ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ по части наукъ, и пр., Вѣнское отдѣленіе Общества Мхитаристовъ, изданіемъ съ 1847 года газеты «Европа» (Եւրոպա) достойнымъ образомъ оправдываетъ возложенное на него порученіе и содѣйствуетъ великодушнымъ цѣлямъ Дузъ-Оглы.

Въ Венеціи Мхитаристы съ 1843 г. издаютъ журналъ, котораго названіе «Пазмавепъ», (Բազմավէպ полиграфъ) свидѣтельствуетъ о разнородномъ его содержаніи; онъ на изящномъ разговор-

номъ языкѣ знакомитъ читателей съ успѣхами наукъ въ Европѣ, съ открытіями по разнымъ отраслямъ знанія, сообщаетъ полезныя свѣдѣнія о разныхъ странахъ и народахъ, о средствахъ домашняго благоустройства, образованія и сохраненія здоровья. Журналъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе три отдѣла, съ подраздѣленіями: а) *Отдѣлъ естественныхъ наукъ;* сюда входятъ статьи по части физики, химіи, астрономіи, естественной исторіи и минералогіи; б) *Отдѣлъ политической экономіи;* сюда входятъ статьи о земледѣліи и домашнемъ хозяйствѣ, и в) *Отдѣлъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній*, о разныхъ странахъ, народахъ и событіяхъ.

«Такъ какъ любовь къ нашей націи, говоритъ редакція, есть главная побудительная причина настоящаго предпріятія, то, естественно, много свѣдѣній должно заключаться въ нашемъ журналѣ по части отечественной исторіи, географіи и литературы, будутъ также помѣщаемы не длинныя стихотворенія, поучительныя басни и пр.; для ясности текста, въ случаѣ надобности, будутъ прилагаемы рисунки и картины». «Пазмавепъ» (*) выходитъ каждыя двѣ недѣли третрадками, величиною въ одинъ печатный листъ, сложенный въ 8-ю долю.

Перейдемъ теперь къ Армянскимъ журналамъ Индіи. Въ Калькуттѣ съ 1845 по 1849 годъ издавался журналъ «Азкасэръ» (Ազգասէր, патріотъ), и въ Мадрасѣ съ 1848 г. Панасэръ (Բանասէր, литераторъ). Оскорбительный тонъ его критики и дерзкіе выходки возбудили всеобщее негодованіе въ другихъ журналахъ, и онъ въ исходѣ того-же года прекратился; Армянская колонія, переселившаяся въ Сингапоръ, перенесла туда съ собой и журналъ «Усумнасэръ» (Ուսումնասէր, любитель просвѣщенія), выходящій два раза въ мѣсяцъ литографированными тетрадями въ два столбца.

При этомъ обозрѣніи должно упомянуть и о слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: *Магазинъ полезныхъ свѣдѣній* (Շտեմարան պիտանի գիտելեաց), издававшійся съ 1839 по 1843 г. въ Смирнѣ, подъ редакціею и иждивеніемъ протестантской миссіи Англіи; журналъ *Гайренасейръ* (Հայրենասէր, патріотъ), издававшійся въ Смирнѣ Меликъ Селуміаномъ съ 1843 по 1845 годъ, и *Византійскій указатель*, который нѣсколько мѣсяцевъ въ 1840 г. издавалъ Христофоръ Осканеянъ.

(*) Пазмавепъ 1843 г. предисловіе, стр. 5—6.

Изъ вышеупомянутыхъ, издававшихся и издающихся журналовъ и газетъ, первое мѣсто, по услугамъ, оказаннымъ ими націи, принадлежитъ Смирнской газетѣ «Аршалуйсъ Араратеанъ», Вѣнской — «Европа» и Венеціанской — «Пазмавепъ», которыя могутъ выдержать сравненіе съ Европейскими изданіями.

Прежде чѣмъ будемъ говорить объ Армянскихъ періодическихъ изданіяхъ въ Россіи, обратимъ вниманіе читателей на одно изъ отраднѣйшихъ явленій въ области Армянской журналистики, на издаваемый въ Парижѣ г. Айвазовскимъ, братомъ нашего знаменитаго художника, съ 1855 года, журналъ *Масеацъ-Агавни Авветаберъ Гайастанеайцъ* (Մասեաց աղաւնի Աւետաբեր Հայաստանեայց Голубь Масиса, вѣстникъ Арменіи), на Армянскомъ языкѣ, съ Французскимъ переводомъ иныхъ статей, съ двоякою цѣлію: знакомить Армянъ съ Европейскою цивилизаціею, а Европейцевъ—съ памятниками Армянской древности и съ настоящимъ положеніемъ Армянъ. Считаю нелишнимъ привести здѣсь, въ Русскомъ переводѣ, во многихъ отношеніяхъ любопытное объявленіе г. Айвазовскаго, объ изданіи этого журнала:

«Съ теченіемъ времени судьбы міра уясняются и звѣзда цивилизаціи появляется на горизонтѣ. Предъ этой зарею, которая теперь восходитъ для насъ съ запада, послѣдній мракъ варварства разсѣевается и народы, исполненные удивленія, надеждъ и безпокойства, безмолвно созерцаютъ это великое зрѣлище, или тихо другъ у друга спрашиваютъ, каковы будутъ послѣдствія этихъ сильныхъ движеній, ужасныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщающихъ помощь и покровительство.

«Въ этомъ тревожномъ ожиданіи, въ виду будущности, улыбающейся изъ-за оружія, о чемъ помышляютъ и что поговариваютъ наши соотечественники? — Можемъ положительно сказать, что мнѣніе Армянъ есть то, что, послѣ столькихъ войнъ и переворотовъ, чтобы ни случилось, ничто не можетъ ни нанести ущербъ ихъ національности, ни подвергнуть ихъ такимъ опасностямъ, которымъ-бы они не подвергались нѣсколько вѣковъ тому назадъ.

«И дѣйствительно, Арменія большею частью опустошена и въ развалинахъ, жители ея или въ нищетѣ или разсѣяны по всѣмъ странамъ. Религіозные обряды потеряли прежнюю торжественность, цивилизація исчезла, вслѣдствіе чего увеличились междуусобные раздоры, укоренилась взаимная ненависть и даже языкъ

подвергся порчѣ и искаженію. При такомъ всеобщемъ упадкѣ, надежда—единственная утѣшительница въ подобныхъ бѣдствіяхъ, со слезами удалилась.

«Но при этомъ плачевномъ состояніи вещей, намъ кажется, что скорѣе должно надѣяться на возвращеніе благосостоянія, чѣмъ опасаться еще худшей участи. Есть чувства, которыя глубокія корни пустили въ сердцѣ человѣческомъ, и потому кажется невѣроятнымъ, чтобъ послѣдняя надежда была потеряна, чтобъ послѣдній листъ книги судебъ Арменіи былъ разорванъ и уничтоженъ.

«Нѣтъ, народъ, который любитъ славу своихъ предковъ,—народъ, который съ любовью и уваженіемъ сохраняетъ памятники своей стороны, нѣтъ, этотъ народъ не долженъ быть безнадежнымъ.

«Если одна половина вѣковаго дерева засохла, то другая можетъ дать почки, произвести листья, покрыться цвѣтами и плодами. Почему нашей странѣ не прійти въ цвѣтущее состояніе? Зачѣмъ въ черномъ цвѣтѣ представлять нашу будущность? Зачѣмъ отдалять тѣ счастливыя мысли, тѣ святыя желанія, что настанетъ конецъ бѣдствіямъ и начало благоденствію Арменіи,—когда чрезъ нашихъ законныхъ властителей насъ уже коснулось просвѣщеніе.

«Хотя трудно соединить въ отечествѣ Армянъ, разсѣянныхъ по всей вселенной, но развѣ нельзя соединить ихъ въ духѣ, чувствахъ и усиліяхъ? Если этотъ народъ, подобно многимъ другимъ, долженъ находиться подъ покровительствомъ великихъ державъ, то развѣ ихъ языкъ не можетъ очиститься и сдѣлаться понятнымъ и любимымъ всѣмъ Армянамъ, развѣ литература не можетъ процвѣтать, религія уважаться, науки дѣлать успѣхи, искусства развиваться, торговля расширяться, земледѣліе возстановиться? Почему нѣтъ, если самыя правительства оказываютъ имъ всевозможное содѣйствіе, какъ возможнымъ, полезнымъ и необходимымъ стремленіямъ. Развѣ мы не вѣримъ въ воскресеніе, которое мертвые ждутъ въ своимъ гробахъ? Развѣ мы не видимъ, что послѣ жестокой зимы настаетъ прекрасная весна? Какъ физическая смерть, по слову Божію, возвращаетъ насъ къ новой жизни, такъ и смерть моральная есть сонъ, отъ котораго надо разбудить, есть летаргическій сонъ, требующій небольшихъ усилій.

«Пусть каждый Армянинъ, положивъ руку на сердцѣ, согласится съ нашимъ мнѣніемъ; безполезно распространяться о той

истинѣ, которую подтвердили тысячи примѣровъ, которую каждый самъ чувствуетъ и ясно видитъ на другихъ.

«Эти размышленія внушили намъ мысль издавать въ Парижѣ ежемѣсячный журналъ, частію на Французскомъ языкѣ и большею частію на Армянскомъ. Часть Армянская должна распространять между соотечественниками свѣдѣнія, на которыхъ зиждется истинное Европейское просвѣщеніе, т. е. нравственность, необходимыя науки, искусства и ремесла, содѣйствующія общественному и частному благосостоянію. Часть Французская имѣетъ цѣлію знакомить иностранцевъ съ памятниками древности, съ настоящимъ положеніемъ Арменіи и со всѣмъ тѣмъ, что обращаетъ вниманіе на эту любопытную націю.

«Вообще, журналъ этотъ поставляетъ себѣ въ обязанность исправлять все ложное, сообщаемое иностранцами объ Армянахъ. Считаю излишнимъ присовокупить, что никакое религіозное преніе, никакой политическій вопросъ, никакіе диспуты не найдутъ въ немъ мѣсто.

«Наше единственное желаніе, наша единственная надежда, чтобъ свѣтъ наукъ просвѣтилъ Армянскій народъ, чтобъ его сердце украсилось общественными добродѣтелями, чтобъ онъ обогатился произведеніями земледѣлія, искусствъ и торговли, чтобъ онъ возвышался преданностью тѣмъ государствамъ, которыя оказали ему покровительство, чтобъ онъ постоянно заслуживалъ любовь тѣхъ народовъ, среди которыхъ онъ теперь разсѣянъ.

«Развѣ это несбыточная надежда? Вѣдь ужъ далеко то время, когда Персидскіе правители опустошали наше отечество и принуждали нашихъ предковъ къ идолопоклонству; когда Арабскіе намѣстники, высосавъ кровь изъ нашего народа, плавали въ крови нашихъ князей; когда Татары, не найдя болѣе богатства для утоленія жажды своего корыстолюбія, увлекали за собой плѣнныхъ юношей и молодыхъ дѣвицъ, оставляя за собой каждый домъ въ слезахъ или въ могильной темнотѣ.

«Эти бѣдствія прошли и не возвратятся болѣе. Послѣ продолжительныхъ и бурныхъ осеннихъ дождей, послѣдніе лучи солнца появились на протяженіи всего горизонта и предвѣщаютъ хорошій день. Попечительство Турецкаго правительства и другихъ Европейскихъ государствъ радостью озарили нашу будущность. Эти надежды внушили намъ мысль назвать нашъ журналъ *Голубемъ Масиса* (*или Арарата*), *вѣстникомъ Арменіи*. Мы полагаемъ, что одно

это название достаточно свидѣтельствуетъ о миролюбивомъ духѣ, о чистой и искренней цѣли нашего предпріятія, и возбудитъ въ сердцахъ истинныхъ патріотовъ воспоминанія, которыя должны быть освѣщены лучами солнца, восходящаго съ запада, тогда-какъ воды потопа невѣжества и смутъ удаляются; эти воспоминанія будутъ еще сладостнѣе и пріятнѣе, при появленіи великолѣпной радуги согласія.

«*Голубь Масиса*» будетъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца; каждая тетрадь будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) Полезныя свѣдѣнія, 2) Виды Европы, 3) Галерея замѣчательныхъ людей, 4) Армянскій музеумъ и 5) Ежемѣсячная хроника, или Парижскій вѣстникъ.

«Простое исчисленіе этихъ отдѣловъ даетъ довольно полное понятіе о предѣлахъ и цѣли журнала; но мы опредѣлимъ каждый изъ нихъ въ нѣсколькихъ словахъ.

1) Въ отдѣлѣ—*полезныхъ свѣдѣній* будутъ помѣщаемы статьи по части исторіи, наукъ и литературы, могущія содѣйствовать успѣхамъ нравственнаго и умственнаго развитія и поддержанію между Армянами духа единства и согласія.

2) *Виды Европы* будутъ заключать въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о географіи, статистикѣ, наукахъ, искусствахъ, обычахъ и учрежденіяхъ Европейскихъ народовъ. Здѣсь будетъ помѣщено описаніе всемірной Парижской выставки съ иллюстрированными гравюрами.

3) Въ отдѣлѣ: *галерея замѣчательныхъ людей* каждаго нумера будетъ помѣщаемы біографіи лицъ, оказавшихъ блестящіе услуги своей націи или человѣчеству.

4) *Музеумъ Армянскій* будетъ посвященъ свѣдѣніямъ о древнемъ и современномъ состояніи Армянъ; сюда-же войдутъ разборы всего, что писали иностранные писатели объ Армянахъ.

5) *Ежемѣсячная хроника или Парижскій вѣстникъ* будетъ говорить о всѣхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ прошедшаго мѣсяца.

«Большая часть журнала будетъ издаваться на разговорномъ Армянскомъ языкѣ; статьи-же, долженствующія ближе познакомить Европейцевъ съ Армянскимъ народомъ, будутъ написаны на Французскомъ и Армянскомъ языкахъ. Отсюдо видно, что *Голубь Масиса*, по цѣли и формѣ своей, не только отличается отъ всѣхъ прочихъ журналовъ Армянскихъ, но и отъ «Пазмавепа», съ которымъ, казалось, долженъ имѣть больше сходства, и который такъ

достохвально издается въ знаменитой типографіи св. Лазаря, близъ Венеціи. Редактору «Голубя Масиса» пріятно вспомнить, что онъ началъ (въ 1843 г.) изданіе «Пазмавепа», и въ-теченіе 6-ти лѣтъ продолжалъ его, при сильномъ содѣйствіи своихъ ученыхъ собратій. Онъ надѣется и желаетъ продолжительности и усовершенствованій предпріятію, которымъ его издатели такъ достойно заслужили признательность отечества.

«Мы тоже беремъ на себя смѣлость надѣяться, что въ такомъ новомъ и трудномъ предпріятіи можемъ разсчитывать на благосклонное снисхожденіе, поощреніе и вспомоществованіе другихъ, чтобы мы постоянно пламенно могли трудиться во славу Бога и для счастія нашей любезной націи».

Армяне, покоющіеся подъ отеческою сѣнію Россіи, не имѣютъ періодическаго изданія, которое-бы знакомило ихъ съ успѣхами Европейскаго просвѣщенія и цивилизаціи въ Россіи и поддерживало-бы въ нихъ духовно-нравственное сочувствіе къ народу, среди котораго поставило ихъ Провидѣніе. До-сихъ-поръ были двѣ попытки къ изданію въ Россіи Армянскаго журнала: первое такое изданіе выходило въ Тифлисѣ, въ-теченіе 1846 и 1847 годовъ, подъ названіемъ «Кавказъ» (Կովկաս). Судя по программѣ, изложенной въ первомъ нумерѣ, 19 января 1846 г., оно поставляло себѣ преимущественною цѣлію, съ одной стороны, раскрывать прошедшія и настоящія отношенія Кавказа къ Россійской имперіи, и тѣмъ дѣйствовать на нравственное состояніе обитающихъ здѣсь Армянъ, съ другой — уяснять, съ настоящей точки зрѣнія, многосложный бытъ страны, нерѣдко представляемый поверхностными наблюдателями въ искаженномъ видѣ. «Кавказу» наслѣдовало изданіе, называвшееся «Араратъ» (Արարատ), родъ политическаго и литературнаго обозрѣнія; оно прекратилось въ 1851 г., съ отъѣздомъ изъ Тифлиса редактора его Патканеана. Нынѣ, вслѣдствіе ходатайства доктора Восточной словесности С. И. Назаріанца, Высочайше дозволено ему издавать въ Москвѣ, съ 1858 года, журналъ, подъ названіемъ *Сѣверное Сіянье*. Нельзя не отдать справедливость великодушному служенію г. Назаріанца наукѣ и націи. Онъ уже пріобрѣлъ признательность соотечественниковъ за свои книги, которыя на разговорномъ, очищенномъ, отъ чуждыхъ словъ, Армянскомъ языкѣ знакомятъ Армянъ со всѣми отраслями Европейской науки; посему нельзя не пожелать успѣха столь полезному предпріятію, долженствующему быть проводникомъ Европейской науки и

Русской цивилизаціи въ горахъ отдаленнаго Кавказа, въ нѣдрахъ глубокой Азіи, куда едва-ли проникалъ лучъ просвѣщенія. Имя редактора ручается за успѣхъ, и нѣтъ сомнѣнія, что Армяне, преимущественно живущіе въ Россіи, съ готовностью поддержутъ это изданіе. Въ Армянскихъ журналахъ, издаваемыхъ въ Турціи, уже появляются статьи, которыя, отдавая полную справедливость заслугамъ г. Назаріанца, объясняютъ, какое значеніе долженъ пріобрѣсти его журналъ въ исторіи образованія Армянъ.

Заключимъ наше обозрѣніе переводомъ объявленія г. Назаріанца объ изданіи его журнала, и тѣмъ доставимъ возможность самимъ читателямъ судить о цѣли и значеніи его:

«Почтенному обществу Армянъ, живущему въ Россіи, объявляется, что съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора разрѣшено мнѣ издавать въ Россіи Армянскій журналъ, подъ названіемъ *Сѣверное Сіяніе* (Հիւսիսափայլ). Пріятною обязанностью считаю пригласить моихъ любезныхъ соотечественниковъ къ участію въ этомъ патріотическомъ предпріятіи. Цѣль его будетъ: распространять между Армянами, живущими въ Россіи, такія свѣдѣнія и познанія, которыя неоспоримо-необходимы въ наше время всякому человѣку, какого-бы онъ ни былъ сословія, какъ ученому и болѣе или менѣе свѣдущему, такъ и купцу, ремесленнику, духовному или свѣтскому, если они пожелаютъ принять участіе въ успѣхахъ нашего просвѣщеннаго вѣка и извлечь изъ него вещественную или духовную пользу.

«Ученые, если нѣсколько такихъ лицъ есть между Армянами въ Россіи, не составляютъ ни церкви, ни націи: церковь и націю составляетъ народъ, какъ-бы ни была низка степень его образованія и развитія. Посему издаваемый нами журналъ, принявъ на себя служить современной пользѣ народа, долженъ говорить съ массою народа такъ, чтобы она могла его понять, т. е. языкомъ, болѣе приближающимся къ живому разговорному Армянскому языку, не переходя въ грубый и смѣшанный языкъ черни. Излишнимъ считаю здѣсь повторять моимъ образованнымъ собратьямъ, что какъ въ изданныхъ нами книгахъ на разговорномъ языкѣ, такъ и въ этомъ журналѣ мы имѣемъ въ виду разрѣшеніе одного только вопроса, а именно — воскресить древній и мертвый языкъ въ нынѣшнемъ разговорномъ языкѣ; создать такой языкъ, который-бы, сохраняя свое древнее основаніе и корень, усовершенствовался



бы въ формахъ нынѣшняго разговорнаго Армянскаго языка; нашимъ всегдашнимъ намѣреніемъ и желаніемъ было и есть: возобновленіе древняго языка, въ какой степени это возможно, прилично и должно въ наше время. Наша цѣль — созиданіе, а не истребленіе и разрушеніе, отъ чего да сохранитъ насъ Богъ и всѣ силы небесныя.

«Основываясь на этомъ, какъ на неподвижномъ крѣпкомъ утесѣ, намъ и нашему журналу предстоитъ совершить два назначенія: распространять въ журналѣ полезныя свѣдѣнія и обработовать разговорный Армянскій языкъ; бесѣдуя, просвѣщать, и просвѣщая, научать говорить, а слѣдовательно мыслить: ибо слово есть мысль, и кто не умѣетъ говорить, тотъ не умѣетъ и мыслить. Мы полагаемъ, даже увѣрены по внушенію сердца, что гордость народа преимущественно основывается на его родномъ языкѣ, и этотъ родной языкъ, который долженъ быть для него сосудомъ и орудіемъ просвѣщенія, надо со всевозможною тщательностью обработывать и совершенствовать, сдѣлать его сокровищницею учености и науки, такъ-чтобъ Армянскій языкъ-младенецъ могъ природой и Богомъ положеннымъ путемъ воспитываться и укрѣпляться, питаясь молокомъ родной матери.

«Въ нашъ человѣколюбивый, Европейскій вѣкъ, который имѣетъ сострадательное сердце къ ближнему, — который съ снисходительностью и любовью внимаетъ народнымъ нуждамъ и потребностямъ, въ наше просвѣщенное, великодушное время надменная наука, сошедши съ высоты своего сѣдалища, простымъ и внятнымъ языкомъ говоритъ съ простымъ человѣкомъ и народомъ, братски раздѣляетъ свое богатое достояніе съ обществомъ людей всѣхъ состояній.

«Въ наши дни, наука не имѣетъ никакихъ скрытыхъ и сокровенныхъ тайнъ, которыя-бы хранились для нѣсколькихъ Египетскихъ жрецовъ; наука теперь не есть монополія злыхъ, жадныхъ и бездарныхъ людей, къ которой не осмѣливаются другіе приблизиться. Нѣтъ, теперь наука безъ зависти и сомнѣнія предлагаетъ свой освѣжающій источникъ всякому болѣе или менѣе мыслящему человѣку, который, имѣя жажду познаній, приближается къ нему и изъявляетъ желаніе познать себя, природу и человѣчество..

«Армянинъ, согражданинъ вѣка, полнаго и обильнаго такимъ благомъ, можетъ-ли оставаться хладнокровнымъ, можетъ-ли за-

крыть глаза и сердце свое, или отречься отъ задачи жизни, и, сидя у источника просвѣщенія, постоянно оставаться жаждущимъ. Какой Армянинъ можетъ думать, что онъ есть истинный сынъ XIX вѣка, хотя и не принимаетъ участія въ его духовныхъ добродѣтеляхъ, и поклоняется только матеріальной пользѣ, какъ будто Богъ создалъ человѣка для вещественнаго благосостоянія. И Армяне, какъ сыны человѣчества, имѣютъ право и должны ревностно слѣдовать благому примѣру просвѣщенныхъ народовъ, принять участіе въ успѣхахъ нашего времени, покорить дурныя, не надежныя свойства Азіатской природы и украсить свою національность Европейскими познаніями. Пусть наши любезные Армяне всегда и постоянно помнятъ, что ничто не находится внѣ законовъ времени и не можетъ долго сопротивляться его всеистребляющей силѣ: поэтому никакой народъ не можетъ безъ умственнаго и нравственнаго образованія сохранить ни свой языкъ, ни церковь, ни національность, и долженъ сдѣлаться печальной и презрѣнной игрушкой мірскихъ обстоятельствъ.

«Наши почтенные и многолюбимые Армяне, живущіе въ Россіи, будучи лишены до-сихъ-поръ письменнаго посредника, который-бы, сообразно ихъ положенію, заботился объ умственныхъ и нравственныхъ нуждахъ, надѣемся, съ радостью будутъ привѣтствовать журналъ, который принялъ на себя на родномъ языкѣ бесѣдовать о свойствахъ нашего земнаго обиталища, о существующихъ на немъ различныхъ народахъ и предметахъ, о случившихся замѣчательныхъ событіяхъ, о знаменитыхъ людяхъ, объ общеполезныхъ открытіяхъ и явленіяхъ; надѣемся, что наши соотечественники радостно встрѣтятъ журналъ, который многообразными путями долженъ способствовать ихъ просвѣщенію, образуя умственный путь между Азіатцами, Армянами и Европейскими народами, утверждая духовное сообщеніе между Армянами и Европейцами.

Журналъ «Сѣверное сіяніе» будетъ выходить ежемѣсячно отдѣльными книжками, заключающими въ себѣ отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ, въ большую осьмушку, и украшенными картинами въ статьяхъ, принадлежащихъ естествовѣдѣнію и въ біографіяхъ. Годовая цѣна журнала въ Москвѣ 8 руб.; иногородные подписчики на почтовые расходы прибавляютъ 1½ руб. Здѣшніе и иногородные подписчики на нашъ журналъ получатъ печатный занумерованный билетъ за подписью редактора. Это предпріятіе тре-

буетъ большихъ расходовъ, посему изданіе журнала можетъ начаться, когда будетъ на него 600 подписчиковъ.

«Весьма пріятно намъ было-бы, еслибы ученые наши соотечественники содѣйствовали намъ своими сочиненіями, которыя редакторъ журнала приметъ съ особеннымъ удовольствіемъ, если только найдетъ ихъ достойными и написанными чистымъ языкъ; сочиненія-же недостойныя и написанныя на мѣстныхъ нарѣчіяхъ не могутъ имѣть мѣста въ нашемъ журналѣ, и редакторъ, получивъ такія сочиненія, не считаетъ себя обязаннымъ озабочиваться ихъ отсылкою или отвѣтами на письма объ нихъ.

«Въ Россіи живущіе Армяне, сознавая свою пользу и свою національную гордость, да содѣйствуютъ успѣхамъ помянутаго журнала, а редакторъ, съ своей стороны, употребитъ всевозможныя старанія какъ о достоинствѣ имѣющихъ войти въ составъ его сочиненій, такъ и о внѣшней красотѣ изданія.»

Г. [illegible].

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Развитіе прѣсноводныхъ губокъ (1). — Истинное мѣсто, которое губки должны занимать въ естественной системѣ, было до-сихъ-поръ предметомъ многихъ споровъ. Обыкновенно ихъ относили къ растеніямъ. Многочисленные наблюдатели собрали однакожь нѣкоторые отрывки ихъ исторіи, которые должны-бы были, кажется, доказать ихъ животность; но факты, собранные Грантомъ, Гоггомъ, Лораномъ, Кекетомъ, и даже тѣ, которые представлены Гукслеемъ и Картеромъ, были слишкомъ отрывочны, а иногда и слишкомъ неточны для того, чтобы дать вѣрные выводы. Дюжарденъ выразилъ мысль, что губки суть ни что иное, какъ большія корненогія (Rhizopoda), близкія къ роду amoeba. Мысль эту часто принимали и другіе, и видоизмѣняли ее такимъ образомъ, что считали губку не за отдѣльное животное, а за цѣлую колонію корненогихъ инфузорій. Изслѣдованія Либеркина, продолжаемыя въ-теченіе болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ съ рѣдкимъ постоянствомъ и вниманіемъ, мало-по-малу распространили большій свѣтъ и на природу и на развитіе этихъ необыкновенныхъ существъ, и во всякомъ-случаѣ поставили ихъ животность внѣ всякаго сомнѣнія. Мы представимъ здѣсь самый краткій очеркъ главныхъ резуль-

(1) *Lieberkuhn*. Müller's Archiv, 1856. Heft I, IV u. V. — Archives des sc. phys. et nat. Mai 1857. XXXV. p. 72.

татовъ, содержащихся въ мемуарахъ Берлинскаго ученаго, касающихся этого предмета.

Извѣстно, что губки вообще и въ-особенности бадяги, о которыхъ только и будемъ мы говорить, существеннымъ образомъ состоятъ изъ двухъ частей, именно изъ скелета или кремнистаго остова, образованнаго множествомъ иголъ или волоконъ, и кромѣ того изъ собственно-животною вещества, заключающагося между твердыми частями скелета. До-сихъ-поръ лучшія наблюденія этого студенистаго вещества принадлежали Дюжардену, который приписывалъ ему свойства, сходныя съ свойствами *саркода* корненогихъ. Либеркинъ доказалъ, что оно состоитъ изъ множества настоящихъ клѣточекъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ ядро и ядрышко. Эти клѣточки представляютъ оболочку, ясно отдѣленную отъ содержимаго въ ней вещества, и въ нихъ-то и находили сходство съ амебами, по причинѣ ихъ необыкновенныхъ движеній. Легко, впрочемъ, смѣшать ихъ съ настоящими корненогими, которыхъ нерѣдко можно встрѣтить ползающихъ на поверхности бадягъ; впрочемъ, тотчасъ-же можно отличить этихъ корненогихъ по присутствію въ нихъ бьющагося пузырька. Иглы скелета соединены между собою посредствомъ вещества, которое Мейенъ принималъ за кремнеземъ, но которое, кажется, чисто-органическаго происхожденія. На поверхности бадягъ разсѣяны коническія полыя возвышенія, которыхъ стѣнки поддерживаются кремнистыми иглами и вершина снабжена округленнымъ отверстіемъ. Изъ этого отверстія постоянно выходитъ струя воды и уноситъ посторонніе предметы, выходящіе изъ внутренности бадяги, какъ наприм. обломки скорлупы двураздѣлковыхъ. Прежде выхода изъ животнаго, предметы эти должны были войти въ него, и Либеркинъ, для изученія этого явленія, прибѣгнулъ къ способу, весьма употребительному въ подобныхъ случаяхъ: онъ окрасилъ карминомъ воду, въ которой находились бадяги. Онъ увидѣлъ тогда, что частицы краски проникаютъ въ одно или въ два отверстія, расположенныя недалеко отъ коническихъ возвышеній, и скоро бадяга постепенно приняла красный цвѣтъ во всей своей массѣ. Многія окрашенныя частицы были найдены имъ даже во внутренности клѣточекъ, когда онъ разорвалъ губку и разсматривалъ куски ея при сильномъ увеличеніи. До-тѣхъ-поръ, пока бадяга оставалось цѣлою, въ ней невозможно было найти дрожательныхъ волосковъ. Разорванные-же куски представили рѣсни-

чки, сидящія на клѣточкахъ, снабженныхъ ядромъ. Каждая клѣточка имѣетъ только одну рѣсничку. Коническія возвышенія способны совершенно втягиваться.

Всѣ эти явленія совершенно совпадаютъ съ тѣми, которыя наблюдалъ Грантъ у морскихъ губокъ. Лоранъ описалъ также нѣчто подобное относительно бадягъ, а Дюжарденъ и Боверба нкъ указывали на существованіе у нихъ рѣсничекъ. Наблюденія, сдѣланныя до-сихъ-поръ относительно размноженія бадягъ, были весьма недостаточны. Извѣстно было, что внутри ихъ образуются особенныя тѣла, названныя почечками; но не извѣстно было, дѣйствительно-ли должно считать ихъ за воспроизводительныя части. Разные ученые упоминали о другихъ тѣлахъ, покрытыхъ рѣсничками и подвижныхъ, о которыхъ вообще предполагали, что они выходятъ изъ почечекъ. Либеркинъ тщательно изучилъ и тѣ и другія и показалъ, что они не имѣютъ между собою никакого отношенія. Почечки суть круглые мѣшечки, которые иногда находятся въ большомъ изобиліи въ нижнемъ слоѣ бадягъ, ниже кремнистаго остова. Чаще всего губки, заключающія эти тѣла въ большемъ множествѣ, по-видимому мертвы. Клѣточки, подобныя амебамъ, исчезли и остается одинъ остовъ иголъ. Въ нѣкоторыхъ видахъ бадягъ почечки бываютъ голыя, въ другихъ онѣ покрыты амфидисками кремнистаго состава. Эти амфидиски суть тѣла странной формы, подобныя двумъ колесамъ, соединеннымъ своими осями. Каждая почечка кромѣ того имѣетъ одно отверстіе. Образованіе почечекъ идетъ въ большихъ размѣрахъ преимущественно осенью. Часто вся масса бадяги терпитъ превращеніе, выходитъ изъ промежутковъ кремнистаго остова и заключается во множествѣ кистъ, точно такъ, какъ Картеръ уже наблюдалъ это у нѣкоторыхъ губокъ восточной Индіи. Амфидиски образуются каждый въ особенной клѣточкѣ около кисты (почечки). Немного спустя, содержимое почечекъ принимаетъ зернистый видъ, уже описанный Мейеномъ, но все-еще состоитъ изъ обыкновенныхъ клѣточекъ бадяги. Весною клѣточки бадяги покидаютъ почечку, медленно скользя изъ отверстія; выходъ этотъ совершается такъ медленно, что проходитъ четыре дня, прежде-чѣмъ какая-нибудь почечка станетъ совершенно пуста. Содержимое почечекъ снова распространяется по старому, недавно оставленному скелету; бадяга принимаетъ свой прежній видъ и простираетъ долѣе свою постройку. Или-же содержимое клѣточекъ, освободившись, начинаетъ

строитъ новый скелетъ, и черезъ нѣсколько дней во внутренности его появляются тонкія иглы.

Зооспоры, которыхъ, — такъ какъ дѣло идетъ о животныхъ — лучше назвать зародышами, покрытыми дрожательными рѣсничками, не имѣютъ ничего общаго съ почечками. Въ бадягахъ тамъ-и-сямъ встрѣчаются разсѣянныя зернистыя скопленія, которыя Либеркинъ называетъ возродительными зернышками (Keimkörner). Эти скопленія представляютъ тѣ-же растяженія, подобныя движеніямъ амебъ, какъ и самыя клѣточки бадягъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно найти ядро и ядрышко. Каждое такое скопленіе превращается въ зародышъ. Зародыши суть яйцевидныя тѣла, покрытыя рѣсничками на всей своей окружности и часто уже содержащія маленькія кремнистыя иглы въ своей внутренности. Они очень ясно отличаются отъ инфузорій и дрожалокъ (Turbellaria) тѣмъ, что бываютъ покрыты эпителіемъ, образованнымъ изъ клѣточекъ съ ядромъ; каждая клѣточка имѣетъ одну рѣсничку. Зародыши эти плаваютъ во всѣхъ направленіяхъ, почти точно такъ, какъ Trachelius ovum. Внутри ихъ можно отличить корневой и сердцевинный слой. Спустя извѣстное время, которое можетъ простираться отъ двухъ до восьми дней, движенія зародыша прекращаются; онъ прикрѣпляется на какомъ-нибудь мѣстѣ, теряетъ свои рѣснички и свой эпителій и распростирается на какомъ-нибудь предметѣ. Показываются движенія, подобныя движеніямъ амебъ; иглы умножаются и становятся толще; каждая изъ нихъ заключена въ особой клѣточкѣ. Въ скоромъ времени все принимаетъ видъ бадяги съ ея обыкновенною формою, съ ея характеристическими клѣточками, снабженными ядромъ и ядрышкомъ. Уже въ концѣ шести недѣль иглы образуютъ твердый скелетъ, совершенно подобный скелету взрослыхъ. Въ эпоху, слѣдующую почти тотчасъ за прекращеніемъ движенія зародыша, молодая бадяга бываетъ снабжена коническимъ возвышеніемъ, черезъ которое проходитъ струя воды, а въ сосѣдствѣ его находится опредѣленное мѣсто, гдѣ совершается поглощеніе посторонних частицъ. Въ Спре зародыши образуются въ большомъ изобиліи, начиная съ первыхъ дней іюня и до конца октября.

Намъ нужно еще сказать объ образованіи у бадягъ сѣменныхъ животныхъ. Они ничѣмъ не отличаются отъ живчиковъ многихъ другихъ животныхъ и имѣютъ нитевидный хвостъ и шаровидную головку. Они вполнѣ схожи съ тѣми, которыя опи-

саны Гукслеемъ у одной изъ морскихъ губокъ (Thetyum). Еще Картеръ утверждалъ, что онъ видѣлъ живчиковъ у бадягъ; но существа, принятыя имъ за живчиковъ, кажется, суть чужеядныя инфузоріи, принадлежащія къ виду, названному Эренбергомъ Trachelius trichophorus (2). Живчики развиваются въ болѣе или менѣе округленныхъ мѣшечкахъ, расположенныхъ другъ подлѣ друга въ числѣ десяти и болѣе.

На основаніи всего предыдущаго, вѣроятно, какъ рѣсничный зародышъ, такъ и бадягу, которую онъ раждаетъ, должно разсматривать не какъ колонію животныхъ, но какъ одно особое недѣлимое. Это есть животное, способное двигаться, хотя чрезвычайно медленно, при помощи ложныхъ ногъ, подобныхъ ногамъ корненогихъ. Сокращающіяся клѣточки играютъ въ этомъ случаѣ роль мускуловъ; каждая бадяга имѣетъ по-крайней-мѣрѣ одно отверстіе, служащее для поглощенія пищи, и коническую трубку, на которой находится отверстіе для изверженія. Прибавимъ, что Либеркинъ нашелѣ у бадягъ полости, выстланныя мерцательнымъ эпителіемъ,—полости, можетъ-быть, соединяющіяся между собою и такимъ-образомъ составляющія пищепріемный каналъ. Воспроизведеніе губокъ происходитъ посредствомъ живчиковъ и яичекъ; послѣднія суть скопленія воспроизводительныхъ тѣлъ, о которыхъ мы говорили и которыхъ ядро и ядрышко могутъ быть приняты за зародышной пузырекъ и зародышное пятно.

Очевидно, бадяги значительно отличаются отъ родовъ Amoeba Arcella, Defflugia и другихъ сродныхъ корненогихъ.

Оплодотвореніе фукусовыхъ (3). — Тюре, сдѣлавшій важное открытіе оплодотворенія водорослей (4), напечаталъ другую статью объ этомъ предметѣ, въ которой подробно описаны опыты, своею точностію и разнообразіемъ вполнѣ подтверждающіе половое различіе фукусовъ. Этотъ разрядъ водорослей онъ считаетъ наиболѣе удобнымъ для разрѣшенія вопроса объ оплодотвореніи, потому-

(2) Trachelius trichophorus, Ehr. отличается весьма рѣзко отъ настоящихъ Trachelius. Онъ не принадлежитъ даже къ группѣ рѣсничныхъ инфузорій, а долженъ быть отнесенъ къ Астазіямъ.

(3) Mémoires de la société de Cherbourg. 1857, avril.—Arch. des sc. phys. et nat. XXXII, 149.

(4) Mém. de la soc. de Cherbourg. 1853, mai.—Ann. des sc. natur. 4-me série, vol. II.



что многіе виды — двудомные и въ-теченіе цѣлаго года производятъ безчисленное множество споръ и антеридій. При помощи этихъ обстоятельствъ, наблюденія могутъ быть повторяемы и видоизмѣняемы сколько угодно.

Крупинки или споры фукусовъ, выходя изъ оболочекъ, въ которыхъ они были заключены, не имѣютъ никакой наружной перепонки, или оболочки, но вслѣдствіе оплодотворенія она скоро является. Тюре желалъ видѣть, какъ это происходитъ, и нашелъ, что эта оболочка образуется очень быстро, спустя только шесть или восемь минутъ послѣ прикосновенія животно-крупинокъ къ спорѣ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, онъ прибавлялъ растворъ хлористаго цинка къ морской водѣ; тогда споры стягивались и выдавливали изъ себя шарики жидкости, сильно преломляющей свѣтъ и окрашивающейся въ розовый цвѣтъ отъ прибавленія сахара или сѣрной кислоты. Если нѣтъ наружной оболочки, то жидкость выходитъ свободно; если-же оболочка есть, то она мѣшаетъ выходу жидкости, которая и скопляется въ такомъ случаѣ подъ оболочкою, не производя наружныхъ капель. Тюре нашелъ, что препятствіе для выхода жидкости встрѣчается уже шесть или восемь минутъ спустя послѣ прикосновенія между животно-крупинками и спорами и что скоро послѣ того, напр. спустя двѣнадцать минутъ, оболочка становится видимою. Онъ нѣсколько разъ повторялъ этотъ опытъ надъ Fucus vesiculosus, serratus и nodosus. Сначала онъ увѣрялся въ томъ, что споры свѣжи, и не имѣютъ оболочки; потомъ приводилъ ихъ въ-прикосновеніе съ животно-крупинками, только-что разведенными каплею морской воды, и совершенно живучими.

«Дѣйствуя такимъ-образомъ, говоритъ Тюре, мы увидимъ, что животно-крупинки почти тотчасъ-же пристаютъ къ спорамъ и спустя около полуминуты споры, покрытыя животно-крупинками, начинаютъ то любопытное вращательное движеніе, которое описано въ моихъ прежнихъ статьяхъ. Это явленіе, какъ я уже говорилъ, вовсе не есть необходимое условіе оплодотворенія. Кромѣ того, что есть нѣкоторые виды, въ которыхъ оно никогда не встрѣчается, мнѣ удавалось выростить споры, оплодотворяя ихъ животно-крупинками, которыхъ движенія были слишкомъ слабы, такъ-что не могли сообщить спорамъ замѣтнаго движенія. Въ этомъ случаѣ оплодотвореніе было только не столь полное и не всѣ спо-

ры прорастали. Вотъ почему, если хотятъ навѣрное успѣть въ оплодотвореніи споръ, нужно употреблять животно-крупинки, движущіяся очень живо, и употреблять ихъ въ количествѣ достаточномъ для произведенія вращенія. Впрочемъ, изученіе этого явленія весьма достойно вниманія и указываетъ ясное отношеніе его къ оплодотворенію. Я прибавлю нѣсколько подробностей къ тѣмъ, которыя изложилъ уже прежде».

«Животно-крупинки прилегаютъ къ поверхности споры по своей длинѣ. Онѣ располагаются нѣсколько вкось и обращены клювомъ къ спорѣ, къ которой они, кажется, прикрѣпляются своею переднею рѣсничкою. Часто можно видѣть ихъ сжавшимися вмѣстѣ въ большомъ числѣ, съ клювомъ, обращеннымъ у всѣхъ въ одну сторону. Онѣ движутся нѣсколько дрожа и сообщаютъ спорѣ болѣе или менѣе быстрое вращательное движеніе, совершающееся въ ту сторону, въ которую направлено большее число клювовъ. Иногда, когда новыя животно-крупинки налегаютъ на спору въ противоположномъ направленіи, вращеніе останавливается, или принимаетъ другое направленіе. Продолжительность этого явленія не одинакова и съ трудомъ можетъ-быть указана, тѣмъ болѣе, что если подъ микроскопомъ нѣсколько споръ, то животно-крупинки не могутъ достигнуть всюду въ то-же время и слѣдовательно не всѣ споры начинаютъ разомъ кружиться. Кромѣ-того, почти всегда бываетъ нѣсколько споръ, въ которыхъ круженіе сохраняется долѣе, такъ-что животно-крупинки заставляютъ ихъ быстро вращаться, когда другія уже оставлены ими. Наблюдая внимательно отдѣльныя споры, я видѣлъ, что вращеніе иногда останавливается черезъ четыре минуты. Всего чаще оно продолжается отъ шести до восьми минутъ. Начиная съ этого времени, число животно-крупинокъ, покрывающихъ споры, быстро уменьшается, мало-по-малу споры принимаютъ свой первоначальный видъ и прежнюю неподвижность, хотя животно-крупинки, плавающія вокругъ, еще продолжаютъ быстро двигаться. Вообще мнѣ кажется, что бо̀льшая или меньшая продолжительность вращенія соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе быстрому образованію оболочки споръ.

Въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, когда я могъ убѣдиться въ присутствіи перепонки, спустя самый короткій срокъ послѣ смѣшенія споръ и животно-крупинокъ, я находилъ также, что споры кружились самое короткое время. Напротивъ, если смѣшать споры одного вида съ животно-крупинками другаго, то вращеніе продолжается

долѣе обыкновеннаго; мнѣ случалось видѣть, что оно продолжается больше часу и, какъ кажется, прекращается въ этомъ случаѣ только вслѣдствіе ослабленія движеній животно-крупинокъ, которыя теряютъ много своей живости къ концу этого времени. Но, не смотря на долговременность вращенія въ этихъ случаяхъ, около споръ вовсе не образуется перепонки. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда я смѣшивалъ животно-крупинки Fucus serratus съ спорами Fucus vesiculosus, я видѣлъ, что нѣкоторыя споры покрывались оболочкою, но всегда ихъ было несравненно меньше, чѣмъ тогда, когда я смѣшивалъ вмѣстѣ споры и животно-крупинки Fucus vesiculosus. Наблюденія эти, слѣдовательно, согласны съ прежними моими наблюденіями, въ которыхъ я нашелъ, что нельзя оплодотворить споры одного вида животно-крупинками другаго, за исключеніемъ только случая, когда споры Fucus vesiculosus смѣшаны съ животно-крупинками Fucus serratus».

«Очевидно, что оплодотвореніе совершается именно въ-теченіе тѣхъ нѣсколькихъ минутъ, когда происходитъ вращеніе споръ, т. е. когда животно-крупинки находятся въ непосредственномъ прикосновеніи съ ними. Совпаденіе появленія перепонки съ прекращеніемъ вращенія не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Но что-же происходитъ въ это время, и какъ дѣйствуютъ животно-крупинки? Въ одномъ изъ предыдущихъ мемуаровъ я сказалъ, что никогда не случалось мнѣ видѣть, чтобы онѣ проникали во внутренность споры. Всѣ изслѣдованія, сдѣланныя мною послѣ того, подтвердили мое прежнее мнѣніе. Я говорилъ, кромѣ того, что оплодотвореніе иногда совершалось повидимому даже безъ непосредственнаго прикосновенія между-тѣмъ и другимъ органомъ. Но факты, приведенные мною въ подтвержденіе этой гипотезы, строго говоря, могли быть изъяснены иначе. Такъ напр. въ отдѣлѣ Cystosireae спора заключена въ двухъ оболочкахъ, когда она выходитъ изъ сумочки; обѣ оболочки скоро распускаются одна за другою и образуютъ широкій слизистый слой, который также обыкновенно исчезаетъ, но иногда остается и не мѣшаетъ однакожь спорѣ прорастать. Въ этомъ случаѣ можно предположить, что животно-крупинки проникаютъ до самой споры сквозь этотъ слизистый слой, точно такъ, какъ мнѣ часто случалось видѣть, что онѣ проникаютъ въ октоспоры фукусовъ, прежде чѣмъ онѣ освободятся отъ своихъ оболочекъ (5). Труднѣе допустить это объясненіе въ

(5) Ann. des. sc. nat. 4-me sér. II, p. 210.



Pelvetia (Fucus canaliculatus L.) вслѣдствіе толстоты и постоянства оболочекъ, которыя окружаютъ споры и внутри которыхъ споры прорастаютъ».

Въ-заключеніе Тюре опровергаетъ мнѣніе Принсгейма, что животно-крупинки проникаютъ внутрь споры, подъ ея перепонку. Ничего подобнаго онъ не видѣлъ у фукусовыхъ, у которыхъ споры больше, чѣмъ у прѣсноводныхъ водорослей. Онъ совѣтуетъ, въ отношеніи къ оплодотворенію, не переносить заключенія отъ одной группы на другую.

Облака (6). — Гипотеза, по которой пары, составляющіе облака, имѣютъ видъ пузырьковъ, была высказана въ первый разъ Галлеемъ. Потомъ ее принялъ и поддержалъ Соссюръ; не такъ еще давно ее подкрѣпилъ своими вычисленіями Браве, основавшій на ней свою теорію безцвѣтной радуги, и вообще эта гипотеза принимается, какъ несомнѣнная истина, во многихъ учебникахъ и курсахъ физики. Между-тѣмъ, по мнѣнію Реляра (Raillard), она совершенно ошибочна. Она была придумана съ цѣлью объяснить, отчего облака держатся въ воздухѣ и почему не бываетъ видно радуги въ туманахъ и облакахъ безъ дождя. Но пузырьчатое состояніе паровъ совершенно излишне для объясненія послѣдняго явленія, излишне и недостаточно для объясненія перваго, и наконецъ это состояніе невозможно по законамъ физики и механики.

Еслибы пластинка воды имѣла менѣе двухъ десяти-тысячныхъ миллиметра толщины, то она была бы невидима. Водный пузырекъ, котораго оболочка была-бы такой толщины, долженъ имѣть не менѣе трети миллиметра въ діаметрѣ, чтобы плавать въ воздухѣ при давленіи 0м, 76 и при совершенной пустотѣ внутри пузырька. А между-тѣмъ маленькіе шарики, изъ которыхъ состоятъ туманы и облака, часто представляютъ діаметръ менѣе двухъ сотыхъ миллиметра и однакожь остаются видимыми.

Слѣдовательно ихъ нельзя считать за шары, висящіе въ воздухѣ только вслѣдствіе Архимедова закона, какъ это предполагали. Слѣдовательно предположеніе пузырьчатыхъ паровъ недостаточно для объясненія плаванія облаковъ. Кромѣ-того, есть много облаковъ, которыхъ температура ниже нуля. Ихъ плаваніе уже нельзя объяснять гипотезою пузырьчатаго состоянія; нужно предположить,

(6) Comptes rend us. T. XLIII, p. 906.—L'Institut. T. XXIV, p. 395

что пузырьки имѣютъ ледяную оболочку, съ чѣмъ, конечно, никто не согласится.

Вообще-же гипотеза эта вовсе не нужна; плаваніе облаковъ объясняется очень легко и просто совершенно инымъ образомъ.

Всѣмъ извѣстенъ тотъ простой законъ, что жидкая среда представляетъ тѣмъ большее сопротивленіе падающему въ нее тѣлу, чѣмъ больше поверхность этого тѣла въ-отношеніи къ его вѣсу. Такимъ-образомъ и самое золото, котораго плотность болѣе, чѣмъ въ девятнадцать разъ превосходитъ плотность воды, падаетъ въ воздухѣ чрезвычайно медленно, когда приведено въ состояніе очень тонкихъ листовъ. То-же должно сказать и о всѣхъ тѣлахъ, раздробленныхъ въ мелкую пыль. На самомъ дѣлѣ, раздѣляя какое-нибудь тѣло на части, мы очевидно увеличиваемъ его поверхность, не измѣняя его вѣса. Если, напримѣръ, каплю воды, имѣющую одинъ сантиметръ въ діаметрѣ, мы раздѣлимъ на мелкія капельки въ тысячу разъ меньшаго діаметра, то сумма поверхностей этихъ капелекъ будетъ въ тысячу разъ больше поверхности раздѣленной капли. Слѣдовательно сопротивленіе, оказываемое ихъ паденію воздухомъ, станетъ также въ тысячу разъ больше, если даже положимъ, что сопротивленіе просто пропорціонально поверхности. На-самомъ-же дѣлѣ сопротивленіе воздуха должно возрастать быстрѣе, чѣмъ поверхность, потому-что нужно принять во вниманіе также дѣйствіе волосности между воздухомъ и водою. И такъ капельки воды въ одну или въ двѣ сотыхъ миллиметра въ діаметрѣ должны падать въ воздухѣ необыкновенно медленно (7). Облака, которыя кажутся намъ сплошными массами, въ дѣйствительности суть не что иное, какъ части атмосферы, потерявшія свою прозрачность отъ присутствія въ нихъ множества шариковъ воды или кристалликовъ льда, въ высшей степени мелкихъ. Эти частицы должны поэтому падать очень медленно, а слѣдовательно облака должны казаться намъ плавающими. Они должны слѣдовать всѣмъ движеніямъ атмосферы, потому-что суть не что иное, какъ мутный воздухъ; и если часто нижняя поверхность ихъ кажется плоскою, то это происходитъ отъ того, что маленькіе шарики или кристаллики, изъ которыхъ они состоятъ, опу-

(7) Вѣроятно, при извѣстной величинѣ капель онѣ вовсе теряютъ стремленіе падать. Именно это будетъ тогда, когда сопротивленіе воздуха и его волосное притяженіе, взятые вмѣстѣ, будутъ равны тяжести капли.



скаются въ слой болѣе теплый и, испаряясь, становятся невидимыми.

Гипотеза пузырьчатыхъ паровъ безполезна также для объясненія отсутствія радуги въ туманахъ и облакахъ безъ дождя, потому-что это отсутствіе есть слѣдствіе чрезмѣрной малости капелекъ, ихъ составляющихъ. Релляръ доказалъ это въ мемуарѣ, представленномъ Парижской академіи наукъ въ 1850 году, въ которомъ онъ уже отвергалъ гипотезу пузырьчатаго состоянія паровъ.

Онъ намѣренъ снова взяться за этотъ предметъ и разобрать подробно вліяніе діаметра капель на явленіе радуги. По его опытамъ и вычисленіямъ, при уменьшеніи этого діаметра цвѣтная радуга переходитъ въ безцвѣтную и потомъ вовсе исчезаетъ.

Наконецъ пузырьчатое состояніе невозможно. Нельзя придумать сколько-нибудь правдоподобной причины, почему-бы въ облакахъ и туманахъ образовались водяные пузырьки. Для этого нужно предположить, что въ то мгновеніе, когда паръ, смѣшанный съ воздухомъ, осаждается, онъ принимаетъ форму пластинки, которая свертывается и обхватываетъ воздухъ или даже часть того-же пара. Невозможно допустить такое предположеніе. Но положимъ, что эти пузырьки образовались, тогда ничѣмъ нельзя объяснить ихъ сохраненія въ такомъ видѣ. Если они наполнены только паромъ, то наружное давленіе тотчасъ-же обратитъ ихъ въ полный шарикъ; а если ихъ наполняетъ воздухъ, то имъ нужно приписать вязкость совершенно не ту, какую имѣетъ вода.

[illegible]. — Кристаллы суть недѣлимыя неорганической природы; они представляютъ собою полное развитіе, до котораго можетъ достигнуть неорганическое вещество, и въ мірѣ органическомъ совершенно соотвѣтствуютъ недѣлимымъ животнаго и растительнаго царства. Собственно говоря, минералогія есть наука о тѣлахъ природы кристаллизующихся, являющихся въ видѣ недѣлимыхъ, какъ самостоятельныя, отдѣльныя существа.

Такъ напр. вода относительно своего преломленія, расширенія отъ теплоты и пр. разсматривается въ физикѣ, относительно состава въ химіи, какъ составная часть земнаго шара въ физической географіи и т. д. Въ минералогіи-же она разсматривается, какъ вещество, дающее кристаллы. Цѣль минералогіи въ этомъ смыслѣ точно такова-же, какъ цѣль зоологіи и ботаники, т. е. открыть связь, суще-

ствующую между многоразличными свойствами одного и того-же недѣлимаго, найти, по какимъ неизмѣннымъ законамъ они являются соединенными въ такомъ, а не другомъ сочетаніи. Очевидно, минералогія, какъ наука, занимающаяся болѣе простыми недѣлимыми, должна несравненно быстрѣе идти къ этой цѣли, чѣмъ науки, занимающіяся органическою природою. На-самомъ-дѣлѣ, кристаллографія, соотвѣтствующая анатоміи животныхъ и органографіи растеній, неизмѣримо превзошла ихъ своею математическою опредѣленностію. Съ-другой-стороны, химическій составъ и физическія свойства неорганическихъ недѣлимыхъ также могутъ быть опредѣлены и классификованы чрезвычайно точно. Остается слѣдовательно искать законовъ, показывающихъ зависимость между этими различными родами свойствъ. Дѣйствительно, минералогія уже обладаетъ многими прекрасными законами такого рода. Такъ напр. извѣстно, что кристаллы правильной системы не представляютъ двойнаго лучепреломленія, кристаллы квадратной и ромбоэдрической системы имѣютъ двойное лучепреломленіе съ одною оптической осью, а кристаллы другихъ системъ имѣютъ двѣ оптическія оси. Столь-же ясный и простой законъ обнаруживается и въ томъ, что въ минералахъ квадратной и ромбоэдрической системы встрѣчается дихроизмъ; въ минералахъ остальныхъ системъ, кромѣ правильной,—трихроизмъ, а правильная система вовсе не представляетъ подобныхъ явленій.

Въ настоящее время ученые обратили большое вниманіе на замѣчательное отношеніе между неполногранными кристаллическими формами и физическими свойствами минераловъ, принимающихъ эти формы. Делафоссъ (8), кажется, первый выразилъ мысль, что вещества, представляющія неполногранныя формы, никогда не являются въ полногранныхъ формахъ той-же системы, и что даже минералъ, кристаллизующійся въ извѣстномъ разрядѣ неполногранныхъ формъ, не можетъ никогда принять формъ другаго разряда.

Такъ минералъ, являющійся въ правильныхъ тетраэдрахъ, не можетъ явиться въ пиритоэдрахъ. Отсюда слѣдуетъ, что напр. въ правильной системѣ можно отличить три совершенно отдѣльныя системы, именно—систему полногранныхъ формъ и двѣ си-

---

(8) Онъ ссылается на свой мемуаръ 1840 года. Comptes Rendus. 1857. XLIV,



стемы гемiэдрическiя — параллельногранную и непараллельногранную. Такимъ-образомъ Делафоссъ показалъ, что нельзя произвольно сочетать формы, разсматривая ихъ геометрически во всѣхъ возможныхъ комбинацiяхъ; что нѣкоторыя изъ этихъ сочетанiй, по свойствамъ кристаллизующихся веществъ, невозможны. Естественные кристаллы должны быть разсматриваемы, не какъ простыя формы, но какъ существа, имѣющiя правильное внутреннее строенiе и разнообразныя физическiя свойства. Разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнiя, мы увидимъ, что кристаллы не тожественны, если общее у нихъ только одна наружная форма: потому-что при этомъ другiя ихъ свойства, напр. внутреннее строенiе, могутъ быть совершенно различны. Основываясь на этомъ, Делафоссъ успѣлъ объяснить тѣ сочетанiя кристаллическихъ формъ, которыя, повидимому, противорѣчатъ его общему правилу. Такъ въ сочетанiи куба и тетраэдра онъ разсматриваетъ кубъ, какъ производную форму, и называетъ его гемiэдрическимъ кубомъ. На-самомъ-дѣлѣ такiе кубы представляютъ обыкновенно на своихъ граняхъ бороздки по направленiю *одной* дiагонали, тогда-какъ на настоящихъ полногранныхъ кубахъ бороздки располагаются иначе; бороздки-же служатъ здѣсь указанiемъ направленiй спайности. Подобнымъ образомъ и всѣ другiя полногранныя формы, сочетаясь въ тетраэдромъ, принимаютъ особенный характеръ, который ясно указываетъ на ихъ происхожденiе изъ тетраэдра, и потому отличаетъ ихъ отъ настоящихъ полногранныхъ формъ.

Науманнъ разсматриваетъ это различiе съ отвлеченной точки зрѣнiя и, возводя законъ гемiэдрiи до наибольшей общности, доказываетъ напр., что гемiэдрическiй кубъ есть дѣйствительно гемiэдрическая форма полнограннаго куба. Выводъ его заключается въ слѣдующемъ.

Самая общая форма правильной сисмемы есть гексакисъ-октаэдръ; всѣ другiя формы могутъ быть разсматриваемы, какъ ея частные случаи. Поэтому каждая грань куба должна быть разсматриваема, какъ составная изъ восьми плоскостей, сливающихся въ одну; грань октаэдра, какъ составная изъ шести плоскостей гексакисъ октаэдра, и пр. Слѣдовательно, если мы представимъ себѣ, что кубъ подвергается тетраэдрической гемiэдрiи, то должны представить, что части его гракей, группирующiяся около четырехъ изъ его угловъ, остаются, а части, группирующiяся около четырехъ угловъ попеременныхъ съ первыми, исчезаютъ. Очевидно,

что оставшіяся части при своемъ продолженіи образуютъ ту-же форму куба, но этотъ кубъ будетъ геміэдрическая форма полногранпаго куба. Другими словами, — въ кубѣ каждой плоскости октаэдра соотвѣтствуетъ трегранный уголъ; слѣдовательно если въ октаэдрѣ при геміэдріи остаются попремѣнныя плоскости, то въ кубѣ должны исчезать и оставаться поперемѣнные углы. Четыре оставшіеся поперемѣнные угла, при достаточномъ продолженіи своихъ плоскостей, очевидно, образуютъ тотъ-же кубъ. Легко видѣть, что эти выводы прилагаются и къ другимъ формамъ правильной системы и къ формамъ другихъ кристаллическихъ системъ. Такимъ-образомъ мы найдемъ множество случаевъ, въ которыхъ кристаллы имѣютъ одну и ту-же форму, но неодинаковы по своей сущности; и на самомъ дѣлѣ ихъ физическія свойства, ихъ строеніе представляютъ ясное различіе.

Примѣры такихъ формъ, одинаковыхъ по виду, но различныхъ по системѣ, въ которой они кристализуются, представилъ недавно Леймери (9). Онъ принимаетъ за общее правило, что всякій геміэдрическій многогранникъ состоитъ изъ частицъ, имѣющихъ форму, которая получается при самомъ простомъ явленіи этой геміэдріи и приписываетъ одинаковымъ наружнымъ формамъ различныя составныя части.

Кубъ. — Въ минералогіи существуетъ три рода кубовъ: одинъ полногранный и два геміэдрическіе. Первый, у котораго всѣ грани и также всѣ ребра и углы одинаковы, представляетъ измѣненія только согласныя съ закономъ симметріи. Примѣры—каменная соль, свинцовый блескъ, плавиковый шпатъ.

Изъ двухъ геміэдрическихъ кубовъ, одинъ представляетъ диссимметрію угловъ; сюда принадлежитъ борацитъ. Ребра и грани здѣсь тожественны и всегда представляютъ полныя измѣненія. Частицы имѣютъ форму тетраэдра. Геміэдрія другаго куба относится не къ угламъ, а состоитъ въ диссимметріи граней, вслѣдствіе которой плоскость, притупляющая ребро, не одинаково наклонена къ прилегающимъ гранямъ. Единственные минералы, представляющіе такіе кубы, суть пиритъ и кобальтовый блескъ. Диссимметрія граней ясно обнаруживается въ бороздкахъ, являющихся на пиритѣ; именно бороздка каждой грани перпендикулярна къ

(9) *Leymerie.* Essai d'une explication générale de l'hémiedrie. — L'Institut. T. XXIV, p. 416.



бороздкамъ прилежащихъ граней, Эти бороздки суть не что иное, какъ слѣды выдающихся длинныхъ реберъ частицъ, которыя имѣютъ видъ пиритоэдра.

Шестигранная призма.—Между естественными кристаллами существуетъ также три рода шестигранныхъ призмъ. Полногранная, которая можетъ представить измѣненія, только вполнѣ согласныя съ закономъ симметріи, встрѣчается въ берилѣ, пироморфитѣ, нефелинѣ. Другія двѣ призмы — геміэдрическія. Первая представляетъ сама два вида, построенные однакожь изъ частицъ одинаковой формы. Одинъ изъ этихъ видовъ—обыкновенная форма известковаго шпата, представляетъ одинаковыя притупленія всегда только на шести изъ своихъ основныхъ реберъ: на трехъ верхнихъ и на трехъ нижнихъ поперемѣнныхъ съ верхними. Другой видъ представляетъ подобную-же геміэдрію, но которая обнаруживается въ углахъ, а не въ ребрахъ. Впрочемъ, и въ томъ и въ другомъ видѣ грани и боковыя ребра сохраняютъ полную тожественность. Въ томъ и въ другомъ случаѣ геміэдрическія измѣненія очевидно производятъ ромбоэдръ; слѣдовательно по общему правилу должно принять, что эти геміэдрическія призмы устроены изъ ромбоэдрическихъ частицъ. Направленіе листопрохожденія дѣйствительно указываетъ на такую форму частицъ и ясно характеризуетъ эти геміэдрическія призмы. На-самомъ-дѣлѣ, между-тѣмъ-какъ въ *изумрудѣ* и *апатитѣ* спайность бываетъ параллельна или основанію, или гранямъ, призмы известковаго шпата дѣлятся только по косвеннымъ направленіямъ и притомъ или только на трехъ основныхъ ребрахъ каждого конца, или только на трехъ углахъ.

Другой родъ геміэдрическихъ призмъ встрѣчается только въ одномъ минералѣ, именно турмалинѣ, всегда представляющемъ аномаліи, которыя давно обратили на себя вниманіе и, безъ-сомнѣнія, зависятъ отъ особеннаго строенія его кристалловъ. Въ этихъ кристаллахъ, въ которыхъ почти всегда господствуетъ призматическая форма, обыкновенно соотвѣтствуютъ другъ другу по три части, такъ-что въ поперечномъ разрѣзѣ получается почти треугольникъ. Поэтому, кажется, что не всѣ продольныя части призмы тожественны и что при извѣстныхъ измѣненіяхъ эта призма можетъ произвести трегранную призму. Слѣдовательно для интегральной частицы нужно было-бы принять форму трегранной призмы, еслибы этотъ минералъ не представлялъ другаго рода геміэ-

дріи, обнаруживающейся на концахъ призмы, такъ-что напр. одинъ конецъ можетъ быть заостренъ тремя гранями, а другой оканчиваться плоскостью. Обыкновенно-же оба основанія призмы представляютъ многія измѣняющія плоскости, но эти плоскости вверху и внизу не одинаковы.

Самая простая и прямая форма, указываемая этою двойною геміэдріею, есть очевидно треугольная пирамида съ равностороннимъ основаніемъ. Не трудно видѣть, на-самомъ-дѣлѣ, что шестигранная призма, устроенная изъ такихъ частицъ, представляла-бы именно симметрію тѣхъ формъ, которыя встрѣчаются въ турмалинѣ.

Квадратная призма. — Въ-отношеніи къ строенію можно различать двѣ квадратныя призмы: одну полногранную (цирконъ, идокразъ), состоящую изъ призматическихъ частицъ, и другую геміэдрическую. Геміэдрическая, найденная до-сихъ-поръ только въ мѣдномъ колчеданѣ, видоизмѣняется одинаковымъ образомъ только на четырехъ поперемѣнныхъ углахъ, такъ-что повидимому она представляетъ два рода угловъ, расположенныхъ, какъ въ кубѣ борацита, по два на концахъ одной діагонали. Слѣдовательно мы получимъ многогранникъ подобной тетраэдру, но удлиненный вертикально, подобно первоначальной формѣ. Это будетъ сфеноэдръ, т. е. четырегранникъ, котораго грани будутъ не равносторонніе, а только равнобедренными. Такую форму мы должны приписать частицамъ геміэдрическихъ призмъ.

Предыдущіе примѣры ясно показываютъ, что можно строго отличать геміэдрическія формы отъ полногранныхъ, хотя-бы онѣ имѣли одинаковый наружный видъ.

Н. СТРАХОВЪ.



II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Объ изданіи книги: «Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го».— Благополучно царствующій Государь Императоръ еще въ санѣ Наслѣдника Престола возъимѣлъ мысль, внушенную какъ сыновнею любовью, такъ и интересомъ исторіи, составить подробное и точное описаніе событій, сопровождавшихъ восшествіе на претолъ Августѣйшаго Его Родителя, нынѣ въ Бозѣ почивающаго Императора Николая I. Редакторомъ сего описанія Его Императорскому Величеству благоугодно было избрать, съ Высочайшаго соизволенія Своего Родителя, статсъ-секретаря барона *Корфа*, а матеріалами для сего труда даны были, сверхъ оффиціальныхъ актовъ, хранящихся безгласными въ архивахъ: собственноручная подробная записка, составленная Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ на память для Царственнаго Его Семейства, дневникъ Государыни Императрицы Александры Өеодоровны, бумаги Государя Цесаревича Константина Павловича, воспоминанія Государя Великаго Князя Михаила Павловича, домашняя переписка Членовъ Императорскаго Дома, и, наконецъ, замѣтки и разсказы живыхъ свидѣтелей и дѣятелей дня 14 декабря 1825 года.

Блаженныя памяти Великій Князь Михаилъ Павловичъ удостоилъ описаніе, по симъ даннымъ составленное, просмотромъ и пополненіемъ во всемъ томъ, что до Него относилось; потомъ оно было повѣрено Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, какъ во всѣхъ частностяхъ, такъ и въ общемъ составѣ, и собственноручно Имъ во многомъ исправлено и дополнено.

Получивъ такимъ-образомъ весь характеръ несомнѣнной исторической достовѣрности, это описаніе было напечатано дважды: въ 1848 и 1854 годахъ, но оба раза только въ видѣ манускрипта, въ

двадцати-пяти экземплярахъ, исключительно для Членовъ Императорскаго Дома и нѣсколькихъ приближенныхъ, *какъ семейная тайна.*

Нынѣ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ признать изволилъ за-благо подѣлиться этою тайною съ своимъ народомъ и, въ вѣчную память незабвеннаго Родителя, сдѣлать упомянутое описаніе *общеизвѣстнымъ и доступнымъ всей публикѣ.*

«Императоръ Николай», сказано въ предисловіи, «не нуждается въ хвалебныхъ возгласахъ, но для исторіи нужны истина и доблестные примѣры».

Въ настоящемъ изданіи не только противъ прежнихъ ничего не выпущено, но, напротивъ, оно еще дополнено нѣсколькими важными, вновь найденными документами. Всѣ событія изображены въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, безъ всякихъ умолчаній; а какъ сочиненію сему, по необыкновенной драгоцѣнности матеріаловъ, служившихъ ему основаніемъ, равно и по самой новости подобнаго явленія въ отечественной нашей литературѣ, предстоитъ, безъ сомнѣнія, весьма-обширный кругъ читателей: то признано не излишнимъ нѣкоторые разговоры и письма, помѣщенные въ текстѣ на Французскомъ языкѣ, передать и въ Русскомъ переводѣ особымъ приложеніемъ въ концѣ книги.

Государь Императоръ, Всемилостивѣйше снисходя къ всеподданнѣйшей просьбѣ редактора, Высочайше повелѣть изволилъ: всю выручку отъ продажи настоящаго изданія обратить въ пользу Императорской публичной библіотеки и такимъ-образомъ къ интересу книги, долженствующей возбудить любопытство и сочувствіе каждаго Русскаго, присоединить общеполезную цѣль (*).

«Восшествіе на престолъ Императора Николая I», XIV, 236 стр., въ 8 д. листа, продается въ Императорской публичной Библіотекѣ по 2 р. сер. за экземпляръ.

Съ книгопродавцами дѣлаются особыя условія.

Иногородные, выписывающіе книгу прямо изъ библіотеки, получаютъ ее безъ особой платы за пересылку.

(*) Сочиненіе это, напечатанное въ количествѣ 8 т. экз., распродано, и потому уже явилось въ новомъ — *второмъ* для публики изданіи, выручка отъ котораго также обращена въ пользу Императорской публичной библіотеки.



Зоологическій музеумъ Императорской Академіи Наукъ (*). — Не далеко отъ насъ то время, когда естественно-историческія коллекціи еще были въ глазахъ публики чѣмъ-то лишнимъ и предметомъ простаго дилеттантизма. Тогда въ такъ-называемыхъ музеумахъ, наравнѣ съ естественными предметами, попадались также всякаго рода механическія издѣлія и рѣдкости, которыя выставлялись здѣсь на-показъ любопытству толпы. Исторія и нашей коллекціи также имѣла подобный періодъ, какъ то уже явствуетъ изъ одного имени «кунсткамера», которое и до-сихъ-поръ еще не совсѣмъ исчезло въ публикѣ. Но какъ интересъ основателей, равно-какъ и посѣтителей музеевъ прежняго времени были по большей части только весьма-раздробленный, то не мудрено, что на-ряду съ болѣе, или менѣе сохранными образцами животныхъ встрѣчались и такіе, которые до того были искажены искусствомъ, что вызывали своимъ состояніемъ невольную улыбку знатока. Тотъ, въ чьихъ глазахъ цѣль ограническихъ существъ въ многоразличной ея постепенности являлась однимъ всеобщимъ цѣлымъ, отдѣльныя части котораго могутъ быть вѣрно-понимаемы и основательно изучаемы только во взаимныхъ ихъ соотношеніяхъ между собою, конечно, не могъ находить здѣсь никакого поученія или удовлетворенія. Но между-тѣмъ съ подвигающимся впередъ развитіемъ естественныхъ наукъ и по мѣрѣ бо́льшаго расширенія горизонта вслѣдствіе путешествій въ разныя страны свѣта, мало-по-малу стала возникать также потребность ближе ознакомиться съ представителями разныхъ поясовъ посредствомъ возможно-полныхъ и систематически-расположенныхъ коллекцій. Такія, болѣе соотвѣтственныя научной цѣли собранія естественныхъ предметовъ мы находимъ впервые въ Парижѣ и Лондонѣ. Къ нимъ впослѣдствіи присоединились музеумы въ Вѣнѣ, Лейденѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ и Франкфуртѣ, а равно въ Америкѣ. Нынѣ, какъ извѣстно, въ большей части университетовъ и ученыхъ заведеній, особенно Германіи, встрѣчаются естественно-историческія коллекціи, нерѣдко отличающіяся своимъ обиліемъ и превосходнымъ устрой-

(*) Заимствуемъ эту любопытную статью изъ С. Петерб. Вѣд. (№ 174). Она написана по поводу выхода въ свѣтъ 1-го выпуска каталога зоологическаго музеума академіи и въ сущности извлечена изъ составленнаго директоромъ его г. *фонъ Брандтомъ* введенія, въ которомъ изложенъ краткій очеркъ исторіи этой коллекціи.

ствомъ. Довольно-часто случается также, что значительныя подобныя коллекціи основываются любовью къ наукѣ и пожертвованіями частныхъ лицъ. Здѣсь стоитъ только напомнить о Зенкенбергскомъ музеумѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Петръ Великій, начертавъ планъ академіи наукъ, передалъ ей часть пріобрѣтенной въ Голландіи коллекціи знаменитаго анатомика Рюйска и собранные въ Суринамѣ Себою (Seba), а равно Сивиллою Меріаномъ предметы. Къ нимъ впослѣдствіи времени присоединились коллекціи, составленныя Мессершмидтомъ, Штеллеромъ, обоими Гмелинами, Палласомъ, Фалькомъ, Георги, Лепехинымъ, Гюльденштедтомъ, Биллингсомъ и Лангсдорфомъ (послѣднимъ въ путешествіи вокругъ свѣта Крузенштерна). Но все это было расположено въ мало-удобномъ для этой цѣли помѣщеніи, на-ряду съ другими разнородными предметами и отчасти въ самомъ пестромъ смѣшеніи. Отъ-времени-до-времени, правда, дѣлаемы были попытки лучшаго размѣщенія, но онѣ никогда не были доводимы до конца. Въ такомъ-то состояніи засталъ музеумъ г. фонъ-Брандтъ, сдѣлавшись его директоромъ въ 1831 году, и съ той-то поры начинается преобразованіе этого заведенія на основаніи началъ, принятыхъ въ прочей Европѣ. По устраненіи всего посторонняго, музеумъ былъ переведенъ изъ прежде такъ-называвшейся кунсткамеры въ новопостроенное на этотъ конецъ зданіе, въ которомъ помѣщается и понынѣ. Коллекція состояла изъ довольно-значительнаго числа полиповъ, изъ коихъ сушеные образчики еще отчасти были въ отличной сохранности, изъ нѣсколько меньшаго числа разнообразныхъ животныхъ и колючихъ животно-растеній и немногихъ лишь представителей рыбъ, пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Къ нимъ еще присоединились насѣкомыя, состоявшія изъ первоначальнаго ихъ собранія, изъ породъ, привезенныхъ г. Менетріэ изъ Бразиліи, и наконецъ изъ коллекціи, пріобрѣтенной Гуммелемъ и систематически расположенной г. Менетріэ — всего около 3,000 видовъ. Изъ числа тѣхъ предметовъ, которые въ-теченіе прошлаго столѣтія были собраны академическими путешественниками Мессершмидтомъ, Штеллеромъ, Палласомъ и другими во время ихъ путешествій по Россіи и Сибири, на-лице оказалось только весьма немного, да и то въ совершенно-испорченномъ состояніи.

Но такого рода неполная коллекція едва-ли заслуживала-бы названіе зоологичесскаго музеума, еслибы въ лабораторіяхъ его

не находилось еще большое число собранныхъ Лангсдорфомъ и Менетріэ въ Бразиліи, Кестлицомъ, Мертенсомъ и Изенберомъ въ кругосвѣтное плаваніе Литке и Менетріэ на Кавказѣ, а равно полученныхъ изъ Гаити не менѣе многочисленныхъ породъ животныхъ. Вскорѣ, по распоряженію новаго директора, присоединились еще Европейскія породы, пріобрѣтенныя у Михаиллеса, и богатое собраніе экзотическихъ птицъ, купленное въ Парижѣ. Впослѣдствіи времени музеумъ, благодаря попеченію Гогенаккера, Геблера и Врангеля, обогатился новымъ обильнымъ запасомъ животныхъ и остововъ съ Кавказа, Алтая и изъ Русско-Американскихъ колоній, а равно большимъ числомъ купленныхъ или вымѣненныхъ Европейскихъ и экзотическихъ породъ изъ Германіи, Франціи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи, Англіи и Америки. Но сверхъ-того вновь расцвѣтшее заведеніе снискало себѣ и высокихъ, щедрыхъ поощрителей. Здѣсь слѣдуетъ прежде всего упомянуть объ Августѣйшемъ покровительствѣ, которымъ оно пользовалось со стороны блаженныя памяти Императора Николая I, а равно о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ ему гг. Демидовымъ, Врангелемъ, Крономъ, Купріяновымъ, Фишеромъ и др. Относительно путешествій на пользу естественныхъ наукъ протекшія дѣсятилѣтія были богаче всѣхъ прежнихъ періодовъ. Въ донесеніи г. Брандта мимоходомъ упомянуто о путешествіи академика фонъ-Бара на Новую Землю и о пребыванія его въ Лапландіи, въ Приволжскомъ краю и на берегахъ Каспійскаго моря, о путешествіи Карелина къ южнымъ прибрежьямъ Каспійскаго моря и въ Сибирь, о путешествіи Леманна въ Киргизскія степи и Бухару, о важномъ своими послѣдствіями путешествія академика фонъ-Миддендорфа на сѣверъ и западъ Сибири и къ Охотскому морю, и семилѣтнемъ пребываніи г. Вознесенскаго въ Русско-Американскихъ колоніяхъ, въ Камчаткѣ и у прочихъ береговъ Охотскаго моря, о путешествіяхъ Нордмана, Ратке и Радде въ Крыму, Шренка въ Сибири, Гофмана и Банта на Уралѣ и Морица на Кавказѣ. Всѣ эти предпріятія доставили музеуму множество отчасти недостававшихъ въ немъ, отчасти и вовсе новыхъ и еще не описанныхъ породъ животныхъ, а сверхъ-того привели его въ возможность промѣниваніемъ большаго числа дублетовъ пріобрѣсть себѣ изъ чужихъ краевъ разныя приращенія.

Такимъ-образомъ, по прошествіи четверти столѣтія, музеумъ, находившійся въ то время еще въ состояніи младенчества, подъ

вѣдѣніемъ г. Фонъ-Брандта и неутомимымъ его попеченіемъ, а равно его сотрудниковъ Менетріэ, Шрадера и Вознесенскаго, возросъ до такой степени, что онъ нынѣ хотя и несовсѣмъ еще сравнялся по числу хранящихся въ немъ породъ съ музеями Англіи, Парижа, Лейдена, Берлина и Вѣны, однако по богатству Европейскихъ породъ и по цѣлымъ рядамъ новыхъ, едва по имени извѣстныхъ экзотическихъ породъ, съ честію занимаетъ мѣсто подлѣ знатнѣйшихъ коллекцій чужихъ краевъ. Съ-другой-стороны, онъ въ полной фаунѣ Россіи, въ совершенно сохранныхъ, отчасти еще покрытыхъ шкурою остовахъ мамонтовъ и во многихъ черепахъ этого рода звѣрей, въ весьма поучительныхъ остаткахъ Rhinoceros tichorhinus, въ разныхъ частяхъ описанной Штеллеромъ и названной по его имени, нынѣ-же совершенно исчезнувшей сѣверной морской коровы, единственнаго изъ питающихся растеніями морскихъ колоссовъ Полярнаго моря, а наконецъ въ изготовленныхъ искусною рукою Шрадера чучелахъ звѣрей и во многомъ другомъ обладаетъ такими преимуществами, которыхъ лишены другія большія коллекціи. При преобразованіи музеума по-возможности были приняты въ соображеніе всѣ отдѣлы животнаго царства. Кромѣ сбереженныхъ въ спиртѣ породъ и отлично-набитыхъ Шрадеромъ (*) и его учениками чучелъ животныхъ, музеумъ нашъ, благодаря усердію г. Фонъ-Брандта, пріобрѣлъ еще особенное научное достоинство основаніемъ зоологическаго музеума, который уже нынѣ занимаетъ собою три большіе покоя и заключаетъ въ себѣ начало коллекціи остатковъ уже погибшихъ породъ. Всѣ доселѣ выставленные предметы наполняютъ собою 13 большихъ, непосредственно примыкающихъ одна къ другой залъ, занимающихъ пространство 510 футъ въ длину, 25 въ ширину и 13½ въ вышину. Эти-то помѣщенія въ свою очередь состоятъ въ-связи съ рабочими кабинетами и съ комнатами, служащими для препараціи животныхъ. Но здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что наполненное такимъ-образомъ помѣщеніе едва вмѣстило въ себѣ ⅔ доселѣ пріобрѣтенныхъ предметовъ, отчего необходимо становится расширить его,—что̀, какъ слышно, и будетъ исполнено въ непродолжительномъ времени.

Научныя работы музеума распредѣлены такимъ-образомъ, что

(*) Нынѣ г. Шредеръ занимаетъ мѣсто адъюнкта при естественно-историческомъ музеумѣ въ Бременѣ.



позвоночныя животныя, черепокожныя, многоногія (Myriapoda), лучистыя (Echinodermata), а равно зоотомическая коллекція состоятъ подъ особымъ вѣдѣніемъ г. директора, тогда-какъ слизняки ввѣрены попеченіямъ г. фонъ-Миддендорфа, а насѣкомыя — г. Менетріэ.

Излишне было-бы распространяться здѣсь о томъ, что точный и соовѣтствующій нынѣшнему состоянію науки каталогъ такого собранія естественныхъ предметовъ весьма важенъ не только для зрителя, но и для науки вообще. Если академія, слѣдуя примѣру Британскаго музеума въ Лондонѣ, а равно музеума въ Парижѣ, Зенкенбергскаго и коллекцій въ Галле и Геттингенѣ, приступаетъ къ обнародованію такого каталога, то этимъ самымъ не только открывается возможность сдѣлать быстрый обзоръ всего существующаго на-лице и легко узнавать пробѣлы, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляется поводъ къ точнѣйшему опредѣленію и къ вѣрнѣйшей классификаціи отдѣльныхъ породъ, и чрезъ то, а равно описаніемъ новыхъ или еще мало извѣстныхъ видовъ, содѣйствовать успѣхамъ самой науки. Но какъ подобное предпріятіе требуетъ во всѣхъ своихъ частяхъ немалаго запаса учености и времени, то не удивительно, если такого рода каталоги не вдругъ появляются въ свѣтъ во всей желаемой полнотѣ. По этой-то причинѣ избранный здѣсь путь выпускать отдѣлы, посвященные тому или другому классу или его подраздѣленія порознь, даже и внѣ очереди, кажется наиболѣе соотвѣтственнымъ цѣли. Начало сдѣлано въ первомъ выпускѣ съ дневныхъ бабочекъ и выходъ въ свѣтъ перечня прочихъ классовъ послѣдуетъ по мѣрѣ того, какъ то дозволитъ остающееся отъ другихъ должностныхъ занятій время тѣхъ лицъ, кому поручено это изданіе.

Въ-заключеніе остается еще замѣтить относительно этого перваго отдѣла, что онъ обработанъ г. Менетріэ, который уже болѣе 30 лѣтъ непрерывно посвящаетъ свою дѣятельность энтомологическому отдѣленію музеума и коему мы особенно обязаны за превосходное состояніе этой коллекціи въ музеумѣ. Г. Менетріэ указываетъ въ своемъ предисловіи на тѣ важныя затрудненія, съ которыми было сопряжено изготовленіе каталога этого столь обширнаго отдѣла — затрудненія, главнѣйше проистекавшія отъ столь самопроизвольнаго расположенія и ложныхъ названій, подъ коими доселѣ слыли многія породы. Здѣсь вездѣ требовались самая строгая, основанная на тщательнѣйшемъ изслѣ-

дованіи, критика. Притомъ и самыя доселѣ употребительныя системы нерѣдко оказывались неудовлетворительными. Г. Менетріэ, съ своей стороны, отдалъ преимущество порядку, принятому въ новѣйшее время Дубльдеемъ (Doubleday) въ его довершенномъ трудами Веcтвуда сочиненіи: «The Genera of Diurnal Lepidoptera». Впрочемъ, научное достоинство предлежащаго каталога дневныхъ бабочекъ, объемлющаго собою 1,105 нумеровъ, еще возвысилось тѣмъ, что въ немъ всюду указанъ авторитетъ, на которомъ основывается наименованіе и обозначеніе отдѣльныхъ видовъ, и показана отчизна. Г. Менетріэ съ особенною признательностью упоминаетъ о томъ усердномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи, какое ему оказывалъ въ разрѣшеніи трудной его задачи извѣстный, отличный энтомологъ, г. Бремеръ. Подъ конецъ г. Менетріэ сообщаетъ на 29 страницахъ точное описаніе 44-хъ совершенно новыхъ породъ или такихъ, коихъ прежнее описаніе или опредѣленіе мѣста въ системѣ требовало нѣкоторой поправки. Онъ обѣщаетъ, непосредственно вслѣдъ за этимъ спискомъ дневныхъ бабочекъ, издать въ свѣтъ перечень сумеречныхъ и ночныхъ бабочекъ.

Что̀ касается до постепеннаго происхожденія этого энтомологическаго отдѣла, то слѣдуетъ еще присовокупить, что г. Менѐтріэ, по прибытіи своемъ въ Санктпетербургъ въ 1825 году, засталъ въ музеумѣ изъ старинной академичекой коллекціи только нѣсколько такъ-называемыхъ великолѣпныхъ экземпляровъ, которые однако были до того повреждены, что впослѣдствіи требовали замѣны другими образчиками. Первую основу новой коллекціи составили привезенныя имъ въ то время изъ Бразиліи насѣкомыя, къ которымъ позже присоединились собранныя Іегеромъ (Iäger) на островѣ Гаити и коллекція Германскихъ бабочекъ, которую г. фонъ-Брандтъ принесъ въ даръ музеуму вмѣстѣ съ ихъ гусеницами. Связи, которыя г. Менетріэ завелъ съ главнѣйшими музеями Европы, доставили нашему музеуму путемъ взаимнаго обмѣна много рѣдкихъ видовъ; здѣсь онъ упоминаетъ также о тѣхъ приношеніяхъ, которыя были сдѣланы музеями въ Парижѣ и Лейденѣ, а равно нѣкоторыми частными лицами, какъ-то: господами Сенъ-Флораномъ, Шардини и Эшеръ-Цолликоферомъ. Изъ числа путешествій, предпринятыхъ для обогащенія энтомологическаго отдѣла музеума, въ хронологическомъ порядкѣ приводятся сперва экскурсіи, совершенныя самимъ авторомъ по Высочайшему повелѣнію на Кавказѣ и до тогдашнихъ предѣловъ Персіи, затѣмъ

странствованія заслуженнаго г. Вознесенскаго въ Камчаткѣ и Калифорніи, во время которыхъ онъ собралъ множество тамошнихъ бабочекъ, далѣе путешествіе Леманна въ среднюю Азію, доставившее музеуму много важныхъ породъ и между ними иныя вовсе новыя, путешествія академика фонъ-Миддендорфа по Сибири, не только обогатившее музеумъ многими новыми видами, но и раздвинувшее наше познаніе о географическомъ распространеніи дневныхъ бабочекъ. Къ этому ряду путешествій принадлежатъ еще поѣздки, исполненныя Эверсманомъ въ южной Россіи, Штубендорфомъ въ окрестностяхъ Канска въ Енисейской губерніи и Киндерманномъ въ Азіатской Россіи. Сверхъ-того пріобрѣтено было много иностранныхъ породъ изъ коллекціи г. Шауфельбергера и въ-особенности д-ра Гинце. Г. Мочульскій принесъ музеуму въ даръ многія изъ собранныхъ имъ въ Америкѣ породъ. Изъ числа собирателей нашей столицы г. Менетріэ упоминаетъ о гг. Сиверсѣ, Губерѣ, Фиркенѣ и Бремерѣ, обогатившихъ музеумъ прекрасными, пойманными въ Санктпетербургской губерніи образчиками.

Желательно, чтобы г. фонъ-Брандтъ и достойные его сотрудники и впредь сохранили ревность и бодрость, требующіяся въ столь высокой степени для довершенія начатаго ими трудами подвига!

Присужденіе медалей за диссертаціи на темы по С. Петербургскому университету. — На темы, заданныя въ 1856 году, для соисканія установленныхъ наградъ, представлены студентами *десять* диссертацій, относящіяся ко всѣмъ четыремъ факультетамъ, а именно:

I. По историко-филологическому факультету задана была, по каѳедрѣ Греческой словесности, слѣдующая тема: «*представить начертаніе грамматики Гомеровскаго діалекта, какъ основнаго нарѣчія, изъ котораго образовались позднѣйшія нарѣчія литературныя*». На эту тему поступило одно только сочиненіе, съ девизомъ: «Sprache ist der volle Athem menschlicher Seele». Историко-филологическій факультетъ, предлагая изложенную задачу, опредѣлилъ требованія свои, ограничивая трудъ автора, съ одной стороны, обзоромъ этимологическихъ измѣненій въ языкѣ, въ историческомъ ихъ постоянномъ развитіи, съ другой — общимъ разсмотрѣніемъ употребленія наклоненій. Сочиненіе, представленное въ факультетъ, обнимаетъ только одну первую часть разсужденія, и разсматриваетъ на 288 страницахъ in-4° фонетику Гомеровскаго языка въ-сравненіи съ позднѣйшими діалектами Греческими, но

въ такой подробности и съ такою основательностію, что сочиненіе превышаетъ размѣръ, требуемый задачею, и составляетъ самостоятельное сочиненіе о фонетикѣ Гомеровскаго діалекта. Первый отдѣлъ занимается изложеніемъ придыханій Гомеровскаго языка, преимущественно ученіемъ о дигаммѣ—одною изъ труднѣйшихъ задачъ Греческой грамматики. Авторъ въ началѣ отдѣла представляетъ обзоръ сочиненій грамматическихъ, коими онъ пользовался при рѣшеніи задачи; кромѣ сихъ сочиненій, въ-теченіе самаго изложенія приводятся и мелкія сочиненія и частныя замѣтки издателей Гомера и комментаторовъ, такъ-что предметъ исчерпнутъ вполнѣ по существующимъ нынѣ литературнымъ пособіямъ. Затѣмъ разсматриваются придыханія сильное и легкое, независимо являющіяся отъ дигаммы. Слѣдующая послѣ этого теорія дигаммы въ 10 параграфахъ представляетъ намъ случаи, ясно выражающіе присутствіе этого древняго придыханія, какъ причины, заставляющія предполагать существованіе ея въ явленіяхъ языка, въ которыхъ дигамма не обозначена особымъ знакомъ или даже не оставила слѣда своего прежняго существованія. Очевидно, что такое изслѣдованіе невозможно безъ спеціальнаго разсмотрѣнія этимологическихъ измѣненій и частнаго, подробнаго разбора метрическихъ условій Гомеровскаго стиха. Второй отдѣлъ излагаетъ всѣ измѣненія гласныхъ буквъ, зависящія отъ развитія этимологическихъ формъ языка, или встрѣчающіяся въ Гомеровскихъ сочиненіяхъ подъ извѣстными условіями словосочиненія, или наконецъ являющіяся по требованіямъ Гомеровскаго стиха. Въ третьемъ отдѣлѣ представлено измѣненіе согласныхъ буквъ,—ученіе, тѣсно связанное съ законами производства словъ и словосочиненія. Изложеніе этого отдѣла не уступаетъ предъидущимъ ни въ подробности, ни въ основательности. Не только въ концѣ каждаго отдѣла, но и при изложеніи причинъ каждаго частнаго явленія фонетическаго, вслѣдъ за общимъ выводомъ, представлены въ историческомъ обзорѣ слѣды того-же явленія въ позднѣйшихъ діалектахъ Греческаго языка, съ указаніемъ и объясненіемъ причинъ, способствовавшихъ и препятствовавшихъ развитію и дальнѣйшему существованію этого явленія. Такимъ-образомъ изъ каждаго частнаго явленія выводится отношеніе позднѣйшихъ діалектовъ къ древнѣйшему литературному языку. Изъ обозрѣнія частей диссертаціи явствуетъ, какимъ путемъ авторъ доходитъ до общаго результата, *что Гомеровскій языкъ представляетъ пере-*

ходное состоянiе языка древнѣйшаго, общаго корня Греческихъ дiалектовъ; онъ представилъ, на основанiи фактовъ Гомеровскаго языка, всѣ возможныя направленiя, которыя могъ принять древнѣйшiй языкъ въ существенномъ развитiи своемъ, и изложилъ тѣ явленiя, въ которыхъ различныя направленiя эти осуществились въ позднѣйшихъ дiалектахъ и посему предложенную задачу рѣшилъ. На основанiи вышеизложенныхъ соображенiй, историко-филологическiй факультетъ счелъ добросовѣстный трудъ, представленный студентомъ третьяго курса Владимiромъ *Головинымъ*, свидѣтельствующiй о начитанности автора, объ основательномъ знанiи его Греческаго языка и самостоятельности его взгляда, вполнѣ достойнымъ награжденiя *золотою медалью.*

II. На заданную по каѳедрѣ Турецкой словесности тему: «*оцѣнить литературныя достоинства Хаджи-Хальфы*» представлены двѣ диссертацiи.

Авторъ диссертацiи съ девизомъ: «*уваженiе къ истинѣ есть начало премудрости*», исчисливъ, въ самомъ началѣ, сочиненiя, которыми онъ воспользовался при составленiи своей диссертацiи, раздѣляетъ ее на 4 части. Въ первой части, представляющей современное Хаджи-Хальфѣ состоянiе Турецкой литературы, допустивъ, можетъ быть и справедливо въ нѣкоторомъ отношенiи, что ученая литература Турокъ заимствована вся отъ Арабовъ, счелъ онъ необходимымъ изложить, во-первыхъ, сущность ислама, условiя, способствовавшiя распространенiю его, и во-вторыхъ показать, въ какомъ видѣ и объемѣ были у Арабовъ науки и искусства, заимствованныя Турками. Здѣсь можно-бы замѣтить автору, что въ очеркѣ ислама и образованности Арабовъ входитъ онъ въ лишнiя для своего предмета подробности. Затѣмъ онъ начерталъ состоянiе и направленiе Турецкой образованности и литературы съ появленiя Хаджи-Хальфы и при его жизни. Кажется, что при этомъ изложенiи главными его путеводителями были Тодерини и Гаммеръ. Во второй части, содержащей краткiй очеркъ бiографiи Хаджи-Хальфы, авторъ сообщаетъ текстъ автобiографiи, заимствованный изъ Турецкой христоматiи Виккергаузера, исправивъ въ немъ довольно удачно ошибки и опечатки, съ присовокупленiемъ Русскаго перевода и примѣчанiй историческихъ и литературныхъ. Эта часть обработана съ полнымъ знанiемъ дѣла. Предметомъ третьей части служитъ разборъ нѣкоторыхъ сочиненiй Хаджи-Хальфы. Авторъ ограничивается разсмотрѣнiемъ печатныхъ

его сочиненій, а именно: 1) Библіографическаго лексикона, изданнаго Флигеломъ, 2) Историческихъ таблицъ, 3) Исторіи морскихъ походовъ, 4) Автобіографіи, 5) Географіи, подъ заглавіемъ: Джиханъ-Нума, и наконецъ описанія Румеліи и Босніи, переведеннаго Гаммеромъ. Такимъ способомъ онъ разобралъ капитальные труды Хаджи-Хальфы; жаль, что не могъ онъ воспользоваться нѣкоторѣми рукописями, находящимися въ библіотекахъ столицы. Изъ разобранныхъ имъ сочиненій иногда выписываетъ свѣдѣнія, относящіяся къ отечественной исторіи, напр. изъ морскихъ походовъ нѣкоторыя стычки Турокъ съ Украинскими Запорожскими казаками, имъ Джиханъ-Нума—описаніе двухъ городовъ: Тифлиса и Баку. При разсмотрѣніи самыхъ сочиненій, находится оцѣнка ихъ переводовъ на Европейскихъ языкахъ, высказанная общимъ выводомъ изъ сравненій каждаго подлинники съ его переводомъ, не обращая вниманія на мелкіе ихъ недостатки, и въ этой части замѣтно въ авторѣ достаточное знаніе Турецкаго языка. Наконецъ четвертая часть показываетъ вліяніе Хаджи-Хальфы на Турецкую письменность. Здѣсь авторъ старался, какъ самъ говоритъ въ предисловіи, быть по-возможности краткимъ, чтобы излишне не повторять многаго, сказаннаго прежде, въ особенности-же въ третьей части при разборѣ каждаго сочиненія отдѣльно. По причинѣ краткости, изложеніе этой части очень сбивчиво и крайне недостаточно. Онъ сообщаетъ только легкіе намѣки на дѣятельность писателя, не говоря вполнѣ о его вліяніи. Этотъ, хотя общій, взглядъ на диссертацію даетъ понятіе о ея достоинствѣ. Сочиненіе это обнаруживаетъ хорошее знаніе Османскаго языка и добросовѣстность изслѣдованій, соединенныхъ съ яснымъ и правильнымъ изложеніемъ. Вслѣдствіе чего авторъ этой диссертаціи, студентъ IV курса *Мелитонъ Городенскій*, удостоенъ награды *золотою* медалью. Авторъ второй диссертаціи, съ девизомъ «Ex oriente lux», слѣдуетъ одинаковому плану и раздѣленію съ авторомъ предъидущей диссертаціи. Оба писателя руководствовались почти одними и тѣми-же источниками, а потому оба сочиннінія во многихъ мѣстахъ сходны между собою какъ въ приводимыхъ цитатахъ, такъ и въ собственныхъ выводахъ относительно оцѣнки Хаджи-Хальфы; но второе уступаетъ первому въ ясности изложенія, отчетливости сужденія и вѣрности переводовъ. Притомъ оно наполнено посторонними мелочами, напр. этимологіею обыкновенныхъ словъ: улема, тарихъ, таквимъ, фезлике, замѣчаніями о хидж-

рѣ, пилигримствѣ въ Мекку и проч. Но, принявъ въ соображеніе, что авторъ этой диссертаціи выказываетъ неоспоримый талантъ и любовь къ занятіямъ по восточной филологіи, факультетъ восточныхъ языковъ призналъ автора этой диссертаціи, студента II-го курса *Николая Оберъ-Миллера*, достойнымъ награды *серебряною* медалью.

III. Отъ физико-математическаго факультета предложены были темы: а) для разряда математическихъ наукъ, по каѳедрѣ математики: «*о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ*». На эту тему представлены студентами два сочиненія: подъ № III съ эпиграфомъ: «omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci» и подъ № IV съ эпиграфомъ: «c'est en quoi consiste la méthode connue de maximis et minimis».

Первое изъ этихъ сочиненій (№ III) состоитъ изъ *семи* главъ слѣдующаго содержанія: Глава I. *О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ явныхъ функцій объ одной перемѣнной независимой*. Глава II. *О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявной функціи объ одной перемѣнной независимой*. Глава III. *О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, представляющихъ особенныя или какія-либо прерывныя величины функцій объ одной перемѣнной независимой*. Глава IV. *О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій объ одной перемѣнной независимой, представляющихъ особенныя величины сихъ функцій*. Глава V. *О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ явныхъ функцій многихъ перемѣнныхъ независимыхъ*. Глава VI. *О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ*. Глава VII. *О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ, представляющихъ особенныя величины сихъ функцій*. Диссертація оканчивается нѣкоторыми подробностями *о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ въ вопросахъ, относящихся къ исчисленію варіацій*. Изъ этого перечня статей, входящихъ въ составъ сочиненія подъ № III, можно уже заключить, что авторъ старался изложить теорію наибольшихъ и наименьшихъ величинъ съ возможною полнотою. Удачнымъ выборомъ аналитическихъ пріемовъ и вѣрнымъ взглядомъ на предметъ онъ несомнѣнно доказалъ, что совершенно знакомъ съ лучшими какъ прежними, такъ и современными трудами по этому вопросу. Скажемъ болѣе: авторъ не довольствовался тѣмъ, что передалъ въ стройномъ, ясномъ изложеніи извѣстную теорію, составляющую

предметъ заданной темы; онъ еще дополнилъ эту теорію нѣкоторыми самостоятельными замѣчаніями. Эти дополненія, которыя находимъ въ главахъ III, IV и VII, относятся къ тѣмъ случаямъ, когда функція объ одной или нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ, притомъ явная или неявная, имѣетъ особенныя наибольшія или наименьшія величины, что случается при неразложимости приращенной функціи по Тэйлоровой теоремѣ. На этотъ предметъ, менѣе обработанный въ курсахъ дифференціальнаго исчисленія, авторъ обратилъ особенное вниманіе, и мы можемъ сказать, что ему удалось съ успѣхомъ пополнить этотъ пробѣлъ. Кромѣ-того, разсматриваемая диссертація заслуживаетъ полнаго одобренія по значительному числу частныхъ примѣровъ, обдуманно и удачно выбранныхъ, и поэтому хорошо объясняющихъ правила. Наконецъ,—и это достоинство весьма важное въ первыхъ трудахъ молодыхъ людей,—диссертація написана языкомъ правильнымъ, изложеніе отличается ясностью, опредѣлительностью и логическою послѣдовательностью. Она, смѣло можемъ сказать, стбитъ того, чтобы быть изданною въ какомъ-либо математическомъ журналѣ, не предназначенномъ исключительно для помѣщенія только совершенно новыхъ изысканій. По всѣмъ симъ уваженіямъ, факультетъ призналъ, что авторъ диссертаціи за № III, студентъ III курса Александръ *Коркинъ*, вполнѣ достоинъ награды *золотою* медалью.

Второе соискательное сочиненіе, за № IV, имѣетъ заглавіе: «*О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ*» съ девизомъ: «C'est en quoi consiste la méthode de maximis et minimis». (Lagrange). По полнотѣ содержанія, она мало уступаетъ первой разсмотрѣнной нами диссертаціи; собственно, въ ней пропущена только статья объ *особенныхъ наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій о нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ*, которая изложена очень отчетливо въ № III. Остальные случаи, относящіеся къ заданной темѣ, въ сочиненіи № IV, изслѣдованы съ достаточною полнотою. Но хотя эта диссертація и удовлетворительна по объему излагаемыхъ въ ней предметовъ, однакожь, въ другихъ отношеніяхъ, она далеко не имѣетъ достоинствъ сочиненія № III. Недостатокъ самостоятельности, во многихъ мѣстахъ, обнаруживается какою-то отрывочностью текста; невольно останавливаешься на мысли, что авторъ слишкомъ буквально заимствовалъ изложеніе нѣкоторыхъ статей изъ разныхъ сочиненій. Не смотря на указанные



недостатки, диссертація за № IV несомнѣнно свидѣтельствуетъ о трудолюбіи ея сочинителя, и даже, по нѣкоторымъ подробностямъ изложенія, о его находчивости при аналитическихъ соображеніяхъ. На такомъ основаніи факультетъ призналъ, что сочиненіе за № IV, представленное студентомъ III курса *Михаиломъ Авенаріусомъ*, можетъ быть удостоено почетнаго отзыва.

Для разряда естественныхъ наукъ предложена была тема по каѳедрѣ химіи: «*изслѣдовать различные сорты Русскаго поташа, добываемаго въ различныхъ мѣстностяхъ и изъ различныхъ матеріаловъ, и опредѣлить относительное ихъ достоинство.* На эту тему представлены двѣ диссертаціи:

1) Диссертація съ девизомъ: «trado, quae potui». Во введеніи къ этой диссертаціи авторъ объясняетъ, съ какой стороны онъ смотритъ на данный вопросъ и исчисляетъ источники, которыми онъ пользовался. Самая диссертація состоитъ изъ двухъ частей: въ первой говорится *о добываніи поташа*, во-второй — *объ его анализѣ*. Въ первой части авторъ знакомитъ читателя съ матеріалами, служащими для добыванія поташа, и потомъ уже переходитъ къ его *фабрикаціи*. Здѣсь подробно говорится о полученіи золы, ея выщелачиваніи, выпариваніи полученнаго щелока и наконецъ прокаливаніи твердой массы. При каждомъ производствѣ, авторъ подробно описываетъ способы, преимущественно употребляемые въ Россіи. Тщательно отдѣланные чертежи приложены къ сочиненію и объясняютъ его. Во-второй части, гдѣ говорится *о химическомъ анализѣ поташа*, авторъ критически разсматриваетъ различные способы, при семъ употребляемые, описываетъ способъ Фрезеніуса и Вилля, Гейслера, Рожжерса, Фритче и Розе, знакомитъ съ ходомъ анализа посредствомъ титорванныхъ жидкостей, прибавляетъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній объ опредѣленіи кали, натра и прочихъ основаній и въ-заключеніе приводитъ результаты анализовъ, которые были имъ сдѣланы надъ различными образчиками Русскаго поташа, бывшими въ его распоряженіи. Изъ сихъ анализовъ выводится между прочимъ то вѣрное заключеніе, что въ лучшихъ сортахъ Русскаго поташа содержится до 87% чистаго углекислаго кали, и что еще нашъ поташъ не уступаетъ въ д бротѣ ни Американскому, ни другимъ. Принимая во вниманіе совѣстливое изложеніе предмета, тщательное изученіе литературы его и цѣлый рядъ анализовъ, требовавшихъ постояннаго вниманія и точности,

авторъ представленной диссертаціи, студентъ IV курса Отто *Паульсонъ*, признанъ достойнымъ награды *золотою* медалью.

2) Вторая диссертація на ту-же тему о добываніи поташа имѣетъ девизомъ: «corpora non agunt, nisi soluta». Авторъ разсматриваемой диссертаціи довольно подробно говоритъ о добываніи поташа, описываетъ устройство печей, при семъ производствѣ употребляемыхъ, знакомитъ читателя съ химическими пріемами, необходимыми при опредѣленіи составныхъ частей поташа, и представляетъ рядъ сдѣланныхъ имъ анализовъ надъ различными сортами Русскаго поташа; но во всѣхъ этихъ статьяхъ не находится той разносторонности и того знанія дѣла, которое видно въ авторѣ первой диссертаціи. Посему автору этого сочиненія, студенту IV курса *Александру Веселовскому*, присуждена *серебряная* медаль.

IV. Отъ юридическаго факультета предложена была тема по каѳедрѣ общенароднаго правовѣдѣнія и дипломаціи: «*о консулахъ, ихъ власти, правахъ и обязанностяхъ*». Здѣсь требовалось: 1) изложить начало и постепенное развитіе консульскихъ учрежденій; 2) опредѣлить систематически права и обязанности консуловъ на основаніи международныхъ обычаевъ, трактатовъ и положительныхъ законовъ главнѣйшихъ государствъ; 3) показать причину различія власти и привилегій, присвоенныхъ консуламъ на востокѣ, въ-сравненіи съ консулами Европейскими и Американскими.

На эту тему представлены были въ юридическій факультетъ три диссертаціи: одна за № I съ девизомъ «La théorie du consulat reste encore à construire»; другая за № II съ девизомъ: «*Въ каждомъ консулѣ необходимы: любовь къ отчизнѣ, сочувствіе къ ея интересамъ и желаніе быть ей полезнымъ*», и третья за № X съ девизомъ «Nihil sine sudore. Nit sine magno vita labore dedit mortalibus». Изъ этихъ разсужденій особеннаго вниманія заслуживаетъ диссертація подъ № X, съ девизомъ: «Nihil sine sudore. Nil sine magno vita labore dedid mortalibus». Она не только выполняетъ всѣ требованія программы, разрѣшаетъ удовлетворительно всѣ заключающіяся въ темѣ задачи, но обнаруживаетъ въ авторѣ мужественную зрѣлость мысли, твердость сужденій и снаровку къ юридическимъ розысканіямъ, которыя заставляютъ ожидать въ авторѣ весьма полезнаго на будущее время дѣятеля на поприщѣ науки. Консульское право, какъ сознается и самъ авторъ, столь тщательно и всесторонне обработано въ новѣйшее время цѣлымъ рядомъ появившихся въ нынѣшнемъ столѣтіи сочиненій, что нѣтъ воз-

можности ожидать нынѣ отъ занимающихся этимъ предметомъ новыхъ взглядовъ, новыхъ результатовъ. Это богатство литературы, исчерпавшей почти всѣ вопросы о консульскомъ правѣ, не помѣшало автору быть самостоятельнымъ. Историчаская часть его диссертаціи, основанная на изученіи первоначальныхъ источниковъ, дополняетъ новыми указаніями и современными данными колоссальный трудъ Мильтица и представляетъ весьма полную, ясную, оживленную картину постояннаго развитія консульскихъ учрежденій. Въ догматической части разобраны съ замѣчательнымъ критическимъ тактомъ противоположныя мнѣнія публицистовъ о всѣхъ спорныхъ вопросахъ консульскаго права. Анализъ самыхъ учрежденій весьма полонъ, правиленъ и доходитъ до тончайшихъ подробностей. Лучшая похвала этого разсужденія состоитъ въ томъ, что оно составляетъ трудъ полезный въ наукѣ — даже послѣ сочиненій Оппенгейма, Неймана, Деклерка и Валля.

Гораздо слабѣе и ниже по достоинству два другія разсужденія. Общіе обоимъ недостатки заключаются въ слѣдующемъ:

1) Оба сочинителя при разработкѣ историческихъ вопросовъ, относящихся къ консульскому праву, довольствовались трудами ученыхъ, занимавшихся исторіею консульскихъ учрежденій, не заглянули даже, дабы ихъ повѣрить и дополнить, въ первоначальные источники, въ собранія трактатовъ Дюмонта, Венка и даже въ новѣйшія Мартенса и Мургарда. 2) Недостатокъ самостоятельности во взглядахъ на предметъ. Еслибы даже сочинители ограничились однимъ только систематическимъ изложеніемъ консульскихъ учрежденій, то все-таки, имѣя подъ рукою весьма богатую литературу этого предмета, должны были-бы разобрать подробно всѣ спорные вопросы. Оба напримѣръ указываютъ на то, что значеніе консуловъ еще не опредѣлилось съ совершенною точностью; одни изъ публицистовъ видятъ въ нихъ *дипломатическихъ*, другіе только *торговыхъ агентовъ*. Отъ рѣшенія этого основнаго вопроса зависитъ взглядъ на всю систему правъ и обязанностей консуловъ. Ни одинъ изъ сочинителей не подвергаетъ критикѣ приводимыхъ имъ авторитетовъ, не дѣлаетъ анализа выставляемыхъ съ той и съ другой стороны доказательствъ. 3) Наклонность къ обобщенію особенностей, къ возведенію частныхъ правилъ на степень общихъ началъ. Въ консульскихъ учрежденіяхъ, возникшихъ и развившихся путемъ историческимъ, нельзя предполагать внѣшней си-

стематической правильности плана, однообразія формъ. Такъ, напримѣръ, титулы, даваемые консуламъ, не всегда выражаютъ іерархическую подчиненность однихъ другимъ; не во всякомъ государствѣ совокупность его консульствъ въ чужой странѣ разсматривается какъ одно цѣлое, съ дѣленіемъ на области и значительнѣйшіе торговые пункты. Не вездѣ, напримѣръ, при консулахъ находятся канцлеры или должностныя лица съ одинакими названіями и одинакимъ кругомъ обязанностей.

Такъ-какъ, относительно исторіи консульскихъ учрежденій, главнымъ источникомъ для обоихъ сочинителей служилъ трудъ Мильтица, то обѣ диссертаціи въ историческихъ своихъ главахъ, очень похожи одна на другую. Недостатокъ исторической разработки вознаграждается въ диссертаціи съ девизомъ: «La théorie du consulat reste encore à construire», отчетливымъ и порядочнымъ догматическимъ изложеніемъ правъ и обязанностей консуловъ, круга ихъ дѣятельности, предѣловъ ихъ власти въ настоящее время. Хотя это изложеніе и не отличается особенною оригинальностью, но тѣмъ не менѣе оно обнаруживаетъ въ сочинителѣ умъ систематическій, ловкость въ юридической діалектикѣ и правильность какъ въ основномъ планѣ сочиненія, такъ и въ обработкѣ отдѣльныхъ частей.

Что касается до послѣдней диссертаціи, съ девизомъ: «*Въ каждомъ консулѣ необходимы: любовь къ отчизнѣ, сочувствія къ ея интересамъ и желаніе быть ей полезнымъ*», то она вообще можетъ считаться трудомъ неудачнымъ, немогущимъ выдержать строгой критики, безсвязнымъ скопленіемъ разнородныхъ данныхъ, безъ твердаго плана, безъ надлежащей раздѣльности и опредѣлительности въ основныхъ понятіяхъ; впрочемъ, и она заслуживаетъ одобренія по обилію собранныхъ въ ней матеріаловъ и обширности ея размѣра.

Соображая относительныя достоинства и недостатки разсужденій, представленныхъ юридическому факультету, совѣтъ университета опредѣлилъ: диссертацію за № V съ девизомъ: «Nihil sine sudore, nil sine magno vita labore dedit mortalibus», представленную студентомъ IV курса разряда юридическихъ наукъ, *Карломъ Шнейдеромъ*, наградить *золотою* медалью и ходатайствовать о напечатаніи ея на счетъ университетскихъ суммъ; а диссертацію за № 1 съ девизомъ: «La théorie du consulat reste encore à con-

struire», представленную студентомъ III курса разряда юридическихъ наукъ, *Яковомъ Серебрянымъ* наградить *серебряною* медалью; диссертацію-же за № II съ девизомъ: «*Въ каждомъ консулѣ необходимы: любовь къ отчизнѣ, сочувствіе къ ея интересамъ и желаніе быть ей полезнымъ*», написанную студентомъ IV курса разряда юридическихъ наукъ *Василіемъ Михалевскимъ*, удостоить почетнаго отзыва.

Задачи, предлагаемыя Императорскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства южной Россіи. — Вотъ перечень задачъ, предлагаемыхъ Императорскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства южной Россіи на конкурсъ 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869 и 1870 годовъ.

1) О важности торговли сельскими произведеніями юга Россіи, по отношенію къ отечеству и другимъ государствамъ Европы. — *Эта задача была предложена высокопреосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ.* — *Къ* 1-*му января* 1859 *года.*

2) Написать практическое руководство къ огородничеству для простаго народа южной Россіи, съ показаніемъ вліянія огородныхъ произведеній на общественное здоровье. — *Къ* 1-*му января* 1859 *года.*

3) Доказать: были-ли лѣса въ степяхъ южной Россіи. Если были, то изъ какихъ породъ преимущественно состояли. Могутъ-ли означенныя степи покрыться лѣсами; если могутъ, то какими именно породами деревъ и кустарниковъ, и какихъ выгодъ можно ожидать для юга Россіи отъ всеобщаго распространенія лѣсной растительности на степяхъ его. — *Эта задача также предложена было архіепископомъ Иннокентіемъ, которому угодно было принять конкурсъ за разрѣшеніе ея на собственный счетъ.* — *Срокъ къ* 1-*му января* 1860 *года.*

4) Составить примѣнительно къ югу Россіи, на основаніи мѣстныхъ опытовъ и физическихъ условій этого края, рабочіе уроки по всѣмъ сельско-хозяйственнымъ работамъ, или производствамъ.

Примѣчаніе. Рабочая сила должна быть принята средняя. — *Къ* 1-*му января* 1860 *года.*

5) Описать такія ремесла, которыя могли-бы составить значительную статью доходности южно-Русскаго степнаго крестьянина. — *Къ* 1-*му января* 1860 *года.*

6) Изобрѣсти молотильную машину, вполнѣ примѣнительную къ степному хозяйству юга Россіи.—*Къ* 1-*му января* 1861 *года.*

7) Написать сочиненіе, въ которомъ со всѣми доводами, заимствованными изъ области сельскаго хозяйства и политической экономіи, были-бы раскрыты всѣ выгоды и невыгоды раздѣленія зеземель между поселянами на мелкіе нераздробляемые семейные участки. — *Эта задача предложена инспекторомъ сельскаго хозяйства южныхъ губерній, д. членомъ общества Д. Н. Струковымъ.* — *Къ* 1-*му января* 1861 *года.*

8) Описать морскіе и рѣчные рыбные промыслы Новороссійскаго края и Бессарабіи, съ показаніемъ: a) получаемыхъ отъ нихъ выгодъ, b) ихъ недостатковъ и c) способовъ улучшенія. — *Эта задача также предложена была высокопреосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ.* — *Къ* 1-*му января* 1862 *года.*

9) Описать бытъ южно-Русскаго крестьянина (крѣпостнаго и государственнаго) и средства его жизни, т. е. трудъ и произведенія этого труда, во всѣхъ отношеніяхъ. — *Къ* 1-*му января* 1862 *года.*

10) Изобрѣсти способъ предохраненія хлѣба отъ жучковъ (Anisoplia austriaca), выпивающихъ зерна въ колосьяхъ.—*Къ* 1-*му января* 1863 *года.*

11) Изобрѣсти дешевый гидравлическій цементъ изъ мѣстныхъ матеріаловъ, который могъ-бы предохранять жилыя строенія отъ сырости и служить для связки камней въ водяныхъ постройкахъ. — *Къ* 1-*му января* 1864 *года.*

12) Описать состояніе коннозаводства южной Россіи во всѣхъ отношеніяхъ.—*Къ* 1-*му января* 1864 *года.*

13) Составить полное, примѣненное къ степямъ юга Россіи и основанное на опытахъ этого края, руководство къ устройству запрудъ, съ показаніемъ необходимости ихъ для степей юга Россіи. — *Къ* 1-*му января* 1864 *года.*

14) Написать сочиненіе о распредѣленіи почвъ и подпочвъ южной Россіи (или которой-нибудь изъ ея губерній), съ показаніемъ: главныхъ составныхъ частей (по механическому анализу) этихъ слоевъ; ихъ физическихъ свойствъ и степени производительности.—*Къ* 1-*му января* 1865 *года.*

15) Описать, на основаніи мѣстныхъ опытовъ, всѣ породы рогатаго скота, которыя должны почитаться для юга Россіи самыми



лучшими по: 1) молочности, 2) работѣ и 3) откармливанію, и показать лучшіе способы (мѣстными средствами) ухода за нимъ. — *Къ 1-му января* 1866 *года.*

16) Описать раковистый известнякъ Новороссійскаго края (или въ-частности Херсонской губерніи): 1) виды и составъ его; 2) распространеніе въ смыслѣ геологическомъ и практическомъ и 3) употребленіе. — *Къ* 1 *января* 1866 *года.*

17) Обозрѣть во всѣхъ отношеніяхъ значеніе, для юга Россіи, живыхъ изгородей, съ показаніемъ: a) устройства ихъ; b) тѣхъ древесныхъ породъ, которыя съ особенною выгодою и удобствомъ могутъ быть употреблены для этой цѣли, и c) тѣхъ выгодъ, которыя могутъ быть доставлены живыми изгородями степному полеводству юга Россіи. Эти выгоды должны быть подкрѣплены произведенными для этой цѣли опытами.—*Къ 1-му января* 1867 *года,*

18) Доказать опытами: какія самыя лучшія орудія для обработки земли въ степныхъ мѣстахъ юга Россіи; какая обработка должна почитаться самою лучшею по-отношенію къ этому краю; какая должна быть принята здѣсь система полеводства—какъ самая выгодная по-отношенію доходности и сбереженію тучности земли. —*Къ* 1 *января* 1868 *года.*

19) Указать, на основаніи опытовъ: какія растенія вообще и въ-частности изъ семейства стручковыхъ (Papilionaceae), входящихъ въ составъ южно-Русской флоры, могутъ быть разводимы въ здѣшнихъ степяхъ, какъ кормовыя травы (подобно клеверу и др.), безъ особыхъ опасеній со стороны сухости степнаго климата.—*Къ* 1 *января* 1869 *года.*

20) Описать, на основаніи мѣстныхъ опытовъ, всѣ красильныя растенія, которыя могутъ быть разводимы на югѣ Россіи. — *Къ* 1 *января* 1869 *года.*

21) Изслѣдовать породу дикихъ лошадей, водящихся въ плавняхъ Днѣпра, пріурочить ее и представить результаты смѣшенія ея съ другими породами.—*Къ* 1 *января* 1870 *года.*

22) Изслѣдовать сорго (Holcus saccharatus) во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. какъ растеніе хлѣбное, кормовое, красильное, сахарное и винокуренное. Изслѣдованія должны быть подкрѣплены десятилѣтними опытами, произведенными въ большихъ размѣрахъ.—*Къ* 1 *января* 1870 *года.*

(*Одесск. вѣстн.* № 75).

Торжественный актъ въ Пермской гимназіи. — 27 іюня, по случаю окончанія учебнаго года, въ Пермской гимназіи былъ торжественный актъ, въ присутствіи высокопреосвященнаго архіепископа Пермскаго, почетнѣйшихъ лицъ города, родителей воспитанниковъ и другихъ посѣтителей. По пропѣтіи молитвы: *Царю небесный*, старшій учитель *Ѳирсовъ* прочелъ «Историческій очеркъ древнѣйшихъ обитателей Пермскаго края и первоначальнаго ихъ политическаго устройства при царѣ Борисѣ Годуновѣ.» Сочиненіе это, столь близкое по своему содержанію жителямъ г. Перми и хорошо изложенное, обратило на себя особенное вниманіе всѣхъ посѣтителей. Затѣмъ ученики гимназіи читали рѣчи на языкахъ: Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ; пѣвчіе пропѣли концертъ, а потомъ секретарь педагогическаго совѣта, старшій учитель *Залежскій* читалъ «Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Пермской губерніи въ-теченіе 1856—1857 академическаго года». Послѣ произнесенія фамилій учениковъ, удостоенныхъ по окончаніи курса выпуска изъ гимназіи съ аттестатами, наградъ золотою медалью, похвальными листами и книгами и перевода въ слѣдующіе классы, одинъ изъ учениковъ гимназіи произнесъ на Русскомъ языкѣ благодарственную рѣчь, обращенную къ посѣтителямъ. Актъ былъ заключенъ народнымъ гимномъ: *Боже, Царя храни!*

Публичные акты въ Екатеринбургскомъ и Верхотурскомъ уѣздныхъ училищахъ. — По случаю окончанія учебнаго года, происходили публичные акты въ уѣздныхъ училищахъ: Екатеринбургскомъ — 25 іюня, и Верхотурскомъ — 15 іюля, въ присутствіи почетныхъ жителей сихъ городовъ, а актъ перваго изъ сихъ училищъ почтилъ своимъ присутствіемъ г. главный начальникъ заводовъ хребта Уральскаго, генералъ-маіоръ Ѳ. И. *Фелькнеръ*. По пропѣтіи молитвы: *Царю небесный* и послѣ произнесенія привѣтственныхъ рѣчей, въ Екатеринбургскомъ уѣздномъ училищѣ ученики читали стихи и басни на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, а учитель Французскаго языка *Винтеръ* читалъ сочиненіе: «О воспитаніи», а въ Верхотурскомъ училищѣ ученики читали басни Крылова и нѣкоторыя избранныя стихотворенія другихъ Русскихъ писателей; учитель Русскаго языка *Бѣловъ* прочелъ разсужденіе: «О значеніи города Верхотурска въ историческомъ отношеніи», и наконецъ штатный смотритель *Поповъ* — «Отчетъ о состояніи Верхо-

турскихъ училищъ за 1856 — 57 учебный годъ». По объявленіи именъ учениковъ, окончившихъ полный курсъ ученія и переведенныхъ въ высшіе классы и по раздачѣ наградъ отличившимся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, въ обоихъ училищахъ произнесены были благодарственныя рѣчи и акты были заключены пѣніемъ народнаго гимна: *Боже, Царя храни!*

Изданіе карты Римскокатолическихъ епархій въ Россіи. — По случаю издаваемаго въ Римѣ собранія ландкартъ, указывающихъ предѣлы Римскокатолическихъ церквей во всѣхъ частяхъ земнаго шара, была доставлена въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по Высочайшему повелѣнію, карта Римскокатолическихъ епархій въ Россіи, для поправокъ и пополненій. Митрополитъ Римскокатолическихъ церквей, которому карта сія была препровождена на разсмотрѣніе, нашелъ ее недостаточною и невѣрною въ самыхъ названіяхъ мѣстъ, почему и призналъ болѣе полезнымъ содѣйствовать къ изданію такой-же карты, составленной надворнымъ совѣтникомъ *Гирштовтомъ* и разсмотрѣнной военно-топографическимъ депо, въ которой означены нетолько приходскія церкви, но и филіальные костелы и каплицы. Вслѣдствіе сего предложено Римскокатолической духовной коллегіи, повѣривъ и исправивъ карту, составленную Гирштовтомъ, распорядиться о безотлагательномъ ея изданіи составителемъ, выдавъ ему на сей предметъ въ пособіе 800 р. сер. изъ вспомогательнаго капитала Римскокатолическаго духовенства, съ-тѣмъ-чтобы 55 экземпляровъ такой карты было доставлено безплатно въ министерство внутреннихъ дѣлъ, для употребнія по его назначенію, и чтобы карта эта продавалась духовнымъ лицамъ не дороже 3 р. сер. за экземпляръ.

(*Ж. м. вн. д.*).

Письма изъ-за границы русскаго преподавателя. — Въ послѣдней книжкѣ мы указали на содержаніе заграничныхъ писемъ одного изъ нашихъ преподавателей, В. И. *Водовозова*, въ которыхъ такъ ясно выразилось то, чѣму преимущественнаго посвящено было пребываніе его чужой землѣ. Долгомъ почитаемъ указать также на заграничныя письма въ редакцію «Московскихъ вѣдомостей» преподавателя физики въ Московскомъ университетѣ Н. А. *Любимова*, которыя, какъ и письма г. Водовозова, вполнѣ внятно говорятъ, что

было цѣлію путешествія за границу автора сихъ писемъ. Вотъ напримѣръ часть письма г. Любимова изъ Парижа, отъ $^{22}/_{10}$ іюня: «Перехожу къ предмету наиболѣе меня интересующему: состоянію науки и преподаванія въ главныхъ ученыхъ учрежденіяхъ Парижа. Мои ожиданія не оказались преувеличенными. Не рѣшаюсь говорить о состояніи наукъ философскихъ, политическихъ, историческихъ, касающихся интересовъ, тѣсно связанныхъ съ жизнію государственною; не рѣшаюсь говорить и по недостатку свѣдѣній и еще потому, что сужу по программамъ и двумъ, тремъ лекціямъ, на которыхъ былъ изъ любопытства. Сколько я могъ замѣтить, нынѣшняя эпоха не составляетъ блистательной страницы въ исторіи преподаванія съ Парижскихъ каѳедръ этихъ отраслей человѣческаго знанія. Нѣтъ именъ, которыя-бы гремѣли, нѣтъ курсовъ, которые-бы увлекали массы и составляли эпоху въ умственной жизни, какъ въ прошлое время. Мнѣ случилось быть на лекціи исторіи философіи. Молодой преподаватель г. Сессе (Saisset) весьма ясно излагалъ идеи Лейбница о безконечности въ пространствѣ и времени. Большая часть слушателей состояла изъ людей пожилыхъ, молодежи почти не было. Я замѣтилъ, что двое или трое изъ слушателей-старичковъ покоились сладкимъ сномъ. Рукоплесканія холодны. Но за то преподаваніе опытныхъ наукъ стоитъ на высокой степени. Не знаю, какъ было въ прошедшее время, но и нынѣшнее состояніе можно назвать блистательнымъ. Науки о природѣ, далекія отъ шума и тревогъ политической жизни, составляютъ тихое убѣжище ума, жаждущаго вѣчной истины, насколько она высказывается въ непреложныхъ законахъ, какимъ подчинены явленія внѣшняго міра. Біо недавно говорилъ, что ученый, преданный изученію законовъ природы, также далекъ отъ всего окружающаго, какъ будто-бы жилъ на Юпитерѣ или Сатурнѣ. И дѣйствительно, ученая жизнь составляетъ здѣсь замкнутый кругъ,—это пристань, прибѣжище отъ бурь и штиля политической жизни. «Вы, говорилъ о насъ, Русскихъ, одинъ молодой здѣшній ученый, народъ молодой. Предъ вами уроки исторіи; вы знаете, что̀ надо дѣлать. Мы идемъ напереди, не зная пути. Мы перестали уже и надѣяться». Утомленіе политическою жизнію — одно изъ выпуклыхъ явленій современной Франціи. Курсы приближаются къ концу, но я засталъ еще нѣсколько лекцій Реньо въ Collège de France, слушаю Дезена (Desains) въ Сорбоннѣ, Га-

варре (медицинскую физику) на факультетѣ медицины и другихъ. Курсы въ Сорбоннѣ вообще менѣе спеціальны, чѣмъ въ Collège de France. Преподаваніе въ Сорбоннѣ раздѣлено на факультеты: факультетъ наукъ, словесности, теологіи. Факультетъ медицины помѣщается въ Ecole de médecine, недалеко отъ Сорбонны. Преподаваніе въ Collège de France болѣе свободно; курсы, вмѣстѣ съ цѣлью объяснить уже добытыя наукою истины, имѣютъ въ виду двигать науку впередъ. Многія знаменитыя ученыя сочиненія, составившія новую ступень въ развитіи науки, представляютъ собою уроки, преподававшіеся въ Collège de France. Я былъ на лекціи Клода Бернара о нервной системѣ. Въ концѣ чтенія онъ задалъ нѣсколько вопросовъ, на которые еще не могъ дать отвѣта. Въ промежуткѣ между этой лекціею и слѣдующею должны были производиться опыты для разрѣшенія сказанныхъ вопросовъ; о результатахъ ихъ знаменитый физіологъ обѣщалъ въ слѣдующее чтеніе сообщить слушателямъ. Черезъ три дня по пріѣздѣ въ Парижъ, я въ первый разъ былъ въ Collège de France и слышалъ лекцію Реньо. Аудиторія устроена, какъ и всѣ здѣшнія аудиторіи, амфитеатромъ. Столъ, на которомъ стоятъ инструменты и предъ которымъ помѣщается профессоръ, отдѣленъ отъ мѣстъ слушателей рѣшеткою. Инструменты, рисунки, модели размѣщены на столѣ и вокругъ него. Внѣшность здѣшнихъ аудиторій не богата; деревянныя ступени амфитеатра, на которыхъ не слишкомъ мягко сидѣть, не отличаются чистотою, также какъ стѣны и полы. Наши аудиторіи съ паркетными полами, мягкими подушками для слушателей, кажутся роскошными въ-сравненіи съ Парижскими. Единственное украшеніе физической аудиторіи Collège de France, но какое прекрасное украшеніе,—бюсты Ампера и еще кого-то изъ великихъ ученыхъ, и имена знаменитыхъ физиковъ, начертанныя на стѣнѣ. Но ученыя удобства аудиторій огромны. Все приноровлено для преподаванія. Объ этомъ скажу нѣсколько словъ послѣ. Не безъ трепета я ждалъ появленія одного изъ знаменитыхъ физиковъ нашего времени. Слушателей у Реньо бываетъ немного, по спеціальности предмета. Я замѣтилъ четверыхъ только постоянныхъ. Кромѣ-того человѣка четыре, какъ любопытствующіе, смѣнялись всякую лекцію. Одинъ блузникъ на одной изъ лекцій съ великимъ вниманіемъ слѣдилъ за объясненіями Реньо, но повидимому ничего не понялъ и скрылся. Реньо, полусѣдой, съ длинными

волосами и добродушнѣйшимъ лицомъ, носитъ (какъ и всѣ здѣшніе профессоры) ленточку Почетнаго Легіона. Предметъ чтеній составляло двойное преломленіе. Лекціи Реньо, которыхъ я засталъ три, были чисто-математическія: развитіе идей Френеля объ этомъ предметѣ. При немъ были листы, содержавшіе въ себѣ математическіе выводы; нѣкоторые изъ этихъ листовъ, переписанные чисто, были, повидимому, составлены прежде; другіе, черновые, вѣроятно, были исписаны наканунѣ и содержали отчасти повтореніе старыхъ вычисленій, отчасти нѣсколько новыхъ выводовъ. Не стану, впрочемъ, распространяться объ ученой сторонѣ лекцій здѣшнихъ профессоровъ, такъ-какъ это было-бы интересно только немногимъ изъ вашихъ читателей. При Реньо постоянно находился его помощникъ Зильберманъ (извѣстный своими учеными изслѣдованіями). Я замѣтилъ, что Зильберманъ слѣдилъ внимательно за выводами Реньо и записывалъ нѣкоторыя изъ формулъ. Въ эти три лекціи, которыя я слышалъ, Реньо не дѣлалъ опытовъ. Превосходные опыты я видѣлъ на лекціи Дезена въ Сорбоннѣ. Дезенъ также читаетъ о явленіяхъ свѣта; читалъ при мнѣ о цвѣтныхъ кольцахъ диффракціи, а теперь о двойномъ преломленіи. Аудиторія устроена превосходно. Въ одно мгновеніе комната дѣлается темною, отверстіе въ ставнѣ пропускаетъ солнечный лучъ; но такъ-какъ солнце часто закрыто облаками, то для опытовъ въ большинствѣ случаевъ употребляется другой источникъ свѣта (при мнѣ солнечнымъ лучемъ можно было воспользоваться только одинъ разъ). Это электрическій свѣтъ отъ раскаленія угля вслѣдствіе электрическаго тока. Снарядъ Дюбоска доставляетъ равномѣрный и постоянный электрическій свѣтъ. Опыты производятся такъ, чтобы вся аудиторія могла въ одно время видѣть описываемое явленіе. Цвѣтныя кольца, темныя и свѣтлыя полосы диффракціи, свѣтлые кружки, образуемые поляризованными лучами, — все это при помощи стеколъ пролагается на бѣлую поверхность и рисуется на ней въ большомъ видѣ. Нѣкоторые изъ опытовъ Дезена новы и весьма остроумны. Наглядность необходима при изложеніи явленій видимаго міра. Все, что только можетъ служить для нагляднаго объясненія, соединено въ Парижскихъ лекціяхъ. Рисунки, модели, инструменты употребляются безпрерывно. Все показывается на опытѣ, даже до педантисма. Гаварре, выражая всѣмъ извѣстное явленіе, что отъ тепла тѣла изъ твердыхъ дѣлаются жидкими и

при охлажденіи опять переходятъ въ твердое состояніе, тотчасъ дѣлалъ опытъ, расплавивъ олово и охладивъ его потомъ. Замѣчательно увлеченіе, съ какимъ профессоры преподаютъ свои курсы. Видишь, что они одушевлены желаніемъ объяснить свой предметъ. Лекціи носятъ характеръ объясненій. Это импровизаціи, которыхъ содержаніе обдумано заранѣе, но которыхъ форма является въ минуту преподаванія. Главное достоинство—удивительная ясность и простота изложенія. Никто изъ профессоровъ опытныхъ наукъ не читаетъ здѣсь лекцій одинъ: при каждомъ постоянно находятся одинъ или нѣсколько помощниковъ. Ближайшіе помощники замѣняютъ профессора и нѣкоторыя части курса читаютъ за него. Этотъ способъ приготовленія будущихъ полныхъ профессоровъ простъ и приноситъ великую пользу. Лекціи химіи въ Сорбоннѣ въ настоящее время читаетъ за Дюма Сенъ-Клеръ-Девилль — молодой, блестящій преподаватель; Бертело, извѣстный химикъ, замѣняетъ по той-же каѳедрѣ Баляра въ Collège de France. Здѣшніе ученые съ величайшимъ радушіемъ принимаютъ всякаго, кто обратится къ нимъ во-имя науки. Мой молодой спутникъ, студентъ медицины, обратился къ одному изъ ученыхъ, занимающихся въ музеумѣ (Jargin des Plantes), съ вопросомъ. гдѣ-бы можно было взять нѣсколько приватныхъ уроковъ для опытовъ надъ животными. Г. Граціоле, таково имя ученаго, увидя, что имѣетъ дѣло съ иностранцемъ, не знающимъ никого въ Парижѣ, принялъ въ немъ чрезвычайное участіе, повелъ его къ другому ученому, который даромъ вызвался заниматься съ моимъ восхищеннымъ молодымъ пріятелемъ (требуя только, чтобы животныя были на его счетъ); далѣе онъ былъ представленъ самому Флурансу, директору музеума, непремѣнному секретарю академіи наукъ, который ласково позволилъ ему заниматься въ лабораторіяхъ музеума. Одна пружина замѣтнѣе всего въ дѣйствіяхъ здѣшнихъ ученыхъ. Это любовь къ наукѣ, пораждающая одушевленіе и безкорыстную преданность ея интересамъ. Много причинъ соединилось, чтобы породить и сохранить это одушевленіе, передающееся преемственно отъ одного поколѣнія ученыхъ къ другому. Наука родилась здѣсь не вчерашній день: она имѣетъ исторію, преданія. Этотъ кругъ ученыхъ, составляющій отдѣльный міръ, сложился вѣками; великіе ученые прошедшаго времени вложили въ его организмъ духъ, живущій доселѣ. Можно прослѣдить умственное

преемство отъ поколѣнія къ поколѣнію въ-теченіе по крайней мѣрѣ двухъ столѣтій. Ученый міръ здѣшній представляетъ собою живой организмъ, въ-теченіе вѣковъ растущій и развивающійся изъ себя. Гдѣ есть жизнь и одушевленіе, тамъ есть и сила, и любовь. Не знаю, какъ управляются здѣшніе ученые, при современной дороговизнѣ, своими матеріальными средствами, которыя очень незначительны. Впрочемъ, и образъ жизни ихъ очень скроменъ. Флурансъ, секретарь академіи, который управляетъ, съ званіемъ директора, обширнымъ и богатымъ заведеніемъ Jardin des Plantes, живетъ въ небольшихъ комнаткахъ, не имѣя для прислуги ни одного лица мужскаго пола. Но пора окончить мое посланіе. Въ-заключеніе разскажу вамъ содержаніе послѣдняго чтенія Флуранса, которымъ онъ окончилъ свой курсъ въ Collège de France, такъ-какъ это чтеніе имѣетъ общезанимательный характеръ. Курсъ Флуранса былъ популярный, назначавшійся для массы публики; оттого въ числѣ его слушателей было много дамъ. Онъ желалъ не только объяснить предметъ, но и представить его въ увлекательной формѣ. «Я хочу, началъ Флурансъ, доказать вамъ то, что вы всѣ желаете, чтобъ я доказалъ: именно, что нормальная продолжительность жизни человѣка сто лѣтъ, а при удобныхъ условіяхъ наше существованіе можетъ быть продолжено до 200 лѣтъ». Въ публикѣ обнаружилось нѣкоторое движеніе. «Я замѣчаю волненіе, которое произвели въ васъ мои слова; но сказанное мною не фраза, а чистая научная истина, какъ увидите сію минуту». Приведемъ кратко доказательства Флуранса. Жизнь всякаго животнаго, также какъ и человѣка, можно раздѣлить на два періода: періодъ зародышнаго существованія и періодъ взрослаго существованія. Первый періодъ (въ яйцѣ или въ утробѣ матери) имѣетъ строго-опредѣленную продолжительность во всякой породѣ животныхъ и находится въ нѣкоторой связи съ ихъ величиною. Нельзя допустить, чтобы продолжительность втораго періода была явленіемъ случайнымъ. Въ природѣ все подчинено строгимъ законамъ; подобнымъ-же законамъ должна быть подчинена и продолжительность существованія даннаго живаго существа. Дѣла въ томъ, чтобы отъискать въ жизни животнаго періодъ, который-бы находился въ-связи съ ея продолжительностію, и который-бы для всякой породы животныхъ заключался одинакое число разъ въ общей продолжительности жизни. Такой періодъ существуетъ; его

отношеніе къ общей продолжительности жизни представляетъ любопытный законъ природы. Всякое животное растетъ въ длину до опредѣленнаго возраста. Въ опредѣленный срокъ, различный у различныхъ породъ, животное перестаетъ рости. Это бываетъ, когда кости не увеличиваются болѣе въ длину и тѣло ихъ percтается съ головкою. Этотъ срокъ для лошади пять лѣтъ, для собаки—два года, для коровы — четыре, для слона — тридцать, для человѣка— двадцать лѣтъ. Если это число умножимъ на пять, то получимъ, какъ доказываютъ точныя наблюденія, общую продолжительность жизни животнаго. Такъ лошадь вообще живетъ 25 лѣтъ, т. е. 5×5; собака — 10, т. е. 2×5; корова — 20 т. е. 4×5; слонъ — 150, т. е. 30×5. Понятно, какое отсюда слѣдуетъ заключеніе. Человѣкъ растетъ до двадцати лѣтъ; двадцать, умноженное на пять, даетъ сто. Слѣдовательно, сто лѣтъ есть нормальная продолжительность жизни человѣка. Смерть ранѣе ста лѣтъ есть явленіе ненормальное, происходящее отъ неумѣнья пользоваться силами, данными природой, и которое можетъ быть отстранено. Какія-же средства, чтобы ввести нашу жизнь въ ея нормальные предѣлы? Флурансъ называетъ два — воздержность и трудъ. Приведя нѣсколько любопытныхъ примѣровъ долголѣтія, Флурансъ вспомнилъ о комъ-то изъ старыхъ профессоровъ (имя я не разслушалъ), который, когда уже не въ-силахъ былъ самъ читать лекціи, ходилъ слушать лекціи другихъ. Флурансъ напомнилъ слушателямъ, что они встрѣчали почтеннаго старца въ этой самой аудиторіи. «Я вижу, продолжалъ Флурансъ, здѣсь много молодыхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ будутъ, можетъ быть, извѣстными профессорами. Да позволено мнѣ будетъ придти на ихъ лекціи, когда уже я не въ-силахъ буду преподавать съ каѳедры. Вѣрно не одна рука протянется, чтобъ поддержать меня». Эти слова были покрыты рукоплесканіями, которыми также проводили Флуранса съ каѳедры при окончаніи лекцій.

Новое періодическое изданіе: «Свѣтопись, художественный журналъ». — Издатель этого журнала г. *Оже* публиковалъ слѣдующее объявленіе: «Свободныя художества, еще такъ недавно насажденныя въ нашемъ отечествѣ, нынѣ, можно сказать съ увѣренностію, достигли той степени развитія, которая была удѣломъ весьма немногихъ школъ. Галереи эрмитажная, академическая и многихъ частныхъ

лицъ хранятъ въ себѣ безцѣнные и многочисленные образцы нашихъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ области искусствъ. Произведенія нѣкоторыхъ художниковъ, стоящихъ во главѣ Руской школы, обезсмертили имена своихъ творцевъ. Кто не знаетъ именъ незабвенныхъ Кипренскаго, Воробьева, Угрюмова, Брюлова? Но весьма немногимъ извѣстны, не скажемъ всѣ, но многія изъ произведеній этихъ колоссовъ Русской живописи. Для многихъ, въ-особенности иногородныхъ почитателей художествъ, недоступны хранилища памятниковъ Русскаго искусства, исключительно сосредоточенныя въ столицахъ. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ познакомить публику съ этими драгоцѣнными памятниками служитъ постепенное обнародованіе ихъ, посредствомъ художественныхъ изданій, съ точнымъ и по возможности полнымъ описаніемъ. Эти изданія покажутъ соотечественникамъ все богатство, всю силу и мощь Русскаго генія въ области искусствъ; они откроютъ иностранцамъ, что и на Руси были и есть кодожники замѣчательные, достойные представители своей школы. Потребность подобныхъ изданій болѣе, чѣмъ когда-нибудь, ощущается въ настоящее время, при общемъ стремленіи всѣхъ сословій къ пріобрѣтенію полезныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знаній человѣческихъ, и при томъ всеобщемъ развитіи любознательности, которая такъ благодѣтельно характеризуетъ настоящую эпоху. Глубоко-убѣжденные въ необходимости такого рода изданій, вполнѣ увѣренные, что нашему убѣжденію сочувствуетъ и мнѣніе общественное, мы предположили себѣ цѣлію обнародовать все прекрасное и истинно-высокое въ отечествѣ нашемъ въ обширной области изящныхъ искусствъ. Цѣль трудная. Чтобъ достигнуть ея, по мѣрѣ средствъ и возможности, мы предприняли издавать «Свѣтопись» или фотографическій и хромолитографическій сборникъ замѣчательнѣйшихъ картинъ Императорской академіи художествъ, а также заграничныхъ и частныхъ галерей; снимки съ скульптурныхъ и архитектурныхъ произведеній, заслуживающихъ особеннаго вниманія; портреты прославившихся художниковъ и тѣхъ особъ, которыя содѣйствовали успѣхамъ изящныхъ искусствъ преимущественно въ Россіи. Изъ этого можно видѣть, что наше изданіе есть предпріятіе совершенно-новое, небывалое не только въ Россіи, но и въ Европѣ вообще; что основаніемъ ему послужитъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ изобрѣтеній нашего вѣка —

фотографія, и мы надѣемся, по мѣрѣ дальнѣйшихъ усовершенствованій въ фотографическомъ искусствѣ, вполнѣ достигнуть предположенной цѣли».

Журналъ «Свѣтопись» будетъ выходить съ начала 1858 года ежемѣсячными выпусками, содержащими въ себѣ, кромѣ снимковъ съ картинъ, отъ 2-хъ до 4-хъ листовъ текста. Въ составъ каждаго выпуска войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

I. *Отдѣлъ изящныхъ искусствъ* будетъ заключать въ себѣ три фотографическіе рисунка, а именно: портретъ одного изъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, преимущественно Русскихъ, съ краткою біографіею художника, и два снимка съ замѣчательнѣйшихъ картинъ Императорской академіи художествъ и иностранныхъ или отечественныхъ частныхъ галерей, а равно скульптурныхъ или архитектурныхъ произведеній съ приличными къ нимъ объясненіями. Сверхъ-того, при каждомъ нумерѣ будетъ приложенъ одинъ литографическій, и отъ времени до времени, хромолитографическій рисунокъ также съ пояснительнымъ текстомъ.

II. *Матеріалы для исторіи изящныхъ искусствъ*. Сюда войдутъ статьи, касающіяся исторіи живописи вообще, происхожденія различныхъ школъ, послѣдующаго ихъ развитія въ Европѣ, въ-особенности-же исторіи живописи и другихъ отраслей художествъ въ нашемъ отечествѣ, критическій обзоръ замѣчательныхъ произведеній по части изящныхъ искусствъ. Здѣсь-же найдутъ себѣ мѣсто обозрѣнія художественныхъ выставокъ, преимущественно Русскихъ, къ которымъ будутъ прилагаемы, по мѣрѣ надобности, отчетливо сдѣланные политипажи.

III. *Беллетристика*. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы статьи для легкаго чтенія, какъ-то: стихотворенія, повѣсти и романы, физіологическіе очерки, путешествія, очерки нравовъ и мѣстностей, описаніе костюмовъ различныхъ племенъ нашего отечества, характеристики художниковъ, сцены изъ ихъ быта и проч., также съ приложеніемъ, гдѣ нужно, политипажей.

IV. *Библіографія*. Здѣсь будутъ сообщаемы обзоры вновь поступившихъ въ продажу эстамповъ, бюстовъ, статуэтокъ, книгъ съ картинками и вышедшіе нумера періодическихъ иллюстрованныхъ изданій, а равно и разборы замѣчательныхъ произведеній художествъ.

V. *Смѣсь*. Сюда войдутъ всѣ мелкія художественныя новости,

какъ-то: извѣстія объ открытіи памятниковъ, освященія церквей, сооруженіи замѣчательныхъ зданій, объ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ въ технической части художествъ, о декораціяхъ при постановкѣ новыхъ пьесъ и проч.

Портреты и снимки будутъ сдѣланы на папкѣ; текстъ будетъ печататься на хорошей бѣлой бумагѣ, новымъ, четкимъ, но убористымъ шрифтомъ (*).

КОНЕЦЪ XCV ЧАСТИ.

(*) Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти нумеровъ, съ 36-ю фотографическими рисунками, съ 12-ю литографическими, между которыми будутъ и хромолитографіи съ тщательно-исполненными политипажами, 30 руб. серебр. безъ доставки на домъ и пересылки; за доставку на домъ прилагается 1 руб. 50 коп., а за пересылку въ другіе города—3 руб. серебр. Подписка принимается: *въ С. Петербургѣ*—въ редакціи журнала, въ Большой Морской, въ домѣ боронессы Вревской; въ газетной экспедиціи С. Петербургскаго почтамта и въ бумажномъ магазинѣ Кайдановой, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Католической церкви; *въ Москвѣ*—у книгопродавца Ивана Васильевича Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.



ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ПЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія правительства.

Министерскія распоряженія за май, іюнь и іюль 1857 года.

О книгѣ, одобренной для библіотекъ учебныхъ заведеній.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Словесность, науки и художества.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

а) Книги, изданныя въ Россіи:

b) Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Новости и смѣсь.

I. Новости по части наукъ естественныхъ.

II. Разныя извѣстія.

Прилагаются рисунки къ статьѣ: «О костяхъ запястья млекопитающихъ».

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1857 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства. — 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и художества. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогики, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общеполезныхъ знаній; путешествія ученыя или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда-же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академій и ученыхъ обществъ; разныхъ предтетовъ, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала: въ С. Петербургѣ — 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ — 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Прилагаются рисунки къ статьѣ: «О костяхъ запястья млекопитающихъ».